ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ОТКРЫТИЕ «БРАТЬЕВ-СЛАВЯН»

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА БАЛКАНАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 94(497)
ББК 63.3(0)52
О-83

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
проект № 14-01-00099

Рецензенты: д-р ист. наук *М. Ю. Мартынова*
д-р ист. наук *А. Л. Шемякин*

О-83 Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М. В. Белова — СПб., 2018. — 672 с.

ISBN 978-5-4469-1272-8

Являлось ли убеждение в «братстве» славянских народов простым результатом их исконного культурно-языкового единства, или оно стало продуктом преодоления совершенно иных моделей восприятия в эпоху «национального возрождения»? Представленные в сборнике свидетельства являются результатом непосредственных контактов русских дипломатов, военачальников и неофициальных лиц со славянским населением Балканского полуострова, местными культурными, религиозными и политическими деятелями. Эволюция способов описания балканских славян рассматривается в контексте социальной динамики, литературных и идейных тенденций, институциональных изменений в интеллектуальной жизни России, а также международных отношений первой половины XIX века. Сопоставление этих текстов обнаруживает сходства и различия в позициях дипломатов, ученых-славистов, общественных деятелей, путешественников-популяризаторов, имеющих общий культурный багаж. Они позволяют проанализировать процесс формирования стереотипных представлений о балканских славянах как «братских» народах России.

Более трети включенных в сборник материалов из ряда архивных хранилищ (РГВИА, НИОР РГБ, ОПИ ГИМ, ПФА РАН, ОР РНБ) ранее не публиковалось. Всем текстам, помещенным в книге, предпосланы статьи об их авторах, которые сосредоточены в основном на обстоятельствах предпринятых ими поездок и появления публикуемых свидетельств, а также даны комментарии. В заключительной статье, сопровождающей издание, проанализированы магистрали восприятия балканских славян в России на полувековом отрезке, который венчается законченной версией «братских» представлений.

В оформлении обложки использован панорамный вид Которской бухты из «Морского журнала» (1806) И.И. Кожина: НИОР РГБ. Ф. 344. Оп. 3. К. 443. № 34. Л. 12.

УДК 94(497)
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-4469-1272-8

© М. В. Белов, 2018

Предисловие

Горячие призывы к «славянскому братству» часто маркируют позицию почвеннической реакции и/или имперского реванша. В ином случае такая риторика станет основанием заподозрить собеседника в экзальтации, интеллектуальном аутизме... Но косвенным образом именно это свидетельствует о латентной сохранности формулы привилегированного этнического родства в современном речевом обиходе, поэтому порой она употребляется в сниженном контексте.

Метафора «братства» славянских народов, пережившая расцвет в России пореформенного периода, уже после разочарований результатами Великого восточного кризиса и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. покрылась коррозией сомнений[1] и иронии. Она испытала новый взлет перед Первой мировой и в начале войны. И снова крах имперских ожиданий унизил величественную идею, что обнаружилось в терминологической замене «братьев» на «братушек» и было, скорее, симптомом российской рефлексии, нежели чувством досады, обиды на славянских союзников, состоявшихся и несостоявшихся[2]. После 1917 г. в Советской России и затем в СССР утвердилась идеология «пролетарского интернационализма», в рамках которой мир мыслился преимущественно в классовых, а не в этнических категориях. Однако в ходе Второй мировой войны или вскоре после нее «славянская идея» была гальванизирована как причудливое дополнение к марксистской идеологии для обоснования «братского союза стран социализма» и его исторических, культурных, лингвистических основ[3].

Эта книга посвящена тому периоду, когда язык «славянского братства» только вырабатывался в узких сегментах публичной речи и еще оставался понятным немногим посвященным. В центре ее внимания находятся балканские путешествия первой половины XIX в., поскольку, по глубокому убеждению автора, сотворение представлений об эксклюзивном славянском родстве не могло быть чисто умозрительным предприятием и опиралось на неоднозначный, чаще всего, опыт живых контактов. Разумеется, рождение подобных представлений не стало исключительно продуктом балканских поездок, но они сыграли в их возникновении существенную роль.

Подводя предварительный итог своим пионерским исследованиям о балканских сюжетах в русской общественной мысли первой четверти XIX в., И. С. Достян в 1984 г. усомнилась в справедливости утверждения, что здесь, в России, «...идеи славянского единства и единения появились значительно

[1] См., например, знаковый заголовок книги известного слависта: *Кочубинский А. А.* Мы и они (1711–1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878.

[2] Раздражение вперемежку с недоумением обнаруживаются и в дискурсе современных русских националистов, клеймящих в интернет-пространстве «братушек-предателей».

[3] *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. Впрочем, переформатирование советской идеологии началось раньше: *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

позже, чем у малых и национально угнетенных народов. Они имелись и получили некоторое распространение... войдя в политическую программу целой тайной революционной организации («Общества соединенных славян». — *М. Б.*), хотя и небольшой по численности, а потому после поражения движения декабристов сделались известными достаточно широко»[1].

Гипотеза автора книги отличается от этой спрямленной и однонаправленной модели. Интуиции славянского единства, как, впрочем, указывала и сама Достян, имели изначально разных социальных агентов и обретали в их трактовке разный практический смысл. Долгое время подобные представления оставались периферийными и сталкивались со многими препятствиями, сочетаясь в палитре мнений с иными, «небратскими», хотя иной раз и сочувственными, формами отношения к балканским славянам. Укрепление и развитие «братских» представлений заняло всю первую половину XIX в., оно имело нелинейную динамику и стало следствием медленных изменений как внутри российского общества, так и на Балканах (и в других ареалах славянского мира), а также, порой, более стремительных перемен на европейской и мировой сцене.

Материалы путешествий, исследуемые в меняющемся и вариативном контексте (тех задач, которые ставил перед собой тот или иной путешественник, того опыта, который он имел и приобрел), позволяют проследить эту подвижную ткань восприятия других и себя в зеркале инославянской культуры, со временем все увереннее определяемой как родственная, «братская». В конечном счете этот путь привел и к более адекватному пониманию различий между мультиэтничной и бюрократической Российской империей с ее язвами крепостничества и балканскими славянами, освободившимися от турецкой зависимости[2].

Настоящая книга, конечно, не могла вобрать в себя *все* свидетельства русских авторов, официальных и неофициальных лиц, побывавших в землях балканских славян в указанный период. Уже накопленный предшественниками исследовательский опыт позволил определить наиболее значимые тексты, самые интенсивные и продуктивные временные отрезки, в которые они создавались. В частности, большое количество свидетельств, представленных в книге, относится ко времени Наполеоновских войн и хронологически совпавшего

[1] *Достян И. С.* Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.) // БИ. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 72.

[2] См.: Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., заключ. А. Л. Шемякина; коммент. А. А. Силкина, А. Л. Шемякин. СПб., 2006; Т. 2. Архивные свидетельства. М., 2014; О специфике обратной рецепции см.: Срби о Русији и русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија / приредио М. Јовановић. Београд, 2011. С. 12–42. См. также русскоязычные публикации М. Йованович: *Йованович М.* Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. — политика, традиция и перцепция // СА. 2011. М., 2012. С. 64–85; *Он же.* Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова. М., 2013. С. 12–28.

с ними Первого сербского восстания 1804–1813 гг., когда собственно сформировались новые модели восприятия балканских славян[1]. Они сохраняли, правда, все уменьшающееся значение до середины XIX в., трансформировались и уступали место новым формам. С другой стороны, последующая Русско-турецкая война 1828–1829 гг. породила поток мемуарной прозы, но, вопреки ожиданиям, не привела к достаточно тесному знакомству с болгарами, земли которых она частично затронула[2].

В ряде случаев преимущество отдавалось не публиковавшимся ранее архивным материалам. Однако если уже опубликованные тексты имеют превосходящую содержательную значимость, игнорировать их не представлялось возможным. Все-таки главными критериями отбора являлись выразительность той или иной тенденции в определенном свидетельстве, новации, привнесенные автором, или отклонение от господствующего восприятия и его литературной подачи. Крупные тексты даются во фрагментах, наиболее ярко отражающих их особенности.

Всем материалам, помещенным в книге, предпосланы статьи об их авторах, которые сосредоточены в основном на обстоятельствах предпринятых ими поездок и/или появления публикуемых свидетельств. В некоторых случаях, определяемых исследовательскими задачами (особенно если речь идет об архивном документе или малоизвестном авторе), эти вступительные статьи имеют расширенный объем; в других случаях часть наблюдений подобного рода перенесена в заключительную статью. Там проанализированы магистрали восприятия балканских славян в России на полувековом отрезке, который венчается законченной версией «братских» представлений. Фрагменты этого

[1] Значимость этого периода подчеркнута: *Достян И. С.* Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804–1813 гг. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 141–159. Он же отчасти предопределил фаворитизацию сербов и черногорцев в «балканском» сегменте русской общественной мысли первой трети XIX в. (правда, она уравновешивалась другой тенденцией — эллинофильством): *Достян И. С.* Српска тематица у русской публицистици прве трећине XIX века // Зборник Матице српске за историју. 1982. № 26. С. 7–30.

[2] *Достян И. С.* Русская публицистика и литература о южнославянских народах первой трети XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XМеждународный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации / отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1988. С. 52. (Подробнее о болгарах: *Она же.* Българите в руската литература и периодичен печат през първите десятилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 193–211); *Калиганов И. И.* Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и воспоминания о Болгарии и болгарах ее русских участников // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. Сб. статей. М., 2012. С. 32–49. Ср., однако: *Фролова М. М.* Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // Война, открывшая эпоху в истории Балкан: К 180-летию Адрианопольского мира. Сб. статей / отв. ред. А. В. Карасев. М., 2009. С. 74–102; *Она же.* Забалканский поход 1829 г. и «открытие» русскими Румелии (по воспоминаниям русских офицеров) // Studia Balkanica. К юбилею Р. П. Гришиной. Сб. статей. М., 2010. С. 36–57.

исследования, как правило, публиковались ранее в научных сборниках и журналах, но были переработаны для книжного издания. При составлении комментариев к представляемым текстам учитывались реалии новой информационной среды[1] и принцип разумной достаточности в пояснении тех или иных деталей, а предпочтение опять же отдавалось тем из них, которые важны для понимания взглядов того или иного автора на балканскую действительность.

Замысел книги и промежуточные результаты исследования интенсивно обсуждались с коллегами-славистами: А. Л. Шемякиным, А. А. Силкиным, Р. Н. Игнатьевым и Я. В. Вишняковым, которым я безмерно признателен за поддержку и вдохновение. Кроме того, в отдельных случаях при составлении комментариев я пользовался помощью наших сербских коллег и товарищей: Р. Й. Поповича, А. Б. Арсеньева, А. Ю. Тимофеева, Р. Бойовича, за что им так же искренне благодарен. Разумеется, все недостатки книги лежат на совести ее автора.

Рано ушедший из жизни профессор Белградского университета, доктор Мирослав Йованович, являлся соавтором и координатором (с сербской стороны) интернационального проекта изучения взаимовосприятий русских и сербов, частью которого в неформальном плане стала и эта книга.

Когда завершалась ее подготовка к печати, пришла печальная весть: ушел из жизни Андрей Леонидович Шемякин. Его светлой памяти посвящается издание.

[1] *Рейблат А. И.* Комментарий в эпоху Интернета (методологические аспекты) // Рейблат А. И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 166–176.

А. И. Тургенев. Письма родителям и К. Я. Булгакову

Александр Иванович Тургенев (1784–1846) — брат умершего юношей поэта Андрея, декабриста Николая и Сергея Тургеневых[1], публицист, историк, государственный деятель. Воспитывавшийся в Московском университетском благородном пансионе в то время, когда директором университета был его отец, Ал. И. Тургенев, вслед за братом Андреем, стал членом кружка учащихся (с 1801 г. — Дружеское литературное общество), где сблизился с В. А. Жуковским, братьями Кайсаровыми и другими молодыми литераторами[2]. В 1800 г., по окончании пансиона, он был зачислен на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, а в июле 1802 г. вместе с А. С. Кайсаровым выехал за границу. Лишь со временем определилось направление их занятий как студентов Геттингенского университета, где Тургенев слушал лекции А. Л. Шлёцера, А. Г. Л. Геерена, Г. Сарториуса, под влиянием которых сформировался как историк и археограф[3].

С подачи Шлецера, у которого Тургенев часто бывал дома, в поисках древностей весной 1804 г. друзья отправились в путешествие по славянским землям. В частности, они посетили Чехию, славянские области Венгрии и нанесли визит в Белград[4]. В 1825–1845 гг. Тургенев занимался архивными

[1] См.: *Шебунин А.* Братья Тургеневы и дворянское общество Александровской эпохи // Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 5–86. Об Ал. И. Тургеневе см.: *Сабуров А.* Александр Тургенев // Письма Александра Тургенева Булгаковым / под ред. И. П. Луппола. М., 1939. С. 3–25; *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // *Тургенев А. И.* Хроники русского. Дневники. М., 1964. С. 441–504; *Осповат А. Л.* Александр Тургенев и его поприще // Тургенев А. И. Политическая проза / сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Осповата. М., 1989. С. 5–12; *Рудницкая Е. Л.* Александр Иванович Тургенев // Российские либералы. Сб. статей / под ред. Б. С. Итенберга и В. В. Шелохаева. М., 2001. С. 15–52 (Перепеч.: *Она же.* Лики русской интеллигенции. М., 2004. С. 59–98.)

[2] Об этом круге см.: *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени [1958] // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 637–804. Гл. 1. Среди последних работ о Ан. И. Тургеневе и его друзьях см. сосредоточенные на изучении эмоционально-нравственных режимов (само)восприятия и их литературных матрицах статьи А. Л. Зорина и его итоговую монографию: *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

[3] См.: *Истрин В. М.* Русские студенты в Геттингене в 1802–1804 гг. // ЖМНП. 1910. № 7. Отд. 2. С. 80–144; *Тарасов Е.* Русские «геттингенцы» первой четверти XIX века и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 195–209; *Леман-Карли Г.* Взгляды геттингенских историков на российскую историю и проблема «древней» и «новой» истории России (А.-Л. Шлёцер, А. И. Тургенев, Н. М. Карамзин) // ЛИ. Вып. 2 / отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 1997. С. 49–53; *Андреев А. Ю.* А. Л. Шлецер и русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII — начале XIX в. // История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 136–157.

[4] Их маршрут: Лейпциг — Прага — Вена — Будапешт — Сремские Карловцы — Петроварадин — Загреб — Белград — Фиуме (Риека) — Венеция. См.: *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям // ЖМНП. 1912. № 9. С. 78–109. В Триесте путешественники встретились с сербским просветителем Досифеем Обрадовичем. См.: *Ягич В.* Источники для славянской филологии. Т. 2 // Сб. ОРЯС. Т. 62. СПб., 1897. С. 697. (А. С. Кайсаров — Л. Мушицкому, 30 марта (11 апреля) 1805 г.)

изысканиями по русской истории в хранилищах Западной Европы и регулярно публиковал корреспонденции о культурных событиях и встречах заграницей в русской периодической печати; его славистические интересы сдвинулись на периферию[1].

Карловиц в Сирмии[2]
Окт[ября] 5 / Сент[ября] 23.1804 г.

Милостивый государь батюшка!
Милостивая государыня матушка![3]

<...>[4] Митрополит славяно-сербского и валахийского народа, имеющий все права прежних патриархов здешних, глава народа своего[5], принял нас как детей своих; мы у него обедаем и ужинаем всякой день. Так как он слышал, что мы любим заниматься историей, то он сообщает нам все, что сам собрал, и дарит нас книгами, сколько позволяют ему критические его отношения к государю своему — он старается о просвещении утесненного своего народа; на свой щет завел и содержит школу и учителей, воспитательный дом и больницу, и всеми сими заведениями пользуются не одни единоверцы его, но и католики[6]. Между тем как до Иосифа[7] сербам греческого исповедания и в государских училищах не позволялось учиться более как до синтаксического класса. Как он хорошо и нецеремонно обходится с подчиненным ему духовенством, которое от него более зависит, нежели от наших митрополитов русское духовенство! За то все почитают его отцом своим, и ему мало случалось иметь и выводить неблагодарных. Он тот самый, которому Шлецер посвятил вторую часть своего Нестора[1], чего никто лучше его не заслуживает, потому что он может назваться просветителем и покровителем своего народа и сам занимается славянской историей. В день тезоименитства Франца II[2] служил он сам в здешней главной церкви. Но сербских архиереев служение никогда не может быть так великолепно, как наше, потому что они ни пения, ни прислужников таких не имеют. Они поют точно таким же унылым гласом, как и греки. Во время облачения стоят за ним их собственные лакеи в немецком платье: да к тому же они и сами напудрены. Что бы сказал на сие Платон[3], есть ли б он увидел митрополита с напудренными волосами? —«Папежствуют!» Но несмотря на то, никто более внутренно не привязан к греческой церкви и канонам ее, потому что никто более, как здешние единоверцы наши, не терпели от католицкого духовенства, которое старалось не только сделать их, хотя бы то было и силою, униатами[4] — первый шаг к католицизму, но и гнало их так, что подданные греческого исповедания лишены были многих важных прав, коими католики в полной мере пользовались, и что греческие архиереи и по сю пору не уравнены в привилегиях с католическими, несмотря на терпимость Иосифа.

Здесь о Платоне все великого, следовательно, достойного мнения. В школах преподают учение по его богословии, читают проповеди его и вместе с северными немцами удивляются витийству их, особенно последней, говоренной на восшествие Ал[ександра] I. Митрополит имеет пресходной гравированный портрет его. Жаль, что у нас мало знают о положении здешнего сродного с нами народа и о единоверии нашем. Напротив того, мало и в России найдется таких людей, коим бы Россия была так известна, как здешнему митрополиту, и кто бы больше принимал в ней участие. И вообще, весь народ сербский греч[еского] исповедания любит русских, и для того мы везде приняты наигостеприимнейшим образом. Сперва присутствовал митрополит в Белграде;

[1] См., однако: *Гудков В.П.* К изучению русских связей Вука Караджича. Караджич и Александр Тургенев // Сербо-русские литературные и культурные связи XIV–XX вв. / отв. ред. Л.К. Гаврюшина. СПб., 2009. С. 148–161.

[2] Срем (Sirmia) — историческая область между нижним течением Савы и Дунаем, в то время часть Венгерского королевства в составе Габсбургской монархии. В Сремских Карловцах располагалась резиденция православного митрополита.

[3] Отец — Иван Петрович (1752–1807) — участник масонского кружка Н.И. Новикова, отправленный в ссылку в 1792 г., позднее был связан с литературным кругом Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева. Мать — Екатерина Семёновна (урожденная Качалова, ум. в 1824 г.) — по наблюдению А.Н. Шебунина, была женщиной малограмотной и придерживалась косных взглядов. См.: Декабрист Н.И. Тургенев. С. 357–358.

[4] Здесь и далее в письмах Ал. И. Тургенева родителям выпущены зачины и концовки, посвященные обсуждению семейно-бытовых вопросов.

[5] Карловацкий митрополит Стефан Стратимирович (1790–1836), деятель национального возрождения. См. о нем и круге его сторонников, например: *Петровић Т.* «Карловачки круг» Стефана Стратимировића // *Она же.* Из историје српске књижевности. Нови Сад, 1974. С. 7–24.

[6] Имеется в виду, прежде всего, Карловацкая гимназия, основанная в 1791 г.

[7] Иосиф II— император Священной Римской империи (с 1765 г.), соправитель Марии-Терезии и правитель Австрийской державы (1780–1790), проводник политики «просвещенного абсолютизма». В частности, он издал указ о веротерпимости (1781), в 60–80-е гг. была проведена и реформа образования, допускавшая использование местных языков на начальной ступени обучения. См., например: *Костић М.* Покушај Бечке владе око увођења народног језика и правописа у српске, хрватске и словеначке школе крајем 18. века // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1937. Књ. XVII. Св. 2. С. 253–267.

[1] Главный труд Шлецера по русскому летописанию (ч. 1–4 опубликованы в 1802–1804 гг., ч. 5 в 1808 г.). См. переписку Стратимировича со Шлецером: *Ягич В.* Указ. соч. С. 719–745.

[2] Последний император Священной Римской империи (1792–1806) и первый австрийский император (1804–1835).

[3] Митрополит Московский и Коломенский Платон (1787–1812; в миру — Пётр Георгиевич Левшин) являлся выдающимся проповедником, участником просветительского движения, лояльным масонскому кругу старшего Тургенева.

[4] Речь идет о Брестской унии (1596), предполагавшей подчинение православных приходов папскому престолу при сохранении обрядности; в результате сложилась греко-римская конфессия (униатская церковь). Ее распространение сильно беспокоило православное священство Габсбургской монархии.

но от беспрестанных беспокойств со стороны турков переменил он свое пребывание и перешел сюда, где большая часть жителей нашего исповедания. Главная церковь довольно хороша; а книги церковные получают все от нас.

<...>

Милостивый государь батюшка
Милостивая государыня матушка,

Вашим послушнейшим сыном
Александр Тургенев

Братьев скоро обниму в самом деле.

Карловиц. 1804. Окт[ября] 3/15

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

<...> Здесь живем мы между добрыми и просвещенными сербами. Каждый день, с утра до вечера, проводим мы у ученого митрополита и в его библиотеке. Еще ни разу не обедали дома. Ездим с ним в его виноградники, и я в первый раз увидел здесь собирание винограда. Сирмия есть одна из плодоноснейших стран в Европе и богата не только одними винами, но и всем. Окружности здешние все покрыты виноградом, и сирмское вино добротою превосходит все венгерские вины, кроме Токайского. Но то, которое растет и выделывают у митрополита, и ему не уступает. Он не продает его, а рассылает только по знатным особам. Я видел все приготовление разных сортов вина. Одно достается только из сухого переспелого винограда и от того получает всю сладость Токайского; другое гонится чрез разные коренья и похоже несколько на наше полынное. Митрополит хотел подарить мне для вас бочонок вина; но что мне с ним теперь делать? Здешнее вино не может долго стоять и через семь или восемь лет начинает уже портиться. Удивительно, что один и тот же виноград на другом месте дает совершенно другое вино, и Токайское вино нигде не может расти, как только на сей маленькой горе, недалеко от города Токая. Как ни старались его и к нам в Астрахань пересадить, но не могли ничего подобного здешнему добиться. Почти единственный промысел мужиков и мещан здешних есть продажа вина, и от худого или доброго года зависят их доходы; но часто также и от казенного приставника, которой собирает с них десятую долю всех полевых плодов. Без него, или прежде нежели он не осмотрит и не освидетельствует всего винограда, не смеет мужик собирать его, и, следовательно, естьли он или из злости, или по нерадению опоздает приехать для осмотру, то мужик пропустит время, настанет дурная погода, и он часто и половины не получит из того, что бы он без сего ущерба получить мог. Так и со всяким хлебом. С одной стороны, собирание не деньгами, которых часто мужик достать не может и для того должен продавать свой хлеб за дешевую цену, а натуральными продуктам,

выгодно; с другой же — вредно. Да и десятую долю платить одному государю слишком тяжело, потому что, сверх того, он должен уделить некоторую часть на своего священника. И при всем этом, венгерской мужик[1] должен давать еще за бездельную цену лошадей для экстраординарной почты, чего не всякой имеет право требовать, а только тот, кто в государевой службе или едет по даной от правительства коммисии[2]. Этот последний пункт очень тягостен для мужиков, особливо естли он случается во время полевой работы.

Часто разговариваем мы с митрополитом о нашем духовенстве и сравниваем его с здешним. Так как греческая церковь здесь не владычествующая, а только (и то едва) терпимая и даже гонимая, то и нельзя требовать такого велелепия[3] в храмах здешних, какое видно в наших. Деревенские же священники, для коих только со времен теперешнего митрополита им самим заведены школы[4], также должны во многом уступать нашим, особливо Московской епархии, где так давно уже развевает дух Платона. Непростительно, однако ж, нечистота, которую мы приметили во всех деревенских церквах, и небрежение, с коим они обходятся со священными вещами. Вы увидите здесь на престоле то, что русский священник и на жертвенник посовестился бы положить. Разумеется, что здесь в Карловце, где присутствует митрополит, несравненно лучше. Также перенимают они невольным, однако ж, образом кое-что у католиков, что весьма нейдет к нашей службе. Но в этом они не виноваты. Но всего хуже то, что здешние архиереи переняли, кажется, у греческих. Они берут (кроме митрополита) положенную от правительства цену за посвящение и повышение духовных [лиц]. Естьли же кому хочется получить приход другого священника, то он дает архиерею той епархии более денег и получает, а того отставляет архиерей с выдуманными и ложными причинами. И это случается часто. Приходы здешние весьма бедны, от того что для каждых ста домов определяется особый священник.

Митрополит рассказывал мне разговор с императором Иосифом II из России[5], о Платоне. Иосиф сказал: Il est plus philosophe que prêtre[6]; и когда митрополит стал ему говорить о его сочинениях, то он отвечал, что Платон не таков, каким он кажется в проповедях своих, разумея под сим вольный образ мыслей его.

[1] Здесь: все податное население Венгрии, включая православных сербов и влахов (румын).

[2] Так в тексте. Здесь: подорожная.

[3] Здесь: красота убранства.

[4] Это не совсем верно (см. примеч. к дневнику А. С. Кайсарова). Однако речь идет, скорее всего, об основанных С. Стратимировичем Карловацкой гимназии (1791/1792) и «клирикальном училиште» (1794). Пониженный статус учебного заведения для будущих священников (училище, а не семинария) был продиктован опасениями униатского влияния. См.: История Балкан. Век восемнадцатый / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2004. С. 322. (Автор раздела — А. Л. Шемякин.)

[5] Иосиф II посещал Россию дважды (под именем графа Фалькенштейна) в 1780 и в 1787 г.

[6] Он больше философ, чем священник (фр.).

Мы пробудем здесь еще дней пять и поедем осматривать так называемую Фружскую гору[1], в которой находится большая часть монастырей наших. Архимандриты их все нам знакомы и примут нас по-сербски.

<...>

Милостивый государь батюшка
Милостивая государыня матушка,

Вашим послушнейшим сыном
Александр Тургенев

Петерварадин, 15 Октяб[ря] / 27 Ноября[2]. 1804

Милостивый Государь Батюшка!
Милостивая Государыня Матушка!

<...> В ожидании письма из Вены, съездили мы, между тем, с одним Архимандритом, которого в товарищи дал нам митрополит, в так называемую Фружскую гору, где посетили находящиеся там монастыри Греч[еского] исповедания с их древностями; мы были в шести монастырях и приняты везде так, как бы только самому владыке надеяться можно было. Нас встречали и провожали с колокольным звоном, а угощали всем, что только имеют сии правительством, но не Богом забытые святилища. Монахи — везде монахи, с тою только разницею, что здешние не сами виноваты в том, что стоят на низкой степени просвещения, а соседи их, то есть турки, от которых они должны были всегда укрываться и терпеть самые наглые притеснения; с другой стороны — и то Римо-католическое государство, в коем они теперь находятся. При всем том теперешние начальники монастырские уже все почти напитаны духом просвещенного митрополита; и прежде сего еще имели они людей, которые бы и всякому народу честь принести могли. Славный Раич, написавший «Историю славянского народа» и множество других книг, из коих одну по кончине своей поручил он для напечатания нашей Петербургской академии наук, был архимандритом в одном из сих монастырей[3]. Наши монастыри не могут приносить такой общественной пользы, какую получает сербский народ от сих, потому что им держится еще несколько политическое существование сербов в Австрии, и без них давно бы народ сей был весь поуниатен; а со временем и все бы переселились в католиков, так как большая часть из них, прельщаемая выгодами и избавлением от притеснений, которые обещали им с переменою религии, уже сделала. Нельзя представить себе, чтобы в нынешнем просвещенном столетии царствовал еще такой свирепый фанатизм в сем забытом уголке Европы и чтобы после Иосифа II снова получили монахи католические такие привилегии, а противная им секта, то есть наша православная вера, была в таком гонении. Всеми средствами стараются поуниатить, и часто уже удавалось; особливо в тех глухих и мрачных сторонах Венгрии, как, напр[имер], между волохами[1], где придерживаются одних только наружностей греч[еской] церкви, что наблюдают также и униаты; на внутреннее же различие ее от римской, которое делает ее независимою от папы, и не смотрят. И по принятии Унии никто уже не вредит потом более греч[еской] церкви, как сии отступники, которых можно назвать по русской пословице: ни рыба ни мясо. Естлиб св. Иоанн жил в наше время, то бы он вместо Лаодикийской церкви поставил бы: «и Ангелу Униатския церкви напиши: вем твоя дела, яко ни студень еси ни тепл»[2]; а здешнему правительству давно бы пора для щастия двух миллионов изблевать его из уст своих. Но оно не так думает и вместо того ежегодно дает четырнадцать тысяч на распространение святой Унии и жестоко с теми обходится, кои полагают препятствия сему действию. Может быть, я слишком усердствую за веру свою; но чем полно сердце, то и говорится охотнее. Надо бы присоветовать Платону, чтоб он с своим красноречием грянул на униатов; эта секта вреднее и для нас раскольничьей. У здешнего митрополита отняты для сего все средства.

Путешествие наше по святым местам принесло нам и ту пользу, что мы нашли в монастырских библиотеках много древних славянских рукописей и грамот, жалованных русскими царями и императрицами, с коих мы, сколько можно было, взяли копии.

Мы были и в Землине[3] — город, стоящий на турецкой границе; а оттуда могли видеть Белград с его мечетями, где теперь царствует такой беспорядок, какой только в Турции быть может. Вы, я думаю, уже из газет знаете о возмущении угнетенных сербов, находящихся под турецким игом[4]. Лагерь их и вся небольшая армия, предводительствуемая их старшинами, все лето стояла под Белградом и держала его в осаде; теперь отступила она на зимние квартиры,

[1] Фрушка-Гора.

[2] Очевидная ошибка публикатора, правильно: октября. Петроварадин (Peterwardein) — австрийская крепость на Дунае, современный Нови Сад.

[3] Йован Раич (1726–1801) — автор «Истории разных славянских народов...» в 4 томах (опубл. в 1794–1795 гг., первый том на русском — в 1795 г.), архимандрит Ковильского монастыря. См. о его историческом труде: *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII— середина 30-х гг. XIX в.). СПб., 2007. С. 108–135.

[1] Имеются в виду влахи (романское население), сосредоточенное в Трансильвании.

[2] Измененная цит.: Откр. 3: 14–16. В русском Синодальном переводе: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

[3] Земун на правом берегу Дуная и левом берегу Савы, ныне часть сербской столицы.

[4] Речь идет о начавшемся в феврале 1804 г. восстании сербов Белградского пашалыка. Заметка «Московских ведомостей» от 7 сентября 1804 г. о повстанческой депутации в Россию, направленной из лагеря под Белградом, цит. в сб.: Москва — Сербия, Белград — Россия. Сб. документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 180–1878 гг. / ред. М. Йованович и др. Белград–М., 2011. С. 520. (Примеч. 9.) Там же републикованы фрагменты некоторых писем Тургенева и дневника Кайсарова (с. 85–93). В целом о восстании: *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография. Нижний Новгород, 1999.

и для того не могли мы видеть сих славяно-спартанцев, которые, к стыду христианских государств, уже целые четыре столетия мучимы турками. Русскому, которого и порода и религия с ними соединяют, нельзя видеть их состояния без внутреннего негодования. Теперь они, чая Бога, спасающего их от севера[1], еще кое-как держатся; но если промедлят подать им руку помощи, то скоро и следов сербских в Турции не останется; ибо турки, подстрекаемые, может быть, к тому же и греками[2], не один уже раз покушались перебить всех сербов мужеска пола и имеющих десятилетний возраст. Может быть, турки и не так злы были бы на сербов, если бы им не известно было, что сербы приносили важные услуги христианским державам во время их войны с Портою. И после всего этого за сербов никто не вступится! Да султан и сам не знает что делать с бунтующими своими пашами; он бы и рад сербам помочь, да своих же турков боится. Ах! Жаль, что нет на них ни Репнина[3], ни Булгакова[4]! Унялись бы и нехотя, если б первой двинулся на них с армиею, а второй с пером бы сидел в Царьграде! Но наговоря много политических новостей, мне мало уже остается места уверить вас в истинном душевном высокопочитании и в сыновней преданности, с коим честь имею быть вашим

Милостивый Государь Батюшка
Милостивая Государыня Матушка

покорнейшим сыном

Ал. Тургенев

Братьев скоро, очень скоро обниму уже в самом деле, так как и засвидетельствую почтение всем тем, к коим питает его душа моя.

Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году / под ред. В. М. Истрина. Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг., 1915. С. 45–53

[1] Вероятно, здесь в значении: от зла.

[2] Подозрения Тургенева к грекам были внушены, скорее всего, в общении со С. Стратимировичем и его кругом. См. его характеристику белградского митрополита: *Стратимировић С.* Личности у српском устанку од 1804 године // Српски књижевни гласник. Књ. XIX. Београд, 1907. С. 259–260.

[3] Николай Васильевич Репнин (1734–1801) — дипломат и полководец, один из архитекторов Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией (1774), исполнял обязанности главнокомандующего на заключительном этапе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

[4] Яков Иванович Булгаков (1743–1809) — отец приятелей Тургенева Константина и Александра Булгаковых, екатерининский посланник в Константинополе, который внес весомый вклад в присоединение Крымского ханства к России.

К. Я. Булгакову[1]

Карловиц. 1804. 14 окт[ября]

Еще письмо от тебя, милый и почтенный друг Константин Яковлевич! Я как предчувствовал, возвращаясь из Белграда, что получу письмо от тебя, и для того взбудил почтаря, который вместо одного доставил мне целых пять, адресованных уже в Москву из Геттингена. Как я, брат, благодарен тебе за то, что ты, несмотря на собственные дела твои, уделяешь и для нас время. Что было бы с моими письмами и со мною, естьлиб тебя не было в Вене? Теперь я спокойнее гораздо прежнего и этим обязан я твоему батюшке, которого я, право, не менее твоего почитаю. Какое участие принимает он не только в батюшке, но и во мне[2]. Да я сам буду скоро в Москве и, следовательно, у него. Ах, брат, естьлиб и ты успел настроить венские умы на твой лад. Кажется, это не так трудно, особливо естьли ветер будет попутный со стороны г. Разумовского[3]. То-то бы обрадовался я тебе в Москве. Потому что я все еще не думаю, чтоб ты скорее моего отделался.

Семь дней проездили мы с одним архимандритом, которого митрополит дал нам в товарищи, по сербским монастырям во Фружской горе. Нас вся святая братия принимала прямо с словенским гостеприимством. Мы были в шести монастырях и потом проехали в Землин, ночевали там две ночи и съездили оттуда на <...>[4] Белград — ходили по городу, пили кофе в турецком трактире, и все это без позволения; потому что контумацной директор[5] не велел нас и на берег выпускать; но провожатый был немец, а чего не сделает немец за флоринты[6].

В Белграде и днем опасно ходить. Завладели им разбойники Керфалии[7], держат пашей под караулом и не выпустят их живых без того, чтобы не заплатили им 500 000 фл. на год. Их всех не более 1700 человек, но законной паша и того не имеет, и оттого этой разбойнической шайке, состоящей не из одних турок, но из побродяг различных наций, легко держать в узде весь город. Они

[1] Константин Яковлевич Булгаков (1782–1835) — бывший сослуживец Ал. И. Тургенева по Московскому архиву Коллегии иностранных дел, с 1802 г. проходил службу при русском посольстве в Вене, затем на других дипломатических и государственных постах, почт-директор Москвы (с 1816 г.) и Санкт-Петербурга (с 1819-го).

[2] Я. И. Булгаков, находящийся в это время в отставке, как явствует из слов автора письма, был близок семье Тургеневых.

[3] Посол в Вене Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836), начальник К. Я. Булгакова.

[4] Нижний край письма попорчен сыростью и отгнил. (Примеч. первого публикатора.)

[5] Contumacia (лат.) — упорство, упрямство, строптивость, непокорность. Здесь, по-видимому, в значении: неприклонный. Речь идет о начальнике карантинной службы.

[6] Флорин (гульден) — австрийская золотая монета, 1/2 конвенционного талера.

[7] Имеются в виду кирджалии — турецкие наемники, которым в то время принадлежал Белград; им покровительствовал видинский аян Пазванд-оглу, а предводительствовал Кусанджали-Халил.

призваны были сербами для убиения четырех деев; убили их[1] и, не получая ничего от сербов, принялись за пашей белградских, которых теперь трое и все смотрят в разные стороны. Бедные сербы, предводительствуемые разбойниками и отцеубийцами, каков Черный Георг[2], отступили теперь на зимние квартиры и, чая Бога, спасающего их от севера, — находятся покуда в величайшей опасности, потому что, естьли султану угодно будет, в один день и следов их не остан[ется][3]. Их никогда не собиралось более 7000, а по большей части бывало по три, по четыре тысячи[4]. Начальники их для них хуже, нежели сами турки; грабят их, отнимают жен и деньги и сверх того еще в случае опасности хотят оставить их на произвол судьбы, а сами дать тягу в Германию.

Мы со многими говорили, так как и с самим греческим митрополитом в Белграде, который как грек, кажется, никогда не может быть истинным другом сербам, хотя на словах показывал великое участие в судьбе их[5]. Предшественника его турки удавили[6], а он еще держится, и это самое худая уже для него рекомендация.

В городе все идет вверх тармашки. Разбойники Керфалии ходят и днем и ночью вооруженные, и жители окружностей только что оттерпливайся. Мы сами видели одного серба, которому ни за что, ни про что порубили руку, а голову он унес с собою, а то бы и ей досталось. Вот тебе куча новостей, которые тебе сказаны для того, чтоб ты принял участие в бедных сербах. Говорят, что они просили графа, чтоб он представил о них царю русскому, единокровному и единоверному, который к тому же в трех трактатах гарантировал их[7]. Стыдно

[1] Ошибка, правильно: дахиев. 4 янычарских начальника захватили власть в Белградском пашалыке в 1801 г. В конце июня 1804 г. посланник Порты Бечир-паша договорился с Кусанджали-Халилом, прежним союзником янычар о его переходе на сторону законной власти с обещанием звания двухбунчужного паши в должности коменданта Белграда и вознаграждения в сумме 270 тыс. пиастров, которое обязывались собрать сербы. Кусанджали-Халил обманом вынудил дахиев бежать, они были пойманы отрядом Миленко Стойковича, а их головы доставлены в Белград в конце июля. См. подробнее: *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительного движения). М., 1990. С. 104–107.

[2] Речь идет о предводителе Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Георгии Петровиче Черном (Карагеоргии). Одна из версий отцеубийства представлена во фрагменте книги Д. Н. Бантыш-Каменского, публикуемого ниже.

[3] Автор явно преувеличивает возможности центральной власти в борьбе с разными формами сепаратизма, охватившего Османскую империю в это время.

[4] Сами повстанцы в письме Александру I от 15 июля 1804 г. оценивали свои силы в 25 000 чел. См.: *Грачев В.П.* Матия Ненадович и первая сербская депутация в Россию в 1804 году // Прота Матија Ненадовић и његово доба / уредник Р. Самарџић. Београд, 1985. С. 102.

[5] Белградский митрополит Леонтий Ламбрович (1801–1813). Подробнее о нем: *Радосављевић Н.* Шест портрета православних митрополита. Београд, 2009. С. 47–69.

[6] Митрополит Мефодий был задушен по приказу Хаджи Мустафы-паши 26 января 1801 г., а спустя небольшое время и сам он был убит янычарами.

[7] Сербы обратились 3 мая1804 г. к посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому и затем, как уже упоминалось, к царю. Граф Разумовский выступал посредником.

будет, естьли кровь наших черепочков[1] прольется ни за что, ни про что. Прости, брат, и извини, что наговорил много <...> Зав. <...> в Петервардайн, где <...> два дня поедем на Эссен[2], Аграм[3], Карлсбад[4], Фиюме[5], в Триест — и Венецию[6].

Вечно твой *Тургенев*

Из Петервардайна будем писать, остерегаясь, однако же говорить о газетных новостях.

<...>[7]

Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 42–44

[1] Условное словечко, которым Тургенев пользуется для обозначения славян, чтобы подчеркнуть «антикварный» поначалу интерес к ним.

[2] Вероятно, ошибка публикатора: Эссек (Осиек, Хорватия).

[3] Загреб (Хорватия).

[4] Карловы Вары (Чехия).

[5] Фиуме — современная Риека (Хорватия).

[6] Нижний край письма попорчен сыростью и отгнил. (Примеч. первого публикатора.)

[7] Опущена приписка от 22 октября (4 ноября) о рецидиве болезни у Кайсарова. Однако в конце ее весьма значимая фраза: «Я ревоцирую (беру назад (галлицизм). — *М. Б.*) все, что писал о Черном Георге».

А. С. Кайсаров. Поездка по фрушкогорским монастырям

Андрей Сергеевич Кайсаров (1782–1813) родился в семье ярославского помещика, воспитывался, как указывалось выше, в Московском университетском благородном пансионе, и в 13 лет поступил в университет, однако вскоре должен был покинуть его, перейдя, по повелению Павла I, на военную службу. Неудовлетворенной ею, он подал заявление об отставке в декабре 1801 г. В Дружеском литературном обществе, по мнению Ю. М. Лотмана, вместе с Ан. И. Тургеневым Кайсаров составлял направление, в деятельности которого «...отчетливо проступают черты, подготавливающие литературную программу декабризма»[1]. Это выразилось, в частности, в ранней разработке темы народности литературы и пафосе гражданского романтизма в духе «бурных гениев» (Ф. Шиллера).

Ранний этап подготовил созревание научных интересов Кайсарова, определившихся во время обучения в Геттингенском университете: поиск основы народной культуры в славянском фольклоре, этнографии, лингвистике; изучение политической экономии и хозяйственных практик, вылившееся в докторской диссертации «О необходимости освобождения крепостных в России» (1806, Геттинген; на латинском языке). Оба эти увлечения проявились во время славянского путешествия в 1804 г., которое оказалось непростым для Кайсарова, пережившего в поездке «шесть лихорадок»[2].

После защиты диссертации доктор философии Кайсаров продолжил свою европейскую одиссею в Дании, Англии и во Франции, в 1808 г. возвратился в России, а в 1810-м был избран профессором Дерптского университета[3]. Результатом изучения славянских древностей стала книга «Versuch einer Slavischen Mythologie» (Геттинген, 1804; рус. пер.: 1807 и 1810)[4]. В геттингенский период с подачи Шлёцера сложился и другой, не реализованный до конца замысел — «Сравнительного словаря славянских наречий». Еще в 1805 г. Кайсаров составил программное введение к этому труду[1]. Во время войны 1812 г. Кайсаров служил в походной типографии — агитационном центре армии — возможно, именно он выступил инициатором ее создания[2]. В начале 1813 г. Кайсаров вступил в диверсионную «партию» под командованием своего брата Паисия, служившего дежурным генералом в штабе главнокомандующего, и погиб 14 мая в бою, предположительно под Гейнау.

[1] *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров... С. 654. Исследования А. Л. Зорина корректируют этот вывод в отношении Ан. И. Тургенева, однако работа Лотмана сохраняет значение как лучшая научная биография Кайсарова. См. также беллетризированную биографию: *Баженова А. И.* А. С. Кайсаров — забытый герой раннепушкинской эпохи. Саратов, 2004. Дополнительную библ. см.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 170. (Автор статьи — Ю. В. Стенник.) Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 440–441 (Автор статьи — Ю. М. Лотман.) Ю. В. Стенник ошибочно приписывает Кайсарову и Тургеневу встречу с В. С. Караджичем в 1804 г.

[2] Они задокументированы в письмах Ал. И. Тургенева К. Я. Булгакову. См. биографическую справку к предыдущей публикации.

[3] Нетипичная карьера для дворянского отпрыска того времени. Предшественник Кайсарова из дворян в профессорском звании был один — Г. А. Глинка.

[4] По оценке Лотмана, хотя эта брошюра не оказала заметного влияния на историографию, ее заслуга — в указании на фольклор как источник по изучению славянских древностей (с. 768). В 90-х гг. на волне неомифологизации работа Кайсарова была переиздана под одной обложкой с «Влесовой книгой»: Мифы древних славян / сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов, 1993.

7 октября старого стиля. 1804

Вчера поехали мы из Карловца в монастырь Раковац[3]. Здесь принял нас архимандрит весьма ласково. Здесь обедали мы и ночевали. После обеда ходили в одну пещеру, где еще за 55 или 60 лет жил один пустынник Раковацкого монастыря. В каменном утесе высек он себе маленькую церковь длиною в 4, а шириною в 1½ шага. Подле сей церкви имел он свою келью, погреб и виноградник. В церкви и на стенах ее записывают любопытные странники свои имена; их так здесь много было, что я насилу мог найти место и для своего имени. В сербских монастырях первый завел общежительное житие архиепископ Павел Ненадович[4] не более как за 50 лет. Прежде всякий постригающийся в монахи получал от монастыря некоторую часть земли, которую он обрабатывал и из нее кормился. По праздникам сходились они все вместе в монастырь к обедне и там приносили всякий для себя обед.

Здешний монастырь не имеет ограды, лежит между высокими горами и имеет так, как всякий сербский монастырь, при себе небольшую деревню. Деревни эти бывают от 40 до 60 домов. Жители их платят десятину и обязаны исправлять некоторую работу для монастыря. Все жители сих деревень — сербы, и нашего благочестия. Это немалая выгода! Есть еще хотя несколько деревень сербских, которые принадлежат сербам. Монастыри наши дают всем приходящим убежище и пищу. Таубе врет, что добродетель монахов есть даже суеверие, когда они и разбойникам дают пищу[5]. «Да как бы их и не кормить!» — сказал мне добрый

[1] Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» / вступ. ст. и публ. М. Ю. Лотмана // Учен. записки Тартус. гос. ун-та. 1958. Вып. 65. С. 191–203.

[2] *Лотман Ю. М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962. С. 215–232; *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967 (по указат.); *Березкина С. В.* А. С. Кайсаров и В. А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // Русская литература. 1986. № 1. С. 138–147.

[3] Монастырь XVI века.

[4] Карловацкий митрополит (1749–1768), укрепивший позиции митрополии в борьбе с униатством, на ниве просвещения и в сфере управления.

[5] Имеется в виду сочинение австрийского чиновника: *Taube F. W.* Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und Herzogthumes Syrmien. Leipzig, 1777–1778. Bd. 1–3. См. о нем: *Костяшов Ю. В.* Сербы в королевстве Венгрии глазами иностранцев // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 14. Ставрополь, 2013. С. 23–30.

раковацкий архимандрит Болич: «Ежели не хочешь, чтобы они сожгли монастырь, то надобно давать им пить и есть. За пять лет пред сим (продолжал он) приходили сюда несколько разбойников и требовали есть; братия, запершись, подала им из окон все нужное; они расположились посреди деревни ужинать, всякий из них посадил подле себя по мужику из нашей деревни, чтобы тем воспрепятствовать им сделать тревогу. После своего пира они отошли от монастыря, оставили нас в покое, но ограбили в соседней деревне тамошнего судью».

В день Козмы и Дамиана, которым монастырь сей празднует как своим покровителям, раздается здесь более 1500 хлебов приходящим сюда посетителям; сверх того, всякий из них получает или вино, или водку.

Здешний монастырь получает около 1000 оковов вина в год (оков по 2½ ведра[1]), 300 оставляют они для себя, а прочее продают. Мне полюбилось то, что монастыри друг другу помогают. Здесь нашли мы одного монаха из монастыря Крушедола[2]; в их виноградах было мало очень гроздия[3] в нынешнее лето, так что они не получили почти ничего вина; он приехал сюда просить помощи — и братство дало его монастырю несколько оковов вина. Отсюда поедет он по другим монастырям и нигде не надеется получить отказа. У кого же им и просить здесь, как не у своих? Они здесь сиры, католики смотрят на них как на еретиков. Здешние монахи не имеют праздного времени, всякий день каждый из них имеет какое-нибудь препоручение от архимандрита — или идти в поле посмотреть за работниками, или в монастыре; они получают одежду и обувь от монастыря. Возвращаясь из пещеры, полдничали мы у одного поселянина, который живет один с своим семейством между гор и жжет здесь известь (которую продает оков по талеру). Он накормил нас каштанами с тех дерев, которые насадил пустынник его соседней пещеры, и которого сад и виноград нанимает он у монастыря. Прощаясь с ним, хотели мы ему заплатить, но он обиделся тем и не взял от нас ничего. «Вам еще далеко ехать, вам деньги надобны, а мы здесь останемся, да и мы же рады гостям из России одного языка и одной веры с нами». Вправду он был нам очень рад, спрашивал, далеко ли до России; я звал его к нам в гости; «Бог знает! — сказал он. — Чего не случится с человеком?» «А особливо греческого вероисповедания в Австрийских владениях», — думал я. Из его окна видна целая цепь Фрушских гор, вдали крепость Петерварадин и Новый Сад. Поутру должен он наслаждаться самыми приятными минутами, когда восходит солнце. Говоря с ним, как я завидую его комнате, едва не сказал я: «Но со всем тем я бы желал, чтоб ты был в России: там бы при восхождении и захождении солнца мог ты спокойно молиться Богу твоему, там бы не спросили тебя, на которое плечо кладешь ты прежде крест, лишь бы ты был добрый человек», — а сербы все добры. Он пожелал нам доброго пути, мы ему мирной жизни — мирной, ежели она сербу в Венгрии возможна. Я пожелал ему, чтоб разбойники никогда его не беспокоили. За девять лет ограбили они несколько домов в его соседней деревне, а у него не были.

[1] Оков (кадь) применялась в России для измерения зерна. Ведро — русская дометрическая единица измерения объема жидкостей, равная 12,299 л.

[2] Фрушкогорский монастырь XVI в.

[3] Здесь: плодов (сербизм).

Сегодня ездили мы в другой монастырь — Беочин[1], и здесь приняли нас очень ласково, и этот монастырь стоит на прекрасном месте между гор. Услышав, что мы русские, все монахи пришли с веселыми лицами в монастырскую залу смотреть нас. Они показали нам все, что у них есть, свою церковь, свои церковные утвари, винные погреба и проч. и проводили нас из монастыря с колокольным звоном.

Возвратясь в Раковац, показывал нам архимандрит грамоты венгерских и турецких государей, его монастырю данные. Ни один римский император[2] не дал ничего нашим монастырям, и то почитают за великую милость, что они оставили их в прежних их владениях, разумеется — не во всех тех, которые имели они при своих деспотах[3]. Мы обедали сегодня и вчера вместе со всею братиею (которых здесь 8 человек) при чтении жития святых; потом архимандрит проводил нас до Карловца.

Архимандрит Петрович[4] сказывал, что Черный Георгий, предводитель сербов в Турции, сказал ему, что если ему не удастся ничего сделать в пользу своих сограждан, то он решится кончить жизнь свою в Дунае. Не дай Бог ни того ни другого!

В начале царствования Иосифа II сербы в Бачком комитате в месте Тетерин, видя, что католики в их месте усиливаются, и доставшись католицкому господину в владение, решили оставить свои домы и перешли все в военные округи[5]. Таково им жить с католиками! Архиепископу и епископам нашим, когда они просили о назначении мест им в диете[6], на просьбе их надписано: места гг. епископам следуют; но где? между католицкими епископами сидеть они не могут, ибо они не католики; между баронами и подавно не могут, ибо они не имеют недвижимых имений.

8 октября. Сегодня поутру поехали мы из Карловца с раковацким архимандритом Боличем по монастырям. Обедали в монастыре *Ремета*[7], где нас угостили и отпустили с колокольным звоном. Потом были мы в монастыре

[1] Фрушкогорский монастырь XVI в.

[2] Имеются в виду Габсбурги, императоры Священной Римской империи.

[3] Деспотовина — последний период существования средневековой сербской государственности. Титул деспота был дарован Стефану Лазаревичу Византией в начале XV в., после временного ослабления турок в борьбе с Тамерланом. Будучи зависимой от попеременно усиливавшихся соседей, деспотовина просуществовала до взятия турками Смедерева в 1459 г., хотя попытки ее восстановления продолжались до начала следующего столетия.

[4] Вероятно, Гедеон Петрович, речь о котором идет ниже.

[5] То есть на Военную границу, особую административную единицу в Габсбургской монархии с элементами автономии.

[6] Здесь: сословное собрание Венгерского королевства.

[7] На Фрушка-Горе два монастыря: Велика и Мала Ремета (оба XVI в.).

Гергетеке[1], где веселый Путник[2] архимандритом, с которым мы познакомились в Карловце у митрополита. Теперь ночуем мы в монастыре *Хопово*[3]. Монастырь Ремета построен более нежели за 600 лет. Он имеет много турецких грамот и римских императоров, имеет много вина очень хорошего. Мы обедали вместе с братиею. Гергетек основан не более как за 50 лет или еще и менее[4]. Сперва тут был дом митрополита карловацкого, но так как народ требовал, чтоб тут был возобновлен монастырь (прежде, за несколько сот лет, был тут монастырь), то правительство отдало новоучрежденному монастырю две деревни, принадлежавшие митрополиту, а в вознаграждение за то митрополит получает от правительства ежегодно 5000 гульденов. Сей монастырь построен по новому вкусу, не так, как прочие, как, например, Раковац, где церковь сохранила еще древнюю живопись, которая, может быть, ровесница живописи нашего Спаса на Бору[5]. Путник убрал свои комнаты и братскую трапезу очень хорошо. С горы, на которой стоит монастырь, видели мы Сербию и Боснию; в хорошую погоду можно видеть и Белград. Это один только монастырь, который имеет две деревни; прочие или не имеют ничего, или имеют несколько дворов. Монастырские деревни получили свое начало от монастырских служителей, которые строили себе подле обители домы и потом мало-помалу размножались.

Хопово не имеет ни одного принадлежащего ему двора, но имеет хорошие виноградy. И здешний игумен принял нас очень ласково, мы ужинали среди престарелой братии, что здесь весьма редко; до сих пор видели мы только молодых монахов. Один из наших собеседников имел около 90 лет; голова его и борода были белы как снег; он стал нам рассказывать о давних приключениях сербских, я бы подумал, что он говорит нам повести веков протекших, которых он был современником, ежели бы он рассказывал о славе рода сербского; но он повествовал нам их несчастия. Сербы имеют пословицу: «Когда прейдешь преко Саву, думай за свою главу»[6], — то есть вышедши из дома, не можешь ты быть уверен, останется ли голова твоя на плечах. Здешняя церковь построена за 224 года, а келии, вероятно, гораздо еще прежде. Здесь лежат мощи Федора Стратилата или Тирона[7], которые один бездельник, получивший здесь пристанище, живший более года и называвшийся русским, за год пред сим обокрал; но, к счастью, его скоро поймали, и вещи возвращены монастырю. Тот старец, о котором я теперь говорил, есть один монах во всей Фрушской горе, который ест рыбу; все прочие едят мясо. Ежели когда наряжается комиссия для исследования какого-нибудь

[1] Монастырь XV в.

[2] Иосиф Путник (1777–1830) — представитель генерации высокообразованного священства из «карловацкого круга» С. Стратимировича.

[3] На Фрушка-Горе два монастыря: Старо и Ново Хопово (оба XV в.).

[4] Речь идет, скорее, о перестройке монастыря в середине XVIII в.

[5] Собор московского Кремля (XIV или XVI в.), неоднократно перестраивался и был уничтожен в 1933 г.

[6] За (преко) реки Савы, правого притока Дуная, начинались владения Османской империи.

[7] Христианские великомученики начала IV в.

процесса, то сторона, проигравшая процесс, платит все издержки. Епископ, председатель обыкновенный таких комиссий, получает на день Diurnium[1] 3 червонца или 12 гульденов, архимандрит получает 1 червонец, то есть 4 гульдена.

В Хопове началась моровая язва 1794 года в июле месяце, а кончилась в 1795; продолжалась целый год. Во все время монастырь Хопово был заперт императорским комиссаром. Язва была в 6 местах. Подъезжая к монастырю, проезжали мы чрез место (Marthflexen) Иричи[2], подле него видели мы кладбище, нарочно для того устроенное и полное могил. Доктора, приехавшие из Вены и Будима[3], не узнали язвы, думали, что это другая болезнь; в язве чувствует человек жар и бредит, делает, сам не зная что. Один монах здесь сказывал мне, что он возвращался откуда-то и увидел человека зараженного, который в жару душил свое трехлетнее дитя; увидя монаха, кричал он ему: «Отче, благослови!» Монах не мог к нему подъехать, ибо он заразился бы и сам; отъехав несколько шагов, увидел он, что сей несчастный бросился вместе с ребенком в реку и скоро потонул. Язва обнаруживается или на руке, или под мышкою, или пониже брюха черным пятном, и кто такое пятно имеет, не проживет более 24 часов. Видно, язва страшна, что сербы не желают ее и туркам иметь.

9 октября. Мы обедали и слушали обедню в монастыре Верник[4]. Здешний игумен так же, как и прочие, угостил нас и принял ласково. Здесь лежит св. великий князь Лазарь, последний Сербии князь, которому султан Амурат, по одержанной над сербами победою, велел отрубить голову[5]. Сие случилось во время сражения на Косовом поле (1389), которое для сербов то же, что для русских сражение при Калке, с тою только разницею, что сербы знают место, где пала их слава, а мы не знаем реки Калки и, кажется, старались забыть его, чтоб вместе забыть и наше уничижение. Сражение изображено в трапезе на стене. Сербы приходят сюда в монастырь, поклоняются телу св. Лазаря, горюют при изображении их последней погибели, иногда приходят в гнев и забываются до того, что страннические посохами своими бьют рисованных турок, так что игумен принужден бывает призывать живописца для поправки картины. В Духов день и в день св. Лазаря бывают обыкновенно сии посещения, и в это время бывает до 4000 посетителей. Тело св. Лазаря принесли с собою сербы из Турции во время царствования Леопольда II[6], когда они вышли оттуда. Здесь, в монастыре,

[1] Здесь: вознаграждение (лат.).

[2] Ириг — город и община в Среме (Воеводина).

[3] Буда — западная часть современного Будапешта.

[4] Вероятно, Врдник — монастырь XVI в.

[5] Мощи князя Лазаря Хребеляновича были перенесены из монастыря Раваница после Великого переселения конца XVII в. Поэтому другое название Врдника — Раваница на Фрушка-Горе. Легендарный рассказ о Косовской битве невольно искажен Кайсаровым, поскольку, скорее всего, сам султан Мурад (Амурат русских сказаний) погиб или был убит во время сражения. Его в ходе битвы сменил сын Баязид I. Впрочем, в одном из вариантов предания смерть Мурада искусственно растягивается, и он успевает отдать распоряжение о казни сербских героев во главе с князем Лазарем. См.: *Белов М. В.* У истоков... С. 479–511.

[6] Ошибка, правильно: при Леопольде I (1640–1705) — императоре Священной Римской империи и правителе Габсбургской монархии.

есть ризы, имп[ератрицей] Елисаветою сюда присланные; были и грамоты от Петра I, данные турецкому монастырю, в котором до сего находилось тело Лазаря, но теперь они возвращены тому монастырю. Есть и грамота тому монастырю, св. Лазарем данная. И отсюда проводили нас с колокольным звоном.

Мы ночуем в монастыре Крушедоле, где архимандритом Гедеон Петрович[1], и где дядя Павла Петровича, то есть отца Пахомия, монахом, такой же добрый и веселый, как его племянник. Здесь за трапезою пело нам братство многая лета!

10 октября. В Крушедоле видели мы одежды сербских древних князей, их шапка такой фигуры[2]. Видели грамоту Петра и Ивана Алексеевичев, сему монастырю данную. И потом поехали в Землин. В последнюю французскую войну[3] у монастырей наших взяли все золото и серебро в казну, оценили его — и теперь дают им по 3 процента — неубыточный заем!

Крушедол имеет также небольшой пернявор (так называются монастырские деревни). Мы обедали в военной деревне Голубинцы у капитана[4]. К его роте принадлежит 6000 слишком душ; греческого вероисповедания более, нежели других; есть и лютеране, то есть колонисты из Мекленбурга, 10 лет они были свободны от податей и работ, но ныне несут те же обязанности, как и другие. Граничный поселянин имеет следующие обязанности: платить с *Joch*, то есть 1600 сажен или 10 сажен в ширину и 200 в длину 26 крейцеров; должен обработать один *Joch* для государя, один день сам, а другой день с лошадью; всякую седьмую неделю идти в караул на границу и быть там неделю, на часах стоять по 2 часа; должен иметь на свой счет мундир; когда бывает война, то берут из 3-х один, а иногда из двух один; поселившись один раз в военном округе, не могут они его оставить; всякой из них, служащий и не служащий, должен иметь длинные волосы; если отец стар, то посылает вместо себя служить сына; семействам делиться запрещено, иногда бывает по 70 человек в одном доме. Естьли к селению принадлежит 6000 *Joch* земли, а народу в нем 600, то всякий получает по 10, и притом остаются. Но это невыгодно; в одном семействе умножится народ, в другом уменьшиться, последнее будет иметь пред первым выгоду, не имея на то права. Новые же землемерения случаются не скоро, например, последнее было за 20 лет пред сим. Ныне по новой системе измеряется земля, разделится на число душ и будет отдана в потомственное владение; тогда умножившееся семейство может купить от другого. Земля будет классифицирована, и смотря по доброте ее, будут платить подати; но это трудно. По сей же системе и офицеры должны платить с своих небольших садов государю подать. Офицер получает менее жалованья, нежели полевые. Он не имеет даже рационов, не имеет обывательских лошадей (Vorspann). Офицеры здесь всё: и военный

[1] Гедеон Петрович (1770–1832) — еще один представитель «карловацкого круга», поставленный Стратимировичем в Крушедольский монастырь за три года до визита Кайсарова и Тургенева.

[2] В тексте изображение: равносторонний треугольник с крестом на навершии.

[3] Вероятно, имеются в виду 1-я и 2-я антифранцузские коалиции (1791–1800).

[4] Чин Военной границы — особого административного образования в составе Монархии. Далее объясняется статус ее жителей — граничар.

начальник и судья гражданский. Солдатам предписана форма для мундиров за их деньги; предполагается, что их жены сами делают белое сукно, из которого должны быть мундиры, но это предполагается, а в самом деле они покупают его; в караул могут ходить и в серых кафтанах, но они должны быть сшиты наподобие мундиров и иметь отвороты своего полку. За все за это получает солдат в год 12 гульденов; а когда выходит на войну, имеет то же жалованье и тот же провиант, как и другие. Казна не только не терпит при сем ни малейшего убытка, но еще имеет и великую выгоду. Из податей славянских и сремских солдат она содержит и пограничных солдат в Кроации[1], где весьма мало земли. Солдат не плотит, так как все венгерские мужики, десятины. В деревнях весьма чисто, все они построены по плану, с обеих сторон улицы есть каналы, обсаженные деревьями. По большим дорогам насажены шелковичные деревья, но они не очень хорошо принимаются.

Сегодня приехали мы в Землин и остановились в трактире zum Wilden Mann. На другой день ходили к коменданту проситься в Белград, были и у директора карантинов, но оба нам отказали, а позволили только проехаться по Саве в лодке, дали нам немца капрала, немца пристава карантинного, немцев гребцов; а чего с немцами нельзя сделать посредством денег?

Мы были и в Белграде, пили кофе у одного капитана корабельного Али-Ага; официант, поднося нам кофе, протяжным голосом говорил «*джаба*», то есть«поклон!»или — «на здоровье!» Али-ага — весьма учтивый человек, пришел к нам с веселой миной, но, услышав, что мы русские, переменился в лице. Я выкурил там трубку табаку, простились с ним и пошли далее.

Иные турки, с которыми мы встречались и которым архимандрит наш и протопоп говорили: «поможе Бог, комчие» (то есть сосед), кланялись учтиво, а другие с зверским видом говорили: «Бог поможе, поп!» Керчали[2] или разбойники отлично одеваются, они владеют всем городом, повелевают пашам, и, как говорят, паша их в согласии с Чёрным Георгом. Несчастные сербы! У самых ворот встретило нас конское ристание; два босняка скакали на лошадях, бросали друг в друга деревянными копьями, чтоб казаться страшнее, скрипели зубами, но русского тем не испугаешь. В городе страшная нечистота, посреди улиц лежат съеденные лошади; собак столько я нигде не видел. Все строения, которые были австрийцами построены, теперь запущены и разорены. Во всю зиму сербы не впускали к ним дров — и они принуждены были сжечь все палисады и даже лафеты пушечные. В крепость нам не советовали идти даже сами турки. Мы послали к здешнему греческому митрополиту, который, вышед на берег, говорил с нами около часу.

Да воскреснет Бог — и расточатся врази его!

Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. С. 71–77

[1] В Хорватии.

[2] Кирджалии. См. примеч. к письму А. И. Тургенева К. Я. Булгакову.

С. А. Санковский. Донесения

Степан Андреевич Санковский (?–1818) — дипломат екатерининской закваски, участвовавший в подготовке Ясского мирного договора (1791), по замечанию И. С. Достян, был в начале века близок «молодым друзьям» Александра I[1]. В 1801–1805 гг. он находился на дипломатической службе в Италии и, в частности, являлся генеральным консулом в Генуе. Его назначение специальным представителем императора в Черногорию состоялось в январе 1805 г. и было связано с началом реализации «балканских планов» А. А. Чарторыйского в рамках подготовки третьей антинаполеоновской коалиции. Одновременно были учреждены ряд новых консульств России на территории Османской империи, задачами которых являлось противодействие французскому влиянию в регионе[2].

Одной из задач миссии Санковского было нивелирование негативного эффекта от действий предыдущего русского эмиссара в Черногории М. К. Ивелича (1740–1825) в связи с «делом аббата Дольчи»[3]. Впрочем, руководители внешней политики России не сочли необходимым отзывать из Черногории и Ивелича[4], который теперь должен был действовать сообща с Санковским и под его присмотром. Обеспокоенность австрийских властей вызвали в свою очередь заявления и действия которского консула Мазуревского, позволившие им сделать вывод, что Черногория может стать очагом для создания в будущем Славяно-сербского государства под эгидой России. Санковский же, как сказано в депеше фактического главы МИД А. А. Чарторыйского послу в Вене А. К. Разумовскому от 16 января 1805 г., «...дал доказательства осмотрительности и усердия и его персонал даст ему все надлежащие факты для выполнения поручения такого рода»[5]. Для передачи черногорцам ему была вручена грамота Александра I, удостоверяющая покровительство России, и три тысячи золотых дукатов, то есть субсидия за 1802–1804 гг. на «общественные нужды», учрежденная еще в конце предшествующего столетия. Помимо других задач, Санковский должен был информировать МИД о политическом устройстве Черногории: «Для нас очень важно, — указывал Чарторыйский в инструкции дипломату от 23 января 1805 г., — иметь точное и определенное представление о форме правительства, созданного митрополитом, числе судей, его составляющих; знать, является ли это правительство постоянным или временным, какова широта его власти и степень влияния этого прелата. Вы собираете об этом все свидетельства, которые сможете добыть, и уведомите нас также, принимает ли народ какое-либо участие в решениях, исходящих от правительства, и насколько существующее правительство обещает быть прочным. Может быть, чтобы его сделать таковым, нужно было бы основать постоянное управление и составить его, например, из 12 членов во главе с управителем, которым, по нашему мнению, было бы возможным ассигновать содержание, а именно: членам этого Правительствующего суда по 400 пиастров и управителю — 1000 пиастров. Вы постараетесь убедиться, насколько подобное устройство может быть по вкусу черногорцам и будет ли это средством сделать их приверженными интересам России»[1].

Специальный представитель Александра I прибыл в Черногорию в марте 1805 г. Сблизившись с митрополитом Петром I Петровичем-Негошем и местными старейшинами, он участвовал в урегулировании местных и пограничных конфликтов, для чего объехал все черногорские нахии. Зашифрованные донесения Санковского от 24 октября 1805 г. являются итогом его наблюдений и составляют целостный цикл, что позволило первому публикатору назвать их «описанием Черногории»[2]. Для настоящей публикации выбраны два из 5, публиковавшихся ранее документа (под номерами 44 и 49), а также начальный отрывок из донесения под номером 45, характеризующий личность митрополита. В остальном оно посвящено истории отношений черногорцев с Австрией и «делу Дольчи». Под номером 48 помещены документы, переданные Санковскому черногорцами[3], а номер 50 характеризует население соседних с Черногорией территорий.

[1] *Достян И. С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Вып. IV. Кишинев, 1974. С. 20–21; *Аншаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998. С. 103.

[2] *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976. С. 310. Ранее, в мае 1804 г., было учреждено консульство в Которе, куда МИД России направил А. О. Мазуревского, исполнявшего прежде (в 1797–1802 гг.) должность консула в Таврии. См. подробнее: *Распопович Р.* Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. СПб., 2009. Еще ранее Котор входил в сферу деятельности генерального консула в Дубровнике К. К. Фонтона, назначенного на этот пост в 1801 г.

[3] Этот наперсник владыки виделся опасным проводником французского влияния. Одним из вариантов действий был план по низложению черногорского митрополита Петра I Петровича-Негоша (1748–1830), который в конце концов отклонили: *Хитрова Н. И.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 307–325; *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 76–91; *Распопович Р.* Указ. соч. С. 65–106 и др.

[4] Отзыв Ивелича состоялся в августе 1805 г., но был отменен вскоре после Аустерлицкого сражения и Пресбургского мира. См.: *Грачев В. П.* Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003. С. 34–35.

[5] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1805. Д.11 510. Т. 1. Л. 31–42.

[1] Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1. № 35. С. 81–82; А. А. Чарторыйский — Петру I Петровичу-Негошу, 19 января 1805 г. Инструкция цит. по: *Достян И. С.* Проблема... С. 14–15. В инструкции предписывалось также «...сообщить о положении в соседних с Черногорией “провинциях”, населенных славянами, о влиянии, которым пользовался митрополит и проч.». См.: Црногорско-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица–М., 1992. С. 22.

[2] При дешифровке донесений в МИДе возникли искажения текста, наиболее грубые из которых были отмечены первым публикатором И. С. Достян. Кроме того, она исключила из текстов донесений некоторые негативные пассажи с характеристикой местных нравов: *Достян И. С.* Описание Черногории начала XIX века в донесениях С. А. Санковского // Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 1972. С. 291–336. Опущенные фрагменты были восстановленные при повторной публикации донесений Санковского в 1992 г.

[3] Первая публ.: *Достян И. С.* Проблема... С. 28–39.

В 1806–1807 гг. Санковский участвовал в организации отпора французской оккупации Котора и других городов Адриатического побережья, предпринятого черногорцами совместно с жителями Далмации при поддержке моряков русской средиземноморской экспедиции под командованием Д. Н. Сенявина[1]. Миссия Санковского закончилась после Тильзитского соглашения, согласно которому данные территории передавались Франции, а Россия отказывалась от дальнейших контактов с черногорцами[2]. До 1810 г. Санковский состоял на службе в русском посольстве в Париже, затем — в коллегии иностранных дел. На этом посту Санковский контактировал с бывшим вождем Первого сербского восстания Карагеоргием, прибывшим в Петербург в мае 1816 г. и, вероятно, участвовал в составлении его обращения к императору (А. П. Бажова назвала этот текст «донесение-отчет») от 4 июня того же года[3]. Последним эпизодом в служебной карьере Санковского стал пост градоначальника Феодосии (1816–1818). В свою очередь черногорцы не забыли о нем и спустя годы, прося российский МИД о его возвращении в Черногорию и адресуя ему свои прошения[4].

А. А. Чарторыйскому

24 октября 1805 г., Станевичи[5]

№ 44

Mon prince[6],

Владение Черногорское и Бердское заключает в себе шесть провинций или нахий, а именно Катунская, Церниицкая, Речкая и Лешанская нахии принадлежат к Черногории, а Белопавличева и Пиперская нахии с княжевинами Ровцы, Морачи и Ускокии принадлежал к Берде[7]. Прежде междуусобной брани Пиперов с Кучами сии Кучи составляли седьмую нахию Черногорскую, но по причине сей драки уже пять лет тому назад как они не имеют сообщения с черногорским правлением. Черногория граничит к востоку с частию Зетского поля, озера Скуторского[1] и с Шестанскою нахиею; к северу — с остальною частью Поля Зетского, с Белопавличами и Герцеговиною; к западу — с Ризаном, Котором, Цупой и Будую[2], а к югу с Пастровичанами, Спицею[3] и Антивером[4]. Берда же граничит к востоку с Бердою неприсоединенною; к северу — с Герцеговиною; к западу также с Противновинною[5] и Катунскою нахиею; а к югу — с частию того же самого Зетского Поля.

С описания границ черногорских, ваше сиятельство, изволите удостоить своим примечанием, что Зетское Поле лежит между Черногориею и Бердою присоединенною и неприсоединенною. Горы оного владения окружают Зетское Поле точно так, как подкова окружает внутри себя пустое место. А где конец сим горам, то оное Поле имеет свои пределы с Скутарским озером. Сие же Поле, которое лежит между владением черногорским и бердским называется Верхнею Зетою. Обширность оного поля невелика, ибо самая оного большая длина не более двадцати верст, а самая большая ширина около восемнадцати верст.

Черногория ни по пространству своей земли, а ни по плодовитости, — ибо она и горы представляют вид разваленных городов, где мало есть удобной земли для хлебопашества, — имеет более жителей, чем оная земля в состоянии им дать едва нужное пропитание. Сверх того, хотя черногорцы имеют вблизи Поля Зетского несколько способной земли для хлебопашества, но мало могут оною пользоваться по причине частых набегов турецких, которые причиняют им разные обиды и опустошения. Когда черногорцы в сих местах идут обрабатывать землю, то все оные хозяева собираются вместе и принимают нужные меры предосторожности, дабы не быть внезапно атакованными.

Число жителей в Черной Горе и Бердах никому наверно неизвестно, но черногорский митрополит обещался мне, что будет оным в скором времени сделано исчисление. Известно токмо то, что способных и выборных людей к ратству сие правление в случае нужды, — сделав оклич по здешнему обыкновению, то есть полякяружя[6] и крича: «Кто витязь! Кто черногорец! За честной крест!» — может в три дня собрать и поставить до дванадцати тысяч человек, где бы неприятель не сделал нападение.

Сей народ вообще беден, смотря на оного род жизни и на домы, которые хотя каменные, но без извести и окон. Я полагаю, что сии черногорцы делают оное с умышленною бережливостью, потому что при разных нашествиях на них турецких превосходных сил были завсегда их дома до основания разорены. Впрочем в сем народе нет людей, кои бы ходили просить милостыню,

[1] Подробнее о ней см. во вступительной статье к фрагментам из «Журнала» В. В. Вяземского.

[2] *Грачев В. П.* Сербы и черногорцы... С. 245–253.

[3] *Бажова А. П.* Карагеоргий в России // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 296–298.

[4] *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972. С. 183, 187.

[5] Монастырь в районе, на который претендовала Австрия, одна из резиденций черногорского митрополита.

[6] Мой князь (фр.).

[7] По указанию современного черногорского историка, «названием “Черногория и Брда” обозначаются четыре нахии: Катунская, Риекская [или Риечская], Црмницкая и Лешанская и семь племен [Брды]: Белопавличи, Пиперы, Братоножичи, Кучи, Васоевичи, Ровци и Морача. К Герцеговине относились Грахово, Баняне с окрестностями, Никшич с окрестностями, Дробняки, Ускоки, Пива и Шаранци»; *Распопович Р.* Указ. соч. С. 41. (Примеч. 1.) См. также: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 33–35 (там же: о племенах; собственно в Черногории их было 24). Иными словами, Санковский смешивает обозначения нахий (округов) и племен (он употребляет термин «княжевина»). К этому времени два племени Брды (Пипери и Белопавличи) принадлежали Черногории. Полная инкорпорация Брды относится к 1820–40-м гг.

[1] Шкодринское озеро на границе с Албанией.

[2] По-видимому, Жупа и Будва; как и упомянутые ранее Рисан и Котор, поселения на Адриатическом побережье, ныне принадлежащие Черногории.

[3] Спиц (Спич) пограничное албанское племя.

[4] Антивари (ит.) — современный Бар на Адриатическом побережье (Черногории).

[5] Ошибка в тексте, допущенная при дешифровке. Вероятно, правильно: Герцеговиною.

[6] Так в дешифрованном тексте.

но многие идут даже в Константинополь, чтобы там что-нибудь для себя и для своего семейства заработать.

Настоящее же богатство черногорцев состоит в их храбрости и неустрашимости. В искусстве стрелять, легкости и проворстве обходить неприятеля они превосходят своих соседей, с малолетства упражняются в военном ремесле, на чем единственно основано воспитание их детей. Черногорцы одарены всеми теми качествами, кои делают доброго солдата. Они крепкого и здорового сложения, воздержанны в пище и питье, сносят охотно все военные труды, терпят стужу и жар и равнодушно взирают на смерть. Кажется, что природа создала и заставила их о сей науке единственно радеть. Отечество их, будучи весьма возвышенное место, на котором рассеяны многочисленно каменистые горы, кои должно почесть за столько же крепостей. Итак, необходимость требовала, чтоб оной жители были бы воины, кои могли бы своим искусством и мужеством не допускать неприятеля в оных горах поселиться и тем привесть их в порабощение. Народ чувствует свое положение, кое позволяет ему жить и умереть независимым, любит свою вольность с благородной гордостью, любит весьма много личную честь, обожает славу и тверд в вере православной даже до суеверия.

Хотя черногорец вообще одарен сверх упомянутых добрых качеств еще открытым разумом и здоровым рассудком, но со всем тем, будучи во тьме невежества, имеет слабое понятие о долге доброго гражданина и христианина. Ведая токмо, что он должен свою честь защищать, не позабывает обиду, но всегда оную отмщает лишением жизни виновника или одного из его родственников. А когда при жизни своей не успел отомстить, то тогда наследник заступает его место и лишает жизни одного из наследников или одного из однофамильцев противной себе стороны, невзирая даже на то, что сия обида была сделана тому за сто и более лет. Таковые странные правила чести, правда, что, с одной стороны, каждого черногорца, заставляют друг друга почитать и сильно воздерживают легкомысленно кому чинить обиду, но, с другой стороны, весьма часто рождают в людях разума необработанного варварское своеволие, которое наставляет их на разные злодеяния. А как поведение и деяния каждого черногорца имеют связь и влияние над поступками народа, и так в случае одной между ними частной обиды, а особливо сделанной сильным или сильному человеку чужим братством, то есть единофамильцами, чужим селом, чужою княжиною[1], чужой нахиею, когда не успеет черногорский митрополит вскоре помирить сии противные партии, то нередко случаются в народе страшные замешательства и ужасное кровопролитие. Народ в силу своего обычая принимает всегда в подобных обидах деятельное участие, ибо каждый и все вообще, кои себя именуют под одинаким называнием, почитают сделанную обиду их брату от человека, носящего другое название, за собственную себе личную обиду[2]. А сей обычай, издревле окоренившейся в роде, развращает в нем нравы, заставляет презирать

[1] Правильнее: кнежина — административно-территориальная единица в составе нахии во главе с кнезом (Санковский далее называет таковых князьями).

[2] Следующий далее текст до конца абзаца был исключен при первой публикации.

естественные законы, разрушает внутреннюю и соседов тишину и повелевает такому народу утвердительно пребывать в буйстве и жестокосердии. Черногорцы были бы самый развратный и свирепый народ, если бы не имел великого суеверия в законе православной церкви, которое суеверие одно устрашает злодеев чрез власть духовную, вверенную своему митрополиту. Сей архипастырь в случае крайней необходимости, призывая тогда на помощь всемогущего, и именем божиим проклинает преступника и тем одним только прекращает в народе бывшее зло и беззаконие[1].

Славу же Средиземного моря черногорцы поставляют в личной храбрости; по сей причине никого здесь нет, даже и попов, кои бы завсегда не носили ружья, пистолеты и большой тесак, и не были бы в готовности с веселым духом идти сражаться и отличить себя. Характер же черногорцев не терпит изъявлений привесть его к принужденному повиновению, употребляя на то силу или страх. Напротив того чрез благосклонное и ласковое обхождение и оказанием к нему дружбы и любви можно так его пленить оной, что народ тогда сам собой и всем на свете рад жертвовать и делается совершенным рабом[2].

Таковой народ, имея свои пороки, а более добродетелей, действительно и по справедливости заслуживает внимание любителя рода человеческого в рассуждении, что, хотя сии несчастные люди не имеют никакого просвещения, но однако же, очень приметно, что имеют склонность повиноваться своим начальникам, когда они наставляют быть добрыми и честными людьми и делают им по их требованию беспристрастное правосудие. Впрочем нет сомнения, что сей народ совершенно в утверждении тишины и порядка между ними и в точном исполнении учрежденных и непременных законов, может ожидать своего благополучия и счастия.

Черногорцы и бердяне суть вообще пастухи или земледельцы, и на сих сельских трудах единственно основан весь их достаток. Мало кто из них упражняется в обширной торговле даже своими и собственными продуктами, имея с христианами, подданными турецкими и цессарскими[3], сообщения. Первые приходят к ним на базар, а к последним они сами идут на их базары. Тут они продают своим соседам мед, воск, сыр, солонину, рогатый скот, руи[4] для приуготовления кож, шерсть и малое количество шелку. А от соседов покупают железо, медный сосуд, свинец, порох, соль, тонкое полотно и сукно, и сии две последние вещи в весьма малом количестве. Когда в Черногории бывает урожай пшеницы, то также оную продают своим соседам, а от них покупают пшеничку[5].

[1] В черногорской версии публикации, комментаторы специально подчеркивают, что это была исключительная мера, а в остальных случаях митрополит прибегал к молитвенным увещеваниям и клятвам: Црногорско-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. С. 108. (Примеч. 2.)

[2] Данное предложение было исключено при первой публикации.

[3] Австрийскими.

[4] Дерево с красильным веществом. Упоминается в «Статистическом описании Сербии» А. Г. Розелион-Сашальского.

[5] Здесь: кукурузу.

Черногорцы относительно до своей ежедневной одежды не нуждаются в чужих мануфактурах, ибо их жены, содержанные ими совершенно своими рабами, делают толстое полотно и сукно и обувают и одевают их с головы до ног[1]. Народ черногорский ни в чем не претерпевал бы нужды, если бы оный народ имел склонность к художествам или, по меньшей мере, к самым простым и нужнейшим ремеслам. Но все мастеровые люди у черногорцев в презрении может быть потому, что когда они имеют нужду в кузнецах, плотниках, каменщиках и проч., то на таковой случай призывают из цыганов; людей, которые у черногорцев более в омерзении, чем самые турки.

В Черногории есть руды железные и медные, и сказывают, будто бы есть и серебрянные; а в Белопавличах я сам видел гору белого мрамора, но все сие остается без малейшего употребления. Из всего того, ваше сиятельство, благоволите приметить, что внутреннее состояние Черногории, да еще и домашнее хозяйство находятся в самом жалостном положении. Главной же виной таковой беспечности я должен приписать, что нет еще здесь понятия о порядке и устройстве, о чем токмо может радеть одно правительство, которого учреждение и постановление ожидает народ черногорский от великого императора всероссийского.

Вся Черногория разделена на нахии или провинции, а каждая нахия на пять, восемь и более племен или княжин, а сии на многие братства, или единофамильцев, которые заключают в себе почти толикое же число селений. Когда из всех сих мест собран народ на генеральный сейм, то оный заступает лицо и имеет власть государя[2]. Народ выбирает и постановляет всех своих начальников, и все внутренние дела и распоряжения не суть действительны, если оный народ их не утвердит; равно как без его согласия не могут существовать и быть постановлены законы; без его ведомства не можно также иметь с чужестранными дворами сношения и от его решения зависит начать войну или сделать мир.

Черногорцы, будучи все солдаты, почитают себя благороднорожденными, но есть, однако же, между ними дворянство, кое я так называю потому, что из числа известных фамилий они токмо выбирают своих начальников или главарей и оные свою знатность получили из древних времен. Сия отличность, которая существует, служит верным залогом дворянству, что народ при выборе своих начальников их не обойдет, ибо никто из простого народа отнюдь не повиновался бы равному себе. Начальники народа суть митрополит, губернатор, сердари[3], воеводы, князья, а чиновники — баряктары, арамбаши[4]. Всех сих главарей народ выбирает оприч арамбашу, который в такой чин самовластно сам себя производит. Порядок, который наблюдается при сих выборах, состоит в том, что генеральный сейм по предложению всех главарей выбирает митрополита и губернатора и тотчас объявляет их верховными начальниками над всем черногорским и бердским народом. Сердарь выбран сеймом своей только

[1] Следующий далее текст до конца абзаца был исключен при первой публикации.
[2] То есть представляет верховную власть.
[3] Турцизм: предводитель отряда; здесь: глава нахии.
[4] Турцизмы: байрактар — знаменосец; харамбаша — предводитель гайдуков.

нахии, а воевода сеймом одного уезда нахии, после чего местные главари представляют генеральному сейму, дабы их в сей должности утвердил. Князья и баряктари выбраны и определены к местам собранием или сеймом своей княжины и в таком качестве признаны от всех без утверждения генерального сейма.

Архипастырь по должности своей имеет неограниченную власть над своим духовенством и имеет попечение о благе душевном всего народа, сверх того по политической части входит в подробности еще производить суд, мирит межусобные в народе брани. Он один в силу власти, данною ему от последнего герцога черногорского Гия Черневича[1], имеет право пригласить народ на генеральный сейм, которому предлагает все те важные дела, коих решение от народа должно зависеть, в силу оного воли быть исполнено.

Губернатор после архипастыря первый в народе начальник. Он не мешается в духовные дела, но по части гражданской везде присутствует, равно как и при производстве судебных дел и всегда бывает приглашен от владыки вместе с ним содействовать. Он также вместе с ним мирит межусобные брани и смертоубийства в народе. А как губернатор есть некоторым образом нужный и неразлучный товарищ черногорского митрополита, потому что ему известны все народные дела и ничто не может скрытно пред ним остаться. Сердарь есть главный начальник над нахиею, но каждый только в своей нахии, где он имеет право входить во все дела, везде присутствовать, равно как производить суд. Но если кто его решением недоволен, тогда идут требовать у владыки, чтобы мимо сего начальника нарядил другой суд или сам бы сие дело решил. Воевода, коих по нахиям бывает два или три, также над своим уездом начальник и судья. Каждый князь имеет также подобную сему власть, но оная равным образом ограничена в пределах своей княжины. Сердарь, воеводы и князья, когда их потребует митрополит, ходят тогда токмо мирить межусобные брани и смертоубийства в народе; но со всем тем никто из сих трех начальников не может отлучиться от своего места, не спрося прежде на то соизволения у народа, который состоит под их управлением. Ныне же, когда отлучаются, то дают знать токмо о том кому-нибудь из почетных людей, то есть тем, к которым народ имеет личное уважение и доверенность. Сии люди, хотя не имеют никакой особенной должности и ни от кого не постановлены народными начальниками, но со всем тем народ почитает их своими главарями, а когда бывает генеральный или другой какой сейм, то таковых главарей влияние весьма ощутительно в решениях народа. Все вышеозначенные начальники, коих народ выбирает, имеют в военное время также отличную власть.

Митрополит и губернатор суть главные предводители над целою армиею и тогда они совершенно друг другу равны. Сердари предводительствуют каждый людьми своей нахии, каждый воевода — своим отделением, а каждый князь — своим племенем. Баряктары, коих в каждой княжине бывает один или два, вступают тогда в исполнение своей должности; каждый из них несет знамя своего племени и повелевает малым отрядом самых отважных ратоборцев, кои защищают знамя до последней капли крови, кои не допускают отнюдь

[1] Правильно, вероятно: Георгий (Джурадж) IV Черноевич (1490–1496).

неприятеля оным овладеть. Арамбаши ни в сражении, ни по гражданской части не отправляют в народе особливой должности; они не что иное как предводители над своими четами[1], с которыми входят во всякое время в турецкие границы и делают нападения в отмщение сделанных обид своим братьям черногорцам и бердянам. А как часто случалось, что таковые арамбаши доходили со своими четами до Белграда и чинили там разные опустошения и приносили сюда головы, то будучи здесь неустрашимость и храбрость почитаемы за первейшую добродетель, следственно народ единственно в уважении к таковым подвигам признал арамбашей за своих главарей.

Имея честь докладывать вашему сиятельству о выборах и должности каждого начальника народного, равно как и о власти, свойственной их званию, величайшим удовольствием был я преисполнен, если бы в одно время мог удостоверить вас, милостивый государь, что здесь есть действительно законный порядок и власть. Нет сомнения, что упомянутое учреждение и назначение должности каждого народного главаря дают понятие, что власть законов некогда существовала на Черной Горе. Но ныне оная столь ослабела, что свыше моих сил бы было принять труд исследовать обстоятельно причину таковой перемены. Что же весьма очевидно, есть то, что с начала установления в Черногории народного правления выбор всех главарей без изъятия был временный или токмо по жизнь, и определение их к местам было всегда сходственно с достоинством и заслугами каждого; но мало-помалу народ, обыкшивидеть стремление детей сих начальников заслужить чрез мужество и благоразумное поведение общее к себе внимание и уважение или же народ с признательности к своим начальникам, захотел при выборах, чтоб сын или ближайший родственник заступил место умершего. Времена, случаи, а особливо народа, беспрестанно упражняющегося в войне против неприятеля, не позволяли ему строго наблюдать постановленные законы, но вместо того истребовало у него согласие уклоняться от сего бремени и основать свое правление единственно на обычаях, коим гораздо легче повиноваться.

Итак, в силу сих обычаев сделались народные начальники в нынешнее время почти все наследственные, и выбор изначала более ничто другое значит, как утверждение приобретенных прав от своих предков. Таковые главари, будучи одолжены своим местом единственно своему рождению и знатности своей фамилии, не имея поощрения быть произведены в вышний чин, должны были иметь единственным своим предметом сделать себя независимыми от начальников выше себя поставленных. Воспользуясь обстоятельствами, нетрудно было им иметь в том желаемый успех.

Князья — самые младшие начальники, выбранные народом, были первые, кои подали пример в отступлении от должного послушания; в силу обычаев или законов не имели власти сии князья производить прежде всего суд в своей княжине, не приглася над оным присутствовать воеводу или сердаря. Но как открылись таковые случаи, что по причине отдаленности или по другому какому-либо препятствию не зависело всегда от воли воеводы или сердаря по-

[1] Здесь: отряды.

спеть в урочное время на то место, где под его начальством долженствовал быть производим суд, то князья под видом необходимости удовлетворить требование народа начали сами по себе в суде делать решения. Вслед же за сим поступком производили уже князья суд без ведомства воеводы и сердаря, утверждая, что они не повинны их призывать присутствовать над оным судом, как токмо сии начальники имеют свое постоянное пребывание в княжине.

Как скоро таким явным образом младшие главари начали восставать с успехом против своего начальства, то народ также возымел то же самое намерение. Малое же уважение, кое князья имели к главарям, выше их ставленным, послужило также в народе оправданием, когда оный начал терять к ним должное почтение и не быть более в надлежащем повиновении; сверх того, бессильное и тщетное огорчение начальников на своих подчиненных подало более дерзновения и даже способов простому народу отказаться почти от послушания.

В таковом предприятии народ также имел удобный случай достигнуть до своей цели, ибо в силу обычая или закона, когда обидчик и обиженный между собою согласны миролюбно какую маловажную ссору кончить, тогда предоставлено обиженному право брать по своему желанию 24 судей, однако же, с тем, чтобы они непременно сие дело решили в присутствии своего народного начальника. Но народ сначала по причине родства исключал своего князя быть в таковом суде главным присутствующим, а после того уже явным образом, обвиня его в неправосудии или [из] единого своеволия, или же для оказания пренебрежения к его власти, не допускал иногда своего князя производить суд, а приглашал на его место князя другого племени. Освободясь таким образом народ от повиновения, не токмо к своему князю, но чрез сие самое к другим своим начальникам, сделался необузданным в своем своеволии.

Итак, когда кто сделает какое ни есть страшное злодеяние, то дабы по здешнему обыкновению между народом в том месте не было кровопролития, митрополит немедленно повинен употребить все возможное старание уговорить обе партии не делать до такого именно срока неприятельских дальних покушаний. Но еще когда он в назначенный срок приедет сие дело решить и умирить, не может того исполнить, пока убийца и убитого родственники [или пока кому другому преступлению обе партии и][1] совершенно не согласятся во всем положиться на правосудие митрополита и судей. Таковое своеволие и неустройство уже давно как укоренились весьма глубоко в народе; а тем более, что соседы, особливо бывшие венециане, старались всегда делать в Черногории чрез своих лазутчиков замешательства, подкрепляя там всеми силами межусобные брани, несогласия и своеволия в народе. Для лучшего же в том успеха не токмо неоднократно поощряли своих подданных вступить с черногорцами в частые драки, да еще в таком случае сии соседы показывали всегда вид, будто бы не мешались в сии частные военные операции своих подданных. Вследствие таковых козодействий соседственных держав черногорцы приняли за правило почитать свое буйство и своевольство за геройство и вольность, а войну села, княжины или

[1] Искаженный текст или пропуск.

нахии с соседами — за межусобную брань. И на таковом точно основании оного до сего времени мир [или][1], то есть без ведомства генерального сейма, да еще весьма часто без знания своих верховных начальников, но в силу единственно согласия обоюдных воюющих сторон.

Все сии обстоятельства и положение вещей не могли как дать повод к распространению к Черногории день от дня вящего неустройства. Следственно должно было беззаконию и своевольствию взять над народом гибельную поверхность и истребить из его памяти не токмо должное уважение и послушание к своим начальникам; но, что всего важнее, народ запомнил[2] также свои учреждения и законы, равно как долг доброго христианина и сына отечества. А если поныне осталось понятие на Черной Горе, кто из главарей старше другого чином, то сие должно приписать единственно порядку, который еще наблюдается при мнимом выборе сих начальников. Относительно же до их власти, то оная уже давно как исчезла. И действительно, никто бы не повиновался своему митрополиту и не имел бы к нему никакого почтения и уважения, ежели бы народ в своем суеверии не был крепко уверен, что проклятие сего архипастыря убивает и делает злосчастным того, на кого он оное возлагает.

Черногорский митрополит, убежден будучи, что неустройство, своеволие и раздор между народом преодолевают и будут всегда преодолевать все его старания восстановить на Черной Горе тишину, порядок и послушание, решился, собрав в тысяча восемьсот третьем году генеральный народный сейм дать оному знать, что по причине претерпенных им великих трудов в защите своего отечества против албанского паши, равно как в обращении беспрестанном в народе для учинения правосудия, он не в силах более за слабостью своего здоровья с равным успехом своему народу служить. В рассуждении чего и в знак своей благодарности к народу за привязанность и доверенность, по сие время к нему оказанную, предлагает он, черногорский митрополит, дабы народ никогда не лишился начальника, желающего его благополучия, чтоб было учреждено правительство и утверждены законы, им сочиненные, согласно с коими оное правительство могло бы всегда народом управлять. Генеральный сейм, приняв с величайшею признательностью предложение митрополита, на все дал свое согласие; а тем наивяще тому обрадовался, что тогда существовало великое замешательство в народе[3].

Правительство, учрежденное и постановленное народом, имеет поныне свое заседание в оном монастыре Цетинском[4]. А как народ никогда и не платил

[1] Искаженный текст или пропуск.

[2] Устар.: забыл.

[3] Речь идет о принятии «Законника», начало которому было положено постановлениями на скупщине в Станевичах 18 октября 1798 г., а возможно, и более ранние решения, последующие статьи были приняты на скупщине в августе 1803 г. Те же собрания утверждали черногорское правительство. См. подробнее: *Достян И. С.* Проблема... С. 12–13; *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 67–72.

[4] Монастырь ведет начало с XV в., несколько раз разрушался и восстанавливался. В XIX в. стал главной резиденцией черногорского митрополита и столицей становящегося государства.

и не платит никому никаких податей, пошлин или налогов, то оное правительство не имеет никаких доходов, ни земель, ни домов. С начала постановления сего правительства начали было собирать по шестидесяти копеек подати с каждого дома, но так как иные сильные братства отказались дать сии деньги, ссылаясь на прошедшие времена, что главари безденежно служили своему отечеству, то и все прочие братства сему примеру последовали.

Правительство состоит из пятидесяти членов, не упоминая митрополита и губернатора, кои в оном суть верховные начальники. Все сии члены из каждого племени по одному, двум и более человекам, были выбраны народом нарочно в таковом великом количестве, ибо тогда настояла необходимость, чтоб все вообще племена для соблюдения единства, тишины и мира приняли равное участие в осуждении некоторых сильных злодеев на смерть, что и было учинено. Таковой выбор сих судей был временный, и они долженствовали по окончании вышесказанного правосудия уступить место настоящим членам правительства, коих число по тогдашнему намерению следовало быть восемь по десяти человек[1]. Власть же сего правительства должна была состоять в исполнении изданных законов, относящихся до производства суда гражданского и уголовного, когда кто сделает преступление на Черной Горе или за границами; и вообще радеть о порядке и тишине; равно как о благополучии народном. Членам сего правительства было определено в жалованье пожалованные нашим высочайшим двором известных тысячу червонных[2], условленная подать от народа и дарованная земля митрополитом. Вслед же за постановлением сих пятидесяти судей, и когда уже на Черной Горе приметно было начало восстановления тишины и послушания, то есть пять месяцев после того, воспоследовали политические обстоятельства[3], кои принудили черногорского митрополита отложить дальнее помышление об учреждении и утверждении власти правительства, а токмо обратить свое внимание на то, что в то самое время происходило в Каторе и Ризане[4].

В таком положении дел повинен был митрополит, дабы воздержать несколько народ от первобытного страшного своеволия, оставить по сию пору всех пятьдесят судей при прежнем их месте. Но члены сего правительства, не получая, как вышеозначенных тысячи червонных и не будучи в состоянии сими деньгами себя содержать, почти все было разошлись по своим домам; а хотя ныне по моему совету начали попеременно десять членов присутствовать в правительстве, но со всем тем в народе потеряли прежнее свое уважение, потому что те, кои постоянно оставались при своем месте начали явно противу законов поступать и брать с челобитствующих разные взятки, оправдывая таковой поступок тем, что народ не содержит их на жалованье, как то было сделал на сие

[1] То есть, по предположению И. С. Достян, от восьми до десяти человек. *Достян И. С.* Проблема... С. 16. Другая интерпретация — восемьдесят человек.

[2] Субсидия, учрежденная правительством России в 1799 г. на «общественные нужды» Черногории.

[3] Имеется в виду миссия М. К. Ивелича.

[4] Ивелич прибыл в Котор в январе 1804 г., родом он был из Рисана и там навещал родственников, что служило прикрытием его тайной миссии.

клятвенное обещание; [нарушив таким образом правительство и народ постановленные законы, существует между ними несогласие][1], и обе стороны обвиняют и негодуют друг на друга. Следствия, кои могли из того произойти, те особливо ныне, когда народ продолжает пребывать в своем своеволии, непременно были бы для Черногории самые несчастные, если б архипастырь, даже употребляя имя высочайшего своего покровителя, не делал, с одной стороны, народу удовлетворения, а, с другой стороны, не поддерживал всеми силам правительство, которое чрез то поныне сохраняет тень власти или почтения в народе.

Имея честь всенижайше докладывать вашему сиятельству о вышеозначенном настоящем политическом состоянии Черногории, должен в заключение здесь донести вашему сиятельству, что хотя власть церковного меча и генерального сейма суть две власти, коим ныне повинуются черногорцы, но оные, однако ж, по свойству своему не могут никогда быть действительны для восстановления порядка, тишины и устройства в народе. Невозможно черногорскому митрополиту при всяком неустройстве употреблять проклятие для прекращения зла; таковое страшное ныне для народа орудие, непременно чрез частое употребление истребило бы, наконец, у него всякое к оному суеверие. Невозможно также для прекращения разных злодеянии созывать часто генеральный сейм, потому что, будучи оный сопряжен с довольно знатными издержками, весьма мало сыщется людей, кои согласятся часто на оный приходить; итак, уже тогда невозможно бы было малочисленным генеральным сеймом народ народом устрашить.

В таком положении вещей и в рассуждении важных неудобств, кои воспоследовать могут чрез постоянное употребление одной или другой власти, должны были законы при разных случаях остаться недействительны; по таковым то единственно причинам все позволено предпринять человеку, у которого есть сильное братство; ибо без потрясения всеобщего покоя очень трудно наказать такого злодея за его ужасные преступления. Итак, хотя бы было учреждено здесь настоящее и непременное правительство, но оное мало успеет привесть Черногорию в желаемое благоустройство, если оное не будет подкреплено военною силою, которая одна в состоянии не токмо устрашить разбойников, изменников и нарушителей общего покоя и тишины, по еще чрез их наказание дать настоящее понятие славяно-сербам о правосудии, славе и чести народной, и тем наивяще удостоит себя Черногория быть под покровительством великого императора всероссийского.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence, le très humble et le très obéissant serviteur[2].

Etienne De Sancowsky

Staneviecz
le 24 octobre / 5 novembre 1805

[1] Искаженный текст или пропуск.

[2] Имею честь пребывать с глубоким уважением, мой князь, вашего сиятельства скромный и преданный слуга (фр.).

№ 45

Mon prince,

Имея честь сослаться на всенижайшее сегодняшнее мое донесение о настоящем положении Черногории, не отваживаюсь более вступать в подробность о власти митрополита в управлении народом, а дерзаю токмо удостоверить ваше сиятельство, что хотя по справедливости принадлежит верховная власть генеральному сейму или народу, но в существе оною властью беспрекословно пользуется нынешний митрополит Петр. Когда генеральный сейм собран, то сего архипастыря влияние и власть над оным толь ощутительна, что никто, даже губернатор, не отваживается отринуть его предложение или сделать какое ни есть представление или внушение в противность его воли. Таким образом [митрополит распоряжая всеми <делами> правления черногорского][1]. Никто отнюдь, не из природных, не из чужестранцев, если не пользуется его доверенностью, не может иметь ни малейшего успеха в каком бы то ни было предприятии. Митрополита же поведение в народе основано на совершенном познании разума и нравов черногорцев.

Итак, хотя он самовластно всеми их действиями распоряжает, однако ж, всегда показывает вид, будто бы он подчинен власти народной. Правда, что когда митрополит видит, что просьбою не может склонить народ на доброе дело, то укоряя ему, сколь всегда оный в готовности повиноваться злодеям, кои хотят его погибель; тогда обыкновенно оканчивает свою речь с угрозами, что, если народ не будет следовать его архипастырским наставлениям, то он удалится от всех дел, оставит Черногорию, отдаст черногорцам полную власть выбрать другого на его место, кого они токмо заблагорассудят. Я приметил, что во всех случаях, когда митрополит народу держит подобные речи, что оного приверженность к нему лично и повиновение к его воле суть неограниченны. Губернатор и другие почтенные главари даже меня удостоверили, что совершенно от его воли зависит на генеральном сейме токмо слово сказать народу, чтоб по оному слову тотчас был предан смерти кто бы то ни был, даже он губернатор.

Черногорский митрополит чрез чтение и путешествие в чужих краях приобрел несколько полезных знаний, которые заставляют его включить в число довольно просвещенных людей; притом он разума очень приятного, рассуждает правильно и входит с разборчивою тонкостью в предлагаемые ему дела, и имеет также природное красноречие, коим умеет привлечь к себе внимание. Характер сего архипастыря, хотя весьма вспыльчив, но со всем тем благородный и довольно постоятелен. Важные же услуги, кои он оказал своему отечеству, равно как успех, который он имел против личных себе наприятелей, коих намерение было низвергнуть его, но видя неудачу, даже покушались лишить его жизни; то все сие много подействовало обнаружит в нем склонность к гордости и честолюбию, на чем, очевидно, основано его великодушие. Сей митрополит имеет о себе весьма хорошее мнение, почитает себя непобедимым в своих горах и имеет превосходное понятие о своей власти и могуществе черногорского народа.

[1] Искаженный текст или пропуск.

Самолюбив будучи до бесконечности, не может терпеть, чтоб кто мыслил им повелевать; а если кто подаст ему на себя такое подозрение, то тогда он делает его смертельным неприятелем и, вооружаясь против него, в состоянии всем жертвовать и даже своим животом, поставляя сие за ничто пред своим бесславием, что он должен силе одной покориться. Митрополит Петр не имеет, однако же с таковым характером довольно твердости духа, чтоб мог отказать свою доверенность такому человеку, который, в оную вкрадываясь, умеет угождать во всем его самолюбию[1]. Сия слабость в нем так велика, что кто оною бережно и со здравым рассудком может управлять, то сей человек в состоянии совершенно обладать митрополитом и делать с ним все то, что токмо пожелает[2].

Митрополит Петр одолженсвоим воспитанием дядям своим, покойным митрополитам Саве и Василию Петровичам[3], которые его всегда употребляли по народным делам, чрез сто он, будучи еще дьяконом, выиграл к себе доверенность и уважение черногорцев. А как сих митрополитов, а особливо покойного митрополита Данило Петровича, который имел счастие принять грамоту Петра Великого из рук Милорадовича[4], — неограниченная их приверженность к русскому престолу известна всем черногорцам и что они всегда уповали и предвещали, что народ черногорский будет осчастливлен наследниками сего великого императора, что нынешний митрополит с малолетства теми же самыми чувствами свой дух напоил и укрепил, а тем паче что Даниил был ему дед.

Митрополит Петр был несколько раз в России, но в последний раз претерпел там некоторые личные оскорбления[5]. Приписывая, однако ж, таковые неприятности единственно неудаче, что бросился в объятия министра, бывшего

[1] Аллюзия на аббата Дольчи.

[2] На этот раз Санковский, очевидно, подразумевал себя.

[3] Савва Петрович-Негош — черногорский митрополит (1735–1781) — был слабым правителем. Василий Петрович-Негош рукоположен в митрополиты печским патриархом Афанасием II в 1750 г. (умер в 1766 г.). Он проявил гораздо больше энергии, добиваясь покровительства великих держав и найдя его в России. См., например: История Балкан. С. 346–363. (Автор раздела — Ю. П. Аншаков.)

[4] Митрополит Даниил Петрович-Негош (?–1735), избранный в 1697 г. Речь идет о событиях, связанных с прутским походом Петра I, когда впервые была предпринята попытка мобилизации балканских христиан на совместную с Россией борьбу против турок. Царскую грамоту с освободительным призывом доставили в Черногорию полковник Михаил Милорадович и капитан Иван Лукачевич. См. подробнее: История Балкан. Век восемнадцатый. С. 55–69. (Автор раздела — В. Н. Виноградов); С. 341–343 (Автор раздела — Ю. П. Аншаков). Документы см.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. Документы / отв. ред. А. Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М., 1984. № 13–21. С. 29–41.

[5] О его поездках в Россию см.: *Распопович Р.* Указ. соч. С. 10. (Примеч. 1.) В 1785 г., вошедший в сан митрополита годом ранее, Петр I Петрович-Негош был выдворен из Петербурга по приказу Г. А. Потемкина. Ему вменялось в вину отсутствие согласия Синода на это восхождение. Сам митрополит связывал скандал с его визитом в имение бывшего екатерининского фаворита С. Г. Зорича. Об этих и других версиях см.: История Балкан. Век восемнадцатый. С. 375–376 (Автор раздела — Ю. П. Аншаков). См. также: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. С. 40. (Примеч. 7.)

в немилости, не только скрыл сие обстоятельство пред народом, но еще, невзирая на выгодные предложения, сделанные ему от венского двора, не мог никогда решиться отказаться от преданности и верности к высочайшему нашему двору. В похвальном намерении не токмо сего архипастыря подкрепляла наследственная его фамилии приверженность России; но я, судя по его характеру честолюбивому, убежден также, что много в том было виною предприятия покойного губернатора Ивана Радонича, который неоднократно делал покушение похитить у митрополитов верховную власть[1]. А дабы в том иметь желаемый успех, то даже самопроизвольно, и без ведома народа и главарей, предлагал венскому двору взять Черногорию под свое покровительство.

<...>

№ 49

Mon prince,

В исполнение данного мне повеления вашим сиятельством приложить старание, дабы возможно было учредить на Черной Горе постоянное правление, сходственно с правами, обычаями и нравами сего народа, которое правление не токмо должно служить в совершенную пользу черногорцев, но еще чтоб высочайший наш двор, имея в том свои виды, нашел таковое учреждение согласно собственным своим интересам, имею честь всенижайше доложить вашему сиятельству, что, хотя сначала повстречались было великие затруднения выполнить таковое намерение по причине, что нет ни одного черногорца, который бы имел надлежащее сведение о положении своей земли, да еще по причине, что тогда существовало между митрополитом и губернатором недоразумение и несогласие[2], но как скоро удалось мне выиграть доверенность сих обоих верховных начальников, да и других почетных главарей и при том также открыл себе способы войти во внутреннее и настоящее положение Черногории, то не токмо чрез все сие поставил себя в состояние по возможности знания и сил моих успеть в таковом предмете, но еще успел склонить вышеозначенных народных начальников мало по малу и даже неприметным образом в том мне вспомоществовать с искренним усердием и преданностью к своему отечеству и высочайшему покровителю. Итак, ныне уполномоченные от всего народа черногорского и бердского, прибегая к освященным стопам его императорского величества, полагают

[1] Йован (Йоко) Радонич умер в 1802 г. О его контактах с австрийскими властями см.: История Балкан. Век восемнадцатый. С. 385–386. (Автор раздела — Ю. П. Аншаков). Губернатор также пытался вовлечь в этот внутренний конфликт правительство России: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. № 268. С. 355–356. Й. Радонич и старейшины — Екатерине II, 22 декабря 1788 г.

[2] Отношения между митрополитом и гувернадуром (губернатором), пост которого был наследственным и в это время замещался Вуколаем Радоничем, носили конкурентный характер и могли обостриться на фоне миссии Ивелича. О Вуколае (Вуко) Радониче, который относился к немногочисленному кругу образованных черногорцев, см.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 74. (Примеч.)

все свое и народа благополучие в утверждении здесь постоянного правительства на основании, во всенижайшем их прошении означенном[1], или на таковом основании, на каком благоугодно будет его императорскому величеству приказать сие правительство учредить.

Ваше сиятельство соизволите удостоить своим примечанием, что во всенижайшем прошении на учреждение в Черногории постоянного правительства уполномоченные сообразовались, сколь возможно было, с настоящим положением прав и законов народа черногорского, равно как старались сохранить также преимущества и власть каждого из народных начальников, дабы тем утвердить между ними доброе согласие и единство. Митрополит же, которой ныне пользуется верховною властью, также в новоучреждаемом правительстве иметь будет почти ту самую власть. Сие мне представляется тем полезнее для интересов высочайшею двора, чтоб архипастырь имел в правительстве великое влияние, ибо он один в народе [с]толь суеверном может его утвердить в верности и преданности к исполнению воли государя императора. Притом митрополит, яко православный пастырь своего стада, не отважится никогда подчинить свое отечество в зависимость государя другого закона, на что может быть посягнули с успехом светские начальники, если б состояло в их воле удалить митрополита от управления народных дел.

Ваше сиятельство соизволите также удостоить своим примечанием, что в народе, где нет понятия о порядке и об устройстве, и где самоволие царствует, невозможно было бы помышлять об учреждении постоянного правления, ежели оное не будет при самом своем постановлении подкреплено военною силою, то есть гвардиею, состоящею в распоряжении правительства. Но так как сия черногорская гвардия не может иметь ту важность, которую ей прилично и весьма нужно иметь, а особливо при начале, когда еще правительство будет находиться в младенчестве, потому необходимость требует, чтоб сия гвардия была бы сама подкреплена нашею военною силою. Один полк или батальон российских солдат достаточен будет для выполнения сего предмета.

Сверх того, дабы учреждаемое правительство на Черной Горе имело надлежащую деятельность и могло вникнуть во все части внутреннего правления, непременно было бы нужно учредить также в каждой нахии по одному трибуналу, который можно составить из местного сердаря и четырех главарей, и при них одного секретаря. На сии шесть провинциальные трибуналы я полагаю, что сумма трех тысяч триста цесарских талеров была бы достаточна. Наконец, дабы совершенно сделать благополучным народ черногорский, то весьма нужно было бы заведение малой школы для обучения детей знатных черногорцев, а на содержание таковой школы я также полагаю, что потребна сумма не более двух тысяч талеров цесарских. Впрочем так как настоящее положение Черногории вашему сиятельству небезызвестно, то дерзаю, докладывая чистосердечно о всех нуждах сего несчастного народа, подчинить и сие мое мнение на милостивейшее благорассмотрение вашего сиятельства.

[1] Опубликовано: Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 7. С. 89–96.

Да при сем случае невозможно мне также скрыть пред вашим сиятельством, что уполномоченные от народа черногорского совершенно возлагают всю свою надежду на ходатайство вашего сиятельства у великого вашего императора, будучи удостоверены, что министр царской крови и славянин[1] не может как желать благоденствия бедного, но храброго народа черногорского. Учреждая высочайший двор на Черной Горе постоянное правительство, судебные места по нахиям, гвардию и просвещая народ введением училища, жертвует на все сие ежегодно суммою двадцать пять тысяч цесарских талеров; да на построение дома для правительства, дома для школы, казарм для гвардии и на починку Цетинского монастыря — пожалованием на все сие сумму пятнадцать тысяч цесарских талеров. А если уполномоченного от высочайшего двора полезно пребывание на Черной Горе, то на построение ему дома еще пять тысяч талеров цесарских.

Таковые великие милости и щедрость его императорского величества, если угодно будет оказать Черногории, то не мне свойственно судить, сколь чувствительно таковое благодеяние для человечества. Но токмо дерзаю удостоверить ваше сиятельство, что глубоко будет впечатленно в сердце всего народа черногорского и бердского таковое монаршее благодеяние, и что не токмо чрез то черногорцы навсегда пребудут преданнейшими и вернейшими к России, но еще учинят себя совершенно подданными его императорскою величества. Благоденствие народа черногорского будет также служить очевидным примером и поощрением другим народам славяно-сербским, лежащим в соседстве Черногории. Когда токмо высочайший двор объявит свое желание, то подчинят также себя на таковом точно основании под покровительство великого нашего императора.

Но прежде учреждения постоянного правительства на Черной Горе помышлять сим народам избавить себя от ига злых турок [не можно], то мне кажется, что поднятие в нынешнее время сими народами оружия против своих мучителей будет бесполезно и токмо должно послужить к вящему распространению неустройства, злодеяний и беззакония.

Народ черногорский и его правительство, находясь под защитою и покровительством высочайшего нашего двора, действительно в состоянии будет избавить народ славяно-сербский от ига турецкого, ибо местоположение Черногории ей одной подает способ дать сим народам нужное вспомогательство. Черногория лежит так сказать в средине народов славяно-сербских, коим известна храбрость и неустрашимость черногорцев и что, если они согласятся действовать им в пользу, то могут сие учинить с великим успехом со стороны албанского паши[2] и Герцеговины. Да при том сии народы, находящиеся под игом турецким, имеют также неограниченную доверенность и преданность к черногорскому митрополиту, которого признают за экзарха трона патриархского в Ипеке[3] и за своего начальника.

[1] Имеется в виду исполняющий обязанности министра иностранных дел, польский аристократ, князь Адам Чарторыйский (1770–1860).

[2] Шкодринский (скутарский) Ибрагим-паша.

[3] Имеется в виду Печская патриархия, ликвидированная в 1766 г.

Вошедши, сколь обстоятельства мне позволяли в настоящее положение соседственных народов с Черногориею, а именно Герцеговины, Зеты[1] и неприсоединенных Берд, коим народам вернейшее описание при сем имею честь приобщить в цифрах, я удостоверился, что сии народы, выведенные из терпения тиранством турок и питая в сердце своем неограниченную преданность, усердие и верность к российскому престолу, действительно в состоянии были бы, полагаясь единственно на собственные свои силы, низвергнуть иго турецкое. Но как нет между сими народами ни одного такого человека, к которому целый народ имел доверенность и за коим бы следовал, то нельзя думать, чтоб те частные подначальники, кои между ними находятся, в состоянии были бы сами по себе когда-нибудь что важное предпринять для освобождения своего отечества. Действуя же высочайший двор в их пользу чрез Черногорию и вверяя исполнение своего плана черногорскому митрополиту, то таковое предприятие действительно было бы в скором времени увенчано полным успехом; ибо сверх доверенности, кою имеют все сии народы к черногорскому митрополиту, сей архипастырь успел еще тайным образом за шесть лет или семь лет тому назад привести в свою зависимость некоторые княжины в Герцеговине, а именно Грахов, Банян, Рудняки, Буквич и Комненич, где всех руженосцев более восьмисот и кои княжины граничат с Ризаном в Австрийской Албании[2]. А со стороны албанского паши подвластны ему княжины, известные ныне под одним названием Дробняки, кои все вместе с Жупою, которая граничит с Белопавличами, составляют более двух тысяч руженосцев.

Следственно, черногорский митрополит, пособием сих герцеговинцев, кои всегда в готовности служить ему авангвардиею, и со своими черногорцами, имея при том достаточное количество пороху, свинцу, несколько ядер, бомб, шесть единорогов[3], ибо в Герцеговине равно как в Зете есть маленькие крепости, кои токмо построены, чтоб защищаться против ружейных выстрелов, вступил бы сей архипастырь без всякого затруднения в Герцеговину, в Зету и в неприсоединенную Берду, где христиане токмо того ожидают, чтоб к Черногории присоединиться. А турки, кои живут в своих маленьких крепостях и городах, будучи толь превосходными христианскими силами со всех сторон окружены и будучи атакованы черногорским митрополитом, который приказал бы учинить несколько токмо раз из единорогов выстрелов, — страх и ужас овладел бы сими турками, кои тем более нашлись в унынии, что в сих странах они не привыкли к пушечному огню; то в таковом положении вещей должно наверно заключить, что турки сдались бы черногорскому митрополиту без дальнего сопротивления и может быть без кровопролития. Таким единственно образом я удостоверен, что можно очень легко покорить Герцеговину, Зету и неприсоединенную Берду и подчинить сии провинции под покровительство великого нашего монарха.

[1] Здесь имеется в виду Зетская долина (у Санковского — Зетское поле), большей частью контролируемая Скутари (Шкодером).

[2] Имеются в виду территории Поморья перешедшие к Австрии после падения Венецианской республики в 1797 г. Рисан — ныне черногорский курорт.

[3] Гладкоствольная артиллерийское орудие русского изобретения (гаубица).

Приверженность народа славяно-сербского, в соседстве Черногории лежащего, действительно толь неограниченна к высочайшему нашему двору, что довольно быть российским чиновником, чтобы пользоваться их доверенностью и быть в таком почтении и уважении, что даже их начальники беспрекословно во всем сему чиновнику повиновалися. В доказательство же, с каким нетерпением ожидает зетский народ быть под покровительством государя императора, имею честь доложить вашему сиятельству о письме, кое от сего народа отправлено было ко мне еще в августе месяце, подписанное тридцатью пятью главарями и двумя из Куч.

Сие письмо есть следующего содержания: «Высокоблагородный господин наш, господин бригадир российский, господин, мы известились, что вы прибыли на Черную Гору к господину владыке Петру Черногорскому, и известились также, господин, что великий царь Александр взял под свое покровительство Черную Гору, Пипери и Белопавличи. Итак, ныне, господин, просим вас и целуем ваши руки и ваше платье, дабы вы, господин бригадир, ради любви Христа нашего спасителя, примите также меры подчинить нашу бедную Зету великому и православному царю всероссийскому. Мы вам себя препоручаем, мы, находящиеся в Зете под игом неверною турка и мучителя, который нас держит при вратах смерти и разоряет нас до конца. Мы более не в состоянии сносить его злодеяния и невозможно нам более так жить; потому мы просим вас, господин бригадир, и молимся и день и ночь за здравие царя Александра; да бог дарует нам избавление от ига турецкого и даст счастье быть под покровительством царя Александра, так как Черная Гора, чего с превеличайшим нетерпением ожидает вся Зета. Препоручаем себя вновь от старого до молодого нашему господу богу и великому царю Александру, да будет наш избавитель».

На сие письмо я учинил им словесный ответ, что государь император печется о благоденствии всех православных христиан, особливо освободить славяносербов от ига злых турок, следовательно они должны с терпением и молчанием ожидать сего счастливого дня и отнюдь ничего не предпринимать без воли государя императора против сих злых турок; ибо чрез то они совсем расстроют принимаемые ныне меры в их совершенную пользу, и которые действительно должны навеки освободить их от ига турецкого. А между тем им славяносербам должно приносить наитеплейшие молитвы всемогущему, чтоб сей счастливый день настал в непродолжительном времени. Равного почти содержания я учинил ответ приходящим ко мне депутатам из Герцеговины, а именно из кадилуков[1] Никшицкого и Таслического <?>, которые депутаты также неотступно просили быть под покровительством России. Таким образом, в исполнение приказания вашего сиятельства, я утверждаю сии народы, с одной стороны, в приверженности к российскому престолу, а с другой стороны, воздерживаю их сколь возможно от намерения ополчиться против турок. Но так

[1] Судебно-административные округа в Османской империи.

как народ герцеговинский, зетский и неприсоединенных Берд выведен из терпения неслыханным тиранством турок, кои суть в сих странах самые лютейшие злодеи, то и не можно надеяться, чтоб христиане на долгое время пребыли в мирном расположении духа и им бы за то вскоре не отомстили. Сие кровопролитие может быть ныне уже имело место, если бы я не склонил черногорского митрополита, чтоб он не разглашал и не объявлял от себя послание архипастырское Йоана Йоановича, здесь в копии приобщенного[1], да равным образом убедил также его, чтоб он отнюдь не принимал в уважение приложенного здесь в цифрах письма, полученного им от игумена из Георгия Столпова[2].

Черногория, на которую славяно-сербские народы возлагают свою надежду, что пока будет она существовать, то с помощью ее будут им доставлены средства низвергнуть иго турецкое, а тем более, что Черногория состоит под явным покровительством высочайшего нашего двора. Действительно, судя по местному положению Черногории, не можно сказать, чтобы сия надежда не имела основательность, а особливо если б Черная Гора имела в своем владении Зету и неприсоединенную Берду.

<...>[3]

Черногорский митрополит, пользуясь доверенностью не токмо народов славяно-сербских, кои граничат с Черногориею, но также в отдаленности находящихся народов, заслуживает особое внимание. А так как его приверженность и верность к государю императору заслуживает одобрение, то принимаю смелость доложить

[1] Текст письма епископа австрийской Бачки Й. Йовановича с призывом к воссозданию Славяно-сербского царства (во главу его планировалось призвать великого князя Константина, в чем ощущается влияние «греческого проекта») опубликован: Први српски устанак: Акта и писма на српском језику. Књ. 1. 1804–1808 / у редакцији Р. Перовића. Београд, 1977. № 56. 113–116. Об этом послании от 24 февраля 1805 г. см.: *Достян И. С.* Планы основания Славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 102–103; *Белов М. В.* У истоков... С. 169–170.

[2] Монастырь Столпы св. Георгия (1213 г.).

[3] Опущены технические расчеты Санковского по организации вооруженной борьбы. В целом излагаемый здесь план восстания «славяно-сербских народов» под эгидой Черногории был детищем митрополита Петра I Петровича-Негоша. Он был простимулирован восстанием сербов Белградского пашалыка, как-то согласовался с «балканскими планами» А. Чарторыйского и отлился в окончательную форму несколько позднее. См. обращение посланца митрополита архимандрита С. Ивковича к новому министру иностранных дел России А. Я. Будбергу от 2(14) мая 1807 г. с изложением черногорской версии проекта воссоздания Славяно-сербского царства: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 223. С. 356–357. Сборник Русского исторического общества. Т. 88. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона (IV). СПб., 1893. С. 42–43, 45–46. Этот план был сочтен несвоевременным и тактично отклонен: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 232. С. 362–363. А. Я. Будберг — Петру I Петровичу-Негошу, 11 (23) мая 1807 г. Однако в начале 1807 г., в условиях недавно начавшейся Русско-турецкой войны, создание военной коалиции черногорцев с герцеговинскими христианами и дальнейшее их соединение с сербскими повстанцами было частью стратегии, поддержанной Россией для быстрого принуждения Турции к миру. Попытки продвижения в Герцеговину под Никшичем в апреле и под Клобуком в мае 1807 г. потерпели неудачу. *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 120–128; *Грачев В. П.* Сербы и черногорцы... С. 225–244.

вашему сиятельству, что если сей архипастырь будет удостоен монаршею милостью — пожалованьем ему белого клобука, — то нет сомнения, что таковое отличие возбудит в нем толь горячее усердие на службу его императорского величества, что он в пользу оной будет в готовности даже жертвовать своим животом.

Губернатора черногорского Вуколая Ивановича Радонича, равно как игумена Петрония Демьяновича Носаковича монастыря Острога, дерзаю препоручить в высокое покровительство вашего сиятельства. Их искреннейшая приверженность и верность к российскому престолу заслуживает также одобрение, а тем более, что первый в Черногории, а другой — в Бердах очень любимы народом. Если вашему сиятельству благоугодно будет исходатайствовать губернатору орден св. Анны второй степени с алмазами, дабы его тем отличить от архимандрита Вукотича[1], а игумену в Остроге духовный крест на золотой цепи, то таковой знак монаршей милости к ним будут черногорцы и бердяне поставлять себе в великую честь. Но что более всего обрадовало бы народ черногорский и бердский и вселило в его душе вечную благодарность к великому нашему монарху, когда бы пожалованы были ризницы на монастырь Острог, где почивают мощи святого и великого Василия[2], кои посещают беспрестанно великое множество христиан из Герцеговины, Зеты и отдаленных мест и коим поклоняются даже турки и получают исцеление телесное и душевное.

Черногорские главари, кои пользуются доверенностью народа, не упоминая здесь о верховных начальниках, суть следующие.

<...>[3]

Всех сих главарей народ почитает и их слушает, и действительно большая часть из них своею отличною храбростью и добрым поведением заслуживают всякое уважение.

Опричь сих главарей есть еще и другие, кои в своих княжинах пользуются доверенностью народа. А как число всех сих главарей довольно знатно, да притом так как каждая княжина, сколь бы она слаба ни была, не позволяет других княжин главарям иметь над своими начальниками преимущества, то в уважение такового честолюбия черногорский митрополит повинен был остановить раздачу присланных к нему медалей от высочайшего нашего двора в 1798 году, ибо для удовольствования всех почетных главарей в каждой княжине и чрез то вообще весь народ черногорский и бердский, нужно бы было иметь золотых медалей: пятнадцать большого сорта, двадцать пять среднего сорта, а шестьдесят малого сорта; касательно же до серебреных медалей, то оные вовсе здесь не в уважении и никто не согласен их носить.

[1] Архимандрит Стефан Вукотич прибыл в Петербург в июне 1803 г. с доносом на митрополита Петра I Петровича-Негоша о его французских контактах. Это была уже вторая поездка в Россию (первая — в 1798 г.). Вукотич стал одним из главных информаторов русского правительства о дурных поступках владыки, инициировал миссию М. К. Ивелича и прибыл с ним в Котор в январе 1804 г. См.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 79–81; *Распопович Р.* Указ. соч. С. 60–64.

[2] Св. Василий Острожский (1610–1671) — основатель монастыря.

[3] Опущен перечень старейшин.

Ваше сиятельство соизволили мне приказать доложить, пользуется ли генерал, граф Ивелич великою доверенностью и уважением в народе славяно-сербском. На сие я не могу иное что отвечать, что граф Ивелич отнюдь не пользуется доверенностью черногорского митрополита, следственно невозможно ему иметь должное влияние по делам черногорским; а может быть и то немало ему вредит в мыслях здешних народов, что он им соотчич, потому они не имеют к нему того послушания, кое бы они имели к природному россиянину равного ему чина. Впрочем графа Ивелича фамилия есть одна из знатнейших в Ризане, где он имеет всю свою родню, а на Черной Горе у него нет родственников.

Прежде окончания сего всенижайшего донесения, должен здесь доложить вашему сиятельству, что как высочайшая грамота, которую я имел счастье вручить народу черногорскому и бердскому на генеральном сейме в Цетине, не была адресована к митрополиту, а токмо к губернатору и прочим главарям, то сие обстоятельство не токмо было крайне чувствительно черногорскому митрополиту, но еще всему народу черногорскому и бердскому. Итак, я долгом службы почел убедить митрополита и народ, что сие невозможно было иначе учинить потому, что так как сия высочайшая грамота была ответственная на поданное всенижайшее прошение народом о митрополите, дабы паки соблаговолил государь император возвратить сему архипастырю свое монаршее благоволение[1], то сия высочайшая грамота удовлетворяя в том народ, относилась до личности черногорского митрополита, а не до народных дел.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect, mon prince, de votre excellence, le très humble et le très obéissant serviteur

Etienne De Sancowsky

Staneviecz
le 24 octobre / 5 novembre 1805

Црногорско-руски односи. 1711–1918. Кн. 1. № 5–9. С. 66–79, 97–104

[1] Имеется в виду обращение от 16 августа 1804 г., переданное через Ивелича. См.: *Хитрова Н. И.* Из истории... С. 318.

В. Б. Броневский. Записки морского офицера

Владимир Богданович Броневский (1782/1784/1786?–1835) — участник средиземноморской экспедиции под предводительством Д. Н. Сенявина, публицист и историк-дилетант. «Записки морского офицера» в четырех частях были опубликованы впервые в 1818–1819 гг. Позднее Броневский издал еще ряд мемуарных работ, посвященных экспедиции Сенявина. Публикация «Записок» сопровождалась взаимными обвинениями в плагиате между Броневским и издателем «Отечественных записок» П. П. Свиньиным, который, очевидно, использовал рукопись первого при подготовке собственных «Воспоминаний на флоте». Этот литературный скандал следует рассматривать как прецедент в утверждении представлений об авторском праве, а отчасти и как проявление «парадоксов литературности» в процессе текстуализации путешествий[1]. В текст первой части «Записок» Броневского были помещены две главы — «Описание провинции Boco di Kataro» и «Описание Черной горы»[2], последнее публиковалось ранее в «Сыне Отечества». Они основывались на записках выходца из Далмации на русской дипломатической службе С. И. Мразовича (хотя и были использованы с его разрешения)[3], поэтому Свиньину так легко было переадресовать обвинения в плагиате. Записка Мразовича о Черногории представляет несомненный интерес как текст, проникнутый сентиментально-романтическими тенденциями и надеждами на «славянское возрождение» и все же, скорее, это взгляд с «европейских» Балкан[4]. Описываемое у Броневского посещение Черногории относится к 1806 г., когда, после передачи Далмации Наполеону по Пресбургскому миру (1805) русская эскадра оказывала помощь местным жителям в обороне Которской бухты и участвовала вместе с черногорцами и поморцами в осаде Дубровника.

Путешествие на горы

По рассмотрении призовою комиссиею бумаг и патентов, взятых Венусом[5] судов, не имея никакого занятия и будучи свободен от должности, предприял я объехать Катарскую область и Черногорию. Прибыв, во-первых, в Катаро, ездил оттуда в Доброту, Перасто, Ризано, Персано и Теодо, и возвратившись в Кастель-Ново[6], провел страстную неделю в монастыре Савино[7] в посте, молитве

[1] *Куприянов П.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 60–62. 2005. № 1. С. 68–71.

[2] С. 195–238, 238–300.

[3] *Достјан И. С.* А. С. Грибоједов и доктор из Пераста С. И. Мразовић // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 143–147.

[4] Записка на французском языке опубл.: Црногорско-руски односи 1711–1918. Кн. 1. № 14. С. 141–174.

[5] Фрегат в составе сенявинской эскадры.

[6] Местечки Которской области. Черногорское название Персано — Прчань. Теодо — Тиват. Кастель-Ново (Кастелнуово) — Херцег-Нови.

[7] Савина — монастырь, возможно, основанный в XI в., недалеко от Херцег-Нови.

и христианском смирении. На третий день Пасхи[1] с семейством Белодиновича[2] вторично отправился в Катаро, и как в сей областной столице не было ни одного трактира, где бы можно ночевать, то пристал я у вдовы протопопа Петровича, который рекомендован был Белодиновичем. <...>[3]

Добрая моя хозяйка доставила мне случай побывать в Черной горе. Отец Спиридоний, прихода ее священник, сыскал мне проводника, и я по данным мне наставлениям спешил сделать маленькие приуготовления. Взял с собой фунтов десять пороху, купил кремней, бисеру, стаканов и рюмок, синего стекла и несколько кусков сахару положил в карман, дабы сими безделушками дарить в знак памяти, тех хозяев, у коих буду ночевать. В продолжение моих сборов митрополит[4] приехал в город, я за долг почел просить его соизволения. Его высокопреосвященство охотно согласился на мое желание, убеждал иметь снисхождение к обычаям народа, всем сердцем и душою любящих русских. (Собственные его слова.) Приказал одному витязю из своей гвардии, ростом почти в сажень, провожать меня всюду, куда бы я ни пожелал, и, отпуская меня, уверил, что я буду принят с усердием и должным уважением. Первый проводник мой не хотел уступить чести охранять меня митрополитскому; они долго спорили, сердились и не знаю, как успел помирить их отец Спиридоний.

Чтобы казаться более военным, взял я с собою одну шинель, перепоясал длинную саблю, которою мог бы отрубить нос в сажени от себя расстоянием, а кортик, вместо кинжала заткнул за пояс. В четверг святой недели к вечеру, пешком и с посохом в руках отправился я в путь с одним матросом, весьма смышленым, проворным, и на храбрость которого при случае мог совершенно положиться; я говорю сие последнее потому, что черногорцы дорогих гостей своих любят встречать и провожать ружейными выстрелами, так что пули свистят мимо самых ушей. В *Скальяри* деревне, лежащей в прекраснейшей долине близ Катаро, дали мне лошака[5] и мы начали подниматься на гору, которой вершина упиралась в облака. По тропинке, извивающейся улиткою, достигли мы до крепости *Тринита* (Святая Троица) или лучше до четвероугольной башни, стоящей на границе Черногории и защищающей дорогу от Катаро в Будуа[6]. Гора, на которую отсюда нам должно было всходить, стояла еще выше первой, вершина ее терялась в облаках. Солнце заходило, становилось темно; до Цетина, где располагал ночевать, оставалось еще верст 18; дорога шла на такую крутизну и мимо таких ужасов, что я, прилегши на шею лошака, качался над краем бездонной пропасти, голова у меня закружилась, и я просил остановиться в первой деревне. Проводник уверял, что нет никакой опасности, и что я непременно должен ночевать у него в Цетине, как вдруг услышал пронзи-

[1] Православная Пасха в 1806 г. началась 1 апреля по старому стилю.
[2] Местный благодетель Броневского.
[3] Опущены похвалы хозяйке, предоставившей Броневскому ночлег.
[4] Черногорский митрополит Петр I Петрович-Негош.
[5] Гибрид жеребца и ослицы.
[6] Будва — город на Адриатическом побережье, ныне известный черногорский курорт.

тельные дикие крики; со мною бывшие отвечали такими же голосами; невольный страх овладел мною и еще более увеличился, когда догнали мы у ключа, *Кровавац* называемого, партию черногорцев, возвращавшихся с торгу из Катаро; они обступили меня, один спрашивал, точно ли я русский, другой, христианин ли я, а третий подозревал, не католик ли я, однако ж удовольствовавшись моими ответами и увериениями митрополитского витязя, хотели, чтоб я пересел на их осла, целовали руки мои и полу платья, а между тем тащили меня долой; начался между ими жаркий спор; я боялся, что начнется драка; наконец, посадив матроса на осла, меня оставили на лошаке, и мы спокойно продолжали путь. Около 10 часов провожатые мои сделали несколько выстрелов и вдруг все закричали, потом телохранители мои уведомили меня, что мы скоро остановимся в селении *Мирац*. Подъезжая к оному, услышали мы смятенные крики, ночь была довольно темна, и я обрадовался, увидев близко несколько зажженных светочей, это была толпа мальчиков с пуками горящей соломы; при въезде в деревню меня стеснили, остановили лошака. Первый, который подошел ко мне, был князь[1] (титло, принадлежащее сельским начальникам), он решительно объявил мне, что я должен ночевать у него.

Мне нечего было тут рассуждать, и я, повинуясь приказанию, пошел за ним. Князь остановил меня перед воротами, вошел в дом, скоро возвратился, взял меня за руку и ввел в избу. Представить должно мое изумление, расположение очень похоже на наши крестьянские светлицы. Меня посадили в угол под образа, возле меня матроса, который беспрестанно вставал с лавки, я насилу уверил его, что здесь он должен делать то, что нам прикажут. Вошла молодая женщина (младшая в доме невестка), поставила на пол к ногам моим деревянную чашу воды, с робостию поклонилась, поцеловала у меня полу мундира, у матроса руку, он вскочил и чуть не засмеялся, потом стала на колени, сняла с меня сапоги, посмотрела их с любопытством, сняла чулки, словом, мне и матросу вымыли ноги. После сего князь предложил мне пасху, которая стояла на накрытом столе, и все его семейство христосовалось со мною, равно и с товарищем моим. Подали умыть руки, зажгли свечку перед образами, принесли вареную курицу и копченую баранину, помолились и один хозяин сел между нами за стол, дети служили, а пришедшие смотрели на нас и говорили между собою. После ужина тотчас положили нас спать в особом чулане, на доски, покрытые ковром, князь лег возле нас, а сын, с оружием и не раздеваясь, повалился у дверей, и сей час оба захрапели. Я долго не мог заснуть и смотрел на кровлю, сквозь которую свистел ветер. Всякое движение моих хозяев, не знаю почему, приводило меня в страх: я подвинул к себе длинную мою саблю, и хотя в воображении моем не находил причины опасаться, однако ж был готов к обороне; но утомление сомкнуло глаза, и я часа три спал крепко.

Рано с солнцем громкий голос моего князя разбудил меня. Вопрос его, хорошо ли я отдыхал, считал я приказанием, почему встал и пошел за ним, располагая немедленно отправиться в дальнейший путь; но я ошибся и скоро

[1] Правильнее: кнез.

удостоверился, что не могу ничем располагать. Несколько старейшин из семейств ожидали уже меня на дворе, и лишь я показался, просили удостоить их посещением, и так я пошел за первым, кто подошел ко мне, матрос пошел за другим. Насилу избавили меня от омовения ног, подали яичницу и пшеничный, только что испеченный и весьма вкусный хлеб. Представьте мое удивление, я должен был обойти 20 дворов и везде непременно есть или, по крайней мере, всего отведать. При входе и выходе из дому я должен был перецеловать все семейство, а если я дарил ребенка кусочком сахара, то все целовали меня. Наконец, перецеловав по нескольку раз всю деревню, мне подвели лошака, посадили, пожелали доброго пути и начали стрелять; матрос мой напился так, что его принуждены были положить поперек на спину осла. Я позабыл сказать, что когда переходил из дома в дом, меня передавали с рук на руки, точно так, как бы какую вещь, и напоминали хранить меня как зеницу ока!

Дорога до Цетина шла мимо ужасных пропастей и глубоких оврагов, кое-где видны были виноградники, маленькие сады и площадки хлеба уже с четверть вышиною, справа и слева были Коложун и Ловчин[1] — высочайшие из гор, коих кремнистая цепь с висящими скалами на каждом шагу представляли трудные дефелеи и, так сказать, непреодолимые твердыни вольности черногорцев. В монастырь Цетино, местопребывание митрополита, прибыл я в полдень и остановился в доме первого моего провожатого. Несмотря на убедительное приглашение монахов, я не прежде мог посетить их, как начали звонить к вечерне. Цетино лежит в глубоком долу, покрытом зеленью и садами. Монастырь, окруженный зубчатыми стенами, с башнями и пятиглавая церковь напомнили мне окрестности Москвы; я забыл, что нахожусь так далеко от оной. Тут показывали мне грамоты императоров наших от Петра и подарки, состоящие в богатых ризах, сосудах, образ Божией Матери, принесенный в дар Екатериною Великою[2], обложен жемчугом и бриллиантами дорогой цены.

Не стану входить в подробности гостеприимства черногорцев; оно должно удивить и русского, но скажу, что наиболее сделало на меня впечатление. Я видел Спарту, видел в полном смысле слова Республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечем мщения, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем их соседям. Образ же их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши истинно достойны всякой похвалы. Три дни, проведенные мною между ими, я, так сказать, перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел пред собою простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильею Муромцом, Добрынею и другими богатырями нашей древности. Дикость характера, жестокость противу неприятелей побуждает их весть беспрерывную войну противу всех соседей, ибо, довольствуясь

[1] Ловчен — ныне национальный парк Черногории.

[2] Вероятно, во время миссии Ю. В. Долгорукова в 1769 г. См. о ней в заключительной статье.

своими произведениями и не имея в них надобности, находят для себя оную полезным упражнением. Сей обычай, проистекающий от необразованности, перевешивается чистотою нравов, повиновением к родителям и семейственным счастием. Собрав подробные сведения о Черногории и Катарской области, я постараюсь с точностию изобразить свойства народа, по происхождению и вере, столь к нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия еще ни одним путешественником не была описана.

<...>[1]

Не могу умолчать о двух случаях, которые могут показать до какой степени черногорцы набожны и преданы государю. В Белоши приходской священник принес святцы, дабы сказал я ему, киевской ли они печати. Я развернул и стал читать. Все бывшие в избе встали, и когда я перестал, просили, чтоб еще прочел несколько молитв. Я обратился тогда к образам, все начали молиться, сделалась тишина, и слышны были вздохи, которыедо того растрогали меня, что едва мог удерживать слезы. По окончании чтения умиление было изображено на лицах каждого, разговор кончился сожалением, что они так далеко живут от России, и не могут видеть великолепия наших храмов и молиться в них Богу. Другой случай доставил мне удовольствие столь же великое. Первому моему провожатому подарил я портрет государя. Узнав, чье изображение держит в своих руках, затрепетал он от радости, обнял меня с восхищением, целовал руки, благодарил несвязными словами, приложилпортрет к груди, потом перекрестился, поцеловал оный с благоговением, дал приложиться своим домочадцам, показывал каждому и, наконец, прилепя к дощечке, поставил к образам.

Броневский В. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. 1. СПб., 1818. С. 184–195

[1] Опущено изложение обратного маршрута и повторная самореклама автора как первоописателя края.

В. В. Вяземский.
Журнал (1 июня 1806—30 сентября 1807 г.)

Василий Васильевич Вяземский (1775–1812) — выходец из обедневшей ветви старинного княжеского рода[1]. Учился в пансионе при Московском университете, а затем в Горном корпусе, но обучение не закончил. С 11 лет, как это было часто принято в екатерининскую эпоху, был записан в лейб-гвардии Преображенский полк, а с 15 начал действительную службу, в 1792 г. став ординарцем, а потом и адъютантом А. В. Суворова. С ним он отличился в Польском походе 1794 г., и в 1803-м достиг вершины служебного роста, когда вошел в чин генерал-майора и стал шефом 13-го егерского полка. В 1804 г., еще до начала сенявинской экспедиции, был переведен на остров Корфу, который после изгнания французов в 1798 г. стал главной базой русского флота в Средиземноморье и ядром находящейся под сюзеренитетом Турции и покровительством России Республики семи греческих островов или Ионической республики[2]. В ходе военных действий 3-й антинаполеоновской коалиции участвовал в бескровном походе на Неаполь. Позднее, после Тильзита, когда Россия эвакуировала вооруженные силы из Средиземноморья, пересек с юга на север весь Апеннинский полуостров и в Падуе имел короткую встречу и беседу с французским императором, о чем поведал в дневниковой записи за 1 декабря 1807 г.[3] Уже в следующем году полк Вяземского влился в состав Молдавской армии. Вновь открывшиеся в 1809 г. военные действия складывались поначалу не слишком удачно. Вину за провал неподготовленного штурма Браилова 19–20 апреля главнокомандующий А. А. Прозоровский взвалил на своих подчиненных, и именно на Вяземского[4]. В марте 1812 г. часть Молдавской армии и с нею Вяземский были переброшены на Волынь и влились в состав 3-й Западной армии под командованием А. П. Тормасова, с которой автор дневника сражался против войск Наполеона[5]. В бое за Борисов в ноябре 1812 г. генерал-майор Вяземский, принявший командование авангардом армии П. В. Чичагова после вышедшего из строя по ранению генерала К. О. Ламберта, сам был ранен картечью, что и стало причиной его смерти 5 декабря 1812 г.

[1] Здесь и далее биографические сведения заимствованы: *Шумихин С. В.* Дневник (1803–1812 гг.) и письма генерал-майора В. В. Вяземского // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 270–283. Автор статьи опирался на мемуарную часть дневника, начатого в январе 1803 г., где она составляет первые 15 листов. См. также вступительную статью: *Он же.* В. В. Вяземский // 1812 год... Военные дневники / сост. А. Г. Тартаковский. М., 1990. С. 185–195.

[2] Здесь им были составлены «Соображения относительно обороны Албании и Мореи в случае вторжения французов» (май 1804 г.). См.: *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976. С. 303.

[3] Запись в отрывках: *Шумихин С. В.* Дневник... С. 276–277.

[4] См. подробнее: Там же. С. 278–279.

[5] Фрагмент дневника, относящийся к Отечественной войне, опубликован С. В. Шумихиным: *Вяземский В. В.* «Журнал».1812 г. // 1812 год... Военные дневники. С. 195–225.

Публикуемые ниже фрагменты из журнальной книги за 1 июня 1806 г. — 30 сентября 1807 г. относятся к короткому, но яркому эпизоду в военной карьере Вяземского, когда он, исполняя обязанности командующего приданных сенявинской эскадре сухопутных сил в Далмации, совместно с черногорцами атаковал и блокировал Дубровник.

Средиземноморская экспедиция под началом Д. Н. Сенявина (ее путь на Корфу начался в сентябре 1805 г.) была предпринята для противодействия экспансии наполеоновской Франции в этом регионе и, в частности, на Балканы. Неожиданный для многих выбор Сенявина, в то время служившего флотским начальником в Ревеле (Таллине), в качестве главнокомандующего всех сил России в бассейне Средиземного моря (по этому случаю он срочно произведен в вице-адмиралы), очевидно, был продиктован его прежним боевым опытом[1].

Между тем, пока эскадра Сенявина находилась в пути, военно-политическая ситуация на европейском континенте резко поменялась. После разгрома под Аустерлицем Пруссия и Австрия пошли на мир с Наполеоном. Третья коалиция рассыпалась. Согласно Пресбургскому трактату, подписанному 14 (26) декабря 1805 г., к Франции, в частности, должны были отойти бывшие владения венецианцев, в самом конце XVIII столетия, после побед Суворова и Ушакова, доставшиеся Австрии — Западная Истрия, Далмация и Бока Которская (залив). В тот же день опечаленный Александр I подписал рескрипт о возвращении в черноморские порты всех русских кораблей и воинских отрядов, находившихся в Средиземноморье. Однако связь в то время не располагала к скоропалительным решениям. Этот документ достиг Сенявина только в марте 1806-го, когда мнение императора уже переменилось — с января он настаивал на необходимости противодействовать продвижению Франции вглубь Балканского полуострова.

Форпостом противостояния Франции на Адриатике становится Которский залив. Жители Котора и других прибрежных коммун отказались сдаться на милость французов. Они обратились за помощью к черногорскому митрополиту Петру I Петровичу-Негошу, который 15 февраля собрал «збор» старейшин, постановивший послать им тысячу воинов. Тогда же и вскоре после этого многие депутаций от местного населения подали прошения к С. А. Санковскому о принятии в подданство или хотя бы под покровительство России. Еще не зная об этих событиях, Сенявин направил в Которский залив три корабля под командой капитана 1-го ранга Г. Г. Белли и 140 человек морской пехоты. Этот визит воодушевил бокезцев и черногорцев, отряд которых, возглавляемый Петром I вырос до 7000 человек. Над которскими коммунами и крепостями взвился российский стяг. В марте того же года в Боку Которскую прибыл второй отряд кораблей под командованием генерал-майора

[1] Сенявин участвовал в военных действиях на море в 1787–1791 гг. и в Средиземноморской экспедиции 1798–1800 гг. под началом Ф. Ф. Ушакова. Обиженный на Сенявина, Вяземский по-своему интерпретировал это назначение: Александр I потребовал назначить во главе эскадры русского адмирала и морской министр П. В. Чичагов, чтобы посрамить русских, назначил Сенявина, сам же император даже не удостоил его аудиенции. Этот фрагмент приведен: *Давыдов Ю. В.* Сенявин. М., 1972. С. 109–110.

П. К. Мусина-Пушкина, а затем и большая часть эскадры во главе с Сенявиным, который был растроган восторженным приемом местных жителей и аттестовал Которский залив как очень удобное место для морского базирования. С подачи черногорского митрополита Петра I Петровича-Негоша и Санковского, Сенявин разработал план полного изгнания французов из Далмации и при поддержке бокезцев и черногорцев предпринял наступление на Дубровник, занятый войсками Наполеона в мае. Руководить этими действиями был назначен Вяземский. Однако в 20-х числах июня блокаду Дубровника пришлось снять, и вскоре Вяземский подал в отставку с поста командующего[1].

Дневник и письма[2] Вяземского среди тех кто, писал о сенявинской экспедиции, использовал лишь автор беллетризированной биографии адмирала, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», писатель и историк Ю. В. Давыдов. Между тем, свидетельства Вяземского во многом диссонируют с рассказами других очевидцев и оценками, закрепившимися в историографии. Это касается и личности Сенявина, и описаний черногорцев, включая их митрополита. Как отметил С. В. Шумихин, у Вяземского не складывались отношения со многими из его командиров, которым он давал часто несправедливые характеристики, имел он личные счеты и с самим императором, которому противопоставлял его бабку, умевшую заметить, оценить и продвинуть способных к службе: «Человеку, подобному Вяземскому, без протекции при дворе и с довольно скромными средствами, даже если он и происходил из знатного княжеского рода, трудно было надеяться на продвижение по службе выше генерал-майора (командира полка или бригады, в лучшем случае дивизионного командира, с жалованьем 2000 руб. в год). Чувствуя себя несправедливо обойденным теми "выскочками", чья служба проходила на парадах и в дворцовых караулах, князь в своих записях давал выход накопившейся раздражительности, обвинял начальников в интригах и заговорах против него, в том, что его намеренно оттесняют на задний план, что заслуги его по достоинству не оценены»[3]. Что же касается облика черногорцев в изображении Вяземского, то здесь, очевидно, проявилась стереотипная модель XVIII в. известная по отчетам С. Ю. Пучкова, М. Тарасова или князя Долгорукова, побывавших в Черногории в 1750–60-х гг. с ее противопоставлением просвещенного регулярного государства и варварской анархии[4]. Если в свидетельствах других участников сенявинской экспедиции она представлена

[1] См. подробнее о военных действиях и дипломатических обстоятельствах этих событий: *Тарле Е. В.* Экспедиция Д. Н. Сенявина в Средиземное море // Собр. соч. М., 1959. Т. 10. С. 247–284; *Шапиро А. П.* Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958. С. 86–154; *Он же.* Которский вопрос в 1806 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 193–206; *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 254–257; *Бажова А. П.* Россия и югославяне в конце XVIII — начале XIX века. М., 1996. С. 61–87; *Аншаков Ю. П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998. С. 103–113; *Он же.* Русские и югославяне на Адриатике в начале XIX в. (Из истории экспедиции Д. Н. Сенявина) // СА. 1997. М., 1998. С. 77–104. Важные поправки см. в полемической по замыслу книге: *Грачев В. П.* Сербы и черногорцы... С. 31–57.

[2] ОПИ ГИМ. Ф. 257.

[3] *Шумихин С. В.* Дневник... С. 275–276.

[4] См. подробнее заключительную статью.

рудиментарно, то у Вяземского гораздо более очевидно (сказалась здесь, вероятно, и обида на Сенявина). В этом отношении опять же можно согласиться с Шумихиным: Вяземский был человеком екатерининской эпохи[1].

К источниковедческой характеристике «Журнала» Вяземского, сочетающего интимный дневник с походными (полуслужебными) записями и мемуарными реминисценциями, можно добавить еще одно наблюдение. Вероятно, перебеленной версии журнальных книг, хранящихся теперь в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, предшествовали какие-то черновые заметки или, во всяком случае, записи в «Журнал», делались спустя какое-то время после происходивших событий во время военных досугов, свободных от жарких боев: тогда они представали в более обобщенном и оценочном виде. Это наблюдение относится, например, к публикуемому ниже недатированному фрагменту, посвященному характеристике Петра I Петровича-Негоша, черногорцев и Котора. По-видимому, они сделаны после отставки с поста командующего, во время или уже после возвращения на Корфу.

Орфография, грамматика и пунктуация в записях Вяземского далеки и от норм своего времени. Нижеследующие фрагменты для удобства чтения приближены к ним, прежде всего, пунктуационно (запятые не выделены как вставки). Опущены подробности боевых действий.

1806 год

июнь

<...>

3-го в 12-ти часов корабль Ярославль стал на якорь в Катерском проливе[2]. В 1 час получил я повеление принять в командование все войска, в Бокезкой области состоящие и защищающие сию область, но словесно чрез графа Войновича[3] повеление адмирала поспешить, с какою бы я частью не пришел войск, к Старой Рагузе[4]. Я уже большой части войск не нашел в Катеро, ибо оные были в Рагузинской республике — французы, услышав о занятии русскими Катеро, вознамерились занять Рагузинскую республику и отправили из Далмации армию генерала *Лористона* с 4000 войск[5]. <...> Французы, заняв Рагузы, выставили кордоны по границе со стороны Боко де Катеро. Митрополиту черногорцов, который вызвался защищать бокезскою область с черногорцами и бокесцами весьма хотелось начать грабить и республику Рагузинскую, наслаждавшеюся 480 лет покоем [и] побоготившеюся, а также и нашу казну, ибо коль скоро начнутся военные действия, то мы были обязаны содержать его войски, вот притчина, что митрополит черногорский с нашим шарже д'афер[6]

[1] *Шумихин С. В.* Дневник... С. 275.

[2] Бока Которская, Которский залив (ит. Bocche di Cattaro).

[3] Имеется в виду, очевидно, начальник коммунитата Кастельнуово (Херцег-Нови), майор русской армии Георгий (Джордже) Войнович.

[4] Цватат. Рагуза — «иллирское» название Дубровника.

[5] О соотношении сил сторон см.: *Шапиро А. П.* Адмирал Д. Н. Сенявин. С. 142, 349–350. (Примеч. 5.)

[6] Поверенный в делах (фр. chargé d'affaires).

Санковским, которого цели на казну государя так же интересовали, как и митрополита. <...>[1]

В два часа по полуночи я пошел на рассвете, спустился в долину *Канало*[2], около 11 часов утра я пришел в Старую Рагузу.

Долина Канало лежит между двух цепей гор, ровная как стекло, с протекающею по ней речкою, с садами, хлебопашеством и деревеньками, прекрасно выстроенными. Верст 20 в длину и верст 5 в ширину. На самом рассвете входишь в сию долину и видишь ее как картину, спускаясь с горы, кажется, что идешь в места, где жители блаженствуют, но когда солнце осветило, и я был на самой долине, тогда тежело вздохнул и не один раз вздохнул, видя пылающие домы крестьян, убитых хлебопашцев, коих мертвые тела валяются по полю, и ни блеяния овечии, ни крику осла, ни рыку вола, ни песни петуха [—] ничего не слышишь, все это или убито или отогнано, и кто же причиною сего, скажут, воины! Нет, это черногорцы, оставивши три дни назад жен, детей, домы свои, чтоб иттить грабить и убивать смиренно живущих соседей, имея одну притчину толко к сему, коею прикрывают жадность и варварство свое, и какая же это притчина [—] религия, святая религия. Православная религия греческая, она притчиною поставлена сему безчеловечено — зладеи! Так для того разве изобретена религия — к нещастию, для того сочтите все миллионы от религии погибших — но что ж такое религия[:] добро или зло?

Когда уехали на лодки французы[3], то обыватели Старой Рагузы трепетали от ожидаемого ими варварства и потому послали к митрополиту с прошением помилования. Митрополит послал им крест спасителя[4] в свидетели, что они будут покойны. Жители отперли ворота и тогда варвар митрополит пустил черногорцов на грабеж, кровь невинных полилась ручьями, все калодци наполнились

[1] По версии Вяземского, с их подачи и по лености рассудка адмирал Сенявин ввязался в авантюру, хотя между Дубровником и Которской областью лежала турецкая территория. Вяземский осуждал Сенявина и за то, что тот отказался передать Котор австрийцам, хотя в день его прибытия адмирал получил соответствующее распоряжение царя. Сенявин объяснял, что распоряжение запоздало и обстоятельства изменились, но Вяземский здесь видел лишь пустые амбиции. Действительно, 25 мая 1806 г. в связи с предстоящими переговорами П. Я. Урби в Париже, российский посол в Вене А. К. Разумовский отправил Сенявину инструкцию, предписывающую передать Котор австрийцам, но в секретной ее части, рекомендовал под благовидным предлогом оттягивать это дело как можно дольше. См.: *Шапиро А. П.* Адмирал Д. Н. Сенявин. С. 149 (Шапиро указывает 4 июня как дату получения этой инструкции Сенявиным). См. также о близких по времени инструкциях Сенявину Александра I и П. В. Чичагова, а также о переговорах в Вене по которскому вопросу: *Грачев В. П.* Сербы и черногорцы... С. 59–65.

[2] Вставлено сверху: «4-е число». Правильнее: долина Конавле. Топографические подробности боев в районе Дубровника см. в лишенной, однако, указаний на источники статье: *Foretić V.* Rusko-crnogorski rat s Francuskom 1806–1807. i pad Dubrovnika // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 327–337.

[3] Французы были выбиты из Цавтата 23–26 мая при помощи посланного Сенявиным линейного корабля «Уриил» и канонерской лодки, а также бокезских судов, которые вели обстрел противника с моря.

[4] Слово вставлено.

телами, имущество разграбили, и я уже нашел город совсем опустошенным. Старая Рагуза[1] [—] городок неболшой, построен на полуострове, и все укрепления состоят в одной стене со стороны твердой земли.

Около полудня прибыли мои баталионы в Старою Рагузу, откуда, сев на барказы, переправился для избежания лишнего и весма трудного пути, да и по чрезвычайной усталости в *Срибреною*[2] [—] прекрасно построенная набережная под утесами турецких гор и на долине *Срибреной*, где я и нашел все войски наши и черногорские, черногорцов [—] рассыпанных по грабежу, а наших [—] расположенных на берегу близ ряда прекрасных домов, выстроенными в лучшем вкусе, но все сожжено, все ограблено, все испорчено, на сих же монументах варварства нашел я и преосвященного митрополита.

Долина *Срибреная* окружена рагузинскими и турецкими горами, не что иное как хозяйственной сад. Домов почти не видно, они все в садах, множество маслиновых и разных фруктовых деревьев, множество винограду, несколко пшеницы и очень много пчел — все домы вообще и шелковые заводы черногорцами сожжены, пчелы все заграблены, хлеб потоптан, скот заграблен, и все резоны [—] не наша вера, и все одобрением преосвещенного митрополита.

<...>[3]

19-го. <...> Митрополит уверил адмирала, что он идет вперед, под Станвио[4], и адмирал уже думал, что и победа, хотя тот его и обманывал совсем приметно.

20-го. <...> Люди терпели, не имея ни хлеба, ни говядины, ибо уже скота никакого отыскать нельзя было в покупку, оный весь угнан был в Черногорию.

21-го. <...> Митрополит имел тайные переговоры с французским генералом, но адмирал сие оставил без внимания. Были перестрелки между французами и черногорцами[5].

23-го. Черногорцов большая часть уже возвратилась в Черногорию, ибо республика Рагузинская ограблена была совершенно.

24-го. Я не в состоянии был вырыть траншеи, ибо позиция, каковую я занимал была весма пространна для 2000 человек, из чего весь мой отряд состоял. Я был вне безопасности от того, что корпус занимал столь длинною линию.

[1] В древности назывался Эпидавр. (Примеч. автора.)

[2] Сребрено — предместье Дубровника.

[3] Среди опущенных записей наиболее значимые — от 5–6 июня, где описана попытка штурма Дубровника. Войска под началом Вяземского и черногорцы митрополита, к которым присоединились добровольцы из Приморья, нанесли огромный урон французам под командованием генерала А. Я. Лористона, и только подоспевшее к ним подкрепление помешало атакующим взять город. Записи Вяземского, посвященные этому сражению, проанализированы: *Шумихин С. В.* Дневник... С. 277–278. Они имеют расхождение с другим рассказом: *Броневский В.* Записки... Ч. 2. СПб., 1818. С. 18–25. См. также: *Давыдов Ю. В.* Указ. соч. С. 97–99. Ретроспективно Вяземский занес это сражение, а также удачную эвакуацию из-под Дубровника в список своих главных военных заслуг. См.: *Шумихин С. В.* Дневник... С. 280.

[4] Вероятно, Стон, находящийся в 70 км от Дубровника. Именно с этой стороны Вяземский ожидал наступления французов для снятия русской блокады.

[5] Записей за 22 июня нет, но число проставлено.

Конечно, я не мог бы быть столко в опасности, естлиб черногорцы хоть мало повиновались митрополиту, чтоб быть наималейшей части из них на местах, кои бы им были назначены. Но сии бездельники были рассыпаны на грабеже по всей республике, болшими партиями отгоняли свой скот в Черногорию и относили свои добычи. Те ж, кои были блики к лагерю, заняты были охранением лодок, наполненных грабленым и при пастбе скота, которой был еще не угнан, а по сему, занимая столь длинною линию, я был в совершенной невозможности консентрировать войски и принужден был блокировать город, ожидая здачи крепости от голоду и не имения воды, не думая более о траншеях.

<...>[1]

27-го прибыли мы поутру в Катерской пролив, адмирал встретил меня с почестями, лестными похвалами и удивлением удачной ретираде — здесь я ему открыл, что такое черногорцы и их митрополит, и чем может кончится сия экспедиция. Он все принял, все хвалил, все опробовал и поручил было в полною мою волю все распоряжение и экспедицию.

<...>[2]

29-го после обеда и нашел у него митрополита и Санковскаго. Я начал говорить как неосновательно полагали, что сии места неприступны, в каком худом состоянии крепость, но комплот противу меня был уже составлен, и все были противу моего мнения, когда начал я их уличать во всем, их неосновательности, адмирал по поводу начальничества начал грубостями опровергать все, что [бы] я ни говорил. Я видел тотчас, что интриги начаты, и что для зделания мне вреда готовы рисковать войсками, и что сей комплот будут всеми мерами мне вредить, и притесняя войски, почел я лучше отказатся от далних местных видов, чем жертвовать войсками, паехал от адмирала и послал к нему рапорт, что я за болезнею командовать не могу. Тут злоба начала приготовлять мне ямы: корпус поручили в команду полковника Бушеля, все офицеры, все солдаты роптали, что я притеснен, все были разогорчены огорчением, зделанным мне.

<...>[3]

[1] Опущены записи о снятии блокады Дубровника.

[2] Вяземский совершил объезд Которской области и, в частности, посетил крепость Кастельнуово (Херцег-Нови), найдя ее непригодной для обороны от французов. См.: *Давыдов Ю.В.* Указ. соч. С. 108–109.

[3] Опущена негативная характеристика Сенявина (л. 17об.–19), упомянутая выше и частично процитированная в биографической книге Ю.В. Давыдова. Вяземский обвинял адмирал, кроме прочего, в пристрастии к «буянству и пуншу» в молодости, а также в том, что тот был отдан под суд «за похищения» в Херсоне. Эти расхожие сплетни подводят к последующему указанию на легковерие и неспособность Сенявина самостоятельно оценить ситуации. Санковский уверил его, что бокезцы не хотят принадлежать французам и просят русского покровительства, «...посему он отправился в Боко де Катеро. Там его приняли, оболстили, он нашел пищу честолюбия, разбойники ему показалися героями, мошенники — приверженными, лстецы — умными, и он обещал протекцию и подкрепления войсками, не сочтя сил, но его уверили, что в Черногории и бокезов наберется верно 30 000 героев, готовых умереть для России. Оной ничего не рассмотрел, ни во что не вникнул, оставил там корабль Азию, на коем командиром

Черногорский митрополит Петр Петрович Негуш. Он выбран митрополитом невежами. Впротчем, человек без всякой учености и без всяких сведений. Век свой провел в Черной Горе, языка, кроме словенскаго, не знает никакого, а на словенском почерпнуть сведений не откуда. От природы не глуп, хитр, дерзок к плутовству, интереган и безчеловечен. Он был сперва протежирован нашим двором, но потом открыт в своей переменчивости и повелением Екатерины прогнан из Петербурга. Он жил крохами черногорских грабежей в Албании. Во время императора Павла I один из подобных ему разбойничал в Сербии. Его искали, и он скрылся в Петербург, куда прибыв, принял на себя ложной вид депутата из Черных Гор, обещая нам множество услуг, и посему принят, обласкан, награжден и отправлен к сему митрополиту с орденом Александра Невского[1]. Сей прежде не принял, боялся что сие откроется, но, наконец, скрыл разбойника в чине священнослужителя и новые прожекты, новые планы в Петербург, почему и отправлен в Черногорию генерал-майор *Ивелич*. Сей зделал на него[2] донесение ко двору, как видно, описав сущею правду и сей плут вторично подпал под замечание. Но Ивелича взяли, и послали в Черную Гору статского советника *Санковского* поверенным в делах. Митрополит посредством его предложил новые планы завладеть Катером. Синявин принял оные. Митрополит, вызнав Синявина, предлагает, обещает, обнадеживает ему дать до 30 тысяч черногорцев, блеснув ему полусотнею выбранных, и на словах уже завоевывает Далмацию. Таким образом он зделал болшую связь с Синявиным и даже начал распоряжать головой Синявина, а тот зделал ему полное доверие. Митрополит, раскрася усердие обеих народов, требовал однако 15 копеек на человека в день и хлеб, впротчем, все воины, все оруженосцы и победы готовы. Синявин, не вникнув ни во что, ни видав ничего, следует по словам Петровича. Сей пользуется его доверенностью, и когда французы заняли Рагузу, он збирает черногорцов, показывает их до 10 000, не имея более двух, снабжает Черногорию порохом, свинцом и себя деньгами, чтобы впредь быть значущим и играть роль Чернаго Жоржа[3]. Он, пользуясь отлучкой Синявина, задирает пикет француской, нарушает трактат, переходит часть турецкого владения с черногорцами, баталионом моего полку и пятью ротами мушкетер[ов], нападает на французский аванпост, из двух

свояк его *Белли*, а сам поспешил в Корфу и отправил генерал майора Мусина-Пушкина с витебским мушкетерским полком для занятия Бока, почему сей и занял Боко де Катеро и чрез весма короткое время...»

[1] Вероятно, речь идет о самозваном графе Черноевиче-Давидовиче (Николае Чирковиче), обласканном Павлом I. Именно он привез митрополиту орден Александра Невского. См. о нем подробнее: *Аншаков Ю.П.* Из истории русско-черногорских отношений в конце XVIII — начале XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII —1878 г.) / отв. ред. И.С. Достян. М., 1995. С. 132–137. Тот же самозванец в октябре 1800 г. подал царю прошение о присоединении к Черногории Боки Которской. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. № 301. С. 393–396.

[2] Зачеркнуто, сверху надписано: митроп[олита].

[3] Бунтовщик, набравший 100 000, и теперь играет значущею роль в Европе. (Примеч. автора.) Речь, конечно, идет о вожде Первого сербского восстания Карагеоргии.

рот поставленной, и преследует его, благославя притом жечь, грабить Рагузинской республики лучшею долину [vale di canalo][1] и резать рагузинцов. Французский капитан для спасения жителей уехал из Старой Рагузы с аванпостом в Новою, приказав жителям добровольно отпереть ворота *Старой Рагузы*. Сии посылают к владыке, покоряются, и он посылает крест спасителя во свидетели, что город оставят в покои. Ворота с покорностию отворяются, кровь безоруженных жителей полилась ручьями от рук черногорцев, пожитки и все имущество разграблено и город зажжен. Лучшее из добычи принадлежит святому пастырю. Французской генерал Лористон пишет о сих варварствах, но пишет, говоря, что «воины русские оказывают не слыханные тиранствы». Он заключает, что и императорские знамена предшествуют сему варварству. Синявин оставляет французского генерала без ответа, ибо Петрович уже овладел им. Синявин не отвечал даже и на то французскому генералу, что он писал: «вы режете головы пленным французам, но, конечно, забыли, что мы имеем 18 000 пленных русских»[2].

Я приехал, как выше описал, на долину *Срибреною* и нашел наши войски и всю экспедицию в чьем распоряжении? У Синявина Синявин правится митрополитом, а сей поступает по всем советам преподаваемом ему в войне от брата его *Белаго*[3], знаменитейшаго в тиранстве безоруженным, в обмане двора и Синявина, следует правилам сбежавшего из Киево-Печерской лавры попа *Демьяна*[4], в политике руководствуется протопопом Пророковичем[5], которой, однако ж, в хорошем обществе ничто, но между тиранами добрейшей, между дураками умнейшей.

На сражении 5 июня, когда обратили французы черногорцов в бегство, сей храброй митрополит встретился мне первым из бежавших, побледневший, дрожавший и столко потерянным, что не мог мне сказать ни одного слова, кроме того[:] [«]мы пропали, мы пропали[»]. Во все время блокады он ничем иным не занимался, как покупал, отнимал, менял и продавал грабленое, и он то почтен русским двором. Незадолго пред ретирадой он имел тайное свидание с присланным от французов рагузинцом.

[1] Внутритекстовое примечание автора в квадратных скобках.

[2] На самом деле Сенявин ответил Лористону. Его ответ известен из публикации В. Б. Броневского и часто цитируется историками. См., например: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 268–269. Он сводился к тому, что черногорцы и бокезцы не звали французские войска, а сопротивляются им, как умеют. Уже подмечено, что похожий ответ (на возмущение зверствами партизан) Лористону пришлось услышать еще раз в ставке М. И. Кутузова 23 сентября 1812 г. См.: *Вильсон Р. Т.* Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 169.

[3] У митрополита Петра I Петровича-Негоша было три брата: Савва, Тома и Стиепо. Савва отличился в боях при взятии островов Корчула и Брач в конце 1806 г. и по представлению Сенявина награжден орденом Св. Георгия IV степени. *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 118.

[4] Возможно, секретарь митрополита Доментиан Владевич или упомянутый в донесениях Санковского игумен Острожского монастыря Петроний Демьянович Носакович.

[5] Митрополит отметил протопопа Ивана Пророковича в письме Сенявину как одного из особо отличившихся в сражении 5–6 июня за Дубровник. См.: *Грачев В. П.* Сербы и черногорцы... С. 56.

Во время ретирады он не смел показатся черногорцам и, струсивши, прибежал броситься в лодку, бывшею у него всегда наготове, и потом десять раз посылал просить меня о спасении его 100-рублевой лошади, но ему то была введена безопасность нашего корпуса. По прибытии в Кастельново, когда я отказался от командования корпусом, тогда, не имея адмирал никаких придирок оклеветать меня, попросил митрополита и сей духовной злодей написал на меня клевету, что войски после 5 июня потеряли дисциплину, что делали шалости и что я лично говорил ему неприличности[1].

Статской советник Санковский, поверенной в делах двора в Черногории, управляющий адмиралскою головою, делящий доходы с св[ятейши]м владыкой и подлой ниской секретарь с посредственным умом с прескверною душею.

Граф Войнович во время Екатерины служил в России майором и выехал оттуда обманывать простодушных бокесцов. Он их продал цесарцам и потом нам. Дерзкой враль, мастер льстить и более смешон, нежели досаден. Он адмиралом назван комендантом Кастельново и есть его первейшей советник, берется за все, ничего не разумеет, ничего не выполняет, и от того терпели войски, и крепость осталась совсем без обороны.

Вот люди! которые выполняют важные экспедиции росийскаго двора.

Бокезская область лежит между турецкими владениямии Черногориею. Оная не имеет более 15000 жителей, коих главное пропитание мореходство, они принадлежали из давних времен Венецианской республике и по завоевании сей республики французами, как сия область была толко под протекциею республике, то оная и прибегла под покровителство римского императора, но политическое ее существование всегда зависело частию от России. При уступлении римским императором французам Далмации и сей области бокезцы отреклись повиноваться австрийским начальникам, ссылаясь, что римской император не имеет права отдавать их, имея толко их в покровителстве, почему требовали выступления австрийцов и просили взойтить русские войски, одавшись под покровительство России. Россия чрез сие компромитировала австрийской двор и потому государь приказал возвратить сию область австрийцам. Но Синявин не выполнил повеления, ссылаясь, что французы заняли Рагузу, между тем разрыв мира, *Убрием*[2] заключенного, и наши вошли и по сию пору занимают сию область. Обыватели сей области есть славяне, по большей

[1] Упоминая об этом конфликте, А. П. Бажова цитирует письмо Петра I Петровича-Негоша Сенявину от 2 июля 1806 г. с обвинениями в том, что офицеры 13-го егерского полка «произносили ругательные укоризны всему вообще войску черногорскому и от самого генерала Вяземского некоторыми неприличными выражениями [он сам] обижен». *Бажова А. П.* Россия и югославяне... С. 69–70. Учитывая усилия, которые прилагали Сенявин и Санковский для поддержания союзнического духа между русскими войсками и черногорскими отрядами, можно предположить, что Петр I действительно мог влиять на оперативное руководство, манипулируя опасностью конфликтов.

[2] Этот фрагмент подтверждает несинхронность, во всяком случае, части записей в «Журнале» Вяземского. Договор, подписанный П. Я. Урби в Париже 8 (20) июля 1806 г. Об отказе Александра I ратифицировать его стало известно уже в августе.

части греческого исповедания, управляются трибуналом на венецианских правах, владение их по обе стороны Катерского пролива, обычаи их весьма близки к обычаям русским, доброго и честного ндрава, вообще тверды и мужественны, рослы и прекраснаго вида мущины, женщины же здорового сложения, но не хороши. Одежда их весма близка к греческой короткой одежде, вооружение их [—] сабля, кинжал и пистолет. Женской наряд очень похож на сарафан. Попы их плуты, как и везде. Они имеют много судов двухмачтовых, больших же мало. Манифактур никаких, кроме выробатывания хороших сабель. Просвещения совсем никакова. Местоположение гористо с малыми долинами. Продукты их [—] вино, деревянное масло, скотоводства совсем нет. Войны они ни с кем не имели, но главные их неприятели черногорцы, с коими они теперь в дружбе поневоле. Пролив бокезкой длиною более 25 миль. Ширина от 5 миль, и есть места, в коих не шире версты. Катеро есть город сей области, многолюдные местечки [—] *Ризано* и *Будуа*[1]. Крепость, защищающая пролив и приход к берегу от Рагузинской стороны, Кастельново[2], старинная, азиатской архитектуры. Все высоты с северной стороны, и замок Испаньиоло командоют оною. Замок *Испаньиоло* [—] четыреуголной редут, командуемой высотами, для обороны может служить только на несколько дней.

Черная Гора лежит на берегу Адриатическаго моря, граничит с турецкою Албаниею и Бокезкою областью. В оной живут черногорцы раскиданными деревушками. За столицу почитается у них монастырь Станевищи, где живет их митрополит. Они[3] никому не принадлежат, покровителствуются некоторым образом Россиею. Они также отрасль славян, греческого исповедания, чрезвычайно суеверны. Оными управляет митрополит и губернатор, последний получает сие звание наследственно. Обычаи их самые варварские. С вида некрасивы. Характера злаго, изменничьяго, но трусы. Варварство их никакое перо описать не в силах. Это из малейших[:] убить женщину, вырезать ребенка и расстреливать онаго, илижарить человека, что ежечасно видимо было нами. Воровство у них [—] добродетель, священники их им служут примером к тиранствам, грабежам и трусости. У них редко кто зна[е]т грамоти. Рукоделья никакого, торговли никакой. Живут по большей части грабежами[4].

НИОР РГБ. Ф. 178. № 9850. Л. 2/1[5]–2 об. /2, 3 об. /4–4 об. /6, 13/23–13 об. /24, 16 об. /30–17 об. /32, 19/35–22 об. /42

[1] Будва. См. примеч. к «Запискам» Броневского.

[2] Castrum Novum. Крепость построена [в] 1373 г. <нрзб> королем Босни[и]. Гишпанцы заняли оную в 1538 г., но барбарейцы взяли от них в 1539 г., от коих взяли венециане 30 сентября 1688 г. (Примеч. автора.) Барбарейцы здесь: берберы. См. примеч. к путевым записям П. И. Кеппена.

[3] Вставка сверху: черногорцы.

[4] Следующая запись относится уже к июлю, когда Вяземский перебрался на Корфу.

[5] Первая цифра указывает на архивную пагинацию, вторая — на авторскую.

П. П. Свиньин. Воспоминания на флоте

Павел Петрович Свиньин (1788–1839) — дипломат, художник, литератор, журналист, коллекционер, археограф-дилетант —родился в семье небогатого костромского помещика, но благодаря сановному старшему брату обрел связи в кругу имперской бюрократии[1]. Ко времени учебы в Московском университетском благородном пансионе относится начало его увлечения литературой; вкусы, усвоенные в этом кругу (сочетание просветительских традиций и сентиментализма, с акцентом на гражданственность и патриотизм), оказали воздействие и на последующее творчество.

В 1805 г. Свиньин поступил на службу в Коллегию иностранных дел и стал секретарем канцлера А. Р. Воронцова. Одновременно он посещал занятия в Академии художеств и позднее (в 1811 г.) получил звание академика живописи. В качестве дипломатического чиновника (переводчика для иностранной переписки) с кораблями Ивана Александровича Игнатьева, направленными на усиление эскадры под командованием Д. Н. Сенявина, в июне 1806 г. Свиньин пустился в средиземноморский поход. Корабли Игнатьева прибыли на Корфу в декабре 1806 г., а в Которе Свиньин мог оказаться лишь в начале 1807-го, когда готовились и были осуществлены неудачные попытки прорыва в Герцеговину для последующего соединения с сербскими повстанцами[2]. Разумеется, публикуемые ниже зарисовки из позднейших «Воспоминаний» Свиньина опираются далеко не только на личные впечатления. Вторая глава первой части (с. 148–272) этой книги, где речь идет черногорцах и бокезцах, — часто не воспоминания, а сотканное из чужих рассказов и бумаг повествование о том, что его автор сам не видел и в чем не участвовал. И даже впечатления от посещения Котора зависимы от текста Броневского.

С августа 1811 г. Свиньин занимал пост секретаря российского генконсула в Филадельфии, и в его задачи входило создание позитивного образа России в американском общественном мнении[3]. Затем он направлялся с дипломатическими поручениями в Германию и Англию. Путевые наблюдения во время этих поездок публиковались на страницах российской периодики и выходили отдельными изданиями. Закат служебной карьеры Свиньина был связан со скандалом, в который вылилась его миссия в новоприсоединенную Бессарабию (1815–1816 гг.). Отправленный туда для сбора сведений и описания края, Свиньин превысил полномочия и рассорился с местным боярством. Этот случай, как считают некоторые исследователи, стал одним из источников сюжета «Ревизора», подсказанного Пушкиным Гоголю.

Карьерное фиаско заставило сконцентрироваться на литературной и журнально-редакционной работе: в 1818–1819 гг. Свиньин издал два сборника «Отечественных записок», а в следующем году преобразовал их

[1] Справка основывается преимущественно на подробной биографии в кн.: Русские писатели. Т. 5. М., 2007. С. 519–524 (авторы статьи — А. И. Рейблат, при участии В. Н. Бочковой). См. там же (с. 524) внушительную библиографию.

[2] См. примеч. к донесениям С. А. Санковского.

[3] Россия и США: Становление отношений (1765–1815). М., 1980. С. 482. См. недавнюю публикацию: *Свиньин П. П.* Американские дневники и письма. М., 2005.

в журнал, который стал «...одним из первых, если не первым опытом создания исторического и этнографо-статистического русского журнала...»[1]

В работе над журналом Свиньин продолжал путешествовать, объездив всю Россию, кроме ее дальних восточных окраин. «Отечественные записки» предложили способ своеобразного картографирования имперского пространства и русской нации, помещенной в исторический ландшафт (местные древности, памятники архитектуры, письменности и т. д.) и представленной местночтимыми героями, подвижниками и самородками, выявление которых стало еще одним поприщем предприимчивого редактора. Особенность путевых записок Свиньина-художника, уже отмеченная исследователями, — совмещение и переплетение в них вербальных и визуальных средств выражения. Текст перемежался авторскими зарисовками, и сам Свиньин называл эти опыты «живописными путешествиями»[2]. При этом стилистически они были крайне разнородны, иногда излишне экзальтированны и нередко содержали ошибки. В литературном истеблишменте Свиньин завоевал прочную репутацию журнального враля и простодушного мошенника. Обвинения в плагиате, выдвинутые против Свиньина Броневским, о которых упоминается выше, не были единственными[3].

Славистические интересы Свиньина, помимо образов черногорцев в «Воспоминаниях на флоте», проявились, как минимум, еще однажды — в двух публикациях, вдохновленных поездкой в Бессарабию, где образовалась колония сербских политических беженцев, участников восстания 1804–1813 гг., включая Карагеоргия[4].

10 [февраля 1806 г.] <...>

Сей народ[5] заслуживает внимание и в других отношениях. Страшный вид обнаженных гор сей страны сходствует с суровостию и дикостию характера и наружности жителей. Подобно всем обитателям гор, они страстно любят свободу и отечество и носят печать народной гордости. Чрезвычайная умеренность в жизни делает их отменно здоровыми и сильными, обеспечивает независимость их от других наций. Все нужды с избытком удовлетворяют они земледелием, скотоводством и садоводством, к чему способствуют, пересекаемые рекою *Великою*, плодоносные равнины и холмы[1], на коих рассеяны их хижины. Жителей в Черногории можно положить до 30 000 мужеского полу, и как всякий здесь воин, то небольшая область сия может легко выставить до 15 тысяч ратников. Они управляются митрополитом, который в одно время имеет власть *военачальника, законодателя* и *блюстителя святыни*. Нынешний первосвященник их *Петр Петрович Негош* — человек весьма умный и сведущий. *Черногорцы* говорят *славяно-иллирийским* языком, весьма понятным для *русского*. Не многие из них умеют писать; история же их до сей поры передается изустно в балладах и простонародных песнях, кои обыкновенно составляются на каждое сражение. Напев их весьма похож на наши *русские национальные песни*: замечается также некоторая унылость в окончаниях.

Бокезцы во многом сходствуют с своими соседями — *черногорцами*. Даже не приметно, чтоб важные коммерческие сношения и житие по городам и селам сколько-нибудь смягчило их нравы или нарушили их патриархальную простоту. Всякий из них также воин, всякий дышит войною. Ярые волны, разбивающиеся о дикие утесы, бурные ветры, воющие в ущельях, беспрестанное борение стихий, поражающие их слух и зрение — натурально вдыхают сей браннолюбивый характер.

<...>

13 мая [1806 г.] <...>

Народ сей не может отвыкнуть, несмотря на увещания и запрещения митрополита от ужасной азиатской привычки — грабить и резать головы у побежденных ими неприятелей, которые хранят они как главные драгоценности в домах своих. Невозможно было равнодушно смотреть на *черногорцев* и *бокезцев*, в восторге возвращающихся домой с трофеями. Один из них одет был в женское платье, найденное им в *Рагузе*, на другом был капуцинский капюшон, на третьем — сенаторская мантия и парик, а на плечах с одной стороны на крючках навешаны живые гуси и куры, а с другой — человеческие головы, книги, подушки и все, что только можно найти и унести с собою. Таким образом несколько дней являлись сии странные *фигуры* на голых скалах *Далматинских* гор, пробираясь к хижинам своим с пляскою, и распевая веселые песни, которые с ужасным криком гусей и уток, висящих у них на крючках, производили дикие отголоски! Сии *победители* представляли необыкновенно смешное и отвратительное зрелище[2].

<...>

Сражение 5-го числа июня...

Митрополит Петр Петрович и генерал-майор князь Вяземский, командовавшие войсками[3], отличили себя не только неустрашимостию, но также

[1] Русские писатели. Т. 5. С. 521. Ср. похожую оценку автора, дополнительно указывающего на рыночную успешность журнала, который отвечал среднему уровню тогдашней провинциальной публики и принадлежал «массовой культуре» своего времени: *Кулакова И. П.* Из истории дворянской интеллигенции начала XX века (П. П. Свиньин) // ЛИ. Вып. 3 / отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 2001. С. 155–170.

[2] Русские писатели. Т. 5. С. 521; *Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011 (по указат.).

[3] См., например: *Рейтблат А. И.* Как Павел Свиньин на Ивана Заикина жаловался, или Издатель, автор и полиция в начале XIX века // НЛО. 1996. № 16. С. 81–90. Другие случаи с указанием на литературу: Русские писатели. Т. 5. С. 522.

[4] Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 30. С. 140–149; Отечественные записки. Ч. 1. СПб., 1818. С. 45–58; *Бажова А. П.* Карагеоргий в России. С. 300–302; Фрагмент о Карагеоргии переведен на сербский: *Радусиновић М. П.* Једно руско свједочанство о Карађорђу // Историјски гласник. 1984. № 1–2. С. 93–98.

[5] Речь о черногорцах.

[1] Сложно сказать, какую реку имеет в виду Свиньин, его географические познания весьма приблизительны. Возможно, речь о р. Морача и Зетской долине.

[2] Рассказ относится к осаде Дубровника (Рагузы) в 1806 г. или событиям предшествовавшим ей, составлен со слов русских офицеров.

[3] 5–6 июня 1806 г.

деятельностию и необыкновенным хладнокровием. Каждый офицер, каждый солдат показал себя героем. *Черногорцы* и *бокезцы* бросались с радостию с русским вместе на пушки, и произвели впоследствии такой страх во французах, что они всякий раз при виде их предавались бегству. Не столько их варварская привычка резать головы, сколько удивительная способность метко стрелять из ружья и сверхъестественная легкость взбираться на чрезвычайные крутизны и перепрыгивать, опираясь на ружья, через пропасти, подали к сему повод.

<...>

7)[1] Во время осады Рагузы черногорцы под картечными выстрелами грабили форштат[2] и вырывали, так сказать, добычу перед глазами неприятеля, день и ночь не давая ему покоя. Видя таковую дерзость и жадность их, французы, не смея более делать вылазок из крепости, вздумали брать их как волков в засады. Для сего выгоняли за крепостные стены несколько ослов для пастбища. Особенное, сверхъестественное искусство черногорцев красть сих ленивых животных, несмотря, что сопровождаемо было часто кровопролитием, увеселяло как нас, так и неприятеля: французы, смотря со стен, хлопали даже в ладоши. Когда удавалось сим последним схватить при том черногорца, и он едва жалостным голосом закричит: «О! Брате! Брате! Помозите!» —в ту минуту неожиданно явится их целая куча: как с неба упадут на выручку товарища. Верно известно, что большая половина из черногорцев, попавших в плен французам в продолжение сей войны, лишили себя жизни, разбивая себе головы о камень или умирая с голоду.

8) Черногорцы сражаются подобно древним скифам, то есть отступая, и атакуют точно так, как наши казаки — россыпью и при ужасном крике. В минуту являются с тылу неприятеля, с боков, расстраивают его порядок и утомляют движениями. Они подвергаются всем опасностям для взятия своих раненых и убитых с места сражения. Надобно отдать справедливость — черногорцы и наших солдат выносили как своих *братиев*. Неимоверная сила их, быстрота, легкость содействуют их храбрости. По сим качествам в рукопашном бою они столько же пагубны, как по меткости в перепалках.

<...>

4-го [января 1807 г.] Выпрося у Ивана Александровича [Игнатьева] его катер, с некоторыми из любопытствующих офицеров я пустился в *Катаро*.

Нигде, может быть, на свете нельзя увидеть столь разительной противоположности ужасного с приятным, как на берегах Катарского канала: усмотря в расщелии дикой, мрачной скалы светленький домик, зеленый садик, плодоносную равнину, обрадуешься, и обиталище человека покажется раем. От самого почти плеса начинается узкий *пролив*, который местами не шире версты, а берега его так высоки и прямы, что кроме неба ничего не видно, и лодка наша казалась упадшею с неба в сию пропасть. Посредине плеса находится небольшой островок, на коем стоит уединенно древняя готическая церковь, окруженная полуразвалившимися стенами. Отсюда залив поворачивается к югу и в конце его, в углублении огромных скал, белеют стены и дома *Катаро*. Чем ближе приближаешься, тем вид *Катаро* ужаснее, тем горы, на коих построен город, представляются дичее и неприступнее: и эти горы обнесены еще толстыми каменными стенами, изгибающимися по вершинам, пропастям и оврагам; готические башни их кажутся едва примкнутыми к высунувшимся скалам; но шесть столетийпротекло, и они невредимы, и, вероятно, еще несколько тысяч лет будут сопротивляться усилиям стихий и служить памятниками величия и могущества *венециян*, сих некогда повелителей морей. Во все пространство берегов *Катарского* залива трехдечные корабли могут свободно приставать к ним: так глубоко дно сей пропасти.

[1] В данном случае Свиньин пронумеровал «анекдоты» о войне 1806 г.

[2] Форштадт (нем.) — городское предместье.

Осмотреть город *Катаро* труднее, чем обширнейшую столицу Европы. Улицы городские состоят из крупных каменных лестниц, по коим надобно беспрестанно взбираться и опущаться, а потому, прежде чем пройдешь две темные улицы, составляющие главную часть города, потеряешь силы. Сие положение города дает ему какой-то необыкновенный интерес, какое-то очарование, особливо к вечеру, когда дома освещены и представляются стоящими одни над другими: во многие из них с нижней улицы входишь в первый этаж, а с *верхней* — в четвертый или пятый. Во время дождя никто не смеет выходить из домов: лестницы превращаются тогда в быстрые потоки и шумящие каскады, увлекающие все, что ни попадется им навстречу. Сие неудобство имеет одну ту выгоду, что вода уносит с собою всю нечистоту с улиц и дворов в море. В *Катаро* я заметил несколько довольно хороших зданий и лавок, наполненных богатыми товарами. Церквей считается здесь 17, из коих только одна греческая, а жителей до 5000. Пред захождением солнца бывает гулянье обыкновенно по городской стене, с коей представляются бесподобные виды.

Крепость содержится теперь в удивительном порядке и готовности, даже горят уголья в печи для раскаливания ядер. Путешествие мое в *замок* отложил я до завтра, ибо г. Санковский предложил мне пристанище на ночь в своем доме, а товарищи мои нашли оное у других наших офицеров. Хотя в *Катаро* есть довольно хороший *казино*, куда по вечерам собирается все катарское общество, но ночлег в нем весьма худой, и путешественники ищут его обыкновенно по обывателям.

5 [января 1807 г.] на рассвете пошел я в верхние укрепления. Усилия мои, взобраться до жару в *замок* так истощили мои силы, что я лишился бы, конечно, памяти, если б стакан холодной воды, который подал мне часовой, не освежил меня. Дорогу составляет бесконечная лестница, высеченная из самой горы. На вершине ее бьет фонтаном родник чистой, студеной воды, который падает в бездонную пропасть, чрез высунувшиеся скалы, прыгая с одной на другую и крутя с собою каменья, производящие падением своим звук, подобный пушечным выстрелам. Все совершенное в природе имеет свою собственную прелесть — даже ужасное: вот почему на сии мрачные горы, в беспорядке набросанные одна на другую, на сии бурные водопады, одним словом, на окружные

предметы, представляющие природу в ожесточении, смотрел я долго с некоторым благоговением.

Артиллерия в замке большею частью бронзовая и древняя, почти вся — первой эпохи изобретения огнестрельных орудий, некоторые с надписью 1563 года; есть также несколько пушек, скованных из железных прутьев. Пороховые погреба и арсенал, в коем показывали нам много старинных ружей, высечены в самой горе. Вниз я сошел в несколько минут — бежав нехотя.

Можно смело сказать, что *Катаро* неприступна с сухого пути; ибо хотя с одной стороны и возвышается над нею хребет гор, но невероятно, чтоб когда-нибудь нога смертного взобралась на сии утесы, а тем менее возможно встащить осадную артиллерию; равномерно мудрено поверить, чтоб *укрепления* ее были творением рук человеческих: если так, то одно отчаяние или крайняя опасность могли породить чудеса сии. Губа *катарская* состоит из трех природных бассейнов, соединяющихся узкими проливами, которые весьма способны к укреплению.

Удобность портов, в коих может безопасно стоять многочисленный флот, а более недостаток в хлебе, обратили все внимание жителейна мореплавание: слишком 400 судов, в том числе большая часть трехмачтовых и хорошо вооруженных, принадлежат сему заливу, и конечно, без труда можно набрать здесь до пяти тысяч матросов, стрелков же до десяти тысяч. Всех жителей в *Боко-ди-Катарской* области можно положить до 150 тысяч; первые и богатые фамилии исповедуют *греко-россиискую* веру, остальные же — *католическую*. Вообще все говорят одинаковым языком с *черногорцами* и одежду носят такую же. Она состоит из широких пантол[он]ов с узкими узорчатыми суконными чулками. Кафтан одинакового с нижним платьем цвета, с бортиком по швам и толстый кушак, за коим всегда пара пистолетов и длинный кинжал; башмаки у всех красные с заостренными носочками. Голову покрывают небольшою красною скуфейкою с черною кистью наверху (у католиков шапочка сия вся черная); темя выбрито, а сзади волосы распущены. *Бурка* составляет необходимую принадлежность к туалету всех горских жителей: она служит им шубою, постелью, утиральником; из нее даже черногорец и албанец делает шалаш свой во время бивуаков. Мода здесь не существует, и тот, кто осмелился бы переменить, что ни есть в одежде своей, заслужил бы осмеяние и даже публичный выговор в церкви.

До сей поры сохраняются между *катарским* народом некоторые обычаи и узаконения *северных* народов, весьма схожие с законами наших предков. Например, за нанесение обиды или раны положена цена. От наказания за самое убийство можно откупиться. В сем последнем случае происходит весьма странный обряд: виновный посылает послов к родственникам убитого, требуя суда над собою; они сходятся, и он начинает ползать на коленях по комнате, а неприятели гонятся за ним с саблею или кинжалом — после сего уже платит уговоренную пеню. В противном случае месть целыми фамилиями передается у них от одного поколения в другое, называясь враждою *кровь за кровь*. *Бокезцы* подобно *черногорцам* завоевывают своих невест, то есть жених, условясь наперед

с родителями невесты, нападает с родственниками и приятелями своими в дом красавицы и увлекает ее силою к себе — как побежденную.

6 [января 1807 г.] Сегодняшний праздник *Крещения* останется навсегда в памяти здешних жителей по влиянию на сердца иумы их; будет помещен в их истории, а для всякого другого представил прекраснейшее зрелище.

Хотя господствующая вера в стране здешней искони была греко-российская, но в продолжение долговременного правления землею венецианцами и австрийцами католическое духовенство силою и соблазнами вовлекло многих в их исповедание, и наконец так притеснило греко-российскую церковь, что отняло у ней храмы, не повелело строить новых, звонить в колокола и того менее праздновать церковные обряды, толико уважаемые жителями. По вступлении русских в сию область Сенявин объявил греческую веру господствующею, а все другие *терпимыми*, и для предупреждения ссор запретил всем состояниям людей ходить в церковь с оружием.

С самого утра войска стояли в ружье вдоль морского берега и по извилинам гор, так что со [стороны] флота казались возвышающимися один над другими и русские штыки блестящими под облаками. Неприступные скалы, голые, высунувшиеся из моря камни были покрыты бесчисленным народом. В пристани сделана была великолепная Иордань, при коей собрано было все духовенство, как с кораблей, так с *Черной горы* и *славянских* монастырей. В восемь часов по утру Сенявин отвалил с корабля своего на катере под адмиралтейским флагом в сопровождении бесчисленного множества прекрасных катеров. В то же время митрополит явился на берег на белом коне своем, завоеванном им у скутарийского паши. У пристани встретил он адмирала со крестом и церковным пением; после чего тотчас началась литургия.

Надобно иметь перо *Измайлова*[1], изобразившего с такою силою и прелестию минуту крещения христиан на *Почайне*, чтоб описать величие сегодняшнего торжества — великолепные парады с. — петербуржские ничто в сравнении с сим зрелищем. Лишь только первосвященник погрузил крест в струи моря, как гром пальбы с крепостей, флоту и армии потряс землю и гул страшно передавался в ущелинах гор. Выстрелы с крепости Эспаньолы, достигающей до небес, мелькали в облаках, как ярые перуны Громодержца. Каждый камень, каждое дерево казались дышащими огнем: *черногорцы* и *бокезцы* повсюду палили из своих пищалей и пистолетов. Весьма приметно было умиление произведенное в народе согласным пением певчих. При величании многолетия Александра иные громко превозносили дражайшее для них имя, другие повергались на колени и рыдали от радости и благоговения. По окончании церемонии влияние, произведенное ею на сих добрых, приверженных Богу и Государю христиан было еще чувствительнее, еще трогательнее: все кинулись к Сенявину, повергались перед ним ниц лицом, целовали полы платья его, потом с восторгом лобызали всякого русского, обнимались между собою, как будто оживленные

[1] Вероятно, речь идет о В. В. Измайлове, авторе «Путешествия в полуденную Россию» (1800–1805), которое содержит исторический фрагмент о крещении киевлян.

новою благодатью крещения и любви братской. Дорога до крепости, по коей адмирал должен был проходить, усыпана была цветами и лаврами, которые кидали девы и женщины славян. В комендантском доме приготовлен был богатый завтрак для генералов и офицеров, а на дворе накрыты столы для воинов. Оставя соотечественников, я втерся в ряды черногорцев и с замечанием наблюдал сей любопытный народ в его непринужденной природной веселости.

Витязи, составляющие гвардию митрополита, сидели отдельно в кружке. Нельзя без удовольствия смотреть на сих исполинов, из коих каждый не менее 2 аршин 14 вершков и может служить для скульптора образцом мужественного совершенства. В самом сильном расположении к веселости черногорец вообще соблюдает умеренность в пище и питии: удивительно даже сколь мало нужно ему для насыщения столь огромного и мощного тела. После трапезы начались песни, пляски и игры. Каждое движение, каждый взор и звук изображали воинский дух сего народа. Игры состояли в метком *стрелянии* в *петуха*, в *бросании свинцовых кружков*, в катании *шарами, бегании, борьбе* и проч. Пляска их есть не что иное, как *прыжки* вверх чрезвычайно высоко под такт напева; но очень любопытны они бывают, когда славные стрелки при сем хвастают своею меткостию, например, в минуту, как один плясун прыгнет, другой из пистолета пулею должен отшибить носок у его башмака, или при обороте — отстрелить пуговицу, и часто случается отшибает, или опаляет один у другого ус, не причиняя нисколько вреда телу: таковая меткость одобряется общим «ура!», а промах смехом и пенею по два гроша. В песнях обыкновенно рассказываются подвиги их витязей, както: история королевича *Марко*, воеводы *Янько*, *Степана Малого*[1] *и проч.*

Веселье продолжалось далеко за полночь с одинаковою живостью и шумом, а это от того, что всякий из них, кто почувствует малейшую усталость или слабость, отошедши несколько шагов, завернется в бурку и всхрапнув час или два, снова принимается за пляску и питье. Вот как веселятся наши черногорцы и приморцы!

7 [января 1807 г.] Кастельново построено на довольно высоком берегу: полуразрушившиеся стены и готические башни придают ему живописный вид. Строение большею частью в азиатском вкусе, лавки весьма бедны товаром.

За городом находятся два греческих монастыря, к коим я сделал весьма приятную прогулку. Обе обители сии лежат в прелестных лощинах, изобилующих всем, чем щедрая природа наделяет человека для блаженной жизни: чистою водою, всякого рода плодами древесными и земными, тучными пажитями, дичью и рыбою. Мы повсюду были приняты добрыми иноками дружественно и учтиво и приглашены за трапезу их. Нет почти земли, где бы монашеское звание было бы более уважительно и важно: здесь *монахи* не только служители алтаря, но единственные наставники и воспитатели юношества.

[1] Песенный цикл о Марко-Королевиче (Кралевиче) и, вероятно, Янко Юришиче; Степан Малый — самозваный правитель Черногории на рубеже 60–70-х гг. XVIII в., эксплуатировавший легенду о «спасшемся» Петре III.

В монастырях дети обучаются грамоте, катехизису и арифметике. После обедни они созываются пред *игумена*, который толкует им слово Божие.

В монашество принимают только из лучших фамилий. Церковные книги, заметил я, здесь более киевского издания.

После обеда, веселою компаниею, ходили мы на вершину голых синих скал, где белеет церковь *Илии* Пророка[1]. Святой сей здесь вообще, как у нас между простым народом, почитается покровителем громов и бурь, а потому нельзя было приличнее избрать места для посвящения ему храма. Бурные облака беспрестанно носятся в круге его, вой ветра не умолкает, беспрестанно вторится гул камней, падающих в бездны и срываемых клокочущими каскадами. Чтоб достигнуть церкви, должно пройти тысячу пропастей, избегнуть тысячу смертей от малейшей неосторожности.

Свиньин П. Воспоминания на флоте. Ч. 1. СПб., 1818.
С. 167–168, 178–179, 180–182, 218–219, 223–237

[1] Вероятно, та, что расположена на мысе Плагенти (Доброта), XII в.

К. К. Родофиникин. Донесения

Константин Константинович Родофиникин (1760–1838)[1] — первый, неофициальный дипломатический представитель России в Сербии, исполнявший свою должность в Белграде в течение двух лет: с августа 1807-го по август 1809 г. Родофиникин — выходец из мелкой дворянской семьи греческого происхождения; по утверждению В. С. Караджича, который, вероятно, опирался на фамильную этимологию, его предки были выходцами с острова Родос[2]. В 1783 г. он вступил добровольцем в Переяславский казачий полк добровольцем, но в 1786 г. оказался в Петербурге на службе в Коммерц-коллегии, а затем был переведен во флот, где отличился во время Русско-шведской войны в сражении у Гогланда (1788)[3].

После выхода в отставку с военной службы, по болезни, бюрократическая карьера Родофиникина складывалась крайне удачно, несмотря на все перемены на российском троне. В 1803 г. он перешел на работу в Коллегию иностранных дел, став начальником канцелярии государственного канцлера, будучи порекомендованным А. Р. Воронцову известным своей политической выживаемостью А. А. Безбородко. Назначенный представителем Коллегии при 1-й действующей армии, Родофиникин участвовал в кампании 1805 г., а во время Аустерлицкого сражения находился в окружении царя и вскоре получил высочайшее поручение лично передать его наставления русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому. По возвращении оттуда, согласно царской инструкции, он должен был отправиться в Валахию, чтобы, по словам самого Родофиникина, «...остаться здесь под каким-либо предлогом, доколе дела с Портой придут в ясность и доколе получу дальнейшие повеления; между тем на случай вступления войск российских в турецкие области сыскать средство уведомить сербов, чтоб они, силы свои не раздробляя для набегов, держали оные в массе, дабы удобнее можно было главнокомандующему российско-императорскою армиею направить их туда, куда нужда востребует; собрать точнейшие сведения о возможности, здесь имеющейся, к продовольствию армии, и когда посланник Италинский сообщит мне, что разрыв с Портою последовать должен, тогда приступить секретным образом к заготовлению как хлеба, так сена и овса и обо всем том донести вашему высокопревосходительству»[4]. Иными словами, координацией действий Петербурга с сербскими повстанцами, в условиях приближающейся войны с турками, Родофиникин занимался как минимум со второй половины августа 1806 г., когда он перебрался из Вены в Яссы[5]. По предположению С. Новаковича, одним из конфидентов Родофиникина осенью 1806 г. мог быть и сербский

[1] В других источниках в качестве даты рождения указываются 1763, 1765 и 1767 гг.

[2] *Карацић В. С.* Сабрана дела. Књ. XVI. Историјски списи. II. Београд, 1969. С. 68.

[3] *Старчевский А.* Справочный энциклопедический словарь. Т. 9. Ч. 2. СПб., 1855. С. 123.

[4] Первое сербское восстание... Кн. 1. № 171. С. 289. (К. К. Родофиникин — И. И. Михельсону, 24 сентября 1806 г.)

[5] Там же. № 168. С. 274. (Примеч. 1.)

просветитель Досифей Обрадович (ок. 1840–1811)[1]. Согласно мемуарам А. Ф. Ланжерона, Родофиникин какое-то время после вступления русских войск в Дунайские княжества исполнял обязанность их администратора: «...ему была поручена вся корреспонденция и охранение Дивана Молдавии и Валахии», но из-за конфликта с генералом М. А. Милорадовичем оказался не у дел[2].

6 марта 1807 г. в ставку главнокомандующего Молдавской армией отправилась сербская депутация в составе П. Новаковича-Чардаклии, А. Лукича и И. Гагича[3]. Кроме прочего, они просили, согласно записи общавшегося с ними Родофиникина, «послать к ним особу, которая бы председательствовала в их совете и наставила их, как образовать сербское правительство...»[4] В рапорте царю в связи с этой просьбой главнокомандующий пояснил: «Сколько мог приметить, они паче всего желают иметь в Совете перевес во власти военачальников своих коих боятся. По сей статье осмеливаюсь представить, что и для нас без сумнения было бы выгодно иметь посреди сербов человека, действовавшего умами их по нашему

[1] *Новаковић С.* Константин Константиновић Родофиникин. Биографске белешки // *Он же.* Из српске историје. Нови Сад, 1972. С. 295–296. В январе 1807 г. Обрадович побывал в расположении Молдавской армии и получил в награду от главнокомандующего золотой наперсный крест «за любовь вере и отечества и труды...»: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 195. С. 315 (приказ И. И. Михельсона от 13 января 1807 г.). См. также: *Лещиловская И. И.* Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания // БИ. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. / отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1987. С. 23–31.

[2] *Ланжерон А. Ф.* Записки... // РС. 1907. № 8. С. 315–317. Тому причиной, как полагает Новакович, стали и неудачи с организацией «греческого корпуса» из добровольцев Княжеств до 3000 человек (понятно, что этничность этого вооруженного формирования была весьма разнородна, а название — условным, поэтому напрасно Новакович опасался задним числом, что если бы реализовался план отправки легиона в Сербию, «греческая партия» обрела вооруженную поддержку). *Новаковић С.* Указ. соч. С. 296–298. Родофиникин занимался, в частности, вопросами продовольственного снабжения этого формирования: Первое сербское восстание... Кн. 1. № С. 336–337. К. К. Родофиникин — И. И. Михельсону, 22 марта 1807 г. История «греческого корпуса», личность его предводителя Н. Пангалоса, а также роль валашского господаря К. Ипсиланти имеют неоднозначную трактовку в исследовательской литературе. Ср.: *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962. С. 303–307; *Семенова Л. Е.* Константин Ипсиланти и Первое сербское восстание (1804 — август 1807 г.) // БИ. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 59; *Хадзопулос К.* Греческий корпус под командованием Н. Пангалоса // БИ. Вып. 11. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции / отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1989. С. 14–23.

[3] Первое сербское восстание... Кн. 1. № 202. С. 326. Полномочие Правительствующего совета от 6 марта 1807 г.

[4] Из истории помощи сербскому народу в период Первого народного восстания // Исторический архив. 1960. № 1. С. 119. Наличие полномочий на такую формулировку вызывало сомнение у ряда сербских историков. Контраргументы см.: *Белов М. В.* Первое сербское восстание... С. 22–23.

направлению...»[1] В целях ускорения процедуры назначения сербские депутаты заявили о согласии принять в качестве русского уполномоченного Родофиникина[2]. Его выбор выглядит вполне логично, учитывая опыт контактов этого чиновника с сербскими повстанцами по поручению царя. 21 мая Родофиникин был высочайше утвержден на посту русского неофициального агента в Белграде, а 16 июня получил от главнокомандующего И. И. Михельсона развернутую инструкцию[3].

Между тем, миссия Родофиникина с самого начала была омрачена целым рядом негативных обстоятельств. Верховный вождь повстанцев Карагеоргий был крайне разочарован масштабами русского участия в военных действиях на территории Сербии[4]. Но вскоре политическая ситуация переменилась коренным образом. Заключенный 25 июня 1807 г. в Тильзите русско-французский мирный договор предусматривал прекращение военных действий между Россией и Турцией и вывод русской армии из Дунайских княжеств. Франция брала на себя роль посредника на русско-турецких мирных переговорах[5]. Отряду И. И. Исаева предстояла эвакуация из Малой Валахии, но, как сам он постоянно докладывал, военачальники Порты отказывались приостановить военных действия против сербов в связи с прекращением таковых между Россией и Турцией[6].

Пока шли переговоры о перемирии, Родофиникин ожидал новых инструкций, но, так и не дождавшись их, прибыл в Белград в начале августа. За день до этого, 1 августа, в с. Слободзея перемирие было подписано, однако в отношении сербов оно распространялось лишь на те участки фронта, где повстанческие отряды соприкасались с подразделениями русской армии. Сменивший Михельсона на посту главнокомандующего Молдавской армией (после его смерти 5 августа) К. И. Мейендорф утвердил присланные ему пункты, однако Александр I не ратифицировал их[7]. Тем не менее в дальнейшем перемирие фактически соблюдалось и, более того, благодаря твердой позиции, занятой Россией, также в отношении сербов[8].

И все же ситуация, сложившаяся в Сербии в августе 1807 г., была крайне нервозной и тяжелой для русского агента: «Между Россией и Портою заключено перемирие; посреди сербов пребывает российский чиновник, а между

[1] Первое сербское восстание... Кн. 1. № 221. С. 355–356. (И. И. Михельсон — Александру I, 28 апреля 1807 г.)

[2] Там же. № 229. С. 360–361. (И. И. Михельсон — А. Я. Будбергу, 6 мая 1807 г.)

[3] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. 3. М., 1963. № 253. С. 623–625. См. также: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 237. С. 366. (И. И. Михельсон — А. Я. Будбергу, 1 июня 1807 г. Примеч. 1–2.)

[4] См. рапорт И. И. Исаева от 12 июня 1807 г. в настоящем издании.

[5] Внешняя политика России... Сер. 1. Т. 3. М., 1963. № 257. С. 631–642.

[6] См., например: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 279. С. 401–402. (И. И. Исаев — И. И. Михельсону, 31 июля 1807 г.)

[7] Там же. № 288. С. 408–409. (С. Л. Лашкарев — И. И. Михельсону, 8 августа 1807 г. № 301); С. 418–420. (С. Л. Лашкарев — А. Я. Будбергу, 31 августа 1807 г.)

[8] *Грачев В. П.* Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия (апрель 1807 — апрель 1808 г.) // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Ч. 1. М., 1992. С. 31–70.

сербами и турками не прекращаются военные действия...; выехать же мне отсюда публично невозможно, ибо сербы никак меня не отпустят при настоящем положении дел»[1].

Но это еще далеко не все сложности. Греческое происхождение Родофиникина было другим препятствием для налаживания контактов, стимулируя легенду о «фанариотском заговоре» против Сербии[2]. По свидетельству Караджича, сербские депутаты, побывавшие у главнокомандующего весной 1807 г., не поделили деньги, данные им на обратный путь. Обиженный несправедливым разделом И. Гагич решил опередить остальных и рассказал Карагеоргию, что два других депутата «...ведут грека, и что он говорил, чтобы его не водили, а искали настоящего русского, но они не хотели его слушать. Карагеоргий на то сильно рассердился и сразу послал письмо..., чтобы грека ни за что не вели...»[3] Сути рассказа соответствует «запись беседы» в лагере при Неготине от 28 июня 1807 г. в связи с поездкой Ф. О. Паулуччи. В третьем пункте протокола говорится о назначении в Сербию военных и гражданских чиновников из России «кроме греков»[4]. Михельсон, ознакомившись с ним, в рапорте на высочайшее имя выразил сомнение, «... будут ли [сербы] довольны действительным статским советником Родофиникиным, которой есть совершенный грек»[5]. Однако никаких распоряжений о замене так и не последовало.

Кроме того, из вышецитированной просьбы депутатов о назначении в сербский Совет (правительство) русского чиновника и из замечаний на нее Михельсона, ясно, что прибытие Родофиникина рассматривалось как сильный фактор во внутриполитической борьбе, и это дополнительно усиливало напряженность в связи с его миссией, угрожая ей провалом в клинче местных кланов. Действительно, работа Родофиникина сопровождалась большими трудностями и закончилась бегством из Белграда в августе 1809 г. Какое-то время он еще продолжал курировать отношения с сербскими повстанцами, затем его полномочия были переданы Е. Г. Цукато[6]. 28 сентября

[1] *Богишич В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия» // Отчет о 13 присуждении наград Уварова. СПб., 1872. С. 128–129. (К. К. Родофиникин — А. Я. Будбергу, 30 августа 1807 г.)

[2] См. о ней подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 247–290. Греки-фанариоты (по названию константинопольского квартала Фанар) имели привилегированный статус, исполняя посреднические обязанности между христианскими подданными Порты и турецкой администрацией. В частности они заполняли среднее и высшее звено в церковной иерархии, что служило почвой для распространения грекофобии среди славянского населения Балканского полуострова.

[3] *Караџић В. С.* Указ. соч. С. 67–68. Эту историю не подтверждает главный фигурант рассказа, с дневником которого Караджич был знаком: *Гагић Ј.* Дневник мој у Сербии // *Перовић Р.* Прилози за историју Првог српског устанка. Београд, 1980. С. 84.

[4] Там же. С. 87–91. Первое сербское восстание... Кн. 1. № 260а. С. 386. См. также письмо Карагеоргия сербским депутатам от 21 июня 1807 г. с аналогичным предупреждением: Први српски устанак. С. 268–269.

[5] Первое сербское восстание... Кн. 1. № 267. С. 393–394. (И. И. Михельсон — Александру I, 7 июля 1807 г.)

[6] См. вступительную статью к рапортам Ф. И. Недобы в настоящем издании.

1810 г. Коллегия иностранных дел приняла решение об отзыве Родофиникина, и 19 декабря того же года он отправился в Санкт-Петербург[1].

В 1819 г. Родфиникин возглавил Азиатский департамент МИД, то есть стал вторым человеком в ведомстве после министра и достиг таким образом вершины бюрократической пирамиды в звании сенатора и члена Государственного совета.

А. Я. Будбергу[2]

12 августа 1807 г. Белград

Милостивый Государь Андрей Яковлевич!

Отправившись из Фокшан в Сербию, я принужден был следовать медленно по причине моей болезни, и надеялся получить на пути относительно до сего края какие-либо наставления вследствие заключеннаго перемирия, а потом и мира с Франциею; хотя я и получил от главнокомандующаго армиею копию с высочайшего рескрипта о прекращении военныхдействий с Портою, но упоминаемой в оном бумаги, на каком основании заключено перемирие с Франциею мне не прислано, а потому я и остался в прежнем неведении. В Крайове и на острове, занимаемом сербами[3], я остановился несколько дней в том же чаянии получить такие известия, коими мог бы я руководствоваться в Сербии, но, видя наконец надежду мою тщетною, заключил, и думаю, безошибочно, что намерения высочайшего двора о Сербии остались непременными в прежнем положении, а посему пустился в путь и прибыл в Белград 2-го числа сего августа. Край сей нашел порабощенным, некоторые из расторопнейших, овладев уделами Сербии, управляют оными, не давая отчета в своих деяниях никому; они собирают доходы и иные по своей воле издерживают, и набирают войска; здесь в Белграде две особы распоряжают[ся] всем, комендант крепости Младен [Милованович] и купец [Стефан] Живкович[4], который сильнее первого,

[1] Тогдашний главнокомандующий Молдавской армией Н. М. Каменский 2-й положительно характеризовал деятельность Родофиникина и рекомендовал его к награде (АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 187. Л. 1–4). В Петербурге Родофиникин привлекался в качестве эксперта и, в частности, составил записку о сербских депутатах, отправленных в российскую столицу в конце 1811 г. (датирована 9 февраля 1812 г.): Там же. Ф. 161. ГА. I-8. Оп. 7. 1812. Д. 2. П. 4. Л. 9–9 об.

[2] Андрей Яковлевич Будберг (1750–1812) — министр иностранных дел Российской империи с июня 1806-го по август 1807 г.

[3] Дунайская граница между повстанческой Сербией и Валахией, коммуникационный узел во взаимодействии сербских повстанцев с русскими силами.

[4] Младен Милованович (ок. 1760–1823) до восстания занимался торговлей скотом, потом был ближайшим сподвижником Карагеоргия; после взятия Белградской крепости на рубеже 1806–1807 гг. был назначен ее комендантом. Стефан Живкович — белградский торговец, после установления террористического режима янычар в 1801 г. перебравшийся в соседний Земун; в начале восстания сербов Белградского пашалыка активно помогал им в снабжении боеприпасами, а затем возвратился на родину.

ибо у него до двух сот человек воинов, а в крепости весь гарнизон простирается до сто двадцати человек, всю торговлю здешнюю и все доходы городские имеют они в своих руках, как равно суд и расправу и право наказывать смертно всех непокорных их власти. Правительствующий совет сербский, ими называемый также сенат, состоит из четырех купцов, кои суть всепокорнейшие слуги всех наличных военноначальников; Черный Георгий внутрь земли признается за верховного вождя, но по границе действующими главными лицами признается за подобного им коменданта, свирепость в протчем сего человека делает его страшным — а удачные его повсюду пришествия показали его народу необходимо нужным, везде, где он узнает, что предстоит крайняя опасность, летит быстро со своим корпусом на помощь, и счастье повсюду прибытие его венчало успехом. Я не думаю, чтобы жизнь его продлилась, ибо всякой день, кроме вина, выпивает до двух бутылок водки; при нем находится секретарь, довольно расторопный, который и его никуда не выпускает и к нему не впускает, когда сей пьян. До денег алчен до бесконечности, и как он, так и другие военноначальники и градоначальники не упускают ни одно средство накоплять деньги, мало думая о вспомоществовании народу. Войска им ничего не стоят, ибо крестьяне должны идти на войну со своим оружием и на собственном продовольствии и по выслуге четыре месяца сменяются другими. Начальники выписывали до сего оружие из австрийских пределов и потом продавали крестьянам за двойную цену; деньги, присыланные повременам от высочайшего двора, по большей части достались в добычу Черному Георгию одному, ибо он был первый, к коему оные доходили в руки. Ныне я из вверенных мне денег, не сообщая сербам, сколько оных у меня есть, дал по требованию полномочных сербских три тысячи червонных Миленке [Стойковичу], яко ближе действующему с нами и в отдаленности от Сербии находящемуся[1]; оным полномочным пятьсот пятьдесят червонных на покупку в Валахии соли для здешнего края, да здесь совету и Черному Георгию совокупно тысячу червонных для покупки олова у австрийцев. Остальных буду выдавать по мере надобности, стараясь, чтобы непременно были употребляемы на пользу общую. По истреблении здесь носивших оружие турок, жены и дети их остались без всякого призрения; одни, окрестившиеся, получают в день по одному небольшому хлебу и более ничего, те же, кои не окрестились, и того лишены, всех молодых девок и баб разобрали, начиная от Черного Георгия до последнего чиновника; малые женились, а другие держат по две и по три при себе в услужении. Видя несчастное положение оставшихся в магометанском исповедании, я настоял и убедил Черного Георгия, чтоб всех старух и стариков, коих есть до двух сот и кои не могут работою пропитать себя, посадив на суда, отправить в Орсов к Режеб-Аге[2], что

[1] Воевода Восточной Сербии Миленко Стойкович (многолетний оппонент Карагеоргия) весной-летом 1807 г. участвовал в совместных операциях с русским отрядом под командованием И. И. Исаева.

[2] Комендант Новой Орсовы (Оршова, Оршава) или Ада-Кале на Дунае. Далее встречается написание Реджеп-ага.

сегодня же и исполняется. При настоящем трактовании о мире с Портою сербы тем сделают приятное туркам, а себе полезное, признательность же турок вообще к России будет чрезмерна, ибо отпускаемые знают, что получили свободу по настоянию российскаго агента[1].

Появление мое здесь не было приятно ни Черному Георгию, ни другим начальникам; один токмо народ обрадовался, в надежде, что с моим прибытием все устроится, и как жизнь, так и имущество каждаго обеспечатся. Начальники и не думали поручать полномочным, бывшим в Бухаресте, требовать меня или другого; сии учинили то сами, пользуясь властию им данною; будучи из среднего класса, более стараются о благе народном, нежели о утверждении власти начальствующих, которая всем уже становится тягостною. Начальствующие желали бы иметь воинскую помощь, которая бы, не входя внутрь их земли, поразила бы неприятеля и оградила бы владычество их. В день прибытия Черного Георгия[2] я послал к нему поздравить его с приездом и спросить, когда могу с ним видеться; посланному моему наговорил тьму грубостей и кончил словами: «Всех бы вас должно порезать, мне нужны войска, а я их вовсе не вижу; какая мне польза будет от присланнаго сюда, с чем и зачем сюда он приехал». Посланный мой боярин Расти, данный мне от князя Ипсиланти[3] для турецкой переписки, возвратился домой полумертвый, час спустя явились у меня некоторые сербы, которые утвердив сказку боярина Расти, донесли мне, что все советники и другие собрались к Черному Георгию с представлением ему необдуманности его поступка в такое время, когда все благосостояние их зависит от России, и притом требовали, чтобы он принял меня приличным образом и следовал бы наставлениям моим. Удостоверившись, что он не намерен ко мне приехать, я поехал к нему. Свидание наше началось холодностию; подали водку, и я увидел себя принужденным пить столько же, сколько и он, дабы снискать его дружбу, которая действительно и утвердилась с сей минуты, ибо после всякой день у меня бывает, спрашивает о всем и требует совета. Дошло дело

[1] Продолжение истории рассказал В. С. Караджич: «Когда сербы в начале 1807 г. побили турок в Белграде, осталось много вдов и детей-сирот, которые вынуждены были попрошайничать, чтобы не умереть с голоду, и было их так много, что по улицам почти невозможно было пройти из-за них. Чтобы избавить сербов от этой досады, и чтобы еще этим несчастным и всем туркам поспособствовать, погрузили всех этих несчастных на две ладьи и отправили вниз по течению Дуная в Турцию. Когда ладьи эти прибыли в Пореч, Миленко [Стойкович] их задержал здесь и, взойдя на них, выбрал самых красивых женщин, девушек, девочек и детей женского пола и взял себе и так составил целый гарем». (*Караџић В. С.* Указ. соч. С. 98–99.)

[2] В Белград из родовой резиденции Топола.

[3] Валашский господарь Константин Ипсиланти в 1804–1807 гг., когда он занимал эту должность, сыграл важную роль в налаживании контактов сербов с российскими властями; однако повстанцы могли испытывать и недоверие к нему, подозревая в намерении восстановить Греческую империю или, точнее, создать прообраз ее в виде соединения Дунайских княжеств с освобожденными от владычества турок сербскими территориями. См.: *Семенова Л. Е.* Указ. соч. Ранее опубл.: Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 229–245.

до образования их земли: как он, так и другие старейшие требовали сие настоятельно, дабы видеть, чего им опасаться должно. Полномочные сербские объявили Черному Георгию и другим, что они меня требовали, дабы наставить их управлятися, и показать, какие должно учредить власти и как каждому исполнять должность свою. Увидя, что с опасностию жизни моей сопряжен всякий отказ с моей стороны сделать что-либо, я нашелся принужденным, сообразуясь с желанием каждаго, написать бумагу, которую прочитал им; но вместе с тем представил, что все делаемое ими будет тщетно без высочайшего утверждения, ибо никто правительства их признавать не будет без того[1]. На сие они согласились, и я рад, что выиграю по крайней мере несколько времени с сим свирепым народом, я не преминул объяснить им, что совершенной независимости на первый раз ожидать трудно и что преимущественнее и для их самих лучше остаться до времени под верховною властию Порты, имея своего князя и свое правительство; сначала все отзывались, что они скорее умрут с оружием в руках, нежели покорятся Порте, но мало-помалу утихли. Вышеозначенную бумагу, утвержденную печатью Чернаго Георгия, при сем имею честь поднести как равно список всем владычествующим здесь. Не сомневаясь ни мало, чтоб при первом крайнем неудовольствии сербов я не соделался жертвою их, нужным я нашел отправить г-на надворного советника Пизания с сими донесениями, хотя он здесь полезнее всякаго другого; за ним буде откроются сношения с Валахиею, отправлю под видом курьеров титулярного советника Маснера и боярина Расти, ибо бесполезно подвергать их опасности[2]. В заключение имею честь донести, что число жителей во всей Сербии простирается до двух сот тысяч душ мужескаго пола; из оных до шестидесяти тысяч вооруженных. Из пушек, у них имеющихся, как равно находящихся в крепостях Семиндрии[3] и Белграде, весьма мало годных. Крепость Белград требует знатных починок, для исправления коих сербы убедительно просят прислать им инженерного офицера, как равно чиновника, знающего по горной части, для рудокопных золотых заводов, кои ими найдены в Сербии. Дней чрез несколько поеду в деревню к Черному Георгию, куда он сегодня отправляется, а оттуда поеду для осмотра и тех заводов, в близком расстоянии лежащих.

Имею честь пребыть с истинным высокопочитанием и неограниченной преданностию вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

Богишич В. Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». С. 114–118

[1] Речь идет о так называемом «Основании правительства сербского», принятом после обсуждений 6 и 7 августа 1807 г. См.: *Белов М. В.* Первое сербское восстание... С. 25–26, 77–80, 109–128.

[2] Родофиникин счел необходимым удалить из Сербии своих греческих сотрудников.

[3] Смедерево.

А. А. Прозоровскому[1]

9 ноября 1807 г. Белград

Милостивый государь! Повеление вашего сиятельства от 19 октября[2] я имел честь получить сего ноября 5-го дня на дороге по случаю отъезда моего отсюда с Черным Георгием, а посему и принужден был отложить до сего дня донесение мое по содержанию оного.

Во время существования здесь правительства турецкого сербы были порабощены до высочайшей степени, следственно, между ими не было ни же следов просвещения, между ими не было ни дворянства, ни купечества, были по городам и по селам кнези и над всякою нахиею или уездом обер-кнези, не иное что значущие, как старосты. Последних выбирал народ, а паша утверждал, первых же и вторых последние утверждали; обязанность сих кнезов была — сбор податей. Сверх сего было в Сербии, подобно как и в других областях турецких, немалое число разбойников[3], сии, присоединяясь к недовольным, принудили народ восстать, и сии, яко храбрейшие, взяли поверхность, из них-то ныне состоит большая часть субалтерных начальников сербских, кои, кроме личного интереса, ничего более не разумеют. Самовластие сих начальников, коих никто не наказывает, делает им приятным положение их, и весьма мало желают видеть устройство земли и существование законов, коим бы они долженствовали покориться. Главнейшие начальники, кроме верховного, коих и народ уважает и кои желают добро своей земле, суть: Миленко [Стойкович] в Порече, Яков [Ненадович] в Шабце с протопопом Матфеем Ненадовичем[4] и архимандрит Мелентий[5] в Сокольской нахии.

[1] Генерал-фельмаршал Александр Александр Прозоровский (1733–1809) занял пост главнокомандующего Молдавской армией сразу после быстрой отставки Мейендорфа в октябре 1807-го и находился на нем до своей смерти в августе 1809 г.

[2] Прозоровский просил Родофиникина (19 октября 1807 г.) сообщить сведения о положении и настроении сербов, а также о том, какие «условия и постановления» были сделаны относительно их. См.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 313. С. 425–427.

[3] То есть гайдуков. О бандитизме как феномене социального сопротивления с опорой на архаические формы см. ставшее классическим исследование: *Hobsbawn E.J.* Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. Manchester University Press, 1959. За ним последовали многие другие. О сербских гайдуках эпохи восстания: *Petrović A.* The Role of Banditry in the Creation of National States in the Central Balkans During the 19th Century. A Case Study: Serbia. University of British Columbia, 2003.

[4] О влиятельном семействе Ненадовичей, которое контролировало западную часть повстанческой Сербии, см.: *Десница Г.* Ненадовићи: Витезови, државници и књижевници у Србији, Црној Гори, Војводини, Босниии Херцеговини. Београд, 1976. Прота Матија Ненадовић и његово доба / уредник Р. Самарџић. Београд, 1985.

[5] Имеется в виду архимандрит восстановленного им монастыря Рача Хаджи-Мелентий Стефанович, возглавший отряды повстанцев во время борьбы за г. Ужице Сокольской нахии и затем ставший ее воеводой. Позднее были предприняты попытки поставить Хаджи-Мелентия архиепископом Ужицко-Валевско-Щабацкой епархии, но они были заблокированы Россией (см. рапорты Ф. И. Недобы).

До 3 тыс. иностранцев из Боснии и Болгарии, живущих одним оружием и грабежом, служат при разных начальниках, при ином 20, при ином 100. Сих иностранцев можно легко собрать в корпус, если им давать хлеб и хотя небольшое жалованье, тогда отимутся от поглаварей инструменты их могущества. Я говорил о сем с Черным Георгием, и он согласился с моим мнением, вследствие чего будут предприняты меры к приведению сего в исполнение, не подав поглаварям повода к неудовольствию.

Черный Георгий желает устройство, надеясь, что тем утвердитсяв земле верховная его власть. По военным делам действительно все признают его верховным вождем, по прочим же — всякий комендант в своей нахии делает, что хочет. С приезда моего только начали коменданты быть покорнее. Черный Георгий теперь в полной мере предан России, ибо понимает, что без ее сильной помощи все, им сделанное поныне, будет тщетно.

Народ весь привержен к России, искренне любит российское имя и на единую Россию возлагает всю свою надежду, которая одна токмо и поддерживает оной. Если бы не надеялись на Россию, от которой ожидают скорой конец настоящему своему положению, то большая часть разбежалась бы в Цесарию[6], хотя австрийцев не любят нимало.

Митрополит здешний[7] в несогласии с старейшинами; причиною тому старания его, чтоб воздерживать их от свирепых их поступков, к коим они весьма наклонны. Митрополит, однако, по словам старейшин, сам не вовсе соблюдает правила своего сана; я, однако, еще ничего не открыл, Черный Георгий равномерно ныне его не любит и весьма желает его сменить.

При всем сем внутреннем неустройстве, сербы успели туркам вперить великий страх, а наипаче Черный Георгий.

Если настоять будет война, можно извлечь от сербов немалую пользу, ибо на войну, подкрепляемую российским оружием, охотно все начальники пойдут, имея надежду обогащаться грабежом турецких селений и городов. Останется тогда руководствовать и направлять их, удерживая поколику возможно от зла.

Что касается до существенных нужд сербских, то оные простираются почти на все предметы. Пороху они издерживают не в пример более регулярного войска, никак не можно удержать сербина, чтоб при выходе из деревни в походе не сделал 2 или 3 выстрела, а после малейшей победы и 10. Для лучшего сохранения последне-присланный порох и свинец, который здесь получен исправно, я приказал без моего ведома никому не отпускать, без чего не стало бы оного и на краткое время. Пушечных ядер у них весьма мало, хлебных магазинов вовсе не имеют. Всякий сербин, идущий на войну, берет с собой кукурузной муки, сколько поднять может, по окончании коей, если дадут ему хлеба коменданты, остается, в противном же случае возвращается домой. Ныне заводится здесь по моему секретному распоряжению небольшой хлебный магазин.

[6] Австрийская империя.

[7] Леонтий Ламброви́ч, упоминавшийся в письмах А. И. Тургенева и дневнике А. С. Кайсарова, — грек-фанариот.

Ружей, сколько таковых ни будет вновь доставлено, можно толикое ж число новых ратников вооружить в Боснии, где, по сведениям, мною полученным, оказывается возможным христиан возбудить к ополчению противу турок, ибо здесь в Сербии и так уже мало рук остается для обрабатывания земли. Черный Георгий весьма желал бы иметь несколько тысяч ружей с штыками.

Для сербов пеших сделан уже по моему наставлению до 4 тыс. пик коротких, с коими теперь могут действовать и в поле и защищаться от неприятельской кавалерии, таковых же пик будет сделано и большее количество.

Доходы земские здесь все расходятся по карманам поглаварей сербских, так что нет никогда ни копейки на нужные издержки, а посему самому, буде приказано им будет действовать, должно иметь всегда в наличности несколько денег, как для нужд войск, так и для обращения самых турок. Теперь, кажется, можно бы ограничить вспомоществование в присылке им еще пороха и свинцу, сколько богоугодно будет вашему сиятельству, и 5 или 6 тыс. червонных для покупки ядер и заготовления провианта. Оной порох и свинец можно подобно последнему перевезти. Турки, по сведениям, мною полученным из Ада-Кале и Орсовы, нимало не подозревают, чтоб то был порох и свинец, а думают, что было имущество сербское, которое якобы ими было послано для хранения в Валахии, и теперь перевезли обратно в Сербию.

Не бесполезно бы было так же прислать сюда в виде курьера ко мне искусного офицера, который мог бы осмотреть имеющийся здесь пороховой завод и наставить сербов исправить все должным образом, равномерно осмотреть и крепости и подать совет, что в оных наиболее нужно исправить[1].

Во время правления турок близ Пореча[2] искапывали до 5 тыс. пуд. олова ежегодно. Теперь сербы могли бы оттуда же доставать нужное им количество, но не имеют мастера. Здесь открыты рудники серебренные, и в оных производится работа, немалое количество металла справлено, но не имеют мастера, чтобы очищать серебро, а рудники, по словам всех, весьма богатые.

Совета сербского я нашел одну токмо тень. Ныне, однако, оный мало-помалу берет силы и входит в дела; Черный Георгий прибыл сюда на прошедших днях по моему приглашению, дабы обуздать свирепость коменданта и дать более власти Совету.

Относительно до впечатления, какое произвело в сербах отступление г. генерал-майора Исаева и перемирие с турками, имею честь донести, что одно и другое взволновало умы до крайности противу нас. Сам я был подвержен опасности соделаться жертвою отчаяния сербов и еле успел сам и посредством приверженных мне мало-помалу успокоить умы и оные обратить по-прежнему на прямой путь.

[1] Уже в конце ноября Прозоровский направил для налаживания порохового завода под Белградом майора Лаврова. См.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 323. С. 438–439. (А. А. Прозоровский — К. К. Родофиникину, 29 ноября 1807 г.) А позднее, для обследования белградской крепости и других фортификаций — инженер-майора Грамберга. См. примеч. к рапорту Дибича.

[2] Восточная Сербия.

Политических сношений не существует между Австриею или Франциею и главным вождем здешним.

В заключение остается мне донести вашему сиятельству о роде обнадеживаний и актов, данных сербам.

Депутатам сербским, приезжавшим в Санкт-Петербург[1], сколько мне известно, кроме словесных обнадеживаний, никакие акты письменные от министерства не даны. До вступления войск в Молдавию и по вступлении я посылал сербам нарочных, переписывался с сербами, но никогда имени своего не подписывал. Из Тульчина до вступления войск было прислано от покойного господина генерала от кавалерии Михельсона к генеральному консулу в Яссах письмо на адрес Черного Георгия, которое и отправлено, но содержание оного мне неизвестно[2]. Из Бухареста по прибытии туда войск послано от его же высокопревосходительства письмо, к Черному Георгию и народу адресованное, оное дано было мне для прочтения при прусском министре[3] бароне Пилсахе и в тот же день отправлено самим господином главнокомандующим. Сим письмом, сколько помнится мне, приглашались сербы действовать единодушно с нами противу турок и что не будут оставлены; копия с оного должна иметься в канцелярии его же высокопревосходительства[4].

За сим посланы сабли к Черному Георгию, к коменданту Миленке [Стойковичу][5] и духовный крест дан иеромонаху Досифею [Обрадовичу] при письмах от покойного господина главнокомандующего, коих копии тоже должны существовать в канцелярии. Кроме сего, никаких актов или постановлений, сколько мне известно, не имеется с сербами.

Пребываю с истинным высокопочитанием и неограниченной преданностию вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

Первое сербское восстание... Кн. 1. № 318. С. 431–434

[1] Как упоминалось выше, осенью 1804 г. в Санкт-Петербург отправилась сербская депутация. В нее вошли П. Новаковича-Чардаклия, Й. Протич и М. Ненадович. В дороге к ним присоединился Б. Груйович (Т. Филиппович). См.: *Грачев В. П.* Матия Ненадович... С. 97–124.

[2] Письмо И. И. Михельсона Карагеоргию от 1 сентября 1806 г. не было обнаружено в советских архивах: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 189. С. 307–308. (Примеч. 1.) Первый главнокомандующий Молдавской армией Иван Иванович Михельсон (1740 г. р.) скончался 5 августа 1807 г., то есть спустя три дня, как Родофиникин прибыл в Белград.

[3] Здесь в значении: посланник.

[4] Речь идет, очевидно, о послании от 11 января 1807 г., так называемом «манифесте Михельсона». См.: подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 298.

[5] См.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 227. С. 359–360. (И. И. Михельсон — Карагеоргию, 5 мая 1807 г.); № 252. С. 379. (Карагеоргий — И. И. Михельсону, 22 июня 1807 г.)

А. А. Прозоровскому

9 января 1808 г. Белград

Повеление Вашего сиятельства от 23-го декабря[1] с курьером Константином Пантазеевым я имел честь получить сего генваря 3-го дня по содержанию оного, как равномерно по другим предметам я не мог прежде отправить свои донесения по случаю болезни, коею я был одержим; ныне же, приступая к тому, обязанностию поставляю изложить, во-первых, все происшедшее до отъезда отсюда митрополита Авксентия[2].

К Георгиеву дню[3] я был приглашен к Черному Георгию в деревню расстоянием отсюда во сто верст праздновать день его рождения и именин; хотя горы были покрыты снегом и по оным [не] иначе как верхом должно было путешествовать, я решился при всем моем болезненном положении поехать, пробыв там два дни, возвратился назад. И вслед за мною приехал сюда Черный Георгий праздновать Андреев день, в который сербы вступили в Белград[4]; на третий день дано мне знать, что у Чернаго Георгия были конференции с двумя австрийскими купцами[5] и с поглаварями, как то с Младеном [Миловановичем], Милое [Петровичем] и кнезом Симо [Марковичем][6]. Те купцы с самого начала революции снабжали сербов по временам нужным, впоследствии вступили в товарищество с помянутыми поглаварями и присвоили себе единственное право покупать и продавать посредством оных поглаварей, отчего как первые, так и последние обогатились, и потому и желают одни и другие, чтобы расстроенное положение дел продолжалось, находя в том для себя знатную выгоду. Притом поглавари, имея в виду возможность спастись в Австрию, естли бы политические дела Сербии приняли худой оборот, ни мало не страшатся следствий.

[1] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 101–103.

[2] Митрополит прибыл в Белград с посреднической миссией и письмами константинопольского патриарха 13 ноября 1807 г.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 321. С. 435–436. (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 14 ноября 1807 г.) Суть предложений сводилась к достижению сербо-турецкого соглашения без участия России. 29 ноября Прозоровский отослал проект вежливого отказа от предложения патриарха, на основе которого был составлен ответ сербского руководства, где подчеркивалось, что замирение возможно только при участии России и Франции, находящихся в союзнических отношениях. Там же. № 328. С. 442–443. (А. А. Прозоровский — К. К. Родофиникину, 29 ноября 1807 г.); *Грачев В. П.* Сербский вопрос... С. 45–49. Между тем этот эпизод послужил новым стимулом для распространения легенды о «фанариотском заговоре» против Сербии. Подробнее см.: *Белов М. В.* У истоков... С. 257–261. Из Белграда Авксентий выехал 20 декабря 1807 г.

[3] 3 ноября.

[4] 30 ноября 1806 г. Подробности см.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 190. С. 308–310.

[5] Милош Урошевич и Драгутин Милутинович.

[6] Милое Петрович (1770–1810) — компаньон и товарищ М. Миловановича. Сима Маркович (?–1817) — обер-кнез посавской кнежины в Белградской нахии, как и остальные из перечисленных, ближайшее доверенное лици Карагеоргия. Они в самом начали поддержали его выступление.

Движимы будучи единым своим интересом, беспрестанно проповедуют, что не должно положить оружие, что не токмо турков, но россиян должно остерегаться, дабы не поработили их себе, и что в протчем, естли они успеют получить от России или за деньги порох и свинец, не должны никого страшиться, будучи в состоянии в гористых своих местах защищаться; все сии разглашения дают тем поглаварям наружность искренно приверженных своему отечеству. По наущению их помянутые купцы, пришед из Семлина[1] сюда к Черному Георгию, уверили его, что французские войска идут к Боснии, дабы, прошед оную, овладеть Сербиею, что в Семлине известно, что я истребовал из Константинополя митрополита Авксентия, дабы с ним здесь положить на мере, каким образом продать Сербию (слова их) туркам, и что в сем посредник — белградский митрополит. Бредни сии подтверждали поглавари своими рассуждениями, и дело кончилось тем, что все напились пьяными, легли тут же спать, проснувшись опять принялись пить и вперять прежнее Черному Георгию. Хотя все достойно сумасшедшего дома, со всем тем Черный Георгий, которому с рюмкою в руках можно дать верить желаемое, а найпаче, когда льстят его самолюбию и представляют ему, что он непобедим, поверил всему ему внушенному, решением сих конференций было то, чтобы присланного из Константинополя митрополита Авксентия прогнать, здешнего митрополита убить или запереть в монастырь, само по себе разумеется, что и мне после сего не должно бы ожидать великих вежливостей. Живучи уже шестой месяц посреди сего народа, привык я видеть равнодушно и свирепость поглаварей его и глупость, следственно ни мало не был устрашен, получив сии известия, кои не можно было скрыть, ибо Черный Георгий призывал к себе митрополита здешнего, выговаривал ему за то и угрожал смертию, но тягостно, однако, было для меня думать, чтоб все труды и старания в пользу сербов кончились смехом для врагов наших. Пятого числа по требованию моему капитан Чердаклий[2], любимец Черного Георгия и преданный искренне России, пригласил его и меня к себе обедать, где я употребил все приличные рассуждения, чтоб рассеять нелепые мысли ему вперенные, не давая знать, что я известен о всем происшедшем у него, действительно он опамятовался и, пришед в себя, начал здраво судить. Капитан Чердаклий довершил уже без меня дело, ибо Черный Георгий остался за столом до полуночи почти, на другой день после сего был у меня в первый раз после своего сюда приезда, и так все решения их остались без действия, доколе опять [не] встревожат его ум; ибо умы сих людей погружены во т[ь]ме невежества, не имевших никогда и не имеющих никакое сношение с другими европейскими народами, привыкших жить в лесах сначала для разбоев, а потом действуя противу

[1] Земун (Землин).

[2] Петр Новакович-Чардаклия — доброволец во время Последней австро-турецкой войны (1788–1790), получивший чин капитана кавалерии. Был женат на русской и связан с придворным кругом великой княгини Александры Павловны, выданной замуж за австрийского эрцгерцога и венгерского палатина Иосифа (умерла в 1801 г.). В 1804 г. П. Новакович перебрался в Белград и способствовал налаживанию связей с официальной Россией.

турок, легко ввергаются из одной крайности в другую. Четырнадцатаго числа декабря Черный Георгий отсюда уехал, и в тот же день г-н майор Лавров привез мне повеления вашего сиятельства[1]. Я немедленно сочинил по содержанию оных ответ от Черного Георгия к патриарху[2], призвал к себе оставшегося здесь секретаря его, которой, будучи мной обдарен, довольно предан и откровенен, ему я прочитал ответ, на которой он мне сделал свое примечание, что Черный Георгий никогда не подпишет бумагу, естли останутся слова *пребудем верными подданными Его Султанского Величества*. Здраво мыслящие сербы, присовокупил он, легко понимают, что Сербия не останется самодержавною, что даже она имеет нужду быть подчинена верховной власти, но сие должно привести в исполнение мало-помалу, когда уже депутаты будут отправлены в Молдавию, теперь же заведя о том дело, испортим все, ибо умы довольно расстроены от нелепых внушений, имевших место на прошедших днях. Примечания секретаря мною найдены весьма основательными, а потому я и не внес в письмо слова *пребудем верными подданными Порты*, и отправил с тем того же самого секретаря, Черный Георгий два раза его присылал обратно объясняться со мной. Секретарь, хотя и знал весьма хорошо, какие ответы я сделаю, и был уже мною наставлен достаточно, совсем тем принужден был выполнять повеления Черного Георгия и приехать сюда. Объяснения сии состояли в том, что Черный Георгий опасается, чтоб Сербию опять не подвергли под иго турецкое; что не лутче ли бы было письмо послать в Константинополь чрез немецкую почту, а митрополита Авксентия не выпустить более из Сербии, дабы не сделал что-либо противу оной в Цареграде, и тому подобные действительные бредни, но потом однако приложил свою печать к письму и прислал сюда, которое и отправлено, как я имел честь донести вашему сиятельству.

Пятаго числа сего января Черный Георгий прибыл сюда; я был у него 6-го числа с г-ном майором Лавровым, а 7-го узнал, что поглавари, внушавшие ему нелепости в последнее его здесь пребывание, суть под гневом, что напротив обласкал весьма митрополита здешняго и приказал снабдить его немедленно повелением собрать ему свои доходы, кои не получал более полутора году, чрез что был введен в совершенную нищету. Не знаю, надолго ли продлится сия добрая погода.

В заключении долгом поставляю изложить причину негодования вышепомянутых трех поглаварей сербских. Младен был здесь комендантом, давал суд и расправу, основанную на единственной его воле, собирал с городу более пятидесяти тысяч пиастров, с таможен восемьдесят тысяч, доходы с земли по временам присылались в совет, где присутствовали два или три неграмотные советника под управлением его же Младена, во всех сих деньгах отчет он давал сам себе, ибо от совета выдавал себе квитанции и даже обязательства на суммы

[1] Прибыл в Белград для организации артиллерии 14 декабря 1807 г. с письмом Прозоровского от 29 ноября 1807 г. См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 104–105. (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 20 декабря 1807 г.)

[2] Русский перевод: Там же. Л. 106–108.

будто бы издержанные из его денег на надобности народные; поглаварь Милое состоит с ним в товариществе, а кнез Симо управляет уездом.

С приездом сюда моего Черный Георгий собрал со всех нахий по одному депутату для присудствования в совете, дал совету нужную власть, после сего советом учрежден Городовой суд, которой начал ведать суд и расправу и доходы городские, учреждена полиция, которая прекратила все грабежи и смертоубийства, беспрерывно до того случавшиеся[1]. Все сие тягостно было для помянутых поглаварей, и для того употребили все усилия, чтоб всеять Черному Георгию подозрения противу порядка. Не пользуясь более доходами, уговорили его, чтоб позволил продать в Белграде все лавки и магазейны, кои принадлежали туркам, и с них был главный городской доход; действительно все продано, и так как никто, кроме тех поглаварей, денег не имеет, то они всё получили, и то, что давало пятьдесят тысяч пиастров доходу, как слышу, продано токмо за сто капиталу, да и деньги не заплачены, ибо вместо оных представляют свои претензии. Двух советников, кои были поумнее, послали в Семендрию[2] управлять городом и крепостию.

Комендант Миленко [Стойкович], Петр Добринец[3], протопоп [Матия] Ненадович, комендант Яков [Ненадович] и другие приезжали сюда и убедительнейше просили поддержать введенный порядок и власть совета, обещая для сего послать сюда войски свои, но я их от того отклонил, обнадеживая, что вскорости все войдет в устройство, и чтобы имели терпение, те же обнадеживания делаю и крестьянам, приходящим ко мне жаловаться, что они ныне более угнетаются своими поглаварями, нежели прежде турками. Я действительно не нахожусь в силах оное что делать, как ограничиться в бдительности, дабы воздерживать, поколику возможно, поглаварей от вящих злодеяний, доколе вашему сиятельству угодно будет снабдить меня дальнейшими наставлениями.

Тягостнее всего то, что народ полагает все делаемое теми поглаварями следствием моих повелений, в чем поглавари стараются оной уверять.

Пребываюс истинным высокопочитанием и неограниченной преданностию вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

РГВИА. Ф. 439 (ВУА). Д. 394. Ч. 1. Л. 113–117 об.

[1] Несколько подробнее об этих мероприятиях см., например: *Janković D.* Srpska država prvog ustanka. Beograd, 1984. S. 135–137.

[2] Смедерево. С конца 1805 г. и до переезда в Белград, после его освобождения в конце 1806 г., здесь находилась резиденция совета. Трудно судить, о ком конкретно из советников идет речь в этом фрагменте. Об изменениях в составе совета см.: *Јанковић Д.* Правительствујушчи совјет // Историски гласник. 1954. № 1–2. С. 54–55.

[3] Петр Тодорович Добринац (1771–1831) — сначала гайдук, а потом торговец; во время восстания служил под началом М. Стойковича, отличился в сражении у с. Иванковац (1805) и под Делиградом (1806), выдвинувшись в ряд значительных воевод.

А. А. Прозоровскому

15 января 1808 г. Белград

Милостивый государь!

Донесения мои, сего числа отправляемые, были уже запечатаны, когда пришел весьма рано ко мне упоминаемый в оных иеромонах Доситей [Обрадович] сказать, что Черный Георгий наиубедительно просит меня приехать для свидания с ним к капитану Чердаклию, который живет возле его; что он пришел бы сам ко мне, но нужно переговорить при Чердакли, а сей будучи одержим хроническою болезнию не выходит из дому более двух месяцев[1], хотя и мое здоровье мало лучше, со всем тем поехал на свидание; там нашел я вождя сербского, погруженным в крайнее уныние, в каковом я его еще никогда не видел; я хочу оставить Сербию, начал он говорить, я не могу и не умею оною управлять, мое ремесло — воевать с турками, а другие дела не понимаю; одна часть поглаварей не слушается, другие пришли сюда кто с шестьюдесятию, кто с пятьюдесятию человек вооруженных требовать платежа денег, якобы ими употребленных на народные надобности, в такое время, когда народ никогда ничего от них не получал; одни требуют девяносто тысяч пиастров, другие восемьдесят и так далее, я позволил сначала продавать лавки и домы для расплаты сих долгов, ибо уверили меня, что то будет достаточно, теперь оказывается, что и половины не можно заплатить, и так они настаивают, чтоб обложить народ для расплаты долгов и получения суммы на будущие надобности, я на сие никак согласиться не могу, ибо народ нас всех убьет, и правильно. Я знаю, продолжал он, что ты на нас сердит, но ты не прав, ибо чего ты хочешь от людей, которые по вчерашний день пасли свиней или были разбойниками, ты должен об нас жалеть и наставлять нас, а не сердиться на наши глупости, и теперь ты один можешь нас вывести из беды, моя жизнь в твоих руках, я тебя молю, возьми рассмотреть щёты поглаварей и научи меня, что мне делать.

Видя удобность времени и находя Черного Георгия в таковом положении, в котором можно было ему все говорить, я нужным счел воспользоваться. Я ни мало не сержусь на вас, отвечал я ему, но прискорбно мне видеть, что все ваши деяния стремятся более к расстройству, нежели к введению порядка, советам моим вы следуете один день, а на другой делаете противное ко вреду лично вашему и народа, полномочные ваши просили именем народа и вашим прислать сюда меня дабы наставлять вас, как управляться, я прибыл, по моему наставлению учредили вы совет, коего одна токмо тень существовала, учредили городской суд для разбора множества тяжебных дел; учредили полицию, которая служит и к личной вашей безопасности: здесь в городе и моей, вы дали власть совету управлять землею, я дал оному правила, все коменданты покорылись совету и начали доносить обо всем и требовать повелений, вы удалили

[1] После шестимесячной болезни П. Новакович-Чардаклия скончался в Белграде 4 февраля 1808 г. Первое сербское восстание... Кн. 1. № 4. С. 11–12. (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 10 февраля 1808 г.)

из совета коменданта Младена, который всегда туда приходил с вооруженными своими слугами, которого страшились все советники и не осмеливались слова противу его указаний сказать, которого равномерно все поглавари ненавидят. Нужно было поддержать вам сделанное, тогда вы были бы спокойны и безопасны, но вы напротив опять возвратили Младена, которой еще с большим самовластиемначал управлять[1], узнав сие, поглавари другие перестали и повиноваться. Что вас к сему побудило, внушения вам сделанные, что мало-помалу русские возьмут власть в земле, и вас никто не будет признавать за коменданта, что я вас продам, и тому подобные глупости; но неужели вы поныне не познали бескорыстия России, и что единственно ваше благосостояние желает; по требованию ли России вы восстали противу турок? нет; оказывали ли вы какие услуги России? никакие; со всем тем государь император, движим будучи единым человеколюбием к единоверному сербскому народу, отклонил посредством своего министра в Константинополе всякие противу покорения вас предприятия; повелел послать вам знатные суммы денег, пушки, порох и олово и сверх того, хотя состоял в войне с Франциею и Портою Оттоманскою, не вас пригласил на помощь своим войска, но повелел для защиты вашей послать за Дунай г-на генерал-майора Исаева; что ж касается до продажи Сербии, то уверяю вас, что никто за вас не даст и одной пары[2], ибо без воли первых в Европе держав никто вас не купит, а когда сии захотят отдать вас одному или другому, не спросят ни совета вашего, ни согласия, зная, что вы в том ни малейшую препону поставить не можете, ибо Сербия пред великим державами то же значит, как капля воды пред морем; следственно, вам не иное что оставалось делать как преданностию к государю императору и добрым управлением внутри земли заслуживать излиянные милости и заслужить и то благоденствие, которое Его величество желает сам доставить. Вы совершенно запамятовали по сей день благодарить главнокомандующего за лестное письмо к вам писанное и за подарок[3], но вспомнили написать эрцгерцогу Карлу в противность моего представления[4]; и так сами скажете, какой я вам совет могу дать, когда вы оным не следуете; со всем тем не отказываюсь от того, ибо повеления мне данные предписывают мне пещись всеми силами о благе Сербии, для сего относительно поглаварей,

[1] По рассказу Караджича, ссылка Миловановича быстро превратилась, в соответствии с указаниями Карагеоргия, в служебно-экспедиционную командировку по восточной краям, из которой тот возвратился триумфатором. *Карацић В. С.* Указ. соч. С. 64–65.

[2] Мелкая монета, копейка.

[3] Первое сербское восстание... № 325. С. 440. (А. А. Прозоровский — Карагеоргию, 29 ноября 1807 г.) В дар верховного вождю главнокомандующий послал соболью шубу.

[4] Об обращении повстанческого руководствак командующему австрийской Военной границей эрцгерцогу Карлу в январе 1808 г. с просьбой о доставке боеприпасов Родофиникин сообщил в другом отчете за той же датой: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 1. С. 8–10. (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 15 января 1808 г.) Но это был только розыгрыш. Суть австрийской интриги сводилась к тому, чтобы вынудить Карагеоргия и совет на приглашение в Белград австрийских войск: *Гавриловић С.* Војводина и Србија у време Првог српског устанка. Нови Сад, 1974. С. 112–115.

дабы отклонить даже тень междоусобных раздоров, я беру на себя и уверен, что во всем успею; в протчем совет мой тот, чтоб вы были спокойны и не тревожились поминутно, чтоб не слушали и не поддавались на лестные внушения, вам делаемые, и сказанное единожды не переменяли бы, разве докажется, что вредно, сим кончилось наше свидание при увериениях с его стороны, что во всем будет следовать моим советам и никогда противу оных ничего делать не будет, к удалению г. Младена и Милое [Петровича], его товарища, приступить не может, ибо они имеют сильную партию.

Я долгом своим поставляю всю конференцию нашу изложить на усмотрение Вашего сиятельства.

Пребываюс истинным высокопочитанием и неограниченной преданностию вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Константин Родофиникин

РГВИА. Ф. 439 (ВУА). Д. 394. Ч. 1. Л. 157–160 об.

И. И. Исаев. Рапорты

Иван Иванович Исаев (1748–1810) — выходец из черкесских казаков, участник русско-турецких войн и действий по подавлению восстания под предводительством Тадеуша Костюшко. Ушел в отставку в чине генерал-майора в 1797 г. и вернулся на военную службу в 1806-м. В русско-турецкой кампании 1807 г. возглавил отряд в 1000 человек, выделенный главнокомандующим Молдавской армией И. И. Михельсоном для организации совместных военных действий с сербами на правом берегу Дуная. Умер скоропостижно в Сербии в августе 1810 г.

М. А. Милорадовичу[1]

12 июня 1807 г. Гогаш

Сербских войск верховный начальник Георгий Черный, вчерашнего числа переправясь Дунай, был на большом острове в укреплении, где я принял его с почестью, соответствующею его званию, ожидал подтверждения положению моему с частным начальником Миленком [Стойковичем] в рассуждении соединения отряда, мне вверенного, с войском его, о котором вашему превосходительству я от 9-го числа настоящего месяца донес, но с самаго начала нашего свидания не только о предмете том, даже ни о чем говорить со мной не хотел[2]. Посмотря укрепление, отошел к берегу Дуная и там с своим митрополитом и чиновниками под тению дерева остановился. Я, видя его неудовольствие и удаляющегося от меня, возвратился в укрепление; не знав совсем тому притчины, принужден послать к нему переводчика губернского секретаря Лиготовича уведать, что то значит, который пересказал мне слово от слова следующий разговор его. «Мне себя не жаль, а сожалею о многих тысячах душ народа, ибо я скрывал почти 4 года, посторонним никому не объяснял (кроме тех, коим должно было знать) о связях моих с Россиею. Сего году обстоятельства заставили обнаружить Австрийской империи, что я нахожусь под покровительством российского императора, и по обнадеживанию российских господ ожидал гораздо более и более во всем пособия, но вместо того ни в чем, даже и в войсках не нахожу его, в то время, когда вся турецкая сила обращена на меня. Австрийский же двор, негодуя на меня за то, строжайше запретил ни за какие деньги на войски мои хлеба не отпускать, отчего я с войском имею совершенной в оном недостаток». После сего разговора прислал ко мне частного начальника Миленка [Стойковича] переговорить со мной, который именем его просил соединиться с сербским войском, оставя прежнее положение в своей силе, также и то,

[1] Михаил Андреевич Милорадович (1770–1825) — генерал-лейтенант, командующий Русским корпусом в Валахии, непосредственный начальник Исаева.

[2] Карагеоргий был недоволен размером русского отряда, рассчитывая, как минимум, на 4 тысячи регулярного войска. См.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 252. С. 379. (Карагеоргий — И. И. Михельсону, 22 июня 1807 г.)

чтоб расположить до времени возвращения моего из их войск отряды: на острове в укреплении — 500, в Гогоше — 500, при каждом по 2 орудия из доставленных мною к ним, сверх того, по правую сторону реки Дуная у берега — 500 для свободной коммуникации, тягости все остаются под смотрением сербов. Вследствие чего я сего числа переправляюсь чрез Дунай и, переправясь, направлю путь мой в лагерь, у Ш[т]убика имеющийся. Крайов, в магазейнах которого имеется достаточное количество провианта, и весь Банат[1] останутся в опасности от нападения неприятельского, ибо есть уже некоторые сведения, что неприятель со стороны Зимницы партиями сильными появляется по сей стороне Олты, и цель оного — стремиться сделать покушение на Крайов, аванпосты не в состоянии будут удержать его, тогда как коммуникация с Букарестом, так и доставление на отряд, мне вверенной, провианта пресечется, а притом и жители постраждут лишением нового хлеба. О чем имею честь донести вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставитьприказать доставить ко мне то, что я рапортами моими просил вашего превосходителства.

Генерал-майор Иван Исаев

Первое сербское восстание... Кн. 1. № 245. С. 372–373

А. А. Прозоровскому

16 февраля 1808 г. Секретно

Получа вашего сиятельства секретное повеление за № 7, спешу выполнить оное моим донесением[2]. Находясь некоторое время с сербами, имел случай не-

[1] Крайовский Банат (Малая Валахия).

[2] Главнокомандующий Молдавской армией был обеспокоен письмами К. К. Родофиникина, доставленными в штаб-квартиру 19 и 25 января 1808 г., где сообщалось об очередном приступе грекофобии в окружении Карагеоргия и об обращении руководства повстанцев к пограничным властям Австрийской империи в лице эрцгерцога Карла. См. донесения Родофиникина в данном издании, а также послание от 15 января 1808 в кн.: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 1. С. 8–10; *Белов М. В.* У истоков... С. 257–261. В распоряжении от 5 февраля 1808 г. Прозоровский просил Исаева собрать дополнительные сведения и суммировал свои недоумения в 4 пунктах:

«1. События, протекших времен обнаружили, кажется, довольно явно истинную и непоколебимую приверженность сербов к России. Еще 9 ноября минувшего года писал о том ко мне г-н Родофиникин... Неужели с того времени таковое расположение переменилось, и что бы могло быть побудительной к тому причиною? Нет ли там эмиссаров или подговорщиков, которые убеждают их... склониться на другую какую-либо сторону.

2. Черного Георгия лично я не знаю, и потому не могу судить о его свойствах, характере и просвещении, но между тем слышу я, что он был в австрийской службе офицером, и потому должен я судить, что он там уже приобрел некоторые познания... столь долгое время в состоянии был защищать и оборонять нацию им предводительствуемую и землю сербскую противу покушений их врагов, то сие явно обнаруживает человека с весьма здравым рассудком, имеющего в виду пользу своего отечества. Тем не менее могу я сообразить... вышеописанные поступки, совершенно противоборствующие

сколько узнать характер их, равномерно и Черного Георгия. Он есть человек без всякого просвещения, из самого низкого состояния. Находясь под правлением турецким и по врожденной к ним ненависти, был в шайке охотников полевых. Наконец, при начале революции собрал довольное число людей, коих был начальником, продолжал оную, а случай и щастие, более страх свирепого характера (ибо за неповиновение или малейшее ослушание сам рубил головы, что поныне продолжает делать) возвели его в степень вождя сербского народа, которая, как мне кажется, носит одно имя. Каждый комендант имеет по состоянию своих телохранителей, которые готовы защищать господина своего и против Черного Георгия, почему он обязан уважать богатых и слушать их советов и в силах наказывать одних только бедных и ничего не значащих. И по сие время, однако же, имеет уважение всех вообще, ибо народ к нему довольно привержен. В то же время, когда я завладел большим на Дунае островом, он приехал туда, чтоб со мною видеться, но узнав о числе войск, пришедших для соединения с ним, несмотря на то, что я удвоил оное, не хотел даже говорить со мною, и один только щастливый успех российских войск в деле при Малайнице[1], где разбит был видинский паша Мулла, заставил его быть учтивее, ибо он не хотел верить, что я решился атаковать оного. Со всем тем, осадив вместе город Неготин, дни через три получа уведомление, что турки, переправясь через Дрину, принудили войска сербские отступить на несколько часов, не сказав мне ни слова, ночью отправился с большею частью войск на помощь отступившим.

Георгий самолюбив, жесток, знаком с ракою и вином, часто употребляет оное и слишком прост, чтоб человек, понуждаем быв собственными выгодами и с малою хитростью и умом, не мог его в чем уверить доказательствами даже неосновательными, что то служит для пользы отечества, как Младен [Милованович], о котором ваше сиятельство изволите упоминать в своем повелении, и некоторые другие, которые, однако ж, меньше значат.

Я надеюсь, что сербы не переменили своей приверженности к России, но Младен прошлого году от закупки в Австрии пороха и всех воинских снарядов обогатился, ставя на щет большую цену, что слышал я от самих сербов, и сделался сильным. Теперь думает, мне кажется, воспользоваться тем же и для

интересам нации... нет ли тут сокровенной какой-либо причины, которой в отдалении, в каком я нахожусь и по способам мне предстоящим проникнуть нельзя?» В третьем пункте Прозоровский недоумевал, как сербы могут рассчитывать на военную помощь Австрии, когда она сохраняет строгий нейтралитет в отношении турок, а в четвертом — почему сербы переменились к Родофиникину, если до этого просили о его назначении: «Не подал ли сам г-н Родофиникин к тому повод либо излишними требованиями, либо вселением в них страха о будущем жребии их, либо пристрастием к которой либо стороне из несогласных между собою первенствующих чиновников народа, либо деспотическими распоряжениями или суровостию обхождения или другими какими случаями?» (Черновик // АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/3. Д. 11. Л. 1–3).

[1] У Малайнницы 19 июля 1807 г. российские войска под командованием генерал-майора И. И. Исаева вместе с сербскими повстанцами нанесли поражение войскам видинского паши. См.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 251. С. 377–379. (И. И. Исаев — М. А. Милорадовичу, 21 июня 1807 г.)

того, конечно, настроил Кара Георгия написать письмо к ерц-герцогу Карлу, представляя ему, что Россия не снабжает их довольным числом пороха, свинца и прочих снарядов, ибо, по переписке моей с комендантом сербским Миленкой [Стойковичем], они ожидали сего с нетерпением, но и до сих пор не получали. Недавно выгнаны из Совета их некто Югович и Гагич[1], люди мне известные, с здравым рассудком и довольно хорошими сведениями, особливо первый. Причина сего мне неизвестна. Явная и непреодолимая ненависть Георгия к грекам, которую приняли почти все чиновники сербские, а может быть, и издавна ее имели, не помешала стараниям г-на действительного статского советника Родофиникина вселить в Георгия доверенность и в других, которые умнее его, как, например, Миленко, Чердакли[я] и других, мне не так известных, любовь к нему, хотя все они знают, что он родом грек.

Сии сведения собрал я в разные времена от самих сербов, часто проезжающих через Крайов и живущих в моей квартире иногда и по две недели. Расспрашивая оных об обстоятельствах Белграда, видел всегда из слов их приверженность к России, доверенность и даже любовь к г-ну Родофиникину, старание и прием его привлечь их к себе и успех сего, почему и полагаю, что приверженность сербской нации к России не переменилась, а действует только в сих происшествиях интерес Младена и некоторых частных людей, что, конечно, подтвердят вашему сиятельству лично г-н артиллерии майор Лавров и капитан Бей Новокрещенов[2], которые недавно из Белграда приехали. Но чтобы выполнить

[1] После ухода по состоянию здоровья с поста секретаря Совета (февраль 1807 г.) и скорой смерти Божидара Груйовича было назначено два секретаря — Иван Югович (1772–1813) и Иеремия Гагич (1773–1859). Первый из них — образованный выходец из Воеводины — имел репутацию человека «австрийской партии», второй — «русской». В результате борьбы в руководстве движения и, вероятно, не без участия Родофиникина в конце того же года Карагеоргий принял решение об отстранении от дел в Совете обоих. *Јанковић Д.* Правитељствујушчи совјет. С. 57. Янкович опирается на свидетельство: *Караџић В. С.* Сабрана дела. Књ. XVI. Историјски списи. II. С. 58, 102.

[2] Последний, офицер русской службы местного происхождения (он же — И. Ф. Угринчич-Требиньский) выступал в качестве инструктора повстанческих войск еще с лета 1806 г. См.: Первое сербское восстание. . . Кн. 1. № 153. С. 254–255. (Карагеоргий — И. И. Михельсону, 18 июня 1806 г.) Впрочем, сам Новокрещенов утверждал, что служил в Сербии по высочайшему повелению еще с 1805 г. (АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 43. Л. 267–268 об. (Бей Новокрещенов — А. А. Прозоровскому, 14 февраля 1808 г.)). В январе 1808 г. Новокрещенов отправился, под предлогом болезни, в штаб квартиру Молдавской армии и по пути встречался с Исаевым (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 12 января 1808 г. // Там же. Л. 262–262 об.). По прибытии он подал прошение о выплате ему жалования, пенсии за 12 месяцев и ордене «для одобрения напредь». В прошении на имя Прозоровского он рассказал о своем участии в осаде Белграда, действиях на Дрине в октябре 1807 г. и других военных подвигах, а также об устройстве сербской полиции. Главнокомандующий, наведя справки, выяснил, что Новокрещенов значится в чине поручика, а не капитана, что он был направлен в Сербию А. А. Чарторыйским, согласно отношению МИД от 14 марта 1806 г. «для узнания расположения к нам сего народа», в августе того же года возвратился в Санкт-Петербург с письмом Карагеоргия, затем по распоряжению А. Я. Будберга от 1 февраля 1807 г. был послан в распоряжение И. И. Михельсона. (Там же. Л. 259–259 об.). 14 сентября

в точной силе предписание вашего сиятельства, я не имел другого средства, как послать к г-ну Миленке, с которым провел целое лето, находящегося при мне переводчика титулярного советника Лиготовича, человека верного и расторопного, которого снабдил достаточными наставлениями, не открывая, однако ж, оному о повелении, полученном мною от вашего сиятельства, а единственно из любопытства моего и под предлогом, как писал к Миленке, по случаю приближения весны, времени, в которое открываются обыкновенно военные действия. Но как у нас еще неизвестно, будет ли война или нет, а из собственной моей осторожности узнать только о расположении турок, к чему они готовятся, ибо Миленка ближе к ним, прошу его уведомить меня о всем с сим знакомым ему посланным, дабы в случае нужды мы могли бы помочь друг другу. Пребывание свое Миленко имеет в городе Поречье. Предпринятое мною оставалось единственным и надежнейшим средством узнать о всем подробно, ибо переписка с ним затруднительна, потому что те сербы, кои знают положение дел, писать не умеют и имеют секретарей, кои ничего не знают и от которых все скрывают. В дополнение к сему, какие получу известия, не замедлю подробно донести вашему сиятельству с нарочным[1].

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: Документы. М., 1997. № 37. С. 51–53 (опубл. по: АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807–1808 гг. Д. 2. Л. 116–119. Копия). Оригинал: АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/3. Д. 11. Л. 5–7 об.

1808 г. Новокрещенов вновь прибыл в Белград (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 19 сентября 1808 г. // Там же. Л. 282), однако весной 1809 г. по предложению Родофиникина был удален из Сербии за превышение полномочий. Майор Лавров, как указывалось, был отправлен в Сербию в конце ноября 1807 г.

[1] В рапорте от 14 февраля 1808 г. Исаев докладывал Прозоровскому: «Посланный от меня к Миленко титулярный советник Лиготович возвратился и донес мне. Миленко откровенно говорил ему, что многим неустройствам у них причиною Младен, которого Черный Георгий любит, и который поссорился со многими тамошними комендантами, равно и с Миленкой, ибо сей более думает о пользе общей, а тот противных правил. Весь сенат, видя беспорядки, происходящие от Младена, вместе с многими комендантами пред сим писали к Черному Георгию, прося убедительнейшее устранить оного, Георгий вместо всякого ответа письмо сие в оригинале отослал к Младену и оставил его по-прежнему, теперь он еще сильнее и управляет сенатом почти один, прочие только подписывают. Это собственные слова Миленки. Сербы все так же привержены к России, а немцев не терпят, и всегда говорят, что ежели должно будет быть им под властью оных, то лучше остаться по-прежнему у турок. Г[осподи]ном д[ействительным] с[татским] с[оветским] Родофиникиным отзываются хорошо и им довольны. Миленко говорил, что он стал мало помалу устраивать хороший порядок в сенате, которым все были довольны чрезвычайно, но Младен всему препятствует, ибо ежели и успеют Георгия уговорить и согласить, тогда Младен поедет к нему один и за рюмкою водки преклонит его утвердить его мысли или намерение, и все по его желанию исполняется». Обращение к эрцгерцегу Карлу Исаев также связал с интересами М. Миловановича (Оригинал // АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/3. Д. 11. Л. 9–10).

Д. Н. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский (1788–1850) — сын известного археографа, члена Румянцевского кружка, Н. Н. Бантыш-Каменского, впоследствии историк, автор ряда биографических и библиографических трудов, «Истории Малой России» и «Словаря достопамятных людей русской земли», переводчик, публикатор и исторический романист. Поездка в Сербию была инициирована просьбой белградского митрополита Леонтия от января 1808 г. к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию прислать «...святой мирр, в коем претерпеваем теперь нужду». По ходатайству Амвросия Святейший Синод постановил выделить из московской синодальной конторы два ведра миро, а канцлер Н. П. Румянцев предписал управляющему московским отделением архива коллегии иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменскому найти человека для отправки его в Сербию. Им стал его сын, в то время состоявший в чине коллежского асессора, который, по-видимому, с восторгом воспользовался возможностью предпринять путешествие за казенный счет. Соответствующий груз он получил 25 апреля 1808 г. и отправился в путь, который описан в книге, изданной в 1810 г. под инициалами Д. Б. К.[1] Его путевые записки составлены в виде писем приятелю — в жанре, основательно разработанном в просветительской и сентименталистской традиции (Л. Стерн, Н. М. Карамзин). «Путешествие» Бантыш-Каменского имелось в библиотеке А. С. Пушкина и стало одним из источников его цикла «Песен западных славян».

Письмо XIX

Белград. Июня 3-го

В Белград приехал я 3-го июня в четвертом часу утра, а из Крайова выехал 29 мая, в пятом часу вечера, вместе с двумя товарищами, коих генерал *Исаев* отправил со мной в сей город. Первый был *далматянин*, лет сорока, который за оказанные им важные услуги России пожалован офицером с жалованьем по 300 рублей в год и определен в штат к *К. К. Родофиникину*; а другой молодой *грек*, лет осмнадцати, посланный курьером от *Родофиникина* в Крайов и обратно в Белград едущий. Оба они знали по-сербски; сверх того далматянин говорил по-италиански и немного по-французски, а грек, умея также несколько объясняться по-французски, знал еще по-молдовански. Первую станцию сделали мы в двух каруциях[2], а со второй поехали верхами, ибо дорога была столь дурна,

[1] *Грачев В. П.* Православная церковь и первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 166–167. Фрагмент книги Бантыш-Каменского, датированный 5 июня, в сокращении републикован: Москва–Сербия, Белград–Россия. Т. 2. С. 99–102.

[2] Почтовая повозка. Езда на каруции (или карудзы) красноречиво описана в «Воспоминаниях о кампании 1829 года в Европейской Турции» Ф. Ф. Торнау.

что невозможно ехать иначе; только ящики везли кое-как в каруце. Первая станция от Крайова пребудет для меня навсегда достопамятна, по той причине, что я чуть было не лишился тут жизни. У далматянина были два пистолета; мне захотелось выстрелить из одного: почему, зарядив оной двумя пулями, отошел на некоторое расстояние от повозки. Далматянин кричал мне, чтоб я стрелял вверх, дабы не убить какую-либо скотину; но я, к счастью моему, не послушался его и выстрелил прямо. Пистолет, будучи слабо держан мною, своротился вверх от сильного заряда, таким образом, что если б я выстрелил по совету далматянина, то наверно попал бы себе в голову. Поблагодарив провидение за спасение столь чудесным образом мне жизни, и приняв добрую помойку от своих товарищей за то, что держал слабо пистолет, пустились мы в дальний путь верхами, как я уже выше сего упомянул о том. Забыл сказать, что у меня долго болела ладонь правой руки от сильного удара пистолетного.

В верстах пяти не доезжая Дуная, мы нашли на станции трех бандуров[1] (сербских солдат), которые и поехали с нами верхами до первой сербской станции. Через Дунай[2] переправились мы благополучно на лодках 30 мая в пятом часу по полудни. Признаться, любезный друг, я находился тогда в великом страхе, и видел каждую минуту смерть перед собою; ибо, посуди, что здесь не на одной лодке переправляются через реку, но на двух, связанных одна с другою на концах посредством толстых рычагов; в промежутке их протекает вода, и сербы ставят лошадей передними ногами в одну лодку, а задними — в другую. Лодки наполнены водою и не имеют никаких мест — почему и сидишь в них в воде; они очень узки и длинны.

Переправившись через Дунай, сели мы снова на лошадей и, поднявшись на высокую гору, очутились в густом лесу, который более чем на сорок верст продолжается. Лес сей, с одной стороны которого находится *Неготин*, а с другой *Паланго*[3], очень опасен, по той причине, что турки, занимающие сии места, часто проезжают через оный из *Неготина* в *Паланго*, равно как и из *Паланго* в *Неготин*. Сие самое заставило нас, для нашей безопасности, взять еще на том берегу Дуная выше помянутых трех бандуров, вооруженных пистолетами, кинжалами и ружьями[4]. Несмотря на все усилия, употребленные нами, чтобы скорее переехать через сей лес, мы ехали около осьми часов опасным сим лабиринтом; ночь застала нас еще в оном — и молния, сопровождаемая сильным громом и дождем служила нашею путеводительницею; ибо так было темно, и горы, которыми надлежало нам спускаться, столь были круты, что, перестав скакать, мы принуждены были ехать шагом в глубоком молчании, и ничего не видя, не управляли уже лошадьми, а дали им волю следовать по той тропинке, какую они сами изберут. Наконец, в полночь выехали мы из леса и остановились ночевать на берегу

[1] Правильно: пандур.

[2] Дунай служит границею, отделяющею Валахию от Сербии. (Примеч. авт.)

[3] Брза Паланка (?).

[4] Все сербы вооружены таким образом — и сии оружия, равно как и платье их, по большей части отняты ими у турок. (Примеч. авт.)

Дуная, в одной землянке, покрытой соломою и занимаемой сербским караулом, из пятнадцати человек состоящим. *Болук-баша*[1] уступил нам свою землянку, и мы расположились было кое-как в оной, как вдруг пошел дождь сильнее еще прежнего, и начал литься через соломенную кровлю земляного нашего дворца. Товарищи мои, особливо далматянин, закрывшись плотно двумя капотами, не заботились ни о чем, и старались храпением своим преодолеть самую бурную стихию; а я, не могши уснуть и, по правде говоря, опасаясь спать среди вооруженного и неизвестного мне народа, вознамерился исправлять должность ночного стража. Таким образом протекло более часа; дождь и гром не переставали, храпение также; покрытый водою и плавая в воде, я смотрел, подгорюнившись, на дверь, в которую проходил воздух, и которая не могла затворяться; как вдруг приметил у оной одного бандура, вооруженного пистолетом и намеривающегося войти в землянку. «Кто там?» — вопросил я его, и не получил никакого ответа; только бандур остановился у двери и не шел далее. Я тотчас разбудил молодого грека, который начал говорить ему по-сербски, чтоб он шел вон, что здесь нет ни одного из его товарищей, и что их начальник уступил нам эту землянку. Бандур все стоял на одном месте и ничего не отвечал. В то время, как я пошел будить далматянина, у которого было два пистолета и кинжал, грек и солдат, находившийся при мне, подошли к бандуру и начали выталкивать его из землянки. Сей последний вынул тогда пистолет свой и в глубоком молчании устремил оный на грека, по которому верно бы выстрелил, если бы мы все не закричали во весь голос: *Болук-баша! Болук-баша!* Бандур опустил в то время пистолет от страха и вышел из землянки; солдат провожал его кулаками, а болук-баша, услышав наши крики, встретил его несколькими ударами палки, потом, обезоружив его, посадил под караул. Любопытно то, что во все сие время любезный камердинер мой стоял как вкопанной в темном углу и верно не показывался для того, чтоб не испугать собою бандура.

На другой день, то есть 1 июня, пустились мы снова на рассвете в дорогу верхами, и, проехав многие горы, находящиеся на берегах Дуная, достигли благополучно, в десятом часу утра, острова *Порича*, занимаемого *Миленкою Стойковичем*, комендантом пожеровецким[2], храбрейшим после *Черного Георга* предводителем сербским. Тут должны мы были оставить лошадей своих и, сев в одну шлюпку, отправились на остров. Вышед на берег, пошли мы к *Миленке*, к коему имели письмо от генерала *Исаева*. Дом, занимаемый сим сербским генералом, небольшой, деревянный, о двух этажах, и находится на дворе, обгороженном плетнем. Вокруг дома видны в разных местах ядра, накладенные кучами. Еще не подходя к нему, издалека услышали мы странный шум и музыку, а как вошли во двор, то какое было удивление мое, когда я увидел тут толпу сербских бандуров, с ног до головы вооруженных, и посреди их шесть женщин, одетых в странных пестрых платьях и обвешанных турецкими деньгами. На ногах

[1] *Болук-Баша* значит по-турецки «над многими голова». Он у сербов то же, что были у нас сотники в старинные времена. (Примеч. авт.) Правильнее: буюкбаша.

[2] М. Стойкович был комендантом Пожаревацкой нахии.

у них были шпоры, и они, держа одна другую за руку и передвигаясь на одном почти и том же месте, хлопали шпорами; мужчина, составляющий седьмое лицо, также странно одетый и в шпорах, держал одну из них за руку, а в другой имел обнаженную саблю, которой махал по воздуху. Перед ними стоял один бандур и надувал в волынку. Вот тебе, любезный друг, описание сербского танца, который надобно видеть, чтоб иметь о нем достаточное понятие. Вошедши в покои к *Миленке*, мы застали его на балконе, сидящего на ковре с сложенными на крест ногами, вместе с тремя сербскими военачальниками, двумя греческими монахами и одним греком, одетым по-европейски и исправляющим должность толмача. Все они курили трубки и смотрели на танцующих. Лишь только мы пришли, *Миленко* дал знак рукою — и танец кончился. По прочтении толмачом письма генерала *Исаева*, *Миленко* велел подать три стула, то есть для меня, для далматянина и для грека, на которыхмы и сели, как зрители в театре, посреди комнаты. Немного спустя, началась комедия, и мы из зрителей сделались уже действующими лицами. Один бандур поставил перед нами небольшую кадку вышиною в аршин, а другой, через несколько минут потом, принес большое оловянное блюдо, которое поставил на кадку. На блюде находилось пять оловянных тарелок со следующим кушаньем: на одной из них накрошена была мелкими кусками говядина, на другой лук, на третьей черешни (сладкие вишни), а на двух остальных хороший ржаной и белых хлеб[1]. В сем состоял наш обед. Мы было хотели тотчас приступить к оному, к чему тощий желудок наш весьма нас побуждал; но были остановлены одним бандуром, который подошел к каждому из нас поодиночке с большим жестяным тазом и таковым же кувшином, наполненным водою, коею должны мы были вымыть руки наши; после чего другой бандур поднес к нам полотенце. Во время стола подавали нам беспрестанно в стаканах красное вино, которое я пил с великою охотою, ибо оно очень было хорошо. Сербы славятся вином своим, превосходящим лучшее волошское. После обеда подали нам вымыть руки так же, как и прежде. В то время, как мы находились за столом, около десяти женщин вошло в ту комнату, в коей мы обедали, одна за другою. *Миленко*, указавши нам на ту, которая шла впереди, сказал, что то была жена его. Мы встали тогда со своих мест, поклонились ей; но я не успел даже хорошенько разглядеть ее, ибо она в ту же минуту сошла вниз со всеми своими женщинами, которые, равно как и она сама, были одеты довольно богато, по-турецки, в шароварах и в серебряных поясах. На них на всех, особливо на жене *Миленко*, висело множество червонцев и левов. Некоторые из них были очень пригожи собою и молоды. Жена *Миленко* также довольно высокого роста, лет тридцати пяти; мужество, ум и геройство изображены на лице его.

После стола мы тотчас распростились с *Миленкою* и, поблагодарив его за угощение, пошли к лодке, приготовленной уже для нас. Двое сербских военачальников

[1] В Молдавии и Валахии редко где можно найти хлеб на дороге, и там вместо оного едят мамалыгу, составленную из кукурузы (пшенички), которая не очень вкусна для привыкших к французским хлебам. В Сербии же везде находишь довольно вкусный хлеб. (Примеч. авт.)

и толмач проводили нас до оной; но мы принуждены были около десяти минут дожидаться гребцов, которых тут еще не было. Лишь только мы отплыли от берега, то гребцы сказали нам, что в то время, как мы их ожидали, господарь *Миленко* приказал дать каждому из них (их было три человека) по десяти палочных ударов за то, что они не прежде нас пришли на берег. Вот пример расторопности сербского начальства! Ничто не может скрыться от его проницательности.

Остров *Порич* не велик; строение на оном деревянное; поблизости от дому *Миленко* и на берегах острова находится довольное число пушек.

От острова *Порича* мы отправились уже вдоль по Дунаю на продолговатой и узкой лодке, как я уже выше сказал. Нам надлежало плыть против воды; а как течение Дуная очень быстро, то двое гребцов тянули лодку нашу у самого берега на бичевой. Крутые каменные горы, из которых в разных местах пробирались с приятным журчанием по каменьям кристальные ручьи, со всех четырех сторон окружали нас и закрывали собою течение Дуная, который не прямо в сих местах течет, а извивисто. Картина мрачная и вместе [с тем] величественная! Горы покрыты были густыми лесами и инде представлялись глазам нашим на крутых скалах остатки старинных сербских крепостей, которые самые даже обломки, казалось, гордились своею славою и желали восторжествовать над всеразрушающим временем. С левой стороны возвышались сербские горы, а с правой находилась земля, принадлежащая Австрии, под названием *Баннат*. Горы на оной не так высоки, как в Сербии. С обеих сторон видны были караулы (пикеты), в нарочитом расстоянии друг от друга расставленные. Австрийские солдаты состояли из крестьян, одетых в серых кафтанах и имевших через плечо перевес с сумою, а в руках ружье.

В тот день мы ночевали в лодке на Дунае. Ночь была темная, и сильный дождь лил как из ведра. Лодка наша была наполнена водою, и мы поминутно выливали оную большим ковшом; на нас не было сухой нитки. Лишь только рассвело, мы снова пустились в путь; появившееся солнце, согрев нас несколько, осушило благодетельными лучами своими платье наше. Погода была тихая; бесчисленные золотые шарики, перебираясь по поверхности воды, терялись в тихих струях зыбкой стихии — как вдруг раздался над нашими головами престрашный треск, наподобие грома, и в ту ж минуту увидели мы катящийся с горы пребольшой камень прямо на нашу лодку. Гребцы поспешили тянуть лодку как можно скорее, пробираясь по каменным утесам, у подошвы гор находящимся; усилие их весьма мало было приметно, и лодка не могла скорее прежнего плыть против воды. Вопли ужаса и страха раздавались между нами — как вдруг. К всеобщему нашему порадованию, камень сей остановился в лощине, на половине горы. Боже! Как велики судьбы твои! Гребцы уверяли нас, что подобные несчастия нередко случаются с путешественниками; чему служили явными доказательствами виденные нами большие каменья, скатившиеся с гор и лежащие в реке. Без лощины и друг твой погиб бы безвестно; ни одна слеза не оросила б тогда могилы того, которого покрывала бы одна только пена морская. Я ужасаюсь при одной только мысли о сем!

От *Порича* до Белграда мы не всё плыли по Дунаю, а несколько станций сделали верхами и в большой телеге, запряженной в одну лошадь, в которой

сидело нас пять человек, и в коей принуждены были ехать шагом около пятидесяти верст. Какая разница, в сравнении с молдаванскою почтою! Правда, мы могли бы везде иметь верховых лошадей; но от усталости, не были в состоянии держаться на оных. На всех станциях мы являлись к болук-башам, кои принимали нас весьма ласково и угащивали хорошим вином, черешнями, луком, накрошенною говядиною и свежими яйцами. В 40 верстах от Белграда мы переменили лошадей в *Семендрии* или *Смедерево*. Сей город построен при устье Иессовы, впадающей в Дунай[1], и в нем находится старинная крепость. В древние времена он был столицею сербских князей. Мы думали приехать в тот день (то есть 2 июня) вечером в Белград; нов двенадцать часов пополудни только начали приближаться к сему городу, и, не доезжая до оного верстах в пяти, товарищи мои рассудили остановиться ночевать на дороге, уверяя меня, что сербы, будучи весьма сомнительны, в военное время никого не впустят ночью в город. И так мы расположились ночевать кое-как на открытом поле, предоставив попечение о наших лошадях одному провожатому из крестьян, ехавшему вместе с нами. Мы все легли рядом на земле, которая служила нам вместо пуховика, и я, положивши чемодан свой под голову, заснул в ту же минуту, несмотря на жесткую постель свою; но сон мой недолго продолжался, ибо ровно в три часа пополуночи разбудили меня мои товарищи, — и мы, сев снова на своих лошадей, въехали благополучно в Белград в четвертом часу утра.

Здесь мы остановились у К. К. Родофиникина, который занимает лучший дом в городе, каменный, о двух этажах, но непривлекательной архитектуры. Я пользовался сном своего хозяина, чтоб писать к тебе, любезный друг. Уже пробило шесть часов — зовут меня к Его Превосходительству; итак, оставляю перо до другого времени. Завтра еще буду писать к тебе отсель.

Письмо XX

Белград. Июня 5-го

Не знаю, как описать тебе, любезной друг, К. К.[2] Это не человек, а ангел. Я столько им был обласкан во время короткого моего пребывания в сем городе, что благодарность моя к нему кончится только с жизнью моею. Находясь в чужой стране, за несколько тысяч верст от своей родины, окружен будучи неизвестными мне людьми, думал ли я найти на берегах Дуная такого благодетельного, достойного человека?

В день моего приезда сюда, то есть 3 июня К. К., прочитав депеши, привезенные мною от фельдмаршала, пригласил меня идти с собою по утру в здешний Сенат[3], куда он тотчас по моем прибытии отправил Св. миро для доставления

[1] Смедерево находится в десяти километрах от устья Моравы. Езава — малый приток Дуная.

[2] Здесь и далее под этими инициалами: К. К. Родофиникин.

[3] Правительствующий (народный) совет, повстанческое правительство.

к здешнему митрополиту. Сенат сербский состоит в каменном небольшом доме, находящемся на дворе. Лишь только мы вошли в комнату — в коей сидели сенаторы, и которая походила более на погреб, по своей сырости, нечистоте и каменным сводам, — то они все встали с своих мест и поклонились К. К. Сей последний представил им меня как майора, привезшего Св. миро для сербских церквей в дар от нашего государя. Тогда настала моя очередь перекланиваться с ними и на вопрос их: «*Добро дошли, господине майоре*?» — отвечать каждому поодиночке: *хвала Богу*, — и слушать от них такое же повторение. После сих взаимных с обеих сторон учтивостей мы все сели по местам, и в то время как К. К. разговаривал с сенаторами, я рассматривал их с ног до головы с великим любопытством. Их было пять человек в комнате; четыре сидели рядом на одной стороне, а пятый, который был Президент Сената, занимал место насупротив их. Все они, особливо г-н Президент, отличались суровыми лицами и неопрятною одеждою. Посреди комнаты стоял маленький стол. Не подумай, любезный друг, чтоб г-да сенаторы сидели за оным — нет; два грека, исправляющие должность письмоводителей (не скажу, по незнанию грамоты г-д сенаторов, опасаясь прогневать их сею справедливостью), сидели с обыкновенною своею важностью за сим столом и рылись в бумагах. Пробыв с полчаса в Сенате, мы возвратились домой, где отобедав, поехали гулять за город, К. К. с двумя живущими у него французами верхом, а я в коляске с секретарем его, будучи не в состоянии держаться на лошади от чрезмерной усталости. Там, в малом расстоянии от города, видел я минеральный источник, открытый самим К. К. поблизости от Дуная. Я пил воду из оного, которая весьма чиста, прозрачна и запах имеет селитренный; а грунт земли, где оная проистекает, очень черен. Между тем, как мы прохлаждались у сего источника и занимались разговорами, секретарь упражнялся в охоте и возвратился к нам через час с довольною добычею, с коей мы потом отправились в город. Вечером пришел к К. К. здешний митрополит *Леонтий*. Ему около сорока лет; одевается весьма просто — в полукафтаньи, в камилавке, без панагии и в башмаках. Он из греков, несколько знает по-французски, — и я кое-как изъяснялся с ним на сем языке, который он мешал вместе с сербским, изъявляя мне свою благодарность за привезенное мною Св. миро.

На другой день, то есть 4 июня, после обеда, К. К., которого фельдмаршал просил в письме своем показать мне все достойное любопытства в сем городе[1],

[1] Князь Александр Александрович [Прозоровский] писал письмо со мною к К. К. следующего содержания: «Присланное ко мне от вашего превосходительства письмо митрополита сербского, содержащее просьбу о доставлении в Сербию Св. миро, было мною отправлено к графу *Николаю Петровичу Румянцеву*; а ответ митрополита новгородского *Амвросия* препроводил я к Вам при отношении моем от 9-го сего мая под № 769. Граф *Николай Петрович*, в другом отношении от 13 апреля, уведомил меня, что от него, по распоряжению Святейшего Синода, дано предписание, чтобы миро было отправлено ко мне из Москвы с нарочным чиновником. Поручение сие сделано было управляющему Московским Архивом Государственной коллегии Иностранных Дел, действительному статскому советнику Б[антыш]-К[аменскому].

дал мне свою коляску и приказал одному венгерцу, живущему у него, съездить со мною в крепость, потом с визитами к митрополиту *Леонтию* и к белградскому коменданту, Президенту Сената *Младену Миловановичу*, как к здешнему градоначальнику.

Крепость белградская, которая может почесться из первых в свете, окружена с двух сторон Дунаем, а с третьей — рекою Савою. Укрепление оной неприступно. Она разделяется на две крепости: на *верхнюю* и *нижнюю*. В нижней находится арсенал, в каменном большом доме состоящий, и казармы. В арсенале выделываются ружья, патроны, пики; выливаются колокола и проч. Работою сею, по большей части, занимаются у сербов пленные турки. Они начали также было выливать и пушки; но что-то им сие не удалось, и я видел первую вылитую и недоконченную ими пушку. В верхней крепости, находящейся на горе, виден дом паши, большой, каменный, о двух этажах. Там, в большой зале стоят в углу отнятые у турков знамена; тут же показывают большую картину, изображающую всех царей и деспотов сербских, между коими внизу виден *Черный Георг*, рубляющий голову у лежащего у ног его турка. Картина сия писана одним сербом. В верхней крепости находится также мечеть турецкая красивой архитектуры, которой внутренность очень высока — но в ней ничего нет. По близости от дома паши виден в одной башне большой колодезь, подле которого проведен подземный ход к самой реке *Саве*, состоящий, как уверяли меня, почти из трех сот ступеней; но куда никто не может сходить по чрезмерной сырости, происходящей от земли. В крепости ворота железные и притом двойные.

Вышед из крепости, посетили мы митрополита *Леонтия*, который живет в маленьком деревянном домике, и я около часу пробыл у сего почтенного и вместе любезного пастыря. От него проехали мы к коменданту *Младену Миловановичу*, занимающему довольно большой дом о двух этажах. Сей последний отдыхал в то время; его разбудили — и он встретил нас с сонными глазами, которые еще более придавали красоты красному, пухловатому лицу его. Господину коменданту и председателю сербского сената за сорок лет; росту он высокого, и толстое брюхо его доказывает, что он радеет о пользе своего желудка. Мы его застали в красном кафтане, босиком и в туфлях. *Добро дошли? — како сте? — и хвала Богу*, — были только шесть слов, которые он сказал мне, хотя я и пробыл у него с четверть часа. Во все сие время он поминутно зевал, протирал кулаками глаза свои, искал в голове вшей, поглаживал длинные черные усы и, подчивая нас вином, показывал нам свое искусство в питьи, опорожнивая третий стакан, между тем как мы еще допивали первый. Вот тебе, любезный друг,

Вследствие чего и прислан от него ко мне с Св. миром служащий в том же архиве сын его, коллежский асессор Д. Б. К., которого для окончательного исполнения порученной ему комиссии с сим к Вашему Превосходительству и отправляю; и как он охотно взялся сам ехать в Белград, то и прошу вас принять его благосклонно и, яко молодому человеку, желающему приобресть сведения, преподать способы осмотреть все, что любопытным найдется, и получить познания, могущие вперед быть ему полезными; по исполнении же им возложенного на него дела, принять меры для безопасного его возвращения». (Примеч. авт.)

портрет белградского коменданта и председателя сербского сената. Провожая нас, он сказал через венгерца, что вечером отдаст мне визит и придет проститься со мною; ибо венгерец уведомил его, что я на другой день отъезжаю в Россию.

Младен Милованович сдержал свое слово, и в тот же вечер пришел ко мне в сопровождении секретаря сената и одного бандура. Я пошел к нему на встречу — и какое было удивление мое, когда г-н комендант, сняв с себя серебряную позолоченную турецкую саблю, поднес мне оную, между тем как секретарь сената, грек, знающий хорошо по-русски, говорил, что *это дар сербского сената за труд, принятый мною для привезения из столь дальних стран Святого мира для сербских церквей*. Я долго отказывался брать сию саблю; но комендант и секретарь настояли в том, — и я, не желая долее упорствовать, принял с должною признательностью таковой лестный для меня подарок сербского сената. После сего Младен Милованович, пожелав мне через секретаря сената счастливого пути, отправился домой; а я в ту же минуту поспешил с саблею к К. К., который сказал мне, *что я достойно награжден сербским сенатом, ибо заслужил от него таковой подарок, и что он сам предложил оному отблагодарить меня таким образом*. Итак, и этим обязан я был сему почтенному мужу!

Сего дня поутру митрополит *Леонтий* приходил проститься со мною. Теперь, между тем, как я пишу к тебе письмо сие, любезный друг, К. К. занимается бумагами, которые хочет отправить со мною. После обеда непременно выеду отсель. Не сердись на меня, что я так мало пробыл в Белграде. Война, могущая с часу на час возгореться между турками и сербами, устрашает меня. Тогда долго бы не увидел ты своего друга, который нашелся бы принужденным или остаться в Белграде, или возвратиться в Россию через австрийские владения, что стоило бы ему немалого труда и беспокойств. Ты не поверишь, как я начинаю скучать в отдалении от всех милых сердцу моему: каждую минуту беспокоюсь я о них; не знаю, что они делают; здоровы ли, думают ли о своем друге, помнят ли, как он любил и не перестанет любить их; и тогда, как я помышляю о сем, сердце мое очень тоскует и так сильно бьется, как будто хочет вырваться и полететь к ним. Не один раз проклинал я безрассудную страсть видеть здешние края!

Жаль, что я не застал в Белграде *Черного Георга*, сего преславного предводителя сербов, сделавшегося известным целому свету своею храбростью. Он находится теперь в осмидесяти верстах отсель, в одном загородном доме, ему принадлежащем. Я хотел было ехать к нему туда; но мне отсоветовали, уверяя меня, что я увижу перед собою одного токмо грубого человека, без всякого воспитания, от которого не добьюсь ни одного слова. Я имел случай здесь со многими разговаривать о нем, и что узнал, долгом поставляю сообщить тебе, любезный друг.

Черный Георг родился в окрестностях Белграда[1]. С самого младенчества питал он ненависть к туркам, под игом коих стенало тогда его отечество. Однажды попался ему на дороге турок, который требовал от него, чтоб он посторонился: оба они были верхами, и оба одушевлены одинакою гордостью. Турок, видя упорство серба, вынимает свой пистолет, хочет застрелить его; но *Черный Георг* предупреждает его намерение — и в одно мгновение кичливый мусульманин лежит у ног его. Страшась тогда подвергнуться подобной же участи, *Черный Георг* оставляет отечество свое и удаляется в австрийские владения. Ему было в то время только осьмнадцать лет. Он вступает в австрийскую службу солдатом, дослуживается до сержанта; но и тут новое, не менее прежнего, несчастье постигает его. Капитан того полку, в котором он находился, хотел наказать его за сделанный им поступок; *Черный Георг* убивает его и скрывается снова в отечество свое. Там вступает он на новое поприще; удаляется в густые леса, делается начальником разбойников, нападает неоднократно на турков, поражает их. Женщины, старики, младенцы, одним словом — все соделываются его жертвами. Турки, желая отомстить сербам за чинимые *Черным Георгом* убийства, осуждают на смерть двадцать шесть главнейших сербских военачальников и одного архимандрита и готовятся напасть на самого его силою. Со всех сторон стекаются сербы к *Черному Георгу*; один токмо престарелый отец, живший с ним до того времени, хочет его оставить — упрекает его в чинимых им убийствах, в пролитии невинной крови и в неминуемой гибели, угрожающей всем соотечественникам. Он хочет идти к туркам, предать им своего сына и всех его соумышленников. Тщетно *Черный Георг* умоляет его; он не внемлет его представлениям — отправляется в Белград. *Черный Георг* следует за ним — в последний раз просит его воротиться; старик упорствует в отказе — и, наконец, сын находит себя принужденным застрелить отца своего! Здесь прерываю я на минуту повествование свое; не знаю, должно ли мне осуждать *Черного Георга* или жалеть только о нем. Но не нам судить о делах подобных себе... Долго *Черный Георг* боролся с турками; трудно было ему воевать против народа, заимствующего ныне у европейцев науку побеждать. Наконец, мало-помалу сербы начинали с своей стороны приучаться к победам — и *Черный Георг*, по многократным сражениям с турками, входит в Белград и по долговременном облежании крепости принуждает напоследок защищавших ее турков сдаться ему 1 декабря 1806 года. Таким образом сей удивительный человек, без всякого просвещения, посредством одной храбрости своей, освободил от тягостного ига отечество свое и сделался начальником всего сербского народа. В то самое время, как *Черный Георг* с войском своим облежал[1] Белград, в *Семендрии* собрался было синод, состоявший из сербского архиерея и богатейших тамошних помещиков[2]. Собрание сие, объявив себя верховным правительством народа, хотело присвоить законодательную власть как по части военной, так и гражданской; но *Черный Георг*, узнав о том, немедленно приехал в *Семендрию*, уничтожил определения синода и распустил членов, говоря, что *пока жив, не позволит никому быть выше себя, и что не имеет нужды ни в каких советниках*[3].

[1] Автор рассказывает далее легендарную биографию Карагеоргия, которая не во всем согласуется с другими источниками. См. подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 202–246. Ранняя версия того же текста: *Он же*. «Воротися, отец, воротися!» Георгий Черный: генеалогия харизмы народного вождя // СА. 2004. М., 2005. С. 405–445.

[1] Здесь: осаждал.

[2] Дурная аналогия, вернее: старейшин.

[3] Имеется в виду неудачная попытка утвердить верховенство Совета в ноябре 1805 г.

С тех пор он один управляет сербами и сенатом белградским, который во всем ему повинуется. К. К. рассказал мне следующее происшествие, по коему можно судить, сколь неограниченна власть *Черного Георга*. По кончине одного богатого серба, оставившего после себя малолетних детей, сенат сербский хотел завладеть его имением, чему К. К., по своему примерному человеколюбию, долгом почел воспротивиться. Он заставил внимать гласу совести и человечества сих жестоких людей, кои увлекаемы быв одними лишь личными выгодами своими, покушались на законопреступное дело. Один из сенаторов возразил, что в бытность свою в Вене он сам был очевидным свидетелем, как посторонний человек завладел имением одного умершего богача, несмотря на то, что после него остались малолетний сын. Все сенаторы были одного с ним мнения и упирались на таковой пример. К. К. изъяснил им тогда, что посторонний человек, завладевший в Вене имением умершего богача, был опекун, представленный над наследством малолетнего его сына; что имение сие, по вступлении последнего в совершенные лета, надлежало ему достаться; и он столь хорошо умел представить им несправедливость их присваивания, что сенаторы согласились с ним не трогать имения умершего серба. Вдруг через несколько дней сенат получает от *Черного Георга* из загородного его дома бумагу, которою он повелевает оному приписать к его владениям все мельницы, оставшиеся после умершего серба. После сего, что оставалось делать К. К.?.. Не надобно упоминать здесь, с какою ревностью и точностью сенат поспешил овладеть имуществом умершего.

Дабы ты лучше имел понятие, любезный друг, до какой степени простирается ненависть *Черного Георга* к туркам, то я расскажу тебе, что он сделал с турецким пашой по взятии Белграда 7 марта 1807 года. Паша сей получил от него позволение возвратиться Царьград со всею своею свитою, и для безопаснейшего его переезда через Сербию дано ему было до границы пять сотен человек бандуров. *Черный Георг* обнадежил его, что с ним не повстречаются никакие неприятности на дороге — и что же? Престарелый паша выехал из Белграда 8 марта с 270 турками, составлявшими его свиту, кои, включая его самого и шестерых главнейших чиновников, находившихся при нем, все были обезоружены с тех самых пор, как *Черный Георг* овладел Белградом. Не успели они отъехать несколько верст от сего города, как вдруг бандуры напали на обезоруженных турков и положили их на месте. Паша с шестью его офицерами долго и с великою храбростью защищались против сих убийц; достигши одной пещеры, по близости от того места находящейся, убили двенадцать сербов и, наконец, имели ту же участь, как и 264 товарищей их. В тот самый день *Черный Георг* приказал умертвить всех турков, оставшихся в Белграде, коих число простиралось до сорока. Сии несчастные заперлись все в одном доме, где долго защищались, и который был напоследок обращен в пепел вместе с ними. Некто из чиновников сербских вопросил *Черного Георга*, что надлежало им делать с женами и детьми умерших турков? «Пусть умрут они с голода», — ответствовал он. Однако не все сербы имеет такое жестокое сердце, как их предводитель, и один из них предложил лучше продать австрийцам сих несчастных жертв; что

и было исполнено[1]. Но мне надлежало бы написать целую книгу, если б вздумал изобразить здесь картину жизни *Черного Георга*. В заключение скажу, что он прошлого года велел повесить родного брата своего за сделанные им разные преступления! Если поступок сей и служит обвинением ему в несоблюдении прав родства, то не менее оправдывает его в исполнении правосудия[2].

Черному Георгу, как сказывали мне, не более сорока лет. Росту он высокого, плечист; лицо имеет продолговатое и внизу широкое, глаза малые и впадшие, нос вострый в конце; смугловат собою; бреет бороду, оставляя одни только малые усы; волосы заплетает сзади в длинную косу, которая покрывает у него всю спину, а спереди зачесывает их очень высоко; одевается просто, как здешние крестьяне, имея всегда при себе два пистолета и большой нож; весьма неопрятен; нрава горячего; молчалив в беседах, где не услышишь от него ни единого слова, разве тогда только, как пьет водку, в которое время читает он молитву; не умеет ни читать, ни писать — и одною храбростью своею, увенчанною успехами, сделался начальником сербов и известным всему свету.

У *Черного Георга* четыре дочери из коих одна замужем за одним сербским чиновником, и два сына. Старший, по имени *Алексей*, живет у К. К., где обучается русской грамоте. Ему от роду десятый год. Он удивительной остроты и проворства. Теперь главнейшее удовольствие его — убивать на лету галок камнями; после, может быть, он будет подражать отцу своему — и турки заменят место галок.

Черный Георг занимается охотою один раз в год, и выезжает с двумя или тремястами вооруженных бандуров. Добычу, получаемую на сей охоте, как то: волков, лисиц, диких коз, оленей и прочих животных, переводит на деньги.

Но я заговорился с тобой о *Черном Георге* — пора перестать. Кончу тем, что настоящее имя его *Георгий Петрович*; зовут же его *Черным* не по смугловатому лицу его, а потому, чтов то время, как он убил отца своего, мать его дала ему сие название.

Белград довольно великий город. Он лежит при стечении реки Савы с Дунаем, что придает ему немало красоты и приятности. В прочем город сей представляет из себя плачевное зрелище военных опустошений; чему явным доказательством служит большая часть из его зданий, совсем опустевших и развалившихся. Каменных строений в нем весьма довольно; окна же у домов мало

[1] Происшествие сие описано во французских газетах: l'Abéille du Nord. (Примеч. авт.). Рассказ близок к реальности. Выход обезоруженных турок во главе с белградским Сулейман-пашой и султанским уполномоченным Хассан-агой из крепости относится к 23 февраля 1807 г. Затем последовали их убийство и турецкие погромы в Белграде и Шабце. Эти события стали поворотным моментом к борьбе за полную независимость Сербии. См.: *Грачев В. П.* Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. // Советское славяноведение. 1987. № 2. С. 37. По свидетельству митрополита Леонтия, «...жены и дети [турок]... были тут же крещены». Первое сербское восстание... Кн. 1. № 204. С. 330–332. Об их дальнейшей судьбе см. в донесениях Родофиникина.

[2] Эта история пересказана П. П. Свиньиным. (Отечественные записки. 1818. Ч. 1. С. 52–53.)

где со стеклами, а по большей части или оклеены бумагою или без ничего находятся. Каменных мечетей турецких весьма много, и возвышенные башни их, белеющие в отдалении, составляют немалое украшение города. В одной только из них турки могут отправлять свое служение, а прочие все пусты; в иных находятся лавки, а в других, как сказывали мне, пасутся даже свиньи. В Белграде довольное число турок; они, по большей части, находятся в работе, живут в великой бедности и весьма притеснены. Жалко смотреть на сих людей, из коих ни на одном не увидишь веселого лица. Здесь не очень приятно гулять по улицам, потому что часто встречаешь ползающих по дороге змей, коих, равно как и ящериц, великое множество. Белград окружен земляным валом и укреплен батареями; над воротами поставлены бекеты[1]. Вообще сербы употребляют все возможные меры предосторожности. В сем городе считается более 30 000 жителей.

Тебе известно, любезный друг, что Белград несколько раз принадлежал австрийцам, которые завоевывали оной у турков и потом снова им возвращали. В 1717 году он был покорен славным принцем *Евгением*[2]*, одержавшим тогда знаменитую победу над турками. В начале же нынешнего столетия Черный Георг* освободил его совершенно от ига сих варваров. Сербы имеют великую ненависть к грекам, немцам и туркам, кои попеременно владычествовали над ними.

Оканчивая письмо сие, долгом поставляю сказать тебе, любезный друг, как К. К. умеет угождать сербам и привлекать их к себе. Я видел в саду у него превеликий камень, весьма любопытный, найденный им на берегах Дуная, и который теперь служит ему вместо стола, когда он пьет чай или кофе в саду. Какие же ножки приставил он к нему? Угадай — я нарочно не назову их теперь, чтоб узнать, как далеко простирается твоя прозорливость. Но я вижу, что ты начинаешь сердиться на меня, ломая понапрасну свою голову; итак, чтобы успокоить тебя скажу, что ножки, поддерживающие вышеупомянутый стол, состоят в надгробных памятниках турецких, из коих четыре К. К. велел нарочно перенести в сад из кладбища. Памятники сии высечены из дикого камня и изображают чалмы тех, над коими были поставлены: в одном углу — чалма дервиша, в другом — янычара и так далее. Сербы вне себя от сего стола. Надо приноравливаться к нравам каждого народа!

Иду проститься с К. К. Из Крайова буду еще писать к тебе.

Письмо XXI

Крайов. Июня 8-го

Из Белграда отправился я Дунаем 5 июня, после обеда, на шлюпке. Прощаясь с К. К., я не мог удержаться от слез. Он несколько раз обнимал меня с сердечным желанием счастливого пути; а я обещал вечно помнить его ласки ко мне — и сдержу свое слово.

[1] Пикет, караул.

[2] Евгений Савойский (1663–1736) — командующий Австрийской армией.

Болук-баша *Григорий Гузиня*, человек лет сорока, и четыре бандура, ехавшие с ним в Крайов, были моими спутниками. Лодку нашу не тянули уже на бичевой, а три гребца рассекали длинными веслами своими волны Дуная, беспрестанно ударяющие в оную и грозящие поглотить нас. Мы плыли по течению реки; почему кормщик как можно более старался направлять лодку к берегу, опасаясь наехать на какой-либо подводный камень, коих в Дунае великое множество. Бандуры пели военные песни на сербском языке; камердинер мой, вместе с солдатом старались заглушить их *веселою головою*[1]*;* а я разговаривал в то время с *Григорием Гузиней*, от которого узнал, что сабля, подаренная мне сенатом, ему прежде принадлежала, и что он уступил ее за весьма дешевую цену. В тот день мы ночевали в шлюпке на Дунае, и на рассвете снова пустились в путь. Однако ж я не мог долго плыть по воде от непривычки, и мне вдруг так сделалось дурно, что я принужден был попросить товарищей своих остановиться у *Кличевца*, деревни, принадлежащей *Миленко*. Там вышел я на берег с солдатом и камердинером своим; а болук-баша с бандурами продолжали путь свой по Дунаю. Из *Кличевца* отправился я в большой запряженной в одну лошадь телеге в местечко *Голубец*[2]*,* в 25 верстах от первого находящееся, и насилу дотащился туда к вечеру. *В Голубце* остановился я ночевать; на другой день, то есть 7 июня, отправился я снова Дунаем в *Порич*, куда прибыл в самый полдень. *Миленко* принял меня очень ласково, тем более что я имел рекомендательное письмо к нему от К. К. Он извинялся, посредством толмача своего, что в проезд мой в Белград не знал, кто я таков, ибо генерал *Исаев* не упомянул в письме своем о моем чине; угостил меня таковым же обедом, как и в первое мое свидание с ним; потом, дав мне трехвооруженных бандуров из своей свиты, для безопаснейшего проезда через лес, проводил меня до самого берега реки, где и простился со мною. В тот же день вечером, в восемь часов, проехал я благополучно и не без усталости опасный лабиринт, который я выше сего описал, и, наградив щедро сербских бандуров, переправился через Дунай и очутился в Валахии. Ты не поверишь, любезный друг, как я обрадовался, увидев себя вне Сербии; и надобно быть на моем месте и перенести все то, что я претерпел, дабы иметь понятие о моей радости. С каким восхищением удалялся я от мрачных сербских гор, от быстрого и бездонного Дуная[3]! Каждая прошедшая минута, думал я тогда, приближала минуту моей смерти; теперь же каждая минута приближает меня к милым сердцу моему; думал и, забыв усталость свою, поминутно понуждал скакать свою лошадь, чтоб ускорить радостный час моего свидания с теми, без коих горестное существование мое казалось мне еще горестнее.

[1] Русская народная песня.

[2] Голубац.

[3] Если б не было войны у сербов с турками, то мне ближайший путь из Крайова в Белград, равно как и обратно, был бы вдоль по Дунаю. Но как теперь многие находящиеся на Дунае острова принадлежат туркам, то я и принужден оставлять их в стороне и пробираться через сербские горы. (Примеч. авт.)

Теперь скажу нечто о сербах. Народ сей мужествен, храбр, но весьма непросвещенный. Они очень набожны; строго наблюдают всякие посты и в то время ни за что не едят мяса. Жены их не хороши собою; лицом весьма смугловаты и черноволосые: почему достаточные из них имеют у себя турчанок, из коих я многих видел красавиц. Крестьяне сербские зажиточнее молдавских и волошских. Они ни в чем не имеют недостатка, и в Сербии, не так как в Молдавии и Валахии, куриц, яиц и сливок можно найти сколько хочешь. Я там в первый раз в жизни ел мясо дикой козы, которое сербы разрезав на мелкие кусочки, накалывают на палочку, наподобие фиг или сушеных яблок, и зажаривают. Мясо сие очень сладко и вкусно.

В Сербии по деревням нет нигде церквей христианских; в Белграде я видел одну маленькую, деревянную; может быть, их и несколько там находится, но я признаться не приметил. Любопытно то, что в каждой деревне есть *кнез* (так называются в Сербии старосты). Прозвание сие дано им турками, для унижения достоинства бывших князей сербских. Одежда *кнезей* ничем не различествует от крестьянской.

Сербы очень любят русских. Я не могу довольно нахвалиться ласками сего народа; они не иначе называли меня, как *братико*; гордились дружбою россиян, с коими несколько раз сражались против турков, и, говоря о **монархе** нашем, всегда снимали свои шапки и пили за Его здоровье! Таковая любовь и привязанность их к нам, основанная на чувствовании искренней благодарности, несколько раз извлекала у меня слезы сердечного удовольствия.

Язык сербский, происходя от одного корня с российским, совершенно походит на него. Прилагаю тебе, любезный друг, несколько слов сербских, дабы ты мог судить о различии обоих языков.

Господарь — Господин.
Како сте? — Каковы вы?
Хвала Богу — Слава Богу.
Помози Бог — Бог в помощь.
Добро ютро — Доброе утро.
Добро вече — Добрый вечер.
Благодарствую вам — Благодарю вас.

Сын *Черного Георга Алексей*, при отъезде моем, подарил мне несколько сербских песней. Сообщаю тебе одну из них.

Нас покрива восточная звезда,
От Благотворца буди ей мзда,
Гласи наши горе да слышутся:
АЛЕКСАНДР всюду нек славится;
Родофиник долголетан да буде,
За сербов делать не забуде.

У сербов считается 60 тысяч войска в мирное время; а в военное число оного может увеличиться более, нежели до 100 тысяч.

В Крайов приехал я сегодня, то есть 8 июня, в четыре часа пополудни, и остановился в том же трактире у венгерца, в котором состоял прежде сего. По приезде моем в город, явился я тотчас к генералу Исаеву, который очень удивился скорому и неожиданному моему возвращению. Посидев у него немного, я возвратился на квартиру свою, откуда пишу к тебе письмо сие, любезный друг. В сие время молния сверкает поминутно в сопровождении сильного грома; но я спокойно беседую с тобою, благословляя Небо за то, что не нахожусь более в горах сербских. Ах! Зачем я уже не в Москве, и не с вами, друзья мои!

Отсель думаю выехать завтра, чем свет. Оставляю перо до Бухареста.

Бантыш-Каменский Д. Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. С. 92–139

А. Г. Краснокутский. Дневные записки поездки в Константинополь в 1808 году

Александр Григорьевич Краснокутский (1781–1841) — сын киевского губернского прокурора, брат декабриста С. Г. Краснокутского, автор ряда путевых очерков. Воспитанник Сухопутного кадетского корпуса он начал службу в 1797 г. корнетом. Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Краснокутский служил поручиком, а затем капитаном Апшеронского пехотного полка. Осенью 1808 г. он был послан главнокомандующим Молдавской армией А. А. Прозоровским в Константинополь с предложением о мирных переговорах. В турецкой столице русский офицер стал свидетелем янычарского бунта и государственного переворота, приведшего к убийству султана Мустафы IV и великого визиря Мустафы-паши Байрактара[1]. Эти события были описаны в очерке «Поездка русского офицера в Константинополь...», опубликованном в «Русском вестнике» (1810, № 8–9) С. Н. Глинки. С ним, как и его братом Федором, Краснокутский был дружен еще со времен пребывания в кадетском корпусе. Позднее очерк был переработан в книгу (1815), отрывки из которой печатаются ниже. Она была положительно принята современниками и считается наиболее удачной в творчестве автора, «...живая по наблюдениям и стилю, с достоверными описаниями кровопролитного и жестокого турецкого бунта. Сочувственно изображая турецкие обычаи, Краснокутский в целом занимает типично просветительскую позицию: стремление турок ни в чем не походить европейцев он рассматривает как “закоснелое упрямство”»[2]. Отчасти эта просветительская и сентиментальная установка проявилась и в маргинальных для книги болгарских впечатлениях автора.

<...>

25 октября[3]

Отдохнув немного и переменяя лошадей, отправился я до города Джумы[4], до которого езды от Разграда шесть часов. На дороге ничего не видал примечательного, кроме частых и прекрасных водометов, изобилующих прозрачною водою. Восточные жители любят украшать дороги всем тем, что может увеселить и успокоить путешественника; сей обычай можно отнести к гостеприимству их. Они как будто и заочно хотят угощать странников!

[1] См. подробнее: *Миллер А. Ф.* Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М.–Л., 1947.

[2] Русские писатели. Т. 3. М., 1994. С. 136. (Автор статьи — В. М. Бокова). См. там же о других публикациях Краснокутского.

[3] Первая запись от 23 октября 1808 г. о поручении А. А. Прозоровского доставить депеши в Константинополь.

[4] Современный Тырговиште (Болгария). Здесь и далее использованы топографические комментарии к публикации: Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / съст., предг., комент. и бележки М. Н. Кожухарова. София, 1986. С. 80–81.

От Джумы до города Осман Пазара[1] езды также 12 часов. Я приехал туда по полудни, крайне заболев дорогою. Боясь разнемочься, пустился до города Сливны[2]; хотя почувствовал чрезмерную слабость, однако продолжал путь, и через несколько времени мне стало гораздо легче.

От Осман Пазара до города Сливны считают 14 часов езды через Балканские горы; мне показалось, по крайней мере, тридцать часов.

Каким ужасом поражает взоры угрюмый и печальный вид Балканских гор! Некоторые из них покрыты вечным туманом и снегом; вершины других исчезают в облаках: кажется, что природа с дикаго чела их угрожает погибелью путешественникам, дерзающим к ним приближится. По каменным скалам едва можно ехать верхом, и я не мог довольно надивиться, как приучены лошади ходить там, где вся земля усеяна грудами камней. Горе путешественнику, есть-ли лошадь его спотыкнется: погибель его неизбежна! Около 20 верст пробирался я узкою тропинкою. С одной стороны — каменистая утеситстая гора, до вершины которой не могут досягнуть взоры; с другой — ужасная бездна. Шум водопадов непрестанно раздается в горах и усугубляет мрачность сего необычайнаго зрелища.

Темные и дремучие леса, облегая все вершины, не пропускают солнечных лучей на путешественников. Осенью здесь самая опасная езда. Я принужден был иногда по десяти верст идти пешком, особливо в тех местах, где гололедица; и насилу вел лошадь по сему скольскому пути. Турецкие подковы не только не предохраняют, но еще умножают скользкость.

Балканские горы простираются до 70 верст; проезжая оныя, переходил я из одного времени года в другое. Двадцать верст ехал я зимою, осьмнадцать осенью, пятнадцать весною; у перемены встретил лето.

Приближаясь к почте, очутился я на вершине горы. Новое и очаровательное зрелище представилось взорам моим: с одной стороны сияло солнце во всем блеске: долины и поля зеленели; с другой — на льдистыя высоты сыпался снег. Долго рассматривал я такую удивительную противоположность природы, которая напоминала мне о таких же противоположностях жизни и света. Здесь ужас и приятность смежны между собою. И в жизни горесть на шаг от радости!

В то самое время, когда наслаждался я рассматриванием природы и предавался размышлениям, провожавший меня татарин слез с лошади и разостлал верхнюю одежду свою на камне, и с умилением начал молиться Богу, благодаря за щастливый переезд через горы, где угрожали нам столько опасностей. Из глубины сердца моего такое же усердное моление вознеслось к небесам! В сию минуту, припомня величественное выражение священного песнопевца: *коснешеся горам, и воздымятся!*[3] — мне казалось, что с грозного чела Балканских вершин курилась жертва Творцу Природы.

[1] Современный Омуртаг (Болгария).

[2] Сливен (Болгария).

[3] Псалом 143.

Удивительно, как могли люди поселиться в сих горах. Но они привыкли к ним: они не променяют их ни на какие другие места. Привычка все украшает: сердце любит родную сторону.

Горы проезжал я два дни; на третий прибыл в Сливны.

Первый день ночевал я в четырех часах езды от Осман-Пазара, в селении Чатак[1], в доме Булгара, где услышал разговор, несколько сходственный с русским. В отдалении от своей стороны и звук отечественной речи утешает слух и душу!

Детям хозяина моего роздал я несколько российских серебряных денег, говоря им, что на них изображение Екатерины Второй. Болгар и все семейство его с восторгом целовали образ бессмертной Екатерины! «Мы давно слышали, — говорили они, — о великой сей государыне; она хотела нас спасти от жестокаго ига: дай Бог, чтобы увидеть нам скорее русские войска! Горы наши им не помешают; мы слышали, что они и не такие места проходили. Нас уверяют, что русские непременно сюда будут». Я отвечал, что об этом Бог один знает, и советовал им, чтобы они до времени были осторожнее.

26 октября

Продолжая путь болгарскими горами, приехал я в местечко Казани[2], обнесенное кругом стеною почти неприступною. Турецкие бунтовщики несколько раз тщетно покушались оное разграбить. Здесь живут большею частию булгары и арнауты[3].

Отправляясь в два часа пополудни, к ночи прибыл в селение Вечере[4], где остановился у булгарскаго попа, который рассказывал мне много чудеснаго о горах Афонских. Известно, что и россияне посылают многие вспомоществования ежегодно в тамошние монастыри.

27 октября

Проехав Балканские горы, прибыл я благополучно в город Сливны в 9 часу поутру; переменил лошадей и, не мешкая, отправился до города Ямболи[5]. Тут встретил меня русской солдат, одетый по-турецки. Желаю здравия, ваше благородие! — закричал он. Удивясь сему восклицанию, я спросил: кто он таков? Солдат отвечал: прежде звали меня Иваном Терентьевым, а теперь Солиманом. Меня обольстили: я изменил Богу и вере. Десять лет слезно плачу о проступке моем. Я служил под начальством Суворова... и готов умереть, чтобы только взглянуть на его гроб! Скажите, ваше благородие, землякам моим, чтобы они

[1] Предположительно, с. Тича в Сливенском округе.
[2] Предположительно, Котел (Болгария).
[3] Албанцы.
[4] С. Ичера в Сливенском округе.
[5] Ямбол (Болгария).

верою и правдою служили России и государю; а то совесть замучит их до гробовой доски!

Раскаяние его поразило меня; но мне недосуг было продолжать с ним разговора. Дав ему три червонца, я поехал в Адрианополь, отстоящий на осьмнадцать часов от Ямболи. На половине дороги принужден я был ночевать в селении Папалзаре[1].

28 октября

В 11 часов поутру приехал я в Андрианополь[2]. Сей древний город довольно обширен; основал его римский император Андриан. Мечети здесь весьма великолепны, но константинопольския еще превосходнее; все прочия строения во вкусе азиатском.

От Андрианополя до самого Константинополя почты нет; Мустафа-паша оную отменил, отчего и происходит остановка курьерам. Наем лошадей продержал меня до 10 часов вечера; я выехал ночью и продолжал путь до Бабескан[3].

29 октября

От Андрианополя до Бабескан 10 часов езды. Из Бабескан приехал я в Бургазы[4]; до них 4 часа езды. Город сей славится лучшею глиняною посудою, которая совершенно походит на фарфор.

Я ночевал в городе Чорле[5], в 10 часах езды от Бургаз. Тут пришли ко мне несколько турок и жаловались на несправедливость Мустафы-паши за истребление в турецком войске хорватов. Сии недовольные были сами же хорваты. Мустафа-паша изгнал хорватов потому, что кроме грабежа они ни к чему не были годны. Многие из них отплыли на кораблях в чужестранныя державы. Мне рассказывали, что в окрестностях Чорлы, за несколько лет пред сим, Мустафа-паша имел кровопролитное сражение с султанскими янычарами и одержал победу. Уже он грозил походом в Константинополь; но султан Селим склонил его к миру богатыми подарками. Мустафа возвратился в Рущук[6].

Краснокутский А. Г. Дневные записки поездки в Константинополь в 1808 году, писанные им самим. М., 1815. С. 5–13

[1] Предположительно, Папазкёй, современное с. Попово.
[2] Современный Эдирне (Турция).
[3] Искаженное: Бабаэски (Турция).
[4] Бургас (Болгария).
[5] Чорлу (Турция).
[6] Современный Русе (Болгария).

Ф. И. Недоба. Рапорты

Надворный советник Федор Иванович Недоба (1770–1846) впервые был направлен в повстанческую Сербию в качестве помощника Родофиникина в марте 1809 г., сразу после дебатов в ставке главнокомандующего Молдавской армией А. А. Прозоровского с сербскими депутатами, среди которых выделялся И. Югович[1]. Главнокомандующий сообщал в письме верховному вождю: «По причине случающихся болезненных припадков г. действительного статского советника Родофиникина[2] всеподданнейше представлял я государю императору о назначении ему помощника, который бы во время болезни его отправлял также его должность, и на основании последовавшего на то монаршего соизволения... отправляю к Вам в сие звание подносителя сего письма моего, г. надворного советника Недобу, которого и прошу Вас принять в Вашу любовь и удостаивать его Вашей доверенности. Он чрез немалое число лет был употреблен по делам в краях здешних, както в Молдавии, Валахии, Морее, Корфу и пр. и везде обнаруживал отличное усердие к пользе и успехам вверенного ему дела...»[3] Повстанцев же более других беспокоил вопрос о происхождении Недобы, и на этот счет бродило множество версий: «У имени его отечество мы право не смогли узнать, откуда он; он молчал о том. <...> Звали его человекомерзцем (славянизированный «мизантроп»? — *М. Б.)*. С кем бы ни жил, ни с кем любовно не кончилось. <...> Некоторые говорили, что Недоба — поляк; другие — что грек; а третьи — что он сын наложницы одного русского консула, который пребывал в Рагузе (Дубровнике. — *М. Б.)*. Он в возрасте 50 лет и [был] весьма беден, а теперь известно, что богат, что в Царьграде и Вене имеет большие деньги под процент»[4]. На самом деле,

[1] См. о них подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 291–327.

[2] Болезни Родофиникина отчасти носили «дипломатический» характер и обострялись с усилением напряженности в его отношениях с сербскими старейшинами. В канцелярии Молдавской армии сохранилось особое дело о болезни Родофиникина. В разгар политического кризиса зимы 1807–1808 гг. он просил о выезде из Белграда в Крайову в связи с тем, что «...малые припадки сначала обратились в тягчайшие». АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 44. Л. 285–285 об. (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 25 января 1808 г.)

[3] Первое сербское восстание... Кн. 2. № 55. С. 68–70. (А. А. Прозоровский — Карагеоргию, 7 марта 1809 г.) В частности, в августе 1804 г. Ф. Недоба, недавно назначенный генеральный консул в Морее (Пелопоннесе), был направлен в район залива Салоник, чтобы выяснить силу влияния французских агентов на местное население. *Станиславская А. М.* Россия и Греция... С. 305, 310.

[4] Сербие плачевно пакипорабощение лета 1813. Млетки [Venecija], 1815. С. 91. Ср.: *Перовић Р.* Допуне биографији Теодора Ивановича Недобе од Лазара Арсенијевића Баталаке // *Он же*. Прилози за историју Првог српског устанка. Београд, 1980. С. 224–240. Л. Арсениевич-Баталака рассказал историю о православном сербском мальчике Тоше из Боснии, которого в возрасте 12 лет усыновил русский консул в Бухаресте Иван Недоба (?). Странно, однако, почему же русский чиновник скрывал свое сербское происхождение, в то время когда оно могло стать козырем в противодействии клевете оппонентов и в восстановлении доверия соплеменников.

как установила И. С. Достян на основании послужного списка, Недоба происходил «из среды малороссийских казачьих старшин»[1].

В середине августа того же 1809 г. под угрозой турецкого наступления на Белград и расправы со стороны политических противников русская миссия вместе с белградским митрополитом Леонтием, а также воеводой П. Добринцем, Й. Протичем и С. Живковичем эвакуировалась из повстанческой столицы и обосновалась в приграничной Крайове, контролируемой русской армией[2]. Для разрешения возникшего конфликта с руководством повстанцев сам Родофиникин практически сразу (в октябре 1809 г.) предложил преемнику Прозоровского П. И. Багратиону передать его полномочия русского дипломатического представителя в Сербии Недобе[3]. Сменивший Багратиона в марте 1810 г. новый главнокомандующий Н. М. Каменский 2-й прореагировал на сложившуюся ситуацию иначе и уполномочил вести сношения с сербами генерал-майора Е. Г. Цукато, а после его смерти в августе того же года — генерала А. П. Засса[4]. Назначение Недобы состоялось в конце года, и он отправился в Белград вместе с русскими батальонами полковника А. Ф. Балле, которые составили городские гарнизоны, помимо столицы страны, в Шабце и Смедерево. Однако Балле было строго запрещено вмешиваться в местные конфликты и внутреннюю политику; то же касалось и Недобы, который мог лишь давать советы, если его об этом попросят[5]. Русский чиновник прибыл в Белград в феврале 1809 г. и находился там (как и Родофиникин без формализованного ранга и статуса) до сентября 1813 г., то есть до самого разгрома восстания. С конца 1813 и до лета 1814 г. он по поручению руководства МИД находился в Нови Саде для организации переезда сербских беженцев на территорию Российской империи и наблюдения за ситуацией в Сербии[6]. Затем участвовал в обеспечении работы русских дипломатов на Венском конгрессе[7], и согласно справке в документальной публикации «Внешняя политика России» с 1815 по 1823 г. являлся генеральным консулом в Рагузе (Дубровнике) и Далмации. Позднее он служил в администрации присоединенной к Российской империи Бессарабии

[1] *Достян И. С.* Русская политика в сербском вопросе и протоиерей Матия Ненадович в период Венского конгресса (1814–1815) // Прота Матија Ненадовић и његово доба / уредник Р. Самарџић. Београд, 1985. С. 136. (Примеч. 21.)

[2] Первое сербское восстание... Кн. 2. № 101. С. 116. (Примеч. 2.)

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 8. Л. 101–104 об. (К. К. Родофиникин — П. И. Багратиону, 9 октября 1809 г.)

[4] См.: *Белов М. В.* У истоков...С. 330–332.

[5] Первое сербское восстание... Кн. 2. № 187. С. 200–201. (Н. М. Каменский — Н. П. Румянцеву, 12 декабря 1810 г.); № 188. С. 202. (Н. М. Каменский — А. П. Зассу, 20 декабря 1810 г.) Кроме того, старания Недобы, как сказано в другом послании Каменского Зассу (от 21 декабря 1810 г.), направлялись на то, чтобы сохранить между предводителями повстанцев «доброе согласие, приверженность и любовь к России и единодушное содействие противу общих врагов». Внешняя политика России... Сер. 1. Т. 5. М., 1967. С. 717. (Примеч. 376.)

[6] Там же. Сер. 1. Т. 7. М., 1970. № 195. С. 505–506. (К. В. Нессельроде — Ф. И. Недобе, 30 ноября 1813 г.)

[7] *Достян И. С.* Русская политика... С. 127–146.

в должности председателя гражданского суда и члена Верховного совета (суда) будучи уже действительным тайным советником[1].

А. П. Зассу

14 февраля 1811 г. Белград

Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

По причине болезни, приключившейся мне на дороге, я не мог прибыть сюда прежде 9-го числа сего месяца.

Черный Георгий Петрович принял меня против чаяния моего ласково. Хвалился мне, что дела относительно до внутреннего порядка поставили они в собрании бывшем в первых числах последнего генваря на такой ноге, что каждой должен быть доволен, о чем донесли и г-ну главнокомандующему[2]. За краткостию времени я не мог еще узнать, в чем состоит такое устройство, по уверению однако ж многих, народ оным угнетен.

По сей самой причине ни Миленко, ни Петр Теодорович[3] не хотели признать оного, ни следственно принять мест, которые назначены были для оных, то есть первому быть министром иностранных дел, а второму — криминальным всей Сербии судьею. Сие было причиною неприятных последствий. Черный Георгий хотел Миленка взять под арест из дому г-на полковника Баллы и, верно, убил бы его там же, ежели бы случилось при нем оружие, но к щастию был на то время совсем безоружен. Наконец, на другой или третий день заключено Советом и верховным вождем, к крайнему вообще сожалению, лишить сих двух заслуженных и достойных людей отечества, за которое они довольно крови своей пролили. Вследствие чего и отправились они отсель 9-го сего месяца с тем, чтоб забрать свои семейства, как уверяют, и перейти в Валахию. Черный Георгий, думают, не поступал бы, может быть, с ними столь бесчеловечно, но овладевшие его умом Югович, Младен, Груевич, секретарь также[1] и приставший к шайке сих злонамеренных людей из подлого, как заключают, корыстолюбия старик Досифей Обрадович[2] навели его к тому, боясь иметь соперниками людей, России приверженных, и коих народ почитал и уважал. Жаль сих людей, они могли бы нам быть полезными.

Митрополит Леонтий равномерно принят верховным вождем весьма дурно: «Ты вить бежал к русским, зачем, зачем же теперь сюда пришел»[3]. Ему велено пребывать впредь в Крагуевце, а не в Белграде, между самыми дикими сербами и иметь в своем ведении одну белградскую епархию, остальная же часть Сербии, то есть ужицкая епархия, епископ коей жив еще и находится в Банате, дана архимандриту Хаджи Мелентию, которого отправили они в Валахию для посвящения в архиепископы[4]. Нещастное то стадо, которое достанется пастьбе его. Невежа до крайности, да к тому злонамеренный человек и враг явный и непримиримый русских, так как и находящийся при нем в звании секретаря Гаврила Вуяновович[5]. Архимандрит Хаджи Мелентий одной шайки с Юговичем и другими, и когда сей с прочими эмиссарами и преданными австрийцам старались склонить Черного Георгия, чтоб предался оным, он также употреблял все к тому усилия, изрыгая публично перед народом все то, что вообразить только можно против нас, о сем многие меня здесь уверяли. Кажется что такой человек, поставши архиереем, может немало вредить нашим здесь интересам. (Ежели сие покажется достойным уважения, то благовидным предлогом отказать сербам в сем требовании может послужить то, что он, будучи в духовном звании, командовал войсками, так как он и в самом деле был до прошлого года военным комендантом на Дрине и сражался с неприятелем; и потому быть не может архиереем.) Я не знаю, чем решиться судьба митрополита Леонтия, но многие, да и он сам, не предвещает себе добра, ибо замечается, что гонимы все те, кои приверженность к нам оказывают. Видно, лишили его достоинства митрополита, ибо теперь пишут ему просто — архиерею белградскому.

(Черный Георгий уверял меня, что он вследствие отношения г-на главнокомандующего дал вообще всем старейшинам предписание быть в готовности против неприятеля, также, что сына своего и некоторых других старейшин детей, отправит к нам, коль скоро погода теплая настанет.)

[1] В известном указателе знакомцев А. С. Пушкина Ф. И. Недоба ошибочно отнесен к участникам сербского национально-освободительного движения. См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 288.

[2] Речь идет о так называемой второй «конституционной реформе», проведенной на январской скупщине 1811 г. и утвердившей наследственную власть верховного вождя. Карагеоргий уведомил Каменского о произошедшем и отослал ему копии документов скупщины 23 января 1811 г. См.: *Белов М. В.* У истоков... С. 335. О сути реформы и некоторые документы см.: *Он же.* Первое сербское восстание... С. 39–42, 88–92.

[3] М. Стойкович и П. (Тодорович) Добринац — главные оппоненты проведшей реформу белградской группировки старейшин во главе с М. Милованович. Она заняла доминирующие позиции в обновленном Совете — правительстве страны, а вожди оппозиции были обвинены в ряде преступлений и изгнаны за пределы Сербии.

[1] Перечисляются творцы реформы — Иван Югович, Младен Милованович и Михаил Груйович (брат Б. Груйовича). Югович и Груевич служили секретарями Совета.

[2] Известный сербский писатель поселился в Белграде в августе 1807 г., основал здесь Великую школу, был воспитателем старшего сына Карагеоргия Алексы. В новом правительстве Обрадович занял пост попечителя просвещения. Умер 26 марта / 6 апреля 1811 г. Пост попечителя просвещения наследовал Югович в июне того же года.

[3] Об обстоятельствах конфликта Карагеоргия с митрополитом-фанариотом см. примечания к донесениям Родофиникина.

[4] Русские власти противодействовали этому. См.: *Грачев В. П.* Православная церковь... С. 168–170. См. о предыстории вопроса: *Радосављевић Н.* Ужичко-ваљевска митрополија 1739–1804. Ваљево, 2000.

[5] Гаврило (Габриэль) Вуянович — «слуга» первой сербской депутации в Россию осенью 1804 г., выступал в качестве связного в ряде дипломатических акций повстанцев, в дальнейшем — секретарь Великого народного суда.

О движениях неприятеля на границах ничего не слышно, говорят только, но без основания, что в Пироте собираются турки.

При сем честь имею приложить расписку кнеза Симы Марковича, министра финансов, в принятии от меня 2 т[ысяч] червонных, посланных Совету господином главнокомандующим, а другую архимандрита Филиповича[1] в удовлетворении его столовыми по 1-е сего февраля. Из отпущенных на дорогу 50 червонных употребил я от Крайова до Белграда 15 червонных 2 пиастра 35 пар, коим подробный счет за болезнию не мог весть, 30 черв. удержу для себя столовые за февраль месяц, а остальные 4 чер. 9 пиас. 50 пар запишу в приход вместе с 100 червонными отпущенными на курьерские посылки.

Австрийцы после вступления нашего полка в Белград не пропускают явно на сию сторону хлеб, горячее и виноградное вино. Думают, однако ж, что это продолжаться не будет, говорят, что по сему предмету ожидают из Вены ответа.

Надворный советник и кавалер Недоба.

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 45–48

Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника и кавалера Недобы
Рапорт

22 февраля 1811 г. Белград

Спешу чрез сего нарочного донести вашему превосходительству, что вчерашнего числа австрийцы формально заперли границу свою. До того отпускаемо было сюда почти все, хотя под рукою, а теперь запрещено давать сербам не только хлеб и напитки, но даже сукно и всякие вообще товары. Совет народа сербского пришол чрез то в крайнее смущение, по совершенному почти в земле в хлебе особливо недостатку. Я советовал им, чтоб они написали Гиллеру, генерал губернатору[2] и вопросили бы о причине таковаго поступка, что и обещали сделать. Третьего дни посылал я в Панчево российского подданнаго Данила Федорова для взятия казенной аптеки, оставленной здесь штаб-лекарем Морачевским во время отъезда отсель г. действительного статского советника Родофиникина и завезенной туда некоим сербом по имени Попович. [С]его Федорова не впустили в город. Сказали, что послано повеление никого из русских не принимать и не иметь с ними сообщения.

Последовавшее с Миленком и Петром Тодоровичем подало повод к некоему возмущению народа в Пожаревецкой нахии. Надо думать неблагомыслящие

[1] Спиридон Филипович, выходец из Далмации, с 1805 г. находился на русской службе. В 1818–1846 гг. настоятель Гыржавского Свято-Вознесенского монастыря в Бессарабии.

[2] Иоганн фон Гиллер (Хиллер, 1754–1819) — барон, генерал, с ноября 1810 и до 1813 г. начальник славоно-сремской Военной границы.

и эмиссары австрийские, воспользуясь сим произшествием, распустили между оным [народом], что сербы будут оставлены россианами, что гарнизон возвратится вспять, так же и царский человек, разумея обо мне. Следственно сегодня прибыло в Белград около трех сот человек из помянутой нахии, чтоб удостовериться о том. Я их успокоил — в Совете в присутствии некоих советников, [—] уверил, что все между ними разглашенное не есть справедливо, что могут быть благонадежны в непременном и непоколебимом покровительстве всеавгустейшаго монарха всероссийского, советовал, чтоб повиновались повелениям верховного вождя и поставляемых им над ними начальников и прочее, чем они были очень довольны, многие из них пролили слезы и с радостию пошли обратно. Советники спрашивали у них не Миленко ли говорил им о выше сказанном, но они единогласно уверили, что от него ничего подобного не слыхали. Черный Георгий имел предварительное известие о намерении сих людей прибыть в Белград, писал Совету, чтоб всем оным итти в Тополу, куда он на другой день моего сюда приезда отправился; но я предложил Совету, да он и сам был согласен, чтоб историю сию кончить здесь, и без него, как-то и удалось.

17[-го] сего [месяца] Совет присылал Радонича, занявшаго место, кое назначено было для Миленка[1], просить меня чтоб я сообщил оному мое полномочие. Господин главнокомандующий, говорил Радонич, писал в Совет, что будет прислан к ним чиновник, но не сказал, вы ли тот. Я отвечал, что у меня никакого полномочия нет, ибо я не прислан заключать с ними каких-либо трактатов или условий, а единственно для того, о чем тотчас по моем сюда приезде объявил, что впрочем могут быть уверены, что я приехал сюда по повелению начальства, а не сам собою. Мы в том нимало, отвечали советники, не сумневаемся, но нам Черный Георгий приказал спросить вас о полномочии. По-видимому, формализуются[2], что ни господин главнокомандующий, ни ваше превосходительство ничего обо мне не писали им.

Совет выставил было над воротами дому, где собрание членов бывает, герб российско-императорский, на коем внизу под орлом изображени сербский герб, а под сим написано: Правительствующий Совет Сербский. Потом сняли оной. Я сегодня сказал им, чтоб не выставляли более оной, — что донесу вашему превосходительству и испрошу, могут ли то зделать, о чем и прошу почтить меня вашим разрешением, также, ежели известно, на какой ноге дела наши с австрийским двором, дабы успокоить сербов. В рассуждении герба говорили они, что зделали то в знак покровительства России Сербии дарованного.

Недоба

РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Д. 394. Ч. 11. Л. 91–94

[1] Получивший образование в Будапеште и начавший службу в повстанческой Сербии писарем в Совете Михаил (Милько) Радонич (1788–1836) занял пост попечителя по иностранным делам после изгнания Миленко Стойковича.

[2] Так в тексте!

Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

17 марта 1811 г. Белград

Предписания вашего превосходительства под № 91 и 92 имел я честь получить, равномерно и сто червонных, присланных на экстраординарные издержки, в употреблении коих не оставлю наблюдать возможную бережливость.

Присылка австрийского капитана из Панчева к Черному Георгию[1] имела предметом требование выполнения разных претензий по делам, обыкновенно по границам случающимся, и, между прочим, сатисфакции за нападение за несколько уже тому времени назад, учиненное на нейтральном месте, лежащем между старою Орсовою и Валахиею на турок из Ада-Кале некоим булукбашом Радуканом, в Кладове находящемся. О всем сем я удостоверился сам из писем, кои привозил к Черному Георгию помянутый капитан. Свидание его однако ж с вождем не имело места. Во-первых, на станции от Белграда до Тополы не нашел он лошадей, а во-вторых, сказано ему было там, что Черного Георгия нет в Тополе; и так на другой день возвратился сюда, и по получении от Совета ответа на письмо отправился обратно в Панчево.

Жители Пожаревацкой нахии вновь возмутились было все по следствии необдуманного поступка против Миленка [Стойковича] и Петра Теодоровича. Сам Черный Георгий с шестью стами конных ездил туда для усмирения возмутившихся, с коими однако ж, как уверяют, обошелся человеколюбиво. Вчера возвратился сюда. Они Младен приписуют беспорядок сей Миленке, который будто чрез письма побуждал народ к бунту, секретарь однако ж Черного Георгия некто Яникий[2] уверял меня, что в допросах, учиненных разным из зачинщиков, никто ничего подобного на Миленка не показывал, но будто Теодорович стращал народ турками и побуждал оной перебираться на австрийскую сторону.

Здесь за несколько дней сковали и посадили в крепость некоего Стефана Живковича, купца, державшего сторону Миленка и Теодоровича. Какая будет его участь неизвестно, но опасаются, что скорее всего может соделаться жертвою мщения Младенова, с давнего времени питающего к нему вражду и искавшего всегда случай погубить его[3]. Живкович известен здесь всем с весьма хорошей стороны, следственно, все вообще почти сожалеют о нем. Говорят, и каких-то других еще равная участь ожидает.

[1] Русское военное командование и дипломатию всегда беспокоили контакты повстанцев с властями пограничной Австрии. В данном случае выяснить причины визита австрийского курьера просил сам главнокомандующий. (Н. М. Каменский — А. П. Зассу, 9 марта 1811 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 11. Л. 132).

[2] Яничие (Яникий) Димитриевич (Янко Джурич, 1779–1850) — доверенное лицо, секретарь Карагеоргия, автор воспоминаний о нем.

[3] Конфликт С. Живковича с М. Миловановича, вероятно, имел коммерческую основу (см. первое послание К. К. Родофиникина А. Я. Будбергу от 12 августа 1807 г.).

Все сие приводит духи в смущение. Все даже и самые советники кричат против своевластия Младенова, которой и в самом деле поступками своими довольно ясно показывает, что не хочет, чтоб кто другой тень ему наводил.

Боюсь, ежели таковые гонения будут продолжаться, чтоб народ не подумал, что все то делается с нашего согласия, и по той причине не возгнушался бы нами[1]. Сие заставило меня, не входя в разбирательство распрь, разделяющих их, ни в то, кто из них прав, а кто нет, внушить живо, по случаю арестования помянутого Живковича, как Младену, так и другим, да и самому Черному Георгию, что теперь не время заводить инквизиций, но напротив, стараться быть в согласии.

Вчерашнего числа явился ко мне один отставной австрийской службы поручик по имени Зернич, родом из Кроации, поступивший под Королевство Итальянское. Он изъявил желание вступить в нашу службу и просил, чтоб я отправил его в Валахию. Препровождая при сем бумаги его на усмотрение вашего превосходительства, покорнейшее прошу почтить меня предписанием, что отвечать сему офицеру, и в случае отказа в его желании пожаловать возвратить ко мне бумаги его. Шестой день сегодня, как он из Петроварадина. По уверению его, там публично говорят, что мы будем иметь войну с французами, и что австрийский двор даст оным вспомогательного войска 80 т[ысяч] человек — что австрийцы начали уже полки свои комплектовать; еще что принц Карл примет опять начальство над войском.

Говорят, но не знаю, основательно ли, что в Боке де Катаро взбунтовались против французов по причине рекрутского набора, который хотели они там ввести. Войско их, говорят, заперлось в Катаре, и что будто бокезцы ожидают к себе англичан.

Зернич перешел сюда без пашпорта, ибо предъявленный им, и который находится между бумагами его, дан ему до Кроации.

Недоба

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 32–35

9 апреля 1811 г. Белград
Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

Предписания вашего превосходительства под № 762, 792, 793 и 825 исправно имел я честь получить. Пакет в Совет отдан мною лично, оной же к верховному вождю отвезен к нему в Тополу самым господином Легатовичем[2],

[1] Основания для опасений имелись. Так, новые налоги обуславливались необходимостью содержать русские гарнизоны. Первое сербское восстание... Кн. 2. № 206. С. 218. (Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 21 марта 1811 г.)

[2] Русский курьер.

который и донесет вашему превосходительству о всем, касательно порученности на него возложенной.

По прочтении отзыва вашего превосходительства Совет тот же час отправил курьера к Черному Георгию с требованием, как я полагаю, чтоб не отвечал на ваше к нему письмо, не сообщив прежде оному содержания онаго. Так они, как я узнал, всегда в подобных случаях делают. По сей-то причине задержан был так долго г-н Легатович Черным Георгием.

Вследствие предписания вашего превосходительства дал я знать Совету, чтоб требовал от меня пашпорты для сербов, имеющих надобность в Валахию отправляться[1].

Купец Стефан Живкович все еще содержится в крепости в кандалах; ни на суд не выводят его, ни вины не объявляют ему. Один только Младен настоит, чтоб погублен был сей человек, которой столько заслуживает уважения и почтения, можно судить из сего, что все воеводы, все общество белградских жителей составляющее, да и самой магистрат письменно просили, не входя в то, виновен ли он в чем или нет, чтоб прощено ему было сей раз, обязываясь все отвечать за него впредь, но ни ходатайства толиких людей, ни усильная неоднократная просьба моя не могли произвесть никакого действия над зверскими сердцами Младена и Черного Георгия. Великое чудо будет, ежели оставят его при животе. Младен употребляет все силы, чтоб сделать его достойным смертной казни, выкапывая прошедшие дела, кои они обещались предать забвению в последнем бывшем мнимом народном собрании (ибо, как я удостоверился, оное состояло из сателлитов Черного Георгия, вооруженных с ног до головы, и некоих старейшин, подло потакающих во всем сильнейшей стороне), и вынуждая против него доказательства, будто возбуждал народ. На сих днях Совет сделал запрос великому суду письменно наподобие того, который делают турки муфтию[2]: «Человек, который сделал то и то (излагая, по-видимому, дела, коими стараются обвинить Живковича), какую казнь заслуживает?» Суд, догадавшись, о ком дело идет, отвечал, что надобно прежде судить такого человека, точно ли в том виновен, а потом и рассмотреть, нет ли за ним и добрых дел, и не превышают ли сии вины его. Советники, получа сей ответ, в сердце вторично описали в суд, чтоб без дальних примечаний подал на запрос мнение свое. Судьи, устрашась, отвечали, что подобный человек заслуживает наказания. После сего, уверяют, Совет представил дело Живковича Черному Георгию на решение, но к чему присудил его, не мог узнать. Я и при сем случае осмелюсь доложить, что ежели убьют сего человека и станут придираться и к другим, как меня о сем уверяют, то боюсь, чтоб народ не подумал, что все

[1] Ранее, 22 марта, Недоба высказывал опасения в связи с поездкой в Валахию Лазаря Войновича для консультаций по вопросам военного снабжения: «Его описывают мерзким человеком, и что он много наклеветал сербам на Миленка Стойковича». РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 30. Войнович служил секретарем у воеводы Милана Обреновича и участвовал в поездке сербских депутатов к главнокомандующему Молдавской армией осенью 1810 г.

[2] Духовное лицо у мусульман, облеченное правом выносить решения (фетвы) по религиозно-юридическим вопросам.

то делается с согласия нашего, впрочем, если что по сему последует, не оставлю немедленно донести до сведения вашего превосходительства.

Немцы продолжают дуться на своих соседов, почти ничего не пропускают, а особливо бумага, из которой делаются патроны, холст толстой и все то, что употребляется солдатами, строго запрещено. Я имел честь донести вашему превосходительству в рапорте моем под № 14-м, что некто говорил мне, что запрещение не пропускать сюда хлеба сделано по интригам партии нам не благоприятствующей и прочее. Сие самое затем подтверждено мне и другою особою, нам преданною и отечеству своему истинно дображелающею.

Я заставил Юговича рассказать мне на прошедших днях, в чем состояла посылка его в прошедшем году к венскому двору[1]. Если верить его словам, на него возложено было Черным Георгием просить от оного муниции, которую и получили затем и изложить от народа сербского и главы оного письменно, что сербы вручают жребий свой и будущее благоденствие дворам австрийскому, французскому и российскому, и что все то, что будет оным для них с общего согласия учреждено, они признают за свято и будут повиноваться, лишь бы только не допустили подпасть вновь под иго турок. Посылали в то самое время депутата особого и в Париж, но кто был оной, не хотели мне объявить[2]. Сему поручено было просить Наполеона то же о сем последнем, то есть, чтоб не допустил народ сербский впасть вновь в руки турок. Министр отвечал, что он в свое время представит императору просьбу сербов, и чтоб были благонадежны, что оставлены не будут покровительством его величества.

6-го сего месяца проехал через Белград в Тополу австрийский ротмистр Кипич с письмами от генерал-командира Гиллера к Черному Георгию. Он препровождаем был двумя легкоконными рядовыми и семлинским драгоманом. Ежели узнаю, зачем прислан сей нарочный, не оставлю немедленно донести вашему превосходительству.

Поручик Зерневич[3] просит ваше превосходительство позволить ему явиться к вам, на сие ожидать буду вашего предписания.

Можно ли мне иногда ездить в Землин? Это кажется и для службы не бесполезным было бы.

О сборе войск в Боснии продолжают слухи сюда доходить.

Недоба

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 23–26

[1] Югович отправился из Белграда в Вену 26 февраля 1810 г. Поиск новых покровителей был вызван кризисом в отношениях с Россией после поражения повстанцев летом 1809 г. *Јакшић Г.* Европа и васкрс Србије (1804–1834). Београд, 1927. С. 132–144; *Ђорђевић М.* Политичка историја Србије XIX и XX века. Књ. 1. Београд, 1956. С. 278–279.

[2] Сербским депутатом в Париже был Радо Вуцинич. См.: *Поповић П.* Француско-српски односи за време првог устанка. Београд, 1933. Недоба получил информацию о Вуциниче позднее: РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 68–69. (Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 25 сентября 1811 г.)

[3] Так в тексте. В предыдущем документе: Зернич.

17 апреля 1811 г. Белград
Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

Я получил из Совета копию бумаги с коею прислан был капитан Кепич[1] к Черному Георгию от генерал-командира Гиллера, и которую на усмотрение вашего превосходительства при сем честь имею представить, так же и другую с ответа, которой Совет на оную дал[2]. Оная бумага, включая пункта касательно претензии, чинимой генеральным французским в Травнике консулом Давыдомза разграбление около Преполя его кофе и медикаменты[3], содержит те самые требования, кои недавно пред сим учинены были правительству командующим в Панчеве генералом Грамоном[4]. Яникий, первый секретарь Черного Георгия, и Совет уверяют меня, что посылка сего нарочного другого предмета, кроме означенного, не имела; но я сумневаюсь в искренности уверений их и подозреваю, что на сего Кепича возложена была другая какая порученность, потому наиболее что от бывших 9-го числа в Белграде некоих семлинских жителей вышло здесь, что Черный Георгий будет очень доволен поездкою к нему помянутого капитана, и будто некии из них проговорились, что Сербия в непродолжительном времени достанется во владение австрийцам. В Семлине догадываются, что Кепич посылан был к вождю с требованием категорического объяснения, чью сторону сербы намерены держать, России или австрийцов. А что на сей запрос, ежели и в самом деле таков был, ответствовал Черный Георгий, заключить, кажется, могу, что по обыкновению накормил он их и сей раз пустыми обнадеживаниями. Впрочем, кажется, можно быть спокойну со стороны происков, чинимых австрийцами, ибо народ ни малейшей к ним наклонности не имеет, как можно судить из сего, что в собрании бывшем по возвращении Юговича из Вены принудил он Черного Георгия отступиться от намерения, которое он имел тогда, по внушениям онаго Юговича, отдаться австрийцам, объявля формально, вопреки всяких представлений, каковые оному чинимы были против нас, как например, что мы продаем людей подобно животным и проч., что предпочтут все лучше умереть, нежели придерживаться или отдаться другому кроме россиан (братьев своих), о приверженности же онаго [народа] к нам, кажется, нельзя ни-

[1] В предыдущем рапорте — Кипич.

[2] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 11. Л. 271, 278–278 об. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 16–19. (О миссии капитана Кепича см.: *Гавриловић С.* Војводина и Србија... С. 218–225.)

[3] Французское генконсульство в Травнике (Босния) было открыто вскоре после разгрома Третьей коалиции. Пьер Давид управлял им с 1807 по 1814 г. Он стал прообразом одного из героев в «Травницкой хронике» И. Андрича. Приеполе (современная Сербия, Златиборский округ).

[4] Комендантом австрийского Панчево на дунайской границе был, по-видимому, французский эмигрант, представитель известной аристократической фамилии.

как сумневаться. Впрочем, что австрийцев происки здесь существуют, вещь бессомненная, ибо выпускают слухи то о войне с Россией, то о том, что наш двор согласен, чтоб Порта присылала сюда одного пашу с 150 или 200 турками.

Я нимало не ошибся в заключении моем, зачем сербы посылали Лазаря Войновича в Букарест, как Ваше превосходительство усмотреть изволили из рапорта моего под № 15. Они точно посылали его затем, чтоб узнать, что у нас делается: «Русские сегодня так, а завтра иначе», и снабдили было его и деньгами для подкупления. По себе дерзают судить и о других.

Стефана Живковича, бывшего некогда секретарем в Совете, а ныне находящемся при комиссионере Горчакове[1], думаю, надобно будет удалить отсель[2]. Черный Георгий присылал к нему 2-го своего секретаря некоего Панту уговорить его, чтоб поехал к нему в Тополу, что он желает с ним о чем-то посоветоваться. Надобно думать, что курьер Черного Георгия некто Ристо, которой немедленно по прибытии сюда отправился к нему в Тополу, наклеветал что-нибудь на Живковича или и сей говорил что-нибудь в Бухаресте по поводу поступка против Миленка и Теодоровича. (Этот Ристо занимается сим ремеслом — всякой раз, что бывает у нас, привозит в гостинец Черному Георгию разные дряни, кои он верно по кабакам собирает, ибо не думаю, чтоб обращался он с людьми порядочными, а Черный Георгий все то за истину принимает, потому что судить лучше не умеет. Он наклеветал, как я удостоверился и на митрополита Леонтия.) Всего лучше бы было, ежели бы связь наша с ними позволила, отказать им под благовидным предлогом в посылании к нам своих нарочных, именно же таковых негодяев. Они могут чрез меня отправлять письма свои к вашему превосходительству или и далее, сообщая и мне содержание оных, или и нет, как им заблагорассудилось бы, — для меня все равно, и я в таком разе обиженным себя не щитал бы[3]. Сию меру, однако же, не прежде, думаю я, можно принять, как по прибытии туда Живковича, ибо иначе пало бы на меня подозрение относительно всего сего.

По словам генерала Червенки, коменданта семлинского[4], бунт продолжается в Боке де Катаро.

[1] Занимался вопросами снабжения русских войск в Сербии.

[2] Секретарь Совета Стефан (Телемак) Живкович (1780–1830) — выходец из Срема, изучавший медицину в Вене, будущий переводчик Фенелона — перебрался в Сербию в 1806-м и попал в опалу еще в конце 1808 г. См.: *Белов М. В.* У истоков... С. 264–265. В августе 1809 г. он покинул Белград вместе с русской миссией и возвратился в повстанческую столицу с батальонами Балле. Ознакомившись с донесением Недобы, главнокомандующий дал санкцию на удаление С. Живковича из Сербии. РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 13. Д. 6. Ч. 1. Л. 28. (М. И. Кутузов — А. П. Зассу, 27 апреля 1811 г.)

[3] После аудиенции у Александра I архимандрита Студеницкого монастыря Милентия Никшича в соответствии с переданной им просьбой повстанческого руководства было принято решение противоположного рода: сербам позволено делать «непосредственные представления» на высочайшее имя как через Кутузова, так и с помощью особых посланников, направляемых в Петербург. См.: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 234. С. 238. (Н. П. Румянцев — Карагеоргию, 1 октября 1811 г.)

[4] И. Червинка — австрийский генерал-майор, комендант Землина (Земуна).

Между немцами замечается, говорят, некое движение, походящее на приготовление к войне; также везде, а особливо между венгерцами, возмущение по поводу уничтожения банковских ассигнаций.

На прошедших днях прибыл из Черной горы письмоносец к сербскому вождю. Младен уверял меня без писем прислан оной, а с словесными только порученностьми. Я просил Черного Георгия сообщить мне, ежели что будет внимания достойное для донесения вашему превосходительству, что и непремину сделать, коль скоро дойдет до моего сведения. По сей то причине удержу еще несколько здесь вашего нарочного.

Обнадеживают меня, что купец Живкович будет освобожден, что, ежели сбудется, должно будет приписать усильной просьбе на голландском языке[1].

Предписания вашего превосходительства под № 955 и 956 исправно до меня дошли. Я не оставил подтвердить литейному мастеру, чтоб он продолжал заниматься своею работою под опасением неизбежнаго взыскания. Младен, министр военных дел, уверял меня, что он о жалобе на него сведения не имеет[2], а если верить товарищу онаго, токарю, то оная [жалоба] не совсем не основательна. Со всем тем они бы могли сказать мне, а не утруждать господина главнокомандующего такою безделицею.

Сообщил я также Младену о назначении для сербов 200 т[ысяч] патронов ружейных, и дабы взяты были правительством меры о принятии оных по прибытии к Дунаю.

Письмо вашего превосходительства к Черному Георгию немедленно к нему отправлено.

Недоба

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 12–15 об.

17 апреля 1811 г. Белград
Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы

Рапорт

По изготовлении рапорта получил я от Черного Георгия чрез Совет оригинальное письмо к нему писанное черногорским митрополитом. Я с него копию

[1] Засс также принял участие в заступничестве и обратился с соответствующей просьбой к Карагеоргию. РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 672. Л. 117–118 об. (А. П. Засс — Ф. И. Недобе, 28 марта 1811 г.) Там же. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 3. Л. 19 об. —20 об. (А. П. Засс — Карагеоргию, 10 апреля 1811 г.)

[2] Жалобу на бездействие русского литейного мастера от имени верховного вождя и Совета устно представил главнокомандующему в Бухаресте Л. Войнович. РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 13. Д. 6. Л. 17–18. (М. И. Кутузов — А. П. Зассу, 4 апреля 1811 г.)

при сем имею честь препроводить[1]. По уверению попечителя иностранных дел, Черный Георгий отвечал митрополиту чрез нарочного, словесно, что августейшему его покровителю неудобно, чтоб сербы имели сношение с черногорцами[2].

Некто Орлович, бывший секретарь помянутого митрополита[3], ныне же находящийся здесь, услыша о прибытии из Черной горы в Тополу письмоносца ездил туда для свидания с ним. Он думает, не объявил ли митрополит Черному Георгию при сем случае желания переселиться в Сербию со всем черногорским народом; ибо уверяли меня, будто имел такое намерение, ежели Черная гора останется в нынешнем положении.

От письмоносца узнал он, что черногорцы в разрыве с скутарским пашою, также что жители Боке ди-Катаро перестали бунтовать с тех пор, как выступили оттуда французские и италианские войски и вступили на место оных кроатские[4].

Я не понимаю, чтобы могло значить желание Черного Георгия видеться с Живковичем, что при г. Горчакове, и о чем хочет он расспрашивать. Как Живкович отвечал секретарю Панте, что дела, на него возложенные г. Горчаковым, не позволяют ему отсель отлучиться (в существе же для того, что боится, чтоб не впасть в какую беду), то Совет адресовался ко мне, прося, чтоб я послал онаго в Тополу дни на три не более, что вождь о чем-то хочет поговорить с ним. Я отвечал, что Живкович зависит от комиссионера, что со всем тем не оставлю поговорить о сем с г-м Горчаковым.

Сколько однако ж не думаю, другого не нахожу как то, что имел честь изложить уже по сему предмету, то есть что Живкович или оклеветан перед Черным Георгием или и в самом деле неосторожно перед сербами, кои в одно время в Бухаресте с ним находились, говорил против его, и что Черный Георгий хотел бы отмстить ему за то, тем найболее, что он и старую ненависть питает к нему. (Посмотрим, ежели не ошибаемся в наших заключениях, то всего лучшего будет, чтоб он удалился отсель.)

Недоба

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 9–10

[1] Там же. Л. 11–11 об. Митрополит просил прояснить слухи о якобы заключенном мире между Россией и Турцией. В случае же продолжения войны, предлагал возобновить сотрудничество.

[2] В тильзитский период Черногория лишилась русской поддержки и оказалась в тяжелой изоляции, преодолеть которую как-то пытался митрополит Петр I Петрович-Негош. Ухудшение русско-французских отношений и начавшиеся военные приготовления позволяли ему надеяться на успех.

[3] Симеон Орлович (Семеон Орлов) — один из «народных секретарей» Черногории — в 1810 г. приезжал в Белград для обсуждения возможных совместных военных действий черногорцев с сербскими повстанцами. В дальнейшем перешел на русскую службу; в чине коллежского ассесора в 1814 г. он сопровождал Карагеоргия из Граца (Австрия), где тот находился как интернированное лицо после поражения восстания, на жительство в Россию. Кроме того, еще позднее Орлович замечен в качестве информатора австрийской дипломатии: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. С. 190–191.

[4] Хорватские.

26 апреля 1811 г. Белград
Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

Правительствующий Совет отправляет курьера к господину главнокомандующему с просьбою о снабжении сербов деньгами для покупки хлеба, в коем народ терпит недостаток, не имев в прошедшем лете времени запастись оным по причине военных действий, порохом, свинцом, несколько[ми] полевыми пушками и, наконец, о присылки 30 либо 40 канонеров[1], коих они вовсе почти не имеют. Все сие ваше превосходительство усмотреть изволите из копии представления, кою, говорили мне советники, долгом себе поставляют сообщить и вам при особой их просьбе[2].

Младен, попечитель военных дел, отправляется на сих днях на границу к Боснии, чтоб осмотреть, как уверяют, положение оной и примирить некоих старейшин в несогласии живущих между собою, Черный же Георгий объедет, как говорят, остальную границу, то есть к Нишу и проч.

Купец Живкович освобожден на прошедших днях, чему вообще обрадовались. Черный Георгий велел ему явиться тот час к нему в Тополу, не знаю уж зачем.

Черный Георгий сообщил Младену все то, что Ваше превосходительство изволили писать ему против него последний раз. Следственно сей жалуется, что никто другой, но я донес вам, что он угнетает купца Живковича. Я старался уверить его, что подозрение его в том несправедливо, и что я никогда против него ничего не писал, а чтоб и вящше успокоить его, обещал ему, что не оставлю уверить ваше превосходительство, что приписанное ему угнетение Живковича не есть справедливо.

Ваше превосходительство согласиться изволите, что для меня предосудительно будет, ежели станут они подозревать, что нелепости их доходят к вам через меня. Следственно, чтоб отвратить подозрение Младена, что о поступке его против Живковича от меня узнано, не бесполезным будет, ежели благоволите отозваться ко мне, что с удовольствием усмотреть изволили уверение мое, что несправедливо приписано Младену все то, что случилось с Живковичем[3].

Впрочем, погубить Младена в мнении Черного Георгия было бы предприятие тщетно, кажется мне, ибо человек сей, век свой подозревавший, не в состоянии судить, что внушения о нем, делаются из пользы общей, но думает для того, чтоб посеять между ими несогласие[4].

[1] Здесь: артиллеристов.

[2] Письмо Совета М. И. Кутузову от 26 апреля 1811 г. опубл.: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 207. С. 218–219.

[3] Эта просьба вызвала гневную отповедь Засса. См. его письмо Недобе от 4 мая 1811 г., публикуемое ниже.

[4] Карагеоргий и Младен Милованович породнились в январе 1810 г. благодаря женитьбе их детей. См.: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 128. С. 145. (Коммент. 4.)

По делу другого Живковича, который находился при г-не Горчакове, кажется Черный Георгий образумился. На сих днях призывали меня с ним в совет и спрашивали его по приказанию вождя, зачем он ослушался и не поехал в Тополу к нему. Живкович отвечал, что он занят был делами и для того не мог выполнить приказание господаря. Затем велели ему, чтоб письменно низложил вождю сие оправдание, что Живкович и исполнил.

Уверяют, что петроварадинский генерал-командир Гиллер получил от своего двора приказание отпускать сербам хлеб, горячее и виноградное вино. И в самом деле, начали уже помалу привозить сюда муки из Семлина.

Недоба

P. S. Могу ли писать коменданту семлинскому, ежели случится какое дело?

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 1. Л. 1–2 об.

9 мая 1811 г. Белград
Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

Архимандрит Филипович приходил сказать мне, что Яков Ненадович[1], попечитель внутренних дел, просил его поговорить со мною от его стороны в рассуждении отказа о посвящении в архиереи архимандрита Хаджи Мелентия, что он необходимым находит для общей пользы и их спокойствия, чтоб сей зловредный человек задержан был у нас до некоторого времени, ибо ежели он приедет сюда, продолжал Ненадович, бессумненно, много неприятного последует.

Страх Ненадовича не неоснователен. Черный Георгий уважает Хаджи Мелентия, ибо одного нрава, характера и мыслей с ним, а подобен подобного себе любит. Следственно, сей последний, раздражен будучи отказом, соединяясь с Юговичем и другими, к чему не в состоянии навесть Черного Георгия? Ненадович уверяет, что сей Хаджи Мелентий, коего, ежели все то справедливо, можно почесть извергом рода человеческого, советовал Черному Георгию перед прибытием сюда гарнизона, чтоб всех старейшин истребил и поставил бы

[1] Бывший воевода-оппозиционер из Валевской нахии, отказавшийся, в отличие от М. Стойковича и П. Добринца, от прямого конфликта с белградской группировкой и вошедший в новое правительство, как видно из сообщения, продолжал скрытое противоборство. Он несколько раз просил Недобу задержать Хаджи-Мелентия Стефановича в Валахии. См.: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 210. С. 221. (Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 15 мая 1811 г.) Архимандрит Филиппович и ранее играл роль посредника-информатора русских чиновников. Недоба сообщил о его желании стать «титулярным епископом», при этом Филиппович не претендовал на какую-то конкретную епархию. См.: РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 59. (Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 18 июня 1811 г.) Эта идея не была реализована.

своих креатур на место оных, дабы тем вящше утвердить власть свою над народом сим. Следственно, чего не можно ожидать от подобного зверя? Ненадович подтвердил также мне и все то, что я имел честь донести вашему превосходительству о Хаджи Мелентии в рапорте моем от 14 февраля сего года[1].

Не бесполезным будет также задержать там и Гаврила Вуянововича, находящегося при Хаджи Мелентии в звании секретаря. Какой и этот человек, я в том рапорте не оставил донести вашему превосходительству, впрочем, и из лица его можно судить.

Недоба

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 9–10

25 января 1812 г. Белград
Его превосходительству господину генерал лейтенанту
и разных орденов кавалеру Зассу
Надворного советника Недобы
Рапорт

Честь имею донести Вашему превосходительству, что я исправно при предписании Вашем под № 40 сто червонных присланных на экстренные надобности и курьерские посылки.

Младен Милованович, попечитель военных сил, по врожденному как замечается, сербам памятозлобию не мог никак забыть сопротивления, кое показали ему белградские жители прошедшаго лета, когда он затеял было составить из них регулярное войско[2]. Он не мог успокоиться духом своим пока не уви-

[1] Кутузов не нашел причин задерживать далее Хаджи Мелентия в Валахии и в конце мая, после наставлений главнокомандующего, чтобы усердием доказал свою приверженность России, он возвратился в Белград. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 10. Л. 18–19. (М. И. Кутузов — Н. П. Румянцеву, 25 мая 1811 г.); Там же. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 41–42. (Ф. И. Недоба — А. Л. Воинову, 1 июня 1811 г.)

[2] В рапорте А. П. Зассу от 17 июня 1811 г. Недоба, в частности, доносил: «С 15 сего месяца здесь продолжается малое возмущение в народе, которое, однако ж, боюсь, иметь будет неприятные последствия. Министр военных сил Младен Милованович затеял завести регулярное войско из мещанства белградского, которое может составить до шести сот человек. Люди формально отказались от сего, говоря, не хотим кострулек на голове носить, и при том объявили, что впредь не пойдут ни на какую работу для Младена, както, на копание кукурузов его, виноградов, жатву хлеба, кошение сена и прочие панщины, кои заставляют себе делать сербские сатрапы. Совет донес о сем происшествии Черному Георгию и, конечно, представил дело в другом виде, ибо, слышу, что сей последний будет сюда с несколькими сотнями шумадинцов, вооруженных для повешения некоих из сих нещастных, так то все у сербов, только регулярного войска недостает». РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 51–53 об. О попытках создания регулярной армии см.: *Белов М. В.* На пути к сербской нации: взгляд снизу (1804–1835 гг.) // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX века). СПб., 2007. С. 204–211.

дел себя отомщенным за показанное при том случае к особе его неуважение. Почему по настоянию его 17 сего месяца по повелению верховного вождя расстреляли двух, а десятерых секли плетьми на трех местах города, по сто ударов на каждом месте. Судили сих нещастных и приговорили к казни момки, то есть телохранители или, лучше сказать, сателиты Черного Георгия, что приняли себе за обиду прочие советники и судьи великого суда. Младен лично присудствовал при наказании, окружен будучи несколько десятками вооруженных момков своих, и когда били виновных, то он спрашивал у них, будут ли слушаться капитанов, будут ли учиться военной тактике?

Все воеводы и начальники сербские отдают теперь совету отчет в налогах и десятках, собираемых для народных надобностей. Известный Момирович[1], бывший один из воевод Пожаревечкой нахии, содержится в крепости в железах за угнетения и насильствия, кои он чинил народу и коими превзошел и самых неистовых турок. Третьего дни еще некоих за такие же поступки посадили в крепость, между коими находится и некий Георгий Попович, тесть Груевича, бывший кладовского магистрата председателем. Сего, как уверяют именно арестовали за то, что он продавал и пускал соль Реджепу в Ада-кале, также и в Видин[2].

Пишут партикулярно из Вены, что кронпринц австрийский женится на нашей великой княгине[3].

Недоба

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 3/163б. Св. 24. Д. 12. Ч. 4. Л. 88–89 об.

[1] Иван Момирович (Ивва Момиров) принадлежал к числу так называемых «малых воевод», назначенных после реформы начала 1811 г. и полностью подконтрольных Карагеоргию. Он стал комендантом Кладово сразу после прибытия М. Стойковича и П. Добринца в Белград (как оказалось, на расправу) и должен был нивелировать влияние оппозиционеров на порученном ему участке.

[2] Современная Болгария; в то время административный центр соседнего и враждебного повстанцам Видинского пашалыка. Далее встречается другая форма написания: Виддин.

[3] Очевидно, ложное сообщение.

А. П. Засс.
Письмо Ф. И. Недобе

Андрей Павлович Засс (1753–1815) — генерал-лейтенант, начальник русских войск в Малой Валахии и Сербии, назначенный на этот пост после смерти своего предшественника Е. Г. Цукато в августе1810 г. В полномочия Засса, кроме прочего, входило обеспечение связи повстанцев с главнокомандующим Молдавской армией, поскольку до возвращения Недобы в Белград в начале 1811 г. в повстанческой столице не было дипломатического агента России. Письмо спровоцировала обращенная к Зассу просьба Недобы проявить дипломатическую хитрость для примирения с фактическим главой сербского правительства, попечителем по военным делам Младеном Миловановичем[1]. Несмотря на негативный тон письма, получалось, что сам Недоба якобы хвалил в своем рапорте М. Миловановича и И. Юговича. Таким оригинальным образом генерал выполнил просьбу своего подчиненного.

4 мая 1811 г. Крайов

Милостивый государь мой, Федор Иванович!

Сколь много был бы я обрадован, ежели б господа Младен и Югович доказали, что действительно они совершенно патриоты и желают единственно благополучия своему отечеству, не занимаясь собственными интересами, чрез которые к общему неудовольствию заводятся интригии поводом оных приобретают доверенность вождя сербского, дабы властвовать по своему произволению; вождь же народа, будучи чужд от познания интриг, присоединяется неприметно к подобранной их партии и, словом сказать, служит оружием их, соделываясь чрез то страшилищем народа, ибо сами они, не имев духа, не могут придти к решимости обличиться пред народом, но под предлогом воли вождя производят много зла.

Вам, милостивый государь мой, небезызвестно, что я уже с покойным генерал-фельдмаршалом князем Прозоровским имел о Сербии переговоры и потом некоторые по сему предлогу порученности и знал я, что господин Югович во все время нахождения своего при фельдмаршале князе Прозоровском был у него в подозрении[2], а какие были дела Младеновы, вам известно и так, милостивый государь мой! Людей, которые противу нас шли не открытою, а секретною дорогою — могу ли я теперь принять их за патриотов. Всеавгустейший наш монарх ясно доказал сербскому народу свое к оному расположение и не оставил всеми мерами воздвигнуть народ сей к славе и благоденствию,

[1] См. выше рапорт Недобы от 26 апреля 1811 г.

[2] Имеются в виду визиты к главнокомандующему двух сербских депутаций (под фактическим руководством И. Юговича) в первой половине 1809 г. См. подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 291–327.

из-за сего можно ли кому, кроме подлым и низким душам, сомневаться и рассеивать в народе сумнение противу явного великого своего покровителя, притом имея с начала вступления сюда войск российских от всех г. главнокомандующих доказательства, что они брали большое участие в положении их и, где только возможно было, давали всякую сербам помощь. О себе я также должен сказать, что и я довольно ясно показал сербам, сколь много имел попечения, дабы не упустить ничего из виду к доставлению им благополучия и даже жертвовал потерею войск для пользы их, всем и каждому из сербов должно быть известно, что наши храбрые войска освободили в прошлом году почти весь уже потерянный их край[1], который не только победоносным оружием войск его величества возвращен им, но сверх онаго приобретенные вновь земли с крепостями, пушками и всеми принадлежностями отданы в руки повторяемой нации, и несколько тысяч душ христиан от ига варварского турок освобождены и водворены на прежнее их в Сербии жилище. Когда настигла самая глубокая осень и следовало с поприща брани иметь отдохновение, я тут остался с малою сим частию войск против Видина и отправил храброго графа Орурка[2] с войсками занять Гургузовцы[3], чрез который город выиграла Сербия не только сильную диспозицию, но и приобрела неразоренные деревни. А по переходе моем на левую сторону Дуная оставил по одному батальону в гарнизоне как в Неготине, так и Кладове[4], при нужной части казаков, устроив в самую глубокую осень важное укрепление в Груи[5], для коммуникации посылал в сербское укрепление при Радоговацах[6] для прикрытия роту и отдал во оное взятые в Брегове три пушки, и как ни трудно было запастись провиантом для сказанных гарнизонов и доставлять оным прочие потребности, но чтоб сербской нации показать, что священная воля любезного нашего монарха исполняется с верноподданнейшею точностью, преодолел

[1] Речь идет о последствиях сербского поражения летом 1809 г. Они были ликвидированы благодаря совместным действиям повстанцев с русскими войсками в следующем году. Отряд под командованием генерал-майора Е. Г. Цукато, которого сменил Засс, находился на правом берегу Дуная с июля по октябрь. В дни боев Засс был куда лояльнее по отношению к М. Миловановичу. См.: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 173. С. 188–189. (А. П. Засс — Н. М. Каменскому, 11 сентября 1810 г.)

[2] Иосиф Корнилович Орурк (1772–1849), граф, полковник Волынского 6-го уланского полка (впоследствии генерал от кавалерии), был оправлен на правый берег Дуная в начале августа 1810 г. и с приданными ему силами возглавил новый русский отряд на территории повстанческой Сербии. В ходе сражений ему был присвоен чин генерал-майора, а за успешные боевые действия в компании 1810 г. он был награжден орденом Св. Георгия III класса.

[3] Современный Княжевац (Сербия).

[4] На самом деле соответствующие предписания были получены от командующего: Первое сербское восстание... Кн. 2. № 178. С. 194. (Н. М. Каменский — А. П. Зассу, 9 октября 1810 г.); № 182. С. 196. (Н. М. Каменский — А. П. Зассу, 20 октября 1810 г.)

[5] Груя — поселение на левом берегу Дуная (современная Румыния) рядом с Прахово и Радуевацем, расположенными на правом берегу, в Сербии.

[6] Вероятно, правильно: Раковици.

я всеми невозможностями[1], и за неутомимость мою, в знак благодарности Совет сербский под предводительством г. Младена и Юговича писал ко мне, что г. Миленка [Стойкович], изгнанный из отечества, приехал в Малую Валахию, якобы, проживая на границе, переписывается и бунтует сербов против своих начальников[2]. И хотя довольно я ясно Совету ответом своим оправдал сие несправедливое донесение, прося, чтоб они обнаружили, кто сделал сей донос, дабы по открытии истины наказать как преступника г-ря Миленка, а в противном случае наказать того, кто взнес клеветы противу его, Совет же по сему моему отзыву мне не отвечал, ибо справедливость не допустила г. Младена, как и Юговича при всей их хитрости выдумать что-нибудь, и чрез поступок их таковой остались они в моих мыслях весьма несправедливыми, вот любезный Федор Иванович, за всем вышеизложенным должен ли я быть уверен в сих особах, вы ко мне пишите противное о них, но я вам откровенно говорил и скажу теперь, что без ясных доказательств мнению вашему об них я верить не буду, и вы можете смело сие мое письмо как Младену, так и Юговичу дать прочесть. Впрочем, с истинным почтением и преданностию имею честь быть вам, милостивый государь мой,

покорный слуга Андрей Засс

РГВИА. Ф. 14209. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 672. Л. 96–99 об.

[1] О военных действиях в Сербии с участием русских войск летом-осенью 1810 г. см.: *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 3. СПб., 1887. С. 162–207. См. также: *Кудзеевич Л. В.* Действия отряда графа И. К. Орурка в Сербии в 1810 году // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. Ч. II. СПб., 2014. С. 428–440.

[2] Первое сербское восстание... Кн. 2. № 204. С. 216–217. (Правительствующий совет — А. П. Зассу, 4 марта 1811 г.)

В. И. Дибич (?). Рапорт одного императорского русского офицера о Сербии и о положении ее во всяком отношении

Публикуемый ниже документ был напечатан впервые в пятом выпуске белградского альманаха «Голубица» в 1844 г. Его редактор Милош Светич (литературный псевдоним Йована Хаджича) сообщил, что получил рукопись на немецком языке от Г. Мушицкого. Он нашел ее среди бумаг своего покойного дяди, поэта и просветителя, епископа Лукиана Мушицкого (1777–1837). На рукописи надпись: «Автор сего сочинения есть барон Дибич. Писано в Букуреште во Валахии в 1811 или 12 годе. В Сербии был он 1811 года»[1].

Действительно, барон Дибич прибыл в повстанческую столицу 29 мая 1811 г.[2] Не вполне ясно, однако, идет ли речь в указанном архивном деле о И. И. Дибиче, будущем фельдмаршале, или о его старшем брате, партизане 1806–1807 и 1812–1813 гг. Василии Ивановиче Дибиче (1770–1838). По ряду примет — скорее о последнем[3]. Подполковник 27-го егерского полка должен был в Белграде снять план крепости, а затем в сопровождении 50 казаков с сербским конвоем отправиться на Дрину, чтобы осмотреть укрепления и редуты на боснийской границе и дать рекомендации местным воеводам по их исправлению. Следуя через Делиград, Баню и Гургусовцы (юго-восточная окраина повстанческой Сербии) с теми же целями, ему предписывалось возвратиться в расположение русского отряда под предводительством О. К. Орурка, который в то время находился в Неготине[4].

Эти предписания Дибич не выполнил. Русского барона с именем, допускавшим, что его дальние предки были сербами, ожидал в Белграде радушный прием[5]. Он воодушевил верховного вождя и прочих старейшин планами

[1] Голубица с цветом кньижества србског. V. 1843 и 1844. Београд, 1844. С. 318. (Примеч.)

[2] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 6–7 об. (Ф. И. Недоба — А. Л. Воинову, 1 июня 1811 г.) В тот же день он встретился с предводителем повстанцев Карагеоргием.

[3] См. о нем: *Миловидов Б. П.* Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2005. С. 159–185; *Он же.* Отряд подполковника В. И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г. // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2008. С. 216–251. Как резюмирует автор в последней статье, «карьеру же Василия Ивановича [Дибича] погубила не только излишняя горячность нрава, но, в первую очередь, авантюризм, завышенная самооценка, нежелание сообразовываться с объективными обстоятельствами, граничащие с не вполне адекватным восприятием реальности».

[4] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 4–5 об. (А. П. Засс — М. И. Кутузову, 3 июня 1811 г.); Там же. Л. 8–9 об. (А. П. Засс — М. И. Кутузову, 7 июня 1811 г.)

[5] «Всего неприятнее, — жаловался русский диппредставитель в Белграде Ф. И. Недоба, — что [Дибич] разглашал соединение с черногорцами, ибо, сколько мне помнится,

организации «стратегического партизанского корпуса» на базе двух батальонов русской пехоты, гусаров, драгун, казаков и артиллерии, чтобы «Боснию и Албанию присоединить к нашим интересам, между тем как сербские войска будут действовать на Ниссу и Софию». По версии Дибича, представленный им план был одобрен военным министром еще в январе 1811 г., и именно это стало причиной перевода барона из квартирмейстерской части в егеря, более того, об этом плане якобы были извещены и Засс, и Орурк, как лица ответственные за сотрудничество с сербами[1]. На самом деле, план соответствовал надеждам повстанческих вождей, но расходился с позицией командования Молдавской армии. За превышение полномочий Дибич был срочно удален из Сербии. Недобе было поручено дезавуировать планы Дибича, особенно «могущие быть вредными соседственной связи сей земли с империею австрийскою...», поскольку это бы повредило репутации России[2]. Более того, изобретательный генерал советовал дипломату: «Ежели случилось, что барон Дибич успел что-нибудь сделать, употребите способы приличным образом огласить, что Дибич потерялся рассудка...»[3]

Инициативы Дибича, показавшиеся неуместными Зассу и Кутузову[4] в начале лета 1811 г., оказались востребованными уже следующей весной, когда обсуждался проект «адриатической экспедиции»[5]. Можно предположить, что М. Б. Барклай-де-Толли, с которым Дибич вел беседы о возможностях партизанской войны в Турецкой империи, дал ему поручение изучить на месте возможности реализации составленного плана, а тот слишком увлекся этой идеей. Хотя по распоряжению Кутузова 21 июля 1811 г. отставленный от службы барон был выслан в Могилев под надзор полиции[1], влиятельные покровители (в лице того же военного министра, с которым породнился И. И. Дибич), по-видимому, не увидели в его действиях особенно серьезного нарушения служебной дисциплины. Впрочем, если мы имеем дело с «первым из немцев партизан», в оценке А. П. Ермолова, В. И. Дибичем, то он, в отличие от своего младшего брата, так и не поднялся в чине выше подполковника (по другим данным — полковника[2]).

Подлинный текст рапорта Дибича на немецком языке пока не выявлен. Впрочем, он мог сохраниться среди бумаг военного министра. Перед отправкой в Могилев Дибич передал Кутузову через офицера, ответственного за это мероприятие, некий конверт[3], однако его содержание неизвестно, поскольку находящиеся в нем материалы не были подшиты к «деду барону Дибича» канцелярией Молдавской армии. Не ясно и то, каким образом копия рапорта оказалась в архиве Л. Мушицкого. Данные обстоятельства придают тексту, опубликованному в пятой книжке белградской «Голубицы», апокрифический оттенок. Учитывая политико-династическую ангажированность Й. Хаджича (в частности, его вклад в поддержание культа Карагеоргия) и не устоявшиеся еще в то время требования к аутентичности документальных публикаций (переводов), нельзя исключать редакторского вмешательства в опубликованную сербскую версию. Но упомянутые в ней детали и специфика использованных автором оправдательных аргументов, не дают сомневаться в том, что оригинальная немецкая версия, действительно, находилась в распоряжении публикатора.

Дибич побывал в Сербии вскоре после «конституционной реформы», которая привела к изгнанию из страны воевод-оппозиционеров, утвердив верховную власть Карагеоргия и преобладание в правительстве представителей так называемой «австрийской партии». Ее трактовка динамики и результатов внутриполитической борьбы собственно и представлена в рапорте Дибича[4]. Другой содержательной составляющей этого текста являются полемические выпады против пренебрежительного отношения к сербским повстанцам, их руководителям и лично Карагеоргию, которое, как полагает Дибич, проистекает из культурного разрыва между ними и русскими чиновниками (имеется в виду тот же Недоба). Руссоисткий мотив «простоты» как высшей

мы дали письменно французам [обязательство], что отступаемся от всякого с тем народом сношения. 2-го сего месяца представил перевод оных [планов] Совету, куда ездил в сопровождении 25 казаков и арнаутов и офицеров оных, говорил длинную речь и рекомендовал себя» (Ф. И. Недоба — А. П. Зассу, 17 июня 1811 г. // Там же. Оп. 3/163. Св. 24. Д. 12. Л. 51–53 об.). В оправдательной записке Дибич, выходец из Саксонии, просил о снисхождении, поскольку действовал «...на пользу добровольно избранного отечества». (Там же. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 2–2 об.)

[1] Там же. Л. 10–11 (Выписка из рапорта Дибича А. Л. Воинову).

[2] Засс мотивировал отзыв Дибича и тем, что «...он принял на себя делать операционные планы, каким образом вести войну сербам, предполагает формировать войски и множество затеял таких дел, которые ему вовсе не были поручены, что его совершенно отвлекло от цели порученности, ему данной» (А. П. Засс — М. И. Кутузову, 7 июня 1811 г. // Там же. Л. 8–9 об.)

[3] Там же. Оп. 10/170. Св. 24. Д. 672. Л. 76–76 об. (А. П. Засс — Ф. И. Недобе, 6 июня 1811 г.)

[4] Михаил Илларионович Кутузов (1747–1813) вступил в должность главнокомандующего Молдавской армией после смерти Н. М. Каменского 2-го в апреле 1811 г.

[5] См. подробнее: *Казаков Н. И.* Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году // 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны: Сб. статей. М., 1962. С. 47–63; *Он же*. Проект адриатической экспедиции П. В. Чичагова // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 341–353; *Белов М. В.* Балканская парабола: проект «адриатической экспедиции» в контексте «наполеоновских войн» (1812) // РСб. Вып. XIII. 2012. С. 7–26.

[1] РГВИА. Ф. 14 209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 19–22. Дибич прибыл в Сербию с женой, а когда был отозван, оставил ее в Белграде, надеясь скоро вернуться назад. В конце августа 1811 г. он дожидался ее в Могилеве, хотя ему давно было предписано следовать в Петербург. Кроме того, Дибич требовал прогонных, и каменец-подольский генерал-губернатор Н. А. Тучков 1-й просил совета Кутузова, не зная, что ему делать.

[2] В таком чине он фигурирует как один из разоблачителей «масонского заговора» в 1816 г. См.: *Н.* К истории масонства в России // РС. 1907. № 4. С. 209–224; *Дудаков С. Ю.* История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993. С. 54.

[3] РГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св. 68. Д. 35. Л. 20. (Штерер — М. И. Кутузову, 22 июля 1811 г.)

[4] Опечаленный отзывом Дибича Карагеоргий тщетно просил вернуть его в Сербию, поскольку «военное искусство оного было бы нам [в] сие лето весьма нужно». (Карагеоргий — Ф. И. Недобе, 16 июня 1811 г. // Там же. Л. 13).

добродетели нецивилизованных народов выражен в тексте чрезвычайно выпукло. Но особенно любопытными, если, конечно, это не плод воображения Хаджича, являются рассуждения Дибича о единстве судеб народов России и Сербии. В ином случае, они опять же были инспирированы его беседами с сербским руководством.

Географическое положение Сербии известно. От устья Тимока в Дунай до окрестностей Оршавы или более — до Ада-Кале, которое занимают турки[5], страна соединена через Малую Валахию с русской армией; а это расстояние приблизительно в 50 верст.

Город Кладово, который держат сербы, есть ключ этой связи: местечко, расположенное прямо на Дунае, может иметь едва 100 домов; город окружен рвом, который укреплен земляным валом и высоким частоколом, есть несколько хорошо размещенных пушек, однако же опять ничего другого, как только имени бедного военного укрепления не заслуживает, поскольку другая сторона, к предместью обращенная, так дурно устроена, что по ней можно ударить без всякой опасности. Крепость, или как еще ее зовут цитадель, по старому способу из камня сложена и составлена из различных[6] [частью] разрушенных стен и нескольких башен, а тот, кто ее строил, имел в виду только местную оборону.

Необходимо признать, что Кладово в усмотрении связи русских с Сербией превеликой важности; тем более что мы имеем в Сербии войско и магазины; и потому еще более удивительно, что мы за все время, как Кладово владеем, так ничего не сделали для его безопасности; оснащение в крепости плохое, пушек мало, да и то малое не в лучшем состоянии; а наполненные магазины имеют только продовольствие, но не потребности военного укрепленного места.

Другой путь сообщения — через Брзу Паланку, крепостицу ниже Кладово на Дунае; и здесь хорошо поставленные турками укрепления пришли в негодность.

Кроме того, имеются пути сообщения через Великий остров и Прахово.

Торговая или финансовая спекуляция с нашей стороны позволяла Муллапаше[7] суда из Видина в Ада-Кале проводить, так как сам имел случай проход этих ладей видеть, то не могу распоряжений, в том призрении учиненные, похвалить. Паша видинский известен как человек, который стремится лишь к богатству, и который со своими деньгами отпал от строгой покорности Порте. Чтобы свои богатства умножить, дозволял он всякому со своими судами проходить, поскольку ему какой-то налог платится. Пускай бы от договора этого с Мулла-пашой все и, Бог знает, какие люди, имели выгоду; а может быть, [стоило бы] суда на Великом острове и досматривать, если только они не сопровождаются до места определения своего русской армией; было бы удивительно, когда бы турки пропустили такую благоприятную возможность и не договорились

[5] См. примеч. к донесениям К. К. Родофиникина.
[6] Разновысотных (?).
[7] Видинский паша.

с Ада-Кале, а возможно, поддерживают и некие гайдуцкие четы в тамошних краях и при наступательной войне шлют свои планы или распоряжения этим путем паше в Ада-Кале, который ни в военных потребностях, ни в пушках, ни в воинах, ни в деньгах, ни в постоянстве и духе предприимчивом недостатка не знает.

Имеем ли мы причину, всеми средствами к безопасности пренебрегать и презирать [их], не могу знать, но по опытам, засвидетельствовавшим благоразумие нашего командования, мы тому должны верить.

После этих примечаний, которые для того нужны были, что из них незнание Сербии со стороны нашей могло угадываться, приступлю к самому описанию.

Этот кусок земли, который мы Сербией называем, лежит между Дунаем, Дриной, Скадской и Аргентарской планиной[1] и рекой Тимоком. Ее величина приблизительно 240 верст длины и 280 ширины; так что поверхность ее занимает примерно 67 200 квадратных верст. Но тот бы ошибся, кто бы подумал, что это вся Сербия; к Сербии принадлежит и одна часть Албании, та, что между Озерной планиной, Белой Дриной[2] и Черногорией лежит, и вся Герцеговина.

Так называемые австрийские сербы, выражение очень несвойственное, переселились в Австрийскую державу и поместились в Венгрии и около Венгрии. Их больше сотни тысяч числом, и в самой австрийской военной службе их до 32 000 человек.

Число жителей Сербии, которую свойственно теперь так называть, нельзя определенно выказать: многих война рассеяла, многие пропали, но опять всякий день новые переселенцы приходят, того же, чтобы со стороны пограничных соседей[3] все делалось, не бывает.

Сербия имеет красивые, рыбой богатые реки, которые можно хорошо употребить для торговли и для безопасности границ. Самые известные: Дунай, Сава, Дрина, Тимок и Морава, которая пересекает почти всю страну. Страна очень холмиста, но при этом не только что долины, но и холмы весьма плодовиты. Климат прекрасный, земля здоровая. Наиглавнейшие произведения ее: вино, очень хорошее, приятного вкуса и крепкое. Виноделие можно было бы еще поднять, поскольку при лучшей культуре столько вина на вывоз даст, что им удовлетвориться может вся Россия.

Оцет[4]: виноград для него растет по диким лесам.

Всякие сорта продовольствия и зелени.

Дичь и рыба.

Достаточно живого скота, особенно дикого и домашних свиней.

Тонкая, длинная и мягкая шерсть в изобилии.

Лен и конопля.

Дерево в изобилии.

Меди очень много.

[1] Отроги Динарских Альп. Планина — лесистая гора, горы.
[2] Вероятно, Белый Дрим в Метохии.
[3] То есть австрийских сербов.
[4] Устар.: уксус.

Имеется еще и много минералов; как то: свинец, маркашт (? — публ.)[1], висмут, серебро, да и само золото; но недостаток в работниках в теперешние времена делает обработку руд невозможной; алебастра, мрамора и извести довольно; гранита и другого доброго камня довольно находится.

Нефти (Bergöhl) находится в изобилии. Омелы польской, каштанов, лесного ореха и миндаля и т. д.

Ореховое дерево здесь толстого ствола, так что находятся пни в 4 рейнских фута[2] толщиной. Дерево очень хорошо для изготовления домашней мебели, и может быть красиво отполировано.

Какие бы суммы могла Россия сэкономить только на одном этом дереве, которое за драгоценное махонское дерево[3] выдают?

Земля имеет все, чтобы самое красивое стекло производить; ей не хватает только людей, которые то дело разумеют.

Россия, имея Дунай во владении, могла бы очень дешево из Сербии что-то для собственных потребностей, а что-то для провоза (транзита) получать:

Вино, оцет, шерсть и льняные ткани, коноплю, полотна, минералы и некоторые аптекарские надобности, которые здесь в полях находят, нефть.

Поскольку в стране очень дешево жить, и производные легко и в великом изобилии могут добываться, если бы доставка Дунаем до Одессы не была дорогой, то торговля с Сербией для России стала бы известным источником прибыли.

Пути сообщения теперь далеко отстали в развитии; но они тем легче поправиться могут, что стране не досаждают заливные воды, и земля тверда и хороша.

Главные пути есть:

От Кладова через Брзу Паланку, Неготин, Баню, Делиград.

Из Белграда через Хасан-пашину Паланку[4], Ягодин, Делиград, Ниш, Софию и т. д. до Цариграда.

Из Белграда через Валево и Зворник в Боснию.

Из Белграда вдоль Савы через Шабац в [монастырь] Рачу и в Боснию.

Из Ужицы в Сребреницу в Боснии.

[Из Ужицы в] Вышеград[5] [в Боснии].

[Из Ужицы] через Нови Пазар в Албанию.

Страна теперь разделена на нахии или округа, из коих всякий по одному магистрату, зависящему от сената, имеет, и всякая нахия на меньшие срезы-кнежины разделена, которых погла́варь главный обер-кнез зовется; во всяком селе имеется по одному кнезу и булюкбаши[6]. Вся страна имеет поглава́рем Георгия Петровича как верховного коменданта, который вместе с тем член и президент сената; а этот, то есть сенат, управляет страной и имеет следующее разделение:

[1] По-видимому, марказит — лучистый колчедан.

[2] 1 рейнский фут — 0,31387 м.

[3] Правильно: Махагониево (Swietenia mahagoni), то есть красное дерево.

[4] Современная Смедеревска Паланка.

[5] Вишеград на территории Республики Сербской в современной Боснии и Герцеговине.

[6] См. примеч. к «Путешествию...» Д. Н. Бантыш-Каменского.

Сенат состоит

Из вице-президента, который вместе с тем и военный министр, Младена Миловановича;

Из министра внутренних дел, Якова Ненадовича;

Из министра финансов, кнеза Симы Марковича;

Из министра иностранных дел [Михаила] Радонича;

Из министра просвещения [Ивана] Юговича и статс-секретаря [Михаила] Груйовича.

Сенату как помощник подчинен Великий Суд, высший суд страны; и он управляет судейской отраслью. Погла́варь суда этого министр правосудия Илия Маркович[1], [при нем] несколько членов и один секретарь.

Причина, по которой мы о Сербии криво судим в том, что те, кто в нее приезжали, были люди предвзятого способа мышления или же ограниченных знаний или же им не доставало понимания страны и людей.

Народ сербский, в великой степени турками притесненный, не мог ни на один шаг к просвещению приступить; и потому серб вообще сурового нрава, без наук и, думаю, с полным правом горд своею тяжко добытой свободой.

Во всей стране нет балов, театров, людей света, приятных изысков, словом того, что в свете называется хорошим тоном (bon ton), но и самых колкостей и поношений. Следовательно, как эта страна может понравиться людям, которые привыкли к образу жизни больших и просвещенных городов, как она понравится тем, кто не находит здесь и того воспитания, чтобы им лестью угождать, или где не потакают их денежным интересам с покорностью отправляемыми подарками и таким образом не завоевывают высокого покровительства.

Тот, кто сербу не покажется правдивым и сердечным, тот ему не понравится; и серб того не сокроет.

Итак, естественно, что тот, кто там окажется, и ему не понравится, что не идет все там по его нраву, а может быть, и не поступают сразу по его распоряжениям, обличенным в советы, тогда он скажет:

«Это страна без всякой для нас пользы (для того ли, который так пишет и извещает, или для России?); люди здесь просты (ибо не знают что такое bon ton); непослушны» (потому как, сколько бы мы их ни поправляли и ни наставляли испорченные нравы высшего просвещения принять, они того делать не станут).

«Они отвращены от нас» (это самая гнусная ложь; поскольку, если какой русский себя причисляет к народу, тогда, где бы ни случилось ему показаться, такой, как у серба, склонности к русскому нет [ни у кого]).

«Тут нет ни порядка, ни дисциплины» (в стране этой, которая еще не вышла из состояния бунта, имеется в действительности довольно порядка, в стране, в которой теперь как раз над устройством и законами работают, много и порядка, и дисциплины).

[1] Илия Маркович (1762?–1837) — до восстания скототорговец, в его начале обер-кнез, с 1807 г. — член Совета от Шабацкой нахии. Пост «великого вилайетского судии» получил после изгнания П. Добринца.

«Там одни партии» (что все одинаково не думают, то мы допускаем; а где же иначе? Сам я приметил, что уважается обоснованное мнение, а не лицо, его высказавшее; а как же в ином месте?).

«Наихудшее самовластие управляет страной без силы и решительности» (я еще буду об этом говорить и противное доказывать).

«Один гайдук, другой — приглаженный негодяй, третий стремится страну другой державе отдать, четвертый сеет подозрения против нас» (это подлая ложь).

Так мне при случае описывали Сербию; и хорошо, что мой разборчивый ум, мое единственное намерение должность свою исполнить не дали мне ослепнуть и [позволили] найти то хорошее, что в Сербии может быть, предвидя то хорошее, чего здесь еще нет.

Я горжусь тем, что показал тем большее чувства долга и любви к службе, чем многие мои предшественники; хотя то и простительно тем, кто, быть может, не подходит по характеру, другим опытом, рассуждением и наклонностью к нравственности (которая, к несчастью, все более и более утрачивается) в справедливости не расположился и не укрепился, таким же способом противно о всяком мыслить и судить, и я не беру на себя труд постичь истину из древней истории, но думаю, что истинную правду говорю: они вовсе несправедливые вещи до сведения [начальства] доводят[1].

Лишь несколько примечаний здесь довольно прояснят дело; за краткое время моего тамошнего пребывания было бы невозможно принять на ум все.

Георгий Петрович, которому турки дали имя Кара, Черный или, в переносном смысле, «храбрый» — это человек большого характера. Облик его показывает назначенную душе величину; и всякий, кто только совсем предосудительно не мыслит, кто обстоятельства, время, положение человека, невозможность лучшего в его прошлых годах воспитания и все, что отсюда происходить должно, будет брать в расчет, тот признает за ним величину, постоянство и истинно мужественный, владычественный дух и соответствующие оному дела, по которым люди постигают сущность, а не ищут повод умалить и принизить.

Правда, что он своего отца убил; но разве чувство собственного спасения, любовь к отечеству и действие момента не могут быть ему защитой; кто же настолько мерзок, что доказывает, будто он то дело с удовольствием учинил?

Кто не согласится с ним, как сыном, что печалится, поскольку отец *его*, главу союза за спасение отечества, постоянно принуждал к тому, что должен он противу собственного отца воспротивиться? Чего ему другого оставалось, как ни безопасность места для обороны от турок избрать, столь благое средство для собственного спасения, чтобы, кроме как собой, не пожертвовать своими союзниками и народом[2].

Правда, что он брата своего отдал на повешение, но этот его поступок может только злоба совершенно осудить; много раз брат, как правитель, брату

[1] Очевидный намек на Ф. И. Недобу.

[2] Версия отцеубийства сходная с рассказом Д. Н. Бантыш-Каменского.

прощал за дела, которые всюду веревкой наказывались бы, много раз уговаривал и угрожал. Разве судия презреет в конце концов закон, которому он уважение отдавать должен, поскольку брат истый закон не уважает? Да и во время великого просвещения в Греции бывали такие примеры, в те времена, когда мир еще не был так испорчен, когда истина и общее и истинное человеколюбие обожествляли как добродетель; такому подобному делу тогда бы восторгались. И все же это дело дало повод его неприятелям много глупостей выдумать, чтобы этого мужа, чью великую душу постигнуть они не могли, унизить клеветой.

К этим клеветам принадлежит и то, что Георгий Петрович свиреп; в то время, когда страна не имела никакого устройства, но в нем вся сила и воля целого неустроенного и непросвещенного народа должна быть соединена, в то время была [у него] обязанность, которой он всей общиной был наделен, поступать с безусловной строгостью. Он в отношении самого себя был строг; он и в отношении других не мог быть благ и мягок. Сколько раз и в это время подлая трусость приписывала ему умышленные убийства и гонения, которых никогда не могла доказать.

Теперь, когда страна имеет суды и устроение, теперь Георгий Петрович никогда сам не казнит, и более того, он и не дает казнить по своему произволению, но предает все судам.

Правда, этот человек никакого воспитания не имеет; он очень мало говорит; нравы его просты и почтенны, как и у всего народа; всегда он задумчив; однако природа его богато одарила естественным разумом; он легко схватывает и такие вещи, о которых прежде и не знал ничего; его суждения легки и истинны, много живости духа; работящ и во всем показывает народу пример подражания достойный. Когда развеселится (а весел он всегда, когда с другими веселиться может), тогда он очень весел; отпускает шутки, и все вокруг него веселятся. Как солдату ему нельзя отказать в таланте, храбрости и неустрашимости, как человеку — в решительности, твердости, постоянстве и величии характера его.

И разве справедливо и разумно, что чиновники и подданные монарха, который покровительствует этому Георгию Петровичу, трудятся, и то из приватных неких намерений, представить его в дурном виде, и более того: пред самим его народом стараются унизить?

То же самое делают и с остальными погла́варями и чиновниками в Сербии; когда не могут отрицать их душевные дарования и знания, тогда их описывают как лживых, коварных и к нам не наклонных:

Будьте откровенны и искренни с сербами, и они такими же с вами будут.

Будете учтивыми и покажите доверием вашим, что вы уважаете существующие в Сербии устроения, поскольку это обязанность ваша — поступать так во всякой стране; тогда и серб по отношению к вам никогда не забудется, но будет показывать вам, насколько он горд и привержен вам.

Докажите сербам, что предложения ваши клонятся лишь к благосостоянию Сербии, и что вы их делаете лишь для того, чтобы этого благосостояния достичь, а не чтобы на себя принять некую власть, которая вам не принадлежит

и не приличествует, и тогда наверняка предложения ваши будут услышаны; они вас любят, они вас уважают, так же как вы их — сербов-братьев!

Сербия имеет в сенате всех самых почтенных и талантом одаренных людей, которые если и совершили какие ошибки, то это потому, что в Сербии средства скудны, да и основательные знания и опыт редки; однако Младен [Милованович], Яков [Ненадович] и другие, это люди, которые бы и в других державах не последними были!

Некоторые вещи еще достойны примечания, поскольку они делают честь тем, кто работал над этим временным устроением государства; как то:

во всей Сербии заведено регулирование потребностей и денег.

Перекупать и за большую цену продавать продовольствие не могут и в самых удаленных краях Сербии.

Землевладельцы в Сербии в великой степени свободны; нет рабства, и даже с побежденным турком поступают мягко и хорошо.

Налогов и даяний для отдельных людей не существует! Не доказует ли это довольно, что правители — не тираны и не спекулянты, которые заботятся лишь о том, как бы себе добро накопить.

Случай с сербским комендантом Миленко[1] большое впечатление произвел, повсюду у него есть приверженцы. Нужно признаться, что военные таланты этого мужа следует уважать; но и того умолчать не можно, что он великие заслуги перед Сербией имеет; однако всякий беспристрастный и то, и другое забвению предаст, когда сам там узнает, как дело это обстоит.

В правду, не Миленко, а его секретарь — человек, полный интриг[2]. На поводу у него пошел и вывелся теперь Миленко совсем; он был прежде секретарем в сенате, но оттуда уволен, поскольку в большом проступке обвинен, и, по-видимому, из-за того к Миленко и перешел, чтобы с помощью него отомстить. Ясно и совершенно истинно то, что он действовал так, чтобы правление в Сербии перешло в руки Миленко; *тогда как прежде Миленко Георгию Петровичу на вечную верность и покорность обязывался*. Во всякой державе в таких обстоятельствах по справедливости была бы погублена самая способная голова.

Миленко употребил богатство свое, чтобы народу понравиться и к себе сторонников привлечь; представлял себя как чрезмерный приверженец России в надежде получить оттуда поддержку своим властолюбивым планам; но и в том ошибся. Думая, что в своем месте укреплен, свершил он много самовольных дел; он перед русскими чернил погла́варей и доказывал, что они привержены австрийской стороне; он задерживал курьеров.

Много раз прощал Георгий Петрович Миленку за дела его, которые были выказаны, много раз его просил, чтоб не проявлял себя как неприятель отечества, пока в конце концов случай или нарочно выстроенные условия не рассорил их открыто, и так Миленко, его секретарь и еще один незнатный человек

[1] Как указывалось выше, Миленко Стойкович был изгнан из Сербии в феврале 1811 г. Дибич излагает далее, по сути, официальную версию победителей в этом конфликте.

[2] Иеремия Гагич. См. о нем примеч. к донесениям К. К. Родофиникина.

этой партии[1] были изгнаны из страны. Имущество у них не отнимали, и оно никому не отдано; брат Миленко его сохранил; и если когда сын Миленко в отечество возвратится, воистину все недвижимое имущество ему достанется.

Где же здесь несправедливость, свирепость и алчность?

Точно так же важно объяснить, какова же эта австрийская партия: Россия оказала Сербии большую помощь; правительство и народ привержены поэтому с премногой благодарностью своему великому любимцу **Александру**. Но было время, когда Россия не могла столько делать, сколько Сербии было потребно; обстоятельства были таковы, что не терпели отлагательств; и Сербия получала из Австрии порох, свинец и другие потребности, в которых она нуждалась. Это причина, по которой Сербия должна придерживаться австрийского приятельства. Также во время прерванного сообщения с русским главным войском Сербии было позволено курьеров своих направлять через австрийские земли. Сербия, притесненная турками, не могла сохранить и образовать способные головы; таковые Сербия получала из рожденных и воспитанных в Австрии сербов, которые, перейдя тайно, без дозволения своего начальства в Сербию, назад в свое отечество перейти уже не могли; и так, свою единственную надежду на Россию иметь должны; однако они из Австрии, и заводят в Сербии нечто по способу австрийскому, насколько им этот способ известен; следовательно, думают, что они увлечены Австрией; но такого нет. Если Россия обстоятельствами принуждена будет покинуть Сербию, куда останется сербам, которые среди турок более вращаться не могут, бежать, как не в Австрию. Это опять причина, почему они не могут ссориться с этой державой. Но это и еще одна причина, почему сербы, при своей приверженности к русскому царю, имеют некоторое действительное сомнение и недоверие к русскому генералитету и политическим чиновникам. Сербы все чувствуют, а что яснее видят, то живее чувствуют, что независимость их для России очень важна... Редок, однако, случай, но здесь он показывается, чтобы истинное благосостояние двух народов вместе и воедино складывалось и совпадало, чтобы несчастье России влекло за собой падение Сербии, точно так, как падение Сербии — для России несчастье.

Поэтому сербы ожидали от России сильную и деятельную помощь, ожидали тесный союз между двумя державами, ожидали во всем откровенность, правду, сообщение. Вместо же этого во всякое время помощь приспевала лишь тогда, когда сербы напрасно перенапрягли свои силы и приняли великие жертвы, так что посланная помощь ничего другого не делала, как только голое и временное спасение.

Известия им давались, чтобы их принудить к быстрому движению и действиям[2]; а после со временем становилось известно, что известия эти не были истинными.

[1] Формулировка едва ли применимая к изгнанному вместе со Стойковичем Петру Добринцу, о котором автор не упоминает.

[2] Имеется в виду наступление 1809 г., не синхронизированное по ряду причин с действиями русской армии. См. о нем: *Белов М. В.* Первое сербское восстание... С. 36–39.

Сербам не дозволено ни своих просьб, ни благодарения своему высокому покровителю императору непосредственно поднести[1].

В Сербию направлялись люди, которых тамошнее правительство никак возлюбить не могло, почему поведение их то же правительство осрамило перед народом[2].

Напротив, если случайно люди, туда направленные, которые о Сербии действительно хорошо думали, и которые своими советами были действительно полезны стране, таковые сразу назад вызывались, и все мольбы сербов, чтобы их вновь в Сербию отправили, были тщетны и ответа не удостоены![3]

Не должны ли мы поэтому их простить, когда так думают: «Что же, не хотят *вовсе* нам помочь?»

Со всей силой, которую Сербия в отношении своей земли, своего производства, своего положения в торговле имеет, ничто так не очевидно, как то, что теперь должна терпеть недостаток в деньгах. Там нет постоянного войска, всякий серб служит отечеству и общей пользе, когда его призовут или нужда того требует: тогда остаются нива, ремесло и торговля в пренебрежении. Имущество, отнятое от турок, или осталось в руках частных лиц, или уже давно употреблено на общую пользу. Сколько денег забрала Австрия за продовольствие и припасы? Сколько стоит содержание шпионов? Сколько стоят те, кто должен действовать ради Сербии в неприятельской земле? Сколько усилий потребно, чтобы в собственной стране отливать пушки, изготавливать селитру, порох и ядра лить?

Если хочется, чтобы окончание войны не оставило ее неизвестности, то необходимо устроить такую точку сосредоточения, которая бы нам обеспечила положение, чтобы с ней выгоднее могли использовать время. Это против турок еще легче можно сделать, чем против других народов, поскольку они в зиму, если совсем не разойдутся, то значительно уменьшат оное войско. Такой точкой был бы для Сербии Белград. Но это развалина без необходимых окопов, с разваленными казематами, без мостов и башен, без достаточного числа пушек. При недостатке сербских сил для военного человека еще удивительнее, что со стороны России для приведения в хорошее состояние этого места ничего сделано не было, ни один искусный инженер не был послан[4]; а Россия сама имеет в Белграде магазины и войско, которые там, если

[1] К концу 1811 г. сербы добились права непосредственного общения с главнокомандующим, а после визита сербских депутатов в Петербург весной 1812 г. Александр I предложил Карагеоргию и впредь адресовать просьбы «в пользу народа сербского» на его имя. (Внешняя политика России... Сер. 1. Т. 6. М., 1962. № 141. С. 356–357. Н. П. Румянцев — Карагеоргию, 2 апреля 1812 г.)

[2] Намек на К. К. Родофиникина и Ф. И. Недобу.

[3] Имеется в виду, например, И. Ф. Угринчич-Требинский (Бей Новокрещенов). См. о нем примеч. к рапортам И. И. Исаева.

[4] Это неверно. В Сербию в 1807–1808 гг. направлялись майор артиллерии Лавров (см. примеч. к донесениям К. К. Родофиникина) и инженер-майор Грамберг. *Богишич В.* Разбор сочинения... С. 132. (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 2 июня

сложатся неблагоприятные обстоятельства, предоставлены опасности, более чем где бы то ни было.

Сербия до сих пор не могла выставить войско более чем 18 000; с много меньшим началась революция; опять же с малым войском, не имея никакого устроения, без достаточных средств сербы исторгли турок из страны; и держались вот уже почти 8 лет против неприятеля, которого наши великие и устроенные войска не принудили даже к тому, чтобы перейти Балканы. Это ли не доказательство, что сербы против турок могут быть употреблены очень хорошо?

И когда я теперь всего лишь только выказал нужду и представил возможность эту самую решительную для Сербии войну свершить еще в этом году, то это привело к тому, что правительство с напряжением всех своих сил обещалось поставить в этом году 28 000 человек.

Когда я размышлял о средствах, как эту силу в самом течении войны подходящей перестройкой, присоединением добровольцев умножу до 40 000 человек.

Когда я объяснениями и сообщениями, которые не упустил для себя раздобыть, трудился пограничные вражеские земли от неприятеля отвратить и оторгнуть, и потому мог надеяться, что мало-помалу с ними соединюсь, откуда ожидал, что силы могут возрасти на 25 тысяч человек.

Когда я старался сербов в Черногории и Герцеговине вовлечь в сербский интерес, каким способом около 30 000 человек сверх того боролось бы против неприятеля.

Когда я все это устраивал, чтобы русской армии, которая не так уж сильна, обеспечить мир и безопасность; будучи, насколько возможно было, турецкую силу повернуть на другую сторону.

Когда я все то делал, чтобы честь отечества сохранить и на будущее приобрести верных и надежных сторонников.

Когда с этим [выполнял] приказание: «Старайтесь к тому привести, чтобы сербы в этом году предупредили турок в Боснии и т. д. », которое мне граф Орурк (в присутствии полковника Засса[1]) дал, которое сам генерал-лейтенант Засс прочитал, и он его подтвердил.

1808 г.) Грамберг, по этому сообщению Родофиникина о его отъезде из Сербии, «...исправил найлучшим образом одну белградской крепости часть, по которой могут уже легко продолжать дальнейшее исправление и показал им места, где найнужнее поставить пушки; во-вторых, дал им прямое понятие об укреплении ретраншаментов; описал все таковые имеющиеся в Сербии, что было совершенно неизвестно как верховному вождю, так и совету, и, наконец, дал им план белградской крепости и карту Сербии». Впрочем, ремонт белградской крепости и других крепостей на территории повстанческой Сербии потребовал бы значительных затрат и был чреват дипломатическими осложнениями со стороны Австрии. Отчет Грамберга Прозоровскому на французском языке, датированный 26 июня 1808 г., см.: Там же. С. 133–141. Он содержит, кроме краткого вводного «мемуара», три раздела: описание страны, ретраншементы и редуты, народ.

[1] Вероятно, сын А. П. Засса, Андрей Андреевич Засс (1776–1830).

Когда это приказание генерала, при всем недостатке сербских сил, как человек разумный и верный слуга исполнил; в чем я тогда подозрителен сделался? В чем я тогда виноват и казни достоин?

Чем я заслужил то, что со мной со стороны генералитета поступают как с бесчестным преступником?

Или это средство, которым мы можем нашим союзникам доверие, перед светом уважение, чиновнику любовь к должности и приверженность влить?!

Что я сделал за время пребывания моего в Белграде для блага Сербии, чтоб России верно послужить, то я докажу при удобных обстоятельствах; здесь того приводить не буду, хочу только заметить: никогда Россия войну с турками твердо и славно свершить не сможет, иначе как я прежде Вашему превосходительству предложил[1].

Никогда Россия не сможет опереться на доверие другого народа, если Сербию точно так же, пускай и субтильным, способом бросит в беде, как оставила Морею и Черногорию[2].

Россия уже потеряла своих союзников на севере; если еще и Сербию оставит, тогда останется сама за себя.

Никогда Россия не сможет найти лучшего случая, как теперь, чтобы добыть себе впредь через Сербию надежную оборону.

Голубица. V. Београд, 1844. С. 297–318

[1] По-видимому, рапорт обращен к военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли (1761–1818). Он занимал этот пост с января 1810 по август 1812 г.

[2] Имеются в виду отказ от поддержки Пелопоннесского восстания и уход из Наварина русской средиземноморской эскадры в 1770 г., а также сдача Ионических островов и Которской бухты после Тильзита в 1807 г.

П. И. Кеппен. Путевые записки

Петр Иванович Кеппен (1793–1864) родился в Харькове, в семье немецкого врача, перебравшегося в Россию по приглашению Екатерины II в конце XVIII в. Его мать, в девичестве Шульц, очевидно, происходила из семьи русских немцев. Лютеранин по вероисповеданию, будущий славист формировался в многоязычной среде и унаследовал сложную идентичность. Многодетная семья Кеппенов рано лишилась кормильца, и, начиная с тринадцати лет, будущий ученый служил в Харьковской губернской чертежной. Окончание этико-политического отделения Харьковского университета совпало с временем патриотического подъема, вызванного Отечественной войной 1812 г. Под влиянием Руссо и Шеллинга (и, наверняка, Шиллера) Кеппен переживает, выражаясь словами его сына-биографа, «период бури и натиска». Формирующим элементом этого жизненного состояния был культ юношеской дружбы, освещенной клятвой благородного служения отечеству и высоким книжным идеалам[1].

В одном из писем другу Кеппен обосновывал свой выбор в пользу чиновной карьеры с отказом от пути ученого-теоретика тем, что «благо и счастье ближних может быть обосновано и увеличено только при благоустроенных государственных порядках» (с. 27). Перебравшись в 1814 г. в Петербург под покровительство родственников по материнской линии, он поступает на службу в надежде реализовать эту цель, пишет политико-философские сочинения, в том числе трактат, порицающий рост дворянства. Однако скромный пост чиновника почтового департамента в министерстве внутренних дел не предполагает подобных подвигов. Расставанием с юностью стала смерть ближайшего друга (В. Ф. Титарева) в 1816 г. Кеппен попрощался с ним в двух сентиментально-возвышенных текстах (с. 33)[2].

Мир строгой бюрократической иерархии, усложненной протекцией и аристократическими связями, остужает юношеские мечты и выталкивает амбициозного юношу в поле литературных и научных занятий[3]. Вступление

[1] В письме В. Ф. Титареву (октябрь 1813 г.) Кеппен писал: «О дабы навеки нас связывало это благородное и возвышенное чувство! Тебе, любимый мой, моя дружба, а отечеству — моя жизнь!» Цит. по: *Кеппен Ф. П.* Биография П. И. Кеппена // Сб. ОРЯС. Т. 89. № 5. СПб., 1911. С. 26–27, 34–35. (Далее в скобках указаны страницы этого издания). По сообщению биографа (примеч. 1 на с. 28), после летних каникул 1812 г. Кеппен написал полувыдуманный роман в духе гетевского «Вертера». С провинциальным опозданием и поправками на контекст Кеппен и Титарев реализовывали эмоциональный сценарий круга Тургеневых и Кайсарова.

[2] В речи по случаю 50-летия научной деятельности Кеппен вспомнил свой период «бури и натиска», с элегическим оттенком констатируя: «Богатые мечты моей юности о пользе, которую я могу принести России, далеко не осуществились. Время и обстоятельства низвели меня из мира идеального в мир вещественный; они показали мне всю разность между надеждами и исполнением». Цит. по: *Зайцева А. А.* П. И. Кеппен и Словакия (Из истории русско-словацких культурных связей первой половины XIX века) // Slovenská a ruská literatúra. Bratislava, 1973. S. 104.

[3] См. о Кеппене и его вкладе в славистику подробнее, помимо биографии, написанной сыном: *Потепалов С. Г.* О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских

в Вольное общество любителей российской словесности[1] в 1816-м, по-видимому, еще рассматривалось как путь в ряды просвещенной государственной элиты: на заседаниях общества Кеппен читал политические трактаты. Сближение с членами Румянцевского кружка[2] в конце 1810-х гг. усилило концентрацию на древностях. «Наконец я опять перерождаюсь в человека, начинаю живее чувствовать и пленяться предметами, меня окружающими, — записывает Кеппен в 1817 г. Вот уже три года, как я перестал сладостно мечтать о будущем; блаженные лета, проведенные мною в университете, исчезли» (с. 38). Между тем, записи в альбоме Кеппена несколько более позднего времени демонстрирует широту его знакомств[3].

Если верить сыну-биографу, именно в этот период духовного надлома Кеппен начинает задумываться о том, чтобы выбраться за границу. Еще в 1815 г. он надеялся занять временную должность в Германии. В 1820 г. старший коллега и будущий тесть Кеппена Ф. П. Аделунг рекомендовал его А. Л. Нарышкину, собиравшемуся в заграничное путешествие, в качестве компаньона, однако тот остановил свой выбор на В. К. Кюхельбекере. И вот в 1821 г. отставной поручик А. С. Березин пригласил Кеппена сопровождать его в путешествии по Австрии, Италии, Швейцарии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии и Германии, рассчитанном на три-четыре года (с. 51–52)[4]. Маршрут предполагавшегося путешествия был традиционным для тогдашнего русского дворянина, постигающего европейскую премудрость сначала по книгам, а затем — вблизи, в живом общении с учеными и философами, обозревая памятники культуры и поклоняясь ее святыням. Между тем, планам путешественников, из-за болезни и ранней смерти Березина, суждено было осуществиться лишь отчасти. Поскольку наиболее обстоятельно они успели объездить Австрийскую империю, в этом путешествии обнаружился неожиданный для подобных предприятий славянский крен. Это соответствовало и планам Кеппена в качестве неформального уполномоченного от Румянцевского кружка.

культурных связей // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 177–211; *Он же*. Путешествие П. И. Кеппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX века. М., 1963. С. 5–22; *Зайцева А. А.* Указ. соч. S. 89–104; *Смирнов С. В.* Первые русские слависты в Чехии // Учен. записки Тартус. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. 1973. С. 47–176; *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* П. И. Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям // Зборник за славистику. Књ. 17. Нови Сад, 1979. С. 61–87. *Никулина М. В.* Й. Добровский и русские ученые (из истории русского славяноведения первой трети XIX в.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1984. С. 43–63; *Белов М. В.* Славянская тема в путевом дневнике П. И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011. № 1. С. 95–104.

[1] См.: *Базанов В.* Ученая республика. М.–Л., 1964.

[2] См.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981 (по указат.); *Барышева Е. А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 99.

[3] См.: *Уманов-Каплуновский В.* Старинные альбомы академика П. И. Кеппена // Столица и усадьба. 1915. № 48. С. 11–12; *Потеплов С. Г.* Путешествие... С. 9–11; *Базанов В.* Указ. соч. С. 216–217; *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е гг.) // ЕРО ПД на 1977 год. Л., 1979. С. 19; *Рейблат А. И.* Писать поперек. С. 214–215, 257.

[4] 22 мая 1821 г. в маклерской конторе было заключено соглашение, согласно которому Березин обязывался выплачивать Кеппену 933 рубля серебром ежегодно, взять на иждивение квартиру и стол для него, а тот — быть спутником и участником ученых упражнений. При этом главным занятием должна была стать история, поскольку «нельзя знать народ, не зная его истории». Березин надеялся, что они с Кеппеном сумеют подружиться, и обещал приложить все усилия, чтобы спутник не раскаялся в предпринятом путешествии.

Европейское путешествие Кеппена продолжалось до апреля 1824 г. и было чрезвычайно богато встречами и учеными занятиями. Кеппен постарался завязать знакомство, по возможности, с максимально широким кругом ученых, прежде всего — славистов, среди них: П. Й. Шафарик, Е. Копитар, Я. Коллар, Й. Добровский, В. Ганка, Й. Юнгман и многие другие. За границей Кеппен неоднократно встречался с реформатором сербского языка Вуком Стефановичем Караджичем (1787–1864), с которым познакомился в Петербурге в 1819 г.[1] Составленная по итогам поездки «Записка о путешествии по словенским землям и архивам» (1825) стала важным руководством для других ученых.

По возвращении на родину Кеппен предпринял редактирование уникального для российской периодики того времени журнала — «Библиографические листы» (1824–1826) претендовали на роль общеславянского научно-информационного издания[2]. Еще одним замыслом Кеппена этого времени стало приглашение в Россию для основания славистических кафедр и славянской библиотеки при Петербургской Академии наук чешских ученых, но оно не увенчалось успехом[3]. В дальнейшем научные интересы Кеппена смещаются в направлении отечественной этнографии, географии и статистики. Он один из основоположников Русского географического общества (1845), просвещенный бюрократ, совмещающий службу с учеными занятиями, которые отмечены членством в Петербургской Академии наук и дипломами заграничных научных обществ.

[1] См.: *Модзалевский Л. Б.* Неизданная биография В. С. Караджича // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 11–12. С. 4–7; *Добрашиновић Г.* Петар Иванович Кеппен и Вук // Анали филолошког факултета. Београд, 1964. Св. 4. С. 123–133; Письма Караджича Кеппену: *Виноградов С. А., Наумов Е. П., Чеканова Г. П.* Из переписки Вука Караджича с русскими учеными // Славянское источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 1965. С. 186–195. См. также: *Громов П. Г.* Вук Караджич и русская культура: дис. ... канд. филол. наук. Ростовн/Д, 1950. С. 63–90; *Зыкин В. И.* Вук Караджич и русская наука: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950. С. 108–132, 317–342; *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Вук Караджич и Россия // Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных связей). СПб., 1997. С. 104–120.

[2] *Потепалов С. Г.* О роли... С. 186–201; *Берштейн С. Б.* «Библиографические листы» П. И. Кеппена // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 1. С. 47–58.

[3] См.: *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения (адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев). Одесса, 1888; *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения (Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX века). Варшава, 1902; *Потепалов С. Г.* О роли... С. 201–210.

Ниже публикуются фрагменты дневника, относящиеся к лету 1822 г., когда Кеппен и Березин путешествовали по Славонии, Южной Венгрии (Воеводине) и Дунаю[1].

Книга IV

8/12 июня 1822 г.[2] Приветствую тебя, величественная, быстрая Драва[3], отделяющая меня от Славонии! Там по ту сторону вод твоих, живут мирные жители, коих обычаи во всем сходствуют с обычаями русскими. Свидетельствуясь сочинением Чапловича: Slavonien und zum Theil Croatien; ein Beitrag zur Völker- und Länderkunde. Theils aus eigener Ansicht und Erfahrung (1809–1812), theils auch aus späteren zuverlässigen Mittheilungen der Insassen von Joh. v. Csaplovics. II Th. Pesth, 1819. 8[º][4]. Автор в предисловии к сей книге упоминает и о других сочинителях, которые писали о Славонии. В самой книге хвалит наиболее сочинение пестских профессоров Пиллера и Миттерпахера (Piller et Mitterpacher. Iter par Poseganam Slavoniae provinciam. Budae, 1783[)]. Всем прочим, как то: Таубе (1781)[5], Демиану, Таке <?>[6] и пр. от него досталось. Сочинение Чапловича заслуживает внимание. Оно примечательно и по сличению славен с словаками (I, 29, 100, 118, 120, 121, 141, 205–217, 219, 229 и 233), с русняками (96, 117, 127, 139–141) и кроатами — 206, 226 и т. д. Почти все, без исключения, что Чаплович повествует о славянах, мы находим или в южной или в северной России.

Первых словен мы встретили в Пятицерквах (Фюнфкирхене)[7], где из простолюдинов многие говорили понятным для нас языком. Выше уже я говорил о славянских племенах Венгрии (см. Путев. записок кн. III, с. ...[8]); теперь несколько слов и о тех, которые живут в южной части сего королевства. Чаплович (ч. II, с. 13) говорит: <...>[1] Следственно не только в Бараньевском комитате (около Фюнфкирхен), но и в Банате в Арадском, Чанадском и Бачском комитатах живут славяне. Поэтому венгры занимают от сев[ера] на юг не более двух градусов (200 верст).

Вук Стефанович[2] (известный сербский писатель), беседуя со мною о славянских наречиях, разделял сербский язык на три главные диалекта, а именно:

1) *Эрцеговинский*, коим говорят в Эрцеговине[3], в всей Боснии, в Черной горе, в Далмации, Кроации[4] и верхней Сербии (на границе Боснии) около Уллце[5] и Га́гань <?>.
2) *Сирмский*. В Венгрии, в Сирмии, в Банате, в Бачском комитате. Также в нижней Сербии до Тимока (реки на болгарской границе).

Сие наречие можно еще разделить на:

а) сирмское в тесном смысле (сремачский диалект) и
б) ресавский (река Ресава течет в Мораву).

3) *Славонский* (шокачкий), коим говорят сербы католического вероисповедания (Shokatz — шокци). Главное местопребывание их в Славонии, но есть таковые и в Далмации, Кроации и Боснии. Сии шокци употребляют латинские письмена (буквы). В Пожеге[6] напр[имер], приверженцев восточной церкви не более 19–24 дворов (до 75 душ). Вот примеры сих наречий:

	дъвка	дъд	лъпо	бъло	съно	дитя	видеть	летать
Ерцеговачки	ђевојка	ђед	лијепо	бијело	сијено	дијете	виђети	лећети
Сремачки	девојка	дед	лепо	бело	сено	дете	а) видите б) видете	а) летати б) летети
Славонски	дивојка	дид	липо	било	сино	дите	видити	летити

вера: Е. вјера; С. вера; Сл. вира;
мера: Е. миер; Ср. мера; Сл. мира.

Это известие Вука Стефановича подтверждается также Чапловичем, который говорит, что католики от христиан восточной церкви отличаются также языком своим. См.: J. v. Csaplovics. Slavonien etc. I, 234–235. О сербском языке вообще Чаплович говорит там же ч. 1, стр. 219, 220 и пр. Он на с. 219 очень

[1] Купированы в основном фрагменты с перечислением рукописей и древностей, а также библиографические справки. См., однако, письмо известному археографу, члену Румянцевского кружка К. Ф. Калайдовичу от 31 июня (12 августа) 1822 г. из Германштадта (совр. Сибиу в Румынии): *Кеппен П. И.* Описание славянских древностей в Сирмии // Северный архив. 1823. Т. 5. № 1. С. 18–33.

[2] Вставка на полях: Брод на Саве. — на турецкой границе — 12/24 июня 1822 г.

[3] Правый приток Дуная.

[4] Суждение г. Копитара о сей книге напечатано в Vaterländische Blätter. См. н[а] с. 257. (Примеч. авт.) В дальнейшем Кеппен неоднократно упоминает, часто сокращенно, наименование этой работы Я. Чапловича («Описание Славонии и отчасти Хорватии»), изданной в Пеште в издательстве «Hartleben's Verlag».

[5] Кеппен сначала написал Тауберг, но зачеркнул две последние буквы. Имеется в виду «путешествие» австрийского чиновника вышедшее первым изданием в 1777 г.: *Taube F. W.* Historische und geographische Beschreibung... Bd. 1–3. Чаплович ссылается в предисловии на него.

[6] Чаплович упоминает в предисловии (s. IV) «описание путешествия» графа Телеки (Teleky) 1794 г.

[7] Современный г. Печ (Венгрия).

[8] Страница не проставлена.

[1] Плохо разборчивая цитата на немецком.

[2] Здесь и далее: Караджич. Диалектное деление, очерченное далее, представлено им уже в «примечании» к «Письменице сербского языка» (1814): *Караџић В. С.* Сабрана дела. Књ. XII. О језику и књижевности. I. Београд, 1968. С. 112–113.

[3] Герцеговина.

[4] Хорватия.

[5] Вероятно, Улице — местечко, недалеко от Шабца (Мачванский округ современной Сербии).

[6] Пожега (Славонска-Пожега) в Хорватия.

хорошо отличает язык славонский от словацкого (Lingua Slavica et Lingua Slavonica)[1]. Теперь в славянский язык вмешиваются и турецкие слова.

8/20 июня. Sokacz–Miholacz[2]. Переправа около Миголаца (чрез Драву) не совсем исправна. Барону Брандау, который содержит оную, она доставляет в год с небольшим 1000 гульденов ассигнациями, но случается, что иногда людей для переправы вовсе нет, и проезжающие должны дожидаться благополучной оказии, продолжать дальнейший путь свой. Драва очень быстра, почему мы и должны были далеко тянуться вверх, взяв на сей конец людей с других, находившихся здесь (проезжающих) судов. Ночевать на берегу, в постоялом дворе нам отсоветовали и самые те, которые наряжали форшпан (то есть обывательских лошадей[)], просили, чтобы мы их не удерживали на берегу, потому что здесь в трактире они могут быть обокрадены. Приставши на другой берег к одной из трех пристаней мы нашли здесь жидов, дожидавшихся перевоза. Уже было темно и они развели огонь у самого дерева, так что и самый дуб (или липа) внизу горело[3]. Жиды в Славонии за безделюшки выменивали тряпья для бумажных фабрик и отвозили оныя на место назначения. И это дело. Поутру из Миголац мы отправились в Нашич[4]. Нас повезли первоначально вниз по Драве по пути к Эссеку[5] до селения St. Georg, однако А. С. [Березин], повсюду следующий карте Липцкого[6], спросил, как обыкновенно, о названии деревни и заметил, что мы едим не тою дорогою. Тут мы поворотили и отправились чрез Ракитовицу[7] [в] Беничанце[8]. Утро было прекраснейшим; день очень жаркий. В Беничанце в избе кнеза (сельского старосты или судьи) я нашел бедную старушку, которая уже два года страждет ножною болью. На дворе[9] играли голые дети, что здесь обыкновенно. В избе под печью висела рыба, которая здесь коптилась. Вообще в Славонии роскошь не известна. Эта страна, изобилующая лесами и полями, на коих сеют кукурузу и хлеб и косят сено, но денег очень мало, еще менее, нежели в Венгрии. Крестьяне ходят как малороссийские без платья. Рубаху (кошель) они посреди тела подвязывают, так что грудь очень приметна. А впереди передник (<...>[10] малор[оссийский] фартух то есть Vor-tach).

Кажется мне, что можно в Венгрии принять следующую классификацию жителей оной[11], судя по опрятности и образу жизни их:

[1] Запись повторяется на полях с подчеркиваниями в названиях.

[2] Доньи-Михольяц (Хорватия).

[3] Таким образом здесь много портят деревьев, желая вероятно охранить огонь от ветра. (Примеч. авт.).

[4] Нашице (Хорватия).

[5] Осиек (Хорватия).

[6] Янош Липский (1766–1826) — полковник австрийской службы, военный картограф.

[7] Rakitoviza, ракита, то есть верба. (Примеч. авт.)

[8] Беничанци (Хорватия).

[9] Около печи, в коей обыкновенно пекут хлеб, особливо там, где избы не лучшие, и не устроены к хлебопечению. (Примеч. авт.)

[10] Пропуск в тексте.

[11] С середины XVIII в. Габсбургская монархия проводила планомерную политику колонизации южных областей Венгерского королевства, в которую, помимо сербов, были вовлечены немцы, словаки, прикарпатские русины, румыны. См., например: *Чиркович С. М.* История сербов. М., 2009. С. 204–206.

1) немцы;
2) кроаты?[1]
3) словаки;
4) венгры;
5) словены (но в белье они опрятнее венгров);
6) русняки[2].

Швартнер в своей статистике[3] полагает славян трудолюбивее венгров. Но сего обо всех сказать нельзя, ибо по уверению Чапловича (I, 109) самыи словены, желая выразить идеал трудолюбия, говорят: он трудится как мадьяр. Русняки без сомнения неопрятнее прочих[4].

Но как живут *кроаты* в Кроации, *иллирийцы* в Иллирии[5] и *валахи*, *секели* и *куманы*[6], сего я видеть не мог. Палоцы (род венгров в Эйзенбургском комитате) довольно опрятны.

О том, что венгры трудолюбивее словян, говорил нам уже иеромонах Росс[ийский] в Уреме (Ürem) при гробнице В. К. Александры Павловны[7] близ Офена[8], иеромонах Геннадий. Но тогда мне это, почит[ание] слов Швартнера казалось необыкновенным; ныне ж я имею случай в сем удостовериться.

О патриархальной жизни в Славонии, о выгодах и вреде оной см. соч. Чапловича. I, 108 и пр. и пр.

Не доезжая Белочанца[9], человек (Владислав: <нрзб. >) вспомнил, что он позабыл в трактире ящик с моим бельем. В нем лежали и все дорожные деньги А. С. [Березина], — и мы всего остались — все три — при 40 гульденах. Человека сейчас с коляской отправили назад, и я дал ему ключ от ящика, чтобы удостовериться в том, что деньги не тронуты. Он нагнал нас в Нашиче в то самое время, когда мы за обедом уже делали разные предположения о пребывании в Пятицерквах в кругу семейства графа Брайда и пр. до получения денег из Вены. Как радостны свидания с нашим ящиком.

По полудни мы в Нашиче[10] пошли к графине Пенчевич, родственнице графа Брейда, который рекомендовал нас ей. Она приняла нас очень приветливо,

[1] Знак вопроса проставлен автором.

[2] Русины.

[3] Имеется в виду издание: *Schwartner v. M.* Statistikdes Königreichs Ungern. Theil 1–3. Ofen, 1809, 1811.

[4] На полях плохо разборчивая цитата.

[5] Далмация.

[6] Секели (székely, *се*клеры или секеи) — этническая группа венгров Трансильвании (современная Румыния). Куманы — половцы; здесь: тюрки.

[7] Великая княгиня Александра Павловна (1783–1801), супруга эрцгерцога Иосифа, была похоронена в Ирeме (у Кеппена — Уреме) в пределе православной церкви.

[8] Буда, современный Будапешт.

[9] По-видимому, описка: Беничанци.

[10] О Нашиче (Naßicz) см. Csaplovics. I, 25. (Примеч. авт.)

и мы остались у нее ужинать. А проживавший у нее венский музыкант играл нам фильдово[1] Рондо (3 и 5 концерт). <...>[2]

10/22 июня. *Барометры*. Из Нашича А. С. [Березин] отправился вперед, на гору, отделяющую Верёцкий комитат от Пожеганского, а я с другим барометром остался в городе. <...>[3] Гору сию здешние жители называют Сарано[4] брдо или Срно брдо (то есть *Черная гора*)[5].

Скот в Славонии очень мал, как рогатый, так и лошади. Однако они к здешним работам очень способны, и трудно верить, чтобы лошади такие малые могли с такою легкостью везти тяжелые коляски чрез горы. Самые славяне не слишком великого роста; из девок я видел очень рослых и довольно стройных. Вообще лица женские в Славонии миловиднее нежели в Венгрии. Если б мужья были большего роста, то можно бы думать, что они, возвращаясь со станций в свои домы, относят к себе лошадей в кармане так, как русняки, которые нередко в карманах своих относит зерно на мельницу и таким же порядком возвращаются в свои домы с мукою. Csaplovics. I, 117.

На высоте Черной горы (которая есть часть всего хребта между Нашичем и Пожегою, называемою *Крндия*) стоят развалины какой-то башни, крестьяне называют это *градиною*. А таких городищ, каковые находит г. Ходаковский[6], в прочих словенских землях в самой Славонии я не находил, при всех моих расспросах[7]. С высоты видны оба комитата Верёцский и Пожечский[8]. Г. Монс[9] срисовал вид сей башни, Верёцского комитата, а далее является Гаршак <?> и Шиклош[10], Эссек и т. д. Вверху на горе есть несколько хороших каштановых дерев.

Всю почти дорогу от Славонии до Пожега мы ехали лесом, который однако не бережется... Однако его так много, что флец[11] каменного угля, находящийся за Пожегом, остается вовсе без употребления. Словаки[12], срубив дерево, тащат оное к огню, и дерево горит с одного конца, и подвигается далее и далее доколе не сгорит совершенно. Иногда дверь в избе (куте) вовсе не закрывается, доколе дерево не может уже все лежать в комнате (см. Csaplovics I. <...>[13]).

[1] Джон Фильд (1782–1837) — английский композитор и известный исполнитель.

[2] Опущено упоминание о рекомендательном письме, которым путешественники не воспользовались.

[3] Опущены барометрические измерения.

[4] Усомнившись в транслитерации, Кеппен поставил далее надстрочный знак вопроса.

[5] На полях название на латинице: Cerno Berdo, Crno Brdo.

[6] Зориан Доленга-Ходаковский (1784–1825) — славяновед, археолог, фольклорист и этнограф.

[7] См. Путев. записок моих кн. I, кн. II, кн. III. (Примеч. авт.)

[8] См. Csaplovics. I, 28. (Примеч. авт.)

[9] Художник, нанятый по обычаям аристократического (или научного) путешествия А. С. Березиным.

[10] Город в Венгрии.

[11] Здесь: пласт.

[12] Здесь, по-видимому: жители Славонии.

[13] Кеппен оставил место для указания страницы, но так и не сверился с текстом.

10/22 июня. Суббота. К вечеру мы прибыли в Пожегу, столицу Славонии, или лучше сказать старейший из свободных[1] городов. Местоположение оного весьма приятно. Вид гор сих — один из лучших ландшафтом. А. С. <Березин?>. В трактире Леопольд (который г. Чаплович называет дорогим[2]) с нас за три комнаты взяли 3 гульдена, за порядочный обед — 1 гульден. Тут между портретами мы нашли также портрет Алекс[андры] Павловны в Вене, очень порядочно гравированный. Близ дома садик, который содержится в порядке. Город (описанный Чапловичем, ч. 1, с. 30–36) не регулярный и довольно приятный. Он напоминает наши уездные города, но положение его отличное. Отдохнувши несколько, я отправился купаться в Орляву[3].

На другой день поутру мы отправились в церковь (восточного обряда), которую католики называют старообрядческою (altgläubigen). Это простая хижина[4], в коей одна комната назначена для служения — без алтаря и царских дверей и пр. Тут нашелся старик *Юратович*, который очень рад был видеть русских посетителей в своей церкви. В церкви во время богослужения употреблялись книги, печатанные в России (называемые вообще московскими). И иконы здесь письма русского. Так как в воскресные дни здесь бывает торг, то церковь сию посещают многие богомольцы, принадлежащие к другим близлежащим приходам. Надеются, что в последствии времени здесь в Пожеге построена будет церковь (восточная).

Главный католический костел довольно порядочный; близ оного гора с развалинами древнего замка. Она принадлежала епископу, подарившему все это городу, а город разбирает те развалины, намереваясь употребить камень на другие постройки.

За обедом в трактир вошел г. городовой фишкал (Георг. Юратович варошский пожечский фишкал). Познакомившись с нами, он пригласил нас к себе, чтобы видеть целого жареного ягненка и шест (деревянный, длинную, заостренную палку), на коей он жарится[5].

Отобедавши, пошел к директору здешних училищ (6 классов) Фекеле[6], у коего нашел неизвестный мне еще Иллирийский словарь: <...>[7].

Он же, г. директор[8], сказывал мне, что зажиточный крестьянин близлежащей деревни Селеци (Szelezi) говорил ему о какой-то святой Елене (дереве),

[1] Сверху надписано: независимых.

[2] I, 31 (Примеч. авт.)

[3] Приток Савы, на котором находится Славонска-Пожега.

[4] Обитаемая священником иеромонахом. (Примеч. авт.)

[5] Помещики, приобретающие новое имение жарят таким образом целого быка, и угощают этим своих поселян. (Примеч. авт.)

[6] На полях запись должности на латинице.

[7] Приведено полное библиографическое описание словаря И. Стулли (*Stulli J.* Lexicon latino–italico–illyricum... Budae, 1801. II. Vol. 4) и упомянуты другие словари.

[8] На полях примечание автора: «В Пожеге два училища, мужское и женское, и дети крестьян обучаются здесь до 12 года, когда могут уже посаблять своим родителям в домашних работах их».

которая находится в лесу. Но по справке оказалось (в Селецах), что это не дерево, но токмо следы часовни или церкви св. Елены[1].

С г. профессором здешнего училища Дражичем[2] мы отправились к г. фишкалу[3] Юратовичу, коего отца уже мы видели в церкви. К нему пришло много чужих, которые желали видеть русских, и между прочим доктор, француз, эмигрант. Баранина, папраник[4] (и калачи — род кренделей таких, как делают в Нежине) — все осталось в целости. Мы отправились в Верховцы (Verhovczi), селение, лежащее на последней возвышенности пред р. Савою. Вуковою долиною между крутых гор (над ручьем Вуковым, то есть Волчьим) мы ехали на юг, более и более поднимаясь вверх между высокими с обеих сторон горами. Вправо от нас (Vallis aurea у римлян; ныне Zlatna dolina)[5]. Вдали на высотах следы Еленена храма и развалины какого-то древнего замка, коего построение приписывают римлянам. В Верховце мы остановились у молодого Греко-росс[ийского] священника, который также очень радовали[6] видеть русских[7]. Побывав в церкви, мы бросили взгляд на Турцию. Горы Боснии Мотаица и Козара[8] были довольно видны. Реку Саву нельзя было приметить, вероятно, потому что она в пространной долине прорыла довольно глубокий[9] берег.

Священник по просьбе нашей послал за сельскими певицами; пришли их четыре; но песни их были так единообразны, что несносно было их слушать. Каждый стих повторяли тою ж мелодией. Я 4-х раз г. Юратовичу уверял, что это собственно турецкая (то есть босная) мелодия; к тому же девки кричали во все горло и резким до чрезвычайности [голосом]. Песни сии, кои слова нам были довольно понятны (одна относилась к реке Драве), они пели, взявши друг друга за бока руками и образуя круг.

Комната священника была опрятна. Он сам стихотворец, ибо показывал мне стихи, сочиненные им в честь епископа. На стене у него висели портреты наших государей Александра Павловича и Елисаветы Алексеевны. Все и тут желали бы быть соседями греков, а не турок.

Узнавши, что я желаю купить книгу о сербских святых, он приказал малолетнему сыну своему поднесть мне *Правила молебная С[вя]тых Сербских Просветителей,* напеч[атанные] ЗСО[10] (1661) г. во епископии Римнической в 4 (на 161 листу). Простившись с священником, коего одеяние очень сходствует с одеждой католического духовенства и с его женой, очень любопытствовавшей видеть турка посредством моей зрительной трубки, мы отправились в деревню Селцы (Szelczi), лежащей вправо от обратной дороги в Пожегу. Мы остановились у ворот крестьянина *Франикича*; сперва казалось мне, что он, показывая свои хозяйственные заведения, не совсем нам доверял, но потом стал нас угощать, и мы у него в полном удовольствии провели несколько часов сряду. Он имеет порядочную комнату, и при ней кухню и коммору или кладовую житницу, винокурню, амбары для складки раки (водки) и пр. Жена его приготовила нам цицварю[1].

[1] Елена Равноапостольная (ок. 250–330), мать римского императора Константина.

[2] На полях запись должности на латинице.

[3] Здесь: чиновник, надзиратель.

[4] Вероятно, блюдо из перца.

[5] Csaplovics. I. 19–31. (Примеч. авт.)

[6] Так в тексте.

[7] Стефан Станноевич священник парохи Верховачкой. (Примеч. авт.)

[8] Motaicza, Kosara. См. реку Козарку в Рязанской губ[ернии], селение Козарь близ Киева и пр. (Примеч. авт.)

[9] Сверху вставка: крутой.

[10] Титло над С. Обозначение года издания.

А. С. [Березин] стал рассматривать со всех сторон женский костюм, — и невольно должно было вспомнить о стихе Блумауера[2], который напечатан о путешественниках и Чапловичем (I, XVII, предисл[овие]) в его описании Славонии.

Между прочим он записал следующие названия местных одеяний и пр. <...>[3]

Во угождение нам крестьянин Франикич созвал несколько девок, которых с молодцем заставил петь и плясать. Пение мало чем было лучше верховецкого, пляска сперва такова же в кругу, взявшись друга друг за бок, потом так, что мужчина вел за собою всех девушек, то обвивая их около себя, то продолжал пляску извилистыми линиями, наконец, их заставили плясать попарно, и тогда этот танец очень сходствовал с нашим козачком.

Взяв с собой две поцу́лицы (женские шапочки), кудмик[4] и за́прегу (передник, деланный на манер наших малоросс[иских] платьев из шерсти), мы возвратились домой. При лунном свете здесь, в гористых местах, было весьма приятно ехать, и лошади, услышав каждая свое собственное имя, как на гору, так и под гору едучи, тотчас повиновались своему хозяину.

В дали, в виноградном саду, под горою виден был большой огонь. Причиной тому был завтрашней Иванов день, пред коим здесь, так же как и в других землях разводят огни и прыгают чрез оные. Тут я вспомнил о Мариенбурге[5] в Лифляндии, где я у барона Фитингофа[6] видел пляски в сей вечер (1821 г., однако по старому стилю). В 1820 г. я был в сей день на Эмилиановке[7] близ Санкт-Петербурга, где на берегах Невы также зажигали огни, смоленые бочки и пр.

По возвращении домой мы пошли еще на бал (городской), на котором играли прибывшие сюда из Праги богемцы — все известные музыканты. За вход 20 крейцеров Г. А.[8] (40 коп.), и действительно было несколько пар, танцевавших вальс — в шляпах и без оных. Две пары танцевали также венгерскую пляску — среднее между русскою и мазуркою.

[1] Цицвара делается из двух куриных яиц (два яйя кокошля); кукрузной муки и каймака (сливок). (Примеч. авт.)

[2] Алоис Блумауер (1755–1798) — немецкий поэт, иезуит.

[3] Некоторые названия приведены: *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* Указ. соч. С. 71.

[4] Вероятно, кудмен — кожух, верхняя одежда из овечьей кожи, без рукавов.

[5] Гатчина.

[6] Вероятно, имеется в виду Борис Иванович Фитингоф-Шель (1767–1829) — ботаник.

[7] Возможно, речь идет о р. Емельяновка в современном Автово (Санкт-Петербург), впадающей в Невскую губу.

[8] Обозначение общегерманской монетной системы.

12/24 июня, Брод[1]. Поутру мы отправились в Брод, пограничную крепость, но весьма не крепкую. Местоположение ровное, но приятное. Купаться в реке Саве приятно. Берег постепенно покатист вниз и дно твердое, только несколько каменистое. Купаешься за шлюзом, за крепостью и недалеко от мельницы; жаль только берег не чист. Река Сава довольно велика. Противоположный берег был совершенно виден: с оного приветствовали нас бесчисленные вороны, коих однако в вечернее время при вторичном купании мы не слышали. Приезжающие сюда только для торговли продают вещи в огороженном месте, а прочие должны оставаться в карантине 2 недели и более, смотря по донесениям австрийских консулов в Турции (см. Чапловича Slavonia, II, 333 p.).

Мы обедали здесь очень хорошо, за столом Гейзерская вода <нрзб. > с хорошим белым, несколько крепким вином составило нам напиток. Последнего мы кроме менишского аусбруха[2] опорожнили 5 зайделев (2½ бутылки), а десерт состоял из смородины двух сортов, вишен и абрикосов.

После обеда я занимался журналом, а А. С. [Березин] пошел в крепость, в которую его впустили тогда только, когда он с квартиры принес паспорт.

13/25 июня 1822 г. Отсюда в Эссек мы ехали почти целый день. В Дьяковаре[3], где имеет пребывание католический епископ, мы только отобедали.

<...>[4]

Эссек. 14/26 [июня] Эссек и Петервардейн некогда назывались гробницею немцев (Csapl., I <пропуск>[5]), но Чапл[ович], упоминая о сем, приписывает болезни их новому образу жизни. Надеюсь, что русские здесь не найдут еще могилы. Мы в Пожеге не пили воды источника Фратровица, одаренной силою удерживать в Пожеге всех тех, которые оной напьются (Csaplovics., I, 34).

<...>[6]

Эссек городишко самый бедный; все четыре города, ибо он рассеян как Киев, не стоит думаю Подола, хотя в нем домы, может быть, есть и несколько получше. Крепость окружена тремя рвами, но он лежит на совершенно ровном месте. Улиц очень мало, на одной площадке печальный святой, на другой монумент Св. Троице и Отец, как обыкновенно[7]. Представлен в треугольнике. Мост через Драву разобран. От нашей квартиры в верхний город (Ober Varos), то есть от Креста (трактира) до оного я шел почти час [до] места, а нижний

[1] Славонски-Брод (Хорватия).
[2] Вино из заизюмившегося винограда.
[3] Джяково (Хорватия).
[4] Опущен список местных гор
[5] Страница не проставлена Кеппеном.
[6] Опущены барометрические измерения.
[7] Для барочной традиции эпохи Контрреформации.

Эссек опять от крепости лежит в некотором расстоянии. В самой крепости почти одни только солдаты, расположенные в казармах.

В Эссеке мы застали Келпера, который был в Санкт-Петербурге, в Лондоне, в Париже, Штокгольме и Копенгагене. Человек несколько для меня подозрительный; говорит по-немецки и по-французски... Не тот ли Генрих Фогель? Только под другим именем, который, обокрав канцлера, был выслан из России.

Сирмия. 15/27 июня 1822. <...>[1]

Левым берегом Дуная ближе от Эссека к Петервардейну, нежели правым. Тут переправляются обыкновенно близ Дальи[2]. Но лошади не так быстры как в Сирмии, то есть на правом берегу Дуная, где кучера при форшпане едут полстанции на лошадях, закованных в железо. Сих лошадей вуковарских жители называют турецкими (они черной масти).

В Вуковаре во время бури, заставшей нас в Шиклоше[3], поломало много деревьев; посрывало крыши и из шестнадцати мельниц 12 совершенно потонуло или истреблено.

Нейзац[4]. 16/28 июня 1822 г. Из Новосела[5] мы Бачским комитатом далее к Нейзацу. <...>[6] Везде мы находили много немцев (швабов), но село Чеб в особенности отличалось опрятностию дворов и постройкою хижин. Здесь жили немцы и мадьяры. В Гложане, в трактире я застал одни только лица, которые послужили мне вместо обеда. Отсюда мы уже вместе отправились чрез *ry Futak* и *o Futak*[7] в Новый Сад или Neusatz (Neoplanta), описанный Шамсом в книге: Topografische Beschreibung von Peterwardein und seine Umgebungen. Ein Beitrag zur Landkunde Syrmiens von Franz Schams. Pesth, 1820. 171 s. 8[º][8] на с. 82...

17/29 июня мы поутру ходили в Петервардин и познакомились с нейзацким аптекарем Кербером, а после обеда сходили к г. Шафарику[9], директору сербской гимназии, которого однако не застали дома (к нему имели мы письмо от г. Коллара[10], пастора в Песте). Потом мы пошли в Петервардейн, где пред

[1] Вновь опущены записи о барометрических исследованиях, а также упоминание о ссоре при расчете с квартирной хозяйкой.
[2] Даль (Хорватия) — город на правом берегу Дуная.
[3] Вуковар — современная Хорватия, Шиклош — Венгрия.
[4] Нови Сад (Сербия).
[5] Бачко Ново Село (Сербия).
[6] Барометрические исследования, и рассуждения о венгерском присутствии.
[7] Предположительно, Футог — пригород Нови Сада, через который лежал путь Кеппена. Возможно, игра слов: futok (венг.) — я бегу.
[8] Кеппен пользовался «Топографическим описанием Нови Сада и его окрестностей» Ф. Шамса, изданным в Пеште в 1820 г. в том же издательстве, что и книга Чапловича.
[9] Чешский славист Павел Йозеф Шафарик (1795–1861) служил директором Новисадской гимназии до 1833 г.
[10] Ян Коллар (1793–1852) — словак по происхождению, идеолог «славянского возрождения», поэт, создатель теории «литературной взаимности». На полях выписка из письма (?).

квартирою главнокомандующего играла музыка разные пьесы из *«Сорока-воровка»* Россини и пр. От музыки я пошел на верхний крепостной вал, к часовой башне. Какая чудесная картина представилась отсюда глазам моим. Все окрестности величественного Дуная мелькали предо мною при заходящем солнце[1]. Служивой, поведший меня на другую сторону крепости по валу, однако, спросил меня, не инженер ли я. Крепость неприступна; она построенана серпантинной горе и окружена глубокими валами. Вид сей крепости см. в сочинении г. Шамса.

С описанием Петервардейна (Peter-var, то есть Петер-бург) г. Шамс соединил описание Нейзаца и Фрушковой (врушка) горы (с. 22–38 и 61–81). Последняя или, по крайней мере, находящиеся на оной монастыри описаны также Чапловичем... (ч. II, с. 181–200).

Вчера мы не успели побывать у главнокомандующего пограничными полками, фельдмаршал-лейтенанта барона Сигенфельда[2], к которому рекомендовал нас граф Брайда. В 9-м часу мы отправились к нему, но застали его уже идущим в церковь; он прочитал письмо, сказал, что радуется нас видеть, и продолжал путь. Желание наше побывать в Белграде, по его мнению и совету, не может быть исполнено...[3]

К обеду мы отправились в Карловац для засвидетельствования нашего почтения там пребывающему архиепископу Стефану Стратимировичу[4]. Он принял нас благосклонно и оставил у себя обедать. За столом он изъявил желание получить из России учебные книги для духовных училищ; бранил Вука Стефановича [Караджича], не отделившего славянских речений от простонародных, более турецких; был доволен трудами Российской Академии и дозволил мне видеть грамоты и библиотеку.

В числе грамот древнейшие 1302 и 1348 гг., но первая писана на бумаге и посему, должно быть, копия, к тому ж при ней нет печати, а есть таковая металлич[еская] (булла) при грамотах 1348–1371 гг., которые писаны на пергаменте. Я рассмотрю оные в следующую среду.

В библиотеке нашел рукопись раичевой «Истории», одобренную венскою цензурою к напечатанию[5].

Преосвященный советовал нам объехать монастыри Фрушковой Горы следующим образом: Каменица[6]; мон[астырь] Раковац, м[онастырь] Беочин, оба на сев[ерной] стороне Фрушки горы, а потом с южной стороны: Привина глава,

[1] Сей вид см. в шамсовом описании Петервардейна на с. 21 и пр. (Примеч. авт.)

[2] Ошибочное написание, исправленное автором дневника ниже. Генрих Берзина фон Зигенталь (1762–1831) исполнял обязанности командующего славоно-сремской Военной границей с 1813 г.

[3] Речь командующего на французском.

[4] На полях примечание: «В описании рукописей графа Ф. А. Толстова упоминается о Карловичах на с. 142».

[5] Сам Раич жил в Ковилье (монастыре). (Примеч. авт.) «История» Раича была издана в типографии С. Новаковичем (см. о нем ниже) в 1794–1795 гг.

[6] Сремска Каменица в городской зоне современного Нови Сада.

Кувеждин, Шишатовац, Бешеново, Язак, Вердник (или Раваница), Опово (старое Опово уже не существует), Гергетек, Крушедол, Ремете. Но Привина глава, по словам секретаря митрополита г-на Беницкого, лежит слишком далеко, почему едва ли нам можно будет побывать в оном.

19 июня / 1 июля. Фрушка гора: mons almus[1] ср. Shams <нрзб>. Мы странствуем по монастырям, постимся (в Петровку) и беседуем с монахами о предметах духовных и светских, а особенно об урожае вина и добрых качествах оного[2]. В монастырях на северной стороне Фрушковой горы в Раковаце и Беочине мы нашли очень мало. Отправившись из Новосада (Нейзаца) чрез Петроварадин и полюбовавшись с горы видом сих двух городов, мы остановились на время в Каменице при церкви, которую для нас открыли. Но здесь древнего ничего нет, ибо церковь построена при Марии Терезии (и Франциске[3], супруге ея) в 1742 г., а строительской [до] 1758 г., как явствует из надписи на мраморе, вделанном в наружнюю стену церкви.

О Каменице см. Шамса Описание Петервардейна, с. 75 здесь в Каменице рожден был Янкович де Мирево: 2-й <?> издатель сравнит[ельных] словарей[4].

В Раковаце церковь Козьмы и Домиана (6 июня) и часовня Покрова. Здешнего архимандрита Георгия Хранислава мы вчера видели за столом у митрополита — он и ныне был у него же: вот почему мы не могли видеть ни библиотеки, ни находящейся в оной исторического известия о сем монастыре. Монахи уверяют, что оной построен за 340 лет пред сим в дни Иоанна Деспота сербского[5] каким-то министром его *Рака*, от коего будто бы и получил название. Здесь есть разные предметы 1702 г., привезенные из России, между прочим и несколько образов, в оное время писанных в Москве, напр[имер] обр[аз] Козмы —Демиана (на дереве).

Монахи утверждают, что лучшее вино на Фрушковой горе родится на принадлежащем им *Салаксия брегe* (горе).

<...>[6]

На пути к Беочину, так же как и во всей Славонии, Сирмии и во многих местах Бачского комитата мы много находили слив, саженных рядами, обыкновенно вовсе неогороженных. Их много потому, что плоды сих деревьев служат для делания сливовицы (водки). Тут же встречали мы и довольно кукурузы, но нигде так много мы не видели как около Балатона и в Бараньевом комитате...

[1] Латинское название: Благая Гора.

[2] На полях примечание: Сношения с Грециею чрез монахов. Карамз[ин]. V, 116.

[3] Франц I Стефан (1708–1765) — глава Священной Римской империи с 1745 г.

[4] Янкович-Мириевский Теодор (1740/41–1814) — педагог, просветитель, в 1782 г. переселившийся в Россию по приглашению Екатерины II. См.: *Лещиловская И. И.* Федор Иванович Янкович де Мириево (Мириевский) // СА. 2004. М., 2005. С. 36–44.

[5] Иоанн (ум. в 1503 г.) — последний сербский деспот из рода Бранковичей.

[6] Опущено упоминание о местном пустыннике, каменоломни и посещении горы Градицы.

<...>[1]

К Шишатовцу я приближался с особенным удовольствием потому, что надеялся увидеть здесь сербского Горация (по словам Вука Стефановича) Лукиана Мушицкого[2], который здесь архимандритом. Я нашел в нем преревностного сербина-славянина, который занимается и русской словесностью, имеет Державина и других поэтов, но Жуковского и Батюшкова не читал. Последнего здесь и по имени не знают. И он, подобно митрополиту, сердится на Вука за то, что сей поместил в своем словаре неприличные слова, выражения и песни, употребляемые только чернью в Сербии, чем, по мнению их, Вук предал поруганию свою нацию. Митрополит даже сердится и за то (кажется), что Вук поместил в словаре не одни славянские выражения, но и турецкие и болгарские, вкравшиеся в язык сербский. Но как же мне, например, понять язык иного серба, который употребляет сии слова, которых я не могу отыскать в словаре, напр[имер]: *киша* — дождь[3], *чекай*, *почекай* — подожди, *фришко* (frisco) — скоро, скорее и т. д. Оставим это, но заметим, что Вук, говоря о славянофилах[4], утверждает, что они не следуют никаким грамматическим правилам и что для них была бы наисильнейшая казнь, если бы их заставили сочинять грамматики на основании собственных, изданных ими сочинений (напр[имер], Аф. Ив. Стойковича[5]). Ибо они сами спрягают и склоняют одни и те же слова различно. Вук, впрочем, писал свой словарь в Шишатовском монастыре у Л. Мушицкого, на которого ныне серб сердится. Отцы даже не дают детям (особливо дочерям своим словаря его[6]), потому что Вук излагает в нем такие вещи, о коих и не всякий медик станет говорить (слова митроп[олита] Стратимировича и архим[андрита] Мушицкого). Мушицкий думает еще публично оправдаться[7] и старается об очищении сего словаря. По изданию песней он отдает Вуку всю справедливость. Все винят г. Копитара[8] — как цензора и участника в труде Вука.

Г. Мушицкий давно уже занимается историею сербской литературы; не хочет, однако, издать оной, доколе не выйдут в свет еще разные книги, коих в сербской словесности недостаток. (О сомнении том: Памятник мужем у славено-

[1] Опущено посещение Беочина.

[2] См. вступит. статью о Дибиче.

[3] На полях добавлено: ватра — огонь.

[4] Имеются в виду сторонники «славянской» ориентации в литературно-языковом строительстве во главе со С. Стратимировичем, противниках реформы Караджича. См.: *Белов М. В.* У истоков... С. 136–152, 407–452.

[5] Атанасие Стойкович (1773–1832) — ученый и писатель, сторонник славено-сербского языка, профессор и ректор в Харьковском университете, автор первого сербского учебника по физике.

[6] Иные, заплатив деньги, не взяли книги. (Примеч. авт.) Здесь и далее аллюзии на недовольство обсценной лексикой в «Сербском словаре» (1818) Караджича.

[7] Жаль, что в сербское периодическое сочинение в Вене прекратилось — оное издавалось Давидовичем. Чапловича Славонию. Ч. II, 295. (Примеч. авт.) Д. Давидович и Д. Фрушич издавали в Вене газету «Новины сербские» (1813–1822).

[8] Ерней Копитар (1780–1844) — словенский лингвист, вдохновитель реформы Караджича.

сербском книжеству славным; см. Чапловича[1], II, с. 265 и пр. и о литературе, и писателях сербских с. 265–297.) Мушицкий главною из од своих, кажется, почитает ту, которая писана им к Добровскому на случай издания сим ученым славянской грамматики, к которой и он, по выходе русских рецензий, намеревался издать свои примечания, сообразив оные с рецензией Копитара, которая помещена в Wiener Jahrbücher der Literatur, 1822. Bd. <пропуск>S. <пропуск>

<...>[2]

В сем монастыре монахов 5 человек. Тут около Гергуревцы, по словам некоторых, император Проб (Probus) насадил первый виноград[3].

Описание сего монастыря у Чапловича. Славония. Ч. II, 181–184.

Мы отобедали в доме одного здешнего жителя, куда принесли привезенных с собой гусей и пр., и по обеде архимандрит Мушицкий с нами отправился в Бешеново, куда надлежало ехать ему по собственным своим делам. На пути он много говорил о славянах; доказывал, что сербы суть истинные славяне, если русские не могут присвоить себе сей чести. Говорил, что желал бы издавать *Сербский вестник*, — знакомить сербов с их собственною и с российскою литературою и т. п.

Наконец через селение Бешеново мы дотянули до монастыря того ж имени, в котором однако ж не нашли ничего любопытного[4]. Игумена Нестора Иоакимовича, урожд[енного] волоха, не было дома. Мы простились с г. Мушицким и, проехав мимо Язака (где игуменом какой-то Дионисий Чупич), поздно вечером прибыли в Врдник или Раваницу. <...>[5]

Вердник монастырь, или Раваница. К Верднику[6] монастырю мы прибыли уже поздно. Златая полная луна в величественной тишине под г[орой] малой за высокими итал[янскими] тополями[7]. Но прекрасной картины для нас было мало, нам хотелось есть и пить и иметь квартиру для ночлега, а в заезжем доме ни комнаты, ни мест никаких не было. Оставалось отправиться прямо в монастырь. В монастыре тут по счастию нам встретился молодой монах, знавший по-русски.

[1] Которое [сомнение?], по уверению Вука, почерпнуто им из тетрадей Мушицкого, когда сей был его учителем. (Примеч. авт.) Ранее упомянуто, по-видимому, сочинение: *Соларић П.* Поминак книжеский о Славено-Сербском в Млетках Печатанию, великому и благословесному славено-сербскому народу и мудрым его свакога звания Предстателем и Просветителем. Млетки, 1810.

[2] Опущено описание местных древностей.

[3] Село Гргуревци (Сремска Митровица, современная Сербия). Римский император Марк Аврелий Проб (276–282) отменил запрет заниматься виноградорством за пределами Италии.

[4] О некоторых рукописях см. Добровского «Грамм[атика]». С. XIX. (Примеч. авт.)

[5] Опущены мелкие топографические подробности.

[6] Митрополит Стратимирович производит название Вердник от слова «верх». (Примеч. авт.)

[7] По-сербски яблань. См.: Народна серсбка песнарица. С. 2. № 3. (Примеч. авт.) Указана одна из первых фольклорных публикаций В. С. Караджича.

Он отвел нас к наместнику (казначею), ибо игумена не было, который, не вставая со своего седалища, сказал нам, что мы можем оставаться в странноприимной комнате и отужинать с ними вместе за трапезою. Поздний стол был недурен, а нам всем очень хотелось есть, и так дело пошло на лад. Чем далее, тем приступнее делались монахи, а мы, отужинав, пошли на нашу квартиру.

Благодаря молодому монаху, который прибыл сюда из Св. горы (Афонской), мы получили две комнаты. Он сам при турецком нападении с 130 другими богомольцами и монахами ушел оттуда морем в Триест. На пути, продолжавшемся три месяца, они должны были пристать Анконе[1], а карантин 20 или 28-дневный выдерживали в Триесте. Потерял не более ¼ года жизни. Еще за несколько дней до нашего приезда из Афонской горы чрез Вердник прошло 3 российских монаха, которые возвращались в свое отечество. Благо, спаслись бегством.

21 июня / 3 июля. На другой день поутру мы пошли к развалинам древнего здания, находящемся на горе за час пути отсюда. Уже Чаплович заметил (ч. II, 200), что уцелевшая башня не справедливо называется turris severi[2]. Но и Шамс здесь бредит, называя оные остатками увеселительного замка императора Проба (Topogr. Beschreib. v. Petervardein etc. v. F. Schams, Pesth, 1820, 8, s. 90). Постройка таковая, как и в Крыму, нагорных замков на берегу Понта, вероятно, мусульманских (а иногда венецианских или генуэзских?). К горе, называемой Куле (то есть крепость или башня по-турецки, или Куле Брдо) провел нас малороссиянин, служивший в киевском драгунском полку, который, как сказывал он нам, был взят в плен, но боялся возвратиться к своему начальству, которое могло бы почесть отлучку его побегом. Должно думать, что он сам добровольно отлучился. Он просил меня, чтобы о нем умолчать: скройте нас, то и Бог вас скроет. Он уроженец Волчанского уезда[3], села Андреевка, из людей графа Гендрикова. Теперь, когда ему уже за 60 лет, он служит сторожем при виноградном саде, который очищает и т. д.

<...>[4]

Прежде чем оставлю монахов и монастыри, еще несколько слов об оных:

Духовенство здешнее могло бы быть гораздо просвещеннее. Об образовании оного стал заботиться преимущественно митрополит Стратимирович. К сожалению, те из монахов, которые охотно занимались бы чтением, не могут получать книг из России, ибо это не задолго пред сим запрещено австрийским правительством. Даже в Нейзаце не дозволяется печатать книг на славянском языке, а только в Офене. Это право на несколько (16?) лет уступлено было

[1] Порт в Италии.

[2] Башня Северина (лат.). Северин.

[3] Харьковская губерния.

[4] Опущено описание монастырской библиотеки, а также посещение Хопово, Герегетека и Крушедола.

государем типографщику фон Курцбеку, который продал типографию свою сербскому агенту Новаковичу, а сей уже Офенскому Пестскому университету со всеми принадлежащими или уступленными ему правами, но теперь оный срок, говорят, уже прошел, и надеятся, что нейзацкому типографщику, имеющему славянские шрифты дозволено будет печатать книги[1]. Для приуготовления монахов к новому их состоянию, в Опове основано было училище, которое однако ныне едва существует. (См. Чаповича Описание Слав[онии]). Ученее прочих во Фрушкой горе должен быть Мушицкий (в Шишатовце), Бранкевич (в Гергетеке), Крестич (в Крушедоле) и Радич в Опове. Всех монастырей в Австрийской империи (Греко-росс[ийского] исповед[ания]) говорят 29[2], из них богаче прочих Гергетек, потом Крушедол и Беочин.

Поздно уже я проехал через Карлович, а к Петервардейну приближился в 12 часов ночи. Крепость была заперта, впускают в оную тех только, которые приезжают с *трубящею* почтою, а мне, смиренно едущему, досталось ночевать по сю сторону крепости (в Мейергофахе[3] в постоялом дворе), ибо в Нейзац не было возможности отправиться.

22 июня / 4 июля: Рано утром возвратился я в Новый Сад (Neusatz) — видел, что уже около 5 часов лавки бывают открыты, и в них встречаешь хорошо одетых девиц.

Нейзац (Новый Сад, Neo Planta). Нейзац описан Шамсом в этой книге: Peterwardein u. seine Umgebungen. Pesth, 1820. 8. С. 82–88. Шамс в сем городе считает 15000 жителей. Сей городок в отношении к Петервардейну то же, что Пест к Офену. Нейзац и Пест богаче доброхотозательницами[4]. Но Шамс (может быть, по неудовольствию на свою жену, с коею развелся и которая одна живет в Петервардейне) может быть, слишком много предосудительного говорит о сем городе. См., напр[имер], окончание его книги: с. 171 или 167 и в особенности 168 (!), с. 105 и т. п. — описание самого города (см. там же, с. 82–88).

В Петервардейне — неприступной крепости — живут почти одни только служащие; мы от графа Брайды из Фюнфкирхена имели рекомендацию к командующему пограничною линиею генералу Зигенталю, который здесь имеет пребывание.

Но крепость имеет особого коменданта барона Кролцона <?>, к которому мы не явились, ибо даже не знали, что он существует. Узнали однако

[1] Типография Й. Курцбека была основана в 1770 г. в Вене с правами на 20 лет. В 1792 г. ее новым владельцем стал бывший секретарь Карловацкого митрополита С. Новакович, а в 1796 г. типография была передана венгерскому университету и перевезена в Буду. Новый подъем книгопечатания будет связан с началом издания журнала «Летопись» (1825) и деятельностью Матицы сербской, основанной в 1826 г.

[2] Из оных 13 во Фрушкой горе. См. Шамса. С. 64 с моими поправками. (Примеч. авт.)

[3] Петроварадинский майур (от венг. Major — шалаш), расположенный перед крепостью, в котором проживал обслуживающий персонал. Со временем Майур разросся и стал самостоятельным населенным пунктом.

[4] Здесь, вероятно: благотворители.

впоследствии времени, что он сим обижается и потому, послушавшись совета барона (генерала) Зигенталя явились к нему с почтением.

По рекомендации г. пастора *Коллара* (в Пеште) я посетил г. *Шафарика*[1], директора сербской гимназии в Новом Саде (Нейзаце), он показывал мне свои работы и между прочим статью о славянских языках и наречиях, которую можно бы принять в соображение при сличении прочих писателей о сем предмете. Впрочем, он и сам недоволен этою рукописью, сочиненною им в бытность в университете. Он сам словак и пред сим занимался более богемскою словесностью. Желательно, чтоб он издал составленное им собрание словацких песен, довольно значительную тетрадь, писанную против общего обыкновения не немецкими, но латинскими буквами. Вдобавок к сему у Шафарика молодая жена, на которой он женился только что перед нашим приездом.

<...>[2]

Боюсь дальнейших неприятностей со стороны пограничных начальств, ибо вчера живописец[3] нейзацким городским начальством был задержан, а на наших паспортах эти господа находили сомнительными собственноручные подписи канцлера князя Когари[4]. Мы пошли объясняться о сем к главнокомандующему на линии фельдмаршал-лейтенанту Зигентали, который некогда под предводительством Шварценберга действовал против нашего графа (тогда еще барона) Сакена[5]. Он человек очень благоразумный, знавший, что Александр не станет посылать шпионов в Австрийские владения, — позвал нас к себе обедать и извинял нейзацкое глупое начальство. Он же сказывал нам, что комендант ему говорил о русском, который был на крепости и расспрашивал об окрестных местах... Это был я, ибо руководствуясь шамсовым описанием Петровардейна, хотел насладиться прекрасным видом с верхней крепости, и солдат водивший меня по валам спрашивал, не аншенер (Ensheneur, инженер) ли я? Ибо Бог знает, кому мы показываем крепость.

Дело кончилось тем, что А. С. [Березин] отобедал у главнокомандующего, а я отправился [на обед] к митрополиту, которого, однако, по затруднению достать лошадей, застал уже за столом. Невзирая на сие, он принял меня благо-

[1] С профессором Магарашевичем, о коем говорил мне Вук Стефанович, я не мог познакомиться, ибо два раза был у него и не заставал дома. (Примеч. авт.) Георгий Магарашевич (1793–1830) — деятель сербского национального возрождения, историк, публицист и литературный критик, профессор новисадской гимназии.

[2] Опущен фрагмент о рукописи пастора Лешко (по лингвистике), задержанной к печати.

[3] Нанятый А. С. Березиным и делавший зарисовки крепости.

[4] Вероятно, Ференц-Йожеф (Франц-Иосиф) Кохари (1760–1826), получивший княжеский титул в 1815 г.

[5] В 1812 г. барон Г. фон Зигенталь (ранее у Кеппена: Сигенфельд) командовал пехотной дивизией в составе австрийского вспомогательного корпуса князя К. Ф. Шварценберга. Барон Ф. В. Остен-Сакен командовал корпусом в армии А. П. Тормасова.

склонно. Спрашивал, почему мы не были у него вчера за обедом, ибо он ожидал нас, и у него обедали главнокомандующий и майор Кевенгилих <?> (царской крови!), которые просили его для себя приготовить несколько скоромных блюд (невзирая на то, что это было в среду), он удивился, что мы так скоро объехали все монастыри.

Архиепископ Стратимирович[1] человек примечательный и в истории нашей истории, ибо Шлецер посвятил ему 2 часть своего Нестора. Он муж ученый и член Геттингенского ученого общества.

После обеда он рассматривал мое собрание русских древностей и показывал мне собственные свои сочинения в рукописях, некоторые о духовных предметах, о кормчей, о восточной церкви и т. п. Одна о днепровских порогах, написанное им по просьбе некоторого Руми, который пред тем был пастором и после того директором гимназии в Карловице[2], который сообщил оное Эверсу в Дерпт[3] для напечатания в издавав[шемся] им продолжении Миллерова[4] Собрания русской истории. Главная статья та, коею он отстоял употребление юлианского (старого) календаря, который австрийское правительство велело было переменить. Но как привилегия приверженцев греческого исповедания он отстоял сие употребление (не основательного счета по доказательствам Дионисия Малого Dionisius des Kleinen[5]). Он же занимался историей славянских букв и большой любитель этимологии. Так, напр[имер], названия многих народов он производит от *речь* или *слово*.

Славен — слово

Deutsche — deuten

Саксы — sagen и пр.

Он же сербский стихотворец. Так, напр[имер] дал он мне стихотворение Любослава и Радован или песни нравоучительные по начину простонародных сербских песен. В Будиме 1800 г. изданное Путником[6].

Он рожден в Бачском комитате, в принадлежащем его фамилии имении Кулпин (Kulpin)[7] на С[еверо-]З[апад] от Нового сада (Нейзаца) — 1757 г. 27 декабря старого штиля. Он не знает есть ли у него однофамилец в России; но это несомненно, ибо верстах в 12 от Елисаветграда живут Стратимировичи,

[1] Я называю его архиепископом, потому, что здесь и в Турции этот титул с большом почестью перед митрополичьим: — ибо сей означает только архиерея, пребывающего в главном городе. (Примеч. авт.)

[2] Карл Румия — директор Карловацкой гимназии, занявший пост после А. Вольни (см. ниже).

[3] Иоганн Филипп Густав фон Эверс (1781–1831) — историк, воспитанник Шлецера и Геерена, с 1818 г. ректор Дерптского университета.

[4] Речь идет о издательской деятельности историка Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783).

[5] Дионисий Малый (первая половина VI в.) — основоположник летоисчисления от Рождества Христова.

[6] Упомянуто имя издателя Моисея Путника. «Любослава и Радован» — образчик сербского сентиментального псевдоклассицизма.

[7] Примечание на полях: Кулпина = Кулпинка. Ср. р. 39.

коих имение также называется Кулпинка. Несомненно, что это были единоплеменные венгерские дворяне, поселившиеся в Херсонской губернии. Я у них неоднократно проживал по несколько времени.

Митрополит неоднократно разговаривал с имп[ератором] Францем[1], который пред великим конгрессом спрашивал его, останется ли в Вене или поедет обратно в Карлович. Политика заставила его ответствовать, что возвратится домой, если не получит повеления Е[го] В[еличества] оставаться в Вене. Делайте как угодно: был ответ — и он удалился до прибытия Росс[ийского] Двора. См. в сем отношении стр. 49, 51 и пр.

Секретарь г. Стратимировича г. Беницкий (Hr. v. Beniczky) уроженец словацкий, но лучше говорит по-немецки, нежели по-славянски или словацки[2]. Чапловичу он наиболее сообщал известия о монастырях и т. п. и сей за то об нем упоминает по случаю делания сужука[3] (Syrmier <нрзб. >) Slavonien I, 153.

И он в свою очередь любитель словопроизводства и занимается римскими древностями, он разные названия римских колоний и мест [производит] от славянского языка. И может быть не без оснований, напр[имер] Pioludes Volcea — волчьи болота. И <нрзб> есть еще вукова (волчья) река и т. п.

<...>[4]

Намереваясь идти в библиотеку (см. стр. 30), где я желал рассмотреть рукописную историю Бранковича[5], из коей много почерпнул Раич при сочинении им Сербской истории, и рукописи времен архиепископа Даниил[6] (XIII, XIV вв.), о коей сказывал мнеархиепископ Стратимирович, он сам вошел в канцелярию и взял меня с собою к Стражилову (Straschilovos Cesma...[7]) — одному из приятнейших и самых уединенных мест из окрестностей Карловича. Воды сего кладезя пьют многие, желающие исцелиться от лихорадки[8].

[1] См. примеч. к письмам А. И. Тургенева.

[2] Йован (Johann) Карол Беницкий служил секретарем карловацкого митрополита еще во время визита к нему Тургенева и Кайсарова; последний в письмах Л. Мушицкому неустанно передавал ему поклоны. См.: *Ягич В.* Указ. соч. С. 695–700.

[3] Суджук — вид колбасы, заимствованный у турков.

[4] Опущено описание карловацкого архива: л. 26 об. —29 (57–63 — в авторской пагинации).

[5] Речь идет о несостоявшемся сербском воеводе и деспоте времен войн Священной лиги — графе Георгии Бранковиче (1645–1711), пожизненно заточенном австрийскими властями в 1689 г. Тогда и были составлены его «Хроники»: рукопись, состоящая из 5 книг и 2681 страницы. (*Радојчић Н.* О *Хроникама* грофа Ђорђа Бранковића // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ. VI. Св. 1. Београд, 1926. С. 1–39; *Ređep J.* Grof Đorđe Branković i usmeno predanje. Novi Sad, 1991; *Idem.* Geneza hronika grofa Đorđa Brankovića. Novi Sad, 2004).

[6] Св. Даниил Сербский (?–1338) — архиепископ с 1325 г.

[7] Сокращенная ссылка на немецком.

[8] Стражилово — холм и излюбленный фрушкогорский лесистый курорт в 5 км от Сремских Карловцев, знаменитый Стражиловским (эшиковачским) ручьем. «Чесма» — источник, родник, обычно в виде каменного сооружения, из которого истекает ключевая вода.

На пути от Петервардейна к Карловичу примечательна еще церковка Maria Schnee[1] (см. Шамса с. 56–59, где и изображение оной) и близ оной то дерево, к которому во время принца Евгения в 1716 г. привязан и расстрелян был взятый турками в плен фельдмаршал-лейтенант граф Breuner[2] (см. Шамса с. 59 и 90).

Возвратившись от Стражилова в Карлович мы рассматривали здешние стоги или лучше сказать стоги сена, которые по мере нужды бывают разрезываемы особым для сего ножем или инструментом[3].

В саду мы застали тронутого параличом (уж за год пред сим) г. Шанца <?>, который вместе с г. Wollny[4] собрал в Фрушкой горе более 2000 разных растений. См. Шамса с. 76.

Наконец мы отправились в дальнейший путь. Переправились чрез Фрушку гору, на которую подымаешься более часа, взошла луна, и мы в приятнейшую ночьсовершили путь до Землина, куда прибыли на другой день в 5 часов утра. Далеко влево осталось у нас устье Тиссы[5], около коего есть многие могилы, о чем см. статью[6]...

Землин. 23 июня / 5 июля 1822 г. Солнце величественно взошло над землею мусульманскую, — взошло, чтобы озарить новую брань христианства с исламизмом. Там, за дунайскими струями — царство Деспотизма и попирания прав человеческих. Видите ли крепостные стены? Это Белград, [место] пребывания Паши, имеющего права весить, отсекать головы, сажать на кол без

[1] Maria Schnee (нем.), Снежна Марија (серб.), Snežna Gospa (хорв.) — Снежная Богородица; католический день памяти (5 августа) связан со строительством базилики Санта-Мария-Маджоре в Риме. Согласно легенде, накануне этого дня в 352 г. папе Либерию и богатому господину Джованни Патрицио во сне явилась Мадонна. Она и повелела построить церковь в том месте, где выпадет завтра снег. 5 августа 1716 г. между Сремскими Карловцами и Петроварадином Евгений Савойский одержал победу над турками, в ознаменование которой подарил этой местности икону Снежной Богородицы, реплику Мадонны из римской базилики. Старая деревянная мечеть на этом месте была увеличена в размерах и превращена в католический храм. Перед ним на стволе вяза была прикреплена икона. Тут молились приезжающие сюда паломники. В 1881 г. на месте деревянного построен большой каменный храм, а икона Евгения Савойского в нем была повешена над алтарем, на цибории.

[2] Австрийский фельдмаршал Максимилиан Людвиг граф Бройнер (1643–1716).

[3] Рис. на полях дневника.

[4] Андреас Вольни (1759–1827) — естествоиспытатель-натуралист, с 1794 г. профессор гимназии в Сремских Карловцах, в 1798 г. — ее директор; преподавал математику, ботанику, минералогию с геологией, философию. В школьную программу Вольни ввел новые предметы: антропологию с гигиеной, физику и астрономию, а также наглядное обучение, экскурсии для сбора артефактов, самостоятельную работу учеников. Вольни — создатель ботанического центра в Сремских Карловцах, сотрудничал с известными ботаниками Европы. В Сремских Карловцах сохранился его «гербариум» 1797–1801 гг., остальные хранятся в Национальном музее в Будапеште. В 1817 г. покинул Сремски Карловци и переехал в Мужай (Барешская жупания, Венгрия), где стал директором завода по производству квасцов. См.: Енциклопедија Новог Сада. Књ. 5 / уредник Д. Попов. Нови Сад, 1996. С. 226–227.

[5] Тиса — самый длинный приток Дуная.

[6] Библиографическая справка со ссылкой на Чапловича.

суда, без всякой ответственности. Но долженствующего и в свою очередь быть ежечасно в ожидании видеть посланника Дивана, являющегося к нему с шелковой петлею. И там живут люди? Там, где нет следов естественного права, права священнейшего в мире. Какая же может быть там образованность, просвещение, спокойствие и счастье? Нынешний паша[1] — человек добрый, таков был и его предшественник, но второй перед ним был варвар, который в день казнил смертью до 15 человек и истребил лучших сербов, дерзнувших вспомнить, что они люди[2].

Остановившись в худом трактире и отдохнув несколько, мы пошли к здешнему начальнику, ген[ералу] Черви[н]ка (Czervinka)[3]. Он прочитал рекомендательное письмо, данное нам главнокомандующим Зигенталем, и объявил, что мы можем видеть Белград — vom Wasser[4] — с чайки (судна), которую он сейчас готов был снарядить. А. С. [Березин] сожалел очень, что не может быть в самом Белграде — а мне, не желавшему за компанию посидеть на коле, — это было вовсе безобидно.

Червенка человек очень просвещенный. Он спрашивал, нет ли с нами астрономических инструментов для определения положения Землина. За несколько лет пред сим приезжал в Землин вехабит, уроженец варварийских земель[5] (алжирской?), который делал здесь наблюдения. Он родственник алжирского дея[6] и воспитан в Париже. Когда он стал делать наблюдения в Белграде, то народ почел его колдуном, и он едва ли был бы спасен, если бы не имел хорошей рекомендации к самому паше. Непонятно, куда он впоследствии времени девался. Он с караваном отправился в Стамбул (Константинополь) и оттуда должен был возвратиться чрез Землин, но до сего времени об нем известий нет. Комендант говорил о барометрических наблюдениях и замечания его доказывали, что он много и основательно занимался учеными предметами.

От него мы пошли домой. А после обеда в коптумачь (карантин), где видели в парлатория за решетками[7] стоящих белградцев. Нам показали все заведения [и] магазины, дровяные дворы, квартиру, приемную, курения и т. д. Между тем г. Stadt-Hauptmann Fischer[8] хлопотал о судне для поездки (водою) в Оршову —

[1] Абдурагим-паша (примеч. на полях дневника). Абдурахман-паша управлял Белградским пашалыком в 1821–1826 гг.

[2] В стороне висели остатки трех грабителей, которые напали было на дилижанс и ограбили оный. (Примеч. авт.) Речь идет о прославившемся жестокостью Сулейман-паше Скопляке, который управлял Белградом между двумя восстаниями (1813–1815 гг.).

[3] См. примеч. к рапортам Ф. И. Недобы.

[4] С воды (нем.). На полях приведены слова генерала на немецком.

[5] Здесь: Северная Африка к западу от Египта, Магриб (от обобщенного наименования его жителей, принявших ислам — берберы). Вехабит — приверженец ваххабизма, движения за «очищение ислама», возникшего на Аравийском полуострове в XVIII в.; оно составило оппозицию Османской империи.

[6] Здесь: титул правителя.

[7] Решетчатая галерея, обеспечивающая карантинную безопасность, но где можно поговорить (от *лат.* parlare).

[8] Городской старшина Фишер (нем.).

и нашел одно за 297 гульденов. Ему мы обязаны многим одолжением, мы отняли у него <...>[1].

24 июня / 6 июля. В Иванов день рано поутру г. Мон<с?> отправился на военный остров с молодым купцом J. K. Czicco[2] для снятия Белграда. Мы в 10 часов опять пошли в парлаторию. Сербы обращали на нас внимание. Один старик именно для того приходил в трактир, чтобы видеть, не похож ли кто из нас на императора Александра — которого он, однако, не видел. Они здесь, так же как и в Петервардейне и Вуковаре, жалуются на дороговизну соли, стоящую до 25–27 гульденов. Тогда как из Сербии тайком можно получать оную за 4 гульд[ена]. Получают оную таким образом одни православные. Все вообще ожидают спасения от России и единоверных с ними греков, которым они рады бы пособить. Был сербин, желавший нанять нам судно для проезда в Оршаву, но полиция наняла таковое у немца Рохлица. Белградцы в карантине спрашивали карант[инных] служителей, кто мы таковы, и им отвечали, что мы приезжие из Вены. Но жители Землина все знали, что мы русские. Для того-то нас более и не пустили в Белград, чтобы на сербов не произвести какого-либо впечатления. Паша о нашем прибытии, по словам коменданта, должен был уже знать сегодня.

Сербский костюм — восточный. Мужи ходят с бритыми головами как прежние запорожцы (гайдамаки и чумаки). Женщины и летом в полушубах и юпках из аладжи[3].

По полудни мы простились с комендантом. Я отправился на остров для купанья[4], осмотрев наперед новопостроенный для местного начальства (за 45000 гульд[енов] ас[игнациями]) дом. Потом пошел в публичный сад, откуда с прочими возвратился домой.

Дунай. 25 июня / 7 июля. Поутру мы сели на корабль и отправились вниз по Дунаю в Оршову — мимо самого Белграда, значительной крепости, но не представляющей отличного вида. Мы расположились на палубе, или на крыше нашей каюты и любовались тихоструящимся Дунаем и разнообразием его берегов, из коих сербские вообще приятнее цесарских. Острова на Дунае почти все без исключения принадлежат Австрии или регементам, то есть пограничным полкам.

К обеду мы были в Панчево. Пособи Бог позабыть сей обед. И добрые люди бывают несправедливы. За деньги один бездельник готов продать честь свою. Вена, Флоренция, Швейцария, Франкфурт, Берлин, Варшава. Ни слова! Что делать, и по России ездить любопытно.

Не знали, что мы пробудем так долго в Панчеве и что даже переночуем у форс-коптумаца[5], где вышли на берег к обеду. Люди разбежались; оставалось

[1] Два или три слово неразборчиво.

[2] Сверху надписано: Чикко.

[3] Шелковая или полушелковая ткань.

[4] На берегу разговаривал я с землинцем, служившим ротмистром в чугуевском казачьем полку, Коларовским. (Примеч. авт.)

[5] Карантин (галлицизм).

их дожидаться, а они возвратились к ночи. А то бы я непременно побывал в Воловацком монастыре[1], который видно с берега и лежал за ½ часа от места, где мы остановились.

Между тем как мы дожидались наших людей, проплыло из Землина судно, набитое народом, ехавшим в Панчево к ярмарке, которая бывает здесь на Петра и Павла. Один из сербов, одетый в немецкое платье, по удалении прочихподошел к кораблю и изъявил желание поговорить со мною наедине. Я вышел на берег и тут же он стал мне говорить. «Смотрите на ту плодоносительную, богатейшую землю, она имеет все кроме порядочного правительства, христиане там в угнетении — от Петерварайна[2] до Оршавы все радо сбросить с себя иноверческое иго. Все и самой князь [Милош Обренович] готовы освободиться, но не знают, как и что начать. Россия в бездействии. Греки, которые некогда нам не пособили, а нам вредили в дни наших страданий[3], теперь просят нашей помощи, уверяя, что и Россия примет их сторону. Верить ли им? Сербы имеют 70 полков каждый до 2000 человек и около 40 000 человек приходят к ним на помощь единоверным из австрийских владений. Последним никто этого возбранить не может. Станут кресать огонь в любом месте на берегу и суда с сербской стороны, понимая их, спешат перевезти их в свои владения. За то и они православным доставляют соль за 4 гульдена, тогда когда здесь они платят по 25 и 27 гульд[енов], когда в многих селениях крестьяне вовсе не могут ею пользоваться. Со времени последней войны сербы имеют пушки и ружья со штыками, коими снабдили их русские. Сих-то не выдают они туркам и вот чем поддерживают свою свободу. Во всей Сербии нет ни единого турчина. Князь Милош (Обренович?) поселился в горах и лесах и ко Крагоевиче[4] неприятель приступить не может. С того времени, когда его изменою хотели казнить смертию в Белграде, он в случае переговоров пред стенами оного города является не иначе как с 600 или 700 вооруженных сербов ему верно преданных. Турки занимают одну только крепость по берегу Дуная. Белград теперь оне укрепляют важнее всех прочих крепостей, но и сего в один день не будет, если дойдет до дела. В нем с купцами едва более 3000 турок, [от] которых избавиться нетрудно. Турки, проходя через Сербию, нигде не останавливаются, а особливо ночевать. Их сей час отправляют на тот свет, и следов их отыскать никто не может. Соседственные селения того места, где это случилось, в свою очередь скрывают поступок своих земляков, доказывая, что и черезих деревню войско уже прошло и т. д. Никто не может и не смеет доискивать дальнейших следов. Двенадцать главнейших лиц сербских (в том числе мой тесть) содержится в Константинополе — порукою, — но это не остановило бы подвигов народа серб-

[1] Монастырь Войловица.

[2] Петроварадин.

[3] Речь идет о «фанариотском заговоре», популярной легенде, объясняющей причины поражения сербского восстания 1804–1813 гг.

[4] В Крагуевце находилась резиденция Милоша Обреновича (1780–1860), предводителя Второго восстания (1815 г.), закончившегося введением фактической автономии для сербов Белградского пашалыка.

ского. Я сам был капитаном (ротмистром) во время последней войны и спас Родофиникина, которого я тайком увез водою из Белграда в Панчево, так что и сам Черный Георгий сего не знал[1]. Я молчал. При Милоше, продолжал, много[2] греков; он сам безграмотен, но есть у него люди, знающие европейские языки. Все ему преданы. Недавно одного из его секретарей Никол[аев]ича казнили смертию за то, что пало на него подозрение в сношениях с каким-то пашою (албанским?)[3]. Нельзя было доказать, что он действительно виновен, но политика того требовала, чтобы он был казнен смертию. Я знаю права и законы европейские, но там иное дело. Я сам недавно был у Милоша. Никто этого не знает, и я не могу винить его в преступлении[»]. Мое молчание заставило и его умолкнуть. Он говорил как патриот. Мог ли чужеземец останавливать поток красноречивых, пламенных чувствований и слов. Я сам, может быть, на своем месте чувствовал то же самое. Да храни Бог Россию![4] См. на с. 84 и 99[5].

26 июня / 8 июля. Моряки проснулись очень рано и пустились в дальнейший путь. Открыв глаза, я заметил, что мы уже не в окрестностях Панчево. Около обеда мы проехали мимо Семендрии, весьма не значущей турецкой крепости[6]. Утром пили кофе и курили табак на палубе, словом на турецкой границе жили по-турецки. К ночи поднялся ветер, наступила буря и приближалась гроза. Это заставило нас пристать к какому-то необитаемому острову[7]. Матросы наши разложили огонь на берегу в кустарнике. Пошел сильный дождь... Рыба, застреленная на Дунае сего же дня, уже не годилась, мы сделали чай и по морскому правилу приправили его ромом.

ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. № 138 (Кн. IV).
Л. 2–33 архивной пагинации, 9–71 в пагинации Кеппена

[1] Очевидно, имеется в виду отъезд русской миссии во время турецкого наступления 15 августа 1809 г.

[2] Вставка над строкой неразборчиво.

[3] Речь идет о «заговоре» секретарей Н. Николаевича и Л. Тодоровича, посмевших выступить с критикой княжеского правления. Первый из них был убит 21 января 1822 г., очевидно, по распоряжению Милоша. См.: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. 2. Београд, 1909. С. 518–547.

[4] Имя его: Топлапкип Тосамошитий. (Примеч. авт.) Напротив, на полях: тарабарщина.

[5] На с. 84 (л. 39 об. в архивной пагинации) «Путевых записок» речь идет о большой значимости вероисповедания на Балканах. На с. 99 (л. 47 в архивной пагинации) — разговор с Вуком Караджичем о численности войска: «9 /21 июля. Отправившись поутру в Темишвар в сопровождении В. С. [Караджича], мы много разговаривали о сербах-славенофилах и вообще о сербском народе, который, по его словам, имеет около 30 с небольшим (а не 70 полков, см. с. 69) и может выставить более 40 000 человек, что касается до тех, которые из австрийских владений приходят на помощь сербам, то Вук сомневается и в том, чтобы из них когда-либо приходило более 1000 вооруженных сил, еще столько могло переходить по разным промышленностям, ибо сии, говорит он, не имеют уже воинственного Духа своих предков».

[6] За Семендриею проехали мимо устья р. Моравы, текущей по Сербии. (Есть несколько рек сего названия. — *Примеч. авт.*) Семендрия — Смедерево.

[7] Все вообще острова здесь представляют самые приятные виды. (Примеч. авт.)

А. С. Березин. Письма из Венгрии

Алексей Сергеевич Березин (1800–1824) — воспитанник Пажеского корпуса, поручик в отставке, меценат, финансировавший заграничную поездку П. И. Кеппена, в которой последний выступал в качестве его компаньона и участника ученых занятий. Соглашение было подписано в мае, а встреча компаньонов на пути в Австрию состоялась в декабре 1821 г. у Киева. В феврале —мае следующего года путешественники находись в Вене, а затем отправились в Венгрию, от Землина до Оршовы плыли по Дунаю, а затем снова вернулись в столицу Австрии. После отъезда Кеппена на родину Березин предпринял путешествие по Италии, на Сицилии он заболел и умер. Похоронен в Джирдженти, в ограде церкви Санта Лючия[1]. Помимо некролога, Кеппен опубликовал в издававшихся им «Библиографических листах» «Список видам, древностям и костюмам, изображенным в портфеле покойного А. С. Березина»[2]. Как подобает аристократам, отправившимся в ученое путешествие, Березин нанял художника Мон(с)а, который делал зарисовки в Венгрии, отделанные затем другим мастером Купельвизером. К сожалению, судьба этих работ неизвестна. Публикация приводимых ниже в отрывках «Писем из Венгрии» в «Соревнователе...», безусловно, состоялась также с подачи Кеппена, члена «Вольного общества любителей российской словесности», органом которого был этот журнал.

Письмо I. Дунай от Землина до Старой Оршовы

Гребцы отчалили; синева начала отделять нас от Землина; скоро мы увидели устье Савы; скоро моли отличить укрепления Белграда, высокие башни его мечетей и башни Гарема... Но прежде чем поплыву с тобою по Дунаю, должен я предупредить твое любопытство; может быть, ты ожидаешь найти в письме моем описания пышные, исследования классические? — приготовься ж читать лишь то, что друг твой видел: он видел Природу в прелестном одеянии; посему, если Поэзия украсит иногда цветами своими страницы письма его, то все им описанное снято с точностию; если ж не успел он в своей живописи, то будь снисходителен и извини слабости пера его.

Мы не были в Белграде, и ты легко отгадаешь причину, заставившую коменданта крепости Землина отказать нам в сем простительном любопытстве: мы русские, а теперь, ты знаешь, в Белграде турки. Будь же доволен тем немногим, чем довольствовался и друг твой: взгляни с ним на одну наружность Белграда.

Белград разделен на две главные части. Собственно крепость расположена на верху горы, по скатам ее и по берегу Дуная; другая часть, называемая *Низовым городом* (Wasserstadt), лежит на восток от первой. Три ряда укреплений защищают крепость: за сие турки обязаны австрийцам, кои владея Белградом,

[1] Библиографические листы. 1825. № 15. Стлб. 216–220.
[2] Там же. № 17. Стлб. 239–242.

укрепили его, построили магазины и казармы, которых крыши видны из нижнего вала. Близ сих строений возвышается осмиугольная башня *Небойся*[1]*: это белградская тюрьма*.

Читая в письме моем некоторые подробности о Белграде, ты, может быть, захочешь знать историю сего города. <...>[2]

Смотря на город сей, сожалел я об его участи. Сколько выгод могло бы здесь родиться: у стен его обильная Сава, текущая от гор Каринтии, сливает воды свои с водами Дуная; сими реками произведения Германии, Моравии, произведения богатых Карпатов, золотой Трансильвании могли бы сосредоточиться и течь отсюда на юг, в нынешние владения Турции. Сии плодоносные владения послали бы также Белграду дань своего избыточества. Родилась бы торговля, основа просвещения, и привела бы в деятельность беспечных жителей; каждый познакомился бы короче с своим краем и лучше оценил то, что теперь ускользает из рук его...

Медленно неслись мы тихою волною Дуная; мрачные мысли рождались в уме твоего друга при виде сих стен, сих укреплений, за коими господствует всевластно, подобно владыке сей страны, мертвая тишина как в нравственном, так и в физическом мире. Лишь изредка виделись два-три турка: одни сидели, поджав ноги, и курили трубки; другие лениво вели купать лошадей своих, некоторые удили рыбу или, лежа на траве, следовали глазами за течением солнца. Глядя них, я думал, что вижу одушевленную картину беспечности; пасшееся не вдалеке стадо буйволов, придавало ей более жизни.

Турки, окончив в это время обряды Рамазана и ожидая новой луны, готовились к важнейшим, а именно к обрядам *великого Бейрама*, с приближением которого пушечные выстрелы должны были возвестит народу повеление: оставить какую бы то ни было работу, и не думать более ни о чем, кроме веселия[3].

<...>

Близ турецкой деревни Вишницы[4], поворотили мы на северо-восток; здесь Белград скрылся от нас совершенно. Довольно долго плыли мы до устья Темеша (Temes)[5] и тут, привалив к берегу, пошли обедать в Панчову (Pancsova)[6], городок, в котором находится штаб одного из пограничных банатских полков. Комендант, генерал Михайлович, по собратству (он славянин), принял меня очень ласково.

[1] Так назывались все башни, кои в древних крепостях и замках, обитаемых народами славянского племени, служили тюрьмами. Подобную видели мы также в Трансильвании, в местечке *Вайде Хунвяд* (Vajda Huniad); в свободное время сообщу тебе о ней сведения. (Примеч. авт.). С названием башни Небойша в Нижнем городе белградского Калемегдана связано множество легенд.
[2] Здесь и далее опущены справочные сведения.
[3] Ураза-байрам — исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан.
[4] Пункт сообщения с Австрийской империей недалеко от Белграда напротив Панчево. См. «Статистическое описание Сербии» А. Г. Розелион-Сашальского.
[5] Левый приток Дуная.
[6] Панчево.

Возвратясь на наш плоскодонный корабль, мы располагались ехать далее, но гребцы, один за другим ушед в Панчову, находящуюся в доброй полмили от устья, оставили нас одних, и, желая там встретить приближающуюся петровскую ярмарку, возвратились только с закатом солнца. Поздно было пускаться в путь; здесь остались мы ночевать.

Пока готовили ужин, я сел на берегу Темеша; вблизи спокойно тек Дунай; едва приметен был поток его: тихая волна, ударяясь о берег, рассыпалась по песку. Рог луны, поднявшись на свод небесный, устремлял бедный свет свой в зеркальную поверхность Дуная и осребрял собою туманный покров, накинутый на места уединенные; прибрежный огонек сливал яркий блеск свой с светилом ночи... вокруг все было тихо... неизъяснимая природа! Что более священного твоего спокойствия может наполнять душу сладчайшими воспоминаниям? Кто более утешит странника на чужой стороне, вдали от друзей, от Отечества?..

В следующий день нашего плавания венгерские берега ничего не представляли взору, кроме пространной степи. Зато крутые берега Сербии, покрытые живою зеленью, быстро мелькая одни за другими, прельщали нас разнообразными, восхитительными своими видами; но и они, с приближением нашим к Семендрии[1], сказали нам жестокое прости. Вот судьба путешественника! — думал я, окруженный сими малочисленными и холодными предметами. Ему говорят: ступай туда; там ждут тебя красоты Природы; там увидишь ее в полном блеске, там она вознаградит тебя за разлуку с Родиною, друзьями. Он ловит слова сии, стремится туда; и что ж видит, что находит там? Повсюду и во всем лишь — русскую пословицу: *славны бубны за горами*.

Чем же наполнить тебе нынешний день? Описать ли тебе сложенную из досок каюту нашу, где два стола завалены бумагами, книгами, картами здешних мест, рисунками; где подле книг кусок сыру, а под скамьями кувшины с минеральными водами? Сказать ли тебе, что наверху сего сквозного домика — наша палуба, где мы пьем кофе, подмешивая в него яичный желток вместо молока и курим трубки, в ожидании каждую минуту видеть чудесную Природу, и, разумеется, ничего не видим: даже зрительная труба ничего не обещает впереди. Наконец, описать ли тебе Семендрию? — мой друг! Как в развалинах сей крепости, так и во всем прочем, все так пусто, — что сказать тебе еще два слова, и ты не захочешь читать далее. Скажу лишь, что мы здесь были не плаватели по реке, а точные мореходцы: на Ледовитом океане, по крайней мере, видишь льды, белых медведей; а здесь... Скорее пробегу этот скучный день, который после жестокого зноя кончился сильною бурею, заставившею нас причалить к большому острову Острова (Ostrova)[2], давшему свое название и деревне, на нем расположенной: тут мы провели ночь в музыкальном сообществе комаров.

<...>

[1] Смедерево.

[2] Остров, образованный рукавом Дуная, рядом с Велико-Градиште.

Уй Паланка[1], деревня, где насилу достали мы вина! Суди же, какова она должна быть? Здесь производится торг скотом, переправляемым вплавь через Дунай, который в сем месте довольно широк. Вода есть карантин для скота; но впрочем, во время чумы запрещен и сей способ, так как и всякое сообщение.

Прописав паспорты, пустились мы далее. Чем ближе к Оршове, тем ландшафты становятся восхитительнее. Тут, за Нерою[2], виден на самом берегу Бациашский (Baziach) монастырь, под свесом горы, или лучше, под свесом зеленого леса. Вот место, единственное для людей, посвятивших себя уединению; ничего не может нарушить тишины священной сей обители, и самый шум волн Дуная не развлекает думу отшельника, но погружает душу его в большую задумчивость: волна, выброшенная к ногам его, есть для него собственное его подобие.

После шести часов плавания, подъехали мы к Старой Молдаве[3]. Это — огромное ничто: тут любопытный взор не встретит себе препоны; зато к горному городу Молдаве и во внутренности гор Банатского хребта найдет он все, чем Природа богата в простом, но изящном виде своем. <...>[4]

Письмо II

<...>

Дунай то стремился мимо темных скал и, с яростию ударяясь о подошву их, пенился, шумел вблизи, шумел в отголосках; то вдруг, как бы наскучив сею теснотою, раздвигал утесы, образовал заливы, озера и гордо тек между рядами гор, пестреющих свежею зеленью дуба и бука, коврами диких цветов, белыми стадами. Тут взор, окруженный со всех сторон препонами, возносящимися к облакам, не открывал выхода; тут, казалось, конец Дуная; но он снова разрывал цепь утесов и мы с торжеством неслись под вратами, устроенными Природою своему любимцу. Словом тут каждая точка зрения — новый предмет для кисти художника. Но между всеми сими заливами, там, где из-за зеленого леса выказываются крыши сербской деревни Берницы[5] — там все Поэзия! Это прелестное местоположение тщетно бы стал прикрашивать живописец: его старалась украсить сама Природа, — и что с нею сравниться?..

[1] *Уй* (Uj) по венгерски значит *новая*; а *Паланкою* (Palanka) называется по-сербски *местечко* (Mittelding zwischen Dorf und Stadt; *см.* Словарь Вука Стефановича [Караджича]). Впрочем, и Вук Стефанович поставил при сем слове звездочку, означающую чужие слова, введенные в сербский язык. Всех таковых *Паланок*, по одному оглавлению Липцкого, встречается в Венгрии девять. (Примеч. авт.). Современная Банатска-Паланка (Сербия).

[2] Еще один левый приток Дуная.

[3] Молдова-Веке (современная Румыния).

[4] Опущен фрагмент о посещении Голумбацкой (голубацкой) пещеры и связанных с ней поверьях о вредоносных мухах (Simulium raptans golubacense), распространенных в этой части течения Дуная.

[5] Брньица на правом берегу Дуная.

Оставя влеве горную Лупкову (Gornia Lupkova), мы привалили к обеду близ долинной (Dolna Lupkova)[1]. Здесь каждый проезжий необходимо должен взять кормчего: за этой деревнею начинаются пороги на Дунае; и эта предосторожность принята со стороны Правительства.

От последней деревни течение Дуная становилось медленнее, и без двух гребцов, взятых вместе с кормчим, едва ли добрались бы мы до порогов. Не в дальнем расстоянии от Дольней Лупковы услышали мы падение Дуная; но еще далеко было до сих опасных мест. Ветер свистел в ущельях и вторил шуму падающих вод. Желая лучше видеть все, что представляли окружности, я взобрался наверх к кормчему, с журналом и картою в руках. Проходя часто места сии, он должен был знать все их подробности.

До сих пор мы плыли всё на восток; но близ самой развалины, называемой *Дринкова*, повернули на юг. Надобно сказать тебе, что от самого Голумбацкого града[2] до Оршовы правый берег представляет непрерывную цепь скал, пересекаемую изредка долинами и только двумя небольшими ручьями; почему и турки должны тянуть суда свои австрийским берегом. Сей последний представляет совершенно противное тому зрелище: тут множество ручьев стремятся по зеленеющим долинам; одна гора следует за другою; долины наполнены то пашнями, то виноградниками; здесь видишь селения, разбросанные или на вершинах, или у подошвы гор; там ручей разделяет ряд хижин, которых крыши, покрытые тростником, отсвечиваются в Дунае. Словом, здесь все вдыхает душу в предметы немые, все живет, все улыбается, — тогда как на противоположном берегу потемневшие от времени известковые горы, тысячи утесов являют страннику природу мертвую, дикую. На левой стороне видна промышленность: тут у берега стоят барки, нагруженные лесом, по берегу тянутся возы с произведениями земли; на реке встречаешь рыболовов, охотников; — на правой — глубокое молчание. В этих местах Дунай кажется путешественнику границею Европы.

С сими сравнениями плыли мы правою стороною, ибо с поворотом близ развалины начинаются водовороты и подводные камни у самого австрийского берега. Я должен сказать тебе, что суда пограничных держав вообще на пути своем по Дунаю обязаны или держаться собственного своего берега, или плыть посередине; но здесь австрийским судам невозможно наблюдать сего правила.

<...>

Наконец, поворотив налево, кормчий схватился за руль; бот начал качаться; волны, стремясь одна за другою, дробились об остроконечность его; Дунай бросал к нам пенистую волну; все вокруг шумело... Но шум утих; вскоре волна снова начала сильнее колебаться: это был второй порог — и сей проехали мы благополучно, так как и третий, опаснейший прочих. Тогда оставя вправе высокий утес, составляющий угол, где во время возмущения Георгия Черного стояла *Миленкина*[3] батарея, защищавшая сии тесные места Дуная против сил турецких, въехали мы в пространнейший разлив реки и, пробравшись мимо камней четвертого порога, повернули на северо-восток и привалили к берегу близ деревни Свиницы[1]. В сем заливе, вдалеке, близ самого турецкого берега находится остров Пореч (Porecs), знаменитый развалинами (коих, впрочем, нет и следов), называемыми *Миленкиным градом*: здесь жил сей друг и товарищ Георга[2].

Свиница известна своими винами, особливо белым, которого однако ж мы не нашли; красное очень хорошо. Здесь была станция кормчего, и мы взяли другого для пятого и последнего порога. Свиница расположена у подошвы *Чердака*, который по всей справедливости заслуживает сие название: Чердак есть самая высокая гора из сего ряда прибрежного хребта[3]. Древняя Свиница есть самая южная точка Венгрии: от нее мы повернули влево и поплыли на север.

За Чердаком Дунай омывает подошвы гор Венца и Высокого Крша — то есть креста, как сказывали провожатые; но, по Словарю Вука Стефановича [Караджича], это значит ил, наносимый водою во время разливов (Das durch ausgetretenes Wasser Angeschwemmte). Здесь увидели мы развалины, называемые Трикулье (Trikulie, *три башни*), кои доныне еще существуют.

Наконец подъехали мы к самому широкому и не менее третьего опасному порогу. Влеве возвышалась гора Цырны выр (*выр* значит водоворот); вправе Главица в виде правильного конуса. Мимо сего порога мы должны были пробираться близ самого турецкого берега, и здесь проехали мы без малейшего препятствия. Дождик начинал накрапывать и вскоре полился, как из ведра; гром грянул и отозвался в утесистых берегах Дуная; гроза принудила нас искать убежища близ берега, невдалеке от деревни Диссовицы. Беспрерывная молния освещала окрестные скалы... Как кончилась гроза, не знаю: сон странников крепок.

29 июня

Сегодня друг твой в последний раз следовал за потоком Дуная, в последний раз любовался красивыми его берегами; взгляни и ты со мною в последний раз на сии места.

<...>[4]

Соревнователь просвещения и благотворения.
Труды высочайше утвержденного вольного общества любителей российской словесности. 1823. Ч. XXII. С. 23–25, 30–39, 49–56

[1] Львобкова (современная Румыния).
[2] Голубацкая крепость (Голубац).
[3] Имеется в виду Миленко Стойкович.

[1] Левый берег Дуная, современная Румыния.
[2] Учитывая характер отношений двух вождей сербского восстания, формула явно неверна.
[3] Джердап — ныне национальный парк Сербии. Его главная достопримечательность — Джердапское ущелье, по которому протекает Дунай.
[4] Опущен фрагмент о посещении пещеры Ветерань и Траяновой таблицы, высеченной в скале на турецком берегу, где путешественникам впервые пришлось вступить «на землю единоплеменных славян-сербов» (с. 60), впрочем, с ними самими Березин и Кеппен так и не встретились.

К. К. Зейдлиц.
Воспоминания о турецком походе 1829 г.

Карл Карлович Зейдлиц (1798–1885) — прибалтийский немец, родившийся в Ревеле и учившийся в Дерптском университете, выдающийся врач, друг и биограф В. А. Жуковского. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. главный врач 2-го армейского корпуса. По окончании военных действий короткое время состоял врачом посольства в Константинополе. Мемуары об этом эпизоде биографии представляют собой скорее записки, чем воспоминания, во всяком случае, текст, со всей очевидностью, опирался на какие-то путевые записи[1]. Для публикации отобраны фрагменты о встречах автора с местными жителями.

От Шумлы[2] до Адрианополя

<...>

[11 июля 1829 г.]

На другой день дорога шла по городам и долинам, через дубовые леса, мимо древних деревьеви высоко вьющихся виноградных лоз. Налево мелькало по временам Черное море и, наконец, перед нами открылась долина с зелеными шалашами, где накануне ночевала Главная Квартира. Мы сели обедать под грушевым деревом. На нижних его ветках уже не было ни одной груши; но мой Дмитрий[3] влез на верхушку, и без жалости обломал несколько веток, покрытых плодами. Мы обрадовались и неспелым грушам. Далее дорога все шла в гору через лес: иногда попадались пашни и поля, засеянные пшеницей. Часа через четыре доехали мы до следующей лагерной стоянки и расположились тут ночевать. Мы застали несколько человек казаков и отсталых мародеров, которые поймали где-то быка и тут же убили его. День закончился чаем и чтением Гете. Это происходило на вершине одного из Балканских отрогов. Ночью было очень холодно, и мы поспешили рано утром уехать. Крутой спуск тянулся на 4 версты и оканчивался обширной долиной, по которой казацкий полк преследовал 5000-й турецкий отряд. Здесь на левом берегу ручья, увидали мы первое болгарское село. Женщины замечательно красивы: темно-каштановые волосы, огненные черные глаза и благородные очертания носа свидетельствуют об их римском происхождении. Они ласково кланялись нам, крестились и приговаривали: «добр! добр!»[4] Казалось, они этим хотели выразить свое доверие. Один

[1] Первая публикация: “Zur Erinnerungan den Türkischen Feldzug aus dem Jahre 1828–1829” (Дерпт, 1854). Отрывки из воспоминаний на русском языке были напечатаны впервые в «Русском Архиве» (кн. 1–2 за 1878 г.). Ранее Зейдлиц опубликовал медицинской отчет о балканском походе: “Beitrag zur Geschichte des Feldzugs in der Turkei in den Jahren 1828 und 1829 in medicinischer Hinsicht” (1835).

[2] Современный Шу́мен (Болгария).

[3] Денщик или слуга Зейдлица.

[4] Хорошо (болг.).

болгарин даже подал мне кусок жареного мяса со словами: «Русс добр! Русс добр!» Когда турки принуждены бывали бежать из какой-нибудь деревни, они угоняли с собой всех жителей, которые теперь сотнями возвращались на арбах, запряженных волами, в свои покинутые жилища. Долина расстилалась до самого Черного моря. Перед нами был залив Мисиврия[1], в которой флот наш стоял на якоре. За день перед тем город сдался генералу Крейцу[2]. В 8 верстах от Мисиврии нагнали мы Главную Квартиру и весь следующий день, 12 июля, отдыхали.

<...>

12 августа, Адрианополь

<...> Адрианополь лежит на песчаных и глинистых холмах по левому берегу Марицы. Эта довольно многоводная река образовалась из слияния двух рек — Тунджы и Арды[3]. При соединении их, а также и на всем правом берегу, почва низменная, плоская и болотистая; за 2500 шагов далее поднимается несколько отлогих холмов; на них расположены две или три деревни и наш госпиталь, который отделялся от города низкой равниной; в восточной ее части лежит Эски-Серай[4], а западная занята садами и предместьями. Между городом и Эски-Сераем два рукава реки образуют низкий остров, заросший великолепными чинарами[5]; тут расположились лагерем Главная Квартира и войска. Перед госпиталем стояла часть артиллерии; солдаты помещались в здании госпиталя, но скоро им пришлось уступить место больным, которые все прибывали.

Между рекою и холмами, на которых построен город тянется узкая полоска земли, составляющая продолжение города: тут живут болгары и евреи. Весною вода заливает всю эту местность. По ту сторону Адрианополя снова песчаная плоскость; только на востоке виднеется возвышение, где добывают мрамор. В городе 80 000 жит[елей], из которых половина христиане. В середине города за старыми стенами идут узкие, кривые улицы; выдающиеся надстройки домов сходятся наверху и образуют в иных местах род сплошной крыши. Вне ее улицы шире, много товарных амбаров, складов, кое-где попадаются сады вперемежку с домами; есть также торговые ряды крытые и некрытые, но площадей нет ни одной. Дома большею частью деревянные; благодаря неровной

[1] Вероятно, Бургасский залив. Месемврия — древнее название болгарского города Несе́бра (Несе́быра) на северной оконечности залива.

[2] Циприан Антонович Крейц (1777–1850) — граф, генерал от кавалерии, участник войны 1828–1829 гг. Сдача Адрианополя в августе 1829 г. стала одним из поворотных событий войны.

[3] Притоки Марицы: Сазлийка, Гиопсу, Тунджа, Эргене (левые), Кричима, Чепелар, Выча, Арда (правые).

[4] Старый дворец.

[5] Деревьев этих уже не существует более! Зимой, когда не доставало дров для госпиталя, турки позволили вырубить свою рощу. (Примеч. авт.)

почве, улицы то поднимаются, то спускаются; мостовые крайне плохи; после дождя грязь везде непроходимая. В городе множество фонтанов с свежей хорошей водой, проведенной издалека; в Марице же вода зеленоватая, мутная и для питья не годится, потому что нее спускают все городские нечистоты. За городом, внизу, у самой реки, расположены кожевенные заводы, красильни и бойни. Все другие мастерства находятся в самом городе и производятся обыкновенно на улицах. На реке стоит несколько водяных мельниц. Кругом города есть пашни, огороды; возделываются фруктовые и тутовые деревья, виноград и хлопчатая бумага; овцы и рогатый скот в изобилии; хлеб плох. Вино здесь во всеобщем употреблении, но не хорошо: в красное подмешивают для цвета сандал, а для крепости Capsicum[1]. Рыбы мало и она не вкусна, оттого что живет в мутной воде. Турки составляют только третью часть всего населения; остальные жители — греки, болгары и евреи. Болгары отличаются сильным и красивым сложением; они трудолюбивы и очень общительны. Кладбища находятся к югу от города, также на правом берегу Марицы, между городом и казармами, где мы помещались, и дальше за казармами. Наши казармы выстроены на старом кладбище: на дворе у нас из-под земли всюду выглядывали кости. Зимою, когда недоставало дров, солдаты стали их употреблять на топливо. Почва глинистая на известковой подпочве; лесов поблизости совсем нет.

<...>

8 ноября[2] утром приехал я в город в своей повозке с денщиком и багажом. Я обещал капитану Коцебу[3] захватить с собойего людей и вещи, но он еще не был готов. Орлов[4] уже уехал вперед; мы должны были ехать на Гафсу[5], Эскибабу[6], Луле-Бургас[7], в Родосто[8]. В Главной Квартире сумятица была страшная: все, сломя голову, спешили выбраться из проклятого болота. Люди и лошади барахтались в грязи по колено. Крики, ругань, удары, проклятия, все мешалось в неумолкаемый гул. Доктор Паукер[9] добыл себе громадные болгарские сапоги и с трудом вытаскивал ноги: они были в грязи с головы до колен. Наконец ему удалось найти местечко в аптекарском фургоне, и таким образом он доехал до Бургаса. Потом он писал мне в Константинополь, что они ехали 140 верст 23 дня!

[1] Стручковый перец (лат.).

[2] К этому времени Адрианопольский мирный договор был подписан (2(14) сентября 1829 г.).

[3] Ныне графу Павлу Естафьевичу. (Примеч. авт.) Этот титул был дарован в 1874 г., когда Коцебу стал Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского округа.

[4] Генерал-адъютант Алексей Федорович Орлов (1787–1862) — генерал-адъютант, уполномоченный Николаем I на заключение мира с турками.

[5] Вероятно, современный Хавса (Турция).

[6] Вероятно, искаженный Бабаэски (Турция).

[7] Современнай Люлебургаз (Турция).

[8] Современный Текирдаг (Турция) в глубине северо-западного изгиба Мраморного моря.

[9] Фридрих Август Паукер (1801–1837) во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. служил врачом в действующей армии и главной квартире.

Наконец, в 11 часов выехали и я с своим караваном, состоящим из повозки, 4 денщиков, одного грека-погонщика (суруджи) и 9 лошадей. На дорогу я купил себе турецкий кожаный дорожный мешок, сахару и баранины. Целый час ехали мы по сквернейшему шоссе в южной низкой части города, наконец, выехали на песчаную дорогу, в одном месте представлявшую сплошную громадную лужу. Я благополучно проехал верхом, но Трофима[1] угораздило попасть в яму: лошади ни с места. Мимо проезжал караван турок на буйволах; я был готов заплатить какие угодно деньги, лишь бы только вылезти из лужи, но они даже и не отвечали на мои предложения и проехали мимо. Наконец, небо сжалилось над нами и послало на выручку трех молодцов болгар, которые, вняв моим уговорам, вошли в воду, разгрузили повозку и с помощью моей прислуги вытащили экипаж из ямы. Жалко мне было Трофима, у которого только два дня тому назад прекратилась лихорадка, а теперь ему пришлось ради совершенного излечения простоять целый час в воде.

Наконец, мы тронулись вперед. Через пять верст — новое препятствие: турки, отступая, уничтожили мост через реку. Правда, в одном месте тут был брод, но от дождей вода так поднялась, что и думать об этом было нельзя. С того берега русский солдат закричал нам, чтобы мы не пробовали, потому что тут недавно провалилась коляска его барина и с лошадьми и до сих пор лежит на дне реки. Пришлось искать другой переправы повыше; наконец, у Скендер-Киойя[2] нашелся мост, и мы благополучно переехали на другой берег. Однако мы сделали крюк и потеряли два часа; уже стемнело, а до Гафсы еще оставалось 12 верст, по крайней мере, на три часа.

Дорога шла по глиняному грунту, совершенно размякшему от дождей, лошади совсем измучились, тем более что они ничего не ели с 6 часов утра. Немудрено, что через полчаса мы опять стали. На этот раз положение наше было действительно критическое: темно было, хоть глаз выколи, и никакого жилья вокруг. Между тем поднялся резкий ветер, небо заволокло снеговыми тучами. Вдруг послышался скрип немазаных колес — о, какая небесная музыка! Это ехали из Гафсы болгары в телеге, запряженной 4 волами, которых мы сейчас же сочли законной добычей, посылаемой нам самим небом. Поднялись долгие толки: болгары не понимали нас, мы не понимали болгар; наконец, я наугад закричал «да» в ответ на длинную речь болгарина, в которой, мне казалось, заключался вопрос. Тотчас же они впрягли в повозку двух волов и вытащили нас из вязкой глины. Медленным, но ровным шагом поехали мы снова, — на этот раз уже с твердою уверенностью, что доберемся часа через два до ночлега. Тщетная надежда! Несчастная наша звезда все еще была над нами, хотя и за облаком. Волы, лошади и повозка, все очутилось в ложбине. После многих напрасных попыток выкарабкаться оттуда, я, наконец, решился оставить двух денщиков при повозке, а с двумя другими ехать в Гафсу и оттуда прислать людей на помощь. Мы были ближе к деревне, чем я предполагал: через полчаса в темноте

[1] Денщик Зейдлица.

[2] Вероятно, современный Искендер (Турция) на р. Сазлы.

замелькал огонек, мы приехали в Гафсу и остановились прямо у освещенного дома, который оказался караван-сараем, гостиницей для путешественников. Единственная жилая комната хозяйская была скорее похожа на конуру, а хозяин глядел бандитом. Люди мои отправились в сарай, где уже поместились на ночь сербские купцы с товарами и лошадьми; я же вошел в комнату. Вокруг потухавшей жаровни сидело несколько человек оборванных турок, покуривали трубочки и изредка перебрасывались короткими словцами. Если бы я желал получить право присесть в этом интересном обществе, мне бы следовало тотчас спросить себе кофею, так как иного яства или пития достать здесь было нельзя. Но мне прежде всего нужна была помощь для моих людей и лошадей, оставшихся в луже. От турок я ничего не мог добиться, кроме «йок» (нет); тогда я обратился к сербским купцам, которые еще не спали. Один из них, говоривший по-русски, принял во мне большое участие, но сделать ничего не мог: турки ни за какие деньги не соглашались двинуться с места, говоря, что завтра будет время, а теперь слишком холодно. Пришлось поневоле покориться своей участи. Я вернулся в комнату и к изумлению турок выпил полдюжины чашек кофею, величиною с половины яичной скорлупы, закусывая хлебом с сыром, который мне дал Иванчич (так звали сербского купца). Кончив ужин, я растянулся на полу, но спать не мог: я беспокоился о своих людях, все время стоявших в воде; да и турки своим говором, напоминавшим хрюканье, не дали мне уснуть до 12 часов ночи. Наконец, и они полегли, но в 3½ часа утра уже встали; я думал, идут на работу, но они опять уселись, поджавши ноги вокруг жаровни, и закурили трубки.

Долга показалась мне эта ночь! Раз десять вставал я смотреть в окошко, не рассветает ли, наконец, но ничего не видел кроме снега, который под 41° северной широты выпал в эту ночь. В 8 часов проснулись и купцы; я стал приставать к ним, чтоб они наняли людей и буйволов. Поднялись бесконечные переговоры; наконец, один болгарин, взяв с меня 18 пиастров, решился с парой буйволов отправиться на помощь к моим людям. Между тем, Иванчич передал мне, что он видел дорогой несколько колясок в сопровождении казаков, гусаров и т. д., и все они отправлялись на Узункопри (длинный мост)[1]. Должно быть, это был граф Орлов, который, узнав, что дорога на Гафсу так дурна, предпочел ехать западнее, вдоль Марицы.

Только к 9 часам собрались мы, наконец, выехать. Когда мы прибыли к злополучному месту, я увидал, что денщики мои, прождав меня довольно долго, выпрягли лошадей, отвели их на берег, задали им овса, а сами завернулись в одеяла и циновки, чтоб согреться. С торжеством въехал я в караван-сарай. Можно было бы тотчас отправиться далее, так как лошади уже отдохнули, но мне хотелось угостить людей: я дал им бутылку рому. Через 5 минут Трофим был пьян: потом принесли мне известие, что по дороге в Эски-бабу турки разрушили еще один мост, и что теперь нужно ждать, пока вода спадет, и тогда можно будет перебраться. Предвиделось приятное путешествие, тем более что по дороге из Адрианополя в Луле-Бургас повстречается ровно 26 больших и малых речек, стекающих с хребта, который тянется от Сливны[1] до Константинополя, и впадающих частью в Марицу, частью в Эргенэ. Пришлось остаться на целый день в Гафсе. Я подружился с сербскими купцами, стал ходить по другим кофейням (их всего четыре), и везде-то сидела вокруг жаровни толпа лентяев, поджавши ноги, с трубками в зубах и с чашкою кофею. Турецкая чашка заключает не более двух ложек, но турок пьет ее целый час. Разговор между ними шел отрывочными фразами, без споров и шуму. Холод, наступивший так неожиданно, казалось, был им не по нутру: они все твердили: «зоок», «зоок» (холодно, холодно). Я не видал, чтоб хозяин и гости что-нибудь ели; по временам они выпивали чашку кофею и только. Кофей варился целый день на небольшом очаге в углу, но хотя огонь был постоянно разведен, комната не нагревалась, так как под очагом был погреб, и труба шла прямо оттуда на крышу. Сербы не оставляли своих лошадей; они в сарае варили себе кушанье из муки и меда или из рису и бараньего сала; мои люди последовали их примеру.

<...>

Луле-Бургас лежит на обширной речной долине Карагача[2] и имеет вид очень привлекательный. На верху склона, по которому мы спустились к северо-западу, находятся, одна возле другой, две земляные насыпи вроде холмов, и на юго-восточной стороне по направлению к Константинополю тоже две; вероятно, эти искусственные холмы служили указателями дороги в степи. Так как я опять приехал вперед, а в городе не было гостиницы, то тотчас же отправился к аяну[3] и потребовал квартиры для себя и своей свиты. Перед этим здесь стоял Рот[4] с своим штабом, потому русский мундир все еще продолжает внушать уважение, и аян тотчас же, не говоря лишнего слова, дал провожатого и велел отвести на квартиру к греку. На этот раз хозяева, напоминавшие Филемона и Бавкиду[5], оказались приветливее греков из Эски-бабе. Они сейчас же отвели мне маленькую комнату, развели огонь, но уверяли, что у них ничего нет съестного.

Приехали и мои спутники, и с ними вместе австрийская почта, при которой было 13 вьючных лошадей. Весь город сбежался на них смотреть; в толпе я увидел своего старого знакомца, сербского купца Иванчича. Благодаря ему я нашел помещение для повозки и лошадей, так как у моих греков не было никакого сарая. Ужасно надоело мне таскать с собой повозку по размытым дорогам; ее и без клади едва могла стащить пара лошадей. Один из почтовых пассажиров, маленький черный человек с огромными усами и бакенбардами и длинной саблей, болтавшейся сбоку, громко бранился и сердился, что нет лошадей.

[1] Мост Узун (Турция) в современном русском варианте написания.

[1] Сливен (Болгария).

[2] На самом деле на р. Кайнарджа.

[3] Здесь: местный начальник.

[4] Логгин Осипович Рот (1780–1851) — генерал от инфантерии, во время войны командовал 5-м пехотным корпусом.

[5] Благочестивая супружеская пара, герои «Метаморфоз» Овидия.

Так как мои вьючные лошади были также из числа почтовых и наняты только до Луле-Бургаса, то я заключил, что мое дальнейшее путешествие может, пожалуй, встретить некоторые препятствия. Я тотчас же отправился опять к аяну в сопровождении молодого грека, очень услужливого и немного говорившего по-русски. Маленький, непомерно толстый аян с отвисшим брюхом, из-под которого выглядывали поджатые ножки, точно цыплята из-под крыльев наседки, беспокойно заметался на своем диване и объявил, что лошадей он дать не может, и что приехали два сербских депутата, которых тоже нужно в Стамбул, а последних лошадей уже забрала австрийская почта.

Я вступил в разговор с усатым пассажиром и узнал, что он барон Тэста[1], служит при австрийском посольстве в Константинополе, теперь везет туда золото и думает выехать в полночь. Квартиры он себе не нашел; я пригласил его к себе напиться чаю, а сам покуда пошел к Иванчичу рассказать о своем горе. Я его застал с товарищем за столом, и он просил меня сделать им честь пообедать с ними вместе. Караван их состоял из 8 человек купцов, ехавших по заключении мира в Константинополь с товарами. Как члена посольства, которое впоследствии могло быть им полезным, меня посадили на первое место и дали салфетку. Мы уселись на полу вокруг низенького стола; Иванчич сам готовил кушанье — рисовую кашу, пилав[2] и мясное блюдо; оба последние были приправлены по всем правилам искусства. За обедом сербы, не читавшие газет, завели разговор о политике и засыпали меня вопросами. В особенности интересовал их вопрос: позволят ли им по-прежнему носить оружие? По их словам, сербы и болгары — хорошие солдаты, но беда в том, что у них нет вождей, которые бы руководили делом; будь только вождь, и они сами справятся с турками. Им казалось непонятным и непростительным, что русские, вместо того, чтобы оставить за собой занятые ими земли, отступают и снова предают христиан в руки турецких палачей. Вот теперь, говорили они, Галиш-паша <?> поехал в Адрианополь рубить головы тем, кто слишком дружелюбно относился к русским. Я их старался успокоить, представляя им, что там еще до сих пор стоят наши войска в казармах, и что государь наш, хотя и оказывает свое великодушие побежденным туркам, но имеет твердое намерение наблюдать за тем, чтоб христианам было хорошо в Турции. Они были, казалось, довольны моими объяснениями и просили позволения посещать меня в Константинополе.

Я посоветовался с Иванчичем, как добыть лошадей, и он дал мне мудрый совет, если не хочу здесь просидеть лишний день, подарить аяну свою повозку. Он уговорил меня также лучше ехать вправо на Родосто, где я еще мог застать нашего посла[3], чем прямо на Константинополь по большой проезжей дороге. Я простился с ним до скорого свидания, но, к сожалению, здоровый, крепкий

[1] Драгоман и серетарь австрийского посольства в Константинополе.

[2] Плов.

[3] Александр Иванович Рибопьер (1781–1865) — русский посланник в Константинополе до осени 1830 г.

серб умер вскоре по приезде в Византию[1]. Счастливая звезда свела меня с ним в моем злополучном странствии! Дома я уже застал барона Тэсту и сейчас же начал готовить чай. Вечер прошел незаметно в разговорах; прощаясь, я просил своего гостя, так как он, вероятно, раньше меня будет в Константинополе, рассказать графу Орлову про мое неудачное путешествие.

<...>

Константинополь, декабрь 1829 г.

<...> Благодаря русским в болгарах начинает пробуждаться сознание, что турки не полубоги, а такие же люди, и если эта мысль, подкрепленная примерами, укоренится в них, то для турок могут возникнуть многие и многие затруднения; но этим самым только что возникающим сознанием болгарского народа могут легко воспользоваться наши завистники и враги, ради собственной наживы. Уже и теперь многие болгары и греки, имеющие сношения с известными купцами, говорят, что «условия мира обманули их надежды, что мы их бросили на произвол судьбы, тогда как они были готовы нас встретить с распростертыми объятиями. На будущий раз они уже не будут так доверчивы!» На будущий раз?! Глас народа — глас Божий; я тоже думаю, что наступит и «будущий раз!» Искра будет все тлеться под пеплом: ей не дадут потухнуть недовольные нами участники борьбы на Балканском полуострове; и други, и недруги будут одинаково поддерживать огонек. Первые сожалеют о сговорчивости и умеренности нашего государя; последние кричат, что мы злоупотребляем победой! Что же было бы, если б мы водрузили свое знамя на стрелке Сераля, восстановили храм св. Софии и разместили бы свои утомленные чрезмерными трудностями похода войска в прекрасных константинопольских казармах? Англичане, конечно, уничтожили бы наш незначительный, запертый в Эносе[2] флот, но при этом и сами бы потеряли одинаковое количество кораблей и людей. Вместо того и наши и их корабли с экипажем остались целы в бухте; но мы, победители, потеряли на самом месте победы вдвое больше людей! <...>

Воспоминания д-ра Зейдлица о турецком походе 1829 г. М., 1878.
С. 35–36, 48–49, 55–59, 66–68, 80–81

[1] Здесь: в Константинополь. Византий — его предшественник.

[2] Эгейский порт.

Ф. П. Фонтон. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах

Феликс Петрович Фонтон (1801–?) — сын перешедшего на русскую дипломатическую службу в 1798 г. П. А. Фонтона — воспитывался в знаменитом в свое время Земледельческом институте Фелленберга в Гофвиле близ Берна вместе с братьями Кривцовыми, Суворовыми и Шуваловыми[1]. В 1820 г., следуя по стопам отца, он поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел, во время войны 1828–1829 гг. был прикомандирован к главной квартире (штабу) действующей армии[2]. В 40-х гг. Фонтон служил советником русской миссии в Берлине, а затем в Вене; в 1855 г. назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворах короля Ганноверского и великого герцога Ольденбургского, затем занимал такую же должность при Германском Союзе. Достигнув чина тайного советника в 1859 г., уже в следующем году уволился в отставку по болезни.

Книгу «Воспоминаний», изданную в Лейпциге в 1862 г.[3], открывает обращение к декабристу Сергею Ивановичу Кривцову (с. V–IX; датировано сентябрем 1861 г.), которому лишь недавно было разрешено жить в столицах. Автор уверяет, что публикует письма к его брату Павлу, служившему во время войны 1828–1829 гг. секретарем русского посольства в Пруссии, в «первобытном виде», но они «...не чужды стремлений нынешнего времени.

Как ты сам после почти полувекового невольного отсутствия, мог в том убедиться, подвиги у нас совершаются медленно» (с. V–VI). В этом своеобразном предисловии Фонтон рассуждает о достоинствах России, ее «молодости», необходимости полагаться на «народных дух» и не стремиться к полному единообразию в управлении громадной империей. Примером тому служит Швейцария, где можно лицезреть торжество истинного «здравого смысла» и искреннюю набожность. В целом вступление к книге отличается эклектикой взглядов, существенная часть которых застыла в сентиментальном либерализме 1810-х гг. Та же эклектика проявляется и в содержании самой книги. Учитывая литературную уловку с квазипредисловием в виде письма бывшему государственному преступнику, не стоит доверять и уверениям автора о «первобытном» содержании писем его брату. Как минимум, они подверглись литературной отделке, а в заголовке к изданию не случайно проставлено: «воспоминания». В настоящую публикацию включены лишь наиболее яркие фрагменты, характеризующие отношение автора к местным жителям.

[1] *Гершензон М. О.* Декабрист Кривцов и его братья // Избранное. Т. 2. Молодая Россия. М.–Иерусалим, 2000. С. 211–217, 228–242.

[2] В первом письме (Петербург, март 1828 г.) читаем: «Дядя мой Антон Антонович Фонтон по высочайшему повелению назначен управляющим дипломатическою частью при фельдмаршале князе Витгенштейне; твой же покорный слуга будет составлять часть этой части» (с. 1).

[3] В России она не была опубликована по цензурным соображениям, поскольку содержала критику порядков, царящих в русской армии.

XI

Айдос[1], 23 июля / 5 августа 1829[г.]

Я правду тебе писал о пестрой, разноцветной долине. В самом деле, со ската гор до самого Айдоса все поля покрыты шиповником, настоящим высоким шиповником, то есть розовыми деревьями, носящими, хотя теперь уже середина лета, душистые живописные розы.

Жителям эти розы служат не только для увеселения глаз, но они из них извлекают пользу. Из этих подбалканских роз, цветущих отсюда до Сливно, и особливо около сего последнего места в Тунженской долине[2] на обширных полях, жители составляют известное розовое масло, которое ты, вероятно, как и я, терпеть не можем, но наших прадедов восхищало.

Из этих роз, какое *цвето*татство, булгары варят пищу. Это варенье по-молдовански — дульчечы, по-восточному — шербет. В жаркие дни нет ничего прохладительнейшего и для жаждущих сухих уст приятнейшего, как ложка этих розовых дульчеч и стакан свежей ключевой воды. Это любимое туркам наслаждение, дающее им предвкусие Магометова рая.

Для нас этот шиповник имел прозаическое, пагубное воздействие! Нет розы без терна, говорит пословица, и мы колкость сей пословицы больно почувствовали. Мы, как победители, шествовали здесь по цветам. Но дорого за это удовольствие платили. Кому не ноги, тому шиповник штаны разодрал. И это последнее гораздо опаснее. По неимению сукна и портных, армия может остаться без штанов. А ты знаешь, что французы под эти разумеют.

Впрочем, как пагубно ни было это нашествие на розы, оно вместе с неимоверным числом зайцев, выскакивающих, так сказать, из-под ног марширующих колонн, расшевелило и развеселило наших солдат. Они кричали, хохотали, свистали, и всегда с помощью казаков успевали ловить зайцев.

Потом, что за Балканами одобрительно для солдат и их утешает, это, что они уже не в дикой, глухой и немой степи. Мы проходили черезпышные богатые селения. Поселяне с крестами, со хлебом и с солью, со священниками в ризах и с колокольчиками, где такие суть, толпами навстречу выходят. Женщины и девушки, обыкновенно так дикие, теснятся около рядов солдат, протягивают руки, целуют их даже. Эта хлебом и сыром, та вином подчует. Везде веселое приветствие и клики, и слезы искренней радости, так что и у многих

[1] Айтос в Бургасской области (Болгария). Был занят русскими войсками в июле 1829 г.

[2] Правильнее: Тунджанская долина — верхнефракийская низменность в Краищенско-Тунджанской зоне Балканского полуострова.

из наших полились тоже слезы, но умиления и печали, предвидя, что и этот раз неугомонная политика опять принудит нас бедный этот народ оставить туркам в добычу[1].

Да, любезный друг, в Валахии и Молдавии, по ту сторону Балканов, мы могли хладнокровно рассуждать о восточном вопросе! Здесь мы живем в нем, мы его чувствуем, чуем, пальцами дотрагиваемся до ран бедных христиан, так что самый неверующий Фома мог бы убедиться в их сущности.

Гонения, уничтожения, притеснения и насилия, которым народ болгарский подвержен со стороны турок суть неимоверные, бесчисленные, неописываемые! Тут ни образование, ни доброжелательство Порты, ни султан, ни высочайшие хаты (так называют турецкие указы) ничего не помогут. Водворение порядка и законности суть сущая насмешка. Произвол, насилия, притеснения, пренебрежение немусульманских народов, есть и пребудет вовеки веков законность мусульманской веры.

Совместность, общежитие мусульман с христианами есть повальный грех нынешнего состояния. Пока это общежитие не уничтожится переселением турок, нельзя будет и мыслить о учреждении здесь для булгар сносного порядка. Это мое искреннее убеждение; оно основано на фактах, к несчастию, очевидных.

Я тебе уже писал и повторяю. В Европе и даже у нас в России, говоря о Востоке, о турках, смешивают два различных вопроса: политический и нравственный.

О политическом вопросе, когда он возникнет, пусть европейские державы, если есть в том охота, прибегнут к оружью и между собою войну затеют; хотя, по моему мнению, ларчик мог бы просто открыться.

Для решения нравственного вопроса человечество и честь христианского образования требует, чтобы вся Европа единогласно и совокупно приняла решительные меры. Трактат 6 июля 1827 года дал этому пример для Греции[2]; отчего же в менее обширном виде, в теснейших границах, это не может иметь место для других порабощенных христианских народов.

Это не только возможная, но со стороны европейских держав, боящихся честолюбия России, была благоразумная политической мудрости мера.

Россия, когда за единоплеменных и единоверных заступалась, действовала противу так называемой политической своей выгоды. Неудовольствие христианских племен, состоящих под турецким игом, есть для России, по принятым политическим правилам, бессомненная прибыль.

Оно ослабляет более и более турецкое правительство, лишает его богатых средств. Россия же в этом неудовольствии может всегда найти причины к посредничеству, а в случае войны, находит в несчастных христианах полезных союзников.

[1] Это «предчувствие», как и последующие рассуждения, — одно из свидетельств поздней редакции «писем» Фонтона.

[2] Лондонская конвенция, подписанная представителями Англии, России и Франции, о совместных действиях в защиту восставших греков.

Если Россия имела честолюбивые планы, которые ей приписывают, то она бы этими политическими правилами руководствовалась. Российских дипломатов славят за ловкость, неужели они бы этого не поняли.

Россия действуя как действует, доказывает отсутствие всяких честолюбивых видов, но как Европа этому не верит, то было бы общим интересом отнять у России это орудие и силу, могущую, при удобных обстоятельствах, сделаться непреодолимою.

Вот тебе мое исповедание, и, если хочешь, напечатай, пожалуй, оное целиком.

<...>

Как ты видел из начала моего письма, жители нам беспредельно преданы и безвозмездно служат нам лазутчиками. Когда турецкий отряд, где-нибудь показывается, сей час булгарин или грек прибегает с извещением.

И как я опять о жителях заговорил, то замечу тебе, что менее преданное нам сословие есть высшее духовенство, епископы и архиереи.

Тебе покажется это неимоверным, но это не только сущая правда, но очень понятно. Оно изъясняется историею.

После взятия Цареграда духовенство только тем могло спасти православную веру от опасности, что согласилось сделаться орудием мусульман для удержания в покое христиан. Высшее духовенство тем же самым приобрело гражданскую власть. Оно частию собирает налоги, оно распределяет суд и расправу, оно доводит жалобы до ведома правительства.

Если эти обстоятельства между многими членами духовенства породили, с одной стороны, корыстолюбие, с другой стороны — довольно низкое повиновение к турецкому правительству, которое по произволу может их лишить должностей, это довольно натурально.

При этом же епископы ставят гордость свою выказываться хитрыми политиками. Есть этот грех, как тебе известно, и между духовенством других вероисповеданий. И так румел[ий]ские епископы[1] видят с одной стороны, что от нас они много ожидать не могут; они притесняют булгар, читая литургию и проповеди на греческом языке, учреждая только греческие школы и т. д. Они знают, что ненависть булгар к ним нам небезызвестна и что поговорка идет о перемене этого всего.

Потом епископы довольно естественно чувствуют, что, какие ни будь успехи нашего оружия, султан останется султаном, Порта Портою, патриарх патриархом, синод синодом, и что таким образом будущность их зависеть будет от их поведения. И так они лавируют, чтоб нам угодить, а с турками не безвозвратно поссориться.

Низшее духовенство не так действует. Оно держит явно и бесстрашно сторону народа и в решительный момент крест поведет в бой секиру и ружья за народную независимость. И теперь дать бы им только воли и оружья, и тотчас вооружились для святой борьбы.

[1] Румелия в самом широком смысле — европейские владения Османской империи, Балканский полуостров; в более узком — его восточная часть.

Хорошо и предусмотрительно ли действуем этому мешать, об этом будет судить история. Но с существующими данными нам предначертаниями, мы не можем иначе поступать, как удерживать этих бедных людей от действий, могущих служить поводом пагубных для них мщений турок.

Прощай

XXVIII

Факи[1]. Декабрь. В 1829 [г.]

От нечего делать выехали мы четыре дня тому назад, верхами из Бургаса, чтоб воспользоваться прекрасною погодою. Следуя к югу по берегу Бургасского залива, мы, переехав устье реки Похуздере, пустились вверх по течению другой речки именем Факидере.

Местоположение прекрасное, романтическое! Из окружающих долину ветвей Странджского хребта льются потоки шумящими каскадами. По покатостям гор видны обильные виноградники, и между зеленеющими пастбищами пасутся стада овец. Очарованы этою картиною мы, отправив казака назад, чтоб принесть нужные нам вещи, сами решились продолжать путь до селения Факи и там провести ночь.

Когда мы с высоты завидели лежащее в долине селение, солнце уже клонилось к горизонту. В селе было большое движение; с одной стороны возвращались стада с пастбищ, с другой — жители вели скот на водопой.

Артиллеристы, квартировавшие в деревне, дружно и усердно помогали жителям в отправлении хозяйства.

Спросили мы, где можем на ночь найти убежище, и сейчас богатый хозяин пригласил нас в свой дом. Отвели нам в хате комнату, и вот мы уже четвертый день живем с этими добрыми булгарами.

Я воспользовался сим случаем, чтобы ближе познакомиться с положением этого народа, судьбою так жестоко испытанного.

Я спрашивал хозяина, каким образом можно облегчить их состояние и в чем состоят жалобы.

Он мне на лоскутке написал, в чем состоят их требования. Они изъяснены в шестнадцати пунктах. Передаю их от себя, как самое лучшее доказательство притеснений, которым этот народ подвержен. Объяснение всякого пункта дам тебе после.

1) Да будем сами вольны.
2) Да мы сами себя да судимо; турчин суди турчина, да суди и булгарин-булгарина.
3) Да мы церкви правим, когда и где захотим.
4) Да собирамо сами що е царская данок. А харача да нима во истину; и бумаги нима на харач.

[1] Современное с. Факия в Бургасской области.

5) Вергиата да сами скупимо.
6) Спахи да нима.
7) Субаши да нима.
8) Зулункярин да нима, а где дойде турчин на конак, а он да плати.
9) Да не убивают чёвечита и не обирают по дорогам и в конаках.
10) Да и буди право свакаму, как на турчина, так и на булгарина.
11) Да се и християнско сведочанство прийма у суд какво и на турчите.
12) Беглик овца да нима.
13) Да християнска челять и девойки силом не турчать и за жены не зимать.
14) Да и мы оружия носимо, как ото и турчите, слободно.
15) Ангария, беклик да нима, свакий колко слушно да плати.
16) Да в православных церквах звоно да има![1]

Не умилительны ли эти просьбы булгар. Этот простой список есть самое красноречивое описание страданий сего несчастного народа. Тут комментировать не нужно. Прочитай еще раз и ты извлечешь самое лучшее доказательство, что не только имущество, но и самые особы булгар без защиты против произвола мусульман.

Тут спахи, которому деревня отдана в откуп, взимает самовластно беклик, вергиата, ангария, то есть десятину от хлеба, от скота, от вина[2].

Там субаши является с цидулею уполномачивающего его собирать харач. Это есть налог, основанный на Алкоране[3]. Всякий немусульманин, который желает пользоваться покровительством благотворительной Порты и правом свободно исповедовать свою веру, должен ежегодно платить тридцать драхмов чистого серебра.

Вот что говорит Коран, но султаны по произволу толковали смысл слов их священной книжки и увеличивали этот *харач* по надобности.

[1] Требования приведены в русской транскрипции и интуитивно понятны, однако в некоторых случаях нуждаются в пояснениях: 1) личная свобода; 2) раздельный суд для мусульман и христиан; 3) право на строительство церквей; 4–5) передача местному населения сбора налогов и повинностей для передачи их в общей сумме султанскому чиновнику (такой вариант был выдвинут еще в начале Первого сербского восстания), исключая налог на немусульман — хараджа, который отменяется; 6–7) упразднение полицейско-административных структур и тимарной системы (спахии и субаши); 8–9) прекращение грабежей и разбоев; плата турок за постой; 10–11) равенство в правах и в судопроизводстве для христиан; 12) ликвидация обязанностей по выпасу господских овец; 13) недопущение насильственного обращения в ислам детей и женщин; 14) право на ношение оружия; 15) ликвидация отработочных повинностей; 16) право колокольного звона в церквях.

[2] Система повинностей и налогов в Османской империи представлена у Фонтона весьма приблизительно. Спахи (тимариот), получавший землю за военную службу и при условии службы, был получателем натуральной повинности ушра (десятины). К концу XVIII в. тимарная организация выродилась и в 1839 г. была ликвидирована.

[3] Подушный налог на немусульман джизье в конце XVIII в. слился с поземельным налогом хараджем.

Правда, известный везирь Куприли Мустафа паша, в намерении сделать этот налог менее тягостным, разделил его на три класса *алва*, *евсат* и *эдна*, то есть богатых, достаточных и бедных[1].

Это, по моему мнению, была благая мысль, которую можно бы с пользой ввести и в наших европейских государствах в случае необходимости возвышения старых или учреждения новых налогов.

Вот у нас, например, правительство, движимое чувствами человеколюбия, часто уже останавливалось возвысить подушный оклад в справедливом предположении, что это для многих тягостно было бы. Нет сомнения, однако же, с другой стороны, что во многих местах подушный оклад мог бы быть возвышен без всякого неудобства. Для этого нужно только во всех губерниях разделить общины на богатые, достаточные и бедные и соразмерно этому определить стоимость подушного оклада для всякой общины, предоставляя опять общинам распределение положенной стоимости согласить с состоянием всякого, разделяя тоже членов общины на богатых, достаточных и бедных.

Необходимо только нашему правительству придумать способ совершать это распределение по всей справедливости, а не так, как это делается в Турции. Джизедар или харач[-]баши, которому поручено собирание этого налога, продает разным лицам стоимость харача для одной или несколько общин и снабжает их в замене цидулами, так называемыми харач-киехаджи. С этими цидулами в руках сборщики отправляются в города и общины и там действуют по произволу, чтоб с барышом возвратить выданные суммы. Всегда муфти им помогает и ему содействует и епископ; и от их решения зависит, в какой класс кого поместить и следует ли ему по летам платить уже харач.

Для определения же сего последнего употребляют следующее средство. В случае неимения документов, доказывающих возраст молодого человека, ему нитью смеривают шею, и если нить длиннее расстояния рта от верхушки головы[2], то молодой человек считается подлежащим уплате харача.

Но болгары могли бы считать себя счастливыми, если бы они не имели других тяжестей как десятину и харач, но они подвержены ежедневным обидам и неистовствам.

Не только спахи и субаши, но первый поперечный турок, путешественники, зулункярин[3], входя в булгарский дом, считают все, что там находится своею собственностью.

Закон Моисея говорит: ты не должен желать ни осла, ни жены твоего соседа, мусульманский же закон говорит: осел и корова, и жена, и сыновья, и дочери немусульманина суть принадлежность мусульман, если они этим могут распространить веру Магомета.

[1] Речь идет о реформе джизье, осуществленной в 1690 г. великим везирем Кёпрюлюзаде Фазыл Мустафа-пашой (1637–1691) в рамках политики примирения с христианской райей после серии неудач в противоборстве со Священной лигой.

[2] По-видимому, от макушки до рта.

[3] Здесь: разбойники (турцизм).

И так всякий зулункярин, входя в булгарский дом, не только ничего не плотит, но распоряжается всем имуществом, скотом и людьми как своею собственностью, и часто насильно их себе присваивает и увозит.

И что плачевнее еще, булгары не могут даже в вере найти утешение от этих бедствий. Греческое духовенство, может быть, в похвальном намерении удержать в неприкосновенности имеющие льготы, делается послушным орудием турецкого правительства. Да это еще не все. Боясь, чтобы с просвещением народ булгарский не постиг чувства своей народности, греческое духовенство старается всякими способами воспретить возрождение этого чувства и насильно ввести в употребление греческий язык.

Вот тебе значение списка жалоб булгар, который я тебе сообщил; жаль, что многие из этих обстоятельств были нам неизвестны. Мы при заключении мира могли бы многому помочь. И это, по моему мнению, не могло слыть вмешательством в внутреннее управление другого государства; по крайней мере, это не было бы первым примером такого вмешательства. В Вестфальском трактате[1] император немецкий также принужден был принять разные обстоятельства, касательно исповедания протестантской веры в австрийских владениях, и это не почел нарушением его прав и владычества.

Теперь, чтобы по возможности облегчить судьбу булгар мы назначим консулов в Адрианополь и Сливно, и это будет иметь свою пользу, но не отменит пагубное состояние этого славного народа.

Нельзя понять, как этакое состояние могло так долго продолжаться, особливо, если подумаешь, что турецкое народонаселение малочисленно и, так сказать, рассеяно между христианским.

Это тем только объясняется, что булгарские племена, разделенные одно от другого естественными препонами и отраслями Балканских гор, не имеют еще чувства общей народности, ни силы которое дает единство. Булгаре Добруджи, Румелии, Софийского и Видинского пашалыков составляют как будто отдельные общества, не имеющие между собою прямых сношений. Даже во всякой отдельной части еще не родилось сознание, что независимость только совокупными силами может быть приобретена. Если спросишь у булгарина, для чего он желает оружия, то он ответит: чтобы защитить свои куты, свой конак[2], жену и детей. Чувство общим восстанием и временными жертвами освободиться от презренного ига еще покоится в их простодушии.

Прийдет и на то время. Из переселившихся к нам прежде булгар многие в Одесском лицее и в Московском университете получили обширное образование. Другие из Казанлыка побывали даже в Европе и поселили в недра Балканских ущелий чувство народности и независимости[3]. От них зависеть будет развитие этих мыслей в общей массе и, следственно, их успех.

[1] Соглашения, завершившие Тридцатилетнюю войну (1618–1648).

[2] Здесь: дом и постройки.

[3] Например, автор первого болгарского («рыбного») букваря Петр Берон (1799–1871), обучавшийся в Гейдельберге и Мюнхене.

Но я кончаю, ибо зовут меня обедать. Сейчас подал нам хозяин ягненка, по-турецки жареного. Но за это я булгар не хулю. Французская пословица говорит: On devient patissier, mais on nait rôtisseur[1]. И туркам надобно справедливость отдать, что они хорошо учатся печь пирожное, но врожденное искусство имеют для жаркого. Желаю тебе такой аппетит, как мой в эту минуту.

Прощай

XXIX

Факи. 1829 [г.]

<...>

Воротимся к булгарам! Расскажу я тебе, как Порта с этим народом обращается.

Когда она хочет кого-нибудь наградить, она отдает ему во владение одну или несколько деревень, даже иногда целый санджак[2]. Турок тогда приказывает и чинит, что хочет, и это все по силе Алкорана и по повелению муфти.

Вот тебе пример.

В конце прошлой войны, то есть в 1811 году, отец мой послан был главнокомандующим Кутузовым к великому визирю в Шумлу, чтобы непосредственным образом убедить его послать в Бухарест доверенное лицо для начала переговоров[3].

Успев в своем поручении, отец мой предпринял обратный путь, имев с собою важного сановника Гамидэфенди, Еничери Эфендиси[4].

Первый ночлег назначен был в Разграде, городе богатом, обитаемом булгарами. Подъехав к городу, они видели едущий им навстречу кавалерийский отряд. Гамидэфенди тогда рассказал отцу, что это встречает их Гиаур-Гассан, владетель самого Разграда как и многих окружающих его булгарских деревень[5].

Этот Гиаур-Гассан прежде войны был начальником разбойничей шайки. Пользуясь возмущением Пекливан Оглу, паши видинского[6], он на свою руку опустошал и грабил край. Как он своими подвигами пользовался большим влиянием во всем крае, то, чтобы приобрести его содействие в войне,

[1] Иной становится кондитером, хотя родился для жаркого.

[2] Административная единица в Османской империи.

[3] Эта поездка относится к маю 1811 г. См.: *Грачев В.П.* Бухарестский мир 1812 г. и сербский вопрос // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 447.

[4] Абдул Гамид-эфенди, секретарь янычарского корпуса, участвовал в русско-турецких переговорах о мире в 1811–1812 гг.

[5] См. упоминания об этом кирджалийском командире: *Мустафичева В.* Кърджалийско време. София, 1977. С. 112, 335, 352.

[6] Имеется в виду, со всей очевидностью, видинский аян (затем — паша) Пазвандоглу (1758–1807).

султан подарил этому Гиауру-Гассану Разград и его окружности. Во время войны он отличался своими доблестями. Во всех предприятиях сопровождала его похищенная им уже прежде булгарка, известная своей красотою, и которая, приняв мусульманскую веру, сделалась его нераздельною подругою. Она сопутствовала ему везде. Во время осады Силистрии генералом Каменским[1], Гиаур-Гассан с несколькими всадниками успел пробиться в крепость. На быстром коне, с саблею в руках, пролетела и она через наши аванпосты.

Гиаур-Гассан, оставив свое прикрытие в некотором расстоянии, приветствовал Еничери Эфендиси с обыкновенными почестями. Скоро въехали в Разград. И что думаешь? Все булгарское народонаселение мужское, как [и] женское, было собрано и стояло повинною главой перед своим владетелем. Гиаур-Гассан повел гостейсвоих в щегольской киоск, построенный под сенью пышных дерев. Диваны, покрытые прекрасными коврами, усыпаны были душистыми розами и другими цветами. Булгарки приставлены были с веерами, чтоб разгонять мух. Другие держали на дворе лошадей, другие же готовили в кухне кушанье. Гиаур-Гассан хотел показать, что он самовластен и с христианами обходится как с рабами. С самым тонким, нежным, почти женским голосом Гиаур-Гассан давал свои суровые приказания, и с видимым трепетом булгары повиновались ему.

Вот как султаны распоряжаются целым им подвластным народом. Какой поднялся бы крик, если царь подвластных ему татар какому-нибудь Гришке Отрепьеву отдавал во владение, с правом действовать с ними по произволу!

Но Европа, когда дело идет о восточном вопросе, забывает правила христианства и человеколюбия. Она одержима только страхом России и ее честолюбия; и не могу довольно часто повторять, Европа следует здесь неблагоразумной политике. Она не понимает, что неудовольствие христианских племен в Турции есть главная сила России противу Порты. Что это неудовольствие может возбудить наконец в общем мнении мысль о необходимости вступиться, во что ни стало, и дать возможность эту мысль привести в исполнение; и что лучший способ это предупредить есть общим напором принудить Порту в христианских своих владениях отказаться от устарелых и жестких начал исламизма и руководствоваться правилами христианского человеколюбия.

Адрианопольским миром мы открыли Черное море торговле всех наций; этим все будут пользоваться, и никто не скажет, что стесняет права Порты. Если бы мы же какое-нибудь положительное постановление о христианах поместили в трактат, то не было бы конца крикам о русском честолюбии и о намерении таким образом незаметно присвоить себе власть в Турции. Но что тут говорить? У них глаза, да они не видят! У них уши, да они не слышат!

[1] Н.М. Каменский 2-й — с февраля 1810 по март 1811 г. главнокомандующий Молдавской армией.

Да, любезный друг, по моему мнению, чтобы удержать восточный вопрос в определенных границах, надобно решить его в пользу моральных и материальных интересов России, то есть упрочением судьбы христианских православных племен и открытием проливов. Если же нет, то восточный вопрос со временем сделается славянским и православным. Нас будет девяносто миллионов; тогда и Черное море по колено. Но, к несчастию, мы до этого не доживем.

Прощай

Фонтон Ф. П. Воспоминания.
Юмористические, политические и военные письма
из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах.
Т. II. Поход Забалканский.
Лейпциг, 1862. С. 63–67, 71–73, 189–197, 200–204

А. Г. Розелион-Сашальский. Статистическое описание Сербии

В 1830 г. капитан генерального штаба Александр Григорьевич Розелион-Сашальский[1] (1797–1873) получил распоряжение, взяв двух помощников, совершить поездку в Сербию с целью составления подробной карты и статистического описания края. Председатель диванов Молдавии и Валахии П. Д. Киселев, написавший инструкции офицерам, внес в одну из них пункт, выходящий за рамки военных и дипломатических задач. В нем руководителю миссии предписывалось заняться «отысканием древностей, могущих служить полезным материалом для истории, и другими по словесно данным наставлениям учеными исследованиями и изысканиями сего столь мало известного и во многих отношениях любопытного края»[2]. Этот пункт был включен в документ, который получатель мог показать сербскому князю Милошу Обреновичу и представителям турецких властей. Кроме него существовало и главное, по существу, но «тайное наставление», сводящееся к военно-топографической съемке местности, особенно дорог, речных переправ, крепостей и т. д., составлению карт и планов. Тем не менее указание-прикрытие Киселева не осталось проформой, поскольку, как явствует из «Статистического описания Сербии», представленного Розелион-Сашальским в качестве приложения к составленной в итоге карте[3], он всерьез подошел к решению этой «отвлекающей» задачи (вероятно, к ней также серьезно относился и сам Киселев).

[1] В тексте публикуемого документа его автор фигурирует как Розалион Сошальский; имеются и другие варианты написания.

[2] Цит. по: *Достян И. С.* Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. М., 1966. С. 104–116. (Цит. со с. 106.) Подробнее об обстоятельствах назначения миссии, деятельности Розелион-Сашальского и его коллег в Сербии, а также о результатах их работы см., помимо указанной статьи И. С. Достян, которая первой обратила внимание исследователей на эти документы: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: документы. М., 1997. № 231, 233. С. 321–322, 325–326; *Бојовић Р.* Карта «савремене» Србије Александра Григоријевича Розелион-Сашаљског из 1831 // Архивска грађа као извор за историју. Београд, 2000. С. 601–607; *Он же.* Опис Београда Александра Григоријевича Розелион-Сашаљског // Београд у делима европских путописаца. (Српска академија наука и уметнсти. Балканолошки институт. Посебна издања. 80) / уредник Ђ. С. Костић. Београд, 2003. С. 211–220; *Он же.* Капетани Розелион-Сашальски и Коцебу о утврђењима у Србији 1830/31 године // Српска револуција 1804–1815 и Босна и Херцеговина / уредници Р. Кузмановић, М. Екмечић. Бања Лука, 2004. С. 362–379. Далее в справке об авторе использованы сведения, собранные Р. Бойовичем в фондах РГВИА, Архиве Сербии (Белград), Государственном архиве Харьковской области и в редких изданиях провинциальной печати.

[3] По предположению И. С. Достян, текст «Описания» был направлен в Бухарест где-то на рубеже 1830–1831 гг. Помимо этого, еще до окончания работы над основным текстом, по просьбе Киселева, была составлена «Краткая статистическая записка о Сербии», которая опубликована: Москва–Сербия, Белград–Россия. Т. 2. С. 141–172. В отдельных случаях, по наблюдениям И. С. Достян, приводящиеся в ней данные не совпадают с составленным позднее «Описанием».

Выбор офицера для миссии в Сербию не был случайностью. Воспитанник Харьковского университета, начиная с 1819 г., Розелион-Сашальский занимался топографической съемкой и военно-статистическим описанием Подольской губернии и Бессарабской области в штабе Второй армии, которым начальствовал Киселев. После пленения в августе 1828 г. в боях под Шумлой (Шуменом)[1] офицер, возвратившийся на службу в конце следующего года, сначала занимался рекогносцировкой на р. Арде (приток Марицы). Затем, в январе 1830-го, он был отправлен на съемку крепости Родосто (побережье Мраморного моря) и оттуда совершил переход по территории Македонии, Албании и Сербии, доставив сведения о местах, через которые пролегал его путь, а также карту полуострова Халкидики.

В Сербию в июне того же года вместе с Розеллион-Сашальским были направлены поручик астрономического отделения гвардейского генерального штаба О. Г. фон Эссен и прапорщик корпуса топографов при военной канцелярии Киселева И. В. Каменский. Они возвратились в Бухарест в ноябре того же года, а их бывший начальник остался в качестве помощника П. Е. Коцебу, назначенного русским комиссаром по размежеванию границы в связи с передачей Сербскому княжеству 6 отторгнутых в 1813 г. нахий. Миссия Розелион-Сашальского в Сербии закончилась в апреле 1831 г. Однако еще раньше в «Северной пчеле» (№ 31 за 9 февраля 1831 г.) появилась корреспонденция «О последних происшествиях в Сербии», которая, как установил Р. Бойович, исходила от Розеллион-Сашальского[2].

Широта представлений о статистическом описании[3], признаваемая Киселевым, отразилась в содержании документа, фрагменты которого публикуются ниже. В качестве разделов значатся не только «географическое положение и граница» (пункт 1), «пространство и народонаселение» (пункт 2), «географическое и гражданское разделение» (пункт 4), «качество поверхности края» (пункт 5), «свойства грунта и произведения земные» (пункт 6), «богатство, торговля и промышленность» (пункт 7), «города и местечки» (пункт 8), сведения о порядке управления, судебной системе, налогообложении и т. д. (пункт 9–11), но также материалы о «нравах и обычаях» сербов и их соседей (пункт 3), вероисповедании (пункт 12), «умственном образовании», науках и памятниках древности (пункт 13, 14). Кроме того, автор снабдил «Описание» пространным историческим введением, которое занимает чуть ли не половину текста (55 листов из 124). Далее целиком публикуются 8 из 15 разделов собственно «статистического описания» (в частности опущен последний пункт — «краткая приближенная статистическая таблица Сербии»). Из исторического введения приводится фрагмент, описывающий события накануне и после

[1] Этот эпизод описан в поздних воспоминаниях: *Розеллион-Сашальский А.* Записки русскаго офицера бывшаго в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. Т. 3, вып. 5–6. С. 175–220, 551–586; Т. 4, вып. 7. С. 17–54.

[2] Благодарю Р. Бойовича за разрешение использовать эту информацию, представленную им на научной конференции «Сербская революция и возобновление государственности Сербии. Двести лет Второго сербского восстания» (Чачак, Сербия, 7 июня 2015 г.).

[3] О специфике содержания статистистических исследований в этот период см.: *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1–2. М., 1955, 1959.

Второго восстания (1815) под предводительством Милоша Обреновича, чьи наследственные права на Сербское княжество вместе с его автономным статусом только что были *de jure* признаны Портой (1830). Фрагмент представляет интерес в качестве рассказа со слов современников и участников событий, с которыми общался автор, и как преломленное восприятие господствующей версии недавней сербской истории. В остальном исторический раздел, как заметила Достян, является компиляцией доступных автору трудов, хотя и не без некоторой попытки самостоятельно их интерпретировать[1].

Взгляд на историю сербского народа

<...>

Потеряв всю надежду к защите отечества[2], Милош [Обренович] спешит спасать семейство, когда получил приглашение от перешедших в Австрию воевод последовать им. «*Что мне в жизни,* — отвечал он, — *когда я должен оставить на жертву престарелую мать, жену и детей*». С этим благородным чувством, может быть, имел он и другие побуждения остаться. Взор его проникал во темную будущность и открывал возможность благоприятной перемены, которая мелькала ему лестною надеждою и устраняла мысль о опасностях, редко устрашающих пылкие умы.

В самом деле, с тех пор Милош один только показывается на сцене событий Сербии. Все, что осталось еще внутри ее, обратило на него свои взоры; скитаясь с семейством и дружиною по дубравам, он ожидал, что предпримут турки. Сии нашли страну опустевшею: дабы возвратить ей хотя [бы] часть жителей, надобно было призвать в помощь умеренность. Милош вступил с ними в переговоры, всепрощение и право носить оружие были главными условиями, на коих он согласился успокоить народ и которые были приняты турками. И тем самым естественным образом вся власть, какую только сии последние оставляли туземцу, пала в его руки. Искусством, коего тайна открыта им в соединении твердости с покорностию, он распространил сию власть, на которую уже дарования давали ему все права у своего народа.

Мало-помалу люди, не имевшие на деле большого влияния и не опасавшиеся ничего от турок, начали возвращаться в свои домы, и Сербия вскорости опять населилась по-прежнему.

Но народ, предавшийся почти на великодушие своих врагов, которые никогда не могли гордиться сим чувством, скоро снова стал ощущать иго, к коему привычка была потеряна для народа десятилетнею свободою, хотя и дорого стоившею. Много раз Милош должен был отклонять желание и намерение народа поднять опять оружие и даже укрощать возникавшие смятения. *Солиман паша*, по городу *Скоплю, в Боснии, Скопляком* прозванный[3], соединявший

[1] *Достян И. С.* Об описании... С. 110–111.

[2] После поражения Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и бегства воевод.

[3] Сулейман-паша Скопляк был назначен белградским визирем после разгрома повстанцев в 1813 г. и проводил репрессивную политику. До этого он предводительствовал

в себе жестокость с притворством, которое однако же не всегда согласовалося с благоразумием, собственною своею свирепостию и необузданностию своих подчиненных, беспрестанно увеличивал раздражение сербов. Самыя лютые казни, которые почти ежедневно и в большом числе производимы были в Белграде, дабы устрашить народ, имели противное действие и вливали в него решимость: лучше умереть, нежели существовать с столь гибельными условиями. Паша, замечая сие расположение в народе, думал, что лучшее средство предупредить восстание было лишить его предводителя. Милош, видя, что паша его удерживает в Белграде, не позволяя никуда из оного выехать, стал опасаться за свою жизнь. Чтобы избавиться, он прибегнул к хитрости, которая ему удалась. Он выкупил у паши за значительную сумму сербских пленников с условием заплатить оную по собрании денег. На корыстолюбии Солимана он основал свой план, представляя, что он не может прежде удовлетворить своему обязательству, пока не побывает в своем доме (он жил тогда в Рудницком округе, коего был обер-кнезом[1]) и не сделает некоторых хозяйственных распоряжений, необходимых для получения нужной суммы. Паша отпустил его, оставив в залог некоего Димитрия, который был правою рукою Милоша. Сей нашел средство уйти также, обманув самым искусным образом определенных для его стражи турок.

Едва Милош был вне Белграда, как признал, что единственный способ к спасению для него и всего народа состоит в оружии. Прибытие его во внутренность края было знаком к новому восстанию. Он явился перед народом с знаменем в руке и произнес слова: «*Вот я, и теперь имеете вы войну с турками*». Восстание сие последовало в 1815 году и продолжалося несколько месяцев. Турки были разбиты везде, где они только встречались с сербам. Распоряжения и меры Милоша были весьма хорошо соображены. Не зная теории ексентрических[2] операций, он отгадал ее и выполнил в практике, уничтожая отдельные турецкие отряды, которые угрожали ему нападением. Много раз, однако же, при малочисленности своих воинов и ничтожности способов, Милош находился в самом трудном положении — и даже в одну минуту казалось все потерянным. Отчаяние поправило отчаянное дело. В военном совете сербов положено было, собрав все силы, померяться с турками последний раз, и в случае неудачи, умертвив жен и детей, броситься в леса, дабы существовать единственно для неутомимой мести. Однако же успех увенчал предприятие, с которым сопряжены были столь важные условия, — дело Милоша и сербов было восстановлено.

частью боснийской армии. Его прозвище (от Скопле или Скопье) указывает, что он был уроженцем нынешней столицы Республики Македония.

[1] Официальная версия этого времени обостряла и мифологизировала ситуацию накануне Второго восстания, особенно в отношении позиции сербского князя. За лояльность восстановленной турецкой власти Милош был признан сначала обер-кнезом Рудницкой, а затем — Пожегской и Крагуевацкой нахий. См. подробнее: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Кн. 1. Београд, 1908. С. 64–85. О подробностях Второго восстания, излагаемых Розелион-Сашальским, см. там же.

[2] Правильно, вероятно: эксцентрических (писарская ошибка).

Нельзя отдать довольно справедливости проницательности Милоша, с какою он, несмотря на ожесточение, которое одушевляло сербов, умел постигнуть выгоду, доставляемую победителю умеренностию в поступках с побежденными. Пленив в сражении при с. Дубле, на берегу реки Савы, боснийского пашу, Милош не только не позволил подчиненным своим, жаждавшим крови каждого турка, лишить его жизни или обойтися с ним жестоко и оскорбительно, но, соблюв все то, что великодушие и приличие могут внушить, и одарив его, отпустил обратно к своим соотечественникам. Еще более должно было расположить к нему турок и облегчить его с ними примирение великодушное обращение его с турецкими пленницами, коих он неприкосновенными и немедленно по взятии отпускал к их семействам.

Хотя Милош и уничтожил сопротивление турок внутри Сербии, но с двух сторон угрожали ему два многочисленных корпуса оттоманских войск. *Хуршид-паша*, бывший визирем, подошел с боснийцами к Дрине, а *Али Марашли-паша* из Румелии приблизился к Мораве. Порта по своим отношениям тогдашним к России, окончившей тогда победоносно войну свою в Европе, желала скорее утушить неудовольствия сербов и поручила обоим пашам стараться исполнить сие на выгоднейших для Порты условиях; главное требование со стороны сей последней, которое затрудняло примирение, было то, чтобы сербы положили оружие, отказались от права носить его, а следовательно, и иметь в домах. Крайность, в которой они находились, могла бы принудить к принятию сего условия, но соперничество пашей между собою, из коих всякой старался получить право на признательность Порты за восстановление порядка в Сербии, способствовало Милошу получить более выгодные условия. Марашли-Али, надеясь достигнуть медленным образом того, что теперь было столь трудно сделать, то есть заставить сербов снять оружие, согласился таковое оставить им и, заключив с Милошем предварительный договор, вошел в Белград, быв назначен в него пашою[1], на место жестокого Скопляка.

Условия договора между сербами и турками были следующие: 1) Чтобы турки не вмешивались в собирание податей, предоставленное сербскому начальству; 2) Чтобы при каждом мусселиме (турецком чиновнике, бывшем во всяком округе) находился один сербский кнез (тоже чиновник), без которого бы первый не имел права решать дел, относящихся до сербов; 3) Чтобы в Белграде существовало собрание из двенадцати сербских старейшин, коим бы поручено было решение уголовных дел. Сие же собрание должно было передавать паше подати, собранные с народа[2].

Сербия была успокоена, но сим не довольствовался вождь ее; он желал более упрочить сие спокойствие и устранить совершенно влияние турецкого начальства на внутренние дела страны своей. Видя, что в Белграде он не только

[1] Белградский паша с 1815 по 1821 г.

[2] Условия соглашения с Марашли-пашой в позднейших изложениях постоянно варьировались. Вряд ли они конкретизировали состав «канцелярии», упомянутой в пункте 3, но главной ее обязанностью являлся сбор податей, которые Милош Обренович обязывался передавать паше.

не может иметь полной свободы в своих распоряжениях, да и самая жизнь его находится в опасности, будучи всегда подвержена покушениям необузданных турок, Милош предпочел избрать для своего пребывания место, удаленное от занимаемых турками и переселился в г. Крагуевац, находящийся почти в центре Сербии. Сюда же переведено было и помянутое собрание старейшин или *Главный народный суд*. *Мусселимы*, находившиеся в округах для произнесения приговоров, вместе с кнезами, частию под разными благовидными предлогами со стороны сих последних, частию по собственной их беспечности, мало-помалу были совершенно удалены от участия в делах, довольствуясь тем, что ничем не занимаясь, получали от Сербии жалованье.

Соблюдая в отношении Порты приличный язык и почтительность, Милош не упускал из виду ничего, что только могло распространить независимость Сербии и успел поставить народ свой в такое положение, что он не признавал или, по крайней мере, не чувствовал никакой другой власти над собою, кроме своего вождя и своих старейшин, и считал себя равным тем самым мусульманам, которые в других провинциях Турции столь презрительно обращаются с единоверцами сербов.

Несмотря однако же на все выгоды, которыми Сербия обязана была той борьбе, в коей Оттоманы научились уважать ее жителей, и дарованиям вождя их, страна сия не могла достигнуть всех тех прав, которыя по справедливости должны бы сей принадлежать в силу Бухарестского трактата[1]. Она ожидала благоприятных обстоятельств, и мы видим, что наконец настало время исполнения ее ожиданий.

Со времени успокоения Сербии началась не менее славная эпоха для Милоша, сколько и его воинские подвиги — эпоха попечений его об утверждении порядка и введении внутреннего устройства, которые были почти совершенно потеряны в продолжение войны и при сопряженных с нею бедствиях и разрушениях. И на сем поприще Милош должен был встретить многоразличные и значительные трудности. Сербы, готовые следовать повсюду за своим предводителем на бой, не столь охотно повиновались внутренним учреждениям, как только оные казались им несколько тягостными.

В земле, где удальство разбойников воспевается в народных песнях наравне с подвигами витязей, подвизавшихся для славы или защиты отечества, где обыкновение носить всегда оружие, при пылкости характеров, делает убийства столь частыми, прекращение разбоев и других посягательства на жизнь сограждан между собою было не легко. Здесь нужна была строгость, и Милош воору-

[1] VIII статья Бухарестского договора (1812) предусматривала внутреннее самоуправление для сербского народа, условия которого предстояло выработать в результате переговоров его представителей с турецкими властями. Однако неприятие повстанцами других положений той же статьи (ввод турецких гарнизонов в крепости и сдача оружия) воспрепятствовали достижению соглашения и привели в конечном итоге к разгрому. См.: Внешняя политика России... Сер. 1. Т. VI. С. 409–410, 414; *Грачев В.П.* Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3–17; *Он же*. Бухарестский мир... С. 437–488.

жился ею! До какой степени справедлив упрек, что он увлечен был сею спутницею правосудия за пределы, ей разумом и человеком назначенные, нельзя определить, ибо для сего нужны были бы свидетельства о поступков[1] его очевидцев беспристрастных. Должно было карать по мере преступлений и от того, может быть, — частые казни! Впрочем, жестокость можно причислить в Турции к эпидемиям, и равнодушие, с коим вельможи сей империи приносят жизнь им подобных в жертву своему спокойствию, а иногда и своему своенравию, более или менее сообщается, как и всякий другой пример[2].

Люди, которые были недовольны первенством Милоша или надеялись его заменить, находили в народе таких, кои внимали их наущениям, и Обренович неоднократно должен был укрощать мятежи.

Марашли-Али-паша не мог равнодушно видеть утраченного им в Сербии влияния на управление страны. Он стал обольщать подчиненных Милошу кнезей, дабы их склонить к возмущению против него и воспользовавшися несогласиями, наложить на всех узду. Он представлял сим чиновникам, что, будучи равными Обреновичу, они не имеют надобности ему повиноваться и могут получить от Порты бераты (дипломы), в силу коих всякий в своем округе будет иметь власть, подобную Милошу. Двое из кнезей Пожаревацкой нагии[3] (округа) *Марко Абдула* и *Стефан Добрыняц* вдалися в обман; некоторые другие колебались. Милош открыл заговор первых двух кнезей прежде, нежели они приступили к исполнению его, и простил им. Это было в 1821 году[4].

1825 года жители *Смедеревского* округа, недовольные самоуправством и притеснениями некоего кнезя (молодого человека, заступавшего место отца своего прежнего воеводы Вуйцы, который тогда находился в Константинополе[5]) и, полагая, что он позволял себе таковые с ведома князя Милоша, возмутилися против сего последнего, избрав себе в начальники некоего занимавшегося

[1] Так в тексте.

[2] Нередко и теперь можно слышать от сербов, движимых сильными страстями: «Я бы его убил, если бы не боялся господаря князя». (Примеч. авт.)

[3] Правильнее: нахия.

[4] Официальная версия имеет малое отношение к произошедшему в Крагуевацкой нахии. Стефан Тодорович Добринац (брат воеводы Первого восстания Петра Добринца) и Марко Абдулич или Абдула по возвращении из австрийской эмиграции в 1815 г. были назначены Милошем нахийскими кнезами (Абдулич — баш-кнезом, то есть воеводой). Они оказались замешаны в злоупотреблениях властью и торговых махинациях. Действительно, им предлагалось признать турецкий фирман взамен на независимость от Милоша, но они отказались. Подозревая крагуевацких кнезов в личной нелояльности, Милош пытался оттеснить их от власти, что подтолкнуло к мятежу, который не был поддержан снизу. Зачинщики просили о прощении, однако Добринац успел скрыться в Австрию. «Прощенный» Абдулич был убит в 1823 г. См.: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. II. С. 501–517.

[5] 1820 года отправлена была Милошем в Константинополь депутация, состоявшая из почетнейших людей Сербии для исходатайствования исполнения статей Бухарестского договора, которые относились к сей стране. Сея депутация была хорошо принята Портою, но при начатии Греческой революции все члены оной были посажены под стражу и содержалися до заключения Аккерманской конвенции. (Примеч. авт.)

торговлею поселянина по прозванию *Дяка*. Сие возмущение было опаснее первого, ибо с *Дяком* следовало несколько тысяч вооруженных жителей. Однако же и оно было рассеяно собранным князем Милошем и его братьями из разных округов войском. Дяк был схвачен и казнен[1].

Прекращение сих мятежей, а особенно первого способствовало немало к утверждению власти Милоша Обреновича, как потому, что неудачные покушения против власти всегда служат к ее приращению, так и по той причине, что как многие из кнезей были прежде воеводами, подобно ему, то он не мог в отношении их совершенно забыть прежнее равенство, ныне же, как некоторых замыслы явно были открыты, а на других падало подозрение, то он и получил чрез то право переменить с ними тон и действовать как с подчиненными, коих надобно обуздать.

В 1827 году князь Милош открыл новый заговор, составленный фамилиею *Чарапичей*, родственниками падшего первою жертвою при взятии в 1806 году Белграда. Они перешли из австрийских владений и, скрываясь на лежащей близ оного города горе *Авале*, старалися склонить народ к восстанию прокламациями, в коих представляли власть милошеву незаконною и правление его жестоким и своекорыстным. Казнь злоумышленников, из коих однако же некоторые были прощены, была единственным следствием сего заговора[2].

В не менее затруднительное положение поставлен был Милош еще 1818 года, незапным[3] появлением в Сербии Кара-Георгия, мнившего, основываяся, впрочем, на весьма ложных ращетах, что он мог опять сделаться в ней вождем народа[4]. Будучи ненавидим турками, он не мог надеяться получить власть от них, и столько должен был убедиться, что Милош, который имел на нее все права, оставшися один с народом, когда все искали только личного спасения,

[1] Так называемая Джакова буна (по имени Милое Поповича Джака), конечно, была отражением социального недовольства не только на местном уровне, но и в отношении политики Милоша. См. подробнее: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. II. С. 587–616; *Ђорђевић М.* Ђакова буна: Политичко-историска студија. Београд, 1953; *Крестић В.* Кнез Милош Обреновић и Ђакова буна. Београд, 1974.

[2] Предводителем мятежа выступил Георгий Чарапич — сын Атанасия Чарапича, геройски погибшего в бою под Пархово 14 августа 1810 г. и племянник Васы Чарапича, погибший при взятии Белграда в ноябре 1806 г. Некоторое время он служил чиновником у Милоша, но в 1823 г. попал в немилость и перешел в Австрию. События относятся к весне 1826 г. (а не к 1827 г., как в тексте). Г. Чарапич и его брат Марко были убиты, а составители прокламаций учителя Михаил Берисавлевич и Петр Радосавкич — жестоко изувечены, благодаря чему Милош обрел за границей стойкую репутацию тирана. *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. II. С. 617–637.

[3] Описка, правильно: внезапным.

[4] Возвращение Карагеоргия в Сербию и его убийство относятся к лету 1817 г. Далее воспроизводится официальная версия событий, как всегда далекая от реальности. На самом деле Милош санкционировал убийство Карагеоргия (оно случилось в ночь с 13 на 14 июля) до извещения турок о его прибытии и согласования действий с ними. См.: *Гавриловић М.* Милош Обреновић. Књ. I. С. 346–376; *Стојанчевић В.* Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966. С. 97–106. Документы опубл.: *Савић В.Б.* Карађорђе: Документи. Књ. 3. Горњи Милановац, 1988. Прил. № 1–10. С. 1503–1517.

ему не уступил бы оной добровольно. Итак, Георгию оставалось только одно средство — возмутить народ и исторгнуть власть силою — средство столь же недостойное мужа, славно бранившего права своего отечества, сколь неверное и опасное. Появление его, однако же, ставило спокойствие Сербии в сомнительное положение, ибо воспоминание прежних воинских его подвигов, его непоколебимое мужество и самое несчастие, вселяющее всегда живое участие к людям малообыкновенным; все это могло воспламенить сербов, столь охотно берущихся за оружие. Белградский паша был приведен вестию о прибытии Георгиевом в величайшее смятение, немедленно позвал к себе Милоша (жившего уже тогда в Крагуевце) и с некоторым упреком представил ему опасные следствия, могущие произойти от сего неожиданного происшествия, предупреждая, что он, *Милош*, как порука в спокойствии страны, понесет на себе и всю ответственность за нарушение оного. Милош, отпущенный пашою для принятия мер своих, возвращен был с пути и нашел у ног его голову Георгиеву, принесенную воеводою Вуйцею[1], о коем упомянуто выше.

Милош воздал приличные почести телу прежнего вождя своего и возобновил над прахом его церковь, сожженную в 1813 году турками вместе с жилищем Кара-Георгиевым. Здесь присоединена была к трупу и отрубленная голова, лишенная своего покрова, который был отправлен в Константинополь в засвидетельствование, что страшный враг перестал существовать.

Многие думают, что Георгий не мог бы столько способствовать к благосостоянию Сербии, сколько его преемник, владеющий в высшей против него степени способностями, потребными для правителя; но надобно сказать, что судьба вручила власть каждому из сих мужей в то самое время и при тех обстоятельствах, для которых они были рождены: один для безусловной войны, возженной ненавистью, лишением и всеми гневными страстями; другий для посредничества в минуту гибели и восстановления рушенного порядка.

Чтобы судить о том, сколько благоразумие, правильность в соображениях и желание Милоша руководствоваться примерами европейцев, перенимая одно полезное, способствовали к благосостоянию Сербии, надобно перейти в сию страну непосредственно из провинций, находящихся в управлении Порты или, лучше сказать, ее пашей. Вместо угнетенных жителей налогами, вместо непорядков и неповиновения, с одной стороны, насилий и жестокости — с другой, вместо бродяг, наполняющих леса, занимающих ущелья и кроющихся почти во всякой роще, и невозможности, кроме совершенных равнин, путешествовать иначе как верхом, вместо всего этого в Сербии встречается довольство между жителями, вносящими почти не чувствительные подати, невзирая на то народная казна снабжена несколькими миллионами пиастров, плодом бережливости. Заметен во всем порядок и точность исполнения; безопасность жизни и собственности от грабежа, несмотря на обширные и почти дремучие леса, коими

[1] Вуица Вуличевич (1773–1828), кум Карагеоргия, совершил убийство по прямому приказу Милоша, переданному с Т. Вучичем-Перишичем после кратких совещаний в Белграде в узком кругу приближенных старейшин.

покрыта страна, и множество теснин, торговцу и путнику предоставляются везде широкие, гладкие и безопасные дороги, где только горные каменистые кряжи или необыкновенная крутизна и вышина гор не положила тому непреодолимых препон. Правда, европеец почти нигде не может встретить тех удобств жизни, которые для него служат признаком благосостояния и образованности края, но в том виноваты обычаи народа, столь долго носившего узы турецкого рабства, которое препятствовало развитию в нем способностей, влекущих человека к усовершенствованию своего быта, и которое во многих отношениях ввело между сербов образ жизни их прежних тиранов; виновны столь частые войны, опустошавшие Сербию и отучившие, так сказать, ее думать об удобствах жизни, наконец, виновна новость самая настоящего порядка и вещей.

В Сербии можно видеть немало людей, только еще что в зрелых летах, которые живут в хижинах в шестой или седьмой раз возобновленных ими на пепле пяти или шести прежних, кои были их же руками построены; и в ней нет ни одного дома, который был бы древнее пятнадцати лет. Это есть малый новый мир, который вышел из кровавого наводнения и из развалин прежнего мира.

<...>

Статистическое описание Сербии, рассматриваемое в состоянии ее до исполнения 6-го пункта Адрианопольского трактата

<...>

III. Жители, свойства, нравы и обычаи их

Исключая турок, которые не подлежат влиянию сербского правительства и коих число простирается до 15/т[ысяч] душ, в крепостях, городах и селениях, по реке Дрине лежащих, в Сербии находятся следующие племена:

1) *Сербы*, коренные и главные жители.

2) *Болгары* и *греки*, выселившиеся из турецких провинций, и наиболее занимающиеся, а особливо последние, торговлею и ремеслом по городам и местечкам. Между болгарами есть и земледельцы. Сюда же можно причислить и небольшое число *Куцо-Влахов* или *Цинцар*[1], приходящих сюда из Эпира. Албанцев встречается весьма мало.

3) *Валахи*, живущие на правом берегу реки Моравы, частью же отдельными селениями. Уезд, Поречкою-рекою[2] называемый, обитаем ими исключительно. Число Влахов может составлять десятую долю всего народонаселения Сербии.

Обитая места гористые и малородные и превосходя невежеством и нерадением все, что можно себе вообразить, жилища, образ жизни и вид сих валахов внушают истинное отвращение. Неопрятность и полускотское небрежение самых последних удобств жизни, малодушие, лукавство и неверность

[1] Романоязычный этнос центральной части Балканского полуострова.

[2] Поречская нахия. Поречка-река — правый приток Дуная.

суть отличительные черты их. Сии два последних качества обратились в поговорку между сербами. С помощью их они[1] нередко весьма удачно пользовались добродушием или неопытностью спайев[2]. Весьма забавным образом валахи изобрели средство удовлетворять своей невоздержанности и вместе [с тем] успокаивать чувства веры: в Петров и Филиппов пост часто между ними одна какая-нибудь старуха обязывается поститься за целое селение, с тем чтобы ей доставляемо было достаточно рыбы.

4) *Цыганы* таборами бродят от одного селения к другому, оставаясь по два, по три и более месяцев на месте, зиму проводят под почерневшими своими шатрами. Одни их них занимаются кузнечным ремеслом; другие — деланием ложек и разной деревянной посуды; третьи — переторжкою лошадьми и прочим. Во всяком таборе есть старейшина, который собирает подати и исполняет приказания земских начальников.

Цыганы суть те же, подобно как и в Валахии, музыканты; но дикие нестройные звуки их, сопровождаемые пляскою одетых в женское платье мальчиков служат к увеселени[ю] турок, пожирающих взорами отвратительные телодвижения сих ложных баядерок, возбуждающие похотливость.

В городах так же часто толпы полунагих цыган, особливо женщин, окружают приходящих, стараясь, со свойственным повсюду их имени нахальством, криками и омерзительными кривляньями возбудить их сострадание, заслуживая одно только негодование и презрение, ибо нищета их есть следствие их рода жизни, посвященной лени, бродяжничеству и обманам. Цыганы в Сербии водят также показывать медведей, но весьма мало; без сомнения промысел сей не приносит достаточной прибыли.

Число сих бродяг в Сербии простирается до нескольких тысяч. Одежда их состоит в смешении сербской национальной с турецкой.

6)[3] В Белграде находится до 200 домов евреев, которые, подобно грекам, занимаются торговлею и ремеслом.

Нравы сербов весьма просты. Чиновники, купцы и другие горожане, коих одежда и отчасти род жизни сходствуют с турецкими, не исключаются из сего. Национальное сербское одеяние, то есть одеяние поселян, состоит обыкновенно в холщовой рубахе, длиннее русских крестьянских рубах, спущенных поверх исподней, из холста же сделанной. По праздникам надевают они суконную куртку без рукавов, ужатую шнурками и называемую *антера*[4]. На голове носят красный фес или черную болгарскую круглую шапку. Для зимы имеют род суконного зипуна или тулуп. Обувь состоит в толстых шерстяных чулках, сверх коих имеются еще другие, такие же, но несколько короче чулки и потом кожаная обувь без особливой подошвы (подобно малороссийским постолам), с прикрепленными к ней ремнями, [которыми] обвязываются чулки.

[1] Валахи.

[2] Спахи (тимариоты) — турецкие землевладельц по праву службы.

[3] Так в тексте; по порядку следует пункт 5.

[4] Правильнее: антерия.

Женский наряд весьма разнообразен и не только всякий округ (нагия) или княжина имеют свой особенный, но часто щеголихи одной деревни не имеют ничего общего в сем отношении со своими соседками, в другом селении живущими. Жены или дочери богатых людей носят такое множество серебряных монет и других украшений, издающих звон при всяком их движении, что надобно иметь их крепкую и неизнеженную комплекцию, чтобы сносить столь тяжелый наряд. Они убирают сими над меру крупными блестками голову, шею и верхнее суконное платье иногда кругом, иногда только сзади, смотря по достатку. Другие заменяют монеты оловянными подражаниями таковым, нарочно для сего делаемыми.

В обычаях сербов открываются еще многие черты, сходствующие с обыкновениями россиян и доказывающие, что они были общими всему словенскому племени. Так, например, в свадебных и других веселых песнях сербы припевают: «*Ладо! Ладо! ой Ладо, ой!*» или: «*Ладоле миле!*» также и «*Лельяло*[1]*!*» В Иванов день, 24 июня, в недавнем времени еще зажигали ночью огни, около которых молодые парни и девки танцевали и прыгали. То же самое делалось за несколько лет перед сим, а может статься, и теперь еще делается в Малороссии в тот же день называемый *Иваном Купалом*. Еще есть и некоторые другие обыкновения, имена и речи, которые носят печать язычества, например, Вила, лесной дух, Додола, богиня воздуха, во имя которой народ испрашивает дождь во время засухи, припевая:

«Наша Дода Бога моли, ой, Додо! Ой, Додоле!

Да ударa росна киша (грустный дождь), ой, Доде! Ой, Додоле!»[2]

Сии следы древности изглаживаются более и более. Сколько от времени и обстоятельств, сколько и чрез старание духовенства.

Физиономия сербов сохранила всю близость к чертам прочих единоплеменных. Они весьма редко имеют совершенно черный цвет волос, но наиболее русый. Лица их, в коих правильности и даже красота не суть редкие явления, представляют выражение мужества и вместе того доброхотства, которое обещает готовность всякую минуту предаться приятным ощущениям и удовольствиям сообщества, что находится в разительной противоположности с отталкивающей угрюмостью турок. Это есть признак, по которому почти всегда можно распознать серба, хотя бы он былв турецкой одежде.

Сербы не бреют головы подобно туркам, грекам и болгарам, а напротив, носят еще косы; но кроме духовенства и весьма редких случаев между пожилыми светскими людьми, желающими то по обету. Как бы в знак своего отречения от света; ношение бороды не в обычае.

[1] В настоящее время Лада и Лель чаще всего причисляются к «кабинетным божествам», сконструированным в поздней книжной традиции. Однако допускается отношение припевов, приводимых автором, к архаичной терминологии родства. См.: *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 99–102.

[2] Описывается распространенный в южнославянской традиции весенне-летний обряд вызывания дождя. См. подробнее: *Плотникова А.А.* Додола // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 100–103.

Сербы, преимущественно же те, кои живут в горах, находятся на весьма низкой степени образования. В многих отношениях они приближаются к натуральному состоянию человечества; но масса народа сохраняет ту же свежесть разума, которая бывает часто подавляема заблуждениями, сопровождающими почти всегда выход общества из оного состояния. Продолжительная борьба сербов за свою независимость, борьба, в которой всякий, можно сказать, действовал по своему произволу, держался общей цели только по сознанию общей выгоды; борьба сия много способствовала к свободному развитию некоторых способностей народа.

Сербы вообще понятливы, развязны в движениях тела, крепки и храбры; свойства сии располагают их быть хорошими солдатами. Многие уверяют, что вместе с венгерцами лучшее войско в Австрийской империи составляют подданные ее сербского происхождения.

Трудолюбие нельзя причислить к добродетелям сербов; они имеют также мало склонности к промышленности. Это естественным образом происходит от переменчивых обстоятельств, в которых страна их находится с давнего времени. Примечательно, что сербы, рассеянные по Албании и Румелии, почти до Салоники, суть в этом отношении одинак[ов]ых свойств с единоплеменниками своими, живущими в собственной Сербии и многим отличаются от болгар, хотя и смешиваемы с ними бывают по названию.

Нищих, коих в Сербии называют несретниками (несчастливцами), в сей стране немного; есть даже совершенно изувеченные от природы или случаями люди, кои отказываются от милостыни. Слабоумные или калеки встречаются иногда и прибегают к состраданию проходящих. Даже и в городах сей класс людей не столь обыкновенен, как в других странах. Слепцы, лишенные пропитания, снискивают его наиболее не как нищие, коим наичаще дается с пренебрежением и неудовольствием несколько копеек или ломоть хлеба, но как собеседники среди семейств, приводимых ими в восторг и умиление воспеваемыми похвалами подвигам старинных витязей (юнаков) Сербии, а еще более последним боям, в которых многие из сербов сами участвовали, а все имели или имеют родственников, кои бились с турками за Карагеоргия и Милоша. Погибли либо прославились в сей отечественной войне.

Малочисленность нищих в Сербии говорит некоторым образом в пользу нравов и благосостояния ее жителей; но мы уже сказали выше, что цыганы, столь отвратительные своею неопрятной наружностью, сколь и нестерпимой докучливостью, прибегают нередко к сему ремеслу.

Сербы имеют мало пороков, но сии отзываются жестокостью их нравов. Из 24 уголовных преступников, содержавшихся в августе 1830 года при народном суде в Крагуевце, три четверти состояли из убийц и грабителей.

Убийства в Сербии весьма обыкновенны еще и теперь, не взирая на строгость и неупустительность правосудия и множество явлений о том

свидетельствующих[1]. Нередко простые споры имеют таковые последствия. Обычай носить всегда оружие немало тому способствует, равно как и образ жизни в большей части края сего, где почти нет собственно селений, а только рассеянные по всему пространству дома, коих обитатели чрез такое расположение почти лишены всякого между собою общежития.

Нет сомнения, что полезные учреждения могут в короткое время сообщить сему народу хорошие свойства, коих он еще не имеет, и истребит суровые его наклонности, или смягчит их.

Преданность к России есть почти врожденное чувство сербского народа, хотя очень часто оно лежит усыпленное в душе его между прочими ощущениями, требующими быть возбужденными, дабы явится чувство сие связано с мыслью о своем существовании и благоденствии. Со времен Петра Великого взоры сербов обращены к своей могущественной покровительнице. Славное имя сего государя и его преемников является с благословениями в народных песнях, составляющих всю поэзию сербов. Есть лица, в которых помянутое чувство превышает меру энтузиазма.

Не нужно говорить, что ненависть к туркам и обратно, питаемая веками, развернутая еще более последней революцией, есть неограниченна. Ни те, ни другие не упускают случаев удовлетворить сей страсти, если только могут или надеются сделать то, не подвергаясь ответственности.

Австрия также не имеет много приверженцев между сербами. Различие веры, некоторые притеснения, претерпеваемые иногда сербами, живущими под сей державой, относительно богослужения, тому причиной, равно как и недостаток в блестящих эпохах военной славы в последних событиях сей империи, эпохах столь сильно действующих на воображение народа, простого и воинственного. Можно сказать, что сербы гордятся столько же бесчисленными лаврами, которые непрестанно были срываемы российскими войсками во всех последних войнах, сколько и сами русские.

Мы уже имели случай упомянуть, что в большей половине Сербии, то есть во всех лесистых и горных местах ее, жители почти лишены выгод общежития по той причине, что дома их рассеяны часто весьма удалены один от другого, и даже сообщения между ними бывают трудны.

Теперь надобно сказать, что сие неудобство заменяется многочисленностью семей, ибо женатый сын редко отделяется от своего отца и братьев, пока того не потребует необходимость. Составленное таким образом из нескольких семей общество избирает, если нет отца, или он уже слаб, между собой способнейшего в старейшины, которому все прочие повинуются. Лета, не зависимо от достоинства, редко принимаются в соображение при таком выборе. Имущество остается неразделенным. Всякая супружеская пара имеет особливую избу или

[1] Употребительнейшая казнь в Сербии есть колесование: преступник убивается из ружья или [из] пистолета, а труп, поднятый на так называемое колесо (коло), на мосток, сделанный наверху заостренного столба, коего конец пробивается в тело, остается таким образом на месте казни иногда два и более года. По совершенному истлению [тела] родственники получают позволение предать кости земле. (Примеч. авт.)

клеть, а все дети — под присмотром матери дома или жены старейшины, которая заведует также и всем женским хозяйством. Собраны бывают в одно место.

В некоторых странах, где спокойствие не было столь часто нарушаемо, как в собственной Сербии, например, в Черногории жители имеют просторные дома, но в сей первой стране, где нет ни одного дома, который бы был старее 15 или 16 лет, во многих местах жилища едва ли бы могли удовлетворить где бы то ни было заботливости хорошего хозяина о выгодах своего скота. Оне вовсе не предохраняют от стужи, по большей части бывают без потолка и нередко с кровлею, содержащей только две стороны, сзади же и спереди элементы имеют свободный вход. Стены сохраняют все щели, остающиеся при неплотно сложенных брусьях, и не всегда замазываются. Не нужно говорить, что печки бывают здесь бесполезны.

В подобной избе серб проводит с своей семьею зиму перед камином, в коем он за один день сжигает более дров, нежели сколько бы нужно было, чтобы согревать в продолжение двух недель хорошо устроенную хижину. Такие избы можно видеть среди лесов, в коих нет проезда, за огромными деревьями, сваленными ветрами или срубленными и оставленными без употребления. Дома, кроме в городах, не белятся ни снутра, ни снаружи; и опрятность в них соответствует их постройке.

Сербы охотно прославляют праздники, и число дней, отнимаемых от работы, увеличивается еще обычаем, что всякий хозяин имеет своего патрона, в который [день] поставляет обязанностью позвать своих родных, приятелей и соседей, угостить их и провести в питье целый день, а иногда два и три[1].

Увеселения сербов состоят в слушании за стаканом сливенки или красного вина простого, но мелодичного пения героических повестей, сопровождаемого звуком гуслей, которые, впрочем, употребительнее в горных частях страны[2]. На равнинах, ближе к Саве и Дунаю простирающихся, гусли заменяет *волынка*, вокруг коей пляшут молодые парни и девки коло (круг или колесо) с припевом легкой поскочицы[3], в которой первые нимало не щадят стыдливости последних.

Сербы заимствовали от турок обычай, который, если не вредит добрым нравам, то, по крайней мере, не может способствовать и к сохранению их чистоты, обычай произносить без разбора лет и пола слушающих некоторые выражения, кои могут показаться грубыми и непристойными и не самому деликатному уху. И обычай сей есть общий всем классам народа.

В Сербии, как и во всей Турции, женский пол почитается назначенным к угождению мужскому и исполнению воли его. Женщины никогда не едят за столом с мужчинами, а прислуживают во время его [обеда] продолжения. Если есть в доме слуги или работники, то, услужив им, женщины садятся сами

[1] Речь, конечно, о Славе — празднике святого покровителя рода.

[2] Гуслями в Сербии называется инструмент, конструкцией похожий на балалайку, коего верхняя дека состоит из натянутой кожи. Вместо струн надевается свиток лошадиных волос, по коим водится дугообразным смычком, в то время как пальцы другой руки легко прикасаются близ грифа к свитку. (Примеч. авт.)

[3] Частушка.

за стол с малыми детьми. У всякого приходящего они целуют руку, а почетному гостю, который ночует в доме, должны, перед отхождением ко сну, обмыть ноги. Уважение и внимание, оказываемое их полу в Европе, хотя и удивляет сих полурабынь, но получает их одобрение. Сербские женщины гораздо трудолюбивее мужчин.

<...>

VI. Свойства грунта и произведения земные

Грунт земли в Сербии не принадлежит к самым плодоносным, ибо даже на отлогих местах, где нет камня, находится по большей части глина, не имеющая потребной для злака сочности, будучи способна скоро и совершенно сохнуть, что не благоприятствует плодородию. В отношении сего последнего качества земли разные части Сербии могут быть рассматриваемы в следующей постепенности: *Шабацкий округ* и преимущественно *Мачва*, именуемая в простонародье и в песнях *Богатою Мачвой; Валевский, Белградский* и *Ягодинский округи* во втором разряде; потом следуют: плоская часть *Пожаревацкого*, Смедеревский, *Крагуевацкий* и *Чуприйский*. Гористые части *Пожаревацкого*, *Рудницкий* и *Пожежский*[1] округи составляют степень ниже предыдущей, имея после себя округи *Ужицкий* и *Сокольский*.

а) *Земледелие*.

Хлебопашество находится в Сербии не в весьма цветущем состоянии. Обрабатывание полей довольно небрежно, и хотя страна сия по причине множества гор и лесов, не весьма богата землею, способною к тому, но и та не вся бывает возделываема.

Кукуруза (маис) сеема наиболее в Сербии; зерно ее употребляется как людьми, приготовляющими из кукурузной муки хлеб, так иногда и для корма лошадей и других животных. Сие произрастение покрывает обыкновенно все пашни, и редко где можно видеть иные посевы. За кукурузою следуют добываемые в небольших количествах *ячмень, пшеница, овес, просо, фасоль* и отчасти *гречиха*. Рожь здесь почти вовсе неизвестна.

В Сербии хлеб молотят лошадьми.

Количество добываемого разных родов хлеба только что достаточно для внутреннего продовольствия, вывоза никогда не бывает, и в земле, после годового потребления, почти ничего не остается.

Не во всей Сербии грунт земли одинаково способен к земледелию. Богатейшая в отношении земледелия часть ее есть *Мачва*; после нее плодороднейшими почитаются равнины, простирающиеся перед Савой, Дунаем и по главнейшим рекам во внутренности края, гористые места более или менее бесплодны, смотря по крутости и жесткости грунта. Сокольский округ, часть Ужицкого, Пожеского и Поречка река считаются наименее удобными к хлебопашеству и благодарными к трудам. В 1830 году, весьма неурожайном, око (3 фунта) муки пшеничной продавалась в Сербии от 20 до 30 пар, т.е. пуд от 2–50 до 3–60 и 70 ко[пеек]. Око фасоли по 50 пар, дороже рису, привозимого из Турции.

[1] Здесь и далее автор варьирует наименование Пожегской нахии.

В отношении сенокосов можно сделать то же суждение, как и в отношении хлебопашества. Недостаток в земле, бесплодие гористых мест и нерадение жителей, которые нередко косят траву в конце июля месяца, когда она уже совершенно иссушится, тому причиною. В некоторые годы, подобные 1830[-му], сено по причине засух делается весьма редким и тогда жители заменяют его *лиственницею*, которая приготовляется следующим образом. Рубят ветви дубовых дерев и складывают в кучу на тех же деревья, оставляя их таким образом высыхать. Уверяют, что листья сих ветвей, таким образом высушенных, сохраняют свою сочность подобно сену, вовремя собранному. Но приготовление сим способом корму для большого количества скота весьма трудно и не везде позволяется качеством леса, а потому зимою пускают, по большей части, скот питаться в лесах самым собою.

В гористо-каменистых местах поляны, оставляемые для пастбищ и сенокосов производят много папоротника, от коего скот получает кровавую мочу, сильно худеет и даже падает.

Умеренное содержание одной лошади в день стоит от 2 до 4 пеястров или от 70 до 140 коп. Смотря по урожаю в сене и зерне.

Успешнейшая отрасль земледелия есть разведение виноградных или сливовых садов (вотняков). Кроме *Мачвы*, где низменность места не допускает обрабатывания винограда, *Сокольской, Ужицкой* и *частью Пожецкой нагии*, где таковое не в употреблении и требует большого ухаживания по причине бывающей стужи, Сербия весьма богата виноградами. Добывается наиболее красное вино, каковому жители сего края оказывают предпочтение. Белое вино делается только в Смедереве и небольшим количеством в некоторых других местах у достаточных владельцев. Как то, так и другое вино, невзирая на несовершенство обделывания, не уступает винам беломорским (Архипелага)[1] и валахским.

Еще в большем числе находятся в Сербии сливовые сады, так что нет почти дома, который бы не имел такового. Сербы из слив добывают водку (ракия, шливовица), которая гораздо больше употребляется, нежели виноградная; хлебная же вовсе здесь неизвестна.

Как вино, так и водка не вывозятся никуда из Сербии; а изобилие и дешевизна их увеличивает в ее жителях склонность часто к весьма неумеренному их употреблению, умножающему беспорядки и отвлекающему от работ, коим они и без того предаются не с великою охотою.

Прочие садовые произведения суть грецкие орехи, растущие часто и в лесах, *яблони, груши, вишни, черешни, айва, персики* и некоторые другие.

Огородина родится в Сербии хорошо, особенно же *капуста* и *лук*; сей последний разных сортов и величины. Кроме того производится *репа, морковь, струковатый перец*, весьма много здесь употребляемый, *огурцы, дыни,*

[1] То есть из Ионических островов.

арбузы и пр. Но сии последние не имеют той величины и сладости, какими славятся арбузы, в южной части России произрастающие.

Ращение шелковичных дерев, благоприятствуемое довольно климатом, не введено в большое употребление. На долине Моравы, и особенно около города Свиленца[1], получившего свое имя от слова *свила*, шелк, сим наиболее занимаются. Однако же добываемое количество шелка не достаточно еще для потребности края, по той причине, что высший класс людей, то есть чиновники, купцы, зажиточные ремесленники и пр. носят белье, приготовляемое в собственных домах их из шелка.

Конопля сеется довольно, и она употребляется как для белья поселянами, так и для веревок, канатов из льну производится меньшее количество, нежели пеньки.

Пчеловодство не весьма значительно в Сербии, хотя леса и предоставляют большое удобство к разумножению его. Однако же за внутренним расходом часть меду и воску отправляется в Австрию.

Примечание. Птицеводство в Сербии не различается ничем от такового в России, те же роды домашних птиц составляют его, а именно: куры, утки, гуси, индейки.

b) *Скотоводство*.

Оно состоит в Сербии в рогатом скоте, овцах, козах, свиньях и несколько в лошадях.

Рогатый скот содержится хозяевами в изрядном количестве, преимущественно в местах, изобильных по крайней мере относительно прочих, пажитями, как то в Мачве и в Ужицкой нагии; на некоторых горах, содержащих между лесами поляны; как то: на Златиборе[2], Яворе[3] и пр., где разводится скот отменно крупной породы. Число сего скота во всей Сербии может простираться от 3 до 400 тыс. штук.

Овцы в сем крае имеют шерсть, которая может сравниться с шпанской[4] шерстью низшего сорта, получаемою в России. Овец и коз в Сербии имеется от 1 000 000 до 1 200 000 штук.

Хозяева обращают наиболее внимания на разведение свиней, которые приносят им наилучший доход и сверх того в урожайные годы не стоят им ни забот, ни корма, бродя с пастухами по лесам и питаясь дубовыми и буковыми желудями. В Сербии находится особливая порода сих животных; они длинны, крупны, имеют мягкую и часто кудрявую шерсть по большей части белого цвета. Способны ли они или нет утучняться, познается по тому, наперед ли или назад обращены у них уши.

Лошадей в Сербии мало, и хотя во всяком доме есть одна, а иногда и две лошади для поездок в город или в гости, как того требует приличие по обычаю, но заводов конских почти вовсе нет; а лучшие верховые лошади достаются из прилежащей части Албании, преимущественно из Прокуплейского округа[5], а упряжные из Австрии.

[1] Свилайнац (Поморавский округ современной Сербии) расположен при впадении Ресавы в Великую Мораву.

[2] Юго-Западная Сербия, ныне известный курорт.

[3] Центральная Сербия, к юго-востоку от Нови Пазара.

[4] Испанской.

[5] В настоящее время община в составе Топличского округа Сербии.

В целой Сербии, кроме Мачвы и части Пожаревацкого округа, нигде не ездят лошадьми в повозках. В прочих же местах большие тяжести возят на волах, а умеренные и состоящие из негромоздких предметов на вьюках лошадьми. Да и в помянутых округах устроение повозок и обыкновение не благоприятствуют скорой езде.

Родящиеся в Сербии лошади малы и слабы, за исключением небольших заводов у князя Милоша, его братьев и некоторых достаточных чиновников.

Буйволов в Сербии очень мало, ослов же вовсе нет, исключая у некоторых турок в городах.

c) *Главные произвольные произведения земли всех трех царств природы.*

1) Звери, птицы, рыбы и пр.

Многие названия гор, потоков, долин в Сербии, как то: Медведник, Елендол, Кошутя лапа, Кошутница[1] и пр., доказывают, что в ней водились прежде дикие звери, но ныне они мало-помалу удалились из мест более населенных и сохраняются еще в значительном количестве в мало посещаемых лесистых горах, простирающихся от р. Моравы к северо-востоку, составляя нынешнюю границу между Сербией, Нисским и Виддинским пашалыками. В них находятся: медведи, олени, дикие козы, вепри и прочие более обыкновенные звери. Прилежащая к Дунаю часть оных гор, называемая Поречкою-рекою преимущественно изобилует этими зверьми. Живущие на сем пространстве валахи иногда при всех стараниях не могут спасти своих кукурузных нив от опустошений, причиняемых медведями, которые высасывают молодые плоды оных. Пчеловодство терпит также от сих животных.

В Крагоеваце[2] находится звериниц князя Милоша, в коем содержится до 100 штук оленей, ланей и серн.

Лисицы и зайцы попадаются в Сербии, но последние мельче и не столь многочисленны как в России. Мех имеют темно-серый. Значительное число заячьих шкурок отправляется отсюда, равно как из Боснии и Албании через порты Адриатического моря в Европу для делания шляп. Белки и норки суть одни из мелких мешных[3] зверьков, коих можно видеть в Сербии.

Местное правительство прилагает свое попечение о истреблении волков, которых алчность должна быть столь гибельна для скотоводства, взращаемого почти везде по лесам; и потому сии звери в Сербии весьма малочисленны. В некоторых округах даже появление одного из них немедленно замечается и бывает поводом к принятию мер для его истребления.

Между домашними зверями примечательны суть собаки, добываемые из Австрии купцами, кои торгуют скотом. Они большого роста, весьма сильны, довольно кротки и чрезвычайно послушны голосу своего хозяина. Их употребляют при переправе скота через большие реки для присоединения к стаду тех животных, кои от него отделяются. Гончие и борзые собаки в Сербии редки.

[1] На сербском языке кошут означает оленя, а кошутница — лань. (Примеч. авт.)

[2] Здесь и далее: Крагуевац.

[3] Пушных.

Лесные птицы находятся в Сербии тех же почти пород, как и в России. Куропатки, тетерева и другие сорты лесной и полевой дичи довольно редки; как будто они умели дать цену успехам хлебопашества сей страны. Дрофы, встречаемые в величайшем множестве в южных провинциях Турции, и фазаны, там же попадающиеся, здесь вовсе не водятся. Водная дичь встречается только в болотах Мачвы и весьма мало на больших реках. Пеликаны или бабы столь обыкновенные в нижней части Дуная не достигают вод сей реки, омывающих Сербию. Журавли также неизвестны; но цапы и колпицы[1] попадают на оной реке.

Орлы и соколы любят гнездиться на неприступных утесах, на коих они заменили витязей старины, сидя на разрушенных их замках. Соколиная охота одна только в употреблении в Сербии.

Соловьи и другие певчие птицы кажутся испуганными дикою и грозною наружностью страны. Звуки их редко раздаются в густых дебрях Сербии. Поэт мог бы сказать, что, познавая цену своего сладкозвучия, они ищут слуха более чувствительного к его прелестям.

Реки Дунай и Сава, хотя не столь рыбны, как некоторые реки в России, однако же содержат разного рода как обыкновенных сортов, так и красной рыбы. Дунай вообще славится огромностью ловимых в нем белуг (морунь); стерлядь попадается также часто, но осетр и севрюга реже. Около *Белграда, Смедерева, Шабаца* и некоторых других мест есть небольшие рыбные заводы; но получаемая рыба отвозится в другие места редко, по большей же части продается на месте.

Морава, Дрина, Колубара и другие реки могли бы также доставить прибыточное занятие для жителей, кои бы желали промышлять рыбною ловлею, но они мало оной предаются; отчасти потому, что страна сия представляет многие пути к пропитанию, прежде уже пробитые, а частию по свойственной им склонности к праздности. Небольшое количество соленой рыбы отправляется во внутренность Сербии.

Все горные реки и даже быстрые потоки, льющиеся между камнями и по камням, содержат много форели (пастремка), которая иногда бывает от 5 до 6 фунтов весом. Таковы суть преимущественно речки: *Градац, Ябланица*[2]*, Любовитя*[3]*, Детынья*[4]*, Дубочица, Студеница*[5]*, Млава*[6] (в коей род форели, больше обыкновенной и имеющий черные вместо красных пятна, называется липенем), *Ресава*[7]*, Пек*[8]*, Шашка* и *Поречка Река*[9]. Примечательно, что по мере уменьшения быстроты и свежести вод, также перехода грунта земли из каменистого в мяг-

[1] Птицы из отряда голенастых, семейства ибисовых.
[2] Притоки Колубары.
[3] Любовиджа — правый приток Дрины.
[4] Детина — при слиянии с Моравицей образует Западную Мораву.
[5] Притоки Ибара.
[6] Правый приток Дуная.
[7] Ресава — правый приток Моравы.
[8] Правый приток Дуная.
[9] Правый приток Дуная на востоке Сербии, образуется в слиянии Шашка-реки и Црнайки.

кий и иловатый либо песчаный, форель перестает водиться; во многих из помянутых речек и ручьев она ловится только в вершинах. Любители хорошего стола, какового рыба сия может служить украшением, с неудовольствием узнают, что она в Сербии употребляется поселянами или вообще людьми, не имеющими ни средств, ни умения хорошо ее приготовить.

2) Деревья, растения и пр.

Пространные дубравы Сербии населены буками, дубом, ясенем, кленами, липами, берестами, тополями, грабом и пр. Деревья, в сей стране растущие, отличаются прямизною и достигают необыкновенной объятности; что весьма естественно в лесах, о коих с Жуковским можно сказать, что во многих из них «сна от века

Ни звук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал»[1].

Почти четвертая часть лесов состоит из бука. Урожай на желуди сего дерева, случающийся через два и три года, умножает значительно доходы жителей, которые, откармливая ими свиней своих, продают их в Австрию гораздо дороже, чем когда они бывают худы. Из внутренности бука и цера (одной из дубовых пород) извлекается находящийся в Турции в большом употреблении мягкий и не требующий приготовления трут. Поселяне узнают по некоторым признакам деревья, содержащие сие вещество, рубят их и находят иногда в одном дереве от 5 до 10 ок. На месте трут сей продается от 1 ½ до 2 пеяст[ров]; а в других местах Турции от 10 до 20 и больше одно ока.

В Сербии находится пять пород дуба; а именно: *цер*, растущий на горах. Имеет прямой и высокий ствол, ветви начинают пускаться только с половины его роста. Лист его мелок и продолговат; желудь горек вкусом, толст и длинен, с мохнатою чашечкою. *Раст*, отличающийся от цера только тем, что желудь его средней величины, и что он имеет лоснящийся лист. *Граница* растет более в толстоту, нежели в величину, распространяя широкие и не высоко от корня исходящие ветви. Лист ее широк и тускл; желудь не велик и горек; сия порода встречается как на горах, так и на равнинах. Она приносит еще род чернильных орехов, которые, однако же, будучи гораздо больше обыкновенных и пусты, для чернил не употребляются. *Лужняк* происходит на низменных местах. Вид его подобен границе; а лист — растовому листу. Желудь длинен и тонок; вкусом горький. Другой род плодов, приносимый лужняком, похожий на сухую грушу, употребляется для чернения кож, а собирается как для надобности страны, так и для продажи в Австрию. *Белик* отличается от границы тем, что желудь его сладок и несколько меньше, а кора дерева беловатая.

Здешняя липа отличается от российской липы широкою листвою, величиною и запахом цветов. Сила сего последнего такова, что в некотором расстоянии

[1] Процитирован отрывок из «Послания к Воейкову» В. А. Жуковского, который приведен А. С. Пушкиным в «Кавказском пленнике» в качестве примера описания Кавказа.

от дерева он уже дает себя чувствовать; роща в коей находятся сии деревья во время цветения наполняется благовонием, а несколько веток, внесенных на ночь в комнату с запертыми окнами могут причинить головную боль, подобно лилиям и туберозам. В южной Турции растет та же порода липы.

Прочие из вышеперечисленных дерев ничего особенного не представляют. Береза редко встречается в Сербии и скоро усыхает.

Хвойный лес находится только на хребтах *Сувобор* и *Златибор*, иногда пополам с лиственным, иногда же чистый. Ели встречаются более, нежели сосны. На некоторых каменистых горах растет весьма смолистая порода сосны, *лучиною* называемая, потому, что дерево ее употребляется простым народом для освещения. Она горит весьма ярко; но скоро сгорает и издает много дыма и копоти.

В гористых, хрящеватых местах попадается кустарником можжевельник, коего ягоды, как и в Турции не черные, а красные.

В Сербии растет дерево *Руй*, доставляющее желто-красноватую краску, употребительнуюв крае.

Из Константинополя принесено и посажено в Валеве несколько плачущих дерев, достойных быть упомянутыми по причине красоты сего растения. Они, однако же, сильно пострадали от холодной зимы минувшего 829 года.

Леса содержат и некоторые фруктовые деревья, как то: яблони, груши, грецкие орехи, лещину или орешник, кизил (коего большой багровый плод довольно приятен, когда бывает зрел), глод[1], терн, известный и в России, *оскорушу*[2] *и мушмулы*[3]. Последние два дерева свойственны сему климату и почве и доставляют плоды, первое — круглые, а второе — подобные груше; которые делаются, как те, так и другие, едомыми после морозов, когда сделаются мягкими или почти сгниют.

В лесах близ дорог и селений деревья бывают весьма часто увиты природными гирляндами, образуемыми диким виноградом, коего лозы, выходя иногда из весьма толстого пня, укрепившегося близ дерева, достигают вершины сего последнего, переплетаясь со всеми его ветвями, доставляют путнику приятное зрелище и густую тень или, спускаясь к низу, легким колебанием своим веют на него прохладу. Сии дикие лозы украшаются иногда и плодами, хотя не столь вкусными, как те, которые взлелеяны бывают в садах.

Между растениями нет особенно примечательных; можно, однако же, упомянуть о траве, называемой сербами *здравац*, имеющей листы и запах подобные *гераниуму* и растущей на каменистых горах в окрестности монастыря *Горняка*[4], наполняя весной воздух благовонием.

3) Минералы.

Недра хребтов, Сербию покрывающих, могут и должны заключать в себе таинства, которых бы естествоиспытатель желал проникнуть, но оные, хотя и были

[1] Боярышник.

[2] Крупноплодовая рябина.

[3] Ошибка в падеже, мушмула — плодовый кустарник.

[4] Монастырь, основанный в XIV в., к юго-востоку от Пожаревца.

некогда разверсты, однако же, опять закрылись. Поверхность же сего края в отношении минералогическом представляет мало особенного и любопытного. Можно заметить, что свойства каменных слоев, составляющих горы по обоим берегам Моравы, суть различны между собой. На правом берегу сей реки они наиболее состоят из рыхлого камня, заключающего много блестящих, подобных металлическим частиц; а на левой — преимущественно из *фельдшпата*[1]. Известковый камень находится в большом количестве на обеих сторонах. В некоторых местах достается *гипс*, иногда попадаются кусочки горного хрусталя.

Сербия изобилует металлическими рудами, которые иногда были разрабатываемы, особенно во время владения ею австрийцев; но ныне совершенно оставлены. Мы опишем примечательнейшие рудники.

В горах, называемых Рудничкою-Планиною близ с. Майдана (на тур[ецком —] рудокопня) находятся следы весьма деятельной и продолжительной разработки руд. Говорят, что австрийцы добывали здесь много серебра и несколько золота; но по деланным опытам над сысканными на поверхности земли кускам сей руды оказывается, что они содержат много меди в смешении с мышьяком и серою. На сем месте еще и доныне лежит наковальня с надписью 1688. Во время Кара-Георгия сербское правительство хотело возобновить сию работу, но мастер (который был ночью похищен из Австрии и привезен в Сербию) знал только способ плавить руду, а не умел отделять металла[2].

На правой стороне Моравы в Пожаревацкой нагии находится место, именуемое *Майдан-Пеком* (от речки Пека), где также существовало австрийское заведение для разрабатывания медного рудника. Еще и доныне видны здесь развалины каменной церкви. По возвращении Сербии Порте 1739 года турецкие фамилии, поселившиеся было в Майдан-Пеке, продолжали сию работу, но как она была сопряжена с большим обременением христианских жителей, то многие из них, сделавшись по тогдашнему обычаю *гайдуками* (разбойниками), напали ночью на местечко, перебили турок, разрушили их заведение и таким образом прекратилось рудокопание. Однако же окрестные жители обязались платить Порте за свое освобождение от оного ежегодно по 3 000 пеястров, что и доныне продолжается. На речках Шашке и Поречкой-реке есть также подобные рудники и остатки заведений. Близ Майдан-Пека есть два примечательные вытекающие из окружающих его гор небольших ручья, именуемые Зеленым

[1] Полевой шпат.

[2] Эпизод подтверждается донесением русского агента: «... полагая здешние, что с деньгами могут быть независимыми от всех, и полагая при том, что рудники, ими открытые, наполнены златом и серебром, которое чтоб иметь недостает токмо искусный человек по горной части, послали разбойников на австрийскую сторону и там близ рудников темесварских схватили ночью в его избе одного мастерового из рудников, привели на край Дуная и перевезли на их сторону. Сей несчастный под опасением лишения жизни должен им дать из рудников здешних золото или серебро; теперь занялись деланием мехов и прочего, и дело сие скрывают от меня самого, воображая, что Россия отказала им офицеров по горной части от опасения, чтоб сербы не усилились более настоящего. . . » (К. К. Родофиникин — А. А. Прозоровскому, 18 октября 1808 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 4. Л. 5–7).

и Красным потоками. Первый имеет ту особенность, что вода его, впрочем весьма чистая и прозрачная делает на камнях, по которым протекает, зеленый осадок, особенно после дождей, и что напившемуся ее, обольщенному ее обманчивою наружностию, причиняет жестокую тошноту и резь в желудке. Струи *Красного потока*, не столь светлые, как предыдущие оставляют светло-бурого цвета густой и слизистый осадок. Таковых потоков находится здесь два.

На левой стороне реки Пека близ с. Кучайны была рудокопня, в которой добывали золото и серебро.

По берегу речки Сребреницы близ с. Котражи (Крагоевацкой нагии, в Рудничкой планине) обнаженные, состоящие из зеленоватого рыхлого камня горы доказывают, вместе с наименованием речки, что здесь должна находиться руда; ибо на самой поверхности земли заметно присутствие некоего колчедана, издающего серный запах.

О горе *Малене*, лежащей между Ужицкою и Валевскою нагиею, можно сделать такое же заключение. Речка Каменица, из него[1] текущая, коея вода имеет черноватый цвет, должна быть напитана каким-нибудь минеральным веществом.

В горе Медведнике, близ селения *Суводани*[2], добывались при [Х]аджи-Мустафе-Паше[3] турками большое количество свинцовой руды. В отраслях сей горы, примыкающих к реке Дрине, оказывается и на других местах таковая же руда; равно как и в горах Гучев и Барани[4], лежащих в *Радевине*, части отторгнутого со стороны Боснии округа.

Около сел. *Цырнчи*[5], находящегося на Дрине, показывается жителями место, которое они называют *Гваждяным майданом* (железным рудником); а в потоке поблизости селения встречаются действительно куски, коих вещество составляет середину между камнем и железом.

В хребте Копаоник (копал[ь]ник), который должен составлять часть новой границы Сербии с Ново-Базарским пашалуком, были некогда производимы значительные рудокопные работы, от коих он получил свое название.

Близ города Белграда, в одной пещере, происшедшей от ломки камня и называемой *Таш-Майданом*[6] (каменоломнею), добывается селитра, равно как и в подобной же пещере близ с. Дубока (в Поречкой-Реке). Селитренная земля сих пещер, по вероятию, происходит от того, что в зимнее время содержат в них пастухи окрестных мест свой скот.

На одной из гор хребта *Рудничкой-Планины* находится великое множество разного рода дерев окаменелых; и многие из них таким образом проникнуты минеральным веществом, что кроме форм их никакого следа растительности в них не остается.

[1] Очевидная ошибка родового окончания; правильно: из нее.
[2] Правильнее: Суводанье.
[3] Белградский паша (1793–1797, 1799–1801), сторонник реформ султана Селима III.
[4] Правильнее: Гучево и Боранье.
[5] С. Црнча в Республике Сербской (современная Босния и Герцеговина).
[6] Ташмайданский парк в современном Белграде (в просторечии — Таш).

В одном старом колодце близ города Валева также найдено окаменелое дерево.

Имена речек Баня, Топлица в Валевской нагии, селения Баня в Крагоевацком округе, урочища Баня в Пожаревацком, на р. Крутан <?>, и некоторые подобные исчисленным, доказывают, что в тех местах были либо полагалась возможность теплых минеральных вод. Ныне свойство потоков достаточно не определено, кажется, впрочем, что воды их резкого отличия от обыкновенных вод не имеют, ибо, по словам жителей, они имеют только то, что летом бывают холодны, а зимою теплы, что примечается и во многих других ручьях в Сербии, в коих вода находится всегда в противоположности с временем года и температурою воздуха, как о том выше упомянуто было; так что холодная летом вода делается только свежею в осень и теплою зимою[1].

На самом берегу Дуная близ с. Вишницы в 5 верстах ниже Белграда находится изобильный серный источник, коего вода чрезвычайно противная вкусу и обонянию пронзительным запахом гнилых яиц, служит весьма действенным средством к врачеванию скрофулёзных ран[2] и накожных болезней. В 1830 году, может статься, по причине суши, минеральные качества сего ручья приметно возросли.

VII. Богатство, торговля и промышленность

Из предыдущих статей можно было видеть, что если не все источники богатства Сербии раскрыты, то, по крайней мере, есть некоторые из таковых; между коими, без сомнения, первую степень занимает скотоводство.

Всякий владеемый предмет только тогда может быть назван истинным имуществом, когда он приносит пользу. Торговля необходима для оплодотворения имущества как частного, так и государственного. Она в Сербии довольно деятельна; ибо свободна и не знает никаких исключений.

Главная торговля сей страны производится скотом с австрийскими владениями, как непосредственно путями через р. Дунай и Саву, в них ведущими, так и через турецкие провинции, а особливо Боснию. Рогатый скот, как сербскими[3], так и турецкими торговцами, скупающими его в Сербии, гонится через оную провинцию в Рагузу[4], иногда также и в Скутари[5], а изсих городов перевозится на судах в Венецию.

Прежде последней войны с Россиею Турция не имела надобности брать скотину из Сербии, но теперь до населения опять оставленными толикими

[1] В пространстве, требуемом сербами от Порты, городке Баньске или Бане находятся горячие воды и старинное здание для их употребления. (Примеч. авт.)
[2] Воспаления кожи, слизистых, лимфоузлов; наружный туберкулез, золотуха.
[3] Милош Обренович гонял также в молодости скот, коим торговал его старший брат, в Рагузу или Дубровник. (Примеч. авт.)
[4] Дубровник.
[5] Скадар, Шкóдер (Албания).

тысячами жителей пространств в Болгарии и Ромелии[1] она должна для продовольствия больших городов своих заимствовать скотом из Сербии. Так в сем 1830 году искуплено было людьми, присылаемыми губернатором Адрианополя Гуссеин-Ага-Пашею[2], 4000 голов рогатого скота на сумму 360 т[ысяч] турец[ких] пиастров. Даже и в последнем гати-шерифе, изданном Портою касательно даруемых Сербии привилегий[3], оговорено, что и впредь подобная покупка может быть производима Портою в сей стране беспрепятственно.

Овцы и козы не продаются вне Сербии или весьма мало, но получаемые с них шерсть и кожи вывозятся в Австрию.

Принося приличие выражений в жертву сущности дела, надобно сказать, что главное богатство Сербии и главный доход ее жителей составляют свиньи. Ими производится самый деятельный и прибыточный торг с Австриею. Всякий зажиточный поселянин имеет ежегодно несколько сот пар сих животных для продажи. Таковая пара платится от 10 до 15 талеров (от 4½ до 6¼ черв[онцев]), когда они хорошо выдержаны; но для сего нужно время, а обыкновенно предпочитают продавать их, хотя дешевле, но больше и скорее, от чего цена сих животных редко возвышается более как от 5 до 8 талеров пара. Не всякий год торг ведется в одинаковом количестве и с одинакою выгодою; это зависит почти всегда от урожая в желудях и кукурузе, употребляемых на корм сих животных. В хороший год, как напр[имер] 1829, продано было из Сербии в Австрию свиней на 100 т[ысяч] талеров или около 291000 голландских червонцев. Вообще продается сих животных в год от 200 до 300 т[ысяч] штук.

Главный пункт сообщений между оными двумя странами есть город Белград; через него происходит вся торговля внутренности Турции, как то: Адрианополя, Татар-Базарджика[4], Филлипополя[5], Софии, Сереса[6], Скопии[7] и других больших городов с пограничною к Сербии частью австрийских владений. Из Белграда отправляется в Землин (на другом берегу Дуная лежащий) и в Пест вверх по реке Дунаю на судах *хлопчатая бумага, сарацинское пшено*[8]*, кофе, шелк, пряные коренья, красильные* и *лечебные материалы* и из предметов, принадлежащих собственно Сербии *шерсть, сырые кожи, свечное сало, воск, дрова*[9], отчасти *пенька* и другие, менее важные по цене и количеству их. Из Австрии же получаются *сукна, бумажные и шелковые изделия, железо* (близ

[1] Правильнее: Румелии.

[2] Гусейн или Хусейн-паша — командующий турецкими войсками на Балканах во время войны 1828–1829 гг.

[3] Имеется в виду хатти-шериф 1830 г. узаконивший автономию Сербского княжества.

[4] Па́зарджик (современная Болгария).

[5] Пловдив (современная Болгария). Далее встречается написание Филиппополь.

[6] Се́ррес (Се́рре, Греция).

[7] Скопье.

[8] Рис.

[9] Города Землин и Панчово (в Австрии) снабжаются дровами из Сербии, и так как сим промышляют только береговые жители, то леса по Дунаю и Саве приметно уже вырублены. Фата (около 2/3 кубич[еской] сажени) дров покупается не менее от 2 ½ до 3 пеястр, а на левом берегу Дуная продается по 8 и более. (Примеч. авт.)

Дуная в Банате находится железная рудокопня[1] по имени Бошняк) полосное и в изделии, хорошая глиняная посуда, стекло, веревки и, наконец, все произведения промышленности сей империи, в каких только Сербия или выше помянутая часть Турции имеют надобность.

На границе Сербии и Австрии находится три пункта, где учреждены последнею карантины и всякого рода товары могут быть, повергаясь в них очищению, перевозимы с правых на левые берега Савы и Дуная. Пункты сии суть: *Землин* (против Белграда), [Сремска] *Митровица* (выше г. Шабаца на Саве) и *Панчово* (в Банате), куда переезжают из пристани, устроенной в Сербии в с. Вишнице, в 5 верстах ниже Белграда. Меновые дворы находятся против г. Шабаца и с. Оструженицы, на Саве; в с. Ковине (переправы к нему из г. Смедерева, с. Кулича и близ г. Пожароваца из с. Дубравицы); против с. *Рама* в с. *Уй-Паланке*; близ мес[течка] Градиште[2] против с. *Винчи*[3] и в городе Пореч.

В Митровице и Панчове производится всякого рода торговля собственными произведениями Сербии; а на помянутых меновых дворах только продается один скот, особенно же свиньи, и предметы, кои не подвержены заразе, как то: сало, воск и пр.

К выше сказанному должно присовокупить, что большая часть продуктов австрийских фабрик и мануфактур приходят в Землин из Вены, Песта и других городов на судах по Дунаю.

Из Боснии привозят Савою доски и строевой лес, которые жители прибрежных городов Сербии предпочитают покупать из другой страны, нежели пользоваться своими лесами. Это происходит от недостатка промышленности.

На реке Дрине есть несколько торговых сообщений Сербии с Босниею, из коих главнейшее находится при с. Читлук, где лежит дорога из г. Сараево в Валево, в Сербии. В сем последнем городе бывают две славные ярмарки в июле об Ильином дню и в октябре о Дмитровом. Купечество с многоразличными товарами сбирается из разных мест <нрзб>[4], Македонии, Албании, Боснии и пр.; даже из Сереса, Монастыря[5], равно как и из Австрии. Через Боснию привозятся товары из Триеста. На сих ярмарках, равно как и той, которая бывает весною в мест[ечке] Пожег[6] (не столь известной и многолюдной как первые), продается сербами много рогатого скота. Из Боснии получается в помянутых случаях много железной и медной посуды[7], оружия, ножей, седел, лошадиного прибора и пр.

[1] Это ошибка. Рудник есть медный и добываемый из него металл, принадлежащий правительству, отправляется во внутренность империи. (Примеч. авт.)

[2] Возможно, современный Велико-Градиште (Сербия).

[3] С. Винча, ставшее знаменитым после археологических раскопок начала XX в. местной неолитической культуры, расположено на берегу Дуная в 15 км от Белграда далеко от Велико-Градиште.

[4] Возможно: Ромских, то есть из Румелии.

[5] Современная Битола (Республика Македония).

[6] Пожега в Златиборском округе современной Сербии.

[7] В Боснии находится недалеко от Сараево Варешский железный рудник; из добываемого в нем железа делаются и развозятся разные предметы. В Войнице, также близ Сараево, к стороне Герцеговины, работается наиболее оружие. (Примеч. авт.)

Торговля Сербии с Валахиею ограничивается одною почти только солью, которую первая получает от последней, и коея перевозка производится или сухим путем в небольших количествах жителями мест, близких к Видину и Кладовой[1], или посредством судов оптовыми купцами, наиболее турками из Видина, Никополя[2] и Систова[3]. Торговля сия терпит немаловажное затруднение от порогов, находящихся выше и ниже Пореча на Дунае; где во время маловодия суда бывают останавливаемы в продолжение многих недель и даже месяцев, как то случилось 1830 года. Для отвращения сего они должны перекладывать большую часть груз своего на меньшие суда и по миновании порогов опять нагружаться. Что сопряжено с потерею времени и не малыми издержками. От сего в помянутом году око соли в Сербии продавалось по 25 пар и более, то есть пуд соли стоил около 3 рублей; цена весьма высокая.

По изложенному здесь краткому обозрению торговли, производимой Сербиею, можно судить, что перевес выгоды находится на ее стороне. Без всякого сомнения, она получает ежегодно в обмен за отдаваемый ею скот и другие предметы, как мы видели, почти все сырые и необделанные, не менее 1 000 000 талеров, и едва возвращает третью часть сей суммы обратно за разные получаемые ею изделия. Каково бы ни было мнение насчет торгового баланса, но должно согласиться, что Сербия должна таким образом обогащаться, по крайней мере, монетою. Если бы капиталы, приобретаемые торгом, были употребляемы в обороте, то сие было бы очевиднее, но большая часть их, попадая в руки поселян, остается в бездействии и бывает или морально или физически зарыта в землю. Сие происходит столько же и от необразованности народа, сколько и от недостатка в прочности и надежности, как в политическом, так и в гражданском быту Сербии. Верность в слове или обязательстве, где дело идет о прибыли и корысти, не принадлежит к общим свойствам сербов, и еще менее занимающихся преимущественно торговлею греков, болгар и цинцар; учреждений же, которые бы обеспечивали таковую законным образом, еще не существует. Благодетельные перемены, происходящие в Сербии вследствие важных выгод, доставленных ей покровительством Высокого Российского Двора, должны распространить свое влияние вместе с прочими отраслями внутреннего благосостояния и на торговлю.

Довольно знать историю Сербии, чтобы судить, что промышленность в сей стране должна быть весьма ограничена и даже ничтожна. Из полудикого и угнетенного состояния назад тому 25 лет страна сия перешла к опустошительной и все истреблявшей войне. В продолжение 18 лет, протекших по окончании войны она оставалась в ожидании и надежде лучшего, но между тем сегодня не была уверена, чтобы положение ее завтра не сделалось хуже. Сия неизвестность удерживала *in statu quo* способности и расположение народа вообще и в частности.

[1] Кладово.
[2] Никóпол (Болгария).
[3] Свиштóв (Болгария).

В Сербии вся промышленность ограничивается упражнением городских жителей в необходимейших ремеслах; коим коренные сербы редко придаются, а по большей части греки и болгары, пришельцы из других областей Турции. Надобно заметить, что по обычаю сей последней и в Сербии ремесла весьма часто соединены бывают с торговлею. Здесь торгующий сукнами, полотнами или другими шерстяными и бумажными изделиями, мехами или кожами вместе шьет из них всякое платье, шубы, сапоги или башмаки, и, сидя на помосте своей лавочки, он в одно время есть купец и ремесленник; продающий металлы часто сам и кузнец, оружейник вместе есть и слесарь и пр. Хотя нет сомнений, что чрез таковое соединение различных упражнений они должны вредить себе взаимно, но, принимая в соображение, что оное имеет место только в малых городах и у мелких продавцев, коим остается много свободного времени за сношением с их покупщиками, надобно согласиться, что оное приносит пользу сим купцам-ремесленникам.

В Сербии, однако же, многие предметы, потребные для одежды поселян приготовляются ими самими. В домах зажиточных людей жены и дочери их сами ткут шелковое полотно, употребляемое ими для белья. В городах есть красильни, удовлетворяющие без больших издержек вкусу сербов к пестрой и преимущественно ярких цветов одежде. Цыганы упражняются в кузнечном мастерстве и в делании деревенской посуды; но много сей последней, а особливо крашеных ложек привозится из Австрии. Работается и выжигается простая глиняная посуда, но доставляемая из Венгрии (Песта) предпочитается самоделковой и дороже платится. В некоторых местах делаются огромные винные и водочные бочки, кадушки, колеса и тому подобные работы. По городам есть кое-где небольшие мельные и кожевенные заводы.

Выше сказано было, что в Сербии находится на речках и ручьях немалое число мельниц и там же упомянуто, что многие из оных вод подвержены во время засухи потере своего тока. От сего происходит, что жители, поселившиеся близ таковых вод принуждены иногда бывают искать в значительном отдалении от себя мельниц, кои были бы в действии, тратят поездками время и претерпевают даже недостаток в хлебе; между тем, как имеют все нужные материалы и выгодные места для устроения ветряных мельниц; но в целой Сербии нет таковой ни одной, и даже слово «*водяница*» (мельница) доказывает, что не предполагается и возможности другого рода мельниц, кроме водяных. В весьма немногих местах, однако же, есть движимые посредством животных; и это есть нововведение. Из сего очевидно, сколь мало в Сербии изобретательности и предприимчивости подражать полезному, видимому в других странах. Если сей пример и иные, могущие быть представленными, служат доводом недостатка в промышленности относительно внутренних потребностей края, то есть другие кои докажут то же самое касательно внешности его. Таким образом, чрез улучшение и умножение виноградов своих сербы, пользуясь Дунем, могли бы сделаться в одесском порте опасными соперниками для жителей островов Архипелага, снабжающих южную Россию своими винами; и брать там

хлеб, произведению коего почва их земли менее благоприятствует, нежели виноградникам.

Другой важный источник для будущей промышленности Сербии представляется в обширных ея лесах, кои, несмотря на потребление без всякой экономии жителями, без сомнения, переживут время неумения ценить столь полезный дар природы. При удобстве сплавливать лес вниз по Дунаю, предмет сей может со временем приносить большие выгоды Сербии, когда в местах более населенных станет чувствоваться в нем недостаток. Даже можно думать, что и при теперешних обстоятельствах разные древесные изделия могли бы иметь сбыт в Одессе. Напротив того, Сербия и сама ныне получает доски и отчасти строевой лес из Боснии.

<...>

IX. Герб Сербии. Образ правления и судопроизводство; законы, полиция, войско, монета, почты, сообщения, карантины и пр. в сей стране

Герб Сербии есть белый крест с четырьмя огнивами, находящимися в промежутках, на красном поле овального щита, украшенного порфирою с княжеской короною. Во время господствования в Сербии королей соответственно их достоинству изображалась и корона; а когда *Стефан Душан Сильный* провозгласил себя императором, то он принял в герб свой двуглавого орла с короною, отвечавшею сему высокому званию[1].

В Сербии все власти соединены в особе ее Верховного Вождя и наследственного князя, зависящего только непосредственно от Порты. 30 ноября сего 1830 года обнародован был в Белграде перед народным собранием (скупщиною) сербов султанский берат, утверждающий княжеское достоинство в князе Милоше [Обреновиче] и его фамилии по праву первородства в мужском колене.

В силу фирмана сопровождающего оный берат, всякий вновь во владение вступающий князь обязан за утверждение свое вносить Порте 100 т[ысяч] пиастров одновременно из собственных своих доходов.

Все дела до внутренности края и до внешних его отношений касающиеся, исключая судебные, производятся в собственной канцелярии князя, состоящей из нескольких секретарей его. Один чиновник заведывает народною кассою.

Некоторые округи управляются родственниками князя[2], кои и называются по сохранившемуся еще от австрийского владения обыкновению *обор*(обер)-*кнезями*, для различия от кнезей, заведывающих частями округов — *капетаниями*.

[1] «Народный» герб, описанный в начале абзаца, утвердился при Милоше Обреновиче. См. подробнее: *Соловјев А.* Историја српског грба. Београд, [1958], 2000. Стефан Урош IV Душан (1308–1355) — сербский король с 1331 г., царь сербов и греков с 1346 г., прославившийся своими завоеваниями. Созданное им Сербское царство оказалось недолговечным.

[2] Имеется в виду, прежде всего, младший брат Милоша Ефрем, управлявший тремя западными нахиями.

На основании помянутого фирмана должен быть учрежден в Сербии Совет, состоящий из именитых людей; но права, преимущества и обязанности его неопределенны[1]. Сего должно ожидать от мудрости и справедливости князя Милоша.

Должно думать, что в разных частях управления Сербии последуют различные перемены. Мы изложим здесь его таким образом, как оно до сих пор было.

Судопроизводство. Во всякой нагии имеется магистрат, состоящий обыкновенно из двух членов и одного секретаря или писаря. Сему месту подлежат решения всех спорных дел и определение наказаний за неважные проступки. Таковых магистратов находится в Сербии одиннадцать, как то выше исчислено, за исключением собственного магистрата города Белграда, который устранен от заведывания нагии, по сему городу называемой.

Спорное дело, взятое на апелляцию, и важные уголовные дела ведает и кончает *Главный народный суд*, состоящий из неопределенного числа членов и находившийся до сего времени в Крагоеваце, теперь же, может статься, будет переведен в Белград. В важных случаях решения его требовали утверждения Верховного Вождя[2].

Все сии судилища как нижней, так и высшей инстанции до сих пор не имеют никаких положительных правил или писанных законов, но руководствуются обыкновениями, примерами прежних судейских определений, совестью и усмотрением членов, которые их составляют. Сей недостаток не мог также укрыться от внимания князя и сербы надеются, что он оградит их гражданский быт положительными законами. Сколько известно, таковые были составлены по руководству славного уложения, под именем *Code Napoleon*[3], соображаясь с положением, нуждами, обычаями и просвещением края. Они должны быть в скором времени утверждены и напечатаны[4].

[1] Формулировки хатти-шерифа от 3 августа 1830 г. в этом отношении содержат смутный компромисс. См. подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 381–382.

[2] О правосудии Милоша поведал В. С. Караджич, кстати, находившийся в Сербии во время визита Розелиона-Сашальского, в своих потаенных записках. Они составлены в начале 1830-х, но писатель не велел вскрывать пакет с ними до 1900 г., а полностью они увидели свет только в 1960-х. Вот один пример: «В 1820 г. некая жена привела мужа своего к Милошу на суд, чтобы развестись с ним, поскольку он не мог исполнять супружеские обязанности (тогда и в том самом, как и во всех других случаях, спорящие стороны допрашивали и судили во дворе: Милош с судьями стоял или сидел на диване, а истец и ответчик ниже от них, промеж парней-охранников). Когда муж стал говорить, что жена не имеет права его в том обвинять, тогда их по полудню отвели в одно помещение и заставили перед столькими парнями, которые около них стояли, совершить попытку». (*Караџић В. С.* Сабрана дела. Књ. XV. Историјски списи. I. С. 131.)

[3] Кодекс Наполеона (Гражданский кодекс, 1804).

[4] Из этих затей, предпринимавшихся неоднократно, при Милоше так ничего и не вышло. Они носили, скорее, имитационный характер. Ориентированный на адаптацию западных правовых норм Гражданский законник был принят в 1844 г. уже при уставобранителях и князе из новой династии — младшем сыне вождя Первого восстания Александре Карагеоргиевиче.

Полиция. Во всякой кнежине находится *кнезь* или *капетан*, поставленный для выполнения в оной повелений и требований местного правительства, сбора податей и наблюдения за порядком. Он совершает свою обязанность чрез посредство *кметов* или *сельских кнезей* (старост, соцких[1]), заведывающих селениями. Капетаны имеют по одному писарю и по несколько *момков* (пандуров), род жандармов. Прежде были соединяемы несколько селений в один *срез*, имевший своего *срезского кнезя*, но ныне сие подразделение кнежин вышло из употребления и *кметы* находятся в непосредственном распоряжении капетанов.

По прежде существовавшему условию сербов с турками, со стороны сих последних находился во всяком окружном городе *воевода* или *мусселим*, который вместе с сербскими чиновниками ведал внутреннюю расправу по округу и получал от Сербии жалованье. Мало-помалу сии воеводы были устранены от дел, а ныне предоставлено паше иметь таковых только там, где есть турецкие гарнизоны.

По городам для надзора за порядком учреждены особливые чиновники под названием *полицай*.

Из вышесказанного видно, сколь просто и малосложно управление Сербии, и должно сказать, что до сего времени в нем не открывается больших неудобств, что происходит от простоты нравов в жителях сей страны, малосторонности их между собою отношений и ограниченности самого края касательно пространств его и числа обитателей.

Войско. Известно, что всякий серб имеет огнестрельное оружие, часто носит его и умеет им владеть. Многие присоединяют к сему оружию албанский нож или анджар. Напрасно турки старались обезоружить сию нацию; в ней со времени карагеоргиева восстания каждый житель есть и воин; но до сих пор еще в Сербии не было регулярных войск. Фирманом, о коем выше упомянуто, князю сербскому предоставлено право для сохранения порядка и внутреннего спокойствия иметь таковых нужное число. Еще до обнародования сего фирмана учреждена была князем Милошем рота регулярных солдат, составляющая его гвардию. Братья его имеют равным образом небольшое для себя охранение. Сверх того в летнее время собираемы бывают способнейшие молодые люди из селений, и их упражняют в изучении основных и необходимейших построений и эволюций. Остальное время года они живут по домам. Число их простирается до 2000. Нет сомнения, что это есть только начало и что, основываясь на помянутой статье фирмана, Сербия будет иметь такое число регулярного войска, какое она в состоянии содержать.

Монета. Монета, которая имеет в Сербии всеобщий ход есть австрийская и турецкая, последняя, однако же, в некоторых нагиях принимается неохотно и вообще имеет мало доверенности. В Белграде, который принадлежит к главнейшим пунктам торговли Австрии с Турциею, монета сей последней империи сбывается удобно.

[1] Так в тексте; вероятно, правильнее: сотских.

Голландский и австрийский (мадьярский) червонцы определены местным правительством в 24 пеястра, цванцигер (20 крейцеров конвенционс-мюнце[1]) в 66 пар; талер в 10 пеястров. Обыкновенный же курс сей монеты есть: червонец 35, талер 10, а цванцигер 2½ пеястра. Примечательно, что те предметы, которые сбываются только в Австрию, должны быть и приобретаемы монетою сего государства. По прочим статьям торговли принимается монета как турецкая, так и австрийская.

Подати уплачиваются монетою левого берега Дуная, а при таможенных сборах допускается, смотря по местным отношениям, обе упомянутые монеты.

Легко видеть из вышесказанного, что в ходе монеты в Сербии есть довольно неправильностии запутанности, вредящих торговле.

Почты. В Сербии, равно как и во всей Турции, нет установленной письменной почты. Право на учреждение таковой предоставлено ей фирманом султана и доказывает, что правительство ее имеет намерение привесть таковое в исполнение. Уже нечто подобное сему заведению существует и ныне, ибо в положенные дни отправляются гонцы из Белграда в Крагоевац, Шабац и Пожаревац, что, впрочем, зависит от пребывания в оных князя или его фамилии и братьев.

Так называемые *мензил-гане* или станции с почтовыми лошадьми для вожения верхом курьеров и проезжающих находятся только по тракту, из Константинополя в Белград ведущему, а именно: в сем последнем городе, мес[течке] *Гроцке*[2], мес[течке] *Гассан-Пашиной-Паланке*[3] *и Ягодине*, от 20 до 40 лошадей на каждой станции. В городах *Крагоевац*, *Шабаце* и *Пожареваце* есть также по несколько почтовых лошадей для сообщения между ними по надобностям местного правительства. Сии станции учреждены на образец турецких и платится за час (5 верст) по 1-му пеястру (прежде по 30 пар) с лошади.

Дороги. До 1829 года в Сербии, кроме равнин, не возможно было нигде ездить повозками. Зависимость сей страны от Турции была еще слишком велика, чтобы она могла предпринять меры к улучшению сей части внутреннего устройства, которая повелителями ее почитается ненужною и бесполезною. Таковое предприятие до последней войны могло бы даже возбудить подозрение Порты. По заключению Адрианопольского трактата, коим ограждено Сербии право вводить все то, что может клониться к усовершенствованию внутреннего благосостояния края, князь Милош обратил прежде всего внимание на облегчение сообщений и в один год все торговые дороги и сообщения между городами приведены в наилучшее состояние, несмотря на все трудности, представляемые свойством поверхности управляемой им страны. Должно было рубить и искоренять лес, разбивать камни, прорывать горы, углаживать и сравнивать рытвины. В некоторых местах, а именно в горах около Дрины и по границе близ Дуная, несмотря на все труды, не было возможности достигнуть желаемой

[1] Австрийская монетная система, введенная в 1753 г. и согласованная с другими европейскими государствами.

[2] Гроцка — ныне пригород Белграда.

[3] Современная Смедеревска-Паланка.

цели; ибо крутость гор столь велика, что лошадь с седоком едва может, в сухое время даже, на них подниматься.

Недостаток в удобстве путей был причиною, что в Сербии, кроме *Мачвы* и *плоской части Пожаревацкого округа*, тяжести перевозимы были всегда на вьюках, жители не знали другой езды, кроме верховой[1]. Хотя и ныне то же продолжается, но нельзя сомневаться, что жители сей страны скоро увидят преимущество езды повозками над верховою, как скоро они получили возможность и удобство их употреблять.

Карантины. С того же времени учреждены в Сербии и карантины на главных сообщениях; а именно, близ Пореча на Дунае для судов, идущих из Турции и Валахии; и в Тюприи[2] на Цареградской дороге. Это еще нечто[3] иное есть как проба. В сих карантинах наблюдаются, более по наружности, некоторые правила, между тем как прочие сообщения с Турциею остаются свободными. Приведение в точное исполнение карантинного предохранения Сербии будет всегда сопряжено с трудностями и неудобствами, ибо турецкое правительство будет противиться тому, чтобы главное сообщение Константинополя и почти всей Румелии с Австриею, также и с гарнизонами его в Сербии было подвержено затруднениям и медленности, сопряженным с сею мерою, которая, с другой стороны, поставила бы большое препятствие свободному сношению и торговле жителей Сербии со своими соседями на двух третях ее окружности. Что было бы немаловажною невыгодою для последней страны.

Без сомнения сербское правительство учредит карантины на всех важных пунктах для того только, чтобы прибегать к ним временно в случае явной опасности; чего Порта не может воспретить, а очевидная польза и сохранение края вознаградят непродолжительное стеснение торговли и издержки с содержанием оных сопряженные.

X. Налоги и повинности

До сих пор в Сербии существовали следующие налоги.

1) *Гарач*[4], поголовная подать, общая для всех жителей христианского исповедания в Оттоманской империи, кои суть мужеского пола. В Сербии взимается она от 7 до 70 лет, не достигшие первого и прошедшие последний из сих возрастов исключаются из податных регистров. Подать сия в различных провинциях Турции бывает различна. Квитанция в уплате гарача служит вместо паспорта в пути.

[1] Не редко случается видеть в Сербии поселянок, едущими верхом. Этот обычай у сербов весьма древен. В старинных рапсодиях (юначки песме) невеста привозится сватами и деверем в дом будущего [мужа] всегда на коне. (Примеч. авт.)

[2] То есть в Чуприи.

[3] Так в тексте, правильнее: не что.

[4] Харадж. См. примеч. к «Воспоминаниям» Ф. П. Фонтона.

По успокоении Сербии турки, довольствовавшиеся сначала незначительными налогами, мало-помалу возвысили было гарач до 25 пеястров, в то время равнявшихся те[пе]решним 60, что и произвело вместе с другими притеснениями новое восстание. Милош обещал успокоить народ с условием, чтобы Порта не требовала вперед более 3 пея[стров] и 2 пар в гарач. Последние две пары определяются в пользу чиновника, держащего регистр. Таким образом продолжалось доныне; но турецкое начальство было устранено от сбора податей, производившегося сербскими чиновниками. Гарач даже находился на откупу у князя Милоша, который выплачивал Порте определенную сумму, без принятия в соображение приращения числа жителей. Сумма сия составляла ежегодно около 250 т[ысяч] пеястров.

2. *Чибук*, налог на овец и коз, по 2 пары со штуки, определенный на содержание трубочного прибора паши. Он приносил от 50 т[ысяч] до 60 т[ысяч] в год, но паша по уговору получал 11 т[ысяч] пеястров.

3. *Главница* платится всяким семьянином по 2 лева, а холостым по 20 пар в пользу спайев (частных турецких владельцев), которым, как уже выше было упомянуто, принадлежит и десятина с земных продуктов, исключая сена, огородины, конопли и некоторых мелочных посевов.

4. *Порез*, *пореза* или *порция* входит собственно в народную казну, будучи собираема два раза в год, весною и осенью, от всякого семьянина по 17 пеяс[тров] (считая в голландском червонце 24 пея[стра]), то есть по 34 пея[стра] во весь год. Налог сей определяется обыкновенно в собраниях старейшин народа.

5. *Дымница* (от слова дым) взимается епископами по 20 пар с каждой избы и составляет около 40 т[ысяч] пеястров ежегодно.

В статье о торговле было сказано о числе пунктов сообщения в отношении коммерции Сербии с ее выгодами; там же упомянуто было, что главный из таковых пунктов находился до сего в руках турецкого начальства, и что производимый торг на остальных состоит наиболее в скоте. Пошлины, взимаемые при отправлении его, суть следующие: со штуки рогатого скота берется 4½ пея[стра]; с пары свиней 1 пея[стр], с пары овец и коз по 25 пар, считая в червонце по 24 пеястра. С фаты дров (2/3 кубич[еских] сажени), переправляемых в немалом количестве в Австрию, таможня взимает по 10 пар. Пошлины с прочих предметов столь же умеренны, как и вышеозначенные.

Кроме исчисленных прямых и непрямых налогов, вносимых монетою, на народе лежат некоторые обязанности, которые он должен выполнять вроде земских повинностей. Таковы суть расчистка и поправка дорог, построение мостов и общественных домов, перевозка разных предметов, входящих в общественные потребности, определенное число дней, в кои должно работать в пользу чиновников и в некоторых местах в пользу правителя. Из двух предместий города Белграда, совершенно освобожденных от *пореза*, одно обязано работать род барщины в пользу *князя Милоша*, а другое — в пользу *паши Белградского*. Также некоторые селения, называемые *пряворами*, принадлежащие монастырям, находятся на том же положении.

Легко видеть, что налоги сии монетою и в работах не могут быть обременительны для народа, пользующегося столь многими выгодами, каковые представляет ему богатство края. Жители других провинций Оттоманской империи, принадлежащие к христианскому исповеданию, вносят несравненно высшие подати, чем сербы.

Мы исчислили подати и повинности в том положении, в каком они до сих пор существовали, но как ныне Сербия получает новый образ бытия, то можно полагать, что и по части налогов последуют в ней перемены, хотя и будут сохранены некоторые старые формы.

XI. Доходы Сербии и их потребление

В предыдущей статье показано было, каким образом разные налоги, несомые сербами, принимали различные назначения и входили в разные руки. Таким образом частные владельцы и духовенство получали определенное им сами, без посредства местных начальств. Налоги, собственно Порте принадлежащие, как то, гарач, мукады[1], переправы и таможни, находились на откупу у князя Милоша и вносимы были от него в султанскую казну (чрез посредство белградского паши) по сделанному однажды договору или расчислению; наконец третье отделение податей входило собственно в народную кассу Сербии.

Трудно определить количество доходов, которые получаемы были пашами и тимариотами от их владений в Сербии, ибо за исключением взимаемой ими главницы, которая в совокупности могла составлять около 200 т[ысяч] турецких пеястров, остальная часть дохода их, происходящая от десятины, зависит от урожая и ценности продуктов.

То же самое можно сказать и о доходах с мукад, переправ и таможен, которые бывали сообразны с случайными обстоятельствами. Известна только та часть сей отрасли доходов, которая уплачиваема была Порте как условленное, присовокупляя сюда же и гарач, а именно:

Гарач — 248000 тур[ецких] пеятсров; *мукады* 40 т[ысяч] тур[ецких] пеяс[тров]; скеле и гюмрюк (переправы и таможни) 25 т[ысяч]; *чибук*, принадлежавший собственно паше белградскому 11 т[ысяч] тур[ецких] пея[стров]; итого 324000.

Приблизительно истинное произведение сей части налогов может быть определено следующим образом: гарач — от 800 до 900 т[ысяч] тур[ецких] пея[стров]; мукады от 100 до 150 т[ысяч]; переправы и таможни от 150 до 200 т[ысяч] в такой год, когда торговля деятельна; чибук от 50 до 60 т[ысяч]. Итого от 1 100 000 до 1 250 000 турецких пеястров.

Собственно народную казну составляла в Сербии подать, называемая порезом, как то сказано было выше. Число семейств —[2] без большой погрешности

[1] Мукатаа — совокупность государственных поступлений с определенной территории или вида деятельности.

[2] Прочерк в тексте.

можно положить в сей стране простирающимся до 80 т[ысяч]; и так произведение оного налога составит около 113 000 червонцев или 3 895 000 турецких пеястров.

Главное потребление сего дохода было следующее. 1) Дань, платимая Порте, по определению сей последней отдаваемая, равно как и другие суммы, следовавшие ей от Сербии, в распоряжение белградского паши. Она составляла ежегодно 650 т[ысяч] тур[ецких] пеяс[тров][1]. 2) Жалованье или содержание, выплачиваемое ежегодно собственно паше и воеводам, простиравшееся до 400 000 тур[ецких] пеяс[тров]. Таким образом, как Порта, так и ее чиновники получали от Сербии до 1 400 000 пея[стров]. 3) Третья статья потребления доходов есть содержание чиновников и расходы по внутреннему управлению края, которые по простоте сего последняго весьма ограничены.

До сих пор не было положения касательно жалованья чиновникам по местам, ими занимаемым. Оное зависело от правителя, который, сообразуясь с заслугами и способностями всякого, определял его с тою бережливостию, коей он подавал пример самим собою. С новым порядком вещей и сия статья должна получить новое образование.

Собственный *liste civile*[2] князя Милоша состоял в 60 т[ысяч] пеястров по установленному курсу или 2 ½ т[ысяч] червонцев. Особы, управляющие одним или несколькими округами от 6 000 до 10 000 пея[стров]. Члены главного народного суда от 4 до 6 т[ысяч] пеяс[тров]. Капетаны или исправники от 3 до 4 тысяч; члены магистратов от 1 до 2 тысяч пеястров. Наконец, секретари, писаря и пр. в той же пропорции. Сюда причислить должно еще содержание людей, необходимых для исполнения власти по уездам и городам, содержание судебных и других зданий и стол, который имеют члены главного суда и магистратов на казенный счет, что заменяет столовые деньги; почты и пр. Можно полагать, что все расходы по внутреннему управлению края, вместе с содержанием, не простираются выше 500 т[ысяч] пеястров или около 25 т[ысяч] червонцев.

Следовательно, не включая расходов, соединенных с внешними сношениями Сербии, она ежегодно издерживала до 60 т[ысяч] червонцев. Значительный остаток поступал, по объявлению самого князя Милоша, сделанному перед скупщиною (народным собранием) в начале 1830 года[3], в казнохранилище, дабы на всякий непредвиденный случай, во коем бы могли востребоваться значительные издержки, быть в готовности.

До[л]жно ожидать, что с новым порядком вещей, учреждающимся в Сербии и часть управления ее, которая относится до налогов, доходов и их потребления, получит более правильности и твердости. Все вышеупомянутые разные наименования, назначения и формы, имеющие подати, будут соединены

[1] Паша для покрытия всяких издержек, с содержанием крепостей и гарнизонов в Сербии сопряженных, расходуя помянутые суммы, делал еще ежегодно на счет Порты значительный долг. Из чего очевидно, что владение сею страною не только не приносило пользы финансам Оттоманской империи, но еще было для них в тягость. (Примеч. авт.)

[2] Денежное содержание (фр.).

[3] О январской скупщине 1830 г. см. подробнее: *Белов М. В.* У истоков... С. 363–372.

в одну или, хотя и в прежнем виде своем, но будут поступать в народную казну. Порта должна будет получать ежегодно определенную сумму, в коей сольются все прежде уплачиваемые ей статьи, даже и доходы частных владельцев. Те из них, которые имеют в Сербии свои собственные земли, дома, виноградники, мельницы или другие какие-либо заведения, обязаны их либо продать, либо предоставить сербскому управлению, получая от него доходы, оными приносимые.

Князю Сербии определится на содержание соразмерная с потребностями его сана и финансами княжества сумма. Надобно думать, что и различные места, установленные уже или имеющие быть установленными, будут снабжены положенным и приличным жалованьем. Конечно, многие перемены, которых можно надеяться, не могут быть исполнены вдруг, ибо введение их требует времени и размышления.

Присоединение округов, гарантированных Сербии Адрианопольским трактатом, увеличит, без сомнения, ее способы во всех отношениях; и они могут быть еще увеличены чрез усовершенствование сельского хозяйства, распространение торговли и промышленности и другими полезными учреждениями.

Не менее к умножению доходов Сербии способствовать может и разработка руд, коими, как выше было сказано, изобилуют горы ее, и которые принадлежат к главнейшим выгодам, какие извлекала Австрия из сего края во время своего им владения.

XII. Вера

Сербы, как известно, суть греческого вероисповедания, принятого ими в IX веке. В Боснии и в австрийских владениях есть также сербы католического исповедания и униаты, около 70 лет оставившие обряды своих отцов по поводу бывшего голода. Правительство воспользовалось сим обстоятельством, чтобы преклонить нуждавшихся к сей перемене, назначая ее условием вспомоществования[1]. Сербы, пребывшие верными греко-российскому исповеданию, лишены и доныне некоторых преимуществ, коими пользуются католики, к чему поводом служат отчасти фанатизм римского духовенства, а отчасти политика правительства, желающего искоренить в подданных своих сербского происхождения семя приверженности к России. Между сербами и шокцами (так называются словены-католики) царствует величайшая вражда.

Известно также, что в Боснии и Герцеговине половина народонаселения состоит из потомков словенского племени, принявших магометанский закон, коему они преданы наравне с самыми древними и самыми жаркими последователями исламизма.

[1] Автор, несколько упрощая ситуацию, характеризует сокращение привилегий православной церкви и усиление униатства в Габсбургской монархии во время правления Марии-Терезии (1740–1780).

Во времена независимости Сербии страна сия имела в городе Ипеке, недалеко от Призрена, своего архиепископа, принявшего при Душане звание патриарха, когда сей государь провозгласил себя императором[1].

Арсений Чарноевич или *Чарнович* перешел 1690 лета с 37 000 сербских семейств в Австрию[2]; то же учинил и один из его преемников, *Арсений Йоанович* 1737 года не с таким успехом, как первый, ибо турки, узнав заранее о намерении сербов бежать, принесли в жертву огню и мечу гораздо более их, нежели сколько могло спастись[3]. В 1765 году константинопольский патриарх Самуил искательством и льстивыми представлениями Порте склонил ее к уничтожению патриаршеского престола в Ипеке[4] и получил право назначать в Сербию епископов по своему выбору. Сан сей сделался таким образом предметом торговли, перешед[ши] в руки греческого духовенства. Кто достигал епископского звания, тот почитал его должником своим в сумме, которой оно ему стоило, и старался вознаградить с избытком свою ссуду. Доколе митрополиты и епископы поставляемы были в Сербии собственными патриархами, дотоле духовенство, как белое, так и черное сей нации, было гораздо достойнее своего звания, даже имело некоторое образование, сообразное времени и обстоятельствам; что доказывается некоторыми сочинениями, написаны[ми] монахами уже под турецким владычеством, народ имел к нему более уважения и привязанности. Под греческими же епископами духовенство было до того доведено, что редкий священник умел хорошо читать книги. Возможность заплатить за свое назначение в священники было единственным качеством, которого искали старейшины церкви в тех, кои желали получить приходы. Нередко случалось, что люди, находившиеся в услужении у пашей в самых низких должностях, снискав их расположение, были поставляемы через хода[та]йство своих покровителей на епископские епархии. Так некий греческий священник, сделавшийся у *Реджепа-паши*, начальника крепости *Ада-Кале* или *Новой Орсовы*, пандуром, потом, командуя пандурами, воевавший в Валахии и бывший комиссионером паши по торговой части, поставлен был по желанию сего последнего

[1] Первая сербская патриархия с центром в Печском монастыре (Старая Сербия) просуществовала с 1346 по 1463 г.

[2] События, относящиеся ко времени войны Священной лиги, вошли в историю как Великое переселение. Им предводительствовал печский патриарх Арсений III Черноевич. Точное число переселившихся в 1690 г. неизвестно, но это были десятки тысяч человек. Переселения происходили и до и после этой даты. В итоге численность сербского населения на территории Южной Венгрии (так называемой Воеводины) в составе Габсбургской монархии в начале XVIII века составила порядка 200 тыс. человек. См. подробнее: *Костяшов Ю. В.* Сербы Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997. Гл. 1.

[3] Речь идет о событиях Австро-турецкой войны 1737–1739 гг. и участии в ней сербов на стороне Вены. Этот порыв был санкционирован и поддержан печским патриархом Арсением IV Йовановичем Шакабентой. Недача Габсбургской монархии, повлекшая за собой утрату Смедеревского санджака или Белградского пашалыка, вновь повлекла к потоку сербских переселенцев.

[4] Вторая Печская патриархия действовала с 1557 по 1766 г.

архиепископом в Сербию[1]. Таким образом в городе Зворнике (в Боснии на сербской границе) и доныне занимает епархию епископ, слывущий в народе под именем *татар-владыки*, ибо он был прежде у паши курьером.

По занятии турками в 1813 году Белграда архиепископ сего города[2] приказал исцарапать надписи, находившиеся на памятниках двух уважаемых в народе мужей, *Досифея Обрадовича*, славного писателя, и *Чардоклия*, бывшего в России депутатом со стороны Карагеоргия[3]. Надписи сии, будучи врезаны в мраморных досках, кои вставлены в церковную стену, поражают взоры каждого входящего в храм для принесения мольбы Всевышнему. Сие святотатство, учиненное без всякого к тому повода или требования турок и изобличающее раболепство и неограниченное малодушие особы, долженствующей быть примером для мирян, служит для сербов отвратительным памятником неуважения к отечественным добродетелям, оказываемого иноземным духовенством.

Епископы в Сербии пользуются денежным сбором (дымницею) по 20 пар с каждого дома, в их епархии находящегося; приведение коего в исполнение бывает иногда сопряжено с их стороны с мерами, неприличными их званию, что немало служит к отчуждению от них чувств народа. Самый даже образ представительности епископов, которые, желая явить в себе знаки власти, нередко разъезжают по епархиям вооруженные саблею и булавою, увеличивает нерасположение к ним их пастырского стада, равно как и то, что по смерти священников они присваивают себе общее право наследовать части собственного и части церковного имущества; а именно, лошадь и оружие умершего; крест и [е]питрахиль, с коими он производил священнодействие, почитают епископы себе принадлежащими.

Сии и многие другие соблазны высшего духовенства, с коим нация не имела ничего общего и коих беспечность о поддержании достоинства подчиненного им священства была слишком очевидна, пробудили в ней желание видеть перемену в подобном порядке вещей. По принятии управления князь Милош ограничил во многих отношениях по возможности неблагоприятное для народа влияние епископов, присылаемых из Константинополя, на состояние церкви в Сербии. Особенно старался он, чтобы особы, постригаемые в священнический чин, были хорошо научены чтению церковных книг в заведенных им для сего училищах. Наконец, при настоящих благоприятных обстоятельствах для богослужения и устройства Сербии она получила от Порты право избрать из собственного своего духовенства старейшин церкви своей, которые должны быть утверждаемы константинопольским патриархом, не подвергаясь даже обязанности получать таковое от него лично в столице империи.

[1] Возможно, аллюзия на Данило II, возведенного в сан ужицко-валевского митрополита в октябре 1814 г. и смещенного спустя год за обман и подлог, нарушение священнического чина и притеснение паствы.

[2] Речь идет, по-видимому, о митрополите Дионисии II (1813–1815).

[3] Имеется в виду Петр Новакович-Чардаклия; умер в Белграде в 1808 г. Обрадович — там же в 1811-м.

Сербия ныне разделена на две архиепископские епархии, коих настоятели, по обыкновению греческому, называются митрополитами. Они имеют свое пребывание в городах Белграде и Шабаце. Духовному ведомству первого принадлежат округи: *Белградский*, *Смедеревский*, *Пожаревацкий*, *Тюприйский*[1], *Ягодинский* и *Крагоевацкий*; а второго — *Шабацкий*, *Валевский*, *Сокольский*, *Ужицкий*, *Пожежский* и *Рудницкий*.

Богослужение в Сербии было всегда более или менее угнетаемо, смотря по тому, каких правил и мнений были правители, то есть паши. Почти все церкви, издревле существовавшие, были разрушены, и неоднократно. Сохранились немногие монастыри, удаленные в глуши лесов и вертепов от взоров мусульман. Чрез них удержалась и христианская религия в Сербии. Чем большей опасности и угнетению подвергается закон, тем сильнее привязывается к нему человек. Но и в сем роде энтузиазма он остается слабым смертным; если гонения и страдания превосходят меру сил его и взорам его не представляются эмблемы предмета его самоотвержения, внутреннее противодействие перестает, и человек преклоняется. Мы уже имели случай упоминать, что суровое физическое образование поверхности Сербии много ей помогало в борьбе ее против ига оттоманского; оно же отчасти благоприятствовало и тому, что жители сей страны остались верными закону своих предков. Обитая рассеянными по лесам и в горах, сербы находили в монастырях своих, таким же образом расположенных, единственные пункты соединения и свидания. По большим праздникам собирались иногда к монастырям многие тысячи народа, предававшиеся по выслушании литургии свойственным ему увеселениям. Сюда приезжали мелочные купцы из ближайших городов и местечек, продавалось питье и съестное, слепцы ударяли в гусли, сопровождая звуки их пением рапсодий, прославлявших подвиги предков, бои их за веру и отечество и победы над мусульманами; молодые парни и девицы (момцы и девойки) танцевали *коло* (круг) и искали либо выбирали своих суженных; родственники и сватовья беседовали о семейных своих делах, а нередко и старейшины (кнезове и кметове) советовались между собою и с народом о том, что надлежало предпринять или как исполнить требования своих властителей. Таким образом вещание между именитыми людьми сербского народа, в коем было положено 1804 лета восстать против дайев, имело место в монастыре по случаю годового празднества его[2]. К несчастию, подобные народные собрания народа[3], продолжающиеся и доныне, нередко оканчиваются убийствами между спорящими в разгоряченном от напитков состоянии.

Знатнейшие в Сербии монастыри суть: *Студеница* в Новобазарском округе, построенный королем Стефаном Неманею[4] в XII веке, и коего здание, почти

[1] Правильнее: Чуприйской.

[2] Неясно, о какой именно встрече старейшин накануне восстания здесь идет речь. Начало восстания связывается с Орашским збором под Тополой, состоявшимся на Сретенье 15 февраля 1804 г.

[3] Так в тексте.

[4] Основоположник средневекового Сербского государства Стефан Неманя носил не титул короля, но великого жупана (князя) Рашки.

разрушающееся, носит еще признаки великолепия и богатства, каких только можно ожидать от тогдашних способов Сербии и успехов времени в художествах. *Дечаны*, лежащий близ Призрена[1]. Построение обширного сего монастыря истощило все сокровища Стефана Дечанского, короля Сербского[2]. *Раваница* находится не далеко от р. Моравы в Тюприйской нагии и был сооружен, равно как и монастырь *Горняк*, князем Лазарем, по данным им обетам. *Манасия* — монастырь, обязанный своим существованием сыну помянутого князя Стефану[3]. (О сих двух будет подробное описание в статье о древностях и достопримечательностях Сербии.) Монастырь *Каленит*[4] лежит в Ягодинском округе; *Вратешница*[5] — в Крагоевацком. Игумен сего последнего монастыря Мелентий, который участвовал в Сербской революции, а особливо в происшествиях при Милоше, пользуется доверенностью и расположением князя и уважением в народе. Общее мнение его назначает быть в числе первых народных епископов[6]. Монастырь *Троноша* находится в кнежине *Ядар*, одном из отторгнутых округов. Каона[7] и [пропуск] лежат в Шабацкой нагии; близ сего последнего монастыря имеется ключ, коего струям приписывается чудесно-целебная сила.

Во время борьбы сербов с турками, с 1804 по 1815 год, все церкви, находившиеся по городам и селениям, были разорены. Ныне мало-помалу они опять выходят из своих развалин, о чем весьма печется князь Милош. Но еще малое число селений имеет свои церкви; часто один приход состоит из 10 и 15 таковых.

Таблица,
показывающая, сколько в какой нагии имеется церквей и монастырей

В Белградской нагии	13.	В Шабацкой нагии	12.
Смедеревской	13.	Валевской	14.
Пожаревацкой	24.	Сокольской	4.
Тюприйской	9.	Ужицкой	10.
Ягодинской	13.	Пожежской	16.
Крагоевацкой	18.	Рудницкой	21.
итого	90	итого	167

[1] Высокие Дечаны — православный монастырь, основанный в XIV в., в 12 км к югу от города Печ, бывшей резиденции патриарха.

[2] Стефан Урош III Дечанский — сербский король в 1322–1331 гг., отец Стефана Душана.

[3] Монастырь, основанный в XV в. близ Деспотовца, известен и как Ресава. Стефан Лазаревич (1374–1427) — первый сербский правитель с титулом деспота (с 1402 г.).

[4] Правильнее: Каленич в Левче (XV в.).

[5] Правильнее: Врачевшница между Горним Милановцем и Крагуевцем (XV в.).

[6] Мелентий Павлович стал белградским митрополитом в 1831 г. и отправлял эту должность до своей смерти в 1833 г.

[7] Согласно преданию, построенный в XIV в. монастырь Каона — это «задужбина» (вклад) косовского героя Милоша Обилича

Кроме исчисленных церквей и монастырей в Сербии можно видеть великое множество развалин древних обоего рода храмов, которые были построены прежними ее государями.

Богослужение, получившее уже некоторую степень свободы со времени Бухарестского трактата и частных условий Милоша с Портою, ныне вследствие Адрианопольского договора совершенно упрочено и восстановлено во всех правах своих, касательно обрядов, воспрещаемых турками. 1830 года, мая месяца, при многочисленном стечении народа обоих религий в Белграде были воздвигнуты колокола, и голос их наполнил радостью и умилением сердца одних и оскорбил бессильную гордость других. Мусульмане показали вид, что хотят противиться, но заметив твердую решимость сербов отвратить всякое препятствие в сем отношении, остались спокойными зрителями торжества сих последних.

Теперь уже все городские церкви и многие селения снабжены колоколами.

Во внутренних обрядах церковного священнослужения, которое в Сербии тем более подобно российскому, что оно производится по книгам, печатаемым в России, встречаются и некоторые обыкновения, вошедшие из римского исповедания. Таковы суть: перед выходом священника с Св[ятыми] тайнами раздается с клироса звук колокольчика; отроки в белой одежде сопровождают действия священника вне алтаря. Они становятся посреди церкви, держа в руках большие свечи (ставники), зажигаемые ими во время раскрытия царских врат и опять погашаемые, как скоро врата затворяются. Вид детей в облачении непорочности, которая еще находится или можно предполагать и в сердцах их, производит при важных обрядах священнодействия весьма умилительное и согласное с чувствами молящихся действие.

Одеяние белого духовенства в Сербии не всегда отличается от одежды светской и часто священник может быть распознан только по бороде, ибо сербы вообще таковой не имеют. Монахи имеют клобук, подобно греческим инокам, и, равно как сии, носят рясы разных цветов, за исключением очень ярких, не ограничиваясь черною одеждою.

XIII. Умственное образование сербов, науки и искусство в их стране

Выше было сказано, что до Милоша в Сербии и самые духовные особы не всегда знали хорошо грамоте; в народе же и того меньше было распространено учение. Школ не было, ибо турки препятствовали учреждению их по городам[1]. Единственный способ научать детей сколько-нибудь чтению и письму был отдавать их в монастыри, где они услуживали монахам, употреблялись ими для всяких работ, пасли стада их и по прошествии многих лет, если имели и прилагали собственное старание, привыкали петь на клиросах церковных,

[1] Последним гати-шерифом (актом с собственноручною подписью султана), данным в сентябре 1830 г., предоставлено сербам право заводить невозбранно училища, госпитали, почты и т. п. (Примеч. авт.)

кое-как читать священные книги и иногда научались немного писать. Народные старейшины (кнезове) редко знали грамоте и обыкновенно имели при себе писарей; а когда по завоевании Сербиею своей независимости требовались для управления делами знающие люди, то они бывали вызываемы из части австрийских владений, населенной сербами, между которыми уже достаточно распространилось европейское образование.

По успокоению Сербии Милош стал прилагать попечение об учреждении школ и ныне таковые существуют по всем городам и местечкам, при всех монастырях и в селениях, где есть церкви и во многих, где и нет их. В большей части училищ сего последнего разряда учат детей только церковному пению и чтению священных книг. Но в первых отроки изучаются не только церковному, но и светскому чтению, письму, арифметике, а в некоторых и начальным основаниям географии. В Смедереве, где живет много греков, есть особливый класс, определенный для греческого языка. Чрез сие первоначальное учение, по крайней мере, образуются священники, церковнослужители и писцы, употребляемые для дел, знающие хорошо грамоте люди, посвящающие себя торговле, могут сами вести свои счеты.

Число училищ во всей Сербии простирается теперь до 120, а учащихся от 2000 до 2500.

Изящные искусства и художества в Сербии не существуют. В статье, где описаны обычаи сей страны, упомянуто было и о музыке и народной пляске. Живопись ограничивается грубою работою иконописцев; и еще сии последние суть обыкновенно греки или австрийские сербы. Всякий плотник и каменщик есть вместе и архитектор.

Сохранившиеся монастыри и развалины некоторых церквей доказывают, что сербские государи средних веков употребляли для построения и расписывания оных художников греческих, в произведениях коих относительно архитектуры сливается очищенный вкус древних с тем, который принесли с собой готерские народы, оковавшие как политическое, так и умственное бытие обеих [Римских] империй[1]. Округлость зодческих форм, колонны и купола смешиваются в сих произведениях с угольными формами и непропорциональностью, а благородная простота, ищущая эффекта в целом, теряется в разнообразии, которая не увлекает, но развлекает чувства.

Но если гений сербского народа безмолвен в тех отраслях изящных искусств, которые рождаются только при постоянном, продолжительном и счастливом быте народов, то он является в том из сих искусств, которое иногда выигрывает в превратностях и бедствиях, доколе они не истощат совершенно силы народной, — является в поэзии. Дабы гений художника мог произвести что-нибудь прекрасное в живописи и архитектуре, сколько требуется побочных способов, из коих каждый доказывает уже усовершенствование общественное; нужны мрамор, каменосечцы, машины, краски и больше всего издержки.

[1] Расхожее представление о пагубном влиянии готов и уродстве готического искусства.

Между тем как дикарь, сидящий под деревом или в шалаше, сплетенном из ветвей, одушевленный любовию, восхищенный победами своих соотечественников или глубоко тронутый их бедствиями, может выражать страсти свои с теми силою и живостию, что песня его повторяемая из уст в уста и сохраненная преданием, займет достойным образом поэта просвещенного века, который предпочтет употребить свое перо, чтобы передать новые и резкие черты ее на своем языке вялому повторению истощенных предметов, представляемых ему окружающим его миром.

Сие случилось с сербскими старинными и новыми песнями, собранными любителем отечественной литературы Вуком Стефановичем Караджичем и напечатанными в Лейпциге 1824 года. Собрание сие обратило на себя внимание литераторов Германии: переложенные на немецкий язык Гергардом и г-жою Талви[1], оно было узнано и в других европейских землях. Англичане имеют также перевод сих песен.

Если бы не было известно, что стихотворения сии имеют почти столько же сочинителей, сколь велико число и их самих, то можно бы сказать, что сербы имеют своих Омира и Анакреона. Правда, что в героических (юначких) песнях нет того приличия, с коим должны были воспеваться подвиги богов и полубогов, и которые должны составлять необходимое условие мрачной, духовной созерцательности Оссиана[2], непрестанно в сношении с существами другого мира являющегося. Но в них живет изображение народа, не имеющего других идей, кроме тех, которые рождаются в нем от впечатлений окружающего его материального мира, народа воинственного, предпочитающего всем прочим качествам телесную силу и отважность, любящего бои, славу, а еще более успех, и для получения его не пренебрегающего хитристями[3] — народ, начавший ощущать иго, могущественным противником своей независимости и веры [установленное], и чувствуя свою погибель, проливающий без пощады кровь, которая не может литься свободно в его жилах. Песни сии отдаются иногда стенаниям, но стенания не жалобные, а подобные стонам, испускаемым во время борьбы; они перестают, умолкают, с тем чтобы по прошествии нескольких веков возобновиться с начатием новой борьбы.

В сем промежутке времени народ, истощенный сопротивлением преклоняет свою выю, но отважнейшие и неукротимейшие измежду его, предпочитая дикую и одинокою независимость во мраке лесов, опасности и бесславие, сопряженные с состоянием, отвергаемым общественным порядком, предпочитая

[1] Сия исполненная дарований женщина есть дочь бывшего в Харьковском университете профессором г. Якоб. Зная русский язык, она легко могла приобрести познание сербскаго. (Примеч. авт.) Указаны некоторые из первых переводчиков сербских народных песен Вильгельм Герхард и Тереза фон Якоб(и). Ее отец Л. Г. Якоб(и) мог преподавать автору в Харькове.

[2] «Песни Оссиана» — стилизованная под гэльский эпос подделка Джеймса Макферсона (1736–1796) — оказала огромное влияние на литературный романтизм. Выше упомянуты легендарные древнегреческие поэты Гомер и Анакреонт.

[3] Так в тексте.

спокойствию, купленному унижением, — отмщевали лютым врагам своим и своего народа. Поэты народные, видя в скрытных нападениях и убийствах гайдуков только справедливое возмездие мусульманам за порабощение своей нации, превозносили такие подвиги, которые во всех прочих случаях встречают одно только поношение.

Сербские богатыри, казалось, искали предсказать стих:

«О всемогущее вино! Веселие героя!»

и нередко там, где их мужество и сила обещали им победу, беспечность их за чашею любимого красного вина повергала их в оковы. Поэзия не преминула передать сие обстоятельство вместе с похвалами, заслуженными храбростию сих витязей.

Размер героических или юначких песен состоит почти исключительно в хорее.

Эротические и все прочие относящиеся к домашнему, семейственному и общественному быту песни имеют весьма многоразличный размер. Сии песни, обыкновенно весьма краткие, заключают всегда какую-нибудь мысль или чувство, что не во всех народных песнях имеет место, выраженные или с наивностью или с приятным и замысловатым оборотом или украшая простой предмет игривостию языка.

Юначкие песни сочиняемы были преимущественно в Сербии, Черной Горе (Черногории) и отчасти в Боснии; женские же (так называется другой род песен) многие родились между сербами, живущими в Австрии. Боснийцы, в коих исламизм сильно развернул склонность к любви, отличаются песнями, где страсть сия выражается с большею живостию, нежели в песнях их остальных единоплеменников.

<...>

РГВИА. Ф. 439. Д. 6. Л. 47–54, 57 об. —64 об., 73–89, 99–117 об.

Ю. И. Венелин. Письмо В. Априлову[1]

Юрий Иванович (Гуца) Венелин (1802–1839) — выходец из Закарпатья, славист-дилетант, известный своими эксцентричными идеями. Первый труд Венелина — «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном и историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829) — был опубликован при поддержке М. П. Погодина, издававшего тогда «Московский вестник»[2]. Хотя книга вызвала негативные отзывы, именно она, а также соучастие того же Погодина и С. Т. Аксакова, давнего знакомца А. С. Шишкова, президента Российской академии, обеспечили организацию ученого путешествия Венелина на Балканы в 1830 г. Однако выполнить полностью намеченную программу не удалось. Экспедиция вглубь полуострова после эвакуации русской армии из района военных действий 1828–1829 гг. оказалась затруднена. Важнейшие документы, письма и дневники, связанные с этой поездкой, на сегодняшний день опубликованы[3]. К воспоминаниям о ней Венелин обращался неоднократно и в своих последующих работах, а также в письмах[4], одно из которых представлено ниже.

Сентября 27-го дня 1837 г.

Милостивый государь Василий Евстафиевич!

Обязательное Ваше письмо от 22 мая 1836 года я имел удовольствие получить через почтенного старца Г. Байлу <?>. Вы, может быть, слышали, что я ездил в Болгарию в 1830 и 1831 годах по поручению Императорской Российской академии для собирания болгарских письменных памятников, народных песен и т. п. Мне сделана была честь этого поручения по случаю выхода в свет 1-го тома моих историко-критических исследований о болгарах. Цель этой моей поездки была та, чтобы могущие встретиться исторические или филологические памятники болгарской старины спасти от истребления посредством печатания.

[1] Василий Евстафьевич Априлов (1789–1847) — болгарский просветитель и меценат, деятель национального возрождения.

[2] *Никулина М. В.* Ю. И. Венелин в русском славяноведении первой трети XIX в. (Проблематика славянских древностей) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 23–40. Библ. работ Венелине см.: *Ишутин В. В.* Юр. Ив. Венелин (1802–1839): Биобибл. укр. лит-ры за 1828–1994 гг. // Ю. И. Венелин в болгарском возрождении / отв. ред. Г. К. Венедиктов. М., 1998. С. 148–204.

[3] Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / публ. подг. Г. К. Венедиктовым. М., 2005; *Венелин Ю. И.* Путевые записки / публ. Т. А. Медовичевой // ЗОР РГБ. Вып. 51. М., 2000. С. 194–250.

[4] См. своеобразный монтаж дневника и последующих мемуарных реминисценций в кн.: Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век. С. 156–174. Историю переписки с Априловым и его письма см.: *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838. В целом о контексте русско-болгарских культурных связей этого периода: *Песчаный Д. Г.* Руско-болгарские культурные связи в 30–40-х годах XIX в. // Из истории русско-болгарских отношений. Сб. статей. М., 1958. С. 113–193.

Так как никто до меня не делал в Болгарию археографической поездки, и, следовательно, я не имел ни малейшего руководства на поприще неизвестном, никакого указания, где, что и как можно достать, то я Вам должен признаться, что я ехал, так сказать, с завязанными глазами, руководимый одною только любовью к предмету. Несмотря на это неудобство, я сделал больше, нежели мог ожидать, и вместе с тем далеко не мог сделать того, что можно было бы сделать. Причины тому были разные: краткость времени, назначенного для путешествия, болгарский народ, находившийся в разброде по окончании кампании[1] и моя болезнь, несколько раз возобновлявшаяся, опасность пути от бродивших, выголодавшихся жителей и самых даже арнаутов Скодра-паши[2]. С сожалением я увидел, что по упомянутым и другим еще обстоятельствам я значительно должен был сократить план моего маршрута по Болгарии.

Так как я уже сказал, что цель моей поездки была в том, что чтобы ознакомить Россию покороче со всею Болгариею, то вследствие таких причин цель эта не могла быть мною вполне достигнута. Знакомство с Болгариею подразделяется на географическое и этнографическое (землеписное и народное). В первом отношении я успел более, нежели в последнем, потому что, хотя я и не был в Балканах и за Балканами, однако мне встречались люди из всех мест европейской Турции, от которых собирал подробные географо-статистические сведения, так что собралось у меня порядочное количество материалов для такого описания вашего отечества, какого еще до сих пор не было. Но относительно описания народа (этнография) следовало самому быть везде, даже по самым глухим местам Болгарии, чтобы самому все видеть, все изучить. К этому роду изучения народа принадлежат:

1) Народные песни.
2) Разные костюмы, преимущественно женские, с их названиями.
3) Разные обряды, сопряженные с годовыми праздниками.
4) Разные обряды в разных возрастах человеческой жизни, напр[имер], при рождений, при крещении, при бракосочетании, описание свадеб с их поверьями, описание похорон с их поверьями и обрядами. Описание поминовения усопших.
5) Разные поверия и суеверия: то есть вера в вампиров и ведьм, в колдунов, в необыкновенную силу каких-либо растений или камней и талисманов.

Но вы согласитесь, милостивый государь, что для этого надобно было жить самому в Болгарии 5 или 6 лет. Вот почему обо всем этом у меня только одни отрывки, которые мог нахватать почти на лету от одних рассказчиков и при том необразованных.

Народных песен я успел собрать не более 50, да и то еще с величайшим трудом: причина тому очень естественная, простой болгарин, который уверен, что россиянина может интересовать только русская песня, никак не поверит, что его

[1] Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

[2] Имеются в виду остатки армии (албанцы) шкодринского (скутарского) Мустафы Решид-паши (?–1860).

может интересовать и болгарская. Вот почему всякий раз, когда я просил господ болгар продиктовать мне песню, то удивлялись, не понимали, к чему это, и, наконец, заключали, что в этом таится что-либо тайное, и... начисто отказывали!

Таким точно образом счастливилось мне и с историческими болгарскими памятниками. В Бабадаге я встретил бывшего логофета[1], из болгар, рущукского епископа. Мне сказали, что у него есть старинная болгарская рукопись на пергаменте под именем *Цароставника*. Судя по его словам об ее содержании, я ясно понял, что это неоцененная находка для истории болгар, тем больше, что в греческих источниках одни только отрывки, да и то еще пространные. Я почти целую ночь не мог спать от радости в надежде приобресть это сокровище, сколько бы за него не запросили. Но, увы! К несчастию болгарской истории случился тут другой болгарин, родом из Бессарабии. Он прежде служил простым копиистом при измаилской полиции, но как знал, кроме болгарского и русского, и турецкий язык, то был употреблен переводчиком в Бабадаге, и вместе сделан чорбаджием разградских болгар, поселившихся возле Бабадага[2]. К этому мудрецу мой логофет пристроился помощником. Так как они вместе жили, а книга находилась в деревне — при семействе логофета, и мне обещали, что велят привезти ее в город, то я делал этим господам несколько посещений. Вскоре однако, к моему прискорбию, мой логофет скрылся без вести, а чорбаджий Петро стал меня принимать очень холодно и недоверчиво. Несмотря на эти гримасы, я снова просил известить логофета, который, как видно было, нуждался в деньгах, что я готов дать ему за рукопись 300 или 350 рубл[ей]. Но его патрон довольно грубо отвечал, что логофет уехал за Балканы вместе с семейством и с цароставником. Я почти со слезами уехал из Бабадага в Гиргиов[3]. Только в Силистрии уже узнал от прибывших туда болгар из Бабадага, что Петр посажен под арест за то, что муку и пшеницу, которую велено было раздавать болгарам безденежно, он изволил продавать им же по четыре рубля! Боясь по внушению совести навлечь на себя подозрение, мой драгоман вообразил, что я только под предлогом любви к *цароставнику* посещаю его помощника, и что в самом деле только для того, чтоб узнать об его невинных грехах, — и вследствие предосторожности запретил своему помощнику являться в Бабадаге, пока я там пробуду! Так мне, по крайней мере, объяснил в Силистрии это странное исчезновение логофета (и, увы, цароставника!) один молодой болгарин, которого я обласкал в Бабадаге. Бог знает, где теперь гуляет бедный болгарский *цароставник*! Может быть, теперь его уже и на белом свете нет. Печальная мысль! Кто же мог лучше спасти, как не я? Вольно же было судьбе, чтобы болгарин отбил его у меня.

[1] Здесь, по-видимому: хранитель церковного архива. Бабадаг — город в Добрудже (современная Румыния).

[2] Имеются в виду болгарские беженцы времен русско-турецкой войны. Чорбаджия — здесь: старейшина, глава общины. Разград — город на севере Болгарии.

[3] По-видимому, ошибка переписчика или публикатора; правильно: Гирсов (крепость на Дунае в Добрудже), куда, как сам Венелин сообщает в письме Погодину от 20 августа 1830 г., он отправился из Бабадага. См.: Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 99.

Поверите ли, что подобная комедия случилась со мною и в Варне; а две их — в Силистрии.

Кроме исторических книг болгары прячут и простые свои рукописные проповедные книги, писанные на простом болгарском наречии. Так как Академия поручила мне изучить этот язык и составить его грамматику, то я нашел необходимым: 1-е, обращаться с народом, 2-е, читать книги, писанные на новоболгарском наречии. Вот почему я очень интересовался всякою возможною болгарщиною. Вообразите, насилу мог я достать пять книг, писанных людьми, не знавшими ни грамматики, ни правописания своего языка.

Однако в отношении к языку мне гораздо были полезнее не люди, имевшие книги, но бедные молодые люди, которые, бросивши дом родительский, скитались по Мизии[1], подобно провансальским рыцарям. Они для пропитания себя честным образом занимали пустые лавочки, накупали мелкого всякого товарца и торговали! Славные молодые люди! Наши разговоры были весьма удобны потому, что я навострился в болгарском языке, а они в русском: притом же это не стоило большого труда, потому что болгарский язык есть отрасль русского. В Силистрии было множество габровцев, дряновцев, терновцев, сливненцев, калоферцев, один даже был от Енишера (Ларисса)[2]: это было довольно хорошее языкописное обстоятельство.

Во время моего пребывания в Силистрии я до того успел в болгарском языке, что меня стали принимать за болгарина, это для меня было весьма приятно.

В Валахии архив Бухарестской митрополии был мне открыт, где я мог делать списки и снимки (fac simile) с самых замечательных грамот. Так как Валахия была болгарскою губерниею под названием Бессарабской, то и все документы были писаны на болгарском языке до 1700 годов, с которых фанариоты изгнали болгарский язык, как из церквей, так и из судилищ. Эти документы служат прекрасными источниками для истории болгарского языка. Целейший фолиант с комментариями и с целым портфелем fac-simile я отослал давно уже в Российскую академию.

После того труда я составлял подробную грамматику болгарского языка. Вышло более 400 страниц in folio. В 1835 г. Министр велел писать ко мне о способе ее издания в свет. Но доселе, по обстоятельствам от меня не зависящим, печатание было отложено. Моя Грамматика находится теперь в Академии.

Болгарских песен я не издавал потому, что количество их недостаточно для издания в свет. Вообразите себе, что во время двухмесячного моего пребывания в Кишиневе, где много болгар, я насилу достал одну только песню! В 1835 г. проезжал из Петербурга через Москву один молодой торговец из болгар, некто Николай Кантар из Бухареста. Он гостил у меня несколько раз. Судя по словам его, что он патриот, я упросил его дать мне честное слово, что он соберет для меня в Бухаресте значительное количество болгарских народных песен.

[1] Здесь: область в нижнем течении Дуная.

[2] Современная Греция, административный центр области Фессалия. Ранее перечислены выходцы из болгарских городов.

Но с тех пор я напрасно ждал и песен и ответа от моего патриота! Но кроме этого и многие другие болгары, в Кишиневе, в Бухаресте и проч., обещавшие содействовать мне, доселе не сдержали своего слова. Вы видите, милостивый государь, что после подобных неудач самое сильное болгаролюбие может охладеть. Чтоб быть с Вами совершенно открытым, я Вам должен сказать, что это охлаждение, произведенное в мне самими болгарами, было причиною, что я замедлил отвечать на ваше письмо от 22-го мая прошедшего 1836 года. Вы спрашиваете, скоро ли выйдет в свет *второй* и пр. том моих историко-критических исследований о болгарах. Но на это я должен Вам сделать следующие пояснения. Первый том я издал на собственном иждивении в такое время, когда я сам нуждался в деньгах. Упоминаемый в предисловии NN помог мне в этом деле[1], но зато я остался у него в долгу. Так как подобного рода сочинения не поэмы Пушкина, то есть не могут принести такого барыша, то их издавать — значит выбросить в окошки 800 или 1000 рублей. Это была первая моя жертва. Вторая жертва в том, что полтора года из самых лучших мест моей жизни я убил на поездку за Дунай, а четыре года после возвращения в Москву, на обработку грамот, Грамматики, II и III томов моих «Исследований», так что эти почти шесть лет моей жизни я отнял от своей карьеры, из своей службы (потому служить я не мог при подобных занятиях) и убил... Это, кажется, тоже немаловажная жертва. Но теперь какие сокровища мира возвратят мне эти шесть лет!

В 1832 году писал я к одному знакомому в Болграде[2], там служащему в Колониях, и просил доставить мне песен и некоторые этнографические пояснения от тамошних. А между тем начал я печатать второй том. Но как я напрасно ожидал не только пояснений, но и ответа даже, то на 48 странице я прекратил печатание и в праведном негодовании, чуть было, рукопись не бросил в огонь.

Вы жалуетесь, милостивый государь, болгары забыты россиянами. На это позвольте мне сделать пояснение. Греки и сербы не забыты европейскими просвещенными народами потому, что сами же греки и сербы, торгуя и служа по Европе, писали, говорили и кричали о себе этнографические сведения. Так, например, сербы уже издали четыре тома своих народных песен: теперь, как слышу, издают они опять четыре[3]. Эти песни переведены на немецкий, французский и английский языки, и как ни слабы эти переводы, все-таки и образованные народы не могут налюбоваться гомеризмом их песен. Я перевел 3 песни и напечатал в 1835 г. в журнале «Телескоп», и в журнале Министерства народного просвещения отозвались об этих песнях с особенным восхищением. И так, если через песни знакомились с народом, и если песни делают читателю удовольствие, то это-то удовольствие заставляет читателя упоминать и о самом народе с таким же уважением и так же часто, как и об Гомеровой Илиаде и Одиссее. О греках и их рабстве писали первейшие поэты Франции,

[1] Имеется в виду М. П. Погодин. Об обстоятельствах издания см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II. СПб., 1889. С. 374–389.

[2] Болгарская колония в низовьях Дуная.

[3] Имеются в виду издания В. С. Караджича.

Англии, Германии (Casimir Delavingne[1], Victor Hugo, Lord Byron, Göthe и многие другие). Гете и другие писали и о сербах, с песнями коих они с удовольствием ознакомились. Сербов теперь никто не забудет. Я должен еще прибавить, что на русский язык никто еще не переводил сербских песен[2]. Я первый перевел эти три просто для того, чтобы сделать опыт, и потому еще, что они мне служили хорошим примером для моего филолого-исторического рассуждения *«О характере народных песен у славян задунайских»*. И песни эти сделали на русских читателей такое приятное впечатление, что теперь все пристают ко мне с просьбой перевести все, как уже и в журналах просили. Вот почему теперь говорят об сербах в хорошем обществе гораздо чаще, чем прежде! Хотя сербы — народ еще вовсе необразованный, однако переводы его народных песен сделали то, что вся просвещенная Европа принимает их уже за полуклассический народ. И какая бы беда сербам ни случилась, то всегда в Европе найдутся тысячи голосов, которые заговорят в их пользу, как уже говорили в пользу греков, от того что все европейцы читали народные песни их старины в Илиаде и Одиссее. Вы увидите, милостивый государь, из моей брошюрки[3], что я сербские и болгарские песни ставлю наравне с так называемыми *Гомеровыми*.

Вы видите, чтосербы заслужили такое к себе внимание. Каким же образом это заслужили они? — спросите Вы. А вот каким. Как только узнали, что Вук Стефанович Караджич в Вене собирает сербские песни, чтоб их издать в свет, то со всех возможных мест, как сам признается в *четвертом* томе, стали посылать к нему кучу песен большею частью такие люди, которых он и не знал и не просил!! Честь сербам. Сербы доказали, что они народ благородный; они поэтому и сделали об себе в Европе *хорошее мнение*, которое для них, как я думаю, будет полезнее, чем золото и серебро.

Но какая разница между сербами и болгарами!! Я бился полтора года, просил, умолял, и что же? Одни подстрекали других не давать мне песен (потому что они воображали, что петербургским или московским генералам, как они говорили, нет никакой нужды петь болгарские песни!!!), а другие смотрели мне в карман. Кармана я не жалел, и г-ну Кантару, потому (чтобы заставить его что-либо сделать) я обещал прислать за всякую песню по рублю, хотя бы она даже никуда не годилась. Однако я и на деньги не успел ничего сделать.

Вы читали 1-й том «Истории» Карамзина, в котором болгары объявлены татарами. Карамзин, как и вся Европа, не имел ни малейшего понятия об вас. Но Карамзин писал по выводам Тунманна[4] (шведа), который так же вас узнал хорошо, как я знаю жителей Луны! Карамзину вся Россия поверила, и ту веру

[1] Казимир Делавинь (1793–1843) — французский поэт и драматург.

[2] Венелин ошибочно приписывает себе первенство переводов. См., например: *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных связей). СПб., 1997. С. 110.

[3] Очевидно, вышеупомянутая книга: *Венелин Ю.* О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835.

[4] Иоганн Эрих Тунманн (1746–1778) — шведский историк, автор ряда работ о ранней истории европейских народов.

утвердило еще и то обстоятельство, что Болгария есть область владений турков, которые суть тоже племя татарское. Настоящий турецкий фатализм!

Но Вы скажите, что русская армия столько раз бывала в Болгарии, и сколько раз россияне могли ознакомиться с болгарами.

На это я Вам дам следующий ответ.

1) Русская армия никогда болгар не видела, потому что бывала в тех только местах (каковы: Рущук, Силистрия), где встречали одних только турок да волохов.

2) Положим, что русские офицеры имели дело с природными болгарами, то они, как люди военные и неопытные в этнографии, воображали себе, что болгарин, говоривший им по-болгарски, говорил не по-болгарски, а по-русски (потому что болгарские и русские слова одни и те же), но что коверкают русский язык! Мне случалось слышать отзывы: «Какие удалые шельмы эти болгарские татары!!! Поживешь на квартире дня два-три, как вдруг пойдет болтать по-русски (т[о] есть по-*болгарски*, но зато, как думают, русские слова!). Удивительная способность так скоро уметь болтать по-русски!»

Я Вам замечу, что все наши молодые офицеры, которых я только ни знал в армии, все добрые души, но что они шли в Болгарию по понятиям Карамзина, и, что очень естественно, они приняли болгарское наречие за искаженный русский язык! Настоящий турецкий фатализм!

3) Я, наконец, старался рассеять это недоразумение: богары делали мне противное! Настоящий турецкий фатализм!

Кто же виноват более всего в этом болгарском деле: сами болгары. Теперь Вам, милостивый государь, понятно, что болгары не имеют права упрекать россиян в том, что они их забывают.

Наконец, я хотел уничтожить это недоразумение, написал книгу, хотел болгар покороче познакомить с просвещенными читателями... И что же я получил от всех болгар? Отказы везде!!!! C'est bien fatalité ottomane![1] Карамзин, сообразившись с исследованиями Тунманна, в первой главе своей «Истории Государства Российского» точно болгар составил в числе татарских племен. Так как мнение Карамзина имеет доселе большой вес в России, то мнение о татаризме болгар нескоро можно искоренить в такой части публики, которая не читает такого рода критических сочинений, какова моя книга[2]. Кажется, что для рассеяния подобного недоумения болгары должны бы доставлять нам свои, как археографические, так и пиитические памятники.

Признаюсь Вам откровенно, что после отрицательного содействия болгар благородные Ваши чувствования, изложенные в Вашем письме от 22 мая, не успели изгладить во мне недоверчивость к готовности болгар быть мне полезными в их же деле. Я только на *авось-либо* просил г-на Байлу просить Вас о доставлении мне народных песен болгарских. На днях, однако,

[1] Настоящий турецкий фатализм! (фр.).

[2] Этому препятствовал и характер аргументации, представленной в книге Венелина, что вызвало часто обоснованную критику.

г. Байла сообщил мне от Вас известие, что Вы получили из Габрова известное количество народных песен, и что еще ожидаете получать; что тоже отец Неофит обещался доставить Вам копию с грамоты царя Шишмана, данной монастырю Св. Иоанна[1] и т. п. и равно доставил мне благодарственное послание г-на Пешакова[2] из Бухареста. Для меня было приятно знать, что есть хотя один болгарин, который, наконец, захотел оценить мое слабое адвокатство в пользу его соотечественников: но еще было бы приятнее, если бы послал он народную песню.

Теперь, видя ваше откровенное и благородное желание содействовать мне, поспешно отвечаю на Ваше обязательное письмо от 22 мая 1836 г.

Вследствие сего имею честь просить Вас доставлять мне немедленно после получения статьи этнографические, подходящие под вышеизложенные 5 пунктов, чтобы я мог немедленно приступить к их печатанию в той же форме и виде, как я это делал с сербскими песнями, которые я не намерен продолжать. О способах приобретения подобных статей вы лучше сообразитесь сами. Можете действовать через болградцев и бухарестских болгар или прямо чрез балканских. Сам даже отец Неофит может быть нам весьма полезным в этом деле. Засвидетельствуйте ему мою благодарность, в знак которой пересылаю ему обе мои книги: о болгарах и о сербских песнях.

Что касается до исторических памятников Болгарии, то к первому разряду принадлежат грамоты или хрисовулы болгарских царей, данные монастырям или же частным лицам. В этом отношении отец Неофит и вы *очень много* меня обяжете или, лучше сказать, очень много обяжете свою Историю. <...>[3]

Так, между прочим слышал я (но уже поздно) на возвратном пути, в Бессарабии, что по дороге от Кот[е]ла (Казана) в Сливно, в большом селе Жеравне у тамошнего священника есть огромный сундук староболгарских рукописей на пергаменте. Из этого драгоценного сокровища мне случайно только досталось пять листов, вырванных из одной богослужебной книги. Пергамент ветхий, а по почерку видно, что книга писана до 1400 года. Мой мудрец вырвал этот памятник болгарской старины для того, чтобы сделать из него обертку для одно новогреческой печатной книги! Я спас эти листки и берегу как зеницу; они теперь в Москве, они не погибнут.

Я слышал тоже, что в Тернове[4] существовала довольно значительная рукописная библиотека в так называемой Шишмановой церкви[5]; но как монастырь этот горел, а церковь превращена в мечеть, то неизвестно о судьбе этих книг.

[1] Неофит Рильский (1793–1881) — болгарский просветитель, деятель национального возрождения, монах, а затем и игумен монастыря святого Иоанна Рильского, основанного в X в.

[2] Георгий Пешаков — болгарский поэт, автор оды в честь Ю. Венелина и «Рыдания» на его смерть.

[3] Следуют наставления Венелина относительно рукописей и народных песен.

[4] Велико-Тырново (Болгария).

[5] Возможно, Преображенский (Сарин или Шишманов) монастырь, основанный в XIV в., в 7 км от Велико-Тырново.

Кажется, милостивый государь, не нужно Вам доказывать справедливость моей мысли, что *все болгарские письменные памятники не должны оставаться в Болгарии*. Посмотрите на пример, который подали сами греки: после падения Греции под иго турков все ее монастыри остались на своих местах и с своими же монахами. Туркам не было никакой нужды в греческих рукописях, следовательно, на своих же полках могли оставаться и греческие рукописи. Но кто же Грецию ограбил, очистил от всех рукописей? Сами же греки! Они же сами все свои рукописи растаскали по Италии, Германии, Франции, Англии, Венгрии и России, по этой-то причине все эти памятники греческой литературы и доселе целы и доселе хранятся в библиотеках европейских просвещенных народов. Этого мало: европейцы во время падения Греции (как будто только для спасения греческих памятников) изобрели книгопечатание, вскоре перевели на латинский язык всех 70 историков и напечатали в Венеции и Париже в 1000 экземплярах вместе с греческим текстом. Вы видите, что ограбленная самими греками Греция получила обратно вместо одного утащенного экземпляра 1000 тысяч верных копий! Теперь же общество ученых при Боннском университете издает *третье* исправленное издание этих греческих историков в 5000 экз. в греческом подлиннике. Это немалое благодеяние как для самой Европы, так и больше еще для юной Греции. А это все только потому, что рукописи греческие не оставлены в Греции.

Я знаю из опыта, что болгары дорожат своими рукописями и неохотно с ними расстаются. Чувство это, правда, само в себе похвальное, но какое его может быть последствие: постоянное истребление домашних болгарских исторических источников! Кажется, что пора бы образованным болгарам почувствовать истину сказанного мною и всячески стараться доставлять русским ученым все возможные материалы: ведь же эта жертва — благо же не только для русских ученых, сколько для болгар. Это тем больше, что у вас нет ни публичных архивов, ни типографии.

От Вас, милостивый государь, и от ваших соотечественников зависит осведомляться, не существует ли где-либо старые болгарские рукописи, приобретать и спасать в Россию. Таким образом, более важные тотчас можно напечатать. Кажется, отцу Неофиту не стоило бы большого труда съездить в Жернаву и узнать о судьбе упомянутых мною. Равномерно весьма полезно было бы осведомиться, где находится Цароставник, и если нет возможности приобрести его, то, по крайней мере, стараться сделать с него верную копию и прислать к нам. Само собою разумеется, что жареные рябчики не летят сами в рот; надобно прежде ходить и искать их, после застрелить и схватить и т. д. Точно также и с болгарскими рукописями и песнями. Может быть, почтенный Отец не имеет ни средств, ни времени для подобных охотнических поездок, зато, если у него есть старание, то он может из зажиточных болгар образовать хороших стрелков и употребить их с пользою.

Впрочем, я уже слишком распространился. Итак, кончу мое письмо желанием следующего: 1) чтобы Вы со мною переписывались непосредственно

и чем чаще, тем лучше; 2) пересылали ко мне все, что только получили из Болгарии о Болгарии, хотя бы Вам это казалось и не очень важным. Так, например, Вы пишете, что вы получили песни, но что ожидаете еще, чтобы сделать из них выбор. Но как во всякой, даже маловажной, есть что-либо замечательное, то выбор лучше предоставьте мне и пересылайте все немедленно. Относительно песен можете просить господина *Пешакова*, который должен знать Западную Болгарию, ее песни, нравы и обычаи. Он может быть нам весьма полезным, даже в Бухаресте можете собрать множество песен; 3) Попросить отца Неофита дать нам топографическое и статистическое описание Тернова, Габрова и Эски-Стамбула (Преславы по-болгарски). Преслава по дороге от Шумна в Цариград — теперь деревня. Но как она во времена Святослава Игоревича была столицею Болгарии, то для меня весьма нужно иметь подробное описание ее местоположения и план ее развалин, которые весьма замечательны.

Но вдруг нельзя всего требовать, итак позвольте мне о другом просить в другое время. Посылаю Вам, равно как и г-ну Палаузову[1], также для пересылки г-ну Пешакову и отцу Неофиту мою книжку «О характере народных у славян задунайских», из которой Вы увидите, что, говоря о сербах, я старался не забывать и о болгарах, что мне дает полное право ожидать от Вас содействия.

Так как просили прислать Вам тоже несколько экземпляров для охотников, то посылаю Вам 20 экз. с уступкою одного рубля против московской цены, то есть по 2 ½ рубля ассигн[ациями] за книжку. Я полагаю, что и Г. Пешаков мог бы найти охотников.

Пишите ко мне. Адрес мой: Его высокоблагородию Юрию Ивановичу Венелину, у Спасских казарм, в Докучаевом переулке, в дом Вороновой, в Москве.

Сборник за народни умотворения. 1. София, 1889. С. 176–187

[1] Николай Степанович Палаузов (1776–1853) — одесский торговец, деятель болгарского национального возрождения. Вместе с Априловым являлся основателем первого народного училища в Габрове (1835).

В. П. Давыдов. Путевые записки

Владимир Петрович Давыдов (1809–1882) — внук по материнской линии графа Владимира Григорьевича Орлова, унаследовавший в 1856 г. титул и фамилию деда, знаток греко-римских древностей и новой европейской литературы, литератор и историк, меценат и благотворитель. В дорогостоящем путешествии на Восток, навеянном паломничествами европейских интеллектуалов, в 1835 г. Давыдова сопровождали живописец К. П. Брюллов, архитектор-академик Н. Е. Ефимов и немецкий антиквар Крамер. В ходе экспедиции ее состав менялся. Часть литографий и гравюр, сделанных с акварелей и графических зарисовок Брюллова и других художников, вошла в специально изданный «Атлас» к путешествию Давыдова[1]. А автор «Записок», изданных в 1839–1840 гг., получил почетную степень Эдинбургского университета.

Деревня Богадичь, на Адрианопольской дороге. Октября 10/22. Сегодня, рано утром, выехал я из Перы[2], и сопровождаемый Комидасом, оставшимся до конца усердным путеводителем и указателем Константинополя и его редкостей, поплыл вверх по Золотому Рогу до предместья Эйюбского, где лошади ждали меня близ кофейного дома. В последний раз взялся за чубук и кофе в Константинопольском киоске, пока татар мой и Дмитрий с помощью зрителей, которыми командовали они, как своими служителями, седлали лошадей для меня и самих себя и навьючивали целые две горы вещей на двух других лошадей. Ребятишки на улице помогали подымать вещи и лазили под брюхо лошадям, чтобы лучше привязать их, не требуя никакого возмездия, как сделали бы это непременно итальянцы. Не знаю, приписать ли услужливость сию почтению турков в *тескере*[3], выданному по повелению султана, или врожденному добродушию и кротости их. Простившись с Комидасом и с двумя молодыми соотечественниками, Мухиным и Френом[4], я сел на лошадь и скоро выехал из предместья Эйюб. Последняя черта Константинополя — огромное кладбище, простирающееся далеко за город и покрытое мраморными столбиками с арабскими надписями и именами. Иностранец, живший в Константинополе, должен удивляться, как мало места занимают кладбища в других столицах света. Для живых есть места с избытком, а мертвые, в столько раз многочисленнее живых, все стеснены в небольших полях за городами. Часто город распространяется даже по самое кладбище и дома строятся на обители мертвых.

[1] Акварели и рисунки из альбома «Путешествие на Восток 1835 г. Владимира Давыдова» из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 2001.

[2] Предместье Стамбула.

[3] Подорожное предписание.

[4] По-видимому, Николай Мухин (1810–?) и Рудольф Френ (1812–?), сын академика Х. Д. Френа, — русские дипломаты, ориенталисты.

Не так делается в Константинополе. Здесь не только мертвые сохраняют права свои на память живых, но и самый клочок земли, их покрывающий, остается неприкосновенным.

Несколько красивых греческих хуторов рассыпаны в окрестностях города. Шоссе делается, и полотно уже настлано на несколько верст от Константинополя. Вообще мало следов населения. Дорога идет по каменистому морскому берегу; часто топкими местами, лошади вязнут в глинистой почве. Море врезывается, почти в виде озер или стоячих болоте в берега, Кузук-Чехмедж и Буюк-Чехмедж[1]. Болгары являются, и османы с великолепными чалмами исчезают почти у самых ворот Константинополя. Кажется, как будто Константинополь только передовой вал, а не столица турецкой власти, что настоящее турецкое владение начинается за Босфором, и что славянские племена владеют, или должны владеть всем, что простирается к северу от пролива. Одеяние болгаров довольно живописное, состоит из шапки круглой сваленной из черной овечьей шерсти, коричневой свободной куртки и штанов, стянутых к низу. Широкой турецкой драпировки более не видать, но я заметил несколько всадников в красных шинелях, которые, отражаясь на черных конях, дают ездоку вид адского рыцаря.

В первый день уехали мы довольно, но остановились по воле моего татара обедать и ночевать в бесхарактерной греческой деревне Богадычь. Ужасно видеть, как он бьет хозяев дома арапником по лицу, если они не дают тотчас всего, что только он от них потребует.

11/23. Прошлой ночью разбудил меня крик проезжавшего татара. Дикий голос этих ездоков, которые скачут с почтой, с собственными повелениями султана или с путешественниками похож на крик нападающего неприятеля. Он производит такой же ужас, как настоящий набег, потому что эти татары забирают сколько могут и ни за что не платят. Мы выехали до рассвета с места нашего ночлега, но потеряли пять часов в Силиврии[2] по недостатку лошадей. До сих мест дорога шла по берегу морскому, а от Силиврии она поворачивается на север.

Я искал стены Атанасия, по-гречески μαχρον *T*ειχος[3], и нашел следы ее далее Силиврии. Передовые посты армии нашей находились в сих местах до заключения мира Адрианопольского. Между Силиврией и Константинополем плоскость, на которой нет ни одного холмика, могущего остановить ход войска. Всякий, кто проедет из Константинополя до Силиврии, увидит, как близка была турецкая столица в 1829 г. к своему падению.

[1] Пригороды Стамбула: Кючюкчекмедже и Бююкчекмедже.

[2] Силиври (античная Селимбрия) на побережье Мраморного моря, современная Турция.

[3] Линия укреплений (Длинные стены), созданная при императоре Анастасии I Дикор (ок. 430–518).

На дороге из Силиврии в Чорлу я увидел двух мужчин, которые хоронили третьего в винограднике. Турок в некотором расстоянии от того места, где это происходило, сказал нам, что за час тому назад человек, которого хоронили, был жив и здоров. Обстоятельство показалось мне подозрительно, я поскакал туда, но татар, схватив узду моей лошади, остановил меня и не дал мне ехать далее, а человек уже был под землей! От чумы ли он умер, убит ли он был, умер ли, или только находился в припадке? Бог знает. Сомнение ужасно, но, не имея возможности пособить, если и совершилось здесь смертоубийство, я должен был продолжать путь мой. Впрочем, я утешался мыслью, что турки предают прах друзей и родственников своих могиле, как только могут скорее из религиозного убеждения, что дух покойника мучится, пока тело его не похоронено, и потому-то они везут на кладбище тела, едва только покойник испустил последнее дыхание, и чем ближе они были к покойнику, тем более поспешности в его похоронах. По системе татара моего, предпочитающего деревеньки более значительным местечкам, где, вероятно, требуется какая-нибудь плата за все, что он забирает, мы остановились обедать около 6 часов пополудни в Чорлу и пробудем здесь до полуночи. Мы едем скоро и спокойно на наших иноходцах, но отдыхи наши слишком продолжительны.

12/24. Выехавши в полночь из Чорлу, мы ехали в дождь и, не видя ничего перед собою, скоро потеряли дорогу. Татар, однако ж, продолжал гнать свою лошадь и хлыстать мою длинным арапником, до тех пор, пока не убедился, что мы не на битой дороге, а на каком-то мягком и холмистом месте, где лошади то спотыкаются, то вязнут. Мы остановились и собрались в кучку, пока татар и проводник, *суруджи*, удалились в разные стороны, и, перекликаясь, возвращались к нам без успеха. Наконец татар опомнился и начал колотить проводника из всех сил. День еще не начинался, но Дмитрий[1] услышал в отдаленности голос петуха. Мы все замолчали. Татар перестал драться, и мы начали прислушиваться к петуху, потеряв, думаю, до двух часов на одном месте и, наконец, направили путь свой на пение петухов, не зная даже, в какое место едем. Добравшись до каких-то бедных хат крестьянских, с помощью жителей выехали мы на дорогу в Каристран[2]. Лошадь моя была менее других измучена, я доехал прежде моего каравана и остановился у крайнего дома. Через запертые ставни были видны огонь и целое общество турков, сидящих и курящих трубки, но дверь была заперта ключом. Я постучался, но турки, хотя видели меня из окна, не отперли дверей, и когда татар приехал, то мне отвели пустую комнату для отдохновения. Что делали турки в таком тайном ночном совете? Прислушиваясь несколько минут к их беседе, веденной в полголоса, можно было воображать себе, что тут идет прение о делах государства и что они собрались оплакивать будущую участь Турции.

[1] Слуга Давыдова.

[2] Как село или местечко часто упоминается в записках путешественников по Османской империи XIX в. между Чорлу и Люлебургазом.

Страна, проеханная мною сегодня и вчера, ничем не занимательна и вовсе не равняется с Малой Азией красотою и богатством зелени. Переменяли лошадей в Люле-Бургаз[1], где живописная мечеть соединяется посредством покрытого зеленью купола с почтовым двором. Между этим местом и Адрианополем объехал я обоз и семейство паши Скодрийского, как мне рассказывали, недавно обезглавленного по повелению султана[2]. Жены ехали шагом в *арабах*, или неуклюжих каретах, везомых двумя лошадьми; люди шли пешком, а пятнадцатилетний сын ехал верхом и останавливался у каждого фонтана, чтобы прилечь на землю, курить трубку и пить ключевую воду из серебряного кубка. Такая изнеженность в образе путешествия, необходима, может быть, для молодого бея, но была бы столько же в тягость всякому юноше европейскому, сколько висячая драпировка турка, не имеющего ни кушака, ни пряжек, ни помочей несносна для нас. Если кто привык к деятельной жизни, он должен чувствовать в членах и в самой душе своей некоторую принужденность; неограниченное спокойствие есть начало лени.

Я въехал в Адрианополь, или по-здешнему Едрене, глубокой ночью. Долго ехали кладбищем, а потом по улицам, крытым сверху и служащим базаром; наконец остановились у *хана*, или трактира. Едва раздался голос татара, служители окружили меня и потащили с лошади, на которой был я прикован усталостью и мокротою моего платья.

13/25. Весь день пробыл я в Адрианополе для обозрения города в сопровождении секретаря или писаря нашего консула. Сам консул живет за городом, имея слишком мало занятий, для которых было бы нужно ему жить в самом городе. Он переезжает сюда зимой, когда ему еще менее дела, нежели теперь.

В Турции мечеть, как во всяком итальянском городе церковь, главный предмет любопытства для путешественника. Здешняя мечеть султана Селима прекрасна, легка, светла и имеет форму еще более открытую для глаз, нежели Софийский собор. Она может дать многим моим соотечественникам, бывшим здесь, общее понятие о византийской архитектуре, но не имеет ни роскоши в материалах, ни важности в характере, ни печати Греческой империи, что все соединяется в Святой Софии. Живопись в Султан Селиме груба и безвкусна, но широкий купол легко опирается на восьми колоннах, расположенных кругом, в равном друг от друга расстоянии. Всех окон в мечети 999.

На минарете, тонком и высоком, тройная лестница с балконом для дервишей, призывающих народ в молитве. Я остановился на первом этаже, желая заглянуть на город и Адрианопольскую равнину.

[1] На карте Гильемино это место названо Чатал Бургас. (Примеч. авт.) Гильемино (Guilleminot) Арман Шарль (1774–1840) — французский генерал, руководитель военного депо карт и посланник в Константинополе в 1823–1831 гг.

[2] Возможно, аллюзия на подавление албанских восстаний 1833–1835 гг. В качестве уступки повстанцам Порта сместила губернатора Шкодры Хафиз-пашу.

Куча деревянных разноцветных домов, между коими красные населены турками, и длинные ряды крытых базаров расположены по берегу довольно широкой реки Арды, которая должна разливаться, как кажется, вне города. Окрестности довольно зелены, особенно около Эски-Серая, но в прочем вид самый обыкновенный. Ничего нет в нем ни живописного, ни характерного, и никакого сравнения нельзя сделать с Бруссой[1], а еще менее с Константинополем. В Адрианополе около 100 000 жителей, большей частью армян и греков. Промышленность и торговля шелком, кажется, главный источник их богатства.

Нельзя было не заглянуть и в Эски-Серай, дворец великого покорителя адрианопольского султана Амурата[2], который будет так же памятен для истории, как квартира фельдмаршала Дибича и его штаба в 1829 году. Сторож отпер нам ворота двора, заросшего травою, и мы были встречены высоким оленем. Он здесь господствует один и бросается с остервенением на всех посетителей, которые должны идти вместе и вооружаться палками, чтобы защититься от его рог; на одного сторожа он не бросается. Кажется, будто в этом прекрасном животном сосредоточилась оскорбленная гордость всех турецких жителей, для которых слишком больно жить в пределах султанского дворца, униженного пребыванием неприятеля. Один олень занимает весь двор, и свободно скачет сквозь разбитые окна по нижнему этажу дворца, некогда прелестного и до сих пор еще любопытного, по остаткам позолоченных потолков и дверей, арабесков и украшений в чистом турецком вкусе.

Стены одеты разноцветными изразцами, и потому пестрота турецкого вкуса сохранилась еще здесь, хотя позолота и краски на потолках и дверях должны скоро исчезнуть от сырости. Между мебелью сохранились также Султанские кровати, которые превращались во время дня в софы для *диванов*, или государственных советов.

Фельдмаршал и его свита из скромности, или по невозможности поместиться в этом павильоне, занимали флигель, вовсе не богатый, но нижние чины не все показывали подобное уважение к падшему величию, и по местам остались следы, которые турки предоставляют очистить времени. На стороне двора, против описанного мной павильона, находится другой павильон, менее пышный, но также красивый, который был некогда занят султанскими дочерьми. Прихожая его комната, открытая со всех сторон в византийском вкусе, украшена мраморным фонтаном, который ныне молчит; зато вода протекает сквозь потолок, как я сам мог видеть во время проливного дождя. Внутренний корпус, на конце двора, между обоими павильонами, состоит из больших покоев, но еще более павильонов разрушен.

За дворцом находятся обширные казармы, в коих помещалась большая часть нашей армии.

[1] Бурса (Бруза) — старая, до покорения Адрианополя, резиденция султана в Малой Азии.

[2] Султан Мурад I обосновался в Адрианополе после его покорения в начале 1360-х гг.

14/26. Отправились из Адрианополя еще в темноте ночи, а к рассвету увидели сквозь густой туман ивы, растущие по берегам и в самом потоке реки Марицы, которая течет очень быстро; но она, кажется, сильно разлилась от бывших дождей.

Мы проехали через местечки Мустафа Паша[1] и Ибипча[2], где дорога сворачивает на Рущук; остановились обедать в Херманлы[3]. Прекрасные *ханы*, или сараи, для помещения войск и лошадей построены по всей дороге. Они походят несколько на наши манежи, но только повыше их. Особенно красив хан близ Херманлы, построенный султаном Амуратом II[4]. Во всех местах, где я останавливаюсь обедать, меня кормят отлично. В молоке, цыплятах и вине не было доныне недостатка; сверх того, если мы где останавливаемся между станциями, у хаты самой бедной, чтобы дать лошадям время вздохнуть, нам тотчас приносят чашечку кофею немного поболее грецкого ореха и трубку. Такие вежливости имеют много цены для путешественника верхом. В другое время года путь должен быть гораздо легче, но теперь дороги почти непроходимы, от постоянных дождей. Мы проехали через Узунд-Якова[5], и вскоре после одна из лошадей с вещами упала в реку, так что ее вытащили с большим трудом. Мы добрались на ночь до Хелкиой[6]. Местечко не находится на карте Гильемино. Тут увидели мы подле дороги огромный табор цыганский. Цыганки были одеты в наряд пестрый с серебряными пряжками и ошейниками. Они гнали с собою стадо овец.

15/27. Воскресенье. Я был уже верхом задолго до рассвета; проехал чрез Палазлы[7], но не остановился здесь. Направо от дороги река Марица широко разлилась по долине. В городе Филибе, древнем Филиппополе, я обедал. Все жители были в праздничном платье; церкви я не заметил, но она, вероятно, есть. К удивлению моему, часто по дороге встречаю, даже в бедных деревнях, мальчиков с книгами в руках и замечаю, что и греки, и турки имеют свои училища. В Филибе видел я, что почти все женщины носят украшения, большей частью браслеты серебряные, и купил два образца, чтобы заказать что-нибудь подобное им, если Бог выведет меня благополучно из здешней стороны.

Вечер был свежий, но ясный. Из Филибе в Базарджик дорога идет по стране болотистой. Здесь растет много риса. Около полсотни болгарских девушек с красными передниками, окончив, по-видимому, жатву, плясали на поле в некотором расстоянии от дороги. Татар, желая развеселить меня, закричал, чтобы они подошли к дороге, что они и сделали, и, держась за руки, возобновили пляску свою по лужам и грязи, при звуках какого-то инструмента между балалайкой и скрипкой, на которой играл единственный мужчина во всем хороводе. Девушки все хохотали, как сумасшедшие; вообще были они нехороши, за исключением одной. Я приехал на ночь в Татар-Базарджик, и ночевал в болгарской избе, которая топится посредством низкой круглой печки, приспособленной для печения хлеба.

[1] Современный Свиденград (Болгария).
[2] Хибибча, современный Любимец (Болгария).
[3] Харманли (Болгария).
[4] Султан Мурад II (1404–1451).
[5] Узунджово (Болгария).
[6] Хаскёй, современный Хасково (Болгария).
[7] Современное с. Поповица (Болгария).

Понедельник, 16/28. Равнина, по которой до сих пор я ехал, начинает прорезываться пригорками и длинными покатистыми долинами. Таким образом западный край Балканской цепи неприметно сливается с равнинами Болгарии. Обогнуть Балкан в этом пункте кажется очень легко, если София и Нисса в руках атакующей армии. Виноградные сады здесь кончаются, и на место их огороды с капустой возвещают путешественнику, что он приближается к менее благодатному климату.

На ночь остановился я в Гени-хане[1], в низкой плетеной болгарской избе. Хозяйка молодая, но больная женщина должна была суетиться для нашего приема, но, к счастью, я мог несколько унять грубое обхождение моего татара, погрозив обратить на него самого арапник, которым он так часто играет. Турок столько боится унижения от удара, что становится совершенно кротким, если видит опасность наказания. Если бы ему вошло в голову явно сопротивляться воле русского путешественника, думаю, что болгары, несмотря на страх, внушаемый им турецким всадником, не остались бы спокойными зрителями, но приняли сторону русского. Некоторое сходство в языке, которого, признаюсь, не понимаю, хотя узнаю звуки, свойственные с русскими, возвещают уху близость огромной славянской семьи, брошенной в одну непрерывную линию от Архангельска до берегов Адриатического моря.

София. Вторник, 17/29. Рано выехали, но в целый день не сделали более 6 часов пути. Дождь проливной лил почти беспрерывно, а главная помеха пути нашему была та, что лошадь, во второй раз с отъезда из Константинополя, упала со всеми вещами в реку, довольно глубокую. Одно средство поднять ее на ноги было развязать мешки, которые лежали часа два посреди самого быстрого течения. Их вытащили, наконец, и привязали кое-как на спину лошади. Так дотащились мы до София, города довольно пространного, с мечетями и минаретами. Во всю ночь сушили вокруг дымного огня платье и книги. Последние много пострадали, и «Илиада» Гнедича в 2 томах в 4^2, сделалась жертвой купанья. Чуть брали ее в руки, листы, расплывшиеся в какое-то тесто, ломались, как пирожное.

Среда, 18/30. Восемнадцать часов ехал я под холодным осенним солнцем, по дорогам, немного поправившимся, полагаю, от ночного мороза. На пути

[1] Современный Нови-Хан (Болгария).
[2] Перевод Н. И. Гнедича, изданный *in quarto* (?).

встретился нам длинный ряд телег, заложенных быками и везущих железо из Сербии в Константинополь.

Четверг, 19/31. Погода опять ужасная. Дождь и снег били прямо в лицо нам. Мы остановились часа на два — обедать и укрыться от вьюги в Паланге[1].

По выезде из этого местечка я заплатил было дорого за мое любопытство. Опередив несколько своих людей, которые еще не выступили из Паланги, я ехал мимо деревянного, огороженного валом и стеною укрепления. Ворота были отперты, и я вздумал своротить с пути, въехал и, не видя никого перед собою, продолжал путь по улице до первого перекрестка. Видя везде пустые улицы, я обернулся и с чувством крайне неприятным заметил, что вооруженный *кавас*[2] запирает ворота за мною. Я поскакал обратно и пролетел прежде, нежели вторая половина ворот была затворена, а татар мой, увидев меня в полуверсте, бросился ко мне навстречу, вопия, как смел я войти в святилище турков! Здесь были гаремы всех расположенных по окрестностям турецких офицеров.

Между Палангой и городом Ниссою горы выше виденных мною четыре дня тому назад, на западном краю Балканской цепи. Эти горы не следуют в направлении от запада к востоку, как Балканские, но от севера к югу. Не знаю, какой системе гор они принадлежат, Карпатской или Балканской. Но, во всяком случае, они должны соединять обе цепи.

Посреди сих уединенных гор, где лошади вязли на каждом шагу, а дождь отнимал зрение в 20 шагах, крайне удивился я, увидев вдруг женщину в черном монашеском платье, с крестом на шее. Она шла по тропинке, перешла дорогу, и, не оборотившись ни раза назад, скоро скрылась в кустарнике. Кто она? Не дала ли она обета, как отшельники Афонские, и отворачивается от лица людей, живя уединенно в этом диком месте, есть ли в соседстве монастырь, который служил бы ей домом в юдоли печалей, узнать я не мог. Поздно ночью мы въехали в длинную улицу города Ниссы и остановились на почтовом дворе. Я не мог видеть укреплений, но говорят, что они весьма плохи и недостаточны[3].

30 октября / 12 ноября[4]. *Семлинский карантин*. Скорая езда, по 18 и 20 часов, в три последние дня моего пути по Сербии, не дозволяла мне делать даже

[1] По-видимому, Бела Паланка (Сербия).

[2] Стражник.

[3] Ламартин описывает что-то виденное им близ Ниссы, вроде триумфальных ворот, составленных турками на черепов и костей сербов, покоренных после последнего бунта. Но этого ужасного памятника я не видал, приехав в Ниссу в ночное время, и не знаю, существует ли он до сих пор или нет. (Примеч. авт.) Имеется в виду Челе-кула (Башня черепов), выстроенная турками после поражения сербов на Чегре (1809) близ Ниша. С книгой А. де Ламартина «Путешествие на Восток» (1835) Давыдов познакомился в Константинополе.

[4] По-видимому, правильно: 31 октября.

карандашом моих заметок. Но главные обстоятельства припоминаю я на досуге моего карантина.

По выезде из Ниссы, в направлении Балована <?> и Ягодина, горы остались у меня на правой руке. В самый день въезда моего в Сербию заметил я чувствительную разницу между сербами и болгарами и нахожу, что первые имеют более расторопности в своих движениях и гордости в осанке. Они занимаются в открытых лавках разными деревенскими ремеслами. Видно, что здесь живет племя, имеющее свою собственную народность и правление, некоторым образом независимое от турецкого. Однако ж их образ наказания преступников походит более на азиатский, нежели на европейский; я с ужасом убедился в том в первую ночь нашего пути из Ниссы. Ехавши в темноте ночной, при однообразном завывании ветра, беспрепятственно дующего по равнине, я услышал какой-то стук, точно двух палок, которые ударяют друг об друга. Не видя никого близ дороги, я продолжал ехать, но через час или два, опять услышать я тот же самый стук и спросил у моего татара, от чего он происходит? «От костей человеческих», — отвечал он со смехом; но как такой ответ еще более возбудил мое любопытство, то я поехал в направлении, откуда быть слышен стук, и приблизился к колесу, поставленному горизонтально на высоком шесте и поддерживающему острый кол. У подножия этой машины лежали череп и большая часть остова несчастного, который быть посажен на кол; несколько костей висело еще с колеса на длинных кусках кожи, получившей от сырости и воздуха крепость лайки, и когда ветер становится немного сильнее, то одна кость бьется о другую, и таким образом путешественник узнает с содроганием, что здесь тлеют на открытом воздухе останки человека.

Огромные леса, состоящие из каштанов, ясеней, тополей и статных дубов, покрывают равнину, на которую вступаете после выезда из Ниссы. Лес этот должен иметь большую цену при возрастающем безлесье Европы, тем более что в нем много годного для кораблей. Даже в России подобного леса мне не случалось видать. Дорога проведена в нем на ширину четверти версты. Пять дней ехал я от Ниссы до границ этого огромного бора, хотя отдыхи мои были самые короткие, и мне случалось останавливаться только часа на четыре, а часов по тридцати ехать. Усталость лошадей и плохое состояние дорог были причиною, что я не скоро двигался при такой езде.

Не помню, в каком месте случилось мне остановиться, в Баловане <?> или Ягодине, и быть приятно удивленным опрятностью почтового двора. Разные безделицы показывают здесь соседство европейских нравов, и особенно занялся я печатными полицейскими объявлениями на сербском языке, висящими на стене. Такое любопытство с моей стороны польстило, как видно, народную гордость одного серба; он подошел ко мне и стал рассказывать, с явным удовольствием, сколько его отечество делает успехов и как порядочно и справедливо оно управляется, с тех пор, когда ему обеспечены некоторые неотъемлемые права. Сербский язык совершенно основан на славянском, и потому очень понятен для русского, но сверх того мой приятель объяснялся немного и по-русски. «Во время

турецкого неограниченного владычества в наших странах, — говорил он, — коль скоро человек бывал подозреваем в преступлении, то его тотчас предавали смерти. Но отец наш Милош Обренович совсем не так поступает. Если кто попадет под подозрение, то пока не уличат в преступлении, заключат только подозреваемого в тюрьму и там пытают, пока он сознается в вине своей, и когда он уже сознается, то его сажают на кол, в страх другим». Я поздравил серба с улучшением их судопроизводства, но как лошади мои были готовы, то не успел я выслушать, какие еще успехи сделаны сербами в прочих отраслях управления.

Семлин. 26 октября / 7 ноября. Утром выехал я из лесов Сербии и увидел у подошвы покатости широкое течение Дуная с противоположным песчаным и низменным берегом австрийского владения. На этом пункте деления Турция несравненно величественнее Европы.

Дорога выходит из леса прямым углом на реку, но, сворачивая налево, удаляется опять от нее в нескольких шагах до той горы, с которой путешественник впервые видит Белград, лежащий на высоком береге Дуная. Город имеет торговый вид, но притом и вид бедности. Я остановился в трактире только на краткое время, чтобы нанять лодку, на которой переправился по Дунаю в венгерский город Семлин, и так кончилось мое продолжительное путешествие верхом, совершенное в пятнадцать дней, включая в то число полторы суток, проведенных в Адрианополе. В летнее время можно бы совершить такое путешествие четырьмя днями скорее и несравненно спокойнее. Из Белграда Семлин кажется лежащим на противном берегу Дуная, но он в самом деле на той же стороне, и путешественник должен отправляться водою для того только, чтобы попасть в карантин, но если бы не карантинная линия, то можно бы проехать из Белграда в Семлин через Саву, впадающую в Дунай выше Белграда. Дунай перестает здесь быть границей Турции, и оба берега повыше Семлина принадлежат Австрии. Славянский народ, братья сербы, живут здесь, но можно предполагать, что действие правления на нравы сильнее уз кровных.

После часового плавания против течения между низкими островами мы вышли на берег, и часовой провел нас по уединенному берегу в лазарет, стоящий на краю города. Здесь предъявил я мои бумаги, которые были взяты щипцами сквозь решетку, и все мои вещи были разложены для двоякой цели: собрать подать, положенную таможней, и подвергнуть все платья и материи курению в продолжение моего карантина. Люди «нечистые», так называемые потому, что они на лазаретной стороне решетки и могут заразиться, разложили все вещи, которые были записаны до последней безделицы и потом отданы мне в лазарет. Меня самого отвели туда с Дмитрием и человеком, назначенным от лазарета, чтобы служить мне во все время и наблюдать за тем, чтобы я не нарушал карантинных правил. Домик, отделенный для меня, состоит из двух комнат, а между ними сени и печка, в которой можно греть воду. Сзади чулан, и все это пространство окружено высоким палисадником, как острог. Дверь забора оставляют отпертой только днем, ибо нет опасности, чтобы я выступил из моего дворика при свете дня, но на ночь меня запирают, чтобы я не вздумал прогуливаться. Место, окружающее мою тюрьму, «нечистое», и мне запрещено по нему ходить, не от страха, что я могу других заразить, но для того, чтобы я сам не коснулся «нечистого», чем весь карантин уничтожается, и я должен начинать его снова.

Я нашел в домике стул, вешалку для платья и кровать, на которой может улечься мальчик в половину моего роста; в прибавок исходатайствовал я еще стол и подсвечник. Шинель, брошенная на пол, и седло мое служили мне постелью. Мне было приятно слышать звук колоколов, и по самым предосторожностям, принимаемым против чумы, замечать, что я нахожусь уже в просвещенном краю.

На следующий день доктор лазарета, несносный педант, посетил меня, рассматривал, спрашивал подробно о моем здоровья и, разговаривая о Турции и взаимном положении европейских держав, казалось, искал, нет ли и в моем разговоре признаков чумы? Он держал в руке палку с саблей, чтоб вдруг я не разгорячился и не бросился целовать его или жать ему руку, потому что тогда он должен разделить мое заключение, от чего Боже упаси! Этот визит повторяется каждый день, и наши платья прокуриваются каждое утро в присутствии медика. К счастью, кончается уже шестой день, более половины моего карантина.

Татар, сопровождавший меня от Константинополя, приходил за деньгами, и смеялся, когда я приказал ему отойти далее от окна и бросал ему деньги, избегая всякого прикосновения с человеком, который слишком две недели приносил мне кушанье и седлал мою лошадь. Я с ним расстался без сожаления, потому что он человек горячий и жестокий. Благородных оттенков турецкого характера не видать в нем.

5/17 ноября. С помощью и советами семлинского банкира, услужливого и честного человека, я купил коляску, чтоб не дожидаться целую неделю в Семлине отправления парохода в Вену. Накануне моего выезда доктор, взяв меня в первый раз за руку, с большим чувством поздравил меня с прекращением моего карантина. Таможенные чиновники пришли оценивать мои вещи, наложить повинность и, что мне вовсе неприятно было, прикладывать к сундукам моим пломбы, которых я не имею права снять до предъявления в Вене вещей, книг моих и табаку, который везу с собою. Уложив все, мы выступили из лазарета и проходили по «нечистому» пространству до города Семлина с такой осторожностью и таким страхом прикосновения, которого я не знал никогда в Пере, находясь посреди чумы. Остановившись у соборной церкви, отслушал я молебен, и священник, провожая меня до коляски, сказал мне: «Аз желаю вам благополучно путешествовати».

Давыдов В. Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. Ч. II. СПб., 1840. С. 295–326

Я. Н. Озерецковский. Донесение и записка о Черногории

Яков Николаевич Озерецковский (1801/1804?–1864) — сын известного естествоиспытателя и путешественника Н. Я. Озерецковского. В 1826–1828 гг. он участвовал в Кавказской войне, а также в кампаниях с Персией и Турцией; оставив военную службу по болезни, служил в инспекторском департаменте Генерального штаба, а затем перевелся в корпус жандармов, где восстановил чин подполковника и стал порученцем А. Х. Бенкендорфа. В начале 1836 г. он прибыл в Вену по обмену опытом с местной полицией и для выполнения особых поручений (слежка за соотечественниками и сбор информации о политической ситуации), а также как агент военной разведки[1].

В декабре того же года Озерецковский познакомился с приехавшим в Вену черногорским митрополитом Петр II Петровичем-Негошем (1813–1851), поэтом и философом, который намеревался следовать в Петербург. Поездка сопровождалась целым рядом осложнений[2], однако одним из ее результатов стало решение направить в Черногорию специального чиновника для ознакомления с ситуацией на месте и для передачи денежных средств на нужды страны. Эта миссия была возложена на Озерецковского, а его сопровождал владыка, с которым они встретились в Триесте (последующая поездка их очень сблизила). Спустя две недели после прибытия в Цетине 1 сентября 1837 г. было составлено донесение на имя русского посла в Вене Д. П. Татищева (1767–1845) для последующей переправки его в МИД, а копии — в III отделение императорской канцелярии. Обострившаяся болезнь не позволила Озерецковскому слишком долго находиться в Черногории, и в конце октября 1837 г. он возвратился в австрийскую столицу, а затем — в Петербург, где подал записку о Черногории на имя Бенкендорфа. Кроме того, он сообщил целый ряд других сведений об этой стране, приложив к ним альбом своих путевых зарисовок; также в Петербург были доставлены черногорские костюмы (мужской и женский), которые выставлялись в Аничковом дворце, где жила тогда императорская семья[3]. За свои труды новоиспеченный дипломат был пожалован полковничьим чином и табакеркой с бриллиантами. Впрочем, он не хотел ограничиваться только официальной сферой. Имея литературный опыт в виде опубликованных рассказов, повестей и путевых очерков, Озерецковский намеревался поместить в каком-нибудь русском журнале статью «О политическом положении Черногории», но шеф жандармов признал это нежелательным[1].

В начале 1840-х жандармская и дипломатическая (впрочем, как и литературная) карьера Озерецковского внезапно закончилась, и затем он оказался в Перекопе на должности главы Крымского соляного правления.

[1] Дважды упомянут с ошибочными инициалами (Н. Н.) в кн.: *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 62, 71. За ним ту же ошибку повторил Ф. М. Лурье (Политические провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С. 53). Переписка Озерецковского с управляющим III Отделением в должности директора канцелярии А. Н. Мордвиновым опубликована в составе других документов: *Бокова В.* Тайная миссия подполковник Я. Н. Озерецковского // РА: Альманах. [Т. 12]. М., 2003. С. 304–373.

[2] См. подробнее: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 195–222. *Белов М. В., Вишняков Я. В.* Сентиментальный жандарм: миссия Я. Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 155–176.

[3] *Хартанович М. В.* Исторический аспект этнографического памятника: черногорские костюмы в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Российско-сербские связи в области науки и образования. XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Э. И. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М. В. Лоскутова и М. В. Хартанович. СПб., 2009. С. 26–33.

Чрезвычайному и полномочному российскому послу при Венском дворе, господину действительному тайному советнику, всех российских и разных иностранных орденов кавалеру Татищеву
от состоящего при его сиятельстве шефе жандармов по особым поручениям подполковника Озерецковского

1/13 сентября, монастырь Цетине в Черногории

Получив высочайшее повеление отравиться в Черногорию, я выехал из Вены 25 июля / 6 августа в Триест, откуда вместе с архиепископом черногорским Петром Негушем отплыл в Катаро, куда и прибыли мы 11/23 августа.

На полупути заходили в главный город Далмации, Зару[2], где я был вместе с владыкою у генерал-губернатора графа Лилиенберга[3]. Граф говорил со мною наедине и в необыкновенно лестных выражениях отзывался о хороших качествах владыки, которого считает он своим другом.

Как по сие время границы Черногории со стороны австрийской Албании и Бокко-ди-Катаро не были обозначены положительно, то австрийское правительство предприняло исполнить это разделение теперь, для чего уже прибыли в крепость Катаро несколько инженеров.

Граф Лилиенберг надеется, что от черногорцев не встретит к тому препятствия, а владыко, с своей стороны, дает слово содействовать со всею справедливостию к успешному окончанию дела.

Прибыв в Катаро, я познакомился с комендантом крепости, с окружным начальником и многими другими лицами. Со всех сторон я услышал одни только похвальные отзывы о владыке, все, как будто по условию, относятся с отличною похвалою о его уме, доброте и обходительности.

Черногорцы, узнав о нашем приезде, спешили толпами в Катаро изъявить свою радость и преданность владыке.

[1] *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 222, 241 (Примеч. 169). Дневники, которые вел Озерецковский, в том числе во время поездки в Черногорию, по-видимому, утрачены.

[2] Задар (современная Хорватия).

[3] Венцель Алоис граф Веттер фон Лилиенберг (1767–1840) — военный и гражданский губернатор Далмации в 1831–1840 гг.

На пути от Катаро до Цетине, куда прибыли мы 15/27 августа, народ из ближайших гор встречал владыку по здешнему обыкновению беспрестанными ружейными выстрелами и провожал его до самого монастыря.

В Цетине, где имеет пребывание владыко, я передал его высокопреосвященству 26 666 руб., всемилостивейше пожалованные государем императором на пользу народа.

Он принял сумму с повторениями чувств глубочайшей признательности и обратил особенное внимание на полезное употребление оной.

Добрые намерения владыки объясняются мне здесь во всех случаях, а готовность его принимать мои мнения или советы не представляет мне затруднения к успешному исполнению возложенного на меня поручения. Ибо с тех пор, как щедротою государя императора владыко приведен в возможность поддерживать в Черной горе некоторое устройство, которому прежде, не имея средств, положил он только непрочное основание, образ действия его сделался очевидно тихим и во всех случаях благоразумным.

Но Черногория, представляя удивительную картину новизны для европейца, являет с тем вместе и целый ряд надобностей. В течение многих столетий оспаривая независимость своих скал и гор, она осталась по сие время на той же степени необразованного состояния, на которой устояла одна противу Турции после падения Сербского царства.

Донося о пребывании моем в этой стране, я считаю своею обязанностью упоминать вкратце как о местности, так и оее надобностях, ибо то и другое неразлучно с делом.

Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь, ни внутри страны, ни к соседним землям, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, чрез которые пробираются черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать с камня на камень, позволяет им посещать Катаро, этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о европейском устройстве и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота.

Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетине. Но трудность, или лучше сказать, непроходимость гор преграждает путь оттуда для всякого торговца.

Таким образом, на первом шагу в Черногорию является одна из важных причин народных недостатков и необразованности.

Есть возможность по ущельям и скатам гор провести тропинку, удобную для вьюков, а быть может и для больших экипажей; но она потребует издержек не менее как на двести тысяч рублей. Средство, которого Черногория не имеет.

Следуя смыслу данной мне инструкции, я предложил владыке установить необходимый порядок и правила для выдачи денег из всемилостивейше пожалованной ему суммы, избрав для того нарочного казначея.

Он возложил эту должность на бывшею своего секретаря г. Милаковича[1], человека весьма основательного и верного, который уже в бытность свою в нынешнем году в С.-Петербурге, удостоился, по представлению владыки, получить орден св. Владимира IV ст[епени].

Высокопреосвященный с особенною признательностью принял мое предложение на счет утверждения казначейской обязанности, введения шнуровых книг для разных предметов, правил выдач, расписок и проч. Всю эту часть я устроил без сложности, которая могла бы приводить их в затруднение, но с достаточной точностью, чтобы всемилостивейше жалуемые суммы были употребляемы на пользу и с верной отчетностью.

Рассматривая Черногорию подробно и вблизи, нельзя, впрочем, не видеть двух неоспоримых истин: 1-я, что повторения помощи, оказываемой теперь Черногории, необходимы в течение десяти лет, по крайней мере, и 2-я, что лучшее и полезнейшее употребление оной есть обращение почти всех сумм на устройство прочного правительства, которое могло бы вести народ к повиновению и порядку, чтобы впоследствии Черногория довольствовалась собственными своими средствами.

Святопочивший Петр, которого мощи почивают в церкви Цетинского монастыря, дядя и предместник нынешнего владыки[2], положил первые тому основания, написал несколько законов и избрал людей для управления народом, но, не имея денег, и обязанный противустоять сильным тогда нападениям турок, оставил по себе одну только благодетельную мысль или тень правительства.

Народ, привыкший к войне, владел вполне своими древними обычаями: самоуправство составляло его законы, кровомщение было долгом чести, междоусобная вражда и вооружения одного племени против другого не были укрощаемы.

В таком положении нашел Черногорию нынешний владыко и увидел необходимость возобновить план святопочившего дяди.

С 1830 года он успел, хотя немного, обуздать народ и привести его к мысли о необходимости законов и правительства.

Но денежные средства владыки скоро иссякли, и если бы благость государя императора не поддержала его в полезных намерениях, то Черная гора, без сомнения, сделалась бы снова театром ужасов и более, нежели когда-нибудь, мятежным соседом Турции...

Важные изменения в закоснелых обычаях народа идут, однако, медленно: зло ослабевает здесь, но все еще время от времени вспыхивает в прежнем виде и с прежнею силою.

Священник Белопаветцкой[3] нахии отец Максим рассказывал мне, как в 1834 году черногорцы застрелили двух его братьев.

---

[1] Димитрие Милакович (1804–1858) — секретарь черногорских правителей, филолог и историк, издатель альманаха «Грлица» (1835–1839).

[2] Митрополит Петр I Петрович-Негош.

[3] Правильно: Белопавлицкой.

Сердарь (глава) нахии Кучка[1] жаловался мне, что турки в нынешнем году, назад тому не более месяца, убили его любимого зятя.

В 1835 году турки, напав на границу, отрубили 17 черногорских голов, черногорцы бросились тогда же на пограничную крепость Жабляк[2] и принесли в отмщение 70 голов турецких.

В нынешнем году, когда владыко был в Петербурге, пять черногорцев убили одного, который был лично известен высокопреосвященному и пользовался его милостями. Один из убийц схвачен, остальные бежали в Турцию.

Подобные случаи бывают еще нередко, и одна надежда к прекращению оных есть устройство правительства, пред которым народ начинает уже приметно смиряться, опасаясь суда и закона.

Убежденный собственными своими исследованиями, я не могу иначе назвать распоряжений, сделанных владыкою при мне, как благоразумными и ведущими к полезной цели.

Он избрал снова 12 сенаторов, 30 перяников (воинов), обязанных жить в Цетине, для исполнения должности народной полиции и приказаний сената, и так же, как и первые, на небольшом жалованье до 400 оруженосцев, которые оставаться будут в своих домах, имея по одному главному в каждой нахии, для удержания народа от междоусобий, кровомщения и нападения на турецкие границы[3].

Без этого основания силы правительства нет иного способа привести черногорцев в повиновение и заставить их со временем вносить хотя небольшую подать для дальнейших надобностей страны.

Иначе великодушная помощь государя императора будет необходима на бесконечное время, будет казаться недостаточною и, расходясь по народу, не оставит и следов пользы.

Собственно нищих и просящих Христа ради в Черногории не существует. Бедность и недостатки являются по местам в массах и происходят от неурожайных годов, каков был и прошедший 1836-й.

Нынешний же год вознаградит прошлогодний неурожай, ибо теперь рожь, ячмень и кукуруза, которые растят здесь преимущественно, обещают очень хорошую жатву.

Но главное богатство черногорцев состоит в рогатом скоте. Нахия Катунская ведет торговлю с австрийцами скотом и копченым мясом, называемым здесь castradina. Нахия Риечка продает значительное количество рыбы scoranza[4].

Вообще народ будет в состоянии вносить подать тем легче, когда правительство увидит себя в возможности помогать заимообразно в голодные года, и когда власть оного утвердится как следует.

[1] Кучи, Кучская нахия (округ).

[2] Жабляк Црноевича (Черноевича) — древняя черногорская крепость в устье реки Морача на Скадарском озере.

[3] О реформаторской деятельности Петра II Петровича-Негоша в начале его правления (учреждение Сената, гвардии и перяников) и ее продолжении в августе 1837 г. см.: *Аншаков Ю.П.* Становление... С. 181, 209.

[4] Итальянское наименование, род лучеперых рыб, уклева (серб.).

Теперь же черногорец не находит талера, если от него требуют оного как подать, и в то же время найдет червонец, чтобы купить хоть сколько-нибудь патронов [и] пороха!

В нахии Кучке есть место, называемое Златица, где видны развалины бывших зданий. Судя по преданиям, там, во времена владычества римлян, добывали золото, отчего и место получило название Златицы.

Опытный геолог мог бы посетить и рассмотреть Черногорию с большою пользою для науки, а может быть, открыл бы и новую отрасль богатства страны[1].

С намерением вести Черногорию в устройство, открывается еще одна надобность: построение домов в Цетине, где вовсе нет помещения ни для предполагаемой к учреждению школы, ни для сенаторов.

Цетине есть племя Катунской нахии, занимающее равнину верст около пяти длиною и одной версты шириною. К гребню гор, на равнине в 1724 году владыко Даниил[2] построил монастырь, здания которого несколько увеличены при нынешнем владыке. Вблизи [стоит] низкий, покрытый соломою дом, где до сего времени помещались сенаторы, и в стороне пять или шесть каменных изб, построенных торгующими вином и хлебом также после 1830 года, когда сходки народные к монастырю стали делаться чаще.

В этом состоят все здания в местопребывании владыки.

Он сделал теперь подряд и приготовляется для постройки нескольких домиков в виду монастыря, на равнине Цетинской, в которые охотно переберутся на постоянное жительство избранные им сенаторы, ибо с тем вместе владыко уступил для каждого частицу принадлежащей ему монастырской земли. С будущей весною он намерен начать здесь постройки и справить дом, занятый теперь сенаторами, для помещения в оном училища, которое теперь распущено.

При порядочном распределении денег, коими может располагать владыко, и при дешевизне материалов и рабочих людей, это распоряжение может быть исполнено. Оно послужит основанием к новому устройству и принесет чрезвычайную пользу для всей страны.

Полагают, что число жителей в Черногории простирается до ста тысяч мужеского пола[3], в числе которых до 20 т[ысяч] оруженосцев. Но это счисление примерное, ибо по сие время не было еще здесь никогда народной переписи, а священники не имеют даже метрических книг. В скором времени владыко сделает распоряжение к составлению метрик по селениям, формальная же ревизия народа представляет затруднение и может породить разные толки и даже беспокойства.

[1] *Помета*: «Можно послать офицера горных инженеров». Надпись покрыта лаком; ниже пояснение: «Собственной Его Величества рукою написано карандашом: “Можно послать офицера горных инженеров”. 14-е Ноября 1837, в Москве».

[2] Митрополит Даниил Петрович-Негош.

[3] Преувеличение; скорее, это численность всего населения Черногории: Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М., 2013. С. 147. (Примеч. 5.)

Спустя неделю после прибытия нашего в Цетину 23 августа / 3 сентября из всех нахий собралось по нескольку человек для поздравления владыки с возвращением и получения его приказаний.

Он объявил народу в ясных выражениях, что намерен утвердить правительство для прекращения навсегда между ими самоуправства и раздоров, требовал, чтобы народ жил мирно с пограничными турками, объявил, что отступающий от этих приказаний будет строго наказан; и что черногорцы могут тогда только надеяться на благосклонное воззрение государя императора, если будут жить в мире с соседями, прекратят междоусобия и будут повиноваться законам.

Я был свидетелем его свидания с народом, и мне казалось, что слова владыки приняты с особенною готовностью следовать его волею.

На другой день после того владыко писал к визирям албанскому и герцеговинскому о своем возвращении, прося их о соблюдении мира на границах. С его письма имею честь представить, в переводе на русский язык, копию[1].

Несмотря на все это, как мне кажется, трудно ручаться за прочный мир между двумя народами, разделенными вероисповеданием и вековой враждою, народами равно необразованными и равно готовыми к войне. Столько ж трудно и едва ли возможно решать между ними споры, кто прав, кто виноват.

Черногорец родится с мыслью о своей независимости и вырастает с нею. Ввиду турецких селений он пашет землю с ружьем за плечами, потому что каждый шаг обрабатываемой им земли может подать повод к распрям, для которых как турки, так и черногорцы не имеют другой расправы, кроме силы оружия.

Дело о селении Грахове уже известно нашему министерству. Черногорцы считают Грахово принадлежащим Катунской нахии, подтверждая свое мнение тем, что граховцы, хоть и платили подать туркам, но всегда вооружались против них в случае нападений вместе с черногорцами, и что в [1]806 и [1]807 годах были также противу французов с русскими.

Теперь граховцы соглашаются платить туркам прежнюю подать, по два флорина серебром с дому; но после сражения 16 августа 1836 года требования турок уже не прежние: они налагают на Грахово подати несравненно тяжкие и тем легко могут зажечь там новые беспокойства[2].

Есть надежда, что распоряжения, делаемые теперь владыкой, ослабят все борьбы, но их прекращения ожидать трудно, пока турецкое правительство не означит границу между областями Черногорией, Албанией и Герцеговиной.

Не могу умолчать, что приезд мой в Черногорию сделал странное впечатление на пограничных турок. В их селениях днем и ночью стали стрелять из ружей, в знак готовности отразить всякое нападение, и разносили разные слухи, один другого нелепее. Я употребил все меры словами и поступками рассеять их опасения и всю неосновательность рассказов.

[1] Перевод письма скадарскому Осман-паше имеется в архивном деле в АВПРИ: Главный архив. V-А$_2$. 1838. Д. 695. Л. 44–45. (Примеч. в первой публ.)

[2] Об этом конфликте см.: *Аншаков Ю.П.* Становление... С. 258–275. Документы: Петр II Петрович Негош и Россия. № 85–88, 90. С. 287–296.

В заключении моего донесения принимаю смелость упомянуть о похвальном поступке двух черногорцев: Стефана Перова Вукотича[1], избранного теперь в сенаторы, и Перо Томова Петровича, брата владыки.

Во время отсутствия высокопреосвященного из Черногории в нынешнем году некоторые племена черногорцев лишены были прошлогодним неурожаем всех средств к избавлению себя от голода, ибо земля не произвела не только кукурузы, но даже и картофеля. Отчаянные жители, истощив малые свои способы, обратились с просьбами к Стефану Вукотичу и Перо Петровичу. Сии последние, не имея денег для закупки хлеба, решились отправиться в Катаро и, заложив там свое оружие и вещи, а частию убедив купцов поверить их честному слову, успели занять до 700 стар хлеба, на сумму 3500 флоринов. Таким образом спасли они многие семейства от голода, а некоторых, быть может, и от смерти.

С подлинного верно: подполковник Озерецковский

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 74–84 об.[2]

Записка Я.Н. Озерецковского шефу жандармов, командующему императорской главной квартирой А.Х. Бенкендорфу

24 февраля 1838 г., Санкт-Петербург

О Черногории

Область Черногории лежит на южной оконечности Австрийской Далмации, вдаваясь в турецкие владения. Она граничит с юга с турецким приморьем и Албаниею, с севера и востока Герцеговиной и Боснией. С западной стороны крепость Катаро, отданная Австрии в 1814 году в бозе почивающим императором Александром[3], отделяет ее от Адриатического моря, так что Черногория не касается оного ни в одной точке.

[1] Старейшина Катунской нахии.

[2] Записка публиковалась трижды. Первый раз по оригиналу (авторизированной копии) из АВПРИ: Црногорско-руски односи 1711–1918. Кнь. 1. № 18. С. 196–203 (последовательность текста во время верстки нарушена). Второй раз (В. Боковой) по копии из фонда III отделения в ГАРФе: РА: Альманах. [Т. 12]. С. 338–343. И, наконец, вновь по варианту АВПРИ: Петр II Петрович Негош и Россия. № 153. С. 405–412. Текст сверен по копии в ГАРФ и печатается с незначительными поправками; использовано примечание публикаторов о помете Николая I. Свидетельством тщательной работы Озерецковского над текстом донесения является его черновой вариант, который хранится в РГАЛИ без указания авторства под названием «О поездке в Черногорию. Записи.1838 г. »: РГАЛИ. Ф. 1337. Коллекция мемуаров и дневников. Оп. 1. Д. 324. Начало рукописи: «Первое мое донесение о поездке в Черногорию».

[3] Россия эвакуировала свои военные силы из Которской бухты после Тильзита, сюда вошли французы. А по решению Венского конгресса эти территории отошли Австрийской империи.

Сто тысяч жителей славянского происхождения, говорящих сербским наречием, исповедуют греко-российскую православную веру и, преданные безусловно России, взирают на российского императора как на своего державного государя. Они считают турок своими врагами и доказывают независимость свою более нежели трехсотлетнею беспрерывною борьбою. Имея внутри своей страны до 20 тыс. храбрых и искусных оруженосцев-стрелков, этот воинственный народ не мог приобрести хорошего расположения австрийского правительства своей безотчетной преданностью России.

Крепость Катаро с принадлежащим ей гребнем моря, заслонив Черногорию от оного, лишила ее необходимейших условий жизни и существования народного. В неурожайные годы добыть покупкою хлеба черногорцы имеют один только источник — крепость Катаро; там же должны они запасаться солью и порохом.

Следовательно, бедная страна, окруженная, с одной стороны, враждебными турками, с другой — поставлена в зависимость от Австрии.

Несмотря, однако ж, на бедность и затруднительность своего положения, Черногория не могла быть пренебрегаема австрийцами. Поддерживая себя уже более ста лет благочестием и участием российских императоров, этот храбрый народ постепенно увеличил и почти удвоил свои владения, присоединив к себе четыре новые провинции, называемые Бердою. Он усилил себя противу приметно ослабевающей Порты и с тем вместе усилилось и влияние Черногории на смежные с оною провинции Герцеговину и Албанию, в которых полагают более двух миллионов жителей греческого исповедания.

Австрия, имея в руках своих Приморье и крепость Катаро, легко могла видеть возрастающую силу этой полудикой и воинственной страны, которой не достает только денег, чтобы взять первенство и приобрести еще сильнейшее влияние, с одной стропы, на Далмацию и Герцеговину, а с другой — на берег Адриатического моря до Греции.

В этом отношении помощь и покровительство, оказываемые Россиею черногорцам, не могли быть приятны австрийскому правительству, и потому оно, уже заслонив Черногорию географически легким приобретанием Катаро, стало унижать страну в глазах России, чтобы лишить оную могучего покровителя и тем ослабить ее возникающее значение.

Таким образом, все сведения, получаемые русским кабинетом о Черногории, так сказать, прогоняемы были через куб австрийских и турецких надобностей, и бедные черногорцы в борьбе за веру и независимость с явным врагом своим Турциею, выкупая кровью каждый шаг земли, окруженные австрийской политикой, турецким оружием, бедностию и нуждами, приобрели название разбойников.

Множество просьб, жалоб и искаженных рассказов доводимы были до сведения российского правительства, не быв даже известны в Черногории. Молодому владыке приписывались кражи и варварства, к которым он вовсе не способен. Я видел образ жизни владыки: он беден как нельзя более, быть может,

по молодости еще неопытен, но исполнен преданности государю императору, благородных чувств и добрых намерении для своего народа.

Сказанное мною выше о политике Австрии обязан я подтвердить следующими тремя случаями.

1. В 1831 году два австрийские чиновника были у великого визиря и, говоря с ним через переводчика о приметном усилении Черногории, советовали обуздать эту страну, отделив от оной присоединившуюся Берду. Переводчик по случаю имел родных в Герцеговине, которым и сообщил о словах австрийских чиновников. От них это сведение дошло скоро до владыки, и действительно вскоре затем герцеговинский паша стал готовить войско для исполнения сего плана. Владыка обратился тотчас с просьбою к российскому послу в Вене об отклонении турок от их намерений, и план сей был отстранен тогда влиянием его высокопревосходительства Дмитрия Павловича Татищева.

2. В прошедшем году, когда архиепископ написал к пашам герцеговинскому и албанскому о содержании мира и доброго согласия по границам, то они отвечали ему, что согласятся на его желание, если под названием Черногории понимает он прежние четыре провинции оной (следовательно, отделяя Берду).

3. Адъютант далматинского губернатора графа Лилиенберга капитан Орешкович[1], бывший в мое время в Катаро для размежевания границ, познакомившись коротко с владыкой и со мною и принимая живое участие в судьбе Черногории и трудном положении владыки, открыл мне очень важную тайну: что незадолго до прибытия моего в Черногорию далматинский губернатор получил прошение из Черногории от двух нахий — Цернички и Р[и]ечки[2], будто бы желание сих провинций отделиться от Черногории и предать себя под покровительство Австрии.

Весьма естественно, что с отделением от теперешней Черногории, с одной стороны, Берды, а с другой — двух лучших провинций исчезла бы вся ее сила, все значение оной упало бы невозвратно, и Австрия освободила бы себя от мысли о 20 тыс. ружей, преданных России и готовых всегда исполнять ее повеления.

Но, по счастию, все сии планы, созданные только с помощью нескольких завистников и недоброжелателей владыки, не имея основания внутри страны, разрушаются сами собою.

В малое число неблагонамеренных людей можно без ошибки включить и двоюродного [брата] владыки Георгия Петровича, отставного поручика русской службы, находящегося ныне в Цетине и известного уже беспокойным нравом своим нашему министерству. Отдаление его из Черногории было бы очень полезно при настоящих обстоятельствах[3].

[1] Фридрих Орешкович — капитан Австрийской армии.

[2] Црмницкая и Риечская нахии.

[3] Георгий Савич Петрович-Негош, племянник и предполагаемы преемник Петра I Петровича-Негоша, был отправлен в Россию для духовного образования, но предпочел военную службу. В декабре 1834 г. вышел в отставку в чине поручика и вернулся в Черногорию, где первоначально вошел в оппозицию Петру II. В дальнейшем, однако, он стал ревностным сторонником своего брата-митрополита. См.: Петр II Петрович Негош и Россия. С. 205. (Примеч. 2.)

Англия и Франция уже несколько лет содержат консулов своих в турецкой крепости Скутари, хотя она не имеет никаких торговых сношений с Европою. Их обязанность, без сомнения, состоит в покровительстве множества миссионеров, находящихся в том краю для обращения униатов и православных в католическую веру, и наблюдать за духом Албании, готовой восстать также вместе с Черногорией, чтобы потом передать берег Адриатического моря России.

Когда в [1]834 году[1] архиепископ, увидев себя в затруднении управлять народом, не имея денег, решился просить о помощи государя императора, то эти два консула, узнав его намерение, послали к нему нарочного, предлагая ему тайно денег и пороха. Владыка, не приняв их предложений, отправился в С.-Петербург, но был остановлен в Вене и получил отказ. Это обстоятельство повергло его в уныние и вовлекло в неосновательную мысль о поездке в Париж — мысль, в которой уже приносил извинение перед государем императором.

Наблюдения английского и французского консулов над Албаниею не напрасны, ибо наклонность этой страны к общему делу с Черногорией доказать можно многими случаями.

Гас-Ника, главарь сильнейшего в Албании племени хотского, имея более 1000 оруженосцев и чувствуя свою силу, объявил скутарскому паше, что никогда не подымет оружия против черногорцев, и послал к владыке в Цетину 14-летнего своего сына, чтоб он был воспитан и вырос в православной вере.

Много других главарей разных племен Албании приходили в Цетину с просьбою, чтобы владыка известил их, когда надо будет поднять оружие против турок, на что все они готовы и просят также архиепископа взять к себе их детей на воспитание, как принял сына Гас-Ники.

Во всех сих случаях владыко, несмотря на неопытность и молодость свою, действует чрезвычайно осторожно и удерживает в тишине Албанию, готовую восстать по его вызову.

С другой стороны, в австрийских владениях зреет медленно часть мысли о племенах славянских. Там, в г. Аграме, живет некто Гай[2], человек очень умный и предприимчивый, которого мне случилось видеть в Вене, куда приезжал он в прошедшем году с просьбою завести в Аграме типографию кирилловских букв. Министр внутренних дел граф Коловрат[3] испросил ему на это разрешение от императора.

Гай издает в Аграме журнал «Даница Илирска» («Заря Иллирии»). Журнал сей, уже по названию своему изобличающий свое предназначение, наполнен статьями приводящими славян к мысли о их прошедшей самобытности. Я нашел в нем оду «Вздохи славянской богини Вилы», в которой поэт вызывает просто славян к восстанию и свободе. Эпиграфы ко многим статьям соответствуют той же мысли, например:

1) Народ без народности
Есть тело без кости.
2) Без природной свободы,
Как рыба без воды.
3) В сложности и единстве народа состоит его истинная сила.
4) Войско сильно воеводой,
А земля свободой.
и прочее.

Под сим последним эпиграфом напечатано: «русская пословица». Журнал «Заря Иллирии» имеет множество подписчиков и читателей, и, что может казаться странным, правительство, разрешая издание оного для славян, запрещает вывоз оного в Ломбардо-Вениционское[1] королевство.

Вообще в Австрии очень заметно особенное снисхождение к славянам со времени восшествия на престол ныне царствующего императора. К этому отнести можно дозволение, данное ученому человеку Шафарику[2], издавать в Праге историю славянских племен. Там же выходит с недавнего времени журнал «Ост унд Вест», который знакомит славян между собою и с Европою.

Гай, быв в тесной дружбе с владыкой, открыл ему свои намерения и цель журнала «Заря Иллирии». Она состоит в том, чтобы возбудить в славянах и войсках австрийских, расположенных по турецкой границе до Белграда и сформированных из славян же, мысль о самобытности. Гай объявил владыке, что уже ручается за 12 тыс. пехоты и может, когда только вздумает, привести этот отряд по границе Далмации и Герцеговины на помощь черногорцам противу турок, если владыка даст ему знать о времени, в которое восстанет Черногория, Албания и Герцеговина.

Было бы ошибочно думать, что наклонности славянских племен к мыслям об их возможной народности. Следовательно, для подобных действий кабинета должна быть причина и цель; но я не смею касаться сего предмета, опасаясь впасть в предположения, слишком отдаленные и, быть может, ошибочные.

Считаю только долгом подтвердить, что Черногория исполнена преданности России, имеет чрезвычайное влияние на соседних славян, а в особенности на подвластных Порте, которая стесняет их быт, отягощает христиан налогами и лишает преимуществ, коими пользуются ее подданные магометане.

Архиепископ Петр [II Петрович] Негуш, хотя и молод, но одарен ясным умом, и в состоянии держать весь тот край в таком направлении, какое Россия ему укажет.

Помощь, всемилостивейше назначенная государем императором для Черногории, состоящая в ежегодном отпуске 8 тыс. червонцев, освежила страну,

[1] Далее описываются события 1836–1837 гг.

[2] Людевит Гай (1809–1872) — лидер хорватского иллиризма. Аграм — Загреб.

[3] Карл Антон фон Коловрат-Либштейнский (1778–1861) — австрийский государственный деятель, лидер патриотического крыла чешского дворянства. С 1836 г. Коловрат-Либштейнский являлся членом Государственной тайной конференции, где возглавлял внутриполитическое и финансовое отделения; в 1848 г. — глава правительства.

[1] Так в тексте.

[2] См. примеч. к путевым запискам П. И. Кеппена. После 1833 г. П. Й. Шафарик перебрался в Прагу.

утвердила власть архиепископа и отвела его от неосновательных действий, о коих говорил я выше и в которые могла его вовлечь крайность и некоторого рода отчаяние.

Черногорцы готовы свято исполнять повеление государя императора и, живя в бедности и вечной войне, посвятили бы с радостью жизнь свою на службу России. В этом смысле переселение нескольких семей их на Кавказ против горцев могло бы принести значительную пользу, без ослабления Черногории противу турок.

Если бы государю императору благоугодно было удостоить своим благодетельным участием этот отдаленный край, то для Черногории, часто страждущей от неурожаев, лучший дар был бы доставление из Одессы хлеба и соли, чтобы владыка однажды мог устроить несколько запасных магазинов, чего не в состоянии сделать из скудных произведений земли.

Вторая польза могла бы произойти в политическом отношении Черногории к ее соседям, если бы владыке пожалована была единовременно хотя небольшая сумма денег собственно на заведение порядочного училища и постройки для оного дома, с тем чтобы владыка имел позволение принимать к себе на воспитание детей некоторых албанских и герцеговинских христиан по просьбам их отцов, чего архиепископ без дозволения не сделает.

В заключение считаю долгом приложить у сего ноту, сообщенную мне частным образом российским вице-консулом Фруско[1] в Венеции, где я был несколько дней на обратном пути из Черногории в Вену. Сведения, заключающиеся в ноте г-на Фруско, во многом сходны с изложенным мною в этой записке, хотя и собраны им из источников совершенно противуположных.

Подполковник Озерецковский

Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 25. С. 219–225[2]

[1] Записка опубликована: Црногорско-руски односи 1711–1918. № 26. С. 226–227.

[2] Вторая публикация: Петр II Петрович Негош и Россия. № 158. С. 419–425.

Е. П. Ковалевский. Четыре месяца в Черногории

Егор Петрович Ковалевский (1809/1811?–1868) — известный путешественник, геолог и географ, автор целого ряда произведений путевой прозы, литератор, дипломат и общественный деятель. Он окончил Харьковский университет по отделению нравственно-политических наук (1828) и до середины 30-х гг. служил горным чиновником сначала в столице, а затем в Сибири.

Первая поездка в Черногорию в 1838 г. стала реализацией идеи, высказанной в записке Озерецковского и поддержанной Николаем I, провести геологоразведку в этой стране. Помимо этого, в инструкции данной Ковалевскому К. В. Нессельроде, ему поручалось собрать сведения географического и статистического характера. Хотя та же инструкция предписывала Ковалевскому «уклоняться от всякого вмешательства в дела, которые не имеют прямой связи с Вашими поручениями», он вынужден был принять участие в урегулировании пограничного конфликта черногорцев с Австрийской империей в сентябре того же года, что явилось его дипломатическим дебютом. Этот эпизод был чреват международными осложнениями, Ковалевский был оправдан Николаем I, поскольку, в его оценке, тот «действовал как настоящий русский»[1].

Миссия в Черногории обеспечила особое положение Ковалевского в Главном управлении Корпуса горных инженеров, а его дальнейшие многочисленные поездки по Средней Азии, Ближнему и Дальнему Востоку, Африке и Балканам инструктировались МИДом и содержали дипломатический компонент. Тем не менее опыт путешествий Ковалевскому удавалось претворять в литературную форму очерков, предназначенных для широкой публики[2]. А первым таким произведением стали «Четыре месяца в Черногории» (1841), дважды дебют, поскольку это и первая подробная книга, написанная и изданная на русском языке, об этой стране.

Выдвинувшийся в главные эксперты по Черногории, Ковалевский в первой половине 50-х еще трижды посещал эту страну с дипломатическими

[1] *Хитрова Н. И.* Дипломатическая деятельность Е. П. Ковалевского в 30-х — 50-х гг. XIX века // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 116–119; *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 222–229, 277–280. Описание пограничного конфликта с участием русского чиновника не могло войти в первую путевую книгу (1841) по цензурным соображениям, но составило специальный очерк, опубликованный позднее (1864): *Ковалевский Е. П.* Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // Эпоха. 1864. № 5. С. 169–193 (Собр. соч. Т. 4. С. 161–194). Кроме того, уже во время первой поездки ставший другом митрополита Петра II Петровича-Негоша Ковалевский посвятил ему посмертную биографию: Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. 1854. Т. 45. С. 55–84 (Собр. соч. Т. 4. С. 197–240). Результатом посещения другой части Балканского полуострова в 1843–1844 гг. (Дунайских княжеств и Болгарии) явились очерки: Балканы. Ниш // Библиотека для чтения. 1847. Т. 80. С. 1–14.

[2] *Вальская Б. А.* Путешествия Е. П. Ковалевского. М., 1956 (библ.: С. 186–200); *Виленкин В. Л.* Странствователь по суше и морям (Егор Петрович Ковалевский). М., 1969.

целями, последний раз — в начале Крымской войны для вовлечения ее в действия против Османской империи. Однако, как известно, в результате эвакуации русской армии из Дунайских княжеств из-за австрийского ультиматума план священной славянской войны утратил всякий смысл. После поражения в войне, смены на троне и перемен в МИДе, который возглавил А. М. Горчаков, Ковалевский стал директором его Азиатского департамента и оставался на этом посту до 1861 г., обозначившего финал его дипломатической карьеры. Последующие годы были посвящены литературной и общественной работе.

Глава I. Переход из Катара[1] в Цетин

16/28 мая

В Триесте сел я на трабаколу, небольшое купеческое судно.

Не стану описывать своих приключений на море. На этот раз я не остановлюсь даже в Катаре, прилепленном, словно ласточкино гнездо, к голой скале, — Катаре, который так часто участвовал и, по физическому своему положению и единоверию жителей, будет всегда участвовать в судьбе Черногории. Об этом после. К своей цели, к своей Мекке стремлюсь я неуклонно, подобно набожному мусульманину, отстраняя взоры свои от предметов напутных.

Только день провел я в Катаре, и в этот день должен был разменяться обычными визитами со всеми властями городскими и пограничными, должен был выдержать бесконечно длинный обед у А. и его первый дипломатический приступ, расчесться с таможнею, впрочем, весьма вежливой и даже обязательной, по крайней мере, со мною и, наконец, изготовиться для дальнейшего путешествия. Очень неохотно расстался я на другой день в три часа утра с мягкою постелью и сном — сном столь сладким, что и теперь с удовольствием вспоминаю о нем. Делать было нечего. Перееники[2], присланные владыкою, уже ожидали меня. Мы выступили. Предуведомленная накануне комендантом городская стража отперла крепостные ворота, и — шаг за воротами — черногорцы весело приветствовали наш выход перекатным ружейным огнем, с которым я так свыкся впоследствии, но который и поныне пугает мирных катарцев.

Чудное дело: два народа, столь близкие по физическому положению, разделены навечно между собою понятиями, образованием, духом, религией и, наконец, самым Ловчином, этой неприступною грядою гор, отделяющей Черногорию от остальной части Европы.

Горизонт неба едва занимался заревом приближающегося светила, но вершина Ловчина уже купалась в его лучах и горела, и сияла, как жар-птица в наших сказках. Залив Катарский, лучше которого и в мире ничего нет, спал сном праведника, существующего для блага человечества, — и только для блага. Божий мир лежал передо мною во всей красе своей; но, мало-помалу, я отклонял от него свои взоры, томимый страданиями бренного тела; я уже изнемогал, а Ловчин восставал передо мною все выше и страшней; едва переходили мы одну преграду, являлась другая, еще неприступнее; едва взбирались на утес по выдавшимся камням или инде иссеченной лестнице, не редко цепляясь за колючий куст, и опять скользили вниз по осыпям; казалось, не было конца пути, а солнце, столь приветливое в начале дня, дышало пламенем; лучи его становились отвесными; я задыхался от зноя и усталости, но вдруг пахнуло отрадною прохладой с покрытой снегом вершины горы, и я ожил.

[1] Котор.

[2] Охранная стража владыки черногорского. (Примеч. авт.)

Не удивляюсь теперь, что жители Катара никак не в состоянии убедиться в возможности перехода через вершины Ловчина, хотя ежедневно видят приходящих из-за него и уходящих за него черногорцев.

Катаро со своими стенами, взбежавшими высоко вверх по воле своего великого творца Микель-Анджело[1], мало-помалу становился неприметнее и, наконец, исчез на дне бездны. Мы были на вершине Ловчина!

Напряженное зрение устало; пена воображения опала; тело просило покоя; я расположился близ озера, находившегося, по чудной прихоти природы, на самой вершине горы. Как прекрасно покоилось это озеро в своей овальной чаше, в своей первобытной красе. Только местами били и крутили и опускались вниз подземные его ключи. Откуда взялось это водохранилище, никогда не переполняемое? Куда сбывает оно излишек вод своих? Но эта мысль коснулась меня только слегка. Я с наслаждением погрузился в азиатское бездействие души и тела и в рассеянности слушал тарабарские имена, которыми мой черногорец обозначал окрестные места. Одно из них, однако, коснулось моего слуха своею странностию. «Знаете ли почему вон тот исток называется Ноздерц?» — спросил меня рассказчик. «Почему?» И легенда началась...

В нескольких шагах от нас дожидали мулы и лошадь, высланные владыкой из Цетина, и мы, утолив голод и жажду, пустились в дальнейший путь; я, как водится, на коне, а другие — кто верхом на муле, кто пешком, и этих была большая часть, впрочем, все освобожденные от ноши, которую они тащили через горы. Принужденные часто всходить пешком на обрывистые горы и потом отдыхать, словно после поденной работы, мы подвигались медленно вперед, но все-таки после полудня достигли до села Негуши — палладиума владык Черногории, а к вечеру прибыли в Цетин, куда перенес свое пребывание из Станевича святопочивший Петр[2] и где пребывает нынешний владыка Черногории. Еще издали, едва завидели монастырскую башенку, мы остановились; спутники мои стали молиться. С благоговением и любопытством глядел я на них. На гребне горы, в ширину которого едва помещался человек или цепкий мул, было рассеяно несколько черногорцев: иные еще молились с чувством глубокого воодушевления, устремляя взоры свои к Цетинскому монастырю, где хранилось

[1] Ковалевский убежден, что Которская крепость строилась по чертежам Микеланджело Буонаротте. Ошибка, на которую первым обратил внимание Ф. В. Чижов: Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7–8. Отд. 1-е. С. 20.

[2] Петр I Петрович-Негош.

их сокровище — мощи святопочившего Петра, другие, окончив свою молитву, стояли, опершись на длинные ружья, в положении столь им обычном; в своих живописных нарядах; с блестящим за поясом оружием и развивающеюся за плечами струкой[1], они ярко рисовались на позлащенном горизонте. После молитвы раздались выстрелы; как будто черногорцы хотели показать в то же время и смирение свое пред небесами и угрозу земли. Из Цетина отвечали сотнями выстрелов, которые не умолкали до нашего прихода в монастырь. Шумная радость сменила их. Толпы черногорцев окружили меня, приветствовали и целовали: я был в родной семье!..

Глава II. Цетин и нынешнее правление Черногории

Броневский, между прочими чудесами, говорит[2], будто Цетин, зубцами своих стен... своими позлащенными главами и крестами... напомнил ему Кремль и Москву! Цетин, состоящий весь из монастырского здания, в котором едва вмещается десяток келий да тесная церковь! Не говорю уже о позлащенных главах: на нем даже нет креста, кроме высеченного на монастырских воротах, свидетельствующего о бедности Божьего дома. Если мы прибавим к этому четыре или пять изб, которые служат гостинницами для черногорцев, всегда толпящихся в Цетине, то мы со всею подробностью опишем наружный вид Цетина времен Броневского. В Черногории, загроможденный утесами и осыпями, Цетин славится обширностью расстилающейся вокруг него равнины, не имеющей, впрочем, и пяти верст в окружности. С вершины Ловчина Черногория представляется взволнованным морем, на котором, как пики (pic), восстают Дормитор[3], Ком[4] и несколько других гор, но из числа равнин только одна Цетинская заметна и кажется глубокою впадиной. Сколько раз в глухую полночь, которая так здесь отрадна свою свежестью, проходили мы с владыкой эту долину с одного края до другого без стражи, без оружия, и только разве глаза слишком бдительного перенника сторожили нас издали и неприметно.

Владыка — глава Черногории. Митрополит, военачальник и судья — он связан тройственным союзом со своим народом. Надежда на мир лучший и счастие в настоящем, молитва пред Судиею Верховным и защита от сил земных, все упование народа в его владыке. Стоя высоко по уму и образованию над своими соотечественниками, владыки Черногории умели снискать к себе народное благоговение. Не было примера, чтобы черногорец нанес кому-либо из них личное оскорбление, не говоря уже о посягательстве на жизнь. Власть их ограничена только общим мнением и обычаями предков, которые чтутся как закон

[1] Мужская и женская шерстяная накидка, плед, которым укрывались на ночлеге во время похода.

[2] Записки морского офицера и проч. 1818 г. (Примеч. авт.)

[3] Дурмитор — ныне национальный парк в Черногории.

[4] Комовы горы.

и исполняются точнее и непременнее закона письменного. Несмотря на это, по-видимому, слабое ограничение власти, сосредоточенной в лице одного, нигде свобода поступков, лишь бы она не нарушала прав собственности и личности другого, не видна так, как в Черногории. До сих пор народ не знал ни податей, ни правильной службы; все его обязанности сосредоточиваются в защите отечественной свободы, которую он сохранил чистой и неприкосновенной от всех покушений своих соседей, и ныне это невинная, как голубица, невеста, готовая под венец, а не под жертвенный нож, как угодно уверять некоторым из современных нам писателей. Правда, новые времена, новые покушения на независимость Черногории заставили владыку противопоставить несменную оборону против своих соседей; он образовал из черногорцев несколько сотен постоянного войска на своем иждивении, устроил сторожевые укрепленьица по границе, и все это, может быть, не без некоторых пожертвований со стороны народа; но ведь нес же этот народ все свое имущество и жизнь на защиту отечества, и еще в недавние времена Кара-Махмута[1], а принятия меры владыкой — Бог даст — надолго устранят покушения новых Кара-Махмутов.

Нынешнее управление Черногории скорее можно назвать патриархальным, чем военно-духовным, как его обыкновенно называют. Отец все еще остается господином в своем доме, а сердарь — в нахии; но первый не имеет уже власти над жизнью своего семьянина или домочадца, а последний — на имущество вверенных ему Богом и владыкой граждан. Звание сердаря нахии, или начальника округа, все еще наследственное и остается в родах издавна славных своею храбростию; но ныне нередко неспособный сердарь заменяется одним из его родовичей, и народное мнение не поддерживает своим уважением сменного наперекор воли владыки. Отряд, или, правильнее, община, известная под именем «гвардии» и учрежденная нынешним владыкой, заботится о внутренней безопасности и защите права каждого[2]. В гвардию принимаются молодые люди известной фамилии. Они получают жалованье от владыки, живут в своих семействах, но во всякое время готовы чинить суд и расправу в случаях менее значительных, выходящих, однако, из-под семейного влияния, содействовать сердарю того округа, которому принадлежат, в исполнении его приговоров и являться по воле владыки на службу ратную — оборонять границы, преследовать опальных, изымать пеню с виновных. Гвардия находится собственно в зависимости сердарей; но когда я говорю о зависимости в Черногории, то не должно принимать это слово в обычном нам значении. Черногорец исполняет с точностию приказание старшего только тогда, когда убежден в необходимости этого исполнения или когда приказание идет от владыки;

[1] Махмуд-паша Бушатлия, Кара-Махмут (1740–1796) — шкодрийский (скадарский) паша с 1776 г., отпавший от султанской власти и пытавшийся покорить Черногорию. В 1796 г. был разбит черногорцами в битве при Крусах и обезглавлен. Его череп упокоился на стенах Цетинского монастыря, который он ранее сжег.

[2] Первоначальная численность гвардии составляла 156 человек. См. также примеч. к донесению и записке Я. Н. Озерецковского.

в других случаях он беспечен, как и всякий, привыкший к воле и южному солнцу, кого излишние потребности и нужды не приучили к беспрерывной заботе, а роскошь жизни не заставила ежеминутно опасаться за нее. Черногорец деятелен в одном случае, когда заслышит клич на битву. Это его стихия. Конечно, не врожденная склонность, не инстинкт разрушения дали подобное направление целому народу — это было бы противно человеческой натуре, но необходимость самохранения и потом, частию, привычка.

Сердарь разрешает жалобы, примиряет ссоры и предупреждает кровомщение своих сограждан; впрочем, никто не налагает обязанности на тяжущихся идти на суд сердаря; всякий волен обратиться к любому старшине или воеводе и вообще к тому, в ком надеется найти более справедливости и приговор в этом случае исполняется так же, как бы он был произнесен самим сердарем; а как за решение всякого дела определена судье известная плата со стороны тяжущихся, то всякий старейшина старается приобрести народную доверенность и любовь; это одно из оснований той утонченной вежливости и снисходительности, с которою старшины обращаются с народом. Власть сердаря умного и деятельного довольно обширна; в народных собраниях, которые бывают большею частию по воскресеньям, и где сердарь — глава и распорядитель, заключают и разрывают мир с пограничными турецкими племенами и городами; назначают неприятельские действия, посылают чету[1] для разведок, устраивают мирские дела — последние вообще редко возбуждают внимание начальников, — примиряют враждующие племена и определяют наказания виновным.

Сенат есть высшая инстанция; он находится в Цетине и называется «Большой Суд» для отличия от гвардии, которая носит имя «Малого Суда». Начальники всех нахий, или округов, составляют присутствие сената; но так как они часто должны отлучаться во вверенные им округи и оставаться там некоторое время по своим или народным делам, то к ним присоединено еще несколько сенаторов, из старшин знатнейших фамилий преимущественно. Вице-президентом сената нынче двоюродный брат владыки Егор Савич Негуш[2], служивший некогда в русской службе, а президентом — владыка Черногории. Все внутреннее управление Черногории, верховный суд и власть распорядительная соединены в сенате. В делах более сложных и важных изложение обстоятельств и решение дела производится на бумаге секретарем сената. В случаях обыкновенных — устно. Малый Суд и сердари вовсе не употребляют ни переписок, ни соединенных с ними проволочек при своих разбирательствах и исследованиях: дела решаются обыкновенно устно; мы будем встречать образцы их судопроизводства. Обвиненные в убийстве, в нанесении оскорбления владыке, в измене против отечества приговариваются сенатом к смертной казни. Владыка, как лицо, облеченное духовным саном, остается чуждым этих приговоров. Приговоренный к казни расстреливается. Соседи Черногории привыкли истощать

[1] Здесь: отряд.

[2] Георгий Савич Петрович-Негош. См. о нем примеч. к донесению и записке Я. Н. Озерецковского

свое остроумие над убогим зданием, в котором помещался прежде сенат, и над безграмотностию многих сенаторов; с этой точки они глядят на политическое образование Черногории и горько ошибаются, и дорого платят за свои ошибки. Грядущее в руках Провидения, но, следуя естественному закону, невольно думаешь, что юное и сильное деревцо некогда вырастет высоко, возмужает, окрепнет и широко раскинет ветви свои над тем местом, где будет истлевать полуразвалившийся, отживающий свои века дуб, и может быть, приютит его под отрадную тень и доставит ему питательную росу. Сенат ныне перенесен в прекрасное здание, воздвигнутое нынешним владыкою на удивление всей Черногории. Суд и правда чинятся в нем честно, и хотя не на основании письменных законов, которых, как мы заметили, нет — если не считать небольшого сборника покойного владыки[1], — однако на основании совести и народных прав.

Дела особенной важности, требующие быстрого распоряжения, все сношения внешние, управление митрополией, раздача милостей и наград относятся к лицу владыки. При нем состоит народный секретарь. Сорок человек, известных под именем перияников, составляют телохранителей владыки, это цвет и краса юношества; не одно происхождение и наружность дают право на звание перияников, но и личные достоинства, какой-нибудь особенный подвиг храбрости или поступок чести; едва ли один из них найдется не раненый: малейшая жалоба на перияника, малейшая несправедливость, оказанная кому-либо с его стороны — и он исключается из своей общины телохранителей. Перияники образованы нынешним владыкою и преданы ему безусловно и безгранично; в первый раз они были употреблены в дело нынче, против австрийцев[2], где своею отчаянною храбростию заставили дивиться себе самих неприятелей и таким образом начали ряд геройских подвигов, который, конечно, им суждено пройти, хотя в кругу очень тесном, однако, тем не менее, достойном их славы. Перияники по одежде отличаются от прочих черногорцев только двумя буквами, вышитыми на шапочке: это начальные буквы той нахии, к которой периянин принадлежит по своему роду и племени; таким образом, Н. К. означают нахию Катунскую, Н. Ц. — нахию Церничскую и т. д.

Глава III. Нынешний и святопочивший владыки Черногории

С особенною отрадой вкушал я тишину мирной монастырской жизни и горный воздух Черногории. Келия моя была рядом с келией владыки и вместе с двумя соседними составляла все укромное жилище правителя Черногории. В одной из двух остальных келий помещалась его обширная библиотека, другая — служила ему спальной, кабинетом и приемной; столовая — рядом.

[1] О «Законнике...» Петра I Петровича-Негоша, принятом на рубеже XVIII–XIX вв. см.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 67–70.

[2] О пограничном конфликте 1838 г., поводом к которому стало возведение австрийской казармы на Паштровичской горе, см.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 277–279.

Бóльшую часть дня проводил владыка в трудах и занятиях по управлению своим народом; у меня были свои заботы, главнейше занимался я изучением туземного языка. Язык этот, без сомнения, составляет самое чистое и не испорченное сербское наречие; между тем как речь серба испещрена множеством иностранных слов, особенно турецких, язык Черногории остался в первобытной красе своей, как и самый ее характер. Только несколько иностранных слов, итальянских и турецких, занесено сюда вместе с иностранными предметами, для которых не нашлось сербских названий.

Остальное время дня я проводил с владыкою. Иностранцы часто говорили о нем. Видя его мельком в Вене или зная только понаслышке, они исказили не только характер, но даже наружный вид его, и это одно уже налагает на меня непременную обязанность представить его лицо в настоящем свете. Я должен начать рассказ свой несколько выше.

<...>[1]

Владыка образовал сенат на более точных началах, чем он дотоле существовал. Он определил жалованье сенаторам и тем обязал их на всегдашнее пребывание в Цетине, между тем как прежде они являлись туда только тогда, когда позволяли им хозяйственные занятия отлучаться из дому; учредив постоянный отряд войска под именем гвардии и перениковъ, о которых мы говорили, завел училище и с помощию устроенной им в Цетине типографии распространил в Черногории священные книги, в которых она нуждалась; нынче секретарь его занимается изданием нужных для первоначального обучения книг, както: «Истории», «Грамматики» и «Арифметики». Все эти преобразования тем более поражают, что владыка пользуется самым незначительным доходом, который получает с рыбной ловли в озере Скутари, с монастырских земель и еще незначительных отраслей промышленности. Ни податей, ни таможенных сборов не знает Черногория. Нынешний владыка, однако, всячески старается склонить народ на взнос самой ничтожной правильной подати, от одного до трех гульденов (от 2 р. 15 к. до 6 р. 45 к.) с семейства, и должно надеяться, должно желать, чтобы он достиг этого.

Обращаюсь к наружному виду владыки. Чрезвычайно высокого роста, стройный, с черными, как смоль, ниспадающими по плечам волосами, с глазами, полными блеску, правильными чертами лица — владыка представляет образец мужественной красоты. Я знаю только одного, в лице которого более величия и поражающей красоты. Его знает вся Европа![2] Художник избрал бы правителя Черногории образцом для изображения Геркулеса, а философ — путеводителем в своей жизни. Владыка ведет жизнь чрезвычайно умеренную: стол его более чем неприхотливый; в одежде своей прост, но отличается от прочих черногорцев. Он до того щедр и сострадателен к нищете, что нередко отдавал последнюю свою рубаху бедному. Изучение языков и литературные занятия составляют его страсть и отдохновение от тягости правительственных

[1] Опущена «историческая» часть повествования.

[2] Явный намек на Николая I.

забот. Он считается одним из первых литераторов между славянами, очень хорошо говорит и пишет по-русски и по-французски и в случае нужды может изъясняться по-итальянски. Но чувство, в нем преобладающее, чувство, развитое в высшей степени — это пламенная любовь к родине, к ее славе, ее благоденствию; в этом отношении он постоянно находится в каком-то восторженном состоянии. Я мог бы долго говорить о правителе Черногории, и только скромность заставляет меня умолкнуть. Трудный путь избрало ему провидение, но провидение и подкрепит его на нем!..

Глава IV. Путешествие по нахии Церничке

25 мая (6 июня)

Обжившись в Цетине, ознакомившись несколько с народом и сблизившись с его достойным правителем, я решился приступить к исследованию самого края, и на первый раз избрал предметом своей экспедиции нахию Церничку, как наиболее доступную по положению своему. 6 июня нов[ого] ст[иля] я отправился в путь в сопровождении нескольких перениковъ и черногорцев из рабочего класса.

С каждым днем убеждаюсь более и более в том, чтó ограждает и надолго оградит свободу черногорцев. Это их горы, неприступные для европейцев, это их нравы, дикие для так называемого образованного человека, это их обычаи, заменяющие законы, и гораздо сильнее законов письменных.

Я изнемог. Переход через границу нахии Катунской и Речки напомнил мне горы Средней Азии. К счастию, здесь нет лесу и болот на пути, зато эти наваленные в беспорядке громады известковых глыб, свидетельствующие о недавнем их разрушении, эти торчащие, острые камни и местами поросший терновник, прикрывающий бездны от глаз неопытного путника, казалось, созданы для того, чтобы заслонить этот край от человека; но человек взял его с бою от вечно состязающейся с ним природы; он усвоил его, своею кровию упрочил обладание над ним и отдаст только с бою, только с последнею каплею крови. Этот человек нам брат по духу и племени.

Для черногорцев везде путь; почти все деревни имеют между собою сообщение, но, глядя на эти тропинки, вьющиеся между утесами и ленточкой ниспадающие в бездну, вы скажете — это след зверя или, скорее, вешний след нагорного ключа. Мне вспал на мысль остроумный ответ Даниила, митрополита и владыки Черногории, Петру Великому: «Сколько у вас крепостей?», — спросил Петр. «50», — отвечал, не запинаясь, владыка[1]. Он разумел под словом крепость каждую деревню, укрепленную этими неприступными горами и грудью черногорцев, и был прав! Может быть, желал он также придать более важности своему народу, вступавшему в то время под сильное покровительство России. Как бы то ни было, но Петр I, окинув орлиным взором восток Европы, постигнул всю

[1] Даниил Петрович-Негош встречался с Петром I в 1715 г. в Петербурге.

важность союза со страной, ничтожной по величине и населению, но сильной своим мужеством и важной для тогдашней политики своею постоянною ненавистию к Турции.

Село Черноевич, важнейший торговый пункт Черногории, лежит близ реки Иван-Бегово-Черноевич[1], которая выходит из обширной пещеры, в 60 саженях от деревни, и судоходна почти от самого своего истока; я разумею, судоходна для здешних ладей, напоминающих своим разительным сходством наши старые донские ладьи, носившие страх и месть сильным некогда туркам. Эти ладьи подымают от 10 до 40 человек и привозят сюда хлеб, соль и рыбу из турецких, прилежащих к озеру Скутари, крепостей и деревень, из города Скутари, Жабляка и нередко Бара (Антивари). Разумеется, что только одни христиане осмеливаются являться на здешних базарах, и то тайком от турецкого правительства, равным образом турецкие владения закрыты тщательно для черногорцев и для всякого путешествующего из Черногории, и легче уберечь голову свою в самой отчаянной сшибке, чем явившись за рубежом Черногории со стороны турецких владений.

Еще издалека достигал до меня однообразный, печальный напев, прерываемый каким-то судорожным потрясением голоса или всхлипыванием. Чем более он приближался, тем яснее можно было различить слова, которые сопровождали этот напев. «Кто это поет?» — спросил я. «Не поет, а “голосит”, рыдает, что посекли турки у Бара» (Антивари). Вскоре показалась женщина в истерзанной одежде, с обнаженною головою, с которой ниспадали в беспорядке волосы и с лицом исцарапанным, покрытым язвами, окровавленным: это была вдова, жена Нико. В таком виде проходила она соплеменные села; воспевая дела убитого мужа, терзая себя и горько рыдая, возвещала о незаменимой своей потере, о потере всего своего племени и сильною речью возбуждала народное мщение. Этот обряд сохранился в некоторой степени у нас, в Малороссии; он разительно поясняет столь частые и поэтические сравнения женщины, оплакивающей потерю мужа, с «кукующею зузулей[2]». Далее мы встретили нескольких мужчин, которых лица также были покрыты кровью; они возвращались с поминков, где плач и царапание своего лица составляют необходимый обряд, заключаемый, как у нас, трапезой и попойкой.

Между обрядами Черногории разительнее других «побратимство» и примирение людей, между которыми, как говорят здесь, «кровь». Побратимство прежде совершалось в церкви и сопровождалось молитвами и особенным торжеством; ныне, большею частию, вступающие в побратимство только обмениваются крестами: тем не менее, однако, свят и ненарушим этот союз и вступившие в него почитаются братьями. Примирение враждующих между собою лиц случается большею частию тогда только, когда вина одного искуплена условленною ценою в пользу другого; тогда виновный надевает себе на шею ружье и в унижении коленопреклоненный, при стечении народа, испрашивает себе прощения; враги обыкновенно становятся друзьями. Можно себе вообразить, как тяжел этот обряд для черногорца, от природы в высшей степени гордого!

[1] Иван I (Иван-бей) (?–1490) — правитель Зетского княжества с 1465 г.; почитается как национальный герой Черногории. Другое название реки Черноевича — Обод (Овод).

[2] Кукушка (ю.-рус., укр.).

Гордость черногорца особенно отражается в сношениях его с чужеземцами. Всем в Поморье изветен анекдот о двух черногорцах, взятых в плен французами. Лористон[1] хотел непременно отослать их в Париж, на показ народу, требовавшему, подобно римлянам, хлеба и зрелищ; черногорцы узнали о предстоящей им участи и предпочли ей другую: один из них размозжил себе голову об стену своей темницы, другой уморил себя голодом.

Трехдневное наше пребывание в Черноевиче доставило мне возможность видеть базар, который бывает каждую субботу. Я не переставал удивляться, как эта толпа, состоявшая из 600–700 человек, могла так мерно, так плавно волноваться без всякого путеводителя, не выходя из берегов, не вскипая мятежом; как мог существовать этот порядок и самая строгая честность без полиции, без власти, без страха наказания, без всякого чуждого влияния, только по внушению собственного убеждения, по руководству своей совести и своего сердца. Так могущественен инстинкт взаимных сношений и порядка в человеке.

Количество названных уже мною сырых произведений, бывших на базаре, простиралось на сумму 15 т[ысяч] рублей. Иногда бывает в продаже оружие — единственная роскошь, единственная отрада черногорцев, но это случается чаще после какой-нибудь большой четы[2].

Я ринулся в базарную толпу без всяких предосторожностей. Мои непринужденные движения, моя речь, моя одежда получерногорская возбуждали более участие ко мне, чем удивление; изредка встречал я украдкой кидаемый взор негодования турецкого подданного или католика. Я заходил в трактир или некоторого рода улучшенный питейный дом, садился в кружок пирующих и вел с ними шумную беседу. Особенно пленяли меня красота и разнообразие одежды.

Южные черногорцы ходят в своей гунине нараспашку, очень похожей на малороссийскую свитку, с узкими рукавами, длиной по колена, белого грубого сукна с красною каймою от во́рота до ног, с рядом пуговиц и петель, которые, впрочем, ни к чему не служат, в синих шароварах, оканчивающихся у колен, в «доколенцах» белого же сукна, заменяющих чулки, и «опанках», обуви из телячьей кожи, чрезвычайно похожей на древние сандалии своим видом и прикрепленной к ногам ременными «опутами». Сверх гунины они обыкновенно надевают камзол (елек) красного сукна, испещренный шелковыми, а иногда мишурными шнурками, окаймленный позументом; под гунину — род жилета, «джамадан» алого сукна. Северные черногорцы или бердяне редко носят гунину; место ее занимает «косуля» — рубаха, нередко тонкого холста, шитая по вороту и с широкими, висячими рукавами; она выходит из-под «джамадана» и ниспадает до колен широкой юбкой; словом, одежда эта почти нисколько

[1] См. примеч. к «Журналу» В. В. Вяземского.

[2] Чета — неприятельский набег, почти то же, что баранта киргизов. (Примеч. авт.)

не отличается от албанской. Но те и другие, северные и южные черногорцы, носят одинаковые красные шапочки, обшитые до половины черною тафтой и иногда повитые тонкой чалмою; оружие, состоящее из длинного, так называемого арнаутского ружья, почти всегда изукрашенного мелкой, искусной насечкой из серебра и перламутра, два пистолета, нередко чистого булата, в оправе цельного литого серебра и, наконец, ятаган, который вместе с пистолетами носится за поясом спереди, составляет принадлежность всякого черногорца. У пояса его висит огниво и все потребности для смазки и чистки орудий, почти исключительного занятия воинственных черногорцев. Одежда женщин не многим отличается от одежды мужчин. Женщины носят также гунины, но только без рукавов; рубахи их более шиты и нарядны; голова замужних покрывается платком, ниспадающим по плечам, а девиц — шапочкой, совершенно похожей на описанные нами мужские шапочки с тою разницей, что она вся изукрашена серебряными монетами, большею частию турецкого чекана. Те и другие носят серьги, ожерелья, браслеты, все грубой и тяжелой работы; наконец, широкий пояс, весь покрытый камнями, сердоликами, халцедонами и ониксами, составляет одно из главнейших украшений черногорок; все их оружие состоит из узкого, висячего у пояса ножика, которому они дают иногда кровавое употребление. Чтобы не уклоняться от истины, я должен заметить, что косуля, рубаха, не составляет необходимой принадлежности одежды обитателей Черногории обоего пола, и что бедные едва знакомы с употреблением ее.

В Черноевиче есть развалины укреплений, воздвигнутых героем страны[1], которого имя носит и река, и деревня, и эти развалины; есть монастырь о двух кельях, есть монах, ветхий страж этого ветхого здания, в котором находил я прибежище, но не защиту от дождя. В нем проводил я только ночи; дни текли в трудных занятиях, сопряженных с путешествием, в напряжениях физических и нередко в душевной истоме. Но исследования мои в окрестностях приходили к концу, и я с радостью спешил оставить монастырскую нору, тем более что предстоявшее путешествие в лодке по реке и озеру обещало отдых после трудностей горных переходов: так, по крайней мере, думал я.

<...>

Глава V. Плавание по реке Иван-Бегово-Черноевич и озеру Скутари. Пребывание в нахии Церничке

11 июня, нов[ого] ст[иля]

<...>

В Сотоничах был я приглашен в первый раз на свадьбу. Обряды и пиршества, сопровождающие свадьбу, во всех славянских племенах похожи между собою и различествуют только в частностях. Как было некогда у нас, как водится еще и ныне, супружества в Черногории заключаются между родителями при

[1] Иван I Черноевич.

помощи сватов, «сватовие»; нередко это случается еще тогда, когда дети их в самом нежном возрасте и, не ведая о предстоящем им вечном союзе, растут вместе; чаще же бывает, что жених и невеста вовсе не знают друг друга и видятся впервые под венцом. Власть мужа, как главы и защитника семейства, ненарушима: жена имеет обязанности в отношении к нему, но лишена всех прав. Подобная жизнь, конечно, не цветет восторгами любви и вообще тем, что мы привыкли называть супружеским счастьем, зато устранена от всех семейных междоусобиц, домашних тревог и бешеных наслаждений. Правда, много странного для нас представляет семейная жизнь в Черногории. В первые годы после брака супруги всячески должны дичиться, убегать друг друга, не смеют говорить между собою, не смеют изъявлять малейшей приязни, не только нежности, один другому: все это показало бы их взаимную любовь — чувство слабое, свойственное женщине, и следовательно, постыдное для мужчины, для черногорца. В Берде не существует брачного ложа для супругов; как тать, в ночную пору, прокрадывается муж к своей жене, и стыд, и горе обоим, если кто из семейства увидит их вместе. Даже в разговорах с другими супруг никогда не назовет по имени свою жену, если необходимость заставит говорить о ней, но заменяет ее имя местоимением «она», как бы стыдясь своей связи с женщиной. Детей своих должен он чуждаться, как плод этой связи, всегда для него унизительной.

По правилам греко-российской церкви мужчины не могут вступать в супружество ранее 14, а женщины 12 лет; по достижении определенного возраста в Черногории оба пола спешат воспользоваться своими правами в этом случае, хотя должно заметить, что здесь страсти не так быстро развиваются, как вообще в южных краях. Жена не приносит с собою приданного в дом новой семьи, и нередко она покупается, как между азиатскими народами. Прежде плата за жену, этот христианский калым, существовал во всей Сербии и Черногории и был столь значителен, что бедные принуждены были отказываться от радостей супружеской жизни, но Георгий Черный определил законом, чтобы за жену не платили более червонца. В Черногории родители никогда не согласятся выдать замуж меньшую дочь ранее старшей, которую подобное предпочтение заклеймило бы вечным позором. Давши слово на брак дочери своей, нередко находящейся еще в колыбели, родители держат свое слово свято, несмотря на все препятствия, которые нередко встречаются впоследствии; нарушение же его влечет неизбежно вечное кровомщение.

Вступивши в комнату, где раздавался свадебный пир, мы были немедленно усажены на почетном месте за столом, вокруг которого уже сидели все учрежденные обрядами для свадебного дела чины, а именно: старый сват, первенец, кум, воевода, баръяктар или знаменосец и деверь. Гости были в нарядных платьях и богатых оружиях. Каждый из них приносил в дар что-нибудь, большею частию съестное, иногда живых птиц, и все принесенное располагал в порядке на столе, во всеувидение, что нередко доставляло самые смешные сцены. Один из гостей принес петуха, связанного по ногам и крыльям, и положил его перед невестой; петух, почувствовав себя на просторе, встрепенулся и оборвал путы,

потом, поднявшись на ноги, еще раз отряхнулся и громко прокричал к общему смеху присутствующих. Градом посыпались шутки и острыя слова: «Видишь, какой голосистый и какой задорный, — сказал старый сват, — словно тот итальянец, что в Катаро солдата учит ходить». «На то и выбрал из ученых, — отвечал принесший петуха. — Всю ночь простоит у изголовья молодых и не даст им задремать». «Да где ты добыл такого?» — говорит другой. «Выменял в Спуже[1] за голову турка», — отвечал хозяин петуха, начинавший терять терпение от повсеместных насмешек и помахивавший своим ружьем, которого еще не успел поставить к стороне. Между тем, отец жениха дарил гостей почетнейших белыми холстинными платками, которые называются в Малороссии хустками, а здесь «марамами», других — деньгами, не менее рубля ассигн[ациями]. Гости ели и пили: целиком зажаренные бараны быстро исчезали и на их место являлись другие, для вновь приходивших. Но гораздо занимательнее сцены происходили вне дома: на площадке, выстланной и кругом обнесенной каменными плитами, устроенной для просушки хлеба, толпился народ. Тут несколько мужчин и женщин, образовав кружок, танцевали коло, танец медленный и довольно скучный; один из известных менестрелей пел старинную балладу, сопровождая напев своей одноструннoй балалайкой[2], и должно сознаться, что слушателей было гораздо более, чем зрителей. На свадьбе в Черногории все пируют, кроме бедной невесты, которая обречена на самую страдальческую роль со времени выхода из-под отчего крова до заключения брака. В течение этого времени двое дружек мужеского пола не покидают ее ни на минуту: они мучители и благодетели ее; для нее припрятывают они тайком за обедом несколько лакомых кусков, потому что здесь почитается величайшим бесчестием для невесты, если кто увидит, что она изволит кушать; бедная не смеет сесть, и усталая, голодная, мучимая другими потребностями она не имеет покоя даже ночью; неотлучные ее дружки разделяют с нею девичье ложе! Этот странный обряд ведет иногда, хотя очень редко, к преступлению. Правда, дружки большею частию избираются из родственников, но с тем вместе из молодых и неженатых; правда и то, что они почитаются родными братьями невесты во все время своей службы при ней, и преступление, совершенное ими, наказывается, как бы оно было сделано родными братьями; но к чему эти искушения природе человеческой, столь сильной в своих началах столь слабой в последствиях.

Между тем мои ученые коллекции росли и затрудняли наши переходы, а запасы для жизни материальной все более оскудевали; надо было обновить последние и отправить в Россию первые. Это заставило меня идти прямо в Катаро, как ни ужасала мысль вторичного перехода из Катаро в Цетин.

<...>

[1] В то время крепость на границе со Шкодринским пашалыком.

[2] Гузла.

Глава VIII. Острог[1]

17/29 июля

<...>

По пути встречали много деревень, еще более церквей: но что это за деревни и что за церкви? Где площадка, там два-три, иногда десяток домов, кое-как сложенных из камней и едва прикрытых от дождя соломой, изредка черепицей, жались к утесу, отнимая у него задаром полторы или две стены; словом, они вполне оправдывали свое сербское название «кучи»[2]. Церкви большею частию без священнослужителей и без церковных утварей; впрочем, в них иногда совершается литургия, и как торжественна, как поражающа она здесь, в устах священника, едва оставившего свою соху, которою он в поте лица снискивает хлеб, или оружие, которым защищает права и свободу вверенного ему племени (священник здесь и воевода и сердарь); как, говорю, торжественна эта обедня перед одинокою иконой Спасителя, в маленькой, нередко развалившейся церкви, сквозь стены которой видна и эта дикая, величественная природа и часто турецкая крепость, ежеминутно грозящая направить свои пушчонки туда, где толпа людей гуще.

Народ здесь беден. С трудом выпрашивает он насущное пропитание у клочка земли, доставшегося ему по наследству или по праву войны, и эту землю он не имеет ни охоты, ни досуга обработывать с должным рачением. Ни даже досуга, скажете вы, но что ж он делает? Что делает! Бог ему судья! Впрочем, его нельзя винить в лени. Здесь человек стоит неусыпно на страже своей свободы; пограничный нередко и ночью не покидает своего оружия, а проснувшись, каждый прежде всего берется за ружье, которое он начинает носить с 11 или 12-летнего возраста; ружье с бороной не свояки: что первое посеет, того не возрастит и время.

Здесь работают одни женщины. Жалкие существа здесь женщины. Природа и человек унизили их до чрезвычайности. Они небольшого роста, почти всегда несколько сутуловаты от трудов и тяжкой ноши; длинные караваны их тянутся ниткой в базарные дни по пути в Катаро и другие места, между тем как нередко рядом с ними идет черногорец, с одним ружьем за спиной, ятаганом и пистолетами за поясом; гордо и не глядя подает он руку мимо идущим женщинам, которую они лобызают с благоговением. Да, да, здесь женщина целует руку мужчины, а он не удостоивает в это время взглянуть на нее. Женщины черноволосы, черноглазы и смуглы: последнее — след зноя и непогоды, для которой всегда открыто их лицо; облик лица южных славянок, но только один облик: хорошеньких здесь мало; зато мужчины — это племя атлетов, что за рост, и как сложены, какая величественная осанка, какой гордый, повелительный вид, и эти приемы черногорца, это искусство носить свое оружие и свою щегольскую одежду, выказывающую мужественные его формы — все в нем поражает европейца, дитя

[1] Горный монастырь, основанный в XVII в. св. Василием Острожским.

[2] Кучи по-сербски означает дом. (Примеч. авт.; правильно: kuћa).

болезней и неги. Когда вы увидите черногорца на страже, гордо и неподвижно опершегося на свое длинное, красивое ружье, с горящими, устремленными к турецкой границе глазами, с засученными по плечо рукавами косули, обнажающими его мощные, мускулистые руки, вы скажете: для него нет невозможного, и едва ли ошибетесь.

<...>

Глава IX. Наждребаник[1]

12/24 июня

Вечер был — каких бывает мало даже и здесь, в стране прекрасных вечеров.

Природа и душа заодно впивали радость благодатного воздуха: полная луна всходила из-за снежного хребта и облекала вершину его в таинственный полусвет, между тем как отклон горы был задернут мраком. Давно не дышал я воздухом долин, и вот теперь передо мною развертывалась одна из роскошнейших; орошаемая Зетою в самой середине, она обнималась по краям, у подошвы и скатов гор, деревеньками и отдельными избами, словно на диво им. Поля ржи и кукурузы или, правильнее, гряды, так малы они были, колыхались волной матового золота; виноградник зеленою тафтой застилал небольшие возвышенности; смоквы, черешни, мурвы[2] и другие плодовые деревья сбегались в купы, как бы желая пощеголять обилием своих плодов; только роскошные орешники стояли порознь, одиноко; тень и глушь не по них, и собственная их тень достаточна для прикрытия корней. Едва скошенная трава разливала запах, нескошенная пестрела цветами.

Мы взошли на один из холмов, которых насыпь принадлежала незапамятному народу и времени: «Этот камень положен в память воеводе Виду, посеченному турками», — сказал мне перeник, указывая на вершину холма, где возвышался камень без надписи и креста: его хранит народная память и молитва одноплеменника. Может быть, по форме этого камня, его ветхости и, наконец, по системе вероятностей, позднейший археолог прочтет на нем тайну холма. Но как чудно, как таинственно для мысли слита здесь память двух героев, может быть, двух народов, разделенных таким пространством времени и понятий. Перeник мой гордо окинул взором окрестность, на которой еще торчали там и сям развалины домов турков, недавних обитателей Белопавличи и врастали в землю огромные, прекрасно обделанные камни — остатки жилища людей более мощных, более образованных, которые, конечно, переживут и нынешних обладателей края. Вереницы навьюченных ослов тянулись от юга: «Это из Спужа, — продолжал перeник, указывая на маковку горы, на которой чуть виднелось укрепление города, — мы дали ему мир и заторговали с ним дружно». Надобно вам заметить, что это единственная из пограничных турецких крепостей

[1] Монастырь Ждребаоник, по преданию, XIII в., рядом с Подгорицей.

[2] Шелковица, тутовое дерево (серб., обл.)

(если их можно назвать крепостями), которая в настоящее время находится в мире с Черногорией, и то надолго ль? Частная ссора спужанина с черногорцем, выстрел, потом убийство, кровомщение, сначала семейное, а там родовое, общее, пока не притупятся ятаганы и не расстреляется порох.

Мимоидущие всходили на холм, где мы расположились хозяевами, и вскоре он покрылся народом, любопытным и жадным общества; наверху сидели старейшины по летам или званию, поодаль молодые, и еще далее сиромахи, то есть бедные. Разговор переливался из уст в уста, как чрез перегонные чаши; разумеется, он чаще всего падал на турков; остроты то и дело взлетали в беседе, сталкивались и лопались, редко, однако, задевая кого за сердце. Время текло, не замечая нас, и не замеченное нами. Смерклось, а черногорцы и не думали о сне, да и зачем измерять временем так редко достающиеся нам радости! Разложили огонек.

— Трипо, подопри нос пушкой[1], а то выстрелит — пороху не заслышишь, — сказал один остряк, в богатом вооружении, бедняку, опершемуся на свое старенькое, кое-как сколоченное ружье.

Бедняк смолчал; и здесь, как у нас, соль острот взята на откуп богатыми, и здесь люди не разоряются от этого откупа только потому, что торгуют на чужой счет. Другой отвечал за Трипо, зло намекая сопернику на неотомщенную смерть соплеменника:

— А ты прячешь свою пушку, чтоб подгоричанянин[2] не увидел?

— Я покажу, когда встречусь с ним, — отвечал тот холодно.

К чести черногорцев должно заметить, что эта колкость не сорвала ничьей улыбки; напротив, один из них, желая прервать возникшую ссору, быстро вскочил и, подняв вверх всегда заряженное ружье, спустил курок, ружье осеклось: «Грош»[3], — закричали отвсюду, и десятки выстрелов раздались в воздухе.

— Тише, соколы, тише! Не то в Спуже всполохнутся куры на своих седалках.

— И от страха снесутся недоношенными яйцами, — заметил другой.

— Глядите, чтоб не чугунными, — сказал лукаво третий.

— Не боимся, не боимся! — закричало несколько голосов, и этот порыв хвастовства, столь редко замечаемый в черногорцах, удивил бы меня, если бы он не происходил от чувства внутреннего убеждения в своем превосходстве перед турками.

Уже разговор начинал опадать, и сладость ночи погружала иных в задумчивость, других в дремоту, когда послышавшийся вдали звук гуслей пробудил всех и навел на любимую потеху. Все приступили с просьбою к одному из моих перeников, чтобы он спел, но Видо, убежденный в своем достоинстве, долго упорствовал; поэт сказал бы: он хранил свои песни только для себя; наконец, когда я присоединил свою просьбу к общей, он сдался. Принесли низенькую

[1] Пушка — ружье. (Примеч. авт.)

[2] Житель турецкой крепости Подгорицы, соседственной нахии Кучи. (Примеч. авт.) Ныне столица Черногории.

[3] Обыкновенное черногорское присловие при осечке ружья. (Примеч. авт.)

скамейку для певца и гусли, род малороссийской балалайки об одной струне. Кружок сделался теснее. Певец начал. Его лицо, полное благородства, но холодное, вспыхнуло жизнию; смущение придало ему более красоты; он пел, сопровождая напев гуслями, и все внимало, никто не шелохнулся, чубуки оставались еще в сомкнутых устах, но они не дымились и давно остыли; на лицах слушателей можно было разгадывать смысл песни, так сильно, так видимо отражались на них порывы волнуемой страстно души. В собственном смысле — это была не песня, но длинная историческая баллада о том, как герой славянства Милош Обилич[1]... но для чего рассказывать то, что вас вовсе не займет, зачем предавать на терзание вашему невниманию, что было выпрошено с таким усилием и выслушано с такою жадностию.

Певец кончил, а я все еще слушал и не наслушался бы его во всю ночь.

Черногорские песни состоят большею частию из повествований исторических событий; они длинны, единообразны но напеву, занимательны по содержанию. История здешнего края начертана в песнях, сохранена в земле и на земле. Много веков, много народов протекло над развалинами, покрывающими этот край; многие воздвигли их из праха, но еще чаше низвергали в прах; каждый век наложил на них печать свою, и каждый народ свою руку. <...>

Глава XIII. Поединки и кровомщение

Часто поражал меня старик, дряхлый, но все еще стройный, без рубахи, едва прикрытый рубищем, но гордого, повелительного вида, без пристанища, но снискивавший везде кров и гостеприимство. В Черногории, как и в Европе, бедность не порок, но хуже порока: это я знал и тем более удивлялся старику, пока не разгадалась мне тайна. «Это славный юнак[2] Янко: он отрубил 12 турецких голов», — сказал с уважешем Видо, и тут же рассказал мне о его поединке с другим юнаком.

Надобно было вас предупредить, что здесь поединки бывают чаще, нежели где-либо; хотя они преследуются нынешим владыкою со всею строгостию, и убийца на поединке карается смертною казнию, однако старый обычай, пустивши глубоко свои корни, все еще имеет силу. Здесь более, чем где-нибудь, кипят страсти и, переполнив бренный сосуд человека, силятся вырваться наружу; черногорец не ждет, пока опадет пена их, пока правый суд разберет дело; узда закона для него нова и дерет челюсти вместо того, чтобы удерживать только усиленный порыв. Поединки бывают один против одного и племя против племени, при свидетелях и без них. Предметы ссоры — всего чаще женщины и оскорбленное честолюбие, иногда кража коровы или козы. Именно последнее было поводом поединка нашего юнака Янко с другим по имени Трипо, а по-

[1] Герой косовского цикла песен, по преданию, заколовший во время битвы 1389 г. турецкого султана Мурата.

[2] Юнак — удалец, богатырь. (Примеч. авт.)

тому неудивительно, что поединок был насмерть, как водится между юнаками, без свидетелей: совесть каждого была ему судьею и, как увидим, судьею самым строгим. Поединок, столь необыкновенный по лицам состязающимся, не мог остаться тайною, и толпа, всегда жадная подобного рода зрелищ, собралась близ места ратования и притаилась за взгорьем. Враги пришли, сошлись, кое о чем потолковали, пошутили, выпили ракии, зарядили свои длинные ружья и разошлись; их хладнокровие, следствие совершенного равнодушия к жизни и смерти, было слишком натурально —это отличительная черта черногорских поединков от наших, — их шутки, как и лица, не вытягивались в «два аршина с половиною», и звено мирских привязанностей и радостей не тянуло назад от барьера. Поединщики стали на условленном расстоянии; вслед затем раздался выстрел — и только один, ружье Трипо дало осечку. Пуля расшибла ему локоть левой руки, поддерживавшей ружье, и засела в левом боку: он упал без чувств, откинув далеко от себя ружье, но вскоре усилиями товарища был возвращен на миг к жизни, и этим предсмертным мигом поспешил воспользоваться Янко; несмотря на то, что по закону черногорских поединков осечка в таком случае почитается правым судом Божьим, он велел Трипу стрелять в себя. «Не могу придвинуть ружья, не могу удержать его», — произнес тот умирающим голосом. Янко подал ему ружье, посадил на землю; но руки Трипо склонялись долу, тело валилось; Янко приподнял его правое колено, упер на него ружье и, склонив его колеблющуюся голову к прикладу, сказал: «Я не хочу, чтоб такой юнак отошел на тот свет неотомщенным, а кто за тебя здесь отомстит: у тебя ни брата, ни друга, круглый сиротина», — и стал в двух шагах против ружейного дула. Раздался выстрел, и благородный соперник зашатался. Стыдно падать юнаку: крепко упершись одною рукою о камень, другою — о свое ружье, он удержался на ногах и в этом положении, как наиболее приличном герою, казалось, решился ожидать смерти; ни один стон, ни одно болезненное движение не обнаружили его мучения. Пришедшая толпа нашла Трипо уже мертвым; Янко был без чувств, но искусство здешних доморощенных врачей исцелило его рану, несмотря на всю опасность ее: это была двадцать первая[1].

Кстати, здесь я расскажу вам поединок целого племени против другого: это было не так давно. Одна женщина, отданная в замужество в другое племя, наскучив грубым обращением мужа, бросила его и убежала к своим братьям; она рассказала им во всей подробности прежнюю, горькую жизнь свою и намерение не возвращаться более к мужу; но вместе с тем заклинала не мстить ему; напрасно — братья затруднялись только в том, кому из них нанесть удар: каждый добивался этой чести, и кончили тем, что отправились все трое; их родственники и друзья не хотели их отпустить одних, к ним присоединились другие на случай отмщения или мира, и вот все племя поднялось против другого племени. О мире с черногорцем нечего и говорить, пока у него заряжены оба пистолета и ружье; это значит толковать голодному о воздержности,

[1] Рассказанное мною происшествие свидетельствуется многими очевидцами и не подлежит никакому сомнению. (Примеч. авт.)

когда перед ним стоит сытный обед. Раздались выстрелы, сначала редко, потом чаще, то удаляясь, то приближаясь, смотря по движению толпы. Крики заглушали выстрелы: «Эй! соколы, соколы! — Видо, Петро, юнак! юнак! направо, налево, вперед», — вторилось повсюду. Дрались большею частию врассыпную, то набегая, то убегая, заманивая в средину удальцов и отрезывая их от остальной толпы, то скрываясь за камнями, то показываясь нежданно на вершине, словом, употребляя все хитрости своих сшибок, пока ожесточение не овладело ими, тогда они столпились; некогда было думать, заряжать ружья или пистолеты, — схватились за ятаганы. Старейшины увидали, что слишком уже много крови пролито для одной женщины, и с обеих сторон подняли шапки на длинных ружьях своих, знамение перемирия, буря стихла и враги разошлись на приличное расстояние.

Но это было только начало. Следовало изложение предмета, для которого собрались спорящиеся стороны: надобно было решить, кто прав — муж или жена? И в первом случае принудить мужа взять обратно жену и поступать с нею, «как следует». Начались споры и доказательства, кричали пуще, чем при драке, молодые горячились, главари выслушивали терпеливо суждения каждого, иногда нескольких вдруг, и почесывали затылки, как будто там именно был у них наибольший запас ума; сердарь того племени, откуда была жена, причина раздора, готовился уже произнести приговор, как вдруг в противоположной стороне раздалось слово «ложь». Последний черногорский сиромах[1] не стерпит брани, и слово «ложь» в этом случае было то же, что и выстрел. Битва закипела сильнее прежнего; отважнейше схватились в рукопашную борьбу; теснили, давили друг друга, бились камнями, бились чем ни попало; на крик, на выстрелы сбежались люди других племен: не успев примирить враждующих, они пристали к ним, то подкрепляя собою слабейшую сторону, то вместе с нею уступая силе. Наконец, главари, улучив минуту, когда обе стороны, утомленные и разрозненные, теснили слабее друг друга, криком и выставленными шапками успели остановить кровопролитие; сосчитали убитых: со стороны супруга было десять — раненые не идут в счет, — со стороны оскорбленной жены — четыре. Эта сторона повторенными несколько раз выстрелами провозгласила победу; побежденный остался, как водится, виноватым; уцелевший муж должен был взять обратно жену и обязаться клятвою жить с нею в мире и согласии. Враждующие стороны примирились и разошлись.

Вот еще один поединок, который совершенно выходит из круга наших понятий: он случился в одном из смежных Черногории племен. Два соперника, разлученные в течение двадцати лет обстоятельствами и людьми, наконец сошлись; потребовали по 25 человек и стали на выстрел, каждый метою двадцати пяти ружей: дружно раздались два залпа почти в одно время. Как ни привычны были туземцы к подобной мете, однако рука, видно, не у одного дрогнула, потому что оба соперника были изранены, но еще живы: надобно было прибегнуть к ятаганам, чтобы кончить остальное.

[1] Бедняк (серб.).

Здесь же место разсказать об ужасном кровомщении, совершившемся, правда, не в Черногории, но на ее границах и в ее духе. Конечно, не всем известно, что Мирдит[1], одно из сильнейших независимых племен в Турции, занимает значительный участок земли в верхней Албании и может выставить до 10 000 оруженосцев, что стремнины и утесы составляют его верный оплот, а меткое ружье и страсть к независимости — надежную охрану против всех покушений паши, что оно примыкает к границам черногорцев и, следственно, находится во всегдашней с ними вражде, питаемой неугасимым кровомщением, вражде, которую разность вероисповедания облекает в совершенную законность. Должно заметить, что племя Мирдит имеет претензию на католическое вероисповедание.

Дидо, достойный правитель этого племени, умер, оставив своего единственного сына преемником власти; родной брат Дидо убил наследника, чтобы в свою очередь сделаться законным правителем; мать убитого отмстила смерть сына, умертвив своими руками убийцу; сын последнеубитого не мог тем же отплатить убийце, потому что обычаи края, которые сильнее всякого закона, запрещают совершать мщение над женщинами; он должен был довольствоваться тем, что убил ее брата Вико; сын Вико застрелил убийцу возле самого трупа своего отца, еще не остывшего, еще сохранившего выражение угрозы и мщения, последнего и, может, единственного чувства, с которым он отошел от земли, и пал мертвый на труп отца от руки одного из родственников убитого им. Мщение не замедлило: опять явилась жена Дидо, и убийца пал от ее руки — другая очистительная жертва, которую она принесла своему роду... От всего племени остался двухлетний младенец и эта ужасная женщина. Совершив второе убийство, она явилась в Скутари не для оправдания, чего так добивались турецкие правительственные лица, желая показать свое влияние на дела Мирдита, но, казалось, для того, чтобы пощеголять своим подвигом. Это была женщина лет 45, небольшого роста, с выдавшимися скулами на лице, с выражением угрозы в ярко блещущем взоре, и с несменною улыбкой презрения на губах, некогда прекрасных. Все ее движения были быстры и, так сказать, судорожны; ее речь, ее поступь обнаруживали в ней нервическое сложение и кипящую страстями кровь.

<...>

Глава XV. Третья экспедиция. Белопавличи, Катун на Поликвице[2]

3 (15) августа

Частые путешествия и деятельность до того измучили меня, что, признаюсь, я не без некоторой досады слушал, когда владыка выхвалял мне красоты северных своих провинций, Морачи, которые он, впрочем, знал только по слухам.

[1] Мирдита — исторический регион и область в современной Албании.

[2] Как поясняет сам Ковалевский, Поликвицы — горная гряда, отделяющая племена Брды: Белопавличи и Пипери (с. 157). Катун — летнее горное пастбище.

Видимо было его желание, чтобы я осмотрел их, а потому, скрепя сердце, я решился предупредить его волю и вызвался сам на это путешествие, которого не предпринимал еще ни один владыка, ни даже кто-либо из цетинян, не говорю уже о чужеземцах. К тому же Ком так сильно манил меня к себе.

1 (13) августа оставили мы Цетин. Тем же мучительным путем, которым уже шли (через Загарач[1]), достигли мы до Мартыничей[2]. Здесь опять свернули несколько с дороги, чтобы посетить моего доброго побратима, попа Ивана[3]: старик был рад от души; он порывался сопутствовать мне в этой тяжкой экспедиции, но, щадя его старыя лета, я почти силою удержал его дома и каялся после.

Вы смеетесь моей связи с попом Иваном, человеком без всякого образования, которого страсти ограничиваются одною войною, а желания — чаркой ракии, которого честолюбие измеряется числом отрезанных голов. Движения сердца непояснимы: князь[4] поп Иван Княжевич заставил себя любить — этого достаточно!

От Мартыничей мы поднимались долго и высоко по тропе, изрытой протоком Лют[5]. Стесненный высокими, отвесными стенами утесов, он в некоторых местах никогда не освещается солнцем; дикие деревья, торчащие из расщелин камней, увеличивают прохладу; летом здесь отдых и отрада измученному зноем путнику; но зато как ужасен этот проток зимой и весной: со всеразрушающею силою летит он стремглав с утеса и сокрушает все на пути своем.

Поднявшись на вершину горы, мы не спускались более вниз и обширными горными долинами достигли Поликвицы. Какой прекрасный край! Картина совершенно в новом роде: узор ярок и пестр, он напомнил мне живо тот, по которому расположены татарские улусы на Алтае; те же шалаши, толпа полунагих ребятишек, толпа женщин, тьма собак той же самой породы, как у татар, и этот шум, и эти огоньки, мелькающие далеко заполночь, стада овец, звон колокольчиков: все на прекрасной горной долине, местами еще покрытой снегом, окружено трущобой, прикрыто облачным небом, наконец, эта прохлада днем и холод ночью, все живо, с малейшими подробностями и оттенками напомнило мне тот самый улус, который был некогда моим жилищем. Как здесь хорошо! Какая утешительная прохлада после того мучительного зноя, которым мы задыхались поутру, какой покой для истомленного тела и для души после тревог битвы, после волнений и опасностей, еще недавно и так тесно окружавших нас.

Многие шалаши были пусты, и я занял один из них, точь-в-точь такой, в каком я провел полгода на другом конце материка; так же две сошки с перекладиной, к которой сходились все боковые жерди, служили основанием шалаша,

[1] Доньи-Загарач (Черногория).

[2] Мартиничи.

[3] Фрагмент с рассказом о нем (глава X) не вошел в настоящую публикацию. Иван Радович-Княжевич упомянут и в книге А. Н. Попова (см. ниже). Он же мог стать прототипом попа Вуколе в повести Н. И. Надеждина «Черногорцы».

[4] Правильнее: кнез.

[5] Река Люта (?).

а древесные ветви — кровлей, так же опрокинутый вашгерт[1] исправлял должность стола, а разложенный по средине шалаша огонек был мне отрадой и канвой, на которой остались затейливые образы моего воображения. Опять, опять воспоминание увлекло меня в давно прошедшее, к которому всегда стремится душа: не потому ли, что возвратить его нельзя?

Но прежде всего надобно было объяснить вам, что такое катун? Это летнее пастбище; каждый в Берди имеет свой катун на высоких горных долинах, где укрывается на лето весь скот от зноя и, пуще, от набега соседних турков; здесь оберегают его так называемые «пастыри»: как красивы они в своей живописной одежде с белыми чалмами поверх красных фесок, расположенные по вершинам гор, откуда зорким глазом следят малейшее движение неприятеля. Опершись на длинное свое ружье, они, словно духи бурь, фантастически рисуются на сумрачном горизонте. И действительно, духи они, только не бурь физических, духи брани и разрушения. В катун собираются на лето все женщины для приготовления сыра и масла, все собаки для защиты стада от других, не менее страшных врагов, медведей и волков, все дети для увеличения шума и пестроты.

С вершины одной из Поликвиц открывается вся цепь гор, идущая через Морачу, северные оконечности Белопавличи, через Пипери и вдоль Кучи; на ней размещены катуны этих округов; высоко над грядою подымаются Прикорница, Луковица и несколько других горных главарей, а над всеми ими Ком, царь гор; к нему-то стремились давно мои мечты, к нему стремились пламенные желания всех путешествовавших в Албании, Боснии и в Герцеговине, но никто из них не достиг этого тайника природы, загражденного людьми так же, как и природой; весьма, весьма немногие из черногорцев всходили на его вершину: они приносили оттуда страшные, чудные вести, будто с того света, и отбивали охоту у суеверных отваживаться на подобный подвиг. Действительно, чуден он, этот Ком! Как заманчиво шел он передо мною своею снежною верхушкой, словно бриллиантовой маковкой. Я дал себе обещание достигнуть ее во что бы ни стало. На Поликвице мы пробыли два дня; надолго бы я остался здесь, если бы мои обязанности не понуждали меня далее.

<...>

Глава XVII. Морачский монастырь[2]

6 (18) августа

<...>

Перeники мои сделали залп ружей, и вскоре из монастырских стен приветствовали нас так же; вслед за тем раздался залп в стороне: это всех смутило, и мы уже начали высматривать позицию для обороны или нападения, как ответные выстрелы из монастыря успокоили нас: значило — свои и кто-нибудь

[1] Вашгерд — деревянный ящик, употребляемый для промывки руды.

[2] Монастырь XIII в., один из главных историко-культурных памятников Черногории.

из почетных! У самых монастырских ворот мы встретились с человеком, покрытым кровью и потом, с отрубленною человеческою головою у седла. Одна борода отличала его от других черногорцев. Он лихо соскочил с коня (в Мораче можно встретить лошадь), радушно приветствовал нас и, радуясь искренно нежданным гостям, приглашал нас в монастырь... Это был отец игумен.

После обычных лобзаний и речей я спросил вновь прибывшего, откуда он возвращается? «С битвы», — отвечал он мимоходом, приглашая меня в келью и переставляя в ней стулья.

— Жарко было? — спросил я также беззаботно.

— Ни-что! Две недели стояли одни против других и никакого толку. Голов с десяток, да тысячу баранов!

— Где бились?

— По полю разгульному, по воле юношеской[1], во славу Св. Петра и господаря, — сказал он, смеясь, и потом прибавил, — где больше, как не близ проклятого Калашина[2].

Игумен Димитрий человек лет 35, открытой физиономии, приятного нрава, честный, справедливый, гостеприимный истинно по-славянски; своим юношеством приобрел он славу и всеобщее уважение. Он был простым дьяком при своем предместнике и, несмотря на низкий род, за свою отличную храбрость пострижен в игумены — звание чрезвычайно уважаемое в Черногории. Отец Димитрий не слишком грамотен, не дальнего ума, зато, где больше опасность, где жарче бой, он верно там. Так древле пастыри духовные водили на битву войска для защиты прав и свободы народной; так было и у нас в незабвенном 1812 году: кто шел тогда с крестом в руке перед толпою народного ополчения? Силен Бог славен! Силен народ его, силен безпредельною преданностью вере, силен духом и крепостью, силен силою того, кто для него солнце на небе, краса и гордость на земле, кто для него второе провидение!

Напрасно отец игумен и весь его причет суетились, чтобы сколько-нибудь убрать комнату от груды турецких барабанов, седел, нагаек, обломков зеркал, сапогов, чалм, колокольчиков, всякого оружья, всякого тряпья, всякой дряни, которая была навалена в таком возмутительном беспорядке, что, сколько ни старались сгрудить ее по углам, она то и дело рассыпалась и катилась с шумом и звоном в разные стороны, как бы насмехаясь над человеческим усилием; особенно оказались в этом случае непослушными маленький турецкий барабан и один череп турецкой головы; они то и дело выбивали разные трели, толкаясь друг об друга, и эта голова своею суетливостью и толкотней, конечно, хотела вознаградить флегму предшествовавшей жизни. Наконец, отец игумен, утомленный нового рода борьбой, оставил все в покое, и это все улеглось, как попало, словно разбредшиеся мертвецы, застигнутые врасплох криком петуха: череп, как тут, очутился у ног моих, но я отбросил его от себя далеко, в со-

[1] Здесь и далее: производное от «юнак»; русский аналог — «добрый молодец»; «молодческий», «молодчество».

[2] Колашин — ныне горнолыжный курорт.

седство колокольчиков и других вещей. Из числа одушевленных тварей моей кельи особенно отличались числом и величиною мыши, которых главная квартира была в бочке, тут же стоявшей с яблоками и грушами, и осы, вившиеся целым роем возле другой бочки, с медом; сверчки, мухи, пауки и другие меньшего размера насекомые дополняли население моей комнаты; по ночам являлись две кошки и поднимали такую возню с крысами, что со стороны можно было подумать, что у меня шабаш киевских ведьм.

— Какая лепота[1], — сказал однажды переник Блаже, осматривая мою комнату. — Калужер[2] — богатый человек: он и сегодня давал нам ракии!

Этот Блажо чрезвычайно забавлял меня своими наивными рассказами; он был лет около 20 и уже приобрел некоторую известность своею храбростью, но обо всем, что не касалось войны, имел самые детские понятия. Ему-то, как родному своему племяннику, поп Иван поручил особенно попечение обо мне, и Блажо сильно гордился этим. Пользуясь родством со мною, вся фамилия одного побратима становится в той же степени родней другого, он приходил безвозбранно в мою комнату, мешал моим занятиям, перерывал мои вещи, делая самые нелепые замечания на их значение, и все это я ему прощал, как своему «стрицу»[3].

Глава XVII. Там же, четыре дня спустя

Морачский монастырь основан в 6760 году, по сотворении мира[4], как свидетельствует сохранившаяся грамота, подписанная основателем монастыря «Стефаном Урошем, по милости Божьей Кралем и с Богом Самодержицем Сербским[5]». Церковь сохранила свои стены, прочно сложенные из тесанного известкового туфа; только мраморные колонны у входа и у дверей, разделяющих церковь надвое, несколько пострадали: блестящая полировка их, вероятно, возбуждала жадность турков. Не так было во внутренности храма: от великолепия времен сербских королей остался только гроб короля Стефана не движим и не раскрыт, несмотря на все усилия магометан и христиан; первые думали найти в нем сокрытые сокровища, вторые — нетленное тело; страшною грозою и пламенем были отражаемы поклонники луны; не удалось и христинам достигнуть своей цели. Гробница — полированного мрамора; на ней нет ни изображения, ни надписи: последняя, вероятно, была на особенной металлической доске. Церковные двери, долго скрываемые в одной из пещер, теперь находятся в церкви, на прежнем месте и в прежней красе; они покрыты разными узорчатыми изображениями, чрезвычайно искусно сделанными в мозаике

[1] Какое великолепие. (Примеч. авт.)

[2] Монах. (Примеч. авт.)

[3] Племяннику. (Примеч. авт.)

[4] 1252 г. по христианскому летоисчислению.

[5] Стефан Урош I Великий — младший сын Стефана Первовенчанного, сербский король в 1243–1273 гг. Впрочем, считается, что Морача основан сыном сербского князя Вукана II Неманича Стефаном, который королем не был.

из черного дерева и слоновой кости. Еще несколько живописных изображений в левом притворе алтаря и надпись над дверями — и вот все, что сохранилось от времен построения церкви; свинцовой кровли, служившей некогда удивлением, нет и в помине, а заменила ее деревянная, довольно красиво сложенная из коротеньких угольников бука. 300 лет тому назад эта церковь была обновлена и расписана внутри во все стены изображениями святых и чудес их; эта живопись осталась и поныне; она далеко безыскуственней той, которая сохранилась от времен Стефана и своей простотой может сравниться только с господствующею ныне в Черногории и в нашем Суздале. Церковь имеет вид греческого креста; части ее соразмерны; купол величествен.

Калужер всюду сопутствовал мне; он поражал меня довольно точными и подробными рассказами многих событий сербской истории. Зная, что ни одна печатная книга не заходила сюда, я изъявил свое удивление его учености. Мне рассказывал покойный архимандрит, отвечал он, а откуда архимандрит почерпнул эту мудрость? — Откуда? Видишь, всюду писаные книги: их будет добрых три вьюка ослиных, и только одних церковных; мирских было еще больше. «Где ж они?» — прервал я с возрастающим любопытством. — «Архимандрит сказал, не подобает мирским книгам храниться в храме Господнем, и перенес их в свой дом». — «Ну?» — «Дом сгорел, а с ним и книги».

Увы!.. И как равнодушно, как холодно рассказывал он о потере этой, может быть, исторической. «Были сваковские (всякие) книги, — говорил он, — и про царей, и про серомахов[1] разных, а пуще всего про Сербию, да про султана, да про белого царя».

Я перебрал по книге, по листку все писаное, хранившееся в церкви; действительно, книги были большею частию церковные или духовные, некоторые восходили к отдаленному времени и писаны на коже, другие на пергаменте; только две книги светского содержания: одна заключала в себе беспорядочное собрание исторических отрывков о некоторых народах и великих людях древности: здесь были, так сказать, вклеены без всякого разбора повествования «о славном Риме, о Великом Александре, о Ноевом потопе, о Перикле и Аристотеле» и проч.; другая, судя по письму и слогу, — новее; ее должно отнести ко временам последних королей сербских; содержание ее довольно замысловато: это путешествие некоего Ефрема в Вифлием, исполненное приключений и вымыслов баснословных.

Между клочками бумаги я нашел довольно хорошо сохранившуюся грамоту на построение храма, подписанную рукой самого Стефана: это узкий свиток, длиною аршина в два, подобный нашим старым свиткам, обозначающий со всею подробностию земли, урочища, рыбные ловли и разные привилегии, дарованные храму. Грамота некоторым образом указывает на обширность владений сербских королей во время Стефана и важность Морачского монастыря. Это один из фактов, доказывающих законность нынешних владений (не исключая и Грахова) Черногории; Черногории, которая после падения королей сербских одна сохранила в себе ее независимость, ее народность, ее герб, а вследствии этого, права самобытности, которые древнее и законнее прав многих существующих держав.

[1] Правильнее, вероятно: сиромахов; здесь в значении: мучеников.

Множество найденных мною турецких фирманов и разных письмен остались неразобранными и непоясненными; судя по некоторым находящимся на них заметкам по-сербски, иные утверждают неприкосновенность прав духовенства и церквей.

Газеты недавнего времени провозгласили во всеуслышание и со всею подробностию истины, что некто, званием монах, родом серб, нашел в Морачском монастыре в раскрытом им гробе множество исторических, чрезвычайно любопытных свитков и книг, которые поясняют древнюю историю славянских народов; вслед за тем они возвестили, что все это пуф. Здесь было место открыть истину этого события, и я рассказал его отцу игумену со всею газетною подробностию: он слушал не сводя с меня глаз, с вниманием и любопытством дикого, слушающего вести европейского мира: для игумена казалось непостижимым, что люди знают о существовании Морачскаго монастыря, между тем, как со времен королей Сербии никто не посещал его, кроме разве странствующего неграмотного монаха, да турецкаго сборщика податей, являвшегося некогда в урочное время за гарачем (податью). Игумен, наконец, выразумел меня и пояснил это обстоятельство. Действительно, около года тому назад, заходил сюда один монах, как водится, ел, пил, платил за гостеприимство рассказами всяких небылиц, которые слушаются с такою жадностию в глуши и, наконец, по истечении двух недель, ушел тайно из монастыря, похитив из сундука беремя книг. С этими книгами он явился в Сербию[1]; а отец игумен очень был рад, что опросталась часть сундука, куда он поспешил сложить коечто из своего добра. Он, впрочем, уверял, и я вполне верю, что это книги были церковные — псалтырь, евангелие и проч. Гроб же Стефана, единственный в церкви, стоит по-прежнему неприкосновен. Не говоря о сверхъестественной силе, охраняющей его, нужны десятки людей, чтобы сдвинуть с места тяжелую крышу гробницы.

Геологические мои розыскания открыли близ Морачского монастыря старинные копи, в которых видны были признаки медной зелени; это дает повод предполагать здесь добычу и обработку медных руд времен отдаленных, тем более, что изобилие лесу и воды в соседстве копий представляет все средства для горнозаводскаго дела (см. геологическое описание).

[1] Возможно, аллюзия на «открытие» средневековых сербских документов попом Павле Каранотвертковичем, имевшее скандальные последствия. См. подробнее: *Белов М.В.* Мифология «человека из народа» в Сербии первой половины XIX века // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.): сб. статей. СПб., 2009. С. 33–35. Ср.: *Аншаков Ю.П.* Становление... С. 223, 242. (Примеч. 176.)

Глава XIX. Ком

14 (26) августа

<...>

На противуположной главе Кома, двуглавого, подобно орлу славянскому, взвился из-за камня дымок. «Что бы это было?» — спросил я черногорца; кажется, наших в той стороне нет, да и огонь им запрещено раскладывать; не накликать же на себя беду. «Нет, то не наши, да и не чужие», — отвечал мне черногорец значительно. Так чьи же? «Там уже давно поселился вилла[1], и видно, хочет показать, что рад нашему приходу». — «А, понимаю!» Вдруг раздался ужасный крик; о, да вы не знаете, что такое крик черногорца в горах! Если здесь существует какое-либо искусство, то это, конечно, вести речь между собою на дальнем друг от друга расстоянии. Разделенные стремнинами и утесами, через которые даже и черногорцам трудно перейти, они переговариваются между собою на расстоянии чрезвычайно дальнем; прикладывая ладонь ко рту с той стороны, откуда ветер, чтобы не относило звука их слов, и, произнося почти слово за словом, чтобы эхо не могло изменить смысл речи, они говорят, и эхо от горы до ущелья передает их слова нередко громче, чем они были произнесены вначале, но это такой звук, от которого невольно содрогнешься: его-то мы и услышали так внезапно, занятые тихою беседою о нашем добром духе; вслед за тем показался на вершине человек. Он шел прямо к нам, возвещенный раздавшимся криком, с ружьем за плечами, без опасения и без угроз. Пошли обычные приветствия. Удивления встречи не было, потому что черногорцы, как все азиатцы, ничему не удивляются или, лучше сказать, никогда не выказывают своего удивления: им все обычно. Пришлец сам видел виллу и сообщил нам много любопытного о нем. «Ты, конечно, за тем сюда и пришел, — спросил я, — чтобы увидеть его и утешить в юдольской жизни». «Не совсем так, — сказал он таинственно, поглядывая на окружающих, — надобно нам поговорить наедине». «Ба, да неужели же ты меня искал здесь, на вершине Кома?»— «Кого нужно для доброго дела, того не ищешь: Бог сам посылает». Ага! Мы остались одни, пришлец показал мне сверток бумаги: письмо, гляжу — герб европейский — о, герб слишком известный. «Письмо не ко мне, — сказал я, возвращая его, — оно к васовичанам и уже распечатано; ты не верный посланец». «Верный!» — отвечал он и перекрестился крестом нашим. «Чего ты от меня желаешь?»— «Прочитайте письмо». Я читал и дивился! Один европейский авантюрист[2], ссылаясь на права своего княжества, выменянного им за собаку у туземцев, требовал, чтобы одно из окрестных племен отдалось ему в удел — только! — обещая ему

[1] Это род пери (фр. péri — умерший, «незалежный» покойник? — *М. Б.*); в него твердо веруют многие славянские племена и черногорцы особенно. (Примеч. авт.) На самом деле вила — женское мифологическое существо.

[2] Возможно, Никола Васоевич-Радонич — самозванец, пытавшийся создать государство под формальным сюзеренитетом Турции и покровительством Англии. См.: Црногорски-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. № 29. С. 238–239. (Записка Е. П. Ковалевского, 7 февраля 1839 г.)

за то и честь, и славу, и покровительство своей державы и Бог знает что... Но Бог с ним! Оставим его. Видно, честолюбию тесно становится в Европе, и оно двинулось на Ком! А право, жаль! Оно осквернит собою край неба и верно сгонит с Кома бедного виллу, в которого так твердо веруют окрестные жители.

Глава XX. Общее обозрение Черногории

Теперь, проживши более четырех месяцев в Черногории и обозревши ее во всех направлениях, я могу с некоторою уверенностию изменить существующий доселе на географических картах вид ее и те несправедливые о ней понятия, которые распространены в Европе.

Черногория окружена с трех сторон турецкими владениями в следующем порядке, начиная с северо-запада: Герцеговиной, частию Боснии, Зетою и Албанией, а с четвертой, юго-западной, австрийскою провинцией Боко-ди-Катаро, или австрийскою Албанией. Такими образом, загражденная с моря от всякого истока из гор своих, Черногория находится в совершенном отчуждении от Европы, заключена сама в себе, существует одними своими средствами, одними своими ограниченными произведениями, почти без торговли, и если нуждается в чем, то это только в порохе. Зато если это совершенное отчуждение Черногории устранило ее от западного образования, искусств, то, тем не менее, и от западных заблуждений, расслабления духа и тела: болезни сифилитические здесь не известны. Черногория бедна. Все ее произведения ограничиваются самым незначительным количеством хлеба, кукурузы особенно, частию винограда, из которого они выделывают для себя вино и рыбным промыслом в озере Скутари. Лов рыбы, известной на итальянских берегах под именем скоранцы, производится в пользу владыки; наконец, скотоводство составляет главнейшую отрасль промышленности Черногории; оно доставляет им необходимые потребности жизни и возможность добывать за избыток его произведений соль в Катаре, некоторые принадлежности оружия на границах Турции и порох, где только можно добыть его. Нынешняя Черногория, однако, во времена владычества Рима процветала торговлею: ясно видны остатки пути, который вел из восточных провинций, из самого Константинополя, может быть, к Адриатике, перерезывая северную часть Черногории по долине Морачи к Никшичам и через Грахово к морю. Между тем водная система обтекает продольную часть Черногории с восточной стороны: река Морача и Черноевич, особенно первая, при незначительном ее течении, представляет удобную линию сообщения с озером Скутари, а из него, через реку Боляну[1], с Адриатическим морем. Но этот путь возбранен для Черногории. Несмотря на соседство Адриатического моря, оно недоступнее для нее, чем для какой-либо из европейских держав. Черногорцам суждено глядеть на море и не наглядеться, вечно желать его и, едва достигнув обетованных берегов, видеть, как море бежит от них!

[1] Река Буна (Бояна).

Все богатство черногорца в себе и на себе: в груди своей хранит он залог независимости — сокровище, за которое он не пожалеет царства небесного; на себе — все свое богатство, состоящее в оружии, ценность которого иногда простирается до 1000 рублей. Он дерется большею частию на границах своего племени, так сказать, на пороге своей избы, перед глазами семьи, с которою тесно связан, если не чувством нежной страсти, то собственною славой, а слава стоит у него прежде всего: малейшее оскорбление врага семье черногорца покрывает его неизгладимым стыдом.

<...>

Глава XXI. Боко-ди-Катаро

Несколько раз был я в Катаре, живал в нем по неделе, собирал о нем всевозможные сведения, принимался за перо, чтобы по обещанию, по необходимости поговорить о нем как о соседе добром или злом Черногории, смотря по обстоятельствам, которой судьбу он часто разделял, с которою связан одноплеменством большей части своих жителей, географическим положением, единственным местом торговли черногорской; с которою нередко соединен взаимною дружбою, чаще разделен неприязнию, — но всякий раз перо падало из рук, предмет ускользал от мысли, сердце не лежало к нему. Теперь только, покидая Катаро, я решился выполнить обещание, данное вначале.

Провинция Боко-ди-Катаро лежит вдоль юго-западной границы Черногории; южною частью примыкает к турецким владениям, а на севере отделяется от Рагузы узкою полосою земли, некогда добровольно уступленною Рагузскою республикой Турецкой империи во время владычества венециан в Боко-ди-Катаро для того единственно, чтобы не быть в соседстве с этой властолюбивой царицею Адриатики: таковы были отношения христианских держав между собою, эти взаимные отношения всего более способствовали распространению магометанской власти в Европе. На западе провинция Катаро обхватывает своими тесными объятиями залив Боко-ди-Катаро, один из превосходнейших в мире, который может приютить флот всей Европы, на котором еще недавно реял флаг Венеции и сшибались корабли российско-английские с французскими; но который теперь пуст и уныл, и как бы с грустным самоотвержением лелеет на мощных раменах[1] своих бедные купеческие суда.

Провинция Боко-ди-Катаро, известная более под именем Австрийской Албании, имеет 33 405 жителей. За исключением незначительного числа итальянцев, все они славянского происхождения; 25 555 человек православного исповедания, остальные 9850 — римско-католического. Говорят поморяне итальянским языком венецианского наречия, а жители внутренней земли — славянским языком сербского наречия, отличающимся от языка черногорцев только большею примесью слов итальянских и немецких. Пишут католики латинскими буквами, а прочие — славянскими. Провинция разделена на три округа: Катаро, [Кастель-]Ново и Будву (претории), которые подразделяются на общины и племена, управляются окружными капитанами, а общества — старшинами, князьями и барьяктарами, которые по заведенному обычаю избираются каждые три года. Боко-ди-Катаро составляет часть Далмации и находится в непосредственной зависимости от ее губернатора. Управление ее не совсем подведено под общий уровень австрийских положений: некоторые туземные законы и обычаи имеют полную силу и, изменяя австрийское законоположение, вводят большую запутанность в управлении и совершенно уничтожают единство и союз между местным правительством и народом. Неприязнь жителей двух различных исповеданий между собою очень заметна: она осталась от старых времен и вкоренилась особенно при венецианском управлении, которое теснило и угнетало всех греко-российского исповедания.

[1] Плечах (серб.).

Климат Боко-ди-Катаро жаркий, но здоровый; вредный широко[1], залетающий с африканских берегов, здесь несколько умягчен чрезвычайно гористым положением края, снег падает очень редко. Здесь растут со всею роскошью южных стран произведения Азии и даже Африки. Есть пальмы! Но люди и прозябания[2] оспаривают друг у друга лоскут земли, который с таким усилием они выпрашивают здесь у природы: повсюду горы и утесы; кое-где полоса земли, и та уже, конечно, занята садом оливков и винограда или жильем людей; о просторе нет и помину! Фруктов всех родов изобилие, особенно же здешние смоквы отличаются своею величиною и вкусом.

Катаро — окружной город, местопребывание администратора, батальонного штаба и всех австрийских местных властей. Он скучен по превосходству! Вот жизнь его во время лета: с рассветом он оглашается выстрелами, это стрельба в цель за городом егерей, расположенного в округе батальона; на городской площадке кипит базар, если это базарный день, на нем господствуют черногорцы со своими скудными произведениями; кое-где учат и выправляют солдат, большею частию одиночным учением, потому что негде вытянуть рядов. Настает полдневный жар и все пустеет в городе; ставни всюду плотно закрыты, люди по домам, мужчины и женщины полу-, если не совсем раздеты; солнце жжет со всею силою, с трудом можно дышать. Но вот вечереет, ставни понемногу растворяются; кое-где из окна выставляется изнеможенная полдневным зноем головка итальянки с черными лоснящимися волосами, с глазами полными неги и сладострастия. Ночь: дома настежь! На площадке раздаются звуки страусовых вальсов[3], выполняемых прекрасным батальонным оркестром. Знать гуляет по взморью — это пора любовной интриги, которая, избегая шума или чужого глаза, скрывается в простенках городского укрепления. Тут жизнь итальянская, завещанная Катару Венецианскою республикою, жизнь, полная любви, с ее интригою, неподкупностию и таинственностию, с кинжалом и сладострастием. Катаро оживляется и в одну ночь проживает целую жизнь...

[1] Сирокко (*um.* Scirocco).

[2] Здесь: растения.

[3] То есть вальсов Иоганна Штрауса — по-видимому, отца «короля вальса».

Я не стану описывать ни длинных обедов в потемках среди белого дня, ни длинных разговоров здешнего большого света — они утомительны, как везде; но не могу умолчать о той радости, которая оживляет изредка город в полуденную пору тишины и утомительного сна, причиною ее бывает Божий дождик, ниспадающий здесь совершенною благодатью; тогда все спешит подышать воздухом; во многих из здешних улиц нельзя распустить зонтика, так тесны они, и всякий с радостию предает себя всего на жертву небесного потока.

Я так разговорился о Катаре, что вы подумаете, это Бог знает какой город! в нем только 2500 душ, не считая расположенного здесь батальона.

<...>

Владыка проводил меня до Катаро; здесь жили мы несколько дней вместе и расстались... Он ушел в горы, я сел на пароход... Долго, долго глядел я на горы ненаглядные, где в уединении, в трудах тяжких было для меня столько радости, — на горы, которые скрывали от меня, может быть, навсегда столько близкого, столько родного моему сердцу.

Пароход несся, как нарочно, с быстротою, непривычною австрийским пароходам. От всей Черногории виднелся только Ловчин, путеводная звезда моей души. Но вскоре и Ловчин исчез. Прости, Черногория! Прости, моя милая. Бог даст, увидимся!

<...>

Ковалевский Е.П. Собр. соч. Т. 4. С. 4–15, 19–27, 35–40, 61–63, 68–72, 92–99, 104–107, 116–123, 126–130, 132–137

Н.И. Надеждин. Черногорцы

(из воспоминаний путешественника)

Николай Иванович Надеждин (1804–1856) — литературный критик, журналист, историк и этнограф. Выпускник Московской духовной академии, в 1826 г. он оставил преподавание в рязанской семинарии и сотрудничал в журнале «Вестник Европы». После защиты диссертации по эстетике, продемонстрировавшей основательное знакомство ее автора с современной философией, стал профессором Московского университета на кафедре теории изящных искусств и археологии. В 1831–1836 гг. издавал журнал «Телескоп» и газету «Молва». Но в результате публикации первого «философического письма» П.Я. Чаадаева журнал был закрыт, а его редактор отправился в ссылку в Усть-Сысольск. По возвращении из ссылки в 1838 г. Надеждин поселился в Одессе, где ему покровительствовал управляющий учебным округом Д.М. Княжевич. Интересы Надеждина сдвигаются в направлении лингвистики, археологии, истории, этнографии и фольклористики. Еще ранее он формирует теоретическую базу этих занятий, дрейфуя от Шеллинга к Гегелю в обосновании принципа историзма[1]. По возвращении в Петербург в 1842 г. Надеждин редактировал «Журнал Министерства народного просвещения» и по поручению МВД писал исследования о скопцах и раскольниках, а в конце 1840-х стал одним из организаторов этнографических исследований под сенью Русского географического общества[2].

Славистические интересы Надеждина сформировались еще в «телескопический» период и укрепились во время первой заграничной поездки в 1835 г.[3] Вторая поездка, длившаяся с августа 1840 по сентябрь 1841 г., имела целью изучение славянских древностей и финансировалась Российской академией. Такая возможность открылась благодаря деятельному сотрудничеству Надеждина в Одесском обществе любителей истории и древностей, а также протекции Княжевича, который стал спутником Надеждина.

[1] Центральная в цикле статей этого периода: *Надеждин Н.И.* Об исторической истине и достоверности [1837] // Сочинения в 2 т. / ред. и вступ. статья З.А. Каменского. Т. 2. СПб., 2000. С. 760–795. См. подробнее о философских, эстетических и исторических взглядах Надеждина: *Манн Ю.* Факультеты Надеждина // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 3–44. (См. также обновленный очерк того же автора: Русские писатели. Т. 4. С. 206–213); *Каменский З.А.* Н.И. Надеждин. Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984; *Дурновцев В.И.* Россия и Запад в историко-философской концепции Н.И. Надеждина // Историография проблем международных отношений и национальных движений в зарубежных странах. Межвуз. сб. М., 1987. С. 127–138. Этнографическая программа Надеждина сложилась позднее: *Токарев С.А.* Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Избранное: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 69–101; *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половине XIX в. «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 52–54, 66–71.

[2] *Найт Н.* Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе. 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 155–198.

[3] *Прийма Ф.Я.* Н.И. Надеждин и славяне // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 5–28; *Досталь М.Ю.* Н.И. Надеждин на пути к романтизму (Парадоксы и славистические опыты) // СА. 2009. М., 2010. С. 166–175.

Побочной целью их командировки было отыскание далматинских корней рода Княжевичей[1].

В поездке по Далмации и Черногории, начавшейся в мае 1841 г., русских путешественников сопровождал собиратель фольклора и реформатор сербского литературного языка Вук Стефанович Караджич[2], однако И. И. Срезневский и П. И. Прейс, которые планировали ехать с ними, разминулись с соотечественниками в Триесте. Между тем во время поездки по Далмации Надеждину и Княжевичу эпизодически сопутствовали, помимо Караджича, и вожди иллиризма Л. Гай и А. Мажуранич. Пребывание Надеждина и его спутников в Черногории длилось достаточно долго. Из Цетине они проследовали в юго-восточном направлении по реке Черноевича и Скадарскому озеру в Црмницкую нахию и спустились к Адриатическому побережью, пройдя между Турецкой и Австрийской Албанией[3]. Этот эпизод путешествия получил отражение в публикуемом ниже очерке[4].

В ходе путешествия Надеждин вел дневник, о существовании которого упоминал И. И. Срезневский в некрологе-воспоминании[5] и на что с надеждой указывал Францев в своей статье. Однако все последующие попытки ученых обнаружить в архивных хранилищах эти записи не увенчались успехом[6]. Кроме того, результаты путешествия отражены в двух отчетах, очищенных, по возможности, от личного отношения к увиденному[7]. Судя по ним,

[1] Итогом этих поисков стала книга: *Надеждин Н. И.* Род Княжевичей. Одесса, 1842. Ее первая часть (с. 5–34) напоминает путевой дневник, в котором автор обнаруживает сходство жизни в Далмации с патриархальным бытом русских крестьян и провинциальных купцов, вторая (с. 35–101) — генеалогическая.

[2] *Добрашиновић Г.* Вук и Николај Иванович Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 78–99.

[3] См. подробнее: *Францев В. А.* Югославянское путешествие Н. И. Надеждина в 1840–1841 гг. // Sbornik filologický. X. 1934–1935. Praha, 1935. S. 111–135.

[4] Сдержанную похвалу Гоголя на эту публикацию см.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [в 14 т.]. Т. 8. М. — Л., 1952. С. 211.

[5] *Срезневский И. И.* Воспоминание о Н. И. Надеждине // Вестник Императорского Русского географического общества. 1856. Ч. XVI. Ст. V. С. 1–16.

[6] Дневники Надеждина числились в описи отдела рукописей библиотеки Академии наук, были переданы в ИРЛИ (Пушкинский дом), но там не обнаружены. См.: *Зыкин В. И.* Вук Караджич и русская наука: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1950. С. 108; *Керимова М. М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 51. Г. Добрашинович, однако, высказал предположение, что речь может идти о записной книжке Надеждина, хранящейся в ИРЛИ, в которой перечислены по датам места пребывания путешественников: *Добрашиновић Г.* Вук и Николај Иванович Надеждин. С. 84. (Примеч. 30.) РО ИРЛИ. Ф. 199. Оп. 2. № 70. Действительно, в некоторых случаях в записной книжке называются населенные пункты (с днями посещения), но иногда здесь же помещены выписки из книг («Стематографии», л. 22). Более подробные перечни начинаются с 1/13 мая (л. 15). Запись о Черничкой (Црмницкой) нахии помещена между 18/30 и 19/31 мая (л. 23); 23 мая /4 июня помечен Цавтат (л. 24 об.). В июне — Фрушка-Гора, 12/24 июля — Нови Сад.

[7] *Надеждин Н.* Записка о путешествии по южно-славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. 34. № 6. С. 87–106; *Надеждин Н. И.* Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 518–548.

в Сербском княжестве Надеждин находился, по-видимому, в июле 1841 г. Помимо Белграда, он посетил Крагуевац, Чачак, Студеницу, Кралево, Крушевац, Раваницу, Манасию, Пожаревац и Смедерево.

Свежее утро прекрасного майского дня разгоралось в знойный полдень, когда волны Ре́ки[1] — так по преимуществу называется слив вод с восточного ската Черной-Горы — вынесли нашу ладью на озеро Ска́дарское. Цепь *скольев*, или мелких скалистых островов, столпившихся перед устьем принесшего нас потока, не дозволяла еще видеть во всей красе величественный водоем, могущий спорить дикою прелестью ландшафта с живописнейшими озерами швейцарских и тирольских Альп. Но с него венуло внезапною прохладою; и весь экипаж нашего утлого судна — в духоте тесного ущелья, при однообразном плеске весел, невольно начинавший дремать — встрепенулся, ожил...

— Вот и Блато! — сказали в один голос оба перяника, сидевшие на боках лодки, друг против друга.

Поэтическое имя *перяников* — по-нашему сказать бы «*пернатых*», «*оперенных*» — придумано нынешним владыкою для им же придуманной избранной дружины, вроде лейб-гвардии, составляющей в то же время его двор, штаб, свиту, все, что вам угодно, или лучше, что угодно владыке. Штат этой дружины положен в тридцать человек. Она набирается владыкою из молодых людей принадлежащих к сильнейшим и богатейшим семействам народа, в награду заслуг их отцов или в залог их покорности устанавливаемому новому порядку вещей. Перяники получают роскошное жалованье, по сороку талеров в год, что на наши деньги составляет около двухсот рублей ассигнациями. За это они должны находиться постоянно на службе владыки, лично при нем, и на всякого рода посылках; причем вменяется им в обязанность, для соответствия придворному званию, одеваться сколько можно щеголеватее и пышнее. Впрочем, вне исправления своих должностных обязанностей они не имеют никаких лишних прав, не пользуются никаким особым почетом в народе. Даже напротив: простой черногорец смотрит на них всегда косо и не опускает при всяком случае, по крайней мере сквозь зубы, попрекнуть получаемыми даром цванцигами[2]. Из этих-то избранников — *львов* Черной Горы, если можно так европейски выразиться — двое находились теперь при нас проводниками по указу владыки.

— Да, Иво — Блато! — продолжал младший из них. — Стало, полпути до Цермницы. Мы скоро приедем.

Блатом по-сербски называется вообще всякое озеро. Черногорцы величают так исключительно озеро Ска́дарское.

— Скоро, Нико! Скоро друг мой! — отвечал старший перяник шутливо. — Уже верно скорее, чем ты доходишь до своей молодой жены с Цетиня, когда владыка отпускает тебя на дом...

[1] Речь идет об Ободе.

[2] Цванцигер — австрийская монета в 20 крейцеров.

Младший перяник вспыхнул.

«Я тебе сто раз говорил, Иво, чтоб ты не заботился ни о моей жене, ни о ходьбе на дом. Я...»

— Иво сам не знает, что говорить, — прервал тоненький голос принадлежащий купцу из Ска́дара, который, совершив коммерческое путешествие по Черной Горе, возвращался теперь, с нашей оказией, на родину. Дом твой, Нико, далеко ли от Цетиня? В нынешние короткие ночи, сколько раз ты обертывал легко взад и вперед, когда, бывало, уходишь украдкою, мимо владычней воли...

Голос купца иссяк на этом слове. В самое то время била его жестокая лихорадка, которую он, как сам сказывал, уже более двух месяцев таскал вместе со своими товарами по скалам черногорским. Внезапная пауза наполнилась хохотом веселого Иво. Нико задрожал от ярости.

— Отсюда до Цермницы три добрые часа при попутном ветре, — продолжал купец, переведши дух, не замечая вовсе немой сцены, в которую вмешался. — Вы, верно, здесь не бывали еще оба?

— Куда им сюда? — вскрикнул грубо кормчий нашей ладьи, старый седоусый черногорец, который до сих пор в пифагорическом безмолвии резал рулем сонные волны. «Тут не дорога ни в Котор, ни на Ласту[1]. Тут ездят не пить и не гулять с швабою, а резаться с турчином».

Может быть, поток речей старого брюзги, как поток волн внезапно прорвавшихся через плотину, разлился бы еще шире и шумнее. Но в эту минуту главный из наших спутников, командир сопровождавшего нас экипажа, который, растянувшись поперек лодки на самой ее середине, казался погруженным в глубокий сон, быстро перевернулся на бок, лицом к корме и, не открывши глаз, глухо кашлянул. При этом звуке, не принадлежащем ни к одной из осьми частей речи, но, вероятно, красноречивом для окружающих, беседа порвалась. Кормчий погрузился в прежнее безмолвие, по-видимому, совершенно спокойный; только лодка наша в то самое мгновение сильно покачнулась от крутого поворота вправо, поворота, которому не было ни причины, ни цели. Иво перестал хохотать и начал мешать воду зонтиком, который один из нас отдал ему на сохранение. Нико стал чистить свою трубку, хотя, впрочем, трубка была полна табаку и еще не раскурена.

Вы, верно, хотите знать, кто был он — этот человек, лежащий поперек нашей лодки, которого кашель имел такую могучую силу? Это был поп Вуколе Градчанин: так он называл нам сам себя, так называли его и все прочие черногорцы, не исключая гребцов нашей ладьи. В теократической республике Черной Горы *попы*, то есть священники, издавна составляют самую высшую или, лучше, единственную аристократию, сколько по важности их духовного сана, столько, или еще более, по тому, что с этим саном обыкновенно соединяется достоинство старейшины племени, вождя на войне и судьи в мире. Но поп Вуколе Градчинин[2] был не просто только поп. В одном лице своем он совмещал все

[1] По-видимому, имеется в виду Ластва-Грбальска в 5 км от Будвы, рядом с Адриатическим побережьем.

[2] Так в тексте.

звания и чины, не только те, которые существовали на Черной Горе издревле, от прадедов, но и те, которые прокрались сюда недавно, вследствие последних реформ нынешнего владыки. Поп Вуколе был *кнезь* своего племени, *сердарь* или губернатор своей нахии, *капетан*, то есть один из главных начальников народной гвардии[1], наконец, *сенатор*, то есть один из двенадцати членов верховного владычного совета, правительствующего сената черногорского. Впрочем, вся эта громада титулов одна, сама по себе, не могла бы внушить такого глубокого и всеобщего уважения. При дворе владыки мы видели старого попа Нико Чеклича, который носит титул *капетана перяников*, и с тем вместе есть главнокомандующий, так сказать, фельдмаршал все черногорской гвардии. И однако те же самые молокососы, которые теперь нас провожали, в его присутствии не только безбоязненно болтали о всякой всячине, но даже напевали, будто без умысла, язвительную народную песню про Чекличей, как они когда-то ходили брать у турок крепость Никшич и воротились с таким же успехом и торжеством, как в нашей народной сказке пошехонцы, ходившие в Москву покупать Ивана-Великого[2].

Поп Вуколе был силен и страшен своими личными достоинствами. Еще в Цетине нам говорили об нем как об одном из первых *юнаков* Черной Горы. И действительно, самая наружность его возвещала богатыря, хоть сейчас в Илиаду. Никогда не забуду я того впечатления, которым он поразил меня при первом виде: гигантский рост; вся система мускулов, вылитая как будто из меди; и это античное лицо, закопченное южным солнцем, грозное своим неподвижным спокойствие, выразительное отсутствием всякой игры выражения! Ему было уже под шестьдесят, если не более; но он был еще бодр и свеж; глаза его из-под седых бровей сверкали раскаленными угольями, свидетелями непотухающего пламени. Кроме имени *попа*, ничто не изобличало в нем духовного сана священника: по обычаю, издревле господствующему на Черной Горе, он одет был, как одеваются все черногорцы; даже не имел бороды, которую здесь носят только монашествующие, и то не все и не всегда. Зато *силав*, или широкий пояс вроде патронташа, обыкновенно носимый черногорцами, был набит у него тяжелыми пистолетами в дорогой серебряной оправе; при бедре в раззолоченных ножнах мотался богатый канджар[3]: все трофеи, сорванные с турков вместе с их буйными головами. Поп Вуколе родился в подоблачных скалах Черной Горы, в Катунской нахии; но он нарочно спустился вниз, на озеро Ска́дарское, чтобы ближе быть к врагам и видаться с ними чаще. Ему дана *парохия*, то есть приход, на одном из лежавших перед нами островков. Здесь он жил и губил турков уже более тридцати лет. Впрочем, при всей дикости нрава

[1] Должность капетанов на казенном жаловании была введена в августе 1837 г. для усиления позиций центральной власти на местах.

[2] По-видимому, один из анекдотов о том, как пошехонцы (простаки) отправились посмотреть Москву, но, сделав круг, вернулись обратно и сделали вывод, что Москва на Пошехонье похожа.

[3] Кинжал.

и привычек, поп Вуколе не был враг новым идеям и мерам порядка, вводимого внутри Черной Горы нынешним владыкою. Напротив, он был жаркий поборник их и строгий блюститель. За это владыка, кроме сенаторства, утвердил его сердарем Речской нахии, в каковом звании он и сопровождал теперь нас по всему подведомственному ему пространству. Это ж, конечно, было причиною и того грозного неудовольствия, которое он, сквозь мнимый сон, обнаружил при грубой выходке кормчего, старого фрондера, очевидно, недовольного новым порядком вещей, который только придрался к перяникам, чтобы бросить злобный намек гораздо выше.

Между тем тишина, воцарившаяся снова на лодке, была непродолжительна. Лихорадочный купец, который, свернувшись в клубок, ежился в глубине лодки в ногах у кормчего, не видел и не примечал ничего. Он только слышал, что на слова, сказанные кормчим, не воспоследовало никакого ответа. Почему, считая, что этот ответ остался за ним, воспользовался первою минутою, когда зубы его перестали колотиться один об другой, чтобы продолжать прерванную беседу.

— Не говори этого, Мато! — сказал он, обращая свою речь к кормчему: — не говори, не гневи Бога. Ведь нынче уж не старые времена. Дай Боже милости Владыке, да здоровья попу Вуколю — теперь не встретишь турчина и здесь на Блате, до самого Ска́дара!

Услышав свое имя, поп Вуколе также быстро перевернулся опять на прежний бок, спиною к корме, и также недовольно кашлянул. Купец, между тем, продолжал разглагольствовать.

— Сказать правду, задали вы злодеям страху. Особливо с тех пор, как в прошлом году поп Вуколе пустил на дно две лодки, что шли с Ска́дара в Жабляк с пороховым зельем. Ведь больше сорока неверных сгинуло. То правда — привелось было нам грешным расплачиваться за собак: паша, в первых попыхах, грозил всех нас перерезать. Ну! да милостив Бог и *светый Петар*! откупились казною. Дорого стало; а весело сердцу христианскому, что вот неверные псы не смеют сунуть носа в наше родимое Блато. Около Великой недели миролаю[1] из Жабляка надо было приехать к нашему паше в Ска́дар: что ж — не пошел водою, а потащился там через планину, где авось когда-нибудь свернет свою окаянную шею!

— Так ваш паша должен быть очень зол на попа Вуколя? — спросил Иво.

— Вот как зол, что я верно знаю — ста дукатов не пожалеет за его голову.

Поп Вуколе лежал неподвижно, как будто бы ничего не слыша, хотя, впрочем, не было никакого сомнения, что он все слышал.

Лодка наша, меж тем, больше и больше выбиралась на простор озера, хотя мы и не отбивались далеко от берега. Два островка расступились вдруг перед нами и открыли широкую хрустальную перспективу, в конце которой на крутом приубрежном холме рисовалась грозная твердыня. Это был Жабляк — турецкая крепость с постоянным многочисленным гарнизоном из регулярных солдат. На одном из островков, в расстоянии каких-нибудь двух-трех верст от противулежащей крепости, сбегали к самим волнам озера живописно раски-

[1] Искаженное: мир-ливы — санджак-бей, начальник санджака.

данные кучи[1], меж которыми одна повыше, утвержденным на ней крестом показывала церковь. Это был остров Вра́нина, *парохия* и *кнежина* попа Вуколя[2].

Громкий залп ружьев раздался с берега Вра́нины, когда мы начали с нею выравниваться. Оба перяника отвечали тотчас выстрелами из своих ружьев: за ними последовали гребцы, не переставая грести; потом и кормчий, не переставая править. Мы знали уже, что это был обычай черногорцев поздравлять взаимно друг друга.

— Вуколе! — закричал, между тем, Иво, смотря на берег. — Поп Вуколе! Кажется, там стоит твоя жена. Именно она. Я видел ее не раз в Цетине.

— Может быть, — сказал равнодушно поп Вуколе, не трогаясь с места и не открывая глаз.

— Она машет рукою; она делает знаки, чтоб мы пристали к берегу. Верно, ей тебя нужно.

— Да мне ея не нужно, — отвечал он тем же сухим голосом, сохраняя то же положение.

Лодка пронеслась мимо Вранины. Показался один маленький холмик, плавающий среди волн. На нем белело одинокое здание особой архитектуры, ни на что не похожее. Перед этим зданием суетился человек в черногорском простом костюме. Вдруг он, этот человек, исчез в облаке дыма. Через несколько секунд раздался пушечный выстрел.

«Да, это пушка, то есть пушка по-нашему, по-русски, — сказал я. — Как она попала сюда?»

Надобно сказать, что *пушкою* у черногорцев называется наше ружье. Пушку же нашу они зовут по-турецки — *топ*.

— Откуда? — подхватил один из гребцов. — Это из тех топов, которые наши украли у турков из Жабляка. Владыка построил здесь *кулу*, дал топ и поставил гарнизон против турчина.

— А как велик этот гарнизон?

— Два человека, — отвечал просто гребец. — Теперь, впрочем, остался только один. Другой отправился вчера в Цетине за хлебом.

Мы невольно переглянулись друг с другом, хотя уже привыкли не удивляться.

Островок, на котором находится эта любопытная твердыня — его назвали нам Лесандер — был уже последний. За ним открывалось озеро во всю длину свою, простирающуюся верст на пятнадцать. В самом конце озера, там, где оно выпускает из себя реку Бояну, текущую в море, белели стены Ска́дара, резиденции паши, могущественного повелителя Албании, располагающего восемью-десятью тысячами солдат, находящегося в непрерывной войне с Черною Горою. И мы плыли здесь спокойно, бесстрашно — под прикрытием гарнизона из двух человек с одною украденною пушкою... Согласитесь, что тут было несколько поэзии!..

[1] Дома (серб.).

[2] О черногорско-албанском споре вокруг островов Лесендро и Вранино и других территорий см.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 244–258.

Не успела прочиститься перед нами поверхность озера, как на ней запестрело множество лодок, ехавших к нам навстречу. Это были черногорцы, возвращавшиеся с устья речки Цермницы, где накануне был *сейм*, то есть базар. Каждая лодка, встречаясь с нами, салютовала нам по крайней мере одним выстрелом. Наши перяники, и даже гребцы, не жалели с своей стороны пороха. Даже больной купец выстрелил несколько раз из своего ружья дрожащими руками. В горах пробудилось громкое эхо, передававшееся из ущелья в ущелье грохочущими перекатами. Только молчали угрюмые башни Жабляка, темневшего тучевым пятном на веселом безоблачном небе юга.

Вдруг одна лодка молчаливо выровнялась с нами. Она бежала с особенною быстротою. На ней из толпы простых черногорцев выдавался один ловкий и красивый молодец, очевидно, перяник. Наши Иво и Нико в один голос вскрикнули:

— Помози Боже!

И два выстрела полетели вслед за этим обыкновенным приветствием черногорцев.

— Помози Боже! — повторил мрачно перяник.

Но ответного выстрела не было.

— Что ж ты? — вскрикнул с живостью Иво. — Или нет у тебя пороху?

— Порох есть, да нет на душе радости.

— Как так?

— Джюро Пламенац вчера ночью сложил голову.

Иво и Нико испустили громкий крик. Гребцы выпустили из рук весла. Поп Вуколе вскочил с быстротою молнии, с яростью льва: рука его машинально схватилась за ружье.

— Джюро Пламенац? — вскричал он, сверкая дико глазами. — Джюро Пламнац? Как и где? Стойте!

— Да, поп Вуколе! — отвечал зловещий перяник, приказав приостановиться своей лодке. — Джюро Пламенац, твой крестный сын, храбрый, *юнак*! Вчера ночью на Сеоце[1] он столкнулся с пятью неверными. Двое из них пали. Но число сломило силу. Прежде чем наши, заслышав выстрел, успели приехать на помощь, разбойники уже сняли молодецкую голову. Еще один остался на месте. Двое остальных во мраки ночи спаслись бегством. Джюро кончил со славою. Вот три головы, которые мы везем за его голову владыке.

И он поднял три мешка, сквозь которые сочилась кровь.

Несколько минут продолжалось угрюмое молчание. Встречный перяник махнул наконец рукой, и лодка с ужасными трофеями помчалась.

— Бедный Джюро! — сказал поп Вуколе после продолжительной паузы голосом тихим, в котором изобразился глухой трепет чувства. По крайней мере, он нашел теперь покой. Вечная ему память!

Он спустил курок своего ружья и долго смотрел на озеро, безмолвный, как будто преследуя свой выстрел. Прочие все дали также по выстрелу, провозглашая дружным хором:

[1] Пригород Будвы (?).

— Вечная память!

— Нико! — сказал потом поп Вуколе, обращаясь к младшему перянику, — ты умеешь петь. Завтра утром в Болевичах[1] мы отпоем с тобой панихиду по покойнику.

— А ты, — промолвил он, обратясь к купцу из Скадара, — скажи ты, как приедешь, чтобы он готовил еще десять головза голову Пламенца.

Сказав эти слова, он опустился опять в лодку и принял прежнее положение. Но он не остался недвижимым по-прежнему. Длинные, жилистые руки его беспрестанно меняли место. Он хватался то за ружье, то даже за мою палку. Наконец, вероятно, устыдясь своего волнения, он приподнялся медленно, осмотрелся вокруг, взял с колен моих табачный кисет, не говоря ни слова, долго рассматривал его со вниманием; потом набил из него свою трубку, высек огня, закурил и снова растянулся попрек лодки.

Гребцы уже гребли. Иво обратился к кормчему:

— Ты бы, Мато, спел нам песенку про Джюро?

Мато не отвечал ничего. Но через несколько минут затянул дрожащим, прерывистым голосом:

Све у славу Бога истинога,
И у здравље царя московскога,
И нашего владыки светога...

Так обыкновенно начинаются все героические песни черногорцев.

Прекрасен угол, который черногорцы называют Цермницей. Это самый нижний и вместе самый южный уступ их заоблачного гнезда. Здесь суровость горной атмосферы смягчается; студеная мгла, отрясаемая ледяною маковкою Ловчина, достигает сюда теплыми дождями или освежительной росой; нет свирепой *боры*[2]; нет и удушительного *широкко*, затем что море, из-за которого приносится это тлетворное влияние тропиков, все еще отгорожено высокими планинами. Измученные смертным однообразием голого камня, из которого сгромождена Черная Гора, вы с неописанным наслаждением встретите здесь всю роскошную растительность юга: янтарь и пурпур винограда, золото апельсинов, сизые кудри маслин, атласную зелень широколиственных смоковниц. Нынешний владыка недаром в своих стихотворениях называет Цермницу черногорской Италией.

День склонялся к вечеру. Мы давно уже были в пристани, на ночлеге, отведенном нам по приказанию владыки в доме попа Иока, *главаря*[3] племени Болевичей в нахии Цермнической. Не столько плавание, сколько путешествие

[1] Черногорское племя и село в общине Бар (Черногория).

[2] Северо-восточный ветер.

[3] Гла́варь — предводитель.

пешком с берегов озера до назначенного нам приюта, изнурило нас донельзя. Более часа надо было карабкаться вверх по крутизнам, через потоки, лепясь нередко по узкой стежке вскрай глубоких обрывов. К истощению наших сил и терпения в самое это время набежала горная, пролетная тучка, которая, тем не менее, в несколько секунд окатила нас с головы до ног как из ведра. Это на несколько времени подавило в нас всякое любопытство, всякое внимание к природе и людям. По прибытии на привал главная и единственная потребность наша состояла в том, чтобы отдохнуть и осушиться.

Хозяин дома, в который нас привели, был, как я уже сказал, поп Иоко, из фамилии Пламенцев, многочисленнейшей и могущественнейшей в племени Болевичей на Цермнице[1]. Сам он был могущественнейший и богатейший из своей фамилии. Вообще вся нахия Цермничская отличается духом особенной беспокойной живости и с тем вместе особенной вспыльчивостью, сварливостью, непокорностью. Составляя самый крайний клин Черной Горы на юго-востоке, стиснутый с одной стороны турецкою Албаниею, с другой — австрийским, некогда венецианским Приморьем, она долго не принадлежала к теократическому союзу черногорцев, была сама по себе, уединенным гнездом *кровников* — живописное сербское слово, происходящее от крови — то врагов, то друзей всем своим соседям без различия языка и веры. По соединении с Черною Горою, которое, особенно в отношении к восточной половине нахии, случилось весьма недавно, цермничане остались мятежнейшею частью, вообще не отличающегося кротостью, черногорского народа. Чаще всех они подвергались проклятию старого владыки, то есть дяди нынешнего, который более любил действовать духовным, чем мирским оружием. Нынешний владыка встретил в них самую сильную и опасную оппозицию при своих реформах. Главой этой оппозиции был поп Иоко Пламенац. Он отвергал упорно все нововведения, особенно самое важное из них — денежную подать. «Если платить дань, — витийствовал он перед народом, то зачем мы ежедневно режемся с турками? Станем давать харач паше в Скадар: так, по крайней мере, будем спать покойно!» Был даже слух, что поп Иоко охотнее соглашался передать себя и всю Цермницу в подданство Австрии, обещавшей ему богатый пенсион, чем вносить, впрочем, самую ничтожную подать в казну владыки. Трудно было справиться силою с этим черногорским Мирабо. Его умаслили коекак разными ласками, милостями, подарками. Младший брат демагога Марко Пламенац пожалован в *сенаторы* и с тем вместе сделан *сердарем* Цермничской нахии. Из политической предосторожности за попом Иоком осталось только звание *капетана*. Но за то — его осмилетнему сыну владыка обручил свою четырехлетнюю племянницу! По этой-то почти родственной связи повелено было весть нас прямо в дом попа Иока: сколько для того, чтобы тем оказать ему уважительное предпочтение, сколько и для ради того, что на Черной Горе, несмотря на патриархальность нравов, за гостеприимство обыкновенно платится, и платится довольно дорого.

[1] Йоко Пламенац — бывший сердар Црмницкой нахии.

Сила и богатство попа Иока обнаруживалась ярко самым его жилищем. Это было здание едва ли не великолепнейшее на всей Черной Горе, разумеется, после дворца владыки: по крайней мере, мы ничего великолепнее не видали. Оно состояло из четырех этажей, каждый в одну довольно просторную комнату. Третий из них, составляющий бельэтаж, был омеблирован кроватью, убранной по-немецки, двумя деревянными стульями с спинками, лакированным столиком, зеркалом в крашеной раме и даже несколькими по стенам гравюрами австрийско-лубочной работы, изображающими сербских героев: князя Лазаря, Богдана Юговича, Марка Кралевича[1] и т. п. Я предоставил это святилище роскоши одному из нас, имевшему наиболее нужды в покое; а сам, со всею свитою наших проводников, считавших обязанностью этикета не оставлять нас ни на минуту, поднялся в самый верхний этаж, находившийся просто под крышкою дома. Там нашел я также кровать, на которую и повергся тотчас. Ассистенты наши, то есть старые приятели Иво и Нико, и сам грозный поп Вуколе расположились на длинной скамье, стоявшей перед огромным столом. К ним присоединились еще многие новые собеседники из цермничан, пришедшие поздравить нас с благополучным прибытием. Все они закурили свои трубки и, не обращая особого внимания на меня, начали толковать между собою.

Мы были гости незваные и нежданные. Оказалось, что на этот раз мы пожаловали вовсе не в пору. Хозяина не было дома. Еще накануне он вызван был австрийскою комиссиею, которая в то самое время приводила к окончанию давнишний спор между Черною-Горою и Австрийскою империею о взаимных границах[2]. Вместо его явился хозяйничать брат, *сердарь* и *сенатор* Марко. Это хозяйничанье состояло в том, что он сел вместе с прочею братиею, закурил трубку, принял живое участие в беседе и только по временам обращался ко мне с вопросом: не угодно ли мне *ракии* или *кавы*, то есть водки или кофе?

Сначала я имел было намерение соснуть, чтоб возобновить истощенные силы. Но вскоре увидел, что это было решительно невозможно. Окружавшие меня собеседники разглагольствовали, спорили, шумели безо всяких церемоний. Речь началась с животрепещущей новости, с погибели Джюра Пламенца, который принадлежал к одной фамилии с хозяином дома и сенатором Марком. Впрочем, Марко не показал такого горячего участия в покойнике, как поп Вуколе. Рассказали две или три вариации его печальной истории, которые на этот раз и поп Вуколе слушал совершенно хладнокровно, только с глубоким вниманием. Затем разговор начал переходить из материи в материю. рассуждали о границе с австрийцами, о нечестности которских купцов, о смерти Измаил-бега[3], о жалованье капетанам и перяникам, о переговорах с герцеговинским пашою, о верном лекарстве от *грозницы*, то есть лихорадки и прочая, и прочая...

[1] Герои сербского народного эпоса.

[2] Посредником на переговорах выступал русский вице-консул в Орсове А. В. Чевкин. См.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 275–284.

[3] Об убийстве Измаил-аги Ченгича, организованной митрополитом как месть за поражение черногорцев при Грахово в 1836 г. см.: Там же. С. 266–267.

Ну точь-в-точь как наши политики английских клубов, только лишь свободнее, шумнее и, кажется, в своем роде толковитее! Так прошло часа два или более. Наконец, к счастию, раздался под окнами визг *гусли* и с нею голос, кажется, бывшего нашего кормчего. Говоруны смолкли и один за другим отправились вниз, слушать певца. Остались только сенатор Марко и поп Вуколе. Я приподнялся с своего ложа, чтоб взглянуть на Божий свет сквозь единственное окно, в котором была рама, но не было стекол.

— Ты не спишь, *господине*, — сказал мне сенатор Марко. — Не угодно ли ракии или кавы?

Сказать правду, мне угодно было чего-нибудь посущественнее, именно поесть бы что-нибудь: у нас не было во рту ничего весь день с раннего утра.

— Благодарствую, — отвечал я. — Дождемся до ужина.

— Я приказал заколоть для вас две курицы, — продолжал Марко, угадывая мою тайную мысль. — У брата повар *немац*: он приготовит их на чудо. Жаль еще, что вы попали к нам в такое безвременье.

— Да, конечно, — отмолвил я. — У вас теперь семейное горе. Покойник Джюро был ваш родственник.

— О! Не оттого, — возразил Марко, — а оттого, что дом без хозяина. За Джюра мы отмстим; а жалеть об нем нечего. Ведь он был проклятый!

— Как проклятый? — спросил я с удивлением.

Но поп Вуколе перебил мой вопрос, сказав сухо:

— Ты врешь, Марко!

— Я вру? Да ты сам знаешь...

— Знаю я, что знаю. Если бы Джюро умер под клятвою, стал бы я петь по нем панихиду?

— А ты разве пел?

— Отпою завтра. Джюро был под клятвою, как и все вы: да его развязал тот же, кто и связал — сам *светый Петар, да му е милость*!

— Развязал-то, может быть, и развязал; да видно не совсем! Отчего же бедняга мыкал жизнь свою так, что глядеть было тошно? Ведь он шатался по свету, словно упырь; не знал покою ни днем, ни ночью, нидома, ни на чужбине. То пустится в богомолье. Уж где он не был! И на Студенице, и в Дечанах[1], и на Святой Горе, только что не в [И]ерусалиме. А что вымолил? Стало, Бог молитв не принимал! То *пушку на рамо*[2], да против турчина. Лезет бывало на смерть, а смерть от него! Слава Богу, что наконец прибрал!

— *За-Бога*, Марко! — сказал поп Вуколе, возвысив голос. — Ты лепечешь как сорока, а еще сенатор! Будто ты не знаешь, какая тому была причина? С кем случилась такая напасть, как с Джюро? Ты меня рассердишь!

Любопытство мое возбудилось в высшей степени.

— Сделайте милость, — сказал я, — расскажите мне историю бедного Джюро. Что с ним такое случилось? Пожалуйста, расскажите, если это вам не в тягость.

[1] Известнейшие сербские монастыри.

[2] Ружье на плечо (серб.).

Марко взглянул на попа Вуколе.

— Вот он расскажет. Он знает лучше.

— Нет, рассказывай ты, — отвечал поп Вуколе. — У тебя язык длиннее. Только смотри не заговаривайся.

— Пожалуйста, *господине* Марко, — повторил я, чувствуя, что от него скорее дождешься рассказа, чем от его сурового собеседника.

— Хорошо, я расскажу, — сказал Марко, — расскажу, как знаю и как умею! Вот видишь ли, *господине мой драгий*: это было назад тому лет пятнадцать или около — когда мы при старом владыке были еще на всей своей воле...

— Когда не было еще суда и правды, — прервал поп Вуколе с прежним хладнокровием.

— Ну да — так по-твоему: до суда и правды. То-то было время! Такого времени уж не воротится! В это-то время — а ты знаешь, *господине*, что такое по-нашему *о́света*?..

— Знаю, — отвечал я.

Осветою называется у черногорцев кровавая месть за кровь, передаваемая из рода в род семействами и целыми племенами; то же, что *вендетта* у корсиканцев.

— Хорошо, что знаешь, — продолжал Марко. — Теперь посмотри в окно. Видишь там, насупротив, через речку — *кучи* и церковь. Это племя нашей нахии, которое называется Со́тоничи. Вот между этим племенем и нашим, то есть Бо́левичами, в то время, о котором я говорю, была старинная, испоконная *освета*. Уж то-то бывало, тешимся то мы, то они, как случится! В иной раз мы нагрянем к ним гости: жги! пали! руби! Нет милости, ни старому, ни малому. Такой, знаешь, закон, что *мужское* — будь хоть грудной ребенок, хоть старик в сто лет — коси, да и только: *женского* лишь не смей трогать. Глядишь, они жалуют отблагодарить за посещение: опять та же история! Сколько раз, бывало, сиживали мы здесь, вот именно здесь, в этой каморе! Сидим, да отстреливаемся во все щели — видишь ты их?

Я огляделся кругом и увидел в стенах множество дыр, которых прежде не заметил. На некоторых из них еще виднелись следы густой копоти, без сомнения, от пороха.

— А за что началась меж вами такая непримиримая вражда? — спросил я. — Кто был первый виновник?

— Бог про то знает, — отвечал Марко. — Я не знаю. Не знал и отец-покойник. Думаю — знал ли полно дед? Это началось давно, очень давно. Был я еще *момчич*[1], когда старый владыка при какой-то напасти — кажется, как француз заратил Приморье и задумывал пробраться в наши горы[2] — так я говорю, старый владыка начал уговаривать нас, чтобы мы, ради общего врага, бросили нашу старую вражду, рассудились бы полюбовно, кто кому должен, да и покончили б вечным побратимством. Послушались владыки, собрали кметей[3], стали

[1] Здесь уместнее: мальчишка (серб.).

[2] События 1806 г.

[3] Старосты (серб.).

допытываться. Что ж ты думаешь? И тогда уж никто не знал, из-за чего взялась *освета*! Только один старый старик, больше ста лет от роду, вспомнил, что слыхал от отца, будто был вот такой случай: *девойка* наша, из Бóлевичей, ходила зачем-то на Будву, Будва тогда еще была за млетчанами[1]; вот и обидел ее какой-то латин не добрым словом, а тут случился момак[2] из Сóтоничей, да не заступился; пришла домой *девойка*, и ну *куковать* и на латина и на Сóтонича; отец ли, брат ли, схватил пушку, да на *освету*; на дороге попался первый Сóтонич — паф! вот и пошла потеха! Оно, может быть, точно так было, да никто не поверил. По закону надо, чтобы присягнули двенадцать свидетелей, что все было так; а тут старик был один, да и тот отнекивался от присяги: я, говорит, сам не видел, а, помнится, слышал! Так дело и осталось нерешенным! Чтоб угодить владыке, *взяли веру*, то есть замирились на время. Пошли вместе на француза. Заратили всю Боку[3]: воротились назад, и опять за прежнее. При первом случае, мы вспомнили, что Сóтоничи остались нам *должны головою*. Там мы им опять задолжали. То мы им, то они нам! Чудное было время, *господине*! ей! чудное — *тако ми светога Василия под Острогом*![4]

— Ну, а Джюро? — спросил я, прерывая восторженные воспоминания сенатора.

— Джюро был славный *момак*, красóта нашего рода и племени. Ему было уж лет двадцать — так кажется! Ты лучше это знаешь, поп Вуколе; ты ведь крестил его...

— Он родился, — отвечал поп Вуколь, когда мы были под Дубровником с русскими. Отец его, мой *побратим*, пал возле меня, пробитый навылет французскою пулею. Я взял все, что было при нем, и когда мы воротились домой, пошел ко вдове отнести печальную весть и наследство. Подхожу к хижине: бедняжка, ничего не ведая, идет, распевая песни, с горы с тяжелой вязанкой дров, да несет в переднике ребенка, которого только что успела родить там, на горе. Мне стало жаль *момчича*, родившегося уже сиротою. Я окрестил его, и тут же взял себе за сына.

И поп Вуколе глубоко затянулся из своей трубки, как будто вознаграждая себя за длинную речь.

— Да, лет двадцать было ему тогда, — продолжал Марко. — Молодец собою: пригож, статен, словно девойка, и храбр, как лев. В нашем племени уже были проложены две или три песни про его подвиги против турчина.

— Знал и *книгу учить*, — промолвил поп Вуколе опять, увлекаясь невольною разговорчивостью, — да знал не хуже архимандрита Петрония. Всякий дар дался ему от Бога.

[1] Будва, как и остальное Приморье, принадлежало Венецианской республике до 1797 г.

[2] Здесь: парень (серб.).

[3] Бока Которская.

[4] Сенатор Пламенац поминает особочтимого святого, основателя Острожского монастыря.

«*Учить книгу*» называется у черногорцев — уметь читать.

— Старый владыка был упрям, — продолжал Марко. — Бывало, что задумает, так потихоньку, полегоньку, а на своем поставит. Надоели ему наши потехи. Вот однажды в большой *светач*[1], кажется, о Спасовом дне, когда народ со всех сторон собрался на Цетине на литию[2], владыка поднял крест, да и заклял всех кровников, особенно наши оба племени: «Будь, сказал, анатема-проклят, кто станет продолжать *освету*, кто порушит мир и братство!» Старики наши подумали, погадали и решили опять *взять веру* на бессрочное время. Да не надолго. В Сотоничах, у *главаря* Секиры была дочь Стана, *лепота-девойка*! Она приглянулась нашему Джюро. Момак был в порах: зачем не жениться? Послали сватов с чутурою[3]. Поп Вуколе сам кажется, ходил кумом...

— Что ж, *господине мой ласковый*? Старый Секира отказал наотрез, да еще с бесчестием. Его род с нашим родом были самые лютые враги. «Не бывать, сказал, моей дочери за *бескучнином и безобразником от зла отца, от горей майки*!»[4] Взъярился Джюро, да и у всех Пламенцев закипела кровь. Обида тяжкая всему роду! Положили силою увести девойку. Вот в одну ночь пять отважных момков, все Пламенцы, вместе с Джюро нагрянули в Сотоничи. Старый Секира почуял волков в своей овчарне; проснулся, да и уснул опять так, что уже не пробуждался: его зарубил один из момков, когда он кинулся отнимать Стану у Джюра. Брату девойки подстрелили ногу, и он остался на пороге дома, облитый кровью. Между тем все соседство проснулось, кинулось в погоню. Удальцы пустились к устю Цермницы, где я и поп Вуколе поджидали с лодкою. Пули свистали уже над нашими головами. Но юнаки успели впрыгнуть в лодку, не выпустив добычи. Ударили в весла. Лодка пристала к Вранине, там, где ты, верно, видел развалины старого монастыря. Тут поп Вуколе тотчас обвенчал своего крестника на Стане. Как нарочно пригодилась церковь, которую он только что *направил*.

— Эту церковь, — сказал поп Вуколе, — мы освятили накануне с большою церемониею. Джюро был при мне *дьяком* и пел молитвы так умилительно, так сладкогласно. Я думаю, старые монахи так не певали. А говорят, были мастера, и было их много. До разорения монастырь был диво, красóта. Восемь звонов висело на одном звоннике[5].

Он затянулся опять. Марко продолжал:

— Ну какая же тревога поднялась на другой день! Опять пожары, стрельба, резанье! Владыка приехал скоро сам, чтоб наладить мир. В нашей церкви, вот что стоит возле дома, он проклял зачинщиков смуты, не называя по имени. Однако известно, зачинщик был один Джюро...

[1] Праздник (серб.).

[2] Служба (серб.).

[3] С баклажкой (серб.).

[4] «...беспутником и бесстыдником от дурного отца и еще худшей матери!» (серб.).

[5] Здесь: колокольня.

— Не Джюро, а старый Секира, — возразил поп Вуколе. — За то он и издох как пес, без покаяния. Джюро покаялся, и владыка простил его: при мне допустил к кресту и окропил водицею...

— Будь по-твоему, — отвечал Марко, — тебе лучше знать; мы знаем только, что владыке удалось опять кое-как усмирить народ. Но в сердцах не было миру. Все было до первого случая! Вот однако прошло года два в покое. Стана родила Джюро прекрасное дитя, мальчика. На крестинах брат Станы, который остался жив, только без ноги, в первый раз пришел в кучу к зятю. Они побратимились и покумились: то-то было веселья! Скоро после того турчин зашевелился, там на Мораче. Собралась и у нас стая юнаков: Джюро был, разумеется, первый. Славно погуляли они там, около Подгорицы и Спужа. Наконец воротились домой, с торжеством и богатою добычею. Надо ж было случиться, что в тот день, как им придти, овцы бедной нашей вдовы Мары Кыршкапины забрались в виноградыпопа Мияйла в Со́тоничах. Поп забрал овец и не хотел выдать без выкупа; а у Мары не было карантана за душой. Бедняжка начала жалобно *куковать*, рвать на себе волосы, кататься по земле — ну как делают обыкновенно жены, когда в беде. Наши юнаки встретили ее в таком виде там, внизу. Ретивое не утерпело. Они кинулись тотчас отобрать у хищника имущество вдовы. Это было около полудня, в самый жар. Поп Мияйло отдыхал под деревом, перед своей кучей. Жена его первая увидела вооруженную толпу, карабкавшуюся на утес, где стояла куча. Она закричала громко. Мияйло вскочил, увидел красные фесы меж кустов и выстрелил так удачно, что Дано Пламенац, тоже наш родич, друг и побратим Джюра, пал бездыханный у его ног. Джюро обезумел от ярости, бешенство овладело всею толпою. Поп Мияйло, видя, что он один против целой дружины, пустился наутек. Юнаки кинулись в кучу. Там были только женщины, испусавшие крики отчаяния. Вот выскочил назад из кучи, кажется, Симо Берлич с маленьким ребенком. *Мужское*! — вопил он в неистовстве, махая жалким твореньицем. Джюро все еще стоял возле трупа с помутившимися очами. Он увидел ребенка, выхватил его из рук Сима — и бросил вниз с утеса. В ту же самую минуту выбежала из кучи женщина, испуская дикие вопли, с растрепанными волосами. Это была Стана, жена Джюрова. Поп Мияйло был ей родной дядя по матери. Она пришла к нему утром того дня и с ребенком — так, в гости. Джюро узнал ее. Но она его не видела: она видела только, как ребенок ее полетел стремглав вниз — и сама ринулась за ним в глубокую пропасть, усеянную острыми каменьями... К вечеру юнаки пришли домой, пригнавши с собой всех овец Мары. Джюро не пришел с ними. Он и не приходил совсем в Бо́левичи: по крайней мере, мы никогда его здесь не видали. С тех пор куча его стоит пуста. Никто не входил в нее. Говорят, однако, что иногда по ночам слышны были в ней какие-то дикие стоны...

При этих словах с лестницы, ведущей к нам на вышку, высунулась усатая рожа, вся запачканная сажею, прикрытая каким-то дурацким колпаком.

— Марко! — произнес призрак ломанным сербским языком. — Что прикажешь делать с курами? Они убиты и ощипаны.

— Это вам для ужина, — сказал Марко, приподнимаясь с своего места. — Вот наш повар *немац*! Славный повар! Я сейчас пойду распорядиться. А между тем, неугодно ли *ракии* или *кавы*?

Я отказался безмолвно. Марко пошел по лестнице вниз. Со мной остался один поп Вуколе, который также безмолвный, продолжал курить свою трубку. История кончилась. Верно, нечего было больше прибавить.

Я подошел к окошку. Там внизу, на небольшой полянке собралось множество момков и девоек. День был праздничный. Унылый напев *гусли* давно уже смолк. Девойки кружились в пестром веселом *коле*, распевая под звонкие переливы *свирели*:

Не стой, драги, код мене:
Сад су люди джаволи
О свачему говоре,
По найвише о нама,
Да се двое любимо...[1]

Утренняя заря. Альманах на 1842 год, изданный В. Владиславлевым. Четвертый год. СПб., 1842. С. 209–254

[1] Не стой, дорогой, со мной: / Нынче люди ушлые, / Обо всем говорят, / Все больше о нас, / Что мы любим друг друга (серб.).

П. И. Прейс. Письмо М. С. Куторге[1]

Петр Иванович Прейс (1810–1846) — филолог-славист, в 1839–1842 гг. находился в заграничном путешествии в ряду других первых русских университетских славистов[2]. Хотя он даже не имел к этому времени степени магистра, его талант был отмечен рядом профессоров Петербургского университета, давших соответствующие рекомендации. Во время командировки Прейс сдружился с И. И. Срезневским, а в начале марта 1841 г. в Вене познакомился с В. С. Караджичем. Здесь в это время уже находились Н. И. Надеждин и Д. М. Княжевич[3]. Согласно первоначальному плану, встретившись в Триесте 1 мая того же года, Прейс, Срезневский, Надеждин, Княжевич с Караджичем в качестве гида должны были отправиться в путешествие по Далмации, Черногории, далее — либо в Боснию, либо в Загреб (Аграм) и оттуда в Сербию, Болгарию и на Афон[4]. Прейс прибыл в Триест 5 мая, через 3 дня сюда доехал Срезневский; Княжевич и Надеждин тем временем находились в Италии и обещали быть 10 мая. Чтобы не терять времени Срезневский предложил съездить в Венецию. Однако, когда друзья возвратились в Триест, Надеждин, Княжевич и Караджич уже отбыли в путешествие по Далмации[5]. Таким образом, надежды Прейса путешествовать под руководством Караджича не сбылись, и они отправились в путь со Срезневским. С последним Прейс расстался, когда тот отправился в путешествие в Сербию (осенью 1841 г.), из-за болезни. Однако, как явствует из отчета Прейса в Университетский совет, позднее он уже самостоятельное ездил в Белград зимой и оставался там до 20 февраля 1842 г., после чего переехал в Нови Сад[6].

Аграм, 19 августа 1841 г.

Вот я и в Аграме с 10 августа. Выслушай короткое донесение о том, как я сюда попал.

[1] Михаил Семёнович Куторга (1809–1886) — российский антиковед, профессор Петербургского университета, друг Прейса.

[2] О программе его научного путешествия: *Смирнов С. В.* К биографии П. И. Прейса // Из истории славяноведения в России: Труды по русской и славянской филологии. Вып. 2. Тарту, 1983. С. 55–66.

[3] Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836–1846) // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891. С. 23. (П. И. Прейс — И. И. Срезневскому, 22 марта 1841 г.)

[4] Там же. С. 26–28. (П. И. Прейс — М. С. Куторге, 29 марта 1841 г.)

[5] Там же. С. 30–31 (П. И. Прейс — М. С. Куторге, 19 мая 1841 г.)

[6] ПФА РАН. Ф. 106. Оп. 1. № 287. Л. 59–60. (Донесение от 24 апреля 1842 г.) Обзор этого фонда: *Кузнецкая О. Б.* П. И. Прейс. Обзор материалов, хранящихся в Академии наук // Деятели русской науки. Вып. II. СПб., 1993. С. 13–15. Ученые отчеты Прейса опубликованы: ЖМНП. 1840. Ч. 26. Отд. IV. С. 17–30; Ч. 28. Отд. IV. С. 1–24; 1841 Ч. 29. Отд. IV. С. 31–52; 1842. Ч. 33. Отд. IV. С. 43–62.

Воротившись из Венеции в Триест, мы (то есть Срезневский и я) предположили отправиться в дальнейший путь, а именно: в Истрию, Далмацию с островами и Черную Гору.

Поездка в Венецию объяснила мне многое в сказанных местах. Города, поступавшие под власть венециан, получали вид Венеции, если не *in folio*, то, по крайней мере, in 12°[1]. От этого в городах, подвластных некогда Республике, всюду заметно большое однообразие: *лоджетта*; *лев* — прибившийся где только возможно[2]; *площадь* перед соборною церковью на манер площади св. Марка; *езды* нет по улицам, нет шума и пыли; зато нечистота и вонь. Кое-где сходство в постройке церквей, но более всего одинаковость архитектуры домов. Вообще, города имеют довольно печальный вид. Жаль мне, что я не знал о большой распространенности итальянского языка в городах Далмации и Истрии. Немецкий здесь вовсе неизвестен; в школах ему учатся только желающие. С сербским, однако же, и кое-где с латинским, можно очень хорошо всюду пройти. Редко нам встречалось, чтоб мы были приняты не радушно. Всего чаще прием нам делан был превосходный, сверх ожиданий.

Итак, из Триеста в коляске в *Capo d'Istria*[3], отсюда попеременно то на осле, то на коне в *Contre d'Istria* <?>. Отсюда верхом в *Buje* и *St. Lorenzo*[4]. Это был самый трудный переход. Около 9 часов надо было ехать по жару. На беду еще в этот день я не совсем был здоров. Всего неприятнее было для нас то, что, приехав в полночь, мы не могли найти ночлега. Если бы не гостеприимство славянского крестьянина, пришлось бы ночевать в чистом поле. На другой день пешком в *Valé*[5] и *Перой*. В последнем месте около 200 лет существует колония черногорцев, сохранивших свою веру, нравы и язык. Здешний священник Маричевич — человек редкий[6]. На другой день мы поскакали верхом в *Полу*[7], чтобы взглянуть на остатки гигантского римского амфитеатра, на porta auera[8] и на храм Дианы. Воротившись в Перой, мы простились с почтенным Маричевичем и через *Dignano*, *Barbano* прибыли вечером в *Pisino*[9]. Утром из Pisino

[1] То есть уменьшенная копия. In folio — формат в ½ листа, получаемый фальцовкой в один сгиб. In 12° — 1/12 листа (приблизительно 80 на 51 мм) — формат, введенный XVI в. бельгийским типографом Плантеном.

[2] Лоджетта — первоначально здание для официальных встреч, затем караульное помещение в Венеции. Лев — государственный символ Венеции.

[3] Ко́пер (современная Словения). Далее Прейс называет итальянские наименования истрийских местечек.

[4] Буйе и Ловречица (современная Хорватия).

[5] Ба́ле (современная Хорватия).

[6] Чижов именует его Петром Петровичем Маричевичем: НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 44 об. (88 — в авторской пагинации). Дневниковая запись от 30 июля 1843 г.

[7] Пу́ла (Хорватия). О Перое см. подробнее в дневнике Ф. В. Чижова.

[8] Золотые ворота (лат.).

[9] Па́зин (Хорватия) в центре Истрийского полуострова. Ранее упомянуты Во́днян (*Dignano*) и Ба́рбан.

в *Fiume*[1] в один день, то есть 7 миль нем[ецких][2], кои я совершил per pedes apostolorum[3]. Это было еще ничего: большую часть дня надо было употребить на подъем на Monte-Majore и потом на спуск с этой горы[4]. Поздно вечером мы добрались до Fiume и спали так, что чудо. Отдохнув здесь несколько дней, водою через *Portoré*[5] на остров *Veglia*[6], где еще обедню служат по-глагольски[7]. Здесь мы в первый раз путешествовали водою. Прошедши весь остров из конца в конец, опять водою в *Сень* (Zeng) и отсюда в *Границу* (Militär-Grenze[8]); то есть *Брлог*, *Оточац*, *Госпич* и *Carlopago*[9]. Между Сенем (Zeng) и Carlopago почти беспрерывно тянется горный хребет, известный под именем *Велебита*. Против Carlopago находится остров *Pago*[10] — дивной формы: туда! Прошли его насквозь пешком. Отсюда перебрались на Далматский берег; хотели было в *Nona*[11] отдохнуть на ночлеге, но насекомые всякого рода не дали ни на минуту заснуть. Ходивши целый день пешком по жару и целую ночь не смыкавши глаз, пришлось опять per pedes идти далее, то есть в *Zar*'у, где ничего не нашли для себя. Из Зары в телеге по дороге, большею частью убийственной, в Kistagne[12] с поворотом в православный монастырь Крчий (Kerka)[13], где имели счастье найти превосходного игумна и пару хороших ц[ерковно]-слав[янских] рукописей. Из Крки, сев на коней, мы отправились в *Дернис* (Dernis), где были приняты семейством Мијовича, auf das Beste[14]; но еще лучше в Scardon'е[15] в доме почтенного, гостеприимного, радушного Синобада. Здесь, подле Scardon'ы находится знаменитый водопад.

До Sebenico[16] мы доехали водою: этот город всего более напомнил мне Венецию, даже самый крик торговцев и торговок. Чтобы избавиться от жару, мы отправились в *Trau* ночью в экипаже, нечто вроде качалки, и отсюда на барке в *Spalato*[17], заключающий в себе огромные остатки римского господства. Из Spalato посетили Casteli[18], коих семь. Между тем, приехал пароход, и мы, наскучив пока путешествием земноводным, решили с паром отправиться далее.

[1] Риека (Хорватия).
[2] Немецкая или географическая миля — 7420 м.
[3] Стопами апостолов (лат.), то есть пешком.
[4] Хорватское название — Учка.
[5] Кра́левица (ит. Porto Re) в современной Хорватии.
[6] Остров Крк (современная Хорватия).
[7] Глаголическая письменность и церковная служба (глаголяшство) дольше других славянских регионов сохранялась именно в Далмации.
[8] Военная граница (нем.) — особая административная единица в Австрийской империи на границе с Турцией.
[9] Карлобаг (современная Хорватия).
[10] Паг (современная Хорватия).
[11] Нин в жупании Задар (современная Хорватия).
[12] Кистанье (современная Хорватия).
[13] Православный монастырь Крка, основанный в XIV в., в 3,5 км к югу от Кистанье.
[14] На лучшее, лучшим образом (нем.).
[15] Дрниш, Скардин (современная Хорватия).
[16] Шибеник (современная Хорватия).
[17] Трогир, Сплит (современная Хорватия).
[18] Здесь: замок (ит.).

Пароход останавливался около островов *Lesina*, *Curzola*[1] и в *Рагузе*. Здесь путешествие не многое представляет для глаз. Лучшее — это плавание по заливу Катарскому, в углу которого лежит *Катаро*, городишка чистенький, имеющий гостиницу, какой мы еще не находили в Далмации. В Катаро, если отворотишься от моря, то должен идти в гору и притом в *Черную Гору*. Укрепивши себя сном, мы начали карабкаться на эту Черную Гору. До границы черногорской только тропинки, по которым подниматься в июле месяце задача не маловажная. Очень нелегко идти несколько часов так, что каждый шаг вперед есть шаг выше и притом шаг крутой, если можно так выразиться. С границы черногорских владений до *Цетинья* проведена дорога, но только для всадника или пешехода. Туда и обратно совершил я это путешествие пешком. В Цетинье, столице черногорского владыки, мне понравилось все, кроме башни, увешанной головами турков. Владыка и сам против этого «дикого бесчеловечного обычая», но не хочет приступить к уничтожению его, чтобы «не обидеть своего народа». К сожалению, в Черной Горе мы могли провести не более дня. На другой день владыка должен был ехать в Катаро, и мы с ним. Что сказать о владыке? Приходишь в удивление, слушая его и разговаривая с ним. Человек красоты мужественной, росту исполинского. В одежде он мало отличается от своих подданных; но не носит оружия и не бреет бороды, как лицо духовное. О Черной Горе в свое время более.

Из Черной Горы с владыкою и его свитою в Катаро, отсюда водою в *Castel-Nuovo* и здесь ночлег; до наступления еще ночи мы успели побывать в православном монастыре *Савине*[2], где, однако же, ничего нет особенно замечательного в числе рукописей. Вставши утром рано, воссели на коней и, переехав через турецкую границу и через прекрасную долину *Конавле*, мы прибыли в *Рагузу Старую*, где, наняв лодку, поехали в другой раз в Рагузу[3]. Найти здесь квартиру очень трудно. Гостиница одна, но в ней житья нет от насекомых разного рода. И нам бы пришлось остаться в обществе реченых насекомых, если бы человек, нам вовсе неизвестный, не предложил нам своего дома в полное распоряжение, сказав: *ви сте господари* (то есть вы хозяева). В некотором отношении очень неприятно обязываться, но с другой стороны обязываться так составляет мою внутреннюю радость.

Как ни приятно было в некотором отношении оставаться в Рагузе, при всем том надобно было спешить далее. С ночи на барке во время неблагоприятного ветра мы отправились в *Stagno*[4], ехали целую ночь и следующее утро при пении наших гребцов. Из Stagno пешком через перешеек, опять в лодку, мимо турецкой границы (Klek); ночлег на море и к утру на реке *Narent*'е в *Fortopus*[5], где воздух так вредоносен, что нам советовали sine mora[6] далее. Притом комаров такое

[1] Хвар, Корчула (современная Хорватия).
[2] См. примеч. к «Запискам...» В. Б. Броневского.
[3] См. примеч. к «Журналу» В. В. Вяземского.
[4] Стон (современная Хорватия).
[5] Опузен (современная Хорватия) на реке Неретве.
[6] Без задержки (лат.).

множество, что лезут в рот. Того ради мы и поспешили сесть в барку и отправиться далее. Ехали мучительно медленно день и ночь: было безветрие. К утру с зарей кое-как добрались до *Макарской*, откуда снова в ночь при противном ветре и даже буре потащились в *Almiss*'у[1], где и засели на три дня для списывания актов и грамот, относящих[ся] к истории Республики Полицы[2].

Срезневский на коне, я пешью из *Almiss*'ы в *Spalato*, где на другой день сели на пароход и таким образом домчались до *Fiume*. Вот тебе несколько замечаний о том, как трудно путешествовать по Далмации.

Потеешь днем от сильного жару, особенно во время путешествия. Ожидаешь с нетерпением, когда сядет солнце. Вот, думаешь, приближается ночлег и отдых. Не тут-то было: в комнатах душно, жарко; на дворе нет ни малейшей прохлады или свежести. Потеешь ночью, как и днем, при движении и без движения. Каждый час следовало бы переменять белье, если бы было возможно. От жару появляются на ногах, руках и т. д. прыщики (calori), которые с вечера начинают зудеть невыносимо. Чтобы переполнить чашу зол, которую должен пить путешественник по Далмации, надобно присоединить *легионы* насекомых, особенно в нынешнее сухое и жаркое лето. Итальянцы живут не очень чисто; в этом пункте и славяне имеют много общего с ними. Нечистота всего ощутительнее в гостиницах, где, по собственному признанию содержателей, *раз* в год пол моется. Подобные полы мы, впрочем, видели и в домах людей очень порядочных. Удивительно ли после этого, если комнаты полны насекомых всякого рода и звания. В одно и то же время чувствуешь дружное нападение клопов, блох, комаров, мух, *слышишь* и видишь мокриц, тараканов. Многих из насекомых я и назвать не умею. В Рагузе я познакомился с одним животным, длинным, тонким, быстрым в своих движениях и имеющих ног — видимо-невидимо. Его называют *стоножка* (род Scolopendra). Когда едешь верхом, нападают и овода.

Путешествие по Далмации per terra[3] сопряжено с трудностями всякого рода. Дилижансов нет. Когда есть возможность ехать в экипаже, то изволь платить ужасные деньги. Проезжих дорог очень мало. Что остается делать? Где можно, нанимаешь барку и едешь морем; в другом месте идешь пешком по тропинкам, усеянным камнем, крупным и мелким, или едешь верхом, что для меня утомительнее, нежели идти пешком. Проведши целый день на ногах, на воде или на коне — и при том день жаркий, далматинский, ищешь отдыха, и нет его!

Сверх того не везде можно иметь ночлег: гостиницы редки и в городах. Надобно иметь рекомендательные письма к тому или другому человеку, который бы тебе дал уголок.

Что сказать о мучительной жажде, которая томит варварски. Хорошая вода редка. Если бы не вино, дешевое и превосходное, то хоть пропадай. Испытал я также пользу курения. Табаком не раз приходилось очищать гадкий запах комнат.

[1] Макарска, Омиш (современная Хорватия).

[2] Старинная автономия в Далмации, известная, прежде всего, благодаря «Полицкому статуту», крупнейшему памятнику славянского средневекового права.

[3] По земле (лат.).

При свидании расскажу, что такое в Далмации Преторы и Sanità[1]: это не легче комаров.

Одно хорошо: в Далмации нет пыли.

Все, что нам говорили об опасностях путешествия по Далмации, есть сказка. Далматинцы — народ добрый, приветливый, услужливый. В этом пункте вполне можно быть ими довольным.

Во все время пребывания наше в Далмации — дождя ни капли. Нынешнее лето по суше и жару и для природных далматинцев тяжело. Виноград идет еще кое-как, но маслины, главнейшее богатство далматинцев, погибли.

Вся Далмация пересечена горами голыми, каменистыми. От этого вид большею частью однообразный, печальный; только берега залива Катарского очень хороши.

Но о Далмации satis superque[2].

Приехав в *Fiume*, я заболел: стучало в голове, жар был сильный. Я лег в постель, спал и потел, да ничего не ел, да выздоровел. Из Fiume в *Гомирье* — православный монастырь[3], — где нашли отличного игумна и sonst nichts[4]; потом в *Карлштадте*[5], где, взяв места в Stellwagen[6], покатили в Аграм. Не успел приехать в этот город и опять заболел. Вот уже десятый день, как я страдаю лихорадкою — Krobatische Fieber. Теперь лучше, и я думаю, что искусство медика, который меня пользует, скоро выгонит этого неприятеля. С этой стороны я спокоен, но вот что меня беспокоит: от тебя нет писем!

Всюду я на почтах оставляю прошения, чтобы письма на мое имя были пересылаемы в Аграм — и в Аграме ничего не нашлось[7]. Как это могло случиться, я не постигаю, но прихожу в отчаяние: у Срезневского денег столько, чтобы одному съездить в Сербию и потом по Дунаю на пароходе в Вену. Обратиться с просьбою к людям чужим? Не знаю, буду ли иметь успех. Между тем время идет: немного осталось месяцев, когда можно делать разъезды; с наступлением зимы их надобно прекратить и засесть где-нибудь в ожидании весны.

Сегодня я пишу в венский почтамт и прошу уведомить меня, не получены ли на мое имя письма и в случае положительном, переслать их сюда, также буду писать в консульство триестское. Авось добуду сколько-нибудь свету в этом темном деле. С самого Триеста мучит меня одна мысль: твое письмо затерялось на почте — и эта мысль студенит кровь мою. Ничего другого себе не могу представить, ни придумать для объяснения этого неприятного случая.

[1] Здесь, по-видимому: санитарные службы.

[2] Более чем достаточно (лат.).

[3] В районе Горски-Котар (современная Хорватия), основан в XVII в. монахами Крка. См. о нем подробнее: *Кашић Д.* Српски манастири у Хрватској и Славонији [1971]. Београд, 1996. С. 37–94.

[4] Больше ничего (нем.).

[5] Австрийское название Карловца в Хорватии.

[6] Здесь, вероятно: повозка с местами для пассажиров (нем.).

[7] Куторга должен был переслать Прейсу деньги, точнее, обязательства по кредиту от петербургского банка или вексель. Письма П. И. Прейса... С. 27.

Впрочем, надежда меня не оставляет; я думаю, что письмо на дороге и затруднение мое разрешится скоро.

О болезни моей не беспокойтесь: я в хороших руках. Жаль только время: восемь дней я ничего не мог делать, особенно от головной боли.

Посылаю вам всем мой «поздрав»[1] и надеюсь, что письмо это застанет вас веселыми и здоровыми. Засвидетельствуй мое почтение невесте или супруге: сколько времени прошло, что я не получал от тебя писем?

Хотя мне сегодня и лучше, но все-таки я устал, писавши эти строки. Итак, до следующего послания.

Твой *П. Прейс*

Письма П. И. Прейса... С. 32–37

[1] Приветствие (серб.).

И. И. Срезневский. Путевые письма

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) — один из основоположников университетского славяноведения в России. Закончил Харьковский университет по этико-политическому отделению в 1829 г. В 30-е гг. активно участвовал в национально-романтическом движении местной интеллигенции. Один собирателей украинского фольклора, издатель сборников «Запорожская старина». После неудачи с защитой докторской диссертации по юриспруденции в 1839–1842 гг. отравился в заграничную командировку[1], с тем чтобы по ее окончанию занять кафедру истории и литературы славянских наречий в Харьковском университете. Поездка в славянские земли утвердила Срезневского, раннего проводника «фольклорного романтизма»[2], в идеи «взаимности», которая ложится в основу курсов по славистике, читаемых им сначала в Харькове[3], а затем (после смерти П. И. Прейса) в Петербургском университете. Однако разгром Кирилло-Мефодиевского общества в 1847 г. и ужесточение внутриполитического курса правительства во время революции 1848–1849 гг. приводит к вымыванию демократических элементов из мировоззрения Срезневского, а его общественная позиция смещается вправо[4]. Одним из важнейших источников, относящихся к командировке Срезневского в славянские земли, являются его письма матери Елене Ивановне. По замечанию М. Ю. Досталь, «зачастую письма имели характер дневниковых записей, позволяющих день за днем следовать за молодым ученым в его путешествии...»[5] А стремление автора придать письмам занимательность придают им черты литературного произведения. Ниже публикуются фрагменты писем, относящиеся к поездке в Черногорию, которую Срезневский совершил вместе с Прейсом, и к посещению южных регионов Венгерского королевства, а также Сербского княжества осенью 1841 г.[6]

[1] Маршрут путешествия см.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 357–362.

[2] *Колесницкая И. М.* И. И. Срезневский как фольклорист (1840–1850-е гг.) // Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян. М., 1963. С. 297–328.

[3] См.: *Срезневский В. И.* Вступительная лекция И. И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // ЖМНП. 1893. Ч. 287. № 5. С. 110–133; *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003. С. 91–125.

[4] См. подробнее: Там же. С. 304–347.

[5] Там же. С. 46–47.

[6] В архивных материалах сохранились фрагментарные черновики описаний этих поездок, отличающиеся от опубликованных писем: РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. № 22 и 31. Кроме того, Срезневский направлял путевые письма В. Ганке, который публиковал их на страницах Журнала Чешского музея: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В. А. Францев. Варшава, 1905. С. 945–1108.

11 июля 1841 г., Катаро[1]

Сегодня мы выехали из Рагузы[2] в 6 утра. Я еще спал; пароход шумел колесами, юг (sciroccо) морщинил море и выл, но я ничего не слышал. Часа 3 ½ мы ехали по открытому морю; потом завернули в Bocca di Cattaro[3]. Тут море все уже, горы все выше, но у моря внизу покрыты роскошною зеленью, и между зеленью у самого моря домики такие миленькие, веселенькие, а над ними высоко стремнины скал. Теперь мы в Каттаро. Городок лежит как раз под стенами скал, и в этом месте залив мал и так окружен горами, что кажется озером. На[д] городом высятся Черные горы так, что надобно голову заламывать, глядя на них, не только в городе стоя, но и на набережной; горы дикие, стремнистые, величественные и страшные. В Каттаро живет Чевкин: с чиновником австрийским они хлопотали об определении границ между Черногорией и Австрией[4]. Он был у нас в Триесте; мы отплатили ему визит здесь[5]. Все на нас смотрят, и не один черногорец протягивал нам сегодня руку, славя московитов и Николая. Сегодня у черногорцев большой праздник: Петра, а покойного митрополита Петра тело осталось нетленным, и он считается ими святыми[6]. Очень жаль, что мы не успели быть на этом празднике. Теперь прощайте до завтра.

12 июля, Цетинь в Черной Горе

Сегодня утром в 5 часов стали мы подниматься на Черную Гору. Поднимались часа два, — подъем тяжелый, — с каждым шагом выше по крайней мере на поларшина, и кое-где чуть не карабкаясь. Крепость котарская снизу нам казалась Бог знает как высоко; поднявшись на 6-ю долю высоты, она уже была под ногами, а залив Котарский как озерцо. Далее раскрылась вся бока, а потом и море. И тут нас встретил туман. До границы черногорской тропинка пренесносная. Далее идет порядочная дорожка, стоившая больших трудов. Поднявшись совсем на гору, мы пошли по вершине далее и далее и дошли до деревни Негуши, откуда родом и владыка. Жалкая деревня. Тут мы сварили себе кофе, пили вино, ели кола́чи[7]. Далее я сел на мула и поехал в Цетинь. С проходящими черногорцами говорили мы часто. Многие останавливали нас вопросом, кто мы, но, узнавши, что мы русские, были очень дружелюбны. У одного колодца встретили процессию: знамена, образ, евангелие, крест, — священник, одетый как и все черногорцы, только риза накинута сверху. Это очень странно, когда представите, что он в опанках[1], чулках, коротк[их] шароварах, куртке и за поясом ганжар (кинжал) и пистолеты. Приближаясь к Цетини, мы увидели башню и на ней на шестах множество турецких голов. Было уже около 4 часов когда мы подошли к Цетини; епископ[2] спал, мы пришли к его брату и потом к секретарю. Между тем епископ проснулся, нас позвал, — и можете представить мое новое изумление, когда я увидел епископа Петра Петровича Негуша в таком же черногорском костюме только с бородой. Гигант[ского] роста, красавец, молодой, он говорит по-русски, французски, немецки, итальянски, очень обходителен, умен в разговоре, и с нами очень мил. В главной комнате его бильярд, по стенам ружья, отнятые у турок и портреты — Николая, Наполеона, Георгия Черного и Байрона. Николая тут все чудно любят, называя своим императором. Обедали вместе. Далее кофе и трубки. Спать. Гулять. Вечерний разговор. Опять спать. Все шумит, поет, оканчивает вечернее празднество. Черногорцы — молодцы, и владыку любят, хоть он с ними и не шутит. Цетинь — монастырь, возле него господарева куча (дворец), обведенный стеною, и несколько корчем, а в том числе и гостиница с прекрасною комнатою. Камня много — нигде столько, зелени мало; но не жарко, не душно и свежо.

13 июля, Катаро

Мы просили владыку позволить нам путешествовать по его владениям дня два-три; он, разумеется, был согласен, но сам же и отсоветовал. «Я не говорю уже о том, — сказал он нам, — что вместо хороших ночлегов вы найдете только гостеприимство бедняка, душою любящего русских, но тем не менее слишком бедного; я боюсь за ваше здоровье: пары Болота (Lago di Scutari[3], куда мы хотели идти) в это время и сильны и вредны». Мы послушались его совета и решили ехать из Черной горы вместе с ним в Катаро, тем более что такое возвращение могло быть для нас любопытнее 10 дней одинокого пути. Сегодня рано, часу в 5-м стучат к нам в двери. «Avanti» (=herein=войдите). Входит один из перьяников (гвардейцев), говоря, что господарь просит нас. Мы оделись, пошли в церковь (церковка) к гробу Петра, оттуда к владыке, напились кофе, и на коней. Нам, почитая нас за трусов, дали лошаков (мезга). Петру Ив[ановичу] лошак порвал вчера сюртук, и он пошел пешком. А я сел и ехал половину дороги. От самого выезда начались выстрелы и продолжались до Катаро, а где ехали мимо церкви начинался звон колоколов. Картина чудесная: колокола звонят, выстрелы гремят и по три, по четыре повторяются горами, караван вьется по тропинки и шумит; встречающие доверчиво глядят в лицо владыке и приветствуют его поклоном и поцелуем в свою[4] руку. И чуден караван: впереди перьяники пешком, далее

[1] Котор.
[2] Дубровник.
[3] Которский залив.
[4] О миссии А. В. Чевкина по демаркации границы, которой предшествовал длительный конфликт, см.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 275–284.
[5] Как указывалось, Срезневский совершал путешествие по Далмации вместе П. И. Прейсом.
[6] См. примеч. к отрывкам из книги Е. П. Ковалевского.
[7] Печенье (серб.).

[1] Домодельная обувь из кожи. Описание черногорского костюма см. в отрывках из книги Е. П. Ковалевского.
[2] Здесь: митрополит.
[3] Скадарское озеро.
[4] Так в тексте.

владыка, австрийский капитан Оремович[1], один из сердарей, брат владыки, два или три из сенаторов, мы, кто на коне, кто на муле, кто пешком, наш проводник, слуги владыки, — странная смесь. Мезга моя отстала, и мы с Петром Ив[ановичем] потеряли караван из виду, не доезжая до Негушей. Как бежит черногорец и говорит, что владыка ждет нас у своего дома (он из этой деревни). Я соскочил и пошел пешком вдвое скорее, нежели ехал. Дом порядочный, но устроен по-мужицки, только больше и чище. В комнате собрались все, подали кофе, потом окорок, баранины, вина. «Sans cérémonie!»[2] — сказал владыка нам и усадил около себя. Отца его мы видели в Цетини (почтен[ный] 80 лет[ний] старик); а тут живут его мать и сестра. Мать здоровая, добрая, простая женщина, глядящая на сына как на солнце; мы адресовались к ней с приветствием и по-христиански облобызались. Завтрак скоро начался и мы далее. Я пошел пешком, не отставая от владыки, и говоря с ним, о чем на ум всходило — большею частью по-французски. Так шло до границы. Тут сошли все с коней и мулов и после удалых выстрелов и криков пошли пешком все. Я сошелся с одним из перьяников, побратимился с ним и отдался в его волю, потому что без его помощи, верно, упал бы не один раз. Взошедши на дорогу большую, владыка пересел на другого коня, которого вели до сих пор под уздцы, приказал мне сесть на его первого коня, и таким образом поехали мы к городу. Мы вошли на минуту в его квартиру, поблагодарили и отправились к себе. А теперь спать.

14 июля

Сегодня мы были опять у владыки, потом пошли с ним и с Чевкиным гулять на марину[3]. Чем более с ним говоришь, тем более удивляешься ему как человеку и как правителю черногорцев. Говорит хорошо, умно, с чувством, с достоинством и без натяжки, и во всех словах видна любовь к народу так же, как в обращении черногорская простота.

Вид с марины на Катаро чудесный: внизу город, над городом крепость, над крепостию Черные Горы — град Пустин[4] и Ловчин, почти так:[5]

Но страшно жарко в Катаре: 28° и духота. Одно утешение на марине. Я только что воротился. Там все живо. На барках огни, море отсвечивает огни с противоположного берега, а над Катаром горы как тучи.

(В Катаре 2 православных церкви: Николая — большая и Луки — маленькая. Церковь, построенная Душаном, сделалась теперь главною римскою.)

<...>

[1] Вероятно, ошибка: в комиссию по разграничению входил адъютант далматинского губернатора, капитан Ф. Орешкович.

[2] Без церемоний.

[3] Здесь, по-видимому: приморский бульвар.

[4] Возможно, речь идет о планине Пусти Лисац в Катунской нахии.

[5] В тексте зарисовка вида.

Градишка[1], 18 сентября 1841 г.

Третьего дня после обеда я выехал из Загреба. Прейс и Враз с Раковцем[2] провожали меня до Максимира (епископский сад-лес в ¼ часа от Загреба), — и потом оставили одного. После 5-месячной привычки быть не одним в пути, одиночество не может быть приятно, — и мне взгрустнулось. Мы же с Прейсом жили истинно приятельски, и, кажется, вовсе не потому, что он принужден был задолжать мне 280 гульденов, след[овательно], более 600 руб.; также мы жили с ним и в Праге без обязательства друг другу. Притом мне жаль было расставаться и с Загребом, и с Кроацией[3] вообще: в Загребе я оставил не только побратима, но и истинного друга — Враза, а в Загорьи[4] — трех милых посетрим и душечку Габриелицу, и многих, кого не могу не любить. Вся прошедшая действительность сделалась мечтою воспоминания: поневоле взгрустнется. Вчера вечером я выехал в Славонию, и сегодня около полудня приехал в Градишку, глав[ный] городок Градишкого пограничного полка в Славонской Военной границе. (За путь в тележке заплатил 14 гульд[енов] сереб[ром]). В ответ на визитную карточку пришел ко мне капеллан Петек, молодой домородец[5], после пришел отставной капитан 60 лет из православных, — и после обеда мы отправились гулять. По городку нечего было ходить долго: во всем не более 300 домиков. Улицы широки и ровны; в середине очень большая площадь, покрытая зеленью, и с одной стороны ее *ходник* — аллея для гулянья. Церквей три: одна наша, две римских, из которых одна сгорела. Зелени и в городе, и около множество. Да и вся Славония в зелени: нет домика не под тенью лип, тополей, яворов и без садов сливовых и яблочных; а где отлогость, там и виноград. Мы пошли далее в Капистранский францисканский монастырь, минутах в 10 от города. Там около нас в трапезе (refectorium) собрались четыре монаха, между ними и игумен (guardianus), — и давай меня расспрашивать. Но у старика капитана была совсем другая мысль. Увидя черный хлеб, он поднялся с вопросом: «И у вас лучшего нет?» — «А, есть!» — отвечали ему. — «Да принесите хоть воды!» — принесли хлеб, пошли за водой, а капитан продолжал: «Ну а вот господин русский профессор искал по целому городу гроздья[6]. Что, г. гвардиан, ваших виноградов не побил град?» — «А, есть гроздья вдоволь». — «Ну-ка, на стол, святой отец, — вот г. профессору; да и я не прочь». Гвардиан пошел за виноградом, а между тем принесли вино. Гвардиан воротилсяс корзиной, наполненной прекрасными грушами, предлагая попробовать их, пока наберут винограду; а у капитана уже готово слово: «Знаете, святой отец, ваше вино что-то водянисто; в прежнее время бывало святые отцы только захожим нищим давали

[1] По-видимому, речь идет о Нова-Градишке (Бродско-Посавская жупания Хорватии).

[2] Станко Враз (1810–1851) и Драгутин Раковац (1813–1854) — литераторы, деятели иллиризма, загребские приятели Срезневского.

[3] Хорватия.

[4] Исторический регион Хорватии к северу от Загреба.

[5] Местный житель; в значении, какое придает этому слову Срезневский: патриот.

[6] Виноград (серб.).

такое вино». — «Есть и лучшее». Гвардиан дал ключ от пивницы, чтобы принесли старого красного. Пришло и старое красное; принесли и кошик[1] с гроздием, — и мы давай уплетать, а капитан, уплетая, приговаривал: «То-то всюду, и со святыми отцами, нужна ловкость. А? није ли истина, свети отче?»[2] Словом, заглянуть в библиотеку было последним делом; впрочем, там не нашлось ничего доброго для меня. Рефекториум понравился мне более: такое общество, как было наше, под старыми сводами, освещенными светом из окон, обросших виноградом, представлялось сценой из романа. Впрочем, я лягу: от дороги я устал, а завтра опять в путь, и я не знаю еще, как случится спать.

21 сентября, Брод[3]

Эти дни я был не один, — и теперь опять один. 19-го я и Петек поехали по пути в Брод через Пожегу. В Капистранский монастырь заехали обедать; а на вечер приехали в селение Брестовац[4] (в провинц[ии] Славонии) к приходскому священнику *Фергичу*. Его застали мы записывающим народные песни и кругом его толпу девушек. Мы обрадовались его доброму делу, он обрадовался нам, — и вечер провели прекрасно. Между прочим девушки пели песни, танцевали коло. На другое утро после завтрака рано поехали в Пожегу, где Фергичу хотелось познакомить меня с д-ром Павичем[5]. Пожега — маленький городок на Пожежском поле — стоит, прислонившись к холмам, покрытым лесами и виноградами. Славония — словно обетованная земля: все в зелени, в плодах, — и мирис (благовоние) следит за вами по дороге. В одиннадцать утра мы простились с Павичем и Фергичем, осмотревши прежде Орфанотрофиум[6] и монастырь, — и поехали в Брод. Ехали весело, а между тем, дождь лил да лил, и вымочил нас порядочно, не позволяя нам притом и ехать скоро. Только в 9 вчера приехали мы в Брод. Сегодня рано ходили мы в монастырь, в крепость и по городку. Городок весь деревянный. Крепость тоже очень небольшая рядом с ним. Оба на берегу Савы. По ту сторону Савы — Турция. По берегу ходят сторожевые солдаты. Три раза в неделю (среда и понед[ельник], пятница) бывают скелы, то есть базары для подданных турецких с австрийскими. По реке довольно барок и плавающих мельниц. Лазарет = 21 день[7]. Далее пошли мы к купцу *Берличу*, известному своей Иллирской грамматикой[8]. Он из-

[1] Корзинку (серб.).
[2] Не правда ли, святой отец? (серб.).
[3] Славонски Брод (современная Хорватия).
[4] Рядом с Пожегой.
[5] Указанный в первой публикации Армин Павич, автор «Истории дубровницкой драмы», не мог быть собеседником Срезневского, поскольку родился в 1844 г.
[6] Сиротский приют.
[7] Здесь: карантин.
[8] Игнатий Берлич (1795–1855). «Grammatik der illyrischen Sprach» (первое издание — 1833 г., второе — 1842 г.).

готовляет ее к новому изданию, имеет хорошее собрание книг, а торгует всем — и книгами, и железом, и бумагой, и полотном, и мылом и всем. Довольно образованный человек. Его библиотека и кабинет занимают уголок в его лавке, отделенный от лавки стеклянною дверью; ждя покупщика, он читает или пишет; а придет покупщик, он выбежит из уголка, продаст, и потом опять в свой уголок. Естественно, что от такого купца запросов ждать нельзя; цена определена, и все к ней привыкли торговаться ему ни охоты, ни времени нет.

22 сентября

Сегодня я ходил на *скелу*. Так называется базар между турками и граникарами[1]. Турки привозят через Саву кожи, медь, коров и т. д. Место скелы загорожено оградой так, что турок с граничаром говорить могут, но руки подать друг другу не могут, потому что решетка двойная. Деньги и товары переходят с одной стороны на другую помощию чиновника, и товары, продаваемые турками переходят через чистилище, а деньги не иначе как выкупавшись в уксусе. Все это ради чумы. Теперь карантинное время 10 дней, а недавно, за несколько дней было 21 день; бывает иногда, что и вовсе нет карантина. В 12-м часу мы поехали с Берличем в его виноградник, в получасе от Брода, — и там обедали. Время сборки винограда настало, и все собирают. Женщины собирают и поют; мужчины выжимают сок и с песнями развозят по домам. Все весело — Славония была бы раем, если бы только не была так лихорадочна; от лихорадки страдают не только чужие, но и рожденные тут.

23 сентября, Винковцы.

Сегодня в ½ 9-го выехал я из Брода, и приехал сюда в Винковцы вечером в 8. Славония всюду одна и та же, всюду прекрасно. Народ одет не богато, но чисто, и между девушками чуть ли не пятая — красавица. Между сельскими домиками попадаются нередко отштукатуренные, крытые черепицей. Семьи, как и у нас в Великороссии, очень велики.

24 сентября, Вуковар.

Винковцы — маленький военный город. Нечаянным образом я попал тут на ночлег к почтмейстеру и вместе содержателю корчмы. На мой вопрос, есть ли особенная комната, он отвечал: «найдется, найдется». И между тем она не нашлась; а на другое утро я заплатил ему за дрянной его ночлег, соус вечером и кофе утром — флорин серебром. В Винковцах я познакомился с литератором

[1] Граничарами, жителями австрийской Военной границы.

капелланом Топаловичем[1], — и с ним вместе поехали в Вуковар, важный торговый городок на Дунае, — и прямо в Франциск[анский] монастырь, где гвардианом Гаджич — врлый домородец[2]. Он оставил меня ночевать, и мы болтали с ним до полуночи.

25 сентября, монастырь Ковешдин[3]

Сегодня я начал странствие по монастырям православным Фрушкогорским. Их 13; все менее или более богаты и основаны сербскими царями во время турецких первых нападений. Фрушка-гора не гора, а долгая пологость. Монастыри расположены по ней с обеих сторон. Места богатые всем — и полями, и лесами, и виноградами. К обеду я приехал в монастырь Прибина глава[4]; а ночевать — сюда. Ковешдин отлично построен. Игумен — старый добрый человек. Все теперь хлопочут здесь собирать виноград. Народ весел, поет и пьян. Я видел, как делают вино: глядеть гадко.

26 сентября, Митровица[5]

Из Ковешдина я поехал в Шишатовац сегодня утром в 8 часов. Дорога идет по равнине, влево Фрушкогорские отлогости, а вправо и впереди простирается огромная равнина, известная под именем ровного Срема, — и далеко вправо, за Савой видны сербские горы — Цер и Валево. В Шишатовце — архимандрит, принял меня очень ласково. До обедни мы ходили по саду осмотрели церковь, ризницу и библиотеку. В церкви почивают мощи царя сербского Стефана Уроша[6]; оне уже 300 лет тут, в монастыре. Церковь довольно просторна и очень хороша. Драгоценных вещей и риз много. Обедня — как и у нас, напев, впрочем, иной. После обедни обед — и далее в Бешетово[7]. Это тоже монастырь. Церковь очень старая, но древностей особенных нет. Зато настоятель монастыря протосингел[8] — молодой красавец, немного похож на черногорского владыку, милый, образованный человек. От Бешетова до Митровицы — с небольшим час. И вот я опять на границе, на Саве. Сегодня воскресенье, и я застал Митровицу в полном уборе; но меня не могло [не] поразить, что я увидел в кофейном доме, где

[1] Мато Топалович — участник иллирийского движения.

[2] По предположению первого публикатора: Никола Хаджич — хорватский просветитель и педагог. Врлый домородец — здесь: горячий патриот.

[3] Правильно: Кувеждин — монастырь, основанный в XVI в.

[4] Правильно: Привина Глава — монастырь, основанный в конце XV в.

[5] Сремска Митровица (современная Сербия).

[6] Вероятно, ошибка: речь идет о мощах св. Стефана Щиляновича (?–1515), перенесенных в Шишатовац

[7] Правильно: Бешеново — монастырь, основанный в конце XIII в.

[8] Здесь: эконом монастыря.

остановился: около бильярда офицеры и девушки, по лицам которых нетрудно узнать, кто они. Митровица может быть сравнена с Чугуевым[1]; ну что бы сказали у нас, если бы в Чугуеве офицеры в публичных местах миловались с продажными девами. Я пошел гулять и на площади увидел то же самое: те же пары; а заходя к одному офицеру на квартиру, я застал офицерских супруг десятком на крыльце с детьми. Как это мило! Ворочаюсь к монастырям: все они в оврагах, так что увидишь церковь только тогда, когда уже перед носом. Келейные домы в 2 яруса, и очень хороши. Комнаты для гостей особенно прекрасны. Кругом дома сад, а далее или лес, или виноградники. Монахи живут, как коты в масле. Теперь виноберба[2]. По дороге я встречал бочки с иконой; они ставятся от церквей: желающие бросают в них гроздья в пользу церкви. Виноград — ешь не хочу. Продают не фунтами, а кистями: полная тарелка стоит копеек пять. Слив тут тоже множество; они уже собраны; из них делается водка.

27 сентября, Крушедол

Сегодняшний день начался для меня прогулкой по городу Митровице: небольшой, но порядочный городок. По другую сторону Савы — Сербия, именно деревня Ган[3]. Православная церковь просторна и хороша. Есть шелковая фабрика: на ней можно видеть, как красивы сремские девушки; пятая непременно очень хороша. Из древностей есть несколько римских саркофагов. В ½ 10-го я выехал, и к обеду поспел в дрянной город Руму. Через час потом был в городке Иреге[4], а через полчаса потом в монастыре Опове (Хопове). Игумен старичок; есть Кормчая XVI века; церковь XVI века; да больше и ничего. Оттуда поехал я в монастырь Гергетек. Прекрасно лежит, окруженный садом; архимандрита не было дома, и потому я разделался с этим монастырем скоро. В получасе оттуда монастырь Крушедол, знаменитейший из Фрушкогорских монастырей. Архимандрит старичок, 79 лет и препочтенный старичок. В 7 часов мы пошли ужинать, и теперь ½ 9-го, а я уже в своей комнате. За ужином пили ваше здоровье, милая маменька.

28 сентября, Варадин (Petrowardein)

Это имя, то есть Петровардеин, можете найти и на карте, на Дунае между Пестом и Землином, а зная, где Загреб, приблизительно узнать и путь мой. Между тем вот приключения мои сегодня. Утром после кофе пошли мы в библиотеку с архимандритом, и там провели часа два: есть любопытные

[1] Город Харьковской области, известный восстанием «военных поселян» 1819 г.

[2] Сбор винограда.

[3] По-видимому, современная Мачванска Митровица.

[4] Ириг.

рукописи и разные любопытные вещи; между последними есть сосуды, архиер[ейские] шапки, жезлы, ризы от 300 и более лет. Русские вещи ценятся и берегутся более всех других. В 10-м часу я сел в телегу и в 11 приехал в Карловцы (Karlowitz)[1]. Дорога идет через Фрушку-гору. Вид с верху нее чудесный: направо Срем, как на ладони, и вдали чуть виден Белград и сербские горы, между которыми особенно возвышается Авала; а налево Банат и Венгрия с Дунаем — бесконечная равнина. В Карловцах я посетил директора гимназии Геркича[2] и с ним провел все время. Тут резиденция православного архиепископа, начальника всей православной паствы в Австрийской империи. Последний Станкович умер, и еще никто не избран на его место[3]. Комнаты, библиотека, даже погреб — все заперто и запечатано, и ничего нельзя было видеть. Православная соборная церковь очень, очень хороша и велика. Вот план:[4] Пол устлан мрамором. Над переднею частью церкви овальный темный купол. Иконостас доверху. Что мы называем папертью, то тут называют женскою церковью, и женщины действительно стоят в ней исключительно. Все церкви более или менее построены тут по этому образцу. Кроме этой соборной есть в Карловцах еще 2 православные церкви и одна римская. Сам городок очень нечист. С выездом из Карловцов мне не совсем посчастливилось. Обыкновенно платится 40 копеек до Варадина, а я заплатил 160 коп., и то насилу сыскал телегу; а от Митровцы до Карловцов заплатил только 5 рублей, то есть 2 гульдена серебром. Сюда приехал я в 6 часов, езды ¾ часа, и дорога очень хороша. Варадин стоит на левом берегу Дуная. На правом берегу Дуная город Нови Сад (Neusatz). Через Дунай мост. Пришедши туда искать знакомых я нашел, наконец, сенатора Гаджича, писавшего для Сербии законы[5], и в его семействе провел весь вечер. Разговорчивый человек, имеет милую жену. Живет прекрасно. Господствующий язык сербский, до того, что дочка, вышедши мне навстречу, не умела отвечать мне по-немецки. Она дитя еще, но в других домах и в пеленках дети говорят по-немецки. Звали меня завтра обедать, но я едва ли могу, потому что должен ждать парохода. А завтра — София: мать Хаджича и дочушка — именинницы. Завтра София. Где-то я буду завтра в тот час, когда за два года расставался с вами, душенька маменька! Сегодня в это время я сидел с вами на софе и мечтал о пути. Теперь тогдашние мечты — действительность, а мечтою, желанием, стало быть дома, сидеть с вами. Ох, хочется.

[1] Сремски Карловци.

[2] Яков Герчич — первый серб, назначенный директором гимназии по настояниям С. Стратимировича в 1825 г.

[3] Стефан Станкович — карловацкий митрополит (1837–1841). Умер 31 июля.

[4] В тексте рисунок.

[5] Йован Хаджич (литературный псевдоним Милош Светич; 1799–1869) — юрист, историк, писатель, оппонент В. С. Караджича.

30 сентября, Землин.

На другой день познакомился с Иоанновичем, профессором, издателем Бачкой Вилы[1], с д-ром Шафариком[2]. Обедал у [Х]аджича, потому что пароход должен был придти к вечеру. [Х]аджич и Шафарик провожали меня до берега, но парохода мы не дождались: он пришел вечером и остался на ночь. Сегодня утром, в 6-м часу он двинулся, — и в 12 я вышел на берег в Землине. Дорога очень незанимательна. С Чевкиным опять встретились: он едет в Россию. Землин порядочный городок. Белградская крепость и Белград рисуются вблизи. Есть развалины замка Гуниада[3].

Целую ручку вашу, милая маменька. Боже мой, как давно я не посылал вам письма[4]. От Реки до Землина! Кланяйтесь знакомым.

Адресуйте письмо Ганке в Прагу[5]: он лучше знает, где я.

Из[маил] Ср[езневский]

1 октября, Белград

Я «смешался» (ich bin gemischt), я в Сербии, я в Белграде. Помните ли, когда-то в космораме[6] глядели мы на Белград и Саву, текущую под ним; в то время было во мне не столько надежды, сколько желания быть в нем. Долго росла надежда — и исполнилась. Еще вчера я визировал свой паспорт в Землинском генерал-командо и санитете (карантинное начальство) — и меня записали в число переезжающих в Турцию с тем, чтобы там остаться и «смешаться». Такие, ворочаясь назад, должны выдержать карантин. Это сиденье 10 днями; я не мог не решиться десятидневным сиденьем заплатить за путешествие по Сербии, тем более, что у меня теперь есть что делать, и десять дней заключения мною потеряны быть не могут. Сегодня я пошел в таможню, потом в корабельное начальство, которое должно было приготовить мне лодку для переезда, и на правом берегу простившись с добрым Марианновичем[7], всюду меня водившим, вскочил в лодку. Три солдата гребли, два чиновника — один от санитета, другой

[1] Петр Йованович (1800–1855) — профессор Новисадской гимназии, адвокат, издатель альманаха «Бачка вила».

[2] Янко Шафарик (1814–1876) — профессор белградской Великой школы, племянник П. Й. Шафарика.

[3] Венгерский регент Янош Гуниад (Иоанн Гуниади, 1444–1456).

[4] Срезневский высылал свои записи порциями, там, где мог воспользоваться услугами почты. В публикации эти блоки записей нумерованы. Так, например, эта запись заканчивает блок № LVI.

[5] Вацлав Ганка (1791–1861) — чешский филолог и поэт, постоянный корреспондент Срезневского.

[6] Живописная панорама, где с помощью оптических иллюзий создавался эффект безграничности изображаемого.

[7] Вероятно, Степан Марьянович (1802–1860) — журналист, писатель, художник, сотрудник Л. Гая.

от таможни — меня провожали. За Землином должно было показать паспорт сторожевому офицеру, ведущему счет всем, приходящим из Сербии и идущим в Сербию. Мы ехали до Белграда около ½ часа — прежде вдоль по Дунаю, потом через Саву у ее устья, и вверх по Саве под белградской крепостью к пристани: можно бы и в 10 минут приехать, но был противный ветер. Приставши, солдаты вынесли мой багаж (то есть сумку, шляпную коробку и зонтик; остальное я оставил у Марианович, взявши только самое необходимое), положили на песок; чиновники простились со мною и оставили меня одного. Они не смели «мешаться», то есть прикасаться ни к чему белградскому. Тотчас явился момак (хлопец), серб, предложил мне свои услуги. Я велел ему вести меня и нести мои вещи в дом русского консула. Тут русским консулом Ващенко (Герасим Васильевич)[1]. Он принял меня ласково, послал искать квартиру, попотчевал по турецкому обычаю табаком и кофеем и пригласил обедать. За обедом я познакомился с его женою: премилая женщина, жаль, что болезная. В 5-м часу он зашел ко мне, чтобы идти к брату прежнего князя сербского Милоша, Ефрему[2]. Дом прекрасно меблирован и украшен. Его самого я, однако, не видал, а его жену. Женщина простая, но приветливая. Одета по-сербски: на голове шапочка, обвязанная платочком и волосами и надеваемая несколько набекрень. На юбку надевается кофточка с рукавами без пол, а сверх ее — бархатная, опушенная соболем другая курточка без рукавов. Очень мило. Девушки одеты также, только на голове нет платочка.

Потом пошли к Тиролю[3], бывшему учителю княжеской фамилии, которого Ващенко рекомендовал мне как человека, лучше других могущего мне помогать в моих исследованиях. Оттуда гулять, и далее к Ващенку чай пить. Ужинать я не остался, да и есть не хочется. О городе могу сказать немного: он стоит при впадении Савы в Дунай; на стрелке на возвышении стоит крепость, находящаяся как и все сербские крепости, в руках турок, а далее город[4]. В крепости, где живет трехбунчужный паша, я еще не был; в городе улицы кривы, довольно узкие, домики довольно бедные, большею частью из дерева, есть, впрочем, и несколько хороших кирпичных домов, и несколько других строится. Лавки всею передней стеною открыты; в лавках портняжных и сапожных работники рабо-

[1] Г. В. Ващенко (1790 — после 1850) — первый глава русского консульства в Белграде, открытого в 1838 г. (оставался в долности до 1843 г.). О его ранней дипломатической карьере см.: *Медведева О.В.* Г. В. Ващенко — первый российский консул в болгарских землях // В «интерьере» Балкан. С. 244–257.

[2] Срезневский оказался в Белграде в период, когда у власти находился младший сын Милоша Обреновича Михаил (1823–1868), уже поссорившийся с так называемыми уставобранителями (оппозиционерами-конституционалистами). Его дядя Ефрем Обренович (1790–1856) занимал в 1839–1842 гг. должность председателя Государственного совета (до совершеннолетия племянника — один из наместников Сербского княжества). Соответственно, в описываемое время его прежний пакт с вождями уставобранителей был тоже разорван.

[3] Дмитрий Тироль (1793–1857) — издатель «Банатского альманаха» и «Урании», воспитатель детей Ефрема Обреновича.

[4] Здесь в подлиннике рисунок. (Примеч. первого публикатора.)

тают открыто и зимой, и летом. Мечетей множество: церковь наша только одна, с наружности прекрасная. Сербы одеты, почти как черногорцы или далматинцы, в шароварах, поясах, за которыми пистолеты, и куртках, с красными шапками на головах и косами. Языка другого не слышно, кроме сербского. Высшее общество начинает, впрочем, поговаривать по-русски. У Ващенка люди понимают и даже отчасти говорят по-русски, а сам он, жена и тетка хоть и говорят по-сербски, но плохо, и чаще по-русски. Мне все удивляются, что я в короткое время научился говорить по-сербски. Комната моя довольно чиста, довольно хорошо меблирована. Да, чтоб не забыть: переезд из Землина в Белград стоил мне 3 гульд[енов], 38 крейц[еров] сереб[ром], то есть 8 руб. асс[игнациями]; 1 гульд[ен] 18 кр[ейцеров] в санитете, 1 г[ульден] 30 [крейцеров] в корабельном заведении, остальное на водку солдатам и прочее.

3 октября

Вчера я был с Тиролем у Ефрема, у некоторых из чиновников, в типографии и пр. Сегодня утром были важные визиты. Сначала мы поехали с Ващенко к паше (в крепости белградской сидит трехбунчужный паша[1]). В сенях и передней множество прислужников и офицеров. Направо из передней довольно большая зала, прямо — две комнаты кабинета. Паша встретил нас вежливым поклоном, вышедши из другой комнаты. Ему 40 лет; он очень красив собою, хоть и с бородой; одет в венгерскую а́тилу[2], а на голове красная шапка, похожая на казацкую и с большою шелковою кистью. Усадивши нас на диваны, он начал было говорить по-французски, но как ему это худо шло, то перешел в турецкий, и Ващенко был драгоманом[3] в том, что относилось ко мне. Комната довольно небольшая на полуевропейский манер: по одной стене широкий турецкий диван, по другой — кресла, у третьей — диван европейский; есть этажерка с книгами; сама комната окрашена желтой нечистой краской, довольно высока, с полусводом и довольно темна. Угощенье началось тем, что подали варенье с водою. Далее подали трубки и через несколько минут кофе. Я курил, наконец, мне наскучило, я оставил; паша подумал, что у меня погасла трубка, и предложил другую; это свело разговор на куренье табаку. Я спросил, употребляется ли кальян или, как турки называют, наргиле, и признался, что никогда еще не видел кальяна. Паша велел подать — и подали: графин с водою до половины и с трубкою, всаженной вместо пробки, стал на полу, а мне подали конец огромного трехсаженного кожаного чубука; но с куреньем разом не пошло: воздух из чубука надобно сильно втягивать в себя, так что вода в кальяне от этого бурлит. Паша расспрашивал, где я ездил, и даже сказал несколько слов о филологии. Перед уходом

[1] Полный генерал. Срезневский познакомился с Чамил-пашой — белградским визирем в 1840–1843 гг.

[2] Гусарский мундир.

[3] Переводчиком.

он велел подать портфель и попросил меня записать свое имя. От паши мы поехали к князю Михаилу. После резигнации отца своего Милоша и смерти старшего брата Милана, он остался владетелем Сербии 16 лет[1]. Довольно высокий, довольно хорошенький, несовсем здоровый молодой человек, мало образован, но очень добр. С ним разговор был о балах, которые он хочет составить зимою, и о театре, который также хочет образовать. Я заметил ему, что лучше бы всего было начать с театра дилетантов. От князя зашли к княгине Любице, его матери[2]. Умная старуха, хоть и простая. Одета по-сербски. А князь имеет русский военный мундир, который введен и в войско сербское. Далее поехали к митрополиту[3]. Ученый, образованный человек, старающийся о просвещении духовенства. Тут трубок не курили, но без кофе дело не обошлось. Кофе подается здесь в маленьких чашечках, без блюдечек. Отсюда Ващенко поехал домой, а я далее к Ефрему на обед. Тут познакомился со всем его семейством, то есть с 4 дочками, из которых одна замужем, а три девушки, и одна — Анка — была недавно в Вене. Все три одеты по-европейски, а говорит одна Анка[4], и по-сербски говорит прекрасно. Два часа прошло очень приятно. Далее приехал князь (Ефрем ему дядя), — и я, посидевши немного, отправился восвояси. Вечер провел у Ващенка, чай пил, ужинал, болтал.

5 октября

Вчера я обедал у министра народного просвещения[5], а вечер провел с Тиролем. Сегодня был в нормальной школе и в Лицее[6]; а вечером опять у министра. Завтра предполагаю выехать в Сербию. Правительство, слыша, что Надеждин стороною несколько жаловался на свое путешествие по Сербии[7], и не желая, чтоб то же самое повторилось со мною, отрядило одного из чиновников, провожатых мне. Извозчика я уже договорил: за все путешествие, которое продолжится не менее 13 дней, плачу ему 36 гульденов, то есть около 86 руб. асс[игнациями]. Лучшие извозчики в Сербии — турки, то есть те же сербы из Боснии или Булгарии, только магометанского закона: они держат слово и не пьют.

[1] Резигнация — отречение, покорность неотвратимому (лат.). Из-за конфликта с уставобранителями Милош, ссылаясь на расстроенное здоровье, подписал отречение 1 июня 1839 г. и затем покинул Сербию. Власть перешла сначала к его старшему сыну Милану (1819–1839), который умер спустя месяц.

[2] Княгиня Любица Обренович (1785–1843) ввиду конфликта с мужем первоначально поддержала уставобранителей и осталась после отречения Милоша в Сербии.

[3] Белградский митрополит Петр Йованович (1833–1859).

[4] Первая сербская писательница.

[5] Вероятно, Стефан Радичевич (?–1870) — попечитель просвещения и правосудия, в 1840–1842 гг. он являлся председателем правительства.

[6] Лицей обосновался в Белграде в 1841 г., до этого он располагался в Крагуевце (учрежден в 1838 г.).

[7] См. вступит. ст. к «Черногорцам» Н. И. Надеждина.

В Белграде и вообще в Сербии дороже всего квартиры и слуги. За квартиру в 3–4 комнаты, вовсе не отличных, платят в год до трех червонцев. Деньги считают талерами (каждый 2 гульд[ен] = 4 р. 80 к.), цванцигерами (двугривенными), также дукатами (червонцами = 2 талера каждый), грошами (3 крейц[еров] сереб[ром] = пиастр); а мелочь турецкая, о которой я еще не имею понятия.

8 октября, Лужницка ме'ана[1]

«На колјену ситну књигу пишем»[2].

Вчера в 10-м часу я выехал из Белграда. Для сопровождения моего по Сербии назначен особый чиновник министерства внутренних дел С. Милодрагович, молодой человек родом из Эрцеговины[3], бывший в Далмации, Боснии и пр., довольно видевший, довольно знающий Сербию. Дан и особенный паспорт... и, что всего чуднее, правительство — я еще не знаю, кто именно, — назначило даже издержки на мое путешествие. Это мне кажется не только странным, но и не приличным. Издержками заведывает мой проводник; я постараюсь, однако, заплатить за все и теперь записываю издержки. Итак, вчера мы выехали. Прекрасная земля — Сербия: плодоносные поля, лесу множество, виноград, рогатый скот, овцы, свиней, свиней и чудо жирных, всего вдоволь, а по дороге встретишь одни ме'аны (постоялые дворы), селения же в разброде: домик там, а домик там, два-три видно во всей окрестности; можно подумать, что народу нет, а между тем, в Сербии до миллиона жителей. Эта невидимость жилищ человеческих, без сомнения, следствие турецкого владения. И в ме'анах видно, что землей владели турки: они построены на турецкий манер, без столов, почти без стульев, без ножей и почти без вилок, и совершенно без женщин. От этого нечистота. Дороговизна изумительная.

Дорога в Крагуевац как наша сельская; вратницы (околицы) попадаются очень часто; с горы на гору беспрестанно, и с каждой горы раскрывается новый вид на окрестные горы или долины и леса. Человек встречается довольно редко, особенно женщины. В ме'анах можно достать вино, курицу, хлеб, яйца, кофе, редко молоко и вдоволь сыру. Ночевали мы в Сопуне[4]: тут есть меана и господарев (княжеский) конак (ночлег); меана как меана, а конак немного лучше: это домик в 4 комнаты совершенно пустых, кроме одной, в которой на полу сено покрыто ковром. Тут спали и мы. Таких конаков по дороге до Крагуевца два, есть еще один в Жабре[5]. Сегодня думали мы дойти до Крагуевца, но запоздали, — и ночуем — чудесно. Представьте себе чуланчик без оконца; половину заняло сено, покрытое ковром. Место стульев маленькие низенькие

[1] Механа, постоялый двор. Местечко Лужнице расположено на белградском направлении недалеко от Крагуевца.

[2] Парафраз строки из сербской народной песни, в вольном переводе: «На колене письмецо пишу».

[3] Герцеговины.

[4] Возможно, Сопот, расположенный рядом с Младеновцем.

[5] Жабар (Жабари).

скамеечки, а вместо стола — софа, то есть толстая круглая доска на крошечных, в 1 четверть аршина вышиною ножках. Мы поели сыра, попили вина и чаю, — и вот я пишу — по восточному обычаю на колене. Недурно, особенно, когда все кругом сидят, поджавши ноги, или на цыпочках, в широчайших шальварах, с длиннейшими усами. Народ сербский очень красив и, если не добр, то, по крайней мере, с характером. Теперь он начинает отдыхать от прежних бед. Недавно ездил князь по Сербии; народ всюду встречал его с восторгом, и говорил ему: «Мы рады платить не по 5 талеров с головы, а и по 8, и по 10, и по 12, лишь бы не было буны (возмущений) »[1]. Теперь народ платит так: всякий женатый по 5 талеров, а если отец имеет два женатых сына, то сам ничего не платит, а если имеет 4 женатых, то платят только 3 из них. Народ богат, хотя и живет чрезвычайно бедно; есть много мужиков, имеющих по 1000 и по 2000 червонцев капитала. Свободны, однако, все; по селениям заводятся училища, и никому не преграждено ни учиться, ни переступать со степени на степень выше.

9 октября, Радковачка ме'ана

Сегодня у меня для писанья есть и стол. Какой — сейчас скажу; а прежде вот, как прошел мой день. До Крагуевца оставалось нам 3 часа. Проснулись мы рано, но долго ждали молока, и в Крагуевац приехали в 9 утра. Здесь нашли мы что-то вроде комнаты с кирпичным полом и с длинным, во всю стену диваном, широкими и мягким. Тут явился к нам помощник окружного начальника, предлагая услугу для «обозрения достопримечательностей» города. Вы знаете, что Крагуевац был еще и году нет главным городом Сербии, в котором князь Милош царствовал как в Цареграде султан. Итак, в Крагуевце должен быть дворец, должны быть дома правительства и т. д., и т. д. Мы пошли прежде всего на ча́ршию, то есть главную базарную площадь. Сегодня суббота — базарный день (в целой Сербии базар по субботам, только в Белграде в субботу и понедельник — для жидов) — и чаршия полна народу. Женщины в старинных народных костюмах; мужчины тоже в длинных рубахах сверх штанов, но в турецких капах, и народ, особенно мужчины, чудесный — рослый, плечистый, усачи, юнаки. Дучаны (лавки), как в Белграде. Далее пошли мы по уличкам... Идя мимо одного светленького домика, я похвалил его чистоту, а хозяин оказался наш проводник, и пригласил нас зайти. Вот план домика: 1) широкий крытый конк (галерея), 2) кабинет хозяина с диванами, 3) кухня, 4) спальня, 5) гостиная[2]. Сад и двор в чудесной чистоте; равно и в доме все как будто [все] только перемыто и перечищено. Угощение началось трубками. Далее вышла хозяйка в опушенной соболями коротенькой шкуртельке, и поднесла нам варенье с водой. Потом явилась со сливовицей. На-

[1] До свержения князя в результате так называемой «вучичевой буны» (предводитель Т. Вучич-Перишич) в сентябре 1842 г. оставалось меньше года. Одним из мотивов выступления стало повышение подушной подати до 6 талеров.

[2] В тексте план.

конец, с кофе. При всяком выпивании было пожелания здравия. Когда мы уходили, она уже была без шкуртельки, и проводила нас за ворота. Хозяйственность сербок мне очень нравится; но унижение их перед мужчинами, чуть не турецкое, приводит в досаду. Далее пошли мы в конак (дворец) господарев (княжеский). Здание в два яруса с огромным конком посредине, а с трех сторон комнаты. Приемная невелика, украшена вся кругом диванами и покрыта коврами, на стенах портреты, большею частью русских царей, и портрет Николая вместе с образами. Перед домом древний римский памятник; двор большой и перед двором сарай с 9 пушками; через уличку еще несколько домов, принадлежащих к конаку, и среди улицы кухня. По другую сторону речки Лепеницы церковь — довольно бедненькая с деревянною папертью. Пообедавши, мы переждали дождь и поехали. Дорога живописна и большею частью лесом. В лесу был страшный ураган, о котором я прежде знал только по романам. Наш кучер Мехмед-Мулла, едва-едва мог отыскивать проход: дорогу завалило переломленными деревьями; мы заметили даже несколько вырванных с корнем, и каких! Дубов сажень в 8 вышиною. Вот почему мы и принуждены были ночевать, не доехавши до порядочной меаны. Эта, в которую мы заехали, вот какова: большие сени и среди них огонь; направо один закоулок с борошном[1], другой с вином, третий с лошадьми. Нам послали мокрого сена в винном закутке, а я за писанье: сыскал бочонок с капустой, покрыл софрой[2], засветил восковой огарок, по счастию случившийся в моей сумке, — и хорошо. На наши вопросы: что есть за ело[3], ответ был готов: ничего. Достали только кусок хлеба из проса да горячей воды для чаю.

10 октября, Залагоевац

Легли. Пошел дождь. Сквозь черепицы он идет свободно, и нас промочило порядком. Целый день мы шли сегодня по грязи. Перед вечером попали [на] сопутника, который и довел нас в это село. Меаны тут нет, и мы остановились у одного селянина. Впереди сени с огнищем; с одного боку соба (комнатка) с женскою кроватью, а с другого другая с разными разностями. Эту нам очистили, разослали соломы, покрыли ковром, накурили ладаном. Ждем ужина. Я сижу на своей сумке и опять пишу на колене; потому что ни стола, ни стула. Ужинать будем по-турецки, сложивши ноги под себя на постели. Народ превежливый, прегостеприимный. *NB*. Не знавши, где живет кмет (сельск[ий] староста), мы взяли за проводника мальчика и девочку. Когда они нас довели, мы дали им по пиастру; мальчик взял монету и стал рассматрвать, а потом спросил: «шта је то»[4]. Он думал, что пуговица: так тут знают дети деньги. Да и вообще деньги мало известны; а природное богатство изумительное.

[1] Продовольствием.

[2] Софра (тюрк.) — стол.

[3] Какая есть еда, что подаете?(серб.)

[4] Что это (серб.).

13 октября, Баня[1]

Ни вечера, ни третьего дни не мог взяться за перо. Третьего дни к обеду приехали в городок Крушевац, дрянной, довольно разбросанный; но знаменит тем, что в нем жил знаменитый князь Лазарь[2]. До сих пор сохранилась развалина башни от дворца, в котором жила, как говорит предание, царица Милица, его жена; есть также и церковь, построенная Лазарем; после битвы на Косовом поле она была разрушена отчасти и стояла так до последнего времени, пока князь Милош не возобновил ее. Стены остались целы, а потому и теперь можно судить о вкусе времени Лазаря, и бранить его нельзя. Мы было заказали обед в кафане[3], но курицы не нашлось, и нас пригласил к себе обедать секретарь суда. Он из австрийских сербов, жена — тоже, и хоть одета по-сербски, но очень разговорчива и чужих мужчин не стыдится, и в доме хозяйка. После обеда поехали далее, думали ночевать в монастыре св. Романа[4], опоздали и принуждены были переночевать в простом шалаше у перевоза через реку Мораву. Шалаш очень велик, хорошо сделан, но ветер и холод пробивает насквозь; а огонь на огнище угас еще до полуночи. В шалаше мы нашли только кусок хлеба да сено. Вчера приехали часу в 10-м в Алексинац. Тоже дрянной городок, но важный по положению: он стоит близ турецкой болгарской границы и имеет карантин; еще недавно был он дрянным селением. В Алексинце мы остановились у помощника окружного начальника, и приняты им очень ласково. Тотчас по приезде нам дали трубки, потом жена вышла с вареньем, далее с водкой, потом с кофе, и угощавши нас, хотела еще приложиться к нашим рукам; это конечно не допущено было, и мы поцеловались с ней по-старорусски. Перед обедом дочь, девушка прехорошенькая, подала нам умыть руки, и за стол не садилась ни она, ни мать. После обеда опять мытье рук. За ужином тоже. За ужином, как и за обедом, пили здоровье покровителя Сербии Николая. После ужина пришла дочь снимать с нас сапоги; а когда я предоставил труд этот самому себе, то она пришла с водою, чтобы мыть ноги. Отказаться от этого было мне всего труднее. Церемония продолжалась до половины 10-го. Расположиться с писанием было негде, и я просто лег. Главная комната убрана совершенно по-турецки: на полу во всю комнату ковер, на ковре по стенам подушки; на этом ковре были и нам постланы постели. Сегодня рано утром, после кофе, мы поехали далее, — и я в знак моей благодарности поцеловал руку хозяйки: это было так ново для нее, что она покраснела. В Алексинце мне показывали карантин, прекрасно устроенный; он занимает целую улицу: с одной стороны амбары для очищаемых товаров, а с другой — комнаты для людей; есть комната и для гостей не из простого народа, есть конюшня для лошадей; есть и парлаториум, как в Броде и Митровице[5]. В Алексинце я наслушался довольно о прежнем

[1] Врнячка Баня.
[2] Герой-мученик легендарной Косовской битвы 1389 г.
[3] Кофейня, трактир (серб.).
[4] В 20 км от Крушевца. Основан в конце XIV в.
[5] На р. Саве.

и теперешнем состоянии несчастных болгаров: турки поступают с ними хуже, чем со зверями. Каждый день идут они толпами в Сербию снискать кусок хлеба. Недавно один христиан[ский] купец был пашою нишским ограблен, потому что он ворочался из Вены в Турцию с деньгами, полученными за проданный товар; другой купец был одним турецким помещиком не только ограблен, но и убит. От Алексинца до Бани 5 часов; по дороге мы не нашли ни одной меаны и принуждены были голодать до Бани. Тут мы обедали и остались на ночь. Баня — крошечный дрянной городишко и имеет свое название от целительных серных вод; еще турки построили над водами баню, а Милош пристроил к бане домик для себя и большой дом для гостей, посещающих воды. Мы ночуем в молошевском конаке; я купался и потом лежал, отдыхая, с полчаса; вода очень горяча в том месте, где она течет в цистерну, яйцо варится в 15 минут.

15 октября, Чуприя (то есть Мост)

Вчера мы сделали малый переезд в Ражань, в 6 часов от Бани, городок (или как тут называют паланка) в несколько домиков. Товарищ мой захворал, а квартиру достали мы не лучше той, какую имели в Колибе <?> на Мораве. Удивительно, что во всей Сербии стеклянные окна чрезвычайно редки и летом до холодов окна стоят совсем раскрытые, а зимою заставляют кончиками из бумаги. В нашей комнате окно не имели также стекол. Притворили ставень, но остались щели, а ночь была сырая, и дул ветер; и надобно было заложить щели соломой. В комнате и была печь, но не топилась целые полгода, и след[овательно], надо было удовольствоваться горячими углями, которые принесли в большой сковороде. На возвышении, занимающем большую часть горенки, разосланы ковры, и мы разлеглись. Я напился чаю и согрелся. От Раженя до Чуприи 8 часов. Через два часа приехали мы в село Шупеляк[1]; тут строится прекрасная мензуль'ана, то есть станция для верховых лошадей. Других почт в Сербии нет; а за верхового коня платится в час по 2 гроша или пиастр; кто хочет ехать скорее, тот берет едек, то есть запасных лошадей, потому что станции велики, — от 4 до 6 и 8 лошадей. В городке Парачине построен новый хороший мост через Црницу. И Парачин похож на Ражань, но чаршия богаче. За Парачином видели мечкаря, то есть водящего медведя. В 5 часов приехали сюда, и с помощью различных начальников нашли порядочную комнатку, чистую и полную мириса (благоухания) от дунь (дуня или туня — плод в роде яблока, только тверже и больше[2]); они рядом лежат на полочке под потолком вокруг всей комнаты, а в потолок воткнуты раз[ные] цветы, особенно цмилы (immortella)[3] и босилье (василек), также кадифе (бархатки) и пр. Пишу опять на колене. Погода опять разыгрывается. Чуприя стоит на правом берегу Моравы; кругом — обширное

[1] Шупляк.
[2] Айва.
[3] Бессмертник.

поле, а кругом его — далеко горы. Морава широка. Через нее строится мост; он будет деревянный, но основания на берегу кладутся так прочно, что впоследствии может быть поставлен и каменный.

17 октября, Луковица[1]

Опять два дня не писал; а есть что записать для будущих воспоминаний. Вчера утром в сопровождении начальника и эскадронного командира мы ходили осматривать чуприйские казармы. Они порядочно построены и очень часты; конюшня очень хороша. Вся кавалерия сербская (260 челов[ек]) состоит из уланов, стоящих в Белграде, Крагуевце и Чуприи. Офицеры учились в России, в новороссийских военных поселениях. Одежда совершенно русская; ухватки тоже. На месте, где стоят теперь казармы, была прежде крепость, и народ вспоминает о латинском царе Траяне[2]; теперь от крепости остались кое-где камни в земле. Из Чуприи мы намерены были посетить два монастыря, а дорогу к ним не знали, — и потому получили от начальника проводником пандура (слугу в начальстве). Пандур одет по-турецки, хорошо вооружен и на коне. Монастырь Раваница отстоит от Чуприи 2 часа и совершенно загребен в узкой долине между горами и лесом. Церковь строил князь Лазарь; подле церкви развалины 2 башен: одна Лазаря, другая Милоша Обилича, была и третья — Вука Бранковича, но разрушена[3]. Особенное чувство рождается, глядя на эти остатки древности, воспеваемой народом в песнях. В монастыре игумен и 4 монаха. До последнего времени после Косовской битвы все монастыри сербские были во власти турок и употребляемы как конюшни[4]. В церкви сохранилась, однако, еще старинная живопись. Подле есть пещера (печина) очень глубокая, по преданию, идущая к Черной Реке. Монашеское угощение заставило нас запоздать и остаться на ночь. Сегодня утром поехали мы в другой монастырь — Манасию на р. Ресаве. Подъезжая к нему, видишь только горы покрытые лесом, а у подошвы скалы и между ними узкое ущелье, по которому течет Ресава. Далее долина расширяется, скалы увеличиваются, и вдруг между ними и роскошной зеленью выказываются огромные старинные башни, соединенные стеною, желтые, обросшие деревьями и мхом. Вид поразительный. Вошедши в ворота, изумляешься еще более: если развалины так огромны и величественны, каково должно быть все это новым. Бóльшая из башен — замок Стефана Деспота, Сына Лазаря, строившего все это. Церковь, влево на дворе, — очень велика и величава; живопись еще видна; еще более видны следы разорения. Алтарь пуст, иконостас из простых досок с 4 образами, священник в отрепьях; кельи жалки, да и монахов всего-навсего 2. После обеда поехали мы далее, не успели доехать до городка Свилейнца[1], и ночуем тут у мужика: соба[2] изрядная, сена вдоволь, ковров тоже, надеюсь выспаться, как следует.

[1] Пригород Свилайнца.

[2] Чуприя находилась на античном пути, соединяющем Рим с Константинополем.

[3] Главные герои косовского эпоса. Согласно преданию, Вук Бранкович, один из зятьев Лазаря, оказался завистником, клеветником и предателем, что и привело к трагедии поражения сербского войска.

[4] Монастырь неоднократно подвергался нападениям и разрушениям, но иноческая жизнь в нем не прекращалась столь надолго, как представляется Срезневскому.

19 октября, Смедерево

Утром вчера оставалось нам полчаса до городка Свилейнца, мы выехали тут на господарский конак, хотели только отдохнуть, но срезский начальник не пустил нас без завтрака, а завтрак приготовлялся как обед, и мы выехали в 11. Как везде, так и тут пилось за здравие покровителя Сербии Николая и сербского князя, а я прибавил: «и сербского народа». Свилейнац имеет хорошую чаршию. Ночевали во Влашском доле — в жалкой мужицкой куче[3]. Дорога до Свилейнца прекрасная, местами как шоссе. Обедали сегодня в городке Пожаревце. В нем есть господарские конаки: тут жил князь Милош довольно часто. Кругом города — равнина. Ночевать приехали сюда в Смедерево (Семендрия). Довольно большая варош[4]. В крепости, строенной Юрием Бранковичем[5] и теперь населенной турками, находится 19 башень; вид ее очень хорош, но она вся в развалинах, и домишки турецкие точно волошские. Кстати: от Манасии и даже прежде мы видели довольно волошских сел. Страшно взглянуть на домишки, в которых живут волохи: точно хлевы, крошечные, без окон, без дверей, сквозят. В Смедереву дучанов (лавок) множество, но домиков, хоть несколько порядочных мало. Благодаря начальнику, впрочем, мы имеем маленькую комнатку. Дунай в глазах.

22 октября, Землин

Знаете ли вы, что такое «контраманц»[6]? Это светленькая комнатка, в которой стоит стол, два стула, кровать, вешалка для платья, печь и sonst nichts[7]. Перед окнами решетка, за решеткою двор; с другой стороны двора такая же решетка, и за решетками такие же комнатки, как и эта; из-за домиков видно 2 церкви — римская и наша. Решетка перед домиком всегда заперта на замок; ключ у определенного слуги, который приходит, приносит все, что нужно, и уходит, замкнувши крепко комнатку на замок. Ко мне могут приходить посетители, но разговор идет через решетку под строгим присмотром, чтоб разговаривающие со мною «не помешались». Это вам землинский контраманц, то есть контумац, то есть карантин — и в нем я заключен на 10 дней. Как я попал в этот контраманц, о том следует

[1] Правильнее: Свилайнац.

[2] Комната (серб.).

[3] Дом (серб.).

[4] Город (серб.).

[5] Георгий Бранкович — сербский деспот в 1427–1457 гг.

[6] Здесь: карантин.

[7] Больше ничего (нем.).

реляция. 20-го я выехал из Смедерева после осмотра крепости. Целый день ехал, и вечером в 7 часов приехал в Белград, когда уже его джами (мечети) были все освещены (что бывает каждую ночь в рамазан, недавно начавшийся). Тотчас к Иващенку[1] и до 11 проболтал. На другой день визиты министру внутренних дел[2], министру просвещения, князю, митрополиту, Обреновичу, генералу Даниловичу (служившему в русской службе более 50 лет) и пр.; обедал и вечер провел у Ващенковых. Сегодня опять визиты, обед у Ващенка — и на лодку. Тироль и Милодрагович меня провожали до Землина и сдали в контраманц. А путешествовал я по Сербии точно даром: так желал князь, и, прощаясь со мною, сказал: «Мы дорожим и должны дорожить такими путешественниками, как вы». Ну что еще сказать! И вчера, и сегодня Ващенковы кормили меня прекрасной кашей. Этим, кажется, должна окончиться и каша моего письма. Что я буду писать из моего заключения? Посмотрим как-то пройдут эти 10 дней.

1 ноября, Землин

Я еще в карантине, но вот скоро явится ревизор, осмотрит вещи и пустит нас на свободу. Многие уже отпущены. Сегодня, надобно знать, отпускаются все без исключения, и карантин растворяется. Если бы я все это время прожил в Белграде, то бы и в карантине не был. Впрочем, своим пребыванием в карантине я доволен: занимался без помехи. И скучно не было. Марианович посещал меня ежедневно. Несколько приходил ко мне генерал Гауер[3]. Он тут по каким-то политическим, а я, вы знаете, тоже политическое лицо!

Я вышел из карантина, переселился в новую квартиру, а через полчаса получил пакет от Гауера, который был сегодня в Белграде и взял у Ващенка для передачи мне: в нем Прейс прислал мне разные письма, между прочим, и ваше письмо под № 47 от сент[ября] 15. Душевно радуюсь вашей поездке в Киев; а брата жаль. Позволение остаться еще на год добыл; нельзя ли вам, душенька маменька, спросить кого-нибудь в университете, посланы ли мне деньги? Целую ручку; писал бы и более, да негде. Поздравьте, хотел сказать кланяйтесь (по-сербски, поздравьте) Рославского, Метлинского[4].

Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 227–230, 243–261

[1] Ващенко.

[2] Цветко Райович (1793–1873).

[3] См. о миссии австрийского генерала С. Гауера, который превысил полномочия, морально поощряя противников Обреновичей: *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995. С. 22–23; *Он же.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 44–45.

[4] Товарищи Срезневского по Харьковскому университету: историк Александр Петрович Рославский-Петровский (1816–1871) и поэт и этнограф Амвросий Лукьянович Метлинский (1814–1870).

А.Н. Попов. Путешествие в Черногорию

Александр Николаевич Попов (1821–1877) — историк, выпускник юридического факультета Московского университета, в конце 1830-х — 1840-е гг. принадлежал кругу «молодых славянофилов». В 1842 г. он отправился в Берлин для усовершенствования в философии, где слушал Шеллинга, но не долго, и, пользуясь случаем, в том же году (дважды!) посетил Черногорию. Как сообщает другой «молодой славянофил» В. А. Панов, когда 29 сентября (11 октября) 1842 г. он прибыл в Котор, то встретил там своего приятеля Попова, который возвратился из поездки в Черногорию, где находился почти две недели. Узнав, что Панов отправляется туда же, Попов решил еще раз посетить эту страну вместе с ним. Вторичный визит длился еще две недели с 30 сентября (12 октября) по 14 (26) октября[1]. Таким образом, общее время пребывания в стране составило около месяца. Ф. В. Чижов, встретившийся с Поповым следующей осенью в Италии, возлагал на него надежды как на будущее «русской науки», независимой от западных идей[2]. Введение к «Путешествию в Черногорию», вышедшему в свет в 1847 г. выдержано в духе славянофильской доктрины. Однако в дальнейшем, сохраняя симпатии к славянам, Попов дистанцировался от масштабных историософских построений.

Глава I. Приезд в Рагузу, дорога от Рагузы до Катаро и оттуда до Цетина; знакомство с владыкою Черногории

Наконец наш пароход обогнул горы и чрез porta di ombla[3] вошел в совершенно круглый залив, ограниченный со всех сторон горами. Ни одной волны не было в заливе: он лежал ровно, как стекло, голубой и прозрачный. Окружающие горы не были голыми и бесплодными верхами, как большею частию по берегам Далмации; но покрыты зеленью масленичных садов и виноградников, над которыми кое-где возвышались кипарисы. Вокруг всего залива живописно разбросаны здания Гравозы, предместья Рагузы[4].

Лишь только остановился наш пароход, я спрыгнул в первую попавшуюся лодку, причалил к берегу и отправился отыскивать нашего консула. Догадливые далматинские мальчишки, которые всегда толпами окружают пристани,

[1] Встреча с Европой. Письма В. А. Панова матери М. А. Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841–1843) / сост. Т. Ивантышынова и М. Ю. Досталь. Батислава, 1996. С. 61–67. Сохранилось «черногорское» письмо А. Н. Попова А. П. Елагиной от 10/22 сентября 1842 г. (НИОР РГБ. Ф. 99. П. 9. № 58. Л. 14–15 об.), к сожалению почти не читаемое. Среди писем Попова сестре Варваре Николаевне из заграничного путешествия подобных не найдено (ОПИ ГИМ. Ф. 231. Д. 7).

[2] Н. М. Языкова и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. / публ. И. Розанова // ЛН. Т. 19–21. С. 110. Ф. В. Чижов — Н. М. Языкову, 12 ноября 1843 г. С. 126. 29 июня 1844 г.

[3] Устье Омблы (ит.). Река Омбла (Rjeka), снабжающая Дубровник пресной водой, считается одной из самых коротких рек в мире.

[4] Это и название залива.

сей час поняли, что мне нужно, несмотря на мой выговор, и толпою пошли провожать меня. Консул в это время жил на даче в Гравозе, в двух шагах от места, где мы причалили, и в несколько минут я уже был в его доме[1].

После ласкового приема, узнав об моем намерении побывать в Черногории, он сказал, что теперь мне предстоит самый для этого удобный случай. Владыка черногорский здесь и на нашем же пароходе отправится в Катаро. Ядолжен был ехать вместе с ним. Нельзя было найти благоприятнее случая, как приехать в Черногорию вместе с самим владыкою. Консул советовал мне еще здесь познакомиться с владыкою, и я сей час же отправился к нему в город. Рагуза отделена узким горным перешейком от Гравозы и лежит на берегу такого же круглого залива. Старик-далматинец, который провожал меня в город, дорогой рассказывал о владыке, часто прибавляя «добар чоек и леп чоек, Богами»[2].

У ворот города, подле небольшой кофейни стояло много народа. В городе все улицы покрыты были народом, который прибывал все более и более и, наконец, густыми толпами теснился вокруг дома, в котором жил владыка. Перед домом гремела музыка, с одной стороны стоял отряд турецкой конницы, с другой — несколько черногорцев. Только войдя в город, я узнал, что здесь и визирь герцеговинский. Воскресный день, присутствие владыки визиря взволновали весь город. Шумный говор, гром музыки и разнообразные одежды придавали особенный характер толпе; здесь были и турки, они красовались на арабских конях или, лениво развалясь у домов, курили трубки; черногорцы, которые с трагическими жестами шумно разговаривали между собою или, опершись на посеребренные ружья, гордо и равнодушно смотрели на толпу; рагузские пандуры и, наконец, окрестные жители, все в роскошных и живописных костюмах. Странно было видеть в этой толпе европейцев, в их бедных костюмах, и особенно австрийских чиновников, отличавшихся странною шапкою, вроде гречневика[3], с поднятым вверх козырьком. Подойдя к дому, мой спутник сказал черногорцам: «Вот русс пришел к владыке». «Русс», — повторили черногорцы и бросились обнимать меня. Через несколько минут я очутился в комнате, где сидели владыка и визирь, окруженные черногорцамии турками. Они съехались здесь для заключения мирного договора[4]. «Русс», — сказал черногорец введший меня в комнату.

Ко мне подошел молодой, стройный и прекрасный черногорец, в котором я сей час узнал владыку. В качестве господаря Черногории, ведя переговоры с визирем, он был одет в национальный черногорский костюм. На голове — красная феска, обвитая черным платком в виде небольшой чалмы; ярко-пунцовый джамадан (вроде жилета), роскошно шитый золотом, обнимал его крепкую грудь, широкий кожаный пояс, за которым обыкновенно черногорцы носят кинжал и пистолеты, перепоясывал белую гуню (вроде сюртука), обложенную золотым галуном, сверх всего —пунцовый элек (куртка без рукавов), тоже шитый золотом, широкие шаровары по колена, чулки и башмаки; таков был костюм черногорского владыки. Анненской звездою и лентою через плечо он отличался от других черногорцев[1]. Воинственный и живописный костюм так хорошо соответствовал его прекрасному и выразительному лицу, сильному сложению и высокому росту.

[1] Имеется в виду русский консул в Дубровнике Иеремия Гагич.

[2] Хороший человек и красивый человек, ей-богу (серб.).

[3] Гречневик (иноск.) — род шляпы, напоминающий формой печенье из гречневой муки.

[4] Речь идет об очередном соглашении по поводу длительного пограничного конфликта вокруг спорного Грахова между Петром II Петровичем-Негошем и Али-пашой Ризванбеговичем от 12/24 сентября 1842 г. См. подробнее: *Аншаков Ю.П.* Становление... С. 270–271.

Он приветствовал меня чистым русским языком и представил визирю, который был родом серб, Ризван Беговић, хотя магометанин! Чрез несколько времени визирь уехал. «Будьте как дома», — говорил мне владыка, его прямодушное открытое лицо, простота и естественность в обхождении, привлекательные манеры располагают к нему с первого разу. Через несколько минут я в самом деле был как дома. «Какое огромное пространство разделяет Россию и Черногорию, — говорил владыка, — и вот как скоро мы сошлись, видно родство племенное сильнее географических разделений. Русский и черногорец всегда братья, когда и где бы ни встретились».

Вскоре владыка отправился к русскому консулу, пригласив меня провести вместе вечер. А я пошел осматривать город. Рагуза — небольшой городок, окруженный стенами, как большая часть городов Далмации, с тесными улицами и разнообразным характером. Разнородность составляет вообще отличительную черту всей Далмации. Самою природою ее жители делятся на бесчисленные общины, обозначенные особым характером, у каждой свой костюм, свои обычаи и прежде было свое правление. Рагуза принадлежит к числу таких общин и некогда была одною из сильнейших республик Далмации. Даже теперь, несмотря на единство государственного управления, в жизни ярко выступают множество разнородных начал, которые с первого взгляду поражают путешественника. Взойдя в любой далматинский город, вы услышите вдруг три языка: итальянский, которым говорят горожане, немецкий — язык чиновников и сербский, которым говорит весь народ. Присоединив еще к этому язык латинский в католическом богослужении и школах, получим четыре языка, из которых каждый имеет право на гражданство. Немецкий — как язык правительства, итальянский — как язык образованного класса далматинцев, давно уже объитальянившихся и смешанных с итальянцами; латинский — как язык латинской церкви и учености и, наконец, сербский — как язык всего народа. Подобное положение не дает возможности ни одному из языков развиваться свободно. Пройдите по любой улице в далматинском городе — вы увидите много зданий, построенных в венецианском вкусе, увидите кое-где льва, герб Венеции, и рядом с ним австрийский орел; в одном месте развалины укреплений, построенных еще мадьярами, в другом — французами, австрийцами, русскими

[1] Николай I наградил владыку орденом Св. Анны I степени за урегулирования пограничного спора с Австрией в начале 40-х гг.

и вдобавок ко всему этому древние греческие и римские развалины. Некогда берега далматинские были усеяны греческими колониями; в Черногории видны до сих пор огромные развалины Диоклитеи, город Спалатро[1] выстроен из развалин диоклетианова дворца или в самом дворце, как говорит предание. Когда авары разрушили Салону (640 г.), жители ушли во дворец Диоклетиана и после, оставшись в нем, образовали целый город (Palatium, spalatium, Spalatro, сплет), до сих пор среди города во многих местах видны остатки дворца. Множество древних монет и памятников искусства находят во всех местах Далмации. Сколько разнородных стихий соединилось на этом узком клочке земли! И эти стихии не тихо входили и сливались в одно, вследствие взаимного сочувствия, — нет, они постоянно боролись между собой и борются. Народность славянская борется с влиянием итальянцев и немцев, православие с латинством, и эта последняя борьба составляет средоточие всех других и продолжается через всю историю Далмации. <...>[2]

Скоро я осмотрел весь город и пошел к православной церкви, которая стоит на вершине горы, отделяющей Рагузу от Гравозы. Она не велика и бедна снаружи, кругом разбросаны груды камней, часто обвитых плющом и увенчанных тяжелолистными кустами алоэ; виноградные лозы живописно вьются по стенам церкви; подле нее несколько кустов розанов, покрытых цветами и два-три кипариса. Узкая дорожка проходит мимо церковной паперти и за ней обрывистый скат к морю. Направо видна Рагуза и весь ее залив, налево — залив Гравозы, прямо — прибрежные горы Далмации и синее Адриатическое море. Сидя на паперти, я любовался видом, как вдруг подъехал ко мне верхом на коне владыка: он возвращался в город от консула.

«Вам нравятся горы, — сказал он, — вы еще не соскучились по своим равнинам; можно восхищаться прекрасною природою, но любить только свою родную. Черногорец ни за что в мире не променяет своих гор».

Он сошел с лошади, и пешком мы пошли в город. Со всех сторон стекался народ — посмотреть на прекрасного властителя грозной Черногории.

«Они с любопытством смотрят на меня, но я не думаю, чтобы дружелюбно, — говорил владыка, — им еще памятно то время, когда черногорцы, помогая русским, взяли и разрушили Рагузу».

Вечером турецкий визирь заехал проститься к владыке. Проводив его, все отправились на пароход и там провели ночь.

На другой день в 5 часов уже начался обычный шум на пароходе и разбудил меня. В шесть часов я уже был на палубе. Пароход вышел из залива и мчался в Катаро. День был чудесный, ярко горело солнце, небо и море блистали

[1] Сплит (современная Хорватия). Далее повествуется история его создания на месте дворца императора Диоклетиана (245–313), находившегося у власти в Риме с 284 по 305 г. Диоклетия (славянская Дукля, которая примерно совпадает с современной Черногорией) считается местом его рождения. Античный город Диоклетия (Дукля), развалины которого имеет в виду Попов, находятся недалеко от Подгорицы.

[2] Выпущен фрагмент о прошлых религиозных конфликтах.

его лучами, и резко рисовались прихотливые изгибы гор; они идут вдоль всего берега, от которого не удаляется пароход до самого Катаро. Море было тихо и едва-едва колебалось, блистая мелкими серебристыми блестками, которые то вспыхивали как звезды, то потухали на зелено-голубом прозрачном полотне моря. Только вокруг парохода шумело море, под колесами клубилась пена и серебряным фонтаном сыпались и переливались искры от солнечных лучей, отраженных волнами. Резкая светлая линия отделяла море от неба, так же блестящего, как и море. Кое-где были белые облака, остатки ночи, но они скоро бежали на запад, и легкою, преходящею тенью туманили море. Вдали было видно в разных метах несколько судов. Налево по берегу тянулись горы, серые и каменистые, изредка покрытые скудною зеленью, за ними — другие, выше и также бесплодные, за другими — третьи, бледною, прозрачно-лиловою краскою рисовались на голубом небе.

Мы скоро миновали Ragusa Vechia[1] и вдали уже виднелись утесы, окружающие Катарский залив.

Все пассажиры были на палубе, но не толпились и не шумели, как прежде. Присутствие черногорского владыки водворило порядок. Он сидел задумчиво, окруженный старшинами, хладнокровно курившими свои трубки, и, кажется, не обращавшими никакого внимания на толпу. Австрийцы выискивали средства, как бы заговорить с владыкою, а трое албанцев молча стояли вместе, прислоняясь к решетке, и смотрели на владыку. Это были самые шумные из наших спутников, они родом из Скутари и возвращались домой из Триеста, куда ездили по торговым делам. Но теперь и они замолкли. Наконец, один из них, видя, как дружелюбно обходился со мной владыка, подошел ко мне и сказал: попроси господаря, чтобы он позволил нам поцеловать его руку. «Да ведь вы латины[2], — отвечал я, — а он православный епископ». «Мы соседи и уважаем его», — отвечал албанец. «Но вы с ним враги?» — «Так что ж, он юнак и добрый человек». Я передал владыке просьбу, и он исполнил их желание. Все столпились вокруг владыки, только несколько молодых черногорца стояли на краю парохода и что-то шумно спорили. Я только что обернулся, чтобы вслушаться в их речи, как по воздуху полетел апельсин, и вслед за ним раздалось несколько выстрелов, порядочно перепугавших дам и австрийцев. «Стой, — закричал один из переников, — надо стрелять по порядку». Они спорили между собою, кто на лету попадет в апельсин. Выстрелы магнетически подействовали на черногорцев. Они все оживились, каждый поднял ружье и осматривал, хорошо ли заряжено. Выстрелы раздавались один за другим.

Время прошло незаметно, обед уже был готов. Когда мы встали из-за стола, пароход подошел близко к утесистой скале, повернул направо и вошел в porta rosa[3]. Перед нашими глазами открылся огромный и живописный Катарский залив, окруженный утесистыми горами. На склонах гор были разбросаны дерев-

[1] Ragusavecchia — итальянское название Цавтата.

[2] Здесь: католики.

[3] Здесь: вход в Которский залив.

ни, вдали виднелись стены Катаро, скудная зелень покрывала горы, и только один Ловчин, у подножия которого лежит город, а на вершине — черногорская граница, был лишен всякой растительности и голыми серыми грудами камней высоко поднимался над соседними горами.

«Взгляните на наших черногорцев, — говорил мне владыка, — им так и хочется спрыгнуть с парохода, чтобы поскорее бежать в родные горы». В самом деле, они все собрались на носу корабля и с напряженным вниманием и молча смотрели на Ловчин.

Смеркалось, когда мы вошли в Катаро, и на другой день, едва занималась заря, мы уже всходили на Ловчин по новоустроенной австрийцами дороге. Мы ехали молча, только то один, то другой черногорец забегал вперед, и не раз сам владыка пускал вскачь лошадь по дороге, бесчисленными изгибами вбегающей на отвесную высоту горы. Лишь только мы въехали на самую вершину, раздались сотни выстрелов, и вся толпа развеселела и живо разговорилась между собою. Надо было оставить лошадей и несколько времени идти пешком. Один старик-черногорец, принимая у меня лошадь, спрашивал: «Какого цвету наши горы?»

«Серые», — отвечал я. «Такие же, — продолжал он, — какими сотворил их Бог, а Наполеон говорил, что будут красные, что он польет их нашей кровью!» С вершины Ловчина открывается странный своею дикостью, но вместе с тем и величественный вид: серые вершины гор, каменистых и бесплодных, беспорядочно поднимаются одна над другою, не видно ни растений, ни животных, ни следов человеческого жилья. Вдали ярко блистала освещенная солнцем часть Скутарского озера, а за ним снежные горы, а по другую сторону тихо колебалось Адриатическое море.

Пробираясь по узким излучистым тропинкам, часто, чтобы сократить дорогу, оставляя тропинки, перепрыгивая и карабкаясь по грудам камней, мы миновали одну из вершин Ловчина и спустились в небольшую долину. Среди долины пробирался ручей, между грудами голых камней, только местах в трех из камня были сделаны небольшие квадраты, в них наложена земля и засеяна кукурузой и картофелем. Вся Катунская нахия бесплодна и усиленным трудом удается выработать клочок земли бедному черногорцу; и с какой тщательностью он ухаживает за этим почти единственным своим имуществом! Со всех сторон огораживает каменною стеною, чтоб ветер не разнес и дождь не смыл слоя земли, очень неглубоко лежащего на грудах камней. Катуняне по бесплодию гор не могут иметь и больших стад, и если имеют, то для прокормки угоняют их в другие нахии, более плодоносные. Вдали видно было несколько деревень и изба, хорошо построенная и обнесенная тыном. Это куча капитана Лазаря, дяди владыки. Когда мы приблизились к ней, хозяин, бодрый старик, вышел навстречу с вином, поцеловал руку владыки, во-первых, предложил ему, и потом, обнесши всех нас, приглашал в свой дом. Этот дом расположением похож на наши постоялые дворы, он разделен на две половины, в одной — чистые комнаты, в другой — изба с большою печью, впереди — длинная галерея с навесом. При входе в дом нас встретило несколько женщин, они целовали руку

у владыки и потом у всех остальных черногорцев, наших спутников, — таков здесь обычай, женщины целуют руку у мужчин. Хозяин радушно угощал нас кофеем и завтраком, который состоял из вареной ветчины и плодов.

Смотря на необыкновенное радушие, с которым хозяин угощал всех и каждого, я говорил владыке: «Черногорцы сохранили славянское гостеприимство».

«Это самый святой у нас обычай, если бы кто пришел в дом заклятого врага, то и тогда он в нем в безопасности: всякий вступивший под кров дома — брат и друг».

При этом владыка рассказал мне о посещении Черногории саксонским королем[1] и негодовал на французские журналы, которые по этому случаю удивлялись, как он мог так рисковать своею жизнью.

«Они не понимают, — говорил он мне, — что значит славянское гостеприимство, и привыкли считать за разбойников народ, который своей веры и свободы не променяет хотя бы на золотые узы. Другие журналы уверяли, что мы были необыкновенно счастливы посещением короля, и что я униженно принимал его, — нет, свободный черногорец ни перед кем не унизится».

«Несколько лет тому назад вот было какое происшествие, которое доказывает, как безопасен иностранец в Черной Горе: он гость и пользуется правом гостеприимства. В Цетин пришел шваб[2]; заметили, что у него было много денег, после мы узнали, что он был подосланный шпион. Когда он возвратился в Катаро, черногорец, провожавший его, соблазнился, зная, что деньги с ним, и с пистолетом в руке требовал кошелька, тот закричал, и вдруг из-за камня вышли двое других черногорцев. Узнав о происшествии, они спросили провожавшего черногорца, правда ли это. Не смея явно солгать, он отвечал: да, и вслед за этим признанием раздались два выстрела и убили его наповал. Эти два черногорца были старшие братья провожатого. И брата не пощадили они за нарушение законов гостеприимства».

После полудня мы продолжали наш поход далее к Цетину. Между домом капитана Лазаря и Цетинскою долиною есть одна довольно обширная долина Негоши. В ней живут 10 племен, разделенные на 10 отдельных сел, построенных на скатах гор одно возле другого. Здесь родился владыка, тут его дом, в котором до сих пор живут его родители. Боясь опоздать в Цетин, мы проехали мимо Негошей. Только владыка заехал повидаться с своею семьею, обещав нагнать нас на дороге. Уже солнце начало садиться, когда мы вошли на вершину последней горы, отделяющей Цетинскую долину от Негошей. Перед нашими глазами открылось все Скутарское озеро, часть Рецкой и Черницкой нахии[3] и глубоко внизу обширная Цетинская долина, ровная и покрытая зеленью: ее со всех сторон окружают бесплодные горы, но далее к Скутарскому озеру уже видны были горы, покрытые зеленью виноградников. Солнце светило, когда мы спустились в долину, и была темная ночь, когда подъехали к дому владыки.

[1] В мае 1838 г. Цель посещения — изучение флоры Западных Балкан.

[2] Здесь: австриец.

[3] Правильнее: Риечская и Црмницкая нахии. Попов и далее использует искаженные названия этих нахий.

Глава II. Цетинская долина, географическое описание Черногории, рассказ о битвах в местах около Спужа и Подгорицы и при Морачах

Переход через горы меня сильно утомил, и на другой день я спал еще крепким сном, когда в мою комнату вошел переник и от имени владыки приглашал к завтраку.

Мне была отведена комната в доме владыки и рядом с его собственным помещением. Этот дом построен недавно и есть самое большое и лучшее здание по всей Черногории. Одна его часть занята Сенатом и квартирами сенаторов и народного секретаря, в другой живет сам владыка и некоторые из его приближенных. Он окружен невысокою каменною стеною с четырьмя башнями по углам.

Когда я вошел к владыке, он был уже занят делами, толпы черногорцев теснились в первой комнате, которая служит приемной, столовой и биллиардной. Все желали знать, чем кончились переговоры с визирем, война или мир с Босниею. Один рассказывал о состоянии дел на границе боснийской, другой — герцеговинской; одни говорили о внутреннем порядке или беспорядке в разных селах, племенах и нахиях, другие приносили частные жалобы на суд владыки. Каждый поочередно подходил к нему, целовал руку и потом с трубкою в руках, такою же необходимою принадлежностью черногорца, как и оружие, непринужденно и свободно передавал свои известия. Черногорцы по личному уважению к владыке любят приходить с своими спорами на его суд, несмотря на существование судов земских; у них силен обычай третейского суда и владыка в этом случае представляется третейским судьею. К нему свободный доступ всем и во всякое время. Часто, когда мы гуляли по долине, встречали нас тяжущиеся черногорцы. Тут же, сидя на камне, владыка выслушивал их просьбы, тут же произносил суд и отсылал их в Сенат для окончательного решения.

Все утро проходит у него в подобных занятиях, иногда он присутствует в Сенате, если есть какие-нибудь важные дела. В 4 часа обед самый простой и умеренный. Между тем как готовили к столу, я вышел в другую комнату, где помещена библиотека владыки. Здесь были произведения почти всех лучших русских писателей, много французских и итальянских книг; здесь нашел я много французских журналов, которые получает владыка, и даже «Северную Пчелу»[1]. Странно было видеть внутри Черной горы, которая слывет и до сих пор гнездом разбойников, все признаки просвещения. Образованный предшественник владыки Петр внушил ему любовь к просвещению и литературе; г. Милутинович, замечательный сербский поэт, был его воспитателем[2]. Владыка следит за всеми успехами просвещения, но вместе с тем остается вполне черногорцем и пламенно любит свою родину. Третья и последняя комната владыки, которая

[1] Петербургская проправительственная газета под редакцией Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина.

[2] Сима Милутинович-Сарайлия (1791–1847) в 1820-х гг. являлся «народным секретарем» митрополита Петра I Петровича-Негоша.

вместе и его спальня, вся увешана оружием, над письменным столом — портрет императора Николая.

Обыкновенно после обеда назначались прогулки по Цетинской долине или на окрестные горы. Подле дома владыки, на уступе гор, построен небольшой монастырь, со времен Черноевича[1] он служит митрополией. Несколько раз он был разрушаем турками и выстраивался снова. Когда в последний раз турки проникли в Цетинскую долину, палатка Кара-Махмуда[2] стояла на небольшом возвышении называемом Даново бердо, возле монастыря, а вокруг лагерь его двадцатипятитысячного войска. Каждое утро и вечер с этой горы турки палили из пушек в знак своего господства над Черною горою. Кара-Махмуд по примеру предшественников хотел тоже разрушить монастырь и поручил это дело Бею Соколовичу. Подойдя к монастырю, он сам полез на кровлю, чтобы сорвать крест, стоявший над алтарем, но вдруг упал и внезапно умер. Неожиданная смерть Бея поразила турок, и они не тронули монастыря. В нем две небольшие церкви, бедно украшенные: в одной из них лежит нетленное тело владыки Петра, которого черногорцы признают за святого и называют святопочившим. Когда теперешний владыка лет пять тому назад задумал переделать церковь, роя землю близ нее, случайно открыли нетленную гробницу и тело владыки Петра. На крик итальянца «un santo, un santo»[3] сбежались черногорцы, пришел владыка и торжественно перенес тело в главную церковь. Стех пор святой Петр считается покровителем Черной Горы. Каждый воскресный день бывает служба в этой церкви. Услышав в первый раз литургию по всем нашим обрядам, слыша на ектинье государя нашего императора Николая Павловича и потом владыку черногорского и патриархов православных, мне казалось, я возвратился на родину.

Кроме двух церквей в ограде монастыря есть небольшое здание, где помещается архимандрит — других монахов нет в Цетине. Тут же были и комнаты владыки, в которых теперь устроена школа. У ворот монастыря на площадке несколько пушек, отнятых у неприятелей, некоторые из них с вензелем Наполеона. Между монастырем и новым домом владыки видны следы разрушенного здания — здесь по преданию был дом Черноевича. Недалеко от него, на одном из предгорий горного хребта, ограничивающего долину, Орлий верх, стоит башня. В нее складывают турецкие головы. Многие из них видны из-за зубцов башни. Там лежит и голова Кара-Махмуда. Возле нового дома владыки построено несколько небольших, но чистых домиков; многие из них принадлежат его родственникам. Таков Цетин, он похож более на пустыню, жилище отшельников, нежели на город.

Села Цетинской долины Дольний край, Баицы и Гунцы едва заметны от монастыря и разбросаны по скатам гор, окружающих долину. Невдалеке

[1] Черноевичи (Црноевичи) — воеводская династия Зеты XV в.

[2] Махмуд-паша Бушатлия. См. о нем примеч. к отрывкам из книги Е. П. Ковалевского.

[3] Святой, святой (ит.).

от монастыря — маленькая церковь и кладбище. Полней уединения нельзя и вообразить. Высокими утесистыми горами обнесена долина, и взгляд никогда не проникает далее нескольких сажень. Все тихо, только выстрелы нарушают тишину, да вечером, когда приходят стада, звук колокольчиков или, после сильных дождей, гул горных потоков. У дома владыки всегда много черногорцев, которые постоянно, то приходят, то уходят из Цетина. Толпами они лежат и сидят на камнях и всегда живописно. Беззаботно ли черногорец курит свою трубку, сидя на камне, или стоит, опершись на ружье и задумчиво глядя в сторону, каждое его положение просится в картину. Это зависит от прекрасного костюма и южной живости характера, который каждому движению придает смысл. Редко молчит черногорец, чаще слышатся разговоры и особенно рассказы про военные подвиги. Разговор всегда жив и остер. Иногда случается, один из черногорцев поет песню, и тогда с благоговейным вниманием его слушают окружающие. Собственно постоянных обитателей, кроме владыки, его секретаря да архимандрита, нет в Цетине. Сенаторы приходят на время, равно и другие. Но зато можно сказать, что в год перебывает там вся Черногория. Цетинская долина слывет средоточием страны, несмотря на то, что лежит на краю, близ австрийских границ. Песни, говоря о владыке, всегда прибавляют, что живет на Цетине, на средь горе Црной.

И точно, эта долина составляет средоточие Черногории. С ней связаны все важнейшие предания черногорской истории. Еще Иван Черноевич[1], принужденный турками оставить свою столицу Жабляк, построил монастырь в Цетинской долине и перенес туда митрополию. Подле монастыря построил свой дом и часто живал в нем. Впоследствии Цетинский монастырь был постоянным жилищем владыки и местом народных собраний. Кроме того, Цетин точно лежит в средине Катунской нахии, которая по праву считается средоточием всей Черногории. Во времена митрополита Даниила[2], когда все области, составлявшие некогда Зету[3], подпали под власть турок, одна Катунская нахия сохранила свою свободу и независимость. Из Катунской нахии вышла проповедь свободы, и к ней постепенно присоединились другие. Теперь Черногория разделяется на два округа, собственно Черногорию и Берду. Каждый из округов состоит из четырех нахий или уездов, каждый уезд из нескольких племен, каждое племя из нескольких сел[4]. С юго-востока прилегают к ней нахии Рецкая, Черницкая и Лешанская; первые две нахии соединились с Катунскою еще во времена митрополита Даниила, а Рецкая долго оставалась нейтральною и окончательно присоединилась только после поражения Кара-Махмуда в 1796 г. Все эти нахии граничат с Турецкой Албанией. Крепость Жабляк, которая лежит почти на берегу Скутарского озера и следовательно находится в постоянных сношениях с Скутари, Подгорица и Спуж, из которых 1-я отстоит на 1½ часа,

[1] См. примеч. к отрывкам из книги Е. П. Ковалевского.

[2] См. примеч. к донесениям С. А. Санковского.

[3] Злесь: другое наименование Дукли.

[4] В примечании Попов перечисляет племена и села Катунской нахии.

а 2-я — на ½ часа от Мартыничей, защищают албанские границы. С запада к Катунской нахии и частью Черницкой, которая вершинами Сутормана[1] отделяется от Антиварского округа, прилегает Австрийская Албания и отделяет ее от моря, а с севера — нахия Белопавличи. Это довольно большая нахия, граничит с Герцеговиною, которой границы защищают крепости Клобук и Никшичи. На север к ней примыкает нахия Марача[2], она простирается до вершин Явора и Дормитора[3] и граничит с Босниею. На восток от них лежит нахия Пиперы и далее Кучи, которая простирается до вершин Хома[4] и речки Цевны[5]. Белопавличи, Пиперы и Марача соединились с Черногориею окончательно после первого поражения Кара-Махмуда в 1792 году, а Кучи в числе которых считается несколько магометан и латинов, присоединились окончательно только в 1831 году, при теперешнем владыке. Вся Черногория и Берда обнимает пространство 200 квадратных миль и считает в себе с лишком 120 тыс. жителей и с лишком до 20 тыс. воинов, но это число воинов поставлено по примеру других стран, собственно в Черногории каждый воин, кто может поднять оружие.

Послеобеденные прогулки часто сопровождались скачками, стрелянием в цель и играми черногорцев. У владыки несколько прекрасных арабских коней, и он сам хороший наездник. В первый день моего пребывания в Цетине во время скачек был особенно замечателен старый воевода, так называют князя Радовича-Княжевича, который был с владыкою в Рагузе. Это человек, которому уже далеко за 80 лет, он был еще сподвижником покойного владыки и дрался в битвах с Кара-Махмудом. Он сердарь и поп в селе Мартыничах, которое лежит в виду турецких крепостей Спужа и Подгорицы и подвержено постоянным нападениям турок. Прежде часто я всматривался в выразительное лицо этого, по-видимому, дряхлого и сгорбленного старика. Он всегда сиживал вдалеке, нахмурив брови и куря трубку, говорил немного, но около него всегда собиралась толпа. Все, что ни говорил он, было остро и смешно. Никто не мог рассказать столько смешных случаев про турок и швабов, как старый воевода. Видя его, во весь опор скачущего по грудам камней, как удалого юношу, мне казалось, в этой стороне вовсе не существует старости. И точно, вполне дряхлого старика, каких часто встречаешь в других странах, мне никогда не удалось видеть в Черногории.

Вечером, когда мы пили чай, я стал расспрашивать владыку о старом воеводе.

— Это славный человек, — говорил владыка, — юнак до сих пор и счастлив. Он был в трехстах битвах и ни разу не ранен. Турки убили у него и сына, и братьев, и племянников. Он один мужчина в доме, остались только женщины и дети. Его любят черногорцы за его храбрость и за его ум и остроту.

[1] Недалеко от г. Бар (Современная Черногория).

[2] Правильнее: Морача.

[3] Явор на территория современной Республики Сербской в Боснии и Герцеговине. Дурмитор (Черногория) в той же транскрипции упомянут Е. П. Ковалевским.

[4] Вероятно, имеется в виду Хум (Тербин(ь)е), современная Республика Сербская в Боснии и Герцеговине.

[5] Река Циевна протекает по территории Албании и Черногории.

Этот разговор навел владыку на рассказ про битвы с турками, в местах около Спужа и Подгорицы, в которых постоянно отличался старый воевода. Постараюсь передать его рассказ.

<...>

Между тем как владыка рассказывал, старый воевода сидел на другом углу комнаты, окруженный черногорцами. Их громкий смех часто прерывал рассказ; он смешил их своими шутками. Иногда владыка, забывая число или имя, обращался к нему с вопросом, как главному деятелю в битвах. В двух словах он отвечал на каждый вопрос и снова принимался за свои шутки, нисколько не заботясь о том, что рассказывают про его подвиги.

«Что, старый воевод, — сказал, наконец, обращаясь к нему, владыка, — страшна турецкая сабля?»

«Иногда черногорская палка страшней турецкой сабли», — отвечал он, и рассказал один случай с котунским воеводою Вукотичем. Это было лет 15 тому назад, турки как-то захватили в плен 5 женщин и в том числе сестру этого воеводы и просили 300 талеров выкупа оружием и деньгами. Кое-как черногорцы сложились и выкупили женщин, воевода отдал в выкуп все свое оружие и остался с одною палкою и сказал туркам, что эта палка остается у него им на горе. И точно, он скоро и жестоко отомстил за коварный поступок турок. Вообще напасть на женщину считается большим стыдом и на такой поступок редко решаются даже и турки. Спустя немного времени, когда турки должны были гнать стада на пастбища в Рудины[1], воевода собрал несколько черногорцев и напал на них на дороге, перебил всех турок и взял стада. Ни одна обида, нанесенная черногорцам турками, не проходила без мести. Увлекаясь местью и уверенностью в той мысли, что черногорец никогда не может покориться туркам, они совершают такие дела, которые трудно понять. Потому почти никогда не бывает пленником черногорец или, по крайней мере, чрезвычайно редко. Однажды трех черногорцев турки случайно взяли в плен: Лиеша Пинера, Васовича и Вуксана, и посадили их в тюрьму в Спуже. Потом приговорили их к смерти. Приведя на место казни, турки издевались над ними, спрашивая, кому с чем жаль расстаться. Один отвечал — с женою, другой — с детьми. Турки отрубили головы двум. Когда спросили Лиеша, он отвечал: «Рубите мою голову, только не пятнайте платья, оно годится любому паше». Турки соблазнились, смотря на его красивое платье. В то время, когда стали его раздевать, он вырвал у одного их них саблю, убил трех и побежал на мост, вся толпа бросилась за ним. Ятаганом он проложил себе дорогу. На мосту ему встретились два кадия и, увидев его, со страха бросились в реку. Отбиваясь от всех, он убежал и возвратился домой. За свое спасение он построил церковь на Велий горе в Лешанской нахии. Есть народная песня об этом происшествии.

Каждый день являлись новые люди в Цетине, и каждый день кто-нибудь уходил из прежних. Но на всех черногорцах был один общий характер, несколько отличались от других только ускоки[1], полутурецким одеянием и особою живостью и беззаботностью. Они пришли со своим капитаном узнать о заключенном мире с Босниею. Этот капитан был человек среднего роста, довольно молодой и очень красивый собою. Ему следовало идти в монахи, как говорил мне владыка, но черногорцы неохотно идут в монахи, потому в их монастырях не более как по два или по три монаха, да и те большею частью — пришельцы из других стран, а не природные черногорцы. Чтобы совсем не опустели монастыри, племена и села чередуются. Черед был за этим Петро, но он пришел к владыке и умолял его, чтобы он позволил ему жениться, а не идти в монахи, говоря, что давно любит одну девушку; но ее не отдадут за него, зная, что он обязан идти в монахи, потому и просил посредничества владыки. Владыка разрешил свадьбу, теперь он ускочским капитаном[2].

Племя ускоков составляет самую крайнюю оконечность Морачской нахии со стороны Боснии и до сих пор служит предметом споров и войн между черногорцами и турками. Самая Морачская нахия еще недавно присоединилась к Черногории, турки до сих пор смотрят на нее как на изменницу, и потому всеми мерами стараются препятствовать присоединению ускоков. Знакомство с ускочским капитаном послужило поводом к рассказу о присоединении Морачи и битвах, там происходивших. <...>

Глава VI. Отъезд из Цетина, нахия Рецкая, Скутарское озеро, рассказ о битвах под Жабляком, Черница, походы чет, переезд в Приморье

Наконец пришло время оставить Черногорию; через несколько дней должен был придти пароход в Катаро, на котором мне следовало отправиться обратно в Триест. Чтобы более познакомиться со страною и не вдруг ее оставить, я выбрал дорогу через нахии Рецкую и Церницкую, и потом — берегом моря до Катаро. На другой день рано был положен отъезд, чтоб попасть на базар в Речку. По обыкновению я провел вечер с владыкою, нисколько не приготовляясь, ибо нечего было приготовлять, и не думая об отъезде. Но когда, прощаясь со мною, владыка сказал: «А завтра простимся навсегда, может быть, никогда не увидимся», — мне стало грустно не на шутку, как будто я оставлял родную сторону. Возвратясь в свою комнату, я долго не мог заснуть и сидел долго под открытым

[1] Рудине в то время — территория Герцеговины в составе Османской империи, ныне в составе Черногории.

[1] Ускоки, клефты, гайдуки и т. д. — разбойники, которых можно рассматривать и как архаическое проявление отпора угнетению. В Черногории в области Горна-Морача между племен Дробняки и Морача жило племя Ускоки.

[2] Этот эпизод воспроизведен в письме Попова А. П. Елагиной от 23 января 1843 г., в шаржированном виде: «И видал и ускоков, а между ними такого красавца, какого никогда не видывал, а зовут его Петром, он капитан и главарь этого племени». Поскольку черногорцы неохотно идут в монахи, пояснял далее Попов, иногда их приходится записывать по очереди. Когда выбор пал на Петра, он заявил, что влюблен в девицу, без которой не может «быть счастливым». «Владыка разрешил его от очереди... и живет теперь припеваючи». НИОР РГБ. Ф. 99. П. 9. № 58. Л. 12–12 об.

окном, смотря на долину. Ночь была тихая и прекрасная, месяц горел в полном свете и фантастически освещал окрестные горы. Серые горы казались прозрачными и уходили вдаль, их вершины еще дымились паром от вчерашнего дождя, и в этом светлом тумане он совершенно сливался с небом, кое-где покрытым облачками. Узкая долина как будто раздалась и стала шире, но вместе с тем вся наполнилась темными, странно прихотливыми образами: тени от горных впадин и ущелий, казалось, выступили вперед. Ярко рисовались, как на воздухе, белые здания монастыря, построенного на полугоре, да башня на Орлем верху, на ней торчали турецкие головы. Гул источников, произведенных вчерашним дождем, странно оживлял картину. Мне в первый раз пришла в голову мысль, что я не на родине. Тут только представились мне те особенности, которые отделяют русского от черногорца. Вся их жизнь, вся их история рядом картин проходила в моей голове; дойдя до настоящего, мысль, не стесняемая временем, шла далее и далее, превращалась в мечту. Живо представлялись мне те ступени народного бытия, по которым пойдет эта жизнь, развиваясь последовательно из начал существующих; и далеко виделась та степень внутреннего развития, до которой дойдя, южный славянин подаст руку северному и вместе пойдет по пути исторической жизни. Но внешняя оболочка истории, люди и события врывались в светлую область мысли и пестрили ее образами; мечта переходила потом в сонную грезу, которая покинула меня только тогда, когда в мою комнату вошел прислуживавший мне черногорец.

— Ты уже встал, пора ехать!

— Пора, — отвечал я и стал собираться в дорогу. Через несколько минут я уже простился с владыкою, сел на лошадь и окруженный провожатыми ехал к Реку. Дорога шла через хребет гор, разделявший Катунскую и Рецкую нахии и потому называющийся границею. Узкою тропинкою изгибаясь, вбегала она на вершину между утесами. На вершине я остановил коня и обратился назад, чтоб в последний раз взглянуть на Цетинскую долину. Ровным, зеленым ковром лежала пред нашими глазами глубокая долина. Здания и кое-где груды камней пестрили ее различными узорами, а серые горы окружали как каймой. День был пасмурен: вершины гор дымились паром, а небо покрылось облаками, которые все более и более сгущались и грозили сильным дождем; с другой стороны уже виднелась новая узкая долина Рецкая, прорезанная по середине рекою Черноевич. Прежде эта река называлась Обод. С тех пор как Иван Черноевич на одной из гор, близ ея истоков, построил крепость, река прозвалась его именем. Она выходит из гор, отделяющих ее долину от Катунской нахии и впадает в Скутарское озеро; она глубока, быстра и полноводна. Развалины крепости Черноевича видны до сих пор, и против них, на другом берегу, село Река[1]. Кроме того, в этой долине еще два села — Цеклин и Доброе. Окрестные горы не были похожи на горы Катунской нахии, они большею частью покрыты зеленью, и кое-где видны были сады. Долго опускались мы по изгибистой дорожке и через несколько часов приехали в Реку. Это небольшая деревня; на самом берегу ее разбросаны хижины, живописные и довольно чисто выстроенные в несколько рядов. Узкие улицы были покрыты народом — был базарный день. Рис, кукуруза, оружие, платье и табак — вот главные предметы торговли. Шумная толпа мужчин и женщин двигалась мирно и порядочно. На лицах многих я заметил кровь и спрашивал старика Спиро, который вместе с переником Джурой был дан мне постоянным проводником: «Что это значит?» «Разве ты не слыхал, — отвечал он, — *кукования* (плача), когда мы проезжали мимо Доброго, там были похороны». Во время похорон и вообще всякого горя, для большего его выражения, черногорцы имеют обычай до крови царапать себе лица, как древние греки.

[1] У Е. П. Ковлевского — село Черноевич.

Пройдя по улицам Реки, мы вошли в дом воеводы. Он принял нас радушно и угостил по-своему, кофеем и вином. Между тем начинался дождь, а я должен был ехать, чтобы не опоздать к пароходу в Катаро. Мы перешли в небольшую гостиницу, которая стоит на самом берегу реки, откуда должна была отправиться наша лодка. Между тем дождь усиливался все больше и больше, и лил как из ведра. Черногорцы собрались в кружки и толковали между собою о том, что нельзя ехать; я не слушал их слов, сидел на узкой скамейке, положив ноги на бочку с вином, и смотрел в маленькое окошечко, из которого меня обдавало брызгами дождя. «*Вишь ты какая киша (дождь), божати вера, словно* море прорвалось, теперь и вода прибыла, небось и озеро разлилось, *нельзя ехать*!» — толковали между собою черногорцы с трагическими жестами, а женщины стояли возле, подгорюнясь, и поддакивали им. Толковали громко и посматривали на меня в ожидании моего решения, но я молчал. Наконец сердар и воевода подошли ко мне: «Люди говорят, нельзя ехать, лучше ночуй!» «Надо ехать», — отвечал я хладнокровно. «Надо ехать», — повторил он, обращаясь к другим, с повелительным тоном. Но снова начался разговор, и опять они стали упрашивать меня ночевать; «ехать», — отвечал я снова и встал, чтоб идти на лодку. «Ехать, так ехать», — повторил громко воевода, давая знаки гребцам. «Какая киша, — приговаривали они, надевая *капоты*, — и капот пробьет насквозь». «У вас капоты есть, и вы боитесь; а у меня ничего нет, да я не боюсь, едем, черногорцы!» «Едем, едем», — закричали они, хлопая меня по плечу.

В самом деле, в одном макинтоше, с легким зонтиком в руке дерзко было отважиться в путь во время проливного дождя. Мы сели в маленькую плоскодонную лодку, и отправились с четырьмя гребцами. Дождь не только не переставал, но усиливался более и более. Река поднялась выше. Она течет между утесистыми горами и наполняет всю узкую долину; вид и так стеснен, а теперь ничего нельзя было видеть, в двух шагах едва можно было заметить встречающиеся лодки — так силен был дождь. Но, тем не менее, никто не обращал на него внимания; мои спутники шумно смеялись и толковали между собою; а ко мне подсел молодой монах из Дечан[1], православного монастыря в Герцеговине, и рассказывал мне о состоянии тамошних христиан православных. Он приехал для сбора милостыни в Черногорию! Довольно сказать это, чтобы видеть, каково

[1] См. примеч. к «Статистическому описанию Сербии» А. Г. Розелион-Сашальского.

их положение. Когда я был в Цетине, он пришел к владыке с письмом от своего игумена и принес в подарок ковры работы братии. Игумен просил позволения пройти Черногорию для сбора милостыни. Прочтя письмо, владыка обратился ко мне, говоря: «Досадно, а должно отказать; я знаю, что все будут давать ему, но между тем, вот несколько лет у нас неурожай; после ко мне же придут за хлебом». — «Неужели же он пришел даром?» — «Как можно даром! Я сам дам ему за народ». Получив милостыни от владыки, этот монах возвращался домой.

Подобные монастыри рассеяны по всей Боснии и Герцеговине, как остатки прежнего православного Сербского царства: прошли прежние люди, положение новых изменилось. С одной стороны турки гнетут христиан, с другой — сами христиане — католики. Убить, ограбить христианина турок считает за святое дело, и это часто повторяется внутри Боснии и Герцеговины; только на границах Черногории не смеют нападать явно на христиан. Каждое насилие черногорцы осветят (отмстят), и турки за одну голову поплатятся десятью. Сотни ходят об этом рассказов. Недавно в одном селе, недалеко от крепости Никшичи турки убили христианина, чрез несколько дней в виду крепости черногорцы повесили 12 турок. Несколько лет тому назад один черногорец из села Доброго Вук Радонич пошел на базар в Подгорицу. На базаре один турок обругал веру пограничного раяса[1], которые все православные и единоверные с черногорцами. Радонич вступился и обругал в отмщение магометанскую веру. Турок не выдержал обиды и ударил его чубуком. Черногорец выхватил ятаган и хотел разрубить ему голову; но турок отшагнул в сторону, и он отрубил ему руку. Весь базар взволновался и окружил черногорца. Но он ятаганом проложил себе дорогу через все село и ушел в дом бея. Бей был сам потурченный черногорец, родом из Цетина, и потому не выдал его разъяренному народу, а заковал и на другой день обещал предать суду. Но Радонич ночью ушел и невредим возвратился домой. Этим не кончилось; за оковы снова началось мщение, и десять чет[2] отправились к Подгорице. Понятно, что подобное положение держит несколько в узде необузданный фанатизм пограничных турок.

Монах рассказывал мне, сколько рукописей и грамот хранится в монастырях, и особенно в Бече[3], бывшей митрополии сербской. Но русскому путешественнику нет никакой возможности туда проникнуть. Постоянные победы русских над турками внушили страх и ненависть, а католические пропагандисты развили и усилили это чувство до высшей степени. Они объясняют туркам, что покоренные ими сербы единоплеменники и единоверцы русским, и этим развивают в них подозрение ко всякому русскому путешественнику.

Так длился наш разговор под шум дождя. Его прерывали только частые остановки; беспрерывно мы должны были причаливать к берегу, чтобы вылить воду из лодки. Наконец, не оставив на нас сухой нитки, дождь начал прекращаться.

[1] Вероятно, опечатка, правильно: раята, подданного Османской империи. К этому времени так называли всех немусульман.

[2] Здесь: чета — вооруженный отряд.

[3] Ошибка или опечатка. Правильно: в Пече.

Реже и крупнее падали капли, река покрылась волнами, подул свежий ветер с Скутарского озера, к которому мы приближались; облака редели, и ясное голубое небо выглянуло из-за туч. Горы раздались, и река становилась шире, массы воды пребывали, и через час, обогнув горы, мы вошли в озеро. Юго-западная сторона неба прояснилась совершенно, между тем как на противоположной — лежали тучи. День склонялся к вечеру, но солнце еще ярко горело на голубом небе, и освещало перед нашими глазами все, блиставшее под его лучами пространство Скутарского озера. Озеро лежало тихо, зелено-голубое и прозрачное; только изредка из гор вырывавшийся ветер взволновывал его поверхность, но когда затихал порыв ветра, снова улегалось озеро и проникалось все теплым светом вечернего солнца. Скопившиеся на юго-востоке тучи отражали назад лучи и, казалось, весь свет падал на озеро. Я встал, чтобы посмотреть на вид. Мой спутник, переник, встал также и начал мне объяснять окрестные места. «Смотри, вот, далеко Скадр, как белая звезда блестит!» В самой глубине озера, где особенно как-то сосредотачивался свет, и горы также стали прозрачны, как небо, и легкою волнистою тканью лежали на горизонте, виднелась белая светлая точка: это — Скутари.

Высокие горы со всех сторон окружали озеро, и оно, как глубокая долина, лежала между ними. Кое-где оно было покрыто темными пятнами. «Смотри, полосы-то, — говорил мне переник Джуро, — это на дне горы», — и стал объяснять, как у одного турка в Скутари, потурченного серба, есть сербские книги, которые писаны еще тогда, когда вовсе не было Скутарского озера. Направо от Скутари, до самой реки Морачи протянулась гряда высоких снежных гор, отделяющих озеро с прибрежными долинами от горной Албании. После дождя поднявшийся туман, просвеченный лучами солнца, придавал прозрачность этим массам; волнистою голубою тканью поднимались они над поверхностью озера. Снег, лежавший на вершинах, ярко блистал. Горы походили на ряд густых облаков, за которыми скрывалось солнце, и лучи его освещали только их края. Проехав немного, мы обогнули горы с левой стороны, и перед нами открылась далекая перспектива второй половины озера, противоположной Скадру. На этой стороне лежали облака и бросали густую тень на дальний берег. В голубом прозрачном дыму едва заметны были окрестные горы, и широкая Зентская долина утопала в тумане. Эта долина, самая большая во всей Черногории, составляет границу между собственно Черногориею и Бердою. Она образуется рекою Зетою или Зентою, впадающей в озеро с противоположной оконечности Скутари. По имени этой реки некогда вся Черногория называлась Зетою и делилась на горную и дольнюю. Когда дольняя Зета подпала под власть турок, и независимые черногорцы удалились в горную; когда река Зета досталась также туркам, это первоначальное название исчезло. Неприступная горная Зета остановила силу турок. Укрепленная природою и свободным духом народа, она отразила все нападения; беспрерывно посылаемые войска уже не возвращались назад — все погибали в горах неприступной Зеты. И эти горы прослыли у турок ужасными, черными (Карадаг). Это турецкое имя Черных гор распространилось и стало общим названием Черногории.

Прямо пред нами высокими горными верхами выдавались из воды два острова: Вранина и Лисендре[1]; на правой стороне от них виднелся неприступный Жаблик, а далее — монастырь Ком. «Видишь, это наша куля», — говорил мне мой спутник, указывая на маленькую белую башню на острове Вранин, который с недавнего времени принадлежит черногорцам; — и остров весь наш и Лисендре». «Знаю, — отвечал я, — но прежде и Жаблик был ваш, и Скадр, а теперь турецкий». Мой спутник задумался. «Придет время, — продолжал я, — турки осветят турками Косово поле (битва, в которой пало Сербское царство)». «Придет, — отвечал он, — гордо смотря на турецкую сторону», — стал рассказывать про последние битвы под Жабликом.

<...>[2]

Это сражение было очень важно для Черногории, ибо с того времени все поля, обширные и плодородные, с селом Додоше до самого Жабляка принадлежат им, равно и часть Скутарского озера с островами Враниною и Лисендре. На Вранине построена башня и снабжена одною из пушек, отнятых у турок. Черногорские поля подходят теперь под самый Жабляк и отделяются от него только рекою Морачею. Но после этого сражения на крепости оставалась пушка, и черногорцам никак нельзя было обрабатывать земли на пушечном выстреле от крепости: земля завоевана, а обрабатывать нельзя; как быть в таком случае? Несколько человек решились украсть пушку с крепости. Выбрав темную и ненастную ночь, они как-то пробрались в крепость, свалили пушку со стены и переправили через Морачу. Дело кончилось благополучно; но нет, этого было мало: лишь только притащили пушку на луг, как зарядили ее ружейными патронами и начали палить в крепость. Турки послали выручать пушку, но черногорцы никак не хотели выдать, говоря, что раз взято от врагов, того не отдают. На другой день турки, собрав войско, нагнали черногорцев и начали войну; но черногорцы устояли и принесли пушку в Цетин. Слух об этом смелом поступке навел на ум и пиперов. Им также мешала пушка в Калашине[3]. Точно также собралось несколько человек ночью, пробрались в крепость, украли пушку, вытащили на луг и, также зарядив ружейными патронами, открыли пальбу на крепость. Из крепости выступили войска и началась битва; она решилась в пользу черногорцев; но не было никакой возможности большую, тяжелую пушку перенести через горы. Между тем как одни дрались, другие, нарубив дров, на костре растопили пушку. Медь унесли и после продали в Катаро.

Завоевание земель и особенно села Додоше черногорцами после битвы под Жабляком возмутило турок, и потому вслед за тем почти беспрерывно были небольшие стычки, пока, наконец, турки не открыли настоящего похода на село

[1] См. примеч. к «Черногорцам» Н. И. Надеждина.

[2] Опущен рассказ о сражении у крепости Жабляк (название варьируется у Попова) в 1835 г. Далее сокращены рассказы о военных столкновениях, основывающиеся на народных песнях.

[3] См. примеч. к отрывкам из книги Е. П. Ковалевского.

Додоше. В сентябре 1840 года[1] предводитель албанского племени Мелесия, живущего вокруг Скутари, Гасан-Хот, соединившись с Муселимом, пашою подгорицким, и Мехмедом-Спахием, капиджи-пашею[2] из Спужа, у которого была пушка, собрали до 7000 и выступили на село Додоше. 8-го числа перешли через Морачу, готовились неожиданно ударить на Додоше и пограничные села Эрваши и Дуршичи. Но черногорцы накануне узнали об этом предприятии: Вук Лешевич, отличившийся и первую битву под Жабликом, собрал до 300 человек, в ночь пошел предупредить додошан и помочь им. Рано на заре они пришли в Додоше, и едва успели им рассказать об опасности, как турецкие войска уже показались в долине Салковине, прилегающей к Додоше, — мешкать было нельзя, едва успели собраться, выступили в поле. Обе стороны встретились на берегах узенькой речки Катуни, перерезывающей эту долину. Турки выпустили калаузов (первенцев, застрельщиков), но первый залп черногорский смешал их, и они обратились в бегство. С криком бросились 400 черногорцев в брод через реку и ударили на все силы турецкие. Турки, смущенные поражением первенцев, и считая черногорцев только передовым отрядом, стали отступать, черногорцы преследовать их, но не слишком подавались вперед, боясь на ровном месте быть окруженными со всех сторон. Но следующее обстоятельство придало особенную силу их нападению. У черногорцев считается особенным знаком храбрости, когда войска стоят друг против друга не более как на ружейный выстрел и перестреливаются общими залпами, выйти из ряда своих, броситься на противников, вырвать из их ряда одного и на средине, под выстрелами, отрубить ему голову. В этом случае делают такой маневр: тот, кто схватит противника, сам падает, закрываясь им от выстрелов, и во время падения отрубает ему голову. Совершивший такой подвиг черногорец уже беспрекословно пользуется названием юнака. В новое время владыка завел медали, которые даются только за подобное дело. Эти медали величиною с наш серебряный рубль, на одной двуглавый орел, под ним лев — герб Черногории; с другой — надпись: вера, свобода, за храбрость. Разумеется, что подобная награда возбуждает к таким подвигам, и ее имеют уже многие черногорцы. Вук Лешевич

У турки е загон учинио
Да угроби главу арнабашку[3],

как говорит народная песня, воспевающая эту битву. Но турки обратили на него выстрелы, и он упал, покрытый ранами; турки окружили его со всех сторон. Отбить тело храброго юнака и отмстил за его смерть — священная обязанность черногорцев. Смерть Лешевича возбудила их силу, и с отчаянною храбростью бросились они на турок. Между пограничными турками, особенно албанцами,

[1] Считается, что решающее сражение произошло в июне 1839 г. в окрестностях села Ястреб. См.: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 252.

[2] Капыджибаши — придворная должность, фельдъегерь, порученец по важным делам.

[3] Напал на турок, чтоб достать албанскую голову (здесь и далее песни в пер. Попова).

отличающимися своею храбростью, считается бесчестным отдавать тела убитых в руки врагов. Потому во время битвы, когда дерутся одни, другие уносят тела убитых своих собратий. С другой стороны, отбить тела противников считается особенною храбростью. Черногорцы отбили тело Лешевича, который не был еще убит, а сильно ранен, и умер после, потом преследовали турок до самого Жабляка. Они бежали без оглядки, но жаблицкие женщины вышли им навстречу и укорили их в трусости. Так говорит песня, и мой рассказчик подтверждал действительность этого происшествия, которое не может показаться странным человеку, знающему характер черногорских женщин; а пограничные Турки в том же положении, как и они.

Но жаблячке буле излазише
Укорише три турске сердара,
Пи! Сердари женске страшльивице
Буди ли сте силу сакупили
Сакупили Дженар и Крайну
Седам хиляд люте Арбание;
Што бежите главом без обзира.
Не чера вас, но двеста момчада
Од Додоше и Брде крваве,
Како чете Жабляк оставити
И несречко робле у Жабляку[1].

Когда услышали это турецкие предводители,

Изъеде их укор и срамота.

Они собрали силы, повернулись назад, с ожесточением ударили на толпу черногорцев и обратили их в бегство до села Салковины. Тут выбралось шесть человек юнаков: Милош Янкович, Даица Савичев, Поп Дайкович, Никола Казивода, Даица Костич и Керцун Янкович, крикнули товарищам, укоряя их за бегство, и заключили между собою заклятье умереть, к ним присоединилось еще 20 человек, и все заперлись в развалинах одного дома.

Большая часть селений черногорских не строятся сплошными рядами и улицами, чему препятствует и самая местность: но дома разбросаны отдельно. В селах пограничных некоторые дома, принадлежащие главарям и более богатым черногорцам, строятся вроде укреплений и называются кулями, в противоположность с простыми неукрепленными избами (куча). При нападении

[1] Но вышли женщины из Жабляка, укорили трех турецких предводителей. Пи! Сердари трусливые, как женщины, вы ли силу совокупили, весь Дженар и Крайну, 7 тысяч лютых албанцев и теперь бежите без оглядки, когда вас преследуют только 200 ребятишек из Додоше и Берды кровавой, неужели оставите вы Жабляк и несчастливую в нем добычу.

в них запираются, если мало силы, и так защищаются от врагов. Но 26 юнаков заперлись не в кулю, а в простую и притом полуразрушенную избу. Турки окружили ее со всех сторон, и началась жестокая резня. Дружным залпом отбили черногорцы нападение, но предводители турок упрекнули албанцев в трусости; чтобы смыть обвиненье, с жестокою яростью бросились они вновь на приступ. Черногорцы стреляли сквозь отверстия стен, но албанцы подступали так близко, что руками схватывали ружья за дула и сгибали их. Стрелять уже было невозможно, и началась резня в двух дверях, которые вели в избу. В двери избы грянул залп албанских ружей, и пять человек черногорцев упало мертвыми, а 6 было ранено. Около избы стояли 2 стога кукурузной соломы; албанцы зажгли их; изба наполнилась дымом, и турки снова ударили в двери. Черногорцы втащили несколько человек в избу, отрубили им головы, а туловища выбросили через стены. Это еще более возбудило ярость албанцев; они бросились к дверям, но их встретил дружный залп, и мертвые тела грудой завалили двери. Между тем как албанцы очищали двери, изба начала загораться: погибель черногорцев казалась неизбежною. Но в эту минуту остальные Цеклиняне[1], собравшись с новыми силами, ударили на албанцев, выгнали из села, и преследовали до самого Жаблика. Так кончилась эта битва. Турки потеряли 250 человек убитыми, а черногорцы — 11; все остальные, защищавшиеся в избе, были изранены. Пришедши домой, они ругали турок, за то, что дрались бесчестно стреляли дробью; ибо все они были покрыты мелкими ранами, но это от того, что пули, ударявшиеся в стены тесной избы, раздробляли стены, и брызгами камня обдавали их. После этого поражения было заключено перемирие, которого турки уже не нарушали. Срок этого перемирия приближался в то время, когда я был в Цетине, и паша скутарский присылал к владыке просить настоящего мира. Это мирное время не было нарушаемо, исключая походов чет, которые часто бывают с обеих сторон.

Во время моего пребывания в Цетине визирь герцеговинский писал владыке, жалуясь на черногорцев, которые убили двух турок на озере Скутарском, и просил его рассудить это дело, чтобы помирить семейства убитых и убийц. Это случилось вслед за тем миром, который был заключен в Дубровнике. Владыка призвал виновных, обе стороны вместе, они должны были объяснить свое дело. После долгих споров оказалось, что черногорцы встретили их на лодках недалеко от Жаблика и приняли за албанцев; потому и убили. Но если бы они знали, что турки были из Герцеговины, то никак не решились бы нарушить мира. В самом деле черногорцы никогда первые не нарушают мира. Владыка заставил их клятвою подтвердить верность показания, объяснив наперед туркам, какое важное значение имеет клятва. В вознаграждение же семейств убитых положил глобу (пеню) на убийц, предоставив ее количество определить Сенату.

Между тем мы проехали почти половину озера и готовились повернуть в Церницу; пройденные нами острова Вранина и Лисендре закрыли Жабляк,

[1] Черногорское племя.

и едва-едва можно было видеть Ком. Этот монастырь построен Стефаном Черноевичем[1], внуком Баоши и отцом знаменитого Ивана Черноевича. Он в нем погребен, и до сих пор цела гробница. «А в Коме ставили владыку», — говорил мне мой спутник, заметив, что я всматриваюсь в ту сторону. По смерти святого Петра его племянник Радо, по завещанию умершего и общему желанию народа, был провозглашен владыкою, когда ему было еще 16 лет, и он не имел никакого духовного сана. По избрании он писал к паше Бушатлию[2] в Подгорицу, чтобы он прислал в Ком епископа Захарию, который и постановил его в архимандриты в 1830 году 8 октября, назвав Петром, по имени предшественника. Ком стоит на берегу озера, недалеко от Жабляка; это место называется остров; может быть, прежде тут была речка, которая отделяла его от твердой земли, но теперь он стоит уже на твердой земле и окружен лесами, которые считаются у черногорцев заповедными. «Всякий, — говорил мне мой спутник, — может пользоваться лесом на месте, сколько хочет; но если осмелиться вывесть, то непременно умрет или утонет в озере». И когда я смотрел на него с видом некоторого сомнения, он продолжал, сомневаясь уже сам: «Говорят, что это — правда, рассказывают, что так бывало».

Между тем мы повернули направо. Высокий хребет гор с левой стороны, идущий от самого озера до Бара и оканчивающийся Сатурманом, одною из высочайших гор Черногории, сокрыл от нас одну часть озера до Скутари. Перед нами лежала низкая, глубокая долина Цернинская между двумя высокими горными хребтами. Скаты гор, наклоненные к долине, почти до самых вершин покрыты были виноградными садами, смоковичными и гранатными деревьями, а вдали между зеленью кое-где виднелись разбросанные избы Церницы. Глубоко лежала ровная и тесная долина, покрытая тенью от горного хребта, за которым скрывалось солнце. Но еще ярко блистала зелень на противоположных горах под желтовато-красным освещением заходящего солнца и лилово голые каменистые верхи. Самую середину долины прорезывала речка Черница[3]. Мы повернули в нее; весла гребцов почти касались берегов этой узкой реки; она была полноводна, как и все горные реки, а теперь после дождя вода прибыла еще более, и она текла совершенно вровень с берегами; густая прибрежная зелень купалась в воде и гранаты, растущие по берегам, во многих местах были залиты. Во время сильных дождей вся эта долина покрывается водою и образует как бы один из рукавов Скутарского озера, сливаясь с ним совершенно. Несколько минут мы ехали молча, как вдруг все мои спутники встали и закричали в один голос: «Причаливай!» Мы причалили к правому берегу, где стояла маленькая изба — это была гостиница; тут продается ракия; село же гораздо далее. На этом месте каждую пятницу бывает ярмарка, и потому построены жилища. Эта ярмарка такого же роду, как рецкая, сюда сходятся пограничные турки и черногорцы обменивать свои товары. Хозяин гостиницы, уже давно заметил лодку и, хорошо зная причину остановки, вышел на берег, только что мы причалили, с глиняным кувшином ракии (водки) и маленьким стеклянным стаканчиком.

[1] Стефан I Черноевич (?–1465) — первый правитель Зеты из этой династии. Предполагается, что монастырь Ком был основан между 1415 и 1427 г. Баоши (Балшичи) — сербская династия XIV–XV вв.

[2] Представитель албанского рода Бушати.

[3] Попов вновь варьирует название Црмница (река, нахия, долина).

Между тем как мои товарищи пили ракию, я нечаянно взглянул назад, на Скутарское озеро, и долго не мог отвести глаз. Вид был сужен высокими горами, окружающими долину; небольшая часть Скутарского озера, ограничивающаяся снежными Хотскими горами[1], терялась вдали. Вид горел под чудным освещением зари. Весь пожар запада отражался в озере, и оно блистало пурпурным светом, как бы выходящим из воды и падающим на горы; горы утопали в розовом тумане, покрытые бесчисленными тенями от изгибов и впадин; только снежные вершины горели, и яркою, блестящею полосою разграничивали небо и землю. Небо, еще светлое, становилось бледно; только облака блистали желтым, лиловым и пурпурным светом; а выше ночь уже спорила со днем. Нас, промокших совершенно, обдавал вечерний холод, и тень от горы покрывала густым сумраком, между тем вдали, казалось, и тепло, и светло.

Наша лодка двинулась дальше. Сумерки становились гуще и гуще, было холодно от воды и ночного тумана и еще холоднее от ветра, который изредка дул, прорываясь сквозь горы. Наконец мы причалили к левому берегу; отсюда должно было продолжать путь пешком до Черницы. Некоторые из наших спутников пошли по долине, но эта дорога была немного длиннее горной и потому мой переник, несмотря на ночь, отправился через горы; я шел за ним. Не прошли мы пяти минут, как дорога сделалась просто непроходимою. Между тем деревня еще была далеко, а наступала глубокая ночь, и было холодно. Тропинки были смыты дождем, и должно было идти по грудам острых камней; то взбираться вверх между колючими кустами гранат, то спускаться вниз во рвы, покрытые водою, на дне которых с шумом бежали горные ручьи. Мой переник шел скоро, изредка сердясь на ружье, которым цеплялся за кусты. Наконец вдали мелькнули огоньки, и через несколько минут мы уже были в куче князя Пламенца[2]: хозяина не было дома, когда мы вошли в избу.

В первой комнате, она же составляет и кухню, в средине на каменном полу был разведен огонь; вверху навешана рыба и разные съестные припасы: они сушились и коптились; в углу широкая печь, вроде русской, и вокруг узенькие скамейки. Мы нашли маленькие стульцы и уселись у огня, чтобы просохнуть и отогреться, а услужливая хозяйка хлопотала, чем бы угостить нас. Из разных предложений мы избрали два: ракию да кофе. В несколько минут поспело и то и другое. Пришло еще несколько черногорцев; мы сидели вокруг огня, пили кофе, читали песни и разговаривали. Наконец Джюро обратился ко мне с вопросом: «Ты никогда не резал Туркам голов?» «Никогда», — отвечал я. «Так ты проживешь век девойкой», — сказал он, помолчав немного, и потом прибавил, заботясь о моей славе: «Вот скоро пойдет чета в Скадру, поди с ними!»

[1] Хоти (готти) — албанское племя.

[2] См. ее описание в «Черногорцах» Н. И. Надеждина.

Походы чет, несмотря на мир, часто случаются на границах: частные обиды большею частью бывают причиною таких походов; а иногда просто за пирушкой после рассказов об юнацких подвигах закипит южная кровь, соберутся несколько человек и пойдут на промысел.

Название «чета» уже показывает значение подобных дружин. Это несколько людей соединенных между собою взаимным договором на жизнь и смерть. Бесчисленное множество ходит рассказов про геройские поступки чет; многие из них воспеты в народных песнях. <. . . >[1]

По всем границам ходят четы, но нигде не развился этот способ войны так сильно, как на границе боснийской. Племена ускоков, которые после последних войн присоединены к Черногории, все образовались из подобных чет. Самое название ускоков говорит об их происхождении; это единоверцы и единоплеменники черногорцам, перебежавшие из Турции в Черногорию. Когда гонения против христианских славян, которые продолжаются и теперь, были соединены с сильною пропагандою мухамеданизма, множество босняков и герцеговцев убежали из своего отечества. С одной стороны, безземельная и бедная Черногория не могла им дать земли, где бы они могли поселиться и жить трудами, с другой — жажда отмстить своим врагам, и вместе врагам всего христианства, препятствовала их оседлости. Они собирались и только зимовали у пограничных черногорцев, и лишь начиналась весна, разделялись на небольшие отряды и отправлялись на грабеж в Боснию, Герцеговину и Албанию. Обыкновенно весенний Юрьев день считается началом походов чет.

Кад веселый джюрджев данак доиде
Тесе гора изоджеде листом,
А рудине травом Джетелином,
Да пролиста шума буковица
И за кука уньой кукавице,
За Гайдука дойде Четоване[2].

Марко Королевич обыкновенно праздновал:

Од године честит динак джюрджев[3].

Такой образ жизни, продолжавшийся постоянно и частью продолжающийся до сих пор, произвел некоторого рода правильное устройство чет. Каждая чета соединена общею клятвою ее членов и составляет одно целое, у них все общее и добыча, и жизнь, и смерть. Только по приходе назад делят они между собою добычу поровну. Часто одна и та же чета сделает несколько походов в одно

[1] Далее следует рассказ о легендарном предводителе Никаце Томановиче (Чайке).

[2] Когда придет веселый Юрьев день, горы оденутся зеленью и цветами, буковый лес покроется листами и кукушка закукует в нем, тогда для гайдука настанет время четованья.

[3] Славный в году Юрьев денек.

лето. Количество добычи только заставляет их возвращаться; если наберется так много, что нельзя нести с собою, то они скорее сожгут или бросят в воду, нежели оставят туркам. Если одна чета, богатая добычею, встретится с другою, у которой вовсе нет добычи, то эта последняя не имеет никакого права на притязание чужой добычи; но всегда имеет право требовать столько, сколько нужно для ее пропитания. Богатая чета всегда должна накормить бедную, но дать сверх того еще что-нибудь зависит от ее воли.

По возвращении домой, начинается дележ добычи, которая большею частью состоит из стад, оружия и платья. Само собою разумеется, что подобные дележи не всегда у вспыльчивых черногорцев обходились без крови, часто подавали они повод к войнам целых сел между собою. Каждый продавал лишнюю часть добычи и этим жил зиму.

Богатые рассказами про подвиги чет и праздные во время зимы, ускоки принадлежат к самым поэтическим племенам. У них возникла большая часть народных песен. Во время зимы развалясь с трубкой у огня, ускок рассказывал свои похождения или, гудя на однозвучных гуслях, пел песни. Впоследствии, умножаясь более и более, они отодвинули турок от границ и заняли и заселили место между Клобуком и Никшичи. Теперь их образ жизни частью изменился, но в них есть что-то особенное от других черногорцев. Между ними встречал я лица необыкновенно красивые и особенную вольность и развязность в движеньях. Они большею частью наездники. <...>

Между тем как мы разговаривали и читали песни, сидя вокруг огня, воротился хозяин дома. Он пригласил нас в другую, чистую комнату. Скоро поспел ужин и опять за стаканами черницкого вина завязались разговоры и продлились далеко за полночь. Уже рассветало, когда я вошел в назначенную мне комнату, хозяин уступил мне свою спальню. Несмотря на то, что очень хотелось спать, я радовался рассвету, хотя на другой день рано собирался выехать. Моя спальня походила на часто встречающиеся у нас на постоялых дворах, где напрасно усталый путешественник думает отдохнуть. Я не мог сомкнуть глаз и вышел на балкон дожидаться восхода солнца.

Куча князя Пламенца стоит высоко на утесистом скате горного хребта. Глубоко внизу лежит долина, ограниченная с другой стороны горными верхами, отделяющими Черногорию от Приморья. Черногорцы берегут долины и никогда не селются в них; все деревни разбросаны на скатах гор. Но в Черницкой долине нельзя поселиться и потому, что очень часто, во время дождей, вода прибывает в Черницу из Скутарского озера, и она, разливаясь, покрывает всю долину. Потому все домики Черницы живописно разбросаны на чрезвычайно крутом скате гор, покрытом виноградными и оливковыми садами. На противоположных скатах гор также кое-где выглядывали хижины из густой зелени гранат и винограда. Черницкая долина принадлежит к числу самых плодородных в горней Черногории. Она производит много плодов, овощей, которыми торгуют с приморцами, и вина. Этому благоприятствует климат; в Черницкой долине климат также хорош и тепл, как в Приморье; между тем как в Катунской

нахии — она лежит очень высоко над морем — гораздо холоднее, и там не растет ни виноград, ни оливы. Вино продают черничане в другие нахии. Вообще Черногория выделывает запас вина, который достает ей не более как на восемь месяцев, и то только потому, как говорит г. Милаковичь, что Черногорцы «су одвечма умерини у пичу, не би га доста било ни за 4 месяца»[1]. Потому Черногория ежегодно покупают известное количество вина у приморцев.

Черница составляет средоточие нахии названной тем же именем. Она присоединена окончательно к Черногории только в 1796 году, после поражения Кара-Махмуда, и теперь разделяется на 7 племен: Балевиче, Лимяни[2], Глухи-До, Брчеле, Дупило, Сотоничи и Подгор.

На другой день рано мы отправились в Кастель-Лясту[3]. Нужно было перейти только одну гору Грбаль, но этот переход был труден и требовал добрых 6 или 7 часов. Воевода послал своего сына провожать нас, он заменил собою переника Джуро, который остался у родных. Спустясь с горы, мы вскачь пустили коней по долине, но это удовольствие продолжалось недолго. Скоро кончилась узкая долина, и нам предстоял бесконечный восход на утесистую гору. На первых скатах горы было весело пробираться с камня на камень по узеньким тропинкам, пролегавшим между виноградниками. Тут еще кое-где попадались хижины; у крыльца лежал, лениво развалясь, черногорец, куря трубку или чистя ружье, между тем как женщины или работали в садах или вокруг дома. Иногда увидев издалека путешественника, хозяин дома выходил с вином и подносил нам, проезжающим. Этот признак славянского гостеприимства, еще сильно сохраняется в Черногории. Выше сады прекратились, кое-где росли деревца, едва цепляясь корнями за груды беспорядочно набросанных камней. Их глодали козы и овцы, звеня колокольчиками. Иногда встречалась черногорка, относившая пищу пастухам, но и та, встретясь, старалась спрятаться за камень или дерево; или издали рисовалась гордая фигура пастуха. Жизнь пастухов черногорских самая опасная, чаще всего на них нападают турецкие четы, они всегда ждут нападения и всегда настороже, и это дает им какой-то беззаботно геройский характер и презрение всякой опасности. Часто начинали они и решали целые войны. <...>

Наконец мы взобрались на самую вершину, каменистую, без всякой зелени, покрытую в беспорядке набросанными утесами. Со всех сторон открылись нам обширные виды.

С одной стороны видны были беспорядочные массы голых утесов Катунской нахии и над ними высокий Ловчин — это Черногория. Невольно припомнился народный черногорский рассказ о сотворении мира. Когда Бог создал землю, злой дух пронесся над нею и посеял горы. Когда пролетал он над Черногориею, мешок, в котором он нес утесы, прорвался, и они упали беспорядочной

[1] «Весьма умерены в питии, иначе бы его не хватило и на 4 месяца». Попов цитирует одного из первых историографов Черногории Д. Милаковича.

[2] Правильнее: Болевичи, Лимляне.

[3] Castellastva (ит.) — современный Петровац (Черногория).

грудой. Далее виделись прекрасно освещенные Хотские горы и часть Скутарского озера. С другой стороны — покрытые роскошною зеленью скаты гор турецкого и австрийского Приморья, а за ними во всей красоте волновалось синее Адриатическое море. Глубоко внизу едва были заметны несколько домов и башня, вдающаяся в море, — это Кастель-Лясва. Противоположен был вид Черногории виду на Турцию и австрийское Приморье. Долго смотрели мы на густо синее небо, пропитанное лучами солнца, и на такое же синее море, не обращая внимания на то, что сильный ветер пронизывал насквозь и едва не заставлял дрожать от холоду; я сидел на камне, а старик Спиро, опершись на ружье, стоял возле меня и сильно задумался.

— Ты устал Спиро?

— Нет, — отвечал он и, помолчав немного, с грустью прибавил, указывая на Приморье и турецкую сторону, — все взяли: турки — поле, а латины — море, черногорцам одни камни остались!

Попов А. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
С. 1–24, 33–36, 165–175, 178–190, 192–194, 201–203, 207–208

В. А. Панов. Письма

Василий Алексеевич Панов (1819–1849) — отпрыск состоятельного симбирского помещика, выпускник филологического факультета Московского университета[1], свойственник семейства Аксаковых и Д. А. Валуева. Эти родственные связи, а также студенческая дружба с В. А. Елагиным способствовали его вхождению в круг славянофилов.

В 1840 г. Панов отправился за границу, сопровождая Н. В. Гоголя, с которым познакомился у Аксаковых, ради чего пожертвовал «всеми своими расчетами», то есть намерением сдать экзамен на магистра[2]. Путь лежал через Вену, Венецию в Рим, где Панов помогал писателю в переписке его рукописей. После «бегства» из Рима, которое «благословил» Гоголь, в мае 1841 г. Панов отправился в Берлинский университет[3]. Здесь он сначала слушал лекции по философии (гегельянца К. Вердера), а затем занимался географией и этнографией Сибири и Дальнего Востока у К. Риттера, а также историей у Л. фон Ранке и естественными науками у Й. П. Мюллера, что, по наблюдению Т. Ивантышиновой, свидетельствует о склонности к конкретному, не спекулятивному знанию[4].

Весной следующего 1842 г. с инициации в Праге, где Панов познакомился с вождями чешского возрождения (В. Ганкой, П. Й. Шафариком и Ф. Палацким), начинаются его славянские путешествия[5]. Особое место в них занимает поездка на Балканы, предпринятая по совету Шафарика, а затем вдохновленная общением с В. С. Караджичем в Вене. Традиционный маршрут поездки

[1] Панов поступил в университет в 1835 г. и окончил его в качестве кандидата. См.: Русские писатели. Т. 4. С. 523 (авторы статьи — Н. П. Розин, при участии М. В. Новиковой).

[2] Там же. С. 524. См. также: *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 36 и др. Письма Панова к К. С. Аксакову с информацией об этой поездке опубликованы с купюрами: Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / публ. и коммент. Л. Ланского // ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 590–594, 596–598, 602–604. См. также: *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004 (по указат.).

[3] См.: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 61. Л. 1–2 об. В. А. Панов — К. С. Аксакову, 25 мая / 6 июня 1841 г. Как установил Г. Цигенгайст, Панов числился слушателем Берлинского университета с 26 мая 1841 по 9 августа 1842 г. *Манн Ю. В.* Гоголь. С. 602; *Ziegengeist G.* Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // Zeitschrift für Slawistik. 1990. № 2. S. 177.

[4] В Берлинском университете, как сообщал Панов первоначально в письме К. С. Аксакову, он надеялся послужить «общему интересу», под которым, предположительно, следует понимать ознакомление с новой версией философии Шеллинга. См.: *Ивантышынова Т.* Василий Панов и его «Письма» из центральной и юго-восточной Европы // Встреча с Европой. С. 15–16. Ср.: Русские писатели. Т. 4. С. 524. Авторы биографической статьи утверждают, что Панов *слушал* в Берлине лекции Шеллинга. Однако до его приезда здесь господствовали гегельянцы. Вердер казался Панову сомнителен, поскольку «он что-то очень уважает Бакунина». См.: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. № 61. Л. 3–4 об. (В. А. Панов — К. С. Аксакову, 24–28 июня / 6–10 июля 1841 г.) Первая лекция Шеллинга в Берлинском университете состоялась 15 ноября 1841 г.

[5] См. хронометрированный маршрут этих поездок: Встреча с Европой. С. 117–118. Первые попытки Панова застать Шафарика в Праге на пути из Рима в Берлин, а затем и в самом Берлине, закончились фиаско. См. письмо К. С. Аксакову от 25 мая / 6 июня 1841 г.

по далматинским городам и местечкам с заездом в Черногорию, ставший шаблоном славянофильского туризма, дополнился у Панова более рискованным посещением турецкой территории (Герцеговины). Кроме того, в поездке по Дунаю в феврале–марте 1843 г. Панов на 5 дней заезжал в Белград.

Славянские путешествия Панова хорошо документированы его письмами к матери (они опубликованы Т. Ивантышиновой и М. Ю. Досталь), К. С. Аксакову и М. П. Погодину[1]. Жанр этих писем выходит за рамки частной переписки, и, как заметили публикаторы, даже письма к матери «…утрачивают форму интимного самовыражения, и [в них] начинает преобладать конкретная информация, предназначенная для более широкого круга читателей»[2]. Очевидно, их следует рассматривать как приготовительный материал к публикации записок путешественника по славянским землям. Этот замысел был реализован лишь отчасти. Между тем в письме Ганке 11 июня 1844 г. Панов писал: «Наконец я написал небольшой отрывок из своего путешествия. Он печатается в Историческом сборнике Валуева и будет совсем готов через несколько дней; отдельные экземпляры будут продаваться в пользу некоторых православных церквей в Далмации и Герцеговины. Этот первый отрывок заключает описание Которского округа в Далмации[3]. Продолжение выйдет осенью; в нем будут остальные части Далмации и путешествие по Герцеговине с кратким очерком истории сербов и вообще южных славян. Я хотел бы таким образом выдать постепенно все путешествие свое по землям южных и западных славян и по всякой стране присоединить краткий очерк ее исторической судьбы». С этой целью Панов просил Ганку послать ему необходимые материалы[4].

По возвращении на родину Панов предпринял шаги по организации славянофильской благотворительности[5], занимался публицистической и редакторской работой, сначала в сотрудничестве с Валуевым, а после его смерти

[1] *Досталь М. Ю., Ивантышинова Т.* Славянские проблемы в переписке славянофилов: Письма В. А. Панова К. С. Аксакову в 40-е годы XIX в. // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 4. Брянск, 2002. С. 390–400.

[2] Симптоматично, что Панов просил мать сделать «выписки из писем и послать их Погодину». *Ивантышынова Т.* Василий Панов... С. 13.

[3] В «Сборнике исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (вышел в свет только в декабре 1845 г., уже после смерти редактора) помещен анонс второго тома этого издания с указанием на статью «Далмация и Герцеговина. Отрывок из путешествия по землям южных и западных славян» (без имени автора). Однако второй том сборника не был опубликован. Отрывок вышел отдельной брошюрой: *Панов В. А.* Путешествие по землям западных и южных славян. Вып. 1. Которский округ в Далмации. М., 1844. Об издательской деятельности Валуева см.: *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 42–62.

[4] Письма к Вячеславу Ганке... С. 843–845. Планы Панова были частично реализованы в серии исторических страноведческих статей, опубликованных в редактировавшейся Валуевым «Библиотеке для воспитания» (журнал был учрежден в 1843 г. на паях с университетским профессором Н. Г. Редкиным; Валуев заведовал в нем отделом детского чтения). См. библ.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. С. 261 (автор статьи — Л. П. Кондаурова).

[5] *Серягин С. Н.* Участие В. А. Панова в помощи балканским славянам // Славяноведение. 2017. № 1. С. 73–78. См. также вступительную статью к дневникам Ф. В. Чижова.

осенью 1845 г. продолжил реализацию замыслов товарища[1]. В частности, он выступил редактором двух «Московских сборников» (1846, 1847), которые рассматривались как замена «Москвитянину» после возвращения его под редакцию Погодина (первые три номера журнала за 1845 г. редактировались И. В. Киреевским, что давало надежду на превращение его в славянофильское издание)[2]. Кроме того, он служил переводчиком в 1 отделении Московского главного архива МИД (1847–1848) и готовил к защите диссертацию[3]. Ранняя смерть оборвала эти планы.

М. П. Погодину
Венский Новогород (Wienner Neustadt)[4]
1842 15/3 сент[ября]

Почтеннейший Михаил Петрович!

Когда я в Вене был у Вука Стефановича [Караджича], он меня спросил о Вас, о ваших планах путешествия, и услышавши, что Вы не думаете уже теперь ехать в Белград, или по крайней мере в этом не уверены, он меня просил Вам написать, что если Вы на это решитесь и отложите намерение ехать в Париж, то он готов всюду вас сопровождать, водить Вас пешком, по Венгрии, по Сирмии, по всем монастырям, укажет вам все рукописи старопечатных книг. Я виноват, что не исполнил тотчас этого поручения и пропустил три дни. Но авось письмо мое застанет Вас еще в Мариенбаде[5] и будет иметь счастливый успех... Возвратившись в Прагу, я пробыл там еще три дни и поехал потом в дилижансе прямо в Вену[6]. Сидя в кабриолете, я на каждой станции говорил с ямщиками — это одно удовольствие, единственное средство что-нибудь узнать, которое доставляла мне эта несносная езда в дилижансе. Я по крайней мере узнал, что по этой дороге от Праги до самого Зноима[7] в простом народе нигде не прерывался язык че[ш]ский. Прекрасную Моравию, столь богатую воспоминаниями я должен был проехать, нигде не останавливаясь. В субботу 10 сент[ября], часа в 4 по полудни, подъезжая к Штокерау[8], предпоследней станции до Вены,

[1] Именно Панов составил посмертную «Биографию Д. А. Валуева» (М., 1846: автор обозначен литерой «В»). О его участие в поддержании памяти о покойном друге см.: Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / под ред. кн. Н. В. Голицына. М., 2013 (1-е изд.: СПб., 1911). (По указат.)

[2] О Панове-редакторе см.: *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. С. 63–87.

[3] О ней упомянуто в письме М. Н. Каткову от 21 января 1849 г. См.: *Ивантышынова Т.* Василий Панов... С. 12. (Примеч.)

[4] Винер-Нойштадт (Нижняя Австрия).

[5] Панов встречался с Погодиным и Шафариком в Мариенбаде 4 сентября / 23 августа 1842 г. См.: Встреча с Европой. С. 48. Письмо матери от 12 сентября / 31 августа 1842 г. Мариенбад — современный Ма́рианске-Ла́зне (Чехия).

[6] Прямо в Вену — вставка над строкой.

[7] Зноймо — город в Южной Моравии.

[8] Штоккерау (нем. Stockerau) — город в Нижней Австрии.

я вдруг увидел пред собою длинный ровный ряд высоких холмов, а за ними вдали чудные массы, рисующиеся на небе, тонким оттенком отделяясь от облаков; — у меня сердце забилось, я узнал в них Альпы. Это виднелась уже снежная гора (der Schneeberg), находящаяся почти мили за три за Веной. Передо мной простирался так называемый Голый хребет (Kahlengebirge) — последний отпрыск Альпов на С[еверо-]В[осток]. Под ним невидимо бежал Дунай. Поворотивши налево, дорога пошла вдоль его неубиянного <?> берега, вместе с тем обогнула этот небольшой хребет, поворачивая направо, прошла между Леопольдовскою и Баденбергскою горою и около 8 ч[асов] веч[ера] привела нас в Вену.

В воскресенье я был у нашей обедни; имел неожиданное удовольствие видеть церковь, полную разными славянами, в разнообразных европейских и азиатских костюмах. Это были все наши единоплеменники и православные единоверцы. Архимандрит наш отец Порфирий служит прекрасно. Его знакомство было мне неожиданно любопытно и полезно. Он именно нынешнее лето сделал путешествие в Далмацию. Он мне рассказал его и дал мне много указаний. Он отозван в Петербург, куда скоро поедет[1].

Два года тому назад я прожил целый месяц в Вене, нисколько не подозревая, что по крайней мере ¼ ее народонаселения — чистые[2] славяне. Теперь я имею уже ухо для того, чтобы заметить это на улицах. Я познакомился с некоторыми молодыми чехами. Особенно мне понравился один молодой серб, или иллир, из Военной Кроации Курелац[3]. Он у нас был бы, мне кажется, чрезвычайно полезен. Кроме своего природного языка, и след[овательно], языка почти всех южных славян, он знает прекрасно по-чес[ш]ки и по-пол[ь]ски, и, кроме того, по-французски (он живет уроками фр[анцузского] яз[ыка]), по-итальянски и, разум[еется], по-немецки, говорит свободно по латыни, и вообще человек очень образованный и чрезвычайно скромный. Я нарочно вам об нем пишу: может быть, вы захотите его отыскать, когда будете в Вене. Вук Стефанович его знает. Я с ним читал сербские песни. Чи[тал][4] тоже сербские и иллирские газеты с кирилловс[кими] и латинскими буквами. С этим сербом и одним молодым[5] чехом, Dr. Гауфом, я целый день проходил по окрестным горам и даже ночевал на Лысой горе[6]. От последнего я узнал весь быт молодых образованных славян в Вене. Из этого можно легко понять все пружины, все механизмы и системы... Нынче по утру я выехал из Вены по жел[езной] дор[оге] до Нового

[1] Порфирий, в миру Успенский Константин Александрович (1804–1885) — священнослужитель, писатель, историк и археолог, коллекционер — в чине архимадрита служил в посольской церкви в Вене в 1840–1842 гг., после чего был отправлен Синодом с особой миссией в Иерусалим. Его преемником в Вене стал протоиерей М. Ф. Раевский.

[2] Слово вставлено.

[3] Фран Курелац (1811–1874) — хорватский лингвист и собиратель фольклора, участник иллиристского движения

[4] Край надорван при вскрытии.

[5] Слово вставлено над строкой.

[6] Эта прогулка описана: Встреча с Европой. С. 50–51.

Места[1]. Отсюда мне должно посмотреть живущих здесь недалеко так называемых водяных хроатов (Wasserkroaten)[2]. От Dr. Гауфа я имел письмо к профессору ческого языка здешней академии обер-лейтенанту Фиалке[3], в котором я нашел прекрасного человека. Он сам начертал мне план этой маленькой страны, обитаемой хроатами. Завтра рано я туда отправлюсь пешком и думаю возвратиться сюда в суб[боту] веч[ером], чтобы ехать с ним в <?> Градец[4].

5 числа окт[ября] я из Триеста долж[ен] выехать на пароходе в Дубровник. Дай Вам Боже здоровья и сч[астья][5].

НИОР РГБ. Ф. 231/II. К. 23. № 68. Л. 4–5

К. С. Аксакову

Белград 1843-го Задар (Zara) 1843-го марта 1-го / февр[аля] 17-гофевр[аля] 1-го / генв[аря] 20-го

Любезный мой Константин Сергеевич, простите мне мою леность — это слова, которыми, к моему несчастью, я должен начинать каждое письмо. Принужденный теперь оставаться несколько дней в одном месте, где не нахожу занятия, я решился, хотя поздно, дать Вам о себе известие. Может быть, Вы обо мне слышали что-нибудь от Мих[аила] Петр[овича] Погодина, которого я видел в начале сентября в Мариенбаде. Итак, я начну с того времени.

Мне хотелось до моего возвращения в отечество посетить земли, обитаемые нашими единоплеменниками. Составляя, может быть, половину того мира, который мы привыкли называть Германским, но разъединенные, они находились в такой тени, что сами себя не могли узнать, до тех пор, пока солнце России не взошло их осветить, и Боже мой! какой тогда открылся новый мир. Какие переходы! Давно ли было время, когда мы, узнавши Европу, не хотели более признавать самих себя, а между тем большая часть Европы теперь начинает узнавать себя в нас. Несколько часов езды из Берлина перенесли меня в место, где простой народ говорит[6] языком[7] славянским. Две недели ходил я по селам Нижней и Верхней Лузации, где народ себя называет сербами, а язык свой серским[8]. Священники должны в них говорить проповеди на языке народном, и это одно обстоятельство сохранило его до сих пор в состоянии издыхания, недавши

[1] То есть в Винер-Нойштадт (нем. Wiener Neustadt) в 50 км от Вены.

[2] Этническая группа, проживающая в Бургенланде (Австрия).

[3] Мориц Фиалка (1809–1869) — профессор Военной академии, литератор. См.: Встреча с Европой. С. 52. (Примеч. 9.)

[4] Славянское название Граца — административного центра Штирии в современной Австрии.

[5] На штемпеле значится: Neustadt, 16 sept.

[6] Далее зачеркнуто: другим.

[7] Далее зачеркнуто: нам.

[8] Подчеркнуто Пановым. Речь идет о лужицких сербах (лужичанах). Лузация — область Лужица, поделенная между современными Германией и Польшей.

ему умереть совершенно. Но в Верхней Лузации, особенно в той части, которая принадлежит Саксонии и соседит с Богемиею, пробудилась теперь в молодежи чувство национальности и в Будишине (Bautzen)[1] я нашел молодых гимназистов, которые горячо занимаются образованием своего языка; я имею все их имена. Между ними один обещает много. Я был у него дома в близлежащем селе; на дороге увидал отца за сохою, а взошедши в дом, нашел у сына не только книги на четырех или пяти европейских языках, не говоря о почти всех наречиях славянских, но даже грамматику санскритскую, между тем, этот юноша никогда не говорит на другом языке, как на своем серском.

Богемию я проехал скоро — там и без меня найдется довольно людей, которые пойдут по селам, чтобы знакомиться с народом. Свидание с Шафариком переменило совершенно план моего путешествия: вместо того, чтобы через Моравию, Венгрию, Галицию, Славонию, Кроацию и т. д. подвигаться мало-помалу к югу, до крайней точки славянства, до Черногории, как было прежде мое намерение, я должен был самым быстрым и прямым путем отправиться через Вену в Триест и оттуда на пароходе в Котор (Cattaro), последний окружный город Далмации, лежащий под Черною Горою. Ужасными красками описал мне Шафарик путование по Далмации: по его словам, можно только путешествовать по ней летом, когда можно проводить ночь под открытым небом, если нигде не найдешь ночлега, и питаться какими-нибудь плодами, если не найдешь обеда. Он мне говорил, что если я не потороплюсь[2] пройти эти страны в начале октября, то после уже будет поздно, и надо будет опять дожидаться лета. Я тогда не знал, что для русского нет времени, когда бы здесь могло быть дурно, но послушался его. Пароход из Триеста в Далмацию до ноября отправляется[3] всякий месяц два раза 5-го[4] и 20-го. Я выехал из Вены 14-го сент[ября], с тем чтобы к 20-му быть в Триесте, но к счастию, я решился опоздать еще двумя неделями, и эти две недели я употребил, чтобы обойти пешком часть Нижней Штирии и Каринтии[5], где нашел народ чрезвычайно интересный. Как и в Лузации, я ходил из прихода в приход, останавливаясь у священников, у которых нашел большое гостеприимство и во многих большое сочувствие. В начале октября я приехал в Триест и 5-го отправился на пароходе в Далмацию. В этот раз я увидал только некоторые приморские города, в которых пароход останавливался только на ночь: Задар, Шибеник (Zara, Sebenico), Сплит (Spalatro), Курцолу (на острове того же имени), Дубровник (Ragusa) и Котор (Cattaro). В последний я приехал на шестой день, нашел там Попова, который только что возвратился из Черной Горы: он в тот же день хотел ехать назад в Триест с пароходом, на котором я приехал, но увидавши меня, решился со мной вместе опять

[1] Здесь и далее, упоминая населенные пункты Австрийской империи, Панов в скобках указывает немецкие, а в случае далматинских названий — итальянские эквиваленты.

[2] Далее зачеркнуто: захватить.

[3] Слово вставлено над строкой.

[4] Цифра вставлена над строкой.

[5] Две области Цислейтании в составе Габсбургской монархии, современная Словения.

отправиться к владыке[1]. На другой день мы были уже в Цетинье, где я прожил две недели. Время было дурное, беспрерывные проливные дожди с ужасными грозами, так что мы не могли выходить из границ Цетинского поля, занимающего может быть верст 8 в окружности. Мы были всегда с владыком. Это чудный человек, которого я полюбил всею душою. Узнавши его, я могу сказать, что узнал Черногорию, великий дух ее сынов, ее прошедшую судьбу и все ее надежды. Кроме Цетинье, я видел только Риечку и Церницу нахию[2], куда пошел, несмотря на дурное время, чтобы лучше познакомиться с простыми черногорцами. Часто мне казалось, что я живу в героические времена Греции. Я думаю, нельзя найти в мире два племени, которые бы представляли в некоих отношениях и именно в отношении к поэзии такую разительную аналогию, как греки *во времена догомерические* и теперешние черногорцы. Я слышал песни, в которых восхвалялись события, происшедшие, может быть, несколько месяцев тому назад. Я приведу Вам пример необыкновенной поэтической силы и полноты этого народа. Что касается до героизма, то мне кажется, что в наши времена его можно понять только в этом уголке Адриатического моря.

(*Белград* 1843-го г. марта 1-го / февр[аля] 17-го). Теперь не леность, но в самом деле поспешательства и трудности пути, а иногда и обстоятельств, были причиною, что целый месяц я не мог продолжать начатого Вам письма. Итак, расставшись с владыкою, с которым вместе был в Которе (Cattaro), когда туда приезжал брат австр[ийского] импер[атора] эрцгерцог Карл[3], я сухим путем стал обходить Далмацию, начиная с Которского округа. Не имея возможности описывать Вам с некоторою[4] подробностию все места, которые видел, не стану называть и одни частые имена. В начале ноября я приехал в Дубровник (Ragusa) с намерением пробыть там несколько дней и продолжать путь далее. Но вдруг явился ко мне туда один черногорец с письмом от владыки. Надо Вам сказать, что мне чрезвычайно хотелось из Далмации посетить Ерцеговиню[5], пограничную турецкую провинцию, но все меня уверяли, что это предприятие было бы безумием, потому что путешествие такое опасно для всякого европейца, а для русского соединено с верною погибелью[6]. Владыка даже между всеми черногорцами один был другого мнения — он надеялся на действие своего поручительства и прислал мне письмо к Али паше, визирю ерцеговачкому.

[1] См. вступительную статью к отрывкам из книги А. Н. Попова.

[2] Имеется в виду Црмницкая нахия.

[3] См. следующее письмо.

[4] Слово вставлено над строкой.

[5] Здесь и далее: Герцеговина.

[6] Для турка нет высшего ругательства, как назвать человека московом. Когда обыкновенное ругательство, которое в здешних странах совершенно такое, как в нашем народе, ему недостаточно, он прибавляет — москов и это nec plus utra [дальше некуда (лат.)]. Напр[имер], эб...тим мóсков, или эб...ный мóсков и пр. (примечание Панова на левом поле страницы).

10 ноября / 28 октября я отправился из Дубровника в Мостар, место пребывания визиря и столицу Ерцеговини; чрез две недели я здраво возвратился опять в Дубровник — в карантин. Благодаря письму владыки, я имел всю возможную помощь от визиря и совершил это путешествия, хотя с большими трудностями, но безвредно. Как избавленного от смерти приняли меня добрые дубровчане. Сильное участие и соболезнование к судьбе несчастных православных[1] сербов, находящихся под жестоким гнетом отступников веры, называемых турками (во всей Ерцеговине я не нашел 10 человек, которые бы умели говорить по-турски — начиная от визиря и до последнего нищего сербина все равно говорят сербским языком, различие делает только религия: если сербин примет нынче магометанскую веру, то называется уже турком и делается тираном своих прежних братьев). Желание помочь этим нашим братьям — вражда, ненависть, злость, отвращение непреодолимое[2] ко всему, что носит имя турчина, — вот чувства, которые я вынес из этого путешествия.

Шесть недель я прожил в Дубровнике и, по крайней мере, на шесть недель было бы мне об нем писать. Весь этот теперешний округ, бывшие владения [Венецианской] Республики, я узнал с подробностью. 15/3 генваря на пароходе уехал я оттуда чрез Курцолу, Лессину[3], Сплит (Spalatro), в Шибеник (Sebenico). Отсюда ездил во внутренности Далмации, которая здесь простирается на несколько дней хода в ширину. Потом из Шибеника сухим путем чрез Скрадин (Scardona), Бенковац приехал в Задар, откуда начал было Вам писать. Из Задра я еще посетил несколько наших монастырей и в Обравце, местечке, лежащем у подножия Велебита, хребта гор, отделяющего Далмацию от Военной Кроации[4], я сел на дилижанс, который из Задра ходит два раза в месяц в Кроацию, и через четыре месяца и 2 дни после того, как я первый раз увидел Далмацию, я выехал совсем из ее границ. Я думаю, что пока я буду жив, я не забуду этой в высшей степени занимательной страны. Со всяким местом, где бы я останавливался, хотя бы на несколько часов, соединено какое-нибудь имя, которому я вечно обязан благодарностью. Шайка разбойников, называемых там айдуками, держит в страхе Задарский округ, но меня посылали всюду свободно с полною уверенностью, что я нашел бы в них помощь, если бы они встретились со мною. Больше я Вам писать не смею. 11-го февр[аля] / 30-го генв[аря] вечером приехал я в Загреб (Agram). Я думал там прожить месяц, но приехавши туда узнал, что мне должно тотчас оттуда выехать[5]. Едва протянул я до трех

[1] Слово вставлено над строкой.

[2] Два слова вставлены над строкой.

[3] Остров Хвар (ит. Lesina) отделен Корчулы (Курцолы) Корчульским каналом.

[4] Хорватская часть Военной границы, особого административного округа Австрийской империи, примыкающего к турецким владениям.

[5] Срочный отъезд, очевидно, был вызван политическими соображениями. 18 января 1843 г. в Загребе был объявлен императорский декрет о запрещении в печати употреблять термины «иллиры», что означало наступление властей на хорватское национальное движение. См.: *Лещиловская И. И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968. С. 258 и др.

дней и 15/3-го февр[аля] отправился я оттуда на одних лошадях чрез Военную границу в Новый Сад, куда приехал ровнопосле 7дней езды[1]. Это первый город в Австрии, заключающий до 15 т[ысяч] жителей, в котором я не слышал почти другого языка, как сербский, преобладающий там во всех отношениях, кроме административного. Там я прожил почти пять дней, дожидаясь парохода, с которым хотел отправиться в Земун (Semlin), австрийский город, лежащий против Белграда.

Я познакомился с живущими[2] там теперь главными сербскими изгнанниками Ефремом Обреновичем, Радичевичем, Протичем[3] и др. Я выслушивал от них весь ход дел, разумеется, с их точки зрения. Из Нового Сада я дважды ездил обедать в Карловац, лежащий оттуда в 10 верстах, к нашему митрополиту Иосифу Раячичу[4]. Он славный человек. Он пять лет был православным епископом в Далмации от 1829 до 1834 г.[5] Мы с ним не могли довольно об ней наговориться. Когда я услышал, с каким знанием, с какой любовью, он говорил об нашем тамошнем народе, я его самого полюбил всею душою. В библиотеке я не видал ничего особенного, кроме драгоценной «Истории Сербии», написанной сербским деспотом Георгием Бранковичем[6], о котором я узнал уже прежде. Я приставал к митрополиту, чтобы он сделал доступным свету эту важную рукопись. Он обещал завести типографию в одном из ближайших фрушкогорских монастырей и тотчас приступить к ее печатанию. Надо бы у нас собрать список подписчиков, чтобы показать, сколько бы у нас нашлось на то охотников — это бы, может быть, более всего его побудило приступить скорее к делу.

Боже мой! Как любопытна история сербского народа — не теперешняя — нет — это только страшный и вместе с тем жалостный переход, — но древняя, до последнего порабощения турками. Эта история живет только в поэтическом сознании простого народа, и больше никто ее не знает. Здесь было свое время рыцарства, с таким полным развитием, какого с трудом станете искать и на Западе.

Итак я в воскресенье вечером 26/14 февраля отправился на пароходе в Земун, куда приехал на другой день по утру и тотчас же на лодке переехал на другую сторону в Белград. Что я Вам скажу о Сербии? Я об ней не могу говорить равнодушно. Я так сильно желаю восстания[7] этого народа, а между тем, что вижу, над этим можно только плакать и плакать! Я ни за изгнанных, ни за го-

[1] Ср.: Встреча с Европой. С. 100. В письме матери Панов также пишет о семидневном пути и прибытии в Нови Сад 8/20 февраля 1843 г.

[2] Слово вставлено над строкой.

[3] О Е. Обреновиче и С. Радичевичесм. примеч. к письмам И. И. Срезневского. Георгий Протич (1793–1857) — попечитель по иностранным делам и представитель князя в правительстве в 1840–1842 гг. Все они покинули Сербию после переворота 1842 г., который привел к власти династию Карагеоргиевичей.

[4] Иосиф Раячич (1785–1861) стал карловацким митрополитом в 1842 г., с 1848 г. — патриарх.

[5] Вернее, до лета 1833 г., когда он стал вршацким епископом.

[6] См. примеч. к путевым запискам П. И. Кеппена.

[7] Здесь: возрождения.

сподствующих: оставьте этих — развитие остановлено, и народ прозябает; возвр[а]тите [пре]жних[1], опять может произойти все то же. Да и все они одни, всех бы и на одну осину[2].

Народ в этом отношении глуп и ничего не знает. Энтузиазм к своему избавителю совсем другое, нежели любовь к своему законному монарху, которая в народе укореняется веками, и которую он переносит на лицо, хотя и ничтожное. Здесь все, что в это время могло еще развиться — это разве только колеблющаяся любовь к князю, но к какому князю, из какого рода? Этого народ сам не знает: ему все равно[3], какого не поставите, все будет со вчерашнего дня, и потому так легко всякому его подкупать и заставлять орать[:] мы не хотим этого, мы не хотим другого. И этим пользуются некоторые властолюбцы, злоупотребляющие своим влиянием или блистательными дарованиями, данными им природою. Сербия еще далеко не представляет целого органического тела, которое бы могло само себя поддерживать — и это причина всему злу. Боже! придет ли время, когда она будет управляться одною, сильною рукою, и эта сильная рука воздвигнет весь народ православный, и с развитием освобожденного в нем духа, соединенный в одно, процветет опять этот богатый [не] меньше степей Африканских известный полуостров! Боже дай... Боже дай!.. Прощайте Константин Сергеевич! Ради Бога дайте об себе известие. Я здесь не могу пробыть больше еще одного дня: чрез две недели надеюсь быть в Вене, чтобы оттуда собираться к возвращению[4]. Там буду дожидаться Вашего письма (poste restante[5]). Напишите мне, пожалуйста, на чье имя я бы мог послать в Москву свои книги, так, чтобы они прошли свободно без ценз[уры]. Сделает ли одолжение принять их на себя Мих[аил] Петр[ович] или Степ[ан] Петров[ич][6].

[1] Лист надорван.

[2] В Белграде Панов успел переговорить и с новым князем Александром Карагеоргиевичем, и с предводителями переворота Т. Вучичем-Перишичем, А. Петрониевичем, с кем-то из братьев Симичей (вероятно, Стояном), другими представителями правительства. В письме матери от 6/18 марта 1843 г. он писал: «Многие их последние жестокие действия (о которых я никогда прежде не слыхал), предполагая, что они мне уже известны, сами они мне их вновь рассказывали, чтобы представить их в лучшем виде. Напр[имер], о яме, в которую сажали под арест <...> Изо всех их слов я мог только извлечь одно: что они были прежде обижены и силою хотели возвратить свои права. Ужасно! Если б не надежда, что это скоро пройдет, что они получат заслуженное наказание, и что после этого все обратится к лучшему; если б не эта надежда, говорю я, можно почитать Сербию теперь пропащею». Встреча с Европой. С. 105. О земляной тюрьме и в целом о репрессивной политике уставобранителей вскоре после свержения Обреновичей см.: *Поповић Р. Ј.* Тома Вучић Перишић. Београд, 2003. С. 149–151. На суждения Панова очевидным образом оказал влияние Г. В. Ващенко. См. его донесения этого периода: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX века: Документы российского МИД. М., 2013.

[3] Слово вставлено над строкой.

[4] Панов прибыл в Вену 5/17 марта, успев еще побывать в Пеште и встретиться с Я. Колларом. См.: Встреча с Европой. С. 103–110. Письмо матери от 6/18 марта 1843 г.

[5] До востребования.

[6] Имеются в виду профессора Московского университета Погодин и Шевырев.

Из Вены я не знаю, какою дорогою я поеду — или на Одессу, или на Петербург, или прямо в Москву; в этом меня решит тоже письмо, которое я надеюсь найти в Вене и которого я лишен уже почти пять месяцев!..[1]

Перед отъездом из Нового Сада я имел перед глазами одну довольно толстую книгу, только что вышедшую в Лейпциге книгу под заглавием <...>[2]. Ужас какая гадость: преподлая книга: вздумали противопоставлять нам западное славянство — тогда это выйдет настоящее кукольное славянство.

Пожалуйста, засвидетельствуйте всем Вашим мое искреннее почтение и совершенную привязанность. Имеете ли Вы какие-нибудь известия о Гоголе? Весь Ваш навсегда В. П[анов].

ОПИ ГИМ. Ф. 178. № 35. Л. 98–99

Котор 1842 г. Октября 16/28 5 ч. по полудни[3]

Пушки гремят с крепости беспрестанно, колокола звонят во всех церквах, музыка играет на берегу моря, к которому пристает в эту минуту пароход е. и. в. эрц-герцога Франца Карла[4]. Процессия граждан в национальных костюмах, всех общин округа, с знаменами и музыкой, прошла на набережную: все бросилось туда или на улицы, которыми принц пройдет с берега в дом губернатора. В доме где я сижу, на площади передо мной, нет ни одной души; только на крыше нашей православной церкви св. Луки, на которую можно было перепрыгнуть из моего окошка, стоит человек, звонящий изо всех сил в колокола. Я никуда не пошел, я предпочел лучше описать вам эту минуту; она в самом деле интересна. Мне хотелось видеть только одно — нашего владыку черногорского в его монашеском архиерейском облачении. Как и во все дни, я был у него

[1] На обороте листа вписан адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю Константину Сергеевичу Аксакову в Москве, на Сенной, что на Смоленском рынке, в доме Требниковой». Здесь же другими чернилами, по-видимому, запись почтового служащего: Neusatz (Нови Сад); и два штемпеля: Peterwardein (Петроварадин). Ниже см. две приписки-постскриптума, сделанные Пановым на первом листе письма: первая — на левом поле, вторая — на верхнем.

[2] Название крайне неразборчиво, но в нем угадывается «Serbien, Russlandunddie Türkei», изданная анонимно в Берлине (а не в Лейпциге!) в 1843 г.

[3] Публикации письма в путевом очерке Панова предшествует краткое предисловие: «Две недели пробыл я в Черногории и возвратился в Котор с владыкою, который прибыл туда на свидание с наследным эрц-герцогом австрийским Францем Карлом, во имя брата своего путешествовавшим по его владениям. Приведу место из одного письма моего, написанное в минуту пребывания принца в Которе». В сохранившейся переписке Панова подобное письмо не обнаружено и его адресат неизвестен. См.: *Ивантышынова Т.* Василий Панов... С. 24. Примеч. 54.

[4] С братом австрийского императора Фердинанда I Францом Карлом (1802–1878) черногорский владыка мог обсуждать недавно заключенное перемирие между ним и герцеговинским пашой.

с самого утра. После обеда вскоре пришли ему объявить, что пароход с принцем приближается. Он пошел облачиться, чтобы идти поздравить его в доме губернатора и сказать ему, что желает иметь с ним переговор. Через минуту он был уже готов, потому что только надел свою мантию сверх черногорского платья. Я остолбенел, когда увидел его в этом одеянии, в котором его никогда не видал прежде. Как чудно хорош он был в эту минуту! Длинная фиолетовая бархатная мантия, черный высокий клобук, увеличивали необыкновенно и без того чрезмерный его рост. Но ничего не было в нем несоразмерного: он не казался длинным, но огромным, величественным. Он не был бы так грозен, когда бы на нем было все оружие черногорское. Мрачность и гордость невольно проглядывали в его лице. Видно было, что это была жертва с его стороны, что только для пользы своего народа он решился идти поклониться чужому принцу, который, может быть, об нем и не думал. Тысячу раз веселее стоял бы он в самом пылу сражения. Своих черногорцев послал он стоять у входа в губернаторский дом; одного взял с собою. Я шел с ним вместе чрез небольшой переулок, отделяющий его квартиру от моей. Поступь его была непринужденно величава. Я замечал, в каком остолбенении останавливались перед ним люди, которые еще встречались на этой улице. Они были поражаемы этим видом и низко, низко перед ним преклонялись.

Так и для меня этот день сделался памятным, который наделал столько шума в Которе. Смешно было право видеть, как все здесь нарядились; всякий, как будто ему должно было представляться принцу; с какимнетерпением ожидали его прибытия. Как в самое большое торжество, как в итальянских городах бывает во время карнавала, особенно в Риме на Корсе[1], изо всех окошек вывесили разные украшения; только вместо ковров и парчей здесь служило для этого что ни попало, какое богатство случилось в доме; а это богатство здесь, как и во всех городах Далмации, исчезает и редеет вместе с городской аристократией. Из одного окошка высовывался целый кусок неразрезанных ситцевых платков, из другого пестрое, стеганное одеяло, кое где показывался и ковер или шелковый платок. Недель шесть тому назад я был в Градце[2] (столице Штирии), в то самое время, как там был этот же самый принц с тою же самою целию, как и здесь. И какая разница! Здесь еще вчерась каждый, ничего не знавший, прежде спросил бы, что за необыкновенный день готовится, а там я только вечером по иллюминации узнал о присутствии принца. Конечно, здесь очень редко, а там часто видят царственных особ; но эту разницу делает еще более различие характеров. Здесь славянская приверженность и влияние итальянской живости, а там одно влияние однообразной жизни немецкой. И наши черногорцы нарядились, потому чтои они, по-видимому, очень любят иногда наряжаться. И даже старик Стефан (один из черногорских старшин) надел светлые башмаки с бантами; только его одна Катунская (Катунь — один из уездов черногорских) шапка осталась неизменною...

[1] Корсо (Виа дель Корсо) — одна из главных улиц исторической части города.

[2] Грац.

Меня тут прервали, и после я не успел докончить описания празднеств, которые продолжались с пятницы вечером в субботу, воскресенье и до отъезда принца в понедельник в шесть часов утра.

Панов В.А. Путешествие по землям западных и южных славян. Вып. 1. С. 20–21

В.А. Елагин. Письмо матери

Василий Алексеевич Елагин (1818–1879), отпрыск большого семейства Елагиных-Киреевских[1], принадлежал к генерации «молодых славянофилов». В 1839 г. он окончил в статусе кандидата юридический факультет Московского университета, где учился вместе с А. Н. Поповым, занималсяу О. М. Бодянского, слушал лекции М. П. Погодина[2]. В конце 1842 г. Елагин отправился для продолжения образования заграницу и, в частности, в Берлинский университет, куда ранее выехал его приятель Попов[3]. Сохранилось письмо матери Авдотье Петровне Елагиной от 23 декабря 1842 г., в котором ее сын делится берлинскими впечатлениями, жалуется на «неученую Германию» и рассказывает о русских студентах и слушателях[4]. Амбиции Елагина распространялись, как и у Попова, на занятие кафедры в Московском университете. Его мать сообщала в письме Попову от 2 марта 1843 г. о визите на ее именины университетских профессоров, что дало случай составить протекцию им обоим. В частности, в разговоре с Погодиным именинница

[1] См. о нем: *Коншина Е.Н.* Архив Елагиных и Киреевских // ЗОР ГБЛ. Вып. 15. М., 1953. С. 18–42. Среди недавних публикаций см. воспоминания Е.И. Елагиной (урожденной Мойер), жены В.А. Елагина, и их дочери М.В. Беэр: РА: Альманах. [Т. 14]. М., 2005. С. 269–414.

[2] Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. С. 156. (Автор статьи — Л.П. Лаптева.) Русские писатели. Т. 2. С. 218–220. (Автор статьи — С.С. Ванеян). Об участии М.П. Погодина в воспитании «молодых славянофилов» см.: *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.

[3] *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005. С. 335–336. Автор особо подчеркивает роль Берлинского университета, в частности при подготовке российских юристов в 1830–40-е гг. А.П. Елагина сообщила об отъезде своего сына в Берлин «на днях» в письме А.Н. Попову от 23 сентября 1842 г. См.: РА. 1886. № 3. С. 336.

[4] НИОР РГБ. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 1–2 об. (на берлинском штемпеле дата — 9 января, поэтому можно предположить, что письмо датировано по юлианскому стилю). По свидетельству В.А. Елагина, его товарищ «Попов весь в философии и в искусствах, которыми много занимается». Другой московский знакомый, М.Н. Катков, «принадлежит к энтузиастам Шеллинга», в январе будет в Москве и расскажет о теперешних взглядах философа. Раньше гегельянец, теперь он «самый пламенный энтузиаст нового направления германской науки. Может быть, поэтому самому мне он и нравится. Да еще потому, что он согласился с нами, то есть со мною и Поповым в *любви* к немцам, особенно русским немцам». Еще один знакомый — приятель и член кружка Н.В. Станкевича А.П. Ефремов, который 5-й год живет в Берлине и 4-й занимается одной географией у берлинского светоча этой науки К. Риттера. Он «человек замечательный своею необыкновенною добротою». Среди других 6 или 7 будущих русских профессоров Елагин не нашел ни одного, о котором хотелось бы написать. О русских студентах и слушателях в Берлинском университете в этот период см.: *Андреев А.Ю.* Русские студенты... С. 318–338. Автор опирался на другие источники, опубликованную переписку Станкевича, Каткова и др. Обзор литературы и новые сведения о русском шеллингианстве см.: *Резвых П.Ф.* В.Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // НЛО. 2008. № 91. С. 141–186.

упрекнула его в том, что тот забыл о ее сыне, и профессор пообещал передать ему свою кафедру через год или два[1]. Елагина рекомендовала Попову и Елагину написать попечителю графу Строганову, чтобы онсанкционировал продолжение их заграничной командировки за частный счет для дальнейшего занятия кафедры (Попов мог рассчитывать, по мнению Елагиной, которая консультировалась с навестившими ее профессорами, на кафедру философии). Вероятно, еще ранее был составлен план поездки Елагина в славянские земли — о нем, как и о посещении Парижа, упоминается в том самом письме его матери.

В апреле 1843 г. Елагин был уже в Праге, где посетил Чешский музей и познакомился с вождями «национального возрождения» В. Ганкой и П. Й. Шафариком[2]. Последний так нахваливал его мать, с которой общался во время ее заграничного путешествия[3], что ее сын «особенно его полюбил». Книжный интерес к славянскому племени воплощался в опыт живого общения. Как только Ганка объявлял своим знакомым, что его спутник русский, то они «становились приятелями или даже братьями». По замечанию Елагина, немцы воспринимают такие отношения, как шпионаж, и видят в русских политических агентов[4]. Обед со здешними аристократами, напротив, произвел дурное впечатление: «скверные хари»[5]. В письме из Триеста, датированном 22 июля, Елагин делился с матерью и всем семейством итальянскими впечатлениями[6]. Наконец, в августе 1843 г. он, вдохновленный рассказами Попова, совершил поездку в Черногорию, которая описана в публикуемом ниже письме.

[1] РА. 1886. № 3. С. 338–339. Речь идет о кафедре русской истории, основанной Погодиным в 1835 г. Его приемником на кафедре в условиях соперничества и конфликта с учителем (за ним скрывался конфликт министра народного просвещения С. С. Уварова и попечителя московского учебного округа С. Г. Строганова) стал, после ухода Погодина в 1844 г., С. М. Соловьев. См.: *Цимбаев Н. И.* Сергей Соловьев. М., 1990. С. 150–165. По другим данным, Елагин надеялся занять кафедру истории и литературы славянских наречий. Однако еще до его отъезда за границу или вскоре после того в должности экстраординарного профессора этой кафедры в ноябре 1842 г. был утвержден специально подготовленный для нее академической командировкой в славянские земли, продолжавшейся 5 лет (1837–1842 гг.), О. М. Бодянский. См.: *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997. С. 51.

[2] А. Н. Попов предупредил об этой поездке Ганку в письме от 20 марта: «Теперь к Вам едет Елагин, которого мать Вы знаете, а также его брата Киреевского». Письма к Вячеславу Ганке... С. 860. Публикатор Францев, или же сам автор, явно ошибочно датировал письмо 1842 г.

[3] А. П. Елагина совершила две поездки за границу в 1835–1836 и в 1841 г. Во время первой поездки она познакомилась с Шеллингом и Л. Тиком. См.: Русские писатели. Т. 2. С. 221 (авторы статьи — Л. С. Мелихова, Н. П. Розин).

[4] О подозрениях венских властей к русским визитерам и о подоплеке этих подозрений см.: *Павленко О. В.* «Славянский вопрос» в контексте российско-австрийских дипломатических отношений в середине XIX века // Россия и Европа: поиск единства и апология самобытности: Бюллетень научного семинара молодых учёных. Вып. 4. М., 1999. С. 35–54.

[5] НИОР РГБ. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 7–9. Письмо датировано апрелем без указания дня.

[6] Там же. Л. 13–14 об.

В Черногории Елагин встретился с Ф. В. Чижовым, сообщившим об этом в письме Н. М. Языкову от 12 ноября 1843 г. из Рима[1]. Их совместное путешествие по Далмации отражено в дневнике Чижова; впрочем, к концу поездки отношения единомышленников несколько охладились, причину чего сам автор записей определить точно не сумел[2]. Возможно, спутники просто устали друг от друга. Сам Елагин сообщил об этой поездке, в которой он везде чувствовал себя, «по родственным отношениям и единоверным», среди местных жителей «родным человеком», матери в письме из Триеста от 1 сентября. При этом воспоминания о Черногории в этом письме почти заслонили далматинские впечатления[3].

[1] «Был я и в Черногорьи, только жаль, что недолго, и ещё больше мне жаль, что я был не один, а с одним нашим *русским* архитектором Эпингером. Это поганое товарищество испортило всю мою поездку, а отказаться от него недостало довольно характеру. В Черногорьи я встретился с вашим знакомым Елагиным и так хорошо с ним сошелся, с таким наслаждением любовался, в его лице, всем новым поколением, что и забыл о моем немце. Какая прекрасная душа у этого Елагина. Молод он, еще очень молод, ну да этот порок небольшой, от него поневоле избавится, а что за прелесть и сердце, и детская простота души! Какая ужасная разница получить воспитание в Москве и Петербурге; что ни делайте, но в этом адском немецком городе ни за что не удержите этого целомудрия души, оно только может остаться в сердце России. Славный, славный молодой человек. Разумеется, у него уже зато все московское, московские, то есть русские добродетели, московские и пороки: ленив, как только можно себе представить. Но бог с ним, будь он в тысячу раз ленивее, лишь бы был всегда с такою прекрасною душою. Он страстный обожатель славянизма, — в этом мы с ним столковались, но и тут я только больше для того его поддразнивал, чтоб иметь случай больше полюбоваться прелестями детской души его. Мы проехали с ним от Черногорья до Истрии, где я уговорил его заехать в городок Пола, чтоб полюбоваться развалинами превосходного древнего римского амфитеатра. Он меня послушался и после писал, что очень этим доволен. Досадно мне ужасно, зачем я не настаивал сильно, может быть, я уговорил бы его поехать в Италию. У него так художественно создана душа, что он не мог бы не любоваться этою божественною страною и всем, чем она так богата». Н. М. Языкова и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. С. 110.

[2] «7 сентября [1843 г.]. Слава Богу, мы выезжаем из Зары, еще, слава Богу, я снова останусь один... Странно, мы так хорошо сошлись с Елагиным, и он довольно резко говорил со мною весь сегодняшний день». НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 59. На предыдущей странице (58 об. или 114 авторской пагинации) в дневнике Чижова — переписанное рукой Елагина стихотворение А. С. Хомякова «Вокруг нее очарованье...» («Иностранке (К А. О. Россет) »). Подпись гласит: «Переписал в Заре 4 сентября Василий Елагин с просьбою вспомнить переписчика».

[3] «Весть о турецком нашествии как громом поразила нас, когда приготовлялись к отъезду из Катаро мы... спокойно с Чижовым (он ездил со мною вместе по Далмации). Больше часу сидели мы молча». Елагин переживал за своих побратимов, с которыми недавно пил кофе и ракию, вместе обедал, а скоро они могут быть убиты. НИОР РГБ. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 18–21 об. К сожалению, текст письма, написанный на папиросной бумаге с наложением друг на друга лицевых и оборотных строк, не всегда поддается прочтению. В фонде Елагиных и Киреевских НИОР РГБ хранятся и «Путевые записки Елагина во время заграничной поездки», которые не выдаются читателям ввиду их плохого состояния. Составители указателя к мемуарно-дневниковым записям в фондах отдела рукописей тогда еще Государственной библиотеки им. В. И. Ленина отметили: «Чте-

По возвращении в Москву Елагин сдал магистерские экзамены без защиты диссертации, помогал в издательской деятельности Д. А. Валуева[1]. В дальнейшем он обосновывал славянофильскую версию гусизма как попытки возврата к изначальной православной традиции[2], сотрудничал с изданиями И. С. Аксакова, издавал и редактировал материалы из наследия братьев Киреевских.

Цетинье, 5 августа [1843 г.]

Вот уже восемь слишком дней, как я прожил[3] в Черногории, и, право, не раскаиваюсь, что заехал в землю так называемых разбойников: прелести этой жизни описать невозможно. Брат Петр[4] (все время мне было грустно, что я видел этот народ не вместе с тобою) знает, как много ждал я от этого края: однако этого невозможно вообразить себе, не поживши [здесь]: этой тишины, покоя и этого добродушия! Я надеюсь привезти Вам много рассказов, однако покуда меня обнимает целый мир новых совершенно и очень ярких впечатлений, которые не вдруг соберусь с мыслями передать отчетливо[.] Потому пишу Вам лучше по порядку рассказ моего путешествия от Катаро на Гору.

Августа[5] 8-е. Начал это письмо я в Цетинье перед башней, обставленной сверху и заваленной вокруг турецкими головами, слушая однообразную мелодию юнацких песен; меня <...>[6] встреча с владыкою, с которым провел весь вечер, как и все вечера в Цетинье в беседах о его народе; слушал рассказы о невероятных подвигах, которые почти бесперестанно здесь совершаются, слушал рассказы приходивших к нему безперестанно черногорцев [с] известиями, кто с Албанской, кто с Герцеговинской границы, иной даже из Скутара, даже

ние крайне затруднено плохой сохранностью материала, почерк неразборчив». Согласно тому же указателю, записи относятся к следующим пунктам маршрута: Дерпт (Тарту), Тауроген (Таураге), Диршау (Тчев), Кюстрин, Штаренберг (Штернберг), Триест, Зара (Задар), Спалата (Сплит), Рагуза (Дубровник), Кастельнуово (Херцег-Нови), Дрезден. См.: Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX вв. (из фондов отдела рукописей) / под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1951. С. 63–64. В обзоре архива Елагиных и Киреевских указывается, что путевые записи В. А. Елагина «очень кратки и в основном имеют деловой характер»: *Коншина Е. Н.* Указ. соч. С. 37.

[1] *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. С. 42–62.

[2] *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 31–33. Елагин обращался к Ганке за подбором соответствующего материала. См.: Письма к Вячеславу Ганке... С. 346.

[3] Исправлено на: живу.

[4] П. В. Киреевский испытывал особый интерес к зарубежным славянам, интересовался историей Сербии. См. о нем: *Соймонов А. Д.* П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1972. В. А. Елагин оставил записи о последних днях жизни брата: *Пирилова Г. П., Соймонов А. Д.* П. В. Киреевский и собранные им песни // ЛН. Т. 79. М., 1968. С. 72–73.

[5] Слово вставлено.

[6] Одно слово неразборчиво.

из глубины Боснии; суждения воевод и сенаторов и проч. и проч. Потом два дни прошли незаметно и за письмо принялся я только в Катаро 8 августа. Итак в начале расскажу Вам сегодняшний день, то есть восьмое. С пяти часов утра я пошел прощаться с здешними моими друзьями: почти все уже на ногах в 5 часов. Потом взял коня и проводника до Катаро. С 6 до 3 часов ехал я назад или лучше сказать карабкался то пешком, то верхом по таким горам, по которым казалось бы нет невозможно ходить. В каждой деревеньке, через которую проезжаешь, мулам дается питье и отдыхают минут десять: я впрочем останавливался дольше, сей час соберутся со всей деревни — садятся подле — закуривают трубки, разказывают (старики) как дрались с *латинянами* — вместе с синявинскими солдатами[1]; принесут всегда хозяева кукурузного хлеба и домашнего вина — потом провожают как брата. Был уже четвертый час, когда мы спустились в долину и могли взглянуть на страшную громаду, где высечена крутая узкая лестница, бесчисленными зигзагами ведущая вверх, — я был утомлен так, что ноги подгибались; хотя право не помню, когда бывал так здоров и даже весел[.] Хотел пить за здоровье милой сестры[2] какое-нибудь порядочное вино, но, представьте, во всем Катаре не нашел ничего, кроме домашнего вина. Странно! Черногорская жизнь повеяла на меня таким чистым воздухом родины[3], так приблизила меня к Вам, что казалось, я ближе к Вам, когда я был южнее Рима, под горячим небом, среди благовонных южных трав: бывало после прогулки по долине с владыкою узкою толпою, все закурят трубки и молчат; небо мало-помалу темнеет; возвращаются с гор[4] стада; пастухи, проходя мимо, подходят под благословение, потом начинается разговор между ними и владыкою, как между равными; сюда собираются к нему со всех границ вестники — там-то отбили столько-то овец, а между тем уже проглядывают звезды и какие звезды! Здесь можно полюбить астрономию. Вечер становится холоднее, и все поднимаются,

[1] Речь о Средиземноморской экспедиции под командованием Д. Н. Сенявина и ее боевом сотрудничестве с черногорцами. Под «латинянами», вероятно, понимаются не только французы, но и католики Далмации.

[2] Вероятно, речь идет о Елизавете Алексеевне Елагиной (1826–1848). Письмо, адресованное матери, конечно, предназначалось всему семейному кругу и могло быть прочитано на знаменитых вечерах Авдотьи Петровны, поэтому оно не чуждо сентименталистских и романтических клише, одним из которых было поэтическое выражение братских чувств. О сочетании интимного чувства и публичной риторики в переписке этого круга см.: *Долгушин Д. В.* В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009. Краткий «монтаж» свидетельств о салоне А. П. Елагиной см.: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001 [1-е изд. — 1929]. С. 173–176. Библ. в статье об А. П. Елагиной: Русские писатели. Т. 2. С. 222.

[3] В письмах из Германии Елагин жаловался на ностальгию. См., например, письмо от 9 марта: НИОР РГБ. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 4–6 об.

[4] Слово вставлено.

чтобы идти пить восточный черный кофе и говорить до 11 часов о Черной Горе и войне. В эти дни мне было так легко и свежо, казалось иногда, что свидание с Вами очень близко, и только ночи были грустные иногда. Но, Бог даст, в Триесте найду я пересланные из Праги самые последние и *хорошие* вести.

Итак, в Катаре утомленный сел я на диван и думал долго не вставать с него. Дом, где мы остановились, был рядом с нашею церковью: вдруг слышу благовест. Я встал с усилием, чтобы на минуту посмотреть нашу церковь и наших единоверцев — однако простоял там больше 2 часов: так весело слышать славянскую сплошную[1] службу. [В] этот день вы верно подумали обо мне, когда все собрались: по крайней мере мне было необыкновенно легко и привольно. Теперь только несколько жутко: что то у Вас покуда я здесь в жаркой долине, обсыпанной виноградом, и подножия Черной Горы? Возвратившись из церкви, сел я за письмо и не чувствовал усталости: в этот день я должен быть совершенно бодрым.

9 августа. Сегодня идет почта из Катаро. Я уверен, что рассказы Панова о Черной Горе рассеяли Ваше беспокойство на счет этого моего путешествия: [в]двое безопаснее там чем в Москве: гость — святыня. За малейшую обиду, которую мне бы сделали их клан способен перебить целую деревню. Теперь расскажу в нескольких словах мое путешествие: приехал я в Каттаро на пароходе и тот час узнал, что здесь секретарь владыки — Вукович[2]. Я сей час узнал его по костюму и воинственной физиономии: вижу на площади человека в чудном облитом золотом платье с высокою красною[3] фескою и роскошным чубуком в зубах и с двумя парами вели[ко]лепных пистолетов за кожаным широким поясом. Кто же может быть, как не митрополитов[4] секретарь! Его окружали тол[пою][5] австр[ийские] офицеры, с которыми он прекрасно говорил по-немецки. Я однако по-русски спросил его о здоровье владыки, и через минуту он уже сам предложил мне ехать с ним вместе на Гору. На другой день с свежого[6] мы были уже на славных горских конях и поднимались вверх по зигзачной каменной лестнице. Описывать путешествие не буду. В *час* мы были уже на Цетинье.

Владыка прислал нам по обычаю Рейн-вейну и Шампанского, а после обеда велел просить к себе. Я был в самом странном костюме: чемодан нельзя было тащить вверх на лошадях — нужно было оставить его в Кат[аро], а после переслать на мулах. На мои извинения, впрочем, владыка ответил, что в Черногории нет церемоний. Такого мущины я еще не видел: представьте рост почти

[1] Слово вставлено.

[2] Филипп Вукович. По сообщению А. В. Чевкина, «архиепископ... в настоящее время старательно занимается немецким с неким г-ном Кокотовичем, принявшим имя Вукович, хорватским уроженцем, который прежде являлся чиновником в Австрии, служил в Испании, но человеком весьма ничтожным». Петр II Петрович Негош и Россия. № 204. С. 541. (А. В. Чевкин — Г. Г. Струве, 2 (14) августа 1841 г.)

[3] Слово вставлено.

[4] Слово вставлено.

[5] Край надорван.

[6] Слово пропущено: утра (?).

исполинский с совершенною стройностию. Лицо не вполне *гречески* правильное однако. Я такого красавца еще не видывал (не думаю, чтобы легко было такому быть другому). Его секретарь или лучше адъютант ввел нас в длинную залу, которая убрана была не золотом, а со всех сторон обвешана турецкими ружьями: куда ни посмотришь — везде сабли и ружья. С нами был один австрийский майор, который с удивлением начал говорить об этих ружьях. «C'est notre politique!»[1] [—] ответил ему владыка[,] а потом сказал мне неск[олько] слов по-русски, о которых я не могу *писать*, а после расскажу. Присутствие австр[ийских] офицеров сделало разговор не совсем свободным, и я только мог с удовольствием смотреть, с каким великим искусством и каким величием говорил владыка с австрийцами: каждое движение, каждое слово было прекрасно. Этот разговор, как и после все разговоры с этим замечательным человеком, запишу особенно. Покуда были здесь австрийские офицеры, он был очень любезный человек, но только после их отъезда стал вполне *спустя рукава* — добрудушным, веселым и до высочайшей степени простым человеком. Надобно видеть, какими крепкими узами связан он с народом; какой он сам *черногорец*; как сживается *истинное* высокое[2] Просвещение с Варварством неиспорченным. Дни, когда я не ездил по деревням, проводил я в разговорах с ним. Впрочем, успел объездить *Скутарское* озеро, наблюдать в зрительную трубу живописный албанский берег, крепость Жабляк, где шагали турецкие часовые, ночевал при озере в хате у черногорца. Однако <...>[3] печатать — чтобы скорее отправить на почту отсюда же: почта идет сей час.

Russie Moscou

В Москву

Ея высокоблагородию
Авдотье Петровне Елагиной
У знаменья в Зубове в доме г-на Дашкова

НИОР РГБ. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 16–17 об.

[1] Это наша политика! (фр.).

[2] Слово вставлено.

[3] Одно слово неразборчиво.

Н. А. Ригельман. Письма Ф. В. Чижову. [Воспоминания]

Николай Аркадьевич Ригельман (1817–1888) — публицист, историк и этнограф, внук военного инженера и историка Малороссии Александра Ивановича Ригельмана — в 1839-м закончил Московский университет и в следующем году был удостоен степени кандидата по философскому (историко-филологическому) отделению. В университете Ригельман слушал лекции М. П. Погодина, который выделял его среди своих учеников[1], его товарищем по курсу являлся Ю. Ф. Самарин. С 1839 г. Ригельман служил в канцелярии московского гражданского губернатора, но в 43-м вышел в отставку и отправился за границу. В Вене он сблизился со славянскими будителями (В. С. Караджичем, Л. Штуром, П. Й. Шафариком и др.), став одним из ярких пропагандистов их идей в России[2].

Знакомство Ригельмана с Ф. В. Чижовым состоялось в имении Галаганов в Сокиренцах (Черниговская область Украины) в 1840 г. За границей они встретились в Италии в сентябре 1843 г. Где-то в начале 1845 г. Чижов обратился к Ригельману за консультацией в связи с запланированным им большим путешествием по славянским землям. Публикуемые письма относятся к этому периоду, когда и сам Ригельман совершил поездку в Сербию[3].

В 1847 г., тогда уже киевский чиновник, Ригельман был привлечен к следствию по делу кирилло-мефодиевцев, с некоторыми из которых был знаком и идейно близок, но поскольку не принадлежал к членам общества, избежал наказания. В дальнейшем — сблизился с И. С. Аксаковым и участвовал в позднем славянофильском движении.

Вена, 24 апреля [1845 г.]

Вы, верно, сердитесь на меня, Федор Васильевич, за мое нерадение о Ваших пользах; но клянусь, я забочусь о них, как подобает словянину и Вашему приятелю. Сведения, которые Вы требуете на счет Вашего путешествия, частию, сколько было для меня удобно, сообщил я уже Вам в последнем письме, частию, они такого свойства, что могут быть определены самим путником, смотря по обстоятельствам. При том, к моему собственному удивлению, в большом числе знакомых мне здесь славян я не мог найти почти никого, кто бы удовлетворил меня в этом отношении. Сербские страны имеют здесь несколько истинных родолюбов; но ни одного коротко знающего и истинно изучающего родину. Вы мне поверите, когда я скажу, что хлопотал в этом столько же для себя, как и для Вас. Для меня по соображению времени и обстоятельств, представляется возможность употребить около месяца на поездку в Сербию и ее окрестности. По благоприятному случаю Вук Стефанович [Караджич] отправляется в Белград, тотчас после нашего Праздника[1], и я присоединюсь к нему — судьба не могла мне дать лучшего чичероне[2] — для ознакомления с народом[3].

Из наших совещаний с ним по этому предмету (замечу, что его сведения простираются только на эту часть южнославянских земель) оказывается следующее: из Вены в Пресбург[4], с пребыванием в нем 2 дня; оттуда в Пешт (везде с пребыванием 3 д[ня]) в Пеште еписк[оп] Платон[5]; Павлович, Суботич[6] — в Вуковаре 3 д[ня] — до сих пор на пароходе; в Вуковаре надо выйти на берег и отправиться через Фрушкую гору, где посетить знатнейшие монастыри — Шишатовац, Бешеново, Крушедол — на это 3 д[ня]. Землин 1 д[ень]. Белград 4 д[ня]. На обратном пути, если не прежде, заехать в Карловцы, где митрополит, и в Новый Сад. Опять Землин [1 день][7], Осиек 2 д[ня], Пожега 2 д[ня], Градишка, Пакрац[8] 3 д[ня], Загреб. Можно также на пароходе по Саве, или через Рум, Митровицу, Брод, Нов[ую] Градишку — то есть по военной границе — во времени нет большой разницы. Это проект моей поездки, и единственный путь, известный единственному человеку, знакомому здесь с теми местами. Разумеется, Вы можете извратить его по Вашему усмотрению. На всю поездку при избыточном исчислении надо положить 200 гульд[енов] или при обрезном 160-т с возвратом в Вену. Из Пресбурга, повидавшись с Штуром, можете заехать несколько к словакам[9], в север[ную] Венгр[ию], разве чтобы написать плач об их бедственном положении. Потом отправиться в Прагу, куда два дня

[1] *Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 90. См. также об их отношениях и связях Ригельмана с московскими славянофилами: Русские писатели. Т. 5. С. 298–300 (автор статьи — П. В. Михед).

[2] См.: *Ригельман Н.* Два письма из Вены // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 371–402; *Он же*. Продолжение писем из Вены // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 193–260. Включены в изданный позднее сборник «Три поездки за границу» (1871). О вкладе Ригельмана в пропаганду колларовских идей: *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 175–176.

[3] В фонде Чижова в НИОР РГБ сохранились письма Ригельмана именно за этот год (первое из них датировано 11 февраля).

[1] Вероятно, имеется в виду православная Пасха, в 1845 г. она праздновалась 15 апреля. Дата в письме, очевидно, дана по григорианскому стилю.

[2] Здесь: спутника.

[3] Внизу листа приписка: «Соф. Ал. писала к Вам во Флор[енцию] на имя Великанова <?>, получили ли Вы?» Здесь и далее упомянута Софья Александровна Галаган (1804–1864), урожденная Казадаева, мать воспитанника Ф. В. Чижова.

[4] Братислава (современная Словакия).

[5] Платон Атанацкович (1788–1867) — священнослужитель, деятель сербского национального возрождения, председатель Матицы сербской (1842–1844). В 1839–1848 гг. — епископ Будимский.

[6] Теодор Павлович (1804–1854) — журналист и издатель, редактор «Сербске народне новине» (1839–1849). Йован Суботич (1817–1886) — литератор и общественный деятель, редактор «Летописи Матицы сербской» (1842–1854).

[7] Край надорван.

[8] Здесь и далее перечисляются населенные пункты в Славонии. См. примеч. к путевым запискам П. И. Кеппена.

[9] Ригельман начал по ошибке писать «хорватам» и зачеркнул.

ездy из Вены; пребывание в Праге определить невозможно. Чем больше пробудете, тем лучше. Там Ганка вас встретит радушно. Надеюсь по своим теперешним расчетам быть в Загребе в конце здешнего мая или к первому июню — очень, вельми было бы приятно с Вами там съехаться. В Белграде никак не дальше половины мая. Насчет Крайны[1] и Каринтии, думаю, стоит только побывать в Любляне (Лайбахе) — это погибшие овцы стада — онемечиваются более и более. Из книг не посылаю ничего Вам более, потому что прямых материалов нет — хорошо, если Вы приобретете печатанную в Загребе Zemljopis Pokrajinah Ilirskih od Seljana — перв[ую] часть; вторая запрещена[2]. Насчет домашнего обстоит все благополучно, за исключении[ем] глаза Соф. Алек., который все делает ей хлопоты, впрочем, она почти здорова и начала выезжать. Прекра[сная][3] женщина — умна сердцем и добра головой. В таком грустном положении надо иметь много хорошей природы, чтобы привязывать к себе не сожалением, а неотрицаемым достоинством добрых начал. Тут не участвовало самое сильное ее орудие — прелесть обхождения. Но что Вам говорить — Вы сами ее знаете. Проект наш покаместь тот, что дяденька уезжает в половине мая в Малороссию; я же по возвращении в Вену обязываюсь сопутствовать Соф. Ал. до благословенной Украйны. Это должно совершиться никак не позднее июня. Вы понимаете, что обо мне уже давно воздыхают мои родные, и признаюсь самому чувствуется потребность воротиться — счастлив буду, если ворочусь каплей лучше, нежели уехал, и эта капля пригодится на пользу ближнего, соотечественника. Славянство пустило прочные корни, но как растение после суровой зимы — едва пустило на поверхность слабый стебель, скудно лиственно и долго не дает цвета. Боюсь, нам не дожить до него и не видеть этого дерева в полной красе, обремененного плодами. Но святая обязанность — возделывать вокруг землю — будем подражать старцам, которые садят деревья для внуков. Когда-то доведется свидеться; может быть и здесь, в Вене; во всяком случае, Вы здесь навестите Соф. Алек. Прежде половины мая, вероятно, не выеду из Белграда; а потому адресуйте туда[4] и поскорее Ваш отъезд <?>. Еще бы лучше, если бы Вы сами туда приехали. Вуку очень хочется отправиться внутрь Сербии, в Босну и Герцегов[ину]; я не имею времени, а с Вами он очень будет рад — если не боитесь разбойников. Пишите ради итальянок — как и что Вы творите. Н. Р[и]г[е]л[ь]м[а]н.

[1] Область Цислейтании, нынешняя Словения.

[2] Драгутин Селян (1810–1848) — священник, участник иллирийского движения, географ и картограф. Первая часть его географического описания южнославянских земель Австрийской империи («Zemljopis pokrajinah ilirskih iliti ogledalo zemlje...») была опубликована в 1843 г., после запрещения употреблять в печати термин «иллиры», поэтому достать ее было трудно. Вторая часть, посвященная Боснии, Сербии, Черногории, Албании и Болгарии осталась в рукописи.

[3] Край надорван.

[4] Над строкой вставлено в скобках: в посольство.

Белград, 15 мая 1845[г.]

Третьего дни в десятом часу вчера получил Ваше письмо, Фёдор Васильевич, от здешнего консула Данилевского[1], который принимает меня с редкою обязательностью. Хотел было отъехать на следующее утро, но рассудил, что лучше поговорить с Данилевским о Вашем намерении, и не раскаиваюсь. Он обещал содействовать Вашему путешествию, сколько будет возможно, употребить свое влияние, чтобы здешний паша снабдил Вас паспортом, но и без того сербское правительство имеет право давать паспорты в Турцию. Заметим только, что лучше бы иметь Вам паспорт в Турцию от правительства нашего; но на нет суда нет. Вук Стефанович очень рад, кажется, случаю, — говорю «кажется», потому что на сербов полагаться нельзя. Кстати, если все устроится по желанию, то не будьте слишком откровенны с Вашим спутником, употребляйте как чичероне и драгомана: он человек не злой, но лукавит, и откровенности от него не добьешься. Главное для Вас — найти случай [съездить] в Босну; ехать одним, со всеми охранительными местами, очень небезопасно; брать конвой — стоит дорого; но отсюда отправляются по временам караваны в Сараёво[2], и всего лучше присоединиться к такому каравану; приехавши в Сараёво, Вы найдете, может быть, возможность сделать небольшую поездку в окружности. Впрочем, для всех этих соображений надо Ваше присутствие здесь, и если бы даже, чего нельзя ожидать, Вы наткнулись на важные затруднения, то и тогда Вы ничего не потеряете: можете объехать Сербию, которая сохранила вполне азиатский или турецкий вид; а потом пуститься к венгерским славянам. Приезжайте, не теряя времени, — Вук Стефанович пробудет здесь еще две недели: Вы можете всего скорее спуститься на пароходе по Саве. Здесь спросите о нем или в консульстве, или в доме Вучича[3], или в т[ак] н[азываемом] Здании, где можете остановиться; это почти единственная гостиница[4]. Путешествие в Турцию должно обходиться дешевле, чем где-нибудь, если исключить издержки на конвой — Вук думает, что 200 <гульденов?> будет достаточно с избытком.

[1] Григорий Иванович Данилевский (1800 г. — после 1858 г.) исполнял обязанности консула с 1843 по 1849 г. Однако с 1846 г. по болезни часто отсутствовал в Белграде. До дипломатического назначения — находился на военной службе. Ушел в отставку в чине генерал-майора в 1850 г.

[2] Так у автора письма: Сараево.

[3] Тома Вучич-Перишич, с которым Ригельман встретился в Белграде. См. о нем подробнее далее. Дом Вучича, построенный в 1838 г., располагался на углу Узун-Мирковой и Райичевой улиц, рядом с известной кафаной «Српска круна»; в то время это был престижный район Белграда. Дом снесен в 1952 г. *Поповић Р. Ј.* Тома Вучић Перишић. С. 92–94.

[4] Имеется в виду так называемое Здание у Оленя (Код Јелена — на его юго-восточном углу был установлен бронзовый олень), закладка которого пришлась на время правления князя Михаила Обреновича, осенью 1841 г. Оно располагалось рядом с Соборной церковью и замысливалось изначально как гостиница для иностранцев; в середине 40-х здесь устраивались балы, а затем и театральные представления. См.: *Дурковић-Јакшић Љ.* Бранислав, први југословенски илегални лист, 1844–1845. Београд, 1968. С. 49.

Но где увижусь *я* с Вами, мой почтеннейший и любезнейший; боюсь, что обстоятельства разведут нас, хотя мы будем идти друг другу навстречу. Вот мое расположение: я выезжаю из Белграда 18-го вечером, из Землина 19-го, 21-го буду в Дьяковаре, 22-го в Броде — наконец, около 25 в Загребе. Вы видите, что надо очень надеется на счастье, чтобы мы могли съехаться; но может быть, я еще застану Вас в Загребе — о чем мою Всевышнего. На пароходе Вы можете из Загре[ба] приехать в Землин на третий день, а сухим путем на пятый. Во всяком случае, Вук будет Вас здесь ожидать.

Прощайте, спешу отдать на почту. Бл[агодарю][1] Вас за комплименты. Желаю от души во всем благого поспешения; что такое мутит Вас?

Примите объятие Вашего

Н. Р[игельмана][2]

НИОР РГБ. Ф. 332. К. 50. № 3. Л. 4–7

[Воспоминания][3]

Посетив Пожунь[4] и Пешт, я отправился далее вниз по Дунаю с Вуком Стефановичем Караджичем (известным издателем сербских песен и сербского словаря), был в Новом Саде и Дольнем Кралевце[5], где познакомился с почтенным православным митрополитом Раячичем; потом побывал в фрушкогорских монастырях; в которых меня принимали с удивительным радушием, точно как у нас в Малороссии. В одном из монастырей видел я тело последнего сербского царя Лазаря, погибшего на Косовом поле[6], и удивлялся его огромному росту. Переехав через Дунай, я посетил Белград. Не могу не вспомнить здесь с благодарностью о любезной предупредительности тогдашнего нашего консула Данилевского. Он возил меня к княгине сербской[7] (князя не было в это время в городе). Тогда она была молодая, очень красивая женщина, принимала нас в сербской кофточке, в сербском головном уборе, и говорила довольно хорошо по-русски. Был я с Данилевским и у турецкого паши, где видел полинялое величие турецкое, курил трубку и пил кофе по-турецки, как везде в Белграде. Помню несколько Петроневича, заведовавшего иностранными делами, и Вучича, *предводителя народа*,

[1] Край письма испорчен.

[2] На обороте белградский штемпель от 15 мая; письмо отправлено в Аграм (Загреб) до востребования на имя Чижова.

[3] В книге «Три поездки за границу» этот фрагмент дан под заголовком «Вставка 1855 года».

[4] Венгерское наименование Братиславы.

[5] По-видимому, Сремские Карловцы.

[6] См. примеч. к путевому дневнику А. С. Кайсарова.

[7] Персида Ненадович (1813–1873) — внучка одного из предводителей Первого восстания Якова Ненадовича; вышла замуж за будущего князя Александра Карагеоргиевича в Хотине в 1830 г.

как его называли[1]. Оба преумные люди. Из Белграда я поехал на пароходе вверх по Саве, составляющей границу между Австриею и Турциею. С удовольствием и теперь вспоминаю о свежей зелени ее берегов и о живописных постройках и костюмах жителей на турецком берегу: в том и другом для европейцев сравнение было очень не выгодно. Тут я выходил несколько раз на венгерский берег, чтобы посмотреть на население Военной границы: видные статные люди и очень красивые женщины, но почти все офицеры немцы. Наконец я приехал в Загреб (Аграм), где застал Ч[ижова]; здесь провели мы несколько дней в кругу наших приятелей Хорватов, с которыми только что познакомились и, как обыкновенно, подружились.

Воротившись в Вену из Загреба, я пробыл в ней еще месяца два и пустился в обратный путь на Пресбург, Нитру, Шемниц, Быстрицу[2] и, через Карпаты, Краков, Львов и Броды в Россию. О поездке в Словакию сохранилось у меня несколько заметок, которые следуют ниже.

Н. Р[игельман]. Три поездки за границу. М., 1871. С. 225–226

[1] Аврам Петрониевич (1791–1851) и Тома Вучич-Перишич (1787/1789?–1859) — предводители уставобранителей, сыгравшие выдающуюся роль в свержении династии Обреновечей и возведении на трон Александра Карагеоргиевича в 1842–1843 гг.

[2] Города Словакии. Шемниц — современная Штавница. Быстрица — Банска-Бистрица.

Ф. В. Чижов. Из дневника

Федор Васильевич Чижов (1811–1877) — сын преподавателя гимназии, происхождением связанный с духовенством и мелким провинциальным дворянством. Магистр математики Петербургского университета (1838), он бросил преподавание в 1840 г., чтобы заняться историей, искусствами и литературой. Внезапный поворот жизненного пути был только внешне случаен. С начала 30-х гг. Чижов — деятельным членом «пятниц» А. В. Никитенко и уже тогда проявлял живейший интерес к эстетике и морали, а в конце того же десятилетия стал публиковаться в журнальной периодике и издал комментированный перевод книги по истории европейской литературы. Его отказ от занятий математикой вписывается в сценарий духовной драмы и романтических поисков себя: самосозидания или даже личностного пересоздания. Крайним вариантом подобного жизнестроения являются невозвращенчество и затем переход в католичество друга Чижова В. С. Печерина[1].

В 1841 г. начинается заграничная одиссея Чижова: тогда он сопровождал своего воспитанника Г. П. Галагана. Первоначально они путешествовали преимущественно по Италии. Зимой 1842/43 г. в Риме Чижов жил в одном доме с Н. В. Гоголем и Н. М. Языковым, познакомился и сблизился с А. А. Ивановым и другими русскими художниками[2]. Знакомство с Языковым[3] способствовало обращению Чижова в славянофильство. Еще ранее в июле 1841 г. проездом в Дрезден Чижов посетил Прагу, где встретился с постоянным гидом русских визитеров В. Ганкой; беседы с ним проявили заинтересованность русского туриста «славянским возрождением»[4]. Первая вылазка

[1] См.: *Симонова И. А.* В. С. Печерин и Ф. В. Чижов // Общественное движение в России XIX века. М., 1986. С. 56–82; *Она же.* «Два полюса магнита...» Космополит В. С. Печерин и славянофил Ф. В. Чижов // Встречи с историей. Вып. 3. М., 1990. С. 46–58. Переписка Печерина и Чижова: *Печерин В. С.* Apologia pro vita mea. Жизнь и приключения русского католика, рассказанная им самим / отв. ред. и сост. С. Л. Чернов. СПб., 2011. О «пятницах» Никитенко: *Гершензон М. О.* Жизнь В. С. Печерина // Избранное. Т. 2. Молодая Россия. М. — Иерусалим, 2000. С. 382–397. См. также: *Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. Т. 1. М., 1955 (по указат. в т. 3.). Интеллектуальная среда русского романтизма этого времени охарактеризована: *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012.

[2] Об отношениях с Гоголем: *Симонова И. А.* «С душой вашей роднится душа беспрестанно...» (Ф. В. Чижов и Н. В. Гоголь) // Москва. 2001. № 4. Об отношениях с Ивановым и колонией русских художников в Италии: *Она же.* Ф. В. Чижов и А. А. Иванов. (Режим доступа: http: //ruskline. ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov/.) Переписка с Ивановым: РА. 1884. № 2. С. 391–422. См. также наиболее полную на сегодняшний день, основывающуюся на результатах диссертационного исследования, биографию Чижова в серии «ЖЗЛ» того же автора: *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002.

[3] Их переписка опубликована: Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. С. 105–142.

[4] *Козьменко И. В.* Дневник Ф. В. Чижова «путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958. С. 129. Автор вступительной статьи цитирует запись из дневника от 8 июля (26 июня) 1841 г. Считается, что именно Ганка стимулировал интерес Чижова к идеологии «славянского возрождения» в изложении Я. Коллара и Л. Штура. См.: также: *Matula V.* L'udovit Štur. Bratislava, 1956. *Живановић М.* Путешествие Ф. В. Чижова по Јужнословенским земљама // Зборник за славистику. Нови Сад, 1985. № 29. С. 42–43.

на Балканы (в Истрию и Далмацию) была предпринята Чижовым в конце июля и продолжалось до начала сентября 1843 г. Путешествие отчасти мотивировалось планами написания истории Венеции, владениями которой некогда были эти самые земли. Спутником Чижова стал архитектор Ф. И. Эпингер (русский немец). В Пуле путешественники осматривали памятники древности и узнали от местного уроженца архитектора Карраро, что рядом, в «греческом» селении Перой находится православная церковь. Поездка в Перой стала вехой в персональной мифологии Чижова: здесь он впервые, как уверял потом неоднократно, открыл для себя братьев-славян. Из бесед с местным священником выяснилось, что жители Пероя — потомки черногорцев, бежавших от турецких преследований в 1657 г. Пораженный нищетой церковной утвари («К крайней бедности церкви присоединяется еще и то, что, так как у них нет никакой школы и никаких книг, ни даже букварей, то прихожанам грозила опасность, что по смерти своего старого пастыря некому будет ни служить без книг, ни учить дьячка») Чижов обратился за помощью для перойской церкви к московскому откупщику и золотопромышленнику, знакомому ему еще по Костроме, П. В. Голубкову[1]. Через год церковная утварь, священнические ризы и книги на сумму около 3000 рублей были доставлены в Перой в присутствии Чижова[2]. Отрывки из дневника с описанием этой поездки публикуются ниже.

А в августе 1843 г. из Истрии Чижов с Эпингером отправились в Далмацию[3]. 7 числа они были в Трстенике, затем — в Дубровнике, Которе и, наконец, посетили Цетине. Дневник этого путешествия с незначительной стилистической

[1] Чижов планировал превратить организацию помощи в славянофильскую кампанию и привлечь к ней других лиц. На этот призыв первым откликнулся В. А. Панов, который ранее Чижова начал сбор средств в пользу церквей Далмации и Герцеговины: Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. С. 123, 137 (Примеч.) *Серягин С. Н.* Указ. соч. В этом почине принимали участие и Аксаковы: *Аксаков И. С.* Письма родным. 1844–1849 / изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988. 19 августа 1844 г. С. 138, 597. (Примеч. 3). В конце 40-х — 50-е гг. под сенью придворной аристократии (кружок А. Д. Блудовой; с ним будет связан и Ф. В. Чижов) православно-общественная благотворительность приобретет первые организационные формы: *Чуркина И. В.* К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // БИ. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. / отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1987. С. 62–75; *Она же.* Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011. С. 48–107.

[2] Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. С. 124. Ф. В. Чижов — Н. М. Языкову, 29 июня 1844 г. Эта история, а также античные древности Пулы стали основными темами в поздней публикации, основанной отчасти на дневниковых записях: *Чижов Ф. В.* Заметки путешественника по славянским землям // Русская беседа. 1857. Кн. I (V). Смесь. С. 1–37. Кн. II (VI). Смесь. С. 1–37. См. также: *Козьменко И. В.* Указ. соч. С. 129–131.

[3] После неприятного недоразумения и мучительной горной дороги они сели на барку в Фиуме, по-видимому, 4 августа. НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 47–49 об. (91–96 — в авторской пагинации). Записи от 2 и 5 августа 1843 г.

правкой был опубликован спустя два года[1]. (Как видно из переписки с Языковым, Чижов высылал и другие отрывки из дневника для публикации в российских журналах.) После возвращения из Цетиня спутником Чижова стал В. А. Елагин, с которым они ездили в Спалато (Сплит) и Зару (Задар)[2].

Во время самой значимой третьей поездки в славянские земли, уже проникнутый славянофильством, Чижов задумал написать книгу «Наши южные братья — славяне»[3]. В то же самое время созревал план печатного органа общеславянского масштаба. Это позволило бы «русской партии» встать во главе международного движения, обеспечив общую площадку для обсуждения вопросов «славянской взаимности». В чем-то замысел журнала повторял опыт «Библиографических листов» П. И. Кеппена, но на новом этапе развития национальных движений, в кругу единомышленников-славянофилов он приобретал более амбициозный характер[4]. Поездка Чижова позволяла завязать необходимые для журнала связи[5].

[1] *Чижов Ф.* Отрывок из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7–8. Отд. 1-е. С. 1–46. Записи от 10, 21, 22, 23 августа (с. 1–29) в основном соответствуют рукописи: НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 49 об. —58 (96–113 — в авторской пагинации). Однако записи от 24 августа (с. 29–46) отсутствуют в рукописной журнальной книге Чижова под указанным номером единицы хранения («Дневник за 1842–1844 гг.»). Известно, что Чижов перебелял дневниковые записи, и могло существовать несколько версий дневника. В частности в дневниковой записи от 28 августа 1844 г., сделанной в Пизино (Пазин, Истрия) читаем: «Со мною нет ни одной книги, даже моего журнала, то есть той *конченной* (курсив мой. — *М. Б.)* книги; будь она, я бы переписывал оттуда для газеты; а теперь?» НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 779 (84 — в авторской пагинации; данная единица хранения представляет собой машинописную копию рукописи, хотя и не указано, когда и кем она была выполнена). В другом месте дневника (запись от 3 августа 1843 г., сделанная в Фианоне (Пламин, Истрия)) в рассуждениях о негосударственном характере славянских племен, упоминается Елагин, которому приписан этот тезис, хотя известно, что с ним Чижов встретился позднее, в Черногории. См.: НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 48 об. (94 — в авторской пагинации).

[2] Там же. Л. 59–60 (115–117 — в авторской пагинации).

[3] Содержание книги виделось автору следующим: «...все о Сербии, Боснии, Герцеговине и Булгарии; прибавлю: 1) кто враги славян и какие их средства; 2) Россия хладнокровна к славянскому движению или нет; тут разовью, что это положение — краеугольный камень и что на нем все его надежды; 3) что ждет славян впереди». *Козьменко И. В.* Указ. соч. С. 255. Дневниковая запись от 8 августа 1845 г. (вечер). Еще раньше речь шла о «путешествии в письмах». НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 788 (89 — в авторской пагинации). Дневниковая запись от 31 августа 1844 г.

[4] Первоначально эти планы связывались с переходом «Москвитянина» под редакцию И. В. Киреевского, а затем с покупкой захиревшего к этому времени «Русского вестника» С. Н. Глинки (на деньги Языкова); его редактором должен был стать Чижов. См.: *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. С. 88–100. Позднее Чижов вновь получил предложение о редактировании славянофильского журнала подобного рода (проект «Вестника (сборника) иностранной словесности», 1856 г.): *Чуркина И. В.* К вопросу... С. 70–71. Идея издания журнала, основанного на концепции «взаимности», но более академичного ранее выдвигалась Срезневским: *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский... С. 104–105.

[5] См., в частности, об интересе штуровцев: «Они с восторгом принимают мое предложение об участии их в журнале, и вообще кажется, что если только нам позволят, журнал пойдет и будет, быть может, явлением европейским. Надобно об этом написать к Языкову, чтоб он показал Хомякову и Киреевскому». *Козьменко И. В.* Указ. соч. С. 260.

Начавшееся в мае в той же Истрии третье путешествие Чижова завершилось в августе, и в сентябре он отправился на родину[1], сначала в Украину, а затем побывал в Петербурге и Москве, встречался со старыми товарищами, лично познакомился с теми членами славянофильского кружка, с кем прежде не встречался. В 1846 г. он вновь отправился заграницу и в 1847 г. в последний раз посетил Истрию. Очередная встреча с Россией обернулась недолгим арестом по подозрению на участие в кирилло-мефодиевском заговоре[2]. С освобождением Чижову запрещено было жить в столицах, а в литературных трудах рассуждать о «всемирном вопросе» и «вступлении на поприще истории нового племени, ни [употреблять] других полутемных выражений, могущих сбивать и вводить в заблуждение юношей»[3]. Цензуру его сочинений взяло на себя III отделение, читал их и сам император[4].

С началом нового царствования Чижов смог поселиться в Москве. Его редакторские амбиции реализовались вне славянофильской журналистики. По приглашению заводчиков Шиповых в 1857 г. он возглавил «Вестник промышленности», а затем и сам стал успешным предпринимателем. Кроме того, он сотрудничал в славянофильских изданиях, был деятельным членом Московского славянского благотворительного комитета, способствовал развитию технического образования в России.

2 сентября [1844 г.]. Перой. Сегодня был в Перое истинный праздник. К полудню пришла барка с вещами, пока вытащили, пока перетащили все на берег, пока мы обедали, было уже позднее двух часов. Стали мы разбирать вещи, полдеревни пришло в церковь; сначала открыли книги, потом свечи, все смотрели

[1] Маршрут путешествия см.: Там же. С. 131–134.

[2] См. подробнее: *Симонова И. А.* О взаимосвязи славянофильства с идеологией кирилло-мефодиевского общества. Ф. В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 42–54; *Она же.* «Заговорщики»: Из истории одного несостоявшегося политического процесса // Истоки: Альманах. Вып. 22. М., 1990. С. 341–366; *Белов М. В.* Славянофил на допросе: ответы Федора Чижова III отделению // Родина. 2013. № 6. С. 59–63. Подробный рассказ об аресте (вперемежку с поденными записями) Чижов занес в дневник на самом закате жизни. НИОР РГБ. Ф. 332. П. 3. № 5. Л. 98–141. (Записи с 3 июля по 23 сентября 1877 г.)

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (III отделение). I эксп. 1847. Д. 81. Ч. 15. Л. 149–150. Ознакомившись с ответами Чижова на вопросы III отделения, Николай I якобы произнес: «Хорошо, если бы было побольше Чижовых». А затем подытожил: «Чувства хороши, но выражены слишком живо и горячо, запретить ему пребывание в обеих столицах». НИОР РГБ. Ф. 332. П. 83. № 15. Газетная вырезка: *Прохорова А. Ф.* В. Чижов (1811–1911) // Поволжский вестник. 1911. 27 февраля. № 1405. С. 2–3.

[4] *Швабе Н. К.* Архив Ф. В. Чижова // ЗОР ГБЛ. Вып. 15. М., 1953. С. 44. Примеч. 4. Впрочем, и тогда Чижов находил способы участия в интеллектуальных исканиях славянофилов. См.: Письмо Ф. В. Чижова Ю. Ф. Самарину 9 июля [1853 г.] / публ. Н. И. Цимбаева // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 132–140.

[5] Чижов опубликовал фрагменты своего дневника за 29–31 августа, 2 и 5 сентября 1844 г. в «Русской беседе» (1857, кн. 2, с. 25–35) в измененном и купированном виде.

так, когда открыли одежды, действительно богатейшие, все были в изумлении. Потом когда открыли ящики с серебром, все поражены были еще более. Священник[1] сделался совершенно ребенком, он целовал крест, давал другим целовать, потом обносил около всех евангелие, примеривал одежды и все восхищались; одна женщина подходит ко мне и говорит: да украсит господь душу твою, как ты украсил нашу церковь. Потом принялись раскладывать на столы и положили сегодня отслужить вечерню, завтра заутреню, после осветить вещи и, по освящении, отслужить обедню. Из церкви мы пошли к Иовичичу[2], у него пробыли часов до 6, все за бутылкою своего доморощенного (домодельного) винца. Священник был в восхищении. В 6 часов велел он звонить во все три колокола, но невозможно было исполнить приказания, потому что третий разбит. Народу собралось, почти все живые в Перое и служили вечерню. Вещи все лежат пока на столах посреди церкви. По окончании служения священник объявил, что завтра будет заутреня, освящение вещей и обедня за здравие Платона, Марии[3] и, как он выразился, высокоблагородного господина, коего содействием получили мы все это; и еще сказал, чтобы все пришли, стар и млад, что этот день будет днем Перойского празднества.

3 сент[ября]. Утро. Сейчас вышел из церкви. Трудно оставаться все утро не евши. Впрочем, я дурно сделал, что вышел. Весь народ в церкви; но я только ушел от заутрени, а к обедне явлюсь. Трудно оставаться при таком беспорядке, а беспорядок естественен при новизне: они еще не привыкли к богатой одежде.

<...>

5. Ровиньо. <...>[4]

Быть так, я еду в Венецию, отдал паспорт; здесь остаюсь до вечера. Есть время припомнить перойский праздник. В понедельник мы ждали вещей с утра, часов с 7, а их привезли только к 11 или к полудню. Вообще в перойцах нет ни быстроты, ни открытости русских, они гораздо ближе к малороссиянам: каждому бог дал свое. Священник издали распознавал барки, и точно, едва показалась барка, что везла вещи, он узнал ее по направлению. Подъезжает, пока причалили, пока собрались послать за вещами телегу, пришло время обеда. Между тем вещи принесли в церковь; мы приходим из-за обеда, там уже собралось несколько перойцев; сейчас же принялись мы вскрывать ящики, и только слышны были аханья, особенно, когда вынули серебро и одежды. Действительно все богато и блестяще. Никогда Перою и во сне не снилось иметь что-либо подобное. Иовичич хлопотал и распоряжался, также и жена его. Священник совершенно был как ребенок, он давал целовать евангелие, крест, тарелочки и смотрел на все с таким восхищением, как нельзя больше. Все это, пока мы вынули вещи, пока убирались, прошло до 3 часов, так что ехать в Деньяно[1] было уже поздно. Из церкви мы пошли к Иовичичу, там выпили по стаканчику винца, славного их Вин де Роза или <...>[2], и потом священник отправился в церковь служить вечерню, после и мы. Жаль, что мало благоговения в службе, особенно много мешает всему старший сын священника, который частохонько кричит на певчих мальчиков. Поют сильно плохо, но что за дело, важно то, что поют мальчики и тем теснее соединяются с церковью. «Отче наш» и другие молитвы читает мальчуган лет 7, это меня восхищало, несмотря на плохое исполнение. За вечернею было очень довольно народу, после вечерни священник сказал, что завтра будет целое утро служба: освящение вещей, заутреня и обедня. Еще мне понравилась детская его радость, когда велел он звонить во *вся*, а этих *вся* — всего три колокольчика. Я себя не умею вести, я не разговорчив, и потому кажуся гордым, удаленным от поселян. Вообще всему этому можно было бы дать другой вид, более братский.

Во вторник утром начался праздник: засветили все свечи и после освящения вещей служили в новых ризах. Беспорядок был ужасный, потому что при одевании, то то, то другое священник спрашивал, при надевании воздуха или пелены ему понадобились булавки, пошли все бегать[3]. Досадно, что я вел себя не так, как надобно. У меня никогда не достает уменья быть на виду. Как было бы мне кстати дать обед, но не было у меня средств и боялся я навлечь на перойцев негодование правительства. Когда нас бывало не много, я по одиночки со всяким обходился братски; разумеется, это передается. Главное, братство мое во мне самом еще слишком, слишком внешнее: как я ни брат всякому, а все на деле выходит, что *старший брат*, большею же частью на деле звук последнего слова пропадает, так сильно произносится первое. Нет, истинное братство — дело не шуточное.

Несколько слов о Перое: мне нравится характер перойцев. Никто из них, решительно никто не нанимается служить, а даже еще себе они нанимают из Деньяно и других мест. Правда, что это показывает изобилие. У них нет решительно никакой промышленности; все земледельцы, то есть разводят виноградники, масличные деревья, пашут землю. Земли у них много, да рук мало, а главное, нет никого, кто бы мог в урожайный год приостановить продажу или присмотреть за обделкою льна и масла. Никто не понесет продавать ни курицы,

[1] Петр Петрович Маричевич, упоминаемый П. И. Прейсом. См. примеч. к его письмам.

[2] Местный администратор, уроженец Пероя. Чижов упоминает о нем в записи от 31 августа 1844 г. НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 789 (89 — в авторской пагинации). Возможно, по ошибке самого Чижова или копииста имя варьируется: Иовович и Иовичич.

[3] Супруга П. В. Голубкова.

[4] Опущены резоны о путешествии в Венецию по морю. Ровинь (современная Хорватия) — истрийский город на побережье. По поздним воспоминаниям Чижова (в пересказе И. С. Аксакова), именно сюда был привезен груз для Перойской церкви, что якобы насторожило австрийские власти: *Симонова И.* Федор Чижов. С. 52. Дневниковые записи не упоминают об этих осложнениях.

[1] Деньяно — Во́днян (*ит.* Dignano) недалеко от Пероя. У Чижова были планы сухопутного путешествия по Истрии.

[2] Пропуск в машинописной копии. Ранее помянуто розовое вино.

[3] Воздух здесь: покрывало для церковных сосудов с причастием.

ни яиц, ничего решительно, кроме произведений земли: они говорят, что хорошо для губы господина, то хорошо и для нас, и покушивают себе преисправно. Мне нравится в этом славянская беззаботность. Что есть, то и есть, а завтрашний день сам о себе попечется. Это истинно евангельская жизнь. Один поселянин позвал нас с Каррaро в свой виноградник — пребогатейший, и винограду бездна, все почти мускатный. Мы ели вволю и еще унесли фунта два жене карраровой. Но этот поселянин живет, как и все другие. Такое удаление от всякой роскоши и вообще отдельное житье и простота сохраняют перойские нравы. Хотел бы я еще с ними пожить недельку, но пожить отдельно, а не у священника. Если не поеду в Испанию, это исполню; тогда буду звать к себе поселян на обеды. Еще мне очень понравилось то, что молодой Брнич, провожавший меня на своей лошади, не хотел ничего взять за лошадь, я его принудил взять 4 цванцигера, а после и сожалел, что не пригласил со мною выпить по стакану вина. Вообще это поганая привычка быть барином, грошовым барином, портит все. Что ни говорят о перойцах, что они не имеют промышленности, что ничего не продают из мелочи, все говорит в их пользу. Правда, что между ними нет ни сапожника, ни какого мастера, но и то дело, что они носят спуты[1], а не сапоги; к чему сапожник. Портного нужно бы, да, я думаю, у каждого жена все шьет мужу. Женщины, кажется, по обычаю черногорцев, не стоят высоко; у священника невестки никогда не обедали вместе с нами.

Мне пришло там в голову, и кажется, легко было бы привести в исполнение: что начать бы нам стараться все предметы роскоши получать от наших же славян. Например, оливковое масло, виноградное вино, после и шелк, и тому подобное. Я советовал и сделаю Иовичичу изготовить боченка два вина хорошего и послать ко мне в Одессу, чтобы я мог продать своим приятелям в Малороссии. Эту мысль я после передам Языкову, Хомякову, Пл[атону] Вас[ильевичу][2], может быть, найду в них отголосок. Превосходно было бы в Истрии сделать. Перой местами <...>[3], именно потому, что там церковь нашего исповедания. Это бы могло быть первым шагом. И то правда, что этим сделаем что или нет, бог знает, а между тем можно испортить чистые перойские нравы. Увидим, потолкуем.

От Деньяно до Валле[4] и далеко за Валле ужасно как не обработано, решительно все пустырь. Пред Ровиньо все засажено оливковыми деревьями. Валле городишко самый плохой, то есть куча домишков, кое-как складенных, некоторые даже без окон: обитатели, кажется, славяне. Вообще славяне в Истрии в ужаснейшей нищите и даже грубости; только что имеют где укрыться и что есть, другой жизни никакой. Итальянцы, по крайней мере занимаются промышленностью, торговлею; этими двумя путями переходят и к другим занятиям. Славяне все земледельцы, то есть все истинные невольники. После Франции странно говорить с жителем, особенно с жительницею Истрии, кажется, еще страннее с итальянскою частию народа, нежели со славянскою. Вчера я говорил часа три с бабьим семейством почтового смотрителя деньянского Фиоровенти. Они мне рассказывали, что жители в Деньяно — все выходцы из разных мест; многие считают уже лет 400, как живут их семейства в Деньяно. Никакого понятия об отечестве, кроме любви к месторождению. Об императоре говорят без любви, и без ненависти, о правительстве тоже; только и жалуются на налоги, на бедность. Но, говоря правду, существенной бедности нет, потому что у всякого найдешь хорошее вино, рис, мясо, рыбу — полный славный обед. Нашему мужичку было бы это праздничным обедом. Да и у французов нет и наполовину такого довольства, особенно, в Северной Франции.

Нисколько, нисколько нет и заботы в каком-либо развитии. С французами соединяется у них понятие о революции, но зато и о порядке законов, особенно в наборе рекрут[1]. Им совершенно все равно, кто бы ни правил; народного самолюбия нет и помину. Все самолюбие соединено с местом рождения. Фиорованни[2] говорит, что Каррaро страстно любит Пола: «Только скажите ему, — говорит, — что там нездоровый воздух, можно сделать[ся] навек врагом его». Может быть, но Каррaро мне сильно нравится.

<...>[3]

НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5.
Л. 792–793, 795–800 (93, 95–98 — в авторской пагинации)

1 июля (13) [1845 г.]. Белград. Вот я и в Белграде. Ночь была ужасная. Утром темно, и поэтому я кричал и должен был взять для себя лодку отдельно. Дунай в соединении с Савой под Белградом очень широк, даже шире Волги, чем она под Костромой. Сегодня было дождливо, сумрачно, поэтому вид не имел ничего привлекательного. По приезде в город я только зашел записать имя, больше мне не было никаких опросов, ни осмотров. Мне дали момка, одетого по-сербски, то есть по-турецки, вооруженного; он проводил меня в трактир, потом в дом консула[4]. Консул живет вне города, а здесь какой-то господин Петрович[5],

[1] Род самодельной обуви.

[2] Голубкову. Ранее упомянут славянофил Алексей Степанович Хомяков (1804–1860).

[3] Пропуск в машинописной копии.

[4] Современное Бале (Хорватия).

[1] В 1806–1813 гг. эта территория контролировалась Наполеоновской империей.

[2] Вновь варьирование имени собственного либо автором, либо копиистом.

[3] Остальная часть записи за этот день посвящена Ровиньо.

[4] Русский консул в Белграде Г. И. Данилевский. См. примечание к письмам Н. А. Ригельмана.

[5] В докладе К. В. Нессельроде Николаю I от 12 октября 1843 г. переводчик русского консульства в Белграде С. Петрович называется «одесским уроженцем из сербов», который служит при миссии уже более года; министр ходатайствовал о выдаче в награду ему 300 рублей серебром и о назначении ежемесячного жалованья до 10 червонцев. А спустя два года 11 августа 1845 г. последовало ходатайство о присвоении Петровичу чина коллежского регистратора. Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX века. М., 2013. № 168, 197. С. 314, 353.

который мне сказал, что есть ко мне письмо из Венеции, но что оно у консула. Первое, что я встретил в городе при входе в дом, где записали мое имя, — с десяток бедных сербов с женами и детьми лежат и сидят на земле. Бедность, нищета, какое-то притом странное спокойствие. Когда я прошел мимо них, некоторые привстали, потом опять легли. Нищета эта меня поразила. Вот первая встреча в южнославянском мире. Неужели везде нищета — непременный спутник славянской жизни? Иду по городу, нечистота донельзя, грязь, слякоть, неопрятность, — разумеется, все это действовало не совсем приятно. Мне отвели какую-то походную каморку, то есть дали приют на время. Я просил хозяина, чтобы отвели мне комнату; он все говорил — сейчас, сейчас, но между тем предложил мне тут переодеться. В комнате то же, что и на улице. Разумеется, и это не было мне приятно. Но я не смел укорять в самом себе моих бедных братьев, едва вышедших из самого варварского рабства: могут ли они заботиться об удобствах жизни? Слава Богу, что есть жизнь, не запрещенная и не купленная ценой свободы, чести жен и дочерей, и то слава Богу. Город представился мне странным, когда я пошел пешком. Уличенки, закоулки, лазейки — все это прескверно вымощено, все это окружено не домами, а какими-то лачугами. Ряд лавок, большею частью закрытых, таких, что человек среднего роста достанет рукой до крыши[1]. Черепичные кровли, спущенные длинными, далеко вперед выступающими навесами. По местам кофейни — род какой-то галерейки или крыльца, где крыша поддерживается столбиками не толще руки. В отпертых лавка, в кофейнях сидят турки в их восточной одежде, поджавши ноги, и курят из длинных чубуков, которые из кальянов.

Вообще все бедно, и бедно ужасно. Есть брадатые чалмоносцы, порядочно одетые, в своих шубах; несмотря на лето, они их не оставляют; иные одеты порядочно, за иными один или два слуги несут чубуки и трубки. Все народонаселение курит, и курит беспрестанно, так что увидеть без трубки — великая редкость. Вид лавок этих или лачужек — совершенно восточный, но далеко без той роскоши, какую мы привыкли соединять с именем Востока. Тут на возвышении постлана рогожка; на ней сидят, поджав ноги, бородатые и безбородые турки, некоторые в чалмах, большею частью в красных фесках, и вся жизнь их на виду. Одни работают, крошат табак, портничают, другие тут же, подле них, спят, третьи курят трубки. В иных лавках, и это частенько, преогромные печи, и хозяин тут же месит тесто, тут же сажает в печь, вынимает, и все это на виду. Все это в самом наинеопрятнейшем виде.

Язык больше слышен сербский, редко-редко турецкий. На улицах все лавки, в боковых — все почти одни каменные стены или ограды, и из-за них виднеются крыши; дома большей частью окнами на двор. Окна частехонько без стекол, с какими-то драничными решетками или затянутые рядинами[2]. Все бедно, но не без поэзии.

[1] Здесь и далее Чижов описывает одну из «чарший» — торговую улицу старого города. Похожее описание см. у Погодина.

[2] Грубый холст, мешковина.

Пестрота одежды — все большей частью синие или красные куртки и широкие, как юбки, шаровары; иногда белые куртки и ярко кармазинного цвета[1] шаровары; ниже колен, они обтягивают ноги до лодыжки, потом расширяются немного по ступне и тут вышиты или оторочены. Сербиянки одеты очень мило; на них род душегрейки немного ниже перехвата стана; тут, начиная с перехвата, по бокам разрезаны, оторочены соболем или другим мехом — больше соболем; на голове красная феска, обвязанная чем-то вроде платка, и кругом ее коса обвивает голову. Иногда ниже косы, и также на шее, на нитке нанизаны червонцы и золотой полосой идут по голове. Ниже душегрейки — юбка. Турчанки ходят в каких-то широких красных и пепельного цвета балахонах, без всякого перехвата, без всякого обозначения частей. Сзади, от плеч, по спине висит четырехугольный (капюшон) лоскут, кругом отороченный или золотым позументом, или желтой окромкой. Голова вся завернута в белое покрывало, видны одни глаза и немного носа. Это и живописно, и величественно. Жаль только, что на ногах туфли. Они ходят медленно, и эта медленная походка вместе с тем, что они все завернуты и закрыты с ног до головы, придает какую-то таинственность. Яркость цвета еще более украшает все это — вы видите одни красные движущиеся пятна и сверху белые, совершенно закутанные головы. Впрочем, вообще мало видно женщин на улицах. Может быть причиной и дурная погода.

Я пошел было в настоящий турецкий город, но там уже неопрятность и бедность донельзя. Многие женщины мне казались цыганками; может быть, и действительно то были цыганки. Полуодетые, с детьми при иссохших грудях, сами немытые, черные и в лохмотьях. Мальчишки тоже едва-едва прикрыты от наготы. Странно между лавками видеть кузницы; в них, кто ближе к огню, совершенно нагой, только прикрывает его какой-то лоскут; близ него тоже едва одетые черные турки. Огонь, раздуваемый мехами, по временам ярко освещает полудикие их лица, искры разбрасываются, падают на нагое их тело, но оно не чувствует уже ничего. Во всем городе довольно мечетей, но все очень бедные; вообще, куда ни посмотришь, везде бедность и нищета.

По местам, но и то вне середины города, есть дома в европейском вкусе, почти все двухъярусные, никак не выше; но и у тех ворота заперты, и в них не видно никакой жизни, ставни затворены, все примерло. Только в одном доме видел я господина в большой красной шубе с трубкой, он сидел на балконе. Я думал, что это турок, но потом, смотрю, к нему вышла молоденькая и очень миленькая сербияночка — я вижу, что это должно быть серб.

Долго я шатался по городу, мне сделалось грустно донельзя. Все что ни встречаешь — такого, что, кажется, ни с кем нельзя променяться словом, — с чего и как начнешь изучать эту страну. Дай, думаю, отыскать Шафарика[2]. Опросил о нем в [Анчене][3] и тотчас же отыскал его. Та часть города, где он

[1] Темно-красный цвет (араб. kirmizi; kirmiz — кермес, кошениль).

[2] Янко Шафарик. См. примеч. к письмам И. И. Срезневского.

[3] Конъектура первого публикатора. Вероятно, ошибочная расшифровка записи. Возможно, правильно: Шанац (см. следующее примеч.).

живет, гораздо лучше. Тоже нечисто, но совсем не то. Надобно проходить через ворота; там стоит турецкая стража в куртках, белых панталонах и туфлях на босу ногу[1].

Прихожу я к Шафарику, он меня принял очень радушно. Мы с ним толковали о Сербии и были как будто давно знакомы. Странно, странно, что значит единство убеждений и единство верований. Нам не нужно было знать ни достоинств друг друга — с пятого, шестого слова мы уже были знакомы. Я его спрашивал, он мне давал советы, как близкому человеку. По его словам, я могу многое иметь здесь и в Пеште для истории Сербии. Это-то мне и надобно. Говорил он мне, что здесь сильно заботятся об устройстве школ, что теперь их всех более пятидесяти, три гимназии и один лицей. Гимназии по немецкому образцу — это жалко. Надобно будет больше повникать в состав школ, в них тоже много немецкой основы.

Шафарик готовит издание древних сербских монет, показывал мне 6 листов, оттиснутых в Праге. Я с ним говорил о преднамереваемом мною ежемесячном вестнике всеславянском; он очень рад и предлагал свои услуги. Все это хорошо. Он здесь профессором физики и литературы всеславянской, разумея под этим более всеславянство, нежели его литературу. Он говорит, что бездна дела в Сербии. Хвалил мне консула нашего, говорил, что он военный и с первого приема видно, что человек, привыкший повелевать. Может быть, это и хорошо для Сербии. Тоже говорил, что мне будет легко, особенно когда мне дадут пандуру[2] от правительства, а не от консульства. Здесь говорит, сильно любят русских, только надобно быть с ними обходительну. Я спросил его, от кого иметь письмо, он мне назвал трех или четырех лиц и говорит: здешние чиновники в отношении к народу совсем не то, что в Австрии или России. Народ их не чуждается, напротив, считает совершенно братьями и знает, что завтра каждый может быть тем же. О книгах Шафарик (Янко) думает, что всего бы лучше пересылать их через Одессу на Бухарест, а в Бухаресте есть «Сербское общество», которое могло бы доставлять в Белград[3]. Завтра утром он придет ко мне, и мы вместе отправимся по городу, а потом я пойду к нашему консулу. Когда я передавал ему мои впечатления, он сказал мне, что здесь почти все турки, которые жили по всей Сербии, что они бедны и теперь доживают награбленным ими прежде, продают старые крохи, но что вообще они чрезвычайно бедны. Затем много греков, они составляют главную часть торговцев. Также он говорил, что турки теперь решительно ничего не значат.

[1] Одна из четырех «капий» (ворот) Шанца, внешней линии старого города (точнее, вароши или слободы).

[2] Публикатор предположил, что речь идет либо о предписании, либо о сопровождающем лице. Скорее всего, последнее: пандур.

[3] Возможно речь идет о Княжеско-сербском агентстве в Бухаресте, учрежденном в 1836 г. и занимавшемся торговыми и политическими вопросами. Первоначально им руководил Михаил Герман, а затем Димитрий Иванович Мустаков. Однако работа Агентства была прервана на рубеже 30–40-х гг. после свержения Милоша Обреновича. См.: *Љушић Р.* Кнежевина Србија. 1830–1839. Београд, 2004. С. 399–401.

В одном со мною трактире — священник с Военной границы, именно от страны близ Далмации. Он хочет отдать детей в школу в Карловцы, к митрополиту Раичичу[1]. В четверг он обедал у митрополита. Как это хорошо, говорит он о митрополите, что он всеху себя принимает. Священник беден, а когда захотел ужинать, предложил мне разделить с ним его небогатый ужин; я этого не сделал, хотя, впрочем, и ужин мой состоял весь из стакана молока. Приятно видеть истинное славянское радушие. По его словам, там наши православные в довольно большом угнетении. Они не получают никакого жалованья ни себе, ни даже на школы, тоже не имеют книг церковных. Только то, что получили из России прежде, то и остается, и то мало-помалу скудеет. Вот, кстати, не забыть записать, что говорил мне Груич-архидиакон[2]. Что прежде много ходило русских с образами и книгами, но что с 1795 года их больше не ходит. Рассказывают, будто бы в Сербии, в Боснии в то время их всех перерезали, и с тех пор они перестали ходить. Теперь это было бы трудно; от нас нелегко выходить, а авст[рийское] правительство к себе тоже не пускает или пускает неохотно.

2/14 июля. Как только шаг в жизнь деятельную, так и наделаешь бездну глупостей. Я собой всегда бываю недоволен и нисколько не исправляюсь. Но прочь все — писать о деле.

Сегодня утром пришел ко мне Шафарик, и мы отправились бродить по городу. Сначала прошли ту часть города, с которой я вчера ознакомился, — это турецкая часть. Турки во всей Сербии имеют небольшое пространство, именно здесь, в городе, огороженное палисадом, вне которого они не могут селиться. Потом мы прошли по базару. Сербы и сербки одеты бедно, но бедность их одежды не есть следствие нищеты, а патриархальность — они не введены еще в требования не только роскоши, но даже и удобств жизни. Часто у бедно одетой сербки видите на голове нитку с червонцами или убор из серебряных монет. Простота в одеянии, та же и в них самих. При всех выходах из города ворота охраняемы турецкими солдатами. За воротами начинается христианская часть города, она совершенно иная. Правда, что доселе пока еще мало населена, но много приготовлений к населению ее. Куда ни посмотрите, везде строятся дома, и дома порядочные. Все больше одноэтажные, но это было бы и очень хорошо, если бы при них и остались или много-много — что не строили бы двухэтажных. При нашей славянской домовитой жизни нам не нужно больших хором: они хороши в городах торговых, где дом есть предмет промышленности, а у славян он больше строится для себя. Мы походили с час. Видно, что Шафарик полюбил Белград, да и не мудрено: он здесь находит полноту деятельности для славянского мира. Управление здесь разделяется на 4 главных министерства: Авраам Петроневич — попечитель иностранных дел, Илья Гарашанин — попечитель

[1] Иосиф Раячич. См. примеч. к письмам В. А. Панова.

[2] С Никанором Груичем (1810–1887), совмещавшим духовную стезю с литературной, Чижов познакомился в Сремских Карловцах.

внутренних дел, Паун Янкович — попечитель просвещения, Вучич — воевода[1]. Предпоследний воспитывался в России, он представитель князя и во время его отсутствия занимает место председателя [в Государственном совете]. По словам Шафарика, число турков ежедневно убывает в Белграде: они продают свои дома и землю; покупают сербы и строят на место их новые. Вот естественный ход совершенного освобождения. Вообще, как ни смотри, а в Сербии уже свобода встала на твердую опору.

Пришедши домой, я чувствовал себя утомленным, лег и заснул. Потом, в 11 часов, мне привели с почты пару коней, и я поехал к консулу в Топчидер[2], загородный дом бывшего правителя Сербии князя Милоша Обреновича[3]. Да вот еще, кстати, к Обреновичу. Шафарик показывал мне его дома: один, занимаемый теперь лицеем, и другой, тут же вблизи, где назначено построить дом архиепископа. Теперь архиепископ в небольшом домике подле собора. При этом я спросил о конфискации; он мне отвечал, что здесь ее не существует и что даже в случае политических преступлений и восстаний против князя берут под стражу, но имения не трогают. Если только правда, то это очень хорошо. Когда мы видели поселян, Шафарик заметил мне, что бедности и особенно нищеты между ними не может быть, потому что владеют землями, земли еще вдоволь. И точно, здесь я не видал нищих. Такое патриархальное начало много обещает хорошего.

Был я у консула, нашел в нем весьма обходительного человека. Не знаю, предупрежден ли он был обо мне или с именем профессора соединяют что-либо, только кажется, как будто бы он немного стеснен. Между тем в разговорах довольно военным, то есть колоритным способом спрашивал меня, что я нашел между славянами. Тут я увидел, как я больше привык быть в области мышления, нежели положительности, — я не нашелся, что ответить. Он, по-видимому, весьма и весьма разделяет славянское движение, но мне кажется, что это вряд ли не мысли Ригельмана, о котором он превосходно относится[4]. Он говорил мне, в свою очередь, что здесь ему тем тяжелее, что он прямо ничего не может делать, а между тем бывает беспрестанным свидетелем страданий. Новое правительство, говорит он, революционное[1], но довольно умно, чтобы сделаться народным, и потому оно прибегает к другим средствам — ужасным жестокостям. «Ко мне относятся — я стараюсь помочь и, благодаря Богу, иногда поспеваю». Тоже, говорит, часто обращаются к нему из Боснии; он пишет к посланнику в Константинополь[2], но не получает удовлетворения. «Я не понимаю, — говорит он, — чего боятся наши правительственные лица; они не хотят продолжать и поддерживать то, что давным-давно начато Петром Великим. Посмотрите, нет ни одного монастыря, где бы наше правительство не делало вспоможений, теперь все оставили». «Я, — говорит, — писал уже вот больше месяца, чтобы прислали сюда церковных книг в двух экземплярах для того, чтобы именем здешнего архиепископа переслать в Карловцы, но до сих пор не имею ответа».

Судя по лицу его, он не должен иметь много идей. Может быть, уединение, начитанность дали ему все не то, а говорит пока хорошо и все очень положительно. Он спросил меня, не хочу ли я представиться князю; когда я сказал, что не имею с собой фрака, он предложил мне свой. Совестно, а делать нечего, надобно будет взять. Дом, в котором он живет, построен и убран в совершенно турецком вкусе — все диваны и широкие подушки. Он советовал мне быть у всех перечтенных мною членов правительства.

Только что я отобедал, пошел к Петроневичу. Он живет в городе, дом или домик его на дворе и окнами на двор — это было прежде турецким домом. Я его встретил на дворе, и с ним, должно быть, жена его. Тут же я ему представился; он принял меня радушно, и мы пошли с ним наверх по деревянной лестнице. Приемная его комната небольшая, с двумя большими диванами; на них шитые золотом ковры и подушки. Разумеется, разговор начался о России, о сербском языке, о том, как он хорошо говорит по-русски. А и точно он говорит хорошо, особенно принимая то, что он всего был в России только три месяца[3]. Он расспрашивал меня о Загребе. Я сказал все, нисколько не заикаясь; может быть, и дурно, что я говорю прямо о том, что деятельность [Людевита] Гая не имеет чистоты. Он говорит, что на них имеет большое влияние Австрия и особенно католицизм.

Вечер. Сейчас много было занимательного, но я не хочу удаляться от начатого. Петроневич говорил: «Вот теперь иллиры хотят непременно составлять свои слова и удалять нас от России под тем предлогом, что мы берем слова русские. Например, [деятельность] слово чисто славянское, они ввели *отвасность*. К чему это? — Чтоб не дать русского слова. Тут есть влияние Рима». Я ему при этом сказал, как они исключают нас из всеславянства. «Да, — он говорит: Они толкуют о *панславизме*; это составлено из греческого слова “пан” — весь. Я знаю

[1] Перечислены ключевые фигуры в правительстве уставобранителей, укрепившиеся у власти в Сербии к середине 40-х. В период пребывания Чижова в Белграде А. Петрониевич совмещал пост министра иностранных дел и представителя князя в Государственном совете. См. о нем: *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. Београд, 2012. Илия Гарашанин (1812–1874) — попечитель внутренних дел и в то же время архитектор тайной внешнеполитической стратегии, изложенной в «Начертании» (1844). См. о нем: *Страњаковић Д.* Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005. Паун «Бача» («Батюшка») Янкович (1808–1865) учился в России; в прошлом, как и Петрониевич, секретарь Милоша, стал министром правды (юстиции) и просвещения в первом правительстве уставобранителей. Тома Перишич Вучич в это время находился в конфликте с князем Александром Карагеоргиевичем. См.: *Поповић Р.Ј.* Тома Вучић Перишић. С. 181–189.

[2] Ныне — часть Белграда.

[3] Милош находился у власти в Сербии до 1839 г., но позднее, после падения уставобранителей, был вновь призван к управлению страной в 1859–1860 гг.

[4] См. письма Н. А. Ригельмана.

[1] Речь идет о правительстве уставобранителей, пришедшем к власти через цепь переворотов.

[2] Владимир Павлович Титов (1805–1891) — русский дипломат, в молодости литератор; с 1840 г. был поверенным в делах, с 1843 по 1853 г. — посланником в Константинополе.

[3] Петрониевич был направлен в Россию вместе с Цветко Райовичем в 1830 г. Об этой поездке: *Поповић Р.Ј.* Аврам Петронијевић. С. 53–62.

эллинский язык, — какой же тут панславизм, когда они хотят всего своего?» Идеи всеславянства он не понимает, да нечего тут и толковать, лишь бы был славянином, а там идея выйдет из действий. Я говорю, что «они упрекают вас в употреблении турецких слов». Он отвечал: «И точно — их много, но это выйдет со временем; и у вас много иностранных». При этом он показал мне «Северную пчелу»[1], и в самом деле, на двух строках едва-едва было ли два русских слова, то есть слова славянского происхождения. Тут от языка мы перешли к религии, и он начал мне рассказывать спор его с католиками, давно еще, когда он был в Константинополе. <...>[2] Во всем его рассказе было видно, что он много думает о религии. И сейчас, когда я изъявил мое удивление, что он хорошо говорит по-русски, мне все отвечали, — потому что это наш богослов, он много читает Старый и Новый Завет, то — его лучшая забава.

Когда мы у него сели, нам подали по трубке с длинными чубуками. Я взял тоже, чтобы иметь что-нибудь в руках. Потом подали воды и варенья; не знаю я, как то у них берут, но я просто положил варенье в воду и оставил у себя стакан. Варенье вишневое, без косточек, сварено очень хорошо; это я не мог не заметить, как великий любитель варенья. В продолжение разговора жена его входила несколько раз; она уже пожилая, еще не старая — так, лет за 40 женщина; он лет 50, если не больше. Он мне о ней ничего не сказал, и она была, как посторонняя: входила, спрашивала ключ и уходила. Домик у него маленький, убран просто. Слуга одет в турецком или албанском камзоле, вообще в полном одеянии, кроме юбки, и с кинжалом и с пистолетами, как и все сербы. Вообще этот визит сделал на меня приятное впечатление. Первый министр, наместник-правитель, — и живет совершенно просто, без всякой роскоши. Когда мы начали говорить о славянах австрийских, я говорю ему: «Мое таково верование, что если уже быть под ярмом, то лучше быть под турецким, нежели под австрийским. Здесь порабощали тело и тем самым укрепляли дух, там вводили всеми путями безнравственность». Он совершенно того же мнения. По-видимому, он совершенно русской стороны и очень хорошо относился о Данилевском. Я просил его предупредить князя, чтобы завтра представиться ему в полдень, и он обещал мне прислать сказать в дом консульства.

Вечером я пошел к Шафарику; он позвал меня в садик; там я нашел трех или четырех лиц: советника Государственного совета, хозяина дома — книгопродавца, еще их законописца, не помню имени, и одного молодого поэта. Первый был в России 13 лет и говорит очень хорошо[3]. Слово за слово, мы прямо перешли к Сербии, ее положению и тоже положению других турецких славянских областей. Я принял себе за правило говорить прямо и открыто; старался в рассказах

[1] См. примеч. к отрывкам из книги А. Н. Попова.

[2] Опущены богословские рассуждения Петрониевича, неоднократно исполнявшего дипломатические поручения в Константинополе (впервые — в 1820 г.).

[3] О законописце Й. Хаджиче речь в дневнике Чижова пойдет ниже. Книготорговец — вероятно, Г. Возаревич (см. примеч. ниже и записи М. П. Погодина). Старым советником мог быть Л. Арсениевич-Баталака, проживший в России около 13 лет (с 1814 по 1827 г.). См. ниже.

выказать им близость мою к славянам, и только. Старый советник говорит: «Да, русская политика иногда так запутывает, что и понять трудно». Я говорю: «Но, господа, тут, я думаю, руки связаны потому, что ваши провинции — гордиев узел европейской политики». Тут и пошла потеха. Он говорит: «Нет, если вы так разумеете, позвольте же вам сказать, что и вы не знаете нашего порядка вещей». Я старался объяснить, что распутывание его было бы к лучшему, потом признался в незнании. Он говорит: «Русский кабинет верит своим агентам, а они, не знаю почему, по незнанию ли, или по своим видам, представляют все не так, что заставляют потом действовать совершенно по своей воле, между тем как дело просто. Если бы он послушал кого-либо из нас, он увидел бы истину. Но этого быть не может, потому что он должен верить более своим агентам, нежели нам, которых не знает. Например, вот вам, когда мы при Милоше не имели еще 6 поветов, наш агент в Константинополе говорил Бутеневу: позвольте написать Милошу, чтоб он захватил все вооруженной рукой. Бутенев и руками и ногами: как это можно, ни за что в мире. А как после он не послушал, написал да Милош понял, Бутенев же говорит: вот это хорошо»[1]. Теперь — он говорит: «Мы, сербы, в таком положении к России, что между нами должна быть прямота, без всякой политики». Мне кажется, что они не совсем довольны нашим консулом, потому, может быть, и он мне сказал, чтобы я только познакомился с теми четырьмя, не больше. Я сказал просто этому господину, что мне бы сильно хотелось узнать дела Сербии и самую Сербию. Он говорит: «Вы легко можете это сделать, — только пробыть здесь несколько дней, а потом поехать по самой стране». Завтра придет ко мне Шафарик назначить ход моего путешествия. Еще я, между прочим, им говорил, как утешает меня народность их правительства, что правительственная особа так мало отличается от народа; и к этому прибавил, что, не зная Вучича, я не мог не уважать его, зная одно, — что этот человек не умеет ни читать, ни писать, а все европейские дворы в продолжение нескольких месяцев о нем толковали. Мы расстались с этим господином очень ласково, и он просил меня очень к себе. Надобно будет стараться встречаться с ними чаще и вообще не пропускать ни минуты времени. Когда коснулось дело до Милоша, они говорят: «Вот, например, был человек, который делал такие ужасы, что нельзя рассказывать». Я возразил на это: «Но согласитесь, что это уже не вина никакой внешней политики». Они все на это [не] могли не согласиться. Мне и консул давеча тоже говорил, что Милош зверски поступал, отнимал жен у одних, отдавал их другим; духовных делал светскими, светских, самых безнравственных, — духовными. Любопытно будет войти во все эти подробности.

[1] Речь идет о борьбе за расширение территориальных рамок Сербского автономного княжества, признанного Портой в 1830 г., до границ эпохи Первого восстания, когда к 12 нахиям Белградского пашалыка были присоединены еще 6 соседних. Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866) — с 1830 по1843 г. посланник России в Константинополе — надеялся добиться этой цели дипломатическими усилиями. Однако вспыхнувшие в 1832–1833 гг. восстания в отторгнутых (после поражения 1813 г.) нахиях, куда Милош Обренович, пользуясь случаем, ввел вооруженные отряды, ускорили соответствующее султанское узаконение в хатти-шерифе 1833 г.

3/15 июля. Сегодняшний день прошел хорошо. Утром в 7 часов я пошел к Вучичу — его нет дома, к Гарашанину — он еще спит. Первый давно уже в канцелярии, второй, говорят, больше работает ночью. Прежде еще у меня был Шафарик и дал мне маленький маршрут, но я вряд ли не переменю его по совету Лазаря Арсеньевича[1], который сам путешествовал и потому может все знать лучше. Шафарик же мне передал приглашение к этому господину на обед. В консульстве мне сказали, что князь ждет меня к себе в 11 часов; так как консул не вздумал ехать, то я, взявши фрак, пустился один. Прихожу — дом, или дворец, князя построен на дворе, за ним дальше гауптвахта; солдаты все в мундирах нашего покроя. У крыльца два солдата, все это по форме. Правду сказать, мне это не понравилось. К чему такая солдатчина? К чему такая охранительность? Вхожу — в приемной, род большой передней, сидит адъютант, то есть кто-то в полковничьих эполетах и в военном сюртуке. Я ему сказал, что князь хотел меня видеть. Он пошел докладывать, через минуту вышел, отворил боковые двери; там меня встретил Петроневич, и встретил с радушием. У князя, говорит он, теперь австрийский консул[2]; он едет отсюда, и потому заехал проститься. Князь просит нас минуту подождать. Мы сели, начали разговаривать — и забыли о князе. Петроневич — добрая голова, простая, но смышленая, и он, должно быть, и сильный плут, может быть, во всем благородном значении слова. Он у князя распоряжается совершенно, как в своем доме. Спросил меня, видел ли я Вучича; я сказал, что нет; он пошел было во внутренние комнаты, но вышел один. От нечего делать я говорю, взглянув на какой-то портрет: «Надобно было бы к вам прислать хорошего живописца». Он на это отвечал: «Да, но к чему наши портреты? Я был в Петербурге и не сделал своего; потом же один живописец снял с меня портрет, и то неудачно». Тут мы все протолковали о Москве. Входит князь, я подошел и, не дожидаясь ничего, представился сам. Князь попросил в другую комнату и пригласил сесть на диване. Слово за слово, я начал говорить о Белграде; начал с того, что просил его разрешения проехать по Сербии. Он сказал: «Мне очень приятно, когда русские путешествуют по нашей стране», и потом обратился к Петроневичу, как будто желая спросить, что он скажет. Правду сказать, физиономия далеко не княжеская, особенно в военном сюртуке без эполет; это просто прапорщик, и то нет — удалой кавалерист[3]. Рисуется, и при его нескладности

[1] Лазарь Арсениевич Баталака (1793/1795?–1869) — историк, один из идеологов уставобранителей. Ранее, после поражения сербских повстанцев в 1813 г., жил в Бессарабии как беженец-переселенец. С 1842 г. — член Государственного совета. См.: *Поповић Р.Ј.* Аутобиографска скица Лазара Арсенијевића Баталаке // Мешовита грађа. Miscellanea. Књ. XXIII. Београд, 2004. С. 63–88.

[2] Фердинанд Мейергофер (Майерхофер, 1798–1869), назначенный консулом в Белград в марте 1844 г., в конце того же года получил звание подполковника (к концу карьеры — фельдмаршал-лейтенант).

[3] Александр Карагеоргиевич (1806–1885), младший сын Карагеоргия, некоторое время служил в русской армии. В Сербию вернулся с разрешения Милоша Обреновича и в 1840 г. был назаначен адъютантом его сына, тогда уже князя Михаила Обреновича.

такое рисование смешно донельзя. Только начали говорить, я позабыл о его *величестве* или *светлости*, пустился в рассказы о римлянах, о том, о другом, и все кончилось. Нам принесли варенья, подали мне, я взял с водой; после принесли трубки с длиннейшими чубуками и с тарелками для трубок.

В разговорах прошло около часу. Петроневич спросил позволения князя и пошел чесать из Иезекииля, Илии и тому подобного[1]. Он в Апокалипсисе находил предсказание того, что славяне будут терпеть под ним, что они его сбросят, и врата адовы не одолеют их. Нашел пророчество, что Наполеон со всей Европой наводнит Россию, но земля поможет ей избавиться. Ну, это его слабость, к тому же Апокалипсис — такой источник для всяких пророчеств, что только черпай. Князь говорил очень мало: несколько слов о посте у русских, тоже о том, что он в своей церкви хотел сделать иконостас, да некому писать иконы, он бы хотел иметь греческих художников. При этом я распустился о неуместности в наших церквях иметь итальянской живописи образа, и он сказал очень мило, что один серб видел такое итальянское изображение богородицы; его спрашивают: какова она? Он ответил: так лепа[2], что он забыл и молиться, все ею любовался. Не знаю я, против ли обычая или по обычаю, но я говорил, как в знакомом мне доме, забыв о всех условностях. Я вижу, что мы все говорим, что никогда это не кончится, то, не дождавшись, что князь встанет, я встал и сам откланялся ему. Петроневич при прощании говорит: «Мы еще увидимся». Я говорю: «Я буду просить вас позволить мне вас видеть». Потом я зашел домой, зашел за Шафариком, и мы пошли вместе к Лазарю Арсеньевичу, одному из числа 17 советников. Пред обедом разговор наш все шел о Бессарабии, о том, о сем, довольно вяло. Он пенял на Бодянского[3] за то, что тот был здесь 5 месяцев, жил со всеми дружно, проводил вместе дни и целые зимние ночи; он уехал — и хоть бы слово. Тут пришла его жена, которая тоже жила в Бессарабии; с нею кое-что мы потолковали и пошли обедать.

После династического переворота, в котором активного участия не принимал, Александр Карагеоргиевич был избран князем Сербии в 1842 г. (повторные выборы по настоянию России — в 1843-м) и находился у власти до конца 1858 г.

[1] То есть из библейских пророков.

[2] Красива.

[3] Осип Максимович Бодянский (1808–1871) — представитель первой когорты университетских славистов в России. В ходе своего заграничного ученого путешествия (см. вступ. ст. к письму В. А. Елагина) он посетил Белград в конце 1839 г. См. его донесение в Совет Московского университета от 7 марта 1840 г.: Москва–Сербия, Белград–Россия. Т. 2. С. 176–179. Хотя Бодянский должен был регулярно доносить о своих занятиях Министерству народного просвещения и попечителю Московского учебного округа, по-видимому, его прежние отчеты не дошли до указанных инстанций: Там же. С. 532. (Примеч. 105.) К сожалению, не сохранился и дневник Бодянского за этот период: *Медовичева Т. А.* Осип Максимович Бодянский и его Дневник // Бодянский О. М. Дневник. 1852–1857 / [предисл., подгот. текста, подбор ил. и коммент Т. А. Медовичевой]. М., 2006. С. 5–64. В опубликованных Н. А. Поповым письмах Бодянского к М. П. Погодину также нет рассказов о посещении Сербского княжества: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861) / [сост. и предисл. Н. А. Попова]. Вып. I. М., 1879.

К концу обеда растолковались больше. Он высказывал явное негодование на то, что нашими агентами выбираются люди, решительно не понимающие отношений, представляющие русскому двору дела совершенно в ином виде. «Вот, — говорит, — например, в 1837 и следующих годах, когда всем явно было, что Милош вошел в сношения с Англией и хотел ей предаться, многие жертвовали всем для пользы России. То есть, — говорит он, — для пользы отечества, но и в отношении России — для ее пользы. Что же? Когда потом, в 1840 году князь Михаил сделал возмущение против Вучича и Петроневича, которых ему назначили быть воспитателями или, лучше, регентами, потому что он был малолетен[1], они отошли в Константинополь, явились Титову; он сказал им: «Да что же вы сделали для России? Россия вас ни о чем не просила». Нет, он говорил: «Кто бы меня ни уверял, не поверю, чтобы Россия не имела мысли о восстановлении славян, потому что многие в этом уверены, но, с другой стороны, множество совершенно противоположных действий. Она выбирает агентов, которые или ничего не смыслят, или заботятся о личных своих пользах, жертвуя им совершенно пользами страны и пользами своего государства». О Данилевском он говорит как о полковнике, знающем ружье, и только, «а нам, говорит, нужно не ружье, а оружие ума». Я говорю, как к нему приходят многие из отдаленных мест, и он помогает им. Помилуйте, — он говорит, — что он делает? Пересылает ихписьма и просьбы целиком в Петербург, — это ли его дело? Там не знают подробностей, а ему они должны быть известны; потому он должен представлять не сами просьбы, а то, как на них нужно смотреть.

Спать сильно хочется, завтра допишу урок[2]. Получил письмо от Алекс[андра] Андреевича[3]. Завтра нужно ответить.

4/16 июля. Об Иващенке[4] тоже отзывался с чрезвычайной неприязненностью. Но когда произнес имя Долгорукого[5], то и он, и жена его тотчас сказали: да, вот был человек, который умел обойтись с каждым сербом, умел всех привязать к себе. Мы долго сидели за столом, а результат разговора все был тот, что наши консулы форменно слушают просьбы — или ничего не понимают, или имеют виды не делать. Я не скрыл, что не сошелся внутренне с Данилевским, хотя внешне ему весьма обязан. Может быть, это и дурно, да нечего

[1] Сын Милоша Обреновича Михаил оказался у власти после вынужденного бегства отца и смерти старшего брата Милана в 1839 г. в возрасте 16 лет.

[2] Здесь: зарок, положенное.

[3] Художник А. А. Иванов, с которым Чижов был дружен.

[4] Г. В. Ващенко.

[5] Царский адъютант Василий Андреевич Долгорукий (Долгоруков; 1804–1868) побывал со специальной миссией в Белграде осенью 1837 г., в разгар конституционного кризиса. См. об этой миссии и в целом о русской политике в Сербском княжестве в этот период: Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1990. С. 138–139 (автор текста — И. С. Достян); *Кудрявцева Е. П.* Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009. С. 101–102.

делать. Лазарь Арсеньевич говорит: «Однажды Данилевский сказал мне: «Будемте говорить откровенно», но после этих слов я не видел от него никакой откровенности. Много мы говорили и все в пределах этого. После думали было ехать к Вучичу, да увидели, что он проехал верхом, предшествуемый момком и сопровождаемый тремя, в Топчидер; поэтом мы вместе с хозяином, в его коляске, отправились к Гарашанину, не застали его дома. Нашли у себя Симича, председателя совета[1]. Мужчина огромный, голова сербская, одного сложения с головою Петроневича, — это решительно наш купеческий голова. Лицом невзрачный, на левой щеке рубец; все это вместе с его дородностью, не толстотой, а больше силой и крепостью природной, придает ему значительный вид. Это тоже замечательно, что все их первые сановники — народ физически сильный, крепкий и дородный. Буду продолжать после, теперь иду к Вучичу; сейчас пробило 7 часов, он в 8 уходит в канцелярию.

Пришел теперь от Вучича, и это будет после.

У Симича комнаты убраны по-европейски, но в его гостиной образница; там один образ архангела Гавриила (кажется), евангелие, окованное в серебре, и крест, тоже оправленный в золоте. Одет он по-сербски или полутурецки. Петроневич одевается инако — на нем чекан и европейское платье: жилет, брюки и башмаки. Они большею частью носят башмаки, потому что они доставляют им удобства сейчас же скинуть их и поджать по-турецки ноги. В разговоре Симича видна простота; он порядочно говорит по-русски. По обычаю подали нам трубки и варенье. Мы много говорили с ним о народности; разговорились о Черногорье и тут перешли к строгости сохранения обрядов и предписаний нашей церкви. Он мне сказал, что у них всегда бывало, что не только иногда хозяева молятся, да и гостей заставляют. «Так, — говорит он, — я помню Милоша Обреновича: бывало, молимся мы с ним, и потом при конце молитвы он прибавляет: «Помоги мне Боже изгубить врагов моих», или: «Поживи меня Боже, пока не отомщу врагам моим». То есть нам, сербам», — прибавил Симич. От Симича мы проехали к архиепископу[2].

5/17 июля. Ну, я не виноват, никак не виноват, что задолжен перед моим дневником. Вчера поехал к консулу с секретарем его, думал там пробыть до вечера, а остался ночевать, потому что погода была ужасная. Ветер, буря, дождь — одним словом, все гадости. Итак, продолжение моего рассказа. Архиепископа не застал дома. Но прежде то, что езда по Белграду в тысячу раз хуже ходьбы. Мостовая выложена большими камнями, часть их выбита, и потому коляска едет, как будто по каменным кочкам, того и смотри, что вывалимся. Я был

[1] Стоян Симич (1797–1852) — председатель Государственного совета, в это время политический конкурент Петрониевича. См.: *Поповић Р. Ј.* Аврам Петронијевић. С. 188–189.

[2] Петр Йованович (1800–1864), белградский митрополит с 1833 по 1859 г., сделал много для обновления местной церковной организации. См. подробнее: *Слијепчевић Ђ.* Историја српске православне цркве. Књ. 2. Београд, 1991. С. 312–318.

от души рад, когда мы выбрались за город. Архиепископ-митрополит — молодой человек, лет около 40; для митрополита очень-очень молод. Приятной и очень приятной наружности. Черная большая окладистая борода, среднего роста, и очень доброе выражение [лица]. Не обещает ничего особенно замечательного, но предупреждает в свою пользу. Лазарь Арсеньевич представил меня ему с лестной для него маленькой речью; мы начали разговор о нашем путешествии, его продолжали долго, потом перешли к построению церквей, их византийской школе живописи. Вообще видно, что он не имеет ни особенного образования, ни даже особой духовной начитанности и человек такой, которым руководить легко и очень легко. С ним мы оставались долго; он велел поставить столы, принести абрикосов, и мы провели время в разговоре. Моя цель — пленить их образованностью, заключенной только в русскую народность[1]. Я много говорил об архиепископе черногорском[2] и беспрестанно обращался к тому, что у нас религия — сильнейшая сторона народности. Пусть, говорю, каждый имеет свое убеждение, тут судья — Бог, а не мы, но мы судьи внешности; кто наш, тот должен быть нашим православным во всем. Это не кажется, но, още соблазнит единого от малых сих, легче было бы тебе, если б привязали тебе камень и вверзли в море[3]. Кажется, что тут разговор был очень удачен.

От него мы поехали прокатиться вне города. Окрестности приятны именно тем, что вы видите все раздолье жизни. На необозримом пространстве поля, холмы, зелень, между которыми кажется что-то похожее на хижины, но глаз не видит ни одного большого селения. Все это богатое достояние живущих, и в богатстве — наследие многим поколениям, наследие доселе и долго еще неистощимо. Вот новая надежда укоренению мирных, тихих христианских начал в народе, избранном и назначенном от Бога для периода истинно христианской жизни людей, христианской в действии. Им много места, если не за что будет ссориться и иметь распри, когда они успеют свергнуть не только иго, над ними так долго тяготевшее, но уничтожить и следы того ига. Эти следы едва ли не губительнее самого ига; рабство губительно не столько в самом себе, сколько в том, что оно уничтожает самые благородные, слабые струны человеческой души. Здесь у всех заметна непрямость, в которой я не виню даже бедных сербов, — столетия проведя в положении таком, что они не смели вымолвить прямо ни одного слова, должны были скрывать порывы самых священных чувств любви к родине, всякой свободной душе давали самые рабские образы. Они пребывали в таком положении, нельзя им в одну минуту уничтожить все это. Что время врезывает веками в жизнь народа, то и снимается с народа временем.

Вдали, направо, чернеется гора; на ней остатки, слабые остатки древнего укрепления; какого — мне не мог хорошо объяснить мой спутник. Скоро мы по-

[1] Чижов наряду с К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным был поборником выработки некой «русской науки».

[2] С черногорским митрополитом Петром II Петровичем-Негошем Чижов встречался во время поездки по Далмации осенью 1843 г.

[3] Аллюзия на слова Иисуса: Мат. 18: 6; Лук. 17: 2.

воротили назад, и тут Белград сосредоточил на себя и взор, и внимание. Турецкая башня, похожая больше на христианскую колокольню господствует над городом; здесь — другая: колокольня собора единственной белградской церкви, не считая кладбищенской. Около нее теснятся домишки; это средоточие турецкой части города; налево широкой и длинной полосой тянется новая часть восставшего христианского Белграда. Мне невольно пришло в голову: в христианском городе нет христианского памятника, нет церкви; это было бы необходимо и в память освобождения, и на потребности народа. Отдаленные дома чересчур далеко от собора, так что невозможно ходить туда жителям. Да не знаю я, вряд ли и в соборе бывает ли всякий день литургия. За Белградом видно широкое русло стечения Савы с Дунаем, множество зеленых островков и за ними тоже разбросанный широко славянский город — Землин.

Пока мы ехали, мы все говорили о Сербии. Мой спутник превозносил [имя] Хаджича, теперешнего законодателя Сербии[1]. Я говорю ему: «Признаюсь вам, мне эта мысль не вполне понятна: к чему Сербии непременно в настоящую минуту необходима округленная полнота законов? У вас должны быть они или писанные, или в обычаях. Для чего бы, например, не начать с того, чтбы собрать существующие и прежде всего просмотреть их?» Сначала он мне возразил очень мягко. Он говорит: «Когда вы заводите какое-нибудь заведение, не поставляете ли вы и правом его?» Я говорю: «Да, но заведение есть мое творение или творение нескольких, вызванное только необходимостью; тут необходимость в одном требовании того, чтоб оно существовало. Народ — творение Божие, и творение не мгновенное, а вековое; в недрах его сами собой образуются все существенные его необходимости, они не могут быть ничьим произволом. Испокон веков, всегда и везде, народ был и есть законодателем, то есть народные потребности. Они образуются временем, каждый частный случай решается частным указом, приказом, предписанием; каждое частное улучшение дает новый устав. Все это идет с ведома народа. Даже законы. Значит, собрать все такие частности и пополнить из народа то, что еще не было развито во всей полноте, дать всему полный правильный вид; одним словом, изобразить в нем весь народ с одной его общественной стороны, то есть со стороны правосудия, внутреннего государственного состава, внешнего в отношении к другим и хозяйственного управления. У вас же теперь поручено писать законы, — разумеется, в них войдут совершенно чуждые начала, потому что они пишутся, творения, так сказать, в отношении Сербии, а не составляются». Он отвечал: «Нам в настоящую минуту полнота законов — величайшая необходимость. Чем ограждена независимость нашего существования? Не сегодня — завтра, не завтра — послезавтра разделят Турцию; кому мы достанемся, Бог знает. Если нас застанет это в то время, когда мы не имеем ничего собственного, нам дадут все чуждое; если мы будем иметь собственные права, нам будет, что защищать. И скорее можно будет допустить ошибки

[1] Йован Хаджич (далее — Гаджич; см. о нем примечание к письмам И. И. Срезневского) — создатель сербского «Гражданского законника» (1844), в котором сделана попытка приспособления норм европейского права к местным традициям.

и неправильности, нежели безошибочную ничтожность и прямую погибель». Я не привык к скорому разговору, потому не мог возразить ему, хотя возражение шло само собой: «Если ваши необходимости ничем не ограждены, и если у вас нет 100 тысяч ружей, то напрасно оставить знамя, — его возьмут также легко, как взяли и беззнаменное здание». Я возразил одно: что разделение Турции, по моему мнению, вовсе не в виду современной политики, — и избави Боже, чтобы оно было. Может быть, и будет непременно ее распадение, но разделение отделило бы на десятки или, может быть, и на сотню веков те успехи народов и людей, которые предсказываются славянской жизнью.

Все наши разговоры были около этого предмета. Лазарь Арс[еньевич] говорил мне одно, — что г. Гаджич берет все из австрийского падения, из Наполеонова кодекса[1] и все приноравливает к своим собственным требованиям. Что этот человек достойнейший, наиобразованнейший во всей Сербии, душой ей преданный, со здравой головой и превосходным сердцем.

Приехавши в город, я пошел к Шафарику; у него в садике нашел Гаджича, спрашивал, когда могу его видеть; он меня приглашал обедать, когда мне угодно. Тут же я нашел и книгопродавца Вазаровича[2]; он мне подарил маленькую тетрадку. В его доме живет Шафарик.

Вчера утром в 7 часов я пошел к г. Вучичу — воеводе. Да, вот еще о нем мы говорили с Арсеньевичем. Он говорит: «Это человек, много сделавший; он, собственно, человек военный, небогат, но в награду за его услуги ему дали имя воеводы, самое значительное в Сербии, которое мы не имели со времен Кара-Джоргия[3]; потом также его сделали тайным советником князя. Он человек не приготовленный к тому, чтобы занимать настоящее положение, но он лучше всех знает все те подробности и мелочи, которыми можно сблизиться с народом, и он — душа народа. В правительстве необходимы люди всякого рода».

Прихожу я к Вучичу; у него домик двухъярусный, с балконом, небольшой. Вхожу во двор; два момка лежат на скамье. Я спросил, дома ли воевода; мне сказали — дома, и я пошел наверх. Там другой момк, всё в сербском, то есть полуалбанском, наряде, отвечал мне, что он занят, что с него пишут портрет, но сказал так, что мне послышалось, будто бы он молится. Я говорю: «Когда же я могу его видеть? Скажи, что русский хочет его видеть». Слуга пошел и попросил меня войти. Вхожу, сидит рослый мужчина, совершенно сербской физиономии. Глаза немного прищурены, лишь улыбается с самодовольствием, — с первой минуты можно было видеть хитрого человека и с характером сильным. Он встал; я говорю, что я русский, что искал случая непременно видеть, давно знакомый с его именем, которое в 1842 [г.] наполняло все газеты. Кажет-

[1] Имеется в виду французский «Гражданский кодекс» (1804), ставший образцом законодательства для многих европейских стран, в том числе и для Австрийской империи.

[2] Глигорий Возаревич (1790–1848) — первый книгоиздатель и книготорговец в Сербском княжестве; в 1833–1844 гг. возглавлял государственную типографию. В книжной лавке Возаревича была открыта и первая публичная библиотека.

[3] Карагеоргий.

ся, ему это понравилось. Он попросил меня сесть; подали трубку, потом сладости, то есть варенье, после — кофе. Между тем, мы начали говорить. Ключом к разговору был вопрос его о Бодянском, Срезневском и Прейсе. Мало-помалу он перешел к немцам в России. Я говорю ему: «Славяне все были под игом, и большая часть их под игом долгое время. Мы несли тяжелое ярмо татарской власти, но благодаря Богу, с его единой помощью мы свергнули. Тогда вы были свободны; после мы подпали под ту же участь, и вы освободились. Но смотрите: освободясь, не подпадите под другое, с виду пленительное, но, в сущности, тяжелейшее — иго так называемой образованности». Говорили мы полусербски, полурусски. Он немного говорит по-русски. Так как ему для портрета надобно было сидеть покойно, то больше все я говорил. К тому же мне нужно было захватить его на свою сторону. Между разговором он спрашивает меня: «Скажите, зачем у вас дипломатический язык, особенно французский, когда пишут русские к русским? Вчера я долго был у вашего консула, мы с ним много толковали, и я его об этом допытывал; он мне сказал, что то — обычай». Я в ответ преспокойно начал ругать этот обычай и опять повел разговор на немцев и порядочно их честил. Так мы пробыли до 9 часов; ему было пора идти в совет.

Он рослый мужчина, одет очень просто по-сербски, по виду ничем не отличается от своих момков. В комнате приемной все очень просто, кругом диваны, в углу образная; образа простые старого греческого письма. Когда момки входили в комнату, чтобы принести кофе или трубки, они оставляли туфли в передней. Мне принесли кофе жена его, одетая по-сербски, довольно приятной наружности. Чашечки маленькие и вставляются в какие-то серебряные, как бы рюмочки. Когда выпьешь и передашь момку, тот берет и прикрывает чашку рукой. Варенье подают обыкновенно на подносе серебряном. Тут стоят две стеклянные вазы превосходного стекла, баночки, тут два блюдечка с ложечками и вода.

Вечер. Давно так деятельно не проводил я времени, только не позабыть бы записать.

От Вучича я зашел к Гарашанину. Он еще спал; мне сказали что чрез ½ часа можно его видеть. Чтобы не потерять время, я побежал к книгопродавцу Вазаровичу потолковать, как он придумывает пересылать книги; он ничего определительного не сказал; думает, лучше чрез Лейпциг, именно чрез Иордана, издающего славянский библиографический журнал[1]. Потом захожу к Гарашанину; он был занят, спустя минут пять принял меня. Начали мы говорить; он человек неглупый, но, кажется, ума обыкновенного и, я думаю, на своем месте — именно, он человек деловой. Во всем нашем разговоре было главное то, что мы поладили. Я передавал ему мои замечания о западных славянах, о черногорцах; успел предупредить в отношении Вукотича, который, оставив владыку, пришел сюда в службу[2]. Я уверен, что это должен быть полушпион австрийский.

[1] Ян Иордан (1818–1891) — серболужицкий ученый и общественный деятель, издатель “Jahrbücher für slawische Literatur”.

[2] Первый публикатор сделал предположение, что речь здесь идет об известном в будущем черногорском воеводе Петаре Вукотиче, которому было в это время около 19 лет.

Здесь он занимается инженерной частью. Здесь главное было, что мы разошлись очень хорошо с Гарашаниным. Ему надобно было идти в совет, но он просидел со мной очень долго, все упрашивал остаться. Едва я пришел домой, ко мне приехал Попов, секретарь нашего консула[1], узнать, дома ли я. Он зашел ко мне; добрый малый, но еще очень молод и пока франтик. Впрочем, мальчик добрый; начал со мной говорить по-французски, я сказал два слова и перешел к русскому. Его замечания были очень пусты, и даже не знаю, можно ли его иначе настроить. Что-то он очень худ, либо сильно таскается, либо уже не истрясся ли? С ним вместе поехали мы верхами к нашему консулу. Дорогой все толковали об Италии.

У консула я обедал и поневоле остался ночевать, потому что сделалась сильная буря. Вдруг в одну минуту ветер ужаснейший, дождь и такая буря, что рвало ветви с деревьев. Консул просил моего совета, как путешествовать по Италии; я ему дал полный маршрут с расписанием цен. Почти все время толковали об Италии. Но для меня было важно сделать заключение, что это такое. «Что это такое» — не больше; сказать: «кто такой» — было бы много. Добрый человек, вряд ли не побочный сын Михайловского-Данилевского[2]. Видно, что он приучен больше чем к военному быту. Ему знакома роскошь света, и знакома хорошо; знаком так[т], которым можно выказать себя перед не знающим света[3]. В ласковости есть немного искренности, но она больше светская. Есть сильное притязание на знание людей, которого вовсе нет. Одним словом, от этого много вреда, но думаю, что он не мог бы быть взяточником. В Сербии он по тону и по желанию властвовать был бы на своем месте, да потому не на своем, что не умеет понять положения Сербии. Он повелевает в [дряни] и этим повелительным тоном делает то, что его в пустяках, а слушают. Вучича он трактует, то есть трактует в своем понятии, как мужика, забывая, что этот мужик держал в руках и держит в руках Сербию. Когда я сказал, что Вучич — замечательная фигура, он говорит: «Ну, нет, я сам был об нем высокого понятия, но потом увидел, что это слава factice, que c'est une renommée usurpée»[4], — и сказал это с видом знатока. Петроневича он считает пустым хитрецом. Много рассказывал мне, как к нему обращались заключенные в тюрьму приверженцы Обреновича, что он не спал ночи, что жены, дочери валялись у него в ногах, прося его помощи, что ему удалось облегчить их судьбу, что теперь заключенным позволено курить табак, получать газеты, иметь свой стол. Одним словом, он не вник, что здесь дело консула не в существенно добрых поступках, а в умении сделать их так, чтобы дать им и внешнюю ценность. Этим хлопотаньем он, я думаю, ничего, или весьма мало как консул выиграл в мнении людей, им защищаемых, еще менее — в противниках. Тут нужно поставить себя так, чтобы слово его было законом — не повелением, или не говорить ничего. Не хлопотать, а сказать, обдумавши, страждущим: не плачьте, завтра будет иначе, — или ясно это показать, не говоря; а тем, кто содержится в тюрьмах, выставить, как для них важно молчаливое примирение, и что жестокости теперь не у места. Попов решительно, кажется, не принимает в этом участия. Консул имеет притязания на литературные сведения, и все это то же, что и консульство. Гоголь, по его мнению, — скверснейший писатель, не имеющий ни языка, ни вкуса. Показал мне картины, что висят на стенках, премерзейшие копии, то есть ни на что не похожие, и дожидался от меня ответа двусмысленным, неопределенным, *дипломатическим* мнением, — но этим-то и показал совершенное невежество, потому что такие, которые не стоят ни малейшего мнения. Домик его, бывший Милоша Обреновича, устроен по турецкому образцу, очень мило, везде диваны, над камином небольшой турецкий навес. Чай у консула превосходен — это его лучшее достоинство. Вообще, это Зайцевский[1], с большим, то есть с лучшим, воспитанием, решающий все определительно. Он мне говорит: «Позвольте мне дать вам совет в отношении к Гаджичу — это австриец, весь преданный Австрии». Я говорю, что он только мне нужен для истории Сербии, а сам себе думаю: «Ну, брат, ты так немного себе приобретешь приятелей». Рассказывая мне о путешествии, говорит, что около его коляски было два ряда народа, везде были столы с виноградом и фруктами, что сначала это его приводило в восторг, что он везде им выказывал, а потом и наскучило, «потому, — говорит, — что я все один 15 дней, а они все сменяются». Тоже глупо — здесь нужно было быть проще и естественнее восторженному. Ну, и будет о консуле; в отношении ко мне он очень мил, добр и полон комплиментов.

<...>[2] Сегодня утром за мной приехал момк с конем, и я отправился в город. Чрез полчаса ко мне пришел Спасич, директор училищ, с просьбой от имени Вучича, чтобы я пришел к нему обедать. Это господин Милован Спасич — молодой человек, бывший три года в Берлине и Галле, проведший там время с нашими Поповым, Панаевым и Елагиным[3]. У него чувство любви к отечеству чисто, из него выйдет деловой директор, и только министра из него не сделаешь. Он теперь приготовляет географию к напечатанию и имеет уже 1100 подписчиков. Он объезжал школы и только 5 дней как воротился. Всех школ 190;

[1] Сергей Иванович Попов — выпускник учебного отделения восточных языков при МИД России. После службы в Белграде являлся консулом в Молдавии, во Франции и был посланником в Китае. См.: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX века. С. 427. (Примеч. 1.)

[2] Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789/1790–1848) — генерал-лейтенант, русский военный историк.

[3] Так в тексте.

[4] Искусственная, узурпированная известность (фр.).

[1] Ефим Петрович Зайцевский (1799/1801–1860/1861) — поэт, журналист, служащий МИД. См. о нем: Русские писатели. Т. 2. С. 317. (Автор статьи — В. Э. Вацуро).

[2] Опущены сожаления Чижова от чтения «Отечественных записок», и в частности критических статей В. Г. Белинского, «написанных недурно, и даже хорошо», но неудовлетворительных по направлению.

[3] Милован Спасич (1808–1908) получил степень доктора философии в Берлине в 1843 г. В дальнейшем он совмещал академическую и глсударственную карьеру, был создателем Народной библиотеки в Белграде. Едва ли в ряду перечисленный далее «молодых славянофилов» может стоять, как предполагал публикатор, имя писателя И. И. Панаева. Вероятнее упоминание В. А. Панова.

довольно для начала. Он им дает устав и наставление учителям. Остальное запишу завтра. Чтоб не забыть, вот что: Вучич, обычаи, жена, Понелевич, молодой секретарь, разговоры и физиономии молодых людей, что они будут. Отношения их к Вучичу. Стеич[1], Янкович. Вечер с Гарашаниным и Петроневичем. Вопрос о Боснии, перевод иезуитов. Мои предположения. Проповедь католического священника.

Ветер теперь такой со вчерашнего дня, что это ужас; у меня выбило окна.

Июля 18/6. Проспал немного, или, лучше, провалялся, да еще пробежал Венелина[2].

Идем мы к Вучичу в первом часу, его еще нет дома; я попросил моего спутника зайти к Петровичу, нашему переводчику, спросить о здоровье. Потом опять приходим, еще не возвращался: мы прошли в крепость и видели там пашу, прохаживающегося по двору. Еще приходим и остались дожидаться. Вошла жена; сегодня она мне показалась очень милой женщиной, и, должно быть, очень неглупа, но еще сербиянки мало входят в разговор, а главное — мы, залетевшие с Европы, совершенно чужды их быту, а потому трудно нам и заговорить с ними, по крайней мере, мне. Театр, Европа, Италия, литература — общие места разговора с европейской женщиной — здесь не имеют места. Она спросила меня, курю ли я, и велела подать чубуки. Скоро пришел молоденький человечек, второй, или младший, секретарь совета; ему меня отрекомендовал мой товарищ, и тот начал со мной говорить по-французски. После нескольких слов я перешел к сербскому. Я не помню фамилии, после запишу, но записать надобно, потому что все это новое поколение — будущие правительственные лица Сербии; случится с ними и столкнуться. По мне, это секретарик и будет секретарем, будет уметь найти все, что надобно. Он очень порядочно говорит по-французски, потому что жил в Париже. Мы говорили о Франции, о том, о сем. Он постоянно улыбается; это есть и у меня — одна из самых скверных привычек. У меня она прекратилась долгим житьем самому с собой, тут же поуничтожилась и природная хитрость.

Приходит Вучич; снял в передней башмаки, вошел в туфлях, извиняясь, что заждались, спросил: где же Николаевич[3]? Весь разговор наш был о том, о сем в соединении с Сербией. Я начал с оружия, то есть с пистолетов, которые лежат подле подушки на диване. Я говорю: у вас пистолеты и ружья, как у меня перья.

[1] Йован Стеич (1803–1853) — врач по образованию, приверженец рационализма XVIII в., сербский писатель, сторонник и мягкий критик языковой реформы В. С. Караджича. В 1845 г. главный секретарь Государственного совета.

[2] Трудно сказать, о какой книге Ю. И. Венелина идет речь, возможно, это брошюра «О характере народных песен у славян задунайских» (1835), где фольклор связывается с «национальным характером».

[3] Константин Николаевич (1821–1877) — один из первых сербских студентов, отправленных на обучение в Париж, в то время секретарь Совета, историк и государственный деятель.

«Да, — он говорит, — что вы хотите? Необходимо, — все это политика». Тут я ему рассказал, как [черногорский] владыка умно ответил австрийскому майору, показав на ружья, что то их дипломатика[1]. Он тут начал говорить, как они многим обязаны России, что Россия им сильно всегда помогала. Так мы протолковали до обеда. Пришел Николаевич — молодой человек приятной наружности; он тоже долго жил в Париже; обратился ко мне, и мы начали толковать о Франции. Не знаю, хорошо ли я делаю, что всего больше говорю о двух предметах: о славянах и ненависти моей к Австрии. Через несколько минут позвали обедать. Вучич предложил мне взять шляпу, потому что надобно было идти через двор. Взял он меня под руку, и мы отправились в флигелек на дворе. Приходим, нам подают мыть руки — турецкий обычай; я исполнил его с величайшей охотой; жаль, что его оставили. Каждому подали по полотенцу. Хозяин указал мне почетное место; по правую руку у меня сел секретарь, потом Николаевич и директор, по левую — Вучич, потом жена его. Вучич мне предложил раки[и]; я отказался и сказал, что вообще вина не пью; этим совершенно избавился от потчевания вином. Обед был очень обильный, Mehl Speise[2] было в середине, на конце — сласти и фрукты. Между ними одно турецкое блюдо. В разговоре Вучич говорил немного, но все очень метко, и видно, что он сильно смекает. Нет, с этими людьми можно так неделю, а жить — тогда надобно приподняться, только не оскорбительно для них. Николаевич обещает, с первого взгляда, всех больше; разумеется, по тому, что мы говорили, ничего нельзя было заключить, потому что все больше я говорил — это сильная моя ошибка давать себя узнавать, не узнавая их. Но и то дело, что не худо обрисоваться сильным русским. За обедом, между прочим, Вучич сказал, говоря о делах Сербии: «как меня укоряли в том, что мы были кривы»[3]. Я сказал: «Вы, господа, были кривы, а не мы». Нет, слово держать надобно каждому. Наполеон сказал, что я не девушка и не купец, что нужно держать слово; вот и погиб. Я думаю: «вы молодцы, хорошо на (вольном житье)». Еще одно замечание Вучича было удачно и вряд ли не сатирически сделано. Он говорит: «Вот мне это нравится — он никого не любит, кроме русских; и я тоже не люблю никого, кроме сербов». Я тут начал говорить многое в похвалу французам, немцам и австрийцам и обрисовывать австрийцев самыми мерзкими красками.

Чтоб узнать политическое состояние Сербии, необходимо со всем вниманием вникнуть в жизнь Белграда и познакомиться со всеми лицами и даже с молодежью.

После обеда. Погода ужасная, и я совершенно под ее влиянием. Нервы глупеют, мне тяжело, дурно, скучно, грустно, недостает характера и духа, чтоб оставаться самому с собой, невозможно идти, потому что дождь, ветер, слякоть и грязь. К счастию, пришел Попов, предложил мне свою комнату; я с восхищением принял его предложение и теперь живу в том же доме только наверху.

[1] См. письмо В. А. Елагина.

[2] Мучное блюдо (нем.).

[3] Виноваты (серб.).

Италия, Италия, Италия, нет нельзя плыть противу воды. Занятия, климат, природа, искусство — все зовет меня в Италию; трудно противустать такому зову. Увидим, что будет. Попов — так, но, кажется, он очень не делит понятий Данилевского. Слава Богу, по крайней мере, я теперь в большой комнате и признаюсь — приятно жить с удобствами жизни, а надобно действовать противу этого. К черту удобства!

После обеда у Вучича тоже подали воду и даже мыло; мне это тоже нравится. Мы пошли в другой зал, там подали кофе, чубуки нам двум, ему и мне, молодежи не подали. Через несколько минут жена его принесла нам всем цветов — кажется, базилика или что-то в этом роде, мелкие цветочки и приятный, но сильный запах. У нее на голове была общая сербская уборка и напереди перед лбом брильянтовая булавка.

От Вучича я пошел домой и тут зашел к Спасичу, молодому директору училищ. Как видно различие влияния Парижа и Германии! Спасич — немецкий студент, но серб душой; у него альбом с именами друзей его, небольшая немецкая библиотека; он написал всеобщую географию, скоро издаст ее и уже имеет 1000 подписчиков. Он мне передал в разговоре много замечательного, например, что в Боснии католики ревностно действуют, что они много говорили с нашей молодежью в Берлине, чтоб иметь капиталы, на которые бы воспитывать молодых священников-босняков, дабы поддерживать православие. Я все это забрал в голову, чтобы поговорить с Петроневичем, что он думает. Спасич — добряк и может быть хорошим директором, но [истова] просвещения трудно ждать. С ним мы пошли к Стеичу, здешнему первому литератору. Он был доктором, потом сделался секретарем Совета и литератором. Говорили о литературе; я ему передал план мой издавать всеславянский московский вестник, он очень был рад. Кажется, впрочем, что составление лексикона — именно его дело. Он защищает именно народный язык и требует избегать смеси наречий, только непременно, в случае надобности, брать [слова] из общего источника церковно-славянского или даже из других славянских наречий и придавать сербский вид[1]. По этому посещению я пока ничего не могу заключить о Стеиче, но много он не обещает, да и обещать уже нечего, потому что он человек лет за 40. Он напечатал первую книгу на новом сербском при Милоше. Он вдвоем с другим, который был издателем «Новин»[2], понудил Милоша подвинуть или начать ход литературы. По его словам, пока еще состояние литературы серб-

[1] Как ясно уже из сказанного и как указывалось выше, Й. Стеич принадлежал к умеренным сторонникам/критикам языковой реформы В. С. Караджича. Создание лексикона встретилось с трудностями и затянулось надолго. См.: *Грицкат И.* Покушај стварања српске научне терминологије срединном прошлог века // Наш језик. Књ. XIV. Св. 2–3. Београд, 1964. С. 130–140.

[2] Очевидно, имеется в виду Димитрий Давидович (1789–1838), издатель венских «Новин српске» (1813–1822), позднее секретарь Милоша Обреновича. См. о нем: *Љушић Р.* Оријентални новинар, европски политичар — Димитрије Давидовић (1789–1838). Београд, 2006. В 1835 г. официальная газета Княжества «Српске новине» стала выходить в Белграде.

ской очень плоховато. Пишут стихи, переводят с немецкого, вот и все. Он мне подарил свои две книжки, но я не мог взять с собой; после получу.

От него пошли к Поуну Янковичу, министру, или, как прекрасно назвали сербы, попечителю просвещения. Шарик с пухлыми щеками, кругленьким брюшком, носом, ушедшим в глубину лица, редкими поднятыми волосами, — одним словом, такой человечишка, что вызывает улыбку. Он порядочно говорит по-русски и, как все они, старается говорить, то есть выговаривать, хорошо, делая ясно слышными «а» вместо «о». Но он уже хорошо говорит.

Он жил 11 лет в Петербурге, товарищ Лоди Цветковича[1] и других. С удовольствием вспоминает Петербург и желает еще хоть на короткое время побывать там. Вид его не дал другого предмета для разговора, и потому, с расстановками и перерывами, все мы вертелись на Петербурге, его отстройке и тому подобном. Он кажется очень доволен тем, что живет. Вероятно, он добр, мелочен, бесхарактерен, упрям по мелочности, пороху не только не выдумает, а даже вряд ли и с выдуманным сладит. Я хотел было войти в состав его попечительства, но никак что-то не вязалось. Это один из немногих неудачных выборов, и я не знаю, чему это приписать. Вообще у них люди препорядочные, а этот — шут гороховый. Может быть, в исполнении он что-нибудь и значит. Только как прервется разговор, сейчас же он — да, мне хотелось бы побывать в Петербурге. Как у других, так и у него нам подали трубки только нам двоим, а директору нет. Пришел тут начальник отделения; если б он не сказал мне этого, я принял бы его за управляющего домом. Жаль, что они построили у себя модель России; лучше было бы попроще и поменьше, да посущественнее. К чему им попечительство просвещения? Не лучше ли было бы его соединить с попечительством внутренних дел или просто сделать директора школ, а управление всем составить из него, директора гимназии и директора лицея; каждый управлял бы своею частью, а совет всем вообще.

Вечер. Целый день дождик. Я не выходил со двора. У меня был Спасич, потом я был у него, и все с ним толковали. Они очень хорошо оценивают нашего консула, видят, что он неглуп и добр, но не на своем месте, принимает их чересчур по-военному. О вчерашнем вечере не буду много писать. Дело в том, что мы с Петроневичем и Гарашаниным много говорили о делах Боснии; я им говорил, что эти дела им не чужды при их все еще нетвердом положении. Спрашивал их совета, как действовать. Они не знают. Петроневич рассказывал, как поставлены там епископы за деньги, все греки и все мерзавцы. Надобно было бы России принять участие, но это трудно, потому что России надобно говорить сильным голосом. Я еще расспрошу у Петроневича о том, как там ставят епископов. Теперь иезуиты есть уже в Боснии. Между прочим, Петроневич говорил, что он был в тюрьме в Турции 5 лет[2]. Обреновича

[1] По-видимому, общий знакомый, серб, учившийся или осевший в России.

[2] А. Петрониевич был секретарем сербской депутации в Константинополь в 1821 г. С началом Греческой революции депутаты были арестованы и находились в заключении до 1826 г.

здесь не терпят, и все говорят, то он даже препятствовал свободе Сербии, что он не терпел России, хотел отдаться Англии, которая находила выгоды в политическом отношении. Когда Вучич и Петроневич возвратились[1], их принимали с величайшим восхищением, — до 5000 конных пар шло навстречу, была пальба, иллюминация. Все это описано в «Новинах сербских», 1843[2]; надобно прочесть, даже бы и купить. Я много толковал со Спасчем о том, что их просвещение не на должном пути; он и разумеет, да не имеет ни силы внешней, ни внутренней. Да, быть бы консулом, можно было бы все перевернуть. Тоже я восстал против употребления модного европейского платья, а соглашался на чепаны[3], которые у него. У Петроневича два сына; один в Гейдельберге, другой здесь, в лицее. Довольно одной программы — я по ней могу написать. В прошедшее воскресенье в церкви консула австрийского Мейергофера католический священник говорил проповедь, где восстал против схизматиков, — и это на земле православных. Нужно эту проповедь передать в моих записках, то есть в письмах. Я говорил еще о министерствах, что просвещение могло идти к внутренним делам; но теперь внутренних дел есть чисто полиция[4], а это по обстоятельствам и внутренним врагам сильно важно. Министром[5] просвещения все недовольны. Много в службе здесь австрийских славян, обезнравственных австрийской службой; они здесь <нрзб>.

Теперь закон больше не принимать чуждых подданных. Католики все стараются иметь свое кладбище, но им не уступают. Они все хотят просить позволения у турков на их земле построить церковь; этого сербы запретить не могут. Я было думал, чтобы сербы покупали больше домов у турков, чем чтобы так их совсем выжить, но теперь паша запретил продавать христианам, а только позволил туркам, да и сами они делают это только в самой крайности. Еще я подбивал сильно Спасича установить вечера, и если можно, то холостым неимущим учредить общий стол, чтобы между ними было больше соединения. Священники пока еще здесь весьма неучены, а в Боснии часто и «Отче наш» не знают и читать не умеют. Несмотря на то, православных 64 тысячи домов, турков 36 тысяч, а католиков — 24. Многие остались еще от времен маджаров[6], а другие после переменили религию. Турки больше обращаются к католичеству, хотя и любят нашу религию. До сих пор есть монастыри, которым они дают помощь. В случае сильных болезней просят наших священников молить-

[1] Речь об их возвращении в Белград в августе 1844 г. Годом ранее они были удалены из Сербии по настоянию России, недовольной самочинной сменой династии в пользу Карагеоргиевичей. Встреча изгнанников была обставлена как государственное торжество. См.: *Макуљевић Н.* Ефемерни спектакл у мултикултуралном Београду: Повратак Вучића и Петронијевића у Србију // Београд у делима европских путописаца / уредник Ђ. С. Костић. Београд, 2003. С. 169–186.

[2] Ошибка датировки.

[3] Чепан (*тюрк.* чапан) — верхняя крестьянская одежда в виде долгополого кафтана.

[4] Так в тексте.

[5] Вставка в рукописи: попечителем.

[6] Венгров.

ся над больными и также над могилой умершего. Как бы легко было и их обратить, умевши взяться! Но однако же они крепко держатся за свою веру магометанскую. По-турецки не говорят...[1]

Июля 19/7. Вечер. Утром я все писал и даже писал до 5 часов пополудни; много написал статей о русских художниках. Потом дождь немного перестал, и я пошел к Шафарику, он не очень здоров. Он дал мне две рукописные вещицы, писанные на сербском языке и относящиеся к России; одна — на день тезоименинства Николая Павловича[2], другая — что-то я не посмотрел. Потом я пошел к Хаджичу; с ним много говорили о состоянии законов в Сербии. Вся Сербия разделена на 17 округов, потом округи подразделяются на срезы. В каждом округе суд вместе и гражданский, и уголовный, в срезе только суд примирительный. В последнем три человека и большею частью, то есть лучше, все, не умеют ни читать, ни писать; поэтому тут нет обыкновенно никакой письменности. Спорящие являются туда, а если их не примирят, они получают печать, то есть бумагу не писанную, только с приложением печати, которая служит им доказательством, что они были в том суде. С этой печатью они идут в окружной суд, там их слушают, записывают их показания, судят и подписывают заключение. После этого решения им дается 8 дней на подание апелляции; если они подают ее, тогда все дело пересылается в апелляционный суд в Белграде. Этот суд состоит из 5 членов и находится в ведении попечительства правосудия, которое соединено с попечительством просвещения. Когда и этим судом недовольны, тогда имеют право жаловаться попечителю, а потом даже и князю. Князь имеет право снова велеть рассмотреть дело, но переменить решение суда не может. Адвокатов здесь нет, но прежде каждый имел право брать поверенного. Только недоброжелательные настоящему правительству начали говорить, что <нрзб> адвокатов, восставали против них, не делали то, что теперь положили, дабы не было таких поверенных, но чтобы каждый сам мог, появляясь пред суд[ом], защищать свое дело. Хаджич против того, и, мне кажется, совершенно справедливо, потому — где же для всякого дела оставлять место жительства и свои занятия и идти в Белград или в тот город, где идет суд. Это, он говорит, постановили с тем намерением — пусть противники видят неосновательность своих требований и потом покорятся прежнему, лучшему порядку вещей.

Спрашивал и о законах наследства; они мне не нравятся, потому что дочери совершенно исключаются из наследия. Если остаются братья и сестры, то братья обязаны содержать сестер и, если они не выданы, давать приличное приданное; но как тут ничего не определено законом, то поэтому все зависит от личной доброты братьев. Он говорит, что предполагал было положить что-либо сестрам, но что на это не согласились. Братья получают все поровну. Жена после мужа не получает ничего. Главная беда, говорит он, в судах та, что еще нет

[1] Речь, очевидно, о славянах мусульманского вероисповедания.

[2] Российский император.

грамотных, потому все идет кое-как; даже и в Совете много еще безграмотных. Между духовенством тоже множество безграмотных, а в Боснии есть такие священники, которые и «Отче наш» не знают. Позабыл я спросить об уголовном суде и его ходе.

По всему видно, что теперь главные силы у них направлены на полицейское управление; оно самодеятельное; так и должно быть; потому еще едва прошло два года, как основалось новое правительство, и противные партии до сих пор не уничтожены. Хаджич сам из Нового Сада, учился в Вене. Все из наших против него; сегодня и Петрович, наш драгоман, говорил, что он человек, не имеющий понятия о благородстве, что он умен и хитер, хитер до того, что обманул самого Вучича, несмотря на всю проницательность этого господина. Я много всматривался в лицо Хаджича, но не мог ничего прочесть, решительно оно мне ничего не определило. Видна лень, но это еще ничего не значит. Все тоже говорят, что он умен. Жена его одета по-европейски, она тоже из Нового Сада; живет он хорошо. Он меня звал завтра обедать; поспрошу еще кое о чем.

После я завел с ним речь об устройстве школ и сказал, что оно мне не нравится. Он говорит: «И мне тоже; но чтобы вам понять, надобно знать историю всего здешнего просвещения, и ход основания школ. Сербию считают независимой с 1815 года, но она сделалась упорядоченной кое-как не больше как лет шесть, да еще и меньше. Вот ход школ. Когда был Милош, все желали основания школ. Все толковали об этом. Милош говорит, что нет денег. Ему предложили собрать с народа добровольное приношение, он согласился и собрали. Он велел построить здание, построили, он его назвал школой. Не было ни учителей, ни учеников, были одни стены, и когда ему напоминали о школах, он обыкновенно говорил: «Да, вот вам школа». После он из нее сделал магазин. Школы начали образовываться с 1830-х годов, и вот как. Пришел сюда оборванный, полунищий просить хлеба: говорит, что он учился, прошел все школы. Обренович говорит: «Куда же мне его, у нас и то много писцов и всего, — нам ненадобно». Ему отвечают: «Да его можно употребить». — «Куда?» — «Учителем малых ребят. Нека[1] учит». Вот и первое основание. Так пришел другой, третий. Приходят Милоша просить, он говорит: «Куда же мне его девать?» — «Учителем». — «Да у нас в Крагуевце и то есть уже учители». — «Ну, да он может открыть следующий класс». — «Нека его учит». Вот и другой. Так и третий, и таким образом образовалась Крагуевацкая гимназия. После точно таким же образом составился лицеум. Милош вздумал было учредить военную академию и мне поручил вызвать Николича профессором математики; пока я писал, как он отвечал: «Академия пропала и уничтожилась, и Николича сделали профессором в лицее[2]». Так было до последних времен. Тут настала новая революция, забыли обо всем, и Крагуевацкая гимназия закрылась. Потом, когда все учредилось снова, поставили попечительство просвещения, но, разумеется, о просвещении и ходе его никто не думал, — как знали, так и устроили школы, гимназии и лицей. Теперь устроили совет при министерстве просвещения из 9 членов, на которых возложили работу об улучшении. Вообще все надобно считать не далее как за 6 лет, и то при смутах и беспорядках».

[1] Пускай (серб.).

[2] Атанасие Николич (1803–1882) — первый ректор Лицея, еще в Крагуевце, в 1839–1842 гг. См. также примеч. к письмам И. И. Срезневского.

Говоря далее, я заметил, что положение Белграда выбрано не совсем удачно, потому что он совершенно на краю Сербии. «Да что вы хотите, — отвечал он; — прежде был средоточием всего Крагуевац, но Милош так правил, что все избегали жить близ него и переселялись в Белград, так что тут и основался новый город. Знаете ли, что еще в 1837 году здесь нельзя было иметь ни белого хлеба, ничего подобного — все надобно было закупать в Землине? Во всем городе только двое ходили в шляпах, и то показывали пальцами». Говоря о порядке наследия, я спросил, отчего они все сочиняют законы, а не обращаются к обычаям. Он говорит, что Милош уничтожил все обычаи, потому что при нем он [сам] был единственным законом. Где какое дело — суд не мог решить, а до́лжно было относиться к нему; он не знал никого, а отдавал кому вздумается или кто ему заплатит. Случалось, что он по нескольку раз переменял решение, так что решительно ничего не было определительного и никто не был ни безопасен, ни обеспечен. Наконец, нельзя же не верить таким отзывам о Милоше, когда все единогласно говорят одно и то же. Еще мне остается узнать подробности от самого Милоша и Вука Караджича. Любопытно будет слышать, как они оправдают: один свое поведение, другой — поведение любимого им князя. Странно, что Ригельман ничего мне не говорил о Милоше и вообще очень мало о Сербии. Здесь его никто не знает. Он очень худо сделал, что так мало сблизился с сербами, особенно с первыми лицами... Они, особенно Вучич, Петроневич и Гарашанин, решительно на своих местах, и я не думаю, чтобы их можно было заменить лучшими. Наш драгоман Петрович очень хорошо относится о Вучиче. Вчера Вучич был у него, спрашивал, доволен ли я был его обедом, говорил, что у него нет прихотливых блюд, все сербские, и потом прибавил: «Вот он не любит немцев, а мы так совсем пошвабились». При мне пришел к Хаджичу Янкович — не попечитель просвещения и правосудия, а директор канцелярии княжеской[1]. Он тоже вряд ли не из засавских[2] сербов. Поговорив со мной, он говорит: «Да, вы хорошо говорите по-сербски, разве вы долго уже здесь?» Я сказал, что только неделю, но что был в Загребе 5 недель. Он отвечал, и в голосе было заметно негодование: «Да, вот полковник Данилевский больше двух лет, а ни полслова не говорит по-сербски. До такой степени, что если кто из простого народа не знает по-немецки, тогда он не может говорить с ним. Иващенко жил здесь недолго, да и тот скорехонько научился, а жена его еще лучше». Я говорю, что Иващенко был малороссиянином, следовательно, ему было легче. Тогда он возразил: «Да князь Ливен —

[1] Алекса Янкович (1806–1869) учился юриспруденции в университете Пешта и занял пост директора княжеской канцелярии в 1842 г.; до свой отставки, вызванной сменой династии, находился на разных государственных должностях.

[2] То есть австрийских, проживающих за р. Савой.

немец, а скоро тоже мог говорить так, что его легко можно было понимать»[1]. Тут, чтобы отвратить разговор, я перешел к тому, что один язык для иного легче, другой — труднее. «Вот, — говорю, — как я скоро научился по-итальянски и по-испански, а по-немецки не могу научиться». Видно, что они не любят Данилевского, и все в один голос говорят, что он обращается чересчур по-военному. Это правда, нечего сказать.

Грязь здесь непролазная; что всего хуже — что под вечер не видно камней, того и смотри, что вместо камня ступишь в воду. Заходил я к Петровичу потолковать с ним кое-что, но ничего не услышал занимательного. Взял у него «Отечественные записки», да Ami Boué[2]. Еще не забыл записать, спрашивал я у Хаджича об источниках сербской истории. Для древней Раич, Енгель[3] и еще Давидович, что напечатан в «Летописях сербских», издаваемых в Пеште[4]. Для новой — Ранке, Милютинович[5], французы, немец Отто Пирх[6]. Осветление наиновых приключений в Сербии. Фактический додаток к ним[7]. Еще совершенно новая книжечка: Sur la Serbie, dans ses rapports avec la question d'Orient par Bystrzonewsky. 1845[8].

[1] Барон Вильгельм Карлович Ливен (1800–1881), как и князь В. А. Долгоруков, флигель-адъютант Николая I, был направлен в Сербию в качестве чрезвычайного комиссара осенью 1842 г., после первых выборов на княжение Александра Карагеоргиевича, которые были организованы уставобранителями с молчаливого согласия Порты, но возмутили Петербург. См.: Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 143–144 (автор текста — И. С. Достян); *Кудрявцева Е. П.* Россия и становление... С. 141–152. А также ноябрьские донесения Ващенко Бутеневу о поездке Ливена: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX века. № 147, 148. С. 275–278.

[2] Ами Буэ (1794–1881) — автор описания «La Turquie d'Europe» (1840, 4 vol.).

[3] О Раиче см. примеч. к письмам А. И. Тургенева и путевым записям П. И. Кеппена. Иоганн Христиан Энгель (1770–1814) — австрийский историк, автор работ о Венгрии, Галиции, Украине, Дубровнике.

[4] Чижов или его собеседник ошибаются: составленные Димитрием Давидовичем по книге Раича «Деяния к истории сербского народа» вышли в издававшемся им альманахе «Забавник» за 1821 г.

[5] Речь о сочинении Л. фон Ранке «Сербская революция» (1829) и «Истории Сербии» (1837) Симы Милутиновича-Сарайлии или же о его эпосе «Сербиянка» (1826).

[6] Отто Дубислав Пирх (1799–1832) посетил Сербию и другие бадканские земли в 1829–1830 гг. и опубликовал один из первых европейских травелогов о новоявленном Княжестве.

[7] Имеется в виду анонимно изданное: Критически изпословано осветлење најновии прикључениja Сербије с јуридическо-публичне стране. Пешта, 1841. А также вышедший вслед за ней: Фактически придаток к критически испослованоме осветљењу најновији прикључениja Србије с јуридическо-публичне стране. Београд, 1842.

[8] Немецкое издание книги, написанной с позиции «Отеля Ламбер»: *Bystrsonovski Sž.* Serbien, seine europaische Beziehungen und die Orientalische Frage. Leipzig, 1845. Первый публикатор предположил, что автором является Людвик Тадеуш Быстршоневский (1797–1876) — «польский офицер, путешественник, автор работ о Сербии и Алжире и по военной истории и тактике», однако имя автора книги другое. См. о ней: *Белов М. В.* Первое сербское восстание... С. 130–131.

Пошел было я к Петроневичу, да не застал его дома.

Заходил я в церковь, совершенно не похожа на нашу православную. Много значит, что пока еще нет иконостаса, а просто разделили занавеской, то есть перегородкой, из синего коленкора и по бокам поставили два образа — Спасителя и Божией матери. Потолок исписан фресками, вероятно, какого-либо венского художника. Оно, пожалуй, для маленького городка и недурно. Тут уже нечего смотреть на искусство, о чем нет и помину. То есть все же, как и во всех новых фресках, особенно французских, по крайней мере, нет уродливости. Хочется дописать страничку, потому что это урок. Петрович спрашивал Вучича, зачем он пригласил Мариновича[1]; тот сказал, чтобы иногда служил переводчиком, но в нем не было надобности. Я думаю, вряд ли не для того, чтобы показать мне образованную сербскую молодежь, потому что она тут вся собралась. Жаль мне, что я не могу по этой скверной погоде таскаться, чтобы отыскивать Николаевича, а было бы не худо с ним познакомиться. Я думаю, что у Вучича я им не очень понравился, потому что все почти я один говорил. Постараюсь завтра повидать Николаевича или у него, или у Спасича. Спасич сказал мне, что у австрийского консула хорошенькая жена, что тоже была хорошенькая гувернантка-француженка, и что он завел эту из политики, дабы привлекать к себе общество. И точно: Данилевский и другие бывали у него каждый вечер. Это тоже глупо, хотя Данилевский и сказал мне вскользь: наше правительство желает, чтобы мы были в ладу с австрийским консулом. Я думаю, что он это сказал просто в свое извинение.

Писавши о Сербии, не забыть написать о состоянии духовенства. Здешний митрополит завел семинарию, сначала было на два года, только чтоб немного приготовить, но потом видит, что мало успели в такое короткое время, он предложил еще на год, и после еще на один. Так теперь и существует семинария с четырехгодичным течением учения; она решительно зависит от него одного. В сегодняшней «Подунавке» есть перевод воззвания Мицкевича к молодежи[2]; судя по переводу подлинник должен быть превосходен. Он тут виден, но либо в самом деле слаб, либо ослаблен в переводе, а виден ясно в том, что призывает молодежь против земных и людских мерзостей. Завтра, если достану, я выпишу из нее кое-что.

Июль 20/8. Все еще скверная погода, хотя и меньше дождя. Думаю с завтрашнего дня пуститься в путь. Право, сам не знаю, что одевать. Сейчас просмотрел «Отечественные записки»; есть много доброго в летописи. Но можно ли так

[1] По-видимому, Йован Маринович (1821–1893), в начале 40-х учившийся в Париже, а в то время служивший в Государственном совете.

[2] И. В. Козьменко сделал предположение, что речь идет об «Оде к юности», хотя дополнительно указывает: в «Подунавке» (приложении к белградским «Сербским новинам») за этот год она не публиковалась. Зато там печатался перевод лекций Мицкевича по истории славянских литератур. Чижов неоднократно встречался с А. Мицкевиче в Париже летом 1844 г. и во многом с ним согласился, во всяком случае, он одобрял его христианский и панславистский пафос.

нагло ругать Языкова и Хомякова? Он допускает талант, а потом разбирает наглейшим образом[1]. Решительно и явно высказывает противурусское направление. Разумеется, нам, будучи оригинальными, трудно спорить в занимательности с Европой.

Вечер. Сегодня я обедал у Хаджича, после у меня был Лазарь Арсеньевич, потом я долго сидел у нашего переводчика Петровича. Много, много, а все неутешительно.

У Хаджича мы ничего не говорили особенного. Он живет на европейскую ногу до того, что я подал руку жене его, чтоб повести к столу. Я был очень худо расположен; может быть, даже меня женировало[2] то, что я был дурно одет. После обеда пришел [канцлер][3] австрийского консула, франт; я немного конфузился. Это смешно, но со мной это всегда бывает. Этим я даю большое первенство перед собой; еще бы это ничего с порядочными людьми, но с австрийскими консулами это скверно.

Я узнал только то, что пока в уголовных делах судопроизводство не определено, суд может решить и обречь на смерть, а для исполнения необходимо подтверждение князя. Лазарь Арсеньевич нес все свое обычное, почему-то обходился со мною холоднее прежнего, был сух. Я его спросил, куда он, он мне сказал, что был у меня, пошли мы ко мне, он опять против наших агентов. Между прочим, говорил, что мой хозяин, то есть Попов, никогда ему не кланяется. Я много спрашивал его о Боснии; он сказал мне одно — что когда начнут думать дельно, тогда и придумают; теперь главное — воспитание молодых людей, на что нужны деньги. Опять повторил тот случай, что в 1837, 38-м годах здесь такие люди, как Петроневич, Вучич, Гарашанин, Янкович, жертвовали жизнью, чтоб узнать какими путями Милош сносится с Англией[4], а потом когда прибыли в Константинополь, Титов обошелся с ними очень дурно. Разумеется, они все делали для себя, но все-таки держались стороны России.

Петрович говорит одно, — что здесь все на интригах, что партий мелочных бездна, что искренности нет ни малейшей, что с ними надобно бояться перевесить — словом, что они все взвешивают и всему дают свое толкование. Отложу до завтра, все неутешительно, особенно то дурно, что я искренен. Когда говорят при мне о консуле, мне надобно было бы вступаться за него, и, например, как не защитить того, что он не говорит по-сербски. Он не хочет иметь никаких тайн. Может быть, Хаджич не с намерением ли усиливает вражду

[1] Речь идет о критике В. Г. Белинского. Конфликт между западниками и славянофилами обострился с появлением ходивших в списках стихов Языкова «К ненашим» (1844) и др. См.: *Пирожкова Т. Ф.* Революционные демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984; *Тихонова Е. Ю.* Человек без маски. В. Г. Белинский: грани творчества. М., 2006.

[2] Галлицизм: стеснять, затруднять.

[3] Конъектура первого публикатора. Он предположил, что Чижов подразумевает секретаря консула или управляющего канцелярией.

[4] Речь идет о конфликте Милоша Обреновича с уставобранителями, в ходе которого он получил моральную поддержку от английской дипломатии.

к консулу, а под видом его и к России. Но всегда лучше не входить во все эти мелочи. Право, всему виновата наша ложная политика — чересчур осторожна. Да, при таких обстоятельствах легко понять, что здесь консулу решительная каторга.

Что скверно для меня, то все говорят, что я не могу сделать путешествия, мною предложенного, раньше 15 дней. Это меня расстраивает и заставит ограничиться очень немногим. Чтоб не забыть написать здесь род программы. В Боснии терпят, но раи[1] турецкие терпят так же, как и христианские; в Булгарии христианам ужасно. От митрополитов часть хуже[2], чем от турков. Страна Сербия в таком нравственном состоянии, что все интригуют, потому что никто не может терпеть высшего, все были равны. Когда я сказал Петровичу — зачем же у них поставлены и попечители, и советники на всю жизнь[3], он мне отвечал, что «без этого было бы хуже». Это их понятие, а между тем посмотрите — теперь положено начало чиновной аристократии, между тем как прежде того не было. Все это скверно, все это гадко. От одной беды впадают в другую. При случае я это выскажу кому-нибудь из них. И то правда, что та аристократия не может оставаться долго, потому что основы равенства в установлениях народных: нет никакого не свободного, следовательно, все доступно каждому. Но вот еще одна мерзость — князь, и, может быть, будет наследственный[4]. По-видимому, это может успокоить страну, а на деле, не дай Бог, — тут опять водворится зло горше минутного неспокойствия. Так что на поверку выходит, что спокойствие всего хуже. Только бы народ немного повысился, а там все пойдет своим чередом. Но поднятие народа, то есть развитие его, — дело не шуточное. Нет, против Европы идти трудно — далеко еще доходить до того, что она внесла в жизнь человека.

22/10 июля. Вчера я пробыл у консула; там обедали Вучич и попечитель финансов[5]. После обеда охотились. Консулу очень не понравилось, когда я сказал, что говорил со многими о Боснии и спрашивал, каким путем ей помочь. Он уверял меня, что, может быть, они уже давно рассказали это паше и что это может повредить делу. Странно, если это так, а, пожалуй, не мудрено. Петрович тоже уверял меня, что все здесь основано на личном своекорыстии и что любовь к отечеству есть пустой звук. Сегодня митрополит прислал мне письма в монастыри.

[1] Райя — подданные султана.

[2] Речь о греках-фанариотах, стоявших во главе церковной иерархии.

[3] Речь идет о несменяемом статусе членов Государственного совета, определенном Турецким уставом («третьим хатти-шерифом») в 1838 г. Это положение закрепило олигархическую модель власти уставобранителей.

[4] Борьба за признание этого права за династией Карагеоргиевичей велась правительством уставобранителей, чтобы нейтрализовать реваншистские устремления Обреновичей.

[5] По-видимому, Павле Станишич (1802–1863).

29/17 июля. Возвратился сегодня из путешествия. Не мог писать, решительно не мог. Теперь опять не могу, потому что довольно будет и настоящего. Вот подробная программа. Во вторник, 22-го выехал верхом. Плата. Седла с почты. По неопытности — скорая езда. Жар сильный. Дорога полями. Проехал 9 часов, до вечера. Меня переломало. Останавливаюсь на ночлег в кофейне. Что такое кофейня сербская или турецкая? Молока нет, вареные яйца; не могут понять, что такое всмятку. Ложусь спать. Ноги болят. Жара, комары, блохи, клопы, какие-то еще насекомые. Ходят беспрестанно со свечой. Задувают — смрад. Буря, молния. Мне постлали было в переднем углу, почему я отказался. Все успокоились. Свиньи. Я не сплю целую ночь. Решаюсь возвратиться. Полчаса сна успокаивают нервы. Совестно возвращаться, решаюсь ехать далее. Выезжаю на заре. Отъехавши два часа (23/11), ложусь под деревом. Приятность утреннего отдыха. Дорога лесом. Станция, 6 часов езды. Еду дальше. День сплю на рогожке. Вся пища — немного молока овечьего и яйца. Ночь еду. Утром уснул на рогожке, еще ночью на открытом воздухе.

24/12 [июля] в Чуприи. Дорога — леса и горы. Тут ведут главную Царьградскую дорогу. Простота жизни. Общность всего и единство. Малое народонаселение. Мало церквей. Церкви бедны. Всякий бедняк — политик. Все нас зовут покровителями. Имена Вучича и Петроневича у всех на устах. Общее устройство сербских городов. Воинственность видна в ношении оружия. Торговое направление. Бедность в деньгах. Изобилие в жизни. Сербская народная жизнь. Прием начальника г. Богдано. Дорогой писарь из Бессарабии. Щегольство образованностью русского шваба. В Чуприи один писарь — шваб, почтовый смотритель — русский; жалованье почтовому смотрителю 10 талеров в месяц. Окружному начальнику — 800. Окружной начальник приглашает меня к себе. Его житница. Жена. Я ложусь отдыхать. Обед. Турок и разговор его. Его удивление и простота (то есть начальника), когда он узнал, что у меня дядя был генерал-лейтенант, а братья — майоры и капитаны. Сам он подполковник. Стол его. Турок подает мыть руки. Я ложусь спать. Прежде он показывает мне свою одежду и оружие. Рассказы о Милоше, что он убил Кара-Джоргия[1]. Что он всех грабил. Общие о нем показания. Правосудие Кара-Джоргия. Нанимают мне за червонец верховых лошадей до Свилейницы чрез Раваницу и Манасию[2]. Дороговизна оттого, что все работают. Дорога веселее. Множество слив — сливовица. Подъезд к Раванице; тут 3 или 4 часа езды. Раваница между горами. Архитектура церкви. Игумен в Белграде. Портреты государя и наследника. Приезжают несколько телег. Больные пред кострами, дети для крещения. Волы и буйволы близ огней. Ужин их и ночлег. Никого нет из монахов. Развалины небольшого укрепления, главная крепость их — башни. Общее с нашими древними укреплениями. Здесь нет почти никаких указаний, кроме остатков стен. Приходит настоятель. Принимает меня ласково. Пока готовят ужин, показывают дипломы князя Лазаря. <...>[1] Рассказы монахов о прежнем состоянии монастыря. Усердие настоящего игумена. Прежние монахи не умели читать. Теперь 4 монаха. <...>

[1] Действительно, после трех лет, проведенных в России, Карагеоргий, вопреки договоренности о переселении из Бессарабии в Херсонскую губернию, отправился в Сербию и вскоре (в ночь с 13 на 14 июля 1817 г.) был там убит по приказу Милоша Обреновича.

[2] Свилайнац (далее в тексте — Свияльница). Перечислены известнейшие монастыри.

Июля 31. <...> Монахов сербских очень мало, по сказанию настоятеля. Ужин — перцу донельзя. Утро. Служба. Молебны. Особое служение, когда святят день своего ангела, — поют святые мученицы и Исайя ликуй[2], вертят хлеб, поливают вином и ломают. Службы над больными с крестом и свечой в руке больной, помазание елеем больного места. Вера их спасает. Сами турки часто просят о молении за больных и о чтении над гробом. Архитектура церкви. Ее простота. Изящество, размер и стройность частей, удивительная цело[стно]сть. Плохое исполнение. Неумение справиться со сводами. Пристройка паперти. Алтарь и его устройство. Живопись по стенам. Изображения святых. Удивительная тонкость и изящество. Одеяния. Полнота выражения. Сохранение типов. Высота школы в складках; благородство положений, наброски платья. Как испорчена живопись. Выше окон — евангельские повествования: исцеление слепорожденного, купель Силоамская[3]. [Высокость] сочинения. Обдуманность и умение сохранить евангельский рассказ. Различие с итальянской живописью. Купол — там святые. Сосуд из России, я думаю 1748 г. Крест, который Милош взял было себе. Он не берег даже церковного. Гостеприимство наместника. Об архитектуре и живописи пообдумать и подробнее написать. Дурнота исполнения зависит и от материала. В карнизе линии грубы, их изменяет штукатурка. Надпись наверху на башенке: «Обновися сия церковь Божия помощию Римского Цесаря KAROLЯ VI свободою і трудом Стефана Иеромонаха. 1715»[4]. На фресках видны древние одежды царские. Иконостас беден. Правительство дает по 200 талеров на монастырь. Дорога до Манасии. (Больной крестьянин рассказывает мне историю Сербии.) Все поля. Изобилие природы. Кукурузы больше всего. Леса из диких фруктовых деревьев. Множество шелковичных деревьев. Ореховые леса. Более всего дубовые. Ресава. Подъезд к Манасии. Прелесть архитектуры. Величие развалин. Еще забыл в Раванице — пещера на 24 часа ходьбы и еще другая, небольшая. Подробности. Говорят, будто

[1] Здесь и далее опущены упоминания грамот и дипломов, увиденных в монастыре. Лазарь — сербский князь, герой Косовской битвы.

[2] Примеч. Чижова: «Оканчивают: “Христос, посети нас ести”». Слова из тропаря. Чижов описывает далее церковный ритуал Славы. См. примеч. к «Статистическому описанию Сербии» А. Г. Розелион-Сашальского.

[3] «Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому. И сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам, что значит: “посланный”. Он пошел и умылся, и пришел зрячим» (Иоан. 9: 6–7).

[4] После оставления братией в 1690 г. многократно разрушавшийся монастырь был возобновлен в 1717 г. После осады и взятия Белграда австрийскими войсками в этом же году Смедеревский санджак (в будущем — Белградский пашалык) стал частью Габсбургской монархии до 1739 г. Карл VI (1685–1740) — последний наследник Габсбургов по мужской линии, император Священной римской империи в 1711–1740 гг.

в другой прятали утварь. Различия между архитектурой Манасии и Раваницы. Единство. Мои заключения об архитектуре. Игумен, простота его, радушие и гостеприимство. Босняк-монах говорит о их бедствиях. Показания его совершенно одинаковы с белградскими. Там три епархии. В Зворницкой 300 священников; кто что даст, того и поставят попом; он и читать никогда не умеет, а не только знать, что такое священник. Вопросы игумена о городе в Италии и о числе держав в Европе. Их хозяйственные занятия. Работы над церковью. Живопись; замечательно — Христос между учителями. Вшествие в Иерусалим еще не мог рассмотреть. Изображение деспота Стефана[1], коим построена церковь, а Раваницкая — князем Лазарем (песнь об ней взять из Собрания песен[2]). Высокость живописи. Теперь все испорчено. Превосходство над римской. Монастыри в Сербии сохранили религию и народность. Это мне сегодня говорил Спасич. Народ туда собирался, там слышали молитвы и укреплялись в силе, поддерживались в вере. Там молодые учились читать и поставлялись священниками; без того епископы, так же как теперь в Боснии, были все подкупные греки. Там собирался народ тысячами, друг другу рассказывали свои беды и неудачи и взаимно передавали свои надежды, а потом намерения и приуготовления. Там рассказы об истории монастырей доводили до ушей слепцов, и они передавали их в песнях своих. Таким образом, монастыри сделались и хранителем народности и подвигателем на освобождение. Монахи ходили в Россию, там передавали свои страдания, находили сочувствие и приносили надежды. Тоже приносили книги и подарки. Все это поддерживало сочувствие народа к русским и сохранило ту неразрывную связь сердечную, которая теперь видна во всех и во всем. Различие в исполнении различных фресок. В алтаре одно лицо удивительно. Монастыри эти могут быть [темой] наших архитекторов и живописцев церковных. Непременно надобно их изучить и издать в свет.

Как едят в кофейнях (маленькие столики), как пьют прямо из графинов; чаши или стаканы только для ракии и вина, вода не удостаивается такой почести. Ракия вкусна и не крепка. Опрятность. Прекрасная сторона всего этого.

30/18 [июля][3]. Продолжаю сокращение путешествия. Дорога от Раваницы до Манасии превосходна; кругом то поля, то пролески, горизонт открыт и холмы слегка волнуют землю. Тут, особенно же прежде, близ Чуприи, множество цыган. Здесь немного, а там — близ Чуприи. Их бедность. Муж имеет право переменять жен сколько хочет. Они ведут кочевую жизнь; на дороге некоторые живут в землянках. В Манасии укрепления все состоят их башен; они окружают весь монастырь. Здесь всего три монаха. Игумен честолюбив, но сильно прост. Я ел скоромное в пятницу по его предложению. Накануне в Раванице монах со мной ужинал мясное. Земля — больше чернозем, довольно глубокий. Болезни — больше лихорадки; против них водяное лечение. Я не встретил ни одного урода, ни одного нищего, ни одного больного, расслабленного или изувеченного болезнью. Все показывали нравственную целость страны. Здесь бедность не больше как неразвитость. Плата каждого. Чиновники оплачены хорошо. Воевода — три тысячи талеров, советники — по 2, попечители по 2½. В Свияльницу я приехал вечером. Начальник, или не начальник, а кмет, то есть примирительный судья, дал мне у себя квартиру. Его дом. Простота и чрезвычайное гостеприимство. Он лечит мою ногу. Ужин. Что есть в печи, все на стол мечи. Овечий сыр. Нигде я не встречал коровьего масла. Жена служит нам. Утром первое — варенье; обыкновение недурное. Сам он пьет черный кофе у порога. К нему приходят гости; одно угощение — трубка. Братство видно везде. Здесь я нанял коло до Пожаровца, то есть на 8 часов езды, за 35 грошей; четыре гроша в одном цванцигере[1]. Дорога очень хороша местоположением, окрестностями, но сильный жар лишает меня возможности ею полюбоваться. Где мы кормим[ся], там меня допрашивают, сербин ли я. На мой ответ, что я русский, они говорят, что все [правые] русские — сербы. Пир двух цыган и цыганки по случаю именин. Главное — ракия, вино и баран. Они потчуют всех, кто ни подойдет к ним. Один просит меня полечить его ногу. Гомеопатия в Сербии существовать не может.

В Пожаровац мы приехали еще довольно рано. Начальник принял меня не довольно приветливо. Коло было найти нельзя, потому что все были на работе. Когда я услышал имя кофейни, я испугался и во что бы то ни стало хотел ехать. Тот же извозчик взял с меня 20 грошей, я отправил[ся] в Смедерево. Только один такой неприветливый начальник. Я его нашел на дворе, он брил бороду. С виду очень груб; письмо попечителя дал он прочесть священнику.

Смедерево вознаградило за все с избытком. Начальник — молодой человек в военном сюртуке — принял меня вежливо. Я его нашел у кофейни. Он извинился, что не может принять у себя в доме, а предложил мне быть у срезского начальника Димитрия Лотића. Начальника не помню, как зовут, но потом узнаю. Со мною вошел писарь в гражданском, то есть обыкновенном европейском, платье. Здесь писарь совсем не то, что у нас. Он брат начальника. Дом, в котором меня поместили, очень маленький; хозяин обворожительно приветлив. Начали мы говорить с ним и с писарем; оба они, особенно хозяин (в народном костюме), оба превосходно понимают славянство, говорят о нем с жаром, отчетливо понимают политику и связь европейских выгод с невыгодами Сербии и вообще всех славян. Суждения их здоровы, просты и полны сердечного участия. Скоро пришел и начальник. Когда я въехал в город, вижу домик, построенный совершенно инаково, с воротами, как у нас в небольших городах, спрашиваю: «Чей?» — *«Батюшки»*. — «Он русский?» — «Русский». Что же? После узнал, что это Пауна Янковича, которого прозвали Батюшкой, и ве́рно прозвище. Весь вечер говорили о славянстве. Все сильно привержены России, но все не понимают ее политики, хотя здесь больше и светлее судят. Ужинал я;

[1] Стефан Лазаревич.

[2] Речь о сборнике сербских народных песен в 4 книгах, изданных В. С. Караджичем.

[3] Датировка нарушена, по-видимому, в рукописи.

[1] Коло — повозка. Цванцигер — австрийская монета.

после ужина еще толковали и спать. Все делала и приготовляла мать. В комнате кругом диваны; постлали мне на полу, и постлали прекрасно. Ухаживали всеми способами. Я спал превосходно, несмотря на боль ноги. У начальника служит момком черногорец. Много говорили о Черногории. Когда я хвалил Милаковича[1], черногорец возразил, что он не юнак: «А вот, вы знаете. У нас есть... — он назвал двух, — когда тем владыка скажет: подите и принесите мне такого-то турка живого или мертвого, они принесут непременно». Утро. Пришли начальник и писарь. Все прошло в самых братских разговорах. Мне дают понятие о воинском уставе, — он равняет всех. Все начинают службу с солдата, служат 4 года, после в статской службе. Варенье и кофе. Идем к обедне. Церковь маленькая, но чрезвычайно замечательная по архитектуре. С одной башенкой. В Равянице их пять; боковые осьмиугольные, средняя 10-угольная. В Манасии средняя 12-угольная, крайние 10-сторонние. В Манасии больше отделаны. Высечено все из камня. В Семендрии[2] и кирпич, и камень. Думают, что построена церковь 1012 года; была надпись, турки сбили, священник покойный снова нацарапал. Вся церковь расписана. Живопись далеко старше манасийской. Сильно закопчена, хотя и не тронута. С одной стороны распятие, снятие с креста и положение во гроб. С другой — моление о чаше, предательское лобзание Иуды и Христос перед судилищем. Трудно рассмотреть исполнение, даже невозможно. Особенно солнце мешало. Много надобно сказать о живописи. После обедни пошли мы в *град*, то есть крепость. Там живут турки. Мы зашли к начальнику — человек молодой. Его домишко беден. Он принял нас приветливо и не похож на турка. Говорит превосходно по-сербски. Он босняк. Говорили о крепостях, как турки заботятся только тогда, когда уже все развалится. После говорили о порохе; все единогласно хвалили турецкий и предпочитали его немецкому, потому что от него не остается никогда никакой влаги.

Также много говорили, как непонятно берегутся от пожаров дома в Сербии, где всегда порох вместе с трубками. Они рассказывали, что делают порох и тут же курят трубки, а несчастий не случается. Отсюда обошли мы всю крепость. Она чисто славянской постройки[3]. Римские камни с архитектурными украшениями, надписи и тому подобное показывают, что прежде здесь были римляне. Стены никак не римской постройки и с зубцами, то есть для стреляния из ружей и пищалей. Есть одна надпись, но ее трудно прочесть; надобно было снять, пожалуй, хоть дагерротипом. Крепость очень любопытна по постройке, именно по славянству постройки. Но церковь, и живопись, и внутри церковь — величайшая для нас драгоценность.

Прошли к начальнику, у него очень милая жена и премилая дочка. Я ей оставил на память русский пятачок — больше у меня ничего не было. Посидели, наняли коло до Белграда за дукат, и пришло время обеда. Меня повезет на коло

[1] Димитрие Милакович. См. о нем примеч. к донесению и записке Я. Н. Озерецковского.

[2] Смедерево.

[3] Крепость Бранковича в Смедерево была построена в первой половине XIV в.

сам Лотић. Такой доброты, какую я нашел здесь, — трудно представить. Обед был приготовлен за городом, в саду начальника, под тенью большого дерева. Все это просто и радушно. Сидели на траве, то есть на коврах. Во время обеда приехало коло; после обеда тотчас же я поехал. Застигла нас буря, мы простояли часа три или четыре под деревом. Ничего не было видно, ехать было нельзя.

Приехали в Белград в 2 часа ночи. Комнаты нет; хозяин уступил свою постель. Вчера отдыхал; после обеда был у Шафарика, после у Вучича, где нашел Петроневича и Симича. Просил Вучича и Петроневича рассказать мне их жизнь. Они обещали. Жизнь Кара-Джоргия пишет теперь профессор истории при Лицее. Сегодня напишу Шафарику о церквах, а он переведет в «Новины». (Не забыть написать о лицах, их выражении, русом цвете волос.)

Если написать порядочно, тут может быть много очень недурных мест. Описание церквей, в них — источник нашей архитектуры и живописи. Тут развитие различия между нашей и византийской школами, тут значение нашей архитектуры, соединение всех частей с ее потребностями богослужения. Потом церковь — источник и поддержатель народности, хранитель самых заповедных чувств народа, действительный освободитель от угнетения. Еще одно неудобство путешествовать... Простота жизни народа, идут все мерно и дружно, ничто одно с другим не враждует, в этом опять великие надежды. Братство и соединение всего народа в одно сословие. Противоположность с австрийскими славянами. Здесь все бóльшей частью женаты; это спасает и нравственность, сохраняет силы и сосредоточивает деятельность. Не забуду я, как говорил мне смедеревский начальник: «Скажите (это его слова князю Ливену) мне, что я буду полезен боснякам и булгарам, я оставлю все — жену, дом, детей, мое звание, мое отечество, которое имеет довольно слуг, и пойду с радостью биться за их свободу». И эти слова были сказаны с такой искренностью, с таким огнем, что я невольно схватил его за руку и крепко пожал ее.

Милош — слепое орудие Меттерниха[1]. Он необразован и необуздан; австрийцы употребляют его в свою пользу, чтоб беспрестанно производить смуты в Сербии. Прошедшего года больше 30 человек засавских сербов перешли Саву с оружием и деньгами и произвели волнение в Шабаце, подкупая и поя вином тех, которые чем-нибудь недовольны. Тут австрийцы 30 человек не заметили, а обыкновенно они [пешку] не пропустят[2]. Теперь австрийцы дерутся с босняками[3]. Здесь опасаются этого, и я тоже опасаюсь. Мне кажется, что эти подлецы не тронулись бы, если бы не имели надежды. Разве частная ошибка, но вряд ли это так. Здесь все не терпят австрийцев. Нашего консула не любят за неискренность, за то, что он везде консул, и еще, что в два года не знает

[1] Клеменс фон Меттерних (1773–1859) — с 1809 по 1848 г. министр иностранных дел Австрийской империи.

[2] В условиях конфликта России с уставобранителями из-за выбора в пользу династии Карагеоргиевичей Милош Обренович действительно не оставлял надежд на триумфальное возвращение в Сербию после спровоцированного народного восстания.

[3] Речь идет о пограничном конфликте.

ни слова по-сербски. Это особенно производит неприятное впечатление. Иващенко, говорят, был груб, но когда искренен, то искренен. Князь Ливен или барон Ливен, тоже говорил немного по-сербски, а что это, этот господин [Данилевский]? Хорошо, если бы его умно заменили. Чтó бы дали мне это место, годика на два бы, не больше![1]

21 июля / 2 августа. Прошло несколько дней, ни одной строчки для журнала и почти ничего для деятельности. По моей глупости, я как-то подчинился нашему консулу, то есть лучше сказать, мне вздумалось отдохнуть от длинной работы наблюдений, и я пробыл все время с ним и с ними. Между ним и его подчиненными сильно не клеится; он себя высоко ценит, а главное — любит, чтоб мир был для него. Так он требует от всех и каждого. Мы с ним поладили; другими словами, я уступал, потому что спорить было бесполезно. Так проходило время. Я всего только и был у митрополита, у Стояновича, у Милютиновича[2] и только. Весь этот литературный мир — потому литературный, что по назначению или по случаю взял перо в руки, или пишет, или дает уроки. Вообще пока от Сербии нечего ждать движения ума, ей нужно современное движение, то есть движение воли, укрепление сил, вкоренение порядка. За этим пойдет и другое. Лицей их, судя по составу, решительно ничтожное заведение. Шафарик — его светило; но что же Шафарик? Добрый славянин, и только. С молодыми я не познакомился, это досадно. Что, если бы мне быть тут консулом? Я об этом говорил много с Поповым, зная, что я не получу этого места. Поговорю в Киеве с Бобринским[3]. Не знаю, отчего я сильно утомлен, мне ничего не хочется ни делать, ни думать. Скорее бы в Вену, а там домой. Пора что-нибудь определенное. На этих днях читал русские журналы; пожалуй, есть кое-что и порядочное, но что же все это? Решительно никакого направления, никакой цели. Сегодня пропишу все письма, завтра еду в Новый Сад. Там останусь, как можно меньше — и в Пест, где Попов поручил мне отдать письмо одной венгерке. Положение Попова минутно, не хорошо, но его будущность много обещает. Теперь ему 22 года, и он уже секретарь консульства; это не шутка, а нам все доставалось сильно тяжело. Теперь Сава пришла в свои пределы, она течет довольно красиво, извиваясь или, правильнее, изгибаясь подле Белграда. Этот изгиб превосходно видно с балкона австрийского консула. Австрийский консул — австриец, по-видимому, лучшей стороны нравственного состава Австрии, но австриец в нравах. Женатый человек, с детьми; говорят, жена дурна, и это составляет основу домашнего счастья...

[1] И. В. Козьменко упоминает о дальнейшей записи на немецком, но не приводит ее текст.

[2] Исидор Стоянович (1809–1849) — профессор Лицея. О С. Милутиновиче-Сарайлие, ставшем одним из идеологов уставобранителей, см. выше и примеч. к отрывкам из книги А. Н. Попова.

[3] По предположению первого публикатора, граф Алексей Алексеевич Бобринский (1800–1868) — выдающийся агропромышленник и экономист.

22 июля / 3 августа. Беда приезжать с книгами в Австрию. Не знаю еще, не удержат ли у меня чего-нибудь, но вся эта процедура прескучная. Боже мой! Придет ли то время, когда люди не будут бояться ума и когда ум не будет воевать с действительностью? Мне надобно было бы иметь больше стойкости, я сильно упадаю духом, когда все идет в долгий ящик. Теперь бы я летел в Вену, а в Вене я знаю, что мне надоест, наскучит и будет меня мучить то, что я там остался. Увидим, как все будет.

Дневник путешествия Ф. В. Чижова по славянским землям в 1845 г. (18 мая — 12 августа) / [Публ. И. В. Козьменко] // Славянский архив. М., 1958. С. 201–245

В. И. Григорович. Отчет о путешествии по Турции от 7 февраля по 20 июля 1845 года

Виктор Иванович Григорович (1815–1876) — один из основоположников академического славяноведения в России. Учился в Харьковском и Дерптском университетах, а в 1839 г. получил приглашение занять кафедру истории и литературы в Казани. Подготовка к заграничному путешествию началась после присуждения Григоровичу степени магистра (1842). Учитывая опыт предшествующих поездок первых университетских славистов, ученый составил план экспедиции, который затем подвергся ухудшившей его корректировке после двукратных обсуждений с руководством университета и учебного округа. И, тем не менее, был признан наиболее удачным из проектов путешествий русских славистов[1].

Экспедиция Григоровича продолжалась около трех лет (1844–1847), а наиболее значимой ее частью стало посещение Афонских монастырей, Македонии и Болгарии. Уже в начале поездки по Афону ученый сформулировал для себя важные принципы: «1. Я решил путешествовать сам. От проводника, которого мне предлагали в Зографе отказался. <…> 2. Как единоверный, подчиняясь всем обязанностям поклонника, старался, сколько сил ставало, сблизиться в образе жизни с жителями места и, не противореча ни в чем, быть готовым, сколько средства позволяли, доказать свою благодарность. Таким лишь образом, мне казалось, заслужу доверие»[2]. Этим принципам он старался следовать и в дальнейшем.

После возвращения домой Григорович издал «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции»[3], являющийся важнейшим памятником истории российской славистики и одним из источников нациестроительства в болгарском «возрождении»[4]. Между тем, эта книга основывалась на отчетах, которые высылал магистр Григорович попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину в ходе путешествия[5]. «Очерк» представляет собой подвергнутый лишь минимальной правке вариант тех же донесений. Полностью они были опубликованы Н. М. Петровским к столетнему юбилею ученого[1].

[1] *Сергеев А. В.* Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань, 1978. С. 10.

[2] Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 55–56.

[3] Ученые записки Казанского университета. Кн. 3. 1848. 2-е изд.: Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877.

[4] Наиболее подробная, основанная на архивных материалах, характеристика: *Петровский Н. М.* Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям // ЖМНП. 1915. № 10. С. 203–261. № 11. С. 62–131. № 12. С. 205–236. Из последних публикаций см.: *Недашковская Н. И.* Историографический нарратив «путешествия в славянские земли с ученой целью» в допозитивистской славистике // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 136–141; В. И. Григорович и развитие славяноведения в России. Материалы круглого стола с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого; Казань, 10 апреля 2015 г. / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. Казань, 2015.

[5] Казанский попечитель Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) сыграл главную роль в академическом продвижении Григоровича. См.: *Вишленкова Е., Ильина К.* Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // НЛО. 2013. № 4 (122). С. 95–97.

Его превосходительству
господину попечителю Казанского учебного округа
магистра Казанского университета
Виктора Григоровича
отчет о путешествии по Турции
от 7 февраля по 20 июля 1845 года

Честь имею представить Вашему превосходительству описание некоторых частей европейской Турции, составленное исключительно по запискам, веденным во время путешествия. Преследуя одну цель по данной задаче, мне до сих пор трудно было дополнить свои замечания сведениями из чужих пособий, поэтому осмеливаюсь сообщить их в такой мере, как лично на месте их приобретал. Льщу себя надеждою, что при своей недостаточности он почтен будет достойным. К описанию путешествия приложил несколько замечаний о письменных памятниках, языке и училищах болгарских[2].

В Солуне[3] пробыл я два месяца и 20 дней (от 7 февр[аля] по 28 апреля). Причиною продолжительного пребывания было не только зимнее время, но и обстоятельства, с которыми необходимость заставила согласоваться. Время свое посвящал ознакомлению с греческим и македоно-валашским языками и также с памятниками города.

Солунь, представляя много любопытного антиквару, едва ли может оправдать предположение славяниста. Я имел в виду узнать, не осталось ли здесь следов воспоминания о Кирилле и Мефодии[4], и вообще нет ли сведения о славянах. С этою целью обозрел, сверх остатков древности, все церкви, два училища, греческое и еврейское, три собрания книг (при митрополии, греческом училище и монастыре Чауш[5]), видел также остатки славянской типографии, расстроенной пожаром, и искал сообщения с болгарами.

[1] История работы Петровского над наследием Григоровича раскрывается в его переписке: И это все пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012. № 85. 5 июля 1914 г.; № 88. 7 ноября 1914 г.; № 89. 22 декабря 1914 г.; № 90. 18 января 1915 г.; № 91. 30 января 1915 г.; № 92. 20 марта 1915 г.; № 93. 21 марта 1915 г.; № 94. 19 апреля 1915 г.; № 95. 30 апреля 1915 г.

[2] Эта часть отчета и сведения географического характера далее опущены.

[3] Салоники (Фессалоники).

[4] Создатели славянской письменности.

[5] Другое название Влатадон (XIV в.), основан на месте, легендарно связанном с апостолом Павлом. Название Чауш (Цуус, турецкий офицер) связано с другой легендой, согласно которой монахи помогли туркам овладеть городом, сообщив секрет водоснабжения, и получили защиту от гнева горожан в виде турецкого охранного отряда.

<...>

Несмотря на близость болгарских поселений, в Солуни мало постоянных жителей болгар. В махале (части города) св. Афанасия[1] находится только сто домов, им принадлежащих. Большинство жителей составляют евреи разных сект и турки, затем македонские валахи и греки живут здесь в весьма близком между собою сходстве. Сверх этого, много цыган и, наконец, европейцев. Болгары, как постоянные жители, весьма легко смешиваются с греками от влияния образования и господствующего в городах Македонии пренебрежения к имени их. Мне особенно важно было сближение с рабочими пришельцами из болгар. Таких очень много в Солуни. Особенно из Дебра и Би́толя[2] приходят туда промышленники для построек, портных работ и заготовления съестных припасов. Они, могу сказать, познакомили меня с своим народом.

Из Солуня 28 апреля продолжал путешествие. Не быв в состоянии получить фирмана[3], с которым удобнее было бы мне обращаться в местах мало известных и весьма опасных, ездил я с буюрди[4] разных турецких начальников и *тескере*[5], которое каждый подданный турецкий обязан иметь с собою в дороге. Подобные буюрди ограничивали немало путешествие тем, что я мог быть только в назначенных вперед начальниками местах, и что они не всегда довольно защищали. Я получал их, как имел честь доносить, в Солуни, Серресе, Софии и в Филиппополе[6]. С своей стороны положил везде лично предъявлять о себе всякому высшему и низшему начальнику, а также просить содействия духовных. Условием путешествия поставил связать свои исследования с обозрением церквей и вообще религиозных памятников. В крае, так мало известном, к узнанию которого так мало средств и много препятствий, полагал я, этот способ наведет меня на добрый след. Действительно, могу теперь сказать, что он и единственный для ознакомления с бытом христианского населения в Турции, но для него надобны средства. Для языка чаще приносили мне пользу деревни, чем города, где народ привык смешивать язык с турецким и греческим. Во всем своем путешествии от Солуня до Охриды и оттуда до Серреса, до Софии, Филиппополя и, наконец, до Рущука, могу особенно указать на Охриду и монастырь св. Иоанна Рильского[7], в которых посчастливилось мне с пользою провести, краткое конечно, время.

<...>

Водена (прежде Эдесса)[8] в очаровательном местоположении, столица

[1] По храму св. Афанасия, новое здание которого было возведено в начале XIX в. на месте старой византийской церкви.

[2] Дебар и Битола в Македонии.

[3] Распоряжение султана.

[4] Здесь, по-видимому: бурунтия — письменное предписание.

[5] Паспорт.

[6] См. примеч. к «Статистическому описанию Сербии» А. Г. Розелион-Сашальского.

[7] См. о нем далее.

[8] Дословно: «город на воде», прославленный водопадами, расположен на севере современной Греции.

митрополита Эдессы, заключает народонаселение смешанное, которого главную часть однако ж составляют болгары. Ограниченный в своих отношениях, не мог много с ними обращаться, тем более что здешние жители мало гостеприимны. Нездоровое положение мое заставило просить приюта у Е[го] в[ысоко] п[реосвещенства] о. митрополита Мелетия. Это еще более удалило меня от общения с ними. В городе обозрел 9 церквей и новоучрежденное греческое училище, где, сколько заметил, одни лишь болгарские дети. Все церкви, из которых главная во имя Успения Богородицы, заключают много камней с надписями. Надписи времен дохристианских. Они большею частью известны из антикварных путешествий. Уже вышедши из города, узнал от провожавших меня прислужников дома митрополита о камне внизу города с надписью славянскою. Жалко, что не был в состоянии проверить это сказание.

Острово, примечательное село у нагорного озера, заселено наполовину болгарами и турками. Оно имеют одну церковь, построенную на месте разрушенной турками ветхой. Я провел здесь ночь в избушке честного и умного болгарина. Его простая беседа пояснила быт этого племени, доставив сведения об языке. Острово, по его рассказу, построено на месте древнего города, который назвал он Кучюк Стамбул (Малый Стамбул, не Diocletianopolis[1] ли?) и до сих пор принадлежит к епархии митрополита Охриды.

Би́толь (Монастир, Толи-монастир)[2] лежит на западном конце обширной долины, называемой болгарами Овче поле битольско. С западной и южной стороны окружен горами, из которых снежный Перистери самый возвышенный[3]. Важный в военном отношении, этот город состоит под управлением румеливаleси[4], а в мое время был еще местом пребывания сераскира[5] и средоточием движений против Албанцев. Обширностью своею поспорит с Солунем, чистотою и порядком гораздо превзойдет. Я приехал туда во время военных приготовлений против албанцев, потому нашел большое количество войска.

Первою обязанностию почел я быть у румели-валеси и испросить позволения провести в городе несколько дней. Учтивый визирь почтил меня русским словом «хорошо» и позволил обозревать город, в сопровождении его каваса[6]. После того зван был к секретарю сераскира (шакир-эффенди), который сделал мне небольшое испытание.

Я был поставлен однако ж в положение, не совсем отвечающее своим желаниям. Порученный одному валаху, поневоле нашел я себя в кругу валахов. Такие отношения давали всегда другое направление моим занятиям. Если нельзя

[1] Григорович ошибается: Диоклетианополь (III в., римский город, названный в часть императора Диоклетиана) располагался в Пловдинской области (Болгария). На его месте возник современный г. Хисаря.

[2] На юго-западе современной Республики Македония.

[3] Предположительно, Суагора. См.: Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век. С. 258. (Примеч. 22.)

[4] Командующий войсками в Румелии.

[5] Предводитель военного похода или сражения.

[6] Стражник.

отрицать сметливости и некоторого образования македонским валахам (цинцарам или куцовлахам в просторечии), то надобно признаться, что их подозрительность и, может быть, корыстолюбие, следя постоянно за странником, отделяют его совершенно от общества, в котором желал бы находиться. Сметливый валах, часто знакомый с языком болгарина так же, как с языком грека, тем не менее остается чуждым тому и другому. И если часто болтливость неприязненного болгарам грека лишала меня назидательной беседы, то не менее обманывало меня наружное добродушие расчетливого валаха. Битольские валахи отличаются особенно образованием. Многие знакомы с немецким или итальянским языком. Тем не менее, кроме общностей, мало мог у них научиться.

В Битоле посетил я митрополита Герасима <...>[1] и осмотрел единственную, но обширную, церковь во имя св. Димитрия, построенную вместо многих разоренных турками церквей[2]; был в греческом училище, осмотрел окрестности города, окруженного кладбищами, и сделал поездку в соседний монастырь во имя Преображения[3].

Оставляя упоминать о прочем, доложу, что в митрополии в первый раз нашел следы воспоминания о славянских апостолах. На верхних хорах церкви устроены два параклиса (придела) во имя св. Климента и Наума, сотрудников Кирилла и Мефодия. Иконы их большие, весьма древни и перешли, вероятно, из какого-либо параклиса, которых, как говорит предание, было здесь много.

Близ Би́толя находилось некогда значительное количество монастырей. От них и город носит название (Би́толь от обитель). Теперь на юге его остались монастыри: Драгошский св. Илии, Велушский св. Георгия, Барашский св. Меркурия, Хрестофор и Буковский[4] за два часа от города. Посетив последний, составил себе понятие о прочих. Он обитаем двумя монахами и потерял от небрежения почти все свои достопримечательности.

В Би́толе при большом количестве войска, помещаемого в казармах, построенных болгарами, живут болгары, македоно-влахи и албанцы. Мне сказывали, и я сам заметил, что болгары составляют большинство, но, если меня не ошибают мои наблюдениях, валахи в этом городе, как и в соседнем Кичеве (на картах Кричево), своим нейтральным обращением приобрели особенное влияние.

<...>

Мая месяца 8-го числа въехал я в Охриду. Прекрасный снаружи город поразил меня своим беспорядком и нечистотою. Изредка лишь выказывались чистые дома, построенные уступами на двух холмах. На одном из них возвышается митрополия, на другом окруженный стеною дворец Джелелядина, известного сподвижника Али-паши янинского[1]. Первому дано название Варош, и здесь обитают болгары; внизу его простираются части города, заселенные валахами, турками и частию албанцами.

Въехав, ожидал такого же отчуждения, как и прежде, и потому искал я приюта в каком-либо гане[2], чтобы свободнее располагать собою. В городе главный ган без окошек, нечистый, как и все ганы. Почти в отчаянии решился просить конака (квартиры) у доктора, к которому имел письмо. Предполагалось, найду в нем влаха или грека. Знакомство с этими всегда отвлекало меня от настоящей цели путешествия. К неописанному удовольствию нашел в моем хозяине — ибо немедля он заставил меня быть своим гостем — болгарина, и притом европейски образованного. Его многочисленное семейство, сохраняя туземную простоту, оказало мне неожиданное гостеприимство.

Отдохнув, отправился к бегу, за отсутствием которого заявил о себе кехае его[3], который отвечал мне по-болгарски и позволил остаться в городе несколько дней. Оттуда прямо в митрополию, где после вечерен свидетельствовал почтение в[ысоко] п[реосвещенству] о. митрополиту Иосифу. Затем обозревал церкви, училища и достопримечательности города, рассматривал рукописи и знакомился с жителями и их языком. Главное мое намерение было узнать теперь, когда в церкви, училищах и даже в домашнем быту господствует влияние греческое, узнать, что́ еще сохранилось здесь славянского и до какого времени доходят его следы. Чтобы удовлетворить моему любопытству, счастливый случай свел меня с замечательнейшим по сметливости болгарином по имени Георгий Бодли, который служил мне постоянным вожатым. Сообщаю свои сведения.

<...>

Город в настоящее время заселен болгарами, валахами и турками, отчасти также греками и албанцами. Первые многочисленнее. Турецкое разделение города мне неизвестно, да и жители не совсем с ним знакомы. Обыкновенно разделяют его на приходы, которых в XVII ст[олетии] было 7, теперь 5. Некоторые части города носят еще старые названия, как то: Варош, Кошишта, Плаошник, Канево, Лобиново.

Охридские болгары отличаются образованием и живостию характера. Я часто находил в людях, по-видимому, простых, пытливость и начитанность. Мой, напр[имер], вожатый, портной по ремеслу, знал много сочинений греческих и в своих рассказах доказал это, ссылкаясь на Мелетия[4], Куму[5] и многие

[1] Опущен греческий титул митрополита, в котором наименование митрополичьей области Македония сменило наименование Болгария.

[2] В 1830 г.

[3] Возможно, монастырь Св. Преображения недалеко от с. Зрзе (Горна Пелагония), основанный в XIV в., но он ближе к Прилепу. Впрочем, чуть ниже столь же удаленное от Битолы Кичево он называет соседним городом.

[4] Буков монастырь (Буково) существовал еще до основания здесь поселения славянскими племенами и дал название городу. Остальные монастыри, перечисленные Григоровичем, располагались в Драгоше, Велушине, Барешани и Крстоаре (у Григоровича — Хрестофор).

[1] Али-паша Тепеленский или Янинский (1741–1822) — мятежный вассал Порты, правитель Албании на рубеже XVIII–XIX вв.

[2] Хан — постоялый двор.

[3] Кехайя-бей — заместитель, помощник санджакбега (санджак-бея) или беглербега (бейлер-бея).

[4] Вероятно, Мелетий Антиохийский (?–381) — православный святитель, автор ряда авторитетных текстов.

[5] Возможно, «Пастырь» Гермы (конец I или II в.), которая начинается с посещения Кумы (Италия).

церковные книги. Такому направленно способствуют порядочные училища и обширные торговые связи.

Но влияние греческое сильно подавило природный их язык. Подлинные болгары наружностию и нравами в разговоре с трудом выражаются на природном языке. Он получает лишь свои права в тесном семейном кругу, в котором участвует женский пол. Находясь вне его, болгары прибегают к греческому, иногда к турецкому языку. Мне не случилось встретить в Охриде кого-либо, кто мог бы разбирать самое крупное славянское письмо. Напротив, в чтении греческого, как известно, довольно трудного письма в старых рукописях, многие были очень искусны.

После стольких переворотов нельзя и предполагать было, чтобы в памяти жителей остались воспоминания о минувшем быте их города. Напрасно желал было сведать о ближайшем даже событии, господстве сербов[1], хотя следы его видны были в рукописях, надписях и в живом языке. <...>

Из Струги отправился берегом Охридского озера сперва в южном направлении прошел мимо сел Радовиште, Калиште и в монастыре Успения Пресв[ятой] Богородицы, близ последнего села провел ночь. В церкви на стене изображен Кирилл Философ. Дальше, все побережьем светлого и рыбного озера, прошел я села Лин, Радожду, затем мимо сел Удуниште, Мумулиште до села Подградца. Оттуда путем к востоку, берегом того же озера, мимо села Старова и священного источника достиг, наконец, монастыря св. Наума. Он лежит на возвышении, почти у самой юго-восточной оконечности озера.

Память св. Наума, сподвижника св. Климента[2], внушила мне, увлеченному мыслью о славных подвигах славянских апостолов, надежды обогатиться новыми сведениями. Огромные размеры монастыря, его наружное великолепие, казалось, поощряли их. Мне думалось, что внутри также заботятся о сохранении его древнего достояния. Он был сооружен Михаилом, болгарским царем[3], и служил приютом св. Науму, мощи которого лежат под спудом. Особенное уважение турков к святому целителю душевных недугов спасло его существование. Быть может, также и то обстоятельство способствует теперь его благосостоянию, что в крае гористом и часто опасном он служит пристанищем путешественникам. Как велико было прежде достояние монастыря неизвестно, ибо древние грамоты затеряны. Но и в настоящее время он обилует средствами к содержанию. Ему принадлежат огромные стада овец (до 8000) и три села, Любаништа, Пояни, Стения. Главный однако ж доход получает монастырь от παναγύρις, то есть ярмарки, которая бывает 26 июля, в день праздника св. Наума. Для этой цели назначена большая часть здания.

[1] События XIV в., связанные с завоеваниями Стефана Душана (ок. 1308–1355).

[2] Наум Охридский (830-е-910) и Климент Охридский (ок. 840–916) — ученики св. Кирилла и Мефодия, создатели болгарской церкви. Далее, среди «семи славянских просветителей», упомянуты и другие ученики.

[3] Основан в конце IX в. при содействии правителей Болгарии Бориса (в крещении Михаила) и Симеона, который в результате войн с Византией получил в 913 г. титул царя болгар.

Вокруг монастыря заметны остатки древней стены, южнее на горе развалины старого замка. На запад его изливается в озеро источник, в котором, как говорит предание, крещен царь какой-то или его дочь, поэтому он носит название ἁγίασμα[1]. На восток расположены огороды и пруды.

Благоговейно войдя в монастырь и испросив позволение игумена, отца Серафима, остаться несколько времени, немедля занялся обозрением внутреннего устройства его. Все монастырское здание состоит почти из огромных конаков[2] и также больших амбаров. Несколько келий, уже полуразрушенных, давно, кажется, необитаемы. Конаки эти суть огромные залы, построенные купцами разных городов и сел для помещения во время съезда на храмовый праздник. Они и носят названия этих городов и сел, именно: битольский, охридский, стружский, ресеньский, старовский, подградецкий конаки. В южной части находится архондарик (приемная для гостей), в углу северо-восточном жилье игумена. Вообще, большое здание это не имеет ничего примечательного. Посреди монастырского двора небольшая, ветхая, обсевшая церковь во имя святого Наума. Предполагаю, что она принадлежит к X столетию, хотя свидетельства об этом не имею. Наружность церкви не изящна. Она украшена двумя куполами, не имеет колокольни и разделена, как и святогорские[3] церкви на две паперти и храм (ναός). Внутри стены покрыты зеленоватою живописью, поновленною, как говорит надпись, в 1711 году. С левой стороны дверей представлен ктитор церкви, царь Михаил, с правой, — *св. Антоний Печерский*. На южной стене изображены семь славянских просветителей, святые: Кирилл, Мефодий, Савва, Ангелярий, Горазд[4] и Климент в архиерейских облачениях, св. Наум в монашеском. Прочие изображения непримечательны. В иконостасе, кроме напрестольных двух древних, прочие иконы казались новыми и все с греческими надписями. У северной стороны придел, но без иконостаса. Там в нише стоит образ св. Наума с греческою надписью и сбоку гроб сего же святого. Надгробная доска серого мрамора, такая же, как и св. Климента, но без надписи. Она, впрочем, расколота. Больные, особенно душевно, турки и христиане, приходят сюда ложиться на гробе святого в чаянии исцеления. У южной стороны также маленький придел и также без иконостаса, но очень грязный. Здесь чистят кадила, и потому весьма много разлито масла. Надгробная доска, лежащая посреди сего придела, покрывает, как говорит предание, останки какого-то царя болгарского (не Михаила ли Бориса?). У второй паперти — каморка. Вошедши туда, нашел я ее темною и нечистою. По полу разбросаны гнилые окладки и листки книг — последний остаток еще недавно богатого книгохранилища. И извне церкви приделаны две каморки, одна за крепким замком для заключаемых здесь беснующихся, другая для монастырского белья. Столько видел глазами своими в этом достопамятном здании!

[1] Освященный (греч.).

[2] Здесь: гостевой дом.

[3] То есть афонские.

[4] Ученики Кирилла и Мефодия.

Окончив обозрение строения, обратился к о. игумену с умиленною просьбою показать мне монастырские книги. Брюзгливо отвечал он мне: напрасно-де забочусь об этом; уже его предшественник, архим[андрит] Дионисий (анатолит[1], грек) сжег их. Я легко поверил сему, ибо еще в Охриде слыхал жалобы городских старшин на непростительное варварство это, но не думал, чтобы чего-либо не осталось, потому не отставал просить. Недовольный о. игумен бросил ключи священнику, которого звал своим эклисиархом[2], приказав показать мне, если что есть из книг. Этот эклисиарх и сам не знал, куда меня вести. Наконец, нашли мы комнату, где в сундуке хранились печатные церковные книги, в том числе Острожская Библия[3] и один том какого-то русского романа. По последнему заключил, что я не первый русский был в этой достопримечательной обители. В числе греческих книг находятся две напечатанные в Воскополисе[4], городе, лежащем 12 часами южнее монастыря св. Наума. Одна из них под названием ἀχολουδία των ἁγίών ἑπταρύδμών, то есть службы семи славянским апостолам, кажется, была неизвестна ученым и оказала мне важные услуги. Все мои поиски и расспросы окончились этим последним открытием.

С прискорбием упомяну теперь о внутреннем устройстве монастыря. Оно даст понятие о многих македонских обителях. В целом монастыре собственно живет и господствует один игумен. Я нашел в нем еще одного монаха, бывшего игумена монастыря Янковец[5], заточенного сюда по несправедливому, как сам уверял, обвинению. Удивляясь этому странному одиночеству игумена в таком обширном монастыре, из рассказов туземцев составил себе следующее понятие об обычном порядке монастырских дел в этой стране. Обыкновенно монастыри здесь отдаются в пожизненную собственность тому, кто возьмется взносить митрополиту и паше ежегодную урочную плату. Удовлетворивший сему управляет монастырем словно арендою, волен принимать или не принимать монахов и самовластно располагает всем его имуществом. Такое управление часто подавало повод к значительным злоупотреблениям, так что старшины городов, для соблюдения достояния их, домогались нередко надзора за монастырями (ἐπιτροπή[6]). Эти домогательства, однако ж, имели только там успех, где старшины новым взносом пособия доказали свое участие в охране монастыря. Где монастырь сам по себе богат и может поддержать свою самостоятельность, там домогательства остались без внимания. Монастырь св. Наума сам по себе богат, следственно дает тому, кто им завладеет, способ, на основании упомянутого урочного взноса, обойтись без эпитропии. Игумен его, управляя им самовластно, дает ежегодно митрополиту и паше около 15 тысяч пиастров. Чтобы облегчить себя в монашеских своих трудах, обыкновенно заставляет семь священников из ближайших деревень приходить, по два на одну неделю, для совершения церковной службы. Плата священникам состоит в том, что им выдаются поочередно св. мощи из церкви, с которыми они обходят села для сбора в свою пользу. Эти священники, следственно, чужды монастырю. Когда я спросил, какая бы причина была тому, что в монастыре таком обширном нет монахов, о. игумен отвечал мне, что он принял правилом не впускать ни одного из них, потому что когда-то они посягнули на мощи св. Наума, отчего и надгробная доска расколота, замыслив унести их на Афон. Таким образом в монастыре остается лишь один полновластный монах — о. игумен. Доложу притом, что этот способ владеть монастырями знаком особенно грекам и македоно-валахам, и потому везде, где упомянутые условия возможны, находил я игуменов этой нации. Неудивительно, что в чисто славянских монастырях славянские памятники истреблены или изменены. В монастыре св. Наума игумен Серафим, хотя и говорит по-болгарски, принадлежит тоже, кажется, к одному из этих народов. Я принял его, впрочем, за албанца, потому что он предпочел албанца, моего ясакчи[1], своему единоверному и в дружественной беседе с этим проводил целые часы. Ко всем прочим был он строг до жестокости и повелителен невыносимо. Он окружен многочисленною прислугою, человек до тридцати. Должен прибавить притом, что свое известие основываю не только на том, что сам испытал, но еще на слышанном от честных и благоразумных людей, скорбящих о таком унижении обители.

<...>

Я посетил монастырь Слепче[2], потому что узнал о богатом собрании рукописей. Ктитором[3] его, кажется, позднейшим был князь Димитрий Каратовский. На воротах написана икона св. Кирилла славянского. Так как монахи, которых числом четыре, разошлись с требами по селам, то кто-то, по-видимому, сторож, назвал себя векилем, то есть наместником их и принял меня весьма гостеприимно. Еще в Охриде испросил я позволение у митрополита, к епархии которого принадлежит монастырь Слепче, рассмотреть его достопримечательности. Пока ожидал ответа от игумена, к которому отправил с нарочным письмо, обозревая монастырь, нашел незапертую комнату, над самою конюшнею, где по полкам и полу лежали 60 запачканных рукописей и кусков рукописей. Воспользовавшись находкою этою в глазах доброго недоумевающего векиля, занялся исследованием этого книгохранилища.

Монастырь Слепче примечателен еще славянским богослужением. По всей южной Македонии от Солуня до Охриды и от границ Фессалии до Скопии и Меленика[4] не только в митрополичьих, но и в сельских церквах богослужение совершается на греческом языке. Если в городах знакомство с этим языком

[1] Выходец из Анатолии — Малой Азии.
[2] Ризничий.
[3] Первое завершённое печатное издание Библии на церковнославянском языке, опубликованное в Остроге Иваном Фёдоровым в 1581 г. при поддержке князя Константина Острожского и с благословения дубенского игумена Иова.
[4] Воскополе (современная Албания). Здесь в XVIII в. была основана первая на Балканах типография.
[5] Ныне женский монастырь Пресвятой Богородицы на юге Македонии.
[6] Эпитропия — комиссия, институт церковного права.

[1] Охранник-янычар.
[2] Монастырь Иоанна Предтечи, основан не позднее XVI в.
[3] Здесь: вкладчик, финансист.
[4] Мелник (современная Болгария).

не затрудняет жителей в уразумении главных истин веры, то по селам, где преобладает поселение болгарское, употребление его имеет дурные последствия. Могу говорить, что на пути своем встречал я очень часто селян, незнающих повседневных молитв, селянок, которые, даже при совершении креста, не умели произносить слова к сему. Какое-то отупление замечал в этом бедном народе, так явно презираемом своими пастырями, которые, при столь смешанных отношениях с разноверными, не дают ему даже понятными молитвами чувствовать утешения в храмах Божиих. От этого преобладания греческого языка изъяты весьма немногие церкви и, кажется, более монастыри. По собранным мною известиям, славянское богослужение сохранилось в Деберце, Дебре[1] и близ Прилепа.

<...>

Ограничившись обозрением города Прилепа, где одна церковь и замка Марка Кралиевича[2] извне, стал взбираться на вершину Трескавца. Без поручений не обещал себе не только поучения, но и спокойствия в городе; без стражи не решался обозревать ближе знаменитого замка, прославленного преданием и песнею. Моему любопытству доступнее казался монастырь, скрытый в скалах на вершине Трескавца. Крутыми дорогами, среди пирамидально торчавших скал, восходя и нисходя, прибыл, наконец, в монастырь этот во имя Рождества Богородицы[3]. Об нем имел я уже прежде несколько сведений. Знал, что прежде он пользовался защитою сербских кралей, что теперь еще слывет царским и имеет разные письменные памятники. Больно мне сказать, что в нем встретил безнравственное негостеприимство. Не хотели даже сказать, где надгробные камни с надписями, а за книги доходило до лукавого даже поступка. Смягчив, сколько средства позволяли, недобрых жильцов, я несколько успел. Мне показали три хрисовула[4] сербских кралей, замечая с непростительною иронией, что они, не принося никакой пользы, долго лежали прежде в углу церкви, пока старик монах не перенес к себе в келию. Они очень испорчены, в углу церкви просырели, в келии монаха мышами объедены. Один из них без конца и начала, длиною 2 арш[ина] 7 вершков, на другом сохранился 1326 год. Я сделал, как мог, из них извлечения.

<...>

В Велесе желал было остановиться, чтобы сообразить о своем путешествии и, надеясь, снискав благосклонность бега[5], с его содействием отправиться в Скопию, чтобы обозреть все главные точки Македонии. Ожидания свои основывал на знакомстве с купцом сего города, подданным русским, который, в бытность свою в Солуне, обещал мне гостеприимство и руководство. Несчастные

[1] Дебарца (община), Дебар (город) в современной Республике Македонии.

[2] Имеется в виду Марко-Королевич (Кралевич) — герой балканского эпоса. Его историческим прототипом был Марко Мрнявчевич, последний правитель Прилепского королевства в Западной Македонии (1371–1391).

[3] Возможно, ошибка: монастырь Успения Богородицы (Трескавец), основанный в конце XIII или начале XIV века. Ему действительно покровительствовали, как пишет далее Григорович, себские короли Стефан Урош II Милутин и Стефан Душан.

[4] Грамоты.

[5] Здесь: местный начальник.

обстоятельства дали плану моему другой оборот. Купца, обещавшего желанный прием, не нашел дома, его родственники поступили трусливо, видя грубое, жестокое обращение со мною турецких начальников. Едва въехал в город, сеймены[1] и кавасы бега остановили меня, и, недовольные ни тескере, ни моим буюрди, стали брать допросы под предлогом, что без позволения дерзнул носить оружие. Когда упрашивал дать мне, усталому, минуту отдыха, насильно был схвачен и отведен к Али-бегу, который встретил меня наглым криком. Наглое обхождение со мною и доселе неиспытанное поругание моему имени едва смягчил предъявлением русского паспорта. Такое неблагоразумное поведение начальника не осталось без влияния на толпу. Осмеленная грубым обхождением кавасов, она добавила смятения, столкнув лошадей моих, оставленных с проводником, с мосту в реку. После сего как можно тише провел остаток дня и, исправив, что можно было исправить, на другой день весьма рано оставил ненадежный город. Сведений нельзя мне было собрать, потому что явно видел к себе отчуждение. В этом городе находится митрополит, три или четыре церкви и училище, в котором тогда собирались ввести болгарскую грамоту.

<...>

Принятый весьма гостеприимно жителями [Джумаа], которые незваные добродушно позаботились обо мне, провел здесь ночь. Джумаа[2] имеет одну церковь воимя Введения Пресв[ятой] Богородицы и небольшое болгарское училище. Намерившись из этого города отправиться в монастырь св. Иоанны Рыльского[3], предложил свою просьбу начальнику города, Осман-аге. Почтенный Осман-ага, разговаривая со мной по-болгарски, ставил сперва несколько возражений сему, согласился, наконец, и дал мне ясакчи из своего конака.

Итак, я отправился в обитель, которую по ее древности, славе святого и благоговению к нему народа, почитаю палладиумом болгарским.

<...>

Виды, окружавшие меня, неясные ожидания и благоговение к древней обители заставили забыть опасность пути и воодушевили мое предприятие. Оставив лошадей, поспешил один вперед и за полчаса до прихода проводников неожиданно очутился пред величественным зданием. Монастырь лежит на неправильной террасе, выдавшейся с высот к западу и, несмотря на огромность, закрыт стенами ущелья. С юга, запада и востока — дремучий лес и снежные горы.

Простите мне, если войду в некоторые подробности, рассказывая об этой достойной обители. После минутного отчуждения, благосклонность и радушие встретили меня здесь самым утешительным образом. Игумен о. Иосиф, проигумен о. Феодосий, эпитроп[4] о. Серафим и скевофилак[5] о. Иосиф оказали

[1] Стражники.

[2] Современный Тырговиште (Болгария).

[3] Особо почитаемый святой подвижник (876–946 гг.), основатель монастыря, небесный покровитель болгар.

[4] Управляющий имуществом монастыря.

[5] Хранитель церковной утвари и священных сосудов.

мне самым достойным образом свое внимание. Но всех более дал мне почувствовать свое расположение дидаскал[1] монастыря, знаменитый о. Неофит[2]. Иметь удовольствие беседовать с ним было немалым поощрением к предприятию сего посещения. Отцу Неофиту весьма обязан за сдружение меня со всеми почтенными иноками обители.

Я не замедлил воспользоваться благодушным гостеприимством незабвенных отшельников. Обозревал монастырь, участвовал в училище, основанном отцом Неофитом, исследовал библиотеку и, наконец, осмотрел окрестности.

<...>

Я посетил уже много монастырей, но нигде, ни даже на Афонской горе, не нашел того, что́ так красноречиво говорит в пользу обители св. Иоанна. Я нашел здесь училище. Восхищенный порядком, способом учения и ревностию добрых моих соучеников, утром и вечером посещал это училище и, могу сказать, не без пользы. Моими соучениками были молодые послушники, диаконы и священники. Они стеклись из разных мест своего отечества, из Разлога, Панагюришта, Пердопа, Самакова[3], Рила, Меленика, Батака, Севлиева, Дупницы, Плевна, Свиштова. В беседе с ними я знакомился с характером болгар, узнавал их способности и прилежание и, поистине, научился уважать этот, так незаслуженно забытый, народ. Предметами учения были греческий, славянский и болгарский языки и церковная история. Все эти предметы преподает отчетливо и ясно опытный наставник, о. Неофит.

О. Неофит принадлежит к замечательнейшим автодидактам[4], коих когда-либо знавал. Уроженец из Бани, что в Разложском округе, с ранней юности посвятил он себя духовному званию. Одаренный пытливостью и твердым характером, при самых ограниченных средствах, он приобрел познание кроме славянского, в греческом древнем и новом, русском и сербском языках. Нельзя поверить, как малы пособия, которыми пользовался он в своих трудах. В русском языке, напр[имер], один лексикон и «Письмовник» [Н. Г.] Курганова были его постоянными руководителями, с которыми он успел столько, что выражается на языке нашем с замечательною легкостью[5]. Труды о. Неофита, как писателя болгарского, заслужили всеобщее внимание. Его грамматика новоболгарского наречия, перевод Нового Завета известны уже ученым. Еще важнее настоящее

[1] Учитель, наставник.

[2] См. о нем примеч. к письму Ю. И. Венелина.

[3] Правильнее: Пи́рдоп, Са́моков. Все перечисленные здесь города — в современной Болгарии.

[4] Самоучка.

[5] Я просил о. Неофита увеличить скудное его количество русских книг своими, сопутствовавшими мне. Он принял благосклонно «Русскую старину» Сахарова и Нестора по Лаврентьевскому списку. (Примеч. авт.) «Письмовник» русского просветителя Николая Гавриловича Курганова (1725–1790/1795) являлся главным пособием по русской словесности на рубеже XVIII–XIX вв. Какую из книг плодовитого, но не слишком разборчивого историка и этнографа Ивана Петровича Сахарова (1807–1863), имеет в виду Григорович, сказать трудно. Возможно, это «Русские древние памятники» (1842).

предприятие о. Неофита, на которое желал бы я обратить внимание своего начальства, предприятие — издать словарь болгарского языка. Как отличный знаток своего отечества, он собрал в своем словаре все оттенки диалектов в формах слов и оборотах выражений, а также включил сюда пословицы и поговорки. Сочинение это будет состоять из двух частей, греко-болгарского и болгарско-греческого словаря. Первая часть уже готова и частию переписана, для второй видел я в большом количестве собранные материалы. Намерение о. Неофита поспешить с печатанием греко-болгарской части, как более нужной для учебных заведений его отечества. Жаль! появление этого труда останавливается всегда требованием несоразмерных его средствам издержек. От этого юношество болгарское лишается самого нужного содействия в своем образовании, а ученая пытливость чувствует преграду к расширению области славянского языкознания.

Да позволено мне будет надеется, что мое начальство примет участие в содействии этому ученому и ходатайством своим о напечатании замечательного труда приобретет благодарность племени, которого возникающее просвещение ожидает соревнования своих соплеменников.

В летописи просвещения болгар имя о. Неофита останется незабвенным. Он первый с содействием гг. Мустаковых[1] и других родолюбивых купцов ввел в училища болгарские методу взаимноучения, которая, распространившись теперь, решительно имеет влияние на успехи просвещения еще недавно погруженного в самозабвение народа. Он образовал своею деятельностию в Копривщице[2] и Габрове, как наставник, многочисленное юношество, из которых многие занимают в городах места учителей. Теперь, образуя в монастыре молодое поколение духовенства, о. Неофита кладет основание к устранению многих злоупотреблений, происходящие от невежества, и заслужит первый благодарность своих соплеменников, лишенных до сих пор пастырей, избираемых из своего духовенства. В этом отношении училище это достойно особенного внимания, ибо оно обещает самые благодетельные плоды народу, угнетенному, к несчастью, не самими лишь неверными.

Если сообразить средства, которыми располагает монастырь св. Иоанна Рыльского, нельзя не признать в иноках его достоинств, которыми превышают монахов, прежде мною виденных. Средства существования сего монастыря весьма ограниченны. Он содержится доходами с двух небольших дач и добровольными приношениями народа. Как не вспомнить при этом монастыря, известного на Афоне под именем болгарского, который великодушным снисхождением одаренный средствами, гораздо превышающими надобности жильцов, не водворил до сих пор под сень своего мирного, человеколюбивого участия к своим соплеменникам. Афонский монастырь Зографу[3] и монастырь св. Иоанна Рыльского носят по преимуществу название болгарских, но направлением

[1] Семья купцов-меценатов, деятелей Болгарского возрождения.

[2] Копри́вштица (современная Болгария).

[3] Зо́граф — болгарский монастырь св. Георгия Победоносца на Афоне; зограф (греч.) — живописец.

и духом иноков весьма разнятся. Первый, изобилуя всеми нужными средствами, воспитывает в своих начальниках непростительное соревнование к власти и, следственно, распри и вражду; другой, при скромных способах своих, внушает сподвижникам как главную обязанность содействовать взаимному просвещению. Монахи первого часто, мне казалось, разделяли с своими соседями греками пренебрежение, даже презрение к непросвещенным своим соплеменникам, как будто бы сами, кроме нелестной их званию опытности, показывали нечто более, чем обыкновенное невежество; иноки второго, сознавая с самоотвержением собственные недостатки, выражали только одно желание — заменить их достойными наставников народа качествами. В Зографе начальники уже льстят себя мыслью быть покровителями незнаемого просвещения; смиренные старцы монастыря св. Иоанна Рыльского, чуждаясь всякого обольщения, откровенно сознавали свою немощь достойно служить своему отечеству.

И в этом заметил разницу двух упомянутых монастырей, что в Зографе с медленностию показали мне библиотеку, которой существование сперва было отрицали; в обители Рыльской я получил к ней беспрепятственный доступ. Не только с величайшею готовностию показали мне почтенные отцы свое собрание рукописей, но и еще с добродушною откровенности и искренним сожалением объяснили мне причину его скудости. Одна часть рукописей сгорела, другую один непросвещенный старец, бывший игумен, почитая бесполезною и не желая, чтобы ее растаскивали, свез в близкую пустыню, где тогда строилась церковь святому Иоанну Рыльскому, и, сбросив книги под пол, приказал заложить камнями. Сверх рукописей, мне показана была грамота царя Иоанна Александра[1], которую списал.

Сверх того обозрел окрестности монастыря, именно нагорную сторону его, где сохранились доселе памятники подвигов святого основателя его. На этом месте существуют в небольшом расстоянии два скита, называемые *постницы*. Постница св. Иоанна Р[ыльского] имеет церковь во имя успения святого. Я обозрел эту церковь прилежно, потому что под нею скрываются рукописи, сброшенные старцем Корнилием. В ней сохранился и гроб святого. Все, окружающее постницу эту было мне живою легендою жития святого. С участием указывали иноки на пещеру, где он постился, узкое отверстие ее, освещенное небесным явлением, ἁγίασμα, то есть святой кладезь в скале и, наконец, на утесе, с которой[2] свержен был он в стремнины. Постница св. Луки болгарского с церковью во имя Покрова Богородицы. В ней останавливался, чтобы побеседовать с благодушными и поистине человеколюбивыми отшельниками. Да позволено мне будет привесть один пример возвышенного благочестия, соединенного с любознанием, которыми красуется эта пустыня. Я зашел здесь к старцу Амвросию, проведшему 25 лет отшельником. Как удивился, найдя в скромной келии его избранную библиотеку славянских, русских и греческих книг. С восхищением принял он привет русского и немедленно обратил разговор на духовных

[1] Иван Александр — правитель Второго Болгарского царства в 1331–1371 гг.

[2] Так в рукописи. (Примеч. публикатора.)

писателей наших прошлого столетия. Умилительно говорил он о Платоне митрополите, которого сочинения несколько раз читал, о других наших проповедниках и заключил просьбою прислать ему третий и четвертый том Феофана Прокоповича, которого красноречие исполнило его восторга[1]. После монастыря Руссико[2], о котором имел честь докладывать, говоря о св. Горе, только в этом монастыре нашел так возвышенное и бодрое стремление благочестивых иноков. Оба они примечательны еще тем, что малыми средствами сделались более, чем непомерно богатые; поэтому, как первые по благочестию, они, кажется мне, достойны пользоваться вниманием и отдаленнейших единоверцев.

Я желал было провести в обществе о. Неофита около 20 дней, льстя себе надеждою успеть более с его содействием в болгарском языке; но уже на второй день пребывания ясакчи стал торопить меня к отъезду и, наконец, вынуждать скорое мое отправление. Я оставался, следственно, в монастыре трое суток (с 13–16 июня).

Прощаясь с почтенными отцами, не слыхал ни напрасных жалоб, ни поручений, сопровождавших всегда некстати на другом святом месте откланивающегося путника. Расставаясь с ними получил лишь их ободряющее благословение и обещание содействовать и издали в моих трудах[3].

Еще доложу, что если где-либо, то по справедливости в монастыре св. Иоанна Рыльского иноки могли бы нарекать на свою долю. Они всегда в опасности. До моего приезда два раза (в апреле и в мае) хищные разбойники делали нападение на безоружных иноков. В оба раза убили четырех человек и нескольких изранили. Глазами своими видел я страшно изуродованных страдальцев.

<...>

София иди Средец лежит среди долины на реке Искар. Город этот разделен на 20 махал, то есть частей, которых имена не мог узнать, и заселен, кроме болгар, в бо́льшем количеств турками и евреями. Немедля предъявил себя каймаками[4] паши нишского и просил, посредством письма г-на агента[5], буюрди для дальнейшего путешествия. Затем имел честь быть у в[ысоко] п[реосвещенства] митрополита о. Мелетия, у которого, кроме неблагоприятных замечаний, ничего не слышал назидательного.

Пребывание мое в Софии памятно будет совершенным отчуждением всех, кого о чем-либо спрашивал. Начиная с даскала[6], который, вероятно, не хотел уронить своего веса при конаке от обращения с русским, до самого ханджи,

[1] О московском митрополите Платоне см. примеч. к письмам А. И. Тургенева. Феофан Прокопович (1681–1736) — сподвижник Петра I, один из авторов его церковной реформы, публицист и проповедник.

[2] Монастырь св. Пантелеймона (Россикон, Новый Руссик) на Афоне.

[3] Находясь уже в Букуреште, получил я от достойных иноков список с Панегирика житий святых славянских, о которых желал было подробные иметь сведения. Все воспитанники отца Неофита трудились над этим списком. (Примеч. авт.)

[4] Заместитель.

[5] Спандони, русский агент в Сересе, у которого Григорович останавливался ранее.

[6] Учитель.

то есть содержателя постоялого двора, все почли выгоднейшим не сообщаться со мною, ибо, как выразился один из них, что скажут об этом в конаке?

Я нашел однако ж добрый прием у самих турков. Один из них навестил меня. Мой ясакчи, умный спаия, знающий по-болгарски, сделал еще более. Он водил меня к церквам, мечетям и к другим примечательностям города, и когда другие отвечали: кой га зна[1], он не поскупился на подробный рассказ.

<...>

Лишь только вступит путешественник в область, описываемую отраслями Балкана, с удовольствием заметит перемену в поселениях и поселенцах. Обширные села красуются прочными и выгодными домами и разными заводами. Обрабатывание железных и шерстяных изделий, составление розового масла и другая промышленность занимает их обитателей, которых видная наружность выражает много достоинства. Заметно, что эти болгары имеют более доверия к себе, и что им насилие и мелочное пронырство не смеет здесь оспаривать заслуженного трудолюбием достояния. Соединяя с довольством чистоту нравов, жители этих, опасаемых горами, сел могут быть образцом терпеливой деятельности и промышленного духа.

К числу таких сел принадлежит Калофер, по преданию Звенигород, лежащее в оврагах, через которые проходит р. Тунджа. Оно населено одними болгарами, важнейшим занятием которых выделка прочных сукон. Остановившись в нем на несколько часов, я удовлетворен был так, как после продолжительного пребывания. Обозрел я там сперва два женских монастыря Рождественский и Введенский[2]. Трудолюбивые инокини весьма радушно показали все достопримечательности скромных своих обителей. По первому желанию моему, с чрезвычайною готовностью снесли они большое количество духовных книг, рукописных и печатных. Если они не заключали ничего редкого, то с радостью заметил я по выбору и числу их, что добрые отшельницы, питающиеся поденным трудом, не оставляют назидательного чтения. В Калофере три церкви: 1) св. Архистратиг; 2) Успения Пресв. Богородицы и 3) св. Афанасия, а близ него монастырь мужеский во имя Успения Пресв[ятой] Богородицы. Училище, в котором будут преподаваться предметы на болгарском языке, еще строилось; до окончания постройки почтенный учитель Ботью Петкович, воспитанный в России, завел порядочную временную школу.

Оставив Калофер, чрез село Гебарово[3] или Акбаик по равнине, усеянной могилами и курганами, приехал я в Казанлык.

Казанлык лежит в долине, называемой Туловское поле, за три часа от главного балканского хребта. Многолюдный город этот по большей части населен болгарами, отличающимися гостеприимством и образованием. Обширное училище его воспитывает до 500 болгарских детей и снабжено порядочным собранием

[1] Кто его знает.

[2] Калоферский монастырь Рождества Богородицы (основан в XVII в.), ныне мужской, и Введения Богородицы (XVIII в.).

[3] Село Габарево в Старозагорском округе.

книг. В городе четыре церкви: 1) св. Иоанна Предтечи и Иоанна Рыльского; 2) Пресв[ятой] Троицы; 3) Успения Пресв[ятой] Богородицы; 4) Илии Пророка; красивую иконопись этих церквей делали болгарские художники из сел Трявна и Шипка; вне города монастырь св. Николая Меглинского[1]. Обозрев церкви и училище и сведши знакомство с скромным учителем, отправился в Шипку.

Шипка лежит у подножия стремнин балканских и исключительно населена болгарами. В селе этом две церкви, старая св. Константина и Елены и новая, еще строящаяся, Успения Пресв[ятой] Богород[ицы]. Первая заключает несколько рукописей.

Выехав из Шипки, стал подыматься на стремнины Балкана. Крутыми, скалистыми тропами достиг я его вершины, на которой в необозримом горизонте раскрылась восхитительная картина южной долины. Вершинами Балкана прошел я мимо развалин, называемых Марко-Кралиевич Куле, мимо четырех дервендов[2], и слегка стал сходить в нагорную долину, опушенную лесом, украшенную виноградниками, проехал две небольшие речки с порядочными мостами, мимо ливад[3], называемых Латинска и Немска и, наконец, вошел в село Габрово. Габрово лежит в долине, через которую протекает река Етра или Янтра и речки Синкевица и Лапушница; построено весьма правильно, имеет много больших домов, три каменных моста, три церкви, большое училище и вблизи монастырь Сокольский во имя Успения Божия Матери[4]. Весьма многолюдное село это заселено одними болгарами, которых занятие выделка железных и стальных орудий и красильни. По многолюдству и множеству лавок, оно заслуживало бы названия города. Обозрев церкви: 1) Успения Пресв[ятой] Богородицы; 2) св. Троицы и 3) Иоанна Предтечи и не найдя в них ничего древнего, я обратился к училищу.

Обширностью своею и пособиями, бесспорно, оно первое в числе болгарских училищ, хотя еще не может назваться центральным. Основанное известными соревнователями в просвещении своего отечества Н., К. и Х. Мустаковыми, В. Априловым и Палаузовым[5], оно было устроено о. Неофитом, которого учреждения до сих пор сохраняются. Упомянутые благотворители делают в настоящее время делают еще более, жертвуя значительными пособиями для постройки нового обширнейшего здания. Училище разделено на два отделения, высшее и низшее, в которых науки преподаются двумя учителями. В мое время старший учитель выбыл, на его место назначен был отличный молодой человек, известный у болгар своею педагогическою деятельностью, Хр. К. Сичан Николов[6], с которым имел удовольствие познакомиться в Букуресте. От его

[1] Монастырь Св. Николая Чудотворца у г. Мыглиж, в 15 км от Казанлыка, времен Второго Болгарского царства.

[2] Ущелье (болг.).

[3] Луговина (болг.); в укр. левада — небольшая роща.

[4] Основан в XIX в.

[5] См. примеч. к письму Ю. И. Венелина.

[6] Христодул Костович Сичан-Николов (1808–1889) — деятель Болгарского возрождения, сподвижник Неофита Рыльского, автор одного из первых учебников арифметики (1845).

опытности, умения владеть языком и разнообразных сведений габровское юношество может ожидать самого удовлетворительного назидания. Младший учитель, ученик о. Неофита, весьма деятелен и способен. Учеников до двух сот. При училище находится значительное собрание книг, которое не только отвечает нуждам учеников, но и может служить пособием самим учителям.

Довольство и некоторая самостоятельность, происходящие от торговой деятельности жителей, весьма отпечатлеваются в селе Габрове, где, при явных признаках улучшений и порядку городских, заметны и некоторые злоупотребления городские. Жители, вообще, отличаются энергией и сообщительностью.

Повременив в Габрове, направил путь к Тернову[1]. Ехал по гористым местам, по которым рассеяны *каливы*, то есть лачужки, составляющие деревню Вальковци, дальше через село Дряново, где видел училище и, мимо сел Катранджи, Маноя, Дебелец и Марнополь[2], достиг древней столицы болгарских царей.

Две отрасли Балкана, идущие в неправильном направлении к северу, образуют клисуру[3] или дефилеи. Покрытые торчащими скалами и опушенные лесом, они расширяются овально и окружают долину, на которой выдались две плоские возвышенности. По долине, обвивая собою возвышенности, медленно течет неглубокая река Етра или Янтра. На этом месте расположен Тернов, город, укрепленный природою, имевший в Средние века важное значение. С XII до конца XIV столетия он был столицею царей и патриархов болгарских. Величественною красотою он столько же поразит путника, как Водена и Охрида, но ненадолго удержит его внимание. Он слишком стеснен, мало снабжен водою и нездоровый. Город этот в день приезда моего был разорен пожаром. Жители его, которых нашел в глубоком смущении, занимающиеся выделкою шелка и кож, вообще не давали заметить большого довольства. Турки в нем гораздо превышают числом болгар. Мне сказывали, что из 5017 домов 3800 принадлежат первым, 1217 — остальным. Он стоит под управлением каймакама (наместника) паши рущукского, который по случаю пожара уехал.

Предъявив себя в[ысоко] п[реосвещенству] митрополиту и экзарху всей Болгарии о. Неофиту, просил позволения обозреть церковные древности. Жаль, что в этом достопримечательном городе самые высокие особы остаются равнодушными и признанием незнания кладут сами на себя неизгладимый укор. И если бы это признание не было еще укором в сознании виновности уничтожения священнейшего церковного достояния! Поистине удивительно, что на месте, столь затрагивающем самое жесткое сердце, чужой человек, готовый с напряженным вниманием слушать наставления о предметах необыкновенного любопытства, находит в своих наставниках таких же чуждых людей.

Я удостоился однако ж некоторого внимания высокой особы, которое, впрочем, касалось самой крайней внешности. С протосингелом[4] митрополии,

[1] Велико-Тырново.
[2] Марно Поле.
[3] Горное ущелье, перевал.
[4] Первый помощник.

о. Иларионом, которому был поручен, обозрел несколько церквей, в некоторых просил позволить делать поиски, но ничего не узнал. Неудовлетворенный этим, решился сам еще раз обойти город, чтобы лучше напечатлеть себе его примечательности. Сообщаю небольшие свои сведения.

<...>

Оставляя Тернов готовился проститься с Болгариею. Ни верному проводнику моему, ведшему меня от Солуня до Дуная, стало терпения продолжать свое руководство, ни мне доставало бодрости бороться сверх дорожных невыгод с недоверием и подозрительностию. Вообще, осмелюсь доложить, что, чувствуя себя недостаточно охраненным частными позволениями, почитал напрасными дальнейшие попытки в этом крае.

Я направил путь к Дунаю, немного косвенно, к Свиштову. На пути желал было обозреть развалины древнего города, называемого теперь Никюпь[1], и несколько примечательных сел и монастырей. На беду проводник мой, сбившись с дороги или, как кажется, нарочно уклоняясь от турков, которых всегда обходил, повел меня самыми ненаселенными местами. От Тернова, следственно, до Свиштова проходил голую, безводную страну, подымаясь и спускаясь с легких возвышений.

Сперва шел я терновскою клисурою (ущелием), где своротил в м[онастырь] Преображения[2], оттуда мимо сел Ресень, Теньча, имея в виду еще два села, остановился в селе Козлово или Сливово, состоящем из бедных лачужек, обитаемых турками и болгарами, затем, пройдя мимо села Текир, достиг Свиштова.

В Свиштове, куда было отправил из Серреса свои книги, остановился на несколько времени. Обозрел четыре церкви: 1) Стари[3] св. Димитрия; 2) св. Петра; 3) Преображения; 4) Пророка Илии и два училища с 6 учителями. Здесь также имел удовольствие познакомиться с одним из первых зачинателей болгарской письменности Христаки Дупничанином[4].

Близ Свиштова живут болгары-католики, называемые также павликианами. Села, в которых они живут, суть: Уреш, Белен, Лежен, Тренчовец.

Отправив в Свиштов своего вожатого, лодкою по Дунаю поплыл в Рущук. В этом городе, в котором одна епископальная церковь, население состоит из турков, евреев, валахов и жидов и в меньшей части из болгар. Обозрев сверх церкви, училище, разделенное на высшее и низшее отделения, занялся приготовлением к переправе за границу.

[1] Никуп — село в 15 км севернее Велико-Тырново, где находятся руины античного Никополиса (Nicopolis ad Istrum), заложенного императором Трояном в 107 г. после победы над даками.
[2] Монастырь Преображения Господня, недалеко от Велико-Тырново, основанный в XIV в. См. также примеч. к письму Ю. И. Венелина.
[3] Так в тексте.
[4] Христаки Павлович (1804–1848) — деятель болгарского возрождения, автор ряда учебных книг, в том числе «Грамматики славяно-болгарской», ориентированной на церковно-славянскую архаику.

Снарядив себя, как следует при оставлении турецкой границы, июля 11 числа на оравице (лодке) переправился на другой берег в Гюргево (Журжу)[1] и немедля поступил в карантин.

<...>

Донесения В. И. Григоровича об его путешествии
по славянским землям. Казань, 1915.
С. 132–135, 137–141, 145, 150–155, 157–160, 166–167,
169–175, 182–186, 188–189

[1] Джурджу (современная Румыния).

М. П. Погодин. [Путешествие в Сербию. 1846 г.]

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) — историк, писатель, общественный деятель и журналист — был сыном крепостного, отпущенного на волю и ставшего управляющим в господских домах. С детства, еще до пожара Москвы, мальчик пристрастился к чтению, в которое входил и рупор тогдашних консерваторов-галлофобов «Русский вестник» С. Н. Глинки, сильно повлиявший, по признанию самого Погодина, на формирование его сознания[1]. Затем он учился в 1-й московской гимназии и закончил университет (1821) в звании кандидата с золотой медалью. В середине 20-х вошел в кружок С. Е. Раича, сблизился с «архивными юношами» и любомудрами в изучении Шеллинга[2]; тогда же начинается его литературная и издательская карьера[3]. И одновременно Погодин квалифицируется как профессиональный историк (магистр, 1825). Спустя несколько лет он стал сначала профессором всеобщей истории в Московском университете, а затем в середине 30-х возглавил кафедру русской истории[4].

Славистические интересы Погодина определились рано. Еще в 1824 г. он с подачи Н. П. Румянцева перевел на русский и в следующем году издал анонимно книгу патриарха славистики Й. Добровского[5], а к концу 20-х его интерес к «славянскому вопросу», в частности в общении и сотрудничестве с Ю. И. Венелиным и другими славистами, еще более укрепился[6]. Во время первой поездки за границу (1835) Погодин познакомился с чешскими будителями П. Й. Шафариком, В. Ганкой, Ф. Палацким и др., а также с реформатором сербского языка В. С. Караджичем и словенским филологом Е. Копитаром и благодаря этим контактам содействовал связям с ними русских ученых и общественных деятелей[7].

[1] *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. I. С. 5–6.

[2] *Рогов К. Ю.* К истории «московского романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 523–576.

[3] См. о ней подробнее и в целом о мировоззрении Погодина: Русские писатели. Т. 4. С. 661–672. (Автор статьи — К. Ю. Рогов.)

[4] О Погодине-историке см.: *Петров Ф. А.* Указ. соч.; *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1995; *Дурновцев В. И., Бачинин А. Н.* Михаил Петрович Погодин // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996. С. 174–193; *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003.

[5] См. об обстоятельствах этого издания: *Барсуков Н. П.* Указ соч. Кн. I. С. 256–274; *Потепалов С. Г.* О роли П. И. Кеппена... С. 189–190. Совместно с С. П. Шевыревым в 1826 г. Погодин перевел и «Грамматику языка славян по древнему наречию...» того же автора. По поручению Погодина в 1833 г. И. Савинич перевел «Историю славянских законодательств» В. Мацеёвского. См.: Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. IV. Л., 1988. С. 14–24, 30. (Статьи А. С. Мыльникова и М. Ю. Досталь). Позднее Погодин выступил как издатель «Славянских древностей» П. Й. Шафарика, перевод которых был поручен его воспитаннику О. М. Бодянскому. *Барсуков Н. П.* Указ соч. Кн. V. С. 93–107.

[6] *Барсуков Н. П.* Указ соч. Кн. II. С. 200–213. Кн. III. С. 108–157.

[7] См. подробнее: *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 90–102.

По предположению Г. В. Рокиной, «...дружеские отношения Уварова и Погодина на протяжении многих лет могли способствовать выработке у них общих взглядов на славянский вопрос» (в литературе погодинские воззрения единодушно характеризующиеся как панславистские), и, более того, они нашли поддержку у императора[1]. Во время второго путешествия заграницу (1838–1839), как установила Рокина, Погодин имел секретное поручение Уварова доставить Ганке и Шафарику по пять тысяч рублей, и именно за это профессор позднее был награжден Владимиром четвертой степени и тремя тысячами рублей серебром[2]. Тогда же, в 1839 г. Погодин познакомился с теоретиком «литературной взаимности» Я. Колларом, общение с которым способствовало выработке панславистских проектов, приобретших четкость ко времени третьего путешествия в 1842 г.[3]

Публикуемые ниже черновые записи относятся к путешествию 1846 г. По-видимому, оно не было связано с какими-то тайными поручениями правительства. Биограф Погодина приводит запись в дневнике от 13 мая 1846 г.: «Не отправиться ли мне путешествовать?» Он выехал из Петербурга в конце июня, проследовав сначала в Берлин и Дрезден, затем в Прагу, лечился минеральными водами и грязями в Мариенбаде и Теплице (Чехия), и в августе был в Вене, откуда, пользуясь советами Караджича, предпринял путешествие по Дунаю[4]. Среди бумаг Погодина, с которыми работал Н. П. Барсуков,

[1] *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия... С. 113–125; *Она же.* Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005. С. 100–103. Автор в свою очередь, помимо собственных архивных изысканий, опирается на публикации: *Досталь М. Ю.* «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С. С. Уварова // Славянская идея: история и современность / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1998. С. 63–77; *Павленко О.* «Славянский фактор» в отношении России и Австрии в 40–60-е гг. XIX века // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. С. 247–257 и др. работы этого автора. См., однако, поправки и критику: *Шевченко М. М.* Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 г.: С. С. Уваров и К. В. Нессельроде // РСб. Т. 1. М., 2004. С. 29–39; *Ненашева З. С.* М. Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2013. С. 117. (Примеч. 4.)

[2] *Рокина Г. В.* Ян Коллар и Россия... С. 121. Ср. 2 тысячи рублей и Станислав II степени, по данным Рогова: Русские писатели. Т. 4. С. 666 (со ссылкой на опубликованную Погодиным переписку с Уваровым, где о секретном поручении, конечно, не сообщается, но речь идет о награде за составление доклада: РА. 1871. Кн. 3. Стб. 2078–2113). На правленом Погодиным отдельном оттиске его биографии в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета» (1855), хранящемся в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), к фразе: «Орден получил Св. Станислава IIкласса в 1841 г.», — он только добавил: «+ орден Св. Анны II класса в 1856 г.».

[3] *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856 // Соч. Т. 4. М., 1874. С. 15–69. (Записки о путешествиях 1839 и 1842 гг.) По утверждению Рокиной, опубликованные тексты не вполне соответствуют, хранящимся в архиве рукописям. Второе путешествие стало основой для книги: *Погодин М. П.* Год в чужих краях.1839 г. Дорожный дневник. Ч. 1–4. М., 1844.

[4] Подробнее см.: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 413–445. См. также письмо Караджича Погодину из Вены от 8/20 августа 1846 г., в котором он поясняет особенности движения пароходов по Дунаю: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861) / [сост. и предисл. Н. А. Попова]. Вып. III. М., 1880. С. 677.

отложился целый ряд фрагментов путевой прозы об этой поездке. Один из них, сохранившийся в трех вариантах (а, б, в), имеет в одном из них авторский заголовок «Неделя на Дунае в Карловце и Панчеве»[1]. Биограф использовал его, описывая пребывание Погодина в Пресбурге (Братиславе), когда тот тщетно надеялся увидеть Л. Штура, а также встречу с карловацким митрополитом Иосифом Раячичем, поездку в сремскую резиденцию иерарха и по фрушкогорским монастырям[2].

Фрагменты о поездке Погодина в Белград[3], где тот побывал в октябре 1846 г., Барсуков не использовал, вероятно, по политическим мотивам: у власти в Сербии вновь находились Обреновичи. Он ограничился констатацией, заимствованной из предисловия к публикации Н. А. Попова: «Затем Погодин посетил княжества Сербского столицу Белград, где в то время князем был Александр Карагеогриевич и всеми делами управляла партия, враждебная Обреновичам; Фома Вучич-Перишич, Авраамий Петрониевич, Стоян Симич, Илья Гарашанин — вот эти люди, от которых Погодин должен был получить ближайшие сведения о Сербии; но он уже знал Вука Караджича, также сообщавшего ему известия о сербских делах, но с иной точки зрения, “и поэтому, — замечает Н. А. Попов, — мог критически отнестись к показаниям белградских правителей”»[4]. Как убедится читатель, на самом деле Погодин вовсе не был предвзят в отношении уставобранителей.

Лишь только я ступил на сербскую почву, лишь только я прошел одну улицу в Белграде, как понятие мое[5] совершенно изменилось. А между тем я лет пятнадцать слыхал, читал о Сербии, видел много сербов, расспрашивал людей, которые здесь бывали и ее знают! Здесь же я особенно понял старую истину[6]: личного собственного наблюдения ничем заменить нельзя. Писатель[7], дипломат[8] должен непременно *видеть* те страны, в которых решаются важные[9]

[1] НИОР РГБ. Ф. 231. Погодин/I. К. 43. № 2 а, б, в.

[2] *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 425–431. В отдельное дело (НИОР РГБ. Ф. 231. Погодин/I. К. 43. № 6) выделены заметки Погодина о поездке в Панчево [1846] (на папке — сделанная архивистами запись: «у Барсукова не вышло»). Папка содержит два фрагмента. Первый начинается со слов: «На другой стороне Дуная простирается...» (л. 1–2; на 2 об. авторская помета: Новый Сад). Второй: «Племянник митр[ополита] пригласил меня ехать с ним в Панчеву, где он служит аудитором в полку...» (Л. 3–4 об.).

[3] Там же. К. 42. № 4. Папка включает 5 фрагментов: 1-й с общей характеристикой страны (Л. 1–2), 2-й, о первых впечатлениях и встречах в Белграде, более походит на дневниковую запись или письмо приятелю (Л. 3–4 об.), 3-й: званый обед и характеристика белградского митрополита (Л. 5–6), 4-й: выцветшими чернилами, крайне неразборчив (Л. 7–8), 5-й: встречи с Вучичем в Топчидере, игра в карты и поездка на Авалу (Л. 9–9 об.).

[4] *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 431; Письма к М. П. Погодину... Вып. I. М., 1879. С. XV.

[5] Вставлено над строкой: об этой стране (зачеркнуто: Сербии).

[6] Все начало предложения вставлено над строкой.

[7] Вставлено: и.

[8] Зачеркнуто: и вообще (?) правитель и законодатель.

[9] Вставлено над зачеркнутым словом: главные.

вопросы, и людей которые в решени[и] принимают главное участие[1]. Иначе ошибкам и промахам — нет конца.

Не найдя дома нашего консула[2], я прошелся по Белграду. Прежде всего скажу тебе, что ныне октябр[ь], а жара невыносимая[3].

Самое большое здание в Белграде есть так называемое[4] здание, построенное князем Михаилом в три этажа[5]. Здесь помещаются теперь разные лавки и мастерские, кофейня, гостиницы и квартиры. От здания начинается здешний гостиный двор. Первой лавко[й] есть хлебная лавка с печкою наружу. Перед печкою находится только[6] прилавок, на который выкладываются из печи хлеба, в строгом смысле горячие. Подле хлебной лавка с мелкими товарами; спереди[7] конфеты разноцветные, и подле них на блюдцах гвозди, там стклянки <?> с водками и веревки; табак и краски, сахар и мыло. Подле мелочной лавки открытая мастерская портных, которые сидят, поджав ноги и[8] размахивая руками[9].

Другая мастерская, скорняков[10], подбирающ[ая] их меха. Обошел кругом по узким кривым[11] переулкам, состоящим из одних заборов, обмазанных желтоватою глиною[12]. Вдруг увидел я перед собою турецких солдат. Это стража у городских ворот[13]. Ничего[14] нельзя вообразить себе отвратительнее такого[15] регулярного войска: в холстяных шарварах и синих узких куртках[16] — это такие уроды, каких можно видеть только разве на провинциальных театрах. За воротами улицы пор[я]дочные с красивыми зданиями, вот и книжная лавка[17] Возаревича, издателя и продавца первых книг[18]. От него узнал я адрес молодого Шафарика[19] — новый дом его на краю города, и я не нашел сил дойти до него[20].

[1] На полях добавление: Тоже следует сказать о правителях и законодателях.

[2] Дом русского консула в Белграде находился рядом с нынешней Студенческой площадью (Студентски трг).

[3] Далее с новой строки зачеркнуто: Вот гостиный двор.

[4] Вставлено над строкой: по преимуществу.

[5] Сын князя Милоша Обреновича находился у власти дважды с большим перерывом. Речь идет о его первом правлении в 1839–1842 гг. О Здании у Оленя см. примеч. к письмам Н. А. Ригельмана.

[6] Зачеркнуто: лавка.

[7] Вставлено: в банках.

[8] Далее зачеркнуто: точа, сверху вставлено одно слово, неразборчиво (только?).

[9] Далее зачеркнута фраза: выкраяя (?) длинные концы.

[10] Далее одно слово зачеркнуто.

[11] Слово вставлено над строкой.

[12] Далее зачеркнуто предложение: Город строется (?) в другую сторону.

[13] Так называемая «Варош капия».

[14] Далее зачеркнуто: нет отвр... (слово обрывается).

[15] Вставлено над зачеркнутым недописанным словом: это[го].

[16] Сверху вставлено: с короткими рукавами.

[17] В рукописи над строкой вставка: единственная (?).

[18] См. примеч. к дневнику Ф. В. Чижова.

[19] См. там же.

[20] Далее зачеркнуто: а послал за ним мальчика. Новый дом Шафарикова располагался на Врачаре, где со времен Милоша Обреновича начал строиться новый, сербский Белград. По воспоминаниям Д. Маринковича, на месте врачарского дома Шафарика ранее

Извозчиков в Белграде [нет], а есть одни только наемные дрожки, за которыми надо посылать зарок. Город строится в эту сторону. Везде видны новые дома и улицы. Мне представилась Россия, в особенности Петербург Петрова времени. Здесь прокладывается улица — вот она упирается в старый домишко, который преграждает ей еще дорогу. Там очищается[1] площадь. Строятся дома по местам совершенно в новом роде[2]. Люди ходят как будто разноплеменные: и турецкие шарвары, и венгерский чекмень[3], и немецкий сюртук, и греческая феска[4]. На каждом шагу видать, как взывает европейская цивилизация, но с сюртуком нельзя надеть ее! С большим любопытством, хоть и усталый, ходил я по улицам, пока начало смеркаться. Я[5] отправился снова[6] в дом консула, но опять не застал еще его и расположился в его комнатах. Не успел я сесть, как пришел г. Попович[7], издатель Сербских Новин (газеты) познакомиться со мной. Он желал говорить со мною по-немецки, но я заметил ему, что грешно славянам объясняться между собою на чужом языке, и он[8] напечатал мое замечание в следующем номере, за которое я получил благодарность после даже и в Землине. Вскоре возвратился с загородной прогулки и г. Федоров, консул собственно Орсовский, занимающий теперь место г. Данилевского[9]. Он принял меня со всеми знаками русского гостеприимства, предложил оставаться в своем доме, и я[10] рад был тем более, что в единственной гостинице, которую содержит какой-то грубый австриец, не было мест, то есть все три или четыре нумера были заняты приехавшими купцами. Тут[11] же познакомился я и с г. Петровичем[12], переводчиком посольства, любезным молодым человеком, кончившим курс в Одесском лицее[13].

находилась яма (земляная тюрьма), куда после переворота 1842 г. поместили некоторых сторонников свергнутого режима (см. примеч. к письмам В. А. Панова). *Маринковић Д.* Успмене и доживљаји. 1846–1869 // Средио Д. Страњаковић. Београд, 1939. С. 88.

[1] Слово исправлено.

[2] Вставка на полях: Здесь узко, там широко. Против собора испытывается другое место для мощений, а там еще пыль поднимается столбом с легкой земли. Собор — здание довольно обширное, но выстроенное вроде австрийско-сербских церквей, точно как католическое, с двумя башнями впереди.

[3] Чекмень (тюрк. cekmen) — верхняя мужская одежда вроде казакина, среднее между кафтаном и халатом.

[4] Над строкой вставка: и русский мундир.

[5] Перед словом вставка: тогда.

[6] Исправлено, первоначально: опять.

[7] Милош Попович (1820–1879) — юрист и издатель, соратник Й. Хаджича (М. Светича). Помимо официальной газеты «Сербские новины», в описываемое Погодиным время редактировал литературное издание «Подунавка».

[8] Далее зачеркнуто: поместил мое замечание (? — последнее слово не дописано и плохо читается).

[9] А. Т. Федоров являлся временным управляющим российским консульством в Белграде во время болезни и лечения Г. И. Данилевского. С последним Погодин познакомился ранее в Вене: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Кн. VIII. С. 424.

[10] Далее: одно недописанное слово (очень?) зачеркнуто.

[11] Перед словом зачеркнуто: здесь.

[12] Далее зачеркнуто: драгоманом.

[13] Погодин начал писать Рише[льевском], но зачеркнул недописанное слово. О Петровиче см. примеч. к дневнику Ф. В. Чижова.

На другой день я собирался с ним посетить здешние власти, как вдруг имел честь увидеть у себя Вучича, знаменитого Вучича, который играл такую важную или лучше сказать первую роль во всех последних происшествиях[1] и пользуется всеобщею любовью сербского народа. Это высокий[2] мужчина, лет пятидесяти[3] очень простой наружности. Глаза у него маленькие, чуть[4] приметные, но видят далеко. Руки могли бы послужить моделью для геркулесовых. На голове у него была обыкновенная, красная с синим крестом, турецкая феска. За толстым поясом видны были большие пистолеты[5]. Говорит он тихо[6], протяжно, просто и ясно.

* * *

Посещения свои я начал, как следует, с министра народного просвещения[7], но его не застал дома.

Потом был у г. Стеича[8], правителя дел в верховном совете. Это один из сербских литераторов. Он вместе и доктор медицины — весьма образован и умный человек. Дом его есть уже европейски учрежденный. Мы застали его [за] обедом и познакомились со всем семейством. Нам тотчас предложили варенье.

* * *

Потом был я у митрополита. Обиталище у него очень скромное. Лестница и галерея его напоминают времена патриархальные. Митрополит еще молод, но лицом своим, наружностью и приемами вообще напоминает нашего Филарета[9], что я тотчас передал ему, к большому его удовольствию.

* * *

Он очень жаловался, что не получает книг из России, совершенно не знает ничего, что происходит в русск[ой] церкви, в чем обнаруживается эта <?> жизнь, какие сочинения у нас выходят духовные, 2)[10] какие журналы издаются, 1) какие перемены происходят в иерархии, 3) и даже «Христианское чтение»[11], на которое он как-то подписался, не получает в исправности. Мы живем

[1] На полях вставка: Свержение князя Милоша, возведение сына его Михаила и возведение Александра Карагеоргиевича.

[2] Над строкой вставка: плотный, статный (?).

[3] Далее зачеркнуто: с крепким (?), второе слово не дописано.

[4] Далее зачеркнуто: видные.

[5] Далее зачеркнуто: на плечах.

[6] Далее зачеркнуто: [с] расстановками.

[7] Над строкой вставка: (князя не было в Белграде).

[8] См. примеч. к дневнику Ф. В. Чижова.

[9] Имеется в виду тогдашний митрополит московский и коломенский Филарет (В. М. Дроздов, 1782–1867).

[10] Номера, проставленные над строкой, указывают на изменения порядка перечисления.

[11] Здесь: богословский журнал, который начал издаваться в 1821 г.

здесь как на[1] острове и ничего не слышим, не знаем о своих единоверцах, и каких единоверцах. Митрополит рассказал мне[2] об отправлении шести молодых людей учиться в нашей Киевской академии. Только также не имеют[3] они связи с австрийскими сербами православного исповедания, чему мешает впрочем австрийское правительство. И здесь, сидя на турецких диванах, должен я был прикушать вареньев, кои[4] везде подносят перед обедом.

* * *

Наконец отплатил я посещение Вучичу[5]. Перед частою лестницей[6] увидел я несколько пар туфлей. Вучич разговаривал с одним из советников правительства[7]. Тотчас[8] принес[ли] мне трубку с длинным[9] чубуком, которая устанавливается сперва на полу, а потом уже предлагается чубук.

Разговор не для печати.

<...>

После обеда мы ездили прогуливаться в Топчидер, прекрасная[10] загородная дача в начале живописной долины на берегу ручья, осененной густыми деревьями, у подножия[11] гор, которые поднимаются с обеих сторон.

Вучич был уже там. Он сидел у забора, за каким-то надворным строением[12]. Перед ним воткнута была рогатая[13] палка, на которую между двумя ее рогами он клал ружье и метил в цель, шагов все двести[14] на ближнем пригорке. А сколько перебили вы турок, спросил я его. Не считал, отвечал он, улыбаясь. Я расположился подле него и далее наблюдал этого человека [в] деле[15], как он спокойно присматривался к своей цели, палил[16], или восставал за топором и вколачивал глубже палку, и ведя между тем разговор о Черном Георге, о турках, о сербах... Вблизи училось сербское войско — до меня доносились русские клики!

[1] Далее вставлено над строкой: отдаленном.

[2] Плохо читаемая вставка над строкой: о своем лицее и училище, а также и (?).

[3] Продолжение фразы и весь конец абзаца вписаны на полях.

[4] Перед словом зачеркнуто недописанное: кот[орые].

[5] О доме Вучича см. примеч. к письмам Н. А. Ригельмана. Он находился недалеко от здания, в котором располагалось русское консульство.

[6] Следующая часть предложения зачеркнута карандашом. Фраза обрывается, возможно, предлогом «для», следующим после тире. Далее в тексте пропущено небольшое место.

[7] Вставлено над строкой: и курил трубку.

[8] Далее зачеркнуто: предложили.

[9] Далее зачеркнуто несколько слов.

[10] Слово вставлено над строкой.

[11] Далее короткий пропуск в тексте, очевидно, неподобранный эпитет.

[12] Строка исправлена. Первоначально: незаконченная на полуслове фраза и «положа ружье» (зачеркнуто).

[13] Слово вставлено над строкой.

[14] Вставлено над строкой: прищуривался маленькими своими глазами, которых почти и не видать стало.

[15] Слово исправлено.

[16] Слово вставлено над строкой.

Мы возвратились <?> вместе домой — там дожидался нас английский консул[1]. Сели играть в карты. Вучич начал ставить, и мне показалось стыдно отстать в успехах европейской цивилизации от дикого сына Сербии; я присел к нему и сам загнул... каково! Смиренный толкователь Нестора играл в банк[2] с мужем двух революций и[3] представителем Великобритании[4].

Мы сговорились ехать завтра вместе на вершину Авалы[5].

Авала[6] есть высочайшая гора в Сербии. С вершины ее[7] видны, говорят, с одной стороны Балканы, а с другой — Карпаты[8]. Мы отправились из города рано поутру. Вблизи видны еще остатки укреплений во время последней осады и множество деревянных крестов на могилах ратников, павших за свободу отечества. С дороги виден уединенный дом Любицы, жены князя Милоша, которая играла значительную роль в последних происшествиях и недавно скончалась, не достигнув целей своих желаний. На дороге никого почти не встречал: сообщения между городами и областями очень мало. Мы остановились дать отдых лошадям в бедном заезжем дворе или лучше [сказать] хижине, где несколько <?> прохожих и проезжих <...>[9] в жалких рубищах завтракали. Все они с низкими поклонами встретили Вучича, и я, осмотря внутренность даже вступил с ними в разговор об их житье-бытье[10].

НИОР РГБ. Ф. 231. Погодин/I. К. 42. № 4. Л. 3–4 об., 9–9 об.

[1] С 1842 по 1860 г. в этой должности находился Томас Г. де Фонбланк (1793–1861), который характеризуется как туркофил, чаще бывавший в Земуне, чем в Белграде. См.: *Растовић А.* Британско-српски односи 1837–1914. године // Теме. Ниш, 2012. Бр. 4. С. 1916.

[2] Вставлено над строкой: на берегу Дуная, в виду турецкой крепости, в Белграде.

[3] Далее зачеркнуто: английским консулом.

[4] На полях слабо читаемое добавление карандашом о ходе игры. Можно понять, что ставка равнялась цванцигеру (20 копейкам серебром), и это «очень забавляло Вучича».

[5] Природная достопримечательность, одинокая гора (511 м) вблизи Белграда, ставшая, как видно из этого отрывка, предметом туристического поклонения уже в середине XIX в.

[6] Далее вставлено над строкой: часах в четырех от Белграда.

[7] Вставлено: в хорошую погоду.

[8] Далее зачеркнутое предложение: Взбирались мы на нее часа <нрзб. >.

[9] Одно слово неразборчиво.

[10] На этом рукопись обрывается.

И. П. Липранди. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. Сербия

Иван Петрович Липранди (1790–1880) — личность противоречивая и легендарная. Старательно шлифовавший свою биографию, он сделал многое для того, чтобы подать себя в выгодном свете и ввести в смятение потомков[1]. Его происхождение (отец — выходец из Италии) уже само возбуждало воображение. Получив только домашнее образование, Липранди начал военную службу в 1807 г. колонновожатым в свите императора, был участником войн 1808–1809, 1812–1815 гг. Затем он занимался статистическими описанием Арденнского департамента. Его пребывание в составе оккупационного корпуса после Реставрации покрыто легендой сотрудничества со знаменитым Э. Ф. Видоком и участия в неких секретных операциях. После возвращения на родину (из-за дуэльной истории он был переведен из гвардии в армию) Липранди занимался опять же статистическим описанием на этот раз Виленской губернии, затем переведен на службу в Бессарабию. Во время кишеневской ссылки А. С. Пушкина он стал одним из ближайших товарищей поэта[2]. Тогда же начинается, очевидно, разведывательная деятельность Липранди, дававшая возможность сбора разнообразных сведений о Балканском полуострове и народах его населяющих[3].

Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Липранди создал и возглавил отряд партизан из местных волонтеров, но в 1832 г. вышел в отставку (в чине генерал-майора «с мундиром и пансионом»), то ли по состоянию здоровья, то ли из-за размолвки с начальством. В 1840 г. он вновь поступил на службу, на этот раз в министерство внутренних дел, где венцом его усилий стало разоблачение «заговора петрашевцев». Оно же означало и начало конца в карьере излишне рьяного чиновника. В начале нового царствования

[1] Историки опираются, чаще всего, на его «Записку о службе» (1860), составленную в условиях краха бюрократической карьеры явно в целях самооправдания. НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. № 57. Ее ранний вариант (в нем урезана информация об ученых занятиях), поданный начальнику III отделения 29 июля 1859 г. и хранящийся в ГА РФ, опубликован: «И вне службы он искал быть полезным» Записка о И. П. Липранди. 1859 г. / публ. М. В. Сидоровой // Исторический архив. 2003. № 1. С. 169–179; № 3. С. 166–204. Своеобразным развитием этой тактики является научно-популярная книга в редком для таких изданий жанре псевдоавтобиографии: *Телицын В. Л.* Записки умершего (Об Иване Петровиче Липранди). М., 2009.

[2] Позднейшие воспоминания Липрандио Пушкине, опиравшиеся на дневниковые записи, считаются одним из главных источников сведений по этому периоду биографии поэта. В свою очередь Липранди — один из возможных прототипов Сильвио в пушкинском «Выстреле».

[3] См. подробнее о занятиях Липранди на ниве славяноведения в заключительной статье книги, а также: *Белов М. В.* «Служебное» славяноведение в России первой половине XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–54, 62–66.

Липранди отодвигается от службы и в 1861 г. окончательно уходит в отставку[1]. С этого времени активизируется его публикационная активность, но еще большая часть написанного им осталась за рамками печати, а многое (в том числе особо ценный дневник) утрачено или же пока не найдено.

Публикуемый очерк один из 6, подготовленных для И. Ф. Паскевича перед его отбытием на пост главнокомандующего Дунайской армии в 1854 г.[2] Очевидно, он опирался на более ранние работы, прежде всего на «Историческое и топографическое описание Сербии» (1833).

январь 1854 года
(Сокращенно. Из частных записок И. П. Липранди)

Сербия со времен падения своего на Косовом поле, в 1389 году, начала быть известною своими разбоями, не ограничивавшимися одними только турками. Не раз сербские разбойники переправлялись тайно, ночью, в числе нескольких человек и на левый берег Дуная, где производили убийства и грабежи. Турки не иначе называли сербов как *гайдудами* (разбойники)[3]; австрийцы сделали из этого слова *гайдук*, а окрестные славяне, болгаре, босняки и другие — также разумели их, называя *шумадийцами*, то есть лесными, жившими в лесах, дикими, свирепыми, а греки их же называли *клефтами*, буквально разбойникам[4]. Эти-то так называемые *гайдуды*, или разбойники, постоянно расположаясь и соединяясь в шайки, к которым стали присоединяться люди подобных же наклонностей и ремесла [из] *Албании*, *Черногории*, части *Болгарии*, а также *Фессалийские греки*, положили первое основание освобождению Сербии от тяжкого ига турок.

Когда Георгий Черный вынужден был в 1804 году в селении *Тополе* поднять открытую борьбу против власти турецкой, то первыми сподвижниками его были гайдуды. Народ в начале не принимал никакого участия, и Георгий Черный, чтоб понудить его к тому, придумывал разные средства, как то, влачил за собою достаточное число турков, и приходя в селение, приказывал жителям его убивать их, а потом убитых тел куски развешивать по разным местам селения и по окрестностям оного; после сего жителям ничего другого не оставалось

[1] См. письмо шефу жандармов В. А. Долгорукову от 12 июня 1861 г. с просьбой передать прошение об отставке в военном чине на высочайшее имя. ОР РНБ. Ф. 435. № 1. Л. 1–2. К нему добавлена краткая версия «записки о службе» (Л. 3–4). Как ясно из текста письма в 1855 г. Липранди был выведен за штат министерства внутренних дел и переведен в министерство уделов, но поскольку после смерти его патрона Л. А. Перовского (1792–1856) ему не давалось никаких поручений, жалованья он уже не получал.

[2] Опубликованы два: *Липранди И. П.* Краткий очерк христианских областей Турецкой империи. Придунайские княжества. М., 1877; *Липранди И. П.* Болгария. Из записок. М., 1877. Кроме них и очерка о Сербии были составлены очерки о Боснии, Албании и Румелии.

[3] То есть лесной, от слова «гай», «хай», как в этой части Турции именуется лес. (Примеч. авт.)

[4] Из сего исключались только выходцы сербского племени из Боснии и поселившиеся большею частию на равнинах Мачвы. (Примеч. авт.)

делать, как удалив семейство и имущество, которое можно было поднять, в леса и ущелия, самим следовать за Георгием, ибо иначе они бы все подверглись неумолимой мести и неминуемому истреблению со стороны турков. Вот как был дан первый толчок сербскому народу, возбудивший его к восстанию. Будучи более четырех веков под тяжелым ярмом османлиев, народ сербский потерял прежнюю отвагу и сделался робким. Только здесь и в Морее турки позволяли себе предаваться тем наглым своевольствам, которые никак не смели делать общим правилом в других областях[1].

[1] К числу этих необыкновенных притеснений, которым турки предавались в христианских областях, принадлежит так называемый *Диш-параси* и *Диш-хаки*, который с такою силою и так обще нигде не существовал, как в *Сербии* и *Греции*, конечно, и эти две области платили им тем же, когда [христиане] могли подстеречь проезжающего турка, не подвергнув себя опасности. Необыкновенный обычай этот состоит в том, что турок, проезжая через селение, заезжает к какому-либо из зажиточнейших поселян-христиан, ел и пил сам, одинаково заставлял накормить и лошадь свою. После ночлега или только отдыха, когда хозяин подводил к нему лошадь (что обязан был сделать сам) для продолжения пути, турок говорил ему: «Заплати за то, что я ломал зубы о твой хлеб», — тогда хозяин должен был неотменно, смотря по состоянию своему, дать турку несколько денег. Эти-то деньги и называются *Диш-параси*, то есть *зубные деньги* или *деньги за зубы*. Потом всадник требовал в том же смысле и за лошадь, и эти деньги назывались *Диш-хаки*. Около половины царствования Махмуда II этот обычай начал выводиться из употребления, может быть, потому, что Сербия и Греция, более или менее приободряясь, стали противиться их варварству, а вместе с тем и турки сами стали осторожнее. В 1829 году, по заключении мира, когда я стоял в Туртукае с отрядом, чтоб наблюдать за рущукским гарнизоном, во время движения Главной Армии графа Киселева через Балканы, против Ско[др]ского паши, не признававшего заключенного в Адрианополе мира, Кара-Джианем-паша с частию армии, бывшей в Шумле, получил приказание идти в Рущук. П[р]оходя Разград, один из его Дели-башей пожелал восстановить этот обычай, редко действовавший в этих местах, и взыскал с одного болгара *Диш-параси* и *Диш-хаки*. Рущукский визирь *Кучук-Ахмед-паша*, сам родом из Разграда и имеющий там чифтлик, был тотчас об этом извещен болгарами, которые все были ему преданы за строгую справедливость, им соблюдаемую. *Кучук-Ахмед* тотчас послал к *Кара-Джианему* с требованием немедленно прислать этого Дели к нему в Рущук, прежде нежели отряд придет. Кара-Джианем отвечал, что такого *Дели* у него нет и никогда не было и что происшествие это выдумано. *Кучук-Ахмед* этим не удовлетворился: он отправил надежных людей, которые накануне вступления Кара-Джианема в Рущук успели тайно схватить помянутого *Дели* и представить в Рущук. *Кучук-Ахмед* приказал цирюльнику выдернуть ему все зубы, что было немедленно исполнено, и *Дели* в таком виде отправлен был к *Кара-Джианему*. Обстоятельство это было поводом к нескольким с обеих сторон колким письмам, вследствие Кучук-Ахмед не впустил в Рущук ни Кара-Джианема, ни его войск, которые расположились по берегам реки Лома, а начальник их, ожесточенный, без разрешения оставил свое место и уехал в Константинополь. Таково состояние управления турецкими армиями; отдельные начальники их всегда готовы поднять оружие один против другого, и войско с радостию им содействует. Несколько дней спустя я был в Рущуке и слышал от самих турков все подробности этого происшествия. (Примеч. авт.)

Этот эпизод заинтересовал В. С. Караджича, с которым Липранди познакомился в Вене. В письме от 1 октября 1851 г. Караджич просил Липранди переслать ему «Ваши записки, касающиеся новой сербской истории». Далее он пояснял: «В нашем разговоре однажды Вы рассказывали мне, как Кучук-Ахмет приказал повырывать зубы одному

Между тем рассеянные гайдуды по Сербии и по окрестным областям начали стекаться к Георгию: надежда на богатую добычу от зажиточных турков, живших по городам, местечкам, паланкам и чифтликам, прельщала их. Многие из воевод, снискавших себе славу при защите своего отечества, возведены в сие звание прямо из гайдудов[1].

Когда восстание Георгия Черного начало принимать тень образования, в особенности же когда распущена была молва[2] о скором начале войны России

из свиты Караджаман-паши за то, что тот требовал от того, как (?) его угощал, *дишь-параси*. Тогда я как-то не заметил у себя, кто такой был Кучук-Ахмет, где он жил или по крайней мере, в каком месте это случилось?» Караджич хотел поправить в этой связи предисловие к новому изданию его «Сербского словаря» (1852), уточнив значение слова «жва́калица» (ироничное: уплата за съеденное). (*Виноградов С. А., Наумов Е. П., Чеканова Г. П.* Указ. соч. С. 201.) Ранее в ходе войны Салагир-Кучук-Ахмед-паша командовал обороной турецкой крепости Джурджу (Журжу). Туртукай — турецкая крепость на берегу Дуная (Туртукан в современной Болгарии). Дели-баша (тур.) — предводитель кавалерийского отряда. Султан Махмуд II, правивший с 1808 по 1839 г., известен реформами Танзимата.

[1] *Вула-Илич, Петр-Добриниц, Станое-Главаш, Велько-Петрович*, сохранивший во всю жизнь при титуле воеводы и название гайдук, *Павел-Плакич, Кара-Маркович* (эти два последние зятья Георгия Черного) и многие другие из меньших воевод и князей, наводивших прежде ужас не только в отечестве своем, но и в Австрии, были в начале ничем иначе как разбойниками. Сам Георгий Черный не изъемлется от сего, хотя он и ограничивал себя преимущественнее турками. Тайным же наездам или набегам его в Австрию, где он прежде служил унтер-офицером в волонтерах, дают особенные причины. Но как бы то ни было, человек этот загладил все освобождением своего отечества, а потому история и не проникает далеко в эти события, чтобы определить настоящие причины этих тайных наездов на левый берег Дуная. С многими из помянутых лиц я был близко знаком во время их пребывания с 1820 по 1828 г. в Бессарабии. Овладев же властию, Георгий Черный был неумолимым преследователем разбойников; меры, которые он принимал к истреблению их, ужасны: за одного, часто, отвечало жизнию не только все его семейство, но и многие жители селения. Преемник его *Милош Обренович* действовал так же, и Сербия соделалась в этом отношении безопаснейшею страною, едва ли не из всех стран Европы. (Примеч. авт.)

В начале примеч. перечислены известные сербские воеводы: Вуле Илич (Колларац, 1775?–1834), П. Добринац (см. о нем примеч. к донесениям К. К. Родофиникина), Станое Главаш (1763–1815), Велько Петрович (Гайдук Велько, 1780–1813), зятья Карагеоргия Антоние Ристич-Плякич и Никола Карамаркович.

[2] Я должен заметить здесь обстоятельство, доселе не многим известное, и которое я имею из первых рук от лиц, бывших свидетелями оного. Народ сербский был так убит духом, так напуган турками, что, несмотря на все ужасные меры, принимаемые Георгием Черным и его воеводами, чтоб побудить оный к поголовному восстанию, но видимых плодов тому не было; начали проявляться даже предатели, передавшие туркам все, что происходило в лагерях сербов. Вдруг на рассвете в сербском лагере, в котором находилось почти все наличное ополчение, состоящее из нескольких только сот человек от каждой нахии, в ставке Георгия Черного делается тревога; он выходит с торжественным видом из своего балагана, кричит и требует всех воевод к себе, и по мере, как они, окруженные некоторыми приближенными, подходят к нему, он их обнимает, и наконец, когда все почти в одно время собрались, он выводит из балагана русского курьера с сумою и всего в грязи и говорит, что он прислан к нему с собственноручным письмом

с Портою, тогда только народ начал ободряться и решился сосредоточиваться по воеводствам для принятия мер к нападению на живших еще в Сербии турков и к сопротивлению приготовлявшимся вторгнуться в оную с разных сторон. Георгий Черный, зная массу своих соотчей, искал привлечь в Сербию как можно более волонтеров, преимущественно из разбойников окрестных стран, обещая им богатое вознаграждение. Многие, из находившихся уже при нем, отправлены были на вербовку в окрестные области. Воеводы сделали то же с своей стороны. Не много прошло времени, как отряды эти под начальством своих капитанов начали прибывать в Сербию в знатном количестве.

Скоро Георгий Черный и воеводы окружили себя несколькими тысячами таких волонтеров, состоявших из *босняков, герцеговинцев, албанцев, нагорных болгар, македонцев, фессалийских греков* и т. п. Отряды эти получили название *бекяров*, слово турецкое, означающее вдовца, холостяка, бурлака. Бекяры составляли как при верховном вожде, так и при каждом воеводе род резерва, всегда около начальственного находящегося, и вначале были единственною в Сербии конницею. Из них выбрано было по нескольку человек для составления личных конвоев главных начальников. Конвойные эти именовались *момками*, словом сербским, знаменующим телохранителей, собственную стражу, оруженосцев: в числе этих последних иногда встречались и природные сербы, соделавшиеся известными каким-либо подвигом. Этим-то бекярам Сербия собственно и обязана была всем успехам своим в первой половине славной борьбы своей с турками. Они служили точкою опоры бегущему сербскому ополчению и их грозою в понуждении силою обратиться на неприятеля; словом

от императора Александра ко всему народу сербскому, который повелевает восстать и что помощь 20 т[ысяч] русских уже в Валахии. С этим вместе вынимает из своего кармана бумагу, развертывает ее, целует и, подозвав к себе одного умеющего несколько разбирать азбуку, приказывает ему читать. Этот, взяв бумагу в руки и увидев на ней большую печать, целовал ее, каждый воевода и некоторые другие пожелали сделать то же, и когда сей разобрал большие впереди стоящие слова: по Указу Его Императорского Величества Государя императора Александра Павловича, в это самое время Георгий Черный, восторженный, вынув из-за пояса пистолеты, закричал ура, ему последовали все воеводы, за ними другие, и в одно мгновение ока весь лагерь огласился криками и выстрелами. Георгий Черный тотчас взял эту бумагу из рук читающего, который в это время повторял и прочая, и прочая, и прочая, приказал нагнуть стоявшее перед балаганом знамя и сам приколол эту бумагу к верхней части оного, дав приказание, чтоб все приходили смотреть оную. Бумага эта была ие что иное, как старая подорожная, оставшаяся у валахского пандурского капитана, когда-то ездившего в Одессу и по ней возвращавшегося до границы; курьером был назван один из прибывших ночью с воеводою Миленко Стойковичем запорожец из Молдавии, которого никто в лагере не знал. Известие это тотчас распространилось и вся Сербия беспрекословно стала под знамя Георгия. Я упомянул об этом единственно только потому, чтоб показать степень просвещения сербов того времени. И если теперь подорожная не будет иметь того самого влияния, но народ сербский по врожденному свойству своему может быть увлечен подобными обаяниями и ныне. Если обратиться только за несколько лет назад, то увидим, что Вукич употребил средство едва ли не проще, чтоб изгнать из княжения Михаила Обреновича, и множество подобного. (Примеч. авт.) Вукич — здесь: Т. Вучич-Перишич.

они были исполнительною властию главных начальников. Отважные примеры бекяров начали приучать и сербского поселянина равнодушно встречать опасности битв, а это приготовило и образовало народ ко второй половине войны. В это время стали появляться и сербские всадники, начавшие поступать в отряды так называемых бекяров, но преимущественно в момки.

Воеводы употребляли все средства к переманке от одного к другому *бекяров*. Несомненно, что капитаны этих последних мало-помалу, основываясь на ежедневных заслугах своих и разбогатев вместе с людьми своими от добычи, становились более и более свободными в обращении с воеводами; это не нравилось кичливости сих последних, но обстоятельства заставляли снисходить и терпеть. Когда дела Сербии начали принимать более благоприятный вид, в особенности когда в оную прибыл отряд русских войск, то взаимные происки воевод, с содействием некоторых капитанов из греков, обратились к гонению бекяров, из славянских племен особенно, для того чтобы лишить Георгия Черного возможности посредством этих людей угрожать воеводам, начавшим уже резко обнаруживать свои властолюбивые замыслы; наконец, тайные убийства, совершенные над некоторыми из известных бекяров и их капитанов, были поводом, что они почти все оставили Сербию: часть перешла к туркам, преимущественно босняки и албанцы, другие в Валахию, где присоединились к пандурам, служившим в нашем войске; но большая часть, нажившись, возвратилась в свое отечество. Только часть греческих капитанов осталась в Сербии, ибо хитрые свойства этих людей обеспечивали их в кругу сербских воевод. Таким образом, по оставлении русскими Сербии[1], Георгий Черный не имел уже достаточного числа бекяров, чтоб обуздывать козни воевод, соперничествовавших один перед другим в присвоении себе верховной власти, и потому потерял силу свою. Но и сами воеводы, а вместе с ними и весь народ сербский при первых встречах с турками без русских и бекяров почувствовал бессилие свое, и все начали упадать духом, несмотря на то, что имели уже и систематическое управление и были более образованы, а войско и народ получили необходимую к войне опытность, в средствах и оружии не имели недостатка, тогда как прежде Сербия, лишенная всех этих выгод, при помощи одних бекяров, противостояла несравненно многочисленнейшим турецким армиям. Воевода *Младен* [Милованович] и знаменитый *Велько Петрович* одни только сохранили бекяров своих, которым всегда отдавали преимущество[2]. Причины побега Георгия Черного

[1] Сами русские были поставляемы кознями и безотчетным тщеславием некоторых воевод в самое затруднительное положение и опасность быть внезапно оставленными сербами в пылу битвы или неисполнением в точности предложенного движения. Успели даже расположить и самого Георгия Черного в некоторых отношениях так, что он последнее время смотрел с недоверчивостию на отряд русских, прибывших на их освобождение. (Примеч. авт.)

[2] Этот последний болгарский серб с бекярами своими держался до последней минуты Сербии, когда уже весь край покорился туркам, то он еще сражался и, оказывая чудеса храбрости, пал от ядра в *Неготине*. О брате его *Милько Петровиче*, убитом у меня в отряде, упомянуто в добавлении к главе IV. *Младен*, один из отличнейших воевод Сербии,

доселе покрыты мраком неизвестности, для официальности довольствуются выдуманным к тому предлогом, сказками и не хотят проникнуть в истинную сущность этого события. Здесь нет места говорить об этом подробно, но замечу только, что вообще все сербы относят это к митрополиту своему *Леонтию*[1] *и покойному Родофиникину*, которые оба были из греков; эта мысль ничем не изгладится из убеждения современников-сербов и перейдет в потомство. Но к объяснению этого обвинения должно взять вековую ненависть, которую не только сербы, но и все славянские племена питают к фанариотам (о чем скажется особенно), каковыми были оба упомянутых лица. Главною и истинною причиною падения Сербии и побега Георгия Черного должно отнести к удалению бекяров, чрез то дикий герой, независимо [от] преимущества в битвах, лишился и главнейшего орудия для исполнения своей железной воли и укрощения интриг воевод, искавших уже избавиться от его неумолимой строгости и взыскательности, а потому начали каждый склонять народ на свою сторону, до чего в Сербии легко достигают. Наконец, он не мог пресечь ораторств, вкравшихся в действия белградского сената, в котором имели неосторожность посадить несколько сербов, родившихся и образовавшихся в Австрии. В то время противоположность тех и других в нравах, мнениях, образованности, в личной отваге и прочем была очень резка[2]. Георгий Черный был один из отважнейших людей своего времени, в духе народа дикого и необразованного; никакое предприятие, где дело шло об опасности собственной жизни или отнятия оной у кого бы то ни было, не могло ни на минуту остановить [его]. Он был чужд тем путям, которыми обладал его преемник, а потому и потерял голову, к чему содействовали...[3] Но едва Георгий Черный оставил Сербию, как самонадеянность воевод исчезла, хитрость и коварство превратились в малодушие, все потеряли головы, отличительная черта сербов быть: при счастии надменными, а при несчастии унылыми. Постыдная трусость овладела всеми: войско бросило лагери,

в последствии принимал участие в войне этеристов в Валахии и Молдавии и потом, возвратясь в Сербию, был предательски умершвлен по повелению Милоша *Обреновича*, опасавшегося его влияния. Между тем *Младену* и нескольким бекярам *Милош* обязан всем своим торжеством. Я лично был близко знаком с Младеном. (Примеч. авт.)

Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. М. Петрович командовал отрядом сербских волонтеров. См. о нем: *Кудрявцева Е. П.* Россия и становление... С. 60–61.

[1] Я жил впоследствии несколько лет в Кишиневе, где находился митрополит Леонтий, с которым я был коротко знаком, а равно и с д[ействительным] с[татским] с[оветником] *Недобою*, бывшим в Сербии при *Родофиникине*. В Кишиневе же и его окрестностях находились и все сербские воеводы вместе с многими другими выходцами. Занимаясь уже и тогда собранием сведений об областях турецких, я имел все средства получать оные из первых рук, сравнивать и очищать, а наконец впоследствии и поверить оные на местах собственным наблюдением. (Примеч. авт.)

[2] Иная оценка дана в сочинении 1833 г. Удаление австрийских сербов из сената — первая причина падения Сербии в 1813 г. «В настоящем смысле они были лучшими патриотами, чем самые даже туземцы, ибо оставляя семейство и имущества свои в Австрии, привлечены были только из благородного побуждения». НИОР РГБ. Ф. 205. № 679. Ч. 1. (Ф. 203. П. 223. № 1). Л. 38 об.–39.

[3] Пропуск в тексте.

находящиеся на всем пространстве Сербии, и пушки, разбежалось; воеводы и другие начальники, накануне мечтавшие заступить место Георгия Черного, стремглав кинулись спасаться в Австрию. Один Милош Обренович не последовал за товарищами своими в карантин. При нем остались только два всадника, с которыми он пробирался лесами к своему жилищу. На пути этом по Шумадии присоединились к нему несколько человек бекяров, бывших у воеводы Младена и пробиравшихся к Албании. С помощию их он нашел возможность собрать еще рассеянных их товарищей. Тогда, образовав из этих славянских бекяров отряд, он занял *Ужицу* и продвинул часть народа к ополчению. Турки, желая окончить эту долголетнюю борьбу, вошли с ним в переговоры, обещая утвердить его верховным вождем, если он укротит сербов. Милош принял предложение, получил вспомогательный отряд турков, присоединившихся к его бекярам и сербам, принявшим его сторону, и отправился воевать на сербов, которые не хотели еще покориться туркам единственно из страха. Милош успел в этом и впоследствии сделался князем сербским; таковы характер и свойства сербов.

Относительно свойств и характера сербов, то в общих чертах можно сказать, что у них сохранилась в некоторой степени чистота нравов в семейной жизни, часто непритворная дружба, относительно *побратимства* или *братства*, почитаемого многими столь же священным союзом, как и кровное родство. Обычай меняться крестами в знак вечной дружбы и братства, встречаемый в многих местах и в России, между ними есть коренное господствующее обыкновение. Почтение к старейшим; уважение и общая покорность семейства главе дома, по восстановлению Сербии, уже становится более наружным, чем искренним, как это до сих пор сохранилось у черногорцев, нагорных болгар и албанцев. Серб вообще гостеприимен, потому что любит разгульную жизнь, бесчисленное множество обрядов: при рождении, при крестинах, сватовстве, сговоре, при свадьбах, похоронах, поминках, именинах, наконец, множество праздников, с которыми соединены особенные пиры — *коледы, бадни-дни*[1] и т. п., из коих многие дышат еще язычеством, всегда сопровождаемы бывают излишним употреблением горячих напитков. Это составляет одну из главных их вообще слабостей. В них страсть к упоению не имеет меры и можно подумать, что они изыскивают случай и повод под каким бы то ни было предлогом удовлетворить ее. Сербский поселянин вообще прогуливает все, что выручает. Веселый и беспечный характер серба оказывается во всей наготе в множестве пословиц, поговорок и песен, выхваляющих вино и беззаботную жизнь. В таких попойках серб бурлив и часто вздорлив, отчего порождается вражда, которая никогда уже не изглаживается: он злопамятен, алчность к приобретению добычи не трудами, а подвигами начали изглаживаться у сербов. Времена разбоев и войн прекратились, но поле ухищрений у них дома. У сербов вообще до 1804 года не было известным различие сословий и рода по происхождению: храбрейший и более хитрый почитался благороднейшим.

[1] Сочельник (серб.).

С тех пор гражданская иерархия[1] начала проглядывать и в этой стране, но нужно еще несколько поколений, чтоб она утвердилась. Прежде серб оставлял свое отечество и отправлялся на заработки с своим ружьем, пистолетами и саблею. Отважнейшие охотнее становились под чужие знамена, избегая забот хозяйственных, предпочитая службу в страже господарей *Валахии* и *Молдавии*, где народ был им по силам. Редко, подобно единоплеменным себе, служили они у пашей, как равно и в Морее, во время греческого возмущения, но этерия в Молдавии и Валахии была ими наполнена, равно и ополчение Тодора Владимиреска[2]. Здесь уже не ненависть к грекам, которую они разделяют со всеми славянскими племенами, в Турции живущими, удерживала их от службы в Морее, а чистый расчет избрать страну, где опасности меньше, а выгод приобретения более. Условия эти ныне изменились, и серб не имеет уже возможности с прежними преимуществами прибегать к оным. Из числа удаляющихся из отечества для наук очень мало таких, которые стараются приобресть познания и знакомиться с науками[3]. Впрочем, врожденное самолюбие всех вообще сербов ставит их в собственном мнении выше всех других: нет серба, который бы

[1] В Сербии наследственных должностей не было, подобно как это было и поныне есть в Боснии и других областях, где многие фамилии возведены в разных наследственных достоинствах *бератами* султана. В Сербии же был один только пример этому в фамилии *Карапанджичей*, властвовавших во время турков в *Крайне Неготинской*. (Примеч. авт.)

Действительно, семья Карапанджичей, по крайней мере, с середины XVIII в. на основании султанского берата закрепила за собой привилегированное положение обер-кнезов в Крайне и Ключиче. Их полномочия были сильно сужены Пазванд-оглу в 1805 г., что привело представителей семейства в ряды сербских повстанцев.

[2] Этеристы — здесь: участники Греческой революции 1820-х гг. (по названию тайного общества «Филики Этерия» — «Общество друзей»). Тудор Владимиреску (1780–1821) — предводитель Валашского восстания 1821 г.

[3] Должно заметить, что серб, оставивший на несколько лет отечество свое, скоро изменяет лучшие качества свои на пороки и недостатки образованных обществ, так что довольно долго пробывшего в чужих землях серба легко можно узнать по разговорам более притворным, выражениям простодушия и лицемерной откровенности. Сербы, которых мы встречаем в России с образованием и некоторыми познаниями, преимущественно подданные Австрии, живущие в *Банате*, *Среме* и *Бачке*, где существуют и высшие училища на их языке. Эти-то последние начали наводнять Сербию при конце владычества Георгия Черного, который напоследок выгнал их из управления в Белграде, но это было уже поздно, они приготовили его падение. Впоследствии они были и у Милоша, но не в большом числе, а по заключению Адрианопольского мира он окружил себя ими вполне, под предлогом, что в своей стране он не мог найти людей с европейскими сведениями, а эти в свою очередь были главными виновниками изгнания его, а потом вступившего на княжение и сына его Михаила. Происшествия эти слишком известны. Таковы всегда последствия преждевременного и насильно вводимого просвещения в народе, не готовом еще к принятию оного. Греция при Каподистрии, придунайские княжества после Адрианопольского мира и т. п. служат доказательством сему. (Примеч. авт.)

Иоанн Каподистрия (1776–1831), достигший российского дипломатического олимпа при Александре I, в 1827 г был избран главой первого правительства независимой Греции и был убит противниками спустя несколько лет пребывания у власти. О ситуации в Дунайских княжествах см.: *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. 20–30-е гг. XIX века. М., 1966.

не почитал себя не только достойным, но и вмещающим в себя все, что нужно для занятия высших должностей в стране своей, не исключая звания верховного вождя; нет средств, которые остановили бы его стремление, чтоб достигнуть желаемого. Это тщеславие обладает всеми сербами до неимоверной степени; каждый из них думает возвыситься. Волох и молдаван, например, смотрят и поныне еще на первоклассных бояр своих как на существа не одинаковые с ними. Между тем каждый серб считает себя выше всех вождей своих по происками, в его мнении, занимающим степени, до которых и он мог бы достигнуть. В Сербии добиваются попасть в деревенские головы, а в Придунайских княжествах, напротив, употребляются все средства, чтоб отделаться от этого почетного звания. Это постоянное направление к достижению высших степеней делает сербов беспокойными и всегда готовыми роптать. Серб ничем не удовлетворяется, до какой бы степени ни возвысился и каким бы состоянием ни обладал; каждый полагает себя достойным большего. По такому выгодному о себе мнению они никак не допускают сознания в ком бы то ни было преимущества над собою, и серб, едва разбирающий по складам чети-минеи или псалтырь, почитает себя ученейшим, поэтом, администратором, математиком, политиком, дипломатом[1]; словом в этих отношениях нравы их [и] родовитых наших малороссиян сходны между собою. Серб столь же надменен к единоплеменникам своим, коими Сербия окружена, как малороссиянин относится к русским. Ученый же серб личиною простодушия своего способен уловить в сети ученого европейского политика и всякого, кто не знает этих свойств и нрава. Одолжить серба, чем бы то ни было, значит приобресть себе в нем врага, ибо надменность его не допускает в нем мысли, чтоб кто-либо мог ему помочь, в особенности же, если это известно посторонним, тогда употребляет все, чтоб доказать противное.

До 1812 года Сербия не знала и не признавала другого влияния кроме России, главы, краеугольного камня всех славянских племен мира. До этой эпохи

[1] В 1826 году я был с князем [М. С.] Воронцовым в С.-Петербурге. Здесь князь получил официальное прошение от одного серба, коллежского асессора С..., который был из числа удалившихся с Георгием Черным, получал подобно всем другим пенсию; князь, чтоб дать ему возможность существовать безбеднее с семейством, определил его к месту в Бессарабии, которое не требовало больших способностей. Иногда он употреблялся также для перевода поступающих на сербском языке бумаг. Все это вместе подняло его в собственном мнении до того, что он в этом прошении, излагая все свои, как бы государственные занятия, просил князя воспользоваться восшествием императора на престол, исходатайствовать ему, по примеру прежних лет, чин статского советника и для украшения оного орденом Св. Анны 2 ст[епени] с алм[азными] украшениями, а равно для оплаты долгов 10 т[ысяч] рублей асс[игнациями], что все по совести ему следует. Князь положил собственноручную резолюцию: «Узнать о здоровье г-на С...», отправил оную к директору [его] канцелярии, ныне тайному советнику [А. И.] Казначееву. (Примеч. авт.)

Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) находился в должности новороссийского генерал губернатора и полномочного наместника Бессарабии с 1823 по 1844 г. В начале этого периода деятельности Воронцова Александр Иванович Казначеев (1788–1880) был управляющим его канцелярии; затем — градоначальник и губернатор в ряде южных административных единиц Российской империи.

Сербия не имела у себя ни в храмах церковных книг, ни у тех, которые умели читать[1], других книг как из России, посредством валахских генеральных консулов им доставляемых, не только по умеренной цене, но часто и в дар посылаемых тогдашним управлением иностранными делами и канцлерами нашими. 1812 год был тяжкий для России, она должна была прекратить войну с турками, не довершив начатого относительно к Сербии. Но не менее того, хотя с отсутствием Георгия Черного большая часть воевод и бежала также в Австрию, но все они приехали в Россию[2] и были ею приняты и, пользуясь вспомоществованиями, проживали до Аккерманского конгресса. В изменениях, которые происходили в Сербии в эти 14 лет, многие из австрийских сербов успели вступить в службу в Сербию, которая действительно нуждалась в людях грамотных, тогда как и князь, и все те туземные воеводы, которые были главными участниками восстания, были вовсе безграмотные. Но эта неизбежная, конечно, мера была поводом тому, что в Сербии нечувствительно образовалась австрийская партия и тем как бы разъединила общую преданность к России. Многие события после 1829 года доказывают это. С другой стороны, усилия пограничной Сербии Австрии приобретать влияние над соседственными славянскими племенами Турции не дремало и изыскивало все к тому случаи[3]. Достаточно указать здесь

[1] Малая часть читающих в Сербии ограничивалась почти одними монастырями, в которых почти в каждом, независимо церковных книг, печатавшихся у нас, была история славянских народов Мавроурбина, переведенная на славянское наречие и напечатанная у нас еще при императоре Петре Великом. Равномерно перепечатанная история Раича при императрице Екатерине II и т. п. (Примеч. авт.)

Книга Мавро Орбини (1550–1614) «Славянское царство» (1601) была в сокращении переведена на русский по повелению Петра I и издана в России в 1722 г. О Й. Раиче см. примеч. к письмам А. И. Тургенева.

[2] В Россию переселилась около 1000 человек. Об их судьбе см.: *Морозов П. С.* Кара-Георгий и сербские эмигранты в России. 1814–1830 // Исторические материалы из Архива министерства государственных имуществ. I. СПб., 1891. С. 108–136.

[3] Вот один из множества, где я был свидетелем ловкости и находчивости австрийских агентов, находясь в 1827 году в Яссах, по выезде уже посланников из Константинополя. Несколько сербов возвращались тогда из Бессарабии, на основании Аккерманского договора, в свое отечество. Прибыв в Молдавию, недоброжелатели России распустили слух, будто бы я вызываю их из Бессарабии с целию образовать из них отряд и тайно напасть на находящихся в Яссах турков и господаря [Иону Струдзу]. Этот последний, под влиянием людей неблагомыслящих, при собственной ограниченности преклонил к тому слух, несмотря на то, что значительные турки, с которыми я уже тогда успел сблизиться, вовсе не разделяли этого мнения и смеялись над ним. Князь однако же отдал приказание всех, находящихся в Яссах и на пути из оных к своему отечеству вдруг ночью арестовать (один из сербов, защищаясь, убил и ранил четырех человек). Арестованные сербы, несмотря на звания свои, были все заключены в острог, некоторые были привезены из окрестностей скованными. Консул наш Лел[л]и (грек) оставался равнодушным потому, как он мне говорил, что посланников нет в Константинополе, и что он получил приказание почитать свое пребывание в Яссах только терпимым (toleré). Видя эту необъяснимую бесхарактерность, я решился ехать сам к князю, у которого еще не был под предлогом болезни, для излечения которой я будто бы приехал в Яссы, а главное, что я заметил, что консул наш затруднялся в тогдашних

на события прошлого 1853 года, потрясшие коренное, в продолжение нескольких веков правило сербов не допускать у себя никакого другого христианского исповедания, кроме православного. Сербия устояла в средние веки против всех усилий и происков пап, успевших в соседственной Сербии Боснии ввести католицизм. Сербия с тех пор строго держалась этого, даже ни один из ее подданных не мог быть иначе как православным; даже самый грек до 1812 года, ни католик, ни лютеранин, ни армянин не могли иметь оседлости в оной и редко, даже по торговым делам, могли безопасно являться в оную на самое короткое время — ныне допущены там католические храмы! События, ясно доказывающие религиозную пропаганду...[1]

Ныне Сербия не та, что была в 1804–1812 годах; Адрианопольский мир возвел ее на степень благосостояния, которой соседние турецкие области должны бы завидовать. Но можно не полагаться на Сербию в случае каких-либо событий, это вопрос весьма важный, который не иначе может быть решен как на основании политического ее значения относительно к соседственным турецким областям, ее физического ныне положения и наконец свойства, характера и способности ее населения. В первом случае достаточно заметить, что сербы ненавидимы всеми смежными племенами: *босняками*, *албанцами* и преимущественно *болгарами*. В втором, что Сербия лишилась ныне всех тех преимуществ, которыми она обладала в 1804–1813 годах, для своей оборонительной войны, ибо тогда она была страною дикою, запущенною, в которой трудные только тропинки проникали с соседственных областей и таковые же перерезывали ее. Первое, что Георгий Черный предпринял, было то, что он испортил еще более все эти тропинки, прорытием оврагов, завалами и т. п., что тогда легко было привести в исполнение по состоянию этих сообщений. Один только путь, служивший только во время континентальной системы торговым сообщением, это был путь из Белграда, чрез Киуприю[1] и Алексинац в Ниш, а оттуда далее в Константинополь. Но и этот путь был очень далек от той исправности, которую европейцы имеют в соображении, когда говорится — главный торговый путь. Дорога эта, как и все в Турции, была удобна только для перехода верблюдов и лошаков, для колес же представляла на каждом шагу различные препятствия, независимо от условий местности, по которой она пролегала. Георгий Черный не оставил ни одного места на всем протяжении этой дороги от Белграда до Алексинца, чтоб не усилить еще более встречающиеся трудности, в тесных проходах, в лесах, на переправах и т. п., воздвигнув укрепления там, где это требовалось, и возведя близ оной знаменитые событиями укрепления Дели-Града[2]. Но теперь все изменилось, пути через границы очищены, внутренние устроены, тесные места расширены, крутизны срыты, мосты построены и т. п., что не представляет уже прежнего удобства к оборонительной войне; словом, Сербия настоящего времени в этом отношении совсем не то, что была в то время.

Относительно военных способностей настоящих сербов нельзя ничего сказать в их пользу удовлетворительного. Со времени окончательного покорения турками они оставались под тяжким ярмом магометанства. В продолжение этого времени, около четырех с половиною веков, им не представлялось случая упражняться оружием, кроме как только отважнейшие из них занимались, как замечено выше, разбоями, а иногда искали в Молдавии и Валахии смут, но масса народа оставалась спокойною, терпеливо переносила иго, и эта самая покорность, с одной стороны, а разбои, с другой, с взаимными предательствами были единственною причиною, что турки налегали на них более, нежели на всякую другую область, соседственную Сербии. Масса народа сделалась вовсе не способною к какому-либо дружному сопротивлению: взаимная недоверчивость друг к другу, опасение предательств и тому подобное сковало и умы и способности сербского народа. Выше изложены были средства, которые употреблял Георгий Черный, чтоб ввести народ в борьбу с турками; он должен был

обстоятельствах представить князю полковника генерального штаба. Мне не хотелось однако же ехать одному, французский консул Лаго, который был в одинаковом же положении, что и наш, вызвался ехать со мною, но мне хотелось взять с собою и одного турка, а потому я предложил это браиловскому аяну Осман-Аге, с которым я сошелся ближе, и он охотно принял это предложение. В тот же вечер мы втроем отправились к князю. Появление мое к нему с помянутыми лицами, видимо, его смутило; он как предчувствовал, что через три месяца после, в этой же самой комнате он будет мною арестован и остановлен от побега, для чего уже карета его находилась у подъезда. После обычных комплиментов, и не желая, чтоб находящиеся у него бояре и другие вышли, я его спросил: верит ли он молве, которая говорит, что я вызываю сербов из Бессарабии, чтоб формировать тайно отряд, и неужели он думает, что для России нужно прибегать к подобным средствам и т. п. Он не знал, что отвечать, наконец, объявил, что не верит всем слухам, которые распущены; но что относительно арестования сербов он имеет уважительные причины и освободить их никак не может, до получения разрешения из Константинополя, куда он эту же ночь отправляет донесение. Лаго, как дипломат не принимал участия в этом разговоре, но Осман-Ага взял мою сторону, впрочем, и он не успел убедить господаря. Мы уехали и провели ночь у *Тегели-Диван-Ефенди*, который также смеялся, присовокупив, что князь врет, что никакого курьера сегодняшнюю ночь, ни завтра, ни послезавтра не отправляется. На другой день австрийский консул Лиман, испросив предварительно аудиенцию у князя, был им принят в Диване и успел освободить арестованных сербов! Больно было видеть это событие. Многие из знакомых мне, которые по освобождении своем все вместе ходили в австрийский консулат благодарить оный, зашли ко мне и рассказывали приветствие им консула. Но больнее еще было узнать после, что вся эта проделка от начала до конца была устроена Лиманом — цель сему видима. В то же время со всеми подробностями обстоятельство это было донесено мною по принадлежности. (Примеч. авт.)

[1] См. Болгария. Заключение: религиозное и политическое влияние. (Примеч. авт.)

[1] То есть Чуприю.

[2] Этим построением и многим другим распоряжением Георгий Черный обязан был австрийскому сербу, капитану Радичу, в роте которого он служил в волонтерах во время австрийских войн. Радич был хороший инженер, и находясь в отставке в 1805 г., когда уже Георгий Черный уравновесил борьбу с турками, то пригласил Радича в Сербию; этот, будучи в дружеских отношениях с Георгием, согласился и прибыл в оную. Ему более всех обязаны овладением Белграда. (Примеч. авт.)

Радич Петрович (1738?–1816) — воевода Первого сербского восстания, затем судья в белградском магистрате.

с помощию бекяров насильственно заставлять селения предавать мучительной смерти приводимых им с собою турок и так, сделав жителей преступниками в глазах своих повелителей, искать уже спасения от неминуемой за то смерти, зная, что, раз взявшись за оружие, они не должны надеяться на пощаду. Таковы были чувства народа сербского относительно патриотизма. Девятилетняя борьба с турками несколько приучила народ к битвам. Но с того времени до сих пор, исключая внутренних иногда столкновений, они не вели войны с внешним врагом, а потому опять отвыкли от оружия, а предались вполне влечению тщеславия на поприще ухищрений.

Главная общая военно-характеристическая черта сербов заключаетсяв том, что они смелостию предприятий своих, при отдаленной личной опасности, изумят каждого[1], но близость опасности, особенно в местах открытых, имеет сильное влияние на их мужество, и часто действует на них паническим страхом, только мужество вождей и знание свойств своего народа и турков могли в подобных случаях изыскивать средства, возбуждающие снова дух, или предупреждающие совершенно разбитие войска: этими средствами часто и пользовались успешно верховные вожди и некоторые из воевод, обращая самое бегство рати своей, при невежестве турков, в свою пользу. Окруженные всегда значительными отрядами бекяров и момков, они посредством их скоро успевали собирать рассеявшихся.

Сербы мало способны к действию на лошади и при артиллерии, вообще же они бодры, приобычливы к трудам, но для этого непременно баклажки их должны быть полны; вместе с тем необходима еще и хорошая погода. С этими двумя условиями и с поддержкою иноземных войск, являются у них действительно люди отважные. Суеверие и предрассудки, коих у сербов бесчисленное множество и в тихом домашнем быту; в военное же время, при близкой ежеминутной возможности встретить смерть, — эти обаяния рассудка развиваются у них в неимоверной степени, которому [sic!] ни один из окружающих их народов, кроме турков, не подчинены в таких размерах. Это содействует тому, что они легко поражаются паническим страхом.

Сербы легковерны на обещания и рассевание несогласия, способны предаваться ропоту, легко сманиваются от одного начальника к другому. Сохранение дисциплины между сербами — предмет весьма трудный и нередко вынудит прибегать к сильным мерам, чтоб обуздать иногда и самые дерзости простых воинов; наказание в этом случае должно следовать тотчас за виною и преимущественно из собственных рук пистолетом, саблей, чем попало; тогда имеет более могущественное влияние на толпу, среди которой дерзкий находится;

[1] Я это испытал сам в 1829 г. Около 120 сербов, и еще все бывалых в опасностях битв и разбоях, находясь в отряде волонтеров, [если] случилось какое-либо предприятие, то никто смелее не предлагал оного, а когда дело доходило уже до схватки, тогда албанцы, но преимущественнее болгаре, всегда молчаливые и совершенно чуждые радоманства сербов, платили собою. Конечно, проявлялись и из сербов люди вовсе бесстрашные, но и то более из сербских болгар, сохранивших еще черты своей природной отваги. (Примеч. авт.) Радоманство — здесь: веселость.

я имел случай испытать это в 1829 году в Туртукае, где после смерти князя Милки Петровича партия его хотела меня испытать[1]; малейшая оказанная слабость со стороны начальника их повлечет неисчислимые последствия: сербы вообще легко подстрекаются. Война Георгия Черного, а особенно Милоша Обреновича представляет убедительные тому доказательства. В беде предаются унынию, но в счастии надменны. Честолюбие и зависть многих из них вели часто их отчизну на погибель. Для личной пользы и для наслаждения, хоть минутной мечтой власти, приносилась не раз в жертву общая польза. Приобретение власти путями происков, обольщений, соблазнов и обещаний на кротость управления не смиряло однако же честолюбцев, добивающихся до нее, напротив, жестокость их доходила до зверства, что некоторым образом и доказывает необходимость подобных мер для управления сербами. События 1804-го и последующих годов их войны представляют много примеров. Эти действия являют разительную противоположность с домашнею жизнию сербов, особенно поселян, более мирных, чем воинственных, не участвовавших в первоначальных замыслах поглаварей своих.

В заключение скажу, что сербы вообще могут сражаться хорошо, но для них необходимо побудительная сила иноземных[2], которые бы участвовали с ними, как например русские в продолжение своего пребывания в Сербии или бекяры той эпохи. Сами же по себе они не долго будут сопротивляться даже в лесах и в таком случае, когда будут уверены, что отступление не может быть им отрезано; и это я разумею только для обороны своего края; для войны же наступательной они вовсе не годятся, и даже вредно было бы для каждой иноземной армии иметь их с собою потому, что появление их между болгарами ожесточило бы сих последних[3]. Каждый серб любит рассуждать и хулить распоряжение не им сделанное, отчего дисциплина между ними не иначе может быть установлена, как теми же мерами, которые предпринимал в начале Георгий Черный

[1] Во время пребывания моего с отрядом волонтеров при Туртукае я часто слышал в партии князя Милки ужасные стенания наказываемых им волонтеров, составленных из чистых сербов. Не желая вмешиваться во внутренние распоряжения, мне однако же не хотелось быть столь частым свидетелем истязаний. Я дал издалека ему заметить, раз у меня за обедом, что он очень жесток. Он очень спокойно отвечал мне, что «если с сербами поступать иначе, то к вечеру каждый из них возмечтает быть капитаном (начальником), тем более что у них теперь много вина, водки и барашков, и что он сам серб и знает лучше других свойства своих соотечественников» и т. д. Чрез два дня он был убит на поиске и по всему вероятию одним из своих; а на третий день я убедился, что он сказал правду. В прибавлении к IV главе об этом упомянуто. (Примеч. авт.) Речь идет, очевидно, об очерке «Албания», который значится в рукописи под номером 4. См.: НИОР РГБ. Ф. 205. № 669. (Ф. 203. П. 224. № 6).

[2] В настоящем положении благосостояния в Сербии 50-тысячная армия не встретит затруднения в продовольствии и других предметах первой необходимости, это не то, что было в войну 1806 и 1812 гг. Но с какою опасностию сопряжено теперь отправление туда вспомогательного отряда и в особенности еще малочисленного? Там отряд иноземных войск должен быть численности самостоятельной и уважительной. (Примеч. авт.)

[3] Упоминая о Болгарии, я замечу это. (Примеч. авт.)

и которым следовали все имевшие успех над неприятелем. Ненавидимые всеми окружающими их поселениями, сербам трудно будет бороться, если даже только одна Босния ополчится против них. Босния включает лучшие войска всей Оттоманской империи, они многочисленнее сербских, так как и народонаселением, не отвыкали и на год от оружия. Если же с сим вместе с другой оконечности будут угрожать Сербии турки, которые по Адрианопольскому трактату должны были оставить ее и преимущественно поселиться в Видинском пашалыке, тогда для Сербии настанет бедовая година, которая еще более затруднит ее, если и албанцы из окрестностей *Новобазара*[1] вздумают проникнуть чрез южную ее границу. В таком положении ей нельзя и помышлять об отражении.

В настоящее время нет в Сербии ни *Георгия Черного* с его могущественным влиянием, ни *Вуле Илича*, ни *Младена*, ни *Велько Петровича*, ни *Вучича*, ни *Петра Добрынца*, ни *Станое Главаша*, ни *Павла Плакича*, ни *Кара Марковича*, ни множества других меньших воевод и поглаварей, которые состязались с турками с помощию *бекяров* и потом русских войск. Тогда Георгий в первые два года восстания успел захватить одно после другого все укрепления, худо снабженные и с ничтожными гарнизонами: одними овладел открытою силою, другими — помощию предательств, а многие меньшие были заняты по капитуляции или оставлены самими турками, и таким образом все эти крепкие места перешли в руки сербов, вместе с Белградом. Эти места, разбросанные на всем пространстве Сербии, представляли сербам важное преимущество в том, что они могли на них стягиваться, а в случае нужды отступить и там сосредоточивать снаряды и запасы, ныне же все изменилось: у сербов ныне нет уже воинственных бекяров, нет опытных вождей; народ вовсе отвык от оружия, сообщения с пограничными областями очищены, внутренние пути улучшены, и Сербия не представляет, как прежде, сплошной дефилеи на всем ее пространстве, к довершению же всего у них нет ни одного укрепленного места, между тем как турки вместе с Белградом владеют еще и многими другими. В таком положении, повторяю, Сербия не может и помышлять оказывать какую-либо защиту, если только предпримут что-либо серьезное против нее. Следует заметить еще и то, что в Сербии успели уже засеять семена пропаганды, что немало будет содействовать к ее бедствиям.

В описанных выше областях: Придунайских княжествах и Сербии, по силе Адрианопольского мира, турки потеряли право селиться в оных. Я вошел в некоторые подробности при описании этих областей потому, что они при настоящих обстоятельствах обращают на себя внимание и для нас весьма важны. Вслед за сим буду говорить об областях, в которых между туземными христианами поселены и магометане.

НИОР РГБ. Ф. 203. П. 224. № 4[2]

[1] Нови Пазар (современная Сербия).

[2] Другой шифр той же рукописи в опубликованном еще до революции каталоге: *Соколов Е.И.* Библиотека ОИДР. Вып. 2. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. включительно. М., 1905. Ф. 205. № 672.

Н.Д. Ступин. Записки

Николай Дмитриевич Ступин (?–1866) с конца 40-х и до 1861 г. исполнял должность генерального консула в Адрианополе; затем — в Тавризе (Персия). Участвовал в качестве секретаря Е. П. Ковалевского во время его поездки в Черногорию в 1853–1854 гг.[1] Сохранился замечательный портрет Ступина в воспоминаниях К. Н. Леонтева, который занял пост адрианопольского консула в 1864-м: «Когда я приехал в Адрианополь, везде были еще видны следы Ступина; всем были памятны и дороги рассказы и анекдоты про его выходки, про смелость, ум и влияние. Никогда не оскорбляя грубо греков и тем более высшее духовенство их, он поддерживал болгарские требования в разумных и умеренных пределах, поддерживал болгарские школы, хлопотал о славянском богослужении в некоторых церквах. <...> И туркам, и христианам Фракии нравилась простота общения, доступность Ступина и, вместе с тем, нравилась и та несколько воинственная важность и пышность, которую он умел придать всеми этими турецкими кавасами и полурусскими вооруженными охотниками *в два ряда*, с которыми он делал визиты»[2]. Иными словами, Ступин сочетал роль «человека Востока» с русской широтой души. Его решительные действия в защиту болгар послужили поводом для наступления недоброжелателей. Посланник в Константинополе князь А. Б. Лобанов-Ростовцев назначил ревизию, Ступин был вызван в Петербург. Однако здесь он был оправдан. «Рассказывали с гордостью, будто бы сам князь Горчаков по поводу обвинений, взводимых на Ступина, выразился так: “Я никогда не поверю, чтобы русский консул делал все то, в чем его обвиняют. Все это клевета!” При этом с тонкою таинственностью во взгляде восточные люди прибавляли одобрительно: “*Не хочет дядя* Горчаков верить!”»[3] Назначение Ступина в Тавриз Леонтьев считал повышением в карьере, упоминал он и о пожаловании ему земли «...в одной из отдаленных губерний наших (в аренду или в собственность — не знаю)».

Публикуемые записки относятся ко времени Крымской войны, когда неудачи в привлечении славянского населения Балканского полуострова (в данном случае: болгар) к борьбе против Османской империи стимулировали аналитическую работу[4]. Копии записок Ступина были переданы Е. П. Ковалевскому.

[1] Путевые записки Ступина, относящиеся к этой поездки и отложившиеся в фонде Ковалевского в ОР РНБ, опубликованы: Црногорско-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. № 35а. С. 273–283.

[2] *Леонтьев К.Н.* Мои воспоминания о Фракии // Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 6. Кн. 1. С. 182–183. В другом месте: «Ступин был человек не богатый, семейный, довольно грубый, пожалуй, и даже видом своим походил гораздо менее на дипломата, чем на храброго и сурового армейского полковника» (с. 177).

[3] Там же. С. 179. Примеч.; Т. 6. Кн. 2. С. 370; *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. СПб., 1906. С. 5–6.

[4] О расчетах правительства Николая I на всебалканское восстание в начале Крымской войны см.: *Никитин С.А.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // ВИ. 1946. № 4. С. 3–29; *Он же.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 110–145.

Записка о восточной части Европейской Турции, более или менее занятой славянскими племенами: булгарами
В. П. Титову и Н. И. Любимову[1], 23 ноября 1853 г. Санкт-Петербург

<...>[2]

Соотношение между болгарскими и греческими племенами

С покорением страны турками единоверие, а следовательно единое духовное управление и общие выгоды, сближая постепенно два коренные племена: булгарское и греческое, слили их в одно неразделимое целое христианское народонаселение. Греки, как более образованные и потомки древнейших владетелей страны занимали всегда высшие духовные степени и, считая булгар новопришельцами, всегда стремились подавить в них дух особенной народности и истребить самую память о славянском происхождении, предписывая отправление Божественной службы на греческом языке, заводя школы исключительно для изучения оного, одним словом усиливались пересоздать в истинных греков своих разноплеменных единоверцев. Булгары отчасти подчинились сему духовному влиянию и в продолжение слишком четырех веков, хотя сохранили свой народный язык, но только в простонародном употреблении; вступая в родство с греческими семействами, научаясь в школах их письменности и переходя из сельских жителей в городские обыватели, булгары уже называли сами себя греками и, как бы с презрением выражаясь о своих единоплеменниках, называли их булгарами, которые в свою очередь, стыдясь уже сего родового наименования, с удовольствием присвоили себе общее отличительное имя по вероисповеданию: *христиан*; употребляя же между собою природное славянское наречие, называли его наивно языком деревень и поселян. Невзирая однако на эти неблагоприятные обстоятельства, булгарское племя, занятое земледелием и первоначальною домашнею промышленностию, постепенно развиваясь, заняло, всю внутренность Фракии и Румелии и распространилось по всей северной части Македонии. Греческое же племя особенно способное к торговле и разным оборотам, уступив мало-помалу владение землею булгарам и частию туркам, сосредоточилось исключительно в приморских местностях и в главных внутренних городах страны, ближайшие окрестности которых теперь населены простым народом, хотя бы и греческого, может быть, происхождения; но по большей части употребляющим в домашнем быту славянское наречие и считающим себя булгарским поколением.

<...>

Возрождение к народности и стремление к образованию в Болгарии

Около самых больших городов жители несколько понимают и могут еще объясняться по-гречески, но в немного удаленных местах одни мужчины владея

[1] О Титове см. примеч. к дневникам Чижова. Любимов Николай Иванович (1811–1875) — русский дипломат, сенатор; в 1852–1856 гг. директор Азиатского департамента МИД.

[2] Здесь и далее опущены исторические экскурсы и общие рассуждения.

вообще довольно хорошо турецким, не все знают греческий, а женщины и дети, кроме болгарского, решительно не употребляют другого. Народ наконец сознал необходимость слушать в своих церквах божественную службу на родном и общепонятном славянском наречии, обучать своих детей булгарской грамоте. В стремлении же своем к возрождению нравственной самобытности племени булгары встретили сопротивление в высшем греческом духовенстве[1]; но еще с большим усердием предались своей цели; так что, принимая в соображение непродолжительность времени и скудость средств, нельзя не удивляться размерам их успехов на поприще народного образования и степени нравственного влияния последнего на возрождение славянизма в целом племени. Деревни в окрестностях даже Адрианополя, которые еще недавно считались греческими как бы волшебством превращаются ныне одна за другою в чисто булгарские. Жители городов и селений перестали чуждаться наименования своего племени; но, напротив, гордясь славянским происхождением, принимают оное даже с увлечением.

<...>

Положение учителей

Все училища в стране основаны и содержатся из пожертвований общин и потому находятся под неограниченным влиянием оных; влиянием к несчастию непросвещенным; а потому нет никакого порядка, ни единства в их действии; ничего общего в устройстве. Учитель школы есть жалкое существо, простой поденщик, нанятый слуга в глазах старшин и едва не предмет всеобщего призрения; получая скудное жалованье, он обыкновенно обязан также исполнять должность псаломщика в приходской церкви. Только Найден Геров[2] в Филипполе личными достоинствами; и Захария Княжеский[3] в Ески-Загре[4], быв проводником значительных пособий, приобрели к себе почтительное внимание целых общин. Последний, владея средствами, присвоил даже себе право некоторого инспекторства в школах своего округа; и с большею или меньшею пользою для сих последних совершает периодические посещения, председательствуя на испытаниях учеников и раздавая награды отличившимся.

<...>

[1] В отдельной записке Ступин предлагал посредничество России в урегулировании греко-болгарского церковного конфликта: ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 273а. Д. 437. О соотношении разноплеменных единоверцев, болгар и греков [1853–1854] Писарская копия с пометами Ковалевского. 10л.

[2] Найден Геров (1823–1900) — болгарский писатель, языковед и фольклорист, общественный деятель. См.: *Песчаный Д. Г.* Указ. соч. С. 155, 162–163, 165–169.

[3] Захария Княжеский (1810–1877)— деятель болгарского возрождения, просветитель и педагог. См. о нем: Там же. С. 149–151, 177–180; *Минкова Л.* Захарий Княжеский и русско-болгарские связи второй половины XIX в. // Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание. М., 2010. С. 228–238.

[4] Стара-Загора.

О пользе высшего учебного булгарского заведения

С каждым днем заметно возрастает проявившееся в булгарах с некоторого времени стремление к образованию и возрождению своей славянской народности; но затруднения, с которыми сопряжено отправление молодых людей за границу для воспитания, велики и почти непреодолимы.

1) Одни лишь богатые люди и очень немногие в состоянии были бы давать одному из своих детей средства за границею, которых в Болгарии всегда достаточно для содержания целого семейства. 2) Но молодые люди из таковых семейств редко имеют целью посвятить себя пользам общества, приняв звание учителя или духовный сан. 3) Желающие доставить детям своим образование не смеют посылать их в Европу, из опасения, что привыкнут там к роду жизни, невозможному в Турции; если не возвратятся еще с образом мыслей несвойственным ни положению страны, ни их собственному. 4) Все вообще охотно отправляют своих детей в Россию; но редко молодые люди свыкаются с климатом и выдерживают его суровое на них влияние. Из ста и более булгар, которые в течение последних 15 лет приезжали в Россию для воспитания на казенный счет или на собственном иждивении, только 8 человек кончили полный курс учения; а остальные принуждены были болезнями возвратиться преждевременно на родину; некоторые даже умерли. С 1841 года, когда было высочайшее разрешено открыть в Херсонской семинарии четыре ваканции для молодых булгар, до 20 человек поступило в сие заведение; но только 3-е окончили курс; все же прочие за болезнию возвратились преждевременно в отечество; а теперь давно все четыре места остаются незанятыми. В отношении самого содержания воспитанников была бы большая выгода иметь в сердце булгарского народонаселения подобное училище; ибо на сумму, отпускаемую ныне на одного, могли бы на месте получить образование трое и даже более. В скором времени народ имел бы из среды себя довольно просвещенных служителей алтаря и проповедников; школам низших разрядов достаточно образованных учителей, которые, исполняя с усердием свое призвание, идя осторожно и умеренно к предположенной цели, при всем том не тяготились бы привычным образом жизнии с приличным терпением подчинялись бы заведенному порядку вещей.

<...>

Предполагаемы границы Булгарии по распространению племени

Многие из ученых греков получивших европейское образование, сознавая невозможность уничтожить большое целое славянское племя или произвольно превратить булгар в греков, соглашаются отмежевать им настоящую так называемую Булгарию, пространство между Дунаем и Балканом, Сербиею и Черным морем. Но по распространению сего племени по всей внутренности Румелии, сия провинция справедливо может быть включена в пределы Булгарии, которая таким образом ограничится только Мраморным и Архипелажским[1] моря-

[1] Эгейским.

ми, отдаляясь с Запада от Македонии рекою *Карасу*[1] и хребтом *Коджа Балкан* до границ Сербии. Против сего последнего предполагаемого ограничения восстает голос македонских булгар, которым также нельзя отказать во внимании, потому что они населяют большую часть этой провинции, что легко и ясно доказывается самыми наименованиями городов, сел и деревень.

ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 273а. Д. 436. Л. 3 об. —5, 6 об. —7, 8–10 об.

Мысли о болгарах

Записка директору хозяйственных и счетных дел МИД М. М. Устинову[2]

20–30 ноября 1854 г. Санкт-Петербург

I

Общее состояние христиан, и особенное положение булгарского племени в течение последних шести лет, предшествовавших настоящей войне

Предположив себе главною целью развить в этой записке одно убеждение в преданности булгар к России, в их сочувствии к общему делу восточных христиан и в возможности успешного их восстания и деятельного участия в настоящей войне; участия, полезного успехам нашего оружия; успехам, увековечивающим свободу церкви православной в ее священной колыбели; я поставляю себе непременным долгом, в качестве короткого знакомого этого племени, представить при этом случае возможные оправдания их личинному равнодушию и укоризненному, по-видимому, спокойствию. В таковом предположении мне показалось очень значительным сделать предварительно хотя бы самый краткий очерк обстоятельствам страны и народа, предшествовавшим настоящей войне.

В продолжение последних 6 лет, кто был бы искренним свидетелем положения христиан, коренных и многочисленнейших жителей края, положения горестного во всех отношениях под сокрушительнейшим владычеством диких иноплеменников, вечных врагов их святой [веры], невозбранных оскорбителей их беззащитной личности и ненасытных хищников трудовых достояний, тот мог легко заметить в сердцах наших единоверцев возрастающее негодование на свою рабскую участь, смягченное одною надеждою, что наконец чаша их страданий и мера терпения покровительствующей им России переполнятся скоро, и вожделенный час освобождения не замедлит пробить. Кроме общих бедствий, которым обречены жертвами все иноверные подданные султана; бедствий проистекающих от притеснительной системы управления и наглого

[1] Бистрица (*др.-греч.* Галиакмон, тур. Индже-Карасу) — современная Македония.

[2] Михаил Михайлович Устинов (1800–1871) — русский дипломат, член совета Министерства иностранных дел, сотрудник миссии в Константинополе (в 1846–1847 гг. управляющий); в должности директора хозяйственного департамента МИД находился с 1850 по 1854 г.

своевольства местных начальников, от своекорыстного злоупотребления влияния европейских агентов, купцов, миссионеров, наконец, от позорного и всегда безнаказанного насилия разбойников; булгары претерпевали еще гонения за свою славянскую народность и язык от высшего греческого духовенства. К счастию, что в массах единоверного народа еще не успели ясно развиться зависть и вражда за разноплеменность. Все православные и греки, и болгары, страдали вместе, сроднились тесно и братски заключали семейные союзы.

В таковых обстоятельствах помышлять об освобождении от тягостного ига собственными силами восточным христианам не было решительно никакой возможности; как и надеяться на защиту, на помощь Европы, хотя христианской, но враждебной по различию исповедания с ними ее народов, по властолюбивым видам духовенства западной церкви и по своекорыстному направлению политических и торговых отношений. Тем более что посещающие их иностранцы: консулы, путешественники, купцы или миссионеры, особенно из римских католиков, явно и дерзко выказывают свою неприязненность к восточной церкви. Очень справедливо и естественно, что христиане все свои упования сосредоточили в единоверной и, по большей части, единоплеменной им России, к благотворному покровительству которой они привыкли со времен императора Петра Великого.

Мир России с Турциею[1], поразив простые умы неожиданностию, потряс в сердцах их основания (несокрушимых, впрочем) преданности к России и теплой веры в благотворность ее видов и ее забот об улучшении их участи. Но ни причины снисходительности русской политики не могли быть вполне поняты беспрерывно сменяющимися представителями правительства Оттоманской Порты, увлеченной фанатическими мечтами о мишурном величии своего давно сокрушенного могущества; ни благоразумие, быть может, осторожного покровительства не могло быть достойно оценено подвластными Турции христианскими племенами, которые, теряясь в темных догадках, охотно приписывали продолжение своего ужасного положения клевете, которою будто воображаемые недруги или изменники погубили их пред боготворимым русским царем; немного более просвещенные, особенно из получивших образование в Австрии, Англии, Франции и Италии, готовы были обвинять Россию в неопределенном, но злом своекорыстии?..

Западные державы, очень хорошо понимая благонамеренность видов России, но не согласовавшихся с их собственными, стремились всеми силами воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы если не разрушить, то больше ослабить наше влияние в Турции, как на правительство, так равно и на христиан, подчинив их своему, которое во мраке невежества было очевидным вредом для самой поддерживаемой Порты; источником бед, болящею язвою для церкви православной на Востоке; наконец, посевом плевел на юной ниве возрождающейся булгарской народности. Для достижения этой-то цели, мне кажется, Англии и Франция старались укоренять в турецком правительстве ложную надежду, что

[1] Вероятно, речь идет об Адрианопольском мире (1829), вопреки ожиданием, не коснувшемся участи болгар.

снисходительность России будет увеличиваться по мере дерзости покушений Порты на права подвластных ей христиан; права, приобретенные и скрепленные русской кровью. Старались утверждать христиан в нелепых подозрениях о клевете, измене, а еще более о неблагонамеренности своекорыстных видов России, с злостными указаниями на 1829-й год с некоторыми [его] последствиями, на постепенное и добровольное, будто бы, ослабление покровительства.

Вот язвы, требовавшие безотлагательного и тщательного врачевания. И мне казалось, что, несмотря на затруднительность положения, Россия успевала исцелять их до некоторой, довольно удовлетворительной, степени.

II
1853 год

Благотворная весна 1853 года, несмотря на сулимое признаками плодородие, не очень радостно встречалась народонаселением Румелии; все вообще, без различия сословий, племен и вероисповеданий находились в тревожном расположении души и сердца, как бы накануне великого, страшного события, по соображениям, догадкам или просто необъяснимому предчувствию грозы. *Френги*, европейские купцы, жалуясь на совершенный, томительный для их оборотов застой в торговле, более всех беспокоились и с жадным вниманием следили за ходом константинопольских прений[1]. Мусульмане, помня 1829 год, до того упали духом, что открыто полагали все свое упование в едином милосердии нашего августейшего монарха; проклиная чистосердечно англичан и французов, обвиняли министров своего султана в подкупленной измене; им даже мысль не приходила о возможности противиться русской силе; тем более они робели, что им предрекатели толковали о приближении рокового срока турецкому владычеству в Европе. Христиане все безраздельно желали войны (и как можно скорее), надеясь, что она была бы последнею России с Турциею. Хотя по опыту знали, что на Северной Румелии и Булгарии, как на передовых постах, обрушится самый страшный удар при самом объявлении войны, когда страну наполнят дикие, нищие толпы турецких сил; но предполагая, что за претерпенные временно муки для них настанет благоденствие без конца, они с мученическим восторгом готовились к ужасам этого неизбежного нашествия голодных грабителей, азийских турок; нашествия, которого сами туземные мусульмане боялись гораздо более пожара; и для избежания от зла, откровенно желали, чтобы русские войска скорее перешли Балканы.

При таковом направлении умов и сердечных движений, народ неохотно предавался обычным домашним работам; одна только благотворительность природы исполнила необыкновенным плодородием поля и сады земледельцев.

Роковая весть о прекращении дипломатических сношений между Россиею и Оттоманскою Портою[2] сверкнула молнией по всей Румелии; все сердца,

[1] Переговоры князя А.С. Меншикова в Константинополе в феврале-мае 1853 г., предшествовавшие Крымской войне.

[2] 1 июня 1853 г.

притаившиеся перед грозою, судорожно вздрогнули; каждый, вздохнув глубоко, произнес про себя с благоговейною покорностью судьбы: «Не избежать земле предначертаний Вышних!» Но турками овладело ожесточенное отчаяние, — так, чтобы удерживать до времени их враждебные покушения против христиан, наше генеральное консульство в Адрианополе должно было неусыпными увещ[ев]аниями действовать на народ через посредство местных властей и мусульманских старейшин, внушая им, что всякое неприязненное действие против иноверных подданных Порты навлечет на них строжайшее взыскание правительства, справедливо тогда обременяемого упреками целого света; что их нелепые подозрения и клеветы на христиан, из которых каждого они начали уже считать нашим союзником и лазутчиком, оскорбительны для самого султана, как доказательства страха, слабости и непрочности его владычества; нелепы в отношении к сильной России, счастливой и гордой тем, что царь ее никогда своей державной воли не опирал на чуждое плечо.

Но в июне по распоряжениям турецкого правительства начались собрания *редифов* (бессрочных отпускников); отбрания оружия от христиан; подвозы запасов продовольствия, военных снарядов и самих солдат бесплатно на счет обывателей — иноверцев; наконец, для прокормления этих скопищ, по доставлении подвод на место, волов оставляли им на съеденье, а бедных хозяев — поселян отправляли домой пешком; так что не только почти весь хлеб необычайного урожая остался на корню, но и следовавшие за тем военные тяжести переносились также на плечах христиан. Все эти беды были еще ничто в сравнении с ужасами притеснения, грабительства, смерти и позора, каким они подверглись при появлении *баши-бузуков* (иррегулярных ополчений), которые, соединяясь с местными негодяями, составили сильные шайки разбойников. В таковых то плачевных обстоятельствах христиане везде за Дунаем провожали 1853 год.

III

Об усердии болгар к России, их сочувствии к войне и доставлении им средств к восстанию

Все племена, члены великой семьи славянского народа, единодушно признают Россию своею старшею главою, и ее державного монарха Царем Царей своих князей, господарей; но булгары, не сохранившие в народе памяти о политической самобытности своего племени, ни самых темных преданий о существовании булгарских королей, затерявшие совершенно потомственность знатных родов, более всех других славянских племен безусловно и безраздельно преданны России; их лучшие светлые упования в будущем положительно ограничивались присоединением, совершенным с ней слиянием. Если же это счастье не предназначено вполне их богатой отчизне, разоряемой врагами веры и народа, — то булгары лелеяли надежду, что царственное семейство всероссийского императора удостоит даровать им державного повелителя в лице одного из своих высоких членов. Довольно быть русским и православным, чтобы пользоваться между болгарами всеобщею приязнью и предупредительным вниманием.

Между тем нельзя обвинить совершенно задунайских булгар в том, что они не принимали до сего времени особенно деятельного участия в настоящей войне.

Булгары народ нисколько не воинственный; долгом считаю повторить, что им никогда не приходила и мысль о возможности освобождения собственными силами, тем более что, не рассчитывая в этом случае на помощь Западной Европы, они страшились самопроизвольным восстанием навлечь на себя справедливые упреки российского правительства, всегда заботившегося об улучшении их положения, принимающего, так сказать, на свою ответственность их будущую участь.

Булгары — народ мирный, трудолюбивый, искусный земледелец и опытный скотовод; и в мирное-то время у ста человек едва было 5–6 ружей, да пары две пистолетов; из холодного оружия, кроме необходимого поселянину, не было решительно другого. Теперь же они лишены насильственно всего; даже домашние ножи большого размера были отбираемы, как ятаганы, еще с июня месяца прошедшего 1853 года. В таковых обстоятельствах было бы неосновательно, мне кажется, обвинять булгар в предосудительной холодности к делу, общему славянам и всем православным христианам; могут ли они, обезоруженные и связанные, свободно шевельнуться среди укрепленных лагерей врага, для них еще очень сильного и неусыпно их наблюдающего с огнем и мечем. Но можно ручаться, что при малейшей возможности, при самых скудных средствах, которые бы им представились, они не замедлили бы показать, что честь и счастье быть деятельными сподвижниками русских воинов в деле святой веры, в деле их собственной народности, булгарам дороги и святы.

Но откинув эти естественные и довольно уважительные, как мне кажется, причины преступного, по-видимому, спокойствия булгар, можно ли считать их виновными без оправдания? Когда с 1829 года они приглашаемы были, поручив судьбу свою благотворным попечениям нашего правительства, верить, что в видах будущей прочности собственного их блага не воспоследовало в то время окончательное освобождение страны от турецкого ига; и что в тех же видах Россия отдаляет этот вожделенный час, пока христианский народ будет лучше приготовлен к восприятию политической самобытности заманчивой, сладкой, законной, но опасной при известных обстоятельствах. Могли ли же они, воздерживаемые до последней минуты, понять и утвердиться в надежде, что желанный час настал окончательно и неотразимо; что более они не могут быть оставлены, по крайней мере, под безответственным владычеством иноплеменных и иноверных властителей врагов. Можно ли обвинять булгар в равнодушии до презренной холодности к войне? Разве Россия говорила с ними понятно и откровенно? Наши генералы делали воззвания; но разве звуки военной трубы, достигая до чьего-либо из них слуха, хотя далекими отголосками, оставались без отзвука? Нет, болгары являлись толпами под наши знамена; несли свои имущества для составления ополчений!..

Следовательно, если бы нам предоставлялась возможность говорить с массами народа знакомым им языком; устами лиц, как пользующихся между ними

уважением и доверием, так равно и преданных России; если бы при том мы могли в присутствии императорских войск за Дунаем проникать постепенно летучими отрядами во внутрь страны по направлениям из Никополя на Софию и из Систова на Тырново и Габрово, между тем как главные силы нашей армии занимали бы неприятеля от Силистрии к Балканам; а таким образом снабжать булгар необходимым оружием; можно, кажется, предположить, что они составили бы скоро и легко целые отдельные батальоны самых решительных партизанов. Хотя необученные военному искусству их толпы не могли бы разбить совершенно неприятельские корпуса, однако знакомые лучше их с местностями своего отечества, владея, вероятно, сокрытыми теперь в горах и лесах запасами продовольствия, они могли бы на разных точках театра войны много беспокоить и сильно вредить трем разнохарактерным союзникам; и тем облегчить несколько труды императорских войск.

Что касается до грустных последствий от продолжительности настоящего положения задунайской страны и ее народонаселения под ужасами турецкой власти в вещественном отношении; равно как в нравственном — под ядовитым влиянием внушений — агентов европейской политики, то определить их в настоящие минуты, мне кажется, невозможно; и преждевременные опасения могли бы быть очень неверными.

ОР РНБ. Ф. 356. Оп. 273а. Д. 435. Л. 1–9 об. Писарская копия

На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века

Свидетельства прошлого бывают неудобны. Какие-то из них не укладываются в магистраль восприятия потомков и предаются анафеме. В свою очередь историки часто ссылаются на крайнюю степень субъективизма того или иного текста, чтобы признать его исключением и проигнорировать. Тем самым мы освобождаемся от необходимости обсуждать чужую субъективность и не признаем свою собственную.

Аксиома «славянского братства», утвердившаяся со временем благодаря усилиям славянофилов и деятелей славянского возрождения за пределами России, еще в предыдущем столетии не была столь же очевидной. В частности, советник коллегии иностранных дел, полковник С. Ю. Пучков, побывавший в Черногории в 1759 г., в рапорте от 21 марта 1760 г. сообщал: «...тамошний дикой народ или никогда, или с весьма великим трудом в порядок приведен быть может, ибо никаких прав и законов между собою не имеют...» Пучков жаловался на лицемерие, «своевольство и сребролюбие» как священников, так и мирских начальников, безнаказанно расхищающих врученные им средства. В итоге он заключал: «...в них царствует три духа: православно черногорской, венецианской и турецкой — одним словом, кто бы ни пришел и их деньгами действительно поманил, то они того называются и ему слепо последовать готовы»[1].

Публикатор конца XIX в. был преисполнен праведного гнева по поводу этого «небратского и поистине нечеловечного» документа: «...и самый большой неприятель черногорского народа, ни турок, ни латинянин, не написал бы столь неприятельского доклада против Черногории, как тот, который написал “он, Пучков”»[2]. Конфликт историка и источника демонстрирует степень различий в понимании исторической и политической реальности на полуторавековом промежутке. Мышление середины XVIII в. либо не догадывалось о «славянском братстве», либо оставляло его на периферии, в тени «православной общности». Вместо *родного* «славянского мира» Пучков увидел в Черногории странное соединение лукавого православия, турецкой дикости и венецианского

[1] *Драговић М.* Материјал за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића// Споменик Српске Краљевске академије. Књ. XXV. Београд, 1895. С. 27–28. Пучков в соответствии с повелением императрицы Елизаветы Петровны передал 15-тысячную субсидию на нужды Черногории, которая могла бы стать ежегодной. Таков был результат настоятельных просьб о помощи со стороны митрополита цетинского Василия Петровича-Негоша, обращенных к русскому двору. Кроме того, Пучков должен был сообщить о прекращении практики вызова черногорцев на русскую службу, что диктовалось опасениями из-за возможного конфликта с Портой в условиях Семилетней войны. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. № 175. С. 233–235.

[2] *Драговић М.* Указ. соч. С. 30.

торгашества. Посланный в Черногории в 1766 г. подпоручик Севского полка М. Тарасов пользовался рапортом Пучкова. С некоторым удивлением он констатировал его точность и сообщил некоторые новые подробности[1]. А отправленный в Черногорию для организации антитурецкого выступления во время войны 1768–1774 гг. Ю. В. Долгоруков именовал ее в своих записках «разбойничьим гнездом»[2].

Эффект негативного удивления от рапорта Пучкова оказался так силен, что ни советские, ни черногорские историки не решились включить его в новейшие документальные публикации, указанные выше. Чем же все-таки была обусловлена *такая* стереотипность восприятия балканских славян, и почему где-то в середине XIX в. она была вытеснена другой?

Метафора «братства» (иначе: семьи, или «модель расширенного родства») является одной из базовых для коммуникативных практик, универсальным средством самоидентификации, а также маркировки социального поля. Она широко применяется и в повседневном общении, и в религиозной проповеди, и в политической агитации[3]. Однако утверждение ее в качестве стереотипной модели по отношению к большим группам (по Б. Андерсону, к «воображаемым сообществам», нациям и классам[4]) является результатом

[1] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 4–5. С. 48–64; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. № 215–217. С. 283–285; *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 251–263.

[2] *Долгоруков Ю. В.* Записки // РС. 1889. Т. 63. № 9. С. 493–495. См. также документ, составленный при участии Долгорукова: Журнальная записка. 1769 год // РА. 1886. № 4. С. 389–437. В целом о миссии Долгорукова в Черногории в 1769 г. см., например: *Смилянская И. М., Велижев М. Б., Смилянская Е. Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 79–84. Негативные стереотипы оставались живучими и в начале XIX в., достаточно обратиться к публикуемым в книге фрагментам из дневника В. В. Вяземского или к неопубликованным запискам С. Н. Маевского о Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. (ОР РНБ. Ф. 550. F. IV-823/1. Л. 30 об. –31; F. IV-823/4. Л. 63 об. –66, 71–72). В сглаженной форме, по сути, тот же взгляд представлен и в записках А. И. Красовского (Там же. F. IV-824. Л. 21 об. –22 об., 25–25 об., 30–30 об.). Рудиментарно он присутствует и в свидетельствах других участников сенявинской экспедиции (В. Б. Броневского, П. П. Свиньина, П. И. Панафидина, Г. М. Мельникова). Российские современники М. Драговича, работавшие с бумагами С. Ю. Пучкова и Ю. В. Долгорукова (С. М. Соловьев и П. И. Бартенев), нашли свои способы нейтрализации их негативного заряда. См.: *Белов М. В.* Забытое варварство: негативное восприятие балканских реалий в тени «братской» риторики русской элиты XIX века // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сб. научных трудов / под ред. А. Н. Маслова, А. В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2015. С. 230–232.

[3] О функциональности метафор см., например: Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. М., 1990; *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004; *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации. М., 2008.

[4] Об ограничениях «имагологической» теории наций см.: *Белов М. В.* У истоков... С. 14–26. Кроме того, добавим, что у Б. Андерсона, по сути, воспроизводится проведенное Ф. Тённисом различение «общности» и «общества».

длительного отбора и закрепления в массовом восприятии. Моделирование, рациональная, литературно-репрезентативная и эмоциональная проработка, а также внедрение в общественное сознание над- или мульти-национальных «сообществ», конечно, не является более простой задачей.

При всей доступности и кажущейся простоте описательных текстов, принадлежащих перу путешественников (ученых и дилетантов), а также офицеров и дипломатов — этнографов по служебной надобности, — за их видимой поверхностью всегда скрываются иные слои, определяемые функционально заданным углом зрения, социальной позицией и литературной стратегией автора[1]. И именно они в свою очередь определяют, *что* и в каком виде войдет в описание «увиденного», а *что* останется за текстом или же «*не*увиденным».

Расставшись с верой в позитивный реализм источника, исследователь должен обратиться к теоретической рефлексии.

Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории[2]

В гуманитарных науках нередки случаи, когда те или иные феномены исследуются в рамках различных дисциплин или теоретико-методологических направлений с присущим им категориальным аппаратом. Польза рассмотрения предмета с разных углов зрения не вызывает сомнений, но рано или поздно возникает потребность в обмене опытом, конвергенции теорий и адаптации языка научных описаний. Нередко такую потребность испытывает практикующий историк, переходя от конкретного к абстрактному и наоборот.

К описанным случаям относятся и образы «другого». Они рассматривались в рамках социальной психологии (кросскультурной, культурно-исторической или этнопсихологии), в отмеченных влиянием культурной географии (антропогеографии) или структурализма исследованиях «картины мира», а затем в выполненных под знаком постструктурализма или же конструкционизма исследованиях «ментальных карт». Наконец, образы «другого» стали предметом специального изучения в синтетической субдисциплине, вышедшей

[1] Критику наивно-потребительского подхода к подобным источникам см.: *Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37. В то же время, на наш взгляд, Куприянов здесь недооценивает, хотя и не игнорирует вовсе, литературно-языковые матрицы в текстах путешественников, структурирующие, помимо прочего, их опыт. Автор исходит из гипотезы о конкуренции двух классификационных схем в «описаниях народов» этого времени: территориальной и этнической (они лежат вне литературного поля; к ним подключается и их корректирует конфессиональное деление). См., однако: *Куприянов П.* Русское заграничное путешествие...

[2] Раннюю версию этого раздела см.: Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. М., 2011. С. 403–418.

из сравнительной истории литератур и названной «имагология». В рамках науки о прошлом эта тема, очевидно, может быть отнесена к интеллектуальной истории, поскольку она касается вопроса о механизмах и способах производства и распространения знаний[1]. Учитывая сказанное, автор не претендует на окончательное методологическое решение, а лишь на индивидуальный вклад в разработку общей теории одного из научных направлений, предполагающего преодоление междисциплинарных барьеров.

Центральным понятием в работах психологов, посвященных обозначенной проблеме, является «социальный стереотип», чаще всего, этнический (автостереотип и гетеростереотип, составляющие динамическое целое)[2]. При этом признается, что содержание понятия «стереотип», введенное в оборот У. Липпманом в начале 1920-х, до сих пор не обрело однозначной трактовки[3]. Вместе с тем в этом давнем исследовании, написанном в свободной публицистической манере, по замечанию Э. Ноэль-Нойман, нет «ни одной идеи относительно функционирования коммуникации, которая позднее не получила бы подтверждения в кропотливых лабораторных исследованиях или работах в полевых условиях»[4].

Как известно, Липпман назвал стереотипы «картинками в наших головах». Затем их называли «эмоциональными символами», «фиксированными образами», «когнитивными схемами», «сгустками общественного опыта» и т. д. При этом образное воплощение стереотипов регулярно всплывает в их характеристике, что при абсолютизации данной интеллектуальной тенденции и фикса-

[1] См., например: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историческая практика. М., 2011. Гл. 6.

[2] Предшествующую попытку рассмотрения опыта психологов и этнологов, изучавших процесс стереотипизации, см.: *Куприянов П.С.* Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 157–160, 179–183. См. также: *Голубев А.В., Куприянов П.С.* Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XX веков) // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 374–396.

[3] *Липпман У.* Общественное мнение [1922]. М., 2002. О неоднозначности понятия «стереотип» пишут практически все авторы, касающиеся этого вопроса. См., например: *Семендяева О.Ю.* Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: дис. ... канд. философ. наук. М., 1986; *Она же.* Критический анализ концепции «стереотипа» в социальной психологии // Социологические теории и социальные изменения в современном мире. М., 1986. С. 184–196; *Мельник Г.С.* Mass-Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996. С. 89–99; *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М., 1999. С. 114–115, 267; *Донцов А.И., Стефаненко Т.Г.* Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М., 2002. С. 91–92 и др. Впрочем, А.И. Донцов и Т.Г. Стефаненко не склонны видеть большие различия в базовом понимании термина, выделяя в «стереотипах» пять качеств: согласованность, схематичность или упрощенность, эмоционально-оценочная нагруженность, устойчивость или даже ригидность, неточность. Ср.: *Стефаненко Т.* Этнопсихология. М., 1999. С. 237–255.

[4] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 204–215.

ции на поисках «истоков» может увести в сомнительную сферу архетипов воображения. Между тем, «зримость» стереотипа вовсе не следует сбрасывать со счетов, а более того, признать связь этого феномена со словесным (литературным) творчеством и фигурами речи, а также формами визуализации, столь важными в процессах ориентирования, адаптации, припоминания и подобных им ментальных или поведенческих процедурах.

Одни авторы, склонные к более широкому пониманию термина, выделяют в стереотипизации три уровня (когнитивный, эмоциональный и поведенческий). Каждый из них порождает «неполный» стереотип, а в случае их соединения в повторяющихся ситуациях — полный. А также два пути формирования стереотипа: непосредственный личный опыт и опосредованный коммуникативный путь[1]. Впрочем, сторонники более узкого понимания, делающие акцент на повседневном опыте испытуемых групп (контактирующих этносов), вовсе не отрицают опосредованную составляющую при формировании стереотипа. Они указывают на соединение в нем когнитивной и эмоциональной информации, отделяя стереотипы от действия[2]. Авторы, выходящие за рамки социальной психологии и теории массовой коммуникации, распространяют стереотип на любой процесс формирования знания, в том числе на современную научную практику[3].

Историк при обращении к литературе путешествий оказывается на перекрестье этих методологических подходов. С одной стороны, путешественник, отправившийся в чужую страну, несет с собой груз стереотипов, почерпнутых в своей социальной и интеллектуальной среде. С другой — его записки являются результатом непосредственного опыта пребывания в другом мире и «удивления» от него. В этой ситуации могут трансформироваться старые стереотипы и возникнуть новые формы восприятия. Многое зависит от глубины погружения, компетентности, длительности пребывания, плотности коммуникации, открытости восприятия и т. д. Впрочем, некоторые из этих параметров противоречат друг другу. Мы сталкиваемся перед некой вариацией «герменевтического круга».

В любом случае нам не следует ожидать от путешественников «фотографического» отчета. Однако в недавних исследованиях присутствует стремление отказаться от разоблачительной стратегии в изучении стереотипов, поскольку «...с психологической точки зрения процесс стереотипизации не релевантен этической антимонии “хорошо или плохо”. <...> Этот процесс можно сравнить

[1] Социальная психология. Краткий очерк / под общ. ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. М., 1975. С. 85–89.

[2] *Солдатова Г.Н.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 64–86. См. также: *Агеев В.С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101; *Он же.* Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г.М. Андреевой и Я. Яноушека. М., 1987. С. 177–188; *Он же.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 134–158; *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М., 2008. С. 147–258.

[3] *Васильева Т.Б.* Стереотипы в общественном сознании (социально-философский аспект). Научно-аналитический обзор. М., 1988.

с устройством грубой настройки в таких оптических устройствах, как микроскоп или телескоп, наряду с которыми существует и устройство тонкой настройки, аналогами которой в сфере восприятия выступают такие тонкие и гибкие механизмы, как идентификация, эмпатия, социально-психологическая рефлексия и т. п. »[1].

Применение методов, выработанных в ходе полевых исследований контактирующих этнических и, тем более, лабораторных групп, при этом вряд ли уместно. Путешественник в полной мере не является частью коллективных процессов повседневного взаимодействия, а остается по преимуществу в ранге привилегированного наблюдателя[2]. Дипломат, находящийся на постоянной службе в другой стране, конечно, имеет возможность глубже постичь местную культуру и обычаи, однако его статус экстерриториален в силу выполняемых им функций. Случаи, когда «путешественники» надолго оседают в чужой среде, превращаясь в полуэмигрантов, достаточно редки, но чрезвычайно интересны. Они в большей степени связаны с феноменом ассимиляции или, если «осевшим» предстоит встреча с соотечественниками, — с феноменом диаспоры, то есть непосредственным межэтническим взаимодействием.

В последние десятилетия минувшего века под влиянием «культурного» и «лингвистического поворота» в социальной психологии усилилась критика доминантной когнитивистской парадигмы, ставящей в центр внимания универсальные познавательные процессы с редукцией от индивида к группам или обществу, и оформилось новое эпистемологическое течение — «социальный конструкционизм». Отдельные авторы, делающие акцент на культурной и лингвистической относительности, изменчивости социально-психологических феноменов, предложили даже считать науку о них исторической, собственно, историей как таковой. С другой стороны, испытав влияние постструктуралистских идей, некоторые «конструкционисты» толкуют сотворение «я» и окружающей его социальной реальности исключительно как результат работы дискурса. Данная ультракритическая тенденция, характерная, прежде всего, для самой успешной (и самой «сциентистской») американской версии социальной психологии, сочетается с более давней, основательной, но и более сдержанной традицией критики ее у европейских исследователей. Такое сочетание позволило отечественным аналитикам говорить о процессе рождения новой парадигмы в социальной психологии, принимающей культурно-историческую перспективу[3].

[1] *Агеев В. С.* Психологическое исследование... С. 98. Агеев настаивает на необходимости различать в процессе стереотипизации два уровня — социологический и психологический. Негативные оценки стереотипа как явления справедливы, но они связаны лишь с негативными социальными установками, которые детерминируют его содержательную сторону.

[2] Это положение не следует абсолютизировать, если рассматривать акт коммуникации как *взаимодействие*, пускай эпизодическое, включение в другую культуру.

[3] *Андреева Г. М.* В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века // Социальная психология в современном мире. С. 9–26; *Стефаненко Т. Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Там же. С. 27–41. См. также:

Новации в социальной психологии коснулись и подходов к рассмотрению явления стереотипизации. Не отрицая полностью (за исключением крайних «конструкционистов») когнитивистское решение вопроса о его происхождении как следствии закона экономии познавательных ресурсов в условиях избытка информации, уже с середины XX в. исследователи все более смещали акцент на социальные функции стереотипов: защита групповых ценностей, легитимация социальных позиций, определение идентичности и восполнение иллюзорной целостности «своего» мира. Стереотипы стали рассматриваться как явления, детерминированные отношениями власти и межгрупповой конкуренции. Под действием этого социологического дрейфа в процессе стереотипизации стали выделяться разные уровни. В частности, швейцарский психолог В. Дуаз обнаружил четыре таких уровня: первый — индивидуально-психологический — выделяется с трудом, поскольку формируется под сильным влиянием второго — уровня межличностных отношений. Третий уровень — коллективные представления, складывающиеся в процессе межгрупповых отношений. А четвертый — уровень идеологии, исторически обусловленной для данного общества. Дуаз признал, что четвертый уровень пока полностью исключен из практики исследований социальных психологов. И это при том, что «верхний уровень — идеология — детерминирует нижележащие»[1].

В силу сказанного, верхний уровень стереотипизации не может быть сведен (хотя разные уровни связаны между собой) к феноменам, исследованным на уровне межличностных и межгрупповых отношений, как, впрочем, и наоборот. С другой стороны, стереотипы верхнего ряда в социально дифференцированных обществах, очевидно, отражают интересы и ценности доминантных групп. При этом они могут быть выражены (и так чаще всего бывает) в «общезначимой» форме. Пространство стереотипов на этом уровне определяется широтой, глубиной и характером властных притязаний «элиты».

Вычленение стереотипов верхнего ряда соотносится с интерпретацией идеологии «как культурной системы» (то есть системы символов, литературных тропов и фигур речи) в одном из влиятельных направлений антропологии[2].

Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995. С. 23–135; *Якимова Е. В.* Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. Научно-аналитический обзор. М., 1999.

[1] *Шихирев П. Н.* Указ. соч. С. 268–272. Другой видный психолог, представитель социального когнитивизма Г. Тэджфил на первое место поставил уровень культуры с разными идеологическими образованиями. Внутри этой метасистемы он поместил групповые идеологии (второй уровень). Они предполагают наборы стереотипных образований, из которых выбирает отдельный индивид (третий уровень). Три уровня находятся между собой в динамическом взаимодействии.

[2] Концепт «идеология» понимается здесь как форма социального знания, не всегда связанная напрямую с узко политической сферой. Это динамичная и вариативная система значений, ценностное ядро которой необязательно представлено эксплицитно во всех текстах, подвергнувшихся ее влиянию. В понимании К. Гирца, идеология сравнима с картой, корректирующейся на малоизвестной и меняющейся на глазах местности. Ориентирами при этом служат рекомбинируемые и изобретаемые вновь литературные

Это не только не снимает, но скорее обостряет вопрос, о какой «культуре» и какой «идеологии» мы говорим. Разговор о содержании этих понятий увел бы слишком далеко, поэтому ограничимся предельно краткими замечаниями.

Относительное единство культуры (с ее гендерно-ролевыми и локальными вариациями) можно наблюдать в «холодных», по классификации К. Леви-Стросса, обществах: со значимыми оговорками к социокультурному традиционализму тяготели балканские славяне рассматриваемого периода. Но и они были частью разнородных имперских пространств — в Габсбургской монархии и Турции — с собственной спецификой межэтнического взаимодействия и возможностей интеграции/(само)изоляции. В так называемых «горячих» обществах(по К. Леви-Строссу) мы имеем дело, как минимум, с двумя культурами: «официальной», то есть господствующей — к ней принадлежали, даже если критиковали ее изнутри, русские путешественники — и так называемой «народной», низовой культурой. При этом в имперской России сосуществовало множество традиционных укладов (в том числе — русского крестьянства), а культура образованных изначально выстраивалась как надэтничная. Впрочем, разные «этажи» культуры никогда не были изолированы друг от друга[1].

Термин «идеология» может быть употреблен в более узком, «современном» значении: политическая, государственная, национальная идеология. И в более широком значении, когда это понятие распространяется на духовные образования «досовременных» эпох (мифологические комплексы, религия, этические системы, сословные «идеологии»). Производящие инстанции, функции, способы распространения, возможности трансформации смыслов и т. д. в этих случаях будут различными. Все еще более усложняется при обращении к переходным эпохам с характерными для них гибридными формами; в частности, их породила динамика «национального возрождения» конца XVIII–XIX в.

Представляет интерес соотношение понятия «стереотип» с концептом «социальных представлений», выдвинутых школой С. Московичи. Некоторые авторы решают этот вопрос однозначно: «Будучи общественно разделяемым способом когнитивного упорядочения мира людей, стереотип может быть рассмотрен как разновидность социальных представлений»[2]. Действительно, упомянутый выше последователь Московичи В. Дуаз интегрирует процесс стереотипизации в данную концептуальную рамку. Однако существенные расхождения между американской и европейской (французской) традицией в социальной психологии сохраняются, а сама концепция «социальных представлений» встретила разнонаправленную критику, где наиболее частый и справедливый упрек сводится к ее эклектичности.

Теория Московичи принадлежит конструкционистской парадигме, и его ближайшая сотрудница прямо ссылается на известный трактат П. Бергера и Т. Лукмана как на работу, близкую этой школе по духу[1]. Представления толкуются как феномен, лежащий на границе психологического и социального, благодаря чему окончательно стирается доставшееся в наследство от бихевиоризма противопоставление стимула и реакции. При этом представление составляет неразрывное единство образа и значения, фигуративного и символического аспекта. В представлении всегда присутствует некое «образное ядро», выработанное в процессе объективации. Однако в ходе социальной практики («внедрения»[2]), подобно Протею, представление трансформируется, встраиваясь в ту или иную систему значений, функций, поведенческих моделей, меняя одновременно и саму эту систему.

Привилегированной областью изучения социальных представлений в школе Московичи является обыденное, практическое знание или «здравый смысл». Однако, как указывает Д. Жодле, тенденция натурализовать категории и теоретические модели может быть свойственна и научному знанию, особенно, когда оно вступает на путь популяризации[3]. Следует вспомнить, что концепция Московичи формировалась в работе над докторской диссертацией «Психоанализ, его образ и его публика» (1961), посвященной популяризации этой научной теории. В дальнейшем круг интересов и объяснительные притязания школы Московичи расширились до перекройки всей социальной психологии. Во всяком случае, его теория воспринимается «...как учение о социальном опыте и знании, его конструировании, динамике и роли в общественной практике в целом»[4].

Литература путешествий находится на границе жанров, литературныхи интеллектуальных стратегий. С одной стороны, русские путешественники первой половины XIXв. были выходцами из дворянской элиты и в своих сочинениях ориентировались на образцы и топосы «высокой» словесности. С другой стороны, литературе путешествий с ее стихийной и наивной этнографией, образовательно-воспитательными или публицистическими установками близки стратегии «здравого смысла». Излюбленная маска автора путевых записок — это

тропы, стереотипные образы и т. д., отношения между которыми содержательно формируют идеологическую модель. *Гирц К.* Идеология как культурная система // *Он же*. Интерпретация культур [1973]. М., 2004. С. 225–267. Ср. более политизированный подход к идеологии, отводящий при этом большое значение дискурсу: *Дейк ван Т.А.* Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2014. С. 52–57. См. также: *Мусихин Г.И.* Очерки теории идеологии. М., 2013. С. 7–72, 219–235.

[1] *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

[2] *Донцов А.И., Стефаненко Т.Г.* Указ. соч. С. 84; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [1969]. М., 1995. О школе Московичи и «социальных представлениях» см.: *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепции социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987; *Якимова Е.В.* Теории социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80–90-х годов. Научно-аналитический обзор. М., 1996; *Шихирев П.Н.* Указ. соч. С. 273–282; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. М., 2006. С. 393–400.

[1] *Жодле Д.* Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / под ред. С. Московичи[1984]. СПб., 2007. С. 376.

[2] Англ. anchoring, фр. anchorage воспроизводится в русскоязычной литературе как анкеровка или анкоринг и передается еще как «привязка» и «заякоривание».

[3] *Жодле Д.* Указ. соч. С. 384. В качестве примера приводится «овеществленная» модель атома, где электрон вращается вокруг ядра.

[4] *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003. С. 68.

«ученый любитель» и «любознательный наблюдатель». Типаж, столь характерный для XIXв., символизирует союз науки и здравомыслия[1].

Путешествующие литераторы, авторы «скромных наблюдений», заняты по преимуществу внедрением (в смысле Московичи) образа «другого» в систему имеющихся культурных значений. В похожей ситуации оказывался и дипломат-практик, призванный решать актуальные правительственные задачи в чужой культурной среде. Его главным проводником при адаптации «языка власти» к местным условиям становится «здравый смысл», универсальный в понимании людей Просвещения и его наследников.

Процессы объективации и «внедрения» нельзя понимать как метафизическую последовательность. Будучи диалектически связанными, эти процессы смыкаются друг с другом, поскольку «... представление не возникает из ничего, оно не записывается на чистую доску. Оно всегда застает уже имеющуюся мысль в скрытом или явном виде. <...> Усвоить что-то новое — это значит сблизить его с тем, что мы уже знаем, характеризуя его словами нашего языка»[2]. В процессе конструирования представления, где значительную роль играет воображение, используется уже имеющийся образный, языковой материал, в результате чего не может возникнуть точная копия реальности, что не исключает выявления некоторых ее конкретных черт.

Впечатления путешественника в его сочинении интерпретируются с помощью двойного перевода: он переводит со своего «языка» на чужой и с чужого на свой. Историку предстоит вновь пройти этот путь, чтобы уклониться от простого воспроизводства старых стереотипов, но ему еще следует самокритично вписать результаты исследования в научный дискурс и язык сегодняшнего читателя. Эти обстоятельства заставляют обратиться к теории межкультурной коммуникации.

Согласно известной гипотезе Сепира–Уорфа, грамматические и семантические категории языка формируют идеи и определяют характер мышления (лингвистический детерминизм), при этом в каждом языке кроются специфические особенности, не воспроизводимые в другом языке (лингвистическая относительность). «Сильная» версия этих положений могла бы похоронить любые надежды на адекватный перевод и межкультурную коммуникацию. Однако в настоящее время, с поправками из психологии, антропологии и новых лингвистических изысканий, принципы Сепира–Уорфа принимаются лишь в их «слабой» форме. В этой связи непонимание рассматривается «...как конкретный тип понимания, при котором слушатель приписывает знаку внутреннюю репрезентацию, отличающуюся на одном или нескольких уровнях от того, что имел в виду говорящий»[3]. Понимание всегда носит относительный характер. А полное понимание и полное непонимание — это не более чем идеальный конструкт.

[1] *Фарр Р.* Социальные представления // Социальная психология / под ред. С. Московичи. С. 404.

[2] *Жодле Д.* Указ. соч. С. 378–379, 387–391.

[3] *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007. С. 10, 17, 65–66. См. также: *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000; *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2003; *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003; *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003 и др.

В результате столкновения с «другим» при определенных обстоятельствах бессознательная часть культурного восприятия может выйти на уровень сознания, поэтому человек начинает с большим пониманием относиться как к своей, так и к чужой культуре. Таким образом, понимание зависит от степени рефлексии, где в качестве идеала выступает способность рефлексировать над всем опытом человечества[1].

В теории межкультурной коммуникации выявлены факторы, влияющие на способность к пониманию, среди которых одним из главных является сходство культур[2]. В качестве основных параметров здесь выделяется стратификация общества по горизонтали и вертикали, местоположение культур на шкале времени, соотношение языковых «картин мира» и культурно-языковых кодов. Наряду с разработкой бинарных моделей культурных ориентаций в разных культурах признается значимость для понимания «другого» социальных факторов: «Индивидуальные коммуникаторы одновременно выполняют множество социальных ролей, и их коммуникативное поведение зависит от иерархии этих ролей, выстраиваемой в системе их ценностей и приоритетов»[3].

Действительно, как известно, записки путешественников столько же говорят о стране, в которой они побывали, сколько и о той социальной и интеллектуальной среде, из которой они вышли. Поэтому, как уже ясно из всего выше сказанного, главная опасность для исследования, нацеленного на поиск подлинных реалий в чужих свидетельствах, — это страх воспроизводства в них предзаданной «картины мира», которая в свою очередь обусловлена разными формами «этноцентризма», «культурного империализма» и т. д., с сопутствующими им стереотипными представлениями.

В этой связи возникло целое направление в изучении литературы путешествий, более или менее институционального страноведения, начало которому положила книга Э. Саида «Ориентализм» (1978). Следуя в русле концепции «власти-знания» М. Фуко, ее автор разоблачал европоцентристские стереотипы восприятия Востока, подоплекой которых является обоснование принципа превосходства Запада и его права на обладание миром. Поскольку Балканский регион в сознании европейцев изучаемого периода, как правило, помещался в область Востока, ориенталистская стигма оказывала воздействие

[1] *Леонтович О.А.* Указ. соч. С. 69, 73; *Богин Г.И.* Типология понимания текста. Калинин, 1986. С. 11–12, 56–59.

[2] Применительно к языку это проявляется в количестве «семантических примитивов», то есть общих для всех людей понятий, которые лексикализовались во всех языках мира. С их помощью могут быть установлены комплексные и специфические для данной культуры значения. См.: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.

[3] *Леонтович О.А.* Указ. соч. С. 75.

и на восприятие русских путешественников, побывавших здесь[1], а ее преодоление стало одним из условий осознания «славянского братства».

В теоретическом введении к книге Саид задавался вопросом, «...что в ориентализме важнее: попирающая массу материала общая совокупность идей, неоспоримо пропитанных идеей европейского превосходства, разного рода расизма, империализма и тому подобное... иликуда более разнообразная работа, проделанная бесчисленными отдельными авторами, которых можно взять в качестве отдельных примеров индивидов, имеющих дело с Востоком»[2]. Саид не согласился с Фуко относительно малой значимости индивидуального текста и каждого отдельного автора в анонимной «дискурсивной формации», напротив, живучесть «ориентализма» он объяснил исключительным богатством его наследия.

Вопреки этому, исследовательская стратегия Саида была направлена на выявление генерализирующей интенции в интерпретации Востока, что предполагало анализ «поверхности текста» и исключало вопрос о правильности репрезентации или ее верности оригиналу. Автор открестился от притязаний на исчерпывающее исследование предмета в надежде на продолжателей и поставил вопрос об альтернативных способах понимания «другого», который требует пересмотра всего комплекса проблем соотношения власти и знания[3].

Модель, положенная в основу исследований после Саида, несмотря на все его предупреждения и оговорки, порой абсолютизирует посюсторонний социальный опыт и литературную предвзятость путешественников, а также схематизм и ригидность стереотипа. Приверженцы постструктуралистской теории нередко игнорируют или недооценивают степень дифракции свидетельств, различия в уровне политической и интеллектуальной ангажированности их авторов. Переход от «внутригруппового фаворитизма» к антифаворитизму в исследованиях «ментальных карт» сам по себе не может быть гарантией от стереотипности мышления. На схематизм некоторых построений в данных исследованиях уже указывали оппоненты[4].

Вероятно, путь к упрощениям проложен самой стратегией скольжения по «поверхности текста» со стремлением выявить генерализирующую интенцию и принципиальной ставкой на интертекстуальность, что делает малозначимыми межтекстуальные различия. Кроме того, часть исследований в области «ментальных карт» написана политологами и специалистами по международ-

[1] *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000; *Таки В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017.

[2] *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 17.

[3] Там же. С. 36–37, 40–42.

[4] См., например, обзор исследований: *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. А.И. Миллер (Политическая наука. 2001. № 4). М., 2001. С. 6–32. Тот же текст: НЛО. 2001. № 52. С. 42–61. А также: *Ионов И.Н.* Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // ДВ. 2010. № 30. С. 258–268.

ным отношениям, которые пользуются уже препарированным материалом и «готовыми» фактами, по-своему определяя задачи анализа[1].

Примером здесь может служить во многих отношениях интересная и содержательная книга И. Нойманна. Ее автор много внимание уделяет методологии исследования, развивая ту группу подходов, которую он назвал «восточным экскурсом», в том числе идеи М. Фуко и Э. Саида, но также М.М. Бахтина, Э. Левинаса, Ц. Тодорова и др. Нойман обозначил свой метод, солидаризируясь в этом отношении с рядом исследователей[2], как переход от диалектического к диалогическому видению коллективных идентичностей. С этой точки зрения «я» и «другой» переходят друг в друга, идентичности постоянно пересоздаются, они текучи и многогранны, будучи отношениями, а не сущностями. Внешний «другой» представляется проекцией внутреннего «другого». Такой подход, по-видимому, продуктивный в изучении процессов построения коллективных идентичностей и их использования в международных отношениях, почти ничего не дает для исследования способности «увидеть» и передать в дискурсивной форме чужой опыт. Более того, такая способность по существу отрицается, поскольку объявлено о «смерти суверенного субъекта»[3].

Опыт гиперкритики в потсруктуралистских работах должен быть усвоен историографией, часто недооценивавшей механику производства знания. Однако продуктивность исследований в области «имагологии» (изучении образов «другого») будет затруднена, если не снять избыточную негативную нагрузку с понятия «стереотип»[4] (дискурс, «ложное сознание»). Стереотип — не обязательно искаженный, но всегда неполный и упрощенный образ, выполняющий важную функцию в процессе познания и элементарного ориентирования в окружающем мире. Это означает неистребимость стереотипов, которые все же различны по степени сложности и амбивалентны по природе, что обеспечивает их динамику. Историку не следует замыкаться в рамках дискурсивного анализа и нарратологии (хотя литературная история и теория для него полезны), вовлекая в исследование все возможные источники и объяснительные модели, выделяя разные уровни восприятия чужой культуры.

История дисциплины, получившей название имагология, насчитывает уже несколько десятилетий[5]. Как показывает обзор М.И. Логвинова, помимо

[1] Среди наиболее значимых работ следует назвать: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения[1994]. М., 2003; *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей[1998]. М., 2004; *Todorova M.* Imagining the Balkans. N. Y., Oxford, 1997.

[2] Автор объединяет их в Копенгагенской школе международных исследований.

[3] *Нойманн И.* Указ. соч. С. 25–70, 267–295. Заключение к книге носит название: «Я» и «Другой» после смерти суверенного субъекта.

[4] Формой негативного обособления стереотипа является терминологическое противопоставление его «образу», «репрезентации» и т. д., как более сложным образованиям.

[5] Пионерское исследование, адаптировавшее это направление в отечественной традиции: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М., 1982. Теоретическая глава названа автором «Этнические представления» (с. 7–23; см также: с. 47–51), в ней учтен опыт психологов и этнологов, но в конце ее автор склоняется к имагологии и пишет о стереотипных литературных образах.

методик, заимствованных из компаративистской истории литератур и науки о знаковых системах, имагология учла опыт изучения стереотипов в социальной психологии и теории массовой коммуникации[1]. «Однако, — по мнению Т. Г. Стефаненко, — до сих пор не решена одна из самых существенных проблем, встающим перед этим направлением, а именно вопрос о том, насколько адекватно художественная литература, публицистика, различные виды искусства отражают стереотипы, существующие в обыденном сознании»[2]. Ответить на вопрос, сформулированный в столь абстрактной форме, затруднительно, если вообще возможно.

Русские путешественники, побывавшие на Балканах в первой половине XIXв., как уже указывалось, принадлежали к узкому слою «образованного общества». Их мышление, характер рецепции впечатлений и способы их литературной репрезентации целиком и полностью принадлежат данной коммуникативной структуре, связанной с европейской постпросветительской культурной средой. Распространять свойственные «образованным» стереотипы на всякого русского было бы, по меньшей мере, опрометчиво. Славянский дискурс до определенного времени не был частью обыденного сознания необразованного большинства общества. Стереотипное наполнение сознания «простого» человека скорее проистекало из непосредственного иноэтничного окружения. Напротив, «открытие» крестьянской культуры внутри России (и наделение ее стереотипными чертами) переформатировало элитарную продукцию.

В весьма содержательной статье, посвященной развитию имагологических исследований и их понятийному аппарату, О. Ю. Казакова отмечает: «Новейшей тенденцией междисциплинарной экспансии имагологии является ее историзация — отказ от рассмотрения эстетической функции образа Другого в художественном тексте в пользу изучения контекста, социокультурной детерминации формирования представлений и их функций в общественном дискурсе»[3]. Задавшись целью провести ревизию все расширяющегося тезариуса имагологии, Казакова пришла к выводу о его несовершенстве, высказав осторожную надежду на преодоление этого недостатка в академической дискуссии:

[1] *Logvinov M. I.* Studia imagologica: zwei methodologische Anzätze zur komparatistischen Imagologie// Germanistisches Jahrbuch GUS “Das Wort”. 2003. S. 203–220 (Режим доступа: http: //www. daad/wort/wort2003/Logvinov. Druck. pdf).

[2] *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. С. 242.

[3] С этим наблюдением, по-видимому, несколько диссонирует другое утверждение: «...сейчас... имагология отказалась от радикального конструктивизма сравнительного литературоведения в пользу герменевтического социокультурного изучения образов внешнего мира». *Казакова О. Ю.* Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. 2010. № 5. С. 6–17 (цит. на с. 8). Недоразумение видится в том, что классическая, да и философская герменевтика сосредоточена на понимании текста (вплоть до «текста культуры»), в то время как социальная функциональность, обретающаяся за пределами текстов и их взаимосвязей, ассоциируется, как правило, с конструктивистским подходом. Сомнительным видится и противопоставление в статье Казаковой «рецепции», толкуемой как исключительно когнитивный процесс, и (социальной?) перцепции.

«К сожалению, одновременно с пополнением и уточнением понятийного аппарата продолжается его эрозия»[1].

Автор цитируемой статьи с оговорками принимает в качестве базового понятия и предметной области имагологического исследования предложение А. В. Голубева и П. С. Куприянова[2]: инокультурный образ (представление) как трехчленная структура, включающая «словарь, отношение и сценарий». И можно целиком согласиться со следующим суждением Казаковой: «Считаю, что продуктивнее описывать когнитивные процессы, связанные с перцепцией и рецепцией, такие как символизация, стереотипизация, вульгаризация, формализация, идеологизация, мифологизация, чьи векторы направлены в разные стороны и их не надо искусственно соподчинять. В зависимости от социокультурной динамики в конкретный исторический момент в представлениях о стране, народе будет преобладать образно-символическое, понятийно-образное или понятийно-логическое начало. Неупорядоченность предметного поля преодолевается тем более легче, что задача имагологии заключается не столько в рассмотрении образа самого по себе (нарративное описание), сколько в изучении его как познания определенной культуры (дискурсивный анализ) и определении его роли в формировании идентичности и коммуникации (функциональный анализ)»[3].

На этих двух последних аспектах и будет сосредоточено в дальнейшем наше внимание.

«Славянская взаимность» vs панславизм

Публикуя в 1998 г. новаторскую, по интерпретации материала, статью под вызывающе кратким заголовком «Панславизм», О. В. Павленко с полувопросом обратила внимание на двойной стандарт в описании имперских идеологий и практик: «Если британский, французский, североамериканский, германский экспансионизм рассматриваются в историографии как явление закономерное и *необходимое* (да, но кому? — *М. Б.*), то [почему] аналогичная тенденция в российской внешней политике, одной из форм отражения которой и был “имперский панславизм”, вызывает столь негативное восприятие. <...> Изучать это явление необходимо, — продолжает автор статьи, — и не только для того, чтобы сделать выводы о его роли во внешней политике России, но и потому, что его эволюция иллюстрирует одну из граней сложного процесса самопознания российского общества, попыток его самоопределения в общей европейской (можно добавить и мировой. — *М. Б.*) системе»[4]. Не связаны ли упомянутые затруднения и двойные стандарты со спецификой того самого затянувшегося самоопределения, бесконечными и часто невразумительными дебатами

[1] Там же. С. 15.

[2] *Голубев А. В., Куприянов П. С.* Указ. соч.

[3] *Казакова О. Ю.* Указ. соч. С. 12.

[4] *Павленко О. В.* Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 55–56.

о России и Западе[1], равно как и с идеологическими дефицитами в оправдании текущей политики?

Павленко предприняла попытку оценочной ревизии и относительной нейтрализации термина «панславизм»[2], рассмотрев варианты его ситуационного употребления и изменчивого содержательного наполнения, а также указала на мифологический слой в каждом из них. Вопреки традиции, она сблизила «панславизм» со смежными терминологическими образованиями («славянская взаимность»[3], «славянская идея»), поскольку настаивала на плавающем семантическом и прагматическом статусе его бытования.

Эти и другие методологические новации вызвали остро критическую реакцию на круглом столе «Теоретические аспекты национальной идеологии славянских народов»[4]. В течение последующих лет их восприятие опять же оставалось неоднозначным, если не игнорировалось вовсе. В частности, Е. Н. Аксенова в теоретических заметках о соотношении «славянской и национальной идеи», опубликованных в 2002 г., упоминает лишь о «фантоме панславизма» в «западноевропейской политике» в связи с известным Славянским съездом в Москве 1867 г.[5]

«Существование “славянской идеи” как формы осознания определенной этно-культурной общности, как феномен славянской ментальности, — торжественно и категорично объявляет автор публикации явно в полемичном тоне, но не упоминая оппонентов, — не подлежит сомнению, хотя об *идее* (здесь и далее курсив Аксеновой. — *М. Б.*) можно говорить лишь условно (поскольку речь идет о *понимании* единства, а не о сознательном использовании этого понимания). В данном контексте славянскую идею можно считать этно-психологи-

[1] О семантических парадоксах, механизмах воспроизводства и социальной функциональности мифологемы «особого пути» см.: *Дубин Б.* Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. А. Панина. М., 2010. С. 211–229.

[2] В советском обществоведении он дробился на зеркальные противоположности: демократический (передовой) и реакционный (консервативный). Аналогичный бинарный подход, вытекающий из принципа классового анализа антагонистических обществ, характерен и в трактовке другого более широкого идейного феномена — романтизма.

[3] В частности, она приписала создателю доктрины «взаимности» Я. Коллару панславизм в «чистом виде», имея в виду «отстраненность [ее] автора от политики и его профессиональную скрупулезность», то есть непричастность к спекулятивным манипуляциям какого-либо рода. (Там же. С. 49.)

[4] Информация о нем опубликована в том же номере «Славяноведения» (с. 108–110).

[5] *Аксенова Е. Н.* Соотношение славянской и национальной идей в общественной мысли и освободительном движении славянских народов // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 4. Брянск, 2002. С. 419. Заметим, конечно же, в XIX в. не существовало еще общеевропейской внешней политики, и речь идет, скорее, о политическом дискурсе, родившемся в публицистике и проникавшем в сознание государственных мужей и дипломатов. Об этой публицистической конструкции см. давнюю, но влиятельную статью: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–69.

ческим феноменом славянского сознания, который может проявляться и бессознательно и сам по себе не является побудительным мотивом к каким-либо действиям»[1]. Иными словами, «славянская идея» трактуется на базовом уровне как родовая предрасположенность или, по крайней мере, как культурная интуиция.

Однако, по мнению Аксеновой, у «народов» имеется гораздо более фундаментальная склонность к «национальной идее», учитывающей «коренные интересы нации», тем более, она «...тесно связана с мироощущением, мировосприятием каждого народа, с присущими только ему чертами национального характера»[2]. Поскольку для каждого народа «своя рубашка ближе к телу» (соотношение понятий «нация» и «народ» специально не разъясняется в этих заметках, впрочем, сближается и синонимизируется), в практической деятельности «славянская идея» имела по отношению к «национальной идее» вспомогательный смысл.

В этой отчетливо эссенциалистской трактовке более сильный (близкородственный) примордиальный субстрат подчиняет себе сравнительно слабый (родственно-удаленный). И, следовательно, при такой методологической перспективе термин «панславизм», содержащий конструкционистские и/или мифологические коннотации, имеет лишь негативную импликацию как «фантом» враждебной политики (пропаганды).

Контрастно полярная модель трактовки «славянской идеи» («взаимности» и/или «панславизма») в конструкционистской перспективе использована для анализа колларовской образности, поэтических интуиций и ученых умозаключений у Т. Гланца. Автор заходит настолько далеко, что ставит под сомнение даже «родство» славянских языков, которые, по его словам, всего лишь «имеют некоторые общие черты», поскольку нормализация национальных литературных языков сама явилась результатом кодифицирующей деятельности «будителей», при этом они руководствовались воображаемым тождеством языка и «души» народа[3].

Гланц связывает конструирование «славянской идеи» с пучком интеллектуальных стратегий постпросветительской эпохи (включай схемы и представления, заимствованные из естествознания) и с «контекстуальными заданиями» по выработке «проектов будущего», но исключает из своего анализа разъяснение этих контекстов. В результате, некоторая часть статьи сводится к рациональной критике элементов, составляющих колларовскую «теорию взаимности», и восходящих к известной главе из «Идей к философии истории

[1] *Аксенова Е. Н.* Соотношение... С. 416.

[2] Там же. С. 418.

[3] *Гланц Т.* Изобретение Славии. О роли *путешествия* для формирования «славянской идеи» // Inventing Slavia. Изобретение Славии // Сб. материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004 г.) / T. Glanc, H. Meyer, E. Вельмезова (eds.). Prague, 2005. С. 11. См. дополнительно: *Он же.* Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). (Режим доступа: http: //magazines. russ. ru/nz/2007/6/gl6. html.)

человечества» Гердера[1]. Поскольку элементы этой «теории» выражены метафорически, априорно и абстрактно, им могут быть приписаны более поздние идейные конструкты (вроде геополитики, что является анахронизмом, по частичному признанию автора) или же типичные психологические реакции (в духе ресентимента).

Важнейшей стратегией конструирования будущего (и присвоения прошлого), как вполне справедливо считает Гланц, было славянское путешествие, которое основывалось «...на поэтике и риторике художественных текстов. Именно в них артикулируются проповедуемые идеи, насыщенные личным опытом (потрясениями, волнениями, радостью, страхом и т. д.) романтического героя, который является их создателем»[2]. Но поскольку за основу анализа берется крайне ограниченный круг текстов с разработанной поэтической структурой, за бортом оказываются нестыковки и зияния между литературными ожиданиями, опытом путешественника и не всегда умелыми попытками примирить их в исходных текстах (дневниках, записных книжках и путевых письмах). Это в свою очередь ведет к преумноженной риторической редукции живого опыта (когнитивных диссонансов, эмоциональных эффектов, спонтанных реакций и т. д.) и упрощениям в реконструкции последующих процедур по созданию публичных текстов, где задействовались рационализация и/или поэтизация.

Неудивительно, что в итоге автор сводит национализм (славизм) к интеллектуальному проекту «группы исключительно одаренных авторов, который (точнее его часть) только постепенно стал(а) неоспоримой социальной действительностью»[3]. Причины такой избирательности опять же не обсуждаются. Да и как бы сложилась историческая судьба, если бы авторы «национальной (славянской) идеи», оказались не столь одаренными? Как ни странно, конструкционизму не чужды реликты представлений о «романтическом гении».

Сопоставление двух крайностей в интерпретации «славянской идеи» заставляет усомниться в том, что суть наших трудностей в ее понимании заключается всего лишь в застоявшейся «памяти понятий», то есть сводится к «трудностям перевода»[4]. Тот или иной понятийный аппарат всегда репрезентируют более глубокий, парадигмальный уровень научный представлений, хотя степень

[1] *Гланц Т.* Изобретение Славии. С. 12–15. Похожий анализ проделан: *Павленко О.В.* Панславизм. С. 49–50.

[2] *Гланц Т.* Изобретение Славии. С. 15–16.

[3] Там же. С. 19.

[4] *Рокина Г.В.* Теория и практика... С. 13; *Лескинен М.В.* Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации. Размышления в связи с выходом монографии: Moroz-Grzelak L. Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa, 2011 // Славяноведение. 2013. № 6. С. 52–53. Автор последней статьи, не поминая впрямую предложения Павленко, возвращается к различению «взаимности» и «панславизма», «...генезис которых происходил в разные исторические эпохи, а [их отождествление] обусловлено четко сформулированным взглядом на них с функциональной и модернистской позиции, и с точки зрения современного политически ангажированного прочтения». (Там же. С. 55.) Это последнее замечание относится к научным спорам, о которых речь пойдет ниже (см. следующую сноску).

методологической проработки на этом уровне может отличаться у разных авторов. К тому же, особенно если основы научной работы эксплицированы слабо, существует опасность политико-идеологической ангажированности. Впрочем, не следует забывать: и интенция ангажированности, и степень авторской рефлексии по ее поводу в отдельных случаях также могут сильно разниться.

Показательным примером здесь может служить полемика между авторами книги очерков «“Славянская взаимность”: модель и топика» и В.А. Кошелевым[1]. Думается, что помимо квазиполитических разночтений, в этой полемике обнаружилось и несовпадение методологических подходов. Отнюдь не формальный характер имеет следующее замечание Кошелева: «В книге Л.Ф. Кациса и М.П. Одесского, впрочем, рассматривается не историческое бытие идеи, а лишь движение той идеологической “модели”, которая (авторы прямо это указывают на с. 12) далеко не исчерпывает “славянскую идею” как таковую. Подзаголовок же “очерки” позволяет и еще сузить предмет: в книге представлены лишь отдельные эпизоды, часто далеко не главные для “славянской взаимности”».

Действительно, позиция Кациса и Одесского далека от фундаментализма в понимании «славянского единства», который столь близок Кошелеву. И отнюдь не случайно их внимание сосредоточено на определенной идеологической «модели» и ее речевой «топике», что соответствует как конструкционистской парадигме «изобретения», так и по стструктуралистской теории «дискурсивных режимов», равно и свойственной ей стратегии смещения акцентов к фрагментам и маргиналиям (что можно назвать принципом предметной трансгрессии). Вместе с тем в предисловии к книге подчеркнута принципиальная недостаточность какого-то одного (политологического, исторического или филологического) подхода к рассматриваемому предмету, поэтому «...модель “славянской взаимности” анализируется и как (1) историческая идеология, и как (2) регулярно воспроизводимая (в частности, в русской культуре) топика — система аргументов, исторических сюжетов, устойчивых метафор и символов, которые могли существовать вместе и порознь»[2].

Вероятно, методологическое напряжение возникает в процессе соединения этих двух уровней. С одной стороны, «авторы настоящих очерков, стрем[или]сь избегнуть смешения идеологии “славянской взаимности” с другими моделями “славянского единства”...»[3]. Однако в другом месте, чуть ранее, они же оговариваются: «Диалектика общего и особенного здесь выражается в том, что каждая модель может замещать общее — “славянскую идею”— и свободно монтироваться с другими ее разновидностями, и в тоже время каждая модель — в качестве особенной — может оказаться с ними во враждебном отношении

[1] *Кошелев В.А.* [Рец.:] Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: модель и топика: Очерки. М.: Regnum, 2011. 314 с. — 500 экз. — (Selecta XIII) // НЛО. 2012. № 113. (Режим доступа: http: //magazines. russ. ru/nlo/2012/113/k47. html.); *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* Когда коллеги, распри позабыв... (Письмо в редакцию) // НЛО. 2012. № 115. (Режим доступа: http: //magazines. russ. ru/nlo/2012/115/k51. html.)

[2] *Кацис Л.Ф., Одесский М.П.* «Славянская взаимность». С. 17–18.

[3] Там же. С. 17.

(оппозиция “славянская федерация” *vs* имперский панславизм)». Более того, «равно апеллируя к “славянскому единству”, участники конкретных событий (иногда сознательно играя, иногда добросовестно заблуждаясь) могли иметь в виду разные ее модели»[1].

В таком случае не приходится говорить об изолированных «моделях», которые существуют, скорее, как исследовательские утопии («идеальные типы») или же аналитические категории. И их не следует овеществлять, применяя к изменчивому мышлению идеологов «славянского единства», а тем более к отдельным ситуативным высказываниям. Точно так же, некоторые элементы этих «моделей» (топика) не являются ни единовременными «изобретениями», поскольку они могли переоткрываться и переизобретаться многократно, ни структурными элементами только одной идеологической «модели». Будучи пластичными образованиями, как и указывают Кацис и Одесский, они порой выступали под разными флагами.

Соотношение поэтики («литературной взаимности») и политики («панславизма») в этих идеологических приключениях, в свою очередь, нельзя подвергать чрезмерно строгому стадиальному и типологическому разделению или радикальному противопоставлению. Опять же такое соотношение являлось динамичным и ситуативно-обусловленным. В одном случае, по тем или иным причинам, даже очень робкие политические мотивы скрывались, в другом случае, они, напротив, выпячивались и, что нередко, подменялись в расчете на нечто другое.

Известно, например, что ряд проектов по созданию Славяно-сербского государства на Балканах при поддержке России выдвигался уже в период Наполеоновских войн, а некоторые и ранее. Они, хотя бы в случае просвещенного карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, мотивировались (вероятно, не без влияния Гердера) культурно-языковым и религиозным единством русских и сербов[2]. В этом смысле «карловацкий круг»[3] Стратимировича принадлежал к ранним (но избирательным в своих предпочтениях) проводникам идеи «славянской взаимности» — еще до того, как она стала распространяться в изложении Коллара. И в какой-то момент, хотя и не надолго, их версия «культурного единства» под влиянием обстоятельств пережила актуальную политизацию.

Сосредоточение на риторических фигурах (топике текстов) заслоняет от исследователей более важный вопрос о причинах их социальной востребованности, поскольку сводит объяснительную процедуру к эстетической магии или эффекту многократного повторения. Тем самым устраняются от обсуждения гораздо более сложные и менее заметные (в масштабе творческого акта) процессы реконфигурации социального, политического и культурного пространства, поиска соответствующих им форм воображения, созидания и оспаривания коллективных идентичностей.

[1] Там же. С. 11.

[2] См. историографию и анализ сюжета: *Белов М.В.* У истоков... С. 153–187.

[3] *Петровић Т.* «Карловачки круг»...

В частности, в литературе часто отмечалась слабая реакция русского общества на пропаганду «славянской идеи» вплоть до середины XIX в. Павленко считает, что начало большей заинтересованности публики славянским вопросом спровоцировала Крымская война[1], но после 1861 г., как отметил разочарованный эпигон (Э.А. Мамонтов), «славянофилы вырастали за одну ночь, как грибы, вместе с патриотами самого подозрительного качества»[2].

Именно в пореформенный период в широкий публичный дискурс входит сигнальное сочетание «братья-славяне», что очевидным образом связано с изменившимся социальным ландшафтом. Качественно иная мобильность общества и активизация публичной сцены формировали потребность в амбициозных и в то же время «естественных» (родственных), следовательно, привычных по мотивации идентичностях[3]. Наибольшие усилия к распространению «братской» мифологии приложили славянофилы (после смягчения цензуры в начале правления Александра II) и их наследники разных идейно-политических оттенков. Но тот же гордый девиз использовался и в публицистике радикальных демократов, которые, в лице А.И. Герцена, начали апроприацию и реинтерпретацию славянофильской проблематики еще в конце 1840-х гг.[4] По-видимому, даже чуть ранее в своих политических манифестах периода Европейской революции «братскую» риторику осваивал и М.А. Бакунин[5].

Возможность присвоения дискурса, в случае с «братьями-славянами», открывалась благодаря *политической* пустоте этого словосочетания, которую еще

[1] *Павленко О.В.* Панславизм. С. 56–58.

[2] Цит. по: *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 47.

[3] «С другой стороны, широкое распространение, которое получили эти идеи в народных кругах в 1860–1880-е годы в России и среди южных славян, было связано с иной, “народной” — упрощенной и формально, и содержательно трактовкой славянской взаимности (большую роль в популяризации идей в это время играли не научные труды, а визуальные нарративы, газетная и журнальная публицистика, популярная литература)». *Лескинен М.В.* Славянское единство... С. 60. Характер этой упрощенной рецепции мало исследован. О связи панславизма с выработкой национальной идентичности см.: *Milojkovic-Djuric E.* Panslavism and National Identity in Russia and in the Balkans, 1830–1880: Images of the Self and Other. East European Monographs, 1994. В целом о социально-политическом контексте русского национализма: *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875. Köln, Weimar, Wien, 2000; *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. С. 436–471.

[4] *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России 1825–1861 гг. М., 1979. С. 133–140.

[5] *Бакунин М.А.* Избр. соч в 5 т. Т. 3. Пг.-М., 1920. С. 47–65. Та же риторика оставалась актуальной и много позднее, несмотря на разногласия двух ранних вождей демократического лагеря: Бакунин и Герцен в полемике по славянскому вопросу / ст. и публ. С.Д. Линцер // ЛН. Т. 96. М., 1985. С. 399–412. См. подробнее о «славянской федерации» в программах русских демократов: *Джонг Хи-Сок.* Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли в первой половине XIX века (с точки зрения теории федерализма) // Славяноведение. 1995. № 3. С. 78–88; *Он же.* Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли второй половины XIX в. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 174–185.

предстояло заполнить «своим» смыслом. В то же время высокая частотность употребления и разноречивость интерпретаций очень скоро обнаружила слепое пятно в метафоре, чреватой, однако, коннотациями семейного старшинства, что сделало ее доступной для иронического опустошения[1].

Поиск языка описания: путешествия начала XIX века[2]

В основательном обзоре главных трендов развития сербско-русских / русско-сербских отношений в перспективе «времени большой длительности», указывая на неоднородность тех или иных периодов по степени интенсивности и характеру контактов, подчеркивая особенно отсутствие политической составляющей (вне символического поля) в этих взаимоотношениях, по крайней мере, до начала XVIII в., М. Йованович все же замечает в скобках: «Эти связи, тем не менее, послужили основой, на которой с течением времени в глубинах коллективного менталитета укоренились и утвердились представления о братстве, близости, “единоверии” и “единоплеменстве” двух народов». И далее: «Двусторонние культурные и духовные связи, контакты и влияния, относящиеся к XVIII веку, представляются основой, на которой с небольшими модификациями, практически на протяжении двух следующих столетий (XIX и XX) строились сербско-русские культурные и духовные обмены и сотрудничество. Континуитет духовного и культурного обмена и влияния, миграции, многозначные процессы языкового развития неизбежно оставили глубокий след в коллективном менталитете и [исторической] памяти и сформировали основы для современного взаимного понимания и восприятия»[3].

Итак, этот общий опыт обеспечил *возможность* взаимной перцепции. Однако сербский историк обращает внимание и на существенные различия (разнонаправленность) в путях исторического развития Сербии и России. Они-то и предопределили расхождения в дискурсивных формах понимания сути, назначения и «выгод» от взаимоотношений стран и народов на политическом уровне[1]. Это последнее представляется чрезвычайно важным и перспективным методологическим допущением, которое, кажется, можно распространить и за пределы политического поля. Речь идет о существенных различиях в социокультурной динамике развития российского пространства и Балканского региона, обозначившихся в начале XVIII в. Русский дискурс как на уровне государственной идеологии, так и на уровне культурного самоопределения элиты подвергся гораздо более глубокой трансформации (даже учитывая европейское воздействие на австрийских сербов в то же самое время). В крайнем случае эта трансформация приобретала инверсивные формы, заставляющие воспринимать «свое» (допетровский уклад) как «чужое», а «чужое» (европейскую культуру) как «свое»[2]. Любопытные замечания о парадоксах послепетровской культурной инверсии можно обнаружить в исследованиях представителей «московско-тартусской школы», в частности в работах Ю. М. Лотмана, или, например, в толковании исторического сознания современников и предшественников А. С. Пушкина у Н. Я. Эйдельмана: «Сознавая себя европейцем, ценителем французской тонкости, он (отец поэта. — *М. Б.*), конечно, старается отделить себя от невежественных, диких времен. Поэтому, к примеру, XVI в. рассматривается как “невежество”, естественное по своему удалению на два-три века от сегодняшнего просвещения; а вот с XVIII в., “недавним невежеством”, дело обстоит сложнее: он слишком близок...»[3]

Иными словами, обличение дикости и варварства, привычно атрибутируемых европейской россикой, несмотря на всю упорную работу XVIII в. по обработке «дикого камня»[4], образованным классом внутри России с компенсаторным усилием переадресовывалось в иные временные, географические или социальные пределы, в том числе и балканские[5]. В этих обстоятельствах дискурсивный сценарий восприятия православных народов Балканского

[1] См., например: *Чернышевский Н. Г.* Самозванные старейшины [1862] // Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1951. С. 125–135. При всем неприятии точки зрения оппонентов-славянофилов Чернышевский признавал «славянское братство» по крови, а также выражал сочувствие «угнетенным» и проявлял интерес к их судьбе. См.: *Пирожкова Т. Ф.* Революционеры-демократы...; *Ровнякова Л. И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Л., 1986. С. 93–102 (там же библ.). Осторожная критика позиции Чернышевского по балканскому вопросу: *Хевролина В. М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х — начало 80-х годов XIX в. М., 1986. С. 123. Ср., однако, позицию демократов пореформенного периода со снисходительно-пренебрежительной и отстраненной иронией О. И. Сенковского по отношению к рождающемуся славяноведению: Библиотека для чтения. 1837. Кн. XXIII. Литературная летопись. № 7. С. 15–16 (о диссертации О. М. Бодянского). № 8. С. 62–64 (о переводе «Славянских древностей» П. Й. Шафарика).

[2] Ранняя версия этого раздела опубликована в виде статьи в сб.: Политическая культура и международные отношения в Новое и Новейшее время. Сб. научных трудов / под ред. М. В. Белова. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119.

[3] *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век (Историја односа). Београд, 2012. С. 58, 120.

[1] Там же. С. 27–34. М. Йованович различает сербский, русский и внешний дискурс в толковании двусторонних отношений. См. также: Москва–Сербия, Београд–Русија. Т. 2. С. 14–38 и русскоязычные публикации автора.

[2] Это, как известно, не исключало апроприации и рекомбинации идеологического наследства. См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) [1976] // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 349–361.

[3] *Эйдельман Н. Я.* Пушкин: история и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 29.

[4] *Смит Д.* Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006.

[5] Компенсация окажется помноженной надвое, если принять во внимание гипотезу, согласно которой конструирование варварского «другого» в мире просветительской «цивилизации» являлось способом нейтрализации и символического изгнания из нее внутреннего варварства.

полуострова как братьев-единоверцев и единоплеменников, несомненно, имеющийся в глубоких кладовых исторической памяти, мог подвергаться репрессии, радикальному вытеснению и временному «забвению», будучи заменен иными, идеологически главенствующими сценариями. Напротив, старый идеологический материал оказывался конъюнктурно востребованным в официальных призывах к «православным греческим и славянским народам» поднять оружие во время русско-турецких войн второй половины XVIII в.[1] Тогда использовались те самые дискурсивные ресурсы, которые, по справедливому рассуждению составителей данных обращений, могли найти отклик и понимание в местной культурной среде.

Возвращаясь к случаю полковника Пучкова, составившего свой отчет о поездке на Балканы в 1760 г., и подобных ему, следует говорить о преобладании в его мышлении (и, соответственно, в восприятии черногорских реалий) рутинизированного чиновного варианта идеала «регулярного полицейского государства». Перенесенная из камералистской теории и практики в Россию Петром I и его идеологами, эта модель была затем частично реставрирована во время правления его дочери и далее — с некоторыми дополнениями Екатериной II[2]. Этот бюрократический социолект с присущими ему культом «порядка» и государственного «гения», а также иерархическим элитизмом, дополненный умеренно-просветительской риторикой, останется познавательным инструментом, равно как и способом властвования позднее — в XIX в.[3]

Таким образом, внутри «национальных» дискурсов взаимовосприятия, не проводя непреодолимой черты между «политическими» и «общественными» контактами, можно выделить их несовпадающие подварианты. Они определяются в свою очередь социальным статусом и профессиональной функциональностью (или же государственной целесообразностью), культурной компетенцией и т. д., в конечном счете — «идеологическим» выбором автора, который совершается, как правило, в конкурентном контексте, что заставляет учитывать адресацию сообщения, и проявляется, как минимум, но в разной степени на семантическом и стилевом уровне текста.

В начале XIX в. контакты русских дипломатических и военных представителей со славянским населением Балканского полуострова активизировались. Кроме того, здесь впервые побывали путешественники, не состоявшие на государственной службе, которые отправились в дорогу, преследуя научно-ознако-

[1] См., например: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. № 223, 255. С. 291–293, 334–336.

[2] *Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизации в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 48–79.

[3] О языке бюрократии первой половины XIX века см.: *Романенко А.П.* Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981; *Федосов И.А., Долгих Е.В.* Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М., 2000. С. 42–45, 48–58.

мительные цели, или же, воспользовавшись официальной оказией, для удовлетворения любопытства читающей публики. Таких примеров — единицы, тем не менее они показательны, поскольку свидетельствуют о расширении кругозора и росте культурно-политической инициативы русского дворянского общества. Путешественники начала века были первопроходцами, результаты наблюдений некоторых из них остались по существу неизвестными современникам, и лишь несколько десятилетий спустя научные поездки в славянские земли примут организованный характер, а их финансирование возьмет на себя государство[1].

Тема общности происхождения славянских народов была по-новому поднята в петровский период, она получила развитие в исторических трудах М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева. А Н. И. Новиков в предисловии к первому тому «Древней российской вивлиофики» записал: «Не все у нас еще, слава Богу, заражены Франциею; но есть много таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотой»[2]. В этих условиях рождается мода на приправленные фольклорными пряностями сочинения: «Пересмешник, или Славенские сказки» М. Д. Чулкова, «Славянские древности, или Приключения Славенских князей» М. И. Попова, «Русские сказки, содержащие Древнейшие Повествования о славных Богатырях» В. А. Левшина, вышедшие в свет в 60–80-е гг. XVIII в. Национальный и славянский колорит оставался литературной потребностью и в более позднее время. С оглядкой на уже сложившуюся традицию написана поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»[3]. По мысли Ю. М. Лотмана, внимание к славянской

[1] *Истрин В.* Русские путешественники...; *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980; *Никулина М. В.* Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России: Труды по русской и славянской филологии. Вып. 2. Тарту, 1983. С. 75–94; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д. Ф. Марков и В. А. Дьяков. М., 1988; *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете...; *Она же.* История славяноведения в России в XIX веке. *Калоева И. А.* Изучение южных славян в России в XVIII— первой половине XIX в. М., 2002 и др.

[2] Цит. по: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. М., 1980. С. 70. Отметим связь интереса к славянской старине с ранней критикой галломании. См. о ней, например: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1770-х гг. М. — Л., 1936; *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. М. — Л., 1936; *Он же.* История русской журналистики XVIII века. М. — Л., 1952; *Он же.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977; *Стенник Ю. В.* Русская сатира XVIII века. Л., 1985.

[3] См.: *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. Очерки. СПб., 1912; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. [Т. 1]. М., 1958; *Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959; Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. Дань ставшему популярным в конце XVIII в. жанру богатырской

старине — результат «национализации» Просвещения на русской почве. Согласно этой теории, культурная периферия на определенном этапе динамического взаимодействия восстает против центра, каковым в то время выступала Франция, расширительно — Западная Европа[1].

Возможность познакомиться с бытом и нравами той части славянских народов, которых не затронула калечащая цивилизация, воспринималась в этом контексте как истинный подарок судьбы. Им могли воспользоваться немногие. Но трудности стоили того, чтобы их преодолеть. Это же все равно, что вернуться к истокам — в «естественное состояние», — совершить путешествие без машины времени на десять столетий назад, увидеть собственными глазами далеких предков.

Контакты русских дипломатов, военачальников и неофициальных лиц с балканскими славянами активизировались в условиях обострившейся борьбы великих держав, прежде всего, России, Англии и Франции в Средиземноморском регионе в период так называемых Наполеоновских войн. В то же самое время приобретает первые организованные формы национально-освободительное и объединительное движение югославянских народов. Имеются в виду Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и усилия по государственному строительству и преодолению территориальной замкнутости Черногории, предпринятые митрополитом Петром I Петровичем-Негошем[2]. Таким образом, как со стороны России (особенно в моменты, когда международный конфликт принимал военный характер), так и со стороны балканских славян возникала потребность в налаживании партнерства и взаимодействия. И это притом, что потенциальные партнеры России на Балканах не имели признанного государственного статуса. Под давлением обстоятельств и под влиянием новаций, привнесенных во внешнеполитическую практику Революцией и Наполеоном, русская дипломатия трансформировалась, допуская признание в качестве субъектов международных отношений государственных образований, чей суверенитет не подтвержден в актовой форме[3]. Освободительный потенциал национальных движений европейских народов планировалось использовать против наполеоновской империи. Такая стратегия разрабатывалась в ходе организации третьей и четвертой коалиции («балканские планы» А. Чарторыйского) и затем накануне вторжения Великой армии в Россию (проект «адриатической

сказки отдал даже сентименталист и «новатор» Н.М. Карамзин в поэме «Илья Муромец», но образы славянской древности здесь отличались крайней литературной условностью: *Лотман Л.* «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 33. С. 134–138.

[1] *Лотман Ю.М.* Архаисты-просветители [1986] // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 198–210. Ср.: *Живов В.И.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // НЛО. 2008. № 91. С. 114–140.

[2] См., например: БИ. Вып. 18. Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997; *Аншаков Ю.П.* Становление...; *Грачев В.П.* Сербы и черногорцы... 2003 и др.

[3] См. подробнее: *Белов М.В.* У истоков... С. 291–327.

экспедиции»)[1]. Разумеется, широкие круги образованной публики не были посвящены в планы высокопоставленных дипломатов и военачальников. Однако бурная динамика перемен в европейской жизни, продиктованная наполеоновской экспансией, ростом национальных движений и соперничеством великих держав, приковывала к себе общественное внимание. Отдельную заинтересованность вызывала в этой связи славянская проблематика[2]. Публичная и кулуарная полемика об актуальных внешнеполитических задачах вплеталась в дискуссию о культурных приоритетах, которые формулировались в терминах «древней» и «новой» России[3].

В начале XIX в. эти различия во взглядах приняли форму спора о русском литературном языке, поделившего культурную элиту на «архаистов» («шишковистов» или «славенофилов», то есть сторонников церковно-славянской языковой ориентации) и «новаторов» («карамзинистов», сторонников «нового русского слога», усвоившего прививку европеизации). Исследования последних десятилетий[4] показали, однако, как неоднородность мышления этих группировок, оттенки мнений внутри них, возможность промежуточных позиций, динамику и вариативность воззрений даже главных идеологов двух «партий», так и невозможность ассоциировать конечную правоту с какой-либо одной из них. Критикуя рудименты телеологического подхода к данной проблеме, Б.М. Гаспаров, в частности, писал: «При таком взгляде отходит на задний план смешанный, хаотический, многоголосый (отнюдь не только дуальный!),

[1] *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения... С. 335–338, 411–417; *Казаков Н.И.* Проект привлечения...; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. С. 42–62; *Грачев В.П.* План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005. С. 65–71; *Белов М.В.* Балканская парабола... и др.

[2] *Никулина М.В.* Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (На материале русских периодических изданий) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 136–159. См. также указанную выше монографию И.С. Достян (1980) и ее статьи сопутствующей тематики. Библ. в кн.: В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 494–503.

[3] См., например: *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII— начала XIX века. СПб., 2004; *Мазур Н.Н.* Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цепь непрерывного предания...»: Сборник памяти А.Г. Тартаковского. М., 2004. С. 196–250. Примером тесного соединения вопросов культуры и политики в общественной полемике и борьбе властных группировок начала XIX в. может служить опала М.М. Сперанского: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII— первой трети XIX века. М., 2001. С. 187–237. См. также: *Cooper D.L.* Creating the Nation: Identity and Aesthetics in Early Nineteenth-Century Russia and Bohemia. Decalb, 2010.

[4] Отправным для них стало пионерское исследование Ю.Н. Тынянова, написанное еще в середине 1920-х: *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 23–121.

амальгамный характер, присущий каждому культурному феномену и каждой культурной эпохе...»[1]

Хотя литературные партии начала XIX в. ни в коей мере нельзя генетически отождествлять с позднейшим разделением на «западников» и «славянофилов», тем не менее отдельные аспекты споров последних, разумеется, имели в качестве предыстории полемику более ранней эпохи; использовался отчасти и оставшийся в наследство от нее дискурсивный материал[2].

Если учет литературных стереотипов, генерализирующих метафор, историко-культурных аллюзий и иных дискурсивных приемов в текстах, вышедших из-под пера путешествующих писателей, вероятно, не вызовет возражений, то применение такой же методики к языку дипломатов в силу позитивистской инерции кажется непривычным, и поэтому требует некоторого обоснования. Как известно, для речевой практики дипломатов начала XIX в., как и для всей дворянской элиты России, было характерно сочетание французского и русского языка в разных пропорциях. Язык европейской литературы и философии, равно как и язык светского салона, являлся смежной областью функционирования дипломатического письма. Его полная русификация вызывала определенные сложности[3]. Между тем, в Александровскую эпоху «забота о языке правительственных декретов и официальных бумаг представлялась... одной из существенных государственных задач»; владение письмом «нового слога» стало важнейшим фактором в возвышении М. М. Сперанского и в карьерном росте других преуспевающих государственных деятелей и дипломатов[4].

[1] *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999. С. 9–10. Ср.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествие в Царстве теней или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) [1975] // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446–538; *Альтшуллер М.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007 (1-е изд. — 1984); *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII— начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985; *Серман И. З.* Литературное дело Карамзина. М., 2005 и др.

[2] *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX века. М., 1986. С. 5–55.

[3] По свидетельству П. А. Вяземского, «в конце минувшего [XVIII] столетия сделано было распоряжение коллегией иностранных дел, чтобы впредь депеши наших заграничных министров писаны были исключительно на русском языке. Это переполошило многих из наших посланников, более знакомых с французским дипломатическим языком, нежели с русским. Один из них в разгар Французской революции писал: *гостиницы гозбят бесштанниками*, что должно было соответствовать французской фразе: les auberges abondent en sansculote». Цит. по: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Споры о языке... С. 487. (Примеч. 1).

[4] Там же. С. 460. Подробнее см.: *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. Гл. 6 и 7. Кроме того, следует учитывать высокую литературную культуру эпистолярного жанра этого времени, что, вероятно, оказывало определенное влияние и на деловую переписку: *Тодд III У. М.* Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994. С. 24–35.

В этой связи показателен пример первого русского дипломатического представителя в Белграде К. К. Родофиникина (1807–1809), сделавшего блестящую карьеру с низкого социального старта и возглавившего при Николае I азиатский департамент МИДа. Помимо других важных качеств, Родофиникин отличался особой способностью к «гладкому» письму и чиновной графоманией. Его послания из повстанческой Сербии никак не назовешь лаконичными, а на одной из альбомных карикатур он изображен за составлением депеши в образе чиновника, измазанного чернилами и заваленного бумагами[1]. Не меньшее усердие в составлении своих донесений из Черногории (1805–1807) проявил «специальный представитель» Александра I С. А. Санковский, что позволило назвать комплекс его наиболее детальных и подробных сообщений «описанием Черногории»[2].

И Санковский, и Родофиникин получили особые правительственные и дипломатические указания о сборе сведений, касающихся географии, хозяйственного уклада, общественного устройства, военных возможностей, нравов народов, населяющих земли, в которые они направлялись[3]. Дипломатическое ведомство России испытывало острый дефицит информации относительно своих потенциальных союзников. Таким образом, уполномоченные правительства России на Балканах выступали и в качестве первых русских этнографов этих земель. Более ранние отзывы дипломатов, данные еще во второй половине XVIII в., не слишком обнадеживали.

Составленное Санковским «описание Черногории» заметно отличается от свидетельств предшествующего периода как большей детализацией, так и меньшей однозначностью оценок; оно испытало на себе влияние нового литературного стиля — сентиментализма. Автор сравнивает горы с развалинами городов, а суровость ландшафта соотносит с воинственным характером и природными «добродетелями» истинного солдата. Конечно, «весьма часто [странные правила чести] рождают в людях разума необработанного варварское своеволие». Но такой народ «заслуживает внимание любителя рода человеческого» для просвещения «несчастных людей», поскольку насаждение «художеств и ремесел» избавило бы их от нужды и смягчило нравы[4]. Несмотря на отдельные замечания, касающиеся дикости и буйств (по тем или иным причинам они были исключены из текста первым публикатором), донесения Санковского в целом проникнуты искренним интересом и симпатией к черногорцам, которая транслируется сквозь призму известного руссоистского

[1] *Корнилова А. В.* Мир альбомного рисунка. Русская альбомная графика конца XVIII— первой половины XIX века. Л., 1990. С. 127–129.

[2] *Достян И. С.* Описание...

[3] См., например, инструкцию главнокомандующего Молдавской армией И. И. Михельсона К. К. Родофиникину от 16 июня 1807 г.: Внешняя политика России... Сер. 1. Т. 3. С. 623–625.

[4] Црногорско-руски односи 1711–1918. № 5. С. 66–69. (С. А. Санковский — А. А. Чарторыйскому, 24 октября 1805 г.)

концепта — «благородный дикарь»[1]. Следует отметить и присутствующую у дипломата просветительскую уверенность в силе социальной инженерии, разумном и быстром переустройстве общественного быта. Мотивы славянской общности, исторические и этнографические параллели в донесениях Санковского не прослеживаются.

Последнее необходимо отнести и к донесениям Родофиникина, который пользовался в своих суждениях о сербских вождях универсальным просветительским мерилом: «1) Черный Георгий — читать и писать не умеет. 2) Миленко [Стойкович] — умеет читать и писать, скромен, храбр и любим всеми. 3) Яков [Ненадович] — читать и писать умеет, благоразумен и по связям своим и богатству могущественен. 4) Младен [Милованович] читать и писать не умеет, подл и лукав. 5) Кнез Симон [Маркович] читает и пишет, храбр и благоразумен»[2]. Сербские реалии просеивались сквозь опыт «просвещенного» чиновника: рабству и невежеству в его сознании противостояли сословные привилегии, которых он здесь не находил, и образованность, хотя бы на уровне элементарной грамотности. Поэтому первоначальные характеристики местных вождей столь однозначны. Из невежества проистекают в одном случае своекорыстие и алчность, в другом — легкомыслие и горячность.

Уже в первом послании из Сербии присутствует противопоставление вождей и народа, который «один токмо... обрадовался в надежде, что с моим прибытием все устроится, и как жизнь, так и имущество каждого обеспечатся»[3]. В дальнейшем сентиментальная тенденция в рассуждениях Родофиникина о «несчастном народе» усилилась. Слепая вера последнего в могущество и милосердие русского царя оказывалась главной гарантией сохранения приверженности повстанцев к России в условиях, когда «безумство» местных вождей угрожало подорвать к ним всякое доверие и повергнуть Сербию в гибельную

[1] Разумеется, этот концепт начал складываться в европейской литературной традиции задолго до Руссо: *Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.-Париж, 1970. С. 251–278; *Ионов И.Н.* Столкновение миров: мифы, бинарные образы, реинтерпретации открытия и завоевания Америки // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 146–148. См. также: *Куприянов П.С.* Образы «дикарей» в записках путешественников начала XIX века: абстракции и реальность // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 124–143. На наш взгляд, автор несколько преувеличивает последовательность просветительского мышления, оставлявшего место для бурных дискуссий. Кроме того, эпоха Разума слишком уж отгораживается от следующей, тем более что в начале века она уже наступала, и сентиментализм готовил романтиков.

[2] *Богишич В.* Разбор... С. 122. К.К. Родофиникин — А.Я. Будбергу, получено 4 сентября 1807 г. В процитированном резюме отсутствует качественная характеристика верховного вождя Карагеоргия (Георгия Черного), но в самом донесении Родофиникин отдал должное «свирепости» его нрава, подробно описав необдуманность его поведения в связи с приездом в Белград уполномоченного русского чиновника.

[3] Там же. С. 116. Основная характеристика — «свирепый» — употреблена в другом месте рядом со словом «народ», хотя из контекста ясно, что речь в данном случае идет о предводителях восстания (с. 117).

пропасть. Однако сентиментальный подход не выявлял специфики, не обращал внимания на детали, поскольку, как заметил разделявший взгляды Родофиникина главнокомандующий Молдавской армией А.А. Прозоровский: «...народ везде одинаков, без просвещения и понятия о политике не имеет...»[1]. Детали, которых все-таки касается Родофиникин в своих посланиях, по понятным причинам, относятся главным образом к организации войска[2].

Другим способом постижения балканских реалий стал неоклассицизм, который на русской почве разрабатывал тему славянской антики[3]. Осенью 1804 г. в путешествие по славянским землям отправились вдохновленные лекциями и занятиями у А.Л. Шлецера студенты геттингенского университета А.И. Тургенев и А.С. Кайсаров. В частности, они побывали в пограничном с владениями Османской империи австрийском Земуне на берегах Савы, притока Дуная, «...а оттуда могли видеть Белград с его мечетями, где теперь царствует такой беспорядок, какой только в Турции быть может. Вы, я думаю, — обращается Тургенев к родителям в письме от 15 октября, — уже из газет знаете о возмущении угнетенных сербов, находящихся под турецким игом. Лагерь их и вся небольшая армия, предводительствуемая их старшинами, все лето стояла под Белградом и держала его в осаде; теперь отступила она на зимние квартиры, и для того не могли мы видеть сих славяно-спартанцев, которые, к стыду христианских государств, уже целые четыре столетия мучимы турками. Русскому, которого и порода, и религия с ними соединяют, нельзя видеть их состояние без внутреннего негодования»[4]. Политические суждения Тургенева, равно как и его друга, находились под влиянием оценок высокопоставленного гида русских путешественников — карловацкого митрополита Стефана Стратимировича, а также деятелей его «круга», ранних проводников идеи «славянской взаимности»[5].

Тогда как Тургенев в письме родителям жаловался (вероятно, не желая их волновать, или из конспиративных соображений, опасаясь перлюстрации), что друзьям не удалось побывать в Белграде, дневник Кайсарова и письмо самого

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 173–177об. (А.А. Прозоровский — депутатам, 7 марта 1809 г.) Правда, ранее главнокомандующий заверял своего собеседника И. Юговича, что говорит с ним «...как истинный друг сербского народа, желающий по единозаконию, по единоплемению и по собственной наклонности споспешествовать благоденствию сербов». *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. № 7–8. С. 552–557.

[2] См., например, его развернутую характеристику повстанческой Сербии, составленную по просьбе Прозоровского, в донесении от 9 ноября 1807 г.: Первое сербское восстание... Кн. 1. № 318. С. 431–434 (и в настоящем издании). Отношение Прозоровского от 19 октября 1807 г.: Там же. № 313. С. 425–427.

[3] Соотношение неоклассицизма с сентиментализмом и преромантизмом, очевидно, следует представлять как динамическое и вариативное: *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 36–37; *Майофис М.* Указ. соч. Гл. 7; *Smith A.D.* Neo-Classicist and Romantic Elements in The Emergence of Nationalist Conception // Nationalist Movements / ed. by A.D. Smith. London, 1976. P. 74–87.

[4] Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова... С. 52–53.

[5] См. выше.

Тургенева другому корреспонденту свидетельствуют об обратном[1]. На следующий день по прибытии в Земун путешественники навестили местного коменданта и директора карантинов с просьбой о разрешении на поездку в Белград. Оба чиновника дали отказ, но позволили проехать по Саве на лодке в сопровождении австрийского капрала, который за известную мзду позволил им спешиться на турецкий берег.

Тем не менее встреча русских путешественников со «славяно-спартанцами» так и не состоялась. В Белграде они увидели декорации перевернутого вверх дном магометанского ада и ритуальные демонстрации жестокости, замешанной на ненависти и страхе. Коалиция вождя повстанцев с турецкими разбойниками, засевшими в сербской столице, очевидно, неприятно удивила Кайсарова, хотя была объяснима тактическими соображениями, а впрочем, не помешала автору дневника в выражении моральной солидарности и чувства гордости — принадлежать славянскому миру и быть русским. Иронические ноты в этих сценах звучат, когда речь заходит об австрийском капрале и капитане турецкого корабля, угощавшего путешественников кофе[2].

Кайсаров не был ни отвлеченным мечтателем, ни политическим фланером. Его дневник содержит этнографические зарисовки и черты хозяйственного уклада сербского населения в Южной Венгрии. Явленные картины турецкого варварства ставили в повестку дня вопрос о способах его преодоления на путях просвещения и «возрождения славянства». Учитывая увиденное в Белграде и услышанное из уст сербских священнослужителей в южной Венгрии, Кайсаров год спустя записал в предисловии к неопубликованному сравнительному словарю славянских наречий: «Сербам, под турецким правлением живущим, есть один только способ получить грамматики, словари и все полезное. Этот

[1] Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова... С. 77. Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 42–44.

[2] Несколько иной подход можно обнаружить в переписке Тургенева периода путешествия. Ироническое снижение присутствует в словесной характеристике их с Кайсаровым увлечения («славянствуем») и его предмета («черепки», то есть древности, хотя первый термин относится также и к современным обстоятельствам). По наблюдению П. С. Куприянова, в переписке Тургенева комбинируется этнический и конфессиональный принцип классификации: «Они совмещаются и чередуются, поочередно занимая доминирующие позиции в различных частях путешествия. <...> Такое сосуществование противоречивых моделей в сознании одного человека — характерная черта этнического сознания российской интеллектуальной элиты рубежа XVIII–XIX веков, отличающегося подвижностью, противоречивостью и сочетанием разных культурных парадигм». Тем же объясняются «игровые» элементы в письмах Тургенева. См.: *Куприянов П. С.* Немцы и славяне в письмах А. И. Тургенева 1804–1805 гг.: интерпретация конфликтов и проблема идентичности // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008 г. М., 2008. С. 62. Не оспаривая в целом этого утверждения, на наш взгляд, следует учесть противоречивое воздействие на это сознание местных экспертов. Например, в письме Тургенева К. Я. Булгакову от 14 октября 1804 г. в оценке развития хода сербского восстания прочитываются соперничающие голоса двух духовных вождей — С. Стратимировича и белградского митрополита Леонтия.

способ теперь вместе с победоносным мечем словенским в руках Черного Георгия!»[1]. Чуть ниже в примечании, памятуя собственный опыт путешествия, в котором он пережил «шесть лихорадок», Кайсаров добавляет: «Ездить в Париж или Лондон и веселее, и способнее. Там на всяком шагу встречаются новые забавы, новые удовольствия; но ехать в такие земли, где боязливое правительство опасается всякого иностранца (с чистой совестью правительство никого не боится), где иногда за любопытство надобно переносить множество неудовольствий — в такие земли немного находится охотников».

Открытие «братьев-славян» было в чем-то сродни подвигу, и противопоставлялось модным среди дворянской молодежи увеселительным поездкам по западным столицам[2]. В свете данной рукописи позиция Кайсарова является редким (или даже исключительным) для русской научной и общественной мысли начала XIX в. образцом идей «славянской взаимности»: языковой и культурной общности, которую следует переоткрыть и воссоздать совместными усилиями поверх государственных границ. Не случайно исследователь тургеневского архива В. М. Истрин называл Кайсарова предтечей славянофилов, а советские историки усматривали в нем предшественника будущих декабристов.

Еще один путешественник Д. Н. Бантыш-Каменский, отправленный по протекции отца, управляющего архивом Коллегии иностранных дел, весной 1808 г. в штаб-квартиру Молдавской армией со святым миро для сербов восставшего Белградского пашалыка, украсил свои записки модными романтическими красотами и приключениями. Но в целом его сочинение больше соответствует традиции «сентиментального путешествия»[3]. Не случайно в Белграде автор

[1] Рукопись А. Кайсарова... С. 199.

[2] Кайсаров и здесь, и в переписке со славянскими корреспондентами оперировал термином «братья»: «О любезнейшие сербы! пишите скорее и больше... пишите свои грамматики и словари, чтобы заставить не только северных братьев своих, но и всю Европу узнать вас». *Ягич В.* Указ. соч. С. 695. (А. С. Кайсаров — Л. Мушицкому, 1 января 1805 г.) Вообще же в путевой прозе и деловой переписке этого времени формула «братья» обычно фиксирует отношение балканских славян к русским. Однако есть и другие исключения: автор «Морского журнала» (январь–май 1806 г.), участник сенявинской экспедиции И. И. Кожин, писавший о первом взятии о. Курцола (Корчула), указал на близость языков, которая сделала «дружество и братство» между русскими моряками и жителями Далмации. НИОР РГБ. Ф. 344. Оп. 3. К. 443. № 34. Л. 6.

[3] О русской литературе путешествий см.: *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. *Роболи Т.* Литература путешествий // Русская проза. Л., 1926. С. 42–73; *Михельсон В. А.* Путешествие в русской литературе. Ростовн/Д, 1974; *Ивашина Е. С.* О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой половины XIX века // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16; *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры [1984] // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 484–564; *Гуминский В. М.* Открытие мира, или Путешествия странника. М., 1987; *Михайлов В. А.* Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999; *Рош Д.* Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша.

записок был покорен обаянием Родофиникина и его суждениями о Сербии. Примером «местного колорита» в рассказе Бантыш-Каменского может служить описание сербского танца (коло) и обеда в резиденции М. Стойковича[1]. В этом повествовании над всем доминирует тема Востока. «Двор» сербского генерала, каким его увидел русский путешественник, сочетал обычаи знающего толк в удовольствиях турецкого паши с походной суровостью и крестьянской непритязательностью.

Среди побывавших в повстанческой Сербии русских совершенно особый, пограничный — между литератором и функционером — случай представляет отставной майор Александр Полев. Оставив военную карьеру при Павле I, он осел в малороссийском захолустье, посвящая свои досуги литературной и ученой графомании, а после Тильзита отправился покорять столицы. Произведения Полева предназначались не для журналов, а для власть предержащих. Как свидетельствует сам автор, в 1806–1811 гг. он отослал 17 своих сочинений Александру I и его сановникам[2]. «Автор с исступлением доказывает, — пишет исследовательница его бумаг, — что все революционные и военные события, происшедшие в течение последнего времени, являются следствием грандиозного заговора то ли тайных религиозных сект, то ли масонских лож и иллюминатов. Эти «братья всемирного царства» и их адепты проникли во все европейские правительства, в том числе и русское. Они стараются «расслабить дух русских», довести Россию до революции, уничтожить ее дворянство и установить власть «всемирного властителя», «бога-человека», то есть Наполеона»[3]. Из всех рассмотренных русских путешественников и дипломатов, пожалуй, лишь А. Полева можно однозначно причислить к сторонникам «архаистов». В своих сочинениях он обрушивается на русских франкофилов, порицает засилье иностранцев, начавшееся с петровских времен, увлечение дворянской элиты всем чужеземным, в частности, французским языком «с пренебрежением языка отечественного» и ссылается на подвиги славянских богатырей[1].

М., 2003. С. 359–368; *Козлов С.А.* Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. СПб., 2003; *Куприянов П.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности; *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. СПб., 2004; *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Золотой век Grand Tour: путешествие как феномен культуры / сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. СПб., 2012; *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013.

[1] *Бантыш-Каменский Д.* Путешествие... С. 99–103.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 431. Ч. 1. Л. 12. На протяжении указанных лет его писательская активность все более нарастала. См. подробнее: *Белов М.В.* Наполеоновские войны с правого ракурса: провинциальный активист Александр Полев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 25–31.

[3] *Достян И.С.* Русская общественная мысль... С. 82. Подобные апокалипсические взгляды являлись одной из модификаций распространившейся после революции во Франции теории заговора. См.: *Чудинов А.В.* Французская революция. История и мифы. М., 2007. С. 139–176; *Смит Д.* У истоков русской масонофобии // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадов. М., 2005. С. 80–101.

Прожектер мечтал о «Великом союзе племен славянских» от Урала до Карпат и от Балтики до Адриатики. Его частью должно было стать южнославянское государство во главе с Карагеоргием. Именно эти идеи, а точнее, возможность использовать освободительные устремления балканских славян в борьбе с наполеоновской экспансией, обеспечили доступ Полева в «высшие сферы». Через посредство главного квартирмейстера П.М. Волконского он был привлечен к разработке плана «адриатической экспедиции» и даже получил аудиенцию у царя. В середине июня 1812 г. уже в чине подполковника свиты Полев прибыл в Белград, чтобы координировать боевое сотрудничество с сербскими повстанцами, и смог лично познакомиться со славянскими богатырями. Стереотип не обманул ожидания: «Читающим древнюю российскую историю о жизни и поведении с чиновниками и воинствами великих князей киевских, должно только приехать в Тополь к Георгу Черному и видеть живую оной картину за его столами с его дружиною.

Должно сказать к чести сего великого мужа, что столь простую и умеренную жизнь ведет он не по грубости своего характера, но по благоразумию, говоря своим воеводам, что “нам еще не пристойно употреблять великокняжеские обряды и носить богатые одежды, когда нас вся Европа почитает мятежниками, а не свободным и владетельным народом”, и посему его воеводы, полковники и гражданские правители в народе, богато одеваясь в отсутствии, никогда не смеют показаться перед ним в сих богатых платьях»[2]. Захолустному дворянину, чудом политических и военных обстоятельств возвращенному в круговерть большой истории, наверное, импонировала грубоватая простота бивуачного двора Карагеоргия. Хотя его оговорка о показной скромности сербских воевод с переодеваниями в бедную одежду, чтобы предстать в ней перед рядовыми повстанцами, уже походит на фарс.

Кстати, те же античные и былинные ассоциации, что свидетельствует о сложившихся литературных стереотипах, возникли и у участника морской экспедиции под предводительством адмирала Д.Н. Сенявина. Весной 1806 г. он побывал в соседней и родственной Сербии Черногории: «Я видел Спарту, видел в полном смысле Республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечем мщения, удивлялся возвышенности духа,

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 431. Ч. 7. Л. 1–6 об. и др. А.С. Кайсаров, участник Дружеского литературного общества, в духе «гражданского романтизма» критиковал политически обесцвеченное творчество салонных сентименталистов: этот аспект прочитывается в его пародийной «Свадьбе Карамзина». Позднее он специально занимался славянской филологией, а во время путешествия 1804 г. переписывал старинные рукописи. Однако в дальнейшей полемике «архаистов» и «новаторов» Кайсаров участия не принимал. *Лотман Ю.М.* Андрей Сергеевич Кайсаров... С. 648–701; Рукопись А. Кайсарова... С. 193–203.

[2] Внешняя политика России... Сер. 1. Т. 6. № 185. С. 458.

горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем соседям. Образ же их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши истинно достойно всякой похвалы. Три дни, проведенные мною между ними, я так сказать перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими IX и X столетия, видел перед собой простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильею Муромцем, Добрынею и другими богатырями нашей древности»[1]. Впрочем, подобный стереотип, заимствованный из фольклорных памятников, конечно, не мог служить ключом для более адекватного понимания увиденного. Этнокультурную идентификацию сербов (черногорцев) и русских разрывала бездна веков.

В свою очередь литературный конкурент Броневского П. П. Свиньин в большей степени был склонен к романтической экзотизации. Зарисовки, представленные у Свиньина, уже содержали в себе некоторые приемы, которые получат развитие в более поздних описаниях. Один элемент — отождествление гор и свободы — стал ключевым мотивом, в основывающихся на рассказах Свиньина поэтических текстах: в стихотворении А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» и «Черногорце» юного А. Н. Майкова[2]. Однако во взгляде Свиньина-наблюдателя сохранялась та же значимая дистанция: восторг перед силой и ловкостью дикарей смешан у него с устрашением читателя, которое было частью стратегии романтического соблазна.

Ответ на вопрос о причине различий и слабости понимания во взглядах на балканские реалии дан в апокрифическом отчете барона Дибича, побывавшего в повстанческой Сербии в первой половине июня 1811 г.: «Причина, почему мы о Сербии криво судим, в том, что в ней находились люди с предвзятым образом мышления или ограниченных знаний...

Народ сербский в великой степени от турков притесненный, ни одним шагом не мог к просвещению приступить; и поэтому серб вообще сурового нрава без наук, и думаю, с полным правом горд своею тяжко добытой свободой. Во всей стране нет балов, театров, людей света, приятных изысков, словом того, что в свете называется “bonton”»[3]. И действительно, взгляд из светского салона, с ответственного дипломатического или военного поста, из литературно-исторической утопии или с точки зрения вдохновляющей военной авантюры давал неоднозначные результаты.

[1] *Броневский В.* Записки морского офицера. Ч. 1. С. 192.

[2] *Бељајева Ј.* Српски мотиви у рускоj књижевности прве половине XIX века // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 32–35.

[3] Голубица. Кн. V. С. 304.

От сентиментализма к романтической этнографии: путешествие П. И. Кеппена[1]

В начале XIX в. в русской путевой прозе и деловой переписке было выработано два основных варианта восприятия балканских реалий: сентименталистский концепт «благородного дикаря» и неоклассицистское обращение к «славянской антике»[2]. Второй вариант питался метафорой Спарты либо образами былинной старины. Ни один из названных вариантов не давал достаточно адекватного и глубокого проникновения в местный мир. Отсутствие необходимых для этого «наблюдательных инструментов», вероятно, следует связывать с молодостью этнографической науки, периферийностью «крестьянской темы» в русской общественной мысли того времени[3] и спецификой текущего этапа развития литературной традиции. Этнографический интерес путешественников и способность увидеть сходство крестьянских обычаев в России (Малороссии) и у зарубежных славян в начале XIX в. — еще большая редкость[4]. В свою очередь упоминания о (славянском) «братстве» представлены в этих травелогах как косвенная речь или цитата.

[1] Раздел представляет собой частью сокращенный, частью дополненный текст, публиковавшийся ранее в виде статьи в журнале: Славяноведение. 2011. № 1. С. 95–104.

[2] К фланговым исключениям относятся опережающий время взгляд Кайсарова и арьергардный подход, который зафиксирован в путевом журнале В. В. Вяземского (он воспроизводит «варварские» или «неблагородно-дикарские» черты в характеристике черногорцев).

[3] *Трубицын Н.* Указ. соч. С. 444–445. Ср.: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890. С. 118–119 (об одном исключении из этого правила — «Записках» И. И. Лепехина). Образ народа двоился в интеллектуальном мейнстриме: пасторальные пейзане сентиментализма с их чистыми патриархальными нравами и дикая масса-зверь, народ-варвар пугачевщины: *Федосов И. А., Долгих Е. В.* Указ. соч. С. 54–55; *Христофоров И. А.* Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. В образе «гражданина Минина» у И. П. Мартоса, а также в визуальном опыте репрезентаций народной войны 1812 г. разрабатывалась неоклассическая модель. См., например: *Файбисович В.* Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. Гл. III. *Вишленкова Е.* Визуальное народоведение империи...

[4] И. А. Калоева приводит пример Ф. П. Лубяновского (путешествие 1800–1802 гг.), указавшего на близость чешских обычаев к обычаям Малороссии, и М. Бобровского, подчеркнувшего славянские обычаи в Далмации в статье 1824 г. *Калоева И. А.* Указ. соч. С. 183, 199. К такому исключению следует отнести и записи А. С. Кайсарова, сделанные во время путешествия по Южной Венгрии. О стимулированном неоклассицизмом «открытии» Украины в то же самое время см.: *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012. С. 47–134. Ср.: *Киселев В., Васильева Т.* «Странное политическое сомнище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX века // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 478–517.

Ситуация медленно менялась на протяжении 1820-х гг. К этому времени относится начало знаменитой дискуссии о народности в литературе[1], нарастает интерес к славянской тематике в периодической печати, в деятельности ученых Румянцевского кружка[2].

Исследования понятия «народность», интенсифицировавшиеся в последнее время[3], не только не закрыли тему, но и выявили существенные расхождения во взглядах. Когда одни авторы склонны рассматривать «народность» как семантического уродца, возникшего в результате ошибки перевода (К. А. Богданов), другие видят в ней парадигму всей русской культуры «золотого» века и далее (Т. В. Кузнецова). Семантический разлад, вызванный совмещением в понятии «народность» двух основных, но не единственных смыслов — простонародность (социальный аспект) и самобытность (этнический аспект) — очевидно, был запрограммирован специфичным двоемирием русской культуры и цензурными запретами на открытое обсуждение общественно значимых вопросов. При этом силовое напряжение этих смысловых полюсов обусловило частичную абсорбцию в «народности» более ранних и сопутствующих концептов: народный (национальный) характер, дух и т. д.

Проникновение иноязычных концептов в культурный обиход русского общества в настоящее время рассматривается с точки зрения истории переноса западных идей и практик. При этом справедливо подчеркивается, что речь идет об истории «*переосмысления* заимствуемых ценностей», предполагающей как потери, так и обретение новых смыслов[4]. В этой связи трудно переоценить

[1] Термин «народность» впервые был употреблен П. А. Вяземским в письме А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г. по поводу стихотворения «Первый снег». *Трубицын Н.* Указ. соч. С. 289, 405–442; *Пыпин А. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 350–374; *Азадовский М. К.* Указ. соч. С. 190–193, 214–255.

[2] *Козлов В. П.* Указ. соч. О деятельности другого центра зарождающейся академической славистики: *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных (Из истории Российской академии). М., 1986. *Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти»: Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002. С. 115–133.

[3] *Кузнецова Т. В.* Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности. М., 1999; *Лазари де А.* В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / пер. с польск. М. Лескинен, Н. Филатова. М., 2004. С. 47–59; *Бадалян Д. А.* Понятие «народности» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и идеи в России XVI–XIX веков. СПб., 2006. С. 108–122; *Богданов К. А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006. С. 105–145; *Миллер А. И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165; *Лескинен М. В.* Поляки и финны... Гл. 1–2. *EbbinghausA.* “National” (narodnyj) und “nationale Eigenheit” (narodnost’) in der russischen Literaturkritik der 1820er Jahre // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. von P. Thirgen. Köln: Böhlau, 2006. S. 51–79 etc.

[4] *Богданов К. А.* Указ. соч. С. 8–9; *Ширле И.* Учение о духе и нравах народов в русской культуре XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М., 2008. С. 119–137; *Миллер А. И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 42–66.

роль контекста, принимаемого во внимание тем или иным исследователем. Его расширение за пределы основной линии заимствований (Европа–Россия), возможно, если учесть, например, позиционирование русской элиты в инославянском окружении. Представления о «братстве» славянских народов первоначально выдвигались идеологами национальных движений, развивавшихся в условиях отсутствия «своей» государственной организации. Здесь иногда они довольно быстро получали широкое хождение, и лишь затем распространились в России[1]. Влияние идей «славянской взаимности» на практики социального воображения интенсифицировалось благодаря встречам и общению русских ученых и общественных деятелей с творцами «национального возрождения» вне России. В этом отношении показателен пример П. И. Кеппена, совершившего заграничное путешествие в первой половине 1820-х[2].

Длительная поездка за границу переживалась им как окончание прежней жизни, своего рода бегство, чуть ли не «на тот свет». С некоторым удивлением или горькой иронией Кеппен накануне отъезда из России наблюдал себя со стороны и вспоминал принца датского: «Посетив могилу своего друга и сделав в 5 дней более 120 прощальных визитов, я стал окончательно распоряжаться своими делами. Оставляя столицу и отечество года на четыре, надлежало расторгнуть все прежние связи. Разлука, особливо долговременная, сходствует с кончиною, и воспоминания о прошедшем подобны тем сновидениям, которые, по мнению Гамлета, мы можем иметь, уснувши беспробудно. <...> Бесконечные хлопоты притупили память и чувства; я прикладывался к добрым приятелям и знакомым, к несносным мне лицам почти с одинаковым расположением или, лучше сказать, почти без всякого расположения»[3].

[1] *Лещиловская И. И.* Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в. // ВИ. 1976. № 12. С. 75–92; *Фрейдзон В. И.* Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX века // ВИ. 1979. № 9. С. 61–78. (Ср., однако, опровержения И. С. Достян, упомянутые в предисловии). Как уже указывалось, идея «братства» русских и сербов лежит в основе «Записки» карловацкого митрополита С. Стратимировича, направленной в 1804 г. на имя императора Александра I. Еще ранее сербский историк Й. Раич сформулировал тезис о славянах как «природных» христианах, какими они были задолго до отказа от язычества. Это предвосхитило поздние построения русских славянофилов о предрасположенности славянских народов к истинному христианству, то есть православию. См.: *Белов М. В.* У истоков... С. 120–121. О славянском контексте дискуссий вокруг «народности» в России см.: *Белов М. В.* «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // ДВ. 2012. № 39. С. 124–147.

[2] Отрывки из путевого дневника Кеппена и биографическая справка о нем публикуются в настоящем издании.

[3] *Кеппен Ф. П.* Указ. соч. С. 53. Исследователи связывали подобную эскапистскую тенденцию с тем, что «в России 20-х годов усиливался бюрократический гнет, обскурантизм, гонения на всякое свободомыслие, поднимала голову реакция во главе с тогдашним министром духовных дел и народного просвещения кн. А. Н. Голицыным и его

Разочарованный или, точнее, чуть охлажденный идеалист («прекрасная душа»), склонный к рефлексии, научившийся соблюдать дистанцию, в том числе в отношении самого себя, сравнивать увиденное, слушать, не вступая в спор, а затем записывать в тетрадь, оказался хорошим наблюдателем. По-видимому, этим объясняется стабильный интерес исследователей к дневникам Кеппена, хранящимся в ПФА РАН.

Кеппен продолжил сентименталистскую традицию путешествия с книгой в руке[1]. Такая стратегия диктовала справочный, энциклопедический интерес, который поверялся живыми впечатлениями и непосредственным чувством. Книжные истины не во всем согласовывались с увиденным, но надо было иметь некоторую смелость, чтобы признать это. Гуляя ранним утром по Нови Саду, Кеппен «видел, что уже около 5 часов лавки бывают открыты, и в них встречаешь хорошо одетых девиц». Сверяясь с «Топографическим описанием» Ф. Шамса, путешественник допустил, «...может быть, [он] слишком много предосудительного говорит о сем городе»[2]. Пожалуй, это единственный случай несогласия с Шамсом в дневнике Кеппена: репутацию Нови Сада спасли девицы.

Литературно-языковые, историко-географические и культурно-политические интересы Кеппена сочетались с увлечением этнографией, чему способствовал опыт сотрудничества с членами Румянцевского кружка, а также общение с сербским собирателем фольклора В. С. Караджичем. Их знакомство завязалось во время пребывания последнего в России в 1819 г.[3] Кеппен имел солидный опыт путешествий по России еще с харьковского периода, когда он осмотрел южные губернии. В дневниках путешествия по славянским землям мы найдем немало этнографических зарисовок, где местные обычаи сравниваются с обычаями крестьян в России, Украине, Лифляндии[4]. При этом убежде-

верным помощником мракобесом М. Л. Магницким». *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* Указ. соч. С. 68. Даже если это слишком прямолинейное объяснение, следует признать, что довольно расплывчатое патриотическое воодушевление с примесью либерализма под протекцией государства к концу 1810-х гг. сходило на нет, уступая дорогу в сфере политической активности оппозиционной конспирации или откровенному охранительству. Исследовательница истории «Арзамаса» называет точную дату и событие, означавшее крах проекта консервативной модернизации — финал Аахенского конгресса осени 1818 г. *Майофис М.* Указ. соч. Гл. 11.

[1] *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 121–142.

[2] ПФА РАН. Ф. 30. Д. 138 (Кн. IV). Л. 24. Далее в скобках указываются листы этой рукописной книги в архивной пагинации.

[3] 9 июля 1822 г. в Темишваре (Тимишоара), куда Кеппен прибыл в сопровождении Караджича, путешественник записал в дневнике: «Вук все еще имеет свою синюю овчинную шубу, в которой приехал в Петербург и которой один клочок оставил у Аделунга в доме» (л. 48).

[4] На этот момент обратили внимание исследователи: *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* Указ. соч. С. 71–73. В то же время нельзя совершенно согласиться с указанными авторами в том, что Кеппен, поездивший до выезда за границу по России, совсем не выбивался из строя, так как практика путешествий была характерной чертой дворянского воспитания.

ние в родстве предшествовало знакомству. Вот первая дневниковая запись (2 июня 1822 г.): «Приветствую тебя величественная, быстрая Драва, отделяющая меня от Славонии! Там, по ту сторону вод твоих, живут мирные жители, коих обычаи во всем сходствуют с обычаями русскими» (л. 2)[1].

Однако сопоставление не гарантировало полного понимания местных культурных навыков: сходства констатировались с удовлетворением, особенности же отвергались как чужие, неславянские. Путешественник несколько раз приглашал крестьян для исполнения народных песен, но порой он оставался не удовлетворенным их искусством. Тексты песен южных славян были знакомы по публикациям Караджича, но их мелодика ничуть не походила на русские напевы: «...песни их были так единообразны, что несносно было их слушать. Каждый стих повторяли тою ж мелодией. Я 4 раз г. Юратовичу уверял, что это собственно турецкая (то есть босная) мелодия; к тому же девки кричали во все горло и резким до чрезвычайности [голосом]. Песни сии, кои слова нам были довольно понятны (одна относилась к реке Драве), они пели, взявши друг друга за бока руками и образуя круг» (л. 7 об.)[2]. Таким образом, традиционное коло (народный танец с исполнение песен) разочаровало путешественника.

Интерес к хозяйственному и бытовому укладу, проявленный автором дневника, мог быть привит в Харьковском университете, где Кеппен слушал статистику. Кроме того, он стимулировался личными обстоятельствами, поскольку семья ученого не знала полного достатка: практическая сметка с юности сочеталось у него с возвышенными мечтами. Путешественник нередко акцентировал внимание на уровень жизни и занятия местных крестьян (л. 4, 8). Путешествуя по фрушкогорским монастырям, Кеппен не забывает сделать запись о кукурузе, которой вокруг «довольно», и сливе, из которой делают водку — сливовицу (л. 14). А возвращаясь из Стражилова, куда к целебному источнику путешественников сопровождал сам митрополит Стефан Стратимирович, Кеппен рассматривал местные стога или скирды сена и то, каким инструментом их разрезают, даже зарисовал его на полях тетради (л. 29 об.).

Этнографические наблюдения увязываются у Кеппена с природными и «нравственными» особенностями. Так он сравнивает рост местных лошадей и рогатого скота с ростом жителей и приходит к выводу: они друг другу под стать — невысокие (л. 5 об.)[3]. «Кажется мне, что можно в Венгрии принять следующую

Венцом такого воспитания являлось именно *заграничное* путешествие, которое сам Кеппен себе позволить не мог. Этнографические зарисовки и российские аллюзии Кеппена в славянском дневнике: л. 2, 4, 5 об., 9 и др.

[1] Эта мысль внушена книгой Я. Чапловича, которой Кеппен пользовался как руководством в своем путешествии; здесь в предисловии указаны и другие авторы, сравнивающие Славонию с Россией.

[2] В другом месте Кеппен наблюдал народный танец, по поводу которого с радостью заметил: «...этот танец очень сходствовал с нашим козачком» (л. 9).

[3] В этом подходе сказывается опыт первых европейских этнографов, когда в «описаниях народов» они сознательно или по наитию следовали за моделями описания природной среды. *Pratt M. L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. L. — N. Y., 1992;

классификацию жителей оной, судя по опрятности и образу жизни их: 1) немцы; 2) кроаты; 3) словаки; 4) венгры; 5) словены (но в белье они опрятнее венгров); 6) русняки» (л. 4)[1]. Шкала цивилизованности составлялась на глазок. Для русского немца Кеппена хотя бы один критерий был очевиден, и в смысле опрятности его сородичи оказывались вне конкуренции. Но стремление выявить какую-либо шкалу национальностей по уровню их развития само по себе весьма показательно.

Просвещенный европеец, Кеппен по прибытии в пограничный Землин (Земун) отдал дань саркастической критике турецкого деспотизма. 23 июня, рассматривая «тот берег» с австрийской стороны, он записал в дневнике: «Солнце величественно взошло над землею мусульманскую, — взошло, чтобы озарить новую брань христианства с исламизмом. Там, за дунайскими струями — царство Деспотизма и попирания прав человеческих» (л. 30).

Прямолинейность оценок Кеппена, вероятно, отчасти обусловлена суждениями карловацкого митрополита С. Стратимировича, с которым путешественники общались накануне[2], во всяком случае, когда речь заходит об отсутствии просвещения в турецких землях, что предполагает всеобщее неблагополучие. Кроме того, эти оценки были заданы университетской подготовкой и самовоспитанием периода «бури и натиска», внушившими автору дневника убеждение в священных естественных правах человека. Поэтому все казненные властью паши автоматически причисляются к людям, помыслившим о собственном достоинстве. К тому же координаты высказываний Кеппена совпадают с европейской литературной традицией в изображении Савы и Дуная как границы, отделяющей Европу от Азии, царство свободы от царства деспотизма: это своего рода топос путевых заметок первой половины XIX в.[3]

В отличие от своего спутника А. С. Березина Кеппен не жалел, что путешественникам было отказано наведаться в Белград. Более того, он проигнорировал приглашение земунского коменданта проехаться на лодке по Саве, чтобы осмотреть турецкую крепость вблизи[4]. Автор путевого дневника, поясняя свои

Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 120–154.

[1] Кроаты —это хорваты, словены — жители Славонии, очевидно, сербы, а русняки — русины. *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* Указ. соч. С. 73.

[2] Кеппен дважды 18 и 22 июня 1822 г. гостил в Сремских Карловцах, получил там радушный прием. Общение с противником Караджича, «славенофилом» С. Стратимировичем ничуть не повредило дружбе с реформатором сербского языка, поскольку в Карловцах русский путешественник прилежно играл роль незаинтересованного исследователя. Встречи и разговоры со Стратимировичем, Л. Мушицким и П. Й. Шафариком заняли весомое место в дневнике. Кеппен надеялся увидеться с основавшим позднее журнал «Сербская летопись» (1825) Г. Магарашевичем, но будучи в Нови Саде 22 июня дважды не застал его дома (л. 24).

[3] См., например: *Кингелејк А. В.* Од Земуна до Ниша // Британски путници о нашим крајевима у XIX веку / Избор, превод и поговор Б. Момчиловић. Нови Сад, 1993. С. 5–8.

[4] «А. С. [Березин] сожалел очень, что не может быть в самом Белграде — а мне, не желавшему за компанию посидеть на коле, — это было вовсе безобидно» (л. 30).

мотивы и подтверждая доводы «против», пересказывает случай, поведанный не лишенным юмора комендантом о некоем ваххабите, который прибыл на турецкий берег с астрономическими инструментами: «Когда он стал делать наблюдения в Белграде, то народ почел его колдуном, и он едва ли был бы спасен, если бы не имел хорошей рекомендации к самому паше» (л. 30 об.). И действительно, отправляясь в путешествие, Кеппен и Березин запаслись барометрическими приборами, поэтому они вполне могли также прослыть колдунами.

Тональность повествования о турецких землях напоминает иронически-презрительную стратегию дневника предшественника — А. С. Кайсарова. Как и он, Кеппен симпатизировал освободительной борьбе сербов Белградского пашалыка. Ироническая тональность дневниковых записей в разговоре о них сглаживается, почти исчезая, чтобы смениться сдержанным одобрением.

После обеда у коменданта путешественник наблюдал стоявших за решетками в карантине белградцев. На следующий день, 24 июня, в 10 утра, вместе со спутником, завершившим к этому времени речную экскурсию, он снова направился в Парлаторию: «Сербы обращали на нас внимание. Один старик именно для того приходил в трактир, чтобы видеть, не похож ли кто из нас на императора Александра, которого он, однако, не видел. <...> Все вообще ожидают спасения от России и единоверных с ними греков, которым они рады пособить. <...> Белградцы в карантине спрашивали карант[иных] служителей, кто мы таковы, и им отвечали, мы приезжие из Вены. Но жители Землина все знали, что мы русские. Для того то нас более и не пустили в Белград, чтобы на сербов не произвели какого-либо впечатления. Паша о нашем прибытии, по словам коменданта, должен был уже знать сегодня» (л. 30 об.–31). Таким образом, внутренние мотивы отказа от путешествия в Турцию (презрение к деспотизму и чувство опасности) осложнялись политическими обстоятельствами.

25 июня путешественники погрузились на корабль, чтобы спуститься вниз по Дунаю в Оршову. Балансируя на границе, Кеппен предался роли праздного наблюдателя. Впечатления Березина от этой поездки отразились в стилизованных под дружеское послание «Письмах о Венгрии», публикация которых состоялась с подачи Кеппена. При некоторых отличиях в деталях можно констатировать единство сентименталистской стратегии (где красоты природы дополняются успехами просвещения) и стереотипов «косного Востока» в текстах двух авторов. Березин, в частности, замечает: «В этих местах Дунай кажется путешественнику границей Европы»[1]. Он сожалеет об упущенных возможностях турецких сербов, не знающих промышленности и торговли, в то время как на австрийском берегу повсюду видно деятельное движение. Картина «мертвецкого сна» Турецкой империи вставала перед читателем в виде призрачно скользящей на расстоянии литературной декорации[2].

Проезжая мимо Семендрии (Смедерево), путешественники пили кофе, подмешивая в него желток вместо молока, и курили трубки, «...на турецкой границе

[1] Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. XXII. С. 51–52.

[2] Там же. С. 30–31.

жили по-турецки» (л. 33)[1]. Испытание восточной негой воспринималось как карнавальная забава. Между тем, граница диктовала достаточно жесткие правила игры: «Вера в Славонии и Сербии очень много значит. Как русского меня неоднократно причисляли к исповедующим греческую веру. К чему было сему противиться?» (л. 39 об.). Действительно, объяснять свою принадлежность лютеранскому вероисповеданию было бы в этой ситуации совершенно неуместным. Ощущая дистанцию, Кеппен наблюдал себя в невыбранной роли.

Добравшись до Оршовы 3 июля, он все же решился в сопровождении корабельных спутников ступить на турецкий берег, чтобы навестить местного пашу. Путешественники скрылись под французскими именами (еще одна возможная роль). Паша был рад: «О, это наши приятели, ответствовал он!» Кеппен стал участником церемонии с непременным чубуком и кофе, а в дневниковом описании турецкого приема вернулся к знакомой иронической стратегии. Паша много шутил, обещал мужчин отпустить, а дам оставить у себя в гареме. В конце встречи он одарил всех гостей склянками с розовым маслом. Но на выходе его служители вычистили карманы путешественников, вытребовав деньги для раздачи милостыни, бакшиша. Турецкие улицы поразили грязью. Еще более удивили лица женщин, закутанных, даже у старух, по самые глаза (л. 40 об. —41 об.). Участие в экзотическом спектакле не могло породить серьезного интереса.

Гораздо ближе по культурным ожиданиям был для Кеппена австрийский берег. 8 июля, получив письмо от Караджича, он отправился в Панчево, чтобы навестить своего сербского друга, гостившего у купца-мецената Демелича. Его дом впечатлил путешественника образованностью: дети говорили по-гречески, по-немецки и по-итальянски. К тому же здесь впервые Кеппен услышал, «как благовоспитанные дамы говорят по-сербски». Но особенно умилило покровительство купца сербской литературе. На деньги Демелича для собирателя фольклора в Панчево строился дом в несколько комнат. А пока шло строительство, Караджич мог жить у него сколько захочет (л. 46–47). Путь европейского прогресса, расцвета литературы и наук под сенью деятельных людей виделся открытым и безоблачным.

Случай Кеппена демонстрирует принципиальную значимость личности наблюдателя. Разрушение «поэтики» гражданского романтизма в результате душевного кризиса, пережитого им во второй половине 1810-х гг., привело к отчужденному взгляду на самого себя и адаптивным стратегиям ролевого поведения[2]. Заграничное путешествие соответствовало полусознательному стремлению забыть или восполнить утрату. При этом наиболее комфортной маской оказывалась роль не вовлеченного в происходящее наблюдателя. Избавившись от тягостной обязанности соответствовать в делах своим идеалам, Кеппен, конечно, не мог освободиться от прежних убеждений, систему которых следует определить как просвещенческий и сентиментальный либерализм. Установки романтической этнографии привносились в эту систему, прежде всего, в общении с деятелями «славянского возрождения». Они не заняли в период заграничной поездки центрального положения в мировоззрении Кеппена, но повлияли на дальнейшую деятельность в качестве издателя «Библиографических листов». Нейтральная позиция препятствовала способности погружения в местную среду, а практическая сметка сочеталось порой с грубо натуралистическими выводами. Кеппен молчаливо солидаризировался, сделав соответствующую запись в дневнике, с патриотическим пафосом турецкого серба-попутчика (л. 31 об.–32). Однако более глубокое проникновение в балканский мир под властью султана было закрыто для путешественника не только внешними препятствиями, но и собственными предрассудками.

[1] Ср.: Там же. С. 35.

[2] *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века [1977] // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233–254.

В качестве инициативного исследователя Кеппена можно рассматривать и как предтечу первых университетских славистов, отправившихся в ученые путешествия много позднее и еще более вовлеченных в идеологию «славянского возрождения». Тем не менее, их так же шокировал ориентальный обиход по ту сторону Савы и Дуная. И они пытались как-то преодолеть культурный шок. Так, например, в путевых письмах И. И. Срезневского разлад между ожидаемым идеалом и увиденным наяву смикширован юмористическим остранением и самоиронией[1].

Блеск и нищета романтического воображения: путешествие Ю. И. Венелина[2]

Выдающимся образцом экспрессивной романтики в зарождающемся русском славяноведении стала подвижническая деятельность Ю. И. (Гуцы) Венелина. Обстоятельства его ранней биографии весьма туманны, и, тем не менее, их необходимо учитывать при реконструкции особенностей жизненного сценария и научно-литературной стратегии. Родившийся в семье протоиерея глухого захолустья (прикарпатского села Большое Тибаве), но проявивший раннее стремление к учебе мальчик вдохновлялся родовым преданием о знатном предке — покутском[3] князе, который бежал в Карпаты от польской унии. Считая себя отпрыском «потерянной» ветви русского народа, он открывал неведомую родину по книгам в венгерских учебных заведениях. Вместе с тем жадное чтение воспитывало страсть к фантастическим путешествиям и поиску забытых предков, транслируя в мир ученых занятий личную ситуацию.

[1] См. подробнее: *Белов М. В.* Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX века // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / под ред. В. П. Будановой, О. В. Воробьевой. Вып. 2. М., 2013. С. 327–328.

[2] Этот раздел основывается отчасти на публикации под схожим названием: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6/1. С. 247–252.

[3] Покутская возвышенность находится во внешней полосе Карпат, на территории современной Западной Украины.

В краткое время обучения на филологическом факультете Львовского университета Венелин строил планы бегства в Россию. Он хотел сесть на корабль в Триесте, побывать в овеянной мифами Греции и лишь затем высадиться в Одессе. Однако одиссея Венелина оказалась скомканной. В начале весны 1823 г. он вместе с двоюродным братом И. И. Молнаром перебрался через Карпаты в Черновцы, накануне Пасхи прибыл в Хотин, а спустя несколько дней оказался в Кишиневе, где перебежчиков приветили генерал-губернатор И. Н. Инзов, архиепископ Димиртий и ректор семинарии Ириней.

Забота о хлебе насущном заставляла на время укрощать мечты. Перебравшись в Москву летом 1825 г. способный к языкам и увлекающийся историей Венелин, по совету земляков, делает выбор в пользу медицинского факультета, поскольку врачебная практика может гарантировать какой-то стабильный доход. М. П. Погодин, близко сошедшийся с Венелиным и оказавший ему помощь в издании первой книги, удивлялся: «Каков! человек, который перевертывает вверх дном несколько народов, восхищается пятирублевыми уроками. Уж надо бы его поддержать!»[1].

Между тем, выход книги о болгарах[2] сопровождался в основном негативной реакцией в журналах (у Погодина был повод испытать досаду) и непониманием в ученых кругах[3]. По свидетельству первого биографа Венелина, «...нашлось несколько горячих голов и чувствительных сердец, старавшихся, в доказательство терпимости мнений и оценки увлечения, распространить слухи о помешательстве автора и засадить его в больницу»[4]. В этом смысле Венелин мог стать своеобразной предтечей П. Я. Чаадаева. Впрочем, и первый биограф признавал наличие фантастических заблуждений в венелинской книге: «...скоро замечал он уклонение, не мог не чувствовать, что стоит на рубеже самых крайних ошибок, спешил воротиться, но уклонившись на извилистый путь, мог воротиться только тем же и не иным путем». Безсонов объясняет эту особенность венелинского творчества в духе плоской психологии — как сочетание «подвижного до крайности ума» и страстного сердца[5]. Ближе к истине заключение Г. Д. Гачева о том, что книга Венелина — образец романтической литературы в широком

[1] Дневниковая запись осени 1828 г. цит. по: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1889. С. 206.

[2] *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. Т. 1. М., 1829.

[3] *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 374–379. Т. 3. 1890. С. 108–113; *Байцура Т.* Юрій Іванович Венелин. Братислава, 1968. С. 67–73; *Никулина М. В.* Ю. И. Венелин... С. 23–39. Современный исследователь называет Венелина основоположником «языческого мифа» в русской литературе: *Рейблат А. И.* Писать поперек. С. 33–44. Неслучайно появление однотомника Венелина в серии, издаваемой «Институтом русской цивилизации»: *Венелин Ю. И.* Истоки Руси и славянства / сост., предисл. и коммент. П. В. Тулаев; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.

[4] *Безсонов П.* Юрий Иванович Венелин // ЖМНП. 1882. № 6. С. 167.

[5] Там же. С. 166.

смысле этого слова[1]. Но психологическую предрасположенность тоже не следует сбрасывать со счетов. Визионерство[2] Венелина стало следствием (и компенсацией) социальной изоляции, которая преодолевалась даже в научно-литературном поле, где прочность сословных перегородок заметно ослабевала, с большими трудностями, а также — фиксации на миссионерской легенде, восходящей к родовому преданию.

Психологические особенности русского интеллигента-разночинца 1820–30-х гг. редко обсуждались в исследовательской литературе[3]. Интересные замечания на этот счет имеются в известной биографии В. Г. Белинского, написанной В. С. Нечаевой. Говоря о патроне великого критика по «Отечественным запискам» А. А. Краевском, «человеке темного происхождения», исследовательница, быть может, сгущая краски[4], пишет: «Дело здесь было не только в погоне за наживой, в корыстном приобретательстве, а также в уязвленном самолюбии, страдавшем от постоянной зависимости, от роли квалифицированного слуги, знания и труд которого использовали его чиновные и родовитые покровители. Это был протест против своего неполноценного социального положения, когда любыми средствами добиваются перехода в класс хозяев жизни. Та же психология двигала Погодиным, Надеждиным и некоторыми другими представителями разночинной интеллигенции. Умный московский корреспондент Краевского [В. П.] Андросов, можно сказать, не в бровь, а в глаз охарактеризовал группу, к которой принадлежал Краевский, хотя писал о Надеждине:

[1] *Гачев Г. Д.* «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф // Ю. И. Венелин в болгарском возрождении / отв. ред. Г. К. Венедиктов. М., 1998. С. 27–51. Впрочем, по наблюдению М. В. Никулиной, фантастические построения Венелина в его первой книге о болгарах, конечно, далекие от современных научных взглядов, уравновешивались столь же произвольными домыслами его предшественников, некоторый сдвиг к более основательным суждениям наметился позднее — в исследованиях П. Й. Шафарика.

[2] Автор некролога в «Московских ведомостях» приводит несколько примеров таких озарений: «Однажды вечером, в своем путешествии в Болгарии стал от нечего делать описывать какой-то город, который сделал на него сильное впечатление своим прекрасным местоположением. Вдруг, — говорит он, — перенесся я во времена XIV или XIII в., когда турки осаждали этот город; на площади, перед моими окнами, представились мне турки того времени и толпа болгар, и из моего описания вышла первая глава романа». Аналогичный случай произошел на Девичьем поле, когда так же вживе он нарисовал пострижение Шуйского в связи с походом Жолкевского. «Трофей Карла Великого и мирный венок Лейбница отнимали у Венелина сон во время ночи и тревожили его в часы дня. В науке восстал он против германской монополии; на славянской земле воздвиг грозный лик волжского царя Аттилы, который забавлялся трусостью Рима восточного и грозил Западному; он любовался этим ликом, с особой страстью рисовал черты его». *Безсонов П.* Юрий Иванович Венелин. С. 192. См. также своего рода фрагмент «романа» из римских времен в записках периода путешествия: *Венелин Ю. И.* Путевые записки. С. 235–242.

[3] См., однако: *Вайскопф М.* Влюбленный демиург...

[4] Ср. оправдательный, по замыслу, очерк о молодом Краевском: *Орлов В. Н.* Пути и судьбы. М., 1971. С. 449–504.

“И притом... знаете ли, милый Андрей Александрович, что из нашей братии parvenu из сотни вы не обрящете одной пары людей честных, а?”»[1]

В свою очередь Белинский, противопоставляя себя этой подлой породе, возвел «честь» разночинца в героический принцип личного поведения: «Клянусь вам, что меня нельзя подкупить ничем!.. Мне легче умереть с голода — я и без того рискую этак умереть каждый день (и он улыбнулся при этом с горькой иронией), чем потоптать свое человеческое достоинство, унизить себя перед кем бы то ни было или продать себя...»[2]. Возможно, близостью социальной ситуации и жизненного выбора двух авторов, занятых в разных литературных регистрах[3], следует объяснить сочувственный некролог Венелину, помещенный в «Московском наблюдателе» в то время, когда его редактировал «примирившийся с действительностью» Белинский[4].

Смесь комплекса неполноценности и предполагаемого превосходства в личности Венелина настолько бросается в глаза, что ее отметил и первый биограф, читавший его путевой дневник: «...на первых страницах встречаем мы выражение какого-то безотчетного страха перед отдаленною и слишком мало известною страной, какое-то робкое сознание слабости собственных сил; мы поймем его тогда только, когда вспомним, что этот человек и каждую, даже неважную, статью свою начинал благоговейным начертанием I. H. D. O. M. (in honorom, иногда et gloriam, Dei Optimi Maximi); что он постоянно рассыпал по сочинениям остроты и шутки и в тоже время весьма строго судил себя и напечатанную статью, как поступок, в котором многое недостаточно, много могло быть лучше; наконец, мы должны вспомнить, что за тем миром, в котором мы встречаем писателя со всей энергией, со всем увлечением южно-русского ума и склада, существовал для Венелина-человека другой мир жизни, грустный и тяжкий»[5]. Страх абсолютного одиночества на грани ущербности и избранничества — его главная фобия. Во время путешествия Венелин как ревнивая любовница осыпал Погодина упреками за отсутствие писем, не забывая осведомиться (с передачей поклонов) о семействе и окружении С. Т. Аксакова, в дом которого он вошел благодаря лучшему другу, каковым считал этого историка, литератора, журналиста[6].

[1] *Нечаева В. С.* В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836–1841. М., 1961. С. 9.

[2] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания / ред. текста, вступ. ст. и примеч. И. Ямпольского. М., 1950. С. 192.

[3] Периферийность регистра, в котором работал Венелин, увеличивала относительную значимость его подвижничества. В поздних письмах Венелин досадовал, что сочинение о болгарах — это «не поэмы Пушкина, то есть не могут принести такого барыша, то их издавать значит выбросить в окошко 800 или 1000 рублей»; «...в России покамест в ходу одни романы да повести». Сборник за народни умотворения. I. С. 180, 189.

[4] Московский наблюдатель. 1839. Ч. II. Смесь. С. 48–50. Нечаева высказала предположение об авторстве Белинского на этот текст, поскольку критик был знаком с Венелиным: *Нечаева В. С.* Указ. соч. С. 211. (Примеч. 16); С. 370.

[5] *Безсонов П.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию // Москвитянин. 1856. Т. 3. № 10. С. 96–97. Латинский девиз в цитате: «В честь (и во славу) Всемогущего Бога».

[6] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 123–124, 141–142 и др.

Сценарий литературного подвига сложился еще до поездки на Балканы и только утвердился в сознании Венелина по его возвращению. В письме Инзову, датированном 1832 г., он писал: «Ни одного народа в нынешнем литературном мире нет малоизвестнее Болгарского, и что еще замечательнее, не всякому на севере даже известно, что в углу Бессарабии находится маленькая Болгария, соплеменная Руси. <...> Это открытие нового поприща, посредством которого забытое воскрешается в мире литературном, есть само по себе маленькая благотворная эпоха в его судьбе, похожая на ту, в которую дело забытого колодника вырывается из-под спуда, пускается в ход и отдается человеколюбивому, благородному стряпчему...»[1]

И все же «открытию» болгарских родственников предшествовало их «изобретение» в романтическом сочинении, которое и стало основанием для путешествия, профинансированного Российской академией[2]. В приписке к письму Погодина С. П. Шевыреву, сделанной во время новоселья, которое праздновал историк 29 апреля 1830 г., Венелин предвкушал прикосновение к легенде: «Право славное дельцо видеть классическую странищу, какова Италия! Наблюдайте, почтеннейший Степан Петрович, рисуйте все с натуры на месте, а по воображению можно и в Москве. После завтра еду и я в страну классическую для Руси, Литвы и Венгрии — в Болгарию, отечество Бояна, славянского Оссиана, отечество священного нам языка и т. д. »[3]. Наследие неоклассицизма начала века, безусловно, оказывало влияние на представления Венелина, но деятельное вмешательство авторской фантазии в исследовательский процесс и вера в гигантскую миссию по возвращению к жизни великого в древности и забытого ныне народа явно тяготеет к национальной романтике.

Встреча с реальными болгарами, казалось бы, должна была, если не опровергнуть, то откорректировать изобретенную легенду. Но поскольку Венелин посетил лишь окраинные и обезлюдевшие в результате войны 1828–1829 гг. территории и общался он в основном с беженцами и переселенцами, бродячими торговцами и ремесленниками, то мог еще какое-то время лелеять свой идеал как подлинное изображение. Скоро наступило разочарование. Оно же сквозит в письмах, направленных болгарскому активисту В. Априлову во второй половине 1837 г. Венелин с горечью пишет о напрасно потраченных им силах и времени, упрекая болгар в инертности, и ставит им в пример сербов, опубликовавших народные песни и ставших известными благодаря этим фольклорным памятникам всей культурной Европе.

Первые болгарские впечатления Венелин, с восторгом встретивший своих боянов, без труда втискивал в готовую схему: «Я видел в Варне с полдюжины

[1] *Безсонов П.* Некоторые черты... С. 97. Сюжет спасения узника (литературного воскрешения), заимствованный из романтической традиции, был релевантным идеологии «национального возрождения», и не случайно подвиг Венелина стал в Болгарии ее составной частью.

[2] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 17–44.

[3] Письма М. П. Погодина С. П. Шевыреву // РА. 1882. № 6. С. 144–147.

болгарок... точь в точь, то есть до нитки, одеты как в восточной подмосковной и рязанки. Возьми, дружище, бутылку донского, — писал он Погодину, — поезжай к Сергею Тимофеевичу [Аксакову], выпей бокал, и дай отведать и тем, коим по вкусу ваше русское учение»[1]. Однако в дальнейшем, как показывают путевые заметки Венелина, эти представления усложнялись, напитываясь деталями из наблюдений и рассказов информаторов. Дневник путешествия пестрит этнографическими открытиями. Например, Венелин обнаружил, что, с точки зрения турок, болгары приходятся русским не братьями, а племянниками. Как и некоторые другие русские наблюдатели, автор уделяет особое внимание занятиям местных жителей. Да и сам стиль записей часто меняется с «юмористического и модно-романтического» на учено-деловой[2].

В начале путешествия в Варне еще неопытный и восторженный Венелин поселился в доме болгар, которые «более привыкли к турецкому [языку]. Насилу мог я им вдолбить в голову, что между собою болгарам грех говорить потур[е]цки. В короткое время я так приучился по-болгарски, что разговариваю уже без переводчика; только трудно их приучить, чтобы говорили со мною чисто по-своему; а то вечно ломают русский»[3]. В этой курьезно-комичной ситуации, когда исследователь никак не может добиться от своего объекта должной чистоты, Венелин почти не отдавал себе отчета в том, что сам не способен ее воспринять. В том же письме Погодину (от 20 августа 1830 г.) он рассказывает об элементарном лингвистическом казусе, который, тем не менее, означал существенный сбой коммуникации: «У многих спрашивал про рукописные книги, не знает ли кто у кого. Сначала один обрадовал меня тремя; приносит. Что же? Три разные его билета от русских начальств. Он был прав, ибо книга на болгарском просторечии значит свиток бумаги, рукописная книга, то есть исписанная бумага. Представить себе не можете, какие трудности должно прежде преодолеть, пока им объяснишь то, чего спрашиваешь»[4].

Погоня за древностями слишком часто заканчивалась для Венелина фиаско. И это еще можно было объяснить тем, что необразованные болгары не понимали огромной значимости старинных рукописей для науки[1]. Однако недоверие возникало и в том случае, когда Венелин пытался записать народные песни: «...Простой болгарин, который уверен, что россиянина может интересовать только русская песня, никак не поверит, что его может интересовать и болгарская. Вот почему всякий раз, когда я просил через господ болгар продиктовать мне песню, они удивлялись, что в этом таится что-либо тайное, и... начисто отказывали! <...> Одни подстрекали других не давать мне песен (потому что они воображали, что петербургским или московским генералам нет никакой нужды петь болгарские песни!), а другие смотрели мне в карман»[2]. Оставалось только сетовать на «врожденную недоверчивость» болгар. Хотя Венелин хвастает, что овладел языком настолько, что его стали принимать за болгарина, он сам свидетельствует об участии посредников (переводчиков?) в общении с носителями фольклорной традиции. Быть может, в этом кроются причины недоверия?

Еще одним способом объяснения зазора между легендой и реальностью стало пагубное влияние на болгар неславянских элементов, прежде всего греков, или обобщенно — происки врагов. Еще в Одессе Венелин познал на себе лживую «черту греческого характера»[3]. А во время поездки в Силистрию убедился, что «болгаре в 10 раз более страждут от греков, чем от турков. Я был у митрополита в надежде получить от него какие-либо сведения, но, когда он стал ругать свою паству (болгар), которую он так искусно стрижет, варварами, я взял шляпу и вышел с твердым намерением более не бывать у него»[4]. Неприязнь к славянам проявляли и влахи, занятые своим римским происхождением и изуродовавшие русский алфавит хуже, чем В. С. Караджич в Сербии[5].

Ощущение враждебности окружающих, доводящее до отчаяния, нарастало по мере пребывания в Бухаресте. Венелин оказался изгнанным даже из общества здешних русских чиновников и офицеров, которые заподозрили в нем филера: «Обстоятельство, что я не служу ни в одной канцелярии, может быть, кому показалось важным для недоверчивости, что я занимаюсь стариною, грамотами, вещь непонятная для таких людей, которые от роду не знают, что

[1] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 99

[2] *Венелин Ю. И.* Путевые записки. С. 235, 242–243.

[3] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 98. Ср. с признанием О. М. Бодянского, который, как только пересек границу, «...благословясь, пустился вкривь и вкось болтать на богемском. Впрочем, дело шло ладно: я очень хорошо понимал чещину; а что важнее всего, так это то, что меня понимали. Это так меня радовало, что я со всем встречным и поперечным болтал без умолку и, признаюсь, в Подебраде... содержатель гостиницы не хотел верить, что бы я был русс: “Руссы, — сказал он мне, — сколько я их ни видал, обыкновенно говорят с нашим братом по-немецки”». Письма к М. П. Погодину из славянских земель Вып. I. С. 5–6.

[4] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 97–98. В другом случае причиной коммуникативного сбоя стали подозрения в Венелине ревизора. Болгарин, рассказавший о старинной рукописи у него на хранении, по наущению своего начальника, который был замешан в махинациях с русской продовольственной помощью, стал избегать дальнейших встреч, поскольку интерес к древности был воспринят всего лишь как повод для проникновения в преступную бухгалтерию.

[1] В Кишиневе путешественник познакомился с неким Иваном Манойловым, сыном болгарского священника из горной Болгарии, который передал ему несколько листков пергамента с текстом богослужебного содержания, предположительно, XIV века. По рассказам болгарина, в его доме находился целый сундук подобных рукописей, вышиной с человеческий рост, из которого дети обычно брали по листочку для своих забав. При этом порой возникали подозрения, что некоторые болгары скрывают от русского путешественника рукописные книги, которыми чрезвычайно дорожат. *Безсонов П.* Юрий Иванович Венелин. 177–178, 182–183. См. также письмо Априлову в настоящем издании.

[2] Сборник за народни умотворения. I. С. 177–178, 182.

[3] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 96.

[4] Там же. С. 115; *Венелин Ю. И.* Путевые записки. С. 216–217

[5] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 126. Из Бухареста Венелин писал: «Вообще здесь ненавидят славян; у волошских книгопродавцев я осведомлялся о старых славянских [книгах]; один мне сказал с презрением: ... к коему черту мне сербские книги!» Там же. С. 141.

за животное археография, историческая старина, палеография и т. д. Сначала эта недоверчивость смешила меня, но когда гримасы дошли до того, что однажды один мудрец в полголоса напомянул разговаривавших за другим столом быть осторожным (то есть предо мною) в словах, когда иные не стали туда ходить, я поневоле взбесился на пошлость этих дураков...» История повторилась, когда Венелин сменил обеденный зал. В результате пришлось перейти на сухой паек. «... Я не бывал ни в каком собрании, ни в театре, чтобы по крайней [мере] не мешать своим присутствием ничьему удовольствию»[1]. Далее в этом письме Погодину от 5 января 1831 г. Венелин описывает похожее на паранойю преследование его неким евреем, заставившее обойти, чтобы скрыться от погони, полтора десятка улиц и переулков Бухареста[2].

Печальнее всего было отчуждение болгар. На вечеринке у В. Неновича 1 января 1831 г. во время беседы о древностях с неким болгарином, говорившим по-русски, «один или двое других прислушивались. Впрочем, недоверчивость была написана на лице одного и другого; и к большей моей досаде, они кончили разговор тем, что объявили меня *кривичкою*, то есть притворяющимся»[3]. Амплуа фигляра, чудака, сумасшедшего мерещилось Венелину в каждом постороннем взоре. Он постоянно чувствовал себя находящимся «между четырьмя глазами», впадал в депрессию и ощущал себя таким же несчастным, «как и Жан-Жак [Руссо] некогда в Лондоне»[4]. Прекрасная легенда обернулась кошмаром вполне в романтическом духе.

Хотя дневник путешествия содержит немало рассказов простых болгар (в основном переселенцев), с которыми общался Венелин, парадокс ситуации заключается в том, что он так и не нашел общего языка со своим слугой Сидором. Крепостной, мечтающий в этой стране «обезьян»[5] только о «вольной», обещанной ему после поездки, Сидор, называемый в письмах Погодину и дневнике, как правило, Дурнограем, стал главным объектом венелинской иронии. Раздражение на него, как и все прочие негативные эмоции, достигли пика в Бухаресте: «... подобной скотины я от роду не видал. <...> Тут он пускается в резоменты, по коим следовало ему вручить отпускную при выезде из Москвы, и другие, которые бросили бы в ярость и всякого святого. <...> Впрочем, особенного за ним я ничего не заметил; но пусть бы лучше пил или блядничал (то есть действительно вел себя как скотина. — *М. Б.*), только бы оставил меня

[1] Там же. С. 136–138. Исключение составили почтмейстер И. П. Яковенко и офицеры генерального штаба Менд и Вейнмарн (Веймарн?), но даже их Венелин не отнес к кругу «откровенного знакомства».

[2] Юдофобия — еще одна навязчивая идея Венелина. См.: Там же. С. 144.

[3] Там же. С. 137.

[4] *Безсонов П.* Юрий Иванович Венелин. С. 181. Как вопль отчаяния читается последнее письмо Погодину из Бухареста (3 марта 1831 г.): «Я одинок, вот в чем мое несчастье. Я дойду до крайности. Как дорого стоит мне услуга моя Академии! <...> Работать не могу, ибо я болен душою». Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 141–142.

[5] *Венелин Ю. И.* Путевые записки. С. 235.

в покое. Стоит только взглянуть на него и сплин готов»[1]. Сословная дистанция в отсутствии антагонизма происхождения воссоздавалась на культурном уровне. Идеализированные болгары оказывались ближе Венелину, чем свой *русский* челядин. Но, очевидно, взгляд господина сказывался и на качестве увиденного заграницей, да и на самой способности к адаптации и коммуникации.

Подводя итоги своих этнографических изысканий, уже в России Венелин разработал характерологическую классификацию народов, не чуждую натуралистическим метафорам и «неистовому романтизму»: «Познание как человека, так и народа не состоит в одном познании наружного *обличья*, *наряда* и образа жизни; еще больше необходимо и познание внутреннего человека. Внутренняя физиономия грека представляет лицо *саркаста* (едкой насмешки); внутренность римлянина есть физиономия *беспощадного гордеца*; душевный облик араба выражает *энтузиазм, доходящий до волшебства*; лицо тевтонских племен представляет *удивление неразгаданному*. А лицо славянина?.. Хм!»[2] Ответить на этот вопрос Венелин попытался с помощью анализа народной поэзии. В этом отношении, как и по своему национальному характеру, задунайские славяне резко отличаются от остальных славянских племен. К их песням примешана кровь, а доминантой характера оказывается «ожесточение», шокирующие нравственность «цивилизованного» читателя[3].

В объяснении героического характера задунайских славян, сравниваемых с гомеровскими греками, спартанцами, запорожцами и кавказскими абреками (они «заразились» героизмом после переселения казаков на Терек и Кубань), Венелин использует классифицирующую метафору из «царства зверей»: «Если взять все животные, вместе расставить их по характерам в порядок, то выйдет *длинный ряд степеней ожесточения,* то есть лестница характеров, так что от величайшей *пугливости* зайца постепенно дойти можно до *кровожадности* тигра. Лев стоит ниже тигра, он охотно вступает в бой, но может и не нападать; тигр нападает всегда; следственно лев стоит только на усиленной степени *молодечества,* тигр на степени *кровожадности*. Все животные стоят *неподвижно* на своих степенях, и улучшить их нравственную природу невозможно: у них нет души бессмертной! Один только человек *подвижен* среди всего царства *неподвижных дышущих,* он только подвижен по своим степеням от малодушия до жестокости, он может быть даже жесточе тигра и боязливее зайца; вот почему нет животного презрительнее человека, и нет тоже животного, которое заслуживало бы

[1] Ученое путешествие Ю. И. Венелина... С. 128–129.

[2] *Венелин Ю.* О характере народных песен... С. 33–35. Здесь и далее в цитатах курсив Венелина. Далее указания на страницы этого издания в скобках.

[3] «...Ужасно видеть *мертвую голову!* ...Но болгарину, сербу, босняку, герцеговинцу и черногорцу все равно; он на нее смотрит с каким-то диким услаждением. ...О, *мертвая голова* есть лучший стих в народной песне задунайского славянина! *Ожесточение* есть степень, на которую повысился его народный характер» (с. 48–50). «...У болгар и сербов *резаться* и *стреляться* составляет такую же потеху, какую у русской молодежи расшибать себе грудь и нос в кулачки. Должно прибавить, что не столько нужда и необходимость, а просто эта страсть к резне причиною тому...» (с. 41).

больше сочувствия и сострадания и уважения как человек, а это потому именно, что он подвижен по *лестнице пороков* и *добродетелей*, то есть может портиться и исправиться, страдать и исцеляться» (с. 48–50).

Вопреки последней сентенции, то есть игнорируя человеческую исключительность и снимая проблему моральной оценки, Венелин аналогично расставил европейские народы на лестнице «ожесточения», где верхние ступени заняли мадьяр, словак, волох и серб, а в самом низу — «бедный жидок», которого можно «пустым *мушным* мешком прогнать через Карпаты в Галицию». Конечно, позиции народов изменчивы во времени, одни опускаются вниз, другие возвышаются, но балканские славяне волею исторических обстоятельств «удержали свой *ожесточенный, возвышенный* характер» (с. 51, 64–65).

В объяснении феномена народной поэзии и, следовательно, «внутренней физиономии» задунайских славян Венелин отдал дань географическому детерминизму в его рельефной версии: «Отличительная черта в поэзии *бодрых* и *горячих* народов есть *резкость,* подобная резкости их природы; она отличается тоже *внезапностью* оборотов, подобною *внезапности* новых картин между гор и ущелий. ...Вспышка души их (горцев. — *М. Б.*) настоящий полет трескучей бомбы, метящей в гору, в скалу...

Чувство болгарина, этого старого русака, и серба, этого неугомонного германца, распяливается между подножием и макушкою гигантских предметов, глаз его парит на высоту, подобно орлу, и спускается к подножию, подобно соколу, и снует на душу думу высокую, глубокую. Такова природа горца!» (с. 66, 67). Вследствие применения ландшафтной экспозиции, пространство славянской души разрывалось. Венелин опроверг миф о сонном характере восточных народов, наоборот, их черта — бодрость и болтливость. Именно бодрость способствует развитию особой функции человека, сравнимой с пищеварением (вспомним, что автор по образованию медик), — «сказколюбия». Горцам противопоставлен человек севера, которому свойственна только «людимость» (общительность). С другой стороны, турки и балканские славяне объединяются в искусстве *мужской* беседы, порождающей эпос. «В этом отношении они составляют совсем отдельный мир от Европы» (с. 92–102). Романтическая экзальтация увела Венелина далеко от идеи славянского единства, которой она изначально питалась: задунайские племена с их героическим ожесточением превратились в привлекательно-пугающих антиподов по отношению к русским.

Служебное славяноведение в середине XIX века[1]

При некоторых различиях во взглядах на развитие отечественной славистики (ее периодизацию, закономерности исследовательской динамики, дифференцирующие факторы этой области знания и т. д.) общим для всех авторов и в целом справедливым является выделение академического — университетского или классического — славяноведения в качестве эволюционной вершины, достигнутой наукой где-то во второй половине XIX в.[1] Но оборотной стороной принципа торжествующего академизма при историографическом отборе явилось исключение из сферы интереса историков науки побочных и рудиментарных форм знания, в частности — славистических, сопутствовавших научной институционализации этой дисциплины на протяжении, по крайней мере, части XIX в.

[1] В разделе представлены фрагменты статьи, опубликованной ранее: Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.

Показателен в этом отношении пример чрезвычайно плодовитого автора, чей внушительный список опубликованных работ[2] является лишь верхушкой айсберга-наследия, частью покоящегося в архивах, а частью несохранившегося или необнаруженного, — И. П. Липранди. Даже если принять во внимание репутацию «доносящего по особым поручениям», как назвал его А. И. Герцен, в связи с разгромом петрашевцев, умалчивание о нем труднообъяснимо. Ученые заслуги Липранди, в том числе в области славистики, были признаны советскими литературоведами и историками[3], но его имя не попало в словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (1979) и коллективную монографию с таким же названием (1988). Лишь в 1989 г. на страницах «Советского славяноведения» в рубрике «портреты» был опубликован очерк о нем[4].

Вытолкнутый со службы то ли скандальными обстоятельствами, то ли излишним рвением талантливый функционер, компенсируя неудачи и удовлетворяя амбиции, демонстрировал свои познания балкано-славянского мира, приобретенные по ведомственной надобности, очень настойчиво, особенно на закате своей весьма продолжительной жизни[5]. Статьи и брошюры Липранди

[1] См. указанные выше публикации Л. П. Лаптевой, а также ее полемическую статью: К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 3–17. Ср.: Славяноведение в дореволюционной России: Изучение... Специфика историографических исследований А. С. Мыльникова заключена в особом внимании к предыстории славистики, ее подготовительному этапу (до XVIII в. включительно), то есть к донаучным в понятиях XIX в. и спорадическим формам знания. См.: *Мыльников А. С.* Об истоках становления славяноведения в России: к вопросу об изучении «предыстории» славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1984. С. 5–42.

[2] *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 4. СПб., 1888. С. 16–17.

[3] *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?» [1972] // Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 362–391. *Вацуро В. Э.* Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов (этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. 1. Л., 1976. С. 231–253; *Достян И. С.* Русская общественная мысль... С. 203–208.

[4] *Ишутин В. В.* И. П. Липранди // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94. См. также: Русские писатели. Т. 3. С. 362–364. (Автор статьи — А. П. Рогачевский); *Керимова М. М.* Указ. соч. С. 33–36.

[5] Начало научных и просветительских публикаций Липранди относится ко времени его военной службы в 1830-е гг. В письме А. Ф. Вельтману от 16 марта 1865 г., уже после утраты надежды возвратиться на службу, он «недоумевал» по поводу появления

приоткрыли завесу над тем узусом знания, который вовсе не предназначался для посторонних глаз.

Проведение «восточной» политики, дипломатические сношения и войны, которые вела Россия с Османской империей в XIX в., контакты с ее подданными разных этнических и религиозных групп настоятельно требовали базовых данных самого разного характера для выработки квалифицированных решений, их верификации и экспертизы, пускай процедурно и не детализированных в то время. При отсутствии академического знания (до возникновения институализированного славяноведения, а равно и иных региональных дисциплин, прежде всего востоковедения) роль исследователей и экспертов должны были взять на себя сами чиновники. Труды подавляющего большинства из них оставались неизвестными широкой публике[1].

В литературе деятельность Липранди в качестве знатока Балкан и Востока уже определялась как «практическая» и «прагматическая»[2], с тем, очевидно, чтобы подчеркнуть ее инструментальный характер. Думается, такая качественная характеристика вводит в заблуждение, поскольку игнорирует институционально-процессуальную прописку этого типа знания. В действительности академическое знание вовсе не исключает притязаний на его практическое использование, а «прагматический» подход в историописании обычно связывается со способами обращения с прошлым в донаучные эпохи и имеет негативные коннотации. Понятие «служебное славяноведение» (равным образом можно говорить о служебной балканистике или служебном востоковедении) видится оценочно-нейтральным, адекватным источнику его происхождения и симметричным понятию академического (университетского) славяноведения, уже вошедшему в научный обиход[3].

Вместе с тем служебно-ведомственные исследования, очевидно, не следует изолировать от остального поля познавательной деятельности, как профессиональной, так и любительской, а также от литературной или просветительской практики, поскольку все это осознанно или неосознанно оказывалось арсеналом используемых в работах чиновников систем структурирования знания,

на страницах «Чтений в Обществе истории и древностей российских» его статьи о Молдавии и Валахии, составленной «конфиденциально по высочайшему повелению» в 1831 г. Однако тут же предложил редакции через того же Вельтмана другие аналогичные тексты более позднего происхождения. *Ишутин В.В.* И. П. Липранди. С. 87.

[1] Помимо Липранди, можно назвать еще одно исключение — Е. П. Ковалевского, успешно сочетавшего в своей деятельности слависта служебную и публичную арены. Пример совмещения в деятельности А. Ф. Гильфердинга двух поприщ — профессионального слависта и дипломатического чиновника — относится к более позднему времени, когда утверждалось университетское славяноведение, и является симптоматическим симбиозом. См. о нем: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–70-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 70–94.

[2] *Вацуро В.Э.* Болгарские темы... С. 272; *Ишутин В.В.* И. П. Липранди. С. 92.

[3] К подобному определению близко подошла И. С. Достян. Один из разделов своей монографии 1980 г. она назвала так: «Изучение Балкан и русско-турецких войн по заданиям военного ведомства и министерства иностранных дел».

классифицирующих схем, оценочных суждений и стилистических приемов. Будучи зависимым от них, служебное славяноведение чаще всего не претендовало на выработку целостной концепции изучаемой реальности, и тем более, не вникало в гносеологические проблемы исследовательской работы, а потому являлось иногда наивным и спонтанным, неустранимо эклектичным и ситуативно-обусловленным знанием. Организующим элементом при этом могли выступать наставления вышестоящих должностных лиц (воля государя или министра), а также корпоративно-бюрократические представления о государственном интересе. Необходимо еще учитывать степень личной вовлеченности и заинтересованности функционера в экспертной работе, быть может, случайно ставшей его должностной обязанностью, а также уровень его эрудиции и способностей.

Выше уже шла речь о правительственных экспертах начала XIX в., отправленных на Балканы, — Санковском и Родофиникине. Еще одной важной вехой в подобных исследованиях стало «Статистическое описание», составленное капитаном генерального штаба А. Г. Розелион-Сашальским по результатам поездки в Сербию в 1830 г.

Ввиду слабой дисциплинарной дифференциации и эмансипации гуманитаристики понимание сущности статистических данных в то время было значительно шире, нежели современное[1]. В результате этого Розелион-Сашальским был составлен ведомственный компендиум страноведческих знаний о Сербии, опиравшийся как на непосредственные наблюдения или свидетельства, собранные на месте, так и на известную ему описательную литературу. При этом внимание к фольклору, пережиткам язычества, бытовой и духовной культуре сербов, равно как и установление ее сходства с этнографией россиян, ведущее к выводу об общности происхождения славянских народов, выдвигает автора «Описания» на передовые рубежи тогдашней науки.

Розелион-Сашальский, с одной стороны, разделял просветительскую убежденность своих предшественников (в лице того же Санковского) в том, что «...полезные учреждения могут в короткое время сообщить сему народу хорошие свойства, коих он еще не имеет, и употребить суровые его наклонности»[2]. С другой же стороны, сознание автора отягощалось ориенталистскими конструктами, и дабы избежать отождествления Сербии с Востоком, к которому принадлежали, по распространенному в то время мнению, все земли к югу от Савы и Дуная, он использовал целый ряд нейтрализующих приемов.

Угол зрения, лежащий в основе «Описания», осознается и прямо фиксируется во фрагментах, отделяющих «историю» от основной части текста. «Европеец почти нигде не может встретить [в Сербии] тех удобств жизни, которые для него служат признаком благосостояния и образованности края, но в том

[1] Модели статистического описания того времени были еще и продуктом колониального расширения Европы: *Вишленкова Е.А., Фомина Л.В.* Идеи о «чистых» и «смешанных русских» в отечественной публицистике 1760-х годов // ДВ. 2010. № 30. С. 142.

[2] Москва–Сербия, Белград–Россия. Т. 2. С. 156.

виноваты обычаи народа, столь долго носившего узы турецкого рабства, которое препятствовало развитию в нем способностей, влекущих человека к усовершенствованию своего быта, и которое во многих отношениях ввело между сербов образ жизни их тиранов; виновны столь частые войны, опустошавшие Сербию и отучившие, так сказать, ее думать об удобствах жизни, наконец, виновна новость самая настоящего порядка и вещей»[1]. Рефлексия позволяла признать относительным европоцентристское высокомерие. Условия жизни в Сербии автор «Описания» предлагает сопоставить с другими провинциями, находящимися под властью Османской империи, и в этом случае результат будет иным.

Прежде чем перейти к характеристике основных жителей Сербии в пункте 3 «Описания», Розелион-Сашальский более или менее подробно останавливается на «свойствах и нравах» валахов и цыган (л. 58–59). И те и другие вызывают у него неприязненные ощущения. Удаленности от цивилизации, в рассказе офицера-исследователя о валахах, соответствует лживость натуры как непременный атрибут «варвара» — стереотип, имеющий давнюю литературную традицию. Еще более отталкивающих, лишенных спасительной иронии характеристик удостоены цыгане с их подозрительным бродяжничеством и непотребными или даже преступными занятиями. Здесь к уже указанным «варварским» характеристикам (нагота, лень, лукавство) прибавляется тема «развращенного Востока». По-видимому, экскурсы в «этнографию» валахов и цыган выполняют в «Описании» Розелион-Сашальского роль контрастно-проблемного фона для повествования о сербах. «Варварские» («восточные») элементы в их образе жизни и обычаях подверглись сравнительному умалению.

Негативному стереотипу «варвара» противостояла модель «благородного дикаря» с его естественной простотой. С нее и начинается рассказ: «Нравы сербов весьма просты. Чиновники, купцы и другие горожане, коих одежда и отчасти род жизни сходствуют с турецкими, не исключаются из сего». Дальнейшее описание сербского «национального одеяния» не акцентирует эти азиатские черты. Напротив, автор подбирает аналоги из традиционного восточнославянского костюма[2]. В описании женской одежды, где влияние показной роскоши варварских и восточных народов более ощутимо, автор предупреждает нежелательные выводы снисходительными ссылками на особенности слабого пола, то есть прибегает к своеобразной гендерной нейтрализации.

Рождающаяся этнография строилась на интуитивных основаниях. «Описание» содержит любопытный образец физиогномики[3], позволяющей распознать добрый нрав серба под обманчивыми внешними атрибутами — необходимо лишь внимательно вглядеться в его лицо: «Физиономия сербов сохранила всю близость к чертам прочих единоплеменных. Они весьма редко имеют совершенно черный цвет волос, но наиболее русый. Лица их, в коих правильности и даже красота не суть редкие явления, представляют выражение мужества и вместе того доброхотства, которое обещает готовность всякую минуту предаться приятным ощущениям и удовольствиям сообщества, что находится в разительной противоположности с отталкивающей угрюмостью турок. Это есть признак, по которому почти всегда можно распознать серба, хотя бы он был в турецкой одежде» (л. 60–60 об.). Двигаясь на ощупь, подобная этнопсихология, тем не менее, с неизменной четкостью воспроизводила, как явствует из отрывка, полярность условного Запада и Востока («своего» и «чужого», славянского и турецкого, ориентального стереотипа).

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6. Л. 54. Далее в тексте в круглых скобках указываются листы этого дела.

[2] «Для зимы имеют род суконного зипуна или тулуп». Сербская обувь сравнивается с «малороссийскими постолами» (л. 59–59 об.).

[3] О влиянии физиогномических моделей на «визуальную антропологию» начала XIX в. см., например: *Вишленкова Е.А.* Указ. соч. С. 95–154.

Известное воздействие на суждения русского офицера оказало «славянское возрождение», воспринятое, скорее, опосредованно, из западноевропейских или русских источников. Однако автор не склонен был полностью отдаваться стихии «народного духа». Рационалистическое благонравие в «Статистическом описании Сербии» берет верх над романтическими тенденциями. Хотя Розелион-Сашальский отдает должное народной поэзии сербов, завоевавшей признание просвещенной Европы, он оказывается неспособным принять все ее проявления. Те из них, что не вмещаются в каноны величественной красоты, списаны на пагубное влияние турок. В результате, заказное «Описание» сербского народа в сочинении Розелион-Сашальского выглядит переплетением разноречивых концепций. Взгляд из мира цивилизации, хотя и был подвергнут остранению, сохранил базовую значимость. Доминантным познавательным подходом оставалась сентиментально-руссоистская модель, отягощенная неприятием «варварства» и «восточной деспотии». Кроме того, на отдельные выводы «Описания» повлияли официальные оценки ситуации в Сербии из окружения князя Милоша Обреновича в случае, если они совпадали с авторским видением современной истории в свете задач европеизации.

С обострением конституционного конфликта в середине 1830-х гг. в Сербии побывал целый ряд русских дипломатов. Их отчеты касались в основном оценки политической ситуации[1]. Однако даже спустя несколько лет после учреждения русской дипломатической миссии в Белграде ее глава Г.В. Ващенко направлял в министерство сведения о местных занятиях и нравах[2].

[1] *Достян И.С.* Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве после прихода к власти уставобранителей // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX в. и Россия. Ч. 1. М., 1992. С. 132–148; *Кудрявцева Е.П.* Россия и Сербия в 30–40 гг. XIX в. М., 2002. С. 27–81.

[2] *Никифоров К.В.* Сербия в середине XIX в. С. 15. Ващенко занимался подобными исследованиями и ранее: *Медведева О.В.* Г.В. Ващенко — первый российский консул в болгарских землях // В «интерьере» Балкан. С. 244–257. См. также похожее по содержанию донесение временно управляющего консульством в Белграде: Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX в. № 204. С. 359–366. (А.Т. Федоров — К.В. Нессельроде, 3 (15) января 1847 г.)

Со второй половины 1830-х гг. под пристальное внимание официальных экспертов попадает и Черногория[1]. В 1837 г. там побывал жандармский подполковник Я. Н. Озерецковский, отправленный годом ранее с наблюдательной миссией в Вену. Инструкцией для этой поездки послужило отношение главы Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникина послу в Вене Д. П. Татищеву от 11 июня 1837 г., где, в частности, говорилось: «Вместе с тем подполковнику Озерецковскому воспользоваться пребыванием своим в Черной Горе, чтобы собрать подробнейшие и положительные сведения о сей стране доселе во всех отношениях малоизвестной»[2].

Поездка сполна удовлетворила ту «страсть к путешествиям», которая, по признанию Озерецовского, была в нем так сильна: «...чем более углубляюсь я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу». Странностей хватало, и один такой случай, произошедший близ Цетине, новоявленный дипломат внес в первое сообщение с берегов Адриатики: «...семейство делило жито. Сын заспорил против отца, отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и отец хотел только постращать сына»[3].

Несмотря на «странности», уже 1 сентября 1837 г., то есть спустя две недели после приезда в Цетине, подполковник составил обширную записку на имя Татищева, копию которой отослал шефу III Отделения с сопроводительным письмом. В нем, в частности, говорилось: «...край любопытный... [с] народом, далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени. [Помощь Черногории]... есть в прямом смысле помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества... составит его счастье и прибавит новый луч к славе нашего Великого Государя»[4]. Этим надеждам, похожим на мечтания Санковского треть века назад, соответствовали реформы просвещенного владыки Петра II Петровича-Негоша, направленные на разрушение патриархальных институтов и организацию государственной структуры.

Однако подобные бюрократические сантименты в изложении Озерецковского обросли новыми чертами в манере зрелого романтизма с его пристальным вниманием к «местному колориту», наметилось преодоление крайних тенденций в изображении черногорских реалий: автор уклонился как от слепого восторга перед простотой нравов и верой местных жителей во всемогущего царя, так и от снисходительного презрения к детям-дикарям. Отчасти этому, вероятно, способствовало официальное антизападничество в духе уваровской триады[5], опыт Кавказской войны, поскольку Озерецковский сравнивал черногорцев с горцами Кавказа, а также литературные компетенции чиновника —

[1] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 17. С. 185–192.

[2] *Бокова В.* Указ. соч. С. 334–336.

[3] Там же. С. 337. (Я. Н. Озерецковский — А. Н. Мордвинову, 12/24 августа 1837 г. Далее указаны только даты этих посланий).

[4] Там же. С. 338.

[5] *Досталь М. Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 52–59.

к этому времени он был автором ряда повестей и рассказов, а также путевых очерков[1].

Характерное для описаний предшественников соотнесение местных жителей и окружающего ландшафта (непроходимые горы), который, как минимум, консервирует «нравы»[2], дополняется у Озерецковского экспрессивными зарисовками, делающими изображение подвижным. Замкнутое пространство размыкается, а рутинный обычай обретает экзистенциальный смысл. «Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать с камня на камень, позволяет им (черногорцам. — *М. Б.*) посещать Катаро... Четырех или пяти часов ходьбы налегке достаточно черногорцу, чтобы дойти до Катаро от монастыря Цетине». (Предшественники Озерецковского неоднократно указывали на эту «привычку», но в их описаниях она представлялась вычурной странностью или дикарской повадкой.) И далее: «Черногорец родится с мыслью о своей независимости и вырастает с нею. Ввиду турецких селений он пашет землю с ружьем за плечами, потому что каждый шаг обрабатываемой им земли может подать повод к распрям, для которых как турки, так и черногорцы не имеют другой расправы, кроме силы оружия»[3]. В этих зарисовках находится зерно тех представлений, которые получили развитие в русской путевой прозе 1840-х гг.: эта горная земля наполнена значимым действием — защитой свободы, — а не бессмысленным кровопролитием[4]. Экзотическая стигма, характерная в описаниях Свиньина, несколько сглаживается.

Можно отметить и другую заслугу «сентиментального жандарма» в создании романтического нарратива — последовательная защита или даже фаворитизация Петра II Петровича-Негоша в глазах правительства. Портрет митрополита как воплощения лучших качеств черногорцев станет непременным атрибутом будущих описаний.

[1] Кавказская тема к этому времени уже имела свою традицию в русской литературе. См., например: *Эйдельман Н. Я.* «Быть может за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990; *Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994; *Гринберг Ф.* Кавказский текст русской культуры // Континент. 2000. № 104; *Романенко С. М.* Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я. П. Полонского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006; *Норимацу К.* Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. С. 284–308; *Плисс А. А.* Мотивная структурав «кавказском тексте» русской литературы первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. О позднейших параллелях: *Мароши В. В.* «Сербский» и «кавказский» тексты русской литературы: Мотивы, тропы и архетипичность персонажей // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 298–307.

[2] В крайнем случае эта тенденция вела к нивелировке культуры до уровня природы в духе описаний и классификаций естествоиспытателей прошлого века.

[3] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 18. С. 199–200.

[4] Впрочем, в другом месте Озерецковский оценил пограничные конфликты черногорцев с Австрией как спор из-за «2–3 булыжников». ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 93. (31 марта / 12 апреля 1838 г.); *Бокова В.* Указ. соч. С. 350–351. 16/28 октября 1838 г.

Озерецковский составил целый ряд информационных документов о состоянии Черногории и вскоре после приезда в Петербург 24 февраля 1838 г. подал еще одну записку на имя шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа. В ней косвенно указывалось на необходимость организации самостоятельной наблюдательной службы, поскольку «...все сведения, получаемые русским кабинетом о Черногории, так сказать, прогоняемы были через куб австрийских и турецкихнадобностей, и бедные черногорцы в борьбе за веру и независимость с явным врагом своим Турциею, выкупая кровью каждый шаг земли, окруженные австрийской политикой, турецким оружием, бедностию и нуждами, приобрели название разбойников»[1]. Замечания Озерецковского порой достигали уровня сбалансированного анализа и технических рекомендаций эксперта.

Тенденции, присущие его описаниям, получили дальнейшее развитие у Е. П. Ковалевского, посетившего Черногорию в первый раз в 1838 г. Нет сомнений, что он имел доступ к материалам и запискам Озерецковского, который, следуя славянофильской квазиконспирации, рекомендовал своего преемника Петру II Петровичу-Негошу: «Он наш, и с ним можно быть откровенным»[2]. Тем не менее, как вспоминал позднее сам Ковалевский, «владыка встретил меня подозрительно, но отношения наши вскоре выяснились, и мудрено ли? Ему было 21 год, мне 23. В эти годы и чувствуешь, и действуешь так открыто, так честно, что всякое сомнение отпадает само собою»[3].

Кроме геологических изысканий, Ковалевскому было поручено собрать сведения по географии и статистике страны. И выполняя данный пункт инструкции, он составил «Статистическое и географическое обозрение Черногории», хотя сетовал в сопроводительном письме русскому послу в Вене: «Может быть, это было сказано так, мимоходом, но я принял это к сердцу и старался выполнить во всей точности волю его (МИД. — *М. Б.*)»[4].

В «Обозрении» эксперт прямо отказывается от использования в отношении столь специфичной страны «...тех начал и понятий, которыми привыкли измерять европейские государства... тем более что сила Черногории и ее политическое бытие основаны не на пространстве страны, не на числе народа, но заключается в духе его, в правлении и самых обычаях, которые заменяют здесь закон и сохраняются точнее, нежели закон писаный»[5]. И действительно, Ковалевский попытался концептуализировать свои взгляды на местные реалии с помощью романтического понятия «народного духа». Это не уберегло автора от классифицирующих схем ориентализма — в «Обозрении» дважды

[1] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 22. С. 221.

[2] Цит. по: *Аншаков Ю. П.* Становление... С. 222.

[3] *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. 4. С. 162. Ковалевский уменьшает их возраст — на самом деле ему было уже 29 (или 27) лет, Петру I Петровичу-Негошу — 24. Помимо психологической мотивировки, на это смещение, возможно, повлияла устойчивое отнесение славян к «молодым нациям».

[4] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 27–28. С. 229.

[5] Там же. С. 231.

подчеркнуто: «...этот народ по своей политике и характеру принадлежит к народам Азии»[1].

Но в итоговых характеристиках черногорцам достались и те черты, которые в это время нередко приписывались всему славянскому племени, исключая проблематичную воинственность, и в частности россиянам: «Народ, одаренный от природы умом чрезвычайно пылким и переимчивым, храбростью иступленной... не терпящий другого вероисповедания, кроме греко-российского, хотя мало прилежный и к нему...»; только русское покровительство «...может изготовить блестящую участь для этого народа сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно»[2]. Экспертные заключения Ковалевского не избежали противоречия. С одной стороны, — пускай приглушенное чувством заведомого превосходства, романтическое восхищение неприхотливой жестокостью черногорцев, с другой — рациональная убежденность чиновника в пагубности этой привычки: «Торговля, образованность, искусство находятся в Черногории в самом бедственном положении. Причины тому — недостаток труда, стесненность неприязненными соседями и описанный выше порядок вещей, следствие — повсеместная бедность. Но до какой степени процветания не мог бы достигнуть этот край!»[3] Однако, «пока время и обстоятельства не изменят народного духа...», Ковалевский вслед за Петром II Петровичем-Негошем и Озерецковским предлагал применить способность черногорцев к войне на Кавказе (колониальный сценарий).

Тогда как Озерецковский в 1840 г. не получил одобрения Бенкендорфа на публикацию в каком-либо русском журнале подготовленной им статьи «О политическом положении Черногории», Ковалевскому через год удалось издать целую книгу о своей поездке. Одна из лучших в путевой прозе своего времени, она сочетала в целом адекватное представление о патриархальном быте черногорцев с романтической образностью. Автор прочил «молодому» народу славную будущность: «невеста, готовая под венец, а не под жертвенный нож»; «...юное и сильное деревце некогда вырастет высоко, возмужает, окрепнет и широко раскинет ветви свои над тем местом, где будет истлевать полуразвалившийся, отживающий свои века дуб, и может быть приютит его под отрадную тень и доставит ему питательную росу»[4].

Один из излюбленных приемов литературной репрезентации в этой путевой прозе — создание сюжетных и жанровых картин. Поэтические пейзажи контрастируют с зарисовками скудного бытового обихода или сценами обыденной жестокости. В грубой повседневности вдруг обнаруживаются особая пластика и красота. Подслушанные автором беседы черногорцев исполнены величественной простоты или озорного юмора. Романтизированный эпос дополняется реалистическим материалом в духе «физиологического очерка» и формирующейся

[1] Там же. С. 232, 234.

[2] Там же. С. 234, 241.

[3] Там же. С. 234.

[4] *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. 4. С. 9, 13.

«натуральной школы»[1]. Нет сомнений, на литературную технику «Четырех месяцев в Черногории» Ковалевского оказала влияние поэтика раннего Гоголя, его «малороссийские повести» и в особенности «Тарас Бульба»[2], равно как и разработка кавказской темы в русской прозе этого времени.

Коллективный портрет черногорцев исполнен романтического культа силы, молодости, здоровья, витальности. Проецирование местных патриархальных порядков, усиленное художественным гиперболизмом, колеблется на грани гомоэротики: «...мужчины — это племя атлетов, что за рост, и как сложены, какая величественная осанка, какой гордый, повелительный вид, и эти приемы черногорца, это искусство носить свое оружие и свою щегольскую одежду, выказывающую мужественные его формы — все в нем поражает европейца, дитя болезней и неги. Когда вы увидите черногорца на страже, гордо и неподвижно опершегося на свое длинное, красивое ружье, с горящими, устремленными к турецкой границе глазами, с засученными по плечо рукавами косули, обнажающими его мощные, мускулистые руки, вы скажете: для него нет невозможного, и едва ли ошибетесь»[3].

Под стать этим породистым мужчинам и сам митрополит Петр II Петрович-Негош, конечно, самый лучший из них. Характерная для романтического изображения Другого экзотизация помещается в противоречивом пространстве отчуждения и присвоения. И в данном случае митрополит Петр II оказывается гибридной фигурой. Воплощая в себе всю красоту и мужество черногорского народа, он обладает при этом западной ученостью и представляет собой авангард европеизированных славян.

Спустя тринадцать лет сопровождавший Ковалевского как секретарь при его очередном посещении Черногории в начале Крымской войны Н. Д. Ступин констатировал знакомство своего шефа с этой страной «как бы с родиной» и оценивал далее его книгу в качестве эталонной: «Прекрасное, полное описание Черногории г-на полковника Ковалевского, служа верным руководством новому посетителю страны, избавляет его в то же время от труда изображать картины черногорской природы, представлять нравы жителей и все то, что должно и не может иначе быть как оставаться неизменным, неприкосновенным»[4]. К этой исчерпывающей картине можно было добавить лишь описание курьезного случая, свидетельствующего, тем не менее, «о направлении умов и сердечных движениях как в Черногории, так и у южных славян вообще». Представление Ступина секретарем Ковалевского сразу отодвинуло его «в круг сиромахов (нищих), детей и женщин, несущих наши пожитки», и только переаттестация в «адъютанты», то есть в воина, предпринятая мудрым

[1] О «физиологическом очерке» как жанре «натуральной школы»: *Цейтлин А. Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965.

[2] О парадоксах восприятия казачества в свете «внутренней колонизации» (самоориентализации) см.: *Киршбаум Г.* Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве А. С. Пушкина // Там внутри. С. 246–250.

[3] *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. Т. 4. С. 63.

[4] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 35а. С. 274, 279.

полковником, позволила «...сблизиться до приязни с моими храбрыми знакомцами»[1]. Текст путевых заметок Ступина пестрит романтическими клише («кровавая, огненная стихия» войны, «орлиные налеты» на врагов и т. д.), апробированными применительно к черногорцам его предшественниками[2]. Автор убежден, что «родовое единство происхождения» славянских племен обеспечит союз «неразрывный, неизменяемый ничем, никакою волею, ни насилием, ни обольщением»[3]. От окончательной экзальтации, равно как и от «секретарских» обид, Ступина спасает все то же превосходство русского европейца над балканскими «полудикарями».

Экспертная стратегия, выработанная Ковалевским в описании черногорцев, применена Ступиным далее и к болгарам. Социальная ничтожность гражданской службы в Черногории, познанная из личного опыта, стала поводом к рассуждению о различиях в характере славянских племен, поскольку у мирных болгар «...после капиталистов, немного хотя грамотные люди первые пользуются первые всеобщим уважением»[4]. А финальную часть путевых заметок о Черногории их автор, извиняясь за отклонение от темы, специально посвятил проникнутому сентиментально-романтической симпатией и сдобренному покровительственной риторикой рассказу об этом «юго-восточном славянском племени»[5]. Кроме того, в 1853–1854 гг. Ступин подготовил ряд отдельных записок о болгарах. Они предназначались разным должностным лицам Российской империи и сохранились среди бумаг Ковалевского в копиях, направленных, очевидно, для его ознакомления. В одной из них он разъяснял ситуацию, сложившуюся в Болгарии накануне Крымской войны, и реакцию населения на ее начало. В другой — характеризовал развитие образования и национального самосознания болгар за последние десятилетия. В третьей — предлагал рецепты для лечения греко-болгарской церковной распри[6].

Биография самого плодовитого эксперта И. П. Липранди до сих пор вызывает споры и имеет лакуны. И до, и после окончательной отставки он прилагал много сил для укрепления своей служебной и экспертной репутации. Однако приводимые им данные (в опубликованных трудах, переписке и своего рода оправдательной автобиографии — «Записке о службе» 1860 г., имеющей несколько вариантов) иногда уклончивы, иногда уточняют, а иногда противоречат друг другу.

[1] Там же. С. 279–280.

[2] Книга Ковалевского служила главным пособием для русских путешественников, отправившихся в Черногорию в 1840-х гг. Среди них в романтическую разработку черногорской темы внесли особый вклад А. Н. Попов, Н. И. Надеждин, В. А. Панов. О ее отражении на страницах периодики см.: *Аншаков Ю. П.* Русские журналы как источник изучения исторического прошлого южнославянских народов и русско-югославянских связей (30-е — середина 50-х гг. XIX в.) // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005. С. 130–149.

[3] Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. № 35а. С. 280–281.

[4] Там же. С. 280.

[5] Там же. С. 281–282.

[6] ОР РНБ. Ф. 356. Д. 435–437.

Так, в длинном примечании к напечатанным в 1878 г. рекомендациям по организации военной разведки Липранди, доказывая свою компетентность, сообщал: «В бытность мою в Бессарабии, когда возникла гетерия (то есть в 1821 г. — *М. Б.*), на меня возложено было генералом от инфантерии [И. В.] Сабанеевым и генерал-майором [М. Ф.] Орловым собрание сведений о действиях турков в Придунайских княжествах и Болгарии, для чего я неоднократно был послан под разными предлогами в турецкие крепости. Ознакомился я с этим предметом при постоянном изучении страны и свойств жителей, из коих каждого племени и разных званий находилось знатное количество в Кишиневе и в других местах Бессарабии, куда они бежали из Константинополя и разных турецких областей. В 1823 году, во время служения моего при кн. Воронцове, на меня возложено было несравненно уже в больших размерах, между другими занятиями, продолжение и этого»[1].

А в письме А. Ф. Вельтману от 20 октября 1835 г. Липранди отнес начало своего изучения Османской империи уже точно к 1820 г.: «... до 1824 г. круг мой был ограничен; но потом сношения с различными фанариотами, проживавшими в Бессарабии и Одессе, — множество других этеристских выходцев, мало-помалу расширили первоначальный объем мой — и наконец, события 1827, 1828, 1829 и 1830 гг. распространили оный вне даже пределов [Турции]. В сей последний год, проживая в Бухаресте, я соединил все мною собранное, учредил постоянных корреспондентов... и таким образом в продолжение почти шести лет здесь в Тульчине с помощью богатейших библиотек и получаемым мною по ним сведениям, я соорудил что-то огромное, разнообразное, многосложное, которому хотел дать вид систематический, приближающийся более к целому»[2]. В результате сложился корпус словаря из 6000 статей на 8000 листах, писарские копии, черновые материалы и разные редакции которого хранятся теперь в РГИА[3].

Однако, по позднейшему утверждению Липранди, работа над этой энциклопедией, не имеющей аналогов в европейской литературе, началась по высочайшему повелению лишь в 1832 г., уже после выхода в отставку с военной службы по состоянию здоровья. Спустя два года в апреле 1834 г. первая половина словаря была отправлена военному министру «для поднесения» царю. Но вместо этого Липранди получил от генерал-квартирмейстера Ф. Ф. Шуберта отзыв военно-ученого комитета генерального штаба о неудобности для использования «азбучного порядка», принятого в изготовленном им труде,

[1] *Липранди И. П.* Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае и на содействие, которое мы можем встретить в Болгарии. М., 1878. С. 53. (Примеч.) В черновой версии автобиографии Липранди уточнял: «В начале генерал Сабанеев поручил мне, между прочим, и описание границ с Турцией, а в 1821 году вместе с тем и надзор за перебегающими гетеристами...». Цит. по: *Садиков П. А.* И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. — Л., 1941. С. 271. (Примеч. 2.) Ср. с текстом «Записки о службе» в фонде Н. П. Барсукова: НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 4 об.

[2] *Ишутин В. В.* И. П. Липранди. С. 88.

[3] Ф. 673. Оп. 1. Д. 138–165, 172–218.

и разрешение на издание его в свет «без пособия правительства»[1]. Ввиду этого составление второй части словаря было отложено; о возобновлении работы автор в примечании не сообщает. Судя же по «Записке о службе», в 1836 г. труд был все-таки завершен. Годом ранее Липранди просил Вельтмана о помощи в литературной обработке текста и обещал выслать на пробу «одну букву» из словаря[2]. А в 1837 г., находясь проездом в Москве, он показал всю рукопись тому же Вельтману и В. П. Андросову, с подачи которого как редактора в декабрьский книжке «Московского наблюдателя» появилась заметка о словаре, привлекшая интерес иностранной печати.

В приложенном к «Записке о службе» реестре сочинениям конца 1820–1830-х гг. под номером 28 словарю дан такой заголовок, отличающийся от названий соответствующих дел в РГИА: «*Оттоманская империя*. Подробнейшее описание сего государства в военном, гражданском, политическом и религиозном отношениях, с историческим исследованием устройства придворного, обычаев, обрядов, суеверий, предрассудков, пословиц с приложением историографического обзора: Румелии, Македонии, Албании Турецкой Кроации, Сербии, Болгарии, земель некрасовцев, запорожцев, добружских татар и Придунайских княжеств, с пояснением разных мест, носящих турецкие, греческие и древние наименования. Расположенное в азбучном порядке, связывающим по предметам все отделы, с шестью оглавлениями, для удобства отыскивать желаемые отделы вполне. Тульчин. 1836. 60 толстых тетрадей in fol.». В примечании Липранди дополнительно сообщает, по-видимому, чтобы придать больший вес своей работе, о содействии в ней ученых греков, переселившихся в 1821 г. в Бессарабию. Они перевели «многие неизвестные повествования и пр.: с арабского, персидского и турецкого языков»[3]. Кроме того, информаторами Липранди являлись поселившиеся в Кишиневе предводители и участники Первого сербского восстания 1804–1813 гг. В основанных на недошедшем до нас дневнике воспоминаниях о А. С. Пушкине их автор, не уточняя имен, называет Вучича, Ненадовича, Живковича, братьев Македонских и др.[4] Липранди хвалился сетью

[1] *Липранди И. П.* Взгляд... С. 58–59. (Примеч.) Этой версии соответствует в основном рассказ из «Записки о службе», хотя Липранди обрывает при цитировании вторую (негативную по оценке его труда) часть выписки из журнала военно-ученого комитета и уклоняется от объяснения причин, заставивших его приостановить работу. Но «пользуясь более свободным временем в отставке, и получая постепенно облегчение от раны в ноге, раздраженный усиленными трудами в продолжение многих лет, Липранди, — сообщает он сам о себе в третьем лице, — успел привести все многочисленные материалы свои в систематический порядок». НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 16–17, 82 об. —83.

[2] *Вацуро В. Э.* Болгарские темы... С. 234.

[3] НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 83–86 об.; *Ишутин В. В.* И. П. Липранди. С. 88–90. Некоторые работы из списка были позднее опубликованы.

[4] *Липранди И. П.* Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1 / вступ. ст. В. Э. Вацуро; сост. и комм. В. Э. Вацуро и др. М., 1985. С. 330. Иной перечень сербских информаторов Липранди см. в опубликованном выше «кратком очерке» о Сербии. Фонд Липранди в РГИА содержит неавторизированные свидетельства участников восстания, возможно, скомпилированные им самим. В основном они посвящены деталям военных действий: Ф. 673. Оп. 1. Д. 316.

агентов, созданной им на территории Османской империи накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В нее якобы, кроме прочих, входил и секретарь сербского князя М. Герман. А во время войны в его отряде партизан-волонтеров воевало до 1000 человек из «албанцев, арнаутов, македонцев, фессалийцев, болгар, босняков, сербов и черногорцев»[1].

По долгу службы Липранди участвовал в допросах перебежчиков и пленных. Ссылаясь на этот опыт, он давал рекомендации: «Турка нельзя спрашивать так, как армянина, еврея — как цыгана, серба и босняка — как волоха и т. д. Малейшее невнимание к их обычаям может повлечь за собою иногда самые пагубные последствия. Притом много значит у различных обитателей Турецкой империи и происхождение лица, которое их расспрашивает: турок будет рассказывать с большею откровенностью драгоману, находящемуся при армии, если драгоман этот перот или фанариот, но будет воздержаннее, если тот будет грек (то есть мореот или другой); напротив того, серб, волох и булгар скорее будут откровенны с греком, чем с фанариотом или с периотом (которых, впрочем, они и не различают) »[2]. В другом месте Липранди говорит о методах работы над словарем: он сравнивал показания выходцев из разных земель, сопоставлял их с книжными свидетельствами, и таким образом устанавливал истину; например, он пользовался «Сербским словарем» В. С. Караджича, дополняя извлеченную из него информацию[3].

Мегаломанское предприятие по составлению энциклопедического словаря Османской империи, безусловно, являлось предметом особой гордости для Липранди и, по его собственному признанию, источником для многих последующих работ. При этом просветительская установка на исчерпывающее знание делала границы объекта изучения подвижными. Не принявший романтической концепции «народного духа», Липранди, тем не менее, был одним из первых собирателей фольклорного материала[4].

Модель словаря вообще была одной из излюбленных форм выражения его учености. Помимо «словоистолкователя» Османской империи перу Липранди

[1] НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 9, 14; *Липранди И. П.* Особенности войн с турками. СПб., 1877. С. 91–108; *Он же.* Общие сведения об Европейской Турции. М., 1877. С. 5–10.

[2] *Липранди И. П.* Особенности... С. 14–15.

[3] *Керимова М. М.* Указ. соч. С. 35–36.

[4] *Вацуро В. Э.* Болгарские темы... С. 236–245. В поздних публикациях, целый букет которых относится ко времени Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., отставник корил правительство, ответственное за лишние потери из-за недостатка информации о театре действий. «Полудикие нравы и обычаи обитателей разных областей Турецкой империи, столь же различные, как и самая природа сих областей, производят то, что одна область не может быть рассматриваема с той же точки зрения, с которой другая представляет удовлетворительные последствия». *Липранди И. П.* Общие сведения... С. 10–13. См. также: *Он же*. Взгляд... С. 53–80. Одним из следствий этой методологической рефлексии было внимание к деталям, концентрацию которого обеспечил составленный Липранди «словоистолкователь». В замечаниях старика сквозила обида на то, что его труд оказался мало востребованным правительством.

принадлежит еще одна масштабная рукопись «Историческое и топографическое описание Сербии» 1833 г. в двух переплетах (140 и 295 листов) — выделившаяся часть основного проекта[1]. Половину первой рукописной книги составляет по большей части компилятивная история Сербии с древнейших времен. Лишь в рассказе о событиях первой трети XIX в. Липранди использовал сведения, собранные им самим[2]. Кроме того, судя по текстуальным совпадениям, он был знаком с «Описанием» Розелион-Сашальского. Вторая половина первой книги (описание Белграда) и вся вторая книга выполнены в виде словаря.

К тому же самому времени относится черновая рукопись рецензии на статью о Сербии, помещенной в № 14–17 «Северного архива» за 1827 г. Наткнувшись на нее с опозданием в шесть лет, Липранди жадно бросился читать «о крае столь мне любопытном и, к удивлению, доселе столь мало известном, невзирая, что он в многих отношениях так близок к русским»[3]. Разочарованный рецензент обнаружил, что статья неоригинальна и представляет собой неряшливо выполненный перевод «какой-то немецкой книжки». Поскольку подписи не было, он обрушил тяжкие упреки на редактора журнала Ф. В. Булгарина: «Вопреки надеждам, что сей ученый муж, трудящийся над переводом Горация, снабдит книжку комментариями и исправит погрешности, но в итоге текст вышел еще более искаженным, название изуродовано, а стиль темен настолько, что перевод Мавроурбина при Петре I покажется верхом совершенства»[4]. Липранди взялся восполнить эти упущения (исключая стилистические), и его рецензия приобрела вид словарного комментария.

Следующий период экспертной активности Липранди как знатока Османской империи приходится на период Крымской войны. В преддверии ее были составлены записки о событиях в Дунайских княжествах и о возможных военных действиях на Балканах, доведенные до сведения царя и наследника престола. А «по приезде в начале 1854 года генерал-фельдмаршала князя Паскевича в Санкт-Петербург, он тотчас послал за Липранди, которого знал с 1812 года; приказал ему изложить некоторые предметы, которые по специальности его постоянных, в продолжении 35 лет, занятий были известны... Одиннадцать раз Липранди работал с ним от 11 часов вечера до 2 за полночь и далее, а часто занимался и днем»[5]. В письме Вельтману, написанному после опубликования в Чтениях ОИДР его статьи о Молдавии и Валахии, говоря о цикле работ периода Крымской войны, Липранди добавлял: «...мне по высочайшему повелению Я. И. Ростовцев сообщал современные сведения и вообще от меня в то время ничего не скрывалось»[6]. Список созданных в этот период работ состоит

[1] НИОР РГБ. Ф. 203. П. 223. Ед. 1–2. См. также: РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 166–171.

[2] Опубликован оригинальный фрагмент этого сочинения (л. 33 об. —38 об.), излагающий причины поражения сербского восстания 1804–1813 гг. *Богишич В.* Указ. соч. С. 243–247.

[3] РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–1 об.

[4] Там же. Л. 1 об. —2.

[5] НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 22–22 об.

[6] *Ишутин В. В.* И. П. Липранди. С. 88.

из 14 позиций[1]. Некоторые из этих сочинений включались в авторские сборники или же вышли отдельными брошюрами в 1877–1878 гг. Седьмую позицию в списке занимает «Краткий очерк этнографического, политического и нравственного состояния христианских областей Турецкой империи» из шести текстов: Придунайские княжества, Сербия, Босния, Албания, Румелия и Болгария[2]. ОИДР опубликовал два из них (первый и последний).

Названные тексты относятся к другому излюбленному Липранди жанру — «историко-критических замечаний, включавших в себя в той или иной мере его собственные воспоминания». При этом автобиографическая интонация вызывала у читателя «яркий, запоминающийся “эффект присутствия”»[3]. Действительно, эмоциональная вовлеченность автора подобных критических этюдов вела к гибридизации экспертного текста, способного, благодаря этому, привлечь интерес широкой публики. (Хотя до нее «записки» Липранди доходили, как правило, с большим опозданием.) Мемуарные реминисценции были продиктованы, в свою очередь, характерной для Липранди стратегией жизнетворчества и саморекламы, которая подталкивала его к постоянной корректировке и шлифовке биографической легенды. Эта тенденция еще усилилась после крушения карьерных амбиций в динамичной общественной среде пореформенного периода[4].

В случае Липранди, особенно применительно к его страноведческим изысканиям, можно говорить о специфической концептуальной рамке военной этнопсихологии. В одном из сочинений он попытался сформулировать свои представления о науке, которая «...еще нигде вполне не была изложена, тем

[1] НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 100–104. В 1854 г. типографский департамент генерального штаба напечатал более ранний труд Липранди, составленный в 1842 г. как дополнение к «Описанию» русско-турецкой войны 1806–1812 гг. А. И. Михайловского-Данилевского и удостоенный наградой царя в виде бриллиантового перстня «с изображением имени Его Величества». *Липранди И. П.* Взгляд... С. 59. (Примеч.) Экземпляр книги хранится в Государственной публичной исторической библиотеке: *Он же*. Обозрение пространства, служившего театром войны России и Турции с 1806 по 1812 год. СПб., 1854. По свидетельству Липранди, Генеральный штаб печатал для служебного пользования и другие его труды.

[2] НИОР РГБ. Ф. 203. П. 224. Ед. 3–8. Как уверял Липранди, его записки 1854 г. читали великая княгиня Елена Павловна, граф П. Д. Киселев и граф В. Н. Панин. В конце 1960-х писарские копии текстов о Придунайских княжествах, Сербии, Боснии и Албании были обнаружены в библиотеке краеведческого музея Нижнего Тагила. По предположению одного из исследователей, они могли принадлежать А. Н. Карамзину, отправившемуся в марте 1854 г. воевать на Балканы: *Курочкин Ю. М.* Дело Липранди // Урал. 1973. № 6. С. 145–151.

[3] *Тартаковский А. Г.* 1812 г. и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 80. Русские писатели. Т. 3. С. 364.

[4] Исследователи, например, обнаружили деформирующие элементы в воспоминаниях о Пушкине, которые основались на дневниковых записях, и поставили под сомнение историю сотрудничества Липранди со знаменитым Видоком: *Богач Г. Ф.* Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967; *Ввозный А. Ф.* Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985. С. 114–138.

не менее, существование ее отвергать нельзя. Следы этой науки мы находим в самой отдаленной древности: свидетельством тому некоторые из книг Ветхого Завета и Илиада». Исходные посылки сводятся к следующему: «Каждый народ имеет свои характерологические свойства, свои нравы, обычаи, привычки и пр. Все это никогда и нигде не обнаруживается так сильно, как во время войны и, в особенности — в день битвы, при встрече лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает все свои страсти, свойства, способности, недостатки и слабости»[1].

Дополнительную информацию о методологической основе подобных изысканий можно обнаружить в приложении № 40 к «Записке о службе», где приводится список неопубликованных трудов и специально говорится об одном из главных дел всей жизни автора. Начиная с 1810 г., когда Липранди изучал коллекцию библиотеки г. Або (Финляндия), и до сих пор (то есть до 1860 г.) он собирал материалы для сочинения «О тождестве характеристических свойств человека с различными животными, как в отношении физическом, так в нравственном и физиологическом. С замечаниями разительных сближений и некоторых поколений с животными тех и других пород, даже в наружном сходстве, физиономии, сложении, ухватках и т. п.». Таким образом накопилось до 10000 выписок из 3000 сочинений и, как сообщал Липранди в приложении к «Записке», последние три года он занимался приведением их в порядок, чтобы изложить результаты на 10000 листов[2].

Если бы этот труд сохранился и был обнаружен мы имели бы замечательный свод физиогномических представлений (квазипсихологии и антропологии) своего времени, базирующийся на традициях сенсуализма и натурализма прошлых веков. Впрочем, эти традиции смыкались с исканиями романтиков в постижении «национального характера», и именно эта часть наследия Просвещения подверглась у них наименьшему пересмотру, если отбросить сгущенную метафорику и другие стилистические излишества романтического текста, а также учитывать смену знака (нейтрализацию) в оценке тех или иных человеческих качеств[3]. Такая метаморфоза была не чужда и Липранди, практику и пропагандисту «малой войны».

Липранди выбивается из круга других функционеров, занятых служебными изысканиями, поскольку его труды на ниве балканистики и славяноведения диктовались не только ведомственными заданиями, но также энтузиазмом дилетанта, создававшего, как он считал, новую науку. По-видимому, прав Н. Я. Эйдельман: талантам этого человека было тесно в крепостной и бюрократической России: «В Англии он, пожалуй, преуспел бы в то время поболее —

[1] *Липранди И. П.* Особенности... С. 18, 25.

[2] НИОР РГБ. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 114–114 об. На этот труд, свидетельствующий о широте интересов и работоспособности Липранди обратил внимание: *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?» С. 365–366, 379, 391.

[3] Вспомним о переоценке «жестокости» у Ю. И. Венелина. Подробнее о разработке понятия «нрав народа» в России см.: *Лескинен М. В.* Поляки и финны...

присоединил бы пяток империй, княжеств, султанатов, заинтересовал бы крупный капитал, при случае сам пустился в поход»[1]. Липранди стремился к сочетанию власти и знания, столь характерному для западного ориентализма, который расцвел в условиях колониальной экспансии. В России такой чиновник-энтузиаст — расчетливый авантюрист и даровитый графоман — оказался «лишним человеком».

Обретенное братство: «молодые славянофилы»[2]

Итак, «славянское братство» продолжало оставаться неочевидным для русских авторов, побывавших на Балканах, достаточно долго. Если эта семейная метафора и употреблялась в эпоху «наполеоновских войн», она оставалась периферийной и не определяла общего отношения к описываемой действительности. Балканские славяне представлялись крайне противоречивыми субъектами в текстах русских наблюдателей, вступивших тогда с ними в контакт. С одной стороны, православное вероисповедание и связанные с церковью культурно-языковые практики были ключевыми мотивами, как и позднее для славянофилов, открывающими путь к отождествляющей процедуре. Однако, с другой стороны, глубокая архаика и ощутимое турецкое влияние блокировали этот путь, поддерживая ориенталистские клише, и в частности, стереотип «варвара» в описании славяно-балканского мира[3].

Преодоление этих препятствий потребовало времени. Камералистскую предвзятость бюрократов второй половины XVIII в. в начале следующего столетия стал теснить сентиментализм (образ «благородного дикаря») и неоклассические мечтания о славянской античности. Позднее ориенталистские стереотипы и шок от архаики излечивались романтической иронией и живописными стилизациями. Более того, вкус к архаике подпитывался квазируссоистскими поисками чистой традиции в рамках так называемого «народознания»[4], особенно экзальтированно, в славянофильской «ретроспективной утопии» (П. Я. Чаадаев)[5]. В результате где-то во второй половине XIX века все затруднения были

[1] *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?» С. 379.

[2] Раздел основывается на статье: *Белов М. В.* «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–112.

[3] *Белов М. В.* Варвары или братья? С. 316–335.

[4] *Соколова В. Ф.* Народознание и русская литература XIX века. Изд. 2-е, испр. М., 2009. Термин «народознание» (или народоведение; калька с немецкого Volkskunde) в приминении к литературному процессу в России был предложен в статьях В. Г. Базанова еще в 1950-е гг. Итог его исследований подведен в монографии: *Базанов В. Г.* Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. См. также: *Фокеев А. Л.* Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века (Истоки, тип творчества, история развития): дис. . . . д-ра филол. наук. М., 2004.

[5] Идеологическая характеристика А. Валицкого — «консервативная утопия» — приобретает сословно-классовую прописку в определении другого автора: *Янковский Ю.*

благополучно забыты. «Братская» риторика укрепилась в период подготовки и проведения Славянского съезда в Москве и во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. Теперь она сделалась тривиальной и рассматривалась как «естественная», поэтому ее чаще осмеивали за навязчивость, воплотившуюся в идеологические заклинания[1].

Тем не менее разработка этого дискурса, его первичное эмпирическое и эмоциональное закрепление относится к более раннему периоду — к концу 1830-х и первой половине 40-х гг. Впрочем, в то время это бережно культивируемое знание почти не выходило за пределы узкого круга молодых интеллектуалов и некоторых их старших товарищей. Но именно тогда формируется более зрелая (по сравнению с предшествующими опытами) романтическая традиция восприятия балканских славян. Она практически одновременно осваивается в ученых путешествиях первого поколения университетских славистов[2] и в параллельных поездках «молодых славянофилов». В балканских описаниях последних метафора «славянского братства» становится центральной[3].

Термин «молодые славянофилы» был использован редактором «Московских сборников» середины 1840-х В. А. Пановым (в письме И. И. Срезневскому), и он причислил к ним Ю. Ф. Самарина, М. Н. Каткова, А. П. Ефремова, С. М. Соловьева, В. А. Елагина и К. С. Аксакова[4]. Этот список можно продолжить, добавив

Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850 годов. М., 1981. Разумеется, мышление славянофилов определялось не только этим утопическим измерением. См.: *Rabow-Edling S.* Slavophile Thought and the Politics of Cultural Nationalism. Albany, 2006.

[1] См., например, как иронизировали журналы демократической направленности над организаторами Славянского съезда в Москве: *Аксенова Е. П.* Русская демократическая печать о славянских съездах 1848 и 1867 гг. // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты. М., 1998. С. 66–67.

[2] Доктрина романтического славяноведения в духе «взаимности» выражена в первых университетских лекциях О. М. Бодянского и И. И. Срезневского. *Срезневский В. И.* Указ. соч.; *Досталь М. Ю.* Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1986. С. 275–303. К концу 40-х Срезневский дистанцировался от романтического славяноведения, склоняясь к научному эмпиризму. См. его письмо от 1 февраля 1848 г.: Письма Вячеславу Ганке... С. 1061; *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. С. 34–35. Общая оценка вовлеченности первых университетских славистов в «теорию взаимности»: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение... С. 139. См. также: *Алексашина Л. Н.* О. М. Бодянский. Из истории возникновения славяноведения в России // Проблемы всеобщей истории. М., 1973. С. 208–211; *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский... С. 96–99; *Она же.* О. М. Бодянский и первые университетские слависты: проблемы методологии романтизма // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сб. статей. М., 2009. С. 19–27.

[3] Поездки большинства из них захватывали славянские земли под властью Австрийской империи, которые включались в картографию «братских» территорий, и все-таки ареал распространения православия был приоритетным.

[4] См.: Встреча с Европой. С. 15. (Примеч. 9). См. также: *Ивантышинова Т.* Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов // БИ. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне XVIII — начало XX века / отв. ред. Л. П. Лаптева. М., 1992.

имена Д. А. Валуева, А. Н. Попова, Н. А. Ригельмана, Ф. В. Чижова[1], раннего К. Д. Кавелина, перешедшего в лагерь западников после переезда в Петербург в 1842 г. (как и некоторые фигуры из списка Панова). Среди «старших славянофилов» живейший интерес к зарубежным славянам разделяли с ними А. С. Хомяков и П. В. Киреевский. Вопреки распространенному убеждению о случайности наименования «славянофилы» и маргинальности для главных их идеологов собственно «славянского вопроса»[2], все они, включая и И. В. Киреевского[3], воспринимали его как «внешнюю сферу» (выражение В. И. Кулешова) по отношению к вопросу о судьбе России.

Генетически и типологически «братская» идеология «молодых славянофилов» восходит к опыту выделения «славянского мира» (стихии или начала) русскими шеллингианцами середины 1820-х гг.[4] Этому кругу в то время были близки М. П. Погодин и А. С. Хомяков, которые затем выступили главными на-

С. 24–33. В письме А. Н. Попова Е. А. Свербеевой, написанному, по-видимому, на Пасху 1846 г. (в нем упомянут приезд Ф. В. Чижова, а также недавняя смерть Д. А. Валуева) применена иная автохарактеристика: «Мы, новые люди, как-то сильно дорожим воспоминанием и привязаны к нему более чем к настоящему». (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. № 642. Л. 26–27.) Подчеркнутое отличие «новых [русских] людей» — ориентация на живую традицию в противоположность занятым быстротекущей современностью русским европейцам второй половины XVIII — начала XIX века.

[1] Ф. В. Чижов родился раньше (в 1811 г.), но примкнул к славянофилам лишь в середине 40-х.

[2] См., например, авторитетное исследование, где предпринята попытка проведения строгой разграничительной линии между «славянофилами-славянолюбами» и «истинным славянофильством»: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Критика этой позиции вслед за Т. Ивантышиновой: *Досталь М. Ю.* Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // СА. 2000. М., 2001. С. 85–95. Однако и ранее в литературе отмечалась значимость зарубежных славян или «украинского вопроса» для славянофилов: *Дудзинская Е. А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1978. С. 261–281; *Янковский Ю.* Указ. соч. Гл. третья; *Ровнякова Л. И.* Указ. соч. С. 31–65. Возможно, корень расхождения в неполной адекватности суждений в рамках дихотомии консерваторы/либералы для России, по крайней мере, до 1861 г. Но и позднее были возможны коллаборации: либеральные консерваторы vs консервативные либералы. Ср.: *Китаев В. А.* Славянофильство и либерализм (историографические заметки) // ВИ. 1989. № 1. С. 133–143.

[3] В дневниковой записи А. И. Герцена за 23 ноября 1842 г. содержится характеристика его взглядов: «Он верит в славянский мир — но знает гнусность настоящего». Цит. по: Собр. соч. в 30 т. Т. 2. М., 1952. С. 245. См. также дневниковую запись самого И. В. Киреевского от 7 марта 1854 г., в которой «новая эпоха» в просвещении человечества под знаменем православия связывается с «возрождением племен словенских»: *Киреевский И. В.* Избранные статьи / Сост., вступ. ст., коммент. В. Котельникова. М., 1984. С. 287.

[4] См. сжатую, но весьма информативную характеристику этого мировоззрения: *Исупов К. Г.* Философия и эстетика истории в литературной классике XIX века // ЛИ. Вып. 2 / отв. ред. Ю. В. Стенник. СПб., 1997. С. 114–122. Развернутый очерк преемственности идей русских шеллингианцев 20-х и славянофилов 40-х: *Янковский Ю.* Указ. соч. Гл. первая. А также: Философия Шеллинга в России / под общ. ред. В. Ф. Пустарникова. СПб., 1998. С. 396–448. (Статьи З. В. Смирновой и А. И. Абрамова.)

ставниками новой генерации. Противопоставление славян германскому миру выходило за рамки немецкой классической философии и принадлежало скорее к Гердеру, как предтече романтиков. Воздействие его идей на круг Д. В. Веневитинова и А. И. Одоевского, редко отмечается исследователями «любомудров»[1], но, что характерно, с ними прямо или опосредованно был знаком Погодин. При этом «Московский вестник» под его редакцией настойчиво пропагандировал гердеровские идеи[2].

Многих из перечисленных представителей следующего поколения он относил к своим ученикам, воспитанным в стенах Московского университета[3]. Воззрения Погодина на русскую историю, сложившиеся под сильным влиянием гердеровских представлений о «славянском характере» вполне определились к началу 30-х гг. и отлились в книге «Исторических афоризмов» (1836). Однако в середине 40-х, ассоциируемая теперь с официальным подавлением всякого свободомыслия и неконтролируемой правительством общественной активности, погодинская концепция исконного «смирения и покорности» славянских племен могла вызывать протест внутри славянофильского лагеря[4].

Кроме того, определенное воздействие на славянские интересы «молодых славянофилов» оказали подвижническая деятельность и, возможно, в меньшей степени идеи Ю. И. Венелина, который, кстати сказать, являлся одним

[1] См., например: *Каменский З. А.* Московский кружок любомудров. М., 1980; *Песков А. М.* У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 89–100.

[2] *Данилевский Р. Ю.* И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Сб. статей / отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1980. С. 201–203. Выдвижение Гердера как главной фигуры для творцов «русской идеи», начиная с «любомудров», предложено: *Мартынов В. А.* Золотой век «русской идеи». М., 2015. Ранее на воздействие геродеровских идей указывалось: *Ветловская В. Е.* Проблема народности в публицистике Ф. И. Тютчева (в европейском контексте) // Русская литература. 1986. № 4. С. 139–152. См. также: *Жукова Е. П.* Гердер и философско-культурологическая мысль в России: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000.

[3] Биографический словарь профессоров... С. 248–249. См. также юбилейный отчет, который демонстрирует накопленный историком социальный капитал: Пятидесятилетие гражданской и ученой деятельности М. П. Погодина (1821–1871). М., 1872.

[4] См. о полемике М. П. Погодина и П. В. Киреевского на страницах «Москвитянина» в тот момент, когда журналом руководил его брат Иван, а также о концепции «славянского характера» в целом, ее рецепции в России: *Белов М. В.* «Славянский характер»... С. 132–136. (О попытке сделать «Москвитянин» рупором славянофильства: *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. С. 24–41.) Вызывали возмущение «молодых славянофилов» и личные качества их учителя: «Я глубоко соболезную разъединению сил, но Погодин никогда не хотел и, вероятно, не мог их соединять. В два года я мог узнать об этом. Он презирает молодежью даже и той, которая постоянно его уважала и в сознании и на деле, разделяла его лучшие убеждения. Никогда и никого к себе он не привлек». ОР РНБ. Ф. 850. № 427. (В. А. Панов — С. П. Шевыреву, 20 декабря [1845 г.]) Год указан, исходя из содержания: речь идет о «разделении сил» после возвращения «Москвитянина» под редакцию Погодина и о подготовке «Московского сборника» под редакцией Панова; Шевырев пытался выступить посредником в конкурентной ситуации между этими изданиями.

из наставников К. С. Аксакова, еще до его поступления в университет. Значимость венелинского наследства обсуждалась в переписке А. Н. Попова и А. П. Елагиной. И он был одним из самых ценимых авторов для Д. А. Валуева, похороненного по предложению его близкого друга В. А. Панова рядом с могилой Венелина на кладбище Данилова монастыря. Некоторые идеи Венелина, равно как и первых зарубежных славистов, находившихся под впечатлением от гердеровской фаворитизации славян, получили развитие в историософских трудах Хомякова[1] и отразились в составленном им вместе с Валуевым статье «Вместо введения» к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и о народах ей единовременных и единоплеменных» (1845). То же следует сказать о предисловии самого Валуева к этому сборнику, которое современные издатели его наследия назвали «манифестом славянофильства»[2].

К. С. Аксаков после ранней смерти Валуева выдвинулся в ряд главных идеологов «москвичей» из славянофильской молодежи. Хотя сам Аксаков не совершил славянского путешествия и ограничился во время пребывания за границей посещением Германии[3], он часто получал письма от своих друзей, отправившихся в подобные паломничества (Попов, Панов) с описаниями их впечатлений, а его фольклористические интересы включали и народную поэзию зарубежных славян[4]. Вообще следует предположить, что «славянские» письма Панова, Попова, а также В. А. Елагина предназначались для чтения

[1] См.: *Досталь М. Ю.* Славянство в историософии и политических воззрениях А. С. Хомякова // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Сб. ст. по материалам международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 года в г. Москве в Литературном ин-те им. А. М. Горького. Т. 2. М., 2007. С. 136–146. Ср. там же статью Н. И. Цимбаева, который указывает на иронический слой в «Семирамиде» Хомякова (с. 115–127).

[2] *Хомяков А. С.* Соч. в 2 т. Т. 1. Работы по историософии / вступ. статья, сост. и подгот. текста В. А. Кошелева. М., 1994. С. 486–493; Валуев Д. А. Начала славянофильства / сост., предисл. и коммент. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2010. С. 18–41. В той же роли этот текст выступает в кн.: Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В. А. Фатеева. СПб., 2009. С. 213–233.

[3] Болезненный Д. А. Валуев тоже не сумел во время заграничного путешествия посетить славянские земли, но завидовал друзьям: «Я Вам [Е. А. Свербеевой] только что писал, что не знаю ничего о Попове, и вдруг весьма неожиданно узнал. Мать Панова дала мне письма сына и из них узнал, что оба в Берлине и неразлучны, скоро отправляются вместе в земли Слав[янские] путешествовать пешком. Вообразите, я им позавидовал, я, ни к чему не завидливый и особливо к чужекрайним поездкам. Впрочем, тут отозвалось родное; не все чужое, где дело до славян и славянских убеждений, которых Панов тоже ревностный поборник. Буду писать к нему. Он уже был в Праге и подружился со всеми учеными и неучеными чехами». (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. № 624. Л. 8–8 об. 18 июня [1842 г.]). См. также: № 624а. Л. 7–8 (перепечатанные копии писем Валуева Е. А. Свербеевой из предыдущего дела; по ним восстанавливается хронология его заграничных поездок и неудовлетворенность Западной Европой).

[4] *Анненкова Е. И.* К. С. Аксаков — фольклорист: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

в дружеском кругу, являлись своего рода «журнальными» корреспонденциями, публичными путевыми дневниками, пускай и доступными в ограниченной аудитории.

Наставляя Попова перед заграничным вояжем в 1842 г., К. С. Аксаков писал: «Средь шумного тревожного движенья / Вас не обманет жизни ложный вид, / Не увлечет вас сила разрушенья / Пусть часто там, на стороне чужой, / Мечтаются Вам образы родные...» Но действительность превзошла опасения Аксакова: Попова увлекли не «германский дух» и «тревожное движенье», а черногорская архаика. Аксаков корректирует свою позицию: «Как важно, что вы нашли постановления Р[усской] П[равды] в Черногории. Я с вами согласен, что для нас очень важно изучение славян, оно объяснит нам нас самих при изучении нашей истории, законодательстве и прочем. Но не иначе как в России и через Россию понимаю я славян, пускай они примкнут к ней как единственной славянской державе, пускай внесут в нее свои... [особенности], подчинив их русскому духу. В России для всех довольно места»[1]. Своего рода славянский империализм Аксакова отразился уже в этой сентенции.

В так и не опубликованной, но, очевидно, рассчитанной на печать статье «Отголоски о новом происхождении имени славян и славянофилов» (вторая половина 40-х гг.), Аксаков рассуждал о причинах происхождения этой иронической клички, распространенной в русской печати. Он пришел к выводу: подражатели Запада обиделись на тех людей, которые попытались разобраться в сущности русского человека. Назвать их «русскими» они не могли и придумали «частное видовое значение», которое превратили в общее. «Кто смеется над какими-то славянофилами или славянолюбцами, тот, конечно, сам славян ненавидит, а кто ненавидит род, ненавидит и вид, кто ненавидит славян, ненавидит и русских». Аксаков перечисляет признаки русской партии в следующей последовательности: православие, сочувствие допетровской Руси, признание превосходства русского народа (в его смирении, семейных добродетелях), любовь к Москве и, наконец, сочувствие «племенам славянским, с ним единоверным» и другим, соединенным с русскими языком и культурой. По-видимому, находясь под впечатлением разъяснений С. С. Уварова по славянскому вопросу, сделанных после разгрома Кирилло-Мефодиевского братства в 1847 г., Аксаков оговорился, что при этом славянофилы отклоняют «...все возможные мечты о политическом соединении славян...» — это «страшилище» панславизма из немецких газет[2].

Революция 1848–1849 гг. стала сигналом обострения антизападнических настроений, при этом письма Аксакова Попову этого периода выглядят как

[1] РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 1. (К. С. Аксаков — А. Н. Попову, [1842 г.?]). См. также письмо, по-видимому, того же года, где упомянуто о возвратившемся из заграничного путешествия О. М. Бодянском, который рассказывал в присутствии С. Г. Строганова и С. С. Уварова о «славянском движении». При этом Бодянский назван «почти товарищем и хорошим приятелем». (Там же. Л. 4.)

[2] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 12. Л. 2–3 об.

откровенный конспект сохранившейся в архиве публицистики[1] (то же следует сказать и о письмах, относящихся ко времени Крымской войны). Наблюдая ход «весны народов», переходящей в осень на закате революционных выступлений, Аксаков приходит к выводу, что европейцы опозорили «великое начало национальности, народности». К «искусственной, сочиненной, натянутой» народности они привили революционный дух, а на деле она «антиреволюционное начало, начало консервативное». Все потому, что на Западе уже не осталось патриархального крестьянства: «Фрак может быть революционным, а зипун никогда. Россия, по-моему, должна скинуть фрак и надеть зипун и внутренним и внешним образом»[2].

Закономерным образом поворот 1848 г. привел К. С. Аксакова в начале войны с коалицией европейских стран и Турцией к идее «священной славянской войны». Его письмо Попову[3] этого периода — является, по сути, черновиком статьи «Россия и Запад», датированной 6 февраля 1854 г.[4] Статья Аксакова яв-

[1] В письме, одобряющем царский манифест от 14 марта 1848 г., Аксаков восклицал: «Да когда же разорвем мы связи с Западом. Кажется, теперь настало время, когда мы видим всю жестокость подражательности нашей и обезьянства. Зачем нам терпеть, здоровым, от его болезней, которые наша публика до сих пор себе прививала. История у нас другая — путь у нас свой. Православная и Святая Русь — не Запад». (К. С. Аксаков — А. Н. Попову, [1848 г.] // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 10–11 об.). Продолжение темы — в другом письме того же года (л. 12–13 об.). См. подробнее о реакции на манифест, подготовленном по этому случаю письме К. С. Аксакова Николаю I, его публицистике данного периода и в целом об отношении к европейской революции: *Цимбаев Н. И.* Из истории славянофильской политической мысли. К. С. Аксаков в 1848 году // Вестник МГУ. Сер. История. 1976. № 5. С. 81–95; *Он же*. Славянофильство. С. 154–163.

[2] РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 15 об. –16. (К. С. Аксаков — А. Н. Попову, [конец 1848 г.?]). Письма К. С. Аксакова А. Н. Попову (и, в частности, афористическое высказывание о фраке и зипуне) цитировались ранее: *Михайлов А. А.* Революция 1848 года и славянофильство // Ученые записки ЛГУ. Сер. Ист. науки. 1941. № 8. С. 68. (Примеч. 2.) *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 149–151 (у Нифонтова, касательно последнего письма, указан неверный адресат — брат Иван). См. также более поздние публикации, опирающиеся, кроме прочего, на эти материалы, с цитированием пространных фрагментов. Помимо указанных выше работ Цимбаева: *Кошелев В. А.* К. С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // ЛИ. [Вып. 1.] / отв. ред. Ю. В. Стенник. СПб., 1992. С. 306–312. Там же впервые опубликованы две статьи К. С. Аксакова этого периода: «Голос из Москвы» и «Западная Европа и народность». Перепечатаны: *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Избранные труды / [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова]. М., 2010. С. 184–195. Эти статьи соотносятся с текстами другого автора: *Хомяков А. С.* <Политические письма 1848 года> / публ. и пред. В. А. Кошелева // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 105–132. А также: *Анненкова Е. И.* Аксаковы. СПб., 1998. С. 135–159, 244–253.

[3] РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 18–19 об.

[4] История включения этого текста в научный оборот любопытна. Первым на него обратил внимание С. А. Никитин. Однако книга, подготовленная на основе его докторской диссертации (1947), была рассыпана. Какие-то ее части (но не анализ текста Аксакова) публиковались затем в виде статей или в других книгах историка. См.: *Чуркина И. В.* Неизданная книга С. А. Никитина // Славяне и Россия. К 110-летию С. А. Никитина. М., 2013. С. 148–160. Сохранившаяся верстка этой книги воспроизведена только

ляется вершиной его славянского империализма (далее она цитируется по списку, хранящемуся в РГАЛИ; выделения везде принадлежат Аксакову).

Война обнажила ненависть Запада к России, и она непримирима, поскольку «...основана на противоположности начал славянского и западного мира» (л. 2). Запад — это апофеоз горделивых страстей, “щегольство самолюбий”, культ наслаждений, эгоизм, прикрывающийся любовью к человечеству в учении коммунистов от Руссо до Жорж Санд. Это направление существовало изначально и развилось теперь до крайних пределов.

Чувство аристократического превосходства Запада вело к презрению к другим народам. «*Но особенное презрение возбуждало в них племя славянское, проникнутое духом противоположным,* духом кротости и мира, духом самопожертвования личностью в делах общих. Вера православная (она была в начале уделом почти всех славянских народов) *положила еще более разности между ними и Западной Европой*» (л. 2 об.). Польша соблазнена Западом, увязла в католицизме и изменила славянству. Другая его часть попала под власть турок. «Все славяне были унижены и порабощены». И тут Запад натолкнулся на один славянский народ, который уцелел и выстоял. Россия — «чистейший представитель славянства, несущий изначальный дух, благодаря православию и независимости, «больше чем все его соплеменные братья» (л. 3–3 об.). После неудач военного покорения, битва продолжилась в общественной жизни и на ниве образования: «Много яду было влито в Россию с помощью моды...» Однако «крестьянин, взятый от сохи, продолжал бить западного воина». Если же убрать западноевропейскую тину с чистого славянского источника, то он забьет еще сильнее.

«Вопрос поставлен решительно». Независимость Турции только предлог. Постыдный мир неприемлем, и бой неизбежен. Поле битвы — «границы двух миров европейских»: Романо-германского и Славянского. «*...Много славянских народов, постоянно устремляющих взоры свои на Россию*, помнящих свой кровный союз с нею, полных надежды на избавление силой ее руки». Нападение

недавно: Там же. С. 161–343 (статья Аксакова цит. на с. 168–173). Вторично «открыли» этот текст А. Валицкий (W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964) и Е. И. Анненкова: Архив К. С. Аксакова // ЕРО ПД на 1975 год. Л., 1977. С. 14–15. Однако до 1990-х гг. советские историки славянофильства его как будто не замечали. Оригинал записки находится в Пушкинском доме: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 22. Копия, выполненная рукой А. Ф. Аксаковой (Тютчевой), с которой работал Никитин: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 219. Здесь статья озаглавлена иначе: «О Восточном вопросе». Вопреки мнению Досталь, которая противопоставила активно распространявшему свои записки М. П. Погодину не претендовавшего на публичность Аксакова (и в полном согласии с мнением Никитина), эта статья ходила в списках, а содержавшиеся в ней идеи Аксаков, как мог, пропагандировал. В частности, один экземпляр списка хранится в фонде И. В. Помяловского, но, в силу схожести содержания с более известными записками Погодина, этот текст приписан ему: ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 4345. В свою очередь список известной погодинской записки «К Графине Б<лудов>ой о начавшейся войне» в другом архиве был приписан Аксакову: РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 9.

Запада освобождает от всех прежних обязательств. Россия выступит «...заступницей Веры, заступницей угнетенных православных и единокровных братьев» (л. 4). Настал час освобождения от четырехстолетнего турецкого рабства. «Представительница славянского и православного мира, Россия не отвернется от своего православия и своего славного славянского рода, не отвернется от страдальцев, ее умоляющих о спасении и готовых все силы свои слить с ее силами» (л. 4 об.). Пусть попробует Европа победить «...с ее винтовками [и] пароходами, молящийся и верующий народ». «Медлить нельзя. Уже <?> Европа поняла, что славянский мир находится и за пределами России, поняла, что сочувствие к России есть могущественная сила, — и старается отвлечь это сочувствие, старается отвратить от нас славянские племена. Европа шлет туда извергов всех земель, бездушных выходцев. Кто знает, какие клеветы и козни вымышляют они, чтобы достичь своей коварной цели» (л. 5).

Необходимо, чтобы Россия «торжественно высказала» сочувствие славянам. «Она должна провозгласить *независимость* всех славян и всех православных в Турции...» «*Европа встанет на нас всем своим миром: пусть будет так! И мы встанем целым миром славянским*» (л. 5 об.). В Турции будут созданы славянские княжества под покровительством России по образцу Сербии. Это откроет новую эпоху истории и еще неизвестно, «как широко раздвигнется Россия». Азиаты тоже ей симпатизируют (л. 6). «Константинополь, кажется, тоже, кроме нас, никто удержать не может». В результате Австрия распадется, и Россия получит Галицию (л. 6 об.).

Эти надежды быстро отцвели после вывода русских войск с Балканского полуострова, остались только воспоминания о том, как болгарские братья встречали их хлебом и солью в начале войны[1]. Однако военное поражение не отменяло кристаллизировавшуюся доктрину.

Опыт «славянизации» политического мышления Аксакова был чисто теоретическим, но он, конечно, был подготовлен в общении с его товарищами, побывавшими в славянских паломничествах, которые стали способом обретения и укрепления их веры... Бежавший из Рима от любовного увлечения, не одобренного Н. В. Гоголем, В. А. Панов находился в смятении, однако по пути в Берлин он успел заметить связь истории с географией, а их вместе — с величием: «Как увеличивается занимательность истории славян, когда видишь ужасную обширность этого племени, видишь сильные отпечатки его, не только там, где оно еще живет, хотя и не самостоятельно, но даже и там, где оно, по-видимому, совершенно уже исчезло. Это племя было всегда обширнее немецкого»[2]. Лекции по истории философии не утолили жажды познания: «Во мне происходит теперь сильное брожение, из которого не знаю, вы[й]дет ли что-нибудь», — признавался он К. С. Аксакову[3]. В более позднем берлинском письме, под впечатлением занятий у К. Риттера, Панов задавался вопросом, в котором угадываются империалистические нотки: «Думали ли Вы когда-нибудь о значении Востока для России или о значении России в отношении Востока? Этот вопрос, между прочим, меня сильно занимает»[1].

[1] РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 8. № 15. Л. 20–23 об. (К. С. Аксаков — А. Н. Попову, [1855 г.?]).
[2] Там же. Оп. 9. № 61. Л. 1 об. (В. А. Панов — К. С. Аксакову, 25 мая / 6 июня 1841 г.)
[3] Там же. Л. 3–4 об. (24–28 июня / 6–10 июля 1841 г.)

В то же самое время зрели замыслы славянского путешествия. И оно началось после инициации в Праге. Панов старался, по большей части, как и полагается паломникам, совершать путь пешком, следуя от деревни к деревни, от прихода к приходу, как бы репетируя — пока за границей и с сугубо ознакомительными целями — последующие хождения радикальной молодежи в народ[2]. Обретенная на этом пути вера в славянское братство тоже была в чем-то революционной, поскольку «разрывала» государственные границы и неслучайно вызывала подозрения у правительств (сначала Австрийской империи, а затем и России). В свою очередь знакомство с молодыми единомышленниками из числа активистов национальных движений поддерживало веру в себя, как части этого славянского интернационала, которому принадлежит будущее.

Рассказ об обретенных на Балканах славянских братьях стал ключевым и для Ф. В. Чижова в его последующих рефлексиях. Публикуя в 1857 г. «Заметки путешественника по славянским землям» в славянофильской «Русской беседе», он с удовольствием констатировал: «Между сербами всех возможных названий, то есть между собственно сербами, босняками, герцеговинцами и далматинцами, всё живет одним чувством, одною мыслию, в которой сосредоточены надежды всех, которая питает мечты каждого, и даже до того

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 178. № 35. Л. 95. (В. А. Панов — К. С. Аксакову, 26 мая / 7 июня 1842 г.) Ср. с более ранним открытием С. П. Шевырева, что русские — «азиатцы», вызвавшим противоречивые рефлексии. *Рудницкая Е. Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 82–83. Дневниковая запись Шевырева от июня 1830 г. ранее процитирована: *Аронсон М.* «Конрад Валленрод» и «Полтава» (к воросу о Пушкине и московских любомудрах 20–30-х годов) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.-Л., 1936. С. 48. См. также обширный анализ этой части дневника: *Мартынов В. А.* У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С. П. Шевырева. М., 2013. С. 72–110.

[2] С того же времени фольклорные хождения в народ в России под видом офени практиковал по наставлениям М. П. Погодина и П. И. Киреевского П. И. Якушкин: *Баландин А. И.* П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. М., 1969. С. 21. Ранее «русская рубашка и соломенная шляпа» А. С. Пушкина, собиравшего фольклор во время михайловской ссылки, вызвали подозрения, но никакой крамолы за поэтом на этот раз не было обнаружено: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором [1925] // Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 79–85. В свою очередь костюмированные народоведческие странствия Якушкина в 1859 г. закончились арестом («псковская история»). Неслучайно и то, что любимый герой Чернышевского Рахметова (или, как допускает автор романа, какой-то другой «особенный человек») начнет свои «хождения» по Европе с тем, «чтобы достаточно узнать понятия, нравы, образ жизни, бытовые учреждения, степень благосостояния всех главных составных частей населения», опять же со славянских земель, по-видимому, Балканского полуострова. *Чернышевский Н. Г.* Что делать. Гл. 3. XXIX. Особенный человек. На этот фрагмент обратил внимание: *Ровда К. И.* Чернышевский и славянские литературы // Чернышевский Н. Г. Эстетика. Литература. Критика. М., 1979. С. 256.

проникает в жизнь, что каждый старается слить с нею и личные свои выгоды; это мысль о внутреннем, душевном, славянском братстве»[1]. Чижов свидетельствует: побывав в землях южных славян, он впервые столкнулся с братскими чувствами воочию, что подразумевает наличие убежденности в их существовании (теоретически) еще до поездки.

В самом деле, сценарий этого «открытия» сложился лет за десять до этого. Он зафиксирован в ответах на вопросы III отделения в 1847 г., когда Чижов был арестован по подозрению в причастности к Кирилло-Мефодиевскому братству, в частности о целях его путешествий заграницу. Первая поездка на Балканы в Истрию в 1843 г., по признанию Чижова, была случайной. Но именно здесь, в маленькой греческой церкви, расположенной недалеко от Пулы, Чижов открыл для себя «братьев-славян». То же проявление братских чувств обнаружилось затем в Фиуме и Далмации: «...[местный] народ любит русских за веру и за то, что у нас есть очень много общего в простоте нравов.

Черногорье было последним местом, которое совершенно привязало меня к славянам и заставило невольно всем моим взглядам сосредоточиться на этом вопросе, о котором до этого мне не приходило и в голову. Все, кого я ни встречал из народа, первым словом приветствовали меня: ты брате русс, второе, страстною преданностию к белому царю Николе»[2].

Впрочем, обращение к тексту его дневника 1843 г. дает насколько иную картину. Бежавший из душной атмосферы николаевского царствования в Италию для изучения истории искусств бывший профессор математики действительно пережил духовный перелом в маленькой православной церкви в Перое (Истрия), где жил осколок черногорского племени. Здесь он испытал острый приступ ностальгии и переоткрыл для себя... Россию: «Сегодня мы сделали маленькое путешествие [в Перой] и я им остался совершенно доволен. <...> Священник с бородою и длинными волосами, я подхожу к нему к благословлению, он препорядочно говорит по-русски. <...> Странно как во мне русский дух преобладает над всем, над образованностью... С каким наслаждением слушал я русскую обедню, и слеза повернулась невольно...» Когда священник помянул имя русского царя, Чижов понял: «...я русский, я готов любить все... русское. <...> Сказал Карраре, чтоб быть русским, надобно

[1] Русская беседа. 1857. Кн. I (V). Смесь. С. 17–18. Сохранился список неопубликованной статьи из этого цикла, две из которых вышли в первых номерах журнала за 1857 г. Судя по содержанию — статья повествует о поездке по Далмации и в Черногорию в августе 1843 г., — она должна была бы располагаться между двумя опубликованными. Черногорские зарисовки в ней выглядят несколько отстраненными, а славянолюбие поблекшим: ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 4. (Текст приписан М. П. Погодину.) Ранее фрагменты дневника за этот период публиковались: Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7–8. Отд. 1-е. С. 1–46.

[2] ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1847. Д. 81. Ч. 15. Л. 46 об.–47. О специфике этого источника, недооцениваемой историками, см.: *Белов М.В.* Славянофил на допросе... Чижов дозировал и порой имитировал свою откровенность, приспосабливая ответы к ожиданиям Л. В. Дубельта, но не во вред себе и своим товарищам.

им родиться»[1]. Что действительно потрясло: «Как все они [перойские черногорцы] рады, что видят русского; и в каком у них уважении все русские!»[2] Именно эта расширенная за пределы России «русскость», сопряженная с ностальгическими чувствами (вкупе с ненавистью к немцам, как русским, так и австрийским), и стала основой новообретенного «славянского» мировоззрения.

Оно складывалось постепенно. На Чижова повлияло общение сначала с Н. М. Языковым в Риме, а затем с «молодыми славянофилами» (В. А. Елагиным и А. Н. Поповым), а также дискуссии с А. Мицкевичем в Париже летом 1844 г.[3] В августе-сентябре 1844 г. Чижов вторично поехал в Истрию[4], чтобы присутствовать при доставке в перойскую церковь утвари и богослужебных книг, которые закупил его знакомый по Костроме московский купец и благотворитель П. В. Голубков. Тогда Чижова посещали сомнения: «Я себя не умею вести, я не разговорчив, и потому кажуся гордым, удаленным от поселян. Вообще всему этому можно было бы дать другой вид, более братский.

<...> Досадно, что я вел себя не так, как надобно. У меня никогда не достает уменья быть на виду. Как было бы мне кстати дать обед, но не было у меня средств, и боялся я навлечь на перойцев негодование правительства. Когда нас бывало немного, я поодиночке со всяким обходился братски; разумеется, это передается. Главное братство мое во мне самом еще слишком, слишком внешнее; как я ни брат всякому, а все на деле выходит, что старший брат, большею же

[1] НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 43 (85 — в авторской пагинации). 23 июля 1843 г. Карраро — спутник Чижова, местный художник итальянского происхождения. В предыдущей записи Чижов корил себя за излишнюю откровенность в разговоре с ним об архитекторе Ф. И. Эппингере, с которым приехал в Истрию: «Не знаю, объяснит ли национальностью мой поступок человек добрый. Я разговаривал с Карраро об России, дошел до нашего времени, коснулся немцев и сказал ему, что Эппингер собственно не русского происхождения. Правда, что я хвалил и талант, и благородство, и доброту [его]; но к чему было говорить это человеку, которого я знаю только второй день. Сказка».

[2] Там же. Л. 44 об. (88). 30 июля 1843 г.

[3] Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. С. 110–112. (Ф. В. Чижов — Н. М. Языкову, 12 ноября 1843 г.); С. 124–126. (Ф. В. Чижов — Н. М. Языкову, 29 июня 1844 г.)Дневниковые записи Чижова о встречах с Мицкевичем: НИОР РГБ. Ф. 332. П. 2. № 1. Л. 97 об.–98, 111–112 об., 114 об.–115 (192–193, 219–222, 226–227). Анализ дискуссий с Мицкевичем см.: *Белов М.В.* Славянофил на допросе... С. 62–63. О позиции Мицкевича этого периода: *Софронова Л.А.* Автопортрет славянина по Мицкевичу // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 102–122; *Рудас-Гродзка М.* Порабощенное славянство // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / [отв. ред. В. А. Хорев]. М., 2007. С. 43–57; *Ларионова Е.О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея» / под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 184–205.

[4] Как следует из дневника, где-то между двумя визитами Чижова Перой посетил некто Фролов: НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 783. По-видимому, речь идет о Николае Григорьевиче Фролове (1812–1855) — географе, издателе, переводчике А. фон Гумбольдта, бликом друге Т. Н. Грановского. См. его негативный портрет: *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. С. 215–224. В третьей поездке Чижова сопровождал И. П. Галахов (1809–1849): Русская беседа. 1857. Кн. II (VI). Смесь. С. 36.

частью на деле звук последнего слова пропадает, так сильно произносится первое. Нет, истинное братство — дело нешуточное»[1]. В этой напряженной дневниковой записи уже заложено зерно антимоний всех поздних проповедей славянофильского братолюбия.

Однако, возвратившись в Венецию, Чижов с гордостью писал своему товарищу юности: «Оно [убеждение в надобности славянского ума в истории] дало мне сотни братьев, братьев юных душою, крепких телом, полных веры и смирения сердечного, оно представило мне в лучшем свете моих законных родных братьев и еще больше побратало меня с вами, моим старинным братом по душе»[2]. Помимо расширенного родства, новая вера дарила возвращенную молодость. Кроме того, здесь можно усмотреть и компенсаторную подоплеку. По свидетельству И. С. Аксакова, «...покойный мой брат [Константин] <...> бывало, угнетался самим обликом р[усского] мужика, именно отсутствием в нем определенной животной породистости»[3]. В таком случае на выручку угнетенному, забитому и ослабленному русскому мужику приходили «породистые» братья-славяне — смелые, сильные, гордые воины-коллективисты.

Третья поездка в славянские земли, осуществленная в 1845 г. была наиболее подготовленной. Чижов обратился за рекомендациями по составлению плана путешествия к В. А. Елагину. Тот написал для него «краткое *pro memoria*»[4], где указал некоторые имена чехов и словаков; необходимость встретиться с последними подчеркнута особо, как и молодость еще не виданных братьев — студентов университета Галле: «...это самый замечательный народ и любопытнее чехов. Адрес: *Neumarkt Wall-Strasse № 1124*. Имен не нужно. Русский профессор приезжает к славянским юношам: и довольно чтобы узнать их». С подачи Елагина В. А. Панов взялся дать рекомендации о Сербии и Славонии[5]. Кроме того, Чижов состоял в переписке с Н. А. Ригельманом, выехавшим в Сербию ранее в сопровождении В. С. Караджича. Ригельман предложил маршрут и способствовал поездке в Белград своего товарища[6].

Акцентированный мотив молодости опять же абсорбировал надежды на лучшее, на обновление и преображение России, а вместе с нею и «старой» Европы. Здесь проявилась и претензия на участие, а возможно, и лидерство в движении «Молодых славян». Опознаваемая в непосредственных контактах,

[1] НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 797.

[2] Из архива А. В. Никитенко // РС. 1904. № 9. С. 679–683. (Ф. В. Чижов — А. В. Никитенко, 9 сентября 1844 г.)

[3] Цит. по: *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 67.

[4] НИОР РГБ. Ф. 332. П. 29. № 5.

[5] О «грамотках» Елагина и Панова упоминает Языков в майских письмах 1845 г.: Н. М. Языков и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. С. 136–137. В фонде Чижова рекомендации Панова не обнаружены.

[6] На эти документы (кроме письма Панова) обратила внимание составитель сб.: Встреча с Европой. С. 15. Прим. 10–11. Однако в указаниях на номера единиц хранения здесь допущены ошибки.

эта общность моделировалась по образу и подобию национально-демократических течений тогдашней Европы[1]. Чижов намеревался по результатам путешествия 1845 г. составить книгу «Наши южные братья — славяне».

Между тем, его дневник за этот год изобилует душевными терзаниями. Они были вызваны столкновением славянофильской религиозной утопии с балканскими реалиями, с одной стороны, и багажом европейского образования, с другой. Мысль Чижова постоянно колеблется между благами и порчей, которые несет с собой цивилизация. Шокированный необязательностью извозчика, вовремя не подавшего лошадей, он вспоминает «европейскую общественность и все ее устройство», а чуть выше признается: «Правду сказать я люблю, когда в народе при грубом его состоянии грубы и пороки, юначество, разбои; все это, по моему мнению, не растление нравов и не безнравственность. Там все православные, молодцы, они [кутят]»[2]. Верным признаком славянского родства оказывалась и непролазная грязь на дорогах, и плохо ухоженные крестьянские дворы.

Особенно любопытно путешествие по Сербии, предпринятое Чижовым в июле. Глухие замечания в дневнике указывают на то, что его автор был обескуражен и качеством дорог, и отсутствием гостиниц, обрекавшим путешественника на бессонные ночи. Несколько раз он порывался повернуть назад. Впечатления были двойственны, но Чижов старался настроить себя на позитивный лад: «Как едят в кофейнях (маленькие столики), как пьют прямо из графинов; чаши или стаканы только для раки и вина, вода не удостаивается такой почести. Ракия вкусна и не крепка. Опрятность. Прекрасная сторона всего этого» (31 июля). Однако в другом месте признавался: «Что такое кофейня сербская или турецкая? Молока нет, вареные яйца; не могут понять, что такое всмятку» (29 июля). Предпочтительнее было вовсе отказаться от завтрака: «Когда я услышал имя кофейни, я испугался и во что бы то ни стало хотел ехать [дальше]» (30 июля). Оставалось, как и его предшественникам уповать на прогресс, который, тем не менее, сохранит простоту и неиспорченность нравов. Однако в этом случае славянская идентичность автора оказывалась разорванной, а братские чувства — в смятении. Лишь частичным выходом из противоречия были упования на величие России, которая после отмены крепостничества и дебюрократизации государства могла бы стать во главе славянского мира и направить его в нужном направлении.

Впрочем, еще в первой поездке (по Черногории) Чижову пришлось столкнуться с обескураживающей прямотой и брутальной силой архаики. Спустя пятнадцать лет один ужасающий эпизод был пересказан на иронической дистанции (в публикацию отрывков из дневника в «Москвитянине» (1845) он, разумеется, не вошел): «Сошелся я там с одним довольно пожилым князем[3]...

[1] В архиве Срезневского отложилась программа чтений в обществе «Молодая Сербия» от 5 апреля 1842 г. См.: РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. № 679.

[2] Дневник путешествия Ф. В. Чижова... С. 183–184. Далее цит. по этой публикации с указанием дат.

[3] Правильнее: кнезом, местным старейшиной.

На третий день моего пребывания в Цетинье он спрашивает: А что, Васильич, ты не убил ни одного турка? Я говорю нет.

Ни одного шваба?

Я тоже говорю нет». Черногорцу стало так жаль русского путешественника, что он предложил той же ночью напасть на погонщика овец и обещал устроить так, что Чижов сможет его убить. Отказ мог быть воспринят как оскорбление, поэтому наш герой обратился за помощью в разрешении коллизии к митрополиту Петру II Петровичу-Негошу, и тот заявил черногорцам, что русский должен задержаться при нем. Таким образом был найден благовидный предлог для отказа от «охоты на человека», о котором, конечно, очень сожалел черногорский кнез[1].

Другим отличием этой поздней версии путевых записок от опубликованных в «Москвитянине» отрывков является острая критика Петра II Петровича-Негоша: «Австрийцы успели его соблазнить самым страшным искушением — внешним образованием». Любимая книга митрополита, находящаяся всегда на виду, как знак его светской ориентации — песни Беранже. Когда митрополит начал рассуждать о геологии, «...я с горестию слушал уроки австрийского недоучка, успевшего поколебать в нем простоту и чистоту верования и не заменившего ее даже сколько-нибудь основательными сведениями»[2]. Очевидно, в 1843 г. Чижов был более благосклонен к этим проискам просвещения в манерах митрополита; они обрели зловещий смысл по мере укрепления русского путешественника в православной традиции и усиления его «славянской» экзальтации.

Встретившийся в Цетине с Чижовым В. А. Елагин (он следовал по стопам своего близкого друга Панова, побывавшего здесь годом ранее) умеренно пользовался «братской» терминологией. И все-таки в письме матери, отправленном из Котора, как и его случайный спутник, испытавший нечто подобное в Перое, он описывал родственно-*русское* переживание: «Черногорская жизнь повеяла на меня таким чистым воздухом родины, так приблизила меня к Вам, что казалось, я ближе к Вам, когда я был южнее Рима, под горячим небом, среди благовонных южных трав: бывало после прогулки по долине с владыкою узкою толпою, все закурят трубки и молчат; небо мало-помалу темнеет; возвращаются с гор стада; пастухи, проходя мимо, подходят под благословение, потом начинается разговор между ними и владыкою, как между равными; сюда собираются к нему со всех границ вестники — там-то отбили столько-то овец, а между тем уже проглядывают звезды, и какие звезды! Здесь можно полюбить астрономию. Вечер становится холоднее, и все поднимаются, чтобы идти пить восточный черный кофе и говорить до 11 часов о Черной Горе и войне. В эти дни мне было так легко и свежо, казалось иногда, что свидание с Вами очень близко, и только ночи были грустные иногда». В таком же восторге Елагин был и от владыки: «Надобно видеть, какими крепкими узами связан он с народом; какой он сам *черногорец* (здесь и далее подчеркнуто Елагиным. — *М. Б.*); как сживается *истинное* высокое Просвещение с Варварством неиспорченным»[1]. Надежда на сохранение равновесия между ними была ключевым звеном в производстве славянофильского братолюбия, и, тем не менее, этот баланс в сознании путешественников, как показывают сомнения Чижова, постоянно колебался.

[1] ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. № 4. Л. 107. (См. аналогичный эпизод в отрывках из книги А. Н. Попова.)

[2] Там же. Л. 104. Эти сомнения высказаны в дневнике 1844 г. и увязаны с посещением Петром II Петровичем-Негошем Триеста. См.: НИОР РГБ. Ф. 332. П. 1. № 5. Л. 783–784. (Запись от 30 августа). В отредактированной и сильно сглаженной форме: Русская беседа. 1857. Кн. II (VI). Смесь. С. 21.

Так и один из главных проповедников идеи «славянской взаимности» в России, друг Чижова, Н. А. Ригельман в письме с рекомендациями ему о маршруте путешествия 1845 г. выражал крайне осторожный оптимизм, задумываясь о том, как она приживется на родине. При этом он пользовался садоводческой терминологией, в духе Гердера; впрочем, она симметрична терминам родства и сопряжена с ними: «Вы понимаете, что обо мне уже давно воздыхают мои родные, и признаюсь самому, чувствуется потребность воротиться — счастлив буду, если ворочусь каплей лучше, нежели уехал, и эта капля пригодится на пользу ближнего, соотечественника. Славянство пустило прочные корни, но как растение после суровой зимы — едва пустило на поверхность слабый стебель, скудно лиственно и долго не дает цвета. Боюсь, нам не дожить до него и не видеть этого дерева в полной красе, обремененного плодами. Но святая обязанность — возделывать вокруг землю — будем подражать старцам, которые садят деревья для внуков»[2].

Действительно, братолюбивые хождения «молодых славянофилов» в земли южных и западных славян, в частности на Балканы, были предприятием, имевшим ярко выраженную поколенческую локацию. Его осуществили представители последней генерации русских романтиков[3], родившиеся около 1820 г. и формировавшиеся в 30-х (Чижов, как уже указывалось, принадлежал к промежуточной когорте — между поколением «любомудров» и «молодых славянофилов»). Их бегство в Европу и открытие «братьев-славян» являлись эрзацем социальной активности (Чижов примеривал на себя роль консула в Белграде), практически невозможной под гнетом цензуры и полицейского надзора внутри России. Вопреки сказанному, в предощущении неизбежности поворота, конструировалась идентичность «новых [русских] людей» (А. Н. Попов), граждан, которые поддерживают связь с прошлым, но ожидают великое будущее, спроецированное на европейскую сцену — в «славянский мир». Сдержанные надежды на обновление России (освобождение народа) рифмовались в их сознании с импульсами национальной эмансипации за ее рубежами. В воображении рисовалась роль вождей альтернативной «Молодой Европы». Иллюзорность этих надежд, подавляемых хорошо известными препятствиями и множеством

[1] НИОР РГБ. Ф. 99. П. 4. № 59. Л. 16–17 об. (5–8 августа 1843 г.) См. также его письмо А. П. Елагиной с восторженными впечатлениями от Черногории, составленное в Триесте 1 сентября 1843 г. (Там же. Л. 18–21 об.)

[2] НИОР РГБ. Ф. 332. П. 50. № 3. Л. 4–5.

[3] См.: *Виттакер Р.* Последний русский романтик. Аполлон Григорьев (1822–1864). СПб., 2000.

сомнений на тонком пути между Сциллой прогресса и Харибдой архаики, компенсировалась высоким градусом переживания новооткрытого «родства» во внешнем (славянском) круге и внутреннем — в гетто единомышленников[1]. Эмоциональная связь с ними питала энергией сконструированный «братский» дискурс и обеспечила ему теплоту подлинности.

Шансы реализовать грандиозные планы в ужесточившихся к концу 40-х условиях интеллектуальной жизни России были невелики. В частности, после ареста Чижова в 1847 г. поставлен крест на идее превращения «Русского вестника» в постоянно действующий печатный орган славянофилов, который бы мог координировать и направлять культурные акции зарубежных славян[2].

Кто-то рано ушел из жизни (вслед за Д. А. Валуевым — В. А. Панов), другие профессионализировались на иных поприщах, занялись хозяйством, умерили пыл... Просеянная сквозь смягчившуюся цензуру и неоднозначный жизненный опыт ее создателей «братская» риторика пережила второе рождение около 1861 г. Критическое отношение к мифологеме «народа» в следующем поколении демократов позволило, наконец, адекватнее увидеть и балканские реалии.

[1] Внутреннее и внешнее оказывались обратимыми ввиду отмеченной выше инверсии постпетровской культурной динамики. В расширенном контексте она интерпретируется и как феномен «внутренней колонизации»: *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013; *Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И.* Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. С. 6–50.

[2] *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. С. 88–100.

Литература

Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.

Агеев В. С. Стереотипизация как механизм социального восприятия // Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г. М. Андреевой и Я. Яноушека. М., 1987. С. 177–188.

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.

Акварели и рисунки из альбома «Путешествие на Восток 1835 года Владимира Давыдова» из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 2001.

Аксаков К. С., Аксаков И. С. Избранные труды / сост., вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова, Е. Б. Фурсова. М., 2010.

Аксаков И. С. Письма родным. 1844–1849 / изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М., 1988.

Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960.

Аксенова Е. П. Русская демократическая печать о славянских съездах 1848 и 1867 гг. // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты. М., 1998. С. 57–72.

Аксенова Е. Н. Соотношение славянской и национальной идей в общественной мысли и освободительном движении славянских народов // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 4. Брянск, 2002. С. 416–421.

Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. (Балканские исследования; вып. 18).

Алексашина Л. Н. О. М. Бодянский. Из истории возникновения славяноведения в России // Проблемы всеобщей истории. М., 1973. С. 195–212.

Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. 2-еизд., доп. М., 2007.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. М., 2005.

Андреев А. Ю. А. Л. Шлецер и русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII — начале XIX в. // История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 136–157.

Андреева Г. М. В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века // Социальная психология в современном мире / под ред. Г. М. Андреевой и А. И. Донцова. М., 2002. С. 9–26.

Анненкова Е. И. К. С. Аксаков — фольклорист: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

Анненкова Е. И. Архив К. С. Аксакова // ЕРО ПД на 1975 год. Л., 1977. С. 3–19.

Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998.

Аншаков Ю. П. Из истории русско-черногорских отношений в конце XVIII — начале XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII — 1878 г.) / отв. ред. И. С. Достян. М., 1995. С. 119–141.

Аншаков Ю. П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.

Аншаков Ю. П. Русские и югославяне на Адриатике в начале XIX в. (Из истории экспедиции Д. Н. Сенявина) // СА. 1997. М., 1998. С. 77–104.

Аншаков Ю. П. Русские журналы как источник изучения исторического прошлого южнославянских народов и русско-югославянских связей (30-е — середина 50-х гг. XIX в.) // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005. С. 130–149.

Аронсон М. «Конрад Валленрод» и «Полтава» (к воросу о Пушкине и московских любомудрах 20–30-х годов) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 2. М.–Л., 1936. С. 43–56.

Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны[1929]. СПб., 2001.

Бадалян Д.А. Понятие «народности» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и идеи в России XVI–XIX веков. СПб., 2006. С. 108–122.

Баженова А.И. А.С. Кайсаров — забытый герой раннепушкинской эпохи. Саратов, 2004.

Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.

Бажова А.П. Карагеоргий в России // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813 / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 293–305.

Бажова А.П. Россия и югославяне в конце XVIII — начале XIX века. М., 1996.

Базанов В. Ученая республика. М.–Л., 1964.

Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.

Байцура Т. Юрій Іванович Венелин. Братислава, 1968.

Бакунин и Герцен в полемике по славянскому вопросу / ст. и публ. С.Д. Линцер // ЛН. Т. 96. М., 1985. С. 399–412.

Бакунин М.А. Избр. соч в 5 т. Т. 3. Пг.–М., 1920.

Баландин А.И. П.И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. М., 1969.

Бантыш-Каменский Д.Н. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810.

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. I–III, V, VIII. СПб., 1888–1890, 1892, 1894.

Барышева Е.А. Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // Этнографическое обозрение. 1994. № 3. С. 90–104.

Безсонов П. Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию // Москвитянин. 1856. Т. 3. № 10. С. 95–134.

Безсонов П. Юрий Иванович Венелин // ЖМНП. 1882. № 6. С. 159–206.

Белов М.В. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. События, документы, историография. Нижний Новгород, 1999.

Белов М.В. «Воротися, отец, воротися!» Георгий Черный: генеалогия харизмы народного вождя // СА. 2004. М., 2005. С. 405–445.

Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.

Белов М.В. На пути к сербской нации: взгляд снизу (1804–1835 гг.) // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX века). СПб., 2007. С. 198–220.

Белов М.В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в начале XIX века: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в Новое и Новейшее время. Сб. научных трудов / под ред. М.В. Белова. Нижний Новгород, 2009. С. 105–119.

Белов М.В. Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 403–418.

Белов М.В. Славянская тема в путевом дневнике П.И. Кеппена: от сентиментализма к романтической этнографии // Славяноведение. 2011. № 1. С. 95–104.

Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половине XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.

Белов М.В. «Славянский характер»: русские публицисты, литературные критики и путешественники первой половины XIX века в поисках народности // ДВ. 2012. № 39. С. 124–147.

Белов М.В. Балканская парабола: проект «адриатической экспедиции» в контексте «наполеоновских войн» (1812) // РСб. Вып. XIII. 2012. С. 7–26.

Белов М.В. Славянофил на допросе: ответы Федора Чижова III отделению // Родина. 2013. № 6. С. 59–63.

Белов М.В. Варвары или братья? Балканские славяне глазами русских наблюдателей первой половины XIX века // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / под ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой. Вып. 2. М., 2013. С. 316–335.

Белов М.В. Блеск и нищета романтического воображения: ученое путешествие Ю.И. Венелина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6/1. С. 247–252.

Белов М.В. Наполеоновские войны с правого ракурса: провинциальный активист Александр Полев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 25–31.

Белов М.В. Забытое варварство: негативное восприятие балканских реалий в тени «братской» риторики русской элиты XIX века // В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого. Сб. научных трудов / под ред. А.Н. Маслова, А.В. Махлаюка. Нижний Новгород, 2015. С. 230–238.

Белов М.В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–112.

Белов М.В., Вишняков Я.В. Сентиментальный жандарм: миссия Я.Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 155–176.

Бељајева Ј. Српски мотиви у руској књижевности прве половине XIX века // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 32–35.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [1969]. М., 1995.

БерковП. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. М.–Л., 1936.

БерковП. Н. История русской журналистики XVIII века. М.–Л., 1952.

БерковП. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977.

Березин А.С. Письма из Венгрии // Соревнователь просвещения и благотворения. Труды высочайше утвержденного вольного общества любителей российской словесности. 1823. Ч. XXII. С. 23–64.

Березкина С.В. А.С. Кайсаров и В.А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // Русская литература. 1986. № 1. С. 138–147.

Бернштейн С.Б. «Библиографические листы» П.И. Кеппена // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 1. С. 47–58.

Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855.

Богач Г.Ф. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967.

Богданов К.А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.

Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986.

Богишич В. Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия» // Отчет о 13 присуждении наград Уварова. СПб., 1872.

Бојовић Р. Карта «савремене» Србије Александра Григоријевича Розелион-Сашаљског из 1831 // Архивска грађа као извор за историју. Београд, 2000. С. 601–607.

Бојовић Р. Опис Београда Александра Григоријевича Розелион-Сашаљског // Београд у делима европских путописаца. (Српска академија наука и уметнсти. Балканолошки институт. Посебна издања. 80) / уредник Ђ.С. Костић. Београд, 2003. С. 211–220.

Бојовић Р. Капетани Розелион-Сашальски и Коцебу о утврђењима у Србији 1830/31. године // Српска револуција 1804–1815. и Босна и Херцеговина / уредници Р. Кузмановић, М. Екмечић. Бања Лука, 2004. С. 362–379.

Бокова В. Тайная миссия подполковник Я. Н. Озерецковского // РА: Альманах. [Т. XII]. М., 2003. С. 304–373.

Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.

Броневский В. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Ч. 1–2. СПб., 1818.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008.

Вайскопф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. М., 2012.

Валуев Д.А. Начала славянофильства / сост., предисл. и коммент. Ю. В. Климакова; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2010.

Вальская Б.А. Путешествия Е. П. Ковалевского. М., 1956.

Васильева Т.Б. Стереотипы в общественном сознании (социально-философский аспект). Научно-аналитический обзор. М., 1988.

Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов (этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. 1. Л., 1976. С. 231–272.

Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750–1840-е гг.) // ЕРО ПД на 1977 год. Л., 1979. С. 3–56.

Ввозный А.Ф. Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Венелин Ю. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. Т. 1. М., 1829.

Венелин Ю. О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835.

Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838.

Венелин Ю.И. Путевые записки / публ. Т. А. Медовичевой // ЗОР РГБ. Вып. 51. М., 2000. С. 194–250.

Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства / сост., предисл. и коммент. П. В. Тулаев; отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.

Ветловская В.Е. Проблема народности в публицистике Ф. И. Тютчева (в европейском контексте) // Русская литература. 1986. № 4. С. 139–152.

В. И. Григорович и развитие славяноведения в России. Материалы круглого стола с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого; Казань, 10 апреля 2015 г. / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. Казань, 2015.

Виленкин В.Л. Странствователь по суше и морям (Егор Петрович Ковалевский). М., 1969.

Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008.

Виноградов С.А., Наумов Е.П., Чеканова Г.П. Из переписки Вука Караджича с русскими учеными // Славянское источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 1965. С. 181–207.

Виттакер Р. Последний русский романтик. Аполлон Григорьев (1822–1864). СПб., 2000.

Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // НЛО. 2013. № 4 (122).

Вишленкова Е.А., Фомина Л.В. Идеи о «чистых» и «смешанных русских» в отечественной публицистике 1760-х годов // ДВ. 2010. № 30. С. 141–156.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. 3. М., 1963; Т. 5. М., 1967; Т. 6. М., 1962; Т. 7. М., 1970.

Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–69.

Воспоминания Е. И. Елагиной и М. В. Беэр / публ. [вступ. ст. и примеч.] Л. Г. Сахаровой // РА: Альманах. [Т. 14]. М., 2005. С. 269–424.

Встреча с Европой. Письма В. А. Панова матери М. А. Пановой из Центральной и Юго-Восточной Европы (1841–1843) / сост. Т. Ивантышынова и М. Ю. Досталь. Батислава, 1996.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения [1994]. М., 2003.

Вяземский В.В. «Журнал».1812 г. / подг. к публ. и вступ. ст. С. В. Шумихина // 1812 год... Военные дневники / сост. А. Г. Тартаковский. М., 1990. С. 185–225.

Гавриловић М. Милош Обреновић. Књ. 1–2. Београд, 1908, 1909.

Гавриловић С. Војводина и Србија у време Првог српског устанка. Нови Сад, 1974.

Гагић Ј. Дневник мој у Сербии // *Перовић Р.* Прилози за историју Првог српског устанка. Београд, 1980. С. 77–95.

Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина. СПб., 1999.

Гачев Г.Д. «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф // Ю. И. Венелин в болгарском возрождении / отв. ред. Г. К. Венедиктов. М., 1998. С. 27–51.

Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Собр. соч. в 30 т. Т. 2. М., 1952. С. 199–413.

Гершензон М.О. Избранное. Т. 2. Молодая Россия. М.–Иерусалим, 2000.

Гиллельсон М.И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроники русского. Дневники. М., 1964. С. 441–504.

Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур[1973]. М. 2004. С. 225–267.

Гланц Т. Изобретение Славии. О роли *путешествия* для формирования «славянской идеи» // Inventing Slavia. Изобретение Славии // Сборник материалов заседания, организованного Славянской библиотекой (Прага, 12 ноября 2004 г.) / T. Glanc, H. Meyer, E. Вельмезова (eds.). Prague, 2005. С. 11–44.

Гланц Т. Славянская борьба в Центральной Европе // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (56). (Режим доступа: http: //magazines. russ. ru/nz/2007/6/gl6. html.)

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / публ. и коммент. Л. Ланского //ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 533–772.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [в14 т.]. Т. 8. М.–Л., 1952.

Голубев А.В., Куприянов П.С. Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XX веков) // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 374–396.

Голубица с цветом кньижества србског. V. 1843 и 1844. Београд, 1844.

Грачев В.П. Матия Ненадович и первая сербская депутация в Россию в 1804 году // Прота Матија Ненадовић и његово доба / уредник Р. Самарџић. Београд, 1985. С. 97–124.

Грачев В.П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. // Советское славяноведение. 1987. № 2. С. 32–48.

Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительного движения). М., 1990.

Грачев В.П. Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия (апрель 1807 — апрель 1808 гг.) // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Ч. 1. М., 1992. С. 31–70.

Грачев В.П. Православная церковь и первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 161–175.

Грачев В.П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1. С. 3–17.

Грачев В.П. Сербы и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003.

Грачев В.П. План создания «нового порядка» на Балканах и негативные последствия его неудачной реализации в первой половине 1807 г. // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005. С. 65–71.

Грачев В.П. Бухарестский мир 1812 г. и сербский вопрос // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 437–488.

Григорович В. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877.

Гринберг Ф. Кавказский текст русской культуры // Континент. 2000. № 104.

Грицкат И. Покушај стварања српске научне терминологије срединном прошлог века // Наш језик. Књ. XIV. Св. 2–3. Београд, 1964. С. 130–140.

Громов П.Г. Вук Караджич и русская культура: дис... канд. филол. наук. Ростовн/Д, 1950.

Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. 20–30-е гг. XIX века. М., 1966.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2003.

Гудков В.П. К изучению русских связей Вука Караджича. Караджич и Александр Тургенев // Сербо-русские литературные и культурные связи XIV–XX вв. / отв. ред. Л.К. Гаврюшина. СПб., 2009. С. 148–161.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1770-х гг. М.–Л., 1936.

Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М., 2008.

Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешествия странника. М., 1987.

Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Давыдов В. Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. Ч. II. СПб., 1840.

Давыдов Ю.В. Сенявин. М., 1972.

Данилевский Р.Ю. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Сб. статей / отв. ред. М.П. Алексеев. Л., 1980. С. 174–217.

Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2014.

Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.–Л., 1936.

Десница Г. Ненадовићи: Витезови, државници и књижевници у Србији, Црној Гори, Војводини, Босни и Херцеговини. Београд, 1976.

Джонг Хи-Сок. Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли в первой половине XIX века (с точки зрения теории федерализма) // Славяноведение. 1995. № 3. С. 78–88.

Джонг Хи-Сок. Идея демократической славянской федерации в российской общественной мысли второй половины XIX в. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 174–185.

Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных связей). СПб., 1997.

Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / под ред. кн. Н.В. Голицына. М., 2013 (1-е изд.: СПб., 1911).

Дневник путешествия Ф.В. Чижова по славянским землям в 1845 г. (18 мая –12 августа) /[публ. И.В. Козьменко] // Славянский архив. М., 1958. С. 135–260.

Добрашиновић Г. Петар Иванович Кеппен и Вук // Анали филолошког факултета. Београд, 1964. Св. 4. С. 123–133.

Добрашиновић Г. Вук и Николај Иванович Надеждин // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 78–99.

Долгоруков Ю.В. Записки // РС. 1889. Т. 63. № 9. С. 481–518.

Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009.

Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.

Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепции социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.

Донцов А.И., Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М., 2002. С. 76–95.

Досталь М.Ю. Первая лекция О.М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1986. С. 275–303.

Досталь М.Ю. «Славянский вопрос» в мировоззрении графа С.С. Уварова // Славянская идея: история и современность / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1998. С. 63–77.

Досталь М.Ю. Круглый стол: Теоретические аспекты национальной идеологии славянских народов // Славяноведение. 1998. № 6. С. 108–110.

Досталь М.Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. 1999. № 5. С. 52–59.

Досталь М.Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // СА. 2000. М., 2001. С. 85–95.

Досталь М.Ю. И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

Досталь М.Ю. Славянство в историософии и политических воззрениях А.С. Хомякова // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Сб. ст. по материалам международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 года в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т. 2. М., 2007. С. 136–146.

Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009.

Досталь М.Ю. О.М. Бодянский и первые университетские слависты: проблемы методологии романтизма // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). Сб. статей. М., 2009. С. 19–27.

Досталь М.Ю. Н.И. Надеждин на пути к романтизму (Парадоксы и славистические опыты) // СА. 2009. М., 2010. С. 166–175.

Досталь М.Ю., Ивантышинова Т. Славянские проблемы в переписке славянофилов: Письма В.А. Панова К.С. Аксакову в 40-е годы XIX в. // Проблемы славяноведения. сб. научных статей и материалов. Вып. 4. Брянск, 2002. С. 390–400.

Достян И.С. Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение: сб. статей и материалов. М., 1966. С. 104–116.

Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972.

Достян И.С. Описание Черногории начала XIX века в донесениях С.А. Санковского // Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. Сб. статей и материалов. М., 1972. С. 291–336.

Достян И.С. Планы основания Славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 98–106.

Достян И.С. Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Вып. IV. Кишинев, 1974. С. 5–40.

Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.

Достјан И. С. А. С. Грибоједов и доктор из Пераста С. И. Мразовић // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза. Нови Сад, 1980. С. 137–154.

Достян И. С. Българите в руската литература и периодичен печат през първите десятилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 193–211.

Достјан И. С. Српска тематица у русской публицистици прве трећине XIX века // Зборник Матице српске за историју. 1982. № 26. С. 7–30.

Достян И. С. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804–1813 гг. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 141–159.

Достян И. С. Балканские проблемы в русской общественной мысли (конец XVIII — первая четверть XIX в.) // БИ. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 63–74.

Достян И. С. Русская политика в сербском вопросе и протоиерей Матия Ненадович в период Венского конгресса (1814–1815) // Прота Матија Ненадовић и његово доба/ Уредник Р. Самарџић. Београд, 1985. С. 127–146.

Достян И. С. Русская публицистика и литература о южнославянских народах первой трети XIX в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации / отв. ред. И. И. Костюшко. М., 1988. С. 43–56.

Достян И. С. Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве после прихода к власти уставобранителей // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. Ч. 1. М., 1992. С. 132–148.

Драговић М. Материјал за историју Црне Горе времена митрополита Данила, Саве и Василија Петровића// Споменик Српске Краљевске академије. Књ. XXV. Београд, 1895.

Дубин Б. Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. А. Панина. М., 2010. С. 211–229.

Дубровин Н. Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. № 7–8.

Дудаков С. Ю. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993.

Дудзинская Е. А. Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1978. С. 261–281.

Дурковић-Јакшић Љ. Бранислав, први југословенски илегални лист 1844–1845. Београд, 1968.

Дурновцев В. И. Россия и Запад в историко-философской концепции Н. И. Надеждина // Историография проблем международных отношений и национальных движений в зарубежных странах. Межвуз. сб. М., 1987. С. 127–138.

Дурновцев В. И., Бачинин А. Н. Михаил Петрович Погодин // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996. С. 174–193.

Дьяков В. А. Освободительное движение в России 1825–1861 гг. М., 1979.

Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М. — Париж, 1970. С. 251–278.

Ђорђевић М. Политичка историја Србије XIX и XX века. Књ. 1. Београд, 1956.

Ђорђевић М. Ђакова буна: Политичко-историска студија. Београд, 1953.

Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825–1853 гг. М., 1982.

Живановић М. Путешествие Ф. В. Чижова по Јужнословенским земљама // Зборник за славистику. Нови Сад, 1985. № 29. С. 39–59.

Живов В. И. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // НЛО. 2008. № 91. С. 114–140.

Жодле Д. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / под ред. С. Московичи [1984]. СПб., 2007. С. 372–394.

Жукова Е. П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: дис. ... канд. культуролог. наук. М., 2000.

Журнальная записка. . . 1769-й год // РА. 1886. № 4. С. 389–437.

Зайцева А. А. П. И. Кеппен и Словакия (Из истории русско-словацких культурных связей первой половины XIX века) // Slovenská a ruská literatúra. Bratislava, 1973. S. 89–104.

Зейдлиц К. К. Воспоминания о турецком походе 1829 г. М., 1878.

Золотой век Grand Tour: путешествие как феномен культуры / сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. СПб., 2012.

Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII— первой трети XIX века. М., 2001.

Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

Зыкин В. И. Вук Караджич и русская наука: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1950.

«И вне службы он искал быть полезным» Записка о И. П. Липранди.1859 г. / публ. М. В. Сидоровой // Исторический архив. 2003. № 1. С. 169–179; № 3. С. 166–204.

И это все пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012.

Ивантышинова Т. Россия и Центральная Европа во взглядах славянофилов // БИ. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне XVIII — начало XX века /отв. ред. Л. П. Лаптева. М., 1992. С. 24–33.

Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой половины XIX века // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16.

Из архива А. В. Никитенко // РС. 1904. № 9. С. 668–687.

Из бумаг Александра Николаевича Попова // РА. 1886. № 3. С. 320–362.

Из истории помощи сербскому народу в период Первого народного восстания // Исторический архив. 1960. № 1.

Из писем Ф. В. Чижова к художнику А. А. Иванову // РА. 1884. № 2. С. 391–422.

Ионов И. Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // ДВ. 2010. № 30. С. 257–274.

Ионов И. Н. Столкновение миров: мифы, бинарные образы, реинтерпретации открытия и завоевания Америки // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 139–180.

История Балкан. Век восемнадцатый / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2004.

Истрин В. М. Русские студенты в Геттингене в 1802–1804 гг. // ЖМНП. 1910. № 7. Отд. 2. С. 80–144.

Истрин В. М. Русские путешественники по славянским землям // ЖМНП. 1912. № 9. Отд. 2. С. 78–109.

Исупов К. Г. Философия и эстетика истории в литературной классике XIX века // ЛИ. Вып. 2 / отв. ред. Ю. В. Стенник. СПб., 1997. С. 110–144.

Ишутин В. В. И. П. Липранди // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94.

Јакшић Г. Европа и васкрс Србије (1804–1834). Београд, 1927.

Јанковић Д. Правитељствујушчи совјет // Историски гласник. 1954. № 1–2. С. 15–88.

Јовановић М. Срби и Руси 12–21. век (Историја односа). Београд, 2012.

Йованович М. Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. — политика, традиция и перцепция // СА. 2011. М., 2012. С. 64–85.

Йованович М. Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. Кн. 9.

Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В. А. Тесемникова. М., 2013. С. 12–28.

Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 году // 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны: сб. статей. М., 1962. С. 47–63.

Казаков Н. И. Проект адриатической экспедиции П. В. Чичагова // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 341–353.

Казакова О. Ю. Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. 2010. № 5. С. 6–17.

Калиганов И. И. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и воспоминания о Болгарии и болгарах ее русских участников // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. Сб. статей. М., 2012. С. 32–49.

Калоева И. А. Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 2002.

Каменский З. А. Московский кружок любомудров. М., 1980.

Каменский З. А. Н. И. Надеждин. Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984.

Караџић В. С. Сабрана дела. Књ. XII. О језику и књижевности. I. Београд, 1968.

Караџић В. С. Сабрана дела. Књ. XV–XVI. Историјски списи. I–II. Београд, 1969.

Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке. СПб., 1906.

Кацис Л. Ф., Одесский М. П. «Славянская взаимность»: модель и топика: Очерки. М., 2011.

Кацис Л. Ф., Одесский М. П. Когда коллеги, распри позабыв... (Письмо в редакцию) // НЛО. 2012. № 115. (Режим доступа: http: //magazines. russ. ru/nlo/2012/115/k51. html.)

Кашић Д. Српски манастири у Хрватској и Славонији [1971]. Београд, 1996.

Кеппен П. И. Описание славянских древностей в Сирмии // Северный архив. 1823. Т. 5. № 1. С. 18–33.

Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена // Сб. ОРЯС. Т. 89. № 5. СПб., 1911. С. 1–170.

Керимова М. М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.

Кингелејк А. В. Од Земуна до Ниша // Британски путници о нашим крајевима у XIX веку / Избор, превод и поговор Б. Момчиловић. Нови Сад, 1993. С. 5–30.

Киреевский И. В. Избранные статьи / сост., вступ. ст., коммент. В. Котельникова. М., 1984.

Киршбаум Г. Двойной ориентализм казачьей темы в творчестве А. С. Пушкина // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 246–283.

Киселев В., Васильева Т. «Странное политическое сомнище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX века // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 478–517.

Китаев В. А. Славянофильство и либерализм (историографические заметки) // ВИ. 1989. № 1. С. 133–143.

Ковалевский Е. П. Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие за тем события // Современник. 1854. Т. 45. С. 55–84.

Ковалевский Е. П. Эпизод из войны черногорцев с австрийцами (из воспоминаний очевидца о войнах за независимость Черногории и Италии) // Эпоха. 1864. № 5. С. 169–193.

Ковалевский Е. П. Собр. соч. Т. 4. Черногория и славянские земли. СПб., 1872.

Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. СПб., 2003.

Козьменко И. В. Дневник Ф. В. Чижова «путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958. С. 127–135.

Колесницкая И. М. И. И. Срезневский как фольклорист (1840–1850-е гг.) // Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян. М., 1963. С. 297–328.

Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской академии). М., 1986.

Коншина Е. Н. Архив Елагиных и Киреевских // ЗОР ГБЛ. Вып. 15. М., 1953. С. 18–42.

Корнилова А. В. Мир альбомного рисунка. Русская альбомная графика конца XVIII — первой половины XIX века. Л., 1990.

Костић М. Покушај Бечке владе око увођења народног језика и правописа у српске, хрватске и словеначке школе крајем 18. века // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 1937. Књ. XVII. Св. 2. С. 253–267.

Костяшов Ю. В. Сербы Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

Костяшов Ю. В. Сербы в королевстве Венгрии глазами иностранцев // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 14. Ставрополь, 2013. С. 23–30.

Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII —начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 121–142.

Кочубинский А. А. Мы и они (1711–1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878.

Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения (адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев). Одесса, 1888.

Кошелев В. А. К. С. Аксаков и западные революции. Публицистические статьи 1848 г. // ЛИ. [Вып. 1.] / отв. ред. Ю. В. Стенник. СПб., 1992. С. 306–312.

Кошелев В. А. [Рец.:] Кацис Л. Ф., Одесский М. П. «Славянская взаимность»: модель и топика: Очерки. М.: Regnum, 2011. 314 с. — 500 экз. — (Selecta XIII) // НЛО. 2012. № 113. (Режим доступа: http: //magazines. russ. ru/nlo/2012/113/k47. html.)

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Крестић В. Кнез Милош Обреновић и Ђакова буна. Београд, 1974.

Критически изпословано осветлење најновии прикључениja Сербије с јуридическо-публичне стране. Пешта, 1841.

Кудзеевич Л. В. Действия отряда графа И. К. Орурка в Сербии в 1810 году // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. Ч. II. СПб., 2014. С. 428–440.

Кудрявцева Е. П. Россия и Сербия в 30–40 гг. XIX века. М., 2002.

Кудрявцева Е. П. Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009.

Кузнецкая О. Б. П. И. Прейс. Обзор материалов, хранящихся в Академии наук // Деятели русской науки. Вып. II. СПб., 1993. С. 13–15.

Кузнецова Т. В. Россия в мировом культурно-историческом контексте: парадигма народности. М., 1999.

Кулакова И. П. Из истории дворянской интеллигенции начала XX века (П. П. Свиньин) // ЛИ. Вып. 3 / отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 2001. С. 155–170.

Куприянов П. С. Русские заграничные путешествия начала XIX в.: национальные представления и проблема национальной самобытности: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Куприянов П. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73; № 2. С. 74–86; 2005. № 1. С. 65–78.

Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.

Куприянов П. С. Образы «дикарей» в записках путешественников начала XIX века: абстракции и реальность // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 3. М., 2006. С. 124–143.

Куприянов П. С. Немцы и славяне в письмах А. И. Тургенева 1804–1805 гг.: интерпретация конфликтов и проблема идентичности // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. Москва, 25–26 ноября 2008 г. М., 2008. С. 59–65.

Курочкин Ю. М. Дело Липранди // Урал. 1973. № 6. С. 145–151.

Лазари де А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / пер. с польск. М. Лескинен, Н. Филатова. М., 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Ланжерон А. Ф. Записки... // РС. 1907. № 8. С. 311–329.

Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978.

Лаптева Л. П. К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 3–17.

Лаптева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997.

Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

Ларионова Е. О. Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «русская идея» в зеркале польского мессианизма // К истории идей на Западе: «Русская идея» / под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 184–205.

Леман-Карли Г. Взгляды геттингенских историков на российскую историю и проблема «древней» и «новой» истории России (А.-Л. Шлёцер, А. И. Тургенев, Н. М. Карамзин) // ЛИ. Вып. 2 / отв. ред. Ю. В. Стенник. М., 1997. С. 49–53.

Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.

Леонтьев К. Н. Мои воспоминания о Фракии // Полн. собр. соч. и писем в 12 т. Т. 6. Кн. 1–2. С. 177–197

Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половине XIX в. «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

Лескинен М. В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации. Размышления в связи с выходом монографии: Moroz-Grzelak L. Bracia Słowianie. Wizje wspólnoty a rzeczywistość. Warszawa. 2011, 333 стр. // Славяноведение. 2013. № 6. С. 52–61.

Лещиловская И. И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.

Лещиловская И. И. Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в. // ВИ. 1976. № 12. С. 75–92.

Лещиловская И. И. Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания // БИ. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. / отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1987. С. 23–31.

Лещиловская И. И. Федор Иванович Янкович де Мириево (Мириевский) // СА. 2004. М., 2005. С. 36–44.

Липпман У. Общественное мнение[1922]. М., 2002.

Липранди И. П. Обозрение пространства, служившего театром войны России и Турции с 1806 по 1812 год. СПб., 1854.

Липранди И. П. Краткий очерк христианских областей Турецкой империи. Придунайские княжества. М., 1877.

Липранди И. П. Болгария. Из записок. М., 1877.

Липранди И. П. Особенности войн с турками. СПб., 1877.

Липранди И. П. Общие сведения об европейской Турции. М., 1877.

Липранди И. П. Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае и на содействие, которое мы можем встретить в Болгарии. М., 1878.

Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. В. Э. Вацуро; сост. и коммент. В. Э. Вацуро и др. М., 1985. С. 300–363.

Лотман Л. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 33. С. 134–147.

Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени [1958] // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 637–804.

Лотман Ю. М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962. С. 215–232.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествиев Царстве теней или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) [1975] // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446–538.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) [1976] // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 349–361.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века [1977] // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233–254.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры [1984] // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 484–564.

Лотман Ю. М. Архаисты-просветители [1986] // *Лотман Ю. М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997.

Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959.

Лурье Ф. М. Политические провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998.

Љушић Р. Кнежевина Србија. 1830–1839. Београд, 2004.

Љушић Р. Ориjентални новинар, европски политичар — Димитрије Давидовић (1789–1838). Београд, 2006.

Мазур Н. Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цепь непрерывного предания...»: сборник памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 196–250.

Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Макуљевић Н. Ефемерни спектакл у мултикултуралном Београду: Повратак Вучића и Петронијевића у Србију // Београд у делима европских путописаца / уредник Ђ. С. Костић. Београд, 2003. С. 169–186.

Манн Ю. Факультеты Надеждина // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 3–44.

Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004.

Маринковић Д. Успмене и доживљаји. 1846–1869. / средио Д. Страњаковић. Београд, 1939.

Мароши В. В. «Сербский» и «кавказский» тексты русскойлитературы: Мотивы, тропы и архетипичность персонажей // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 298–307.

Мартынов В. А. У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С. П. Шевырева. М., 2013.

Мартынов В. А. Золотой век «русской идеи». М., 2015.

Медведева О. В. Г. В. Ващенко — первый российский консул в болгарских землях // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 244–257.

Медовичева Т. А. Осип Максимович Бодянский и его Дневник // Бодянский О. М. Дневник. 1852–1857 / [предисл., подгот. текста, подбор ил. и коммент. Т. А. Медовичевой]. М., 2006. С. 5–64.

Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 1990.

Мельник Г. С. Mass-Media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996.

Мельчакова К. В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–70-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Миллер А. И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.

Миллер А. И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 42–66.

Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М. — Л., 1947.

Миловидов Б. П. Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сб. материалов XIII Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2005. С. 159–185.

Миловидов Б. П. Отряд подполковника В. И. Дибича в Смоленской губернии в 1812 г. // Отечественная война и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец, 2008. С. 216–251.

Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013.

Минкова Л. Захарий Княжеский и русско-болгарские связи второй половины XIX в. // Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание. М., 2010. С. 228–238.

Мифы древних славян / сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. Саратов, 1993.

Михайлов А. А. Революция 1848 года и славянофильство // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. науки. 1941. № 8. С. 48–74.

Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX веков: дис. ... канд. филол. наук, Волгоград, 1999.

Михельсон В. А. Путешествие в русской литературе. Ростовн/Д, 1974.

Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором [1925] // Пушкин и его современники. Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 67–129.

Модзалевский Л. Б. Неизданная биография В. С. Караджича // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 11–12. С. 4–7.

Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. М., 1980.

Морозов П. С. Кара-Георгий и сербские эмигранты в России. 1814–1830 // Исторические материалы из Архива министерства государственных имуществ. I. СПб., 1891. С. 108–136.

Москва–Сербия, Белград–Россия. Сб. документов и материалов. Т. 2. Общественно-политические связи. 180–1878 гг. / ред. М. Йованович и др. Белград–М., 2011.

Мусихин Г. И. Очерки теории идеологии. М., 2013.

Мустафичева В. Кърджалийско време. София, 1977.

Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: к вопросу об изучении «предыстории» славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1984. С. 5–42.

Н. К истории масонства в России // РС. 1907. № 4. С. 209–224.

Надеждин Н. И. Род Княжевичей. Одесса, 1842.

Надеждин Н. И. Черногорцы (из воспоминаний путешественника) // Утренняя заря. Альманах на 1842 год, изданный В. Владиславлевым. Четвертый год. СПб., 1842. С. 209–254.

Надеждин Н. Записка о путешествии по южно-славянским странам //ЖМНП. 1842. Ч. 34. № 6. С. 87–106.

Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 518–548.

Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности [1837] // Сочинения в 2 т. / ред. и вступ. статья З. А. Каменского. Т. 2. СПб., 2000. С. 760–795.

Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе. 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 155–198.

Недашковская Н. И. Историографический нарратив «путешествия в славянские земли с ученой целью» в допозитивистской славистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 136–141.

Ненашева З. С. М. Ф. Раевский и русская православная церковь в Праге // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М. Ф. Раевского / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2013. С. 100–122.

Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1836–1841. М., 1961.

Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. Т. 1. М., 1955.

Никитин С. А. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // ВИ. 1946. № 4. С. 3–29.

Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.

Никитин С. А. Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг. // Славяне и Россия. К 110-летию С. А. Никитина. М., 2013. С. 161–343.

Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

Никифоров К. В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.

Никулина М. В. Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в. (На материале русских периодических изданий) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 136–159.

Никулина М. В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России: Труды по русской и славянской филологии. Вып. 2. Тарту, 1983. С. 75–94.

Никулина М. В. Й. Добровский и русские ученые (из истории русского славяноведения первой трети XIX в.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике / отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1984. С. 43–63.

Никулина М. В. Ю. И. Венелин в русском славяноведении первой трети XIX в. (Проблематика славянских древностей) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 23–40.

Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М., 1949.

Н. М. Языкова и Ф. В. Чижов. Переписка 1843–1845 гг. / публ. И. Розанова // ЛН. Т. 19–21. М., 1935. С. 105–142.

Новаковић С. Константин Константиновић Родофиникин. Биографске белешки // *Он же*. Из српске историје. Нови Сад, 1972. С. 292–317.

Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей [1998]. М., 2004.

Норимацу К. Проблема границы «России» в кавказских текстах русского романтизма // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 284–308.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания. М., 1996.

Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982.

Орлов В.Н. Пути и судьбы. М., 1971.

Осповат А.Л. Александр Тургенев и его поприще // Тургенев А.И. Политическая проза /сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Осповата. М., 1989. С. 5–12.

Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003.

Павленко О.В. «Славянский вопрос» в контексте российско-австрийских дипломатических отношений в середине XIX века // Россия и Европа: поиск единства и апология самобытности: Бюллетень научного семинара молодых учёных. Вып. 4. М., 1999. С. 35–54.

Павленко О. «Славянский фактор» в отношении России и Австрии в 40–60-е гг. XIX века // Славяно-германские исследования. Т. 1–2. М., 2000. С. 242–288.

Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.

Панаев И.И. Литературные воспоминания / ред. текста, вступ. ст. и примеч. И. Ямпольского. М., 1950.

Панов В.А. Путешествие по землям западных и южных славян. Вып. 1. Которский округ в Далмации. М., 1844.

Парилова Г.П., Соймонов А.Д. П.В. Киреевский и собранные им песни // ЛН. Т. 79. М., 1968. С. 9–76.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. 1–2. М., 1980–1983.

Перовић Р. Допуне биографији Теодора Ивановича Недобе од Лазара Арсенијевића Баталаке // *Он же.* Прилози за историју Првог српског устанка. Београд, 1980. С. 224–240.

Песков А.М. У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 89–100.

Песчаный Д.Г. Руско-болгарские культурные связи в 30–40-х годах XIX в. // Из истории русско-болгарских отношений. Сб. статей. М., 1958. С. 113–193.

Петр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы. М., 2013.

Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 3. СПб., 1887.

Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995.

Петровић Т. «Карловачки круг» Стефана Стратимировића // *Она же.* Из историје српске књижевности. Нови Сад, 1974. С. 7–24.

Петровский Н.М. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // ЖМНП. 1915. № 10. С. 203–261. № 11. С. 62–131. № 12. С. 205–236.

Печерин В. С. Apologia pro vita mea. Жизнь и приключения русского католика, рассказанная им самим / отв. ред. и сост. С.Л. Чернов. СПб., 2011.

Пирожкова Т.Ф. Революционные демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984.

Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.

Письма Александра Тургенева Булгаковым / под ред. И.П. Луппола. М., 1939.

Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В.А. Францев. Варшава, 1905.

Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835–1861) / [сост. и предисл. Н.А. Попова]. Вып. I, III. М.,1879–1880.

Письма М.П. Погодина С.П. Шевыреву // РА. 1882. № 6. С. 127–203.

Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.О. Шафарику, Куршату и др. (1836–1846) // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1891.

Письмо Ф.В. Чижова Ю.Ф. Самарину 9 июля [1853 г.] / публ. Н.И. Цимбаева // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 132–140.

Плисс А.А. Мотивная структура в «кавказском тексте» русской литературы первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014.

Плотникова А.А. Додола // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 100–103.

Погодин М.П. Год в чужих краях.1839 г. Дорожный дневник. Ч. 1–4. М., 1844.

Погодин М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова // РА. 1871. Кн. 3. Стб. 2078–2113.

Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. / Соч. Т. 4. М., 1874.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII веке. Документы / отв. ред. А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович. М., 1984.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: Документы. М., 1997.

Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е гг. XIX века: Документы российского МИД. М., 2013.

Попов А. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.

Поповић П. Француско-српски односи за време првог устанка. Београд, 1933.

Поповић Р.Ј. Тома Вучић Перишић. Београд, 2003.

Поповић Р.Ј. Аутобиографска скица Лазара Арсенијевића Баталаке // Мешовита грађа. Miscellanea. Књ. XXIII. Београд, 2004. С. 63–88.

Поповић Р.Ј. Аврам Петронијевић. Београд, 2012.

Потепалов С.Г. О роли П.И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 177–211.

Потепалов С.Г. Путешествие П.И. Кеппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX века. М., 1963. С. 5–22.

Први српски устанак: Акта и писма на српском језику. Књ. 1. 1804–1808 / у редакцији Р. Перовића. Београд, 1977.

Прийма Ф.Я. Н.И. Надеждин и славяне // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 5–28.

Прохорова А. Ф.В. Чижов (1811–1911) // Поволжский вестник. 1911. 27 февраля. № 1405. С. 2–3.

Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. I–II. М., 1955, 1959.

Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 357–362.

Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году / под ред. В.М. Истрина. Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг., 1915.

Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 1–2. СПб., 1890–1891.

Пятидесятилетие гражданской и ученой деятельности М.П. Погодина (1821–1871). М., 1872.

Радојчић Н. О *Хроникама* грофа Ђорђа Бранковића // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ. VI. Св. 1. Београд, 1926. С. 1–39.

Радосављевић Н. Ужичко-ваљевска митрополија 1739–1804. Ваљево, 2000.

Радосављевић Н. Шест портрета православних митрополита. Београд, 2009.

Радусиновић М.П. Једно руско свједочанство о Карађорђу // Историјски гласник. 1984. № 1–2. С. 93–98.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизации в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 48–79.

Распопович Р. Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. СПб., 2009.

Растовић А. Британско-српски односи 1837–1914 године // Теме. Ниш, 2012. Бр. 4. С. 1913–1929.

Резвых П.Ф. В.Й. Шеллинг в диалоге с российскими интеллектуалами // НЛО. 2008. № 91. С. 141–186.

Рейтблат А.И. Как Павел Свиньин на Ивана Заикина жаловался, или Издатель, автор и полиция в начале XIX века // НЛО. 1996. № 16. С. 81–90.

Рейблат А.И. Писать поперек. Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014.

Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 436–471.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историческая практика. М., 2011.

Ригельман Н. Два письма из Вены // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 371–402.

Ригельман Н. Продолжение писем из Вены // Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 193–260.

Р[игельман] Н. Три поездки за границу. М., 1871. С. 225–226.

Роболи Т. Литература путешествий // Русская проза. Л., 1926. С. 42–73.

Ровда К.И. Чернышевский и славянские литературы // Н.Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. М., 1979. С. 254–283.

Ровнякова Л.И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX века). Очерки. Л., 1986.

Розеллион-Сашальский А. Записки русскаго офицера бывшаго в плену у турок в 1828 и 1829 годах // Военный сборник. 1858. Т. III. Вып. 5–6. С. 175–220, 551–586. Т. 4. Вып. 7. С. 17–54.

Рогов К.Ю. К истории «московского романтизма»: кружок и общество С.Е. Раича // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 523–576.

Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998.

Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005.

Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX в.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского: дис. . . . канд. филол. наук. Томск, 2006.

Рош Д. Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 359–368.

Россия и США: Становление отношений (1765–1815). М., 1980.

Рудас-Гродзка М. Порабощенное славянство // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / [отв. ред. В.А. Хорев]. М., 2007. С. 43–57.

Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999.

Рудницкая Е.Л. Александр Иванович Тургенев // Российские либералы. Сб. статей / под ред. Б.С. Итенберга и В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 15–52.

Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. М., 2004.

Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» / вступ. ст. и публ. М.Ю. Лотмана // Учен. записки Тартус. гос. ун-та. 1958. Вып. 65.

Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / съст., предг., комент. и бележки М.Н. Кожухарова. София, 1986.

Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970.

Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; коммент. А.А. Силкина, А.Л. Шемякин. СПб., 2006; Т. 2. Архивные свидетельства. М., 2014.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. М., 1989, 1992, 1994, 1999, 2007.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. М., 2006.

Савић В.Б. Карађорђе: Документи. Књ. 3. Горњи Милановац, 1988.

Садиков П.А. И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.-Л., 1941. С. 266–295.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

Сборник за народни умотворения. 1. София, 1889.

Сборник Русского исторического общества. Т. 88. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона (IV). СПб., 1893.

Свиньин П. Воспоминания на флоте. Ч. 1. СПб., 1818.

Свиньин П.П. Американские дневники и письма. М., 2005.

Семендяева О.Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

Семендяева О.Ю. Критический анализ концепции «стереотипа» в социальной психологии // Социологические теории и социальные изменения в современном мире. М., 1986. С. 184–196.

Семенова Л.Е. Константин Ипсиланти и Первое сербское восстание (1804 — август 1807 г.) // БИ. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 50–63.

Сербие плачевно пакипорабощение лета 1813. Млетки [Venecija], 1815.

Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978.

Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005.

Серягин С.Н. Участие В.А. Панова в помощи балканским славянам // Славяноведение. 2017. № 1. С. 73–78.

Симонова И.А. В.С. Печерин и Ф.В. Чижов // Общественное движение в России XIX века. М., 1986. С. 56–82.

Симонова И.А. О взаимосвязи славянофильства с идеологией кирилло-мефодиевского общества. Ф.В. Чижов и кирилло-мефодиевцы // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 42–54.

Симонова И.А. «Два полюса магнита...» Космополит В.С. Печерин и славянофил Ф.В. Чижов // Встречи с историей. Вып. 3. М., 1990. С. 46–58.

Симонова И.А. «Заговорщики»: Из истории одного несостоявшегося политического процесса // Истоки: Альманах. Вып. 22. М., 1990. С. 341–366.

Симонова И.А. «С душой вашей роднится душа беспрестанно...» (Ф.В. Чижов и Н.В. Гоголь) // Москва. 2001. № 4.

Симонова И.А. Федор Чижов. М., 2002.

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. (Режим доступа: http: //ruskline. ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov/.)

Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979.

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. ред. Д.Ф. Марков и В.А. Дьяков. М., 1988.

Славянофильство: pro et contra. 2-е изд. / сост., вступ. ст., коммент., библиогр. В.А. Фатеева. СПб., 2009.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999.

Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. IV. Л., 1988.

Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005. С. 120–154.

Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Књ. 2. Београд, 1991.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

Смирнов С.В. Первые русские слависты в Чехии // Учен. записки Туртус. гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии. 1973. С. 47–176.

Смирнов С.В. К биографии П.И. Прейса // Из истории славяноведения в России: Труды по русской и славянской филологии. Вып. 2. Тарту, 1983. С. 55–66.

Смит Д. У истоков русской масонофобии // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадов. М., 2005. С. 80–101.

Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII века. М., 2006.

Соймонов А.Д. П.В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1972.

Соколова В.Ф. Народознание и русская литература XIXвека. Изд. 2-е, испр. М., 2009.

Соларић П. Поминак книжеский о Славено-Сербском в Млетках Печатанию, великому и благословесному славено-сербскому народу и мудрым его свакога звания Предстателем и Просветителем. Млетки, 1810.

Солдатова Г.Н. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Соловјев А. Историја српског грба [1958]. Београд, 2000.

Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000.

Софронова Л.А. Автопортрет славянина по Мицкевичу // Автопортрет славянина. М., 1999. С. 102–122.

Социальная психология. Краткий очерк / под общ. ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. М., 1975.

Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М., 1995.

Срби о Русији и русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): Антологија / приредио М. Јовановић. Београд, 2011.

Срезневский В.И. Вступительная лекция И.И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. // ЖМНП. 1893. Ч. 287. № 5. С. 110–133.

Срезневский И.И. Воспоминание о Н.И. Надеждине // Вестник Императорского Русского географического общества. 1856. Ч. XVI. Ст. V. С. 1–16.

Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.

Станиславская А.М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976.

Старчевский А. Справочный энциклопедический словарь. Т. 9. Ч. 2, СПб., 1855.

Стенник Ю.В. Русская сатира XVIII века. Л., 1985.

Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII— начала XIX века. СПб., 2004.

Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 1999.

Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Стојанчевић В. Милош Обреновић и његово доба. Београд, 1966.

Страњаковић Д. Илија Гарашанин. Крагујевац, 2005.

Стратимировић С. Личности у српском устанку од 1804 године // Српски књижевни гласник. Књ. XIX. Београд, 1907. С. 259–264, 350–355.

Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М., 2017.

Тарасов Е. Русские «геттингенцы» первой четверти XIX века и влияние их на развитие либерализма в России // Голос минувшего. 1914. № 7. С. 195–209.

Тарле Е.В. Экспедиция Д.Н. Сенявина в Средиземное море // Собр. соч. Т. 10. М., 1959.

Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

Тартаковский А.Г. 1812 г. и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.

Телицын В.Л. Записки умершего (Об Иване Петровиче Липранди). М., 2009.

Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М., 1990.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

Тихонова Е.Ю. Человек без маски. В.Г. Белинский: грани творчества. М., 2006.

Тодд III У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху. СПб., 1994.

Токарев С.А. Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Избранное. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 69–101.

Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев, 2012.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. Очерки. СПб., 1912.

Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 23–121.

Уманов-Каплуновский В. Старинные альбомы академика П.И. Кеппена // Столица и усадьба. 1915. № 48. С. 11–12.

Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII — XIX вв. (из фондов отдела рукописей) / под ред. П.А. Зайончковского и Е.Н. Коншиной. М., 1951.

Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1995.

Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII— начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / публ. подг. Г.К. Венедиктовым. М., 2005.

Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006.

Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти»: Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. СПб., 2002.

Фактически придаток к критически испослованоме осветљењу најновији прикључениja Србије с јуридическо-публичне стране. Београд, 1842.

Фарр Р. Социальные представления // Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб., 2007. С. 395–405.

Федосов И.А., Долгих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М., 2000. С. 10–101.

Философия Шеллинга в России / под общ. ред. В.Ф. Пустарникова. СПб., 1998.

Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века (Истоки, тип творчества, история развития): дис. . . . д-р филол. наук. М., 2004.

Фонтон Ф.П. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письмаиз главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах. Т. II. Поход Забалканский. Лейпциг: Франц Вагнер, 1862.

Францев В.А. Очерки по истории чешского Возрождения (Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX века). Варшава, 1902.

Францев В.А. Югославянское путешествие Н.И. Надеждина в 1840–1841 гг. // Sbornik filologickýˊ. X. 1934–1935. Praha, 1935.

Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989.

Фрейдзон В.И. Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX века // ВИ. 1979. № 9. С. 61–78.

Фролова М.М. Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // Война, открывшая эпоху в истории Балкан: К 180-летию Адрианопольского мира. сб. статей / отв. ред. А.В. Карасев. М., 2009. С. 74–102.

Фролова М.М. Забалканский поход 1829 г. и «открытие» русскими Румелии (по воспоминаниям русских офицеров) // Studia Balkanica. К юбилею Р.П. Гришиной. Сб. статей. М., 2010. С. 36–57.

Хадзопулос К. Греческий корпус под командованием Н. Пангалоса // БИ. Вып. 11. Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции / отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1989. С. 14–23.

Хартанович М.В. Исторический аспект этнографического памятника: черногорские костюмы в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого // Российско-сербские связи в области науки и образования. XIX — первая половина XX в. / отв. ред. Э.И. Колчинский и А. Петрович; ред.-сост. М.В. Лоскутова и М.В. Хартанович. СПб., 2009. С. 26–33.

Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х — начало 80-х годов XIX в. М., 1986.

Хитрова Н.И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 307–325.

Хитрова Н.И. Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30-х — 50-х гг. XIXвека // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 115–136.

Хомяков А.С. <Политические письма 1848 года> / публ. и пред. В.А. Кошелева // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 105–132.

Хомяков А.С. Соч. в 2 т. Т. 1. Работы по историософии / вступ. статья, сост. и подгот. текста В.А. Кошелева. М. 1994.

Христофоров И.А. Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977.

Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965.

Цейтлин Р.М., Никулина М.В. П.И. Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям // Зборник за славистику. Књ. 17. Нови Сад, 1979. С. 61–87.

Цимбаев Н.И. Из истории славянофильской политической мысли. К.С. Аксаков в 1848 году // Вестник МГУ. Сер. История. 1976. № 5. С. 81–95.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественной мысли XIX века. М., 1986.

Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990.

Цимбаев Н.И. «Иное дело — Мы». Историософия позднего А.С. Хомякова // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. Сб. ст. по материалам Международной научной конференции, состоявшейся 14–17 апреля 2004 года в г. Москве в Литературном ин-те им. А.М. Горького. Т. 2. М., 2007. С. 115–127.

Црногорско-руски односи. 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица–М., 1992.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989.

Чернышевский Н.Г. Самозванные старейшины [1862] // Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1951. С. 125–135.

Чижов Ф. Отрывок из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. Ч. IV. № 7–8. Отд. 1-е. С. 1–46.

Чижов Ф.В. Заметки путешественника по славянским землям // Русская беседа. 1857. Кн. I (V). Смесь. С. 1–37. Кн. II (VI). Смесь. С. 1–37.

Чиркович С.М. История сербов. М., 2009.

Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007.

Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // БИ. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. / отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1987. С. 62–75.

Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославяне. М., 2011.

Чуркина И.В. Неизданная книга С.А. Никитина // Славяне и Россия. К 110-летию С.А. Никитина. М., 2013. С. 148–160.

Шапиро А.П. Адмирал Д.Н. Сенявин. М., 1958.

Шапиро А.П. Которский вопрос в 1806 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 193–206.

Швабе Н.К. Архив Ф.В. Чижова // ЗОР ГБЛ. Вып. 15. М., 1953. С. 43–77.

Шевченко М.М. Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 г.: С.С. Уваров и К.В. Нессельроде // РСб. Т. 1. М., 2004. С. 29–39.

Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы: Сб. науч. тр. / отв. ред. вып. А.И. Миллер (Политическая наука. 2001. № 4). М., 2001. С. 6–32; НЛО. 2001. № 52. С. 42–61.

Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. СПб., 2004.

Ширле И. Учение о духе и нравах народов в русской культуре XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А.В. Доронин. М., 2008. С. 119–137.

Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999.

Шумихин С.В. Дневник (1803–1812 гг.) и письма генерал-майора В.В. Вяземского // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 270–283.

Эйдельман Н.Я. «Где и что Липранди?» [1972] // Эйдельман Н.Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 362–391.

Эйдельман Н.Я. Пушкин: история и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.

Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 6–50.

Ю.И. Венелин в болгарском возрождении / отв. ред. Г.К. Венедиктов. М., 1998.

Ягич В. Источники для славянской филологии. Т. 2 // Сб. ОРЯС. Т. 62. СПб., 1897.

Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 4. СПб., 1888.

Якимова Е.В. Теории социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80–90-х годов. Научно-аналитический обзор. М., 1996.

Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. Научно-аналитический обзор. М., 1999.

Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850 годов. М., 1981.

Bystrsonovski Sž. Serbien, seine europaische Beziehungen und die Orientalische Frage. Leipzig, 1845.

Cooper D.L. Creating the Nation: Identity and Aesthetics in Early Nineteenth-Century Russia and Bohemia. Decalb, 2010.

Csaplovics J. Slavonien und zum Theil Croatien; ein Beitrag zur Völker — und Länderkunde. Theils aus eigener Ansicht und Erfahrung (1809–1812), theils auch aus späteren zuverlässigen Mittheilungen der Insassen. I–II Th. Pesth, 1819.

Ebbinghaus A. “National” (narodnyj) und “nationale Eigenheit” (narodnost’) in der russischen Literaturkritik der 1820er Jahre // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. von P. Thirgen. Köln: Böhlau, 2006. S. 51–79.

Foretić V. Rusko-crnogorski rat s Francuskom 1806–1807. i pad Dubrovnika // Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813. / Уредник В. Чубриловић. Београд, 1983. С. 327–337.

Hobsbawm E.J. Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. Manchester University Press, 1959.

Janković D. Srpska država prvog ustanka. Beograd, 1984.

Layton S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Logvinov M.I. Studia imagologica: zwei methodologische Anzätze zur komparatistischen Imagologie // Germanistisches Jahrbuch GUS “Das Wort”. 2003. S. 203–220. Режимдоступа: http: //www. daad/wort/wort2003/Logvinov. Druck. pdf.

Matula V. Ľudovit Štur. Bratislava, 1956.

Milojkovic-Djuric E. Panslavism and National Identity in Russia and in the Balkans, 1830–1880: Images of the Self and Other. East European Monographs, 1994.

Petrović A. The Role of Banditry in the Creation of National States in the Central Balkans During the 19th Century. A Case Study: Serbia. University of British Columbia, 2003.

Pratt M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. L.-N. Y., 1992.

Rabow-Edling S. Slavophile Thought and the Politics of Cultural Nationalism. Albany, 2006.

Ređep J. Grof Đorđe Branković i usmeno predanje. Novi Sad, 1991.

Ređep J. Geneza hronika grofa Đorđa Brankovića. Novi Sad, 2004.

Renner A. Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875. Köln, Weimar, Wien, 2000.

Schams F. Topografische Beschreibung von Peterwardein und seine Umgebungen. Ein Beitrag zur Landkunde Syrmiens. Pesth, 1820.

Schwartner v. M. Statistik des Königreichs Ungern. Theil 1–3. Ofen, 1809, 1811.

Smith A.D. Neo-Classicist and Romantic Elements in The Emergence of Nationalist Conception // Nationalist Movements / ed. by A. D. Smith. London, 1976. P. 74–87.

Taube F.W. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und Herzogthumes Syrmien. Leipzig, 1777–1778. Bd. 1–3.

Todorova M. Imagining the Balkans. N. Y., Oxford, 1997.

Walicki A.S. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964.

Ziegengeist G. Neue Zeugnisse über Varnhagens geplanten Žukovskij-Aufsatz (1840–1842) // Zeitschrift für Slawistik. 1990. № 2. S. 179–186.

Список сокращений

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи (Москва)

БИ — Балканские исследования

ВИ — Вопросы истории

ВУА —Военно-ученый архив (Главного штаба)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ДВ — Диалог со временем

ЕРО ПД — Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗОР ГБЛ (РГБ) — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Российской государственной библиотеки)

ЛИ — Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.)

ЛН — Литературное наследство

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)

НЛО — Новое литературное обозрение

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

РА — Русский архив

РА: Альманах — Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах

РС — Русская старина

РСб. — Русский сборник. Исследования по истории России

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РО ИРЛИ — Рукописное отделение Института русской литературы — Пушкинский Дом (Санкт-Петербург)

СА — Славянский альманах

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук

Указатель имен

Абдул Гамид-эфенди — 202
Абдулич (Абдула) М. — 211
Абдурахман-паша (Абдурагим-паша) — 176
Абрамов А.И. — 590
Авксентий митр. — 86–88
Агеев В.С. — 521–522, 605
Аделунг Ф.П. — 154, 556
Азадовский М.К. — 541, 554, 605
Аксаков И.С. — 390, 406, 410, 417, 420, 594, 600, 605
Аксаков К.С. — 390–391, 394, 400, 436, 589, 592–597, 605, 611, 615, 626
Аксаков С.Т. — 251, 390, 564, 566, 605
Аксакова (Тютчева) А. Ф. — 595
Аксенова Е.Н. — 532–533, 605
Александр Великий — 45, 310
Александр Невский — 61
Александр I имп. — 16, 26–27, 55, 58, 63, 76–77, 129, 150, 162, 177, 279, 495, 499, 542, 545, 547, 550, 555, 559, 605, 612
Александр II имп. — 537
Александра Павловна вел. кн. — 87, 159, 161
Алексашина Л.Н. — 589, 605
Алексеев М.П. — 591, 610
Али-бег — 473
Али-паша Ризванбегович — 364–365
Али-паша Тепеленский (Янинский) — 467
Альтшуллер М.Г. — 544, 605
Амвросий митр. — 98, 104
Амвросий отшельник — 476
Амурат, см. Мурад
Анакреон(т) — 249
Анастасий I Дикор имп. — 262
Ангеляр(ий) св. — 469
Андерсон Б. — 518–519
Андреев А.Ю. — 7, 86, 403, 605
Андреева Г.М. — 522, 605
Андросов В.П. — 563
Антоний Печерский св. — 469
Аншаков Ю.П. — 26, 28, 36, 40–41, 46–47, 56, 61–62, 272–273, 276, 278, 285, 291, 311, 323, 327, 342, 364, 381, 542, 578, 581, 605
Априлов В.Е. — 251
Аристотель — 310
Аронсон М.И. — 407, 597, 606
Арсениевич (Арсеньевич)-Баталака Л. — 118, 430–432, 435–436, 438, 452, 620–621
Арсений III Черноевич патриарх — 243
Арсений IV Йованович Шакабента патриарх — 243
Арсеньев А.Б. — 6
Арутюнова Н.Д. — 518, 625
Арш Г.Л. — 75, 417, 616, 626–627
Атанацкович П. — 411
Аттила — 563
Ауст М. — 555, 618
Афанасий II патр. — 40
Багно В.Е. — 599, 616
Багратион П.И. — 119
Бадалян Д.А. — 554, 606
Баженова А.И. — 18, 606, 618
Бажова А.П. — 28, 56, 63, 66, 518, 606
Базанов В.Г. — 154, 588, 606
Байла — 251, 257–258
Байрон Д.Г. — 343
Байцура Т. — 562, 606
Бакунин М.А. — 537, 606
Баландин А.И. — 597, 606
Балле А.Ф. — 119, 129
Бантыш-Каменский Д. Н. — 16, 98–99, 101, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 144, 146, 549–550, 606
Бантыш-Каменский Н. Н. — 98

Баоши (Балшичи) — 384
Барклай-де-Толли М. Б. — 140, 152
Барсуков Н.П. — 255, 483–485, 487, 562, 606
Бартенев П.И. — 518
Барышева Е.А. — 154, 606
Батюшков К.Н. — 168
Бахтин М.М. — 529
Бачинин А.Н. — 483, 612
Баязид I султ. — 23
Безбородко А.А. — 74
Безсонов П.А. — 562–565, 567–568, 606
Белинский В.Г. — 441, 452, 563–564, 619, 625
Белли Г.Г. — 55, 61
Белов М.В. — 2, 12–13, 23, 46, 75, 77, 81, 85–86, 94, 106, 118–120, 129, 134, 136, 140, 149, 154, 168, 235, 241, 272, 311, 419, 450, 491, 518, 536, 542–543, 550, 555, 561, 588, 591, 598–599, 606–607
Белодинович — 50
Беляева Ю.Д. — 552, 607
Беницкий Й.К. — 167, 174
Бенкендорф А.Х. — 272, 279, 578–579
Бергер П. — 524, 607
Березин А.С. — 154–156, 158, 160–161, 163–164, 172, 176, 180, 185, 558–559, 607, 631
Березкина С.В. — 19, 607
Берисавлевич М. — 212
Берков П.Н. — 541
Берлич И. — 332, 346
Бернштейн С.Б. — 155, 607
Берон П. — 201
Бечир-паша — 16
Беэр (Елагина) М.В. — 403, 609, 631
Блажо, переник Ковалевского — 309
Блудова А.Д. — 417
Блумауер А. — 163
Бобринский А.А. — 460
Богач Г.Ф. — 586, 607
Богданов К.А. — 554, 607
Богин Г.И. — 527, 607
Богишич В. — 77, 81, 150, 546, 585, 607
Бодли Г. — 467
Бодянский О.М. — 404, 433, 589, 593, 605, 611, 618
Бойович Р. — 6, 205–206, 607
Бокова В.М. — 114, 272, 279, 576–577, 608
Болич — 20–21
Борис (Михаил) хан — 468–469
Бочкова В.Н. — 65
Брайда (Брейда) — 159, 166, 171
Брандау — 158
Бранденбергер Д.Л. — 3, 608
Брейда, см. Брайда
Броневский В.Б. — 49, 53, 59, 288, 552, 608, 631
Бранкевич — 171
Бранкович Вук — 360
Бранкович Г. — 174, 398
Бранкович Георгий деспот — 361, 458
Брнич — 422
Бройнер М.Л. — 175
Брюллов К.П. — 261
Будаев Э.В. — 518, 608
Буданова В.П. — 561, 607
Будберг А.Я. — 46, 78
Булгаков А.Я. — 14
Булгаков К.Я. — 7, 9, 11, 13, 14–15, 17–18, 25, 548
Булгаков Я.И. — 14–15
Булгарин Ф.В. — 370, 585
Бутенев А.П. — 431
Бушатлия (Бушати) — 289, 371, 631, 635
Бушель — 60
Буэ А. — 450
Быстршоневский Л.Т. — 450
Вайскопф М. — 416, 563, 608
Валицкий А. — 588, 595
Валуев Д.А. — 390–391, 406, 590, 592, 604, 608
ван Дейк Т.А. — 524, 610

Ванеян С. С. — 403
Василий Острожский св. — 47, 299, 330
Васильева Т. — 553, 614
Васильева Т. Б. — 521, 608
Васоевич-Радонич Н. — 312
Вацуро В. Э. — 154, 441, 571–572, 583–584, 608, 617
Ващенко (Иващенко) Г. В. — 352–354, 362, 399, 434, 449–450, 460, 575, 618
Ввозный А. Ф. — 586, 608
Вежбицкая А. — 527, 608
Вейнмарн (Веймарн?) — 568
Велижев М. Б. — 518, 624
Вельмезова Е. — 533, 609
Вельтман А. Ф. — 571–572, 582–583, 585
Веневитинова Д. В. — 591
Венедиктов Г. К. — 251, 563, 609, 627
Венелин (Гуца) Ю. И. — 251, 253, 256, 562–570, 606, 608–609, 619, 627, 631
Вердер К. — 390
Ветловская В. Е. — 608
Видок Э. Ф. — 491, 586
Вильсон Р. Т. — 62, 608
Виноградов В. Н. — 11, 40, 613
Виноградов С. А. — 155, 494, 608
Виттакер Р. — 603, 608
Вишленкова Е. А. — 66, 462, 553, 573–574, 608
Вишняков Я. В. — 6, 272, 607
Владевич Д. — 62
Владимиреску Т. — 499
Владислав, слуга Березина и Кеппена — 159
Владиславлев В. — 333, 619
Возаревич Г. — 430, 438, 486
Воинов А. Л. — 134, 139–140
Войнович Г. (Дж.) — 57, 63
Войнович Л. — 126, 129–130
Волков В. К. — 532, 543, 609–610
Волконский П. М. — 551
Вольни А. — 173, 175
Воробьева О. В. — 561, 607
Воронцов А. Р. — 65, 74
Воронцов М. С. — 500
Враз С. — 345
Вукана II Неманич князь — 309
Вукович (Кокотович) Ф. — 408
Вуколе Градчанин (Градчинин) — 306, 320–325, 327–333
Вукотич, катунский воевода — 374
Вукотич П. — 439
Вукотич С. — 47
Вукотич С. Перов — 279
Вуличевич В. — 213
Вульпиус Р. — 555, 618
Вульф Л. — 529, 609
Вуцинич Р. — 127
Вучич-Перишич Т. — 213, 356, 399, 413–415, 428, 431–432, 434–435, 438–444, 446, 448–449, 451–454, 459, 485, 488–490, 495, 506
Вуянович Г. — 121, 134
Вяземский В. В. — 54–61, 63–64, 67, 295, 337, 518, 553, 609, 627
Вяземский П. А. — 544, 554
Габриелица, знакомая И. И. Срезневского — 345
Гаврилович М. — 179, 208, 211–212, 609
Гаврилович С. — 91, 128, 609
Гаврюшина Л. К. — 8, 610
Гагич И. — 75, 77, 96, 148, 364
Гай Л. — 282–283, 318
Гайдук Велько, см. Петрович Велько
Галаган (Казадаева) С. А. — 411
Галахов И. П. — 599
Галиш-паша — 192
Ганка В. — 155, 351, 404, 412, 416
Гарашанин И. — 427–428, 432, 435, 439–440, 442, 445 449, 452, 485, 619, 624
Гас-Ника — 282
Гасан-Хот — 381
Гаспаров Б. М. — 543–544, 609
Гауер С. — 362
Гауф д-р — 393–394

Гачев Г. Д. — 563, 609
Гегель Г. В. Ф. — 317
Геерен А. Г. Л. — 7, 173
Гендриков — 170
Геннадий иеромонах — 159
Георгий Петрович Черный, см. Карагеоргий
Георгий Хранислав — 167
Георгий (Джурадж) IV Черноевич (Црноевич) — 33, 243, 294, 296, 313, 372, 376, 384
Герасим митр. — 352
Герман М. — 426, 584
Геров Н. — 509
Герчич (Геркич) Я. — 350
Герхард (Гергард) В. — 249
Герцен А. И. — 537, 571, 606, 609
Гершензон М. О. — 194, 416, 609
Гете И. В. — 186, 256
Гиаур-Гассан — 202–203
Гиллельсон М. И. — 7, 547, 609
Гиллер И. — 122, 133
Гильемино А. Ш. — 264, 266
Гильфердинг А. Ф. — 572
Гирц К. — 524, 609
Главаш С. — 494, 506
Гланц Т. — 533–534, 609
Глинка Г. А. — 18
Глинка С. Н. — 114, 418, 483
Гнедич Н. И. — 267
Гоголь Н. В. — 318, 390, 416, 441, 609, 617, 623
Голицын А. Н. — 555
Голицын Н. В. — 392, 610
Голубев А. В. — 520, 531, 609
Голубков П. В. — 599
Голубкова М. — 420
Гомер (Омир) — 249
Горазд св. — 469
Гораций К. Ф. — 168, 585
Горчаков — 129, 131, 133, 507
Горчаков А. М. — 286
Грамберг — 150–151
Грамон — 128
Грановского Т. Н. — 599
Грачев В. П. — 16, 26, 28, 46, 56, 58, 62, 76, 85–86, 98, 109, 121, 202, 210, 542–543, 609–610
Греч Н. И. — 12
Григорович В. И. — 462, 465, 472, 474, 477, 608, 610
Гринберг Ф. И. — 577, 610
Грицкат И. — 444, 610
Гришина Р. П. — 5, 626
Громов П. Г. — 155, 610
Гросул В. Я. — 499, 610
Груич Н. — 427
Груйович Б. (Груевич, Филиппович Т.) — 85, 96, 121, 133
Груйович (Груевич) М. — 121, 135, 145
Грушевицкая Т. Г. — 527, 610
Гудков В. П. — 8, 610
Гудков Д. Б. — 527, 610
Гудков Л. Д. — 550, 624
Гузиня Г. — 111
Гуковский Г. А. — 610
Гулевич О. А. — 521, 610
Гумбольдт А. фон — 599
Гуминский В. М. — 549, 610
Гуниад(и) Янош (Иоанн) — 13, 158, 167, 351, 499
Гусейн (Гуссеин, Хусейн)-паша — 230
Давид П. — 128
Давидович Д. — 168, 444, 450
Давыдов В. П. — 261, 263, 265, 267–269, 271, 610
Давыдов Ю. В. — 55–56, 59–60, 610
Дайкович поп — 382
Даниил Сербский св. — 174
Данилевский Г. И. — 413–414, 423, 430, 434–435, 444, 449, 451, 487
Данилевский Р. Ю. — 591, 610
Данилович — 362
Делавинь К. — 256
Демелич — 560
Демьянович-Носакович П. — 62

Державин Г. Р. — 168
Десница Г. — 82, 610
Джак (Дяк) Попович М. — 122, 135, 212, 487
Джонг Хи-Сок — 537, 610
Джонсон М. — 518, 616
Джурадж IV Черноевич (Црноевич), см. Георгий
Джурич Я., см. Димитриевич Я.
Джуро (Джюро), переник — 324–325, 328, 330–332, 379, 385, 388
Дибич И. И. — 139, 141
Дибич В. И. — 84, 139–143, 145, 147–149, 151, 168, 265, 552, 618
Димитриевич (Джурич) Я. — 124
Дионисий о. — 470
Дионисии II митр. — 244
Дионисий Малый — 173
Дмитриев И. И. — 8
Дмитриев П. А. — 155, 610
Димитрий о., игумен Морачского мон. — 308
Дмитрий (Сулима Д. И.) архиеп. — 562
Дмитрий, слуга Давыдова — 261, 263, 270
Дмитрий, слуга Зейдлица — 186
Добрашинович Г. — 155, 318, 610–611
Добринац (Тодорович) П. — 89, 120, 122, 133, 135, 145, 149, 211, 494
Добринац (Тодорович) С. — 211
Добровский Й. — 154–155, 169, 483, 619
Долгих Е. В. — 540, 553, 625
Долгоруков (Долгорукий) В. А. — 434, 450, 492
Долгоруков (Долгорукий) Ю. В. — 52, 518, 611
Долгушин Д. В. — 407, 611
Доленга-Ходаковский З. — 160
Дольчи аббат — 26–27, 40
Донцов А. И. — 520, 524, 611
Доронин А. В. — 554, 627
Досталь М. Ю. — 3, 317, 341, 363, 391, 418, 483, 484, 576, 589, 590, 592, 595, 609, 611
Достян И. С. — 3–5, 26–28, 36–37, 40, 46, 61, 119, 131, 205, 207, 272, 434, 450, 541, 543, 545, 550, 555, 571–572, 575, 605, 607, 611–612, 618
Драгович М. — 517–518, 612
Дражич — 162
Дуаз В. — 523, 525
Дубин Б. В. — 532, 612
Дубровин Н. Ф. — 547, 612
Дудаков С. Ю. — 141, 612
Дудзинская Е. А. — 590, 612
Дурновцев В. И. — 317, 483, 612
Дьяков В. А. — 154, 484, 537, 541, 571, 589–590, 611–612, 618–619, 623
Дэвид-Фокс М. — 540, 621
Дюше М. — 546, 612
Евгений Савойский — 110, 175
Екатерина II имп. — 8, 41, 52, 63, 116, 153, 167, 501, 518, 624
Елагин В. А. — 390, 403, 404–407, 409, 418, 433, 441, 443, 589, 592, 600, 602–603
Елагина А. П. — 375, 403, 404, 407, 409, 592, 603
Елагина Е. А. — 407
Елагина (Мойер) Е. И. — 403, 609
Елагина М. В., см. Беэр
Елена Павловна, вел. кн. — 586
Елена Равноапостольная — 162
Елизавета Петровна имп. — 4, 517, 624
Елисавета Алексеевна имп. — 24, 162
Емельянова Т. П. — 524, 611
Ермолов А. П. — 141
Ерофеев Н. А. — 529, 612
Ефимов Н. Е. — 261
Ефремов А. П. — 403
Живанович М. — 417, 612
Живкович С. торговец — 78, 124, 126, 129–133
Живкович-Телемак С. — 129
Живов В. И. — 542, 613

Жодле Д. — 525–526, 613
Жолкевский С. — 563
Жукова Е. П. — 591, 613
Жуковский В. А. — 7, 19, 168, 186, 225, 407, 607, 611
Журинская М. А. — 518, 625
Зайончковский П. А. — 406, 625
Зайцева А. А. — 153–154, 613
Зайцевский Е. П. — 441
Засс А. А. — 151
Засс А. П. — 119–120, 122, 124–125, 127–130, 132–134, 136–140, 151
Захарий епископ — 384
Зейдлиц К. К. — 186, 613
Зернич (Зерневич) — 125, 127
Зигенталь (Сигенфельд) Г. — 166, 172
Зорин А. Л. — 7, 543, 613
Зорич С. Г. — 40
Зыкин В. И. — 155, 318, 613
Ибрагим-паша — 43
Иван (Иоанн) Александр — 476
Иван I (Иван-бей) Черноевич (Црноевич), правитель Зеты — 294, 296, 372, 376, 384
Иван V Алексеевич ц. — 24
Иванов А. А. — 416, 434, 623
Ивантышинова Т. — 391, 589, 611, 613
Иванчич — 190, 192
Ивашина Е. С. — 549, 613
Иващенко Г. В., см. Ващенко
Ивелич М. К. — 37, 48, 61
Ивкович С. — 46
Игнатьев И. А. — 65, 68
Игнатьев Р. Н. — 6
Измаил-ага Ченгич — 327, 341
Измайлов В. В. — 71
Иларион о. — 481
Илич В. — 494, 506
Ильина К. А. — 462, 608
Инзов И. Н. — 562
Иоакимович Н. — 169
Иоанн Бранкович деспот — 167, 360–361
Иоанн Рильский св. — 258, 476
Иоаннович П., см. Йованович
Иов о. — 470
Ионов И. Н. — 528, 546, 613
Иордан Я. — 439
Иосиф о. игумен — 473
Иосиф о. скевофилак — 473
Иосиф митр. — 398, 427, 467, 485
Иосиф эрцгерцог — 159
Иосиф II имп. — 8–9, 11, 13, 21
Иовичич (Иовович) — 420–421
Ипсиланти К. — 75, 80, 623
Ириней (Несторович (Нестерович) И. Г.) архиеп. — 562
Исаев И. И. — 76, 93–95, 97–98, 111
Истрин В. М. — 7, 541, 549, 613
Исупов К. Г. — 590, 613
Италинский А. Я. — 16, 74
Итенберг Б. С. — 7, 622
Ишутин В. В. — 251, 571–572, 582–583, 585, 613
Йованович Й. — 46
Йованович М. — 4, 6, 13, 538–539, 613, 618
Йованович (Иоаннович П.) — 351
Йованович П. митр. — 354, 435
Кавелина К. Д. — 590
Казадаева С. А., см. Галаган
Казаков Н. И. — 140, 543, 614
Казакова О. Ю. — 530–531, 614
Казивода Н. — 382
Казначеев А. И. — 500
Кайсаров А. С. — 7, 11, 13–14, 17–19, 21, 23–25, 83, 153, 174, 414, 547–549, 551, 553, 559, 606–607, 617, 621–622
Кайсаров П. С. — 7
Калайдович К. Ф. — 156
Калиганов И. И. — 5, 614
Калоева И. А. — 541, 553, 614
Каменский З. А. — 317, 591, 614, 619
Каменский И. В. — 206
Каменский Н. М. — 78, 119, 124, 137, 140, 203

Кантар Н. — 254
Каподистрия И. — 499
Карагеоргий (Кара-Джоргий, Георгий Петрович Черный) — 16–17, 21, 25, 28, 61, 66, 76–79, 80–91, 93–97, 100, 105–109, 112, 120–121, 123–135, 141, 144, 146–148, 150, 179, 184–185, 212–213, 217, 227, 244, 297, 343, 432, 438, 454, 489, 492–501, 503, 505–506, 546, 551, 606, 618, 621, 623
Карагеоргиевич Алекса — 121
Карагеоргиевич Александр князь — 235, 399, 414–415, 428, 432–433, 450, 488
Карагеоргиевич (Ненадович) Персида княгиня — 414, 432–433
Кара-Джианем-паша (Караджаман-паша) — 493
Караджич В. С. — 8, 77, 80, 155, 157, 235, 256, 318, 334, 411, 493–494, 560, 567, 610, 613
Карамаркович Н. — 494, 506
Кара-Махмут (Махмуд), см. Махмуд-паша Бушатлия
Карамзин А. Н. — 586
Карамзин Н. М. — 7–8, 98, 167, 256–257, 542, 544, 549, 551, 613, 617, 623, 625
Каранотверткович П. — 311
Карапанджичи — 499
Карасев А. В. — 5, 626
Карл, эрцгерцог — 91, 96–97, 396, 400
Карл Великий, имп. — 400, 563
Карл VI имп. — 455
Кар(р)аро — 417, 422–423, 599
Карцов Ю. С. — 507, 614
Катков М. Н. — 403, 589
Кацис Л. Ф. — 535–536, 614–615
Кашич Д. — 339, 614
Кевенгилих — 173
Келпер — 165
Кепич (Кипич) — 128
Кеппен П. И. — 64, 153–157, 159–161, 163–165, 167, 169, 171–173, 175, 177, 179–180, 283, 398, 411, 418, 450, 483, 553, 555–561, 606–607, 610, 613–614, 621, 625–626
Кеппен Ф. П. — 153–154, 555, 614
Керимова М. М. — 318, 571, 584, 614
Кёпрюлюзаде (Куприли) Фазыл Мустафа-паша — 200
Кингелек А. В. — 558, 614
Кипич, см. Кепич
Киреевский И. В. — 392, 403, 405–406, 418, 590, 611, 614
Киреевский П. В. — 403, 405–407, 590–591, 620, 624
Кирилл (Константин) св. — 468–469
Киршбаум Г. — 580, 614
Китаев В. А. — 590, 614
Киселев В. — 553, 614
Киселев П. Д. — 205–206, 493, 586
Климаков Ю. В. — 592, 608
Климент Охридский — 468
Княжевич Д. М. — 317–318, 334
Княжевич И. — 306
Княжеский З. — 509, 618
Ковалевский Е. П. — 285–287, 305, 316, 578–580, 608, 614
Когари Ф.-И. (Кохари Ф.-Й.) — 172
Кожин И. И. — 549
Кожухарова М. Н. — 114, 622
Козлов В. П. — 154, 554, 615
Козлов С. А. — 550, 615
Козьменко И. В. — 416–418, 451, 460–461, 610, 615
Кокотович Ф., см. Вукович
Колесницкая И. М. — 341, 615
Коллар Я. — 155, 165, 410, 484, 622
Коловрат-Либштейнский К. А. — 282
Коломинов В. В. — 554, 615
Комидас — 261
Кондаурова Л. П. — 391
Конрадов Н. — 550, 624
Константин Острожский — 47
Константин Павлович, вел. кн. — 136, 246, 411, 429, 481

Коншина Е. Н. — 403, 406, 615
Копитар Е. — 155, 168
Корнилий о. — 476
Корнилова А. В. — 545, 615
Костич Д. — 382
Костич Дж. С. — 205, 446, 607, 617
Костич М. — 8, 615
Костюшко И. И. — 5, 612
Костюшко Т. — 93
Костяшов Ю. В. — 19, 243, 615
Котельников В. — 590, 614
Кохари Ф.-Й., см. Когари Ф.-И.
Коцебу П. Е. — 188, 205–206, 607
Кочеткова Н. Д. — 556, 615
Кочубинский А. А. — 3, 155, 615
Кошелев В. А. — 535, 594, 615
Краевский А. А. — 563
Крамер — 261
Краснокутский А. Г. — 114–115, 117
Краснокутский С. Г. — 114
Красных В. В. — 527, 615
Красовский А. И. — 518
Крейц Ц. А. — 187
Крестич — 171
Крестич В. — 212, 615
Кривцов П. И. — 194
Кривцов С. И. — 194
Кролцон — 171
Кудзеевич Л. В. — 138, 615
Кудрявцева Е. П. — 434, 450, 497, 575, 615
Кузнецкая О. Б. — 334, 615
Кузнецова Т. В. — 554, 615
Кукулин И. В. — 604, 627
Кулакова И. П. — 66, 615
Купельвизер — 180
Куприли Фазыл Мустафа-паша, см. Кёпрюлюзаде
Куприянов П. С. — 49, 519–520, 531, 546, 548, 550, 609, 615–616
Курганов Н. Г. — 474
Курелац Ф. — 393
Курочкин Ю. М. — 586, 616
Курцбек Й. — 171
Кусанджали-Халил — 15–16
Куторга М. С. — 334, 339
Кутузов М. И. — 129–130, 134, 140
Кюхельбекер В. К. — 154
Лавров — 88, 96–97, 150
Лаго — 502
Лазари де А. — 554, 616
Лазарь Хребелянович кн. — 23–24, 246, 327, 358, 360, 414, 455–456
Лакофф Дж. — 518, 616
Ламберт К. О. — 54
Ланжерон А. Ф. — 75, 616
Ланской Л. — 390, 609
Лаптева Л. П. — 403–404, 406, 483, 541, 589, 613, 616
Ларионова Е. О. — 599, 616
Лашкарев С. Л. — 76
Левинас Э. — 529
Леви-Стросс К. — 524
Левшин В. А. — 9
Легатович, см. Лиготович — 126
Лейбниц Г. В. — 563
Лел(л)и — 501
Леман-Карли Г. — 7, 616
Леонтий Ламбрович митр. — 16, 83
Леонтович О. А. — 526–527, 616
Леонтьев К. Н. — 507, 616
Леопольд I имп. — 161
Лепехин И. И. — 553
Лескинен М. В. — 317, 534, 537, 554, 587, 616
Лешевич В. — 381
Лещиловская И. И. — 75, 167, 397, 555, 616
Либерий папа — 175
Ливен В. К. — 449–450, 460
Лиготович (Легатович) — 97, 125, 126
Лилиенберг В. А. — 273
Лиман — 502
Линцер С. Д. — 537, 606
Липпман У. — 520, 616
Липранди И. П. — 491–493, 571–572, 581–588, 613, 616–617, 623, 625, 627

Липский (Липцкий) Я. — 158
Лобанов-Ростовцев А. Б. — 507
Логвинов М.И. — 529
Ломоносов М.В. — 541, 607
Лористон А.Я. — 62, 295
Лотич Д. — 457, 459
Лотман Л.М. — 542, 617
Лотман Ю.М. — 7, 18–19, 539, 542, 544, 549, 551, 560, 617
Лубяновский Ф.П. — 553
Лука Болгарский св. — 476
Лукачевич И. — 40
Лукич А. — 75
Лукман Т. — 524–525, 607
Лупанова И.П. — 541, 617
Луппол И.П. — 7, 620
Лурье Ф.М. — 272, 617
Любимов Н.И. — 508
Люшич Р. — 426, 444, 617
Мавроурбин, см. Орбини М.
Магницкий М.Л. — 556
Маевский С.Н. — 518
Мажуранич А. — 318
Мазур Н.Н. — 543, 617
Мазуревский А.О. — 26
Майерхофер (Мейергофер) Ф. — 432, 446
Майков А.Н. — 552
Майофис М.Л. — 544, 547, 556, 617
Макаров М.Л. — 525, 617
Македонские — 583
Макулевич Н. — 446, 617
Макферсон Д. — 249
Маликова М.Э. — 599, 616
Мамонтов Э.А. — 537
Манн Ю.В. — 317, 390, 617
Манойлов И. — 567
Марашли-Али –паша — 209, 211
Маринкович Д. — 486–487, 617
Маринович Й. — 451
Маричевич П.П. — 335, 420
Мария-Терезия имп. — 8, 167, 242
Марков Д.Ф. — 541, 623
Маркович И. — 145
Маркович Сима (Симон) — 86, 122, 145, 546
Марко-Королевич (Крал(и)евич, Марко Мрнявчевич) — 72, 386, 472, 479
Мароши В.В. — 577, 617
Мартос И.П. — 553
Мартынов В.А. — 591, 597, 617
Марьянович (Марианович) С. — 351, 362
Маслов А.Н. — 518, 607
Маснер — 81
Махлаюк А.В. — 518, 607
Махмуд II султан — 493–494
Махмуд-паша Бушатлия (Кара-Махмут (Махмуд)) — 289, 371–373, 388
Мацеёвский В. — 483
Медведева О.В. — 352, 575, 618
Медовичева Т.А. — 433, 618
Мейендорф К.И. — 76
Мейергофер Ф., см. Майерхофер
Мелетий митр. — 465, 477
Мелетий Антиохийский — 467
Мелихова Л.С. — 404
Мельник Г.С. — 520, 618
Мельников Г.М. — 518
Мельчакова К.В. — 572, 618, 637
Менд — 568
Меншиков А.С. — 513
Метлинский А.Л. — 362
Меттерних К. — 459
Мефодий митр. — 16
Мефодий св. — 463, 466, 468–469
Мехмед-Мулла — 357
Мехмед-Спахия — 381
Мийович — 336
Микеланджело Буонаротте — 287
Милакович Д. — 275, 458
Милица кн. — 358
Миллер А.И. — 528, 554–555, 618, 627
Миллер А.Ф. — 114, 618
Милованович М. — 78, 95, 106, 121, 132, 134, 148, 496, 546

Миловидов Б.П. — 139, 618
Милодрагович С. — 355, 362
Милорадович М. — 40
Милорадович М.А. — 75, 93, 95
Милутинович-Сарайлия С. — 370
Милюгина Е.Г. — 550, 618
Минин К. — 553
Минкова Л. — 509, 618
Мирабо О.Г. — 326
Миттерпахер Л. — 156
Михаил хан, см. Борис
Михайлов А.А. — 594, 618
Михайлов В.А. — 618
Михайлович — 181
Михайловский-Данилевский А.И. — 440
Михед П.В. — 410
Михельсон В.А. — 549, 618
Михельсон И.И. — 74–77, 85, 93, 96
Мицкевич А. — 599, 622
Модзалевский Б.Л. — 597, 618
Модзалевский Л.Б. — 155, 618
Моисеева Г.Н. — 541, 618
Мойер Е.И., см. Елагина
Молнар И.И. — 562
Момирович (Момиров) И. — 135
Момчилович Б. — 558, 614
Мон(с) — 177, 180
Морачевский — 122
Мордвинов А.Н. — 272, 576
Морозов П.С. — 501, 618
Московичи С. — 524–526, 613, 625
Мразович С.И. — 49
Мулла-паша — 95, 142
Мурад (Амурат) I султ. — 23, 265, 302
Мурад (Амурат) II султ. — 266
Муселим-паша — 381
Мусин-Пушкин М.Н. — 462
Мусин-Пушкин П.К. — 56, 61
Мусихин Г.И. — 524, 618
Мустаков Д.И. — 426
Мустаковы Н., К. и Х. — 475, 479
Мустафа-паша Байрактар — 114, 117, 200, 618
Мустафа Решид-паша — 252
Мустафа IV султан — 114
Мустафичева В. — 202, 618
Мухин Н. — 261
Мушицкий Г. — 139
Мушицкий Л. — 7, 139, 141, 168–169, 171, 174, 549, 558
Мыльников А.С. — 571, 618
Мырикова А.В. — 594, 605
Мюллер Й.П. — 390
Мягков Г.П. — 462, 608
Надеждин Н.И. — 317–319, 334, 354, 581, 611, 614, 617, 619, 621
Найт Н. — 317, 619
Наполеон I имп. — 368, 433, 443, 542, 605
Нарочницкий А.Л. — 40, 621
Нарышкин А.Л. — 154
Наум Охридский — 468
Наумов Е.П. — 155, 494, 608
Недашковская Н.И. — 462, 619
Недоба Ф.И. — 77, 118–120, 122–123, 125–127, 130–131, 133–136, 139–141, 497
Ненадович М. — 16, 82, 85, 119, 609, 612
Ненадович П. — 414
Ненадович Персида, см. Карагеоргиевич княгиня — 414, 432–433
Ненадович Я. — 82, 89, 133–134, 145, 148, 414, 546
Ненашева З.С. — 484, 619
Ненович В. — 568
Неофит митр. — 480
Неофит Рильский о. — 258–260, 474–475, 477, 479–480
Нессельроде К.В. — 119, 285, 423, 484, 575, 627
Нестор летописец — 9, 173, 474
Нечаева В.С. — 564, 619
Никитенко А.В. — 416, 600, 613, 619
Никитин С.А. — 507, 594–595, 619

Никифоров К.В. — 362, 484, 575, 619
Николаевич К. — 442–443, 451
Николаевич Н. — 179
Николай I имп. — 279, 285, 292, 343, 357–358, 361, 365, 371, 419, 423, 447, 450, 507, 545, 594, 598
Николич А. — 448
Никшич М. — 129
Никулина М.В. — 154, 163, 251, 541, 543, 556, 558, 562, 619, 626
Нифонтов А.С. — 594, 619
Новакович С., историк — 75, 619
Новакович С., издатель — 166, 171
Новакович-Чардаклия (Чердаклия, Чардоклия) П. — 87, 90, 244
Новиков Н.И. — 8, 541
Новикова М.В. — 390
Новокрещенов Б. (Угринчич-Требиньский И. Ф.) — 96–97, 150
Нойманн И. — 529, 619
Норимацу К. — 577, 620
Ноэль-Нойман Э. — 520, 620
Обилич М. — 246, 302, 360
Обрадович Д. — 75, 90, 121, 244
Обренович Анка — 354
Обренович Ефрем — 352, 398
Обренович Любица кн. — 354
Обренович Милан — 126, 354
Обренович Милан кн. — 354, 437
Обренович Милош кн. — 178, 205, 207, 209, 211–212, 229, 234, 270, 352, 354, 362, 426, 428, 431–432, 434–435, 444, 448, 452, 454, 459, 486, 494, 497–498, 575
Обренович Михаил кн. — 352, 354, 413, 432, 434, 495
Овидий Назон П. — 191
Одесский М.П. — 535–536, 614–615
Одоевский А.И. — 591
Озерецковский Н.Я. — 272
Озерецковский Я.Н. — 272–273, 275, 277, 279, 281, 283–285, 289–290, 576–579, 608
Оленин А.Н. — 553, 625
Орбини М. (Мавроурбин) — 501
Оржеховский И.В. — 272, 620
Орешкович Ф. — 281, 344
Орлов А.Ф. — 188, 190, 193
Орлов В.Г. — 261
Орлов В.Н. — 563, 620
Орлов М.Ф. — 582
Орлович (Орлов) С. — 131
Орурк И.К. — 137, 140, 151
Осман-ага — 473, 502
Осман-паша — 278
Осповат А.Л. — 7, 620
Остен-Сакен Ф. В. — 172
Отрепьев Г. — 203
Павел I имп. — 18, 61, 550
Павич д-р — 346
Павленко Н.И. — 483, 620
Павленко О.В. — 404, 531–532, 534, 537, 620
Павлович М. митр. — 246
Павлович Т. — 411
Павлович (Дупничанин) Х. — 481
Пазванд-оглу (Пекливан Оглу) — 15, 202, 499
Панин Э.А. — 532, 586, 612
Палаузов Н.С. — 260
Палацкий Ф. — 483
Панаев И.И. — 564, 599, 620
Панафидин П.И. — 518
Пангалос Н. — 75, 626
Панин В.Н. — 586
Панов В.А. — 363, 390–392, 395, 398–400, 402, 417, 581, 591–592, 596–597, 600, 604, 620
Панова М.А. — 363, 592, 609
Панта, секретарь Карагеоргия — 129, 131
Пантазеев К. — 86
Парилова Г.П. — 406, 620
Паскевич И.Ф. — 492, 585
Патрицио Д. — 175
Паукер Ф.А. — 188

Паулуччи Ф.О. — 77
Пахомий о. (Петрович П.) — 24
Пекливан Оглу, см. Пазванд-оглу
Пенчевич — 159
Перикл — 310
Перович Р. – 46, 77, 118, 609, 620–621
Перовский Л.А. — 492
Песков А.М. — 591, 620
Песчаный Д.Г. — 251, 509, 620
Петек, капеллан — 345–346
Петр I (Петр Великий) имп. — 24, 40, 218, 272, 293, 429, 477, 501, 512, 540, 585, 626
Петров А.Н. — 138, 620
Петров Ф.А. — 403, 410, 483, 620
Петрович Велько (Гайдук Велько) — 494, 496, 506
Петрович Г. — 21, 24
Петрович Милое — 86, 89, 92
Петрович Мил(ь)ко — 496–497, 505
Петрович Радич — 503
Петрович С. — 423, 442, 448–453, 487
Петрович Т. — 8, 536, 620
Петрович-Негош Василий митр. — 40, 517, 612
Петрович-Негош Георгий (Егор) Савич — 281, 290
Петрович-Негош Даниил митр. — 40, 277, 293, 517, 612
Петрович-Негош Лазарь — 368–369
Петрович-Негош Савва митр. — 40, 517, 612
Петрович Перо Томов — 279
Петрович-Негош Петр I митр. — 26–27, 40, 46–47, 50, 55–57, 61–63, 67, 131, 275, 281, 287, 291, 293, 370, 542, 578
Петрович-Негош Петр II митр. — 272, 276, 278–279, 281, 283–285, 364, 408, 436, 576–579, 602, 620
Петровский Н.М. — 362, 462, 620
Петрон(и)евич А. — 399, 414–415, 427–430, 432–435, 440, 442, 444–446, 451–452, 454, 459, 485, 617, 621
Печерин В.С. — 416, 620, 623
Пешаков Г. — 258, 260
Пиллер М. — 156
Пилсах — 85
Пирожкова Т.Ф. — 391–392, 406, 417–418, 452, 538, 591, 604–605, 620
Пирх О.Д. — 450
Пламенац Джюро — 324–325, 328, 330–332, 385
Пламенац Йоко — 326
Пламенац Марко — 326–327, 328–333
Платон (Левшин П.Г.) митр. — 9, 11, 13, 477
Платонов О.А. — 562, 592, 608
Плисс А.А. — 577, 621
Плотникова А.А. — 216, 621
Погодин М.П. — 251, 253, 255, 391–392, 394, 399, 403, 410, 424, 430, 483–485, 487, 490, 562, 565–566, 568, 590–591, 595, 597–598, 612, 620–621, 625
Полетаев А.В. — 524, 623
Полонский Я.П. — 577, 622
Помяловский И.В. — 595
Попков В.Д. — 527, 610
Попов А.Н. — 306, 363, 365–367, 369, 371–373, 375, 377, 379, 380–381, 383–385, 387–389, 395–396, 403–404, 430, 460, 581, 590, 592–594, 596, 599, 602–603, 613, 620–621
Попов М.И. — 541
Попов Н.А. — 77, 81, 433, 484–485, 607
Попов С.И. — 440–441, 443–444, 452, 460
Попова В.Н. — 363
Попова Е.И. — 392, 610
Попович Г. — 135
Попович М. — 487
Попович П. — 127, 621
Попович Р.Й. — 6, 399, 413, 428–429, 435, 621
Порфирий (Успенский К.А.) о. — 393
Порфирьев С.И. — 463, 613
Потепалов С.Г. — 154–155, 483, 621

Потемкин Г. А. — 40
Предвечный Г. П. — 521, 624
Прейс П. И. — 318, 334–335, 340, 345, 362, 615
Прийма Ф. Я. — 317, 621
Проб Марк Аврелий имп. — 169
Прозоровский А. А. — 54, 82, 84, 86, 91, 94–95, 104, 118, 547
Прокопович Ф. — 477
Протич Г. — 398
Протич Й. — 85, 119
Пророкович И. — 62
Прохорова А. — 419, 621
Птуха М. В. — 206, 621
Пустарников В. Ф. — 590, 625
Путник И. — 22
Путник М. — 173
Пучков С. Ю. — 517–518, 540
Пушкин А. С. — 225, 255, 491, 552, 564, 583, 586, 597, 606–607, 609, 617–618, 623, 625–627
Пыпин А. Н. — 553–554, 621
Радич — 171
Радичевич С. — 354
Радович-Княжевич И. — 306
Радойчич Н. — 174, 621
Радонич В. — 41, 47
Радонич Й. — 41
Радонич М. — 123, 145
Радосавкич П. — 212
Радосавлевич Н. — 16, 121, 621
Радукан — 124
Радусинович М. П. — 66, 621
Раев М. — 540, 621
Раевский М. Ф. о. — 393, 417, 484, 619, 627
Разумовский А. К. — 15–16, 26
Раич Й. — 12, 166, 174, 427, 450, 555
Раич С. Е. — 483, 501
Райович Ц. — 362
Раковац Д. — 345
Ранке Л. фон — 390, 450
Распопович Р. — 26, 28, 40, 47, 621
Расти боярин — 80–81
Растович А. — 490, 621
Раячич И. митр., патр. — 398, 427
Реджеп-ага (Реджеб-Ага, Реджеп-паша) — 79, 135, 243
Редкин Н. Г. — 391
Резвых П. В. — 403, 622
Рейблат А. И. — 6, 65, 154, 562, 622
Рейсер С. А. — 407, 606
Реннер А. — 537, 622
Репина Л. П. — 519–520, 622
Репнин Н. В. — 14
Рибопьер А. И. — 192
Ригельман А. И. — 410
Ригельман Н. А. — 410–411, 413–415, 428, 449, 486, 489, 590, 600, 603, 622
Ристич-Плякич (Плакич) А. — 494, 506
Ристо, курьер Карагеоргия — 129
Риттер К. — 390, 403, 596
Роболи Т. — 549, 622
Ровда К. И. — 597, 622
Ровнякова Л. И. — 538, 590, 622
Рогачевский А. П. — 571
Рогов К. Ю. — 483, 622
Родофиникин К. К. — 74–78, 81, 85–86, 88–92, 94–97, 103, 118–119, 150, 227, 545–547, 619
Розел(л)ион-Сашальский (Розалион Сошальский) А. Г. — 31, 181, 205–206, 377, 455, 464, 573–575, 585
Розин Н. П. — 390, 404
Рокина Г. В. — 410, 484, 534, 622
Романенко А. П. — 540, 622
Романенко С. М. — 577, 622
Рославский-Петровский А. П. — 362
Россет А. О. — 405
Россини Д. — 166
Ростовцев Я. И. — 585
Рот Л. О. — 191
Рохлиц — 177
Рош Д. — 549, 622
Рудас-Гродзка М. — 599, 622
Рудницкая Е. Л. — 7, 208, 597, 622

Румия К. — 173
Румянцев Н. П. — 98, 129, 150, 155, 615
Руссо Ж.-Ж. — 153, 546, 568, 595
Сабанеев И. В. — 582
Сабуров А. А. — 7
Савва св. — 469
Савельева И. М. — 524, 623
Савинич И. — 483
Савич В. Б. — 281, 290
Савичев Д. — 382
Садиков П. А. — 582, 623
Садохин А. П. — 527, 610
Саид Э. В. — 528, 623
Салагир-Кучук-Ахмед-паша — 494
Самарджич Р. — 16, 82, 119, 609, 612
Самарин Ю. Ф. — 410, 419, 436, 589, 620
Самуил патриарх — 243
Санд Жорж — 595
Сарториус Г. — 7
Сафронов Г. И. — 155, 256, 610
Сахаров И. П. — 474
Сахарова Л. Г. — 609
Светич М., см. Хаджич Й.
Свербеева Е. А. — 590, 592
Свиньин П. П. — 65–68, 73, 518, 552, 615, 622–623
Селим III султан — 117, 228
Селян Д. — 412
Семендяева О. Ю. — 520, 623
Семенова Л. Е. — 75, 80, 623
Сенковский О. И. — 538
Сенявин Д. Н. — 55–58, 62–63, 71, 610, 627
Сепир Э. — 526
Серафим о. — 471
Серафим о. эпитроп — 473
Сергеев А. В. — 462, 623
Серман И. З. — 544, 623
Серягин С. Н. — 391, 417, 623
Сигенфельд, см. Зигенталь Г.
Сидор, слуга Ю. И. Венелина — 568
Сидорова М. В. — 491, 613
Силкин А. А. — 4, 6, 622
Симеон царь — 131
Симич С. — 435, 485
Симонова И. А. — 416, 419–420, 623
Синобад — 336
Сиповский В. В. — 549, 623
Сичан-Николов Х. К. — 479
Слезкин Ю. — 558, 624
Слиепчевич Дж. — 435, 624
Смилянская Е. Б. — 518, 624
Смилянская И. М. — 518, 624
Смирнов С. В. — 154, 334, 624
Смирнова З. В. — 590
Смит Д. — 539, 550, 624
Соймонов А. Д. — 406, 620, 624
Соколова В. Ф. — 588, 624
Соколович Б. — 371
Солдатова Г. Н. — 521, 624
Соловьев С. М. — 404, 518, 626
Сопленков С. В. — 528, 624
Софронова Л. А. — 599, 624
Спасич М. — 441, 444–446, 451, 456
Сперанский М. М. — 543–544
Спиро, проводник Попова — 377, 389
Срезневская Е. И. — 341
Срезневский В. И. — 341, 589, 624
Срезневский И. И. — 318, 334–335, 338–339, 341–343, 345, 346–347, 349, 351–353, 355, 357, 359, 360–362, 398, 418, 425, 437, 439, 448, 561, 589, 601, 611, 615, 620–621, 624
Станиславская А. М. — 26, 54, 75, 118, 543, 624
Станишич П. — 453
Станкевич Н. В. — 403
Станкович С. — 350
Старчевский А. — 74, 624
Стеич Й. — 442, 444
Стенник Ю. В. — 7, 18, 66, 541, 543, 590, 594, 613, 615–616, 624
Степан Малый — 26, 72, 351, 565
Стерн Л. — 98
Стефан иеромонах — 455

Стефан Лазаревич деспот — 21, 246, 360, 456
Стефан Неманя великий жупан — 245
Стефан Первовенчанный король — 309
Стефан I Черноевич — 384
Стефан, сын Вукана II Неманича — 309
Стефан Урош I Великий король — 309, 310–311, 348
Стефан Урош II Милутин — 472
Стефан Урош III Дечанский король — 246
Стефан Урош IV Душан (Сильный) король — 234, 246, 468, 472
Стефан Щилянович св. — 348
Стефаненко Т.Г. — 520, 522, 524, 530, 611, 624
Стефко М.С. — 550, 624
Стойкович А. — 168
Стойкович М. — 16, 79–80, 82, 89, 93, 96–97, 100–102, 111, 120, 122–124, 126, 129, 133, 138, 148–149, 184, 495, 546, 550
Стоянович И. — 460
Стоянчевич В. — 212, 624
Странякович Д. — 428, 487, 617, 624
Стратилат Ф. св. — 22
Стратимирович С. митр. — 8, 169–170, 173–174, 557
Строганов М.В. — 550, 618
Строганов С.Г. — 404, 593
Струве Г.Г. — 408
Струдза И. — 501
Стулли И. — 161
Ступин Н.Д. — 507, 509, 580–581
Суботич Й. — 411
Суворов А.В. — 54–55, 116
Суворовы — 194
Сулейман-паша — 109
Сулейман-паша (Солиман-паша) Скопляк — 176, 207, 209
Таки В. — 528, 624
Тал(ь)ви (Якоб(и)) Т. — 249
Тарасов Е. — 7, 624
Тарасов М. — 56, 518
Тарле Е.В. — 56, 62, 625
Тартаковский А.Г. — 19, 54, 586, 609, 625
Татищев В.Н. — 541
Татищев Д.П. — 272–273, 281, 576
Таубе Ф.В. — 19, 156
Тегели-Диван-Ефенди — 502
Телеки — 156
Телицын В.Л. — 491, 625
Терентьев И. — 116
Тесемников В.А. — 4
Тённис Ф. — 518
Тимофеев А.Ю. — 6
Тироль Д. — 352, 362
Тирон Ф. св. — 22
Титарев В.Ф. — 153
Титов В.П. — 429, 452
Тихонова Е.Ю. — 452, 625
Тодд III У.М. — 544, 625
Тодоров Ц. — 529
Тодорович Л. — 179
Тодорович П. и С., см. Добринац
Токарев С.А. — 317, 625
Толочко А. — 553, 625
Толстой Н.И. — 216, 621, 623
Томанович «Чайка» Н. — 386
Топалович М. — 348
Тормасов А.П. — 54, 172
Торнау Ф.Ф. — 98
Трофим, денщик К.К. Зейдлица — 190
Трубачев О.Н. — 216, 625
Трубицын Н. — 541, 553–554, 625
Троян имп. — 481
Тулаев П.В. — 562, 608
Тунманн И.Э. — 256
Тургенев Ал. И. — 7–15, 17–18, 24–25, 83, 153, 174, 450, 477, 501, 547–548, 609–610, 616, 620–622
Тургенев Ан. И. — 7, 18
Тургенев И.П. — 15

Тургенев Н.И. — 7–8, 15, 610
Тургенев С.И. — 7, 15, 610
Тургенева Е.С. — 15
Тучков Н.А. — 141
Тынянов Ю.Н. — 543, 625
Тэджфил Г. — 523
Тэста — 192
Тютчев Ф.И. — 591, 608
Тютчева А.Ф., см. Аксакова
Уваров С.С. — 77, 484, 593, 607, 621, 627
Угринчич-Требиньский И. Ф., см. Новокрещенов Б.
Уманов-Каплуновский В. — 154, 625
Умбрашко К.Б. — 483, 625
Уорф Б.Л. — 526
Урби П.Я. — 58, 63
Успенский Б.А. — 539, 544, 549, 617, 625
Устинов М.М. — 511
Уффельман Д. — 604, 627
Ушаков Ф.Ф. — 55
Файбисович В.М. — 553, 625
Файнштейн М.Ш. — 554, 615, 62
Фарр Р. — 526, 625
Фатеев В.А. — 592, 623
Федосов И.А. — 540, 553, 625
Фекеле — 161
Фелленберг Ф.Э. — 194
Фенелон Ф. — 129
Феодосий о. — 473
Фергич о. — 346
Фердинанд I имп. — 432
Ферроне В. — 549, 622
Фёдоров А.Т. — 487
Фёдоров Д. — 122
Фёдоров И. — 470, 575
Фиалка М. — 394
Филатова Н.М. — 554, 616
Филарет (Дроздов В.М.) митр. — 488
Филипович С. — 122, 133
Филиппович Т., см. Груйович Б.
Фильд Д. — 160
Фиоровенти (Фиорованни) — 423
Фитингоф-Шель Б.И. — 163
Фогель Г. — 165
Фокеев А.Л. — 588, 625
Фонбланк Т.Г. — 490
Фонтон А.А. — 194
Фонтон К.К. — 26
Фонтон П.А. — 194
Фонтон Ф.П. — 194–197, 199, 201, 203–204, 238, 625
Франикич — 163
Франц I Стефан имп. — 167
Франц II имп. — 9, 174
Франц Карл эрцгерцог — 396, 400
Францев В.А. — 155, 318, 341, 404, 620, 625
Фрейденберг М.М. — 56, 625
Фрейдзон В.И. — 555, 625
Френ Р.Х. — 261
Френ Х.Д. — 261
Фролов Н.Г. — 599
Фролова М.М. — 5, 626
Фруско М.А. — 284
Фрушич Д. — 168
Фуко М. — 527–529
Фурсова Е.Б. — 594, 605
Хаджи-Мелентий Стефанович — 82, 121, 133–134
Хаджи Мустафа-паша — 16, 228
Хаджич (Гаджич) Й. (Светич М.) — 139, 141–142, 350, 430, 437–438, 441, 447–450, 452, 487
Хаджич (Гаджич) Н. — 348
Хадзопулос К. — 75, 626
Хартанович М.В. — 272, 626
Хассан-ага — 109
Хафиз-паша — 264
Хевролина В.М. — 538, 626
Хитрова Н.И. — 26, 48, 285, 626
Хомяков А.С. — 422, 590, 592, 594, 611, 626
Хорев В.А. — 599, 622
Христофоров И.А. — 553, 626

Хуршид-паша — 209
Цамутали А.Н. — 600, 626
Цейтлин А.Г. — 580, 626
Цейтлин Р.М. — 154, 163, 556, 558, 626
Цигенгайст Г. — 390
Цимбаев Н.И. — 404, 544, 589–590, 594, 626
Цукато Е.Г. — 77, 119, 136–137
Чаадаев П.Я. — 588
Чамил-паша — 353
Чаплович Я. — 156–157, 161, 170
Чарапич А. — 212
Чарапич В. — 212
Чарапич Г. — 212
Чарапич М. — 212
Чарторыйский А.А. — 27, 43
Чевкин А.В. — 327, 342, 408
Чеканова Г.П. — 155, 494, 608
Чекличи — 321
Червинка (Червенка) И. — 129, 176
Черейский Л.А. — 120, 626
Чернов С.Л. — 416, 620
Черноевич-Давидович (Чиркович Н.) — 61
Чернышевский Н.Г. — 538, 597, 622, 626
Чиглинцев Е.А. — 462, 608
Чижов Ф.В. — 287, 335, 363, 405, 410, 416–420, 424, 427, 434, 436, 450–452, 455, 590, 598–603, 619, 621, 623, 626
Чиркович Н., см. Черноевич-Давидович
Чиркович С.М. — 159, 626
Чикко Й.К. — 177
Чичагов П.В. — 54–55, 58, 140, 614
Чубрилович В. — 5, 26, 28, 80, 140, 606, 612, 614, 626
Чудинов А.В. — 550, 627
Чудинов А.П. — 608
Чулков М.Д. — 541
Чупич Д. — 169
Чуркина И.В. — 417–418, 594, 627
Шамс Ф. — 166, 170–171
Шанц — 175
Шапиро А.П. — 56–58, 627
Шафарик П.Й. — 155, 165, 172, 283, 334, 351, 390, 392, 395, 404, 410, 483–484, 538, 563, 620
Шафарик Я. — 351, 425–428, 430–433, 438, 447, 459–460, 486
Швабе Н.К. — 419, 627
Швартнер М. — 159
Шварценберг К.Ф. — 172
Шебунин А.Н. — 7–8
Шевченко М.М. — 484, 627
Шевырев С.П. — 399, 483, 565, 591, 597
Шеллинг Ф.В.Й. — 153, 317, 363, 390, 403–404, 483, 590, 622
Шелохаев В.В. — 7, 622
Шемякин А.Л. — 2, 4, 11, 622
Шенк Ф.Б. — 528, 627
Шерковин Ю.А. — 521, 624
Шестаков В.П. — 550, 613
Шёнле А. — 550, 627
Шиллер Ф. — 18, 153
Шиповы — 419
Ширле И. — 554, 627
Ширинянц А.А. — 594, 605
Шихирев П.Н. — 520, 523–524, 627
Шишков А.С. — 155, 251, 615
Шлёцер А.Л. — 7, 616
Штерер — 141
Штраус И. — 315
Штур Л. — 410–411, 417, 485
Шуберт Ф.Ф. — 582
Шуваловы — 194
Шуйский Василий, царь — 563
Шумихин С.В. — 54, 56–57, 59, 627
Эверс И.Ф.Г. — 173
Эйдельман Н.Я. — 539, 571, 577, 587–588, 627
Энгель И.Х. — 450
Эппингер Ф.И. — 417, 599
Эссен О.Г. — 17, 206
Эткинд А.М. — 604, 627
Югович Богдан — 327

Югович И. — 96, 118, 120–121, 127–128, 133, 136, 138, 145, 547
Юнгман Й. — 155
Юратович — 161
Юратович Г. — 161–162, 557
Юришич Я. — 72
Ягич В. — 7, 9, 174, 549, 627
Языков Д.Д. — 571, 627
Языков Н.М. — 363, 405, 416–417, 599–600, 619
Якимова Е.В. — 523–524, 627
Якоб(и) Л.Г. — 249
Якоб(и) Т., см. Тал(ь)ви
Яковенко И.П. — 568
Якушкин П.И. — 597, 606
Ямпольский И. — 564, 620
Янкович А. — 449, 452
Янкович Д. — 89, 96, 613
Янкович К. — 382
Янкович М. — 382
Янкович «Бача» П. — 428, 445, 457
Янкович-Мириевский Т. — 167, 616
Янковский Ю.З. — 588, 590, 627
Яноушек Я. — 521, 605
Bystrsonovski Sž. — 450, 627
Cooper D.L. — 543, 627
Ebbinghaus A. — 554, 628
Foretić V. — 58, 628
Hobsbawm E.J. — 82, 628
Janković D. — 89, 628
Layton S. — 577, 628
Matula V. — 417, 628
Meyer H. — 533, 609
Milojkovic-Djuric E. — 537, 628
Moroz-Grzelak L. — 534, 616
Petrović A. — 82, 628
Pratt M.L. — 557, 628
Rabow-Edling S. — 589, 628
Ređep J. — 174, 628
Smith A.D. — 547, 628
Thirgen P. — 554, 628
Todorova M. — 529, 628

Указатель географических названий

Аахен — 556
Або — 587
Авала гора — 212, 350, 490
Австрия (Габсбургская монархия, Австрийская империя) — 8–9, 20–21, 23, 27, 28, 31, 44, 55, 83, 85–86, 93–95, 102, 110, 124, 131, 143, 149–151, 154–155, 158, 172, 177, 180–181, 207, 211–212, 217–218, 222–223, 225, 227, 230–231, 233, 236–239, 242–243, 250, 279–281, 283, 285, 326–327, 336, 342, 350, 365, 392, 394–395, 397–398, 408, 412, 415, 426, 429, 438, 441, 443, 455, 459–461, 484, 494, 497–499, 501, 512, 524, 577, 589, 596–597, 615, 620
Австрийская Албания — 44, 273, 313–314, 318, 373
Австрийская империя, *см.* Австрия
Аграм (Agram), *см.* Загреб
Ада-Кале (Новая Орсова (Оршова, Оршава)) — 79, 84, 124, 142–143, 243, 327
Адрианополь (Эдирне) — 5, 117, 186–188, 191–192, 201, 203, 230, 247, 261, 264–266, 270, 493, 499, 502, 506–507, 509, 512, 514, 626
Адриатическое побережье Балканского полуострова, *см.* Далмация
Азия (Восток) — 196, 261, 264–265, 268, 271, 285, 293, 315, 424, 470, 512, 527–529, 550, 558-559, 573–575, 579, 597, 605, 610, 619, 623–624
Айдос (Айтос) — 195
Акбаик, *см.* Габарево с.
Аккерман — 211, 501
Албания — 29, 54, 61, 64, 140, 143–144, 206, 217, 222–223, 229, 231, 278–280, 282–283, 305, 307, 323, 326, 372–373, 379, 386, 406, 412, 467, 470, 492, 498, 505, 583, 586
Алексинац — 358–359, 503
Алжир — 450
Альпы — 143, 319, 393
Америка (США) — 65, 546, 613, 622
Анатолия (Малая Азия) — 470
Англия — 18, 65, 154, 196, 256, 259, 282, 312, 434, 446, 452, 512, 529, 542, 587, 612
Анкон — 170
Антивари (Антиварский округ), *см.* Бар
Апеннинский полуостров, *см.* Италия
Аравийский полуостров — 176
Арадский комитат — 157
Арда р. — 187, 206, 265
Арденнский деп. — 491
Архангельск — 267
Архипелаг, *см.* Ионическая республика
Архипелажское, *см.* Эгейское море
Астрахань — 10
Аустерлиц (Славков) — 26, 55, 74
Афон (Афонская Святая гора) — 116, 170, 334, 462, 471, 474–475, 477
Африка — 176, 315
Бабадаг — 253
Бабаэски (Бабескан, Эскибаба) — 117, 188
Базарджик, *см.* Пазарджик
Баицы — 371
Балатон оз. — 167
Бале (Валле, Valé) — 335, 422
Балканы (Балканские горы, полуостров) — 2, 4–5, 11, 16, 40–41, 49, 55, 61, 75, 77, 115–116, 134, 140, 179, 186, 193, 195–197, 201, 214, 230, 251–253, 267–268, 272, 285, 311, 352, 369, 390, 417, 434, 450, 478–480, 490–491, 493, 507, 510–511, 513, 516–517, 527, 530, 536, 539–540, 542–543, 545, 565, 572–573, 575, 585–586, 588, 596–597, 603, 605–607, 609–610, 612–614, 618–619, 626–627

Балевиче, *см.* Болевичи племя
Балован (?) — 269
Банат — 94, 121, 157, 183, 231, 350, 499
Банатска-Паланка, *см.* Уй-Паланка
Банска-Бистрица (Быстрица) — 415
Баня с. — 139, 144, 229, 358–359, 474
Баня р. — 229
Баняне племя — 28, 44
Бар (Антивари, Антиварский округ) — 29, 294, 373
Барани, *см.* Боранье гора
Баранья (Бараньевский комитат) — 157, 167
Барбан (Barbano) — 335
Барешани мон. — 466
Барешская жупания — 175
Батак — 474
Бачка (Бачкий, Бачский комитат) — 21, 351
Бачко Ново Село — 165
Бациашский мон. — 183
Бела Паланка (Паланга) — 268
Белград (Белградская нахия) — 7, 9, 13, 15–16, 22, 25, 34, 74, 76–78, 80–82, 84–91, 96–98, 102–103, 105–112, 119–125, 127–136, 139, 141, 144, 150, 152, 166, 175–181, 205, 208–209, 212–213, 215, 224, 228–231, 234–237, 239, 244–247, 270, 283, 319, 334, 350–356, 360, 362, 391–392, 394, 396, 398–399, 411–415, 423, 426–428, 432–435, 437, 440–441, 443–444, 446–447, 449, 454–455, 458–460, 485–488, 490, 499, 503, 506, 545–549, 551, 558–559, 573, 575, 585, 600, 603, 618
Белградский пашалык (Смедеревский санджак) — 13, 16, 46, 78, 178, 243, 431, 455, 549, 559
Белен с. — 481
Белопавличи племя (Белопавлицкая (Белопаветцкая) нахия (округ)) — 28–29, 32, 44–45, 275, 300, 305, 307, 373
Белоши — 53
Белый Дрим р. — 143
Бельгия — 154
Беничанци (Беничанац) — 158–159
Бенковац — 397
Беочин мон. — 21, 166–168, 171
Берда (Брда) — 28–29, 44–47, 280–281, 297, 305, 307, 372–373, 379, 382
Берлин — 177, 194, 390, 394, 400, 403, 441, 444, 484, 592, 596
Берн — 194
Берница с. — 183
Бессарабия (Бессарабская обл.) — 65–66, 119, 122, 206, 253–254, 433, 454, 491, 494, 500–502, 565, 582, 623
Бешеново мон. — 167, 169, 348, 411
Бистрица (Инджe-Карасу) р. — 511
Битола (Битоль, Монастыр, Манастир, Толи-монастир) — 231, 464–466
Ближний Восток — 285, 507, 614
Богдано — 454
Богемия, *см.* Чехия
Бок(к)а ди Кат(т)аро (Бока Которская, Которский (Катарский) залив) — 49, 55–57, 60–61, 69, 131, 152, 273, 279, 286, 313–315, 330, 339, 342, 367
Болгария — 5, 83, 114–117, 135, 186, 191, 195, 230, 232, 251–253, 257–260, 266–267, 285, 334, 412, 462, 465–466, 468, 471, 473–475, 481, 492, 494, 502, 505, 508–510, 563–565, 567, 581–583, 606, 614, 616–618, 625–626
Болград — 255
Болевичи (Балевиче) племя — 325–326, 332, 388
Большое Тибаве с. — 561
Бо(л)яна, *см.* Буна р.
Бонн — 259
Боранье (Барани) гора — 228
Борисов — 54
Босния (Босна) — 22, 64, 82–84, 87, 118, 127–128, 132, 140, 144, 151, 157, 162, 205, 207, 223, 228–229, 231, 234,

242, 244, 250, 279, 307, 313, 334, 354–355, 370, 373, 375, 378, 386, 407, 412–413, 418, 427, 429, 442, 444–446, 448, 452–453, 456, 492, 499, 502, 506, 572, 586, 607, 610, 618
Браилов — 54
Братислава, *см.* Пресбург
Братоножичи племя — 28
Брач о. — 62
Брда, *см.* Берда
Брза Паланка (Паланго) — 99, 142, 144
Брегово — 137
Брестовац с. — 346
Брлог — 336
Брньица, *см.* Берница с.
Брод, *см.* Славонски-Брод
Бродско-Посавская жупания — 345
Броды — 415
Брусса (Бруза, Бурса) — 265
Брчеле племя — 388
Будапешт (Буда (Будим, Офен) и Пест (Пешт)) — 7, 23, 123, 156, 159, 165, 170–173, 175, 230–231, 233, 349, 399, 411, 414, 426, 449–450, 460, 615
Будва (Будуа) — 29, 50, 64, 315, 320, 324, 330
Будишин (Bautzen) — 395
Буйе (Buje) — 335
Буквич — 44
Буков мон. — 466
Буна (Бо(л)яна) р. — 313, 565
Бургас (Бургазы, Бургасская область) — 117, 188, 195, 198, 264
Бургасский залив — 187, 198
Бургенланд — 394
Бурса, *см.* Брусса
Бухарест (Букарест, Букурешт) — 80, 85, 94, 113, 129, 130–131, 202, 205–206, 210–211, 254–255, 258, 260, 426, 477, 567–568, 582, 609–610
Буюк-Чехмедж (Бююкчекмедже) — 262
Быстрица, *см.* Банска-Бистрица
Валахия, *см.* Дунайские княжества
Валево (Валевская нахия) — 133, 144, 220, 226, 228–229, 231, 245–246, 348
Валле (Valé), *см.* Бале
Вальковци с. — 480
Варадин, *см.* Петроварадин
Вареш — 231
Варна — 254, 565–566
Варшава — 155, 177, 188, 341, 620, 625
Васоевичи племя — 28, 312
Велебит гора — 336, 397
Велес — 472
Велий гора — 374
Великий остров — 142
Велико-Тырново (Терново) — 258, 480–481, 516
Велушин мон. — 466
Вена — 7, 177, 410
Венац гора — 185
Венгрия (Венгерское королевство) — 8, 21, 156, 158, 165, 175, 341
Венеция — 7, 17, 229, 259, 284, 314, 334–335, 390, 417, 420, 424, 600
Венский Новгород, *см.* Винер-Нойштадт
Вердник (Врдник, Раваница на Фрушка-Горе) мон. — 12, 20–23, 167, 169–170, 246, 319, 454–456
Верёц(с)кий комитат — 160
Верховцы с. — 162
Вестфалия — 201
Вечера, *см.* Ичера с.
Вид(д)ин (Вид(д)инский пашалык) — 135, 137, 142, 201, 223, 232, 506
Виленская губ. — 491
Винер-Нойштадт (Wien(n)er Neustadt, Венский Новгород, Новое Место) — 392, 394
Винковцы — 347
Винча с. — 231
Вишеград (Вышеград) — 144
Вишницы с. — 181, 229
Влатадон, *см.* Чауш мон.
Водена (Эдесса) — 464, 480

Воднян (Даньяно, Деньяно, Dignano) — 335, 421–423
Воеводина — 23, 96, 243
Военная граница (Militär-Grenze) — 21, 24, 122, 166, 336, 345, 347, 397–398, 415, 427
Войловица (Воловацкий) мон. — 178
Войница — 231
Волга р. — 423
Воловацкий мон., *см.* Войловица
Волчанский уезд — 170
Воскополе (Воскополис) — 470
Восток, *см.* Азия
Вранин(о) о. — 323, 331, 380, 383
Врачевшница (Вратешница) мон. — 246
Врнячка Баня — 358
Врушка гора, *см.* Фрушка-Гора
Вуковар — 165, 177, 347–348, 411
Высокий Крш — 185
Выча р. — 187
Габарево (Гебарово, Акбаик) с. — 478
Габрово — 258, 260, 475, 479–480, 516
Габсбургская монархия, *см.* Австрия
Гагань — 157
Галиция — 395, 450, 570, 596
Галле — 441, 600
Ганновер — 194
Гаршак — 160
Гассан-пашина Паланка, *см.* Хасан-пашина Паланка
Гатчина (Мариенбург) — 163
Гафса, *см.* Хавса
Гебарово, *см.* Габарево с.
Гейдельберг — 201, 446
Гейнау — 19
Гени-Хан, *см.* Нови-Хан
Генуя — 26
Гергетек мон. — 22, 167, 171, 349
Гергуревцы (Гргуревци) с. — 169
Германия (Германский Союз, Священная Римская империя) — 8–9, 16, 21, 23, 65, 154, 167, 181, 194, 249, 256, 259, 394, 407, 444, 455, 592, 612
Германштадт (Сибиу) — 156
Герцеговина (Ерцеговиня, Эрцеговина) — 28–29, 43–47, 65, 143, 151, 157, 228, 231, 242, 278–281, 283, 307, 313, 355, 373–374, 377–378, 383, 386, 391, 396–397, 406, 412, 417–418, 572, 618
Гёттинген — 7, 15, 18, 173, 613
Гиопсу р. — 187
Гирсов — 253
Главица гора — 185
Гложан — 165
Глухи-До племя — 388
Гогаш — 93
Гогланд о. — 74
Голландия — 154, 237
Голубац (Голумбац) — 111, 183–184
Голубинцы — 24
Голумбац, *см.* Голубац
Гомирье мон. — 339
Горна Пелагония — 466
Горни Милановац — 212, 246, 623
Горняк мон. — 246
Горски-Котар — 339
Госпич — 336
Готти, *см.* Хоти племя
Гофвиль (Хофвиль) — 194
Гравоза — 363–364, 366
Градац р. — 224
Градец, *см.* Грац
Градица гора — 167
Градиште (Велико-Градиште?) — 182, 231
Грахово — 28, 44, 278, 310, 313, 327, 364
Грац (Градец) — 131, 394, 401
Грбаль гора — 388
Греция — 26, 54, 75, 118, 147, 167, 196, 230, 254, 259, 271, 280, 396, 464, 493, 499, 562, 610, 624, 626
Гроцка — 237
Груя — 137
Гунцы — 371

Гургузовцы (Гургусовцы, Княжевац) — 137, 139
Гучев(о) гора — 228
Гыржавский Свято-Вознесенский мон. — 122
Гюргево, *см.* Джурджу
Далмация (Иллирия, Адриатическое побережье Балканского полуострова, Приморье) — 28–29, 49–50, 55–56, 59, 61, 63, 119, 122, 157, 159, 273, 280–283, 315, 318, 326, 329–330, 334–339, 342, 346, 355, 363, 365–366, 375, 387, 389, 391, 393, 395–398, 401, 405, 407, 417–418, 427, 436, 549, 553, 598, 620, 626
Даль(я) — 165
Дальний Восток — 285, 390
Дания — 18
Даньяно, *см.* Воднян
Дебар — 464, 472
Дебарца (Деберац) — 472
Дебелец с. — 480
Делиград (Дели-Град) — 89, 139, 144, 503
Деньяно, *см.* Воднян
Дернис (Dernis) — 336
Дерпт (Тарту) — 18, 173, 186, 334, 406, 462, 541, 619, 624
Деспотовац — 246
Детина (Детынья) р. — 224
Дечаны Высокие мон. — 246, 328, 377
Джердап (Джердапское ущелье, Чердак) — 185
Джирдженти — 180
Джума(а), *см.* Тырговиште
Джурджу (Гюргево, Журжу) — 482, 494
Джяково (Дьяковар) — 164, 414
Динарские Альпы — 143
Диоклетианополь, *см.* Хисаря
Диоклетия (Дукля) — 366, 372
Диршау (Тчев) — 406
Дис(с)овица с. — 185
Доброе с. — 376–378
Доброта — 49, 73
Добруджа — 253
Додоше с. — 380–382
Дольний край с. — 371
Доньи-Загарач — 306
Доньи-Михольяц (Миголац) — 158
Дормитор, *см.* Дурмитор гора
Доростол, *см.* Силистрия
Драва р. — 156, 158, 162, 164, 557
Драгош мон. — 466
Дрезден — 406, 416, 484
Дрина р. — 96, 121, 139, 143, 209, 214, 224, 228, 231, 237
Дрниш (Скардин, Scardon) — 336
Дробняки племя — 28, 44, 375
Дряново с. — 480
Дубока с. — 228
Дубочица р. — 224
Дубравица с. — 231
Дубровник (Рагуза, Ragusa, Рагузинская республика) — 26, 49, 55–62, 64, 67–68, 118–119, 229–230, 314, 337–338, 342, 363–367, 373, 383, 394–397, 406, 417, 450, 625
Дукля, *см.* Диоклетия
Дунай р. — 8, 12–13, 21–22, 79–80, 93–95, 99–100, 102–105, 110–111, 130, 137, 142–144, 156, 165–166, 175, 177–185, 214, 219–220, 223–224, 227, 229–232, 234, 237–238, 253–255, 270, 339, 348–350, 352, 361, 391, 393, 414, 423, 437, 481, 484–485, 490, 492, 494, 510, 514, 516, 547, 558–559, 561, 573, 582, 617
Дунайские (Придунайские) княжества (Валахия и Молдавия) — 74–76, 78–81, 84, 93, 98–99, 101, 103, 105, 107, 109, 111–113, 118, 120–121, 124–126, 133–134, 139, 196, 205, 285–286, 492, 497, 499–500, 503, 506, 572, 582–583, 585–586, 610
Дупило племя — 388
Дупница — 474

Дурмитор (Дормитор) гора — 288, 373
Дуршичи с. — 381
Дьяковар, *см.* Джяково
Европа — 4, 8, 10, 61, 69, 75, 91, 127, 175, 184, 196–197, 201, 203, 209, 220, 223, 251, 255–256, 259, 270, 282–283, 286, 292–293, 302, 313–314, 363, 390, 392–394, 398–399, 404, 433, 442, 452–453, 456, 494, 510, 512–513, 515, 528–529, 533, 542, 544, 551, 555, 558–559, 565, 570, 573, 575, 589, 592, 594–597, 600–601, 603, 609, 611–613, 617, 619–620, 623, 627
Египет — 176
Езава р. — 103
Елендол — 223
Елисаветград (Кировоград) — 173
Емельяновка р. — 163
Енишер (Ларис(с)а) — 254
Ерусалим, *см.* Иерусалим
Ерцеговиня, *см.* Герцеговина
Ески-Загра, *см.* Стара-Загора
Етра, *см.* Янтра р.
Жабар(и) — 355
Жабляк (Жаблик) — 276, 294, 322–324, 372, 375, 380–384, 409
Ждребаоник (Наждребаник) мон. — 300
Жеравна с. — 258
Жупа — 29
Журжу, *см.* Джурджу
Загорье — 345
Загреб (Аграм, Agram) — 7, 17, 282, 334, 339, 345, 349, 397, 411–412, 414–415, 429
Задар (Зара, Zara) — 273, 336, 394–395, 397, 406, 418
Зворник — 144, 244
Земун (Землин, Семлин, Semlin) — 13, 15, 24–25, 78, 87, 127–129, 133, 175–178, 180, 230–231, 270–271, 349, 351–353, 361–362, 398, 411, 414, 437, 449, 487, 490, 547–548, 558–559, 614
Зета (Зе(н)тское поле, долина) — 29, 44–45, 379
Зета (Зента) р. — 379
Зимница с. — 94
Златибор (Златиборский округ) — 128, 222, 226, 231
Златица — 277
Зноймо (Зноим) — 392
Зограф мон. — 462, 475–476
Золотой Рог — 261
Зрзе с. — 466
Ибар р. — 224
Ибипча, *см.* Любимец
Иван-Бегово-Черноевич, *см.* Обод р.
Иванковац с. — 89
Иерусалим (Ерусалим) — 194, 393, 416, 456, 609
Иллирия, *см.* Далмация
Индже-Карасу, *см.* Бистрица р.
Ионическая республика (Республика Семи греческих островов, Архипелаг) — 26, 54, 221, 233, 624
Ипек, *см.* Печ мон.
Иран, *см.* Персия
Ирег, *см.* Ириг
Ирем (Урем) — 159
Ириг (Ирег) — 23, 349
Искар р. — 477
Искендер (Скендер-Киойя) — 189
Испания — 222, 408, 422
Истрия — 55, 335, 405, 417–419, 421–423, 598–599
Италия (Апеннинский полуостров) — 26, 154, 169–170, 180, 259, 285, 325, 334, 363, 410, 416, 440, 442, 444, 456, 467, 491, 512, 565, 598, 614
Ичера (Вечера) с. — 116
Кавказ — 225, 272, 284, 576–577, 579, 627
Казан, *см.* Котел
Казанлык — 201, 478–479
Казань — 462–463, 482, 484, 608, 611, 613, 619, 622–623

Кайнарджа р. — 191
Калашин, *см.* Колашин
Каленич (Каленит) мон. — 246
Калиште с. — 468
Калка р. — 23
Калофер с. — 478
Каменица р. — 228
Канало, *см.* Конавле
Каона мон. — 246
Капистранский мон. — 345–346
Каринтия — 181, 395, 412
Каристран с. — 263
Карловац (Карлштадт) — 166, 339, 398
Карлович (Karlowitz), *см.* Сремские Карловцы
Карловы Вары, *см.* Карлсбад
Карлобаг (Carlopago) — 336
Карлсбад (Карловы Вары) — 17
Карлштадт, *см.* Карловац
Карпаты — 181, 268, 415, 490, 561–562, 570
Кастель-Ляства (Castellastva), см. Петровац
Кастелн(у)ово (Castelnuovo), *см.* Херцег-Нови
Катранджи с. — 480
Кат(т)ар(о), *см.* Котор
Катунская нахия — 28–29, 276–279, 291, 293, 321, 344, 368, 372, 376, 387
Катунь р. — 376, 381
Киев — 162, 164, 180, 362, 460, 553, 586, 608, 625
Кировоград, *см.* Елисаветград
Кистанье (Kistagne) — 336
Кичево (Кричево) — 466
Кишинев — 254–255, 497, 562, 567, 582–583, 586, 607, 611
Кладов(о) — 124, 135, 137, 142, 144, 232
Клек (Klek) — 337
Кличевац с. — 111
Клобук — 46, 373, 387
Ключич — 499
Княжевац, *см.* Гургузовцы
Ковиль(е) мон. — 166
Ковин с. — 231
Козара гора — 162
Козлово (Сливово) с. — 481
Колашин (Калашин) — 308, 380
Колиба — 359
Коложун гора — 52
Колубара р. — 224
Ком (Комовы) горы — 288, 306–307, 312–313
Ком мон. — 380, 384
Комненич — 44
Конавле (Канало) — 58, 337
Константинополь, *см.* Стамбул
Копаоник гора — 228
Копенгаген — 165, 529
Копер (Capo d'Istria) — 335
Копривштица (Копривщица) — 475
Корфу о. — 54–55, 57, 61, 64–65, 118
Корчула (Курцола, Curzola) о. — 62, 337, 395, 397, 549
Корчульский канал — 397
Косово поле — 23, 380, 414, 492
Кострома — 417, 423, 599
Котел (Казан) — 116, 258
Котор (Кат(т)ар(о), Которский округ) — 26, 28–29, 37, 47, 57–58, 65, 286, 320, 342, 363, 391, 395–396, 400–401, 417, 602, 620
Которский (Катарский) залив, *см.* Бок(к)а ди Кат(т)аро
Котражи с. — 228
Крагуевац (Крагоевац, Крагуевацкая нахия) — 208, 210–211, 220, 223, 228, 235, 237, 245–246, 319, 355–356, 449
Крайна — 382, 412, 499
Крайов(а) — 94, 96, 98–99, 110–111, 113, 118–119, 122, 136
Крайовский Банат, *см.* Малая Валахия
Краков — 415
Кралевица (Porto Re) — 336
Кралево — 319

Кричево, *см.* Кичево
Кричима р. — 187
Крк (Veglia) о. — 336
Крка (Крчий, Kerka) мон. — 336, 339
Крндия — 160
Кроация, *см.* Хорватия
Кровавац р. — 51
Крстоар (Хрестофор) мон. — 466
Крусы — 289
Крушевац — 358
Крушедол мон. — 20, 24, 167, 170–171, 349, 411
Крым — 170
Кубань — 569
Кувеждин мон. — 167, 348
Кузук-Чехмедж (Кючюкчекмедже) — 262
Куле Брдо гора — 170
Кулич с. — 231
Кулпин с. — 173
Кулпинка с. — 173–174
Кума — 467
Курцола (Curzola), *см.* Корчула о.
Кучайны с. — 228
Кучи племя (Кучка, Кучская нахия (округ)) — 28, 276–277, 301, 373
Кюстрин — 406
Кючюкчекмедже, *см.* Кузук-Чехмедж
Лайбах, *см.* Любляна
Лапушница р. — 479
Ларис(с)а, *см.* Енишер
Ласта-Грбальска — 320
Левач (Левче) — 246
Лежен с. — 481
Лейпциг — 7, 194, 204, 249, 400, 439, 625
Лепеница р. — 357
Лесендро (Лисендре) о. — 323, 380, 383
Лешанская нахия — 28, 372, 374
Лимяни (Лимляне) племя — 388
Лин с. — 468
Лисендре, *см.* Лесендро о.
Литва — 565
Лифляндия — 556
Ловречица (St. Lorenzo) — 335
Ловчен (Ловчин) — 52, 286–288, 316, 325, 344, 368, 388
Лом(а) р. — 493
Лондон — 549, 568
Ломбардия — 283
Луковица — 360
Луковица г. — 307
Лужица (Лузация), Верхняя и Нижняя — 394–395
Лужнице с. — 355
Лузация, *см.* Лужица, Верхняя и Нижняя
Луле-Бургас, *см.* Люлебургаз
Лупкова, *см.* Льюбкова, Горня и Дольна
Львов — 415
Льюбкова (Лупкова), Горня и Дольна — 184
Любаништа с. — 468
Любимец (Ибипча, Хибибча) — 266
Любляна (Лайбах) — 412
Любовиджа (Любовитя) р. — 224
Люлебургаз (Луле-Бургас) — 188, 191–192, 263
Люта р. — 306
Магриб — 176
Майдан с. — 227
Майдан-Пек (Майданпек) — 227
Макарска — 338
Македония — 206, 208, 231, 462, 464–466, 470–472, 508, 511, 583
Максимир — 345
Малайница с. — 95
Малая Азия, *см.* Анатолия
Малая Валахия (Крайовский Банат) — 76, 94, 136, 138, 142
Мален гора — 228
Малороссия, *см.* Украина
Манасия (Ресава) мон. — 246, 319, 360–361, 454–456, 458
Манастир (Монастыр), *см.* Битола

Маноя с. — 480
Марача, *см.* Морача племя (нахия)
Мариенбад (Марианске-Лазне) — 392, 394, 484
Мариенбург, *см.* Гатчина
Марица р. — 187–188, 190–191, 266
Марно Поле (Марнополь) с. — 480
Мартиничи (Мартыничи) — 306, 373
Мачва (Мачванский округ) — 157, 220–224, 492
Мачванска Митровица (Ган) — 349
Медведник гора — 223, 228
Мейергофах (Петроварадинский майур) — 171
Мекленбург — 24
Мелесия племя — 381
Мел(е)ник — 471, 474
Месемврия, *см.* Несеб(ы)р.
Миголац, *см.* Доньи-Михольяц
Мизия — 254
Мирац — 51
Мирдит(а) — 305
Млава р. — 224
Младеновац — 355
Могилев — 141
Молдавия, *см.* Дунайские княжества
Молдова-Веке (Старая Молдава) — 183
Монастыр (Манастир), *см.* Битола
Морава Велика р. — 222
Моравица р. — 224
Моравия — 181, 392
Морача мон. — 307, 309–311
Морача (Марача) племя (нахия) — 28, 370, 373, 375
Морача р. — 67, 276, 313, 332, 379–381
Морея (Пелопоннес) — 118, 152, 493, 499
Москва — 13, 15, 52, 98, 104, 113, 167, 205, 254–255, 258, 260, 277, 288, 321, 399–400, 403, 405–406, 408–409, 416, 419, 432–433, 483, 532, 539, 548, 562, 565, 568, 573, 583, 589, 593, 611, 616–618, 623, 626, 629
Мост Узун (Узункопри) — 190
Мотаица гора — 162
Мраморное море — 188, 206, 262, 510
Мужай — 175
Мумулиште с. — 468
Мустафа Паша, *см.* Свиденград
Мыглиж — 479
Мюнхен — 201
Наварин (Пилос) — 152
Наждребаник, *см.* Ждребаоник мон.
Нашице (Нашич) — 158–160
Неаполь — 54
Неготин (Неготинская крайна) — 99, 137, 139, 144, 496, 499
Негоши (Негуши) долина — 369
Негоши (Негуши) с. — 287, 342, 344, 369
Нежин — 162
Нейзац (Неопланта, Neoplanta), *см.* Нови Сад
Нера р. — 183
Неретва (Narent) р. — 337
Несеб(ы)р (Месемврия) — 187
Нижний Тагил — 586
Никопол(ь) — 232, 516
Никшич(и) (Никшицкий округ) — 28, 45–46, 313, 321, 378, 387
Никуп (Никюпь) с. — 481
Нин (Nona) — 336
Нисса, *см.* Ниш
Нитра — 415
Ниш (Нисса, Нишский (Нисский) пашалык) — 132, 140, 144, 223, 267–269, 285, 490, 503, 558, 614, 621
Нова-Градишка — 345, 411
Новая Орсова (Оршова, Оршава), *см.* Ада-Кале
Нови Базар (Пазар, Новопазарский (Новобазарский) пашалык, округ) — 144, 222, 228, 506
Нови Сад (Новый Сад, Нейзац, Неопланта, Neoplanta) — 8, 12, 20, 49, 75, 91, 119, 154, 165–167, 170–173, 175,

318, 334, 350, 398, 400, 411, 414, 417, 448, 460, 485, 552, 556, 558, 607, 609, 611–612, 614, 619–620, 626
Нови-Хан (Гени-Хан) — 267
Новое Место, *см.* Винер-Нойштадт
Новый Руссик, *см.* Руссико мон.
Обод (Овод, Иван-Бегово-Черноевич) р. — 294, 296, 319, 376
Обравац — 397
Овод, *см.* Обод р.
Овче поле битольско — 465
Одесса — 3, 144, 155, 201, 234, 284, 317–318, 400, 422, 426, 487, 495, 562, 567, 582, 615, 619
Олт (Олтул) р. — 94
Ольденбург — 194
Омбла (Rjeka) р. — 363
Омиш (Almiss) — 338
Омуртаг (Осман Пазар) — 115–116
Опово, *см.* Хопово (Старо и Ново) мон.
Опузен (Fortopus) — 337
Орлява р. — 161
Орсова (Оршава) Старая — 124
Осиек (Эссек) — 17, 158, 160, 164–165, 411
Осман Пазар, *см.* Омуртаг
Османская (Оттоманская) империя, *см.* Турция
Острова — 182
Острово с. — 465
Острог — 470
Острог мон. — 47, 62, 299, 330
Оструженица с. — 231
Оточац — 336
Оттоманская империя, *см.* Турция
Офен (Буда, Будим), *см.* Будапешт
Охрид — 464–466, 468, 470–471, 480
Охридское оз. — 468
Паг (Pago) — 336
Падуя — 54
Пазарджик (Базарджик, Татар-Базарджик) — 230, 266–267
Пазин (Пизино, Pisino) — 335, 418
Пакрац — 411
Палазлы, *см.* Поповица с.
Паланга (Паланго), *см.* Бела Паланка или Брза Паланка
Панагюришт — 474
Панчево (Панчово) — 122, 124, 128, 177–179, 181–182, 230–231, 485, 560
Папазкёй (Папалзаре, с. Попово) — 117
Парачин — 359
Париж — 28, 58, 63, 127, 165, 176, 259, 282, 295, 392, 404, 442–444, 451, 546, 549, 599, 612
Паштровичская гора — 291
Пек р. — 224, 227–228
Пелопоннес, *см.* Морея
Пера — 261, 271
Пераст(о) — 49, 612
Пердоп, *см.* Пирдоп
Перистери гора, *см.* Суагора
Перекоп — 273
Перой — 335, 417, 419–422, 598–599, 602
Персано, *см.* Прчань
Персия (Иран) — 272, 507
Пест (Пешт), *см.* Будапешт
Петроварадин (Петервардайн, Петервардейн, Варадин, Peterwardein) — 7, 12, 17, 20, 125, 164–167, 171–172, 175, 177–178, 349–350, 400, 628
Петроварадинский майур, *см.* Мейергофах
Петровац (Кастель-Ляства, Castellastva) — 388–389
Печ (Пятицеркви), *см.* Фюнфкирхен
Печ (Ипек) мон. — 43, 243
Пива — 28
Пизино (Pisino), *см.* Пазин
Пилос, *см.* Наварин
Пиперы племя — 28, 45, 305
Пирдоп (Пердоп) — 474
Плагенти мон. — 73
Пламин, *см.* Фианона

Плевен — 474
Пловдив (Филибе, Филлипополь, Пловдинская обл.) — 230, 266, 465
Подгор племя — 388
Подгорица — 27, 300–301, 332, 366, 370, 372–374, 378, 384, 626
Подградац с. — 468
Подебрад — 566
Пожаревац (Пожаровац, Пожаревацкая нахия) — 100, 122, 124, 135, 211, 220, 223, 226–227, 229, 231, 237–238, 245–246, 319, 361, 457
Пожега, *см.* Славонска-Пожега
Пожеганский (Пожечский) комитат — 160
Пожега (Пожегская, Пожежская, Пожеская, Пожецкая нахия) — 208, 220–221, 231, 245–246, 346, 411
Пожонь, *см.* Пресбург
Покутская возв. — 561
Пола, *см.* Пула
Поликвицы горы — 305–307
Полица — 236, 338
Поморавский округ — 222
Понт, *см.* Черное море
Поповица (Палазлы) с. — 266
Попово с., *см.* Папазкёй (Папалзаре)
Пореч (Поречье, Порич, Поречская нахия) — 80, 82, 84, 97, 100, 102, 111, 185, 214, 231–232, 238
Поречка-река — 214, 220, 223–224, 227–228
Порич, *см.* Пореч
Похуздере р. — 198
Почайна р. — 71
Пояни с. — 468
Прага — 7, 163, 283, 345, 351, 390, 392, 404, 407, 411–412, 416, 426, 484, 533, 592, 597, 609, 619
Прахово — 137, 142
Преполе, *см.* Приеполе
Пресбург (Братислава, Пожонь) — 411, 414–415, 485, 562, 606
Преслав(а) (Эски-Стамбул) — 260
Привина глава мон. — 166–167, 348
Приеполе (Преполе) — 128
Придунайские княжества, см. Дунайские княжества
Призрен — 243, 246
Прикорница г. — 307
Прилеп — 466, 472
Приморье, *см.* Далмация
Прокупле (Прокуплейский округ) — 222
Пруссия — 55, 194
Прчань (Персано) — 49
Пула (Пола) — 405, 417, 423, 598
Пусти Лисац гора — 344
Пятицеркви (Печ), *см.* Фюнфкирхен
Раваница мон. — 23, 167, 169, 246, 456
Раваница на Фрушка-Горе, *см.* Вердник мон.
Рагуза (Ragusa, Рагузинская республика), *см.* Дубровник
Рад(ж)евина — 228
Радковац (Радковачка механа) — 356
Радовиште с. — 468
Радоговаци, *см.* Раковици
Радожда с. — 468
Радуевац — 137
Ражань — 359
Разлог (Разложский округ) — 474
Разград — 114, 202–203, 253, 493
Ракитовица — 158
Раковац мон. — 19, 21–22, 166–167
Раковици (Радоговаци) — 137
Рам с. — 231
Рача мон. — 82, 144
Ревель (Таллин) — 55, 186
Река, *см.* Черноевич с.
Ремета Велика и Мала мон. — 21–22, 167
Ресава, *см.* Манасия мон.
Ресень с. — 481
Республика Семи греческих островов, *см.* Ионическая республика
Рес(с)ава р. — 157, 222, 224, 360

Риека (Фиуме, Fiume) — 7, 17, 336
Риекская (Р(и)ечская, Р(и)ечка, Рецкая) нахия — 28, 276, 281, 293, 322, 369, 372, 375–376, 396
Ризано, *см.* Рисан
Рил(а) — 474
Рильский мон. — 258, 464
Рим — 175, 310, 313, 360, 366, 390, 401, 405, 407, 416, 429, 539, 563, 596, 599, 602, 617
Рисан (Ризано) — 29, 37, 44, 49, 64
Ровинь(о) — 420, 422–423
Ровци племя — 28
Родос о. — 74
Родосто (Текирдаг) — 188, 192, 206
Россикон, *см.* Руссико мон.
Россия (Русь, Российская империя, СССР) — 2–5, 7, 9, 11, 13–14, 16, 18, 20, 26–28, 37, 40–41, 43, 45–47, 53–56, 60–66, 74–78, 80–83, 86–87, 91, 93–98, 106, 117–119, 121, 123, 127–129, 131, 134, 136, 138, 140–145, 149–150, 152–156, 161, 165–167, 170, 173, 177–179, 194, 196–167, 202–206, 209–210, 218, 222–224, 226–227, 229, 233, 242, 244, 247, 252, 256–257, 259, 269, 272, 277, 278–284, 293, 298, 317–318, 334, 341, 351, 360, 365, 391, 394, 399, 403–405, 408, 410, 415–419, 423, 426–431, 433–434, 439, 440, 443, 445–447, 450, 452–457, 459, 462–463, 478, 483–484, 487–488, 491, 494, 497–502, 509–518, 520, 524, 530–532, 536–546, 548, 550–551, 553–559, 562, 564, 569, 571–573, 575–577, 579, 581, 586–601, 603–627, 629
Рудине с. — 374
Рудник (Рудницкая нахия) — 246
Рудничка-Планина — 227–228
Рудняки племя — 44
Рум(а) — 349, 411
Румелия — 197, 201, 209, 217, 230–231, 238, 465, 492, 508, 510, 513, 583, 586, 626
Русе, *см.* Рущук
Руссико (Россикон, Новый Руссик) мон. — 477
Русь, *см.* Россия
Рущук (Русе) — 117, 257, 266, 464, 493
Сава р. — 8, 13, 22, 25, 105, 109, 143–144, 156, 161–162, 164, 180–181, 209, 219–220, 224, 229–231, 270, 346–349, 351–352, 358, 411, 413, 415, 423, 437, 449, 459–460, 547–548, 558, 561, 573
Савина мон. — 49, 337
Сазлийка р. — 187
Сазлы р. — 189
Саксония — 140, 395
Салковина долина — 381
Салона — 366
Салоники (Фессалоники, Солунь) — 118, 217, 463–465, 471–472, 481
Самоков (Самаков) — 474
Санкт-Петербург — 15, 78, 85, 96, 98, 163, 165, 279, 484, 508, 511, 585, 629
Сараево (Сараёво) — 231, 413
Сарин (Шишманов) мон. — 258
Свиденград (Мустафа Паша) — 266
Свилайнац (Свилейница, Свияльница) — 222, 360–361, 454
Свиница с. — 185
Свиштов (Систов) — 232, 474, 481, 516
Свияльница, *см.* Свилайнац
Священная Римская империя, *см.* Германия
Севлиево — 474
Селеци (Селцы) с. — 161–163
Селимбрия, *см.* Силиври(я)
Семендрия (Семиндрия), *см.* Смедерево
Сень (Zeng) — 336
Сеоце — 324
Сербия — 4–5, 9, 13, 21–23, 26, 43–48, 61, 74–91, 93-152, 154, 157, 165, 168–169, 177–179, 181–185, 205–250, 256, 268–270, 274, 297, 310–311, 319, 334, 339, 341, 348–362, 377–378, 380, 398–

399, 406, 410–413, 418, 423–460, 464, 483–506, 510–511, 536, 539, 545–552, 560, 567, 573–575, 583–586, 596, 600–601, 606–607, 610–613, 615, 618–619, 621–623, 626
Серно Брдо, *см.* Црно Брдо гора
Сер(р)ес (Серре) — 230–231, 464, 477, 481
Сибирь — 285, 390
Сибиу, *см.* Германштадт
Силиври(я) (Селимбрия) — 262–263
Силистрия (Силистра, Доростол) — 203, 253–254, 257, 516, 567
Синкевица р. — 479
Сирмия (Syrmia), *см.* Срем
Систов, *см.* Свиштов
Сицилия о. — 180
Скад(а)р (Скутари, Шкодер, Шкодринский пашалык) — 44, 229, 282, 294, 298, 305, 325–326, 367, 372, 379–380, 385, 379, 384, 406
Скадарское (Скутарское, Шкодерское) оз. (Lago di Scutari) — 29, 276, 292, 294, 296, 313, 318, 343, 368–369, 372, 375–376, 379–381, 383–385, 387, 389, 409
Скальяри с. — 50
Скардин (Scardon), *см.* Дрниш
Скендер-Киойя, *см.* Искендер
Скопье (Скопие, Скопле, Ускюб) — 207–208, 230, 471
Скрадин (Scardona) — 397
Скутари, *см.* Скад(а)р
Скутарское, *см.* Скадарское оз.
Славков, *см.* Аустерлиц
Славония — 156–161, 163, 167–169, 339, 345–347, 395, 411, 557–558, 560, 600, 614
Славонска-Пожега (Пожега) — 157, 160–161, 163–164
Славонски-Брод (Брод) — 164, 346–347, 358, 411
Слепче мон. — 471
Сливен (Сливны) — 115–116, 191, 195, 201, 258
Сливово, *см.* Козлово с.
Слободзея с. — 76
Словакия — 153, 411, 415, 613
Словения — 335, 412
Смедерево (Семендрия, Семиндрия, Смедеревская нахия) — 21, 81, 89, 103, 107, 119, 179, 182, 221, 224, 231, 246, 248, 319, 361–362, 457–458, 559
Смедеревска Паланка, *см.* Хасан-пашина Паланка
Смедеревский санджак, *см.* Белградский пашалык
Советск, *см.* Тильзит
Сокиренцы с. — 410
Сокольская нахия — 82, 220–221, 245–246
Сокольский мон. — 479
Солунь, *см.* Салоники
Сопот (Сопун) — 355
Сотоничи племя — 388
София (Средец, Софийский пашалык) — 5, 114, 140, 201–202, 230, 260, 267, 350, 477, 516, 612, 618, 622–623
Спалат(р)о (Spalat(r)o), *см.* Сплит
Спиц (Спич) племя — 29
Сплит (Спалат(р)о, Spalat(r)o) — 336, 338, 366, 395, 397, 406, 418
Спуж — 298, 301, 332, 370, 372–374, 381
Сребреница — 144
Сребреница р. — 228
Сребрено (Срибреная) — 59, 62
Средец, *см.* София
Средиземное море (Средиземноморский регион) — 31, 53, 55–56, 625
Средняя Азия — 285, 293
Срем (Сирмия, Syrmia) — 8, 10, 23, 129, 157, 165, 167, 348, 350, 499, 614
Сремска Каменица — 166
Сремска Митровица — 169, 231, 348
Сремские Карловцы (Карлович, Karlowitz) — 7–8, 174–175, 350, 414, 427, 558

Срибреная, *см.* Сребрено
СССР, *см.* Россия
Стамбул (Константинополь, Цареград) — 14, 16, 30, 87–88, 91, 114–115, 117, 176, 186, 188, 191–193, 197, 211, 213, 226, 238, 244, 261–262, 264–265, 267–268, 271, 313, 356, 360, 429–431, 434, 445, 452, 465, 493, 502–503, 507, 511, 513, 582, 596
Станвио, *см.* Стон
Станевич(и) мон. — 28
Стара-Загора (Ески-Загра, Старозагорский округ) — 478, 509
Старая Молдава, *см.* Молдова-Веке
Старая Рагуза (Ragusavecchia), *см.* Цавтат
Старово с. — 468
Стения с. — 468
Стокгольм (Штокгольм) — 165
Столпы св. Георгия мон. — 46
Стон (Станвио, Stagno) — 59, 337
Стражилово — 174–175, 557
Странджа (Странджский хребет) — 198
Струга — 468
Студеница мон. — 129, 245, 319, 328
Студеница р. — 224
Суагора (Перистери?) гора — 465
Сувобор — 226
Суводанье (Суводани) — 228
Суторман гора — 373
США, *см.* Америка
Тавриз — 507
Таллин, *см.* Ревель
Тарту, *см.* Дерпт
Татар-Базарджик, *см.* Пазарджик
Тауроген (Таураге) — 406
Таш-Майдан — 228
Текир с. — 481
Текирдаг, *см.* Родосто
Темеш р. — 181–182
Темишвар (Тимишоара) — 179, 556
Теньча с. — 481
Теодо, *см.* Тиват
Теплице — 484
Терек р. — 569
Терново, *см.* Велико-Тырново
Тетерин — 21
Тиват (Теодо) — 49
Тильзит (Советск) — 54, 76, 152, 279, 550
Тимишоара, *см.* Темишвар
Тимок р. — 142–143, 157
Тис(с)а р. — 175
Тича (Чатак) с. — 116
Токай — 10
Толи-монастир, *см.* Битола
Топлица р. — 229
Топличский округ — 222
Топола с. — 123, 124–125, 127, 129, 131–133, 245, 492, 551
Топчидер — 435, 485, 489
Трансильвания — 13, 159, 181
Требин(ь)е, *см.* Хом
Тренчовец с. — 481
Трескавец мон. — 472
Триест — 17, 170, 231, 272–273, 286, 318, 334–335, 339, 342, 367, 375, 394–395, 404–405, 562, 602–603
Трикулье — 185
Тринита — 50
Трогир (Trau) — 336
Троноша мон. — 246
Трстеник — 417
Трявна с. — 479
Туловское поле — 478
Тульчин — 85, 582–583
Тунджа р. — 187, 478
Тунджанская (Тунженская) долина — 195
Туртукай (Туртукан) — 493–494, 505
Турция (Османская (Оттоманская) империя) — 13–14, 16, 21–23, 26, 45–46, 54, 56, 76, 80, 91, 98, 114, 117, 131, 138, 162, 164, 173, 176, 181, 188–190, 192, 197, 199, 202–203, 210–211, 219,

221, 224–226, 229–231, 233, 236–238, 240–241, 252, 262–264, 270–272, 274–276, 280, 286, 294, 305, 312–313, 336, 346, 351, 359, 374, 378, 386, 389, 413, 415, 437–438, 445, 462–463, 465, 467, 469, 471, 473, 475, 477, 479, 481, 492, 499, 501, 503, 506–508, 510, 512–513, 524, 528, 547, 559, 572, 574, 578, 582–584, 586, 594–596, 609–610, 617–618, 620, 624–325
Тчев, *см.* Диршау
Тырговиште (Джума(а)) — 114–115, 473
Тюприя, *см.* Чуприя
Удуниште с. — 468
Ужице (Ужица, Ужицкая нахия) — 82, 144, 220–222, 228, 245–246, 498
Узунджово (Узунд-Яково) — 266
Узункопри, *см.* Мост Узун
Уй-Паланка (Банатска-Паланка) — 183, 231
Уйюп, *см.* Эйюб (Эйюп)
Украина (Малороссия) — 294, 298, 410, 412, 414, 422, 450, 553, 556, 561, 614, 625
Улице (Уллце) — 157
Урем, *см.* Ирем
Уреш с. — 481
Ускоки племя — 28, 375
Ускюб, *см.* Скопье
Усть-Сысольск — 317
Учка (Monte-Majore) гора — 336
Факи(я) с. — 198, 202
Факидере р. — 198
Фанар — 77
Феодосия — 28
Фессалия — 254, 471
Фессалоники, *см.* Салоники
Фианона (Пламин) — 418
Филадельфия — 65
Филибе (Филлипополь), *см.* Пловдив
Финляндия — 587
Фиуме (Fiume), *см.* Риека
Флоренция — 177
Фокшани (Фокшаны) — 78
Фракия — 507–508, 616
Франкфурт — 177
Франция — 18, 28, 46, 55, 76, 78, 85–86, 91, 154, 255, 259, 282, 423, 442–443, 512, 541–542, 550, 554, 623, 625
Фрушка-Гора (Фрушкая гора, Врушка гора) — 12, 21–23, 166–167, 171, 175, 318, 348, 350, 411
Футог — 165
Фюнфкирхен (Пятицеркви, Печ) — 156–157, 171, 246, 378
Хавса (Гафса) — 188–191
Харманли (Херманлы) — 266
Харьков (Харьковская губ., обл.) — 153, 170, 205, 249, 341, 349
Хасан (Гассан)-пашина Паланка (Смедеревска Паланка) — 144, 237
Хаскёй (Хасково, Хелкиой) — 266
Хвар (Lesina) о. — 337, 397
Хелкиой, *см.* Хаскёй
Херманлы, *см.* Харманли
Херсон (Херсонская губ.) — 60, 174, 454
Херцег-Нови (Кастелн(у)ово, Castelnuovo) — 49, 57, 60, 406
Хибибча, *см.* Любимец
Хисаря (Диоклетианополь) — 465
Хом (Хум, Требин(ь)е) — 373
Хопово (Опово) Ново и Старо мон. — 22–23, 167, 170–171, 349
Хорватия (Кроация) — 17, 25, 125, 154, 157–159, 164–165, 273, 335–339, 345–346, 366, 393, 395, 397, 422, 583, 626
Хоти (Готти) племя (Хотские горы) — 385, 389
Хотин — 414, 562
Хофвиль, *см.* Гофвиль
Хрестофор, *см.* Крстоар мон.
Хум, *см.* Хом
Цавтат (Старая Рагуза, Ragusavecchia) — 57–59, 62, 318, 337, 367
Цареград, *см.* Стамбул

Цеклин с. — 376
Цеклиняне племя — 383
Цетине (Цетинь(е)) мон. — 36, 43, 52, 273–275, 287, 289, 331, 343, 371–372, 374, 378, 396, 577
Цетинская долина — 369, 370–372, 376
Цетинь(е), *см.* Цетине мон.
Цер гора — 348
Ц(е)рмница р. — 319–320, 324, 331
Ц(е)рмницкая (Цермничская, Церничка, Церничская, Черницкая) нахия — 28, 281, 291, 293, 296, 318, 325–326, 375, 396
Ц(е)рна Гора, *см.* Черногория
Ц(и)евна р. — 373
Цислейтания — 395, 412
Црнайка р. — 224
Црница р. — 359
Црно Брдо (Серно Брдо) гора — 160
Црни вир (Цырни выр) гора — 185
Црнча (Цырнчи) с. — 228
Чанадский комитат — 157
Чатак, *см.* Тича с.
Чауш (Влатадон) мон. — 463
Чачак — 206, 319
Чеб с. — 165
Чегар гора — 268
Чепелар р. — 187
Чердак, *см.* Джердап
Черная Гора, *см.* Черногория
Черниговская область — 410
Черницкая, *см.* Ц(е)рмницкая нахия
Черновцы — 562
Черногория (Черная Гора, Ц(е)рна Гора) — 26–29, 31–32, 34–47, 49–50, 52–53, 56, 59–61, 63–64, 67, 72, 82, 131, 143, 151–152, 160, 219, 250, 272–299, 301–311, 313–316, 318, 325, 334, 341–342, 363–367, 369–375, 377–381, 383–389, 391, 395–396, 400, 404–406, 418, 458, 492, 507, 517–518, 542, 545, 551, 576, 578–581, 593, 601, 603, 610–612, 614, 621, 626
Черноевич (Река) с. — 294–296, 376
Черное море (Понт) — 170, 186, 203–204
Чехия (Богемия) — 7, 17, 154, 392, 395, 484, 624
Читлук с. — 231
Чорлу (Чорле) — 117, 263
Чугуево — 349
Чуприя (Тюприя, Чуприйская нахия) — 238, 245–246, 359–360, 454, 456, 503
Шабац (Шабацкая нахия) — 82, 109, 119, 144–145, 157, 220, 224, 231, 237, 245–246, 459
Шаранци племя — 28
Шашка-река — 224
Швейцария — 154, 177, 194
Шемниц, *см.* Штавница
Шестанская нахия — 29
Шибеник (Sebenico) — 336, 395, 397
Шиклош — 160, 165
Шипка с. — 479
Шишатовац мон. — 167–168, 171, 348, 411
Шишманов, *см.* Сарин мон.
Шкодер (Шкодринский пашалык), *см.* Скад(а)р
Шкодерское, *см.* Скадарское оз.
Штавница (Шемниц) — 415
Штаренберг (Штернберг) — 406
Штирия — 394–395, 401
Штокгольм, *см.* Стокгольм
Шток(к)ерау (Stockerau) — 392
Штубик — 94
Шумадия — 134, 492
Шумен (Шумла) — 186, 202, 206, 493
Шуп(е)ляк — 359
Эгейское (Архипелажское) море — 510
Эдесса, *см.* Водена
Эдинбург — 261
Эдирне, *см.* Адрианополь
Эйюб (Эйюп, Уйюп) — 261
Энос — 193
Эпир — 214

Эрваши с. — 381
Эрцеговина, *см.* Герцеговина
Эргене (Эргенэ) р. — 187, 191
Эскибаба, *см.* Бабаэски
Эски-Стамбул, *см.* Преслав(а)
Эссек, *см.* Осиек
Ябланица р. — 224
Явор — 222, 373
Ягодин(а) (Ягодинская нахия) — 144, 220, 237, 246, 269
Ядар — 246
Язак мон. — 167, 169
Ямбол — 116–117
Янковец мон. — 470
Янтра (Етра) р. — 479–480
Яссы — 26, 74, 85, 501

Содержание

Предисловие 3

А. И. Тургенев. Письма родителям и К. Я. Булгакову 7
А. С. Кайсаров. Поездка по фрушкогорским монастырям 18
С. А. Санковский. Донесения 26
В. Б. Броневский. Записки морского офицера 49
В. В. Вяземский. Журнал (1 июня 1806–30 сентября 1807 г.) 54
П. П. Свиньин. Воспоминания на флоте 65
К. К. Родофиникин. Донесения 74
И. И. Исаев. Рапорты 93
Д. Н. Бантыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию 98
А. Г. Краснокутский. Дневные записки поездки в Константинополь в 1808 году 114
Ф. И. Недоба. Рапорты 118
А. П. Засс. Письмо Ф. И. Недобе 136
В. И. Дибич (?). Рапорт одного императорского русского офицера о Сербии и о положении ее во всяком отношении 139
П. И. Кеппен. Путевые записки 153
А. С. Березин. Письма из Венгрии 180
К. К. Зейдлиц. Воспоминания о турецком походе 1829 г. 186
Ф. П. Фонтон. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах 194
А. Г. Розелион-Сашальский. Статистическое описание Сербии 205
Ю. И. Венелин. Письмо В. Априлову 251
В. П. Давыдов. Путевые записки 261
Я. Н. Озерецковский. Донесение и записка о Черногории 272
Е. П. Ковалевский. Четыре месяца в Черногории 285
Н. И. Надеждин. Черногорцы 317
П. И. Прейс. Письмо М. С. Куторге 334
И. И. Срезневский. Путевые письма 341
А. Н. Попов. Путешествие в Черногорию 363
В. А. Панов. Письма 390
В. А. Елагин. Письмо матери 403
Н. А. Ригельман. Письма Ф. В. Чижову. [Воспоминания] 410
Ф. В. Чижов. Из дневника 416
В. И. Григорович. Отчет о путешествии по Турции от 7 февраля по 20 июля 1845 года 462
М. П. Погодин. [Путешествие в Сербию. 1846 г.] 483

И. П. Липранди. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния христианских областей Турецкой империи. Сербия 491
Н. Д. Ступин. Записки 507

На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века 517
Стереотипы, ментальные карты, имагология: методологические апории 519
«Славянская взаимность» vs панславизм 531
Поиск языка описания: путешествия начала XIX века 538
От сентиментализма к романтической этнографии: путешествие П. И. Кеппена 553
Блеск и нищета романтического воображения: путешествие Ю. И. Венелина 561
Служебное славяноведение в середине XIX века 570
Обретенное братство: «молодые славянофилы» 588

Литература 605

Список сокращений 629

Указатель имен 630

Указатель географических названий 648

12+

ОТКРЫТИЕ «БРАТЬЕВ-СЛАВЯН»: РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА БАЛКАНАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Корректор *Н. В. Стрельникова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 53,95
Тираж 500 экз. Заказ № 975

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 965 048 04 28

Издательство «Нестор-История»
с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректура
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

Наличие собственной типографии
позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги

Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ»)

и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений

и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:
Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86
Москва
+7 (499)755 96 25
или
через форму обратной связи на нашем сайте *nestorbook.ru*

Все книги издательства «Нестор-История»
можно приобрести по адресу:
Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28
Москва, Раушская набережная, 4/5, строение 1, кабинет 218,
тел. +7 (499) 755 96 25
или заказать:
www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:
Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28